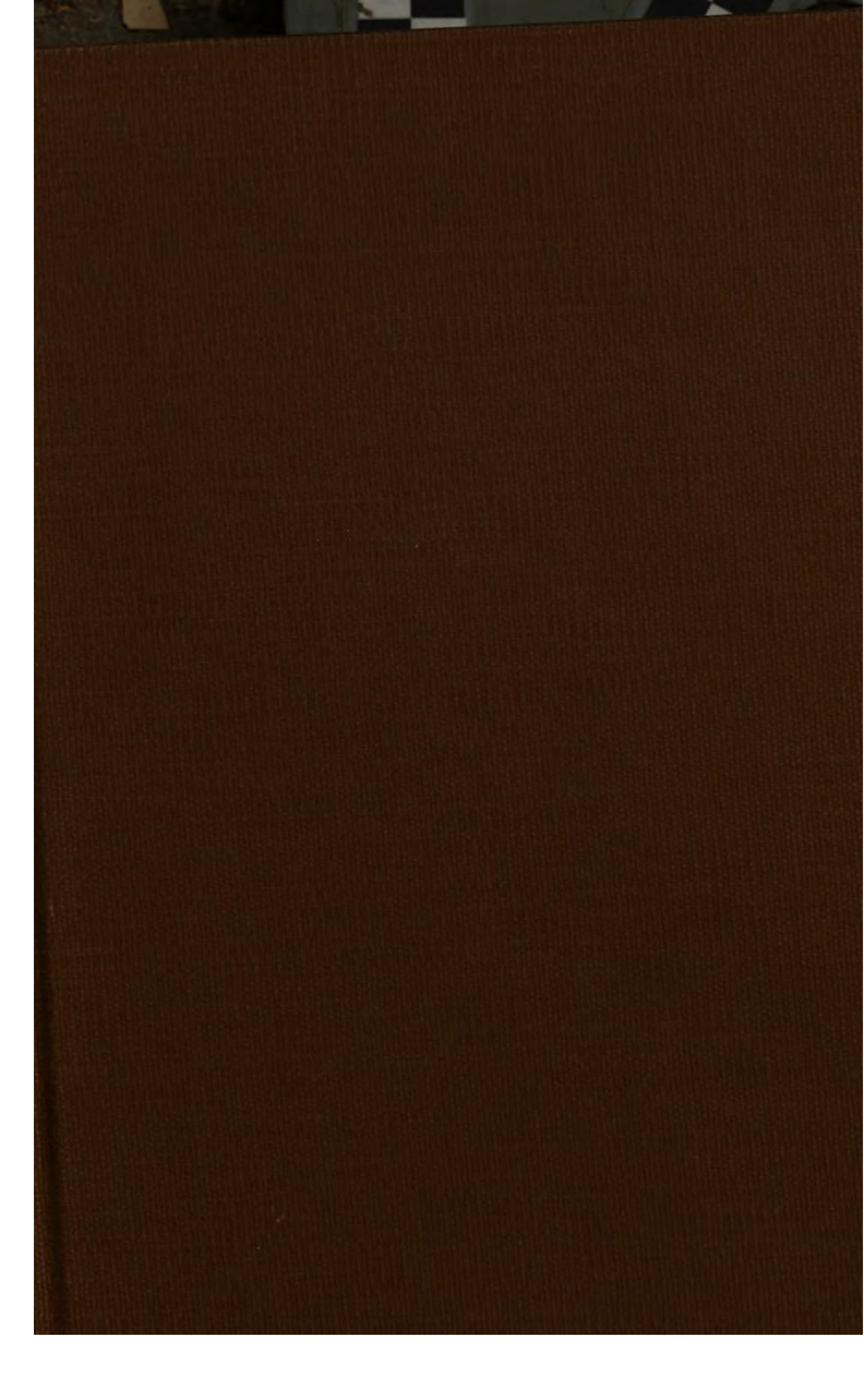


Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

МАЙ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда — лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе

(*См. 3-ю стр. обложки*).

Книгоиздательство „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(*С.-Петербургъ* — контора редакціи журнала „Русское Богатство“, Баскова ул., 9; *Москва* — отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше одного рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ—уступка 25%. при условіи пересылки книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к. Расплата.—Ночныя тѣни.—Любочкино горе.—По уставу.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к. Смѣна теченій.—Новый фазисъ.—Политическая жизнь и общественные дѣятели.—Литература и печать.—Народъ.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англійская полиція.—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „Ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.—Гербертъ Спенсеръ.—Въ русскомъ кварталѣ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Седьмое* изд. 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд. 1904 г.—379 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Третье* изд. 1904 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Общественные классы. — Наука, литература и печать.— Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.— Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р. Естествознаніе и исторія. — Процессъ исторіи.—Величина прогресса въ человѣчествѣ.—Цѣна прогресса.—Дѣйствіе личностей.—Культура и мысль.—Личности и общественныя формы.—Растущая общественная сила. — Знамена обществ. партій. — Идеализація. — Національности въ исторіи.—Договоръ и законъ.—Государство.—Естественныя границы государства.— Критика и вѣра.—Теорія и практика прогресса.—Цѣль автора.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.— 314 стр. Ц. 1 р. Отдыхъ. — Чудачка. — Бабьи слезы. — Праздники. — Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.— 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.— Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.— Борьба за индивидуальность. — Вольница и подвижники. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. — Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г.

Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ. — Политическая экономія и общественная наука. — Дневникъ читателя. — Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ".—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы.—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". — Основы народничества Юзова. — О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.— О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. — 287 стр. Цѣна 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Второе* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Изд. 1905 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца; больше 30.000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ **«РУССКАГО БОГАТСТВА»** также продаются изданія **„Библіотеки освободительной борьбы"** и др.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

В. Н. Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: К. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, Н. К. Михайловскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Н. А. Рубакина, Е. Н. Чирикова, О. Н. Чюминой, П. Ф. Якубовича и др. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

МАЙ. 1906

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*

Контора „Русскаго Богатства“ проситъ руководствоваться при подпискѣ и доплатахъ прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подписка.

Прилагая р. к., прошу высылать „Рус. Бог.“ въ теченіе
19 г.

Имя:
Отчество:
Фамилія:

Городъ или станція:
Губернія:
Уѣздъ (или ул. и домъ)
(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Доплата:

№ бандероли

Прилагаю:
2-й взносъ р. к.
3-й взносъ р. к.

Имя:
Отчество:
Фамилія:
Городъ
Губернія:
Уѣздъ:
(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Нашимъ читателямъ.

— —

Въ последней книжкѣ „Русскаго Богатства" за 1905 годъ была помѣщена статья „О свободѣ печати", и рядомъ, въ видѣ протеста противъ нарушенія этой свободы, мы огласили извѣстный „Манифестъ" соединенныхъ организацій, призывавшій къ финансово-экономической борьбѣ съ правительствомъ.

Значеніе этого протеста, въ связи со статьей, было совершенно ясно. Тѣмъ не менѣе, журналъ нашъ былъ пріостановленъ, а В. Г. Короленко, оффиціальный представитель работающей въ немъ группы писателей, преданъ суду.

Полагая, что, при новомъ положеніи „освобожденной русской печати", могутъ быть возбуждаемы литературные процессы по тѣмъ или другимъ поводамъ, но не должно быть мѣста преслѣдованію направленія, мы рѣшили, вмѣсто „Русскаго Богатства", выпустить „Современныя Записки", въ такой же обложкѣ, съ тѣми же отдѣлами, съ тѣмъ же шрифтомъ и при томъ же издателѣ. Редакторомъ сталъ Н. Ѳ. Анненскій.

„Современныя Записки", послѣ выхода январьской книжки, были пріостановлены, въ свою очередь, и въ числѣ предъявленныхъ Н. Ѳ. Анненскому мотивовъ пріостановки и судебнаго преслѣдованія было, между прочимъ, выставлено то соображеніе, что этотъ журналъ является „продолженіемъ „Русскаго Богатства".

Допустимъ... Но вѣдь продолженіе той совокупности идей и убѣжденій, которыя выражались въ журналѣ, — тринадцать лѣтъ появлявшемся подъ сѣрой обложкой „Русскаго Богатства", — находится, въ сущности, въ головахъ и сердцахъ его постоянныхъ работниковъ и его давнихъ читателей, встрѣчавшихъ на этихъ страницахъ отголоски своихъ мыслей и стремленій. Это и есть то, что принято называть живымъ „литературнымъ направленіемъ", а живыя направленія не разбиваются бурями административныхъ и даже судебныхъ репрессій.

Что же могли мы сдѣлать, чтобы дать удовлетвореніе расходившимся волнамъ „временныхъ правилъ"? Мы оснастили новое судно. Одинъ изъ близкихъ товарищей-сотрудниковъ, А. В. Пѣшехоновъ, имѣлъ разрѣшеніе на изданіе журнала „Мысль и Жизнь"... Но журналъ не успѣлъ выйти, какъ А. В. Пѣшехоновъ былъ арестованъ, и новое судно осталось безъ шкипера...

Пришлось приносить новыя жертвы. Мы выкинули за бортъ еще одно названіе, отказались отъ традиціоннаго сѣраго цвѣта обложки, пожертвовали именами издателя и редактора. Группа сотрудниковъ „Русскаго Богатства" и „Современныхъ Записокъ" пересѣла на четвертый корабль, на кормѣ котораго стояло имя: „Современность".

Одинъ изъ старыхъ нашихъ товарищей, В. А. Мякотинъ, явился шкиперомъ. Новое судно иначе окрасило свои борта, иначе распредѣлило каюты и рубку... У него была даже своя судовая контора и отдѣльныя операціи по подпискѣ. Новый шкиперъ обязался нотаріальнымъ договоромъ доставить нашимъ пассажирамъ ихъ багажъ, застигнутый двумя крушеньями... Но—руль остался старый и судно по прежнему взяло курсъ противъ вѣтра... И въ каютъ-компаніи висѣли тѣ-же портреты: Н. К. Михайловскаго, Салтыкова, Некрасова, Чернышевскаго...

Этими жертвами, повидимому, удовлетворились расходившіяся стихіи. „Современность" благополучно совершила свой переходъ отъ январьскаго крушенія „Современныхъ Записокъ" до майской пристани, откуда, какъ видитъ читатель, вновь начинаетъ свое плаваніе ихъ старый знакомецъ „Русское Богатство". Нашъ плѣнъ кончился. Курсъ остается прежній. Правда,—назади осталось еще одно крушеніе: судъ еще будетъ разсматривать вопросъ о „Современныхъ Запискахъ", ихъ сотрудникахъ и редакторѣ... Но, во-первыхъ, вѣтры (надолго ли?) стали болѣе благопріятными, а во-вторыхъ, возникаетъ интересный вопросъ: „Современнымъ Запискамъ" ставилось въ вину то, что онѣ продолжали курсъ и везли багажъ „Русскаго Богатства". Но багажъ „Русскаго Богатства", послѣ судебнаго досмотра, оказался непреступнымъ. Итакъ—преступно ли „продолженіе" невинно пострадавшаго журнала?

Ниже читатели найдутъ защитительную рѣчь редактора „Русскаго Богатства", излагающую общія соображенія, которыя руководили нами въ пережитой журналомъ бурной кампаніи. А пока—мы шлемъ нашъ привѣтъ и объявляемъ о дальнѣйшемъ плаваніи...

Нельзя сказать, чтобы крушеніе обошлось намъ дешево: требовалось много энергіи и напряженныхъ усилій, чтобы сохранить то, что удалось сохранить, и, прежде всего, чтобы доказать и нашимъ друзьямъ, и нашимъ противникамъ, что мы еще живы и что нашъ флагъ не перестанетъ развѣваться надъ бурными волнами русской современности...

Тѣ наши читатели-друзья, которые въ это время не потеряли связи съ нами,—сохранятъ на память три разныя обложки и названія: „Современныя Записки", „Современность" и—вновь „Русское Богатство". Внѣшность, правду сказать, нѣсколько пѣгая, но внутреннее содержаніе—едино. Что-жъ,—развѣ и вся русская жизнь не была въ этотъ періодъ такъ же разноцвѣтна? Черезъ нѣкоторое время, при взглядѣ на эти разнообразныя обложки,—читатели будутъ имѣть наглядное воспоминаніе объ этомъ по истинѣ пѣгомъ годѣ русской жизни, проникнутомъ, однако, однимъ порывомъ къ свободѣ и новому строю.

Итакъ—привѣтъ нашимъ читателямъ и—впередъ подъ старымъ флагомъ къ новымъ свободнымъ берегамъ! *Редакція.*

Судебная рѣчь В. Г. Короленко.

Гг. судьи.

Я очень признателенъ уважаемому защитнику *), сказавшему въ мою пользу то, что можно было сказать съ точки зрѣнія юридической. Я не юристъ, а писатель и постараюсь лишь выяснить передъ судомъ руководившія мною побужденія, а также условія, которыя привели меня на скамью подсудимыхъ.

Если бы, гг. судьи, надъ столомъ каждаго писателя повѣсить цензурный уставъ и заставить его каждую рождающуюся въ головѣ мысль, образъ, чувство относить къ соотвѣтствующимъ статьямъ этого устава и уложенія о наказаніяхъ, то, конечно, русской литературы не существовало бы вовсе. Публицистъ, обсуждающій данный вопросъ общественной жизни, и редакторъ, принимающій статью,—прежде всего думаютъ не о томъ, съ какими параграфами формальнаго закона имъ придется встрѣтиться, а о томъ, въ какой степени данная статья соотвѣтствуетъ правдѣ, писательской совѣсти и убѣжденіямъ...

Конечно, въ строѣ этихъ убѣжденій общее представленіе о «законности» тоже занимаетъ извѣстное мѣсто. Но, господа судьи, печальная особенность нашего отечества состоитъ въ томъ, что понятіе о законности у насъ не только не совпадаетъ, но далеко расходится и часто становится въ противорѣчіе съ тѣми конкретными *законами*, въ которыхъ она должна воплощаться. Позволю себѣ нѣсколькими примѣрами пояснить мою мысль.

Когда я былъ привлеченъ къ допросу по настоящему дѣлу, то, на обычный вопросъ судебнаго слѣдователя о «судимости», мнѣ пришлось дать отвѣтъ:

— Судимъ не былъ, но тяжелое наказаніе понесъ.

Какъ ни страненъ такой отвѣтъ съ точки зрѣнія самой первичной «законности», однако, въ нашемъ отечествѣ тысячи людей могли бы отвѣтить то-же. Ссылка безъ суда, безъ слѣдствія, безъ допроса и даже безъ объясненія причинъ есть у насъ явленіе

*) Защитникомъ выступалъ кн. Л. Н. Андрониковъ.

очень распространенное и, что особенно интересно, эта *беззаконность*, т. е. вопіющее попраніе самыхъ основъ права, совершается на точномъ основаніи извѣстныхъ статей и параграфовъ формальнаго *закона*. Можно ли удивляться, что наши формальные законы давно уже перестали пользоваться уваженіемъ?

Давно переставъ быть «ссыльнымъ», я сталъ работникомъ русской печати и долженъ сказать, что все это время я продолжалъ чувствовать себя въ томъ же безправномъ положеніи. Вся русская литература, всякій русскій писатель и всякій органъ печати могутъ съ полнымъ правомъ повторить то, что я отвѣтилъ судебному слѣдователю:

— Судимы не были, но тяжкія наказанія несли безпрестанно.

Вамъ, гг. судьи, хорошо, конечно, извѣстно, что такое предварительная цензура, и вы, вмѣстѣ со всѣми образованными русскими людьми, не разъ смѣялись, вѣроятно, надъ цензурными анекдотами добраго стараго времени. Но намъ, русскимъ писателямъ, было не такъ смѣшно: мы знали по опыту, что эти анекдоты, вплоть до воспрещенія «вольнаго духа» въ поваренныхъ книгахъ, повторялись до самаго послѣдняго времени, а отчасти повторяются и теперь.

Я не стану приводить много примѣровъ и ограничусь двумя далеко не самыми яркими, но мнѣ близко извѣстными.

Въ 1899 году журналъ «Русское Богатство» былъ пріостановленъ на три мѣсяца. Это наказаніе постигло насъ за то, что мы въ статьѣ о Финляндіи привели чисто фактическую справку изъ основныхъ законовъ, нынѣ вновь признанныхъ Верховною властью. У насъ потребовали, чтобы мы на страницахъ нашего журнала опровергли собственное завѣдомо вѣрное свѣдѣніе. Мы отвѣтили точною ссылкой на страницу, статью и параграфъ сборника подлинныхъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго. Отрицать правильность этой ссылки не было ни малѣйшей возможности. Это обстоятельство было всетаки милостиво принято во вниманіе при опредѣленіи намъ мѣры наказанія: за упорство въ правдѣ журналъ былъ только... пріостановленъ на три мѣсяца. Сдѣлано это было, конечно, на самомъ законномъ основаніи, т. е. въ полномъ согласіи съ формальными статьями цензурнаго устава.

Кромѣ столичной печати я участвую и въ прессѣ провинціальной, практика которой даетъ мнѣ слѣдующій не менѣе краснорѣчивый примѣръ: въ началѣ октября прошлаго года, какъ вамъ, гг. судьи, хорошо извѣстно, всю Россію охватила общая забастовка. Съ вечера извѣстнаго дня она дошла до того города, гдѣ я жилъ, и сообщеніе его съ остальнымъ міромъ прекратилось. Мѣстная газета, исполняя прямую обязанность всякаго органа гласности, отмѣтила этотъ фактъ въ своей хроникѣ. Сообщеніе состояло изъ

двухъ строчекъ: «Со вчерашняго дня движеніе поѣздовъ по обѣимъ нашимъ линіямъ прекратилось».

Цензоръ вычеркнулъ эти строки, и такимъ образомъ газета не имѣла возможности сообщить о фактѣ, котораго, конечно, скрыть надолго было нельзя. Движеніе пріостановилось во всей странѣ, а администрація находитъ утѣшеніе въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, объ этомъ не напечатано въ газетѣ. Смѣшной цензурный анекдотъ въ старинномъ вкусѣ!.. Однако, господа судьи, для органа печати онъ имѣлъ не только юмористическое значеніе. Публика въ этотъ день массами отправлялась на вокзалы, и по адресу мѣстной прессы раздавались справедливые упреки: «такое умолчаніе о выдающемся фактѣ мѣстной жизни равносильно прямой лжи».

Итакъ,—въ одномъ случаѣ журналъ понесъ наказаніе за отказъ напечатать на своихъ страницахъ *завѣдомую ложь*. Въ другомъ случаѣ на законномъ основаніи газетѣ воспрещается огласить *завѣдомую правду*. И если бы, гг. судьи, редакція нарушила нелѣпое запрещеніе, то ее могли бы или наказать безъ суда, или предать суду за несомнѣнное нарушеніе формальныхъ статей «закона»...

Можно ли было ждать отъ русской прессы, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, уваженія къ такимъ законамъ?..

Въ 1904 году, какъ извѣстно, въ нашемъ отечествѣ наступила эпоха «довѣрія». Въ это время тонъ повседневной прессы стихійно и неудержимо подымался, но такъ называемые толстые журналы, выходящіе въ меньшемъ количествѣ и только разъ въ мѣсяцъ, находились по прежнему подъ давленіемъ предварительной цензуры. Въ качествѣ оффиціальнаго редактора «Русскаго Богатства», я отправился къ министру внутр. дѣлъ съ скромной просьбой—снять съ журнала предварительную цензуру и уравнять его въ этомъ отношеніи со столичными газетами. Съ такой же просьбой обращались въ то же время и другіе журналы.

Кн. Святополкъ-Мирскій принялъ меня очень благожелательно и въ началѣ бесѣды, для ея сокращенія, — просилъ не убѣждать его въ томъ, что положеніе русской печати невозможное, а предварительная цензура, вообще, и по отношенію къ журналамъ въ особенности, есть совершенная нелѣпость... Все это г-ну министру хорошо извѣстно, какъ и то, что единственный выходъ—уничтоженіе предварительной цензуры и отвѣтственность лишь передъ закономъ... *) Мнѣ показалось, что такое ясное, прямое и категорическое заявленіе со стороны министра, въ вѣдѣніи котораго находятся цензура и печать,—сильно облегчаетъ мою задачу. Поэтому я не сталъ стучаться въ открытую дверь и попросилъ только примѣнить высказанную кн. Святополкъ-Мирскимъ общую формулу къ моему частному случаю: ст. 6-я устава цензурнаго даетъ ми-

*) Какъ извѣстно, то же кн. Святополкъ-Мирскій многократно повторялъ и въ разговорахъ съ русскими и иностранными корреспондентами.

нистру внутр. дѣлъ право разрѣшать собственной властью безцензурный выходъ повременныхъ изданій...

Но, гг. судьи,—эпоха довѣрія послѣ этого продолжалась... Потомъ эпоха довѣрія миновала, смѣнившись разными другими эпохами, общія формулы, высказанныя кн. Святополкъ-Мирскимъ по отношенію къ печати, были повторены еще нѣсколько разъ компетентными властями, а нашъ журналъ, какъ и другіе ежемѣсячники, продолжалъ оставаться подъ давленіемъ предварительной цензуры вплоть до осени истекшаго года.

Всѣмъ намъ хорошо памятна эта осень. Безотвѣтственное, безконтрольное, самонадѣянное и безпечное правительство привело Россію къ страшному внѣшнему пораженію и къ небывалому броженію внутри. Страна походила на огромный котелъ съ клокочущими, не находящими выхода парами. Всѣ сверху до низу сознавали, что дальше такъ продолжаться не можетъ, что нуженъ выходъ, нужны коренныя перемѣны гибельнаго строя.

Въ это именно время петербургская пресса, въ сознаніи своей роли и своей отвѣтственности передъ страной, объединилась въ союзъ, который, въ согласіи съ другими работниками печатнаго дѣла, постановилъ фактически осуществлять свободу печати и прекратить посылку изданій въ цензуру. Съ этихъ поръ, гг. судьи, много разъ признанная нелѣпой, предварительная цензура для столичныхъ (а затѣмъ и для другихъ) повременныхъ изданій фактически существовать перестала... Это было несомнѣнное нарушеніе формальныхъ законовъ, но оно шло навстрѣчу новымъ началамъ законности и права, которыя вслѣдъ затѣмъ были провозглашены въ манифестѣ 17 октября.

Этотъ манифестъ, своего рода «великая хартія вольностей русскаго народа», остается до сихъ поръ въ значительной степени не осуществленнымъ. Несомнѣнно, однако, что онъ имѣетъ все значеніе основного закона, и что этотъ законъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основами стараго порядка.

Одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей неограниченно-самодержавнаго строя является отожествленіе данныхъ представителей власти съ самой идеей власти. Верховная власть, если не по основнымъ законамъ, то фактически стала отчуждаемой. Каждый министръ, генералъ-губернаторъ, губернаторъ, а затѣмъ и болѣе мелкіе чины, чуть не до послѣдняго стражника въ деревнѣ, склонны смотрѣть на себя, какъ на носителей частицы отщепленнаго самодержавія. Министръ, губернаторъ, исправникъ — суть власти. Нападающіе на власть колеблютъ основы общества. Значитъ, всякій, кто нападаетъ на служебную дѣятельность министра, губернатора, исправника—уже колеблетъ основы общества. Этотъ взглядъ сталъ на много лѣтъ руководящимъ началомъ всей нашей внутренней политики. Всѣ усилія государства направились на обе-

реганіе носителей власти отъ всякой критики, анализа, обличеній. Создался цѣлый рядъ исключительныхъ законовъ — единственной идеей которыхъ было обезпеченіе спокойствія существующихъ «властей»... Всѣ другія задачи, всѣ стороны жизни многомилліоннаго народа отступили на задній планъ передъ самоохраненіемъ правительства...

Позволю себѣ прибѣгнуть къ одной иллюстраціи, которая пояснитъ мою мысль. Полтора года назадъ въ Нѣмецкомъ морѣ плыла русская эскадра, направляясь къ роковой Цусимѣ. Эскадра плыла въ чужихъ водахъ и, конечно, интересы всего отечества требовали, чтобы, охраняя цѣлость своихъ кораблей, гг. адмиралы считались также съ нейтралитетомъ другихъ державъ, не вызывая опасности новой войны. И, однако, достаточно было появиться на горизонтѣ нѣсколькимъ огонькамъ, какъ огромная эскадра открываетъ огонь по рыбачьей флотиліи, не считаясь ни съ чѣмъ, кромѣ самосохраненія, и ставя отечество лицомъ къ лицу съ новой опасностью.

Совершенно такъ же наше правительство не хочетъ считаться ни съ какими соображеніями, кромѣ обереганія себя отъ всякихъ аттакъ критики, общественнаго протеста и борьбы общественныхъ силъ. Въ Москвѣ и въ Остзейскомъ краѣ изъ-за одного порой загадочнаго револьвернаго выстрѣла—стрѣляютъ залпами въ жителей, громятъ артиллеріей дома. Это только острое выраженіе въ смутное время старыхъ привычекъ: въ теченіе совершенно спокойныхъ десятилѣтій такимъ же образомъ уничтожались ученыя и благотворительныя общества, газеты, журналы. Достаточно было правительству почувствовать хотя бы общее нерасположеніе къ своимъ дѣйствіямъ, чтобы закрыть органъ печати не за ту или другую опредѣленную вину, а лишь за «вредное направленіе», то есть осужденіе дѣйствій правительства... Всякая оппозиція, хотя бы самая закономѣрная, всякимъ дѣйствіямъ власти, хотя бы и незаконнымъ, признавалась вредной, потому что всякая власть считалась носителемъ основного начала самодержавія, которое признано было непогрѣшимымъ.

Но, гг. судьи, давно извѣстно, что излишнее самообереганіе приводитъ часто къ результатамъ прямо противоположнымъ. Я зналъ человѣка, который, изъ боязни простуды, все усиливалъ предосторожности и постепенно довелъ ихъ до такой степени, что даже спустя три дня послѣ лѣтняго дождя уже не могъ выходить безъ пальто, безъ калошъ и безъ шарфовъ. Легко повѣрить, что этотъ господинъ никогда не могъ избавиться отъ насморка и кашля, и что усиленная охрана отъ простуды стала для него нормальнымъ положеніемъ.

Не касаясь отдѣльныхъ личностей, я, однако, считаю себя въ правѣ сравнить съ этимъ человѣкомъ всѣ смѣнявшіе другъ друга составы нашего правительства. Изъ боязни простуды, они только

и знали, что воздвигали для себя новыя огражденія, и становились все болѣе и болѣе чуткими ко всякому дуновенію общественной критики и протеста.

Результаты всѣмъ намъ теперь извѣстны: самодѣятельность общества была задавлена, критика преслѣдовалась, сопротивленія не было, вполнѣ спокойное отправленіе обязанностей было обезпечено за гг. министрами и... — весь нашъ гражданскій и военный строй изнѣжился, одряблѣлъ, утратилъ устойчивость, мужество и силу. Россія, безпечно увѣренная въ своемъ могуществѣ, дошла до небывалаго погрома на поляхъ Манчжуріи и въ Цусимѣ, а внутри долго сдержанныя потребности великаго народа требуютъ удовлетворенія, и въ открывшуюся дверь хлынули разомъ задачи политическія и соціальныя...

И правительство передъ ними оказалось совершенно безпомощнымъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ появился манифестъ 17 октября, провозглашающій совершенно новыя взаимныя отношенія между дѣйствовавшими до тѣхъ поръ общественными силами. Неограниченная монархія перестала существовать, новый факторъ, народъ, его организованное мнѣніе призваны къ осуществленію власти законодательной и къ дѣйствительному надзору за дѣйствіями всѣхъ исполнительныхъ властей. Такимъ образомъ, на арену русской исторіи выступаетъ, какъ закономѣрный дѣятель, новая, непризнанная ранѣе сила,—весь русскій народъ, его организованное мнѣніе. Къ этой инстанціи обращены теперь всѣ взоры и всѣ надежды. Среди общаго крушенія,—въ организованномъ мнѣніи всего народа мы всѣ ищемъ опоры и якоря.

А если такъ, если дѣйствительно народъ призванъ и къ законодательному творчеству, и къ контролю, то онъ долженъ располагать всѣми данными для сужденія о томъ, что происходитъ въ нашемъ отечествѣ, и для выработки того, что должно явиться на смѣну. Отнынѣ пріятная иллюзія правителей, отожествлявшая всякое данное правительство съ самой идеей власти, — должна навѣки отойти въ область прошлаго. На почвѣ новаго конституціоннаго строя, который является ближайшимъ будущимъ нашего государства, — только представитель верховной власти выводится за предѣлы борьбы общественныхъ силъ. Всякій же составъ правительства является величиной перемѣнной; рождаясь среди критики, анализа, живого столкновенія общественныхъ интересовъ,— оно подвергается общественному контролю и побѣжденное уступаетъ мѣсто другому составу. Падаютъ и смѣняются министерства, власть остается...

Таково несомнѣнное значеніе манифеста 17 октября, и съ этой точки зрѣнія теперь должны быть пересмотрѣны всѣ существующія отношенія, въ томъ числѣ и положеніе русской печати.

До сихъ поръ она была цѣликомъ во власти даннаго состава правительства, которое и карало ее по произволу. Теперь правительство является лишь одной изъ дѣйствующихъ силъ, подлежащихъ при томъ контролю общества. Печать есть одинъ изъ органовъ этого контроля, и потому печать имѣетъ право критики дѣйствій правительства и право оглашенія фактовъ.

Мы, какъ все русское общество, считаемъ себя въ правѣ нападать на тѣ дѣйствія правительства, которыя признаемъ несогласными съ общимъ благомъ, и колебать его положеніе, съ цѣлью замѣнить другимъ. Мы можемъ ошибаться, но наше право — внести свой голосъ въ общій хоръ сужденій о всякомъ данномъ составѣ правительства.

Теперь правительство для насъ есть только одинъ изъ общественныхъ факторовъ; мы оцѣниваемъ его положеніе среди другихъ, мы освѣщаемъ это положеніе, мы сообщаемъ объ его силѣ и слабости, объ ударахъ, которые ему наносятся, о средствахъ, которыми оно отражаетъ эти удары. Доступность для гласности и критики—это теперь неизмѣнное условіе, къ которому должны привыкать наши правители. Это неудобно для нихъ. Быть можетъ. Но это удобно для всей страны...

Это и только это сдѣлалъ и я, когда, въ исполненіе постановленія союза защиты свободы печати, по совѣщанію съ моими товарищами, рѣшилъ огласить воззваніе соединенныхъ организацій...

Но правительство не потеряло старыхъ привычекъ: наша жизнь все еще полна противорѣчій и, хотя положенія манифеста 17 октября совершенно ясны, но администрація пытается по возможности дольше удержать въ силѣ устарѣвшія нормы старыхъ законовъ. И каждый изъ насъ, стремящійся къ новымъ началамъ *законности*,— все еще можетъ быть въ любую минуту подвергнутъ отвѣтственности по старымъ статьямъ законовъ.

Этотъ именно случай теперь передъ вами, гг. судьи.

Я рѣшительно отрицаю свою виновность. Это можетъ показаться парадоксомъ, но все же я позволяю себѣ утверждать, что дѣйствія печати, подобныя тѣмъ, которыя совершили мы, въ «Русскомъ Богатствѣ», содѣйствуютъ усиленію власти, какъ свѣжій воздухъ укрѣпляетъ нормальный организмъ.

Гг. судьи. Не далѣе, какъ третьяго дня, присутствуя въ засѣданіи Государственной Думы, обсуждавшей отвѣтъ на декларацію нынѣшняго министерства, я имѣлъ случай взвѣсить еще разъ въ своемъ сознаніи значеніе совершеннаго нашимъ журналомъ дѣянія. Я слушалъ рѣчи депутатовъ и думалъ: «Черезъ два дня меня будутъ судить за то, что я въ 15 тысячахъ экземпляровъ журнала огласилъ воззваніе соединенныхъ организацій. Но что значитъ это оглашеніе въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится правительству выслушивать здѣсь, передъ лицомъ всей страны. Сотни тысячъ

газетъ разнесутъ эти рѣчи по всей странѣ, и это уже неизбѣжное условіе дальнѣйшей работы всякаго русскаго правительства. И все же администрація требуетъ суда надо мной. Но вѣдь то, что мы сдѣлали, это только легкій зефиръ, вѣяніе свѣжаго лѣтняго вѣтерка по сравненію съ этой бурей всенароднаго осужденія...

Да, гг. судьи... Если всетаки есть въ чемъ-нибудь наша вина, то развѣ въ томъ, что вмѣстѣ со всей русской печатью мы не сумѣли раньше добиться свободы печатнаго слова. Если бы эта свобода была въ нашемъ отечествѣ, то у насъ не было бы, навѣрное, ни Ляояна, ни Цусимы, ни потоковъ крови, — ни такого чувствительнаго и нѣжнаго правительства, которое привыкло ограждать себя отъ всякаго вѣянія критики прежде административными репрессіями, а нынѣ — обращеніемъ къ суду по всякому ничтожному поводу...

Исходъ процесса извѣстенъ: 15 мая палата вынесла оправдательный приговоръ по всѣмъ разбиравшимся въ этотъ день литературнымъ процессамъ. Въ результатѣ этого оправданія нашъ журналъ вновь появляется передъ своими читателями.

ВЕРЕВКА.

„Подъ многовѣковымъ давленіемъ сверху, они давили другъ друга, доходили до озвѣрѣнія, до стихійной травли слабѣйшихъ".

„Не съ насъ началось, да на насъ оборвалось".
(народная поговорка).

Въ избѣ душно. Толпится народъ. На столѣ, подъ образами, лежитъ мертвый молодой крестьянинъ, и отъ его неподвижнаго лица, навѣки закрытыхъ глазъ и вытянутаго тѣла вѣетъ покоемъ смерти. Запахъ разложенія смѣшивается съ здоровымъ дыханіемъ людей, умѣряетъ ихъ движенія, принижаетъ до шепота ихъ громкіе голоса, и только двѣ женщины, убитая горемъ мать умершаго и его молодая жена, не поддаются этому покою смерти, смиряющему жизнь.

Мать тянется къ сыну, и ея движеніе кажется ей долгимъ, вмѣщающимъ въ себѣ всю прожитую жизнь съ сыномъ. Она выговариваетъ одно только слово: „Николушка!" и валится на лавку, во тьму наступающаго безсознанія.

Порой въ этой тьмѣ долетаетъ до нея высокій, полный отчаянія, плачъ молодой вдовы, и опять все тихо, какъ въ могилѣ... Потомъ, на одно мгновеніе, она видитъ высоко поднятый надъ головами, колыхающійся гробъ съ тѣломъ сына, слышитъ пѣніе духовенства, дѣлаетъ усилія встать, и опять ее окутываютъ тьма и тишина.

Не видитъ она и не слышитъ, какъ вернувшіеся съ кладбища родственники на томъ самомъ столѣ, гдѣ лежалъ ея Николушка, справляютъ по немъ поминки, пьютъ водку и, охмѣлѣвъ, развязно произносятъ имя умершаго, и какъ все громче и громче раздаются голоса и споръ двоихъ дядей Николушки и ихъ женъ и слышится слово: „Дѣлиться".

— Дѣлиться?—переспрашиваетъ ихъ третій дядя Нико-

лушки, старшій деверь его матери, крѣпкій мужикъ, лѣтъ пятидесяти пяти, съ сѣрыми глазами и рябымъ лицомъ, Калинъ.

— Знамо, дѣлиться. Чего-жъ теперь ждать?—упрямо и сдержанно отвѣчають оба брата Калина. Они учли, что теперь имъ дѣлиться выгоднѣе, такъ какъ оставшаяся вдова беременна, на послѣднемъ мѣсяцѣ, и имъ хочется выдѣлить ей, со свекровью, только ихъ бабью часть, а если у ней родится мальчикъ, тогда придется ему отдать четвертую долю всего имущества.

— Да какъ же это такъ?—восклицаетъ жена Калина, Николавна, старушка съ круглымъ сморщеннымъ лицомъ, маленькимъ носикомъ и круглыми желтоватыми глазами.— У насъ еще сынъ, Никишка, не женатъ, а вы—дѣлиться. Вѣдь это намъ раззоренье одно выйдетъ.

Голосъ Николавны какъ бы даетъ сигналъ и другимъ невѣсткамъ вступиться за свои выгоды. Поднимается общій крикъ. Заплаканная, убитая горемъ, вдова Николушки сидитъ молча, не принимая никакого участія въ происходящемъ.

— Я-жъ вамъ мать схоронилъ,—начинаетъ высчитывать по пальцамъ Калинъ, стараясь образумить братьевъ тѣми выгодами, какія они получили отъ него:—отца схоронилъ. По отцу сороковустъ справилъ; пятьдесятъ цѣлковыхъ онъ мнѣ сталъ. Это вы, знать, забыли? Тебя, Ванька, два раза женили,—обращается онъ къ широкобородому среднему брату; твово сына прошлую осень жанили; дѣвку Федькину выдалъ, а на мово Никишку, на одного, васъ теперь не хватитъ?—Хамлеты вы.

Поминальный обѣдъ кончается, и разсерженные братья врагами вылѣзаютъ изъ-за стола.

Происходитъ раздѣлъ. Въ дѣлежѣ доходятъ до каждой мелочи; высчитываютъ всѣ убытки, принесенные когда-либо кѣмъ изъ братьевъ или ихъ женъ общему хозяйству; припоминаютъ, за всѣ годы совмѣстной жизни, всѣхъ околѣвшихъ телятъ, ягнятъ, замерзшихъ по недосмотру бабъ; возстановляютъ старые счеты. Крики и брань стоятъ въ избѣ дѣлящихся съ ранняго утра до поздней ночи.

Всю ночь шепчется Калинъ съ своей Николавной, а на утро Николавна принимается заботливо ухаживать за молодой вдовой и ея больной свекровью.

— Съ нами, съ нами, ступайте жить вмѣстѣ. Къ Ванькѣ, разбойнику, не идите: обидитъ. Будемъ мы съ тобою, Матвѣвна, жить душа въ душу,—уговариваетъ она старуху.

— Дѣлайте, какъ хотите,—отвѣчаетъ ей Матвѣвна и опять впадаетъ въ полузабытье.

Въ избѣ еще нѣсколько дней стоитъ шумъ. Дѣлятъ скотину, хлѣбъ, перебираютъ послѣднее, что есть въ домѣ. Бабы кричатъ до хрипоты; вытаскиваютъ, припрятанную другъ отъ друга, шерсть, горшки и, съ искаженными лицами, уличаютъ одна другую въ утайкѣ „семейскаго". Калинъ и Николавна зорко слѣдятъ, чтобы вдовъ не обидѣли и дали имъ полную четвертую часть, на выдѣлъ которой согласились братья Калина, за что были избавлены отъ обязанности участвовать въ расходахъ на женитьбу Никишки.

Матвѣвна открыла глаза уже въ маленькой саманной избѣ, доставшейся Калину по раздѣлу. Надъ нею наклонилось круглое лицо Николавны.

— Очнулась? Охъ, ужъ и трудно-жъ тебѣ было,—говорила Николавна.—Коли-бъ не я, не быть бы тебѣ въ живыхъ. Мать родная не будетъ такъ ходить, какъ я за тобой ходила. Невѣстки тутъ приходили: „Это она, говорятъ, приставляется".—Какой, говорю, приставляется: головы поднять не можетъ... Ужъ и народъ.

И она долго разсказываетъ больной про свои заботы и свой уходъ за ней.

Слабая, разбитая Матвѣвна слушала Николавну и чувствовала себя въ полной зависимости отъ нея. Молодая вдова, Параша, словно не имѣя права на уходъ за больной свекровью, робко подходила иногда къ ней и спрашивала, не хочетъ ли она испить.

Это было единственное, что она имѣла право предложить больной, такъ какъ на воду не было старшей хозяйки въ семьѣ.

— Аль ужъ тебѣ яичко сварить?—спрашивала каждый день больную Николавна такимъ тономъ, какъ будто это яичко было знакомъ особенной милости и заботливости съ ея стороны къ Матвѣвнѣ и стоило очень дорого.

— Какъ знаешь,—отвѣчала больная, чтобы хоть немного умалить этимъ дѣлаемое для нея благодѣяніе; но яичко всетаки варилось каждый день, и ихъ, по счету Николавны, было уже потрачено болѣе трехъ десятковъ.

Николавна выходила на улицу и разсказывала всѣмъ, какъ она ухаживаетъ за больной, и какъ варитъ ей по два яичка въ день.

Бабы недовѣрчиво качали головами.

— Кажинный день, кажинный день; одно въ утряхъ, другое въ вечеряхъ. Вотъ, убей меня Богъ, коли брешу,—божилась Николавна.

Наконецъ, больная не выдержала и, прослезившись, высказала Николавнѣ, что по гробъ не забудетъ того, что дѣлаетъ для нея Николавна.

— Надо бы Никишку женить,—завелъ какъ-то рѣчь Калинъ, который никакъ не могъ помириться съ обидою, нанесенною ему братьями.—Надо работницу въ домъ, а то вотъ, ты, Матвѣвна, хворая; тебѣ во всякій слѣдъ не поспѣть за нами... Да денегъ-то на свадьбу у меня нѣтъ. Э-э-эхъ!

Калинъ выжидательно уставился на Матвѣвну. Та молчала.

— Ты вотъ что: ты отдай мнѣ хлѣбъ, что вамъ отъ раздѣла достался. Я его продамъ, вотъ и деньги будутъ. А съ тобой то я во всякое время сочтусь.

— Да вѣдь Никишкѣ еще и года не вышли,—попробовала протестовать Матвѣвна.

— Вотъ еще—года: разрѣшеніе возьмемъ. Намъ на его года нечего смотрѣть; намъ дѣвка нужна.

— Дѣвку за то какую постарѣ возьмемъ,—вторила мужу Николавна, хотя тоже видѣла, что сынъ еще слишкомъ молодъ, и еще въ позапрошломъ году спалъ вмѣстѣ съ нею, а, просыпаясь ночью, говорилъ: „маменька, одна въ свѣтѣ радость, пусти меня огурцы воровать. Ребята пошли, и я съ ними“.

— Спи,—говорила она, давая ему подзатыльникъ.

— Никишка, а вѣдь мы тебя женить хотимъ,—объявили родители сыну.

— Ну, вотъ еще,—лѣниво и недовольно протянулъ онъ.—На кой она мине? Другіе ребята постарѣ мине, и то не женаты.

— Работница, Микишенька, нужна.

Сынъ молчалъ.

— Кую жъ тибѣ дѣвку сватать?—заговорила мать, считая вопросъ о женитьбѣ уже конченнымъ.

— Кую хотите, ту и сватайте, коли вамъ нужна,—выходя изъ избы, отвѣчалъ сынъ.—Мине усѣ дѣвки равны.

Началось сватовство и жениху напоминало о немъ лишь то, что всѣ какъ то уѣхали на „пропой“, на другой конецъ села, а вернувшійся пьянымъ отецъ ночью упалъ съ печи на полъ. А потомъ какъ-то онъ, Никишка, мѣсилъ босыми ногами глину, приготовляя ее для мазки избы. Въ это время во дворъ къ нимъ вошелъ незнакомый мужикъ и долго молча смотрѣлъ на Никишку.

— Што-жъ, сваха, никого у васъ не видать?—спросилъ мужикъ вышедшую изъ избы Николавну.

— Да Калинъ съ бабами въ ригѣ рожь молотитъ,—отвѣчала она, кланяясь и улыбаясь.

— А это у васъ кто жъ будить?—указывая пальцемъ на Никишку, спросилъ вошедшій.

— Кто? Да работникъ,—съострила Николавна, какъ бы боясь почему-то открыть истину.

— Нѣтъ; на самомъ дѣлѣ?

— Да кому жъ быть, какъ не Микишкѣ? Вотъ это и есть самый Микишка.

— Ну, вотъ. А намъ люди наговорили: онъ у васъ дуракъ,—прямо высказалъ мужикъ.

— Кому, можить, и дуракъ,—поджавъ губы, обидчиво проговорила Николавна,—а для насъ онъ единый въ свѣтѣ умникъ.

— Ну, сваха, посылай за сватомъ; давайте вино пить,— вдругъ развеселившись, проговорилъ сватъ.—Микишка, вылѣзай изъ глины!..

Потомъ, спустя недѣли три, Никишкѣ объявили, что нынче онъ поѣдетъ къ невѣстѣ, отвезетъ ей гостинцы—пряниковъ и подсолнуховъ. На него надѣли новую „каразеевую" рубаху, и мать порывалась помаслить ему голову.

— Што мине, мать, въ лавкѣ, што-ли, сидѣть?—отбивался Никишка.

А когда онъ вернулся отъ невѣсты, только и могъ сказать, что невѣста: „ничаво".

Вскорѣ послѣ этого въ душной избѣ Калина шло свадебное гулянье, стояли угаръ и духота. Въ сплошномъ пьяномъ забытьѣ толклись, пѣли и кричали люди.

А на утро, когда пьяный угаръ разсѣялся, онъ оставилъ послѣ себя, какъ дѣйствительность послѣ сна, „молодую", съ широкою мужицкою спиною, выдававшеюся надъ тощими боками, съ плоскимъ лицомъ и вздернутымъ къ верху носомъ, отчего лицо казалось еще площе и шире.

„Молодая" молчала иногда по цѣлымъ днямъ. Въ блескѣ ея зеленыхъ глазъ было что-то скрытное и холодное. Въ манерѣ—кланяться, садиться за обѣдомъ къ самому краю стола, сдержанно отвѣчать на вопросы и опускать голову сказывалось что-то старое, выработанное подъ давленіемъ долгаго уклада жизни. Всматриваясь въ домашнихъ своими зелеными глазами, молодая иногда загадочно улыбалась чему-то, показывая острые бѣлые зубы.

Свекровь безпокойно присматривалась къ этой улыбкѣ, пугаясь ея значенія и невольно относя его къ годамъ своей старости.

Никишка, чувствуя, что жена умнѣе его, и что онъ совсѣмъ не похожъ на мужа, и боясь, что она, чего добраго, станетъ еще смѣяться надъ нимъ,—чтобы поскорѣе покончить съ своимъ дѣтствомъ, вскорѣ побилъ ее ни за что, ни про что.

Молодая не обидѣлась. Возможность этого была уже

давно установлена въ ея міросозерцаніи. Такъ, она видѣла, ея отецъ билъ мать; такъ били всѣ кругомъ. Такъ, значитъ, было надо.

Послѣ битья жены Никишка долго ходилъ, понуривъ голову, и плакалъ, не зная отчего; и вскорѣ опять побилъ жену, словно стараясь загладить этимъ свое малодушіе, свои слезы, надъ которыми баба, пожалуй, также стала бы смѣяться.

Старики смотрѣли на молодыхъ и улыбались: все это было такъ знакомо имъ.

Однѣ только вдовы отодвинулись какъ-то къ сторонкѣ, съ своимъ горемъ. Пережитая утрата сблизила ихъ. Онѣ никому не высказывали ни своихъ думъ, ни своихъ заботъ и тревогъ за будущее. Сквозь все пережитое имъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе свѣтилась надежда, что жизнь ихъ, можетъ быть, не совсѣмъ еще кончена, что, можетъ, родится мальчикъ.

А когда онъ родился, и раздался его слабый пискъ, обѣ женщины услышали въ этомъ пискѣ силу и почувствовали, что къ нимъ опять вернулась вся жизнь, со всѣми ихъ правами и обязанностями, и что теперь онѣ уже не однѣ, что теперь въ ихъ рукахъ ихъ защита.

Мальчика крестили и назвали Егоромъ. Женщины, не перестававшія смотрѣть на него внутренними глазами, радовались его громкому крику, который, казалось имъ, внушалъ и всѣмъ остальнымъ въ избѣ о своемъ правѣ на жизнь и на защиту судьбы ихъ, вдовъ.

— Теперь все придется дѣлить съ Никишкой поровну, — думала Матвѣвна:—такъ и Калинъ сказывалъ, когда насъ съ собой въ отдѣлъ звалъ: „все пополамъ, все пополамъ"... И коровъ, и лошадей, и овецъ, что будутъ къ тому времю, какъ Егорушка выроститъ—все пополамъ.

И вдовы съ удвоенной энергіей принялись работать на общее хозяйство.

„Семейскіе" понимали ихъ настроеніе, и имъ все казалось, что вдовы уже дѣлятъ мысленно все добро поровну, отбирая себѣ лучшихъ овецъ, лучшаго телка; что Матвѣвна своей коровѣ посыпаетъ больше муки въ рѣзку. И молодая стала сама ходить съ мужемъ въ ригу рѣзать рѣзку. Она старалась поспѣвать всюду впередъ вдовъ и, такимъ путемъ, отстранить ихъ отъ хозяйства. Николавна не давала больше вдовамъ доить коровъ и сама цѣдила молоко, такъ что даже на кашу Егоркѣ нужно было всякій разъ спрашивать у нея. Вездѣ, куда ни ступали вдовы, передъ ними вставали чужіе интересы, и не было мѣста ихъ правамъ.

Вдовы чувствовали, какъ вокругъ нихъ все больше и

больше растетъ міръ мелочей, въ которомъ каждая соломинка, каждая палочка пріобрѣтала особое значеніе и цѣну. Ихъ, вдовья, корова, слонявшаяся по двору, ихъ, запертыя въ закутѣ, овцы, голодный, облѣзшій, телокъ, съ красными глазами и вздутымъ животомъ,—все это казалось теперь вдовамъ такимъ же загнаннымъ, какъ и онѣ сами. Въ обидѣ, какую онѣ чувствовали, въ гоненіи на нихъ, словно, принимали участіе и сами неодушевленные предметы, ихъ окружавшіе; солома уже не казалась просто соломою, а также чѣмъ-то особеннымъ, такъ какъ и съ нею былъ связанъ разговоръ изъ-за рѣзки для коровы.

— Мало ли соломы на нашу долю досталось при раздѣлѣ, и ржи хватило бы съ насъ,—думала старая вдова, тоскливо осматривая дворъ.

И самъ дворъ, знакомый ей съ давнихъ лѣтъ, и кривыя ворота, и гнилая, свѣсившаяся крыша навѣсовъ—все это казалось ей теперь какимъ-то чужимъ, далекимъ отъ нея.

Сквозь дыры плетня ей былъ виденъ рядомъ другой дворъ „отдѣльныхъ“. По двору бродили лошади, коровы, и виднѣлась кирпичная изба, доставшаяся „отдѣльнымъ“. Тамъ также все было знакомо Матвѣвнѣ до мелочей, до ухвата и лохани, до характера всякой лошади, коровы и даже куръ. Тамъ она прожила многіе годы. Туда вышла замужъ. Тамъ умеръ ея мужъ, и тамъ же она познала свою беззащитную вдовью долю, въ большой и сильной семьѣ трехъ братьевъ мужа. Тамъ померли, что сгорѣли, ея дѣти. Тамъ умеръ и ея послѣдній сынъ, Николушка. Онъ умеръ отъ грыжи, которую получилъ, подымая перевѣсившійся возъ, съ двумя копнами ржи. Пора была горячая. Николушка одинъ ѣхалъ съ поля, при двухъ возахъ. Одинъ изъ нихъ, плохо увязанный, сталъ крениться въ сторону. Надо было бы разобрать его, сложить съ него, по крайней мѣрѣ, копну, но Николушка, боясь потерять время, боясь упрековъ со стороны взыскательныхъ дядей, понадѣялся на свою силушку, подлегъ подъ ось и сгоряча сразу поднялъ валившійся на него возъ. Возъ выровнялся и благополучно прибылъ на „семейское“ гумно; выдержала его тяжесть молодая грудь Николушки, но въ паху, словно, что-то порвалось. И только, подавъ обѣ копны наверхъ кладушки нетерпѣливо ожидавшему его Калину, Николушка, зайдя въ пустую семейскую ригу, узналъ, что случилось съ нимъ.

Два года онъ скрывалъ свою болѣзнь отъ дядей. Дяди знали, что онъ надорвался, но и онъ зналъ, что для нихъ онъ былъ только работникъ, и что только мать да молодая жена его однѣ во всей большой семьѣ раздѣляютъ его

горе, его страданія и болѣзнь, которой онъ не хотѣлъ покориться. Онъ зналъ, что онѣ безсильны помочь ему, безсильны успокоить его, и своимъ крикомъ, своими слезами только вызовутъ наружу тотъ ужасъ и отчаяніе, что спрятались, притаились гдѣ-то, на самой глубинѣ души его. И онъ скрывалъ отъ нихъ, скрывалъ отъ самого себя свою болѣзнь...

Когда грыжа особенно сильно выступала наружу, онъ забивался куда-нибудь въ хлѣвъ, въ глубь риги, въ мякину. Онъ слышалъ оттуда шаги жены и матери. Его ищутъ также молча, скрывая отъ дядей эти поиски, какъ онъ скрывалъ отъ всѣхъ свою болѣзнь; но вотъ онѣ увидѣли его, и все затаенное внутри вырывается наружу отчаяннымъ воплемъ обѣихъ женщинъ и его, еле сдерживаемымъ сквозь стиснутые зубы, стономъ.

Всѣ трое знаютъ, что лошадь хоть и не проси у дядей—за шестьдесятъ верстъ, въ больницу; что лошадью для этой цѣли можно воспользоваться въ томъ лишь случаѣ, когда человѣкъ окончательно слегъ, или когда его, недвижимаго, причастить надо. И болѣзнь запускается до тѣхъ поръ, пока ущемленная грыжа не становится черной.

Тогда рушится всякая боязнь; бабы, потерявъ голову, кричатъ день и ночь надъ мученикомъ, а дяди уже сами предлагаютъ лошадь свезти его въ больницу.

Но болѣзнь не стала больше дожидаться этой поѣздки. Измученный нестерпимой болью, весь почернѣвшій, Николушка умеръ подъ крики обезумѣвшихъ женщинъ.

Матвѣвна продолжала смотрѣть на дворъ „отдѣльныхъ“ и думала о томъ, сколько слезъ пролито ею тамъ; сколько воспоминаній связано съ нимъ... А теперь, съ тѣхъ поръ, какъ они подѣлились, она не имѣетъ даже права придти туда.

„Зачѣмъ?“—спросятъ ее.—„Чего пришла?—Смотрѣть? Мы, скажутъ, къ вамъ не ходимъ смотрѣть...“

Она понимала, что раньше большую семью связывали общіе хозяйственные интересы. Теперь эти интересы кончились, и всѣ стали другъ другу чужими.

Иногда подъ вечеръ или въ праздникъ, выходя на улицу встрѣчать коровъ, она близко останавливалась около каменной избы, иногда даже подходила къ завалинкѣ, на которой сидѣли „отдѣльные“, но подходила, въ такихъ случаяхъ, какой-то особенной походкой и, останавливаясь возлѣ нихъ, смотрѣла въ ту сторону, откуда должно было показаться стадо, похлопывая, какъ бы въ ожиданіи его, хворостиною по землѣ и дѣлая видъ, что ей равно—гдѣ бы ни поджидать

„коровушекъ“: подъ окнами ли избы „отдѣльныхъ“, или подальше, на улицѣ.

„Отдѣльные“ тоже дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ея, и молчали.

Вскорѣ Матвѣвна совсѣмъ перестала выходить, встрѣчать „коровушекъ“. Скотина была загнана на зимній кормъ и жалась подъ дырявыми навѣсами двора, дрожа отъ холода. Вѣтеръ трепалъ эти навѣсы и раскидывалъ по двору солому, перемѣшивая ее со снѣгомъ. Люди попрятались въ избы.

Калинъ, покончивъ работы, по цѣлымъ днямъ теперь молча лежалъ на печкѣ...

Въ избѣ было темно и душно; и отъ этой тьмы и духоты, отъ всѣхъ предметовъ, начиная съ темныхъ, закоптѣлыхъ образовъ, вѣяло чѣмъ то старымъ, тянущимся съ незапамятныхъ лѣтъ.

Такъ же, какъ и въ старину, съ ранними пѣтухами, крестя ротъ, затопляла Николавна разсѣвшуюся печь, въ которой варились всегда однѣ и тѣ же „картошки“ да щи, съ сѣрой капустой. Въ избѣ такъ же дуло въ ноги и парило отъ желѣзной трубы въ голову; несло въ одиночныя, промерзавшія, окна и въ плохо притворявшуюся дверь. Женщины пряли съ ранней зари и до поздней ночи, и въ ихъ позахъ, въ короткихъ, давно выработавшихся рѣчахъ, въ укачиваніи люльки ребенка было что-то такое же старое, такое же—съ незапамятныхъ временъ. И даже въ тѣхъ новостяхъ, какія иногда приносили съ собою въ избу сосѣди, было это же старое, давно всѣмъ извѣстное. Разсказывалось о чьей-нибудь смерти отъ вина, о пожарахъ, о томъ, что ударившей молоньей убило чорта и отъ брызнувшей изъ него крови занялось сразу три риги; о кражѣ овчинъ, о дракахъ; о томъ, какъ и гдѣ „учили“ бабу... И даже сны, которые снились, и которымъ придавалось всегда большое значеніе, особенно если видѣлъ сонъ самъ глава семьи, оказывались, въ концѣ концовъ, такими же старыми, какъ и все остальное, хотя и разнились другъ отъ друга содержаніемъ.

— Къ чему бы это было?—задумчиво склоняя голову на бокъ, медленно произносилъ Калинъ,—видѣлъ я нонѣ во снѣ цыцаря. Стоитъ на крышѣ, крыльями машитъ и оретъ во все горло.

Николавна ходила по сосѣдямъ, выходила къ проходившимъ мимо старухамъ, и всѣмъ разсказывала про сонъ, спрашивая: „Къ чему бы это было?“

Но, въ концѣ концовъ, и рыцарь, и всякій другой, виданый или невиданный ранѣе, звѣрь, или иное суще-

ство, оказывались всегда—или къ мертвецу въ домѣ, или къ пожару.

Узнавъ, что сонъ опять предвѣщаетъ пожаръ, Калинъ поднимался съ печки и, грозя пальцемъ женѣ, говорилъ:

— Ахъ, смотри ты, бабка. Смотри, не сожги. И, въ самомъ дѣлѣ, долго-ль до бѣды.

Николавна, до этого сна покойно натапливавшая соломой печь до того, что около нея близко стоять было трудно, то и дѣло испуганно выбѣгала въ сѣни и плескала изъ ковшика въ деревянную трубу, въ которую выходила изъ избы желѣзная.

Калинъ лежалъ на печи, и тѣ думы, какія приходили ему, такъ же были связаны съ прошлымъ, какъ и вся жизнь Калина, служившая продолженіемъ жизни и мыслей его отца и дѣда. Онъ легко помнилъ ихъ рѣчи, ихъ совѣты, даже тонъ голоса, какой-то тяжелый, непоколебимый, выработанный жизнью, перешедшій потомъ и къ нему.

Жизнь не нарушила изъ прежняго почти ничего; не замѣнила старое яркимъ новымъ. Отошло крѣпостное право, но крѣпостная зависимость осталась по прежнему, только въ другой формѣ. Словно стѣны, окружили крестьянъ со всѣхъ сторонъ земли помѣщиковъ. Они снимали ихъ теперь, платя до двадцати пяти рублей за посѣвъ десятины.

Калинъ лежалъ и высчитывалъ, что работалъ онъ со всей семьей на арендованной землѣ только изъ-за корма скотинѣ; только солома одна оставалась ему въ барышахъ. Своей земли у него было на двѣ души, да на Николушкину душу, но за нее нужно было однѣхъ податей отдать тридцать шесть рублей въ годъ. И тутъ Калину съ семьей оставались, по его разсчету, опять одни только остатки: солома, мякина овцамъ, да немного картофеля, котораго не всегда хватало, и пшена на кашу; и только въ хорошій урожай еще нѣсколько мѣшковъ зерна.

Усчитывая эти „остатки“ отъ труда всей своей долгой жизни, онъ думалъ также и о послѣднихъ остаткахъ своихъ силъ, потраченныхъ на добываніе первыхъ. Пока еще онъ чувствовалъ эти остатки и исправно платилъ подати, и его не сажали, при волости, на хлѣбъ и на воду, въ холодную. Пока еще онъ боролся, какъ боролись до послѣднихъ силъ его дѣдъ и отецъ, привыкшіе за свою жизнь такъ дорожить хлѣбомъ, что къ концу ея видѣли въ кускѣ этого хлѣба какую-то особую милость къ себѣ Бога. Когда же пришли голодные года, дѣдъ сразу почувствовалъ, что жизнь ему больше не подъ силу, что нужно уступить свой кусокъ малымъ дѣтямъ: ихъ было тогда у Калина пятеро. Отецъ Калина еще тянулъ: ѣлъ хлѣбъ съ мякиной и золой,

и сдался только на второй голодный годъ подъ рядъ, осунулся и одряхлѣлъ и молча, безъ жалобъ и упрековъ, лежалъ на той самой печи, на которой теперь лежалъ Калинъ.

За дѣдомъ и отцомъ стали умирать Калиновы дѣти и дѣти его братьевъ. Смерть ихъ не была налетѣвшимъ горемъ. Она также захватывала прошлое, расплывалась въ немъ, и черезъ это въ ней было что-то неизбѣжное, сурово-покойное. Мужики молча, сжавъ губы смотрѣли на своихъ мертвыхъ дѣтей. Бабы выли, и въ ихъ воѣ было только полное ужаса безсиліе передъ случившимся. Онѣ искали въ смерти дѣтей чего-то посторонняго, рокового, что не могло быть въ условіяхъ ихъ жизни, къ которымъ онѣ такъ привыкли, и потому приписывали смерть своихъ дѣтей то „глазу“—людской зависти, то „родимчику“, сущности котораго онѣ себѣ совсѣмъ не представляли, и потому боялись его еще больше, нежели „глаза“, то другимъ, подобнымъ же, причинамъ.

— Какъ варомъ поварило, какъ варомъ!—вскрикивала тогда Николавна, запечатлѣвъ въ своей памяти послѣдній моментъ здоровья своихъ дѣтей. Она помнила, какъ двѣ ея дѣвочки, играя, качались въ одной люлькѣ, и какъ въ это время пришелъ къ нимъ въ избу черный мужикъ, поздоровался и, взглянувъ на люльку, проговорилъ: — „Вотъ какъ—двѣ въ одной люлькѣ. Здорово вы живете“.— Какъ варомъ ихъ сварилъ! Черезъ три дня обѣ померли.

Вскорѣ умерли дѣти и у Матвѣвны, и у старшаго брата Калина, и всѣ они имѣли свои особыя причины умереть, которыя были внѣ условій ихъ жизни. Послѣдній ребенокъ Николавны, остававшійся долѣе другихъ въ живыхъ, мальчикъ лѣтъ восьми, чахъ, по мнѣнію семьи, также „съ глазу“.

„Съ глазу“ пухъ у него животикъ и личико, и глазки стали безжизненными и блѣдными. Весь долгій великій постъ ребенокъ чахъ на печи, и мать подавала ему туда вареную картошку. Онъ бралъ ее, по старой привычкѣ; по привычкѣ, кусалъ и лежалъ съ картошкой въ ручкѣ, глядя по цѣлымъ часамъ въ пространство. Передъ смертью ему вдругъ захотѣлось ѣсть, и это желаніе поѣсть было выражено въ видѣ необычной мечты:

— Мамушка, — проговорилъ ребенокъ, переводя свой взглядъ съ пространства на мать,—что бы теперь, если бы я курченка, молоденькаго, съѣлъ? А?... Да, нѣтъ; это я такъ.

— Теперь нельзя, миленькій; теперь постъ,—въ раздумьи проговорила Николавна.—Грѣхъ великій. А то бы, рази, я пожалѣла для тебя, дитятко?

— Сходи къ батюшкѣ, спроси. Коли можно, я бы съѣлъ.

Мать собралась и пошла, а ребенокъ еще долго мечталъ о цыпленкѣ.

На другой день цыпленка сварили. Больной съѣлъ его всего, сразу.

— Ну,—сказалъ онъ,—мамушка, наѣлся я теперь дёнъ на пять.

На другой день онъ умеръ.

— Не дождался и пяти денечковъ,—плакала мать и, какъ святыню, берегла воспоминаніе о послѣднихъ дняхъ ребенка и радовалась, что хоть передъ смертью-то поѣлъ ея сыночекъ цыплятинки.

Калинъ не плакалъ. Онъ былъ увѣренъ, что суровымъ закономъ жизни управляетъ только Богъ: значитъ, было нужно, чтобы мальчикъ умеръ. Онъ на себѣ испыталъ этотъ суровый законъ и всецѣло проникся его смысломъ: чтобы жить, нужно быть сильнымъ, а также умѣть ѣсть хлѣбъ съ золой, когда то придется. Такъ жили и раньше; такъ было всегда. Законъ этотъ всю жизнь и на всѣ лады показывалъ Калину превосходство сильнаго и все ничтожество, весь ужасъ положенія ослабѣвшаго. И онъ вѣрилъ только въ этотъ законъ, въ ту силу, которая была въ немъ скрыта. „Слаба душа у ерша, коли у него щетинка не стоитъ дыбомъ",—говаривали ему еще его дѣдъ и отецъ. Калинъ хорошо сознавалъ смыслъ этого, и въ его представленіи для слабаго не было никакого закона: онъ былъ только для сильныхъ.

Этотъ же законъ помогъ потомъ и Калину, вмѣстѣ съ братьями, быстро справиться послѣ смерти отца и дѣда, въ голодные года, и обзавестись кирпичной избой и всѣмъ тѣмъ полнымъ хозяйствомъ, которое пришлось теперь подѣлить съ братьями и еще предстояло дѣлить со вдовами.

Калинъ лежалъ и думалъ о томъ, какъ этотъ законъ, на глазахъ у него, создавалъ на селѣ „богатѣевъ", и какую твердую почву подъ собою чувствовали эти „богатѣи", держа въ своихъ рукахъ все село.

Калинъ думалъ о силѣ этихъ „богатѣевъ": „Придетъ тебѣ нужное время, все село наскрозь избѣгай—двухъ рублей не достанешь, а скажешь богатѣю: — Стану я тебѣ—отвѣчаетъ богатѣй,—изъ-за двухъ рублей мараться? Бери десятку; отдай десятину въ пару.—И отдашь... А осенью онъ же насыпаетъ твою рожь, по чемъ самъ назначитъ, и проценты всѣ съ тебя вычтетъ... У богатѣя ничто не пропадетъ. Онъ знаетъ, что съ бѣднаго ему легче взять, чѣмъ съ богатаго: бѣдный на все согласится..."

Калинъ безъ всякой злобы высчитывалъ всѣ выгоды богатѣевъ, проникая въ самую глубь понятной ему психологіи

ихъ, психологіи того единственнаго закона, который выработала для нихъ сама жизнь.

Онъ вспомнилъ, какъ богатѣи ухитрились, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, снять за безцѣнокъ у села двѣсти десятинъ выпаса, сорокалѣтняго залога. Ловко подъѣхали. Сами имъ въ руки дались, а другъ у дружки полъ-аршина въ пашнѣ изъ глотки норовимъ вырвать. „Вотъ что, православные,—встаютъ въ памяти Калина слова старшины, стакнувшагося съ богатѣями,—подати вы нонѣ не спѣшите платить. Неволить васъ не будемъ... И отъ начальства тоже сказано: не тревожить".

И Калинъ вспоминаетъ, какъ односельчане, обрадовавшись льготѣ, растрачивали деньги, вырученныя изъ хлѣба на подати; какъ покупали себѣ огурцовъ, капусты, луку; иные шили сапоги, и какъ многіе, не вытерпѣвъ неожиданнаго благополучія, пропивали эти деньги. И какъ старшина, когда увидѣли богатѣи, что подати нечѣмъ оправдать селу, собралъ сходъ: „Подати, православные! Приказъ отъ начальства пришелъ: въ три дня собрать". „Да какъ же такъ?—загалдѣли тогда мужики.—Ты-жъ самъ насъ обнадежилъ". „Я самъ—подвластный человѣкъ; давалъ льготу, пока могъ. Что-жъ мнѣ теперь въ темной изъ-за васъ сидѣть?—Деньги..." А тутъ и выступили богатѣи: „Братцы, чего горюете? Деньги есть..." „Какъ есть?..." „Да, такъ: отдайте намъ выпасу двѣсти десятинъ, по девяти цѣлковыхъ—вотъ вамъ и подати; да еще и на вино окромя того будетъ..." Прижали насъ тады, какъ ужа вилами; отдали землю; а весной сами же у нихъ по двадцать два цѣлковыхъ всю до клочка разобрали... И скотину теперь некуда выпустить...

— Да еще что?—словно спохватывается Калинъ, и новый приливъ оживленія будитъ его воспоминанія, заставляетъ еще глубже преклониться передъ силою признаннаго имъ закона.—Еще отыскали, какъ прибыль изъ насъ выгнать. Не дали намъ ни маку, ни подсолнуха съ этого выпаса и домой свезть. Мы молотимъ, а они ужъ ѣдутъ съ водкой—угощаютъ всѣхъ, кто у нихъ землю сымалъ... Вразъ сошлись въ цѣнѣ; вразъ и подводы пришли, и мѣшки, и вѣсы... Дюже продешевили супротивъ городской цѣны... Хотѣли было нѣкоторые не согласиться, да видятъ, всѣ продали; не хватило у нихъ совѣсти отказать.

— Отдалъ и я,—вспоминаетъ Калинъ,—даромъ, что совсѣмъ не нужны были деньги... Не хватило и у меня совѣсти.

И въ этомъ: „не хватило совѣсти" не было у Калина ни сожалѣнія о содѣянномъ, ни слѣда укора богачамъ; было одно только сочувствіе ихъ дѣламъ, признаніе ихъ житейской мудрости, ихъ силы надъ собою.

Изъ-за этой „совѣсти“ передъ богачами прощалась имъ лавка, въ которой они брали двойныя, тройныя цѣны съ своихъ односельчанъ, прощалась самая безцеремонная приписка къ забору въ долгъ; прощались всякое насиліе, гнетъ и издѣвательства... „Совѣсть“ удерживала отъ всего этого.

Богачи хорошо знали это свойство совѣсти бѣдныхъ и въ отвѣтъ ей старались выставлять только силу: проявленіе мягкости въ чемъ-либо было бы равносильно признанію ихъ слабости, потери всякаго вліянія на окружающихъ.

И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда гнетъ богачей превосходилъ всѣ границы, всю мѣру долготерпѣнія бѣдноты, ея ненависть къ нимъ умѣрялась какою-то органическою близостью съ ними, не позволявшею доходить до давно заслуженнаго мщенія: рука не поднималась противъ самихъ себя, противъ собственныхъ стремленій и принциповъ, выраженныхъ такъ наглядно въ жизни богатѣевъ села.

Калинъ весь ушелъ въ переживаніе этой близости и черпалъ въ ней новыя и обильныя доказательства мудрости признаннаго имъ закона...

— Д-д-а,—мысленно произнесъ онъ, съ удареніемъ и растягивая слова:—хор-ошо Рассея утвержона... Хорошо... Д д-а...

Въ избѣ было темно и душно. Бабы продолжали прясть, и слышалось только монотонное жужжанье четырехъ самопрялокъ. Въ избу, со двора, входилъ обогрѣться Никишка, одѣтый въ свиту поверхъ овчиннаго полушубка, садился на лавку, свѣшивалъ голову и долго сидѣлъ, какъ изваяніе.

Калинъ смотрѣлъ на сына и старался своимъ умомъ поставить преграды той бѣдности, какая, по его мнѣнію, неминуемо ожидаетъ въ будущемъ его сына, какъ лишеннаго той силы, которая создаетъ „богатѣевъ“.

— Ну, чего пришелъ париться, слонъ Петропавловскій?—окрикиваетъ онъ Никишку.

— Ты чаво это лаисси?—произноситъ сынъ привычныя слова, не вдумываясь въ ихъ смыслъ.

— Плохо за скотиной ходишь—вотъ чего,—сурово говоритъ старикъ.

— Какъ же тибе еще за ей ходить?—лѣниво и вяло отвѣчаетъ сынъ, опять опуская голову.

И опять въ избѣ воцаряется молчаніе.

Калинъ продолжаетъ лежать и раскидываетъ умомъ: у кого ему бы еще призанять земельки; кому дать въ долгъ заведшіяся лишнія деньжонки.

Плачетъ проснувшійся ребенокъ. Матвѣвна встаетъ изъ-за прялки и качаетъ люльку.—А-а-а-а... а-а-а,—то возвышая,

то понижая голосъ, поетъ она словно стономъ обрывая послѣднее „а“. Въ звукахъ монотоннаго напѣва слышится какая-то давнишняя, безнадежная тоска. Съ этимъ напѣвомъ убаюкивала она всѣхъ своихъ перемершихъ дѣтей; этотъ же напѣвъ слышала и сама когда-то, качаясь въ люлькѣ.

Мальчикъ вскрикиваетъ, словно стараясь своимъ голосомъ заглушить этотъ напѣвъ, и извивается всѣмъ тѣльцемъ въ люлькѣ. Матвѣвна сильнѣе качаетъ люльку, силясь ея трясеніемъ помочь тоскующему баюканью усмирить ребенка.

Калинъ слушаетъ этотъ крикъ и представляетъ себѣ, что будетъ въ этой избѣ лѣтъ черезъ двадцать, когда народятся дѣти у Никишки и выростетъ Егорка, и какая будетъ тѣснота и духота въ ней, и всеобщая вражда и скрытая ненависть другъ къ другу.—Хорошо бы, кабы Егорка умеръ; развязалъ бы всѣмъ руки. Тады и вдовы не стали бы бороться со мной.

Время тянется тяжело, однообразно, словно тянетъ за собою цѣлое прошлое, съ такою же духотою и тьмою; словно ему трудно идти впередъ, и оно можетъ только тянуться, такъ, безъ конца...

Но вотъ, къ концу зимы, въ избѣ появляется новая жизнь: бѣленькіе, кроткіе ягнята. Они прыгаютъ и играютъ другъ съ другомъ, вызывая улыбки на лицахъ семьи: потомъ появляются два пестрыхъ телка, съ большими темными глазами. Въ оконце, со двора, заглядываетъ все чаще и чаще, и ласковѣе, солнце. Калинъ все чаще слѣзаетъ съ печи и выходитъ во дворъ. Долго, неподвижно стоитъ онъ на немъ, словно что то еще удерживаетъ его отъ работы.

Покрытый навозомъ снѣгъ изрытъ просовами. Сани какъ то безпомощно свалились на бокъ. Посреди двора долго, безъ движенія, стоятъ лошади, положивъ морды другъ другу на шею и закрывъ глаза. Онѣ дремлютъ по цѣлымъ часамъ, обезсиленныя зимней стужей и соломеннымъ кормомъ. На завалинкѣ лежитъ тощая, полуоблѣзшая собака, согнувшись калачикомъ и выставивъ къ солнцу морду, съ закрытыми глазами. Рядомъ съ нею дремлютъ оба пестрыхъ телка, такіе же тощіе, такіе же облѣзшіе, какъ и она. Дальше столпились овцы и тоже стоятъ съ закрытыми глазами.

Сила жизни набирается медленно, заставляетъ экономить всякое движеніе.

Съ соломенныхъ крышъ спадаютъ капли. Черезъ ворота видны, на еще бѣломъ полѣ, почернѣвшія дороги. Калинъ взглядываетъ на двухлемешный плугъ, стоящій подъ навѣ-

сомъ, на дремлющихъ лошадей, телятъ, и еще долго неподвижно стоитъ среди двора, потомъ, словно машинально выходитъ за ворота и долго смотритъ черезъ улицу на крохотныя выцвѣтшія оконца старой избенки напротивъ. Калину хочется увидѣть ея обитателя, Ваську Талагая, но увидѣть такъ, чтобы Васька не догадался объ этомъ, чтобы это вышло какъ бы случайно.

— Всего лучше—въ чайной встрѣтиться... Подпоить его... Пьяный, онъ рубаху съ себя скинетъ... Опять отдастъ мнѣ свой надѣлъ,—думаетъ Калинъ.

И передъ Калиномъ встаетъ вся жизнь Васьки и его бѣдность, изъ которой Калинъ и другіе извлекали свою пользу. Ему рисовался бѣлокурый тщедушный Васька, съ большими синими, удивительно-чистыми и наивными глазами, которые словно еще болѣе, нежели весь болѣзненный видъ Васьки, мѣшали ему слыть за „отчаянную голову", вора и поджигателя, котораго боялось и ненавидѣло все село.

За Васькой стоялъ цѣлый счетъ дѣлъ на селѣ, и къ нему прибавлялись все новыя и новыя.

У Калина начались эти счеты съ того, что Васька пришелъ къ нему разъ во дворъ и попросилъ у него взаймы три рубля, уплатить подати, обѣщая отработать долгъ на жнитвѣ. А когда Калинъ отказалъ, Васька пригрозилъ ему спалить его, какъ грозилъ всѣмъ другимъ.

— Ну, што-жъ—жги,—рѣшительно сказалъ Калинъ.— Жги... Но помни: первый ты въ огнѣ будешь. Живого бросимъ.

Васька поблѣднѣлъ отъ этихъ словъ, отъ того, что прочелъ въ глазахъ Калина, и молча ушелъ со двора. И Калинъ былъ увѣренъ, что Васька теперь въ его рукахъ, что онъ самъ его боится, но только не хочетъ показать свою слабость.

Психологія Васьки-поджигателя была понятна Калину. Калинъ видѣлъ, что она исходила изъ того же закона, которому онъ поклонялся самъ, но въ то время, какъ для него этотъ законъ былъ постоянною и повелительною силою, которой все должно было приноситься въ жертву, въ Васькѣ онъ являлся лишь какъ необходимое отраженіе той же силы, и былъ слѣдствіемъ того общаго одиночества, въ какомъ жила каждая семья въ селѣ, общаго равнодушія всѣхъ другъ къ другу.

Поджигалъ ли кого Васька, грозилъ ли кому, хаты остальныхъ всегда оказывались съ краю. И Васька зналъ это, и его дерзость и увѣренность въ себѣ росли съ каждымъ днемъ. Богачи откупались отъ Васьки деньгами, бѣдные

тѣмъ, что сторонились, предоставляя Васькѣ полную свободу творить надъ другими свой судъ и расправу.

Богатыхъ Васька не трогалъ, считая выгоднымъ для себя ихъ положеніе, за то съ бѣдными дѣлалъ, что хотѣлъ. Къ одной старухѣ, у которой мужъ и сынъ были въ отлучкѣ, на каменныхъ работахъ, а изба была не застрахована, онъ сталъ приходить каждый день.

— Аль посвѣтить, бабка?—спрашивалъ онъ, издѣваясь надъ старухой.

— Охъ, батюшка! Не губи ты мине. Вѣдь, у мине страховка не плочева. Сгоришь, ни копѣйки не получишь,—молила она.—Скотинка погоритъ, да и сама тутъ же останусь.

— А то посвѣчу.

— Охъ, родимый! Дай, хошь, старика-то дождаться. Одна я што сдѣлаю? Денегъ у мине нѣтъ; откупиться отъ тибе нечѣмъ.

— Ну, ставь бутылку.

И старуха ставила бутылку, жарила яичницу. Всѣ знали это, но никто не вступался за старуху, пока не пришли ея мужъ съ сыномъ, и Васька самъ не пересталъ ходить къ ней, объяснивъ свои угрозы шуткой.

Дерзко входилъ онъ въ сельскій трактиръ и самовольно бралъ со стойки, а чаще со столика посѣтителей, стаканъ съ водкой и залпомъ выпивалъ его. Никто его не останавливалъ, хотя недовольныхъ становилось все больше и больше, и Васькѣ все сильнѣе грозила опасность, въ особенности когда онъ напивался пьянъ и ночью шелъ въ свою покосившуюся избу. Его уже били нѣсколько разъ, разсчитывая на то, что, пьяный, онъ ночью не узнаетъ, кто его бьетъ.

Калинъ вспомнилъ, какъ разъ Ваську окружили мужики у его избы. Возлѣ Васьки лежало нѣсколько концовъ отъ стропилъ строившагося общественнаго амбара, а такъ какъ концы эти принадлежали „всѣмъ", то „всѣ" и обступили вора. По растерянной, трясущейся фигурѣ Васьки, по молчанію обступившихъ его мужиковъ Калинъ понялъ, что скажи кто-нибудь два—три слова противъ Васьки, и всѣ бросятся бить его.

— Если убьютъ Ваську, да не до смерти,—подумалъ тогда Калинъ,—Васька спалитъ все село, и мнѣ первому отъ него страдать придется.

И, чтобы гарантировать себя отъ этой возможности, Калинъ рѣшилъ, что лучше будетъ попытаться спасти Ваську. *Зналъ онъ*, что открыто за Ваську заступиться нельзя: „Ты, *скажутъ*, чего за вора стоишь? Онъ тебѣ кумъ, ай сватъ, али *выгоду* какую имѣешь отъ него?" Своимъ вмѣшательствомъ

онъ только еще больше разъярилъ бы мужиковъ. Поэтому Калинъ вернулся къ себѣ, взялъ въ сѣнцахъ кошелку для половы и, перекинувъ ее черезъ плечо, покойно пошелъ мимо напряженной толпы, готовой броситься на Ваську. Проходя какъ бы по своему дѣлу, онъ пріостановился и, какъ можно равнодушнѣе, сказалъ: „Смотрите, ребята, дѣло ваше, какъ хотите... А только я слышалъ стороною, будто эти жерди ему смотритель на время далъ, дворъ загородить. Какъ бы не вышло чего?“

— И въ самомъ дѣлѣ,—заговорили мужики.—Ты чаво-жъ это не скажешь, чортъ этакій?—накинулись они на Ваську.

Атмосфера была разряжена, и Калинъ покойно продолжалъ свой путь въ ригу за мякиной, зная, что человѣкъ былъ спасенъ.

Когда онъ шелъ обратно, онъ видѣлъ, какъ Васька накладывалъ жерди на сани, а толпа кричала ему: „Впрягайся, впрягайся; помогай везть!“—хотя и везть то было почти нечего.

Вечеромъ, на другой день, Васька встрѣтился съ нимъ на улицѣ и смотрѣлъ на него своими большими синими глазами.

— Помни, кабы не я, не быть бы тебѣ теперь живому,— сказалъ ему Калинъ тѣмъ же рѣшительнымъ тономъ, какимъ грозилъ бросить его въ огонь.

Васька молчалъ, тоскливо всматриваясь въ темноту.

— Ты, вотъ, што; я слышалъ, ты землю сусѣду сдать хочешь,—проговорилъ Калинъ.

— Землю? Нѣтъ, я никому не думалъ сдавать,—думая о чемъ-то другомъ, отвѣчалъ Васька.

— Да, нѣтъ; это я такъ, къ слову. Коли, молъ, будешь сдавать, такъ я-бъ съ тобой сошелся.

Воръ задумчиво шелъ рядомъ.

— Землю, такъ землю,—проговорилъ онъ вдругъ рѣшительно, — мнѣ все одно пропадать. Вчерась такъ и думалъ—пришелъ конецъ. Мать ночи не спитъ: либо живъ приду, либо мертваго притащатъ... Самъ я себѣ не радъ. Бери землю. Пойдемъ, выпьемъ.

И вспомнилось Калину, какъ онъ убиралъ рожь на этой десятинѣ; какъ жена Васьки и старуха мать не давали ему убирать ее.

— Пропадать намъ, что ли, черезъ васъ?—кричали онѣ, силясь не дать ему наложить снопы на телѣгу.—Развѣ, онъ въ своемъ умѣ былъ, тебѣ отдавалъ? Съ пьянымъ, съ нимъ, што хошь, дѣлай.

Калинъ пригрозилъ имъ вилами, и онѣ ушли съ воемъ.

Вскорѣ послѣ того по ночамъ стали пропадать въ полѣ

крестцы у крестьянъ, а на гумнѣ у Васьки выросли двѣ кладушечки.

— Вонъ, воровское-то, на всемъ виду стоитъ,—злобно косясь на кладушки, говорили мужики.—Долго-ль терпѣть будемъ? Учили—били, не помогаетъ. Што теперь съ нимъ дѣлать? Надоѣлъ, какъ бѣшеная собака.

Рѣшено было разобрать Васькинъ хлѣбъ, чтобы не стоялъ на глазахъ у всѣхъ, не вводилъ въ грѣхъ общество.

Въ воскресенье пріѣхали за хлѣбомъ подводы. Увидя народъ и боясь „ученья", Васька ускакалъ верхомъ въ степь; жена отъ стыда заперлась въ избѣ, и только одна мать вышла къ народу.

— Ну, воръ онъ; воръ. А кто довелъ?—кричала она.— Сами его погубили! Какой малый-то былъ тихой... Растравили его!...

— Вора учить надоть.

— Теперь кто што ни сдѣлаетъ—всѣ на моего сына указываютъ. Одинъ во всемъ виноватъ.

Но ея не слушали и продолжали разбирать кладушки. Калинъ зналъ, что пріѣхали за снопами и тѣ, у которыхъ ничто не пропадало.

И чѣмъ больше подъѣзжало народу, тѣмъ веселѣе было всѣмъ: всѣхъ не спалитъ.

Калинъ вспомнилъ также, что послѣ этого мать и жена Васьки побирались всю зиму, а Васька мотался неизвѣстно гдѣ. И корова, и лошадь были проданы.

— Все равно, не я, такъ другой возьметъ,—думалъ Калинъ, смотря на завалившуюся избенку Васьки.—Теперь Васькѣ штраховку платить. Дамъ ему трешницу—согласится; отдастъ опять цѣлковыхъ за семь.

Постоявъ еще у воротъ, Калинъ вернулся въ избу.

Съ каждымъ днемъ становилось теплѣе. Съ шумомъ бѣжали ручьи по полю. Надъ открывшимися „зеленями" звенѣли жаворонки, но въ селѣ еще не было весенняго оживленія. По прежнему, по цѣлымъ днямъ дремали во дворахъ истощенныя лошади, овцы и коровы, и люди были какіе-то вялые; медленно ходили, тихо говорили, словно и имъ хотѣлось еще дремать и отогрѣваться на солнышкѣ, послѣ зимней духоты и стужи.

— Батюшка, люди пахать поѣхали,—сказалъ Никишка, входя со двора.

— Какъ люди, такъ и мы,—отвѣчалъ Калинъ, повторявшій всю жизнь эти слова.

Съ этими словами крестьяне смахивали иногда, всѣмъ селомъ, еще совсѣмъ сырую рожь, потянувшись за первымъ, выѣхавшимъ на свою, поспѣвшую на пескахъ. Съ этими сло-

вами они спѣшили сѣять овесъ, когда еще лошадь топла на пашнѣ; съ ними же медлили метать паръ и утолачывали его до состоянія убитой дороги. Съ ними валили весь навозъ въ оврагъ, кромѣ нужнаго на коноплянники; съ ними рѣшали всѣ дѣла. Ими оправдывали всѣ и творимыя несправедливости другимъ, и всѣ несчастья, случавшіяся съ самими.

Что то большое, тяжелое и гнетущее, выработанное вѣками, объединяло всѣхъ въ этихъ словахъ, притягивало къ нимъ, не смотря на то, что всякій былъ страшно одинокъ, былъ предоставленъ только самому себѣ.

Калинъ сталъ ладить плугъ.

Съ каждымъ днемъ все больше и больше накоплялось работы. Отсѣяли овесъ; нужно было сажать подсолнухъ, картофель; сѣять просо и гречиху. Работа овладѣвала всей жизнью, всѣми помыслами, и становилась выше человѣка. Все приносилось ей въ жертву: сила, здоровье и сама жизнь.

Лишенія, трудъ и терпѣніе, на протяженіи вѣковъ, вошли въ религію; были угодны Богу.

Съ ранняго утра, до солнца, „семейскіе" Калина выѣзжали въ дальнее поле. Дома оставалась одна Николавна, да Егорка.

Дня по три, лишенный материнскаго молока, съ кислою, изъ чернаго хлѣба, соской во рту, онъ кричалъ и корчился отъ боли въ животѣ, осунулся, пожелтѣлъ и обтянулся кожей. Но работа была выше всего, и на то, что Егорка можетъ умереть въ такомъ состояніи, смотрѣли, какъ на рокъ.

Мать и бабка, работая въ полѣ, никому не высказывали своихъ опасеній, сознавая, что онѣ даже не въ правѣ это дѣлать; что такъ было и раньше; такъ было съ дѣтьми и самого Калина.

Приходившая съ поля мать, съ какою-то особенною жажждой стараясь вернуть Егорку къ жизни, давала ему сосать грудь, съ перегорѣлымъ молокомъ. Она попробовала уносить больного ребенка съ собой въ поле, но тамъ онъ стылъ, на вѣтру, особенно по холоднымъ еще ночамъ, и она опять приносила его домой, всего искусаннаго комарами. Она знала, что дома ей нельзя остаться, поправить молокомъ заболѣвшаго сына: „семейскіе" стали-бы обижаться, что она упускаетъ работу.

И, не въ силахъ больше бороться съ обстоятельствами, она „положилась на волю Божію".

Калинъ и то уже сказалъ разъ: „Коли такъ на дѣтей смотрѣть, такъ и работать некогда". У него своихъ дѣтей было пятеро. Бывало, двоихъ Николавна въ подолѣ въ поле

несеть, одинъ на рукахъ у ней, а двое постарше бѣгутъ возлѣ. Небось, коли захочетъ жить, такъ привыкнетъ".

Молодая Матрена ходила на сносяхъ, гнулась, полола подсолнухи и просо и тоже молчала, не подавая никому вида о своихъ боляхъ.

Она также знала, что нужно работать до послѣднихъ силъ; что больныхъ не тревожатъ только тогда, когда онѣ слягутъ „въ святую постель". Оставить работу можно было только тогда, когда, по выраженію женщинъ, „хошь самъ царь приходи—нельзя встать".

— Матрена, — говорила ей свекровь, — наши въ поле сбираются; поди, спрячься на погребицу; пусть безъ тебя уѣдутъ.

— Да коли бы знать, што нынче родить, я бы спряталась; а ну какъ еще дня три прохожу. „Работы, скажутъ, бѣгаешь".

— Вотъ такъ-то и я,—отвѣчаетъ ей Николавна.—Матушка свекровь скажетъ, бывало: „Поди, спрячься". А я все—нѣтъ и нѣтъ. Разъ такъ-то въ полѣ родила, постать не дополомши. Привезли мине, а мамушка-свекровь, царство ей небесное, встрѣчаетъ: „Говорила я тебѣ, кобелячьи твои глаза,—поговорка это у ней такая была,—спрячься. Не послухалась. Вотъ и пришлось теперь другимъ ради тебя работу бросать". А какъ было спрятаться-то: свекоръ былъ строгій, престрогій... Разъ такъ-то уѣхали мы въ поле на цѣлую недѣлю рожь жать, а моя мать, родная, и помри. Бабы мнѣ въ ту-жъ пору сказали. Я жну, а сама плачу: хочется мнѣ съ матерью сбѣгать проститься, а попроситься боюсь. Такъ и прожала... Дня черезъ три кончили рожь, пріѣхали домой, побѣгла я, а мать ужъ схоронили. Такъ и не видѣла.

Ночью Матрена родила мальчика, и утромъ „семейскіе" уѣхали безъ нея въ поле.

Оставшись наединѣ съ невѣсткой, Николавна разсказывала ей про свою жизнь, которая была вся, по ея выраженію, „отъ двери до печки". Приходили бабы и, словно повторяя одна другую, разсказывали все о той же жизни „отъ двери до печки".

На пятый день Матрена ушла жать.

Всѣ другъ передъ другомъ спѣшили убирать хлѣбъ, чтобы поскорѣй запустить голодную скотину съ выбитаго пара на жнивье. Въ село стали возвращаться измученные трудомъ, загорѣлые люди. Съ утра и до ночи тянулись съ поля воза съ хлѣбомъ. На гумнахъ застучали цѣпами,

спѣша смолотить „новинки“, такъ какъ старый хлѣбъ у многихъ уже вышелъ. Въ селѣ стояла неосѣдавшая пыль; пахло свѣжимъ зерномъ и соломой, и на этотъ хлѣбный запахъ потянулись съ разныхъ сторонъ нищіе, убогіе и слѣпые.

Калѣки безмятежно полеживали въ своихъ, крытыхъ веретьемъ, кибиткахъ, вполнѣ увѣренные, что „міръ“ ихъ прокормитъ. Спрятанные въ глубинѣ кибитокъ, они показывали этому „міру“ только свои сведенныя ноги, свои култышки рукъ. Ихъ лица и выраженіе этихъ лицъ не интересовали „міра“ и могли оставаться въ тѣни. Мука, зерно обильно сыпались около ихъ ногъ въ приготовленные мѣшки и лукошки.

Медленно, переступая съ ноги на ногу, шли слѣпые и тянули своего „Лазаря“. Между ними зачастую попадались здоровые, рослые мужики, съ огрубѣлыми, безъ мысли и чувства, лицами. Поводырями у нихъ чаще всего были коренастыя дѣвки, съ опухшими развратными лицами, иногда изрытыми оспой. Грязныя, растерзанныя, со спущенными чулками на покрытыхъ синими пятнами ногахъ, останавливались онѣ у каждой избы и сиплыми голосами подтягивали слѣпымъ.

Изъ избъ выходили бабы. Съ тѣмъ особеннымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ, съ какимъ всегда подаютъ въ деревняхъ милостыню, сыпали онѣ изъ ковшичковъ въ мѣшки, привѣшанные за спиною у слѣпыхъ.

Давая слѣпымъ милостыню, онѣ думали о той наградѣ какая ожидаетъ ихъ за ковшикъ мучицы, и совсѣмъ не обращали вниманія ни на нищихъ, ни на ихъ пьяныхъ, развратныхъ спутницъ. Нищіе также хорошо знали, что имъ подаютъ только ради себя, и были вполнѣ покойны за свою участь.

Бабы въ точности знали, какую милостинку и въ какое время было всего выгоднѣе подать „для своей души“... Но всего выгоднѣе было, и во всякое время, подать яичко: оно равнялось ста кускамъ хлѣба, и за него прощалось ровно сто грѣховъ.

Были между нищими и такіе, которые пережили когда-то, или еще и продолжали переживать, глубокія драмы, но ужасъ этихъ драмъ быстро глохъ въ жизненной тьмѣ, окружавшей ихъ, и растворялся ею.

Она накладывала на всѣхъ общую окраску, сглаживала всѣ проявленія горя, глушила всѣ порывы и протесты, и скоро „убогій человѣкъ“ привыкалъ къ ней и начиналъ находить въ ней свое полное благополучіе.

Она требовала отъ него лишь нѣсколькихъ общеизвѣстныхъ пѣсенъ, заученныхъ на всѣмъ извѣстный, жалобный

напѣвъ, и такихъ же немногихъ, общеизвѣстныхъ, прошеній, а въ остальномъ давала полную свободу инстинктамъ примѣняться къ ней, какъ кто хотѣлъ: помощь, шедшая изъ этой тьмы, была вѣдь не ради убогихъ, а только ради нея самой.

Особенно трагичными казались молодые слѣпцы, недавно оставившіе свои родительскія избы. Безпомощность сквозила въ ихъ походкѣ, въ ихъ неокрѣпшихъ жестахъ, съ какими они хватались за своихъ поводаторей, мальчиковъ, зачастую своихъ младшихъ братьевъ или племянниковъ, дѣтскими глазами которыхъ они старались видѣть и понять Божій міръ.

Вы бы, тетеньки желанныя,—

раздавалось у оконъ ихъ жалобное пѣніе—

Да поусердствовали слѣпому холстиночки,
Отъ трудовъ своихъ праведныхъ,
Отъ музлей своихъ косиночку.
Не для нашего прошенія,
Для своей души спасенія.
Да не та пелена,
Што во гробъ постелена,
А та пелена,
Што для Христа Бога подана.
Сотворите себѣ ризу нетлѣнную
И свѣчу неугасимую.
Гляньте на Господа высоту
И на нашу темну слѣпоту;
Вамъ про свѣтлые денечки,
А намъ—на темныя ночки....

Имъ подавали, и они шли дальше. А когда къ нимъ долго не выходили изъ избы, они пѣли:

Што же вы, тетеньки желанныя,
Нѣту отъ васъ ни привѣту, ни отвѣту?
Варвара мученица не ткала, не пряла,
И то всѣ Господни законы соукрашала,
А вы затыкалися, запрядалися
И на нищію братію обрекалися;
Али васъ въ хатѣ никого нѣту?
Али вы ни ткахи, ни пряхи,
Али вы запечныя всѣ поваляхи?

Но скоро жизненныя условія дѣлали свое, и тотъ же слѣпой, черезъ годъ-два, развязно постукивая въ окно палкой, голосилъ:

Выносите-ка слѣпому мучицы совокъ,
Да сальца побольше кусокъ,
Што-бъ къ налѣтью былъ боровъ высокъ.
Да холстинки шматочекъ,
На семеро порточекъ,
На восьмую рубашенку;
Хошь посконнѣе, да поскорѣе;
А то и потонѣ, да подолѣ....

А гдѣ ему подносили водки, по случаю „престольнаго", или иного какого-нибудь торжества, онъ уже громко, гнусливымъ голосомъ ханжи, пѣлъ:

Мы, нищая братія, должны Богу молить,
У Христа милости просить,
За Иваново здоровье,
За Матренино здоровье
Алхирей Божій, Микола,
Онъ великій чудотворецъ.
Андрей Первозванный
На воздухъ Богу молится
За Иваново здоровье,
За Матренино здоровье.
Святой Духъ, Святая Троица,
Заступи, Господь, помилуй
Ото всѣхъ скорбей, болѣзней:
Руки, ноги—отъ ломоты,
Живота, сердца—тошноты,
Головы буйной шумоты,
Темныхъ глазовъ отъ темнòты.
Тѣлесамъ вашимъ здоровье,
Со души грѣховъ сбавленье....

Съ нимъ пьютъ, надъ нимъ смѣются; никто не заглянетъ къ нему въ душу. Никому она не нужна; нужна только собственная выгода отъ Бога, передъ которой всѣ нищіе и убогіе—не люди, а только отвлеченное понятіе.

За нищими по селу показались попы, съ подводами для сбора „новины". Властною рукою постукивали они въ окна, давая знать этимъ о своемъ прибытіи. Въ избы они не входили: время было слишкомъ дорого на этотъ разъ. Имъ выносили новину. Возбужденный взглядъ батюшки впивался въ каждую мѣрку и строго останавливался на ея хозяинѣ, если благочестіе его признавалось упавшимъ. Взглядъ сопровождался соотвѣтствующими упреками и увѣщаніями. Но и къ тѣмъ, и къ другимъ крестьяне оказывались давно

привыкшими и, какъ ни въ чемъ не бывало, подходили подъ пасторское благословеніе разгнѣваннаго батюшки.

Поля были убраны, а торопливая работа на селѣ не прекращалась. Тысячи рукъ взмахивали цѣпами, и ихъ мягкое постукиванье слышалось повсюду. Всюду валетали кверху желтоватыя густыя облачка мякины и относились вѣтромъ въ сторону, посыпая токъ чистымъ зерномъ.

Съ крестьянъ начали „выбивать“ подати, и они спѣшно, не смотря на низкія цѣны, везли хлѣбъ въ городъ, на продажу.

Всякій день передъ волостью собирались плательщики. Медленно входили они въ комнату правленія и останавливались у стола, за которымъ сидѣлъ старшина съ писаремъ.

Не спѣша, по одной и той же, присущей только мужику, манерѣ, въ которой сказывалась вся мужицкая жизнь, развязывали они свои холщевые кисеты и, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ, долго перебирали мозолистыми руками заплѣсневѣлые мѣдяки и мятыя бумажки. Нѣсколько разъ вынимали ихъ, считали и снова клали обратно, словно боясь разстаться съ ними, не рѣшаясь оторвать ихъ отъ своихъ семей, отъ истощенныхъ дѣтей... Наконецъ, мозолистая рука медленно протягивалась и клала на столъ деньги. Уплатившій уходилъ, а на мѣсто его становились другіе...

О, если бы это видѣли тѣ, кто проживаетъ эти собранныя изъ тысячей кисетовъ деньги, они, пожалуй, не такъ бы ловко чувствовали себя въ своихъ раззолоченныхъ мундирахъ, а во взглядахъ ихъ женъ и дочерей, въ дорогихъ бальныхъ платьяхъ, открывающихъ ихъ бѣломраморныя плечи, не было бы того обольстительнаго самоупоенія, за которымъ не надо ни видѣть, ни слышать ничего вокругъ себя!

На улицахъ все больше и больше появлялось пьяныхъ. Словно нарочно, помогая своему конечному раззоренью, они тащили оставшійся у нихъ хлѣбъ и продавали его богачамъ за безцѣнокъ. Женщины съ воемъ кидались на мужей, стараясь удержать дома послѣднее достояніе, а мужья побоями заглушали ихъ крики. Залитыя слезами и кровью лица женщинъ вставали передъ всѣмъ народомъ. Судорожно охвативъ руками своихъ дѣтей, метались онѣ по улицѣ, смѣшивая свои отчаянные вопли съ дѣтскимъ плачемъ.

Село все болѣе и болѣе начинало жить тою особенною яркою жизнью, которая проявляется въ немъ осенью и

осенью же замираетъ, выставляя на показъ всѣ ужасы тьмы. То тамъ, то здѣсь пробивалась заглушенная сила жизни, вспыхивая то дикимъ весельемъ, то враждой и преступленіями, насиліемъ надъ слабыми.

Нѣсколько разъ по ночамъ, въ тихую погоду, село освѣщали пожары, и въ ихъ заревѣ были видны то тамъ, то здѣсь, на возвышеніяхъ и перекресткахъ, почти неподвижныя группы крестьянъ, словно застывшихъ отъ пониманія этой злобной силы, какая жила среди нихъ и пожирала теперь, на ихъ глазахъ, достояніе села.

— Гляди-ка, гляди, хлѣбъ занялся! Рыга горитъ! — слышались, сдавленные волненіемъ голоса, и глаза всѣхъ впивались въ черное облако, густо взвивавшееся въ яркомъ свѣтѣ огня. Къ нимъ долеталъ съ пожара смѣшанный гомонъ сотенъ голосовъ, но они по прежнему продолжали стоять на своихъ мѣстахъ, боясь оставить на произволъ той же злобы свои дома, скотину и хлѣбъ.

— Уйдешь, а тутъ какъ разъ и загорится. Долго ли спичку подложить?—думалъ каждый, смотря на пожаръ.

А тамъ, среди огня, слышались вопли женщинъ:

— Охъ, хлѣбушко-батюшко!—голосили бабы, кидаясь на обгорѣлые снопы, которые разбрасывали вокругъ баграми мужики изъ чадившихъ кладушекъ.—Охъ, и кто-жъ этотъ „насердникъ", черезъ котораго пропадаемъ?... Охъ, о.... охъ.... Да кто же о..о. .нъ та-ко-о-ой, разбой..никъ?

Въ дыму пожара, среди сбѣжавшихся на него со всѣхъ сторонъ, изъ которыхъ многіе равнодушно смотрѣли на обезумѣвшаго мужика, спокойно топтавшаго босыми ногами горѣвшій хлѣбъ—результатъ своего годового труда, всѣмъ чудился и поджигатель.

У всѣхъ было желаніе узнать его, но не ради мужика, у котораго онъ поджогъ хлѣбъ, а ради своихъ кладушекъ, своего двора. Всѣмъ хотѣлось увидѣть его подлинное лицо, но оно скрывалось во тьмѣ общаго недовѣрія другъ къ другу, и всплывало передъ всѣми лишь въ наиболѣе яркомъ образѣ Васьки Талагая.

Чувство злобной ненависти и страха за себя стирало съ лица Васьки все человѣческое, стоявшее въ его синихъ глазахъ, въ измученномъ выраженіи его губъ.

Его искали на пожарѣ, но тамъ его не оказалось.

Дня черезъ три вспыхнулъ амбаръ богатаго мужика-скупщика, до верху засыпанный хлѣбомъ, и всѣ знали, что амбаръ поджегъ другой скупщикъ, обозленный надбавкой первымъ копѣйки на пудъ хлѣба, отчего всѣ повезли къ нему. Это казалось вполнѣ естественнымъ, и мужики пре-

доставили „богатѣямъ“ самимъ расправляться другъ съ другомъ, какъ знаютъ: это ихъ дѣло.

Вскорѣ потомъ у единственной лошади бѣдняка отрѣзали языкъ и отрубили хвостъ, и она долго мучилась, обливаясь кровью.

И это дѣло было ясно: къ бѣдняку-отцу пришла замужняя дочь, не захотѣвшая больше переносить побоевъ и издѣвательствъ мужа, а зять, за укрывательство жены, отрѣзалъ языкъ у лошади тестя.

Образъ Васьки Талагая какъ-то растворился въ общей жизни... А Васька свободно гулялъ по селу, набирался удали, пѣлъ пѣсни, напивался пьянъ...

Пришелъ „престольный“. Послѣ него остался умершій отъ вина старикъ и какой-то общій кошмаръ пьяныхъ дней. Многіе старались потомъ забыть его, какъ забывали всю жизнь такіе же кошмары отъ прежнихъ праздниковъ, кряхтѣли отъ понесенныхъ расходовъ, отъ проявленной ими дикости, но не справлять праздникъ было нельзя. Онъ требовалъ отъ каждаго домохозяина „убоины“ и водки, и не только для его односельчанъ, но и для жителей окрестныхъ селъ, толпами приходившихъ „погулять“ на праздникъ, и платившихъ тѣмъ же во дни своихъ „престольныхъ“ торжествъ. Не стравить за праздникъ барана, не поставить, на худой конецъ, двухъ ведеръ водки и не ходить вмѣстѣ съ другими изъ избы въ избу, не пить и не буянить, было бы преступленіемъ противъ всего уклада жизни, и „своевольнику“ не простили бы этого. Сила протеста не должна была идти дальше молчанія, дальше тупой тоски и сознанія своего одиночества, своей полной ничтожности передъ „міромъ“.

Вслѣдъ за „престольнымъ“ опять наступала нужда и тѣснила сильнѣе прежняго.

— Это не жизнь, а яма какая-то,—тоскливо говорили мужики, относя ежедневно въ церковь и на кладбище безчисленные гробики своихъ дѣтей.

Стояли долгіе, темные осенніе вечера. На улицѣ, изъ разныхъ мѣстъ, доносились тягучія, безрадостныя пѣсни дѣвокъ. Въ отдѣльныхъ кучкахъ парней звучали гармоніи, слышались циничныя восклицанія и смѣхъ, и вдругъ, заглушая всѣ звуки, изъ тьмы раздался крикъ: „Вотъ онъ, воръ! Бей, лови вора—раззорителя!“

Все сразу стихло, замерло въ мгновеніе. Все робкое шарахнулось въ сторону, сбилось въ кучки и пристыло къ

мѣсту или пряталось во дворахъ, припадая къ плетнямъ, чтобы никто не видѣлъ и не слышалъ ихъ.

Громко шлепая по грязи ногами, неслись во тьму мужики, въ ту сторону, откуда слышался крикъ: „Воръ! Бей вора!“

Топотъ ногъ, сдавленные, задыхающіеся голоса —все слилось въ одно вокругъ пойманнаго вора:

— А-а, Васька!.. Попалси! —донеслись отдѣльные, злобно-торжествующіе крики.—Попалси!

Послышался первый тупой ударъ и слился съ другими... Съ проклятіями, злобнымъ, прерывистымъ дыханіемъ, тѣсня и давя другъ друга, лѣзли во тьму сотни лицъ, тянулись сотни рукъ, судорожно стараясь схватить что-то, невидимое имъ, вложить въ него всю свою силу.

Вора рвали, поднимали на воздухъ и со всего размаха бросали о землю. Мѣшокъ съ рожью, съ которымъ попался онъ, весь липкій отъ его крови, также десятки разъ поднимался на воздухъ и падалъ на тщедушное тѣло Васьки. Всѣмъ казалось, что въ этомъ тѣлѣ было еще слишкомъ много жизни...

Его топтали, волочили по смоченной кровью грязи, и опять бросали кверху, и опять топтали ногами. Съ силою неудовлетворенной страсти отшвыривали отъ него уставшихъ, а на смѣну бѣжали изъ тьмы все новые и новые, жаждавшіе...

Вора мучили до самого разсвѣта, и только когда изъ тьмы стало проступать кровавое лицо, съ выдавленными глазами и разорваннымъ ртомъ, а изъ-подъ оттянутой, на перебитыхъ ребрахъ кожи показались куски воткнутыхъ подъ ребра изломанныхъ палокъ, люди опомнились, и никто больше не ударилъ Ваську.

Тѣло, съ висящими перебитыми ногами и руками, молча подняли на палки и понесли къ волости.

И тутъ только мать, всю ночь молчавшая вмѣстѣ съ другими, притаившимися во тьмѣ, осмѣлилась отдѣлиться отъ своей избы и съ ковшичкомъ воды выйти на встрѣчу сыну, надѣясь дать ему испить въ его смертный часъ.

Увидя въ слабомъ туманномъ разсвѣтѣ ея блѣдную, призрачную фигуру и, словно боясь допустить съ ея стороны какое-нибудь проявленіе человѣчности къ убитому, толпа, съ криками встревоженной злобы, отогнала мать и пронесла сына мимо.

Изъ волости, куда принесли убитаго, мужики молча, одиноко, расходились по пустыннымъ улицамъ.

Молча вошелъ въ свою избу и Калинъ, бившій вмѣстѣ

съ другими вора. Его встрѣтили дома тѣмъ же молчаніемъ, какое сковывало всю ночь село.

Улицы долго еще были пусты.

Взошло солнце, и люди, словно вырвавшись изъ долгаго тяжелаго плѣна, бѣжали въ дикомъ любопытствѣ смотрѣть убитаго. Бѣжали бабы, подростки, дѣти; шли дряхлые старики. Спѣшило все, что дрожало и пряталось всю ночь, не смѣя проявить никакого чувства.

Молча стояла толпа передъ убитымъ. Сквозь живую стѣну просовывались все новыя и новыя лица, и на всѣхъ стояло только любопытство, да дикая боязнь...

Черезъ день пріѣхалъ слѣдователь съ докторомъ.

— Много я видалъ на своемъ вѣку убитыхъ,—сказалъ старикъ слѣдователь опять собравшейся толпѣ,—но такого еще не видѣлъ. Такъ Христа не мучили, какъ вы его.

И эти слова облетѣли все село. Не разъ въ немъ бивали конокрадовъ и другихъ воровъ, бивали и истязали нисколько ни меньше, чѣмъ Ваську Талагая, но всѣ эти избіенія какъ то забывались вскорѣ, словно уходили въ далекое прошлое и смѣшивались въ немъ съ такими же избіеніями, творившимися ихъ дѣдами и отцами; но слова: „Такъ Христа не мучили"—долго удерживали образъ Васьки отъ забвенія.

Они не вызвали состраданія къ памяти убитаго, ни сожалѣнія о содѣянномъ: въ нихъ было лишь что-то жуткое за себя, былъ безотчетный страхъ передъ тѣмъ Христомъ, котораго выработала имъ жизнь, и именемъ котораго ихъ теперь укоряли.

Долго черезъ эти слова жизнь не могла втянуть опять въ свое русло и Калина.

По прежнему, въ избѣ его было темно и душно. По прежнему, крестя огонь, затопляла печь Николавна, и молчаливо и неустанно пряли бабы, а у двухъ люлекъ раздавалась все та же безнадежно-тоскливая пѣсня: а-а, а-а... а-а-а...

На фонѣ этой жизни заговорилъ маленькій Егорка.

Мать и бабка жадно прислушивались къ лепету ребенка и радостно повторяли слова своего будущаго заступника. Онъ уже крѣпко стоялъ на своихъ маленькихъ ножкахъ, съ крошечными розовыми пальчиками, и со смѣхомъ перебѣгалъ отъ матери къ бабкѣ.

— Егорій побѣдоносецъ, Егорій побѣдоносецъ,—говорила бабка, ставя Егорку у себя на колѣняхъ и слегка качая. За обѣдомъ онъ уже тянулся съ большой деревянной ложкой къ сѣрымъ щамъ.

— Мамка, дай яичко,—лепеталъ иногда Егорка, и мать съ бабкой, готовыя исполнять каждое его желаніе, чувствовали тогда особенно остро свое безправное положеніе.

— Ну, раззявитъ теперь глотку,—замѣчала въ такихъ случаяхъ Николавна не хотѣвшему отказаться отъ яичка ребенку.—Третьевось ему яичко сварили, теперь опять давай. На какую такую жисть вы его готовите?

— Рабенокъ онъ; чего еще понимаетъ?—виновато отвѣчали мать и бабка.

— Егорушка, подь ко мнѣ. Ну подь, подь, сынокъ. На, вотъ, картошечку, пожуй. Глянь-кась; ты только глянь—какая картошечка-то,—стараясь украсить картошку тономъ своего голоса, обманывала Егорку бабка.

Ребенокъ замолкалъ, бралъ картошку и, нахмуривъ лобъ, сосредоточенно разсматривалъ ее со всѣхъ сторонъ, ища въ ней того, о чемъ такъ нѣжно и сладко говорила ему Матвѣвна; кусалъ ее и, убѣдившись въ обманѣ, отбрасывалъ державшія его руки бабки и опять закатывался плачемъ.

— Не ребенокъ, а наказаніе,—безстрастнымъ тономъ замѣчала Матрена.

Мать брала его къ себѣ, перекладывала съ руки на руку, барабанила пальцами въ тусклое, закопченое окно, но ребенокъ не признавалъ ничего.

— Онъ въ люлю хочетъ, въ люлю,—говорила бабка, опять обманывая ребенка своимъ успокоительнымъ тономъ.— Лягжь, батюшка, лягжь.

Егорка поддавался тону, дозволяя себя уложить, а когда раздавалось надъ нимъ тоскливое: „а-а-а-а... а-а-а", онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и кричалъ пуще прежняго. Люльку трясли изо всей силы и, отуманенный ея толчками, мальчикъ стихалъ. Какъ только онъ просыпался, ему совали въ руки ломоть чернаго хлѣба, чтобы онъ опять не вспомнилъ о яичкѣ.

Ручки и ножки Егорки стали худѣть, личико пухло и желтѣло, и сталъ увеличиваться животъ.

Мать съ бабкой старались, какъ можно больше, напихать ребенка кашей, щами и хлѣбомъ, а онъ все пухъ и желтѣлъ, и все чаще и чаще плакалъ...

Но иногда желтыя и отекшія щечки его покрывались румянцемъ и ему хотѣлось рѣзвиться, но никто изъ домашнихъ не умѣлъ поиграть съ нимъ, и онъ видѣлъ вокругъ только озабоченныя лица, слышалъ слова, не отвѣчавшія его дѣтскому міру.

Никогда сказка не выводила его изъ душной избы, и

онъ опять принимался кричать; кричалъ нудно, подолгу и изо всей силы...

— Съ глазу это онъ, съ глазу,—говорили женщины. Онѣ сбрызгивали Егорку „съ уголька", умывали „зоревой водой"; но ни то, ни другое не помогало, и ребенка понесли лѣчить отъ „криксовъ" къ восьмидесяти-лѣтней Ѳеклѣ, къ которой и всѣ остальныя бабы на селѣ носили своихъ плаксивыхъ дѣтей.

Ѳекла три зари подъ рядъ подносила Егорку курамъ подъ нашесть и молилась:

— Господи, Іисусе Христе. Въ добрую минуту, въ добрый часъ. Вы, куры черныя, куры рябыя, куры желтыя, куры сѣдыя, куры бѣлыя, возьмите себѣ крикъ раба Божія Егорія; кричите вы за него, а онъ пусть не кричитъ, пусть перестанетъ въ благой часъ, въ благую минуту.

Своимъ покойнымъ тономъ, словами и увѣренными движеніями, бабка Ѳекла успокоила ребенка, и его опять принесли въ душную избу...

Большіе синіе глазки Егорки становились все серьезнѣе и серьезнѣе, и онъ все чаще сосредоточивалъ свое вниманіе на ѣдѣ, на скотинѣ, льнулъ къ суровому дѣду Калину, тянулся къ молчаливому, неповоротливому Никишкѣ.

Когда стали возить со двора навозъ въ оврагъ, ребенокъ кричалъ до тѣхъ поръ, пока его не посадили на возъ съ навозомъ. Слабый, посинѣлый отъ рѣзкаго весенняго вѣтра, закутанный въ тряпки, онъ былъ доволенъ, какъ нельзя больше. Съ кускомъ чернаго хлѣба въ рукѣ, важно сидѣлъ онъ на навозѣ и смотрѣлъ на лошадь, на бѣгавшаго вокругъ нея жеребенка, на дѣда Калина, шедшаго рядомъ съ возомъ.

Ребенокъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось во дворѣ, и старался дѣлать то же самое. Когда запрягали лошадь, онъ силился поднять валявшуюся на землѣ дугу, тянулъ за конецъ возжи. Калинъ молча смотрѣлъ сверху на его усилія.

— Ты што-жъ это смотришь?—сурово обращался онъ къ Егоркѣ.—Рази не видишь, мальчишки, вонъ, на нашей плужкѣ катаются. Ну-ка, возьми палку.

Егорка, еле удерживая въ своихъ ручонкахъ длинную палку, сѣменилъ къ мальчишкамъ.

— Хорошень ихъ, хорошень,—подзадоривалъ его сзади Калинъ.—Вотъ такъ, такъ... Мужикъ будешь,—заключалъ онъ многозначительно, и Егорка, заплетая ножками, еще пуще старался добраться какъ-нибудь съ своей палкой до мальчишекъ.

Мать съ бабкою отходили куда-то въ сторону, съ своимъ

женскимъ міромъ. Онѣ и сами чувствовали себя иногда безпомощными передъ ребенкомъ и, не зная, какъ и чѣмъ подчинить его себѣ, подчинялись ему.

Растетъ,—думала Матвѣвна, глядя на внука.—Растетъ, а лошади ему нѣту. Какой же онъ мужикъ будетъ, безъ лошади? Вѣдь и лошадей надо было дѣлить на четыре части.

И она стала заговаривать съ Калиномъ и „отдѣльными“ о лошади, которою они обдѣлили Егорку.

— Уплатятъ братья, отдамъ и я,—уклончиво отвѣчалъ Калинъ.

— Ты вырости его перва,—отвѣтили братья, когда Матвѣвна стала просить ихъ „сплотиться“ сколько-нибудь на лошадь для Егорки.—Тады увидимъ, какой еще онъ у тя будетъ. Може ему не слѣдъ и лошади то давать? Будетъ-ли еще онъ ее стоить?

Увидя въ этихъ словахъ отказъ, Матвѣвна отъ „отдѣльныхъ“ пошла въ волость. Оба брата насмѣшливо проводили ее глазами. Черезъ два дня во дворъ къ нимъ пришли старики „добросовѣстные“, и во дворѣ сошлись на этотъ разъ всѣ братья.

— Признаете вы, что эта ваша кровь?—спросили старики, указывая на Егорку, котораго держала на рукахъ испуганная и растерявшаяся мать.

— Кровь точно наша, признаемъ,—отвѣчали братья.—Родъ нашъ.

Послѣ этого старики стали провѣрять все наличное имущество братьевъ; считали и оцѣнивали въ обоихъ дворахъ скотину и все прочее.

Братья ходили за ними по двору, а бабы словно застыли на мѣстѣ, пораженныя поступкомъ Матвѣвны, которая молчаливо стояла передъ ними, опустивъ голову и рѣшительно сжавъ губы.

— Охъ, и су-у-дей-ная-жъ!—съ негодованіемъ воскликнула Николавна, какъ только „добросовѣстные“ вышли со двора Калина.—Охъ, и с-у-дей-ная!

— Захотѣла срамить передъ людьми,—вторили ей жены „отдѣльныхъ“.—Не смотритъ на то, что тридцать лѣтъ съ нами выжила.

— Боится, вишь, ее обидимъ,—говорила Николавна, и ея круглые желтоватые глаза наполнялись какимъ-то блѣднымъ пламенемъ, въ которомъ не было сознанія.—А еще не знато, чья и корова-то будетъ? Живъ ли еще Егорка-то будетъ? Ей и сынъ, умиралъ, говорилъ: „Родимая моя мамушка, покорись ты во всемъ дядинькѣ“. Какъ перстъ, енъ у ей былъ. Померъ, все послѣ него обмирала; чуть жива

осталась. Мы, дураки: намъ бы ее въ тѣ поры и въ домъ не примать. —„Бери свою корову и ступай, куды хошь"... Забыла, какъ замертво послѣ раздѣла въ нашей избѣ шесть недѣль вылежала. Забыла, какъ я ей по два яичка въ день варила: яичко въ утряхъ, яичко въ вечеряхъ... Все, все забыла... Ты ей, выходитъ, хошь медъ на голову лей, а енъ все дегтемъ оборачивается... Су-дейная, су-у-дейная!

— Брось, замолчи!—повернулся Калинъ къ женѣ:— пускай ее посудится, попробуетъ. Пускай со мной потягается маленько.

Вдовы чувствовали себя совсѣмъ одинокими. Слово „судейная", сказанное Николавной передъ народомъ, отдѣлило Матвѣвну ото всѣхъ. Она ни съ кѣмъ не судилась раньше, и теперь чувствовала себя словно виноватой въ чемъ-то.

Молчаливая, съ грустнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ и крѣпко сжатыми губами, ходила она по двору, который снова казался ей теперь чужимъ, и смотрѣла, какъ Калинъ съ сыномъ возили и складывали на улицѣ купленный безъ ея вѣдома большой новый срубъ.

Она пыталась узнать о цѣли покупки сруба у Николавны, у Матрены, но даже не умѣвшій ничего скрывать Никишка отвѣтилъ ей на этотъ разъ только грубостью.

Въ дружномъ молчаніи семьи ей чувствовался какой-то подвохъ, разгадать который она не была въ состояніи, но вскорѣ все объяснилось. Подойдя разъ собирать яйца къ куринымъ гнѣздамъ, привѣшаннымъ подъ сараемъ, она увидѣла, что они были пусты. Матвѣвна поблѣднѣла и опустила руки: ея права обирать яйца, освященныя еще стариками—свекоромъ и свекровью—и ни разу, во всю ея долгую жизнь, не нарушавшіяся никѣмъ, были попраны. Ей больше не довѣряли. Ее ставили въ семьѣ ни во что. Яйца будетъ обирать теперь Матрена, которая еще ничѣмъ не заслужила этого права. И она будетъ выше ея, старухи, въ семьѣ.

Затаивъ въ себѣ чувство глубокой обиды, Матвѣвна отошла отъ кошелокъ.

Сосредоточенное выраженіе лица ея смѣнялось только тогда, когда она смотрѣла на Егорку. Слушая его лепетъ, она удивлялась его уму, его памяти и радовалась, когда онъ, сморщивъ лобикъ, серьезно, словно совсѣмъ не подѣтски, выговаривалъ мужицкія слова: „Нѣтути, анадысь, ужо", или старыя мужицкія мысли, подслушанныя имъ у *большихъ*.

Въ ея памяти вставалъ Николушка, изъ такого же ребенка, незамѣтно для нея, превратившійся въ умнаго, хо-

зяйственнаго мужика, и она опять жила его воскресшимъ образомъ, слышала его голосъ...

— А ты, бабка, ду...у...ра,—важно и разстановисто произнесъ ребенокъ.

— Какъ? Что ты сказалъ?—не вѣря своему слуху, проговорила пораженная Матвѣвна.—Что ты сказалъ?

— Ты, бабка, ду...ра,—повторилъ ребенокъ.

— Не вѣрь имъ: это они тебя учатъ,—порывисто заговорила Матвѣвна, беря ребенка на руки.—Забудь это. Скажи: „Бабушка милая". Скажи, мой кровненькій.

— Дура... дура,—упрямо твердилъ ребенокъ, не понимая значенія этого слова.

— А Боженька-то! Во—Боженька,—указывая на небо, говорила Матвѣвна.

— Ду...ра... ду...ра.

— Ахъ, Господи! Что мнѣ теперь съ тобой дѣлать? Что дѣлать?—нагибаясь надъ ребенкомъ, со слезами въ голосѣ, говорила Матвѣвна.

— На кой ты мнѣ нужна, старая колдовка?—насупливая брови, проговорилъ въ другой разъ какъ-то Егорка, разваливаясь на колѣняхъ у бабки.—У...у носатая, уйди!—проговорилъ онъ потянувшейся къ нему оторопѣлой матери.

— И что только изъ него будетъ?—замѣтила Николавна.—Ребенокъ, а ужъ теперь отъ него проходу нѣтъ.

Матрена блестѣла своими зелеными глазами и улыбалась.

Когда бабы уходили въ поле, и дѣти оставались одни съ Николавной, старуха брала своего внука на руки и съ Егоркой выходила на улицу.

— Молчитъ,—говорила она другимъ женщинамъ.—Не повѣрите, милыя вы мои, весь мясоѣдъ слова несказала!—восклицала Николавна тономъ, въ которомъ была обида и порицаніе.—Хоть бы мужика-то въ домѣ постыдилась. Нѣтъ, уперлась, молчитъ. А на ночь заберутся съ своей молодой въ повѣть, лягутъ, повѣсятъ люльку надъ собой и все шепчутся, все шепчутся. Все въ волость ходитъ, свѣряется—что ея дѣло долго не разбираютъ. Теперь всѣ бумаги земскому задала: су..дей...ная, су..дей..ная,—съ негодованіемъ повторяла Николавна и опять говорила про яички „въ утряхъ" и „въ вечеряхъ", про смерть Николушки и про забытыя вдовою слова благодарности.

Рѣчи ея передавались Матвѣвнѣ, когда та, въ свою очередь, выходила на улицу.

Опустивъ голову, Матвѣвна молча слушала бабъ и боялась, въ то же время, своего молчанія, которое могло показаться обиднымъ, боялась и высказаться, зная, что улица

выдасть ея слова Николавнѣ, и только иногда нѣсколькими мѣткими словами, или интонаціей голоса, словно прячась за народъ, она незамѣтно направляла въ свою пользу сбитое съ толку общественное мнѣніе, при чемъ никто не могъ ни запомнить, ни передать ея собственную рѣчь.

Въ семьѣ постоянно происходили сцены. Всякое слово, взглядъ, иногда жесть истолковывались каждымъ по своему, и все это, переплетаясь между собою, теряло начало и конецъ, выростало во что-то цѣпкое, больное и невыносимо тяжелое.

— Матушка, пусти ты мене хошь Богу сходить помолиться,—сказала какъ-то молодая Параша, которой стало больше не въ мoготу переносить молчаливый гнетъ семьи.— Пусти, матушка. Живемъ мы тутъ, свѣту не видимъ. Люди въ Кіевъ идутъ, и я съ ними.

— Иди. За Николушку тамъ, за упокой, подашь; за Егорку часточку вынешь,—разрѣшила Матвѣвна.—Можетъ, со святого-то мѣста Господь скорѣе услышитъ про насъ, грѣшныхъ.

Черезъ два дня Параша ушла.

Во дворъ пришли плотники, стучали топорами, и новая изба быстро росла.—Никишка мѣсилъ глину, возилъ песокъ; Николавна съ Матреной вязали пучки соломы, мочили въ въ жидкой глинѣ, и вскорѣ Калинъ побѣдоносно стоялъ на конькѣ новой избы и старательно крылъ ее „подъ начесъ". Матвѣвну не позвали къ общей работѣ, и она по прежнему ходила по двору, какъ чужая.

Каждый вечеръ выходила она за ворота и подолгу смотрѣла за село въ степь, мягко залитую розоватымъ, прильнувшимъ къ землѣ свѣтомъ заходящаго солнца, на дорогу, по которой должна была вернуться Параша со „святого", далекаго мѣста.

Недѣли черезъ три она пришла, загорѣлая, похудѣвшая, съ потрескавшимися губами и какимъ-то чужимъ выраженіемъ въ лицѣ. Въ избѣ собралась вся семья, и Параша, словно чужимъ голосомъ, разсказывала о своемъ пути, о томъ, какъ они питались выпрошеннымъ Христа ради хлѣбомъ, ночевали подъ открытымъ небомъ, притуляясь гдѣ-нибудь подъ плетнями строеній, дабы не платить за ночевку въ избѣ копѣйку, сберечь ее на „святое мѣсто".

Она разсказывала, какъ ихъ разъ мочилъ дождь всю ночь, и какъ одна баба заболѣла и умерла въ пути; подробно передавала про все, что видѣла и слышала дорогой, и долго избѣгала говорить о самомъ святомъ мѣстѣ, пока, наконецъ, вынужденная ожиданіями и разспросами слушателей, не передала, какъ кричали на нихъ монахи въ „свя-

томъ мѣстѣ" и какъ всячески оскорбляли принесенное къ нимъ издалека чувство.

Параша говорила про это сквозь зубы, понемногу, какъ бы боясь сразу открыть все, что она видѣла. Она передавала, какъ было больно ей отъ удара по спинѣ тяжелымъ крестомъ, когда она стояла на колѣняхъ, нагнулась и каялась во грѣхахъ, и какъ рука монаха злобно приткнула ея голову къ евангелію; передавала, какъ ихъ загнали ночевать въ монастырскую гостиницу, гдѣ онѣ валялись на полу, въ корридорахъ, на проходѣ, и какъ ночью пришли послушники, впустили къ нимъ пьяныхъ солдатъ и вмѣстѣ съ солдатами стали приставать къ нимъ. И, чтобы подавить въ себѣ встававшее тяжелое чувство, она вынимала изъ своей дорожной сумки и показывала всѣмъ то „райское яблочко", сдѣланное изъ краснаго дешеваго манчестера, то поясокъ съ молитвой, то крестикъ. Послѣднимъ былъ вынутъ изъ сумки тонкій листикъ, на которомъ было напечатано что-то, но что именно—этого никто не могъ прочесть, и онъ такъ и остался для всѣхъ загадкой.

— Вотъ, изъ-за этого листика,—придавая ему еще больше цѣнности и значенія, говорила Параша,—одна бабочка вернулась отъ насъ. Отошли мы отъ Кіева верстъ сорокъ, стали показывать другъ другу святости. У всѣхъ, смотримъ, есть листики, а у ей нѣтъ: не дали ей. И вотъ какъ она плакала, вотъ какъ плакала „Зачѣмъ же, говоритъ, я шла, коли такъ, эстолько верстъ? Аль ужъ я такая грѣшная—грѣшнѣй всѣхъ? Пойду назадъ; узнаю, за что мнѣ его не дали". Такъ и вернулась.

Матвѣвна молча взяла изъ рукъ Параши таинственный листикъ и бережно поставила его къ образамъ.

Параша еще долго разсказывала о всѣхъ святостяхъ, которыя она видѣла и къ которымъ прикладывалась въ „святомъ мѣстѣ".

Николавна жадно ловила каждое слово Параши, каждое ея прикосновеніе къ святости Въ своей жизни „отъ печки до двери" она имѣла одну завѣтную мечту—побывать въ Кіевѣ и мечта эта протянулась вмѣстѣ съ ея жизнью до самой старости, и теперь, слушая Парашу, съ расширенными глазами и раскрытымъ ртомъ, она была похожа на рыбу, вынутую изъ воды.

Калинъ все время молчалъ. Въ сѣрыхъ, упрямыхъ глазахъ его, смотрѣвшихъ куда-то вглубь, въ лицѣ, въ каждую черточку котораго жизнь неизгладимо врѣзала грубую простоту своего смысла сквозила теперь та же растерянность, та же безпомощность, какъ и въ лицѣ Николавны.

Матвѣвна мягко улыбалась и не спускала глазъ съ

Егорки, игравшаго райскимъ яблочкомъ, на колѣнахъ матери.

Голосъ Параши по мѣрѣ того, какъ она удалялась отъ воспоминаній о вынесенной изъ монастыря обидѣ, принималъ прежній мягкій оттѣнокъ и жизненность. Но вотъ она, грѣшница, съ тоненькой свѣчкой въ рукахъ, слѣдуетъ за другими грѣшниками, длинною вереницею спускающимися во тьму подземелья пещеръ, и ихъ обдаетъ запахомъ святого тлѣнія и таинственнымъ мракомъ смерти.

— И ле..е..жатъ они та..а..мъ, въ пе...ще...рахъ,—говоритъ Параша, и молодое лицо ея вытягивается, становится суровымъ, бѣлые зубы сжимаются и губы складываются въ тонкую, аскетическую линію,—угодпички Божіи, до...о...лгі...и да дре...е...вні...и.

И въ пѣвучемъ голосѣ ея опять слышится испугъ грѣшной души и передается вся темнота пещеръ и таинственная святость мѣста.

И этотъ голосъ долго властвуетъ надъ притихшими слушателями въ темной, душной избѣ.

— Ну, вотъ что, вдовы, слухайте сюда,—сказалъ Калинъ на другой день, входя въ избу:—тутъ вотъ мы всѣ, семейскіе, въ сборѣ. Нонче мы будемъ въ новую избу переходить. Коли хотите жить вмѣстѣ, живите смирно, тихо; и что-бъ никакихъ этихъ судьбищъ не было... Денегъ за рожь съ меня не спрашивайте. Какія за нее деньги—сами-жъ ѣли. И лошади не ищите. Намъ отъ васъ и такъ убытку много было: Николка вашъ цѣлый годъ почти былъ не работникъ.

— А мы-то, что-жъ, не работали тебѣ?—поднялась съ лавки поблѣднѣвшая Матвѣвна.—Ты и землю нашу пашешь.

— Бери и землю; наймешь, такъ и тебѣ спашутъ и посѣютъ. И корову свою бери. Все, что есть, бери; оставайся въ саманкѣ. Вотъ тебѣ и весь сказъ, а мине болѣ не тревожь. Слышь, не желѣзни; не знай мово порогу.

— А какъ же Егорка-то? Ему я что скажу, какъ онъ выростетъ, да съ мине спроситъ? Вѣдь я опекунша.

— Это ужъ твое дѣло. Я говорилъ тебѣ—не обижу... Въ судъ пошла, ну и судись.

— Да какъ же теперь Егорку-то, такъ округъ и обрѣзать?—всплеснувъ руками, воскликнула старуха.

— А что-жъ я съ братьями подѣлаю? Они меня самого обидѣли. Ищи теперь съ нихъ. Сбирайте тутъ бабы; носите въ избу,—приказалъ Калинъ.

— Да что-жъ это будетъ? — не выдержавъ, заголосили вдовы.

Николавна, крестясь, стала снимать старые, закопченые образа, чтобы съ ними, съ первыми, войти въ избу.

Изба опустѣла. Жизнь раздѣлилась, и Калинъ, при встрѣчѣ съ вдовами, своимъ поведеніемъ старался еще болѣе подчеркнуть выросшую грань. Онъ словно совсѣмъ не замѣчалъ вдовъ, и чѣмъ больше онѣ нуждались въ немъ, тѣмъ старался быть суровѣе съ ними, чтобы скорѣе покончить съ ихъ сопротивленіемъ.

— Дяденька, какъ же солому-то намъ?—робко подходила къ нему Параша.—Топиться вѣдь надоть, и коровѣ рѣзку тоже.

— Возьмите, пока что.

— Да какъ взять-то? Микишка бранится, изъ риги гонитъ.

— Сказалъ: возьмите, и ладно.

И Калинъ, не вдаваясь въ дальнѣйшія объясненія, уходилъ въ свою избу, а Параша долго еще продолжала стоять во дворѣ и думать—какъ бы отдалить новую, возникавшую необходимость къ дяденькѣ.

И такъ шли дни за днями. Матвѣвна не сдавалась.

Прошло еще нѣсколько времени, и Матвѣвна опять пошла въ волость.

Тамъ долго надъ нею издѣвались. Ея жалоба земскому начальнику на старшину и писаря о томъ, что они подкуплены Калиномъ и нарочно тянутъ ея дѣло, не вызываютъ свидѣтелей,—вернулась въ волость.

Она ходила и кланялась этимъ свидѣтелямъ, прося ихъ дать свои показанія. Ее слушали, съ ней соглашались, но какъ то нехотя, словно не хотѣли становиться противъ Калина, который интересовалъ ихъ гораздо болѣе своею силою, чѣмъ тѣ слезы, какими обливалась гонимая имъ вдова.

Домой она вернулась еще больше подавленная, не увѣренная въ помощи свидѣтелей.

Со всѣхъ сторонъ вдовъ обступала тѣснота. Тѣсно было въ душной, пустой саманкѣ; тѣсно отъ людей; тѣсно отъ необъятнаго пространства, которое давило ихъ своимъ холоднымъ просторомъ и пугало неизвѣстностью, въ которой, казалось имъ, безъ слѣда затеряется ихъ жизнь.

Иногда ночью тихо мычала въ сѣняхъ голодная корова, или шарахались испуганныя овцы, и вдовамъ чудилось, что имъ и избѣ, и скотинѣ уже приходитъ конецъ.

— Ты спишь, Параша?—спрашивала старуха.

— Нѣтъ; а что?

— Да, такъ; страшно что-то.

И она тянулась во тьмѣ къ привѣшенной люлькѣ и, щупая ее рукою, говорила: „Спишь, кровненькій? Ну, спи, спи“.

И опять шли дни за днями, впитывая въ себя весь страхъ за жизнь, и за ними, какъ звенья той же тяжелой цѣпи, тянулись темныя ночи....

Разъ какъ-то по утру въ избу ко вдовамъ вошли двѣ незнакомыя женщины и мужикъ, и съ первыхъ же ихъ словъ вдовы узнали, что они пришли сватать Парашу за вдовца. Въ ихъ лицахъ, рѣчахъ и расхваливаніяхъ незнаемаго обѣими вдовами жениха было что-то такое, что пугало вдовъ и, въ то-же время, казалось имъ судьбой, которую ни разгадать, ни обойти было нельзя. Вдовы испуганно слушали эти рѣчи и слабѣли отъ нихъ.

— Приходите и дворъ посмотрите. Четыре лошади, три коровы, двадцать овецъ... Всего, всего въ волю. Три телѣги, кованныя. Мать женихова еще куды работать здорова. Гдѣ молодая не поспѣетъ, она доглядитъ.

Послѣднія слова особенно больно ударили Матвѣвну: въ ея жизнь съ Парашей ломилась другая, богатая и сильная, и другая свекровь для Параши, на ея мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы уходите, уходите, Бога ради,—говорила она, отмахиваясь руками:—не отдамъ я ее; не пущу.

— Да вѣдь что еще невѣста скажетъ. Чать, ее спросить нужно. Безъ мужика ей скушно; человѣкъ молодой.

— А мнѣ и схимникъ у Кіевѣ сказывалъ,— хватаясь, какъ за спасенье, за чужую волю, проговорила блѣдная Параша: — „Не ходи ты, говорить, замужъ. Будутъ тебѣ птички райскія пѣть. Будешь и сама,—какъ въ раю“.

Параша смѣшалась, вспомня, что никакихъ птичекъ не можетъ быть у нихъ въ селѣ, гдѣ не росло ни одного кустика, и что никакого даже подобія рая, о которомъ ей говорилъ отшельникъ, ей никогда и не снилось.

— А Егорка?—воскликнула Матвѣвна.

И обѣ женщины ухватились за Егорку, какъ за послѣднее средство отстоять свою личность.

— Коли она замужъ выйдетъ,—проговорила Матвѣвна,— Егоркѣ въ солдаты идтить, а при матери, вдовѣ, онъ дома останется.

— Да еще живъ ли онъ будетъ, Егорка вашъ? — отвѣчалъ сватъ.—Ишь онъ у васъ какой желтый; опухъ весь.

— Не сѣменный, не сѣменный,—увѣренно подхватили обѣ свахи.

И опять все рушилось; на Егорку, единственную надежду и силу, казалось, шла смерть.

Вдовы молчали.

— А тутъ-то ей что за жисть? Пропадете всѣ, какъ осеннія мухи, вмѣстѣ съ своимъ Егоркой!

Вдовы продолжали молчать.

— Что-жъ, другую, коли такъ, пойдемъ высватаемъ. Въ такой дворъ всякая пойдетъ съ радостью,—обиженно проговорили сваты, не понявъ молчанія вдовъ и поднимаясь изъ-за стола. Только смотрите—жалѣть будете, что упустили... Смотрите.

— Ну, значитъ, не судьба, не судьба,—оживилась Матвѣвна, стараясь разогнать этимъ словомъ возникшія колебанія и возстановить свою волю.—Не судьба.

— Ну, вотъ что: мы подождемъ, а вы еще подумайте,—стали прощаться сваты.

Имъ опять не отвѣчали, и они вышли.

— Ты вотъ что,—встрѣтилъ на утро Калинъ во дворѣ Матвѣвну:—корову-то черезъ нашъ дворъ не пускай, а то я ей ногу перешибу. Такъ и знай. И овецъ не пускай.

Калинъ зналъ, что приходили сваты. Онъ самъ послалъ ихъ къ вдовамъ, рѣшивъ, что если Параша выйдетъ замужъ, старуха останется одна; тогда легче будетъ сломить ее, и прекратится всякое судьбище.

— Куда-жъ мнѣ теперь съ ними дѣться?—воскликнула вдова, испуганная новымъ насиліемъ.

— Въ сѣняхъ держи,—послѣдовалъ спокойный отвѣтъ—и сама-то во дворъ не шляйся.

— Да вѣдь половина двора наша, и дверь изъ избы во дворъ.

— Дворъ ты себѣ по ту сторону городи, къ оврагу. Такъ и міръ согласился.

— Да куда-жъ тамъ городить? Тамъ оврагъ, и водой подмываетъ въ половодье.

— Это ужъ ты сумлѣвайся, какъ знаешь; а я заколочу дверь.

— А ты,—высунулась изъ-за притолоки новой избы Николавна,—хушь черезъ трубу летай; не наше дѣло.

Наклонивъ голову, какъ бы въ знакъ согласія, Матвѣвна молча ушла въ свою саманку.

— Матушка, покорись ты, видно, во всемъ дядинькѣ,—прижимаясь къ свекрови, говорила ей Параша.—Что-жъ намъ теперь дѣлать остается?

Въ тоскливомъ голосѣ Параши Матвѣвнѣ вставала послѣдняя предсмертная просьба ея Николушки: „Матушка, покорись ты во всемъ дяденькѣ"....

Когда нѣсколько дней спустя опять пришли сваты, вдовы были лишены своей воли. Сваты уговорили Матвѣвну поѣхать съ ними, посмотрѣть дворъ жениха, и послѣ этого осмотра уже распоряжались обѣими женщинами, какъ хотѣли; какъ будто осмотръ двора далъ имъ на это право.

А когда пришелъ самъ женихъ, и Параша увидѣла его землистое лицо, съ красными, воспаленными вѣками, она не обратила на него никакого вниманія. Женихъ былъ ей безразличенъ: судьба стирала передъ ней всѣ лица и ставила свое, какое хотѣла.

Парашу просватали. Въ тѣсную саманку набились сосѣди и женихова родня; пили водку, пѣли и плясали, а Параша съ Матвѣвной по прежнему были безучастны ко всему.

И только, когда всѣ посторонніе ушли, вдовы поняли, что надъ ними совершилось новое, большое насиліе; но и это насиліе было дѣломъ „судьбы", и ему надлежало покориться.

Въ саманкѣ поднялся плачъ — тихій, сдавленный, затяжной...

Женщины ходили на погостъ и, припадая на могилы мужей, взывали къ нимъ, заступиться за нихъ. Но мужья не отозвались на ихъ скорбныя стенанія и плачъ, и онѣ шли съ погоста, опустивъ головы, сторонясь и обходя людей.

Парашу перевѣнчали и изъ церкви увезли въ домъ мужа. Матвѣвна не пошла „гулять на свадьбу" и вмѣстѣ съ Егоркой оставалась въ саманкѣ.

Порой до ея слуха долетали звонъ колокольцевъ и пьяные крики веселья, въ которомъ должна была участвовать теперь ея Параша, и, стараясь разсѣять тоску, Матвѣвна принималась думать о каменной избѣ Парашинаго мужа, о его четырехъ лошадяхъ, трехъ коровахъ и кованныхъ телѣгахъ, а также о словахъ жениха: „А что Егорка-то—да, нашто, я его чернымъ хлѣбомъ кормить буду? У мине для него булокъ будетъ безъ переводу. Какъ въ городъ, такъ ему по цѣлому мѣшку буду привозить. Ѣшь, сколько хошь; мною обиженъ не будетъ".

А за окномъ то смолкали, то опять явственно доносились звонъ колокольцевъ и пьяные крики, которые рвалъ и металъ во всѣ стороны холодный осенній вѣтеръ.

— Изба большая, каменная, и дѣтей у него отъ первой жены нѣтъ,—думала Матвѣвна.—Можетъ, и отъ Параши не будетъ. Тады все Егорушкѣ достанется: весь дворъ, подъ

глину крытый, и скотина, и все, все... И отъ меня ему еще приложится. Все отдамъ. Годочка два побудетъ со мной; посмотрю, каковъ еще новый отецъ, а тады и пущу къ нему... Може, и сама къ нимъ уйду; опять всѣ вмѣстѣ будемъ...

Дни шли. Егорка плакалъ и скучалъ по матери. И вотъ однажды, когда онъ сидѣлъ, печальный и скучный, на колѣняхъ у бабки, отворилась дверь—и въ избу вошла Параша. Увидѣвъ мать, Егорка съ плачемъ потянулся къ ней, но Параша остановилась у порога и не трогалась съ мѣста. Лицо ея было блѣдно; въ глазахъ стоялъ ужасъ.

— Мамушка,—проговорила она,—и отъ звука ея голоса похолодѣло сердце у Матвѣвны,—что же мы съ тобой издѣлали? Вѣдь, мужъ-то мой, онъ... гнилой.

Послѣдняя надежда Матвѣвны рухнула. А вскорѣ какъ-то Калинъ сказалъ ей: „Ты вотъ что: переходи-ка въ мою избу. Живи, какъ раньше жила. Помрешь, сороковустъ по тебѣ справлю... А саманка твоя мнѣ нужна: я въ нее хлѣбъ ссыпать буду; хочу купцомъ задѣлаться. Моя амбарушка тѣсна“.

И Матвѣвна покорилась. Судьбище было прекращено, судьба Егорки всецѣло была возложена „на волю Божію“.

Стоялъ теплый весенній день. Солнце ласково обогрѣвало землю. Черезъ весь дворъ Калина, отъ саманки до новой избы его, была протянута веревка, и на ней висѣли разныя полотна, полотенца и покрывала. По рединѣ двора, на землѣ, неподалеку отъ веревки, сидѣла Матвѣвна, а возлѣ нея игралъ палочками, одѣтый въ одну рубашенку, Егорка.

Матвѣвна смотрѣла на тонкія бѣлыя полотна, развѣшанныя на веревкѣ, на длинную бѣлую рубаху, возлѣ нихъ, на полотенца, и на темномъ лицѣ ея отражалась какая-то мягкая задумчивость.

Отъ веревки она переводила взглядъ на Егорку и, прикасаясь пальцами къ его тонкимъ, бѣлымъ, какъ ленъ, волосикамъ, думала: „И у моего Николушки были такіе же волосики. И губочки у тебя Николушкины,—съ грустною нѣжностью говорила она, наклоняясь къ Егоркѣ.—И глазки его синіе, синіе, какъ василечки“.

И отъ ребенка опять переводила взглядъ на тихо колыхавшіяся на веревкѣ полотна.

Подъ навѣсомъ сарая Калинъ съ Никишкой „ладили“ телѣгу, и кормила грудью своего первенца Матрена.

— Смёртнушко сушишь?—съ непередаваемою ласкою въ тонѣ, относящеюся къ „смертнушку“, раздался позади Матвѣвны голосъ пожилой бабы, зашедшей во дворъ.

— Пусть обогрѣется,—улыбнулась Матвѣвна.

— Хорошо, хорошо приготовила,—разсматривая „смертнушко", проговорила баба.

— Вотъ это—попу, за похороны, на рубаху,—отвѣчала Матвѣвна, поднимаясь съ земли, и стала показывать вошедшей „смертнушко".

— Это ему на порты. И два полотенца, съ черными каймами и кружевами—тоже ему. А вотъ это дьякону: рубаха и полотенце. Вотъ дьячку—полотенце и портянки. Все приготовила; обижены не будутъ. А вотъ и моя рубаха смертная, попева, чулки и чуни, и крестъ кипарисовый, что мнѣ въ руки дадутъ; и два полотна, на чемъ мой гробъ несть будутъ... А вонъ, глянь, платки—хороши ли? Еще не рѣзаны. Это тѣмъ, кто гробъ въ церковь понесетъ—имъ. Тады разрѣжутъ... Всю жизнь себѣ приготовила. Слава тебѣ, Господи, всю справила... Потерпѣлъ Господь.

Баба ушла, а Матвѣвна опять стала ласкать ребенка и смотрѣла на „смертное". Одинъ только Егорка держалъ ее теперь на землѣ. Одинъ онъ требовалъ ея заботъ, смѣялся, лепеталъ ей о жизни. За его пушистыми волосиками, синими глазками, Матвѣвна видѣла постоянно темныя, неподвижныя лица, съ навѣки закрытыми глазами, обвѣянныя тайною „того свѣта", и всякая радость, какая касалась печальной души ея, гасла тамъ и превращалась въ тихую задумчивость. Задумчивы были ея темные глаза, ея грустная, неопредѣленная улыбка; все выраженіе ея темнаго, поблекшаго лица и даже всѣ ея мягкія, плавныя движенія.

Матвѣвна вставала, подходила къ „смертнушку" и щупала его ткань, изъ которой каждую ниточку выпряла она сама. И эта ткань казалась ей теперь какою-то особенною, словно „тотъ свѣтъ" наложилъ уже и на нее свой отпечатокъ, очистилъ ее, сдѣлалъ другою.

— Смертнушко сушишь?—раздался опять голосъ, и около веревки остановилась восьмидесяти-лѣтняя Ѳекла, лѣчившая Егорку отъ „криксовъ".

— А я вотъ,—покойно улыбаясь, продолжала она,—свое поминанье ходила на новое переписывать, да смотрю—смертное сушится; дай, молъ, зайду отдохну, посижу возлѣ.

— Дьячокъ писалъ,—опускаясь возлѣ Матвѣвны и показывая ей поминанье, говорила старуха.—Яичекъ два десяточка снесла ему за это. Теперь мое здравіе помаралъ и за упокой мине вписалъ, на первое мѣсто поставилъ. Какъ помру, внуки теперь это поминанье подавать будутъ... „Царя, говорю ему, еще поставить надоть".—„Какого жъ, говоритъ, бабушка тебѣ ставить-то.—„Ликсандру, Ликсандру, говорю; того, что насъ ослобонилъ; и іерея запиши"... По-

тому, всю жизнь они надъ нами. Безъ нихъ какое жъ поминанье будить.

— Кого-жъ, iерея-то, вписала? — поинтересовалась Матвѣвна.

— Охъ, милая моя, вотъ тутъ-то мнѣ и тру-у-дно бы-ло... Всѣхъ, всѣхъ я ихъ перебрала. Чай, знаешь, какiе они у насъ были?.. Отецъ Иванъ, царство ему небесное, почитай завсегда пьяный былъ, и до бабъ дюже охочъ. Бывало, пойдетъ кадить; одной рукой Богу кадиломъ машетъ, а другой насъ, молодыхъ бабъ, норовитъ ухватить. И вѣдь гдѣ? — въ церкви, передъ Богомъ, передъ Его пречистымъ лицомъ... А отецъ Пётра, Павелъ, Яковъ—что только они надъ нами дѣлали... Ты вѣдь милая, не всѣхъ ихъ знала; Петра не помнишь. Отъ Петра пошло у насъ „по горячему слѣду" покойнику поминки справлять. Бывало, придутъ брать покойника, на кладбище несть, снимутъ его со стола, вынесутъ во дворъ, и стоитъ онъ тамъ, сердешный, дожидается, пока не кончатъ его поминать попы. Не гребливы были. Прямо за немытый столъ, послѣ покойника, садились, а мы-то, бывало, бабы, стоимъ во дворѣ, покойника караулимъ, что-бъ скотина какъ не опрокинула его, али собака не подошла. Зима, стужа, иззябнемъ всѣ. Вылѣзутъ они изъ за стола, пьяные, препьяные, а покойникъ ужъ замерзъ, и мы съ нимъ померзли; а лѣтомъ мухи его всего облѣпятъ... Идутъ впереди гроба, шатаются... А то еще и такой случай былъ: Прошина Семена хоронили. Несли его, а дьячекъ вдругъ пѣсни заиграй. Попъ тоже пьяный былъ, вдарилъ его, — и задрались... И какъ разъ, вонъ, на томъ самомъ мѣстѣ, — показала старуха рукой на возвышенiе противъ церкви. — Чуть, драмшись, гробъ не сбили. Народъ, на нихъ глядя, грохотъ поднялъ... Ну, тутъ опомнились... Не похороны были, а ужъ и сказать не знаю что... И кабы не подалъ тады дьяконъ на нихъ,—съ попомъ онъ въ чемъ-то изъ за новины не поладилъ,—поди и понынѣ у насъ оставались бы. Попъ-то совсѣмъ еще не старый былъ... Все-бъ его терпѣли. Потому, думаешь, какъ намъ, грѣшнымъ, ихъ судить. На нихъ благодать; ихъ Самъ Господь разсудитъ.

— Кого-жъ записала-то?—спросила опять Матвѣвна.

— Илью записала.

И въ памяти обѣихъ женщинъ мелькнуло красное, заспанное лицо, плотина черезъ оврагъ, по которой идетъ на Пасху, въ облаченiи, отецъ Илья, окруженный богоносцами. Мелькаютъ образа, крестъ, хоругви, слышится пѣнiе: „Христосъ Воскресе"; Илья шатается и, не удержавшись, летитъ съ плотины въ глубокое бучило. Его выта-

скрвають. Съ него ручьями течетъ грязная, вонючая вода. Кто-то изъ мужиковъ лѣзетъ въ бучило доставать утонувшій крестъ.

— Его вписала,—повторяетъ старуха.—Не намъ судить. На нихъ благодать.

— Не намъ судить,—повторила и Матвѣвна, скользнувъ взглядомъ по развѣшаннымъ смертнымъ полотнамъ.

И женщины продолжали спокойно говорить о священникахъ, о религіи и о своей жизни, о жизни вообще, которая вся оказывалась состоявшей изъ однѣхъ обидъ...

И казалось, словно отъ всей этой жизни оставалась одна только веревка со „смертнымъ", и эта веревка колыхалась во всякомъ дворѣ, протянулась чрезъ все село, чрезъ всю жизнь крестьянскую...

— „У Бога времени мно-о-го... Куда спѣшить? Помремъ и такъ",—стояли слова въ разгоряченномъ мозгу Калина. И ему рисовалось большое топкое болото, съ осклизлыми берегами, изъ котораго онъ, нѣсколько дней назадъ, работая въ полѣ, напился — и теперь лежалъ дома, въ жару.

— „Чистить надо",—говорилъ онъ не разъ, подходя къ этому болоту, и ему вспоминались слова односельчанъ. „Э-эхъ милый; у Бога времени много. Куда спѣшить"?

И слова эти охраняли болото съ тѣхъ поръ, какъ Калинъ помнилъ себя.

— Вѣдь я не какъ нибудь, а черезъ рукавъ,—тоскливо говорилъ Калинъ, смотря на домашнихъ вопрошающимъ взглядомъ.- Всю жисть вѣдь пилъ изъ него и ничего не случалось. Ве ернія и утреннія зори всякую воду очищають, а тутъ еще и черезъ рукавъ.

— Аль испить дать?—тянулась къ нему съ ковшикомъ воды Николавна, не находя другого утѣшенія.—Смотри не помри.

Калинъ взглядывалъ въ ея круглые, желтые глаза, въ безучастныя лица Никишки и Матрены и тоскливо отворачивался въ стѣнѣ.

— Нѣтъ, встану,—думалъ онъ, смотря куда-то передъ собою горячимъ, воспаленнымъ взглядомъ и стараясь что-то припомнить изъ того, что проникало въ послѣднее время въ его сознаніе, что ураганомъ мыслей и чувствъ пронеслось за послѣдній кровавый годъ надъ его селомъ, то вызывая въ Калинѣ какую-то невѣданную имъ ранѣе ненависть и злобу, отъ которыхъ легче дышала грудь и смѣлѣе билось сердце, то выростая въ такой же, невѣданный ранѣе, приливъ силы и жажды чего-то иного, чего не

дала ему жизнь. Онъ часто ощущалъ въ себѣ за послѣднее время это иное. Оно со всѣхъ сторонъ шло на его село, неуловимое, непонятное и, въ тоже время, настойчивое и требовательное, проникая всюду. И, озадаченный, ошеломленный имъ, Калинъ чувствовалъ иногда, какъ словно рвалось что-то внутри его самого; словно иссякала въ немъ та многовѣковая сила, ради роста которой онъ давилъ всѣхъ вокругъ себя, доходилъ до озвѣрѣнія, до стихійной травли слабѣйшаго.

— Помрешь, охъ, помрешь!—слышалъ онъ за своей спиной скорбный голосъ Николавны.—Смерть ближе рубахи.

Калинъ морщился отъ этихъ словъ. Ему не хотѣлось умирать.

Предъ нимъ вставали Матвѣвна съ Парашей, Николушка и множество другихъ обездоленныхъ имъ лицъ; вставали большіе, чистые глаза замученнаго имъ, вмѣстѣ съ другими, Васьки Талагая.

Онъ встряхивалъ головой, дѣлалъ усилія приподняться со скамьи, словно стараясь стряхнуть съ себя какую-то давившую его тяжесть и, смотря тоскующимъ, разгоряченнымъ взглядомъ на своихъ ближнихъ, говорилъ:

— Али я не человѣкъ? Вы скажите—звѣрь я, что ли? А?.. Что жъ вы молчите!

Домашніе не знали, что ему отвѣтить...

И Калинъ опять впадалъ въ бредъ, и ему казалось, что топкое болото, изъ котораго онъ пилъ всю жизнь, опять подступаетъ къ нему, растетъ вокругъ него и тянетъ его въ свою бездонную глубь. Онъ стоналъ, ворочался, безпомощно взмахивалъ руками, словно стараясь ухватиться ими за что-то.

— Аль тебѣ испить?—наклонялась къ нему опять съ ковшикомъ воды Николавна.

Калинъ взглядывалъ въ ея мутные глаза: въ нихъ видѣлось ему то же болото, и онъ съ ужасомъ отталкивалъ отъ себя ковшикъ.

Калинъ умеръ. Вокругъ его тѣла собрались братья, сосѣди и, какъ испуганная птица, билась надъ нимъ и вскрикивала Николавна. Молчаливо стояла Параша, съ явными слѣдами ужасной болѣзни на своемъ еще недавно миловидномъ, молодомъ лицѣ, съ тусклымъ взглядомъ еще недавно ясныхъ глазъ. И также молчала печальная Матвѣвна, ушедшая мысленно туда, гдѣ былъ теперь Калинъ, гдѣ были ея мужъ, Николушка и другія дѣти.

Обнявъ ее за шею, серьезно всматривался въ мертвое, суровое лицо дѣда Егорка, словно стараясь прочесть въ немъ что то для своей молодой, начинающейся жизни.

Е. М. Милицына.

*
* *

Кровавый конченъ пиръ... Безъ силъ, полумертва,
Въ молчаньи тягостномъ поникнула Москва
Окровавлённой головою...
И гробовая тишь, и смерть кругомъ, и страхъ...
Чуть отблескъ зарева мерцаетъ въ небесахъ
И гаснетъ блѣдной полосою.
Послѣдній, грустный свѣтъ... Изъ крови свѣжихъ ранъ
Багряной тучею встаетъ густой туманъ,
Темнѣя страшно и уныло,
И тяжко стелется надъ старою Москвой,
И застилаетъ онъ кровавой пеленой
Свободы юное свѣтило.

Не плачь, отважный другъ: не все погибло, вѣрь!
Пусть вражья ненависть—трусливый, подлый звѣрь
Терзаетъ трупы братьевъ павшихъ;
Пускай она влачитъ въ крови ихъ чистый прахъ,
Пускай толпу рабовъ сковалъ безумный страхъ
Подъ крикъ злодѣевъ одичавшихъ.
Не все погибло, нѣтъ!.. Въ могильной тишинѣ,
Въ оцѣпенѣніи окрестномъ, слышно мнѣ
Одно великое, живое,
Одно, надъ чѣмъ ни смерть, ни ужасъ не властны,
Чѣмъ день и ночь сердца печальныя полны
Героевъ, не погибшихъ въ боѣ.

Его дыханіе я слышу здѣсь и тамъ:
То бродитъ по Москвѣ, невидимый врагамъ,
Народной скорби грозный геній;

И рѣчь его слышна для сердца моего,
И тусклымъ пламенемъ мнѣ свѣтитъ взоръ его
Сквозь дымъ кровавыхъ испареній...
О, пусть ликуетъ врагъ въ безуміи слѣпомъ,
Пусть, съ волчьей радостью, надъ отступившимъ львомъ
Побѣду празднуютъ тираны...
Не плачь! Израненный, но не погибшій левъ
Изъ тьмы слѣдитъ врага, и копитъ львиный гнѣвъ,
И лижетъ царственныя раны!..

Е. С.

Какъ я былъ тюремнымъ надзирателемъ.

Въ концѣ лѣта 1877 года я жилъ въ Одессѣ. Дѣлъ не было, скука страшная. Раньше, узнавъ объ арестѣ Стефановича, Дейча, Бухановскаго *) и другихъ, заговорили было объ ихъ освобожденіи, но скоро и умолкли: не было денегъ. Главная причина сидѣнья у моря и ожиданія погоды. Ожидательное состояніе какъ-то даже отбивало охоту читать обычныя книги: искали самыхъ забирательныхъ (напр., Рокамболь и другія въ этомъ родѣ были въ большомъ ходу). Особенно, помню, Маруся Ковалевская отличалась отыскиваніемъ книгъ съ замѣчательно странными и страшными заголовками...

Въ концѣ осени или въ началѣ зимы пріѣхалъ изъ Питера Валерьянъ Осинскій. Зовутъ меня на квартиру Маруси Ковалевской. Прихожу, сажусь въ сторонѣ и вижу высокаго, красиваго молодого человѣка, толкующаго съ Попко и другими о чьемъ-то освобожденіи, о деньгахъ. Вдругъ Попко обращается къ нему и, указывая на меня, говоритъ: «Да вотъ тотъ Михайло!» Валерьянъ поздоровался со мной и объяснилъ, что Вѣра Засуличъ и Маша Калинкина смогутъ добыть тысячу или около того, если мы захотимъ заняться освобожденіемъ Стефановича, Дейча, Бухановскаго. Въ Одессѣ на это быстро согласились, и скоро мы цѣлой компаніей двинулись въ Кіевъ.

Здѣсь скоро выяснилось, однако, что у Валерьяна были и другія задачи, помимо освобожденія. Оно даже отошло на второй планъ. Главное же,—онъ занялся знакомствомъ со студенчествомъ: начались сходки, собранія. Временно Осинскій, Попко, Волошенко и я ѣздили въ Питеръ, но объ этомъ послѣ когда-нибудь, такъ какъ къ дѣлу освобожденія совершенно не относится. Мы скоро вернулись, но за время нашей поѣздки Мокріевичъ успѣлъ завести хорошія сношенія съ тюрьмой; мало того: нашелся одинъ унтеръ изъ ключниковъ, который соглашался за 1,000 рублей вывести троихъ.

*) Я вездѣ пишу Бухановскій, а не Бохановскій потому, что такъ мы выговаривали.

Остановка была за деньгами. А между тѣмъ, уже въ первый пріѣздъ, мнѣ очень улыбалась мысль, чтобы кто-нибудь изъ насъ самихъ поступилъ въ надзиратели тюрьмы. Волошенко былъ въ Сербіи добровольцемъ,—немного, значитъ, знакомъ съ военной обстановкой. Мнѣ казалось, что изъ насъ онъ наиболѣе подойдетъ, такъ какъ въ тюрьмѣ служили большею частью отставные солдаты, унтера. Онъ былъ другого о себѣ мнѣнія, и дѣло заглохло. Теперь, по возвращеніи, та же мысль снова засѣла мнѣ въ голову, и я рѣшилъ самъ поступить въ надзиратели, хотя меня сильно смущала боязнь: смогу ли? Мнѣ казалось, что для этого надо быть поплотнѣй, поздоровѣй. «Лицомъ не вышелъ», какъ самъ себя я характеризовалъ. На себѣ я остановился, однако, потому, что у всѣхъ скоро нашлось дѣло,—всѣ увлеклись студенческими дѣлами, собраніями, разговорами,—я же какъ-то остался не у дѣлъ. Спросили сидящихъ, тѣ вполнѣ одобрили мой планъ и сообщили, что теперь и мѣщанина примутъ въ тюрьму, такъ какъ, по случаю войны съ Турціею, большой недостатокъ въ военныхъ. Сидящіе же сообщили и къ кому надо обратиться за мѣстомъ. За то вольные мало придавали значенія поступленію въ тюрьму, ссылаясь на то, что сношенія есть, унтеръ тоже, остается лишь подождать денегъ, но и деньги будутъ скоро. Будь у меня дѣло, это и я бы принялъ въ разсчетъ, но, такъ какъ его не было. а сидѣть безъ дѣла—тоска, то я и принялся за сборы. Соорудили мнѣ мѣщанскій паспортъ. Валерьянъ Осинскій пошелъ со мной на толкучку въ ряды готоваго платья, и тамъ мы купили мѣщанское широкое, чернаго драпа, пальто, поддевку, штаны, сапоги, шарфъ, кушакъ цвѣтной, фуражку,—все новое.

На другой день, нарядившись, двинулся я къ тюрьмѣ, за городъ. Сначала налѣво идетъ вдоль большой дороги валъ земляной, за нимъ огородъ тюрьмы. Далѣе деревянная ограда изъ остроконечныхъ, вертикально поставленныхъ бревенъ. Въ этой оградѣ—ворота, которыя никогда не запирались. Входишь въ ворота и видишь налѣво самую тюрьму, окруженную высокой каменной стѣной, налѣво двухъэтажный домъ съ невысокими заборами около. Между тюрьмой и дворомъ дома—уличка. Домъ и другія близь лежащія зданія составили особый, самостоятельный кварталъ. Мнѣ надо было отыскать главнаго надзирателя Мильченка. Наугадъ направляюсь къ двухъэтажному дому. Не дошелъ и до крыльца, вижу — изъ воротъ тюрьмы вышелъ какой-то отставной военный въ сѣромъ драповомъ пальто съ свѣтлыми пуговицами. «Не Мильченко ли?» проходитъ въ головѣ; это предположеніе высказываю ему и громко, когда онъ подошелъ. «А что нужно?»—Да мѣста ищу! Пріѣхалъ съ керосиномъ на контрактъ, керосинъ продали; хозяинъ на свой счетъ не хочетъ обратно везти, вотъ и остался. Никакъ мѣста не найду!..» «А паспортъ есть?» довольно милостиво спрашиваетъ Мильченко. Его характеризовали мнѣ, какъ грубое, дерзкое начальство для

надзирателей, поэтому меня даже удивилъ его благожелательный тонъ. Вынимаю торжественно изъ-за пазухи красный платокъ, развертываю и подаю паспортъ. Мильченко уходитъ въ домъ—это былъ домъ смотрителя — выноситъ паспортъ и говоритъ, что паспортъ годенъ, что смотритель согласенъ принять, и чтобы я приходилъ 1-го числа. На радостяхъ обѣщаюсь хорошо отблагодарить, если поступленіе состоится. Мильченко, къ моему удивленію, тоже почему-то размякъ. «Пойдемъ на казармы!» предложилъ онъ, и мы отправились туда. Прошли въ казарму налѣво; Мильченко идетъ дальше, заходитъ въ отдѣльную комнатку, гдѣ помѣщался завѣдующій мастерскими (его не было въ это время), показываетъ тутъ все и ясно даетъ понять, что и комната, и эта должность предназначаются имъ мнѣ.

Мильченко былъ только старшій надзиратель, но раньше, при другомъ смотрителѣ, онъ игралъ очень важную роль: передъ нимъ дрожали всѣ служащіе. Многіе, по привычкѣ, продолжали дрожать и теперь. Видя его любезность, я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что мѣсто за мной... Разставшись съ нимъ, спѣшу къ своимъ въ Кіевъ, передаю все и сейчасъ же перебираюсь къ евреямъ. Около вокзала существовалъ цѣлый рядъ домовъ, гдѣ можно было за 10—15 к. имѣть койку на ночь. Сюда-то и перетащилъ я свой чемоданчикъ. Наканунѣ 1-го, чтобы лучше быть увѣреннымъ въ пріемѣ, иду снова въ тюрьму повидать Мильченко и снова встрѣчаю его недалеко отъ дома смотрителя.

— Ну что, можно завтра приходить? Освободилось мѣсто?— поздоровавшись, обращаюсь къ Мильченкѣ съ развязностью знакомаго человѣка; но, взглянувъ на него внимательнѣй, сразу замѣчаю, что это уже не тотъ благорасположенный ко мнѣ человѣкъ а молчаливое, суровое начальство, не желающее вступать въ излишніе разговоры.

— Въ тюрьму смотритель не соглашается тебя взять, а есть мѣсто сторожа при амбарахъ и казармѣ!—отрѣзалъ онъ.

Такой отвѣтъ и перемѣна въ обращеніи меня удивили. Начинаю заговаривать, хочу узнать, какая причина, въ чемъ дѣло. Но Мильченко грубо перебиваетъ на полусловѣ:

— Разговаривать много нечего! Хочешь, — приходи, не хочешь,—твое дѣло!.. Смотри только, раньше приходи, если надумаешь!—уже въ догонку добавилъ онъ, когда я сказалъ, что, можетъ, приду.

Въ недоумѣніи, двинулся я назадъ. Мнѣ была въ то время совершенно непонятна метаморфоза съ Мильченкомъ; брало раздумье... Позже оказалось, что смотритель не захотѣлъ ни смѣнить того завѣдующаго, на мѣсто котораго прочилъ меня Мильченко, ни вводить мѣщанина въ тюрьму. За все это Мильченко и дулся на него, но неудовольствіе излилъ на меня. Ничего этого не зная и не подозрѣвая, я былъ въ большомъ смущеніи. А тутъ

кіевляне, узнавъ, что въ тюрьму нельзя поступить, всѣ въ одинъ голосъ принялись отговаривать отъ поступленія въ сторожа. Сторожъ не имѣетъ ни малѣйшаго касательства до тюрьмы, живетъ на отдѣльномъ дворѣ. Чего же ради себя мучить? Тѣмъ болѣе, что деньги скоро будутъ, и съ унтеромъ дѣло стоитъ хорошо. Человѣкъ онъ ловкій, смѣлый, и нельзя ожидать, чтобы надулъ...

Ушелъ я къ себѣ и всю ночь проворочался въ постели, рѣшая, поступать или не поступать? Но вотъ показался разсвѣтъ; не долго мѣшкая, укладываю свои вещи, расплачиваюсь и спѣшу къ тюрьмѣ: все же дѣло! Вотъ и казарма. Кругомъ грязь, сырость, запахъ особый, свойственный только казармѣ; бывшіе тутъ надзиратели встали, какъ только вошелъ Мильченко. Чумазый парень изъ крестьянъ возится у печи.

Я во всемъ новомъ стою тутъ же. На сердцѣ заскребло, заныло отъ окружающаго. «Не бѣжать ли? Есть еще время!» проходитъ въ головѣ...—«Онъ сегодня уходитъ, такъ ты на его мѣсто станешь!» замѣчаетъ Мильченко, показывая на одного паренька, и въ голосѣ его мнѣ чудится легкая насмѣшка... Дѣйствительно: парень былъ въ плохой, рваной шубенкѣ и совсѣмъ мальчикъ, и стать на его мѣсто въ моемъ костюмѣ всѣмъ показалось страннымъ. Это невольно передалось и мнѣ. «А гдѣ же кровать мнѣ?» въ смущеніи спрашиваю я Мильченко. Тотъ, какъ я выше говорилъ, игралъ роль начальства, передъ нимъ вставали, не смѣли сами заговаривать, отвѣчали лишь на вопросы, когда ихъ самъ онъ спрашивалъ. Услыхавъ теперь мой вопросъ, всѣ опѣшили: водворилась полная тишина. Ожидали какой-нибудь выходки рѣзкаго отвѣта, но Мильченко посмотрѣлъ лишь на меня сверху внизъ, какъ большой песъ на малаго щенка, и вышелъ, не говоря ни слова. Не зная, что съ собой дѣлать, я усѣлся на крайнюю пустую кровать. Надзиратели сейчасъ же принялись допрашивать: кто, откуда, какими судьбами и почему поступилъ сюда. Послѣ я узналъ, что въ тюрьмѣ считалось зазорнымъ служить, и порядочный человѣкъ безъ нужды не шелъ туда. Пришлось повторить то, что говорилъ Мильченкѣ, и кое-что еще добавить, чтобы яснѣй была безвыходность положенія человѣка на чужой сторонѣ...

— Ну, теперь понятно! — глубокомысленно замѣчаетъ одинъ сѣдой унтеръ, и разспросы прекращаются. Этотъ унтеръ, человѣкъ пожилой, но недалекій, имѣлъ значеніе. Онъ былъ товарищъ Мильченка по военной службѣ и, во имя товарищества и рюмки водки, служилъ теперь у него и какъ истопникъ, и какъ собутыльникъ отчасти. Вѣроятно, сообщалъ и о томъ, что творится въ казармѣ. Его опасались. У Мильченка на дворѣ казармъ былъ небольшой домикъ въ одну комнату. Тутъ онъ проводилъ день; на ночь уходилъ въ городъ, гдѣ жила семья.

На обязанности товарища лежало натопить, прибрать эту комнату, сбѣгать за водкой, содовой водой.

Мильченко сильно пилъ временами,—тогда требовалась водка для похмѣлья или содовая вода для лѣченья.

Послѣ разспросовъ мнѣ стало свободнѣй. Я вышелъ, сталъ осматриваться. Казармъ было двѣ. Большое, длинное зданіе дѣлилось узкимъ корридорчикомъ на двѣ казармы. Затѣмъ, въ каждой такой части отдѣлено были по одной комнатѣ. Въ одной комнатѣ жилъ завѣдующій мастерскими; въ другой фельдшеръ. Фельдшеръ былъ въ чахоткѣ и жилъ тутъ съ цѣлой семьей въ маленькой комнатѣ. Въ казармахъ въ два ряда стояли кровати надзирателей. Для каждаго кровать. Насъ, сторожей, оказалось двое, и на обоихъ одна кровать. Они были въ другой казармѣ, а не тамъ, гдѣ совершался мой пріемъ. Въ каждой казармѣ большая русская печь. Въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ свои печи. Надзиратели и сторожа получали 10 рублей въ мѣсяцъ. Пища, одежда—свои. Отъ тюрьмы давалось лишь помѣщеніе для спанья и топка казармъ. Ключники получали 15 рублей, Мильченко 25—30 рублей и доходы: онъ завѣдывалъ и хозяйствомъ тюрьмы.

Со своимъ товарищемъ я живо сошелся. Это былъ старый отставной денщикъ или поваръ: умѣлъ хорошо готовить кушанья. Съ нимъ мы скоро поладили, раздѣливъ такъ свои обязанности. Я буду днемъ присматривать за дворомъ, исполнять порученія Мильченка, приносить дрова, а онъ станетъ готовить обѣдъ, ужинъ на насъ двоихъ. Такъ было днемъ. Ночью же мы дежурили на дворѣ по очереди,—одинъ до 12-ти часовъ, другой съ 12-ти до до утра. Смѣна послѣ 12-ти часовъ считалась наиболѣе трудной: передъ разсвѣтомъ сильно томилъ сонъ, и трудно было бороться съ нимъ; ходишь, а глаза сами такъ и слипаются... Черезъ каждую недѣлю очереди дежурствъ, поэтому, мѣнялись.

Во дворѣ казармъ находились амбары, навѣсы, гдѣ хранился эшафотъ, повозки; тутъ же былъ домикъ Мильченка и небольшой сарайчикъ. Вотъ и все, что надо было охранять. Охрана состояла въ томъ, что ночью, взявши съ собой полицейскій свистокъ, ходишь, бывало, по двору и временами свистишь. Впрочемъ, я не ограничивался однимъ дворомъ, а выходилъ и на огороды, проходя вдоль тюрьмы, и своимъ свистомъ не разъ смущалъ, вѣрно, часовыхъ. На огородахъ въ одномъ мѣстѣ стояли въ саженяхъ дрова и небольшой стожокъ сѣна, а въ другомъ — маленькая тепличка и, недалеко отъ нея, станъ колесъ, о существованіи которыхъ я узналъ гораздо позже, когда уже былъ переведенъ въ тюрьму. Вышла исторія, по которой я узналъ, что существуютъ какъ мои сторонники, такъ и противники: колеса пропали, но когда—никто не зналъ. Мои противники стали увѣрять, что еще при мнѣ. Сторонники же утверждали, что этого быть не могло. И дѣйствительно: я свистка не жалѣлъ, о снѣ не думалъ и всячески выказывалъ свое рвеніе, бродя тамъ, гдѣ и не требовалось. Колеса должны были лежать какъ разъ на пути, за стѣной, гдѣ я

часто перелѣзалъ въ огородъ. Мое рвеніе однажды даже товарища, человѣка очень смирнаго, разсердило. Моросилъ всю смѣну дождь. Сидя подъ навѣсомъ, легко видѣть весь дворъ, амбары. Бѣгать по двору нѣтъ нужды, но мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ; да и не хотѣлось, чтобы свистки исходили изъ одного мѣста; я и пробродилъ все время по дождю. На мнѣ была казенная шуба, которая, разумѣется, вся измокла... Кончилась смѣна, иду домой, кладу шубу на печь. Увидѣвъ мокрую шубу, товарищъ не выдержалъ, ругнулся и сейчасъ же бросился къ ней. «Ну, развѣ же можно такъ класть ее на печку!»—и съ этимъ принялся ее разстилать по своему. Я съ радостью уступилъ ему право распоряжаться шубой, а самъ завалился скорѣй спать. Утренній сонъ коротокъ, но крѣпокъ и хорошо освѣжаетъ. Проснулся, глянулъ на печь—и тутъ только самъ сообразилъ, что сдѣлалъ неладно. Шуба была одна и, если бъ пришлось въ мокрой другому дежурить, то не сказалъ бы онъ мнѣ спасибо. Хорошо еще, что это случилось на второй смѣнѣ, и за день шуба успѣла высохнуть.

Мое дежурство почему-то возбуждало толки. Приходитъ какъ-то Мильченко и замѣчаетъ: «А на тебя жаловался смотритель: говоритъ, что въ твое дежурство не слышно свистковъ». — Какъ не слышно!—заикнулся было я.—«Знаю, знаю! Я нарочно самъ не ходилъ домой и ночью слушалъ»—перебилъ мои оправданія Мильченко. «Да и смотритель сознался, что пошутилъ»—добавилъ онъ, чтобы окончательно успокоить меня.

Мильченку я, какъ поступилъ, на другой же день отнесъ фунтъ чаю въ два рубля. Затѣмъ, какъ-то не случилось дома унтера, который ходилъ ему за водкой и содовой водой. Мильченко зоветъ меня, проситъ купить ему воды, но денегъ не даетъ. Я иду, приношу, денегъ не требую. Съ этихъ поръ покупка воды переходитъ ко мнѣ... Однако, въ общемъ выходило немного. Нѣсколько разъ бралъ онъ меня съ собой на базаръ; нашъ тюремный кучеръ закладывалъ повозку, давалъ мнѣ возжи, и мы ѣхали искать новыхъ служащихъ въ тюрьму,—это больное было мѣсто у смотрителя. Онъ хотѣлъ имѣть бравыхъ солдатъ, а за 10—15 р. никто не шелъ. Одни жулики кіевскіе соглашались, но ихъ всѣхъ зналъ Мильченко и не бралъ. Въ эти поѣздки на моей обязанности лежало угощать Мильченку. Потолкавшись на рынкѣ, мы подъѣзжали обыкновенно къ знакомому кабачку, заходили, выпивали, закусывали блинами, и я расплачивался за все. Пили мало, закуска стоила пустяки, Мильченко съ виду оставался строгъ и недоступенъ, но въ душѣ слагалъ всѣ мои услуги.

Былъ постъ, я накупилъ разныхъ крупъ, муки, масла; сдалъ все это на руки товарищу, и тотъ принялся угощать меня отличнымъ обѣдомъ, ужиномъ. Утромъ ставили самоваръ, но съ питьемъ часто выходило маленькое замѣшательство. Служащіе почему-то стѣснялись пить чай открыто передъ Мильченко. Ждали, когда Миль-

ченко пройдетъ утромъ по казармамъ, тогда и пили, но не всѣ и не каждый день: роскошь! Я ввелъ ежедневное питье, однако усвоилъ и себѣ ихъ пріемы. Мы хоронились отъ Мильченки, а тотъ, замѣтивъ это, сталъ приходить позже, чтобы дать намъ напиться до его прихода. Мы ждемъ его, онъ насъ; самоваръ кипитъ. «Видно, не придетъ»—рѣшаемъ мы и садимся пить чай.. Но тутъ-то, какъ разъ, и является Мильченко. Мы, въ смущеніи, бросаемъ чай, стараемся показать, что уже отпили. Сейчасъ же начинаемъ дѣлать, если онъ что прикажетъ... Разъ-другой произошла такая исторія. Наконецъ, Мильченко не выдержалъ и, заставъ насъ какъ-то за чаемъ, съ досадой замѣтилъ, что, когда къ намъ ни приди, мы все чаемъ да ѣдой занимаемся. Послѣ этого мы перестали хорониться, и съ тѣхъ поръ перестали и попадаться. Напившись чаю, я шелъ за дровами. Рубили дрова арестанты. У Туна говорится, что я изъ дровосѣковъ скоро сдѣлался надзирателемъ. Дровосѣкомъ я не былъ и не могъ быть: такой не было должности. На мнѣ лежала обязанность только караулить амбары, присматривать за дворомъ, носить дрова въ нашу казарму.

Мой предшественникъ имѣлъ еще работу, — ходить, прибирать за коровами смотрителя, но я отъ этой работы уклонился, т. е. попросту не ходилъ на дворъ къ смотрителю, а требовать онъ почему-то не рѣшался.

Съ начала весны работы на дворѣ прибавилось, надо было счищать снѣгъ, проводить воду, прокладывать дорожки изъ камышей: грязно стало около казармъ. Въ тюрьмѣ выставили рамы. Окна того коридора, гдѣ сидѣли Стефановичъ, Дейчъ, Бухановскій, выходили въ сторону нашего двора. Явилась возможность переглядываться, знаками разговаривать. Стефановичъ и Дейчъ много разъ выходили въ клозетъ (онъ въ концѣ корридора помѣщался) и подолгу смотрѣли на мою возню во дворѣ. Но разговаривать мы, конечно, избѣгали. Въ тюрьмѣ только разъ удалось побывать: носилъ въ больницу клюкву, сало свиное (смальцъ). Отъ нечего дѣлать, часто забирался къ садовнику въ тепличку, ѣлъ у него вареный картофель, которымъ онъ только и питался, смотрѣлъ на его посадки. Тепличка была невелика и самаго нехитраго устройства. Вырыли яму, половину накрыли стеклянными рамами, другую землей. Часть съ земляной крышей отдѣлили внутри перегородкой отъ свѣтлой части. Тутъ получился темный чуланъ; въ немъ хранились сѣмянные коренья: свекла, картофель, морковь...

Въ свѣтлой части при мнѣ росъ уже салатъ; нагрѣвалась тепличка чугунной печкой. Въ яму вела открытая лѣстница, вырытая въ землѣ. Вотъ и все. Дешево и мило! Садовникъ въ мѣсяцъ получалъ 25 р., а выгналъ салата при мнѣ на 1 рубль... Такъ проходилъ день. Ночью я выходилъ свистать. Трудно, бывало, одолѣвать предразсвѣтный сонъ. Ходишь, нарочно чаще свистишь,

а глаза такъ и слипаются. Мильченко приходилъ очень рано изъ города; съ его приходомъ дежурство кончалось.

Въ воскресенье ходилъ я въ городъ къ своимъ узнавать о дѣлахъ въ Кіевѣ. Сюда пріѣхалъ для освобожденія и Баранниковъ. Дѣло съ деньгами подвигалось быстро. Не прошло мѣсяца съ небольшимъ, какъ мнѣ сказали, что деньги получены, что не нынче-завтра надо ждать событія. Въ унтерѣ были всѣ увѣрены. Я внимательно сталъ прислушиваться къ бесѣдамъ дежурныхъ надзирателей: не будетъ ли какого говора. И вотъ, вдругъ, какъ бы по вѣтру, проносится неопредѣленная молва, что въ тюрьмѣ вышелъ скандалъ: ключникъ N нагрубилъ помощнику смотрителя, и его выгнали. Это и былъ нашъ унтеръ. Слухъ былъ неясный, трывочный, нельзя было даже опредѣлить, что—правда, что—басня. Очевидцевъ не было. Надо было ждать смѣны надзирателей... Неожиданно-спѣшно входитъ въ нашу казарму Мильченко и велитъ мнѣ идти за нимъ въ тюрьму. Накинувъ полушубокъ, бѣгу за нимъ, на ходу подпоясываюсь, едва поспѣваю. Влетаемъ во дворъ тюрьмы. Вижу, у канцеляріи стоитъ кучка народа; въ срединѣ смотритель, служащіе. Мильченко направляется туда. «Вотъ этого можно на это мѣсто!»—указывая на меня смотрителю, спѣшно заговорилъ онъ, какъ только мы подошли. Смотритель поглядѣлъ на меня, немного подумалъ... «Нѣтъ! я уже назначилъ Пантелѣева, а Тихоновъ (моя фамилія) пусть будетъ у него надзирателемъ». Мильченко, видимо, былъ недоволенъ такимъ рѣшеніемъ, но подѣлать ничего не могъ. Смотритель благоволилъ къ Пантелѣеву. Это былъ глуповатый, недалекій унтеръ, но очень представительный. Высокій, плотный, съ большой, густой бородой, осанистый. Онъ былъ надзирателемъ, но за видъ смотритель платилъ ему на 5 р. больше, т. е. 15 р.—жалованье ключника. Чтобъ не переплачивать, его и сдѣлали ключникомъ. Я еще не зналъ различія въ положеніи ключника и надзирателя. Для меня важно было попасть въ тюрьму, поэтому повышеніе въ надзиратели возбудило во мнѣ несказанную радость.

Надзиратели носили казенныя шашки во время дежурства, но выбрать сносную по виду не такъ то легко оказалось.

Обращаюсь къ товарищу, чтобы онъ уступилъ мнѣ свою. Раньше онъ былъ надзирателемъ, но за что-то пониженъ въ сторожа. Шашку онъ сохранилъ. Надежда попасть снова въ надзиратели, видно, не покидала его, и онъ отказалъ. Къ тому же, ему и обидно было, что меня предпочли старому служакѣ. Пришлось удовлетвориться обшмыганной, съ плохимъ ремнемъ, у котораго кисти наполовину оборвались. Ремнемъ обернута ручка, а кисти висятъ. Немножко смѣшно, что я даже огорченъ былъ, когда не нашелъ хорошаго ремня... Мнѣ казалось, что при плохой сбруѣ и отношеніе арестантовъ будетъ хуже. Дежурство мое начиналось въ 12-ть часовъ ночи, и я успѣлъ сходить въ городъ и сообщить свою ра-

дость, но огорченіе товарищей, знавшихъ уже про неудачу съ унтеромъ, было такъ велико, что за горемъ они мало вниманія обратили на мое повышеніе. За то, когда въ 12-ть часовъ появился я въ корридорѣ тюрьмы на дежурствѣ, заключенные возликовали. Къ общей радости, меня помѣстили еще на тотъ корридоръ, гдѣ именно и сидѣли Стефановичъ, Дейчъ, Бухановскій... Политическихъ въ это время сидѣло много (они занимали два корридора на мужской половинѣ), да на женской было двѣ или три заключенныхъ. Меня не всѣ знали. Нѣкоторые знали только въ лицо, но кто именно я, не знали хорошо какъ и о томъ, зачѣмъ я тутъ. Этимъ радоваться нечего было. Корридоръ, куда я попалъ, назывался *подсудимымъ*. На главномъ сидѣли уголовные подсудимые, на боковомъ—политическіе; это было во второмъ этажѣ.

Тюрьма представляла трехъ-этажное зданіе въ видѣ буквы П. съ подвальнымъ этажомъ подъ фасадомъ. Лѣстница посрединѣ зданія дѣлила его на двѣ половины, или шесть отдѣльныхъ корридоровъ въ видѣ буквы Г. На каждомъ корридорѣ были свои 2 надзирателя и ключникъ. Надзиратели дежурили по 12 ч. каждый; ключникъ же былъ только днемъ, дежуря и ночью лишь разъ въ шесть сутокъ. Такимъ образомъ, ночью на корридорѣ оставались одни надзиратели. Ихъ иногда повѣрялъ помощникъ смотрителя; то же обязаны были дѣлать и дежурные ключники, но они предпочитали спать. Для этого имъ отводилась передняя канцеляріи, помѣщавшейся въ правомъ углу двора. Въ качествѣ надзирателя я сразу же могъ увидать всѣхъ, переговорить, даже выпустить во дворъ. Одна бѣда: стѣны высоки, ворота крѣпки, и за ними часовые ходятъ: выпускать на дворъ смысла нѣтъ. Ограничились поэтому разговоромъ, рѣшили ждать повышенія меня въ ключники. Дежурный ключникъ въ 12-ть часовъ приводитъ и уводитъ изъ тюрьмы смѣну всѣхъ надзирателей. Передъ нимъ тогда и ворота растворяются... Только этимъ моментомъ и можно было воспользоваться для ухода, или же надо было имѣть своего унтеръ-офицера изъ караульной команды. Послѣдняго не было; всѣ надежды, поэтому, почили на моемъ повышеніи. На другой же день эта надежда чуть было не осуществилась. Моимъ непосредственнымъ начальствомъ оказался тотъ Пантелѣевъ, о которомъ сказано выше и на которомъ вполнѣ оправдывалась русская пословица: борода съ ворота, а ума лопата. Въ немъ перепутались какъ-то добродушіе, недалекость, больше самомнѣніе, нуль самолюбія и готовность исполнять всякое приказаніе начальства, при полной только неспособности выполнить его... Его потому-то и держали больше на второстепенныхъ мѣстахъ. Теперь же ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство: у него родился ребенокъ, и онъ оказался очень любящимъ отцомъ. Отъ чадолюбія голова совсѣмъ пошла у него кругомъ...

Тѣломъ онъ былъ въ тюрьмѣ, а душой виталъ около ребенка,

болѣя за него, тоскуя по немъ. Мать служила тоже въ тюрьмѣ, на женскомъ отдѣленіи, и была днемъ занята. Ребенокъ оставался на рукахъ бабки и постороннихъ лицъ. Пантелѣевъ, поэтому,то и дѣло рвался домой, но сдерживался, стѣсняясь оставить надолго ключи и корридоръ на мое попеченіе: уходилъ, но быстро и возвращался. Однако, замѣтивъ, что его отсутствіе ни на чемъ не отражается, что никто на это не обращаетъ вниманія и все идетъ своимъ чередомъ, онъ быстро вошелъ во вкусъ и, отдавая мнѣ ключи, уходилъ домой почти на всю мою смѣну. На корридорѣ оставался теперь я одинъ и сдѣлался фактически и ключникомъ, и надзирателемъ. Всѣ поэтому заговорили, что не нынче—завтра меня повысятъ въ ключники, а Пантелѣева опять разжалуютъ въ надзиратели. Его почему-то не любили арестанты и помощникъ смотрителя.

— Это для того только, чтобы вы немного поприсмотрѣлись къ тюремнымъ порядкамъ, смотритель назначилъ васъ сначала надзирателемъ, а черезъ недѣлю-другую будете ключникомъ навѣрно!— говорили мнѣ многіе, и добавляли: — Съ Пантелѣевымъ вѣдь была уже такая исторія.

Эти подбадриванія были мнѣ на руку, мнѣ хотѣлось имъ вѣрить, и я каждый день ждалъ повышенія, но смотритель, какъ видно, иначе смотрѣлъ на дѣло, и мое повышеніе затянулось. Вообще смотритель какимъ-то особымъ чутьемъ точно угадывалъ во мнѣ врага, точно провидѣлъ опасность... Хорошее мнѣніе обо мнѣ смотрителя даже чуть не испортило все дѣло, но объ этомъ послѣ. Теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ устроился я въ тюрьмѣ. По обыкновенію всѣхъ тюремъ, былъ и на нашемъ корридорѣ майданщикъ. Закупку провизіи онъ дѣлалъ черезъ надзирателя или ключника, платя имъ за хлопоты. До меня, эта плата иногда доходила, при малыхъ закупкахъ, почти до стоимости товара. Такъ, за 5 к. булку брали по 5 к.+за труды приноса. При такихъ условіяхъ только майданщикъ и могъ дѣлать закупки, а отдѣльному лицу выгоднѣй было у него покупать. Майданщикъ дѣлилъ все на мелкіе куски и продавалъ по частямъ.

Когда я поступилъ, первымъ ко мнѣ обратился майданщикъ съ просьбой купить ему селедокъ, сала, булокъ. Что это былъ майданщикъ, я въ то время еще не зналъ, заказъ былъ невеликъ. Беру деньги, иду въ одну лавку—товаръ не нравится, иду въ другую, мнѣ даютъ большихъ жирныхъ селедокъ, отличнаго, толстаго сала, полновѣсныхъ булокъ. Приношу, отдаю и отъ благодарности отказываюсь. Мое безкорыстіе, а особенно хорошій товаръ удивили всѣхъ, а нѣкоторые денежные лакомки набрели тотчасъ же на мысль: не куплю ли я и имъ даромъ того же. Сложились, обращаются ко мнѣ съ просьбой. Я, конечно, соглашаюсь, беру деньги, покупаю, отдаю и снова ничего себѣ.

За первыми лакомками появились вторые, третьи, и въ результатѣ такая картина. Утромъ становлюсь я у окна корридора съ

бумагой и карандашемъ; меня окружаетъ толпа, и начинается диктовка, кому что купить. Записываю, отбираю деньги, захватываю съ собой мѣшокъ и иду въ лавку. Хозяинъ позволяетъ мнѣ рыться, выбирать большихъ, ровныхъ, селедокъ, толстаго сала, булокъ съ виду побольше. Возвращаюсь, и опять та же исторія. Всѣ собираются къ окну, и начинается раздача по запискѣ; всѣ нѣсколько удивлены, что нѣтъ путаницы, всѣ довольны, потому что товаръ ровенъ, одинаковой величины и достоинства. Майданщикъ совершенно стушевался: нѣтъ покупателей у него. За то у меня количество заказчиковъ съ каждымъ днемъ все росло и росло. Вѣроятно, приходили и съ другихъ корридоровъ.

Дѣло принимало широкіе размѣры. Одного мѣшка скоро стало не хватать; пришлось брать два, или ходить дважды. Сторожъ у воротъ забилъ тревогу: не проношу ли табаку. Разъ-другой обыскалъ, т. е. заглянулъ въ мѣшки—бросилъ. Я избѣгалъ контрабанды. Дошло и до смотрителя. Не понравилось. Приказалъ Мильченку унять мое рвеніе, а главное—вразумить, чтобы я покупалъ въ другой лавкѣ, съ хозяиномъ которой, какъ говорили, у него было соглашеніе...

Кромѣ закупокъ, никакого дѣла не было. Разъ только послали меня съ арестантами на женское отдѣленіе воды принести, но и то помощникъ смотрителя, не знаю почему, нахлобучку сдѣлалъ тому, кто меня послалъ. Мнѣ это назначеніе тоже пришлось не по вкусу, и я былъ очень благодаренъ, что меня избавили отъ него. Дѣло въ томъ, что когда арестанты подошли къ колодцу, ихъ осадили дамы; начались разговоры, шутки, заигрыванья. Мнѣ, въ качествѣ надзирателя, надо было не допускать, отгонять, требовать, чтобы арестантамъ не мѣшали набирать воду. Чистая пытка! Уговоришь, разгонишь, глядь—женщины опять около, и опять шутки, заигрыванья, а время идетъ, воду ждутъ въ кухнѣ. Насилу-то, насилу вырвались мы, набравъ воды.

По ночамъ другая бывала непріятность: обязанность, ходя по корридору, заглядывать въ дверныя дырки, уговаривать, чтобы не пѣли громко, чтобы не играли въ карты, не шумѣли; при этомъ изъ окошечка, въ которомъ стекла давно и помину не было, несло ужаснымъ зловоніемъ... Въ камеру на ночь ставили парашу у самой двери, и она скоро наполнялась до самыхъ краевъ... На первыхъ порахъ, не зная порядковъ, желая показать свое рвеніе, я старался по возможности выполнять всѣ требованія начальства: останавливать, когда начиналось особенное оранье, уговаривать не шумѣть при игрѣ въ карты. Карты запрещались, изъ-за нихъ дѣлались обыски. Собственно, требовалось узнавать, гдѣ идетъ игра, чтобы накрыть игроковъ, но я своимъ подходомъ и окликомъ напоминалъ арестантамъ только объ осторожности. Надзирателей и самихъ должны были провѣрять дежурные ключники и помощникъ смотрителя. На дѣлѣ, дежурные ключники спали всю ночь въ передней, а помощникъ

смотрителя, хотя и ходилъ, но я вскорѣ открылъ, какъ дѣлать, чтобы приходъ его не былъ неожиданнымъ, внезапнымъ. Стоило плотнѣй притворить дверь — и она выдавала соглядатая легкимъ скрипомъ. Обойдешь, бывало, наскоро весь корридоръ, заглянешь въ дырки и къ окну; тамъ скамья, тамъ болѣе чистый воздухъ. Скрипнула дверь, встаешь, быстро идешь въ темный конецъ и кричишь: «кто идетъ»? Помощникъ молча проходитъ мимо, доходитъ до окна, возвращается. Кругомъ тишина. Мой окрикъ, вѣроятно, слышали и арестанты и на время затихали, прятали карты. Въ этомъ отношенiи больше всѣхъ боялись помощника. Онъ особенно донималъ за карты.

Много хлопотъ еще было съ прiѣздами прокурора и иного начальства. Передъ ихъ появленiемъ давалось изъ канцелярiи распоряженiе почистить, помыть нары и камеру, прибрать все лишнее.

Арестанты дорожатъ всякой тряпкой, всякимъ хламомъ и все это суютъ на печь, гдѣ видно. Во время посѣщенiй все это надо было убирать, прятать... Смотритель разрѣшилъ имѣть самовары. Зола, угли разсыпáлись, грязнили полъ. Трудно отмыть. А тутъ посѣщенiе за посѣщенiемъ. Очистка камеръ лежала на обязанности «камерныхъ»... Имъ за это каждый жилецъ камеры платилъ одну копѣйку въ мѣсяцъ. Первую очистку они произвели старательно, но, когда потребовалась частая, запротестовали, т. е., попросту, перестали убирать и чистить.

Ждали днемъ, самовары и уголь вынесли въ отхожее мѣсто. Никто не прiѣхалъ. Наступаетъ вечеръ, всѣхъ заперли по камерамъ, всѣ позабрали самовары туда съ собой. Вдругъ на корридорѣ появляется смотритель съ кѣмъ-то изъ прiѣзжихъ. Идутъ въ камеру мастеровыхъ. «Смирно»!—кричитъ свое обычное смотритель при входѣ; всѣ встали, а рядомъ самовары. «Это что такое?»—оретъ смотритель, и надзиратели бросаются къ самоварамъ, хватаютъ ихъ и уносятъ, точно это первый разъ всѣ видятъ. Въ другихъ камерахъ умнѣй поступили арестанты: они помѣстили ихъ сзади себя, и все обошлось, какъ нельзя лучше. Ушло начальство, и заарестованные самовары сей же часъ вернули. Чаепитiе вечеромъ было и у нашихъ. Оно же служило теперь и для меня главной ѣдой. Съ уходомъ моимъ въ тюрьму, наша компанiя съ поваромъ разстроилась сама собой. Можно было бы обѣдать въ тюрьмѣ (многiе такъ и дѣлали), но мнѣ не шла въ горло арестантская пища, хотя щи съ мясомъ и каша были недурны.

За то вечеромъ, когда въ тюрьмѣ водворялся покой, чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, саломъ, колбасой доставлялъ большое удовольствiе. Политическiе просовывали мнѣ все это въ дверную форточку, и я наслаждался.

Затѣмъ начинались разговоры, даже маленькiе споры между нами; позже я уходилъ къ окну ожидать ревизiи помощника смотри-

теля. Такъ проходило время; слухи о повышеніи не прекращались, но смотритель о немъ и не думалъ. Напротивъ, идемъ мы какъ-то со смѣны въ 12 часовъ къ себѣ въ казарму; навстрѣчу смотритель. Онъ часто по вечерамъ ходилъ играть въ карты къ конвойному маіору и къ 12-ти возвращался.

— А кто изъ надзирателей стоитъ на корридорѣ у каторжанъ?— раздался его вопросъ, когда мы поравнялись съ нимъ. Дежурный ключникъ отвѣтилъ.—Почему же не Тихоновъ?! Завтра же перемѣнить!—Каторжане передъ отправкой въ Сибирь часто дѣлаютъ попытки къ побѣгу, за ними необходимъ особо-внимательный присмотръ».—Смотритель и назначилъ меня къ нимъ, слыша про меня хорошіе отзывы со стороны помощника и Мильченка. Онъ видѣлъ въ этомъ назначеніи особую похвалу, награду за хорошую службу, а для насъ это было горе! Во-первыхъ, это былъ другой корридоръ, другой ключникъ, а во вторыхъ — мое присутствіе дѣлалось извѣстнымъ многимъ новымъ лицамъ, которыя не были посвящены въ дѣло, но которыя, зная меня въ лицо (встрѣчались разъ-другой на квартирахъ кіевскихъстудентовъ), могли превратно толковать мое появленіе; могли выйти недоразумѣнія, объясненія, чего я и боялся. Однажды Беверлей, разыгравшись на корридорѣ, бросается ко мнѣ и начинаетъ бороть. Хорошо, что не было тутъ ключника, и я оказался сильнѣй его!.. Быстро положивъ его на землю, я бросился скорѣй на утекъ, сохраняя свое надзирательское достоинство... Пришлось держаться на сторожѣ, дрожать за каждый день. Тѣмъ болѣе, что ключникъ, къ которому я попалъ, былъ не чета Пантелѣеву. Высокій, худощавый старикъ лѣтъ 50, съ характеромъ; онъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ ключи и во все входилъ самъ, предоставляя мнѣ лишь стоять на корридорѣ и скучать отъ бездѣлья. Въ лавку ходилъ самъ и бралъ дорого за услугу. Покупокъ было очень мало.

На этомъ корридорѣ находилась и больница. Больнымъ отпускалась булка и лучшая пища. Булка часто продавалась. Въ лавкѣ и не было нужды. Вся моя служба сводилась теперь лишь къ тому, чтобы по ночамъ чаще заглядывать къ каторжанамъ—ихъ была всего одна камера, душъ 20—30, не болѣе.—Вотъ и все. Но я мучился тѣмъ, что это чужой для меня корридоръ, что я очутился опять внѣ своихъ. Разъ только ключникъ послалъ меня проводить на свиданіе одного отбывшаго срокъ наказанія.

Завтра у него кончался срокъ, завтра онъ будетъ свободенъ идти, куда хочетъ. Пришла невѣста на свиданіе, но не во время, послѣ обѣда. Однако, ей разрѣшили повидаться, и не въ караулкѣ, а за воротами тюрьмы. Я взялъ часового съ ружьемъ, этого человѣка, и мы втроемъ двинулись туда. Невѣста набросилась на своего возлюбленнаго и потащила его дальше отъ воротъ на валъ, который недалеко отъ тюремной стѣны. Сѣли на валу, обнялись, замурлыкали и про все окружающее забыли... Арестанты увидали

изъ оконъ корридора—и ну гоготать, острить, поднимать ихъ на смѣхъ. Поднялся шумъ въ тюрьмѣ. Жаль было разлучать голубковъ, но дѣлать нечего: пришлось увести жениха. Страннымъ тутъ казалось всѣмъ и мнѣ, что невѣста молода, а онъ уже лѣтъ 40. При томъ, невѣста, судя по костюму, жила, видно, въ очень неприглядной обстановкѣ и всетаки сохранила привязанность.

Возвращаемся къ воротамъ; тутъ привратникъ встрѣчаетъ меня укоромъ, чуть не руганью, что долго свиданье продолжалось, что мы далеко отъ воротъ ушли. Думалъ, что и мой ключникъ еще дастъ нахлобучку... Нѣтъ! ничего! только больше уже не посылалъ никого никуда провожать. Теперь даже и толки о повышеніи прекратились. Дѣло стало, но, оказалось, передъ дѣломъ... Чтобы понятнѣй было послѣдующее, надо сказать нѣсколько словъ о тюремныхъ порядкахъ вообще. При восходѣ солнца, рано утромъ, у внѣшнихъ воротъ тюрьмы, передъ караулкой или гауптвахтой, сходились всѣ ключники и Мильченко. Одинъ изъ ключниковъ шелъ въ караулку, бралъ связки ключей отъ камеръ и раздавалъ каждому ключнику его связку.

Послѣ этого шли въ тюрьму, каждый ключникъ на свой корридоръ, и сейчасъ же отпирали камеры, кромѣ политическихъ. Послѣднихъ всѣхъ разомъ не пускали гулять, а по очереди, и только на своемъ корридорчикѣ они были полными хозяевами. Ихъ отпирали, запирали, когда они сами хотѣли. Выходили всѣ въ корридорчикъ, ставили иногда столъ, пили чай, пѣли пѣсни. Смотритель тогда слалъ просьбу не пѣть: кончивъ чаепитіе, они расходились по камерамъ. Жили всѣ по двое.

Корридорчикъ требовалось держать на запорѣ, чтобы сидящіе не ходили на главный корридоръ и чтобы къ нимъ не ходили уголовные, но это рѣдко исполнялось при мнѣ; помощникъ нѣсколько разъ ловилъ меня на этомъ, когда я былъ еще у Пантелѣева, но ничего не говорилъ, такъ какъ никто не злоупотреблялъ открытой дверью. Ходили къ нашимъ только прислужники убирать камеры, чистить сапоги. Свиданья же устраивали на прогулкахъ. Въ это время сидѣли тутъ и чигиринцы, съ которыми только и интересно было видѣться.

Послѣ открытія камеръ, уголовные бросались на дворъ, мастеровые въ мастерскія, камерные принимались за выносъ парашъ, за уборку камеръ, за ставленье самоваровъ. Если на дворѣ было тепло, сейчасъ же тамъ образовывались кучки игроковъ, кучки просто лежащихъ на солнцѣ, кучка у воротъ, ведущихъ на женское отдѣленіе. Въ воротахъ образовались щели, трещины, черезъ которыя и шли знакомства, ухаживанья, сговоры на счетъ будущей жизни въ Сибири, на каторгѣ. Очень незначительное число арестантовъ ежедневно, по очереди, назначалось для носки воды въ баню, въ кухню, въ пекарню и прачешную; воды требовалось немного, колодезь былъ подъ руками; но назначеніе на работу всегда вело къ спорамъ:

кто ничего не дѣлалъ, тотъ больше всѣхъ и отлынивалъ. Бѣда, если происходила ошибка въ назначенiи. Разъ чуть бунтъ не вышелъ. Списковъ не велось, дѣлалось все по заведенному порядку, какъ-то само собой. Произошла перетасовка арестантовъ, порядокъ нарушился. Обратились къ помощнику; тотъ, много не думая и не разспросивъ хорошенько, даетъ приказъ: назначить въ нарядъ такую то камеру и съ нея начать новый счетъ.

Идутъ ключники и объявляютъ. Поднимается крикъ: «Да наша камера на-дняхъ только носила воду! Не пойдемъ!».. Ключники побѣжали къ помощнику, а тотъ, человѣкъ горячiй, взбѣленился и уже за солдатами хотѣлъ посылать. Бунтовщики съ нашего корридора оказались. Они мнѣ и растолковали, въ чемъ дѣло. Скоро прибѣжалъ самъ помощникъ смотрителя съ руганью, угрозами. Даю ему немного откричаться, потомъ подхожу и говорю, что дѣло легко уладить, что вышла ошибка, арестанты сами найдутъ, чья очередь. Помощникъ остановился на полусловѣ, когда я заговорилъ, быстро сообразилъ, что такъ лучше, чѣмъ звать солдатъ и силой заставлять работать. «А ну ихъ, лѣнивыхъ дьяволовъ! Дѣлай, какъ знаешь!» обратился ко мнѣ и съ тѣмъ ушелъ.

Я еще разъ переговорилъ съ арестантами, поручилъ имъ самимъ все уладить, и они выполнили это, какъ нельзя быть лучше; такъ бунта и не вышло.

Насчетъ ѣды было такъ. Въ тюрьмахъ полагался обѣдъ и ужинъ. Нашъ же смотритель предложилъ арестантамъ ограничиться однимъ обѣдомъ, за то на обѣдъ отпускалъ $^1/_2$ ф. хорошаго мяса на человѣка, каши вдоволь и 2 ф. хлѣба. Изрѣдка дѣлался хорошiй квасъ. Разрѣшено было имѣть самовары. За все это смотрителя любили. За обѣдомъ отправлялся на кухню надзиратель съ камерными. Кухня помѣщалась въ подвальномъ этажѣ. Повара-арестанты всегда были одни и тѣ же и отлично знали, на какой корридоръ сколько надо кусковъ. Придешь на кухню, начинаешь по бумажкѣ читать, а они ужъ знаютъ и набрасываютъ въ ряжки камерныхъ, сколько надо. Не знаю, какъ другимъ, а когда мнѣ приходилось бывать, то всегда отпускали еще нѣсколько лишнихъ кусковъ: ихъ я отдавалъ или камернымъ, или старостамъ, или чигиринцамъ. Послѣднимъ на Пасху я купилъ куличъ; бѣдняги не ожидали отъ часового такого вниманiя и расплакались. Мнѣ самому, какъ я уже говорилъ выше, тюремная пища не шла въ горло, хотя щи по виду бывали не дурны и съ наваромъ. За щами и кашей ходили тоже по очереди: дѣлался нарядъ изъ каждой камеры, но разливали особые разливальщики. Для этого требовался навыкъ и глазомѣръ, чтобы хватило всѣмъ, чтобы не обидѣть кого.

Около шести часовъ начиналась подготовка къ ночи. Заготовлялся уголь для самоваровъ, втаскивались параши въ камеры. Но вотъ раздается крикъ: «Повѣрка идетъ!» Всѣ со двора бросаются

прежде всего въ отхожее отдѣленіе, но тамъ и безъ того полнымъ-полно; между тѣмъ, ключникъ и надзиратели гонятъ по камерамъ: надо до прихода «повѣрки» всѣхъ запереть и сосчитать.

Всякій день кавардакъ происходилъ ужасный. Многимъ такъ и не удавалось отдать дань природѣ во время, и изъ-за этого получалось страшное зловоніе по камерамъ... Но всѣ какъ-то съ этимъ свыкались, и сколько бывало ни напоминаешь людямъ, чтобы заранѣе готовились къ ночи, большая часть всетаки оставалась на дворѣ до послѣдняго момента, до крика: «Повѣрка идетъ».

Этимъ терминомъ означался приходъ въ тюрьму помощника смотрителя, караульнаго офицера и унтеръ офицера. На ночь тюрьма какъ бы передавалась въ вѣдѣніе конвоя. «Повѣрка» заходила въ каждую камеру, сосчитывала, записывала, выходила; ключникъ запиралъ, унтеръ-офицеръ пробовалъ замокъ. Такъ провѣрялась вся тюрьма. Ключъ отъ тюремныхъ воротъ отдавался офицеру. Днемъ солдаты стояли на внѣшней сторонѣ стѣнъ тюрьмы, ночью ихъ ставили и во дворѣ въ разныхъ мѣстахъ. Послѣ этого ключи отъ камеръ собирались всѣ вмѣстѣ и относились или въ караулку къ офицеру, или къ смотрителю. Караулка была ближе,—въ нее и относили чаще.

Вотъ послѣ этой повѣрки и наступало царство надзирателей и дежурнаго ключника. Въ 12 часовъ ночи ключникъ шелъ въ казарму, бралъ новую смѣну надзирателей, приводилъ ихъ, а старыхъ уводилъ, т. е. отпускалъ въ казарму, доведя до воротъ и сказавъ унтеръ-офицеру, что это возвращается смѣна. Такъ начинался и заканчивался день. Правомъ входа и выхода ночью пользовался только смотритель, его помощникъ, Мильченко, дежурный ключникъ, ламповщикъ. Всѣхъ ихъ долженъ былъ знать унтеръ-офицеръ въ лицо и впускать, выпускать самолично. Они же съ собой могли приводить, уводить, кого хотятъ, но, конечно, отъ унтера зависѣло и остановить, если онъ замѣтилъ бы что незаконное.

Такимъ образомъ, чтобы выбраться изъ тюрьмы, надо было имѣть своего надзирателя, который отперъ бы камеры, выпустилъ на дворъ, затѣмъ,—своего ключника, который взялъ бы ихъ и довелъ до воротъ, позвавъ тутъ унтера; наконецъ, и своего унтера, который отперъ бы ворота и выпустилъ ихъ изъ тюрьмы. Словомъ, чтобы обошлось безъ риску, требовалось три, минимумъ два своихъ человѣка. Вотъ почему тотъ ключникъ, который брался вывести нашихъ, и струсилъ въ послѣднюю минуту. Онъ былъ одинъ. Онъ не могъ открыть самъ камеръ. Тамъ стоялъ надзиратель, котораго надо было подкупить или устранить. И вотъ унтеръ предпочелъ нагрубить начальству, чтобы съ честью выйти изъ неловкаго положенія. Мое положеніе, какъ надзирателя, и при томъ на другомъ корридорѣ, тоже мало сулило хорошаго, но тутъ намъ помогъ тифъ. Онъ достался намъ въ наслѣдство отъ турецкой войны и сначала захватывалъ немногихъ. Къ веснѣ дѣло пошло, однако, шире, начали

почти въ каждой камерѣ появляться зайцы. Заболѣетъ человѣкъ и прячется подъ нарами, чтобы его не отправили въ больницу, а тамъ ужъ — смерть. Умеръ пріѣхавшій фельдшеръ, сторожа заболѣли... Начальство забило тревогу. Весной двигается волна ссыльныхъ въ Сибирь. Легко захватить заразу и разнести по всему сибирскому пути.

Этого испугались. Стали думу думать, и сначала рѣшили устроить лѣтніе бараки внѣ тюрьмы на огородѣ. Вызвали охотниковъ, принялись ровъ рыть. День, два поработали—бросили: легко побѣги тутъ будетъ дѣлать. Лучше всѣхъ больныхъ отправить въ кіевскую крѣпость! Начались сборы, толки о томъ, кого же изъ надзирателей и ключниковъ отправить въ крѣпость. Мнѣ передавали, что помощникъ смотрителя, отправлявшійся самъ въ крѣпость съ больными, хотѣлъ взять и меня, но, будто бы,смотритель отвоевалъ, и я остался. Съ увозомъ больныхъ, въ тюрьмѣ произошла перетасовка. Верхній этажъ, гдѣ была больница, подвергли капитальному ремонту; каторжанъ перевели на подсудимый корридоръ, а съ ними и меня. Уголовныхъ же подсудимыхъ частью помѣстили въ подвальномъ этажѣ, давъ имъ новаго ключника. Пантелѣевъ остался на старомъ мѣстѣ. Тутъ мы съ нимъ снова и сошлись, къ общей радости. Онъ, конечно, сейчасъ же передалъ мнѣ бразды правленія, а самъ, не смотря на брань и ругань начальства, сталъ опять пропадать изъ тюрьмы.

Этому содѣйствовало и еще одно обстоятельство. Я уже говорилъ, что, по непонятной причинѣ, Пантелѣева не любили арестанты, и вскорѣ, послѣ моего вторичнаго появленія на этомъ корридорѣ, разыгралась сценка, которая чуть не стоила ему, если не жизни, то, по крайней мѣрѣ, пролома головы. Въ карцерѣ сидѣлъ молодой парень. Пантелѣеву приказано было давать ему только хлѣбъ и воду. Но карцеръ помѣщался въ 1-мъ этажѣ, и черезъ окна легко было передавать все. Товарищи и начали таскать заключенному булки, чай, ѣду. Пантелѣевъ, узнавъ, запретилъ и сталъ строго слѣдить. Парень обозлился. На другой день онъ спрашиваетъ, дадутъ ли ему обѣдъ. «Нѣтъ!» отвѣчаетъ Пантелѣевъ. Заключенный вскрикиваетъ, взвизгиваетъ и, разбѣжавшись, всѣмъ тѣломъ ударяется въ дверь: ржавая желѣзная скоба лопается, и разъяренный звѣрь-человѣкъ, съ тяжелой дубовой ряжкой въ рукахъ, вылетаетъ и замахивается надъ головой Пантелѣева. Не раздумывая долго, я бросаюсь на него, схватываю сзади и, къ удивленію, вижу, что онъ какъ то сразу ослабъ, осѣлъ, какъ говорятъ. Ряжка такъ и осталась на секунду въ воздухѣ, надъ головой Пантелѣева, потомъ опустилась. Затѣмъ, парень безъ всякаго сопротивленія позволилъ отвести себя въ другой карцеръ и притихъ. Онъ, по натурѣ, былъ смирный человѣкъ; но тюрьма легко дѣлаетъ изъ мирныхъ людей разбойниковъ, буяновъ воровъ. Она является отличной школой и отлично подбиваетъ простаковъ на разные подвиги. Въ тюрьмѣ

нѣтъ разбойниковъ, воровъ: все это—герои, дѣянія которыхъ прославляются, выставляютъ на показъ. Такъ какъ нашъ парень былъ тихъ и неопытенъ, то надъ нимъ смѣялись, подтрунивали и, задѣвъ самолюбіе, довели до того, что онъ попалъ въ карцеръ за дерзость помощнику. А потомъ насмѣшками же толкнули на исторію съ пищей, и чуть человѣкъ не пропалъ совсѣмъ. — Я предложилъ Пантелѣеву отдать его мнѣ на попеченіе. Тотъ, конечно, согласился съ охотой, и теперь его не видно стало и при раздачѣ пищи. Про исторію съ арестантомъ онъ промолчалъ, и того не тронули. Съ пищей же устроилось просто. Я молчалъ, а разливальщики, не слыша особаго приказа не давать, дѣлали видъ, что ничего не знаютъ, и наливали ему щей съ мясомъ, накладывали каши. Скоро и карцеръ его прекратился.

Знакомство съ этимъ малымъ у меня вышло изъ-за сапожнаго товара еще въ первое время. Въ числѣ мастерскихъ у насъ была и сапожная. Подходитъ ко мнѣ какъ-то этотъ арестантъ и проситъ сходить въ городъ купить ему наборъ товару на ботинки. Беру деньги, иду на Подолъ въ сапожную лавку и, сознавшись торговцу, что ничего не смыслю, прошу его выбрать весь товаръ самому. Лицо торговца мнѣ сразу понравилось, возбудило довѣріе.

Тотъ такъ и сдѣлалъ. Товаръ показался мнѣ хорошимъ, но меня удивило, что торговецъ какихъ-то еще обрѣзковъ кожи наложилъ въ пакетъ. Возвращаюсь, отдаю все парню; тотъ беретъ и быстро скрывается, но чрезъ нѣсколько минутъ возвращается, сіяющій, благодаритъ за хорошій товаръ и особенно за обрѣзки; суетъ мнѣ 20 коп. за труды. «Да зачѣмъ вамъ обрѣзки?» спрашиваю его.—Какъ же! а каблуки! На нихъ надо много товару!.. — объясняетъ онъ. Парень былъ невысокаго роста, а на мужской дворъ выходили окна женскаго отдѣленія; ему и хотѣлось быть повыше... 20 коп. я взялъ: мнѣ, чтобы долго не задерживаться въ городѣ, приходилось нанимать таратайку-извозчика за 15—20 к.; иногда туда и обратно. Обрѣзки-то, мнѣ кажется, и сослужили свою службу при сценкѣ съ бакомъ: парень долго при встрѣчахъ выказывалъ мнѣ свою благожелательность.

Съ возвращеніемъ на коррпдоръ подсудимыхъ, возобновились опять толки о моемъ повышеніи. Въ числѣ подсудимыхъ на дворянскомъ отдѣленіи сидѣлъ адвокатъ изъ евреевъ. Онъ постоянно околачивался въ канцеляріи и еще раньше сулилъ мнѣ повышеніе на основаніи толковъ, ходившихъ тамъ. Теперь онъ приходитъ однажды, проситъ принести ему бутылку вина—наступали праздники: даетъ понять, что въ канцеляріи онъ свой человѣкъ, хорошъ съ помощникомъ и т. д. Я отказался на отрѣзъ: свой человѣкъ могъ легко и разболтать, а чтобы онъ смогъ подѣйствовать на смотрителя, я сомнѣвался. Былъ на дворянскомъ отдѣленіи еще часовыхъ дѣлъ мастеръ, который много приставалъ съ просьбами отнести письмо къ его женѣ, познакомиться съ его семьей.—Онъ чинилъ на-

чальству часы, пользовался значеніемъ. Однако, пришлось и ему отказать. Третій случай былъ у меня съ «банкирами». Такъ называли у насъ трехъ подсудимыхъ, служившихъ гдѣ-то, въ какомъ-то банкѣ и попавшихъ подъ судъ. Сидѣли они всѣ въ одной комнатѣ и постоянно возились днемъ съ адвокатомъ, о которомъ сказано выше. Наступаетъ ночь, всѣхъ запираютъ; они не успѣли, видно, выговориться, подзываютъ меня, суютъ чрезъ дверное окошечко письмо и 20 к.: просятъ отнести адвокату. Меня возмутило, что люди цѣлый день видятся, говорятъ—и все имъ мало; а затѣмъ—эти 20 к.! Безъ нихъ я, можетъ быть, и отнесъ бы, но тутъ—отказалъ.

Черезъ нѣсколько дней новая исторія. Выходитъ одинъ изъ «банкировъ» ко мнѣ на корридоръ, даетъ книгу и письмо въ открытомъ конвертѣ. «Сходите, пожалуйста, въ канцелярію,—обращается онъ ко мнѣ,—покажите тамъ помощнику или смотрителю эту книгу и письмо и скажите, что я прошу ихъ позволить передать все это моему родственнику, который сейчасъ былъ у меня на свиданіи и теперь ждетъ за воротами тюрьмы. Ему и передадите тогда книгу и письмо!..» Никакихъ денегъ на этотъ разъ онъ не предложилъ.

Я беру, выхожу на дворъ, посмотрѣлъ въ сторону канцеляріи,—никакого начальства не видно, а ворота—напротивъ. Что, думаю, ходить еще по канцеляріямъ, скорѣй сдамъ — и дѣлу конецъ. Выбѣгаю за ворота, вижу человѣка въ военной фуражкѣ, спрашиваю, онъ ли родственникъ такого то, и уже сую ему книгу. Но въ это время, слышу, военный обращается къ кому-то со словами: «посмотрите, пожалуйста, тутъ нѣтъ ничего!» А какое нѣтъ! въ книгу письмо я вложилъ...—Ахъ, позвольте! — вскрикиваю я и съ этимъ отдергиваю книгу назадъ.—Эту книгу съ письмомъ N. просилъ показать раньше вамъ!—говорю я смотрителю и подаю ему то и другое. Онъ взялъ, прочелъ письмо и сей же часъ отдалъ военному.

Какъ очутился смотритель около, какъ я его проглядѣлъ, до сихъ поръ не понимаю. Но тѣ минуты, когда военный предложилъ смотрителю убѣдиться, что въ книгѣ ничего нѣтъ, остались навсегда. Къ счастію, письмо заключало лишь благодарность за книгу и разныя изліянія родственныхъ чувствъ. Мнѣ даже выговора не было. Все это хорошо, но наше-то спеціальное дѣло всетаки стояло на одномъ мѣстѣ.

Правда, днемъ, благодаря Пантелѣеву, я былъ полнымъ хозяиномъ на корридорѣ, могъ отпирать, запирать, выпускать всѣхъ и каждаго, но днемъ у воротъ сидѣлъ церберъ, знавшій хорошо въ лицо всѣхъ служащихъ, всѣхъ политическихъ: мимо его не пройдешь. А тутъ вдругъ новая тревога. Въ тюрьмѣ, по случаю разныхъ событій и удачныхъ подвиговъ радикаловъ, устраивалось торжественное освѣщеніе маленькими свѣчками оконъ. Объ

этомъ узнали въ городѣ; смотрителю, вѣрно, была нахлобучка. Политическихъ онъ и вообще побаивался, а теперь, чтобы избавиться отъ нихъ, задумалъ просить о переводѣ и ихъ въ крѣпость. Объ этомъ дошло до насъ. Забили и мы тревогу: изъ крѣпости ужъ не уйдешь! Рѣшили дѣйствовать, а не возлагать надежды на естественное повышеніе меня въ ключники. Разговаривая какъ-то съ Пантелѣевымъ, я узналъ, что онъ раньше служилъ въ имѣніи приказчикомъ. Какъ человѣкъ съ большимъ самомнѣніемъ, онъ выставлялъ себя и знающимъ хозяйство, и умѣлымъ управителемъ. Помѣщица отъ него, будто бы, была въ восторгѣ и т. д. Какая причина заставила ее разстаться съ нимъ и привела его въ тюрьму, онъ умалчивалъ, я же не распрашивалъ самъ, находя, что для насъ большій интересъ представляетъ начало, а не конецъ. Явилась мысль нанять его и тѣмъ очистить мѣсто... Мокріевичъ изобразилъ изъ себя помѣщика, N. (забылъ фамилію)—его слугу. Пріѣхали они въ гостиницу; N. отправился въ тюрьму, вызвалъ Пантелѣева и пригласилъ его къ барину. Пантелѣевъ въ тотъ же день явился къ Мокріевичу. Тотъ, основываясь, якобы, на хорошей аттестаціи, слышанной имъ отъ самой помѣщицы, бывшей хозяйки Пантелѣева, хотѣлъ бы имѣть его своимъ управителемъ. «Согласны ли вы бросить тюрьму? Сколько вы тамъ получаете?»—25 рублей! — не задумываясь, выпаливаетъ Пантелѣевъ. На мѣсто въ деревнѣ соглашается, однако, и дѣло слаживается быстро. Составляютъ условіе. Мокріевичъ даетъ ему задатокъ, беретъ документы, и на другой же день въ тюрьмѣ повторяется обычная исторія. Желающій уходить не дѣлалъ этого просто, а поднималъ ссору, скандалъ съ начальствомъ. Тогда его гнали сей же часъ, отдавъ разсчетъ безъ задержки. Такъ сдѣлалъ и Пантелѣевъ. Мѣсто ключника освободилось, наступилъ рѣшительный моментъ: на кого-то у смотрителя падетъ выборъ? Незадолго передъ этимъ въ тюрьму приняли двухъ бравыхъ унтеровъ, но на этотъ разъ смотритель, наконецъ, отдалъ мнѣ предпочтеніе, сдѣлавъ ключникомъ, а одного унтера ко мнѣ надзирателемъ опредѣлилъ. Мы ликовали... По случаю повышенія, въ первый же вечеръ приглашаю Мильченко и всѣхъ ключниковъ въ ближайшій кабакъ. Тамъ, какъ видно, знали всѣхъ хорошо. Отводятъ намъ отдѣльную комнату. Угощаю, знакомлюсь со всѣми. Передъ Пасхой отношу Мильченку четверть водки. Онъ ведетъ къ себѣ въ домъ, знакомитъ съ семьей, женой и дочерью. Приглашаютъ ходить. Мильченко, въ знакъ расположенія, начинаетъ давать мнѣ порученія въ городъ: закупать для больницы кое-что. Мнѣ это было невыгодно: городъ далеко, приходилось приплачивать за извозчика, но я, конечно, бралъ порученія. Это давало теперь благовидный предлогъ уходить изъ тюрьмы, забѣгать къ своимъ. Собираясь у Мокріевича, мы обсуждали вопросъ, какъ устранить надзирателя ночью съ коридора. Остановились на хлоралъ-гидратѣ съ водкой. Лошадь съ повозкой ку-

влена была уже раньше и ждала насъ давно. Лодка, костюмъ, паспортъ—все готово. Когда-то дежурство?!

Вотъ и оно... Кончилась «повѣрка»; разводящій приводитъ солдатъ, хочетъ ставить у главнаго крыльца. «Нѣтъ», говорю я ему: «тутъ не надо; лучше поставьте на заднемъ дворѣ, тамъ опаснѣй». Разводящій соглашается, и главное крыльцо остается безъ часового. Мнѣ не сидится; иду на чужіе корридоры провѣрять надзирателей; захожу на женское отдѣленіе. Старый давнишній надзиратель, какъ видно, недоволенъ. Отвѣчаетъ сердито, чуть не говоритъ: «чего таскаешься, и безъ тебя дѣло знаемъ». Ухожу; часовъ въ 8—9 ставлю самоваръ, пью самъ и несу своему надзирателю. Вмѣстѣ съ чаемъ подношу ему и стаканъ водки съ гидратомъ. Тотъ залпомъ выпиваетъ, крякаетъ, благодаритъ. Чтобы не развлекать и дать лучше скорѣй уснуть, ухожу. Въ корридорѣ у окна стоитъ скамья. Сядь онъ на нее — и сонъ быстро охватитъ. Проходитъ часъ, полтора. Заснулъ, или еще нѣтъ? — не отходитъ вопросъ въ головѣ. Надо посмотрѣть! Не выдерживаю и иду въ тюрьму. Что за диво?! Какой-то разговоръ несется съ верху... Ужъ не опьянѣлъ ли такъ сильно, что самъ съ собой разговариваетъ?! Вбѣгаю на верхъ и вдругъ застаю мирную бесѣду моего надзирателя съ другимъ изъ сосѣдняго корридора. «Это что такое?! Развѣ можно ночью уходить съ корридора!» напускаюсь я на нихъ и разгоняю собраніе. Самъ возвращаюсь въ канцелярію и снова выжидаю, волнуюсь. Вотъ и 11-ть часовъ. Еще разъ иду къ крыльцу. На верху опять говоръ... Заглядываю на корридоръ. Мой надзиратель спѣшно уходить въ другой конецъ. Плохо дѣло! Однако, надежда еще не пропадаетъ: почти часъ впереди. Ухожу, не дѣлая выговора: наступаетъ время идти за новой смѣной. Самый критическій моментъ. Сейчасъ, или опять черезъ недѣлю, и все зависитъ отъ того, заснулъ или нѣтъ надзиратель. Съ замираніемъ подхожу къ крыльцу— тихо; иду на верхъ, въ корридоръ—тоже ничего не слышно... Забилось сердце! Уснулъ... Значитъ, уснулъ!.. Спѣшу дальше, подхожу къ повороту на политическое отдѣленіе и сразу падаю съ неба: не спитъ, а бродитъ тутъ мой надзиратель, едва, впрочемъ, держась на ногахъ. Сѣсть боится. Не выгорѣло!.. Отправляюсь за новой смѣной, старую увожу, самъ укладываюсь спать, но тутъ налетѣло раздумье: не догадался ли, не заподозрилъ ли чего надзиратель. Вся ночь прошла въ тревожномъ полуснѣ. Не успѣлъ на другой день появиться на корридоръ нашъ надзиратель, какъ первымъ дѣломъ начинаю его выспрашивать, какъ ему спалось, какъ его здоровье; онъ передъ этимъ жаловался на простуду. «Какъ рукой сняло, спалъ за первый сортъ!» отвѣчаетъ надзиратель весело, безъ всякой тѣни подозрѣнія. Отлегло у меня. Вечеромъ отправляюсь къ Мокріевичу. «Ну, и хорошо, что вчера вы не вышли! Нашъ кучеръ заблудилъ и не попалъ къ тюрьмѣ!» утѣшаютъ меня товарищи, когда я сказалъ о неудачѣ. «А главное, хлоралъ-гид-

ратъ никуда не годится! Надо придумать что-нибудь другое!» замѣчаю я. Въ головѣ у меня намѣчался новый планъ. На нашемъ корридорѣ, въ одномъ закоулкѣ, была пустая камера (въ ней во время слѣдствія мнѣ же и пришлось потомъ сидѣть). Тамъ иногда хранилось бѣлье, кишѣвшее, нужно добавить, большими, тощими вшами, и разный хламъ: старые замки, ключи, старыя шашки, узелки арестантовъ. Хламомъ этимъ я уже воспользовался: подобралъ ключъ къ камерамъ Стефановича и Бухановскаго. Сидѣли они розно, но отпирать ихъ можно было однимъ. Тамъ же приготовлена была мною шашка, чтобы нарядить одного изъ выходящихъ надзирателемъ. Теперь въ этой камерѣ не было бѣлья, хламъ занималъ мало мѣста; можно было поставить столъ, стулъ, устроить чаепитіе, позвать надзирателя и, пока онъ будетъ чаевать и закусывать, вывести заключенныхъ и спрятать до поры-до времени гдѣ-либо. Одно мнѣ не нравилось: надо было просить разрѣшенія на приносъ стола и стула, и, неизвѣстно было, разрѣшатъ ли. Между тѣмъ у Стефановича и Дейча явилась болѣе простая, но лучшая мысль— выбросить изъ окна книгу на дворъ и послать за ней надзирателя. Я сразу согласился на этотъ планъ. Осталось ждать дежурства и вновь попытать счастья.

День дежурства прошелъ тихо, спокойно. Началась повѣрка, обычная кутерьма съ безпечными. Одинъ изъ арестантовъ не хочетъ заходить, пока не придутъ съ повѣркой къ нему въ камеру, вертится около меня. Повѣрка прошла къ политическимъ, я задержался назади. Арестантъ бросается, обхватываетъ, якобы, шутя и со словами: «А это что?»! вытаскиваетъ у меня изъ кармана ключъ—ключъ отъ камеры Стефановича, Дейча.—Какъ что! Развѣ не видишь?! ключъ отъ сундука! — говорю ему полунедовольно, но спокойно и отбираю у него изъ рукъ ключъ. Онъ, видно, ожидалъ найти въ карманѣ записку, желая этимъ взять меня въ руки, но, найдя ключъ, самъ немного смутился и, поэтому, отдалъ его легко.

Послѣ повѣрки, по обычаю, несу ключи въ караульную комнату и кладу тамъ при офицерѣ. «Я ключей не приму! Несите ихъ къ смотрителю!» ощетинясь чего-то, говоритъ онъ.—А мы всегда ключи сюда носимъ! — возражаю я. Но мой офицеръ знать ничего не хочетъ; стоитъ на томъ, что ему дѣла нѣтъ до нашихъ обычаевъ, и требуетъ, чтобъ я унесъ ключи, куда хочу. Мнѣ, съ своей стороны, мало улыбалась перспектива получить нахлобучку отъ смотрителя за безпокойство. Начался между нами маленькій споръ, закончившійся тѣмъ, что ключи останутся въ караулкѣ, но безъ пріема со стороны офицера. Возвращаюсь въ тюрьму. У главнаго крыльца ходитъ солдатъ съ ружьемъ. Зову разводящаго и, какъ въ прошлый разъ, говорю, что у крыльца не надо часового. Разводящій этому радъ даже,—меньше людей потребуется,—но самъ не рѣшаетъ снять; идетъ спросить офицера. Какое! Гдѣ онъ приказалъ, тамъ и должны стоять! Часовой остается. Мнѣ не нравится это, но дѣлать нечего.

иду въ канцелярію, ставлю самоваръ, приглашаю унтеръ-офицера чаю напиться. Тотъ приходитъ, и мы начинаемъ съ нимъ отводить душу, наводить критику на офицера, разбирая тутъ и исторію съ ключами, и съ часовымъ. «Все боится побѣговъ! Но у такихъ-то и бѣгаютъ!» замѣчаетъ унтеръ и разсказываетъ мнѣ, какъ у одного такого же формалиста убѣжало нѣсколько человѣкъ. Онъ ихъ у дверей стерегъ, а они по крышамъ ушли, надъ головами часовыхъ проползли... Кончилось чаепитіе; унтеръ ушелъ, я остался. На этотъ разъ не пошелъ и на женское отдѣленіе, чтобы не огорчать даромъ старика.

Время потянулось въ какомъ-то особомъ нудно-выжидательномъ состояніи, безъ думъ, безъ загадокъ, въ безсознательномъ самоуглубленіи. Холодъ и сырость прохватывали насквозь и вызывали дремотность, сонливость, щемящее чувство. Происходило нѣчто подобное тому, когда съ вечера закажешь себѣ встать пораньше, а утромъ, хотя и проснешься, не хочешь вставать, тянешь время; жалко разставаться съ теплой кроватью, пугаетъ холодъ внѣ ея...

Чѣмъ ближе время подвигалось къ 11 часамъ, тѣмъ это состояніе становилось нуднѣй, непріятнѣй. Наконецъ, перевалило и за 11. Ну, однако, пора! будетъ ждать! — говорю себѣ; встрахиваюсь и выхожу на дворъ. Вся дрема, всякое щемленіе и ознобъ,— все это разомъ прекратилось. На душѣ водворилось полное спокойствіе, нервы запрятались глубоко, глубоко, точно дѣло шло объ обычномъ приводѣ и уводѣ «смѣны». Не являлся даже вопросъ: удастся или нѣтъ вывести. Шелъ исполнять хорошо знакомое служебное дѣло, и больше ничего: ни колебаній, ни сомнѣній, ни волненій...

На дворѣ, кругомъ, полная тишина, нарушаемая лишь мѣрными шагами часового у крыльца; вдали у кухни, на выступѣ крыльца спитъ, видно, завѣдующій кухней, и больше никого. Захожу въ тюрьму. Вотъ и нашъ корридоръ; съ другого конца несутся звуки, но надзирателя не видно. Подхожу къ повороту на политическое отдѣленіе. У камеры Стефановича и Дейча стоитъ надзиратель; о чемъ-то говорятъ. «Въ чемъ дѣло? О чемъ это?» спрашиваю его на ходу.

— Да вотъ господа уронили книгу изъ окна, просятъ сходить за ней!

— Что-жъ, сходите! а я и кстати — пока осмотрю тутъ сидящихъ.

Надзиратель ушелъ; я сей же часъ бѣгу въ кладовку, беру тамъ шашку, раньше заготовленную, отпираю камеру Бухановскаго, указываю ему на шашку, поставленную около, а самъ спѣшу на крыльцо слѣдить за надзирателемъ. Бухановскій вышелъ, заперъ свою камеру, отперъ камеру Стефановича съ Дейчемъ; тѣ тоже вышли, заперли камеру и двинулись къ выходной лѣстницѣ.

Слышу, сходятъ. По какому-то наитію иду къ нимъ навстрѣчу.

«Шашку забылъ, шашку забылъ!»—шепчетъ испуганно Бухановскій. Не говоря ни слова, мчусь на корридоръ. Шашка тамъ, гдѣ ее поставилъ; хватаю—и назадъ. Наши добрались уже до ниши подъ выходной лѣстницей и сидятъ тамъ тихо. Отдаю шашку и опять на крыльцо. Насъ отдѣляетъ теперь одна лишь выходная дверь. Показался надзиратель съ книгой въ рукахъ. Вдругъ слышу за дверью шумъ: въ нишѣ забилась шашка о камни, при надѣваніи ея... «Семеновъ, отнесите книгу въ канцелярію!» кричу надзирателю погромче, чтобы заглушить шумъ и услать надзирателя подальше на время. Тотъ, какъ человѣкъ военный, привыкшій исполнять приказы, молча поворачиваетъ налѣво и мѣрно направляется къ канцеляріи. Часовой тоже не обратилъ вниманія. Шашка успокоилась. Надзиратель, отнеся книгу и ничего не замѣтивъ, проходитъ на свой корридоръ. Я же нѣсколько задерживаюсь на крыльцѣ, чтобы посмотрѣть, не будетъ ли тревоги съ корридора. Нѣтъ! все спокойно... Знзчитъ, полъ-дѣла сдѣлано! Долженъ, однако, оговориться, что намъ много помогъ случай. У надзирателя подъ мышкой нарывъ назрѣвалъ, была сильная боль. Онъ могъ дѣйствовать только одной рукой, а тутъ еще листы разорванной книги разлетѣлись, и ему довольно долго пришлось провозиться съ ихъ подбираніемъ. Не будь этого, забытая шашка могла бы сильно навредить... Подождавъ малость и видя полное спокойствіе, иду къ воротамъ, зову унтеръ-офицера, чтобы отперъ ихъ, и выхожу изъ тюрьмы на наружный дворъ, гдѣ ворота не запираются. За этими воротами идетъ большая дорога, усаженная старыми тѣнистыми деревьями. Тутъ гдѣ-нибудь должна быть лошадь близко и Валеріянъ Осинскій. Ночь беззвѣздная, подъ деревьями темно, а мнѣ, пришедшему со свѣта, и того больше. Вышелъ за ворота — тихо, никого не видно. Что за диво!? Неужели опять заблудились?! Въ раздумьи, медленно перехожу дорогу, миную деревья, иду дальше. Вотъ и домъ надзирателей, по случаю ремонта казармъ нанятый у частнаго лица.

Я пробираюсь осторожно, оглядываясь на каждомъ шагу. Наконецъ-то, изъ-подъ тѣни деревъ стала выдѣляться высокая, двигающаяся какъ-то нерѣшительно тѣнь. Валерьянъ! рѣшаю я и быстро направляюсь къ деревьямъ, съ сильнымъ желаніемъ ругнуть его, если это онъ. Да, это Валерьянъ, но бранить его языкъ у меня не повернулся: отъ долгаго, напряженнаго состоянія его положительно била лихорадка...—Гдѣ же лошадь?—спрашиваю. «Тутъ, тутъ! недалеко!..»—Мы сейчасъ выйдемъ, подъѣзжайте!—говорю, и съ этимъ ухожу въ тюрьму. Не успѣваю дойти, какъ слышу—несется, тарахтитъ ужасно по большой дорогѣ повозка, точно всѣ вѣдьмы Лысой горы за ней гонятся. Въ ночной тиши всякій звукъ слышенъ яснѣй, а тутъ когда-то было намощено, и при скорой ѣздѣ шумъ вышелъ на славу.

У воротъ тюрьмы снова пришлось вызвать унтера, чтобъ вну-

стилъ. Онъ выслалъ солдатика. «Вы не запирайте!—говорю ему.—Я сейчасъ буду выводить смѣну». Самъ направляюсь къ крыльцу.

Вдоль ходитъ часовой. На его глазахъ подхожу, пріотворяю дверь на лѣстницу и, обращаясь къ своимъ, кричу: «Смѣна, выходи!» Смѣна, подъ конвоемъ надзирателя-Бухановскаго въ шашкѣ, выходитъ, и мы направляемся къ воротамъ. Солдатикъ ждетъ и, услыхавъ мой голосъ, отворяетъ; мы проходимъ мимо гауптвахты съ часовымъ къ калиткѣ на наружный дворъ. Тутъ всѣ бросаются ко мнѣ и начинаютъ на радостяхъ цѣловать... Я передаю каждому кой-какое оружіе для защиты. Шагаемъ за наружныя ворота. Гдѣ же лошадь?! Оглядываемся—ничего не видно; лошади, повозки слѣдовъ нѣтъ... Вспоминаю бѣшеную скачку... Рѣшаемъ, что лошади, видно, испугались и понесли. Надо идти пѣшкомъ. Хожденіе ночью по ярамъ совсѣмъ не улыбалось, однако дѣлать нечего, надо было двигаться, и мы двинулись къ городу. Прошли заборъ тюремный. Далѣе начинается огородный валъ. Вглядываемся: въ тѣни вала, что-то чернѣетъ, ближе... повозка! Ура! Мы на нее. Я беру возжи въ руки, и подъ гору лошадь понесла насъ довольно быстро, но скоро начался подъемъ.

Лошадь одна, повозка тяжелая, насъ мала куча, 5 человѣкъ. Тише поѣхали. Вдругъ до нашего слуха ясно донеслись шаги погони... Ахъ, да это вѣдь Валерьянъ бѣжитъ за нами. Вотъ и онъ, усталый, просится тоже въ повозку... Мы уже въѣзжали въ городъ. Двое или трое прохожихъ удивленно посмотрѣли на нашу кучу. Далѣе мы спустились по узкой дорогѣ на Подолъ. Приходилось ѣхать почти шагомъ. Въ одномъ мѣстѣ попался пьяный, лежавшій на дорогѣ. Объѣхали. На Подолѣ раздѣлились: я пошелъ на квартиру Мокріевича, а они всѣ отправились къ Днѣпру, гдѣ была заготовлена лодка, костюмы и все прочее.

Ихъ кучеръ зналъ плохо дорогу и сначала завезъ въ тупикъ, т. е. въ улицу безъ выхода. Пришлось поворачивать, разспрашивать дорогу, но, во всякомъ случаѣ, добрались благополучно. Стефановичъ, Дейчъ и Бухановскій уѣхали на лодкѣ. Валерьянъ и кучеръ возвратились.

Я прожилъ въ Кіевѣ еще дней десять; потомъ уѣхалъ въ Одессу *).

О дальнѣйшемъ узналъ на слѣдствіи въ 1881 году. Узнали въ тюрьмѣ о побѣгѣ такъ. Малавскій, жившій въ одной камерѣ съ Бухановскимъ, проснувшись утромъ и не найдя въ камерѣ товарища, поднимаетъ бучу, бѣжитъ въ канцелярію, спрашиваетъ, куда дѣли Бухановскаго. Тамъ въ недоумѣніи; сначала оправдываются, что не трогали. Потомъ идутъ въ камеру—ужасаются; заглядываютъ въ другую—подозрительная тишина; отпираютъ—и еще

*) Вся моя „служба“ въ кіевской тюрьмѣ продолжалась около $3^1/_2$ мѣсяцевъ.

нѣтъ двоихъ. Начался переполохъ, предположенія, догадки. Строили всевозможные планы, только настоящій долго не шелъ въ голову. Еще ночью, когда я не привелъ смѣны и самъ не возвратился, надзиратели вызвали ламповщика, попросили его сходить за смѣной, перемѣнились и на томъ успокоились, зачисливъ меня въ убитаго жуликами. Раза два, на глазахъ арестантовъ, Мильченко обращался ко мнѣ съ просьбой ссудить его деньгами. Я бралъ у нашихъ на корридорѣ, выносилъ и давалъ ему. Этого, конечно, не знали и считали меня человѣкомъ денежнымъ. На этомъ строились догадки. Тюремные жулики передали, молъ, на волю своимъ. Тѣ подкараулили и укокошили. Такимъ образомъ, моя пропажа объяснялась легко и удобопонятно...

О побѣгѣ и мысль никому не приходила въ голову. Все это узналось, когда провѣрили мой паспортъ. Малавскій зналъ, конечно, о побѣгѣ. Поднимался даже вопросъ, не взять ли и его съ собой; за нимъ не было большихъ дѣлъ, лучше сказать, — за нимъ совсѣмъ ничего не было. Думали поэтому, что его процессъ кончится ничѣмъ, а тутъ все таки былъ рискъ и для другихъ: 4 больше 3, а къ тому же мѣшалъ еще его несуразно-большой ростъ... Онъ и остался. Но чтобъ его не обвинили въ соучастіи и помощи побѣгу другихъ, онъ разыгралъ описанную выше исторію. Не подними онъ шуму,—еще позже хватились бы. Когда меня привезли въ кіевскую тюрьму на слѣдствіе, то первымъ дѣломъ арестанты сообщили мнѣ, будто я увелъ не троихъ, а шестерыхъ, и не черезъ ворота, а какимъ-то особымъ путемъ. Благодаря этимъ слухамъ и боясь, чтобъ я и себя теперь не вывелъ тѣмъ же путемъ, съ моимъ привозомъ сейчасъ же увеличили число часовыхъ...

Тюрьму послѣ реформировали.

Изъ политическаго отдѣленія сдѣлали особый корридоръ, имѣющій своихъ собственныхъ надзирателей-ключниковъ, свой дворикъ. Все крыло, гдѣ находятся политическіе, отгородили стѣной отъ уголовнаго двора. Жалованье служащимъ увеличили. Дали имъ опредѣленную форму.

М. Фроленко.

* * *

Бѣлой ночи прозрачная тѣнь
Надъ полями туманомъ встаетъ...
Кто-то тихо въ туманѣ поетъ,
Лишь угаснетъ сіяющій день:
„Непробуднымъ мы скованы сномъ—
Мы не можемъ проснуться весной...
Но за темной холодной стѣной
Мы послѣднюю пѣсню поемъ.
Мы разскажемъ весеннимъ цвѣтамъ,
Что растутъ изъ умершихъ сердецъ,
Нашъ печальный, ужасный конецъ...
Мы разскажемъ ночнымъ небесамъ!..
Мы пошли за родную страну—
Всѣ, въ комъ сердца огонь не погасъ...
Отчего-жъ такъ жестоко у насъ
Кто-то отнялъ и жизнь, и весну?!.
На зарѣ, подъ охраной штыковъ,
Насъ по бѣлому снѣгу вели...
И на землю мы дружно легли
Отъ руки нашихъ братьевъ-враговъ.
И въ могилахъ сырыхъ, безъ крестовъ,
Насъ зарыли для вѣчнаго сна...
Но цвѣтами заткала весна
Нашъ послѣдній, печальный покровъ.
И, быть можетъ, по этимъ цвѣтамъ
Люди къ свѣту и правдѣ придутъ
И по нашимъ кровавымъ слѣдамъ
То, что мы не сыскали—найдутъ!..“

Г. Галина.

Въ началѣ жизни.

I.

Предки.—Отецъ и мать.—Дѣтскія впечатлѣнія.

Для того, чтобы исторія раннихъ лѣтъ моей жизни была понята, какъ слѣдуетъ, мнѣ необходимо начать съ дѣдушекъ и бабушекъ, потому что именно въ нихъ и находятся истинные корни всего, что произошло впослѣдствіи, несмотря на то, что двоихъ изъ нихъ я ни разу не видалъ.

Мой дѣдушка, по отцу, Алексѣй Петровичъ, былъ блестящій гвардейскій офицеръ, а бабушка—свѣтская женщина. По выходѣ дѣдушки въ отставку, они оба поселились въ своемъ имѣніи N—го уѣзда, гдѣ дѣдушка былъ выбранъ предводителемъ дворянства и прожилъ въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ, давая балы мѣстному обществу и занимаясь, главнымъ образомъ, псовой охотой и другими видами спорта.

Ему предстояла блестящая карьера, такъ какъ по матери своей, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Нарышкиной, онъ находился до нѣкоторой степени въ родствѣ съ Петромъ Великимъ. Но его жизнь была рано прервана неожиданной катастрофой. Онъ былъ взорванъ на воздухъ вмѣстѣ съ большей частью своего дома.

О причинахъ этого событія и его подробностяхъ отецъ мой хранилъ все время своей жизни глубокое молчаніе, а немногія другія лица, помнившія о немъ во время моего дѣтства, говорили мнѣ различно. Моя мать, уроженка отдаленной губерніи, слышала, что причиной взрыва было жестокое обращеніе дѣдушки со своими крѣпостными крестьянами: онъ заставлялъ ихъ рыть многочисленныя канавы для осушенія принадлежавшихъ ему болотъ. И, дѣйствительно, въ низменной части нашего имѣнія, гдѣ въ доисторическія времена еще бушевали волны могучей Волги, отступившей теперь отъ этого мѣста на три версты къ востоку, и до сихъ поръ можно видѣть дѣдушкины канавы, раздѣляющія четыреугольниками каждую десятину луговой земли и видныя съ прилегающихъ холмовъ на далекое разстояніе по растущимъ вдоль нихъ рядамъ ивъ. Недовольство этой насильственной канализаціей, охватившее

все мѣстное крестьянство, нашло, по словамъ матери, отголосокъ въ сердцѣ дѣдушкинаго дворецкаго, рѣшившагося въ сообществѣ съ молодымъ камердинеромъ отомстить дѣдушкѣ за притѣсненія и взорвавшаго его вмѣстѣ съ домомъ.

Другой (и болѣе романтическій) варіантъ той же самой исторіи я слышалъ отъ своей няньки Татьяны, жившей въ этой самой мѣстности.

Любимымъ камердинеромъ дѣдушки, говорила она, былъ очень молодой человѣкъ, воспитанный въ Петербургѣ и начитавшійся романовъ до того, что влюбился безумно въ одну молоденькую уѣздную барышню, которая ничего не подозрѣвала объ этомъ.

Въ одинъ прекрасный день, когда дѣдушка съ семействомъ пріѣхалъ къ себѣ въ имѣнье и давалъ тамъ большой балъ, этому молодому человѣку, избавленному отъ обычной застольной службы, пришлось, за недостаткомъ захлопотавшихся лакеевъ, разносить за обѣдомъ какой-то соусъ въ присутствіи этой самой барышни. Это такъ его сконфузило, что онъ вылилъ половину блюда на подолъ какой-то важной дамы.

— Пошелъ вонъ, дуракъ! — закричалъ на него дѣдушка и, схвативъ за шиворотъ, вышвырнулъ изъ столовой.

Это униженіе въ присутствіи предмета обожанія привело юношу въ такое отчаяніе, что онъ, по словамъ няньки, сначала хотѣлъ убить себя, а затѣмъ рѣшилъ убить обидчика и, сговорившись съ дворецкимъ, ненавидѣвшимъ дѣдушку по другимъ причинамъ, подкатилъ черезъ нѣсколько дней подъ спальную дома большой боченокъ пороху, вложилъ его въ отверстіе подъ печкой и, вставивъ въ него свѣчку, зажегъ и ушелъ.

Въ полночь произошелъ страшный взрывъ, гулъ котораго разбудилъ мою няньку (въ то время еще дѣвочку) на разстояніи пяти верстъ отъ дома. Бо̀льшая часть зданія разрушилась, упавшая печка раздавила дѣдушку и бабушку, а трое ихъ дѣтей — мой отецъ и двѣ его сестры, спавшія въ боковой пристройкѣ — уцѣлѣли, хотя стѣна ихъ комнаты отвалилась, и для того, чтобы достать ихъ, пришлось приставлять лѣстницу.

Начавшееся дознаніе выяснило виновниковъ. Прежде всего замѣтили, что дворецкій и камердинеръ поблѣднѣли и зашатались, когда настала ихъ очередь подходить къ открытому гробу для послѣдняго прощанія съ умершими и цѣлованія имъ рукъ. Но это еще не вызвало у нихъ сознанія, и только потомъ, уже въ N—мъ острогѣ, одинъ полицейскій, подсаженный къ нимъ въ видѣ товарища по заключенію, вывѣдалъ отъ нихъ всю правду. Обоихъ судили, высѣкли плетьми, какъ тогда полагалось, и сослали въ Сибирь на каторгу, гдѣ они и затерялись безъ слѣда.

Отцу моему и теткамъ назначили опекуномъ ихъ дядю Николая Петровича Щепочкина, который помѣстилъ потомъ дѣвочекъ въ институтъ, а мальчика—въ кадетскій корпусъ. Оттуда отецъ вышелъ

начитавшимся Пушкина и Лермонтова, наполовину съ аристократическими, наполовину съ демократическими взглядами и инстинктами, переплетавшимися у него удивительнымъ образомъ другъ съ другомъ: онъ былъ сторонникъ освобожденія крестьянъ, но безъ земли, и съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дворянство было вознаграждено за это парламентомъ на англійскій манеръ—съ двумя палатами и монархомъ, «царствующимъ, но не управляющимъ».

Въ молодости онъ былъ стройнымъ, высокимъ брюнетомъ, очень красивымъ, съ замѣчательнымъ самообладаніемъ и умѣньемъ держать себя во всякомъ обществѣ.

Знавшіе его въ молодости находили въ чертахъ его лица замѣтное сходство съ портретами Петра I, и самъ онъ, повидимому, очень гордился въ душѣ этимъ сходствомъ, какъ доставшимся ему въ наслѣдство отъ Нарышкиныхъ. Онъ относился къ Петру I всегда съ какимъ то особеннымъ благоговѣніемъ, тогда какъ къ остальнымъ царямъ былъ совершенно равнодушенъ или отзывался о нихъ прямо недоброжелательно. По выходѣ изъ корпуса онъ тотчасъ же попалъ въ какую-то, повидимому, любовную исторію (кажется, съ женой своего полковника) и 20-ти лѣтъ былъ приглашенъ уйти въ отставку. Это его нисколько не огорчило, и онъ, собравъ пожитки, отправился обозрѣвать свои большія имѣнія въ Ярославской и Новгородской губ., гдѣ жили нѣсколько тысячъ крестьянъ и крестьянокъ.

Мой дѣдушка и бабушка по матери были совершенно другого общественнаго положенія. Это были богатые крестьяне въ одномъ изъ имѣній моего отца.

Какимъ образомъ мой дѣдушка, по матери, Василій Николаевичъ, по профессіи кузнецъ, научился читать, писать и пріобрѣлъ элементарныя свѣдѣнія по ариѳметикѣ, исторіи, географіи; какимъ образомъ онъ пріохотился къ чтенію и откуда добылъ себѣ значительное количество книгъ по русской литературѣ? Мать говорила мнѣ, что все это передалъ ему его отецъ Николай Андреевичъ, замѣчательный человѣкъ, выучившійся самостоятельно, или у дьячковъ, всевозможнымъ наукамъ и ремесламъ и положившій начало благосостоянію ихъ дома.

Такимъ образомъ и тотъ, и другой представляли собою первые ростки той крестьянской интеллигенціи, которой суждено пышно развиться только въ будущемъ при всеобщемъ и обязательномъ обученіи по цѣлесообразной программѣ.

Все это отозвалось и на моей матери. Хотя она и доросла почти до шестнадцати лѣтъ безъ всякаго правильнаго обученія, но природныя способности, любознательность, а также и окружавшая ее болѣе интеллигентная среда наложили на нее свой яркій отпечатокъ. Главными подругами ея молодости были дочери священника въ одномъ селѣ, гдѣ она жила у своего дѣда по матери, такъ какъ ея овдовѣвшій отецъ женился вторично, и родственники не

хотѣли оставлять ее одну при мачихѣ, опасаясь со стороны послѣдней недоброжелательнаго отношенія къ падчерицѣ.

Въ результатѣ, когда мой отецъ объѣзжалъ свои владѣнія, онъ вдругъ встрѣтилъ въ нихъ дѣвушку шестнадцати лѣтъ, блондинку съ синими глазами, чрезвычайно стройную, изящную, совершенно не въ русскомъ массивномъ стилѣ. Она его поразила своей красотой и интеллигентнымъ выраженіемъ лица. Онъ въ нее влюбился съ перваго взгляда, а она въ него.

Родные матери, замѣтивъ начинающійся романъ, стали прятать ее по сосѣднимъ деревнямъ, и она сама пряталась отъ моего отца, чтобы пересилить свое чувство, но отецъ вездѣ разыскивалъ ее и, наконецъ, увезъ къ себѣ въ другую губернію. Онъ выписалъ ее изъ крестьянъ, приписалъ къ мѣщанамъ, и они поселились затѣмъ въ усадьбѣ, гдѣ потомъ родился я.

Мать получила въ свои руки завѣдываніе всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ и прислугой, а отецъ предался новымъ охотамъ съ сосѣдними помѣщиками и другимъ родамъ спорта; выписалъ лучшіе изъ тогдашнихъ журналовъ (53 — 54 гг.), устроилъ значительную домашнюю библіотеку и обучалъ мать нѣкоторымъ извѣстнымъ ему наукамъ. Мать даже пробовала потомъ научиться французскому языку, но не могла осилить носовыхъ звуковъ и сама отказалась отъ этого, такъ какъ вычитала въ какомъ-то романѣ, что коверканіе иностранныхъ словъ производитъ на другихъ смѣшное впечатлѣніе, и изъ опасенія быть смѣшной, дала себѣ зарокъ никогда не употреблять словъ иностраннаго происхожденія, пока не убѣждалась, что понимаетъ ихъ правильно. Этой простотой разговорнаго языка, нарушавшейся въ молодости только любовью вставлять въ разговоры цитаты изъ басенъ Крылова и стихотвореній Пушкина, особенно юмористическаго содержанія, она рѣзко отличалась отъ всѣхъ лицъ въ ея положеніи, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать потомъ при своихъ странствованіяхъ по свѣту.

Отецъ мой одѣвалъ ее, какъ куклу, по послѣднимъ модамъ и нашилъ ей полный гардеробъ различныхъ платьевъ. Но это ее нисколько не испортило, и она осталась навсегда очень скромной, мягкой и привѣтливой со всѣми окружающими. Она постоянно заступалась передъ отцомъ за прислугу при различныхъ мелкихъ провинностяхъ. Насъ, дѣтей, она любила безъ ума; чрезвычайно заботилась о насъ, никогда не забывала на ночь перекрестить, уже спящихъ, и страшно безпокоилась при малѣйшей нашей болѣзни. Она же первая научила меня очень рано читать, писать и четыремъ правиламъ ариѳметики.

Такъ какъ бракъ моихъ родителей не былъ признанъ церковью, то первые годы ихъ семейной жизни сложились совершенно своеобразно. Отецъ былъ слишкомъ завидный женихъ, чтобы родители взрослыхъ дочекъ не пробовали время отъ времени простирать на него свои виды. Изъ знакомыхъ только мужчины были предста-

вляемы моей матери, какъ хозяйкѣ дома, и она сама принимала, угощала и занимала ихъ, а мѣстныя дамы почти всѣ держались первые годы въ сторонѣ, продолжая упорно считать моего отца холостымъ человѣкомъ.

Все это вызывало рядъ неудобствъ, такъ какъ при значительныхъ сборищахъ гостей обоего пола по различнымъ торжественнымъ днямъ и на балахъ, которые отецъ считалъ для себя обязательнымъ давать раза два въ годъ, моей матери приходилось оставаться на своей половинѣ. Сюда къ ней время отъ времени являлись изъ присутствующихъ гостей лица, «знакомыя по семейному», между тѣмъ какъ гости, знакомые «исключительно съ отцомъ», держались въ парадныхъ комнатахъ дома. Я же и сестры, какъ маленькіе, жили особо во флигелѣ и были знакомы лишь съ дѣтьми и женами двухъ-трехъ ближайшихъ друзей отца. Меня почему-то одѣвали всегда въ шотландскій костюмъ, съ голыми колѣнками; крошечныя старшія сестры ходили въ кринолинчикахъ и кружевныхъ панталончикахъ, и всѣ мы были вручены попеченію няни Ульяны, а потомъ Татьяны — замѣчательной разсказчицы всевозможныхъ удивительныхъ сказокъ, которыми она наполняла наше воображеніе.

Когда мнѣ было лѣтъ восемь (въ первой половинѣ 60-хъ годовъ), для меня съ сестрой была взята гувернантка, которая и принялась насъ обучать французскому языку и всевозможнымъ «манерамъ и реверансамъ». А вскорѣ затѣмъ совершилась и рѣзкая перемѣна въ нашей семейной обстановкѣ.

Къ одному изъ помѣщиковъ сосѣдняго уѣзда, Зайцеву, вернулась изъ какого-то петербургскаго института восемнадцатилѣтняя дочка, очень красивая и бойкая, и, къ тому же, прекрасная наѣздница. Не прошло и недѣли, какъ къ намъ явилась блестящая кавалькада, во главѣ которой была эта дѣвушка, въ черной бархатной амазонкѣ, на гладко вычищенномъ, блестящемъ и горячемъ англійскомъ скакунѣ, съ коротко подстриженнымъ хвостомъ.

Зайцевы были знакомы только съ отцомъ и потому были приняты имъ въ парадныхъ комнатахъ, а вслѣдъ затѣмъ они умчались, захвативъ съ собою и отца. Черезъ нѣсколько дней повторилось то же самое; затѣмъ вновь. Моя мать начала плакать у себя въ спальной. Всѣмъ было ясно, что на отца имѣютъ виды, и отецъ это тоже понималъ, но онъ любилъ по прежнему мою мать и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія заводить вторую семью. А между тѣмъ, отказывать такой милой барышнѣ поскакать съ ней немного верхомъ черезъ поля и овраги не было никакой возможности, не впадая въ грубость или неделикатность, тѣмъ болѣе, что отецъ считался лучшимъ наѣздникомъ въ уѣздѣ.

Почувствовавъ, что нужно сдѣлать что-нибудь рѣшительное для того, чтобы заставить всѣхъ признать свое семейное положеніе, отецъ воспользовался для этого днемъ своихъ именинъ, когда, по

обыкновенію, къ намъ съѣзжался, какъ выражалась прислуга, «весь уѣздъ». До обѣда этого дня, я занимался у себя въ дѣтской, ничего не подозрѣвая и не предчувствуя, какъ вдругъ является къ намъ отецъ и говоритъ мнѣ:

— Коля! одѣнься и причешись, ты будешь сегодня обѣдать съ гостями наверху. Я пришлю за тобой Лешку.

Черезъ полчаса приходитъ «Лешка» (одинъ изъ лакеевъ), въ новыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, и говоритъ, что «папаша велѣли идти въ столовую».

Я явился туда съ трепетомъ въ душѣ и расшаркался при входѣ, какъ меня научила гувернантка. Гости стояли группами у маленькихъ столиковъ съ закусками по стѣнамъ залы.

— Вотъ Коля! — спокойно сказалъ гостямъ отецъ, махнувъ на меня рукой и, положивъ въ ротъ сардинку, пригласилъ всѣхъ садиться за большой столъ, посреди залы.

Нѣсколько мужчинъ и двѣ-три дамы, уже «знакомые по семейному», подошли поздороваться со мной за руку, и затѣмъ я скромно сѣлъ на указанное мнѣ мѣсто, противъ отца, единственный маленькій человѣкъ среди этого блестящаго общества взрослыхъ. Едва усѣвшись на своемъ стулѣ, я сейчасъ же началъ украдкой разглядывать незнакомыхъ мнѣ дамъ и нѣсколькихъ расфранченныхъ барышенъ, совершенно и не подозрѣвая того эффекта, который должно было произвести среди нихъ мое внезапное появленіе въ роли Пьера Безухаго изъ романа «Война и Миръ».

Съ этого момента всѣ поняли, что, если кто желаетъ сохранить съ отцомъ хорошія отношенія, тотъ долженъ признать его семейнымъ человѣкомъ. Виновница же всѣхъ этихъ и безъ того назрѣвавшихъ перемѣнъ, М-lle Зайцева, тотчасъ же уѣхала обратно въ Петербургъ и черезъ годъ вышла тамъ замужъ за какую-то очень важную особу.

Въ слѣдующіе два-три мѣсяца большинство сосѣдей, познакомившись съ моей матерью, уже стали возить къ намъ въ гости своихъ дѣтей и приглашать насъ къ себѣ. Съ тѣхъ поръ жизнь нашей семьи пошла обычнымъ путемъ, ничѣмъ особеннымъ не отличаясь отъ жизни остальныхъ помѣщиковъ, кромѣ тѣхъ чисто внѣшнихъ признаковъ, которые зависѣли отъ большой величины нашихъ тогдашнихъ владѣній и усадьбы, требовавшихъ значительной прислуги, и отъ исключительнаго богатства и вкуса во внутреннемъ убранствѣ нашихъ комнатъ.

Всѣ зданія нашей усадьбы, главный домъ, флигель, кухня и другія строенія, были разбросаны среди деревьевъ большого парка въ англійскомъ вкусѣ, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ березъ, съ маленькими рощицами липъ, елей и съ отдѣльно разбросанными повсюду кленами, соснами, рябинами и осинами; съ лужайками, холмами, тѣнистыми уголками, полузапущенными аллеями, бесѣд-

ками и озеркомъ-прудомъ, на которомъ мы любили плавать по вечерамъ въ лодкѣ.

«Бальная зала» во всю длину дома, парадныя комнаты «наверху», т. е. во второмъ этажѣ, блестѣли большими отъ пола до потолка зеркалами, бронзовыми люстрами, свѣшивавшимися съ потолковъ, и картинами знаменитыхъ художниковъ въ золоченыхъ рамахъ, занимавшими всѣ промежутки стѣнъ. Подъ ними—мраморные столики съ инкрустаціями и всякими изваяніями, мягкіе диваны, кресла или стулья съ рѣзными спинками въ готическомъ вкусѣ. Къ залѣ примыкала комната съ фортепіано и другими музыкальными инструментами. Въ нижнихъ же комнатахъ, кромѣ жилыхъ помѣщеній, находилась будничная (семейная) столовая, большая билліардная зала, гдѣ мнѣ постояннно приходилось потомъ сражаться кіемъ съ гостями, и оружейная комната, вся увѣшанная средневѣковыми рыцарскими доспѣхами, рапирами, мѣдными охотничьими трубами, черкесскими кинжалами съ золотыми надписями изъ Корана, пистолетами, револьверами и большой коллекціей ружей всевозможныхъ системъ, отъ старинныхъ арбалетовъ до послѣднихъ скорострѣльныхъ.

Мать моя очень хорошо вошла въ роль хозяйки этой большой усадьбы. Она съ успѣхомъ угощала, занимала и смѣшила гостей и очень скоро заслужила общую симпатію. Мою гувернантку вскорѣ предоставили сестрамъ, а мнѣ назначили гувернера, полу-француза Вермореля, который приготовилъ меня во второй классъ гимназіи. Потомъ взяли для сестеръ двухъ новыхъ гувернантокъ, очень молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одну скоро сманили сосѣди. Въ другую же я тотчасъ влюбился, храня, какъ святыню, случайно попадавшіе мнѣ въ руки обрывки ея ленточекъ, кусочки кожи отъ ея башмаковъ, вѣтки подаренныхъ мнѣ ею цвѣтовъ и все, что ей когда-нибудь принадлежало. Я тайно ставилъ ей на окно букеты изъ васильковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ и готовъ былъ отдать за нее свою жизнь.

Ближайшіе друзья дома, еще до моего оффиціальнаго появленія въ обществѣ, расхваливали отцу мою мать и уговаривали его совершить формальности, требуемыя церковью, чтобы прекратить ея неопредѣленное положеніе въ обществѣ. Отецъ соглашался, что это нужно рано или поздно сдѣлать, но по какой-то инертности все откладывалъ дѣло годъ за годомъ.

Что же касается до самой матери, то она никогда, ни единымъ словомъ не намекала отцу о церковномъ бракѣ, опасаясь, что это можетъ быть принято за простое желаніе попасть въ привилегированное положеніе. Однако, безпокойство за необезпеченное положеніе дѣтей часто овладѣвало ею, и она начала по временамъ впадать въ меланхолію. Однажды, во время особенно сильнаго припадка недуга, когда мой отецъ заботливо разспрашивалъ ее о причинахъ ея нездоровья, мать призналась ему въ своемъ безпокой-

ствѣ о нашемъ будущемъ въ случаѣ его неожиданной смерти, и отецъ, собравъ своихъ знакомыхъ, сейчасъ же составилъ свое завѣщаніе. Всѣ его денежныя суммы и благопріобрѣтенное недвижимое имущество дѣлилось по этому завѣщанію на двѣ равныя части, одна изъ которыхъ должна была идти въ раздѣлъ между его сыновьями, а другая между дочерьми, тогда какъ вся внутренняя обстановка жилищъ завѣщалась ихъ матери. Все это случилось, когда мнѣ, старшему сыну, было лѣтъ десять, а сестрамъ и брату еще менѣе того.

Отецъ былъ мало экспансивенъ въ своихъ родительскихъ чувствахъ. Онъ, кажется, немного стыдился ихъ выказывать, какъ признакъ слабости. Наши дѣтскія интимныя отношенія съ нимъ ограничивались поцѣлуями утромъ и вечеромъ, да нѣсколькими шутливыми вопросами съ его стороны за обѣдомъ и чаемъ, или при его ежедневныхъ посѣщеніяхъ нашей классной комнаты во время уроковъ на четверть часа. Маленькіе случайные подарки, служащіе въ глазахъ дѣтей мѣриломъ родительской любви къ нимъ, были съ его стороны очень рѣдки, и потому мнѣ казалось, что онъ къ намъ довольно равнодушенъ, хотя на самомъ дѣлѣ этого не было. Это была только манера вести себя, неумѣнье со стороны взрослаго человѣка войти въ дѣтскую душу. На именины и дни рожденья онъ намъ всегда что-нибудь дарилъ: сестрамъ—куклы или шляпки, а мнѣ—различные предметы спорта, сначала дѣтское оружіе и деревянныхъ верховыхъ коней, затѣмъ настоящіе пистолеты и маленькаго пони для пріученья къ верховой ѣздѣ, потомъ отличное охотничье ружье и т. д. Для пріученія къ спорту, онъ часто водилъ меня съ собой на охоту или стрѣлять въ цѣль изъ штуцеровъ, или играть на билліардѣ, гдѣ я скоро сталъ его обыгрывать и этимъ отбилъ у него охоту играть со мною. Онъ также часто бралъ меня проѣзжать рысаковъ, до которыхъ былъ страстный охотникъ. У насъ ихъ было до полутораста. Держались эти лошади, при которыхъ состояло десятка два конюховъ, исключительно для удовольствія. Время отъ времени нѣсколько изъ нихъ посылались въ Петербургъ или Москву на состязанія, гдѣ онѣ брали призы и часто продавались тамъ за большія цѣны. Каждый рысакъ имѣлъ свой спеціальный дипломъ на пергаментѣ, обведенномъ золотыми рамками, гдѣ стояло названіе нашего завода, имя рысака и время его рожденія. Здѣсь же перечислялись всѣ его родоначальники и предки до десятаго поколѣнія, а затѣмъ слѣдовала подпись и печать отца съ его гербами.

На окружающихъ людей отецъ производилъ очень сильное впечатлѣніе, благодаря твердому характеру и умѣнью безъ всякаго замѣтнаго по внѣшности усилія поставить себя съ каждымъ въ такія отношенія, какихъ онъ самъ желалъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ былъ выбранъ предводителемъ дворянства въ нашемъ уѣздѣ

и его время начало проходить въ постоянныхъ переѣздахъ изъ города въ деревню и обратно.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда я впервые ясно понялъ отсутствіе въ нашей семьѣ тѣхъ формальныхъ связей, которыя сковываютъ вмѣстѣ всѣхъ членовъ другихъ семействъ, независимо отъ ихъ дальнѣйшей воли, и происходящую отсюда неопредѣленность общественнаго положенія моей матери, которую я сильно любилъ.

Въ это время у меня уже появились религіозныя сомнѣнія, главнымъ образомъ, изъ-за того, что не оказалось надъ землей кристаллическаго небеснаго свода или тверди, которую, по словамъ Библіи, создалъ Богъ во второй день творенія, чтобы раздѣлить верхнія воды отъ нижнихъ, да и самихъ верхнихъ водъ тоже не оказалось. Эти сомнѣнія стали меня сильно мучить, тѣмъ болѣе, что мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ было подѣлиться ими. Мои сверстники и товарищи дѣтства всѣ были ниже этихъ размышленій, а взрослые не захотѣли бы говорить о нихъ со мной серьезно. Точно также мнѣ стали приходить въ голову различные вопросы въ родѣ того, справедливо ли, что одинъ живетъ, благодаря простой случайности рожденія, въ богатствѣ и роскоши, а другой—въ нищетѣ и голодѣ?

Размышляя о томъ, что отецъ не обвѣнчался съ моей матерью, я пришелъ къ совершенно справедливому заключенію, что и онъ нисколько не вѣритъ въ церковныя таинства. Однако, видя, что это огорчаетъ мать, и вспомнивъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ я видалъ ее тайно плачущей у себя въ комнатѣ, я въ первый разъ отнесся къ отцу съ неодобреніемъ.

— Разъ мать во все это вѣритъ, и это ее волнуетъ, почему бы не сдѣлать ей удовольствія?—думалъ я.

Понемногу я началъ становиться замкнутымъ предъ отцомъ относительно всего, что касалось моей внутренней жизни, началъ замѣчать и преувеличивать слабыя стороны его характера и даже давать въ душѣ превратныя толкованія мотивамъ тѣхъ или другихъ его поступковъ.

Я зналъ, какъ и всѣ остальные, о духовномъ завѣщаніи отца, гдѣ все движимое имущество оставлялось матери и намъ, но эта матеріальная часть очень мало меня интересовала, и я сталъ по временамъ мечтать о томъ, что, когда я выросту большимъ, я не воспользуюсь этимъ завѣщаніемъ, и самъ пробью себѣ дорогу въ жизни исключительно своими личными усиліями безъ всякой посторонней помощи.

Однако, если кто-нибудь подумаетъ, что эта анормальная сторона, о которой я такъ много говорю теперь, клала какой-либо постоянный отпечатокъ на нашу обыденную семейную жизнь, тотъ очень сильно ошибется. Мы жили, какъ и всѣ другія семьи, главнымъ образомъ, впечатлѣніями текущаго дня, его радостями и заботами, рѣдко вспоминая о вчерашнемъ или думая о завтрашнемъ днѣ.

Отецъ просматривалъ счеты или занимался спортомъ, мать всецѣло отдавалась заботамъ о дѣтяхъ и домашнемъ хозяйствѣ, или съ жадностью читала романы, на которыхъ она, наконецъ, испортила себѣ зрѣніе. Мы, дѣти, готовили свои уроки. Въ сношеніяхъ со знакомыми не чувствовалось никакой натянутости, и по торжественнымъ днямъ къ намъ собирались гости съ женами и дѣтьми, и мы всѣ прыгали, танцовали, играли въ жмурки, въ прятки и возились по всему дому. Для анализа «собственной души и ея отношеній къ Богу и къ окружающимъ», какъ выразился бы Левъ Толстой, оставались въ году лишь отдѣльные часы раздумья.

Въ будничные дни, послѣ уроковъ, мы, маленькіе, разбѣгались по парку, дѣлали себѣ пирожки изъ глины и песку, пускали воздушныхъ змѣевъ, отправляли плавать въ прудъ кораблики на бумажныхъ парусахъ, забирались черезъ манежъ, прилегавшій къ одной изъ трехъ нашихъ конюшенъ, въ каретный сарай, гдѣ стояло штукъ 20 всевозможныхъ экипажей, отъ колясокъ и каретъ до простыхъ бѣговыхъ санокъ и дрожекъ, и съ большимъ увлеченіемъ изображали въ нихъ путешественниковъ, усиленно раскачиваясь на рессорахъ.

Отецъ сначала съ увлеченіемъ предавался охотѣ и держалъ большую псарню съ нѣсколькими десятками гончихъ и борзыхъ, но потомъ, когда мнѣ было лѣтъ десять, уничтожилъ это учрежденіе, послѣ того какъ собаки одного нашего сосѣда растерзали крестьянина, попавшаго случайно на линію охоты и бросившагося бѣжать, не смотря на то, что отецъ и всѣ остальные кричали ему:

— Не бѣги—разорвутъ!

Сильно пораженный этимъ несчастнымъ случаемъ, отецъ больше не ѣздилъ на псовую охоту, а потому и я не имѣю о ней никакого понятія, такъ какъ послѣ упомянутаго случая этотъ видъ спорта въ нашемъ уѣздѣ совсѣмъ прекратился. Помню только, какъ въ раннемъ дѣтствѣ я не разъ вскакивалъ на разсвѣтѣ со своей постели, при доносившихся сквозь стекла звукахъ охотничьихъ роговъ, и видѣлъ въ полутьмѣ, изъ окошка своей дѣтской, какъ конюхи приводили къ главному подъѣзду осѣдланныхъ лошадей; гончія собаки на сворахъ потягивались и зѣвали, широко раскрывая свои длинныя, тонкія морды. Затѣмъ на подъѣздъ выходилъ отецъ и гости; всѣ садились въ сѣдла, и одинъ за другимъ исчезали, при звукахъ трубъ, за деревьями парка.

II.

Первоначальное развитіе. — Гимназія. — Общество естествоиспытателей и что изъ него вышло.

Вопросы «почему и отчего» волновали меня съ самаго дѣтства, но я почти никогда не получалъ на нихъ отвѣта отъ окружающихъ. Они такъ сильно привлекали меня къ себѣ, что многіе изъ этихъ вопросовъ во всей ихъ обстановкѣ и самыя слова отвѣтовъ на нихъ до сихъ поръ остались у меня въ памяти, хотя нѣкоторые изъ нихъ были, очевидно, сдѣланы въ самомъ раннемъ дѣтствѣ.

— Изъ чего состоитъ золото? — спросилъ я разъ свою старую няню Татьяну, которая тогда казалась мнѣ несравненно мудрѣе матери и отца, и ясно помню, что при этомъ вопросѣ я сидѣлъ посреди большой комнаты нашего флигеля на полу и выстругивалъ столовымъ ножомъ изъ лучины что-то въ родѣ стрѣлы для лука или крыла для вѣтряной меленки, а нянька вязала чулокъ у окна на стулѣ.

— Изъ золота,—отвѣчала она.

— А серебро?

— Изъ серебра...

— А почему же хлѣбъ состоитъ изъ муки?

— А хлѣбъ состоитъ изъ муки, — также невозмутимо отвѣчаетъ она.

— Какъ произошло солнце?—спрашиваю я въ другой разъ, вѣроятно, значительно позже.

— Богъ сотворилъ.

— А Бога кто сотворилъ?

— Никто. Онъ существовалъ и будетъ существовать вѣчно.

Это слово «вѣчно» производило на меня во все время дѣтства очень сильное впечатлѣніе и вызывало мысли о безпредѣльности времени и пространства. И въ этотъ разъ произошло то же самое, а вмѣстѣ съ тѣмъ невольно явилась мысль: если Богъ существовалъ всегда, то почему же не могли бы всегда существовать вмѣстѣ съ Нимъ и солнце, и земля, и звѣзды? Вѣдь Богу было бы скучно летать одному въ пустотѣ и непроглядной тьмѣ, какъ мнѣ говорили объ этомъ старшіе. Но я уже не задалъ нянѣ этихъ вопросовъ, такъ какъ къ этому времени, очевидно, научился понимать, что мнѣ ихъ никто не разъяснитъ.

Этотъ складъ ума, очевидно, постепенно подготовлялъ у меня почву и для послѣдующихъ занятій естественными науками.

Любовь къ природѣ была у меня прирожденной. Видъ звѣзднаго неба ночью всегда вызывалъ во мнѣ какое-то восторженное состояніе. Пробужденіе природы раннимъ утромъ или при первомъ появленіи весны, глубокое безмолвіе зимняго лѣса въ тихій морозный

вечеръ, волнующаяся даль безпредѣльной равнины въ жаркій лѣтній день, — все это какъ будто звало меня куда-то далеко, далеко и казалось проявленіемъ какой-то, всюду скрывающейся таинственной жизни. Это одухотвореніе природы доходило до такой степени, что, выбѣгая утромъ въ паркъ, я мысленно здоровался съ каждымъ предметомъ, который попадался мнѣ на глаза: съ рѣчкой, пригоркомъ, облачкомъ, деревомъ, галкой, солнцемъ, зарей и т. д., а по вечерамъ не забывалъ и попрощаться со всѣми окружающими предметами. И мнѣ казалось, что всѣ они меня вполнѣ понимаютъ. Это со временемъ такъ вошло у меня въ плоть и кровь, что даже и теперь почти всякій разъ, какъ мнѣ приходится увидать луну или звѣзды въ свое окошко Шлиссельбургской крѣпости *), я машинально говорю имъ про себя:

— Здравствуй, луна! Здравствуйте, звѣзды! — какъ это дѣлалъ въ дѣтствѣ, хотя и понимаю, что для другихъ это должно казаться странной наивностью.

Когда мнѣ попалась первая популярная книжка по естествознанію—брошюрка о пищевареніи, дыханіи и кровообращеніи - она мнѣ показалась какимъ-то откровеніемъ. Двѣ старинныя астрономіи Перевощикова и Зеленаго (лекціи морского училища) я перечитывалъ не разъ ранѣе 13 лѣтъ, какъ только гувернеръ успѣлъ познакомить меня съ элементарными основаніями физической географіи. Почти всю не математическую часть этихъ книгъ я понялъ и запомнилъ, а таинственный видъ формулъ и чертежей вызвалъ у меня страстное желаніе учиться математикѣ и затаенное опасеніе, что я никогда не буду въ силахъ понять такой премудрости.

Большинство видныхъ представителей русской литературы, Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Кольцова, Гоголя, а особенно Некрасова, всегда производившаго на меня вмѣстѣ съ Лермонтовымъ особенно сильное впечатлѣніе, и часть иностранныхъ писателей, въ русскихъ переводахъ, я зналъ еще до гимназіи, такъ какъ ихъ произведенія имѣлись въ нашей домашней библіотекѣ. Никакого выбора чтенія отецъ для меня не дѣлалъ, и я бралъ всякую книгу, заглавіе которой казалось для меня интереснымъ. Майнъ-Ридъ, Эмаръ, Куперъ и особенно Габріель Ферри своимъ романомъ «Лѣсной бродяга» сильно развили романтическую сторону моей натуры и наполнили воображеніе всевозможными приключеніями, такъ что впослѣдствіи, по поступленіи въ гимназію, я тоже, какъ и многіе мальчики моего времени, не избѣжалъ «сборовъ къ индѣйцамъ» и одно время спеціально и детально изучалъ съ этой цѣлью географію Сѣверной Америки. Съ этой же цѣлью я долго практиковался съ однимъ товарищемъ въ метаніи дротиковъ, стрѣльбѣ изъ сарбакановъ, въ путешествіяхъ по незнакомымъ лѣ-

*) Эти мемуары писаны въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1902 г.

самъ съ помощью компаса, и въ прочихъ полезныхъ пріемахъ лѣсной жизни.

Никакихъ книгъ по общественнымъ наукамъ, кромѣ скучной исторіи Карамзина, да статей въ журналахъ, не было въ отцовской библіотекѣ, а потому въ до-гимназическій періодъ моего дѣтства мнѣ приходилось довольствоваться лишь собственными размышленіями, когда разговоры взрослыхъ побуждали меня задумываться о тѣхъ или иныхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Отъ кого впервые услыхалъ я, что, кромѣ монархій, существуютъ и республики; какимъ путемъ непосредственныхъ размышленій убѣдился я, что республиканскій строй, какъ основанный на постоянномъ проявленіи всенародной воли, справедливѣе монархическаго, основаннаго на случайности рожденія; какимъ образомъ узналъ я затѣмъ, что, кромѣ абсолютныхъ монархій и республикъ, есть еще и конституціонная монархія, и сразу отнесъ ихъ къ разряду палліативовъ, — ничего этого я уже не могу припомнить. По всей вѣроятности, все это совершилось у меня въ періодѣ между 12 и 14 годами и легло въ основу моего дальнѣйшаго развитія.

Девизъ старинныхъ французскихъ республиканцевъ — свобода, равенство и братство—сразу покрылся въ моихъ глазахъ ореоломъ, но только я прибавлялъ къ нему еще слово «наука», понимая подъ нею, главнымъ образомъ, естествознаніе, которое, по моему убѣжденію, одно могло разсѣять суевѣрія и предразсудки, помрачающіе человѣческіе умы.

Въ какое время и какимъ образомъ я узналъ, что симпатичный для меня по соображеніямъ отвлеченной справедливости республиканскій образъ правленія былъ достигнутъ въ иностранныхъ государствахъ путемъ тяжелой борьбы?.. Отъ кого я услыхалъ впервые или прочелъ гдѣ-нибудь, что въ Россіи были декабристы, пытавшіеся добиться того же и для насъ, но погибшіе въ тюрьмахъ и въ Сибири?.. Кто мнѣ разсказалъ, можетъ быть—со спасительной цѣлью устрашенія, что существуетъ Петропавловская крѣпость, и наполнилъ мое воображеніе ужасными картинами жестокостей, которыя тамъ творятся надъ всѣми, любящими свободу, а мое сердце—жалостью и сочувствіемъ къ заключеннымъ въ ней узникамъ? Этого я тоже не въ состояніи припомнить.

По всей вѣроятности, все это относится къ первымъ годамъ моей гимназической жизни, а все то, что мнѣ приходилось слышать о такихъ предметахъ ранѣе, не оставляло въ моей головѣ никакого прочнаго слѣда или не возбудило серьезныхъ размышленій.

Но несомнѣнно, что такіе разговоры окружающихъ, или замѣтки въ прочитанныхъ мною романахъ и книгахъ, рано вызвали во мнѣ потребность познакомиться съ исторіей періодовъ общественной борьбы, хотя къ обычной исторіи, съ ея безконечной перипетіей войнъ, пограничныхъ и династическихъ измѣненій, безъ указанія

какихъ-либо законовъ общественнаго развитія, я никогда не имѣлъ особенной склонности и, подобно большинству, предпочиталъ знакомиться съ жизнью человѣчества непосредственно по романамъ.

Но книги по исторіи революціонныхъ періодовъ я бралъ время отъ времени уже со среднихъ классовъ гимназіи и до 18 лѣтъ перечиталъ, вѣроятно, все, что имѣлось по этому предмету въ русской литературѣ. Такимъ образомъ, несмотря на свое постянное увлеченіе естественными науками, я передумалъ по общественнымъ вопросамъ почти все, что было передумано и перечитано большинствомъ современной мнѣ передовой молодежи. Когда, впослѣдствіи, весной 1874 года, я впервые познакомился съ «радикалами» (какъ называли себя въ то время тѣ, кому въ обществѣ давали кличку «нигилистовъ»), то оказалось, что почти вся цитируемая ими въ разговорахъ легальная литература была мнѣ хорошо извѣстна.

Но главной моей пищей во всѣ періоды отдыха или переутомленія всегда были романы, и имъ, несомнѣнно, принадлежитъ главная роль въ развитіи моихъ симпатій и антипатій въ области человѣческихъ отношеній. «Одинъ въ полѣ не воинъ» и «Загадочныя натуры» Шпильгагена; «Девяносто третій годъ» и другіе романы Виктора Гюго; «Что дѣлать?» Чернышевскаго; романы изъ дѣятельности карбонаровъ, какъ, напримѣръ, «Докторъ Антоніо», и остальные въ этомъ родѣ вызывали во мнѣ глубокое негодованіе противъ всякаго угнетенія и настоящую потребность пожертвовать собою для блага и свободы человѣчества. Благодаря этому, первая же встрѣча съ людьми, занимающимися подобной дѣятельностью, неизбѣжно должна была подѣйствовать на меня чрезвычайно сильно.

Однако, никакихъ такихъ людей я еще не встрѣчалъ. Вплоть до 19 лѣтъ я думалъ, что кромѣ меня да нѣсколькихъ друзей изъ моихъ товарищей гимназистовъ не было въ Россіи никого, раздѣляющаго эти мнѣнія и чувства. Изъ двухъ путеводныхъ звѣздъ— науки и свободы, которыя свѣтили для меня въ туманной дали будущаго, я почти цѣликомъ отдавался первой.

Во все время моей гимназической жизни, еще со второго или третьяго класса я по цѣлымъ днямъ и ночамъ просиживалъ надъ естественно-научными книгами, ища въ нихъ не однихъ сухихъ знаній, часть которыхъ давала мнѣ и гимназія, но больше всего разъясненія мучившихъ меня почти съ 12 лѣтъ вопросовъ: какъ начался окружающій меня міръ? Чѣмъ онъ кончится? Въ чемъ сущность человѣческаго сознанія, и что такое наша жизнь, которая въ одно и тоже время есть мгновеніе, въ сравненіи съ вѣчностью, и цѣлая вѣчность, въ сравненіи съ однимъ мгновеніемъ?.. Стоитъ ли жить или не стоитъ? Такъ ли чувствуютъ другіе люди, какъ я, или каждый на свой ладъ, и потому никто другъ друга не понимаетъ, а только воображаетъ, что понимаетъ?

Я не хочу сказать, чтобы эти вопросы составляли всю мою

жизнь. Нѣтъ! Какъ у всякаго другого, они прерывались у меня и посторонними впечатлѣніями жизни. Стоило увидѣть хорошенькое личико дѣвушки, и у меня сейчасъ же появлялся къ ней порывъ симпатіи, и я чувствовалъ полную готовность влюбиться... И, наконецъ, въ 16 лѣтъ я нашелъ свой идеалъ, какъ уже упоминалъ, въ гувернанткѣ моихъ младшихъ сестеръ, только что вышедшей изъ института, очень молоденькой и славной дѣвушкѣ... Стоило увидѣть студента съ особенно серьезнымъ видомъ и нѣкоторыми признаками бороды, и я сейчасъ же начиналъ чувствовать къ нему чрезвычайное благоговѣніе и готовъ былъ идти для него куда угодно.

Все это было въ младшихъ и среднихъ классахъ гимназіи. На взрослыхъ людей, какъ я заключаю теперь по множеству ихъ отдѣльныхъ фразъ, оставшихся въ моей памяти, я производилъ впечатлѣніе юноши болѣе развитаго, чѣмъ это полагалось по моему возрасту, хотя какая-то, никогда не оставлявшая меня стыдливость выставлять на показъ другимъ свои знанія заставляла меня прямо прятать ихъ отъ болѣе взрослыхъ, особенно если они чѣмъ-нибудь обнаруживали, что смотрятъ на меня покровительственно сверху внизъ. Тогда—всему конецъ! Въ ихъ присутствіи я положительно замыкался въ себѣ, говорилъ очень мало и весь сосредоточивался въ слухѣ. Среди товарищей и сверстниковъ я пользовался всегда большой любовью и вліяніемъ, можетъ быть, благодаря моей всегдашней готовности помогать всякому въ его затрудненіяхъ и неприготовленныхъ урокахъ.

Всякій разъ, когда я приходилъ въ гимназію и приближался къ тому уголку, гдѣ собирался нашъ классъ въ общей залѣ, нѣсколько десятковъ рукъ уже протягивалось въ моемъ направленіи, и всѣ лица прояснялись улыбками. А затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ фразъ, я садился на корточки, окруженный со всѣхъ сторонъ товарищами, и начиналъ переводить имъ латинскіе уроки или объяснять математическія задачи на этотъ день.

Еще со второго или третьяго класса моя страсть къ естественнымъ наукамъ начала увлекать многихъ изъ болѣе выдающихся по способностямъ товарищей по классу и скоро у насъ образовалось тайное общество съ цѣлью занятій естествознаніемъ.

Помню курьезный эпизодъ при основаніи этого общества. Для него я написалъ уставъ, въ которомъ говорилось, что каждый изъ насъ обязуется заниматься естественными науками, не щадя своей жизни; указывалось, что отъ процвѣтанія и развитія этихъ наукъ зависитъ все счастіе человѣчества, потому что онѣ позволятъ человѣку облегчить свой физическій трудъ и этимъ самымъ дадутъ ему возможность посвятить свободное время умственному и нравственному совершенствованію. Безъ этого же человѣкъ всегда останется рабомъ. Словомъ, этотъ уставъ былъ очень хорошъ даже и не для полудѣтей, какими мы тогда были. Но вотъ и чисто дѣт-

ская черта! Поднялся вопросъ, какъ назвать общество. Я предложилъ: «Общество естествоиспытателей 2-ой московской гимназіи». Но одному изъ товарищей, Шарлю Верморелю, брату моего бывшаго гувернера, а теперь репетитора, это названіе показалось слишкомъ эффектнымъ.

— Нужно проще,—сказалъ онъ,—чтобы не показалось кому-нибудь изъ взрослыхъ хвастовствомъ. Назовемъ лучше: «Общество Зоологическихъ Коллекцій» (мы собирали, главнымъ образомъ, коллекціи насѣкомыхъ и окаменѣлостей).

Мнѣ это названіе очень не понравилось съ эстетической точки зрѣнія, но я не любилъ спорить изъ-за словъ и потому сейчасъ же согласился.

Мнѣ, какъ умѣвшему немного гравировать, было поручено вырѣзать изъ грифельной доски печать для общества съ надписью О. З. К. (общество зоологическихъ коллекцій), и я тутъ же принялся ее гравировать концомъ перочиннаго ножика, дѣлая пробные оттиски по мѣрѣ воспроизведенія каждой буквы на печати отдѣльно.

Первая буква О, какъ симметричная, вышла удачно на оттискѣ, но за то вторая буква З отпечаталась на бумагѣ въ обратномъ видѣ, какъ Ɛ, потому что я выгравировалъ ее на печати машинально въ обычномъ, не вывернутомъ наизнанку видѣ. Что тутъ дѣлать?

Шарль, подумавъ, сказалъ:

— У насъ уже есть семь ящиковъ коллекцій, и теперь мы собираемъ восьмую. Можно просто передѣлать неудачное изображеніе Ɛ на цифру 8, и тогда выйдетъ: «общество 8-ой зоологической коллекціи».

У меня заскребло на душѣ отъ такого названія, но бросить начатую печать было жалко. Я докончилъ ее, какъ онъ говорилъ, и мы начали всѣ коптить ее на свѣчкѣ и прикладывать на листѣ бумаги. Скоро весь листъ покрылся оттисками, и мы обступили его, любуясь своими произведеніями.

Въ эту минуту входитъ старшій Верморель, не репетиторъ мой, а другой его братъ, студентъ Жозефъ, очень желчный и саркастическій человѣкъ. Его я не любилъ за постоянныя насмѣшки надъ нашими естественно-научными занятіями, которыя онъ считалъ простымъ мальчишествомъ.

— Что такое значатъ эти буквы?—спрашиваетъ онъ.

— Общество 8-ой зоологической коллекціи,—отвѣтилъ Шарль съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ.

— Это, вѣроятно, то самое общество, которое сидитъ у васъ на булавкахъ въ 8-ой коллекціи?—иронически спросилъ Жозефъ.

Я былъ такъ глубоко обиженъ этой насмѣшкой «надъ изученіемъ природы», которое считалъ самымъ святымъ и высокимъ

дѣломъ въ своей жизни, что тотчасъ всталъ и гордо вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова.

Но общество все же состоялось, хотя и не подъ этимъ, а подъ моимъ прежнимъ названіемъ.

Я нарочно пишу всѣ эти мелочи, относящіяся, повидимому, еще къ третьему или даже второму классу гимназіи, такъ какъ здѣсь находятся первые проблески всѣхъ тѣхъ идеальныхъ стремленій, которыя впослѣдствіи привели меня въ Шлиссельбургскую крѣпость. Достаточно было въ это время кому-нибудь насмѣшливо отнестись къ нашимъ занятіямъ естественными науками или, еще хуже, къ самимъ этимъ наукамъ, и я уже не могъ ни забыть, ни простить тому человѣку, какъ вѣрующій не прощаетъ насмѣшки надъ своимъ божествомъ, или влюбленный надъ предметомъ своей любви. Но за то всякое недовѣріе къ моимъ личнымъ качествамъ или способностямъ не возбуждало во мнѣ ничего, кромѣ огорченія. Я самъ еще не могъ опредѣлить, несмотря на ежегодныя награды, получаемыя мною въ гимназіи, что я такое? Способный человѣкъ, или еще не узнанный никѣмъ идіотъ?—Иногда, когда мнѣ удавалось одолѣть въ наукахъ что-нибудь особенно трудное, мнѣ казалось:

— Да! у меня есть способности! Я могу принести пользу наукѣ!

И я радовался. А въ другое время, когда я натыкался на неразрѣшимые вопросы, мнѣ казалось, что я совсѣмъ идіотъ.

Разъ, кажется, въ четвертомъ классѣ я познакомился съ однимъ студентомъ, исчезнувшимъ потомъ съ моего горизонта, неизвѣстно куда. Зайдя къ нему, я съ восторгомъ увидѣлъ у него значительную библіотеку по естественнымъ наукамъ. Я попросилъ у него физіологію Фохта, продержалъ дней восемь, прочелъ всю, сдѣлалъ нѣсколько выписокъ, перерисовалъ съ десятокъ рисунковъ, а затѣмъ прибѣжалъ къ нему возвратить и взять другую книгу. Онъ угостилъ меня кофе и началъ разговоръ съ похвалъ книгѣ, очевидно, не довѣряя, что я ее прочелъ. Я это отлично видѣлъ и, такъ какъ не былъ увѣренъ, что все помню, что въ ней было, то очень трусилъ, какъ бы не осрамиться въ разговорѣ. Однако, студентъ ограничился общими мѣстами, хотя все-таки успѣлъ повернуть дѣло такъ, что я цѣлую недѣлю ходилъ унылый, считая себя безнадежнымъ глупцомъ, а его и всѣхъ ему подобныхъ—геніями.

— Для того, чтобы извлечь полную пользу изъ чтенія такихъ книгъ, нужно умѣть обобщать прочитанное,—сказалъ студентъ.—Скажите, когда вы читали, напримѣръ, о пищевареніи и питательныхъ веществахъ, приходило вамъ что-нибудь въ голову объ ирландскомъ народѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я съ отчаяньемъ въ душѣ, но спокойнымъ тономъ.—Ничего не приходило.

— Я такъ и думалъ! — покровительственно улыбаясь, сказалъ онъ.—А между тѣмъ, тутъ прямое соотношеніе! Вспомните только, что въ картофелѣ большая часть—малопитательный крахмалъ, а

въ Ирландіи питаются, главнымъ образомъ, картофелемъ, и вы придете къ выводу, что ирландскій народъ долженъ вырождаться...

Уходя отъ него, я былъ въ такомъ отчаяніи за необыкновенную узость своего ума, что даже теперь мнѣ жалко себя вспомнить въ тѣ дни. Почему я такой несчастный, узкоголовый, безъ всякихъ самостоятельныхъ идей! Вотъ они, настоящіе люди! Онъ читаетъ о картофелѣ въ физіологіи, а его умъ носится въ это время по всѣмъ областямъ знанія и вдругъ направляется—куда бы вы думали?—въ Ирландію! и тотчасъ опредѣляетъ будущія судьбы ирландскаго народа! Никогда я не выработаю себѣ такой широты мысли... Но въ такомъ случаѣ стоитъ ли мнѣ заниматься науками? Не лучше ли просто умереть, чѣмъ жить такимъ идіотомъ?!..

Съ начала пятаго класса гимназіи (въ которомъ я былъ оставленъ на второй годъ ненавидѣвшимъ меня за свободомысліе учителемъ латинскаго языка, несмотря на то, что я считался лучшимъ знатокомъ этого предмета, и всѣ товарищи обращались ко мнѣ за разъясненіями темныхъ мѣстъ) мое воспоминаніе рисуетъ наше «Общество истествоиспытателей» развившимся и окрѣпшимъ, а насъ самихъ—уже почти взрослыми юношами. Изъ первоначальныхъ основателей остался въ это время только я, а всѣ остальные члены постепенно обновлялись, и вновь вступившіе уже ничего не знали о прежнемъ уставѣ. Вся формальная сторона совершенно исчезла, но цѣли и стремленія этого дружескаго кружка остались тѣ же самыя. Свобода, равенство и братство и ихъ осуществленіе въ жизни путемъ реорганизаціи общественнаго строя, думали мы, важны и необходимы только съ точки зрѣнія справедливости, но они не принесутъ человѣчеству, взятому цѣликомъ, никакихъ матеріальныхъ выгодъ: это то же, что привести въ новый порядокъ перепутанную мебель въ своемъ жилищѣ, но, какъ бы мы ее ни перераспредѣляли, отъ этого не прибавится ни одного новаго стула, ни одной новой кровати... Только изученіе законовъ природы и обусловливаемая знаніемъ истины власть человѣка надъ ея силами могутъ увеличить общую сумму жизненныхъ благъ, и, снявъ съ человѣчества всю тяжесть физическаго труда, превратить его въ простое развлеченіе... Каждое новое открытіе въ области естествознанія—проповѣдывалъ я при всякомъ случаѣ,—это то же, что прибавка новой мебели въ жилищѣ и новаго окна для бо̀льшаго доступа въ него воздуха и свѣта. Вотъ почему работа естествоиспытателя не менѣе важна, чѣмъ и работа революціонера или реформатора... Въ такомъ именно смыслѣ я сдѣлалъ даже спеціальный докладъ на одномъ изъ собраній нашего кружка, и всѣ товарищи согласились съ моей формулировкой.

Труженики науки рисовались въ моемъ воображеніи такими же героями, какъ и борцы за свободу. Передъ тѣми и другими я го-

товъ былъ сейчасъ же стать на колѣни, взамѣнъ отвергнутыхъ христіанскихъ святыхъ ранняго дѣтства.

До сихъ поръ помню, какъ будто это случилось только вчера, свой неописуемый восторгъ и умиленіе, когда одинъ изъ такихъ героевъ (извѣстный популяризаторъ и педагогъ того времени, Өедоръ Өедоровичъ Резенеръ) подарилъ мнѣ на память только что переведенную имъ книгу: «Микроскопическій міръ» Густава Эгера, и я прочелъ на первой страницѣ надпись, сдѣланную спеціально для меня: «на память отъ переводчика».

У меня буквально закружилась голова отъ восторга:

— *Мнѣ отъ переводчика!!!* Можетъ ли быть что-нибудь на свѣтѣ выше такого счастья!

Но мой восторгъ достигъ своей кульминаціонной точки, когда я прочелъ первыя строки этой книги, гдѣ возвеличивается званіе натуралиста и говорится, между прочимъ, что въ скромномъ человѣкѣ, собирающемъ растенія съ котомкой за плечами или уединенно наблюдающемъ звѣзды въ обсерваторіи, скрывается побѣдитель міра!

Все это такъ соотвѣтствовало моему собственному настроенію, что начало книги Эгера до сихъ поръ осталось въ моей памяти, какъ заученное стихотвореніе.

Въ это время я жилъ въ зданіи Московскаго вокзала Рязанской желѣзной дороги съ товарищемъ по гимназіи и по обществу, Печковскимъ, братъ котораго былъ инженеромъ на этой самой дорогѣ. Перешелъ я къ нему жить самовольно, не спросясь отца, который, впрочемъ, уже предоставлялъ мнѣ тогда извѣстную долю самостоятельности въ выборѣ жилища, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы окружающіе меня люди не были дурного тона, т. е. очень бѣдные, или грубые.

Какъ разъ тогда отецъ рѣшилъ пріобрѣсти домъ, или два, въ Петербургѣ, и, по окончаніи гимназіи, мнѣ предназначалось поступить въ петербургскій университетъ.

Съ Печковскимъ, — очень добрымъ и даровитымъ юношей, увлекавшимся, главнымъ образомъ, физикой и относившимся ко мнѣ, благодаря тому, что былъ на два года моложе меня, какъ къ авторитету по естественно - научнымъ вопросамъ, — я занималъ въ зданіи вокзала отдѣльное помѣщеніе въ три комнаты, съ особымъ выходомъ, исключительно для насъ двоихъ. Съ квартирой его женатаго брата эта часть квартиры соединялась только посредствомъ перегороженнаго дверью корридора и комнатъ для прислуги, состоявшей изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Въ нашемъ распоряженіи былъ лакей, который чистилъ намъ сапоги и платье и носилъ обѣдъ, завтракъ и чай, на заграничный манеръ, т. е. совершенно особо отъ брата - инженера и его жены, благодаря чему и мы, и они могли свободно принимать кого угодно, не

стѣсняя другъ друга. Общіе обѣды были лишь по торжественнымъ днямъ.

Лакею за услуги я приплачивалъ три рубля въ мѣсяцъ, а сколько платилъ самому инженеру за содержаніе—теперь не помню. Помню лишь одно, что онъ не хотѣлъ брать съ меня трехсотъ рублей за зиму, какъ я раньше платилъ Вермореллямъ, на томъ основаніи, что издержки на мое продовольствіе, по счетамъ его жены, не достигали этой суммы, а онъ не желалъ имѣть спеціальнаго дохода отъ моего пребыванія, которое доставляло удовольствіе его брату. Отъ этого къ моимъ карманнымъ деньгамъ прибавлялась еще нѣкоторая сумма, и я цѣликомъ употреблялъ ее на покупку естественно-научныхъ книгъ.

Конецъ этого періода моей жизни, продолжавшагося вплоть до знакомства съ «радикалами», какъ называли себя тогдашніе революціонеры, въ отличіе отъ мирныхъ либераловъ, былъ ознаменованъ наиболѣе кипучей умственной дѣятельностью, и все мое жилище скоро приняло самый ученый видъ. Стѣна надъ кроватью въ моей комнатѣ вся была уставлена сотнями двумя естественно-научныхъ книгъ, часть которыхъ были очень рѣдкія изданія. Стѣна напротивъ—вся увѣшана витринами съ коллекціями собранныхъ мною насѣкомыхъ. Этажерка въ углу была наполнена связками гербаріевъ, тетрадями съ выписками и замѣтками по естествознанію и съ цѣлой кипой сдѣланныхъ мною рисунковъ, большею частью переснятыхъ изъ книгъ. Въ другомъ углу комнаты стояло другъ на другѣ съ десятокъ очень большихъ плоскихъ ящиковъ. Половина изъ нихъ содержала палеонтологическія коллекціи, частью собранныя мною въ окрестностяхъ родного имѣнія и подъ Москвой, а частью вымѣненныя въ московскомъ университетѣ, въ который я началъ постоянно бѣгать еще съ 1871 или 1872 года, накидывая на себя плэдъ и надѣвая кожаную фуражку, по обычаю тогдашнихъ студентовъ, не имѣвшихъ еще формы. Другая часть моихъ ящиковъ была наполнена большимъ количествомъ раковинъ. На окнѣ стоялъ микроскопъ, нѣсколько лупъ и рядъ склянокъ съ настоями для инфузорій.

Самъ я въ это время мечталъ только объ одномъ—быть профессоромъ университета или великимъ путешественникомъ. Послѣдняя профессія, по моимъ соображеніямъ, не требовала такихъ необычныхъ умственныхъ способностей, какъ первая и могла мнѣ пригодиться, думалъ я, на тотъ случай, если я окажусь лишеннымъ научнаго творчества и умственной инициативы, а потому негоднымъ въ профессора или ученые. Въ ожиданіи же этого будущаго счастья, я весь отдавался своимъ наукамъ, предоставивъ гимназической латыни и остальной классической схоластикѣ, (которую я теперь возненавидѣлъ изъ-за вышеупомянутаго добровольнаго шпіона-латиниста), какъ можно меньше времени,—лишь бы не получать дурныхъ отмѣтокъ.

Конечно, находилось время и для чтенія романовъ, до которыхъ я былъ и теперь большой охотникъ, но это служило всегда какъ бы отдыхомъ. Каждую субботу происходило очередное засѣданіе нашего общества, въ которомъ насчитывалось уже 15 — 20 членовъ. Это происходило очень торжественно. Въ одной изъ нашихъ комнатъ раскрывался длинный столъ, вокругъ котораго чинно устанавливался рядъ мягкихъ стульевъ. На столѣ въ большихъ подсвѣчникахъ зажигались двѣ стеариновыхъ свѣчи, а четыре другихъ свѣчки разставлялись по угламъ комнаты. Передъ столомъ выдвигалась настоящая, какъ во всѣхъ аудиторіяхъ, черная доска для писанія мѣломъ чертежей и формулъ. На столѣ же находились чернильницы, карандаши и листы бумаги для замѣтокъ; и все это отражалось въ огромномъ зеркалѣ, занимавшемъ противоположную стѣну. Понятно, что при такой обстановкѣ мы, члены, должны были вести себя въ высшей степени серьезно. Каждый разъ, когда я замѣчалъ, что кто-нибудь сойдетъ во время засѣданія съ своего мѣста и развалится на диванѣ, я приходилъ въ самое сильное огорченіе, видя въ этомъ признакъ несерьезнаго отношенія къ дѣлу. Моя физіономія принимала тогда настолько укоризненное выраженіе, что неглижирующій членъ обыкновенно чувствовалъ упрекъ безъ словъ и возвращался на мѣсто.

Доклады обыкновенно происходили въ видѣ чтенія заранѣе приготовленныхъ статей, которыя нерѣдко демонстрировались коллекціями и, въ общемъ, представляли недурныя популяризаціи. При окончаніи каждаго засѣданія поднимался вопросъ о чтеніяхъ на слѣдующій разъ, и безъ нѣсколькихъ докладовъ не проходило ни одного засѣданія. Въ концѣ же являлся нашъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ стаканами съ чаемъ и булками, и вечеръ оканчивался дружеской болтовней, длившейся иногда за полночь.

Изъ своихъ собственныхъ лекцій я припоминаю, между прочимъ, одну, которая произвела большой фуроръ. Въ ней, исходя изъ гипотезы Лапласа, я доказывалъ, что если количество атомовъ въ каждой звѣздной системѣ ограничено, то должно быть ограничено и число ихъ комбинацій въ пространствѣ. Но всякій звѣздный міръ, съ механической точки зрѣнія, сводится къ комбинаціямъ атомовъ, и вся его дальнѣйшая жизнь, до послѣднихъ мелочей, опредѣляется этими комбинаціями. Изъ одинаковаго развивается одинаковое, а въ такомъ случаѣ исторія одной міровой системы должна въ точности повторяться въ безчисленномъ количествѣ другихъ системъ, прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ, такъ что въ безконечности времени міры должны смѣняться мірами, какъ волны въ океанѣ. Такимъ образомъ, черезъ то или другое число квадрильоновъ лѣтъ послѣ нашей смерти, закончилъ я свою рѣчь, мы можемъ вновь оказаться сидящими въ этой самой комнатѣ и обсуждающими эти самые вопросы, не подозрѣвая того, что мы уже здѣсь были и обсуждали все это, какъ мы ничего не подозрѣваемъ и те-

перь о томъ, что было съ нами до рожденія,— все въ жизни природы должно совершаться періодически...

Когда наступала весна, или когда мы съѣзжались осенью, почти каждый праздничный день былъ посвящаемъ у насъ экскурсіямъ въ окрестности Москвы, главнымъ образомъ, съ палеонтологическими цѣлями. Геологію,—особенно юрской и каменноугольной эпохъ,—я зналъ тогда несравненно лучше, чѣмъ теперь. Особенно много ѣздилъ я съ однимъ изъ моихъ товарищей — Шанделье (классомъ моложе меня) и добылъ съ нимъ десятка два очень цѣнныхъ окаменѣлостей, которыя, вѣроятно, и до сихъ поръ хранятся въ московсковскомъ университетскомъ музеѣ. Особенный фуроръ произвели тамъ челюсти ящура Polyptychodon interruptus, которыя мы первые нашли въ Юрской системѣ, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ его считали характернымъ для послѣдующей, мѣловой. За него намъ предоставили выбирать въ геологическомъ кабинетѣ любыя окаменѣлости изъ имѣющихся тамъ дубликатовъ. Камень съ челюстями тотчасъ же былъ тщательно перерисованъ на полулистѣ и помѣщенъ, кажется, въ университетскихъ извѣстіяхъ вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ находки и съ именами нашедшихъ. Ректоръ университета, геологъ Щуровскій, сейчасъ же поскакалъ въ своей коляскѣ вмѣстѣ съ Шанделье, который одинъ оказался на лицо въ университетѣ, на мѣсто нахожденія. но ничего не нашелъ новаго, да и трудно было найти, такъ какъ мы сами обыскали уже все это мѣсто несравненно тщательнѣе его. Мы лазили при всѣхъ нашихъ изысканіяхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ кошки, по огромнымъ береговымъ обрывамъ Москвы-рѣки, падали внизъ, расцарапывали въ кровь руки, разрывали платье и доводили себя часто до такой степени изнеможенія и усталости, что валились на землю, гдѣ попало, не будучи въ силахъ пройти и десяти шаговъ. Благодаря этому, мы и находили всегда больше интереснаго, чѣмъ пожилые, солидные люди, дорожащіе своими членами и сюртуками.

Въ обоихъ музеяхъ, геологическомъ и зоологическомъ, мы скоро стали своими людьми, и я каждую недѣлю аккуратно занимался тамъ по вечерамъ часа по четыре и болѣе. Особенно подружились мы съ хранителемъ перваго—профессоромъ Мелашевичемъ. Онъ былъ чахоточный и, вѣрно, давно уже умеръ. Но тогда это былъ замѣчательно простой и симпатичный человѣкъ. По временамъ я бѣгалъ также заниматься съ знакомыми медиками въ анатомическій театръ и, желая изобразить изъ себя завзятаго «анатома», тамъ же и ужиналъ хлѣбомъ съ колбасой, которую разрѣзывалъ своимъ скальпелемъ, впрочемъ, тщательно вытирая его передъ этимъ. На лекціи мнѣ тоже ужасно хотѣлось ходить, но, такъ какъ онѣ совпадали съ урочнымъ временемъ въ гимназіи, то мнѣ пришлось побывать на нихъ лишь нѣсколько разъ за все время гимназической жизни.

Моему обычному товарищу по геологическимъ экскурсіямъ, Шанделье, судьба, казалось, всегда готовила какія-нибудь приключенія. Разъ, въ концѣ августа, подъ селомъ Троицкимъ, онъ чуть не утонулъ на моихъ глазахъ въ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ мы захотѣли выкупаться отъ жары. Ниже насъ по теченію почти весь фарватеръ былъ занятъ огромными плотами изъ бревенъ, которыя гнали въ Москву, но почему-то оставили на якоряхъ въ этомъ мѣстѣ. Они, казалось, были довольно далеко, и потому Шанделье, не обративъ на нихъ вниманія, вздумалъ мнѣ показывать, какъ хорошо онъ плаваетъ, и поплылъ на спинѣ внизъ по теченію, не догадываясь, что рѣка и безъ того несетъ его прямо на плоты. Я началъ ему кричать:

— Шанделье, утонешь, утонешь!

А у него уши въ водѣ—ничего не слышитъ. Я попробовалъ бѣжать къ нему, но бѣжать въ водѣ оказалось совсѣмъ невозможно. Я бросился на берегъ, но едва лишь выскочилъ, какъ увидѣлъ съ ужасомъ, что Шанделье уже ударился головой о бревно, и теченіе тотчасъ же подвернуло его прямо подъ плоты. Я бѣжалъ къ нему изо всѣхъ силъ, но мнѣ казалось, что все теперь кончено. Однако не прошло и секунды, какъ, къ моему невыразимому облегченію, изъ воды показались его руки и схватились за край бревна. Вслѣдъ за руками вынырнула и голова, и раньше, чѣмъ я успѣлъ добѣжать до него, Шанделье уже сидѣлъ на плоту, схватившись обѣими руками за голову.

— Въ первую минуту мнѣ показалось,—сказалъ онъ,—что это ты швырнулъ мнѣ камнемъ въ голову.

На этотъ разъ, однако, дѣло окончилось только огромной шишкой на темени.

Второй разъ было хуже.

Подъ впечатлѣніемъ похвалъ со стороны Мелашевича и Щуровскаго по поводу обилія нашихъ палеонтологическихъ находокъ, а также и собственнаго увлеченія, мы дошли, наконецъ, до того что даже въ зимніе праздники уѣзжали изъ Москвы въ окрестныя каменоломни и выдалбливали тамъ окаменѣлости изъ непокрытыхъ снѣгомъ обрывовъ и изъ большихъ глыбъ, оторванныхъ камнетесами, или прямо разрывали снѣгъ.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ высадились мы вечеромъ на полустанкѣ Рязанской желѣзной дороги въ 40 верстахъ отъ Москвы, чтобы поѣхать въ славящееся своими каменоломнями село Мячиково, верстъ за 10 отъ этого мѣста. Но едва мы успѣли отойти въ полутьмѣ сотни двѣ шаговъ отъ полустанка, направляясь параллельно полотну въ сосѣднюю деревню къ возившему насъ уже нѣсколько разъ крестьянину, какъ сзади раздался громкій свистъ локомотива, а вслѣдъ за нимъ отчаянный крикъ:

— Берегись, берегись!

Я шелъ сзади, въ десяти шагахъ отъ Шанделье, и только что

успѣлъ обернуться, какъ вижу — прямо на меня мчится во весь духъ тройка перепуганныхъ лошадей, запряженныхъ въ большія сани. Все, что я успѣлъ сдѣлать, это крикнуть:

— Шандельe!

Затѣмъ я подпрыгнулъ и, схватившись обѣими руками за верхъ сосѣдняго забора, поджалъ свои ноги, чтобы ихъ не обломало санями, отводы которыхъ какъ разъ скребли по этому самому забору. Въ то же мгновеніе и лошади, и сани промчались подо мной, и я, вися въ высотѣ, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ мой товарищъ бросился прямо впередъ, но тутъ же былъ сбитъ съ ногъ лошадьми, подмятъ подъ ихъ ноги и выброшенъ кувыркомъ изъ-подъ саней на нѣсколько шаговъ въ сторону отъ дороги...

Я думалъ, что онъ убитъ, бросился къ товарищу и поднялъ его съ земли. Онъ не обнаруживалъ накакихъ признаковъ жизни, и всѣ члены его висѣли, какъ плети. Его тѣло выскальзовало у меня изъ рукъ, и я почти не въ силахъ былъ нести его.

Въ полутьмѣ показался въ сторонѣ мужикъ, и я закричалъ ему:

— Помогите! Сейчасъ задавили человѣка!

Но онъ, услыхавъ эти слова, бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и тотчасъ же скрылся въ темнотѣ, оставивъ меня одного съ моей ношей. Напрягая всѣ свои силы и останавливаясь послѣ каждыхъ десяти шаговъ, я тащилъ, какъ могъ, Шанделье на станцію и, только подходя къ ней, почувствовалъ, что онъ шевелится у меня на рукахъ и хватается со стономъ за голову, еще не понимая, что съ нимъ.

Но мало по малу къ Шанделье возвратилось сознаніе, и онъ, шатаясь, попробовалъ съ моей помощью войти на станцію.

Оказалось, что, благодаря большой мягкости снѣга и особенно тому обстоятельству, что въ саняхъ, кромѣ кучера, никого не было, онъ, по словамъ вызваннаго фельдшера, не получилъ никакихъ переломовъ. Лошади перескочили черезъ него, и только одна сильно ударила его при этомъ копытомъ по головѣ, почему онъ и лишился чувствъ. Кромѣ нѣсколькихъ другихъ слабыхъ ушибовъ, онъ получилъ лишь сильный ударъ по бедру толкнувшимъ его передкомъ саней.

— Послѣднее мое впечатлѣніе, — разсказывалъ Шанделье,— было воспоминаніе изъ одного романа Диккенса о томъ, какъ поѣздъ налетѣлъ и расшвырялъ по кускамъ какого-то очень сквернаго человѣка. Мнѣ вдругъ показалось, что я и есть этотъ самый человѣкъ, а затѣмъ все для меня потемнѣло и исчезло.

Мы стали обсуждать, какъ теперь намъ быть.

Полустанокъ былъ совсѣмъ холодный. Ближайшій поѣздъ въ Москву долженъ былъ пройти только на слѣдующее утро, а болѣе всего удручало насъ сознаніе неудавшейся экскурсіи (какъ мы называли всѣ наши поѣздки съ научными цѣлями). Это послѣднее чувство такъ преобладало у насъ обоихъ надъ всѣмъ

остальнымъ, что едва Шанделье почувствовалъ, что его кости цѣлы, и онъ еще можетъ кое-какъ двигаться, хотя бы и съ посторонней поддержкой, какъ сейчасъ же самъ предложилъ мнѣ не отказываться изъ-за этого случая отъ начатой экскурсіи, тѣмъ болѣе, что впереди представлялось два или три праздничныхъ дня,—событіе, которое встрѣчается не каждый мѣсяцъ.

— Сдѣлаемъ такъ,—сказалъ онъ.—Поѣдемъ оба въ Мячиково. На саняхъ и сѣнѣ мнѣ не будетъ больнѣе, чѣмъ на постели, а затѣмъ я лягу у Ивановыхъ (нашихъ знакомыхъ кр стьянъ), а ты будешь въ это время искать окаменѣлости, и все, что найдешь, мы раздѣлимъ пополамъ.

Это меня чрезвычайно растрогало, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствовало тому параграфу нашего первоначальнаго устава, по которому каждый изъ насъ долженъ заниматься естественными науками, «не щадя своей жизни». Правда, что такихъ краснорѣчивыхъ параграфовъ уже давно не существовало въ нашемъ позднѣйшемъ обиходѣ, но чувство, вызвавшее эту фразу лѣтъ пять тому назадъ, когда мы были еще дѣтьми, осталось и теперь въ полной силѣ.

Сказано—сдѣлано. Я побѣжалъ къ нашему обычному возницѣ, наложилъ обильно въ сани сѣна, и мы тотчасъ понеслись въ полумракѣ зимней ночи по назначенію.

Однако, дѣло оказалось совсѣмъ не такимъ легкимъ. Чуть не съ каждой минутой опух ль на ногѣ и затылкѣ Шанделье вздувалась все болѣе и болѣе, а страданія становились сильнѣе. При каждомъ раскатѣ и сугробѣ у несчастнаго начали вырываться стоны, и когда я его довезъ до Мячикова, онъ уже снова находился въ полубезчувственномъ состояніи. Снова вызвали мѣстнаго фельдшера и наложили компрессы на обѣ главныя опухоли. На затылкѣ скоро выросла шишка величиной съ кулакъ, а нога раздулась сплошь, какъ бревно—страшно было смотрѣть.

Вся ночь и слѣдующій день прошли въ стонахъ и ежеминутныхъ просьбахъ повернуть его на кучѣ сѣна на другой бокъ. Только на третій день боль стала уменьшаться, и мнѣ удалось пойти съ молоткомъ и долотомъ въ ближайшія каменоломни и кое-что добыть для обоихъ, а затѣмъ я перевезъ его обратно на мою квартиру, которая находилась, къ счастью, какъ разъ на вокзалѣ этой самой желѣзной дороги.

Здѣсь онъ пролежалъ еще дней десять, прежде чѣмъ получилъ возможность переѣхать домой, а для успокоенія родителей послалъ имъ записку, что поскользнулся у меня на лѣстницѣ и слегка вывихнулъ ногу. Мать пріѣхала его навѣстить и такъ ничего и не узнала о дѣйствительныхъ причинахъ болѣзни, пока онъ совсѣмъ не выздоровѣлъ.

Я не буду описывать подробно всѣхъ этихъ экскурсій и приключеній. Намъ часто приходилось ночевать на сѣновалахъ, мокнуть подъ дождемъ и подъ грозою и даже подвергаться серьезной

опасности сломать себѣ шею. Масса отдѣльныхъ эпизодовъ ничего не прибавила бы къ моему разсказу, кромѣ пестроты. Достаточно сказать, что за послѣдніе два года моей гимназической жизни не проходило почти ни одного праздника, разсвѣтъ котораго не заставалъ бы меня въ окрестностяхъ Москвы, нерѣдко верстъ за сорокъ отъ нея, съ тѣмъ или другимъ товарищемъ, судя по роду экскурсіи, такъ какъ я интересовался и собиралъ коллекціи не по одной палеонтологіи, но и по другимъ наукамъ, между тѣмъ какъ остальные члены были болѣе односторонни. Могу только сказать, что никогда въ другое время моя жизнь не была полна такой кипучей дѣятельности и оживленія, какъ въ этотъ періодъ, когда мнѣ было около 18 лѣтъ.

Хотя я и бѣгалъ еженедѣльно разъ или два на нѣсколько часовъ въ московскій университетъ, но съ тогдашними революціонерами совершенно не былъ знакомъ и даже не подозрѣвалъ, что нѣчто подобное существуетъ въ университетѣ. Только въ началѣ 74 года мнѣ впервые пришлось столкнуться съ ними совершенно неожиданнымъ образомъ, благодаря тому же «Обществу естествоиспытателей», постепенно пріобрѣтавшему, подъ вліяніемъ отравлявшаго нашу жизнь классическаго мракобѣсія, все болѣе и болѣе революціонный характеръ.

Какъ случилось это послѣдовательное революціонизированіе, я не могъ бы разсказать. Все было такъ постепенно и незамѣтно, и такъ вели къ этому всѣ условія русской жизни... Когда я впервые прочелъ Писарева и Добролюбова, мнѣ казалось, что они выражаютъ лишь мои собственныя мысли.

Прежде всего нужно сказать, что, не довольствуясь нашими субботними засѣданіями, мы рѣшили завести рукописный журналъ, въ которомъ помѣщались наши естественно-научныя работы и рефераты, а также лирическія стихотворенія, которыя писалъ одинъ изъ насъ (Гмелинъ) и статьи по политическимъ и общественнымъ вопросамъ, всегда радикальнаго направленія. Ихъ писалъ исключительно, я, да еще одинъ молодой человѣкъ, Михайловичъ, сынъ зажиточнаго пробочнаго торговца, разошедшійся со своимъ отцомъ изъ-за чтенія радикальныхъ журналовъ. Познакомился я съ нимъ совершенно случайно, когда ѣхалъ послѣ экзаменовъ въ Петербургъ, вызванный отцомъ для того, чтобы развлечься и побывать съ нимъ въ концертахъ и въ театрахъ, а также осмотрѣть различныя художественныя галлереи, выставки, Зимній дворецъ, Петергофъ и другія петербургскія достопримѣчательности.

При первомъ знакомствѣ съ Михаиловичемъ меня нѣсколько покоробила аффектированность его манеръ и страсть вставлять въ разговоръ латинскія выраженія въ родѣ qui pro quo, которое онъ произносилъ при томъ же не такъ, какъ вездѣ учатъ, а на французскій манеръ «ki pro ko», чѣмъ сразу обнаруживалъ, что такія фразы онъ вставлялъ претенціозно. Потомъ я понялъ,

что это объяснялось обстоятельствами его воспитанія. Я догадался, что онъ получилъ лишь начальное образованіе, вѣроятно, въ городскомъ училищѣ, но, какъ недюжинный человѣкъ, старался, наперекоръ старомодной семьѣ, достигнуть болѣе высокаго умственнаго развитія путемъ усерднаго чтенія.

Въ этомъ отношеніи онъ, безспорно, добился очень многаго и перечиталъ всѣ передовые журналы 50-хъ и 60-годовъ. Но ложный стыдъ, что у него нѣтъ никакихъ оффиціальныхъ дипломовъ, заставлялъ его прибѣгать именно къ этому неестественному языку, чтобы показать, что онъ человѣкъ образованный. А на дѣлѣ это только портило первое впечатлѣніе при знакомствѣ съ нимъ до такой степени, что я не рѣшился даже представить его моимъ товарищамъ со всѣми его «кресчендо», «ultimo ratio», «tant pis pur eux» (при чемъ tant съ неумѣреннымъ носовымъ звукомъ и вся фраза замѣтнымъ напряженіемъ). Я держалъ знакомство съ нимъ про себя, пользуясь его прекрасной библіотекой, гдѣ собраны были всѣ лучшіе русскіе журналы, и получая отъ него для своего сборника статейки политико-беллетристическаго содержанія и стихотворенія. Большинство изъ нихъ были недурны, хотя и страдали недостатками литературной отдѣлки.

Кромѣ того, Михайловичъ занимался пропагандой среди рабочихъ, преподавая имъ, вмѣстѣ съ общественными науками, основы географіи, исторіи и даже математики. Когда я потомъ встрѣтился у него съ однимъ изъ такихъ рабочихъ, то пришелъ въ неописанный восторгъ, слыша, какъ простой фабричный очень правильно толкуетъ о современныхъ политическихъ и экономическихъ вопросахъ. Однако, эта пропаганда была совершенно одиночна, внѣ всякой связи съ остальнымъ движеніемъ 70-хъ годовъ, такъ какъ самъ Михайловичъ желалъ оставаться въ сторонѣ. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ совсѣмъ разочаровался въ своей дѣятельности и, женившись по смерти отца, обратился въ простого семейнаго человѣка въ обломовскомъ родѣ. Рабочіе же его, получивъ образованіе, превратились, какъ онъ говорилъ мнѣ потомъ, въ простыхъ лавочниковъ въ своихъ деревняхъ.

Меня лично его дѣятельность, какъ я уже сказалъ, поразила и привела въ восторгъ. Однако, она не вызвала во мнѣ никакого стремленія къ подражанію. Я былъ слишкомъ романтиченъ, и эти занятія азбукой, географіей и ариѳметикой со взрослыми рабочими казались мнѣ слишкомъ мелкимъ и прозаичнымъ дѣломъ въ сравненіи съ дѣятельностью профессора, передъ которымъ находится аудиторія несравненно болѣе подготовленныхъ умовъ и болѣе пылкихъ къ наукѣ сердецъ. При томъ же, и идеи, которыя можно было проповѣдывать въ высшемъ учебномъ заведеніи, казались мнѣ болѣе широкими и глубокими. Что же касается утвержденія, будто начальное образованіе, даваемое простому народу, полезнѣе въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ среднее и высшее, то я

объ этомъ еще ничего не слыхалъ въ то время, да едва ли бы и согласился съ этимъ.

Ко всѣмъ безграмотнымъ и полуграмотнымъ людямъ я относился въ то время совершенно отрицательно. «Сѣрая народная масса» представлялась мнѣ вѣчной опорой деспотизма, объ инертность которой разбивались всѣ величайшія усилія человѣческой мысли, и которая всегда топтала ногами и предавала на гибель своихъ истинныхъ друзей. Если-бъ меня спросили въ то время, въ комъ я думаю найти самаго страшнаго врага идеаловъ свободы, равенства, братства и безконечнаго умственнаго и нравственнаго совершенствованія человѣка, то я, не задумываясь, отвѣтилъ бы: «въ русскомъ крестьянствѣ», понимая подъ этимъ именемъ только современное мнѣ поколѣніе 70-хъ годовъ, такъ какъ я привыкъ мечтать о будущихъ поколѣніяхъ всего человѣчества, какъ стоящихъ на еще большей степени умственнаго и нравственнаго развитія, чѣмъ самые образованные люди современности, и всю массу будущаго народа представлялъ себѣ ничѣмъ не отличающейся отъ интеллигентныхъ людей.

Я помню, какъ однажды стоялъ я со своимъ семействомъ въ нашей приходской церкви во время какого-то праздника. Прислонившись плечомъ къ стѣнѣ, я наблюдалъ окружающую публику и не молился. Одна крошечная старушка въ черномъ посмотрѣла на меня, какъ мнѣ показалось, съ укоризной.

«Что думаетъ обо мнѣ эта добрая, усердная старушка?»—пришло мнѣ въ голову. «Что она сказала бы, если бы узнала всѣ мысли, которыя меня мучатъ, всѣ мои сомнѣнія и колебанія—вѣрить или не вѣрить? Гдѣ правда и гдѣ ложь? И справедливо ли все то, что существуетъ кругомъ?»

«Она, отвѣтилъ я самъ себѣ, сочла бы за грѣхъ даже слушать все это и строго осудила бы меня. И также строго осудили бы меня и всѣ окружающіе мужички и всѣ другіе, стоящіе теперь по церквамъ во всей Россіи, и почти никто изъ нихъ не понялъ бы моихъ чувствъ, мыслей и желаній, какъ не поняла бы несчастная кляча на улицѣ, по какимъ мотивамъ защищаютъ ее отъ побоевъ члены общества покровительства животныхъ. Только съ народомъ, пришло мнѣ въ голову, было бы несравненно хуже: кляча не оказала бы своимъ защитникамъ никакого сопротивленія, а эти несчастные, навѣрно, приписали бы имъ какіе-нибудь своекорыстные мотивы и постарались бы нарочно испортить имъ все дѣло».

Всѣ эти мысли у церковной стѣны и образъ самой старушки, которая ихъ вызвала, почему-то очень ярко сохранились у меня въ памяти, и я привожу ихъ теперь исключительно для того, чтобы показать, что не приписываю себѣ безсознательно въ настоящее время такихъ взглядовъ и чувствъ, какихъ у меня не было въ то время. Я даже задалъ себѣ тогда вопросъ: «Очень ли огорчило бы меня такое всеобщее осужденіе?»

И, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, я почувствовалъ, что нисколько не огорчился бы, что мнѣніе всѣхъ неразвитыхъ людей мнѣ было бы совершенно безразлично.

Однако, если бы кто-нибудь подумалъ изъ этихъ признаній, что у меня было презрѣніе къ «простому народу», то въ высшей степени ошибся бы. Еще съ 14 или 15 лѣтъ я задавалъ себѣ вопросы о современныхъ общественныхъ условіяхъ.

Чѣмъ, думалъ я, отличается простой мужикъ отъ князя или графа?

На анатомическомъ столѣ лучшій профессоръ не былъ бы въ состояніи отличить одного отъ другого, какъ бы онъ ни разрѣзалъ ихъ мозги или внутренности. Значитъ, все дѣло только въ образованіи и широтѣ взглядовъ, которую доставляетъ образованіе. А само умственное развитіе заключается вовсе не въ дипломахъ, а въ одной его наличности. Кольцовъ былъ погонщикомъ воловъ, а, между тѣмъ, его стихи больше трогаютъ меня, чѣмъ стихи Пушкина, а знакомство и дружбу съ нимъ я предпочелъ бы дружбѣ съ любымъ княземъ. Значитъ, думалось мнѣ, зачѣмъ же употреблять эти безсмысленныя названія: дворяне, духовенство, крестьяне. рабочіе, народъ и т. д.? Не лучше ли просто раздѣлить всѣхъ на образованныхъ и невѣждъ, и тогда все стало бы сразу ясно, и всякій невѣжда, позанявшись и подучившись немного, сейчасъ же присоединялся бы къ образованному классу. О «сословныхъ интересахъ», о «борьбѣ классовъ», какъ главномъ двигателѣ исторіи, въ то время не было у меня даже и малѣйшаго представленія. Всѣ эти условныя и имущественныя различія я смѣло и рѣшительно относилъ въ область человѣческой глупости и не желалъ даже заниматься ими.

III.

Первое знакомство съ революціонерами.

Зимой 73—74 годовъ дѣла нашего общества естествоиспытателей блеснули такимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, что часть членовъ должна была, такъ сказать, зажмурить глаза и объявить, что не можетъ его вынести. Случилось это событіе, повернувшее всю мою жизнь совсѣмъ въ иномъ направленіи, слѣдующимъ образомъ.

Шанделье, который былъ сынъ инженернаго генерала, состоявшаго начальникомъ московской Пробирной палаты, вдругъ почувствовалъ въ душѣ нѣкоторую зависть по поводу того, что всѣ засѣданія общества, и при томъ въ такой торжественной обстановкѣ, происходили всегда у меня съ Печковскимъ, и захотѣлъ имѣть ихъ также и въ своемъ домѣ. Воспользовавшись предлогомъ прочесть намъ большую лекцію о юрскихъ окаменѣлостяхъ и тѣмъ, что для демонстрированія этихъ предметовъ ему необходимо было имѣть подъ рукой всю его огромную коллекцію, онъ попросилъ своего отца предоставить намъ на субботніе вечера залу для ученыхъ засѣданій, находившуюся въ Пробирной палатѣ.

Эта просьба была охотно удовлетворена его отцомъ, уже давно знавшимъ о нашемъ обществѣ.

До сихъ поръ въ этомъ семействѣ бывалъ только я одинъ, и мнѣ часто приходилось ночевать тамъ, когда мы съ Шанделье возвращались, утомленные и измученные со своихъ экскурсій Я даже заслужилъ, не знаю чѣмъ, особое благоволеніе его матери, пышной барыни лѣтъ 40 и самыхъ либеральныхъ взглядовъ, называвшей меня не иначе, какъ monsieur Cold, и прожужжавшей мнѣ уши всевозможной болтовней. Когда мнѣ приходилось оставаться у нихъ обѣдать, она даже начала выбирать меня посредникомъ при своихъ перекорахъ съ мужемъ и не разъ по моему адресу велись приблизительно такіе разговоры:

— Вотъ, monsieur Cold—обращалась она ко мнѣ, кивнувъ головой на своего мужа,—полюбуйтесь на него, какой онъ у меня вертопрахъ! Весь сѣдой, а волочится за горничными!

— Вздоръ, Николай Александровичъ!—отвѣчаетъ генералъ.— Все это—одна безсмысленная ревность!

— Какъ, ревность? Нѣтъ! Вы послушайте только, monsieur Cold! Иду я вчера по корридору на кухню и—можете себѣ представить!—застаю его облапившимъ Машу на площадкѣ черной лѣстницы и лѣзущимъ къ ней съ поцѣлуями! Та отбивается отъ него... И, увидѣвъ меня, вырвалась совсѣмъ и убѣжала!

Можно себѣ представить, каково было мнѣ, восемнадцатилѣтнему юношѣ, при такихъ обращеніяхъ! Куда глядѣть, кромѣ какъ въ свою тарелку, что дѣлать, какъ не пытаться перевести какимъ-нибудь случайнымъ замѣчаніемъ подобный разговоръ на посторонній предметъ?

Но возвращусь къ дѣлу.

Съ наступленіемъ назначенной субботы, «зала для ученыхъ засѣданій» была для насъ приготовлена и роскошно освѣщена, а швейцаръ получилъ приказаніе провожать прямо въ нее приходящихъ членовъ нашего общества. Когда я туда явился, часть ихъ уже была въ сборѣ, и Шанделье ходилъ весь сіяющій. Въ ожиданіи прибытія остальныхъ, я пошелъ въ гостиную, находившуюся черезъ нѣсколько комнатъ отъ этой залы, чтобы поздороваться съ хозяевами и поблагодарить генерала отъ имени членовъ за предоставленіе зала.

Вхожу и вижу, что у нихъ полная компанія гостей. Часть ихъ—медика четвертаго курса и одного пожилого кандидата естественныхъ наукъ съ женой, — я уже видѣлъ у нихъ ранѣе. Изъ остальныхъ три или четыре расфранченныя барыни были мнѣ совершенно незнакомы. Не успѣлъ я подойти, какъ madame Шанделье уже говоритъ мнѣ со своего мѣста:

— Ахъ, Monsieur Cold! А мы только что разговаривали о васъ. Нельзя ли намъ присутствовать въ качествѣ публики на вашемъ засѣданіи?

У меня сердце сильно стукнуло въ груди. «Переконфузимся думаю, всѣ мы, дѣлая свои доклады при этой публикѣ! Какъ бы еще на кого не нашелъ столбнякъ среди рѣчи! Вотъ будетъ срамъ-то!» Однако, забравъ себя мысленно въ руки, отвѣчаю спокойнымъ по наружности тономъ:

— Отчего же нельзя, если это доставитъ вамъ удовольствіе? Даже очень рады!

— Нѣтъ, вы лучше пойдите и спросите всѣхъ: можетъ быть, кто-нибудь не пожелаетъ.

Я пошелъ, съ тоской въ душѣ, обратно въ «залу для ученыхъ засѣданій», но при первыхъ же словахъ о публичности всѣ члены (мы были въ возрастѣ отъ 17 до 19 лѣтъ) пришли въ паническій страхъ. Нѣсколько человѣкъ, приготовившихъ рефераты на этотъ день, отказались наотрѣзъ читать ихъ публично.

— Лучше умереть!—говорили они:—или, еще проще, разойтись по домамъ до начала засѣданія!

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ уговорить товарищей не дѣлать скандала.

— Реферировать,—оказалъ я,—будемъ только я и Шанделье, да еще кто-нибудь посмѣлѣе пусть прочтетъ маленькую замѣтку. Всѣ остальные освобождаются на этотъ вечеръ отъ всякихъ дебатовъ.

Уладивъ кое-какъ дѣло, я возвратился въ гостиную и пригласилъ въ залу публику отъ имени всѣхъ. Мы усѣлись на стульяхъ для членовъ, а публика на креслахъ, отведенныхъ для почетныхъ посѣтителей. Засѣданіе тотчасъ началось длинной лекціей Шанделье, состоявшей изъ обзора множества юрскихъ окаменѣлостей, которыя тутъ же демонстрировались имъ на образчикахъ и описывались во всѣхъ подробностяхъ. Изложеніе пестрило латинскими названіями и потому страдало, какъ и большинство читавшихся у насъ рефератовъ, значительной сухостью и отсутствіемъ общей идеи, проходящей черезъ все изложеніе. Къ концу лекціи публика явно начала утомляться, и у нѣкоторыхъ дамъ появились признаки зѣвоты. Затѣмъ одинъ товарищъ прочелъ маленькую вещицу по физикѣ, и наступила моя очередь.

Въ отличіе отъ другихъ, я рѣдко бралъ для своихъ чтеній чисто спеціальныя темы. Такъ и въ данномъ случаѣ у меня былъ заготовленъ рефератъ о значеніи естественныхъ наукъ для умственнаго, нравственнаго и экономическаго прогресса человѣчества. Онъ отличался юношеской восторженностью и былъ иллюстрированъ многими примѣрами изъ исторіи науки.

Въ концѣ концовъ, доказывалось, что безъ естественныхъ наукъ человѣчество никогда не вышло бы изъ состоянія, близкаго къ нищетѣ, а, благодаря имъ, люди со временемъ достигнутъ полнаго могущества надъ силами природы, и только тогда настанетъ на землѣ длинный періодъ такого счастья, котораго мы въ настоящее время даже и представить себѣ не можемъ.

Этотъ рефератъ я прочелъ почти весь по своей тетрадкѣ съ замѣтками, такъ какъ нѣсколько волновался. Но онъ замѣтно оживилъ публику, и засѣданіе окончилось рукоплесканіями и поздравленіями. Всѣ члены нашего общества были приглашены хозяевами къ чаю, но выпивъ, по стакану, поспѣшили разбѣжаться по домамъ подъ предлогомъ поздняго времени, клянясь и божась никогда болѣе не переступать черезъ порогъ этого зданія для своихъ ученыхъ засѣданій. Я же остался по обыкновенію ночевать, и потому весь вечеръ пожиналъ вмѣстѣ съ Шанделье лавры.

Кандидатъ естественныхъ наукъ увелъ меня въ уголокъ и почтилъ долгой серьезной бесѣдой, ведя разговоръ явно «на равной ногѣ», безъ всякаго покровительственнаго оттѣнка. Затѣмъ медикъ вручилъ мнѣ свой адресъ и просилъ зайти на дняхъ къ нему на квартиру «потолковать о разныхъ предметахъ» и принести также какой-нибудь номеръ издаваемаго нами журнала.

Дня черезъ два я уже сидѣлъ у него за кофе. При уходѣ онъ далъ мнѣ адресъ нѣкоего Блинова, — студента малоросса, у котораго находилась тайная студенческая библіотека, а въ ней, по словамъ медика, было много всякихъ книгъ и по научнымъ, и по общественнымъ вопросамъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Онъ добавилъ, что уже рекомендовалъ меня въ библіотекѣ и получилъ полное согласіе на принятіе меня въ число пользующихся книгами, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, что я это буду держать въ секретѣ, а иначе дѣло можетъ кончиться гибелью многихъ.

Я, конечно, сейчасъ же обѣщалъ все, и на другой день явился по указанному адресу, познакомился съ Блиновымъ и съ содержаніемъ библіотеки и взялъ съ собой нѣсколько естественно-научныхъ книгъ. На слѣдующій разъ мнѣ уже были предложены и заграничныя запрещенныя изданія: номеръ журнала «Впередъ», издававшагося Лавровымъ, и «Отщепенцы» Соколова.

Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ возвратился я домой, неся въ рукахъ эту связку! При встрѣчѣ съ каждымъ городовымъ на улицѣ мнѣ дѣлалось одновременно и жутко, и радостно, и я мысленно говорилъ ему:

— Если бы ты зналъ, пріятель, что такое у меня въ этой связкѣ, что бы ты тогда заговорилъ!

Съ величайшей жадностью набросился я на чтеніе этихъ еще не виданныхъ мною изданій и обѣ книжки проглотилъ въ одинъ вечеръ.

Мнѣ казалось, что цѣлый новый міръ открылся предъ моими глазами, и сколько въ немъ было чудеснаго и неожиданнаго! «Отщепенцы», книжка, полная поэзіи и восторженнаго романтизма, особенно нравившагося мнѣ въ то время, возвеличивавшая самоотверженіе и самопожертвованіе во имя идеала, унесла меня на седьмое небо. Во «Впередъ» особенно понравились мнѣ не тѣ мѣста, гдѣ излагалась факты,—мнѣ казалось, что почти то же можно

найти и въ газетахъ,—а какъ разъ тѣ прокламаціонныя мѣста, гдѣ были воззванія къ активной борьбѣ за свободу. Эти страницы я перечитывалъ по нѣскольку разъ и почти заучилъ наизусть. Ихъ смѣлый и прямой языкъ, сыплющій укоры земнымъ богамъ, казался мнѣ проявленіемъ необыкновеннаго, идеальнаго геройства.

— Вотъ люди, мечталъ я, за которыхъ можно отдать душу! Вотъ что дѣлается и готовится въ тайнѣ кругомъ меня, а я все думалъ до сихъ поръ, что кромѣ нашего кружка нѣтъ въ Россіи никого, раздѣляющаго наши взгляды!..

Мѣста тогдашнихъ соціально-революціонныхъ изданій, гдѣ возвеличивался «сѣрый простой народъ», какъ чаша, полная совершенства, какъ скрытый отъ всѣхъ непосвященныхъ идеалъ разумности, простоты и справедливости, къ которому мы должны стремиться, казались мнѣ чѣмъ-то въ родѣ волшебной сказки. Все здѣсь противорѣчило моимъ собственнымъ юношескимъ представленіямъ и впечатлѣніямъ изъ окружающей деревенской жизни, и все между тѣмъ было такъ чудно-хорошо! Читая эти мѣста, мнѣ невольно хотѣлось позабыть о моихъ собственныхъ глазахъ и ушахъ, которые,—увы!—не помогли мнѣ вынести изъ моихъ случайныхъ соприкосновеній съ крестьянами того времени никакихъ высокихъ идей, кромѣ нѣсколькихъ непристойныхъ фразъ, невольно прилипшихъ къ ушамъ, вслѣдствіе повсемѣстнаго употребленія... Мнѣ страстно хотѣлось вѣрить, что все въ простомъ народѣ такъ хорошо, какъ говорятъ авторы этихъ статей, что «не народу нужно учиться у насъ, а намъ у него».

Нѣсколько дней я ходилъ, какъ опьяненный, читалъ эти книжки или, лучше сказать, ихъ избранныя мѣста моимъ остальнымъ товарищамъ и былъ страшно пораженъ, что эти мѣста, повидимому, не вызывали у нихъ такого необычайно сильнаго душевнаго отклика, какъ у меня. Всѣ они вполнѣ сочувствовали этимъ идеямъ, но говорили, что едва ли онѣ осуществимы въ жизни.

— Для милліоновъ современнаго намъ поколѣнія, — говорили ни, — стремленія современной интеллигенціи должны быть совершенно непонятны.

Я самъ это чувствовалъ, но это не только не уменьшало моего энтузіазма, а даже увеличивало его!

— Развѣ не хорошо погибнуть за истину и справедливость?— одумалось мнѣ. — Къ чему же тутъ разговоры о томъ, откликнется народъ или не откликнется на нашъ призывъ къ борьбѣ противъ религіозной лжи и политическаго и общественнаго угнетенія? Развѣ мы карьеристы какіе, думающіе устроить также и свои собственныя дѣла, служа свободѣ и человѣчеству? Развѣ мы не хотимъ погибнуть за истину?

Когда я отнесъ, черезъ нѣсколько дней, обѣ книги въ библіотеку, Блиновъ сказалъ мнѣ:

— Съ вами хотѣли бы познакомиться нѣкоторые люди, зани-

мающіеся революціонной дѣятельностью, но только вы должны держать эти знакомства въ строгой тайнѣ, потому что иначе все погибнетъ.

— Я ничего никому не скажу,—тотчасъ же отвѣтилъ я, и, дѣйствительно, я чувствовалъ, что никакія пытки не вырвали бы у меня подобнаго секрета.

— Въ такомъ случаѣ приходите на слѣдующій день въ библіотеку, когда будетъ смеркаться...

— Я непремѣнно приду,—отвѣтилъ я.

Въ назначенное время я былъ уже тамъ. За мной явился какой-то человѣкъ студенческаго вида. Онъ отвелъ меня на другую квартиру, но ея хозяина не оказалось дома, а была какая-то дѣвушка, которой онъ препоручилъ меня и ушелъ. Съ ней мы перекинулись только нѣсколькими незначительными фразами, а затѣмъ просидѣли съ четверть часа молча, такъ какъ она принялась читать какую-то книгу. Наконецъ, дверь отворилась, и въ комнату къ намъ вошли два человѣка. Одинъ съ густой темной бородой,—оказавшійся потомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Саблинымъ,—поздоровался со мной безъ объявленія своего имени и очень серьезно предупредилъ меня опять:

— Мѣсто, куда мы теперь пойдемъ, вы должны держать въ самомъ строгомъ секретѣ, иначе погибнетъ много хорошихъ людей...

Затѣмъ оба незнакомца повели меня куда-то по бульварамъ въ совершенно незнакомой части Москвы.

Всѣ эти таинственные переходы изъ одного неизвѣстнаго мѣста въ другое, еще болѣе неизвѣстное, наполнили мою душу такимъ восторженнымъ трепетомъ, что я въ буквальномъ смыслѣ не чувствовалъ подъ собою ногъ.

Наконецъ, мы пришли ко входу въ большой бѣлый домъ, вошли въ подъѣздъ и, не поднимаясь вверхъ по начинавшейся тутъ парадной лѣстницѣ, направились въ небольшой корридоръ направо и вошли въ маленькую переднюю, гдѣ сняли пальто и калоши. Затѣмъ меня ввели въ большую комнату въ родѣ гостиной, съ роялемъ у одной изъ стѣнъ, съ мягкой мебелью и нѣсколькими окнами, завѣшенными драпировками. Направо въ полуотворенную дверь виднѣлась часть другой, тоже освѣщенной комнаты. На лѣвой же сторонѣ, противъ двери, стоялъ большой эллиптическій столъ съ диваномъ за нимъ и стульями кругомъ. На диванѣ сидѣла чудно красивая, стройная молодая женщина лѣтъ двадцати двухъ, въ красной блузкѣ и съ двумя огромными темнорусыми косами, перекинутыми на плечи и свѣшивавшимися ей на грудь. По бокамъ ея сидѣли двѣ бѣлокурыя дѣвушки, тоже очень стройныя и хорошенькія, напомнившія мнѣ двухъ Маргаритъ въ Фаустѣ. Первая изъ трехъ оказалась потомъ «Липой» Алексѣевой, женой богатаго тамбовскаго помѣщика, безнадежно сошедшаго съ ума на третьемъ году ея замужества и находившагося въ это время въ домѣ умалишенныхъ. А двѣ Маргариты — Батюшковой и Дубенской. Кромѣ нихъ въ

этой гостиной находились еще нѣсколько дѣвушекъ, менѣе бросившихся мнѣ въ глаза, и десятка два мужчинъ въ возрастѣ между двадцатью и тридцатью годами, всевозможныхъ видовъ и во всевозможныхъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ сразу обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ высокій, крѣпко сложенный человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, съ шапкой курчавыхъ волосъ на головѣ, небольшой курчавой же бородой и усиками, съ огромнымъ лбомъ и блестящими черными глазами. Казалось, какой-то великій художникъ вырубилъ въ минуту вдохновенья его голову простымъ топоромъ, да такъ и оставилъ ее не додѣланной. Впослѣдствіи онъ оказался однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей революціоннаго движенія 70-хъ годовъ—Кравчинскимъ.

Молодая женщина съ темнорусыми косами встала при моемъ входѣ, подошла ко мнѣ и, не называя себя, крѣпко пожала мнѣ руку. Остальные сдѣлали то же самое, не спрашивая моей фамиліи и не называя своихъ. Едва я сѣлъ у столика на пододвинутый мнѣ стулъ, какъ хозяйка этой странной гостиной открыла ящикъ эллиптическаго столика и, вынувъ оттуда номеръ издававшагося мной рукописнаго журнала, показала мнѣ въ немъ мою собственную статью: «Въ память Нечаевцевъ».

— Не можете ли вы сказать, - спросила она,— кто авторъ этой статьи?

Собравъ всѣ свои силы, чтобы не обнаружить волненія, я отвѣтилъ ей:

— Я...

— Но, знаете, вѣдь это очень хорошо написано! Просто и очень трогательно.

Мое сердце застучало, какъ молотокъ, отъ удовольствія, но, чувствуя, что дальнѣйшій разговоръ на эту тему долженъ будетъ совсѣмъ меня переконфузить, я сейчасъ же постарался перевести рѣчь на другой предметъ: указывая въ томъ же номерѣ статью о Международной Ассоціаціи рабочихъ того самаго Михайлова, который любилъ неловко вставлять въ свою рѣчь иностранныя выраженія, я спросилъ ее:

— Ну, а эта статья, какъ вамъ нравится?

— Эта слишкомъ фразиста. Это не ваша?

— Нѣтъ, это одного изъ моихъ знакомыхъ.

Мнѣ предложили чаю, и разговоръ сдѣлался общимъ. Я имъ разсказалъ о нашемъ «Обществѣ естествоиспытателей». Потомъ мнѣ сообщили, что въ настоящее время существуетъ большое движеніе въ народъ. Я уже не помню всѣхъ перипетій этого разговора, но, черезъ полчаса или часъ, я застаю себя въ моемъ воспоминаніи уже стоящимъ посреди комнаты, облокотившись рукой на рояль, и вовлеченнымъ противъ моей воли въ споръ съ человѣкомъ лѣтъ двадцати пяти, съ маленькими бѣлокурыми усиками и бородкою, съ прямолинейными чертами лица, напоминавшими мнѣ что-то

Сенъ-Жюстовское, и съ отсутствіемъ одного изъ верхнихъ зубовъ, бросавшимся въ глаза. Онъ мнѣ доказывалъ, что Нечаевцы стояли на ложномъ пути, потому что вели пропаганду среди интеллигенціи, а интеллигенція, это—аристократія и буржуазія, испорченныя своимъ паразитизмомъ на трудящихся классахъ.

— Нужно сбросить съ себя это ярмо,—говорилъ онъ,—забыть все, чему насъ учили, и искать обновленія въ средѣ простого народа!

Это было то самое, что я уже читалъ въ журналѣ «Впередъ» и другихъ заграничныхъ изданіяхъ; оно мнѣ нравилось, какъ поэзія, на практикѣ же казалось большимъ недоразумѣніемъ или ошибкой. Я собралъ всѣ свои силы и мужественно возражалъ ему, что пропаганда нужна во всѣхъ сословіяхъ, что хотя привилегированное положеніе должно, дѣйствительно, сильно портить интеллигентные классы въ нравственномъ отношеніи, но за то наука даетъ имъ болѣе широкій умственный кругозоръ, и привычка къ мышленію развиваетъ въ нихъ болѣе глубокія чувства, а подчасъ и такіе великодушные порывы, которые совсѣмъ невѣдомы неразвитому человѣку.

Я былъ въ полномъ отчаяніи, что съ перваго же знакомства съ этими замѣчательными людьми, съ которыми мнѣ такъ хотѣлось сойтись, я долженъ былъ имъ противорѣчить и этимъ, казалось мнѣ, навсегда уронить себя въ ихъ мнѣніи. Кромѣ того, я никогда не былъ спорщикомъ ради спора и всегда больше старался находить и указывать всѣмъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось сталкиваться въ жизни, пункты согласія между собой и ними, а не отмѣчать разнорѣчія, особенно съ перваго же знакомства. Мнѣ всегда казалось, что при дальнѣйшемъ сближеніи всякія частныя разнорѣчія сами собой какъ-нибудь сгладятся и устранятся постепенно.

— Но что же мнѣ остается дѣлать въ этомъ случаѣ? — думалось мнѣ.—Не могу же я лгать и притворяться передъ ними.

Всѣ остальные въ гостиной замолчали при началѣ нашего спора, и я думалъ съ грустью, что всѣ они тоже противъ меня. Однако, оказалось, это не такъ. Мнѣ на помощь выступилъ вдругъ тотъ самый человѣкъ съ шапкой курчавыхъ волосъ на головѣ, оригинальная физіономія котораго такъ бросилась мнѣ въ глаза съ самаго начала, и сталъ говорить моему оппоненту, что въ моихъ словахъ много правды.

У меня отлегло немного на душѣ, и, воспользовавшись завязавшимся между ними споромъ, я незамѣтно ушелъ со своего виднаго мѣста и сѣлъ около одного изъ дальнихъ оконъ, подъ самыми драпировками. Хозяйка подошла ко мнѣ и спросила:

— Какъ они вамъ нравятся?

— Очень,—отвѣтилъ я.—Только неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы отвергаете науки? Вѣдь безъ нихъ намъ никогда и въ голову не пришли бы тѣ вопросы, о которыхъ они теперь говорятъ!..

Она порывисто положила свою руку на рукавъ моей.

— Не придавайте этому никакого серьезнаго значенія. Они отвергаютъ только казенную, сухую науку, а не ту, о которой вы думаете.

— А! — отвѣтилъ я съ облегченіемъ. — Значитъ, это они говорятъ только о латыни, о грекахъ, Законѣ Божіемъ и тому подобномъ... Такую науку я и самъ отвергаю!..

— Ну, да! ну, да!..—отвѣтила она мнѣ, успокоительно улыбаясь, и начала распрашивать о моемъ семействѣ.

Тѣмъ временемъ споръ сдѣлался общимъ, и Кравчинскій, оставивъ собесѣдниковъ, тоже подсѣлъ ко мнѣ въ уголокъ:

— Нельзя ли устроить пропаганду и крестьянскую организацію въ имѣніи вашего отца, поступивъ туда въ видѣ рабочаго?

Я долженъ былъ отвѣтить ему съ огорченіемъ, что это совершенно невозможно.

— Имѣніе наше не въ деревнѣ, а совершенно особнякомъ, въ большомъ паркѣ, и съ окружающими деревнями у насъ нѣтъ никакихъ связей, а всѣ жители усадьбы, отъ конюховъ до отца, связаны между собою въ одно цѣлое черезъ судомоекъ, лакеевъ, горничныхъ и т. д. Все, что дѣлается въ одномъ концѣ усадьбы, скоро доходитъ до другого...

— Какъ это жаль! А я уже собирался поступить къ вамъ конюхомъ... Значитъ, вашъ отецъ реакціонеръ?

— Нѣтъ! Мой отецъ находится въ сильной оппозиціи къ правительству, но, главнымъ образомъ, за то, что реформа 19 февраля сдѣлана, по его мнѣнію, какъ разбой. Онъ никогда не называетъ ее освобожденіемъ крестьянъ, а передачей ихъ въ крѣпостную зависимость становымъ и исправникамъ, и утверждаетъ, что все это было сдѣлано подъ вліяніемъ нигилистовъ. По своимъ взглядамъ онъ англофилъ,—закончилъ я свой разсказъ о нашей жизни—и я даже представить себѣ не могу, что онъ сдѣлаетъ, если узнаетъ, что въ его имѣніи завелись нигилисты. Навѣрно, сейчасъ же вызоветъ военную команду изъ уѣзда...

Потомъ мы говорили съ нимъ о другихъ предметахъ и, къ моей величайшей радости, всегда и во всемъ соглашались. Черезъ полчаса разговора я уже почувствовалъ къ нему невообразимую дружбу.

Тѣмъ временемъ Алексѣева подошла къ роялю и, проигравъ на немъ какой-то бурный аллюръ, вдругъ запѣла чуднымъ и сильнымъ контральто, какого мнѣ не приходилось слышать даже въ театрахъ:

„Бурный потокъ,
Чаща лѣсовъ,
Голыя скалы,—
Вотъ мой пріютъ“!

Далѣе я уже не помню теперь этой пѣсни, но что со мной было въ то время, нельзя выразить никакими словами!.. Хорошее пѣніе

всегда дѣйствовало на меня чрезвычайно сильно, особенно когда пѣсня была «идейная», съ призывомъ на борьбу за свѣтъ и свободу. А это было не только хорошее, но чудное пѣніе, и всѣ черты прекрасной пѣвицы и каждая интонація ея голоса дышали безпредѣльнымъ энтузіазмомъ и вдохновеніемъ.

Мнѣ казалось, что я попалъ въ какое-то волшебное царство, что это все во снѣ,—что я проснусь внезапно, окруженный снова обычной житейской прозой. Особенно безпокоила меня мысль, что, разочаровавшись во мнѣ изъ-за моихъ противорѣчій, эти люди болѣе не захотятъ со мной видѣться, и мнѣ некого будетъ винить, кромѣ себя...

А между тѣмъ, Алексѣева все пѣла новыя и новыя пѣсни въ томъ же родѣ. Я помню изъ нихъ теперь особенно хорошо «Утесъ Стеньки Разина» и «Послѣднее прости» умершаго въ Сибири на каторгѣ поэта Михайлова:

Крѣпко дружно васъ въ объятья
Я бы, братья, заключилъ
И надежды, и проклятья
Вмѣстѣ съ вами раздѣлилъ!
Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.
Но и тамъ на зло гоненью
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Въ сердцѣ свято сохраню.
Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Буду жадно свѣта ждать
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:
Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ!
И минуй васъ эта чаша
Отравляющая насъ!

При самомъ началѣ пѣнія я поднялся съ своего мѣста и всталъ у рояля противъ Алексѣевой, смотря съ восторгомъ на ея вдохновенное лицо и большіе, каріе, свѣтящіеся глаза. Вся моя собственная фигура, должно быть, выражала такой неподдѣльный восторгъ, что она улыбнулась мнѣ нѣсколько разъ во время пѣнья, и потомъ запѣла, прямо глядя мнѣ въ глаза:

По чувствамъ братья мы съ тобой:
Мы въ искупленье вѣримъ оба..
И будемъ мы съ тобой до гроба
Служить странѣ своей родной!
Любовью къ истинѣ святой
Въ тебѣ, я знаю, сердце бьется,
И вѣрю я, что отзовется
Оно всегда на голосъ мой!

Когда-жъ наступитъ грозный часъ,
Возстанутъ спящіе народы—
Святое воинство свободы
Въ своихъ рядахъ увидитъ насъ!

Когда я вышелъ вмѣстѣ съ послѣдними гостями на улицу, у меня буквально кружилось въ головѣ, и я не помнилъ, какимъ образомъ добрался до своего дома. Я получилъ при уходѣ отъ Алексѣевой приглашеніе бывать у нея и впередъ и не забылъ замѣтить номеръ дома, который оказался большой гостиницей съ отдѣльными квартирами внизу, одну изъ которыхъ и занимала Алексѣева. Всю ночь я провелъ въ мечтахъ при свѣтѣ луны у окна своей комнаты, загасивъ лампу и смотря сквозь стекла до разсвѣта на занесенную снѣгомъ площадь предъ вокзаломъ и на окружающія эту площадь заборы и крыши зданій. Несмотря на дружеское прощаніе и на очень сильное рукопожатіе со стороны Алексѣевой и Кравчинскаго, я все еще боялся, что испортилъ все дѣло тѣмъ, что съ перваго же знакомства сталъ противорѣчить и спорить.

А между тѣмъ, какъ я узналъ потомъ, произведенное мною впечатлѣніе вовсе не было особенно дурнымъ. Правда, были и неблагопріятныя мнѣнія. Изъ послѣдующихъ разговоровъ, когда я хорошо познакомился со всѣми, я узналъ, что кромѣ лицъ, которыхъ я здѣсь видѣлъ, были и другіе. Въ темномъ альковѣ, прилегающемъ къ гостиной Алексѣевой, скрывался еще одинъ замѣчательный человѣкъ, Д. А. Ельцинскій, разсматривавшій меня черезъ драпировку. Ему я не особенно понравился при этомъ первомъ дебютѣ... Когда на слѣдующій день, кромѣ меня, всѣ сошлись вмѣстѣ и начали обсуждать мою особу, онъ сказалъ, что во мнѣ много самомнѣнія.

Похожій на Сенъ-Жюста и оказавшійся потомъ Аносовымъ, говорилъ, что я слишкомъ привязанъ къ благамъ, которыя даетъ привилегированное положеніе, и потому изъ меня едва ли выйдетъ что-либо путное. Кто-то обратилъ вниманіе даже на мой костюмъ и приписалъ мнѣ склонность къ франтовству—утвержденіе, которому едва ли даже повѣрятъ тѣ, кто зналъ меня потомъ. Но дѣло въ томъ, что я жилъ съ Печковскимъ на полномъ попеченіи прислуги и лакея, чистившаго намъ аккуратно по утрамъ платье и сапоги и клавшаго на стулъ у нашихъ кроватей чистое бѣлье, когда это полагалось, а потому, какими бы замарашками мы съ Печковскимъ ни возвращались по вечерамъ изъ своихъ экскурсій, на слѣдующее утро мы оказывались всегда одѣтыми, какъ на балъ. Въ противовѣсъ этимъ неблагопріятнымъ мнѣніямъ, Кравчинскій и затѣмъ еще одинъ изъ присутствовавшихъ, Шишко,—какъ и Кравчинскій, бывшій артиллерійскій офицеръ и замѣчательно образованный человѣкъ,—стали рѣшительно за меня, особенно вслѣдствіе моей готовности отстаивать свои основныя убѣжденія, даже попавъ въ толпу совсѣмъ незнакомыхъ людей. Что же касается дамъ, то я имъ

всѣмъ понравился безъ искюченія, хотя, конечно, и не въ такой степени, въ какой понравились мнѣ онѣ сами...

Являться къ Алексѣевой на слѣдующій день я, какъ мнѣ ни хотѣлось этого, не рѣшился.

— Такъ, думалъ я, не принято въ обществѣ, а потому я долженъ выждать, по крайней мѣрѣ, дня два или три, чтобы не показаться не имѣющимъ понятія о приличіяхъ.

Но на четвертый день, еще задолго до назначеннаго времени я уже ходилъ по сосѣднимъ бульварамъ, ежеминутно посматривая на часы. Я вошелъ минута въ минуту и секунда въ секунду въ указанный мнѣ часъ, и первыя слова, которыя я услышалъ отъ улыбающейся мнѣ хозяйки, были:

— А мы думали, что вы совсѣмъ ужъ о насъ забыли!..

— Значитъ, мнѣ можно приходить и чаще?—спросилъ я.

— Конечно, хоть каждый день.

— Ну, такъ я буду приходить къ вамъ каждый день,—отвѣтилъ я.

И я сталъ бывать у нея ежедневно часовъ отъ восьми или девяти вечера и возвращался далеко за полночь. Ходить ранѣе мнѣ не дозволяли обычныя занятія, да я и не зналъ еще въ первое время, что этотъ своеобразный салонъ былъ полонъ посѣтителями съ утра до ночи...

Мало-по-малу я сталъ различать физіономіи различныхъ членовъ этого кружка. Быстро подружился съ Кравчинскимъ, Шишко и еще однимъ молоденькимъ безусымъ офицеромъ, Александромъ Лукашевичемъ, замѣчательно симпатичнымъ, всегда улыбавшимся юношей, казавшимся лишь немного старше меня, такъ что въ первое время я былъ даже разочарованъ, встрѣтивъ такого молодого человѣка въ этомъ серьезномъ обществѣ, гдѣ, кромѣ насъ двоихъ, не было ни одного безусаго и безбородаго. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на меня Ельцинскій, котораго я встрѣтилъ здѣсь лицомъ къ лицу лишь черезъ нѣсколько дней. Въ это время ему было лѣтъ двадцать семь, но, судя по физіономіи и какой-то солидности и дѣловитости во всѣхъ манерахъ, разговорѣ и обращеніи, ему можно было дать не менѣе тридцати. Когда въ комнату къ намъ вошелъ однажды типическій сибирскій мужичекъ въ засаленной фуражкѣ, черномъ кафтанѣ нараспашку, подъ которымъ виднѣлась пестрядевая крестьянская рубаха на выпускъ, въ жилетѣ съ мѣдными пуговицами и въ синихъ полосатыхъ порткахъ, вправленныхъ въ смазные сапоги—я отдалъ бы голову на отсѣченіе, что это сельскій староста, только что вышедшій изъ своей деревни и совершенно чуждый всякой цивилизаціи. Все въ немъ, отъ желтоватаго цвѣта лица и окладистой бородки до рѣдкихъ прямыхъ волосъ, подстриженныхъ «скобкой», по мужицки, и плотно примазанныхъ постнымъ масломъ къ самой кожѣ головы, говорило за его принадлежность къ крестьянскому званію, и только огром-

ный лобъ показывалъ, что этотъ мужичекъ долженъ быть очень умнымъ и дѣльнымъ въ своей средѣ.

Поздоровавшись со всѣми нѣсколько скрипучимъ крестьянскимъ говоромъ на *о*, онъ повелъ рѣчь о разныхъ предметахъ, и я замѣтилъ, что его слушали съ особеннымъ уваженіемъ.

— Какъ онъ вамъ понравился?—спросила меня лукаво Алексѣева, когда онъ ушелъ.

— Замѣчательно умный рабочій!—отвѣтилъ я.

— Да онъ вовсе и не рабочій!—разсмѣялась она.—Онъ даже не изъ народа. Это Ельцинскій. Онъ изъ привилегированнаго сословія. И кромѣ того, — прибавила она шепотомъ: — его болѣе полугода очень сильно разыскиваетъ полиція, его нужно особенно беречь. Никогда не говорите о немъ съ посторонними.

Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что еще два человѣка изъ этой компаніи сильно разыскивались полиціей: Кравчинскій и Шишко. Это обстоятельство заставило меня смотрѣть на нихъ троихъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ на необыкновенныхъ героевъ, и я, конечно, не обмолвился о нихъ ни единымъ словомъ ни одной живой душѣ.

— Вотъ,—думалъ я,—всѣ, кто попадается, бѣгутъ обыкновенно за границу, а они не хотятъ, и ничего не боятся. А полиція гоняется за ними повсюду, встрѣчаетъ ихъ постоянно на улицахъ и каждый разъ остается не при чемъ. Какъ это удивительно хорошо съ ихъ стороны!..

О томъ, что скоро будутъ также разыскивать и меня, мнѣ тогда даже и въ голову не приходило...

Теперь я долженъ перейти къ очень затруднительному мѣсту. Въ послѣдующее время меня часто спрашивали:

— Кто были эти люди, а съ ними и всѣ участвовавшіе въ движеніи семьдесятъ четвертаго года: соціалисты, анархисты, коммунисты, народники, или что-либо другое?

И я всегда останавливался въ недоумѣніи и не зналъ, что отвѣчать...

Я говорю здѣсь только то, что самъ пережилъ, что видѣлъ и слышалъ отъ окружающихъ. Вся волна этого движенія съ сотнями дѣятелей, какъ сейчасъ увидитъ читатель, прокатилась въ буквальномъ смыслѣ черезъ мою голову, и, оставаясь правдивымъ, я не могу причислить ихъ ни къ какой опредѣленной кличкѣ. Съ первыхъ же дней знакомства я пробовалъ заводить объ этомъ разговоры, но мало получалъ опредѣленнаго въ отвѣтъ. Однажды, когда зашла рѣчь о заграничныхъ изданіяхъ, уже цѣликомъ прочитанныхъ мною, гдѣ «Бакунисты» причисляли себя къ анархистамъ, а «Лавристы» къ простымъ соціалистамъ, гдѣ «Ткачевцы» называли себя якобинцами, а другіе—федералистами, я задалъ въ присутствіи всей компаніи вопросъ:

— Къ какой изъ этихъ партій должны причислять себя *мы?*

— Мы,—отвѣтила за всѣхъ Алексѣева, очевидно выражая общее настроеніе,—«радикалы».

И дѣйствительно, никто никогда не называлъ себя при мнѣ въ то время никакой другой кличкой, а слова: «мы — радикалы» мнѣ постоянно приходилось слышать въ этотъ періодъ, и противопоставлялось это названіе слову «либералъ», подъ которымъ понимались всѣ говорящіе о свободѣ и другихъ высокихъ предметахъ, но неспособные пожертвовать собою за свои убѣжденія, между тѣмъ какъ радикалами назывались всѣ люди дѣла. Къ числу либераловъ въ то время причислялись учащеюся молодежью и всѣ передовые писатели легальной литературы, до сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ»: Салтыкова, Михайловскаго, Некрасова включительно... Связей съ обычными литераторами у насъ никакихъ не было, за исключеніемъ знакомства съ редакторомъ «Знанія», Гольдсмитомъ, который, впрочемъ, тоже относился къ группѣ либераловъ. Только потомъ уже, по прекращеніи движенія въ народъ, на передовыхъ дѣятелей легальной литературы стали смотрѣть иначе. «Нигилистами» у насъ назывались всѣ ходящіе въ нечесанномъ и растрепанномъ видѣ, независимо отъ ихъ убѣжденій, а если кто-нибудь начиналъ проповѣдовать сумбуръ, то говорили, что у него въ головѣ «анархія по Прудону». Но это нисколько не значило, чтобы къ Прудону и его анархическимъ идеаламъ относились отрицательно. Иногда ихъ дебатировали и соглашались, что, дѣйствительно, жить всѣмъ мирно и дружно безъ всякихъ чиновниковъ и полиціи, имѣя все общее и всѣмъ дѣлясь по-братски, было бы очень хорошо.

При всѣхъ моихъ попыткахъ разобраться въ различныхъ соціальныхъ вопросахъ, которые меня интересовали, я ни отъ кого не получалъ помощи. Всѣ считали для себя обязательнымъ, какъ бы дѣломъ простого приличія, выражать сочувствіе къ соціалистическимъ идеаламъ и къ соціалистической литературѣ, но каждый разъ, какъ заходила рѣчь о деталяхъ будущаго общественнаго строя, всякое затрудненіе устранялось однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ отвѣтомъ:

— Мы ничего не хотимъ навязывать народу... Мы вѣримъ, что, какъ только онъ получитъ возможность распоряжаться своими судьбами, онъ устроитъ все такъ хорошо, какъ мы даже и вообразить себѣ не можемъ. Все, что мы должны сдѣлать, это—освободить его руки, и тогда наше дѣло будетъ закончено, и мы должны будемъ совершенно устраниться.

Такъ говорили всѣ наиболѣе искренніе представители этого движенія,—по крайней мѣрѣ, имъ всѣмъ казалось въ такихъ случаяхъ, что они именно такъ думаютъ. Народъ же, т. е. сѣрый деревенскій мужичекъ, представлялся имъ въ этомъ случаѣ идеаломъ совершенства.

Уже одна эта неопредѣленность воззрѣній показывала мнѣ еще

тогда, что корни движенія находятся вовсе не въ соціалистическихъ идеяхъ, которыя дебатировались по временамъ среди моихъ новыхъ знакомыхъ. Чувствовалась какая-то другая скрытая пружина, которой они и сами не подозрѣвали. И эта пружина, какъ я глубоко убѣжденъ теперь, была не что иное, какъ полное несоотвѣтствіе существовавшаго у насъ самодержавнаго режима съ тѣмъ высокимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія, на который уже успѣла подняться лучшая часть молодого поколѣнія того времени. Насколько тутъ вліяла замѣна въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ живой науки классическою мертвечиной, я не знаю. Большинство дѣятелей этого времени, кажется, успѣло миновать греко-латинское горнило, чрезъ которое прошелъ я. Что же касается до меня, то введеніе классицизма сыграло очень важную роль въ моей судьбѣ, такъ какъ оно сразу придало мнѣ и всему нашему «Обществу естествоиспытателей» рѣзко оппозиціонный оттѣнокъ. Но вообще для меня несомнѣнно, что стѣсненіе студенчества, выражавшееся въ ежегодныхъ «студенческихъ исторіяхъ», массовыхъ высылкахъ и т. д., сыграло здѣсь не послѣднюю роль.

Если бы кто-нибудь меня спросилъ, считаю ли я движеніе семидесятыхъ годовъ за проявленіе «борьбы общественныхъ классовъ», то я отвѣтилъ бы, что болѣе всего я склоненъ въ немъ видѣть борьбу русской учащейся, полной жизненныхъ силъ, интеллигенціи съ стѣсняющимъ ее правительственнымъ и административнымъ произволомъ. «Классъ русскаго студенчества», если позволено такъ выразиться, и рядъ солидарныхъ съ нимъ группъ боролись за свою свободу, которую они сливали со свободой всей страны, за свое будущее, за живую науку въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не чувствуя за собой достаточно силъ, они обратились за помощью къ простому народу подъ первымъ попавшимся идеалистическимъ знаменемъ и сдѣлали изъ крестьянина себѣ бога. Какъ равнодушно встрѣтилъ ихъ народъ семидесятыхъ годовъ, показала исторія.

Я же лично никогда не вѣрилъ въ тогдашняго крестьянина, а только жалѣлъ его. Но я создалъ себѣ бога изъ этихъ самыхъ людей, такъ довѣрчиво обращавшихся къ народу, и пошелъ съ ними на жизнь и на смерть, дѣлить всѣ ихъ радости и все ихъ горе. Какъ это произошло, я и долженъ разсказать теперь.

Съ наступленіемъ весны пульсъ жизни въ московскомъ революціонномъ кружкѣ сталъ биться все скорѣе и скорѣе. Члены кружка жили въ различныхъ мѣстахъ города, большею частью неподалеку отъ университета, хотя многіе и не были уже студентами, или принадлежали къ другимъ учебнымъ заведеніямъ, особенно къ Петровской Земледѣльческой Академіи, находившейся въ верстахъ десяти отъ Москвы, въ бывшемъ дворцѣ графа Разумовскаго, съ большимъ паркомъ, значительнымъ озеромъ и своеобразными флигелями для студентовъ, часть которыхъ жила, кромѣ того, въ при-

легающей дѣеревнѣ «Высекахъ». По воскресеньямъ лѣтомъ въ этомъ паркѣ собиралось гулять довольно значительное общество изъ Москвы, и я тамъ тоже бывалъ не разъ съ этой цѣлью. Тамъ былъ свой кружокъ «Петровцевъ», къ которому принадлежалъ Флоренко, тоже собиравшійся идти въ народъ и изрѣдка заходившій къ Алексѣевой. Небольшая типографія, гдѣ работало нѣсколько сочувствующихъ барышень, принялась въ это время набирать вмѣстѣ съ книгами легальнаго содержанія также и революціонныя брошюрки.

Въ кружкѣ или, скорѣе, салонѣ Алексѣевой, служившемъ какъ бы центральнымъ пунктомъ для взаимныхъ сношеній, въ это время все еще пока больше продавались великодушнымъ порывамъ и мечтамъ о будущей дѣятельности. Лишь немногіе члены завели, въ трактирахъ и харчевняхъ, сношенія съ нѣсколькими молодыми рабочими, выдававшимися своимъ болѣе высокимъ развитіемъ. Но рабочіе тогда не привлекали къ себѣ особеннаго вниманія. Ихъ считали уже испорченными городской жизнью и стремились въ деревню «къ настоящему идеальному неиспорченному народу», который «откликнется на призывъ не отдѣльными случайными лицами, а цѣлыми массами». Прежде всего хотѣли научиться какому-нибудь бродячему ремеслу для того, чтобы имѣть предлогъ путешествовать по деревнямъ и останавливаться въ каждой, сколько нужно. Самое лучшее—казалось большинству въ кружкѣ Алексѣевой—сдѣлаться бродячими сапожниками.

— Но вѣдь учиться долго,—возражали имъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Хорошаго шитья народъ не требуетъ,—отвѣчали защитники этого ремесла,—было бы прочно, а потому и выучиться можно въ какія-нибудь двѣ—три недѣли.

Такъ и было рѣшено сдѣлать. Послали въ Петербургъ за однимъ сапожникомъ-финляндцемъ, сочувствовавшимъ дѣлу и уже учившимъ нѣкоторыхъ въ Петербургѣ, а въ ожиданіи его пріѣзда продолжали свои мечты о наступающемъ лѣтѣ.

Въ началѣ апрѣля, какъ первыя перелетныя птицы приближающейся весны, въ квартиру Алексѣевой начали прибывать одни за другими временные гости. Большинство ихъ были совершенно незнакомые люди съ рекомендательными записочками изъ Петербурга, или знакомые лишь съ двумя—тремя изъ находившихся въ Москвѣ, и всѣ они принимались, какъ братья, съ которыми не могло быть и рѣчи о своемъ или чужомъ. Началось движеніе въ народъ. Въ продолженіе двухъ или трехъ недѣль съ каждымъ поѣздомъ изъ Петербурга пріѣзжало по нѣскольку лицъ, и на вопросъ: «Куда вы ѣдете?» получался всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Въ народъ! Пора!

Нигдѣ не чувствовалось сильнѣе, чѣмъ въ этомъ пунктѣ, вся сила начинающагося движенія. Одинъ за другимъ, и отдѣльными

лицами, и цѣлыми группами, являлись всѣ новые и новые посѣтители, неизвѣстно какими путями получавшіе всегда одинъ и тотъ же адресъ—Алексѣевой. Пробывъ сутки или болѣе, они уѣзжали далѣе, провожаемые поцѣлуями, объятіями и всякими пожеланіями, какъ старые друзья и товарищи, идущіе на опасный подвигъ, и затѣмъ безъ слѣда исчезали съ горизонта въ какой-то безпредѣльной дали. Настроеніе всѣхъ окружающихъ стало дѣлаться все болѣе и болѣе лихорадочнымъ.

— Нужно спѣшить и намъ, — говорили всѣ и торопили присылку изъ Петербурга сапожника, который почему-то все не ѣхалъ.

Наконецъ, явился и онъ—бѣлокурый добродушный финляндецъ, лѣтъ двадцати семи. Мы съ Алексѣевой побѣжали пріискивать квартиру для мастерской, пробѣгали напрасно почти цѣлый день по различнымъ улицамъ, не находя ничего подходящаго, какъ вдругъ на однѣхъ воротахъ увидѣли надпись: «сдается квартира подъ мастерскую», а надъ этой надписью «домъ г-жи Печковской».

— Вотъ,—говорю я,—было бы отлично, вѣдь это мать товарища, съ которымъ я живу. Если у дворника возникнутъ какія-нибудь подозрѣнія, онъ ей скажетъ, а она—сыновьямъ, и мы будемъ тотчасъ предупреждены.

Алексѣева тоже очень обрадовалась этому и, осмотрѣвъ немедленно квартирку, занимавшую второй этажъ и содержавшую три или четыре пустыхъ комнатки, мы сейчасъ же наняли ее. На слѣдующій день я побѣжалъ съ двумя—тремя изъ новыхъ своихъ знакомыхъ накупать всевозможные инструменты, колодки и кожи. И работы тотчасъ начались.

Я самъ не участвовалъ въ нихъ въ первые дни, потому что переживалъ въ это время мучительный переломъ. Я уже говорилъ, что мое положеніе въ семьѣ не было скрѣплено тѣми узами, которыя связываютъ членовъ другихъ семей помимо ихъ собственной воли. Я зналъ чувства моего отца, считавшаго «нигилистовъ» за шайку провокаторовъ и голяковъ, изъ зависти желающихъ устроить коммунизмъ для того, чтобы воспользоваться имуществомъ лучше обставленныхъ классовъ, и вовлекающихъ неопытныхъ юнцовъ во всевозможныя преступленія для того, чтобы эксплуатировать ихъ потомъ подъ угрозой доноса. Мнѣ казалось, что мое присоединеніе къ этой его «шайкѣ» будетъ равносильно полному и безвозвратному разрыву съ семьей и приведетъ въ невыразимое отчаяніе мою мать. Въ отцѣ, казалось мнѣ, гордость заглушитъ ту любовь, которую онъ можетъ ко мнѣ чувствовать. Онъ навсегда запретитъ вспоминать мое имя и привыкнетъ къ мысли, что меня никогда не существовало. Но мать—не то. Я представлялъ ее себѣ плачущей навзрыдъ, уткнувъ лицо въ подушку, и этотъ образъ надрывалъ мнѣ душу.

Затѣмъ явились мысли о моей будущей естественно-научной дѣятельности, къ которой я стремился всей душой и которой прида-

валъ такое высокое значеніе для будущаго счастья человѣчества. Когда я взглядывалъ на свои коллекціи, обвѣшивавшія всѣ стѣны комнаты, на микроскопъ, на окна со стклянoчками всевозможныхъ вонючихъ настоевъ для инфузорій, на ряды научныхъ книгъ надъ кроватью, на которыя шли за много лѣтъ почти всѣ мои карманныя деньги, мнѣ казалось, что со всѣмъ этимъ я не въ силахъ разстаться.

— Вотъ что значитъ собственность!—думалъ я. Какъ она притягиваетъ къ себѣ человѣка, и какъ правы *они*, когда говорятъ, что не человѣкъ владѣетъ собственностью, а она имъ.

Въ эти нѣсколько дней, когда я стоялъ одной ногой здѣсь, а другой тамъ, я совершенно измучился и похудѣлъ. Спать я почти совсѣмъ не могъ, и товарищи считали меня больнымъ. Ни съ кѣмъ я не совѣтовался. Я хотѣлъ рѣшить этотъ вопросъ одинъ, на свою личную отвѣтственность. Когда я вспоминалъ о своей семьѣ, мнѣ приходило въ голову, что вѣдь у каждаго изъ нихъ есть то же семья, и они жертвуютъ этимъ всѣмъ для освобожденія человѣчества. Когда я вспоминалъ о своихъ мечтахъ сдѣлать важныя открытія въ наукѣ и этимъ принести пользу всѣмъ будущимъ поколѣніямъ, мнѣ приходило въ голову, что вѣдь этимъ всѣмъ жертвуютъ и они, что вѣдь они ушли по научному пути гораздо дальше меня, на нѣсколько лѣтъ дальше. Сверхъ того, развѣ возможно заниматься наукой при окружающихъ условіяхъ, не сдѣлавшись человѣкомъ, черствымъ душою, а вѣдь черствому человѣку природа не захочетъ открыть своихъ тайнъ. Значитъ, объ этомъ предметѣ теперь нечего и думать. Если я равнодушно оставлю своихъ новыхъ друзей идти на гибель, я навсегда потеряю къ себѣ уваженіе и ни на что порядочное уже не буду способенъ. Голосъ Алексѣевой:

Бурный потокъ,
Чаща лѣсовъ,
Голыя скалы—
Вотъ мой пріютъ!—

звенѣлъ безъ конца у меня въ ушахъ. Мнѣ представлялась партизанская война, которая, вѣроятно, начнется въ это лѣто, и я видѣлъ моихъ новыхъ друзей разсѣянными по лѣсамъ и не имѣющими другого пріюта, кромѣ обрывистыхъ береговъ потоковъ и голыхъ скалъ. Еще хуже, я представлялъ ихъ въ тюрьмахъ, можетъ быть, въ пыткахъ, въ сырыхъ рудникахъ... А я буду въ это время спать въ своей мягкой постели,—думалъ я. Лично я вовсе не чувствовалъ какой-либо боязни передъ тюрьмой и рудниками. Совершенно напротивъ: мысль объ опасности всегда имѣла для меня что-то жутко-привлекательное. Ночевки «въ чащѣ лѣсовъ» подъ деревьями нашего парка я постоянно устраивалъ себѣ каждое лѣто, тайно вылѣзая черезъ окно изъ своей комнаты послѣ того, какъ мать уходила, попрощавшись со мной, и весь домъ погружался въ сонъ.

Захвативъ съ собою на всякій случай заряженное ружье и кинжалъ и завернувшись въ плащъ, я ложился гдѣ-нибудь въ трущобѣ парка, и мнѣ было такъ хорошо тамъ спать подъ свѣтомъ звѣздъ на росистой мягкой травѣ!

А потомъ, когда меня будила свѣжесть утра, еще лучше было чувствовать вокругъ себя всеобщее пробужденіе жизни природы: щебетаніе птицъ и звуки насѣкомыхъ въ окружавшей меня розовой дымкѣ разсвѣта. О тюрьмахъ я думалъ тоже не разъ, и онѣ меня нисколько не пугали. Я представлялъ себя въ мечтахъ брошеннымъ въ мрачное, сырое подземелье, на голый каменный полъ, съ обязательными крысами и мокрицами, ползающими по стѣнамъ, или въ высокой башнѣ, куда сквозь щель вверху пробивается лишь одинокій лучъ свѣта, представлялъ себя умирающимъ въ пыткахъ. никого не выдавъ, и это приводило меня только въ умиленіе. Я самъ себя хоронилъ заживо, какъ жертву за свободу...

«И никто объ этомъ не узнаетъ,—думалъ я... Какъ все это хорошо! Это даже лучше, чѣмъ если бы всѣ узнали, потому что тогда я не могъ бы быть увѣреннымъ, что приношу себя въ жертву безкорыстно».

По временамъ, наоборотъ, я думалъ, что выберусь оттуда и внезапно предстану предъ своими друзьями, которые считали меня погибшимъ. Какъ они будутъ удивлены и обрадованы! Особенно, когда я покажу имъ знаки, оставленные кандалами на моихъ рукахъ и ногахъ, или, еще лучше, два—три оборванныхъ ногтя во время пытки и разскажу имъ о своемъ удивительномъ освобожденіи...

Во всемъ, что я говорю теперь, я не измѣняю по причинѣ давности ни единой іоты. Всѣ эти мысли и мечты, навѣянныя, можетъ быть, массой прочитанныхъ мной романовъ, составляли основу моей внутренней интимной жизни. Я здѣсь не только ничего не преувеличиваю, но, наоборотъ, многаго не договариваю, потому что перечислять все, о чемъ я тогда мечталъ въ этомъ родѣ, и все, что мнѣ приходило въ голову, значило бы исписать цѣлые томы, а это было бы только скучно.

Всевозможныя мысли и чувства такого рода сразу нахлынули на меня и скучились въ моей головѣ въ эти критическіе три или четыре дня моей жизни. Наконецъ, совершился переломъ. Нѣсколько дней я ни разу не ходилъ къ моимъ новымъ друзьямъ-революціонерамъ—и вдругъ почувствовалъ, что больше я не въ состояніи ихъ не видѣть. Но видѣть ихъ—значило идти съ ними, другого выхода я не могъ себѣ представить. Дождавшись утра, я одѣлся, какъ обыкновенно, сѣлъ, какъ обыкновенно, пить чай съ Печковскимъ, котораго я уже познакомилъ съ Алексѣевой, и сказалъ ему, что въ эти дни я много передумалъ и рѣшилъ идти въ народъ со своими новыми товарищами.

— Я это зналъ,—отвѣтилъ онъ, и мнѣ показалось, что на его глазахъ навернулись слезы.

Еще ночью я рѣшилъ раздать товарищамъ по гимназіи всѣ мои коллекціи и имущество, чтобы ничто меня болѣе не удерживало по эту сторону жизни, а книги отдать для основанія общей библіотеки. Напившись грустно чаю, мы встали и начали упаковывать мое имущество, распредѣляя, что кому отдать. Я роздалъ все, даже бѣлье и платье, оставивъ себѣ только кошелекъ съ деньгами, часы и револьверъ, потому что, для чего мнѣ было теперь все остальное?.. Роднымъ я рѣшилъ ничего не писать.

— Вѣдь столько людей тонутъ, проваливаются и вообще исчезаютъ безъ вѣсти! Пусть думаютъ, что погибъ и я.

Затѣмъ съ другимъ товарищемъ, Мокрицкимъ, сыномъ одного изъ московскихъ художниковъ, я пошелъ въ какіе-то ряды подобрать народный костюмъ и, прежде всего, началъ выбирать себѣ самый грубый.

— Тебѣ нельзя одѣваться въ подобное платье, — сказалъ Мокрицкій.—Возьми самый лучшій изъ рабочихъ костюмовъ, а то будетъ слишкомъ рѣзокъ контрастъ съ твоей физіономіей.

Я согласился съ этимъ, и мы выбрали суконный жилетъ съ двумя рядами бубеньчиковъ, вмѣсто пуговицъ, весело побрякивавшихъ при каждомъ шагѣ, нѣсколько ситцевыхъ рубахъ и штановъ, черную чуйку, фуражку и смазные сапоги необыкновенно франтовского вида: верхняя часть ихъ представляла лакированные отвороты, на которыхъ были вышиты круги и другіе узоры синими и красными нитками.

Затѣмъ, замѣтивъ, что мои волосы острижены не по народному, мы пошли къ Мокрицкому, и, усадивъ меня подъ картиной какой-то нимфы, работы своего отца, онъ подстригъ мои волосы «въ скобку», какъ у рабочихъ, а шею подъ «скобкой» начисто выбрилъ отцовской бритвой. Потомъ намазалъ мнѣ волосы постнымъ масломъ и расчесалъ ихъ съ прямымъ проборомъ на обѣ стороны. Въ этомъ костюмѣ и видѣ я тотчасъ же явился въ нашу сапожную мастерскую и, ранѣе, чѣмъ окружающіе успѣли опомниться, заявилъ имъ прямо:

— И я рѣшилъ тоже идти въ народъ!

Алексѣева, сидѣвшая посреди остальныхъ на деревянномъ обрубкѣ и разсмѣявшаяся сначала при видѣ моего переодѣванія, взглянула на меня при этихъ словахъ какъ-то особенно, и мнѣ показалось, что на лицѣ ея выразился испугъ... Но тотчасъ же она встала и, протягивая мнѣ обѣ руки, сказала:

— Какъ это хорошо съ вашей стороны!

Остальные всѣ тоже повскакали со своихъ мѣстъ. Санька Лукашевичъ первый, осмотрѣвъ меня со всѣхъ сторонъ съ критическимъ видомъ знатока, вдругъ разсмѣялся и сказалъ:

— Чортъ знаетъ что такое! Взглянешь сзади — настоящій рабочій, а взглянешь спереди – переодѣтая мужичкомъ актриса!

Я тоже смѣялся и повертывался во всѣ стороны, давая разсмотрѣть свой костюмъ во всѣхъ подробностяхъ; затѣмъ сейчасъ же выбралъ себѣ колодку и кожу и, подъ руководствомъ нашего «мастера», съ величайшимъ усердіемъ принялся вставлять щетину въ дратву и шить свой первый крестьянскій башмакъ.

О только что розданномъ имуществѣ и о всемъ пережитомъ мною въ эти дни я никому ничего не сказалъ.

Н. А. Морозовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Допросъ.

— Ты была не одна... Кто же, мужъ или братъ,
Жизнь твою молодую губя,
Приготовилъ изъ грома и вихря снарядъ,
На убійство толкнувши тебя?
— Или тайный любовникъ? Вѣдь ты молода,
Ты свѣтлѣе весенней зари...
Кто, жестокій, разбилъ твою жизнь навсегда,
Кто сказалъ: „Отомсти и умри?..“—

Но молчала она... Только въ черныхъ глазахъ
Торжество загорѣлось на мигъ...
Такъ, порою, въ грозу, далеко въ небесахъ
Вдругъ сверкнетъ чей-то пламенный ликъ.

С. Ивановъ-Райковъ.

АНДРЕЙ ФЕСТЪ.

Романъ изъ крестьянской жизни.

Людвига Тома. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой.

XII.

Шестого декабря прежній эрльбахскій старшина получилъ письмо окружного начальника и прочелъ его въ собраніи комитета черезъ два дня. Фестъ присутствовалъ при томъ, какъ учитель Штегмюллеръ прочелъ вслухъ: „избраніе Андрея Феста не утверждается". Штегмюллеръ откашлялся, произнеся эти слова.

— А теперь слѣдуютъ причины,—сказалъ онъ,—но ихъ не зачѣмъ читать. Онѣ касаются только Феста. Онъ прочтетъ ихъ самъ, если захочетъ обжаловать рѣшеніе окружного управленія.

— Конечно. Намъ не зачѣмъ выслушивать все это,—сказалъ Клойберъ.—Наше дѣло только позаботиться о новыхъ выборахъ.

— Я требую, чтобы все было прочтено,—сказалъ Фестъ.

Штегмюллеръ повернулся къ нему и отрицательно покачалъ головой.

— Право же въ этомъ нѣтъ надобности, Фестъ,—сказалъ онъ.—Почему вы настаиваете на чтеніи?

— Почему? Потому что у меня нѣтъ секретовъ.—Фестъ выступилъ впередъ, сильно взволнованный.—Вы говорите такъ,—сказалъ онъ,—точно я боюсь разоблаченій. Нѣтъ, меня не пугаетъ бумага, которая у васъ въ рукахъ, господинъ учитель.

— Вѣрю вамъ, но къ чему лишнія волненія? Зачѣмъ читать публично то, что касается только васъ.

— Не нужно игры въ прятки. Пусть открыто говорятъ, если знаютъ про меня что-нибудь худое. Пожалуйста, прочтите все письмо цѣликомъ.

— Какъ хотите, — сказалъ Штегмюллеръ и сталъ читать: — „Окружное управленіе рѣшило не утверждать выборовъ по многимъ причинамъ. Противъ Андрея Феста имѣется показаніе покойнаго священника Хельда; онъ обвинялъ Феста въ крайне дурномъ обращеніи съ его старикомъ отцомъ, который показывалъ священнику знаки возмутительныхъ побоевъ. Хотя эти обвиненія высказаны были давно и въ свое время не были подтверждены доказательствами, все же, на основаніи ихъ, администрація должна отказать въ утвержденіи выборовъ. Кромѣ того, по показаніямъ нѣкоторыхъ обывателей, Андрей Фестъ не пользуется общимъ уваженіемъ, необходимымъ для того, чтобы занимать столь отвѣтственный постъ. Существуетъ также опасность, что его избраніе можетъ привести къ препирательствамъ и спорамъ, нарушающимъ тишину и порядокъ среди населенія. Уже въ настоящее время дѣло доходило до оскорбленій и даже до дракъ, въ которыхъ Андрей Фестъ былъ нападающей стороной. Легко предположить, что выборъ его послужитъ поводомъ къ новымъ столкновеніямъ, несовмѣстимымъ съ достоинствомъ старшины и пагубнымъ для его авторитета. Вотъ почему рѣшено отказать въ утвержденіи“.

Штегмюллеръ положилъ бумагу на столъ.

— Это все? Больше ничего не сказано въ письмѣ?—спросилъ Фестъ.

— Да, я прочелъ все.

— Такъ позвольте мнѣ сказать теперь два слова.

— Да, но...

— Пожалуйста, безъ „но“, Клойберъ. Я спрашиваю васъ всѣхъ, вѣритъ ли кто-нибудь тому, что здѣсь сказано?

Никто не отвѣтилъ.

— Если кто-нибудь изъ васъ знаетъ обо мнѣ дурное, пусть скажетъ мнѣ въ глаза, чтобы я могъ оправдаться.

— До послѣдняго времени я ничего дурного не слышалъ,—сказалъ Цвергеръ.

Другіе молчали, ясно показывая, что это ихъ не касается. Они равнодушно глядѣли передъ собой въ пространство, или выглядывали изъ окна. Фестъ сталъ выходить изъ себя.

— Такъ если никто не слыхалъ ничего, въ чемъ же сказывается дурное отношеніе ко мнѣ, о которомъ тутъ пишутъ? Значитъ, вы должны признать, что это ложь.

— Намъ не полагается обсуждать распоряженія окружного управленія,—сказалъ Клойберъ.

— Но ты видишь же, что все это однѣ выдумки. Если не знаешь, то разспроси другихъ. Довольно у меня сосѣдей, которые рады были бы подхватить, если бы слышали

что дурное про меня. Вотъ тутъ сосѣдъ Гамбергеръ: скажи, слышалъ ты когда-нибудь, чтобы я ругалъ отца? Слышалъ ты, можетъ быть, чтобъ онъ жаловался?

Гамбергеръ смущенно вертѣлъ шляпу въ рукахъ.—Я не слушаю, что тамъ у тебя говорятъ,—сказалъ онъ.—Я вообще не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла.

— Соврать не смѣешь, а правду сказать не хочешь! Не хочешь высказаться за меня, а самъ знаешь, что, по справедливости, долженъ это сдѣлать.

— Я твоихъ приказаній не желаю слушать.

— Кто молчитъ, когда долженъ говорить, тотъ дуракъ и хуже всякаго лгуна.

— Какъ ты смѣешь позорить меня?

— Ты-то хорошъ— да и другіе не лучше.

— Фестъ, опомнитесь, — сказалъ учитель, — перестаньте говорить въ такомъ тонѣ.

— Нѣтъ, теперь я буду говорить. Я вовсе не думалъ, что всѣ сейчасъ же заступятся за меня. Я знаю, что каждый долженъ самъ заботиться о своемъ дѣлѣ. Но вѣдь это не только мое дѣло—оно всѣхъ касается. Вѣдь вы же меня избрали. А теперь стоите и никто слова не вымолвитъ, хотя всѣ знаютъ, что тутъ на меня взвели ложь.

— Мы ничего не знаемъ,—сказалъ Клойберъ,—и не намъ объ этомъ судить. Я не путаюсь въ то, что меня не касается. Если все, что тутъ написано, неправда, такъ ты ужъ долженъ знать, куда обратиться. А меня изволь оставить въ покоѣ.

Онъ взялъ шляпу со стѣны и ушелъ. За нимъ пошелъ Гамбергеръ и четверо другихъ. Когда они вышли, Фестъ попробовалъ разсмѣяться, но не могъ.

— Смотрите,—сказалъ онъ,—вотъ васъ еще осталось нѣсколько человѣкъ. Достанется вамъ отъ священника, когда онъ узнаетъ.

— Ты вѣдь знаешь, что мнѣ это все равно, — сказалъ Цвергеръ. — Я ничего не говорю только потому, что нечего говорить. Ты долженъ самъ дѣйствовать.

— Я и дѣйствую. Но если бы у священника было не больше помощниковъ, чѣмъ у меня, то вотъ эта бумага не была бы написана.

— Я ему не помогалъ и презираю тѣхъ, которые помогали.

— Если вы хотите подать жалобу, господинъ Фестъ, то я вамъ ее составлю,—сказалъ Штегмюллеръ.

— Писанная жалоба не поможетъ. Я самъ поѣду въ окружное управленіе.

— Какъ хотите. Но я бы съ удовольствіемъ написалъ вамъ.

— Благодарю васъ, господинъ учитель.

— Если ты поѣдешь въ окружное управленіе,— сказалъ Цвергеръ,—такъ возьми старика Вейса съ собой. Онъ лѣтъ двадцать состоялъ при церкви у Хельда, навѣрное, слыхалъ что-нибудь и сможетъ показать въ твою пользу.

— Да захочетъ ли онъ?

— Почему ему не захотѣть? Я бы тоже охотно поѣхалъ съ тобой въ управленіе — да это ни къ чему. Я обо всей этой исторіи ничего не знаю, и вообще для такихъ дѣлъ не пригоденъ.

— Спасибо и на добромъ словѣ, Цвергеръ. А теперь прощай — и смотри, чтобы Бауштетеръ не узналъ, что ты хотѣлъ помочь мнѣ и далъ мнѣ хорошій совѣтъ.

На слѣдующее утро Фестъ запрегъ въ телѣгу своего вороного и медленно поѣхалъ вдоль Эрльбаха. Было еще темно; въ конюшняхъ всюду горѣлъ свѣтъ и слышалась утренняя возня.

— Ужъ начинаютъ кормить лошадей, — проговорилъ Фестъ, погоняя коня. Онъ доѣхалъ до послѣдняго домика на деревенской улицѣ и тамъ остановился. Изъ темноты къ нему вышелъ человѣкъ и поздоровался.

— Съ добрымъ утромъ, Фестъ.

— Съ добрымъ утромъ, Флоріанъ. Садись ко мнѣ.

Это былъ старикъ Флоріанъ Вейсъ. У него былъ клочокъ земли, но онъ съ осени передалъ все хозяйство своему зятю, и самъ больше не работалъ. Ему было за шестьдесятъ, но видъ у него былъ еще совершенно свѣжій и бодрый. Онъ молодцевато вскочилъ въ телѣгу, Фестъ натянулъ возжи, и вороной тронулъ.

Скоро ѣхать они не могли: было мокро и грязно, и колеса глубоко врѣзывались въ разрыхленную сырую землю. На поляхъ лежалъ свѣже выпавшій снѣгъ, но очень тонкимъ слоемъ, который могъ разлетѣться за одно утро отъ теплаго вѣтра. На бѣлой поверхности уже виднѣлись темныя пятна.

— Трудно ѣхать,—сказалъ Фестъ.

— Да, трудно.

Изъ Веблинга доносился колокольный звонъ.

— Будетъ оттепель,—сказалъ Вейсъ.—Колокола издалека слышны. Вѣтеръ дуетъ съ горъ.

— Слишкомъ рано снѣгъ выпалъ въ этомъ году. Это всегда предвѣщаетъ плохую зиму.

— Вѣрно, вѣрно.

Они опять замолчали. Стало разсвѣтать. На востокѣ показались длинныя розовыя полосы. Вейсъ указалъ въ ту сторону пальцемъ и сказалъ: — Ну, вотъ, сегодня опять будетъ дождь.

Когда дорога стала подниматься вверхъ и пришлось ѣхать еще медленнѣе, Фестъ обернулся къ своему спутнику.

— А ты знаешь, Флоріанъ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ я ѣду въ Нусбахъ?

— Знаю. Тебѣ въ окружное управленіе нужно—по твоему дѣлу.

— Цвергеръ думаетъ, что ты можешь посодѣйствовать мнѣ.

— Онъ и мнѣ это сказалъ. Нѣтъ, Фестъ, ни я, ни кто другой не можетъ тебѣ помочь. Повѣрь мнѣ.

— Такъ ты думаешь, что Хельдъ дѣйствительно написалъ такую бумагу про меня?

— Вовсе нѣтъ. Только это все равно: ты всетаки проиграешь свое дѣло.

— Если бы я могъ доказать.

— Ну тебя, Фестъ. Неужели ты вѣришь, что можно тягаться съ чиновниками или съ церковью и выйти правымъ? Больно ты еще, видно, молодъ. Поживешь съ мое, перестанешь вѣрить.

— Я не уступлю, Флоріанъ.

— Уступишь: заставятъ уступить.

— Развѣ ты что нибудь слышалъ?

— Про твое дѣло? Нѣтъ. Только вотъ то слыхалъ, что всѣ говорятъ кругомъ. Да мнѣ и слышать не нужно: я такъ знаю. Есть у меня дома такая книжечка. Мнѣ ее далъ старикъ Гумпошъ изъ Веблинга. Въ ней все прописано о томъ, какъ съ нашимъ братомъ, крестьяниномъ, поступаютъ, и какъ всегда поступали. У насъ вѣдь почти никто про это не знаетъ и потому всѣхъ такъ легко обманываютъ. Но я-то знаю, потому что часто читаю эту книжечку и все запоминаю въ точности.

— Не всѣ люди на одинъ ладъ, Флоріанъ. Одного можно скрутить, а другого нѣтъ.

— Не всѣ на одинъ ладъ - это вѣрно. Одному въ одномъ мѣстѣ сапогъ жметъ, другому въ другомъ, но конецъ все тотъ же у всѣхъ. Всякому худо приходится, чуть только заартачится. Духовенство и дворяне, и чиновники — всѣ они другъ за дружку стоятъ съ самаго начала свѣта. Прежде и я этого не понималъ, а теперь мнѣ все ясно стало.

— Я съ тобой, конечно, не могу спорить. Я рѣдко когда читаю: недосугъ.

— Я тоже сначала ничего не зналъ. Прежде, бывало, я часто пріѣзжалъ въ городъ и все не понималъ, откуда они деньги берутъ. Все-то они дома строятъ, одинъ другого выше, одинъ другого красивѣе. А лавки, а трактиры, а кареты! Такое тамъ все, что я только глаза таращилъ и ничего въ толкъ не бралъ. Откуда у нихъ деньги?—все спрашивалъ я. Ужъ я было думалъ, что они, можетъ, въ лотерею выигрываютъ, или тамъ изъ-подъ земли достаютъ. Ну, а теперь я знаю— это они все у насъ, крестьянъ, выматываютъ.

— Да что тамъ у насъ достанешь, Флоріанъ? Особенно теперь, когда времена такъ плохи.

— Потому времена и плохи для насъ, что они все отнимаютъ. Ты не такъ считай, что только и есть что Эрльбахъ, да Веблингъ. Тутъ-то немного вытянешь, что и говорить. Но если со всѣхъ деревень въ Баваріи пособрать, то кое-что и наберется.

— Можетъ, ты и правду говоришь, только я не понимаю тебя.

— Я тебѣ дамъ книжку, почитай самъ.

— Моего дѣла вѣдь все это не касается.

— Нѣтъ касается. Ты только этого не видишь. Подумай, Фестъ: вѣдь насъ куда больше, чѣмъ ихъ; какъ же они могли бы управлять нами, если бы не такъ держались другъ за дружку? Понимаешь? Это они отлично знаютъ, а потому и поддерживаютъ одинъ другого противъ насъ. Чиновники за церковь стоятъ, а церковь—за знать. А тамъ всѣ они и дѣлятъ деньги промежъ себя. Какъ же ты хочешь идти одинъ противъ духовенства? Вѣдь никто не станетъ на твою сторону. Крестьяне по глупости не захотятъ впутываться, а окружной начальникъ даже если бы хотѣлъ, то не можетъ. Ему запрещено... изъ министерства, а то, можетъ, еще кой откуда повыше.

— Одно правда, Флоріанъ, — это, что крестьяне не держатся дружно. Посмотрѣлъ бы ты вчера: каждый думалъ только о томъ, чтобы себя выгородить. И такъ оно будетъ продолжаться, пока не окрѣпнетъ у насъ крестьянскій союзъ.

— Не говори ты мнѣ о союзѣ, сдѣлай милость. Я вѣдь знаю, чѣмъ это кончится. Вотъ помяни мои слова, когда пройдетъ нѣсколько лѣтъ. Сначала всѣ будутъ говорить, что они братья другъ дугу, потомъ начальство переманитъ на свою сторону тѣхъ, кто пошустрѣе—деньги имъ дастъ, — посѣетъ смуту, и такъ все прахомъ пойдетъ.

— Нѣтъ, я всетаки думаю, что кой-какой толкъ у насъ выйдетъ.

— Вотъ увидишь. Деньгами всего добиться можно. У кого деньги, тотъ всѣмъ управляетъ. Вѣдь не въ первый это разъ

начинается. И прежде бывали бунты. Но всегда являлись предатели, и крестьяне проигрывали свое дѣло. Зачинщиковъ казнили, вѣшали и сжигали сотнями, а уцѣлѣвшіе должны были по прежнему платить и платить безъ конца. Нѣтъ, я не вѣрю, что можетъ стать по иному. Наши враги дѣйствуютъ дружно, и, кромѣ того, имѣютъ деньги.

— Современемъ и крестьяне, быть можетъ, поймутъ, что нужно дѣйствовать дружно.

— Нѣтъ, Фестъ, никогда не поймутъ, потому что они не довѣряютъ другъ другу; чѣмъ тѣснѣе они живутъ, тѣмъ меньше любятъ сосѣдей. Крестьянинъ больше повѣритъ тому, кто живетъ за часъ пути отъ него, чѣмъ сосѣду. Въ томъ-то и штука. Повѣрь мнѣ, нечего надѣяться, что народъ поумнѣетъ. Вотъ увидишь на своемъ дѣлѣ.

— Я настою на своемъ правѣ.

— Увидимъ. Ну, а пока нужно заплатить шоссейный сборъ.

Они подъѣхали къ Нусбахскому пригорку; изъ маленькаго домика у самой дороги вышла, прихрамывая, старая женщина; она держала въ рукѣ красный билетикъ.

— А я ужъ думала, что ты проѣдешь мимо.

— И боялась, что твой грошъ пропадетъ,—сказалъ Вейсъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я васъ обоихъ признала. Вѣдь это Фестъ изъ Эрльбаха. За нимъ не пропадетъ.

Она дала имъ билетикъ и получила плату. Вороной тронулъ и пошелъ бодрымъ шагомъ. Онъ чувствовалъ близость стойла и овса.

Жители Нусбаха выходили какъ разъ изъ церкви. Молодыя дѣвушки граціозно перескакивали черезъ лужи, старыя женщины спокойно ходили по грязи въ своихъ толстыхъ войлочныхъ башмакахъ. Мужчины останавливались и оглядывали вороного, котораго Фестъ погонялъ, слегка прищелкивая языкомъ. Подъѣхавъ къ окружному управленію, противъ большой пивной, онъ остановился.

— Войдите.

Отенедеръ обернулся и взглянулъ на вошедшихъ двухъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, младшій, очень высокій, показался ему знакомымъ. Онъ, несомнѣнно, ужъ гдѣ-то видѣлъ это рѣзко очерченное лицо.

— Кто вы? Что вамъ нужно?

— Я изъ Эрльбаха. Мое имя Фестъ.

— Ахъ да, это васъ выбрали старшиной? Мм... Вы, вѣрно, по этому дѣлу и пріѣхали? Подождите, пожалуйста, минутку.

Отенедеръ всталъ, потянулъ за звонокъ и велѣлъ вошедшему служителю взять въ канцеляріи у дежурнаго чиновника дѣло о выборахъ въ Эрльбахѣ. Когда служитель вышелъ, Отенедеръ снова сѣлъ, закинулъ ногу за ногу и, взявъ линейку со стола, сталъ небрежно помахивать ею.

— Вы хотите подать жалобу? спросилъ онъ Феста.

— Прежде всего, я хотѣлъ бы съ вами поговорить, господинъ окружной начальникъ.

— Извольте. Но кто это съ вами пришелъ?

— Это Флоріанъ Вейсъ изъ Эрльбаха.

— Какое онъ имѣетъ отношеніе къ вашему дѣлу?

— Собственно я никакого отношенія къ самому его дѣлу не имѣю, - сказалъ Вейсъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, — но онъ взялъ меня съ собой, потому что я служилъ при церкви и хорошо зналъ пастора Хельда.

— Это никакого значенія не имѣетъ. Увѣряю васъ, Фестъ, что въ вашихъ же интересахъ лучше, чтобы никакихъ свидѣтелей не было при нашемъ разговорѣ.

— Я хотѣлъ бы только знать, запрещаетъ ли законъ Вейсу присутствовать здѣсь?

— Нѣтъ, на это закона нѣтъ. Но его присутствіе излишне и можетъ оказаться непріятнымъ для васъ.

— Если законъ не запрещаетъ, такъ пусть онъ лучше здѣсь останется. То, что я скажу, могутъ слышать всѣ.

— Какъ хотите. Принесли дѣло, Майергоферъ?

Служитель передалъ Отенедеру дѣло въ синей обложкѣ.

— „Выборы въ Эрльбахѣ“,—прочелъ Отенедеръ вслухъ.— Хорошо. Можете идти, и если кто-нибудь придетъ, пусть обождетъ. Я занятъ.

Отенедеръ положилъ папку передъ собой и раскрылъ ее.

— Ну, такъ вотъ какъ обстоитъ дѣло, Фестъ. Васъ выбрали 1-го ноября въ старшины большинствомъ девяти голосовъ. Выборы состоялись въ законномъ порядкѣ. Но вы знаете, что выборы общины должны быть утверждены окружнымъ управленіемъ для того, чтобы войти въ силу. Выборъ васъ въ старшины долженъ быть утвержденъ мною, какъ представителемъ административной власти.

- Да, это дѣйствительно такъ устроено, — сказалъ Вейсъ. Я ужъ объяснялъ Фесту по дорогѣ сюда.

— Вотъ какъ. Прекрасно, что вы все это знаете, но всетаки не перебивайте меня... Такъ вотъ, какъ видите, необходимо утвержденіе выборовъ мѣстной администраціей. Я полагаю, что нѣтъ надобности объяснять вамъ, почему государственная власть оставила за собой это право по закону?

— Мы сами это знаемъ,—снова вмѣшался Вейсъ.

— Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Впрочемъ, я имѣю дѣло не съ вами, а съ Фестомъ. Если хотите, я дамъ вамъ юридическое поясненіе... я принципіально никогда въ этомъ не отказываю.

— Нѣтъ, мнѣ нужно совсѣмъ другое объясненіе.

— Мы сейчасъ дойдемъ до него. Итакъ, мое право отказывать въ утвержденіи совершенно законно. И относительно васъ я этимъ правомъ воспользовался.

— На какомъ основаніи?

— Это я подробно изложилъ въ оффиціальной бумагѣ. Если желаете, я прочту вамъ.

— Благодарю васъ. Вашу бумагу уже прочелъ вчера въ собраніи нашъ учитель.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, мнѣ достаточно сослаться на приведенныя мною тамъ основанія. Коротко и ясно, Фестъ: я убѣдился по извѣстнымъ вамъ причинамъ, что вы не годитесь для почетной должности старшины.

— По вашему, значитъ, я негодяй.

— Зачѣмъ употреблять такія выраженія. Это ни къ чему не ведетъ.

— Послушайте. Для васъ это коротко и ясно, а я такъ полагаю, что нельзя коротко и ясно ошельмовать человѣка, опозорить его ни за что, ни про что. Вы говорите, что по извѣстнымъ мнѣ причинамъ, вы считаете меня недостойнымъ занять почетную должность. Но эти причины мнѣ вовсе не извѣстны, и потому не извѣстны, что ихъ не существуетъ, что все это гнусная ложь и клевета.

— Подождите, Фестъ. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы выслушать васъ, — но не говорите въ такомъ тонѣ.

— Можетъ быть, вы нашли бы болѣе красивыя слова, но я ихъ не знаю. Я простой человѣкъ и прямо говорю, что думаю. Но какъ бы поступили вы, если бы про васъ сказали гадость, съ цѣлью повредить вамъ? Если бы вы знали, что ни слова правды въ томъ, что говорятъ, нѣтъ — развѣ бы вы не назвали это ложью? Какъ же иначе назвать?

— Я бы не ругался, а постарался спокойно и прилично доказать правду.

— Ну, простите. Позвольте только спросить васъ, почему вы рѣшили, что я не достоинъ быть старшиной?

— Прежде всего потому, что вы очень дурно обращались съ вашимъ отцомъ?

— Откуда вы это взяли?

— Да вѣдь вы отлично знаете... зачѣмъ же спрашивать? Изъ записи покойнаго священника Хельда.

— Когда священникъ Хельдъ былъ живъ, вы этого не слыхали отъ него. А въ то, что онъ оставилъ какую-то запис-

ку, я не вѣрю. Я хорошо зналъ священника Хельда; неправды онъ бы не написалъ. А вѣдь ужъ я-то долженъ знать, обращался ли я дурно съ моимъ отцомъ, или нѣтъ?

— Очевидно, должны.

— Ну, а такъ какъ я знаю, что это—неправда, то и могу сказать, что священникъ Хельдъ этого не писалъ. Онъ негодяемъ не былъ, и напрасно его втягиваютъ въ эту гнусную исторію.

— Говорите спокойнѣе, Фестъ, а то я долженъ буду прервать разговоръ.

— Я, кажется, опять рѣзко выразился? Простите... да и вы будьте снисходительнѣе. Подумайте сами. Вы, можетъ, видѣли священника Хельда раза два, а то и совсѣмъ его не знали, а я съ дѣтства учился у него закону Божію; онъ меня вѣнчалъ, на моей свадьбѣ почетнымъ гостемъ былъ, моихъ дѣтей крестилъ. Онъ былъ всегда ласковъ со мной, помогалъ мнѣ совѣтомъ, когда я нуждался, всегда довѣрялъ мнѣ и хорошо относился ко мнѣ, зная, что я честный человѣкъ и живу тяжелымъ трудомъ. И такъ онъ всю жизнь поддерживалъ меня. Еще за двѣ недѣли до смерти онъ былъ у меня въ домѣ. И чтобы я повѣрилъ, что этотъ человѣкъ написалъ клевету про меня? Да развѣ это возможно?

— Объ этомъ я не могу судить. Я всего этого не знаю.

— Такъ спросите у другихъ. Вотъ, Вейсъ можетъ подтвердить: онъ знаетъ, какъ священникъ Хельдъ относился ко мнѣ.

— Теперь дѣло не въ этомъ, а...

Въ эту минуту Вейсъ счелъ нужнымъ вставить въ разговоръ свое вѣское слово, но рѣшилъ, что будетъ говорить не такъ прямо, какъ Фестъ, а давая понять, что онъ знаетъ про всѣ скрытыя интриги и что вообще его не проведешь. Онъ выставилъ впередъ правую ногу и лукаво прищурилъ глаза, какъ бы говоря начальнику, что они-то оба понимаютъ другъ друга и безъ словъ.

— Если Фестъ утверждаетъ, — сказалъ онъ, — что я хорошо зналъ священника Хельда, то это полная правда. Я двадцать лѣтъ къ ряду состоялъ при церкви и часто бывалъ у священника въ домѣ, къ тому же, я такой человѣкъ, что люблю присматриваться ко всѣмъ. И я долженъ выразить свое мнѣніе, что господинъ Хельдъ мнѣ весьма нравился. По крайней мѣрѣ въ томъ, что я видѣлъ. Конечно, духовенство и знатные господа—это намъ очень хорошо извѣстно — имѣютъ промежъ себя свои особыя дѣла, которыя они держатъ въ секретѣ. Про эти дѣла, конечно, и господинъ Хельдъ ничего мнѣ не говорилъ. Это, вѣрно, у нихъ клятва

дается молчать, чтобы нашъ братъ, крестьянинъ, ничего не узналъ. Вы вѣдь меня понимаете?

— Нѣтъ, совершенно не понимаю.

— Развѣ? — Вейсъ усмѣхнулся, точно хотѣлъ сказать: — Ну, ну, представляйся! Конечно, не слѣдуетъ открывать карты передъ всякимъ, но вѣдь я-то...

— Не понимаете? — повторилъ онъ.—Ну, это я такъ, къ слову пришлось. Есть вѣдь такія книжечки, гдѣ про все напечатано, и случается, что нашъ братъ иногда раздобудетъ такую книжку. Но про господина Хельда я долженъ сказать, что въ остальномъ онъ мнѣ нравился.

Фестъ обернулся къ нему.

— Скажи-ка — вотъ о чемъ я тебя прошу — возможно ли, чтобы онъ такое написалъ противъ меня?

— Если такъ посмотрѣть, то, конечно, повѣрить нельзя, потому что священникъ Хельдъ всегда хорошо о тебѣ говорилъ. Онъ не разъ повторялъ мнѣ, что когда я состарюсь, то лучше всего бы мое мѣсто при церкви передать тебѣ. Такъ что какъ будто и не слѣдъ ему было такъ писать о тебѣ. Развѣ что ему приказали... конечно, кто-нибудь изъ высшаго начальства.

— Что вы городите? Кто ему могъ приказать?

Отенедеръ терялъ терпѣніе. Простыя слова Феста произвели на него впечатлѣніе. Онъ почувствовалъ въ нихъ правду. Но это впечатлѣніе изгладилось, какъ только заговорилъ Флоріанъ Вейсъ: Отенедеръ сейчасъ же призналъ въ немъ типичнаго хитраго крестьянина. Намековъ Вейса онъ не понималъ, но, повидимому, старикъ наслушался разныхъ глупыхъ и дерзкихъ рѣчей, которыми возбуждаютъ народъ противъ властей.

Положительно Вейсъ все испортилъ. Францъ Отенедеръ былъ не злой человѣкъ и сознательно не допустилъ бы несправедливости. Онъ умѣлъ отличать истину и дѣйствовать сообразно съ этимъ, когда сужденія его не были предвзятыми. Но въ дѣлахъ службы истина и справедливость отходили для него на второй планъ. Тутъ онъ прежде всего имѣлъ въ виду пользу своихъ поступковъ, измѣряя ее своими собственными безцвѣтными понятіями о жизни и общепринятыми взглядами на общественное благо, на государственныя цѣли и гражданскій долгъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло шло о распрѣ между Андреемъ Фестомъ и священникомъ Бауштетеромъ, т. е. о борьбѣ частнаго лица противъ церкви, начальства, правительства. Всѣ симпатіи Отенедера были, конечно, на сторонѣ представителя полезной общественной организаціи — и нужны были очень ужъ вѣскія причины для того, чтобы онъ могъ со-

чувствовать противнику церкви. А безъ сочувствія не могло быть никакого пониманія... Отенедеръ слишкомъ не довѣрялъ всякому крестьянину, чтобы понять Феста. Онъ не предполагалъ въ немъ чуткаго чувства чести, считая, какъ всѣ люди, выросшіе въ узкихъ улицахъ городовъ, что крестьяне способны испытывать только самыя грубыя чувства. Культурный классъ, который гордится умѣніемъ скрывать естественныя чувства, увѣренъ въ своемъ превосходствѣ надъ грубой непосредственностью крестьянъ. Такимъ образомъ, у цѣлаго класса людей отрицаютъ глубину души только потому, что они не знаютъ безсодержательныхъ внѣшнихъ формъ.

Отенедеръ, зараженный предразсудками своего класса, отнесся къ Фесту пренебрежительно. Онъ бы, вѣроятно, не рѣшился такъ грубо осудить человѣка, равнаго себѣ по общественному положенію, но по отношенію къ крестьянину это не казалось ему слишкомъ большой жестокостью. Онъ былъ увѣренъ, что эрльбахскій старшина будетъ только взбѣшенъ отказомъ утвердить его, но на болѣе глубокое душевное страданіе не способенъ. А что значитъ гнѣвъ крестьянина Феста, когда нужно было сдѣлать пріятное священнику! Къ тому же по своему воспитанію Отенедеръ склоненъ былъ безусловно вѣрить представителю власти, когда противъ него говорило только утвержденіе обвиняемаго. На минуту, слушая Феста, онъ поколебался было въ своей увѣренности. но снова укрѣпился въ ней, когда заговорилъ Флоріанъ Вейсъ.

— Кто можетъ приказывать нѣчто подобное?—спросилъ онъ опять старика очень сердитымъ голосомъ.—Вы, вѣрно, вычитали эти нелѣпыя подозрѣнія изъ глупыхъ газетныхъ статей?

Обернувшись въ сторону Феста, онъ продолжалъ:

— Это вы для того привели съ собой вашего земляка, чтобы онъ мололъ такой вздоръ?

— Нѣтъ, я думалъ, что онъ можетъ пригодиться мнѣ, какъ свидѣтель.

Вейсъ замолчалъ. Онъ былъ увѣренъ, что Отенедеръ его понялъ. Иначе бы онъ вѣдь не разсердился. Фестъ-то, конечно, этого не понимаетъ: онъ все еще полагаетъ, что сможетъ поставить на своемъ. Онъ не видитъ, что дѣло его было проиграно съ самаго начала. Вотъ онъ опять говоритъ, точно этимъ можно помочь дѣлу.

— Повторяю, что священникъ Хельдъ не могъ написать это про меня.

— Знаете, Фестъ,—сказалъ Отенедеръ,—вѣдь ваши слова являются обвиненіемъ, и очень тяжкимъ къ тому же. Будьте

осторожны и не заявляйте того, чего вы не можете доказать.

— Я не сказалъ ни одного слова, за которое я не могъ бы поручиться головой. Пусть берегутся тѣ, которые солгали.

— Вы обвиняете кого-нибудь?

— Вотъ я вамъ сейчасъ скажу. Я просилъ священника Бауштетера показать мнѣ бумагу. Онъ отказалъ, а Гиранглю онъ далъ ее читать. Мнѣ онъ сказалъ, что я могу получить бумагу въ окружномъ управленіи. Такъ вотъ я пришелъ къ вамъ: можно мнѣ взглянуть на бумагу?

— Конечно. Извольте.

Отенедеръ сталъ перебирать листы въ папкѣ..

— Листъ третій, четвертый, пятый: копія полученнаго отъ священника Бауштетера документа. Вотъ она. Самого оригинала нѣтъ, онъ возвращенъ господину Бауштетеру.

— Что ему возвращено?

— Оригиналъ, записка, написанная священникомъ Хельдомъ.

— Записка у него? — Какъ же такъ? - священникъ Бауштетеръ сказалъ, что вы мнѣ ее покажите, а теперь вы говорите ,что она у него. Что же это вы меня одурачить хотите!

— Вотъ видишь, Фестъ. Что я тебѣ говорилъ?—кричалъ Вейсъ.

— Да вѣдь это надувательство!—крикнулъ Фестъ,—переставъ сдерживать себя.

— Совѣтую вамъ не повторять подобныхъ словъ.

— Я ихъ не одинъ, а сто разъ повторю. Что я вамъ зауракъ дался? Бауштетеръ надсмѣялся надо мной: иди, молъ, въ окружное управленіе — посмотришь, чего тамъ добьешься. Послѣдняго негодяя не обвинятъ, пока ему въ глаза не сунутъ доказательства его вины. А со мной не церемонятся, дѣлаютъ, какъ вздумается.

— Я не желаю больше разбираться въ этомъ дѣлѣ. Можете подать жалобу на меня, но я больше говорить съ вами не буду.

— Вотъ какъ! Вы приказываете мнѣ молчать, и дѣло съ концомъ. Люди, которые хорошо меня знаютъ и каждый день меня видятъ, избрали меня въ старшины. А вы понятія обо мнѣ не имѣете и вышвыриваете меня, какъ тряпку, запрещаете оказать мнѣ почетъ. И я чтобы это стерпѣлъ и молчалъ!

— Я повторяю, что вы можете обжаловать мое рѣшеніе.

— Да, я имѣю право жаловаться--покорно благодарю!— Я имѣлъ право пожаловаться вамъ на священника, а теперь я имѣю право пожаловаться на васъ кому-то, кто еще выше

А у того тоже будетъ лежать синяя папка на столѣ; онъ заглянетъ въ нее, пожметъ плечами и выгонитъ меня... что тамъ церемониться съ нашимъ братомъ?

— Кажется, на это вы ужъ не можете пожаловаться. Я васъ слушалъ достаточно долго.

— Развѣ вы дѣйствительно выслушали меня? Разсказывалъ я вамъ, какъ священникъ Бауштетеръ тутъ стоялъ и наговаривалъ на меня? Допрашивали вы кого-нибудь изъ людей, которые меня знаютъ? Моихъ сосѣдей? Отецъ мой умеръ, священникъ Хельдъ тоже — врать, ссылаясь на нихъ, не трудно. А вы ему только потакаете: поступай, молъ, какъ вздумается, лги, сколько хочешь. Какъ искать праваго суда, когда его нѣтъ!

Отенедеръ застегнулъ сюртукъ.

— Мнѣ некогда, Фестъ, прощайте,—сказалъ онъ.

Фестъ отряхнулъ волосы.

— Такъ, значитъ, кончено?--спросилъ онъ и, не поклонившись, вышелъ вмѣстѣ съ Флоріаномъ Вейсомъ.

Отенедеръ заложилъ руки за спину и задумчиво остановился среди комнаты. Потомъ онъ подошелъ къ письменному столу и машинально сталъ читать бумагу, которая лежала на самомъ верху подъ синей обложкой.

— Листъ второй: протестъ священника Якова Бауштетера противъ выбора старшины. „Я считаю долгомъ заявить, что Андрей Фестъ грубый, злой человѣкъ, опасный для властей своими необузданными словами и дѣйствіями“.

— Гм,—сказалъ про себя Отенедеръ,—онъ не произвелъ на меня такого впечатлѣнія. Но священнику, конечно, это лучше знать.

— Замѣтилъ ты, какъ онъ взбѣсился, когда я ему сказалъ про книжку? Онъ знаетъ про нее и навѣрное читалъ ее.—Вейсъ остановился на лѣстницѣ и хотѣлъ разъяснить Фесту, какъ тонко сплетены нити интригъ среди начальства. Но Фестъ не слушалъ его.

— Оставь,—сказалъ онъ.—Не охота мнѣ толковать.

Въ пивной онъ быстро осушилъ кружку пива и не коснулся ѣды. Онъ торопился домой. На обратномъ пути онъ все время молчалъ, не обращая вниманія ни на лошадь, ни на Флоріана Вейса. Шелъ сильный дождь.

Вороному тоже, видно, сдѣлалось тоскливо. Онъ плелся лѣнивымъ шагомъ, понуривъ голову. Они ѣхали по совершенно пустынной дорогѣ. Никто не попадался имъ на встрѣчу, никто не обгонялъ ихъ. Далеко кругомъ не видно было ничего живого; только вороны угрюмо сидѣли на деревьяхъ у края дороги. Такъ прошло около часа. Вдругъ Фестъ обернулся къ своему спутнику и сказалъ:

— Ты что-то чудное все говорилъ въ управленіи. Неужели же ты думаешь, что священникъ Хельдъ дѣйствительно написалъ про меня неправду?

— Можетъ статься, что написалъ, — отвѣтилъ Вейсъ. — Если ему велѣли, онъ долженъ былъ послушаться.

— Кто бы ему велѣлъ? Вѣдь тогда у меня никакихъ враговъ не было.

— Можетъ, ты у нихъ ужъ давно на примѣтѣ, только ты этого не знаешь. У нихъ есть такія книжки, куда вписываютъ всякаго, кому не довѣряютъ.

— Все это выдумки, Флоріанъ.

— Подожди, Фестъ, и у тебя когда-нибудь глаза откроются. Что я тебѣ говорилъ по дорогѣ сюда? Ты все думалъ, что докажешь свою правоту, а теперь увидѣлъ, какъ они всѣ другъ за дружку стоятъ. Хельдъ тоже, вѣрно, былъ такой, какъ всѣ: нельзя ему было быть инымъ. Ничего не подѣлаешь, это—истинная правда.

Фестъ ничего не отвѣтилъ. Вороной сердито побѣжалъ, почувствовавъ рѣзкій ударъ кнута по широкой спинѣ.

XIII.

Въ Эрльбахѣ несправедливость разросталась, какъ плевелы, а тѣмъ временемъ въ другихъ мѣстахъ люди боролись за то, чтобы искоренить ее навсегда, и чтобы ничто не мѣшало водворенію добра и справедливости. Нусбахъ вдругъ превратился въ мѣсто, приковывающее къ себѣ общее вниманіе, въ мѣсто, гдѣ происходили очень замѣчательныя событія. О нихъ появлялись отчеты во всѣхъ газетахъ, о нихъ говорили, какъ о знаменательныхъ проявленіяхъ духа времени. Одни видѣли въ нихъ признаки начинающагося просвѣтленія умовъ, другіе—симптомы наростающей разнузданности нравовъ. Все зависѣло отъ точки зрѣнія.

Шюхель, Виммеръ, Прантль—кто зналъ эти имена раньше? Кто слыхалъ про этихъ людей за предѣлами Нусбаха, кто зналъ ихъ въ лицо, кромѣ тѣхъ, которые приходили покупать муку въ Нусбахѣ или давали тамъ сапоги въ починку? А теперь можно было прочесть во всякой газетѣ, что началось серьезное политическое движеніе подъ предводительствомъ нѣкоего Виммера и нѣкоего Прантля. Особенно большой славой пользовался Яковъ Прантль, который даже въ холодную погоду стоялъ цѣлыми часами на торговой площади и такъ грозно хмурилъ брови, точно собирался тутъ же, не трогаясь съ мѣста, превозгласить новый міровой порядокъ. Многіе смотрѣли на него съ нѣко-

торымъ испугомъ. Что-то страшное всегда есть въ людяхъ, потрясающихъ основы.

Кромѣ страха, Прантль внушалъ также преклоненіе передъ своимъ величіемъ, какъ человѣкъ, имя котораго попало въ газеты; онъ тѣмъ самымъ сразу возвысился надъ уровнемъ скромныхъ нусбахскихъ обывателей. Видъ свирѣпаго сапожника напоминалъ нусбахцамъ о шумныхъ событіяхъ, волнующихъ міръ. И вскорѣ отголоски міровыхъ событій стали проникать и въ ихъ мирныя жилища.

Ихъ приносилъ съ собой отецъ, возвращаясь домой послѣ бесѣды съ товарищами за кружкой пива, и женщины, возвращаясь съ рынка. А три раза въ недѣлю весь Нусбахъ гудѣлъ отъ криковъ. Это было въ тѣ дни, когда два противоположныхъ политическихъ міросозерцанія выступали одинъ противъ другого въ „Еженедѣльникѣ“ и въ „Извѣстіяхъ“.

Волненія начались съ предварительнаго совѣщанія, устроеннаго новыми членами крестьянскаго союза 16-го декабря, или, вѣрнѣе, съ недѣли, предшествовавшей этому событію, потому что о немъ оповѣстили заранѣе, и одна сторона превозносила его, а другая осуждала и высмѣивала.

Никогда еще наборщикъ Адольфа Шюхеля не набиралъ статей такимъ большимъ шрифтомъ, какъ теперь. Нужно было выбирать буквы, которыя соотвѣтствовали бы значенію дѣла и словамъ Якова Прантля, буквы, которыя ложились бы толстыми черными рядами на бумагу и такъ неистово взывали къ читателю, что всякое возраженіе застряло бы у него въ горлѣ. Буквы эти были такихъ огромныхъ размѣровъ, что онѣ должны были задушить противника, выступающаго съ болѣе скромнымъ шрифтомъ.

Но Гефеле принялъ мѣры предосторожности и повелъ борьбу за интересы христіанской церкви жирнымъ швабахскимъ шрифтомъ.

Такимъ образомъ, нусбахцы уже не могли спокойно читать, какъ прежде, про всѣ новости, произошедшія за недѣлю; вниманіе ихъ было насильственно отвлечено отъ всего несущественнаго и устремлено на исключительно важный фактъ—на то, что, наконецъ, взошла заря свободы и бросаетъ свои грозные лучи на темныя дѣла парламентскаго центра.

Нельзя было, однако, твердо увѣровать въ это, потому что уже на слѣдующій день въ „Извѣстіяхъ“ высказывалась увѣренность, что каждый мало-мальски образованный человѣкъ не можетъ не возмущаться гнусными нападками, основанными на плохо скрываемой фанатической ненависти

противъ церкви. Но и этому чувству возмущенія нельзя было отдаваться безпрепятственно, потому что въ суровомъ отвѣтѣ „Еженедѣльника" говорилось, что авторъ этихъ строкъ, очевидно принадлежащій къ центру, въ древнемъ Римѣ былъ бы навѣрное признанъ врагомъ народа и сброшенъ съ Тарпейской скалы.

Не удивительно, въ виду этой ожесточенной газетной борьбы, что нусбахцы боязливо прислушивались къ урагану, который бушевалъ вокругъ ихъ домовъ и сотрясалъ ихъ окна?

Наступило, наконецъ, 16-ое декабря. Это было тихое зимнее воскресенье, похожее сначала не обыкновенное воскресенье, съ обѣдней и проповѣдью въ церкви, съ утренней кружкой пива въ трактирѣ, жареными сосисками и стаканомъ бѣлаго вина, съ жаренымъ гусемъ къ обѣду и послѣобѣденнымъ отдыхомъ. Но затѣмъ все пошло по иному. Никто не отправился гулять съ женой и дѣтьми, не было игры въ карты въ пивной; праздничный отдыхъ смѣнился общимъ волненіемъ.

Въ четыре часа дня большая зала въ главной пивной была биткомъ набита. Столы и скамейки стояли длинными рядами, и не было ни одного свободнаго мѣста. Для почетныхъ гостей устроенъ былъ отдѣльный столъ передъ возвышеніемъ для ораторовъ. Тутъ сидѣли староста Нуберъ и сборщикъ податей Цинкель, а рядомъ съ ними окружной судья Кройсъ, ревностный сторонникъ католической партіи. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ депутатомъ деканомъ Мецомъ, который, конечно, счелъ своимъ долгомъ явиться на собраніе. Кромѣ него, было еще нѣсколько господъ въ сутанахъ, но на лицахъ ихъ выражалось скорѣе благодушіе, нежели фанатизмъ. Среди болѣе молодыхъ священниковъ было, впрочемъ, нѣсколько человѣкъ съ возбужденными лицами настоящихъ борцовъ, съ глубоко впавшими сверкающими глазами и блѣдными щеками. Эрльбахскій священникъ не явился, и это многихъ удивляло. Около чиновниковъ и духовенства сѣли наиболѣе видные нусбахскіе обыватели, показывая тѣмъ самымъ свою принадлежность къ лучшему обществу. Позади толпились крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Одинъ знающій человѣкъ замѣтилъ, что политическій образъ мыслей сказывался и при выборѣ мѣстъ. Наиболѣе ярые враги существующаго строя держались рядомъ, и сидѣли ближе къ трибунѣ. Въ переднихъ рядахъ сидѣли самые благонамѣренные, а подальше, въ глубинѣ залы, выдѣлялось морщинистое лицо старика Редльмайера изъ Шахаха; рядомъ съ нимъ стояли широкоплечій Штульбергъ и безбожникъ Мейзингеръ изъ

Гибинга, злѣйшіе враги декана Меца. Недалеко отъ нихъ сидѣлъ Гирнеръ изъ Ауфгаузена. Онъ прошелъ черезъ пять деревень по пути въ Нусбахъ и въ каждой деревнѣ заходилъ въ трактиръ выпить за здоровье какого-нибудь пріятеля; у него поэтому блестѣли глаза, и голосъ его гудѣлъ по залѣ, когда онъ здоровался съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ.

Изъ эрльбахцевъ на собраніе явился портной Гибель, а также Цвергеръ, Весбрунеръ и Флоріанъ Вейсъ. На заднихъ скамейкахъ сидѣли люди, пришедшіе изъ любопытства и не желавшіе стать ни на чью сторону. Тамъ же сидѣли опоздавшіе, а за ними собиралась еще густая толпа приходящихъ, которые тщетно старались пробраться впередъ. Вдоль двухъ стѣнъ тянулась деревянная галлерея, которая была уже до того переполнена, что хозяинъ испугался и попросилъ часть публики уйти оттуда. Среди сидѣвшихъ на галлереѣ впереди, опираясь локтями на перила, былъ Гейтнеръ изъ Эрльбаха, который глядѣлъ своими хитрыми глазами во всѣ углы залы.

Внизу стоялъ несмолкаемый шумъ. Собравшіеся оживленно разговаривали, перебрасывались шутками, обращались, громко крича, къ сидѣвшимъ на галлереѣ, которые въ свою очередь отвѣчали имъ сверху; говорили всѣ одновременно и стараясь перекричать другъ друга. Но среди шума и крика выдѣлялся одинъ голосъ, звучавшій ясно и рѣзко, какъ звукъ трубы—голосъ Гирнера изъ Ауфгаузена.

На трибунѣ сидѣли наблюдающіе за порядкомъ ассессоръ Гартвигъ и устроители собранія, Шюхель, Виммеръ и Прантль. Рядомъ съ ними стоялъ крестьянинъ въ толстой сѣрой курткѣ. По его лицу и фигурѣ сразу видно было, что онъ не житель равнинъ. Такими высокими и прямыми не бываютъ люди, идущіе за плугомъ. Онъ былъ родомъ изъ горнаго мѣстечка Рупольдинга и его звали Вахенауеромъ.

Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ дѣятельнымъ борцомъ за крестьянское дѣло и славился, какъ хорошій ораторъ. Многіе въ собраніи оглядывали его съ большимъ интересомъ. Редльмайеръ сказалъ своимъ сосѣдямъ:

— Это вотъ съ нимъ такъ воюютъ попы; но онъ не уступаетъ. Онъ умѣетъ спорить съ ними, какъ ученый.

Гирнеръ крикнулъ на всю залу:

— Да здравствуетъ Вахенауеръ!

Вахенауеръ оглянулъ залу и улыбнулся. Ассессоръ уже нѣсколько разъ поглядывалъ на часы. Наконецъ устроитель собранія, сапожникъ Прантль, поднялся и позвонилъ въ колокольчикъ.

Шумъ перешелъ въ шопотъ и постепенно замолкъ.

Прантль откашлялся и взялъ въ руки листъ бумаги. Онъ не былъ опытнымъ ораторомъ; кромѣ того, его закругленныя фразы очень трудно запоминались, и онъ сталъ читать ихъ по бумажкѣ:

„Дорогіе товарищи, крестьяне и горожане! Всюду началось стремленіе объединить силы средняго сословія и показать, что ходъ временъ измѣнился; прошла пора безропотнаго терпѣнія. Вотъ почему нѣсколько человѣкъ изъ рабочаго класса рѣшили назначить это собраніе, чтобы изслѣдовать источникъ зла. Что интересы крестьянъ и ремеслениковъ тѣсно связаны,—этого не станетъ отрицать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ. Когда крестьянину плохо живется, то это отзывается сейчасъ же и на горожанинѣ. Поэтому то, что говорится о крестьянахъ, относится одинаково и къ ремесленникамъ; оба эти класса, соединившись между собой, представляютъ производительную силу страны. Поэтому и рѣшено дѣйствовать сообща, и съ этой цѣлью сюда пригласили всѣхъ, которые могутъ содѣйствовать интересамъ средняго класса. Я объявляю теперь засѣданіе открытымъ и приглашаю выбрать предсѣдателя“.

— Выбираемъ сапожника!—крикнулъ Гирнеръ и другіе стали кричать заодно съ нимъ:—Да, Прантля! Сапожника!

Тогда выступилъ впередъ Виммеръ и сказалъ, что, повидимому, большинство за выборъ въ предсѣдатели Прантля. Кто противъ этого, пусть поднимется съ мѣста. Никто не поднялся и судья Кройсъ громко воскликнулъ:

— Прантль самый подходящій предсѣдатель для этого собранія.

Яковъ Прантль заявилъ, что принимаетъ почетное для него избраніе и даетъ слово прославленному вождю крестьянскаго движенія, Петру Вахенауеру, который поспѣшилъ сюда изъ дальнихъ горъ, чтобы помочь общему дѣлу своимъ словомъ. Раздались шумныя привѣтствія; старикъ Редльмайеръ бросилъ вверхъ шапку отъ радости. Петръ Вахенауеръ выступилъ впередъ и переждалъ, пока улегся шумъ. Горцы почти всѣ выступаютъ публично безъ всякой робости, отличаясь живостью движеній и легкостью рѣчи. Они обыкновенно схватываютъ все налету, очень находчивы и потому производятъ большее впечатлѣніе, даже не обладая ни талантами, ни знаніями. Они поражаютъ этимъ крестьянъ, которые цѣнятъ выше всего ораторское искусство, особенно въ своемъ братѣ крестьянинѣ. Поэтому Петръ Вахенауеръ могъ быть уже заранѣе увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. И, дѣйствительно, чувствовалась большая самоувѣренность въ его манерѣ говорить: видно было, что дѣйствіе каждой фразы было обдумано заранѣе, и что онъ на-

мѣренно выставлялъ на видъ свое спокойствіе, чтобы тѣмъ самымъ подчеркнуть твердость своихъ убѣжденій.

— Здравствуйте, земляки! - сказалъ онъ.—Прежде всего я долженъ вамъ сказать, кто я таковъ. Когда приходишь къ людямъ, нужно вѣдь перво на перво познакомиться. А то люди никакого къ тебѣ довѣрія не будутъ имѣть – кому охота вести дѣло съ чужимъ? А мнѣ вѣдь отъ васъ кое-что нужно: хочу, чтобы вы мнѣ помогли построить домъ, гдѣ было бы мѣсто для всѣхъ крестьянъ. Это большое дѣло, и я долженъ вамъ поэтому сказать, кто я и что у меня есть, вамъ нужно знать, могу ли я требовать отъ васъ большаго. Я только крестьянинъ, и больше ничего. Есть у меня всего маленькій дворъ и пять коровъ, а тѣ нѣсколько марокъ, которыя я за годъ сберегаю, я несу въ сберегательную кассу... т. е. отдаю сборщику податей. Тамъ у него деньги въ сохранности, и нѣтъ искушенія взять ихъ назадъ.

Публика расхохоталась. Шутка Вахенауера понравилась.

— Такъ что, видите, немного у меня есть, продолжалъ онъ.—Но для того, чего я отъ васъ хочу, не нужно денегъ, а нужно только довѣріе. Довѣриться же мнѣ вы можете - не мнѣ одному, а всѣмъ, которые хотятъ того же, что и я. Такихъ много, и всѣ они такіе же крестьяне, какъ и вы; они и послали меня сюда поговорить съ вами, посмотрѣть, не найдемъ ли мы поддержки и у васъ. Я думаю, что это вполнѣ возможно. То, отъ чего намъ плохо, и вамъ впрокъ не идетъ, — а если у насъ одна и та же болѣзнь, то и лѣкарство должно быть одно.

— Лѣкарство-то у васъ въ рукахъ, что ли?—громко спросилъ судья Кройсъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Вахенауеръ.—Я не докторъ, я самъ больной. Потому-то я и знаю, въ чемъ наша болѣзнь, и знаю также, что докторъ, который былъ у насъ до сихъ поръ, никуда не годится. Онъ только требовалъ, чтобы мы ему всегда аккуратно платили, и ему было совершенно безразлично, что болѣзнь ухудшалась со дня на день. Этотъ плохой докторъ зовется парламентскимъ центромъ.

Бурныя рукоплесканія послышались въ награду за находчивый отвѣтъ оратора.

Мы теперь поумнѣли,—продолжалъ Вахенауеръ,—и рѣшили, что не зачѣмъ поручать другимъ говорить за насъ. Лучше самимъ разсказать, въ чемъ наша бѣда, и мы скажемъ это такъ громко, что насъ должны будутъ услышать. Для этого я и явился къ вамъ. Я не пришелъ помочь вамъ, какъ полагаетъ вотъ тотъ господинъ. Этого я обѣщать не могу: я слишкомъ слабъ. Нѣтъ, я пришелъ убѣждать васъ, чтобы вы сами себя отстояли. Какъ это сдѣлать крестьянину?

Я полагаю, что то, что сдѣлали другіе, возможно и для насъ. Не новое это дѣло: всѣ сословія устроили такъ, что имъ хорошо живется—и чиновники, и духовенство. Почему же намъ должно быть хуже, чѣмъ другимъ?

— Потому что они учились многому, — крикнулъ судья.

— Не въ этомъ дѣло. Если бы деньги платили за умъ, то многимъ бы плохо жилось. А между, тѣмъ, всѣ живутъ припѣваючи. Нѣтъ, причина тутъ другая. Дѣло въ томъ, что въ ландтагѣ сидятъ чиновники и духовенство и стараются за своихъ, набиваютъ имъ карманы.

— Когда это и гдѣ набивали карманъ духовенству?—сердито воскликнулъ Кройсъ, а деканъ Мецъ громко прибавилъ своимъ жирнымъ голосомъ:

— Это явная ложь!

Вахенауеръ отвѣтилъ невозмутимо спокойнымъ голосомъ:

— Пока хлопочутъ о набиваніи чиновничьихъ кармановъ, а тѣ, въ свою очередь, позаботятся о томъ, чтобы перепало кое-что и духовенству.

Судья все не могъ успокоиться и, размахивая руками, кричалъ, что это ложь, что объ интересахъ духовенства никто не заботится въ ландтагѣ Его рѣзкость не нравилась публикѣ; особенно запротестовалъ противъ него Гирнеръ.

— Замолчи ты, наконецъ! чортъ побери!—крикнулъ онъ и много голосовъ крикнуло вслѣдъ за нимъ: —Молчать! Молчать!

Какой-то сельскій работникъ, сидѣвшій на галлереѣ, рѣшилъ воспользоваться случаемъ и сдѣлать непріятность начальству. Сунувъ четыре пальца промежъ зубовъ, онъ громко свистнулъ. Его примѣру послѣдовали другіе. Тогда Прантль зазвонилъ и попросилъ внимательно слушать ораторовъ. Когда шумъ улегся въ залѣ, поднялся съ мѣста одинъ старикъ и попросилъ слова. Прантль заявилъ, что нужно соблюдать очередь, что теперь слово за Вахенауеромъ, и попросилъ старика обождать. Но тотъ не принялъ отказа.

— Я только желаю сказать, заявилъ онъ,—что чиновники и духовенство одного поля ягода и другъ за дружку горой стоятъ. — Съ этими словами старикъ (это былъ Флоріанъ Вейсъ) сѣлъ. Вахенауеръ смогъ, наконецъ, продолжать свою рѣчь.

— Посмотрите, что дѣлается въ ландтагѣ,—началъ онъ.— Кто тамъ засѣдаетъ? Господинъ деканъ, городской священникъ и капеланъ. На одного крестьянина по три священника.

— Вздоръ, все это преувеличено! -кричалъ Кройсъ.

— Возникаетъ вопросъ,—продолжалъ Вахенауеръ,—неужели вся Баварія населена только причетниками, да патерами, что выбираютъ столько священниковъ? Нѣтъ, земляки, это мы же, крестьяне, выбираемъ этихъ господъ? А какая намъ за это

благодарность отъ нихъ? Конечно, пока нужны наши голоса, то про насъ говорятъ, что мы славный, честный народъ. Все, что мы требуемъ, считается правильнымъ, ничто не чрезмѣрнымъ. Но какъ только выборы прошли, и нашъ кандидатъ попалъ въ ландтагъ, всѣ обѣщанія сразу забыты—точно ничего не было сказано. И каждый разъ происходитъ то же самое. Вѣдь вотъ, когда крестьяне покупаютъ скотъ, они не такъ глупы. Одинъ разъ ихъ, можетъ, и надуютъ, но, когда тотъ же продавецъ вздумаетъ надувать вторично, его сейчасъ вышвырнутъ. Почему же мы такіе дураки, когда дѣло касается политики?

— Вѣрно!—сказалъ Редльмайеръ.

— Меца ужъ три раза выбрали, а онъ насъ каждый разъ надувалъ,—кричалъ Штульбергеръ.

Папскій прелатъ узналъ голосъ своего врага и устремилъ на него гнѣвный взглядъ. Но Штульбергеръ не смутился и продолжалъ кричать, пока Прантль не призвалъ къ порядку.

— Да, подѣломъ намъ все, что съ нами продѣлываютъ,—продолжалъ Вахенауеръ.—Намъ пора бы было знать, что вся бѣда происходитъ отъ того, что крестьяне не умѣютъ постоять за себя. Всякій говоритъ, что должна наступить перемѣна—и, дѣйствительно, все могло бы перемѣниться, если бы мы дѣйствовали дружно. Для этого и устроенъ крестьянскій союзъ.

Вахенауеръ вынулъ изъ кармана маленькую брошюрку, на обложкѣ которой изображенъ былъ баварскій гербъ.

— Вотъ у меня тутъ есть съ собой книжечка,—сказалъ онъ.—Обложка баварская, какъ видите. И внутри содержаніе такое же. Заглавіе книжки: „Постановленія баварскаго крестьянскаго и городского союза“. Здѣсь все написано, чего хочетъ партія. Я не могу вамъ всего прочесть, да это вѣдь и не нужно: я надѣюсь, что каждый самъ купитъ такую книжку и запишется въ члены союза; листокъ для записи приложенъ къ каждой книжкѣ. Но первый пунктъ я вамъ прочту самъ. Въ немъ говорится о цѣли крестьянскаго союза. Вотъ что тутъ сказано: „Цѣль баварскаго крестьянскаго и городского союза — *единеніе* разбитаго на партіи крестьянскаго и городского населенія путемъ охраны интересовъ рабочаго класса и самообороны народныхъ массъ, стремящихся къ самостоятельности».

— Теперь, прочтя вамъ о нашихъ цѣляхъ, я спрашиваю, почему насъ объявляютъ безбожниками?

— Напечатать вѣдь можно, что угодно. Бумага все терпитъ,—воскликнулъ деканъ Мецъ.

— Вы полагаете? Вы вѣрно думаете, что всѣ такъ поступаютъ, какъ члены центра. Нѣтъ, мы не таковы.

— Это вы еще должны доказать!

— Молчать! Вѣчно онъ со своими возраженіями лѣзетъ.

Вахенауеръ продолжалъ, подхвативъ слова противника:

— Вы говорите, что мы должны еще доказать, умѣемъ ли мы держать обѣщанія. Хорошо. Такъ вы за то не ругайтесь заранѣе.

— Браво!—раздалось въ залѣ.

— Такъ вотъ, земляки, вы знаете теперь, чего хочетъ крестьянскій союзъ. Наши главные враги—господа изъ центра. Съ перваго же дня церковь стала противъ насъ и начала увѣрять, что крестьянскій союзъ противъ религіи. Но откуда это? Прочтите книжку, и вы увидите, что въ ней съ первой страницы и до послѣдней ни слова нѣтъ противъ религіи. И если пойдете въ праздникъ въ церковь, то увидите тамъ не меньше народа, чѣмъ прежде. Никто надъ вѣрой не смѣется у насъ. Ничто не измѣнилось, всѣ старые обряды мы чтимъ, какъ наши родители. И если больше ссоръ теперь промежъ людей, то не крестьяне въ этомъ виноваты. Это съ тѣхъ поръ пошло, какъ священники стали думать больше о политикѣ, чѣмъ о Богѣ.

Въ первыхъ рядахъ публика зашевелилась. Присутствовавшее на собраніи духовенство держалось до того спокойно, но это новое обвиненіе вывело его изъ себя. Раздались гнѣвные возгласы, обращенные къ Вахенауеру.

— Это наглость! Да кто вы такой? Какъ вы смѣете такъ говорить!

Особенно волновался одинъ изъ священниковъ нусбахскаго округа. Онъ былъ возмущенъ тѣмъ, что какой то пришлецъ смѣетъ оскорблять мѣстное духовенство.

— Слишкомъ много вы себѣ позволяете!—кричалъ онъ.— Мужикъ неотесанный и туда же лѣзетъ со своимъ осужденіемъ!

Вся зала заволновалась. Во всѣхъ углахъ неистово кричали. Многіе повскакали съ мѣстъ и стучали кулаками по столу.

— Вонъ его! Какъ онъ смѣетъ ругаться! Вонъ!

Справа и слѣва, внизу и наверху ревѣли, свистали, бѣсновались. И гулъ еще усилился, когда на трибуну вошелъ Мецъ и сдѣлалъ попытку заговорить, съ цѣлью успокоить собраніе.

— Эй, ты тамъ,—закричали со всѣхъ сторонъ.—Долой! Тебѣ тутъ не мѣсто, попъ. Уходи!—Гирнеръ былъ слабъ на ноги и не могъ стоять. Онъ держался обѣими руками за спинку стула и, не переставая, кричалъ однообразнымъ голосомъ:—Долой! Мецъ, убирайся вонъ!

Прантль зазвонилъ въ колокольчикъ, но среди общаго

гула ничего не было слышно. Тогда поднялся съ мѣста ассесоръ и сказалъ что-то Вахенауеру. Видно было только, какъ онъ пожимаетъ плечами. Вахенауеръ подошелъ къ краю трибуны и поднялъ правую руку. Шумъ улегся, перейдя сначала въ громкій говоръ, а потомъ въ шопотъ. Когда всѣ уже сѣли, Гирнеръ все еще продолжалъ стоять, держась за спинку и однообразно кричалъ:—Долой Меца!

Всѣ стали смѣяться, и сосѣдъ Гирнера потянулъ его, наконецъ, за рукавъ и почти насильно усадилъ на мѣсто.

— Земляки,—сказалъ Вахенауеръ,—не мѣшайте говорить. Господинъ ассесоръ заявилъ мнѣ, что если шумъ повторится, онъ закроетъ собраніе. А вѣдь это было бы только на руку нашимъ врагамъ. Не волнуйтесь, когда кто нибудь изъ нихъ поднимаетъ крикъ. Я ужъ къ этому привыкъ. Они всегда скандалятъ въ такихъ случаяхъ, потому что не выносятъ правды.

— Не ругайте священниковъ, и никто васъ не будетъ останавливать,—крикнулъ Кроісъ.

— Я не ругалъ священниковъ, это—неправда. Я только сказалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ священники занялись главнымъ образомъ политикой, всюду пошли нелады. Я повторяю: религія не должна имѣть ничего общаго съ политикой. Мы, крестьяне, не предъявляемъ никакихъ требованій— мы хотимъ только, чтобы намъ не было хуже, чѣмъ другимъ. Мы хотимъ, чтобы не вводили законовъ, отъ которыхъ мы гибнемъ. А такъ какъ у насъ есть теперь ясныя доказательства, что на центръ полагаться нельзя, то мы рѣшили сами испытать свои силы. Мы имѣемъ такое же право, какъ и всѣ, выбирать людей, которымъ довѣряемъ. Это не мѣшаетъ намъ и въ церковь ходить, и быть истинными христіанами, какъ и прежде. Чѣмъ же мы заслужили, чтобы насъ ругали? Почему священники противъ того, чтобы мы заботились сами о нашихъ мірскихъ интересахъ? А теперь они сваливаютъ вину съ больной головы на здоровую, и такъ обернули дѣло, точно мы на нихъ нападаемъ. Это—неправда. Мы нашимъ священникамъ худа не желаемъ, мы только хотимъ избавить ихъ отъ лишняго труда. Зачѣмъ имъ ѣздить въ парламенты въ Мюнхенъ или въ Берлинъ? Пусть сидятъ себѣ дома и проповѣдуютъ слово Господне (Браво!).

— Съ вашего разрѣшенія, что ли? - крикнулъ Мецъ.

— Да, ваше преподобіе, мы это вамъ охотно разрѣшаемъ, и отдаемъ вамъ всяческое почтеніе, когда вы исполняете свой долгъ. И вы разрѣшаете намъ обрабатывать землю, растить хлѣбъ и платить подати. Вѣдь вы не помогаете намъ въ этомъ... да и не можете помочь. Такъ ужъ, пожалуйста, не мѣшайте намъ, когда мы хотимъ добиться,

чтобы нашъ трудъ хоть что-нибудь намъ приносилъ, и чтобы податей не было больше, чѣмъ мы въ состояніи платить. Это—наше собственное дѣло. Взрослые люди сами о себѣ заботятся, никто имъ этого не можетъ запретить. Мы, крестьяне, тоже люди взрослые, и нельзя обращаться съ нами, какъ съ дѣтьми. Дѣтей кормятъ старшіе, а насъ никто не кормитъ. Напротивъ того, мы же должны кормить другихъ, напримѣръ, господъ чиновниковъ (Браво!).

— Дѣти вотъ тоже всюду платятъ половину. Развѣ кто слыхалъ, чтобы съ крестьянина брали за что-нибудь меньше, чѣмъ съ другихъ? Напротивъ того, съ него берутъ больше. Мы уже выросли и поумнѣли, и можемъ сами завѣдывать своими дѣлами. Пора намъ это понять. Развѣ такъ и должно быть, чтобы крестьянинъ имѣлъ теперь вдвое меньше за свой трудъ, чѣмъ прежде? Развѣ жизнь стала дешевле? Меньше, что ли, мы платимъ батракамъ? Или понизили земельный налогъ? Или сыновей нашихъ перестали брать въ солдаты? Нѣтъ, все осталось по старому. Мало того, являются все новые и новые поборы: то на войско, то на флотъ. Кто даетъ согласіе на всѣ эти налоги? Центръ, стало быть, духовенство. А съ кого берутъ деньги? Съ крестьянъ.

— Всѣ платятъ налоги,—крикнулъ Кройсъ.

— Конечно, всѣ платятъ налоги. Но чиновникъ платитъ за свое жалованье, капиталистъ за свои деньги, а крестьянинъ—такъ тотъ платитъ и за свои долги. У него иногда дворъ заложенъ и перезаложенъ, а онъ платитъ столько же, какъ за свободное отъ долговъ имущество (Браво! Вѣрно!). Прежде центръ заявлялъ, что это возмутительно, а теперь и пикнуть не хочетъ. Прежде центръ говорилъ, что нужно защищать интересы народнаго хозяйства противъ ввоза хлѣба изъ-за-границы. А теперь онъ голосовалъ за ввозъ. Развѣ это не обманъ?

— Вѣрно! Всѣ они обманщики! — послышалось съ разныхъ сторонъ.—Ну-ка, Мецъ, что ты на это скажешь?

Предсѣдатель снова зазвонилъ и попросилъ не перебивать оратора.

— Я сейчасъ кончу, земляки, — сказалъ Вахенауеръ. — Мы убѣдились, — продолжалъ онъ, — что намъ не на кого положиться, кромѣ, какъ на самихъ себя. Вотъ мы и стараемся отстоять общими усиліями права крестьянства. Для этого нужно объединиться. Помогайте же всѣ: нужно, чтобы крестьянскій союзъ окрѣпъ. Основывайте товарищества во всѣхъ общинахъ, дѣйствуйте согласно, для того, чтобы въ ландтагъ попадали только достойные люди. Будемте дѣйствовать, какъ братья, не то мы всѣ погибнемъ. Нужно по-

рвать разъ навсегда съ предателями, засѣдающими въ центрѣ ландтага.

Кончивъ рѣчь, Вахенауеръ отошелъ и сѣлъ. Сотни натруженныхъ рукъ хлопали ему въ знакъ одобренія, сотни сапогъ, подбитыхъ гвоздями, стучали такъ неистово, что внизу стала обсыпаться штукатурка съ потолка. Вахенауеръ множество разъ вставалъ и кланялся, и сотни голосовъ не переставали кричать: Ура, Вахенауеръ! Да здравствуетъ Вахенауеръ! Когда, наконецъ, водворилось спокойствіе, Прантль предоставилъ слово арендатору Ванингеру изъ Арнбаха.

Францъ Ванингеръ не былъ простой крестьянинъ. Онъ былъ арендаторомъ имѣнія графа Хорна въ Арнбахѣ и получилъ нѣкоторое образованіе. Онъ учился три года въ гимназіи, потомъ поступилъ въ агрономическую школу въ Вейенстефенѣ, гдѣ изучалъ сельское хозяйство теоретически. Онъ любилъ вспоминать объ этомъ времени и всегда старался показать, что онъ кой чему учился. Къ крестьянскому движенію онъ примкнулъ, какъ только оно началось, полагая, что сможетъ принести пользу своими знаніями, и теоретическими, и практическими. Онъ читалъ газеты и, благодаря этому, имѣлъ міросозерцаніе и, главное, обладалъ большимъ запасомъ готовыхъ фразъ.

Онъ самъ взялся за перо и написалъ много статей для „Нусбахскаго Еженедѣльника“. Такъ какъ онъ всегда жилъ въ самомъ центрѣ Баваріи, то, естественно, ненавидѣлъ Пруссію. Всѣ бѣды своей родины онъ приписывалъ прусскимъ интригамъ, стремленію прусскаго правительства захватить Баварію и включить ее въ составъ прусскихъ владѣній, лишивъ ее самостоятельности.

Къ борьбѣ противъ прусскихъ интригъ и сводилась, главнымъ образомъ, его политическая агитація. До сихъ поръ онъ ее велъ въ печати, а теперь рѣшилъ выступить ораторомъ. Онъ былъ увѣренъ, что можетъ больше сказать собранію, чѣмъ простой землепашецъ, говорившій до него. Онъ выступилъ впередъ, выдвигая то правую, то лѣвую ногу и потирая руки; у него былъ видъ типичнаго зажиточнаго баварца. Круглая голова съ краснымъ лицомъ сидѣла на широкихъ плечахъ, сильно выступавшій впередъ животъ покоился на крѣпкихъ ногахъ, очевидно, вполнѣ способныхъ носить такую тяжесть. Словомъ, Ванингеръ соотвѣтствовалъ, какъ нельзя болѣе, національному идеалу баварцевъ, являясь полной противоположностью тощимъ, голоднымъ сѣвернымъ нѣмцамъ. Одобрительные возгласы публики ясно доказывали, что самый видъ оратора произ-

велъ благопріятное впечатлѣніе. Подумавши съ минуту, онъ заговорилъ:

— Высокоуважаемое собраніе! — началъ онъ. — Я не ученый ораторъ, но хочу выразить свои мысли, какъ умѣю, и прошу выслушать меня. Къ великой нашей общей радости, необходимость измѣнить положеніе дѣлъ стала ясна для всѣхъ. Теперь задача каждаго обдумать, какъ вѣрнѣе всего помочь крестьянскому населенію. Такъ какъ люди, стоящіе у власти, не принимаютъ къ сердцу нужды баварскихъ крестьянъ, то крестьяне и городскіе рабочіе должны сами постоять за себя, чтобы не попасть въ лапы хорошо намъ всѣмъ извѣстныхъ сѣверо-германскихъ господъ.

Внимательный наблюдатель не можетъ не сокрушаться, глядя, какъ обманываютъ народъ его правители. Самый коварный предатель и врагъ народнаго блага, это—центръ. (*Браво!*) Всѣ законы, нарушающіе интересы баварскаго народа, прошли при содѣйствіи центра, какъ вотъ, напримѣръ, недавніе торговые договоры, благодаря которымъ въ карманы прусскихъ властей приплываетъ много милліоновъ, а среднее сословіе раззоряется. Кто это ясно видитъ, невольно задаетъ себѣ вопросъ, нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ подкупа.

— Что за глупости! — крикнулъ судья Кройсъ. — Какъ можно молоть такой вздоръ!

Старикъ Редльмейеръ вскипѣлъ и громко пригрозилъ судьѣ, что его выведутъ, если онъ будетъ мѣшать говорить. Поднялся было шумъ, и предсѣдатель энергично призвалъ къ порядку. Когда спокойствіе водворилось, Ванингеръ заговорилъ дальше, успѣвъ придумать тѣмъ временемъ отвѣтъ на прервавшее его восклицаніе судьи.

— Въ отвѣтъ на то, — сказалъ онъ, — что я будто бы говорю вздоръ, я только замѣчу, что, быть можетъ, основательнѣе изучилъ эти вопросы, чѣмъ нѣкоторые чиновники. Но, конечно, мои слова не всякому понравятся: я вѣдь никому не льщу, а говорю правду совершенно свободно, какъ полагается честному старому баварцу (бурные крики: браво!). Баварскіе крестьяне всегда служили вѣрой и правдой своимъ правителямъ—это доказали битвы при Зендлингѣ и Айденбахѣ. Когда нужны воины, то начальство знаетъ кого звать. Тогда сейчасъ говорятъ: мужикъ, выручай! А какъ только миновала опасность, и кончилась война, такъ и забыта всякая благодарность, и мужика продолжаютъ прижимать по прежнему. Тогда опять начинаютъ вести міровую политику, которая стоитъ крови народа и безчисленныхъ милліоновъ. Но, если при содѣйствіи центра будетъ продолжаться эта политика, губительная для средняго

сословія, то наступитъ конецъ всякому благополучію. Извѣстно по опыту, что тамъ, гдѣ крестьяне зажиточны, тамъ хорошо живется купцамъ и ремесленникамъ, а гдѣ крестьяне бѣдны, тамъ тихо, никакихъ дѣлъ нѣтъ; кромѣ того, тамъ всегда богатая жатва для судебнаго пристава. Противъ этого мы и должны бороться всѣми силами. А не то насъ будутъ проклинать наши дѣти за то, что мы о нихъ не позаботились. Пора, чтобы крестьянинъ пересталъ, наконецъ, быть вьючнымъ животнымъ, на котораго бюрократія и духовенство наваливаютъ всѣ тяжести.

— О, Господи, прости ему, ибо онъ не знаетъ, что творитъ!—воскликнулъ деканъ Мецъ.

— Прошу не прерывать меня, — сказалъ Ванингеръ. — Если вы желаете возразить, то попросите слова и говорите послѣ меня.

— Да вѣдь вы говорите такой вздоръ, что его трудно запомнить!

— На обвиненіе въ томъ, что я говорю вздоръ, я уже отвѣтилъ,—сказалъ Ванингеръ.—А вотъ тѣ господа, которые считаютъ себя такими умниками, пусть попробуютъ взять имѣніе, обремененное долгами, и управлять имъ такъ, чтобы получался доходъ. Тогда они, можетъ быть, увидятъ, что для этого нужно больше ума, чѣмъ для бюрократической службы. А кромѣ того, я не потерплю оскорбительныхъ словъ даже отъ чиновника.

— Вѣрно, Ванингеръ! Браво! Вонъ его! Не мѣшать!—закричали съ разныхъ сторонъ.

— По моему,—продолжалъ Ванингеръ,—причина паденія южно-нѣмецкаго средняго класса—слишкомъ тѣсное единеніе съ Пруссіей. Центръ, съ полной готовностью, кладетъ милліоны на алтарь прусскаго бога войны. Не достаетъ только, чтобы Пруссія захватила у насъ почту и желѣзныя дороги, тогда мы будемъ вполнѣ въ ея власти. Въ высшихъ сферахъ слишкомъ ослѣплены свѣтомъ, идущимъ отъ прусскаго маяка, и поэтому задача крестьянскаго союза въ томъ, чтобы отстоять нашу независимость. Единеніе составляетъ силу, говоритъ пословица, и опытъ показалъ съ достаточной убѣдительностью, что крестьяне и ремесленники должны идти рука объ руку, чтобы не очутиться на днѣ пропасти, раскрывающейся передъ нами.

Гдѣ теперь крестьяне, которые могутъ отдыхать, пожиная плоды долгихъ трудовъ? Ихъ уже нѣтъ. Крестьяне едва-едва перебиваются, работая безъ устали, и все это потому, что они слишкомъ довѣрчивы и предоставили защиту своихъ интересовъ другимъ сословіямъ; а тѣ заботились только о процвѣтаніи капиталистовъ и о собственномъ обо-

гащеніи. Трудящемуся среднему сословію, на которомъ лежатъ всѣ тяготы, оставлена пустая солома. А между тѣмъ у насъ вѣдь, по меньшей мѣрѣ, одинаковыя права съ другими.

— Это положительно нестерпимо!—крикнулъ Кройсъ, но на него зашикали со всѣхъ сторонъ, и ораторъ продолжалъ громить Пруссію, милитаризмъ и высшіе классы, поддерживающіе политику Пруссіи въ ущербъ трудящимся сословіямъ.

— Противъ нихъ есть одно только вѣрное средство борьбы, — сказалъ онъ, заканчивая свою рѣчь: — единеніе всего баварскаго народа. А главное, нужно порвать съ центромъ, который не хочетъ противодѣйствовать захвату Баваріи Пруссіей. Вотъ каковы должны быть наши ближайшія цѣли и, для достиженія ихъ, нужно основать отдѣленіе крестьянскаго союза въ Нусбахѣ.

Ванингеръ сошелъ съ этими словами съ трибуны и сѣлъ на свое мѣсто. Въ „Еженедѣльникѣ“ потомъ писали, что ему была сдѣлана шумная овація, и что лица всѣхъ присутствовавшихъ ясно выражали полное сочувствіе всему сказанному ораторомъ. Самъ Ванингеръ былъ тоже доволенъ своимъ успѣхомъ и говорилъ потомъ друзьямъ, что на крестьянъ клевещутъ, отрицая въ нихъ способность вникать въ политику. Нужно только говорить понятнымъ для нихъ языкомъ.

Послѣ него слово было предоставлено папскому прелату, декану Мецу, депутату отъ Нусбаха и окрестностей. Онъ сказалъ прежде всего, что испытываетъ глубокую скорбь, и на лицѣ его ясно отразилось это чувство. Но ему это очень не шло. Человѣкъ съ двойнымъ подбородкомъ и отвисшими щеками не годится для того, чтобы выражать на своемъ лицѣ скорбь цѣлаго сословія. Когда округленность всей фигуры ясно свидѣтельствуетъ о спокойной и сытой жизни, то трудно вызвать въ слушателяхъ довѣріе, говоря имъ о своемъ душевномъ гнетѣ и объ испытываемыхъ преслѣдованіяхъ. Но деканъ Мецъ не былъ достаточно тактиченъ, чтобы это предвидѣть; напротивъ того, онъ думалъ, что растрогаетъ нусбахцевъ, показавшись имъ съ глубоко опечаленнымъ лицомъ. Онъ обвелъ долгимъ взглядомъ всѣхъ присутствовавшихъ, какъ отецъ, который собираетъ вокругъ себя всю семью и глядитъ въ лицо каждому по очереди. Послѣ того онъ началъ, наконецъ, свою рѣчь:

— Возлюбленныя мои чада! — сказалъ онъ. — Позвольте мнѣ еще называть васъ такъ, не смотря на то, что сегодня сказано было много словъ, проникнутыхъ духомъ вражды

и злобы. Это не измѣнило моихъ чувствъ, и я еще разъ говорю: возлюбленныя мои чада! Душа моя скорбитъ при мысли, что здѣсь, съ мѣста, гдѣ я такъ часто говорилъ, вызывая ваше одобреніе и, полагаю, не безъ пользы для васъ, я долженъ начать борьбу... борьбу противъ неблагодарности, противъ строптивости... борьбу противъ враговъ церкви и религіи. Чѣмъ я это заслужилъ?

— Тѣмъ, что ты обманщикъ! — крикнулъ Штульбергеръ изъ Гибинга. Многіе разсмѣялись вслѣдъ за его словами, другіе стали заступаться за оратора и опять поднялся гулъ противорѣчивыхъ голосовъ.

Мецъ улыбнулся печальной улыбкой.

— Пусть меня ругаютъ и оскорбляютъ: служители церкви къ этому привыкли. Нашъ Господь тоже былъ распятъ народомъ. Въ наши дни крестьянскій союзъ распинаетъ священниковъ. Мы переносимъ это безропотно.

— А ты при этомъ все жирѣешь, мѣшокъ сала!

Голосъ, произнесшій эти слова, принадлежалъ прихожанину Меца, тому самому безбожнику Мейзингеру, который выбилъ ему новыя стекла въ окнахъ, швыряя въ нихъ камни. Когда Мецъ услышалъ этотъ голосъ, онъ на минуту забылъ о своей готовности къ мученичеству и очень злобно взглянулъ въ сторону Мейзингера.

— Мы вооружаемся терпѣніемъ, — сказалъ онъ, сдерживая себя,— слѣдуя примѣру Христа, который тоже терпѣлъ муки молча.

— Да тебѣ трудно руки сложить для молитвы: такъ онѣ жиромъ заплыли,—крикнулъ неугомонный Мейзингеръ.

— Когда это ты муки терпѣлъ? — спросилъ другой голосъ.

— Ты вѣдь всегда поддакивалъ начальству — чего-жъ тебѣ было муки терпѣть? Сказалъ ли ты хоть разъ „нѣтъ“?— кричалъ Штульбергеръ. Вслѣдъ за нимъ всѣ другіе тоже накинулись на оратора.

— Убирайся вонъ! — кричали съ разныхъ сторонъ Мецу.—Тебѣ тутъ не мѣсто. Пусть говоритъ Вахенауеръ! Вахенауеръ!

Прантль опять сталъ предупреждать, что собраніе закроютъ, если не возстановится тишина.

— Дайте ему договорить. Тогда еще виднѣе будетъ, что онъ лгунъ и обманщикъ, — снова крикнулъ Мейзингеръ и, такимъ образомъ, Мецъ смогъ продолжать свою рѣчь, только благодаря вмѣшательству своего злѣйшаго врага. Онъ рѣшилъ взять болѣе рѣзкій тонъ въ виду того, что эти бѣснующіеся язычники не оцѣнили его кротости.

— Центръ не виноватъ, — началъ онъ, — въ томъ, что

трудящемуся люду тяжело живется. Въ чемъ дѣйствительная причина зла, этого крестьяне не понимаютъ.

— Ты, что ли понимаешь? Вы насъ предали — вотъ въ чемъ дѣло.

— Я вамъ объясню. Ваше несчастіе въ томъ, что перемѣнились времена, что теперь всюду введено электричество и дѣйствуютъ машины. Прежде крестьянамъ хорошо жилось, и они о политикѣ не думали. А теперь вдругъ вообразили себя такими умниками, что хотятъ исправлять своихъ вожаковъ.

— Никто васъ не хочетъ исправлять. Мы васъ прогнать хотимъ, вотъ и все!

— Теперь всякій воображаетъ, что лучше понимаетъ политику, чѣмъ люди заслуженные, которые работаютъ въ ландтагѣ по двадцати, по двадцати пяти лѣтъ.

— Да что вы тамъ работаете? Деньги въ карманъ класть, вотъ и вся ваша работа, обманщики вы этакіе!

— Я ужъ восемнадцать лѣтъ засѣдаю въ парламентѣ и все свое время отдаю заботамъ о благѣ народномъ, такъ что кое что смыслю въ этомъ. Но, конечно, когда послушаешь такого умника, какъ господинъ Ванингеръ, то перестаешь соображать. Онъ тутъ нагородилъ столько вздора, что и не знаешь, какъ его опровергать, съ чего начать. Слушайте побольше такихъ людей, такъ вотъ увидите, куда это васъ заведетъ. Вступайте-ка въ крестьянскій союзъ...

— Мы и вступаемъ... Нечего намъ совѣтовать.

— Вступайте въ крестьянскій союзъ и сами убѣдитесь тогда, что погибните и тѣломъ, и душой. Но такъ какъ господинъ Ванингеръ, повидимому, не признаетъ за духовенствомъ никакихъ правъ, то я долженъ ему сказать, что мы, священники, не только имѣемъ право, но и считаемъ своимъ долгомъ защищать народъ отъ нападающихъ на него волковъ. Крестьянскій союзъ только приманка, кусокъ сала въ мышеловкѣ, это—отравленный медъ. Все, что крестьянскій союзъ предлагаетъ хорошаго, онъ укралъ у центра.

— Что вы называете кражей? — крикнулъ ему Вахенауеръ.

— Я повторяю: вы все украли у насъ, всю программу украли. Все, что вы теперь говорите, центръ говорилъ уже тридцать лѣтъ тому назадъ.

— Говорилъ, но не провелъ на дѣлѣ. Если бы центръ сдержалъ свои обѣщанія, не было бы надобности основывать крестьянскій союзъ.

Собраніе стало единодушно аплодировать Вахенауеру, который поднялся и сказалъ:

— Вотъ вы заговорили о кражѣ, ваше преподобіе, такъ

скажите, пожалуйста, развѣ не дозволяется повторять правду только потому, что она уже была сказана? Развѣ повторять—значитъ красть?

— Не прерывайте. Не вамъ чередъ говорить,—крикнулъ Кройсъ.

— Я только спрашиваю, называется ли это кражей. Вѣдь если такъ, то вамъ нельзя произносить проповѣди. Вѣдь и вы только повторяете то, что говорили до васъ другіе.

Стѣны задрожали отъ бурныхъ рукоплесканій. Всѣ топали ногами и кричали.

— Вахенауеръ! Пусть говоритъ Вахенауеръ! Долой Меца. Долой кровопійцу! Замолчи! Долой!

И каждый разъ, когда Мецъ снова пытался заговорить, шумъ возобновлялся. Мецъ кружилъ пальцемъ по воздуху и двигалъ губами; только это и показывало, что онъ говоритъ, но среди общаго гула нельзя было разслышать ни одного слова. Грубые голоса заглушали его. Цѣлые ряды кричали въ тактъ одни и тѣ же слова:

— Мецъ, ступай вонъ!—Въ этотъ хоръ врывались также ругательства и свистки, затѣмъ многіе стучали палками или кружками пива по столу. Судья и представители церкви выражали свое негодованіе взволнованными жестами, но какъ только кто нибудь изъ нихъ пытался успокаивать собраніе словами или жестами, шумъ усиливался вдвое.

Гирнеръ колотилъ стуломъ по полу и такъ кричалъ, что у него вздулись жилы. Двое другихъ взяли скамейку за два конца и стучали ею объ полъ, еще кто-то барабанилъ палкой по пустой бочкѣ, а рабочій на галлереѣ придумалъ новый способъ производить шумъ. Онъ прикрылъ ротъ рукой и сталъ выть. Это понравилось другимъ молодымъ людямъ, и они послѣдовали его примѣру.

Мецъ не покидалъ своего мѣста на трибунѣ. Онъ улыбался и пожималъ плечами. Другіе священники кричали ему что-то и качали головами: что подѣлаешь съ этимъ народомъ?—говорили ихъ движенія, и, дѣйствительно, ничего нельзя было подѣлать съ нимъ. Народъ ясно показывалъ, что не позволитъ никому распоряжаться собой. Наконецъ, асессоръ поднялся и надѣлъ шляпу. Собраніе было закрыто.

На слѣдующій день міръ узналъ изъ нусбахскаго „Еженедѣльника“, что послѣ собранія двѣсти сорокъ семь человѣкъ записались въ члены баварскаго крестьянскаго и городского союза, что въ шести общинахъ основались отдѣлы крестьянскаго союза, что тяжкія обвиненія, выдвинутыя Вахенауеромъ и Ванингеромъ противъ центра, произвели неизгладимое впечатлѣніе на крестьянское населеніе, и что де-

канъ Мецъ едва ли сможетъ оправиться отъ пораженія, которое видимо совершенно подавило его и его единомышленниковъ, въ томъ числѣ одного очень крикливаго чиновника. Оживленность собранія блестящимъ образомъ доказала, что и въ нусбахскомъ округѣ занялась заря.

Нусбахскій „Вѣстникъ", сообщая своимъ читателямъ о состоявшимся собраніи, заявилъ, что оно привело къ совершенно неожиданному торжеству центра, такъ какъ ясно доказало безграничное невѣжество новыхъ крестьянскихъ апостоловъ. Его преподобіе деканъ Мецъ, по словамъ газеты, заклеймилъ это невѣжество въ немногихъ, но вѣскихъ словахъ. Послѣ закрытія собранія многіе крестьяне, и какъ разъ наиболѣе видные и почтенные, стояли въ раздумьи, очевидно задавая себѣ внутренно вопросъ, какъ это крестьяне такъ неразумны, что довѣряютъ свои интересы подобнымъ вождямъ. Такимъ образомъ, движеніе было затушено, не успѣвъ разгорѣться.

Въ такомъ несходномъ освѣщеніи переданы были въ нусбахской прессѣ не только мнѣнія, но и самые факты. Нусбахъ началъ жить политической жизнью.

XIV.

Въ домѣ Феста наступило уныніе. Прежнее доброе настроеніе совершенно исчезло. Весь день Фестъ проводилъ въ лѣсу, рубя лѣсъ, а когда возвращался домой, то садился у печки и молчалъ. Жена всячески старалась вызвать его на разговоры. Она ругала священника и Хирангля, Гейтнера и Клойбера, приводила новыя доказательства ихъ злобы, или разсказывала старыя исторіи на ту же тему. Она повторяла всѣ прежнія обвиненія самого Феста противъ его враговъ и думала, что ему это пріятно. Но онъ не поощрялъ ее, а, напротивъ того, отсылалъ ее къ ея бабьимъ дѣламъ и просилъ оставить его въ покоѣ.

Она уходила, вздыхая, въ кухню и сокрушалась вмѣстѣ съ Урсулой о томъ, какъ отецъ палъ духомъ. Она обсуждала его угнетенное настроеніе со слугами, ругала сосѣдей передъ служанками и разспрашивала работниковъ о томъ, что они слышали въ трактирѣ. Такая фамильярность никогда не ведетъ къ добру; она нарушаетъ авторитетъ хозяевъ, и отъ этого страдаетъ порядокъ въ домѣ. И, дѣйствительно, работники и работницы стали заниматься пересудами и передавать другъ другу на ухо разныя новости вмѣсто того, чтобы работать. Когда кому-нибудь изъ работниковъ хотѣлось полѣнтяйничать, онъ отправлялся на кухню и разсказывалъ хозяйкѣ, какъ онъ досадилъ работнику Хи-

рангля, заявивъ ему, что его хозяину грошъ цѣна. За это хозяйка благодарила его и прощала ему его лѣнь. Женщинамъ было пріятно, чтобы всѣ ихъ жалѣли, особенно нуждалась въ участіи Урсула, въ виду ея беременности.

Слуги всѣмъ этимъ пользовались, чтобы смѣяться надъ хозяевами за ихъ спиной. Когда всѣ вмѣстѣ садились за ѣду, то рабочіе и работницы переглядывались и толкали другъ дружку локтемъ, поглядывая на хозяйскую дочку. Дурная слава нигдѣ такъ не прививается, какъ у подчиненныхъ. Плохо тому, кто оправдывается передъ ними или даетъ имъ объясненія. Слушаются только того, кого безусловно уважаютъ.

Фестъ видѣлъ по многимъ признакамъ, что порядокъ въ его домѣ нарушенъ. Въ другое время онъ сейчасъ же подтянулъ бы всѣхъ, но теперь ему казалось, что не стоитъ объ этомъ хлопотать. Мысли его заняты были только однимъ, только тѣмъ, что въ церковной книгѣ лежитъ записка, позорящая его на всю жизнь. И даже дольше, чѣмъ на всю жизнь. Когда всѣ тепершіе люди умрутъ и ихъ смѣнитъ новое поколѣніе, то и тогда все еще будетъ существовать бумажка, гдѣ сказано, что онъ дурной человѣкъ, что съ нимъ не слѣдуетъ знаться. Этому всѣ будутъ вѣрить, даже тѣ, которые смѣнятъ его въ его теперешнемъ домѣ. Эту ложь передадутъ дѣтямъ его старшаго сына въ болѣе отвратительномъ видѣ, чѣмъ ее разсказываютъ теперь. Всякій, конечно, будетъ думать, что ужъ если священникъ написалъ про него худое въ церковной книгѣ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ очень дурной человѣкъ. Никто вѣдь не сможетъ тогда узнать дѣйствительную правду про него. Никто не сможетъ узнать, что онъ долго владѣлъ своимъ дворомъ, пользуясь общимъ уваженіемъ, никто не будетъ знать о Бауштетерѣ и его злобѣ противъ него. Только то, что записано въ церковной книгѣ, перейдетъ къ будущему поколѣнію.

И какъ же можно будетъ узнать правду потомъ, когда онъ самъ не можетъ возстановить ее теперь никакими усиліями?

Фестъ цѣлую недѣлю бѣгалъ по всѣмъ канцеляріямъ въ надеждѣ, что докажетъ имъ свою правоту. Сначала онъ пошелъ въ судъ и сталъ тамъ излагать свое дѣло. Кройсъ не далъ ему даже договорить до конца.

— Что это за судебное дѣло, когда неизвѣстно даже, на кого вы хотите подать жалобу, и что за дѣло суду до церковныхъ книгъ или до записей умершаго человѣка?

Послѣ того Фестъ поѣхалъ въ Мюнхенъ и отправился въ королевскій судъ. Но тамъ ему сказали, что если онъ

дѣйствительно хочетъ подать жалобу, то долженъ сдѣлать это въ Нусбахѣ. Ихъ это не касается. Ему посовѣтовали обратиться къ адвокату.

Онъ пошелъ къ адвокату. Но тотъ выслушалъ его съ недовѣрчивой улыбкой. Вся эта исторія показалась ему нелѣпой. Но онъ внимательно слушалъ и только вставлялъ отдѣльные вопросы.

-- Такъ вы не били вашего отца?

-- Нѣтъ.

— Вы говорите, что все это выдумано? Что во всемъ обвиненіи нѣтъ ни слова правды?

— Ни единаго слова, господинъ адвокатъ.

Адвокатъ снова улыбнулся.—Удивительно, какъ крестьяне любятъ хитрить,—подумалъ онъ. Врутъ своему адвокату и думаютъ, что этимъ выиграютъ дѣло.

— Ты ничего не добьешься, Фестъ, — сказалъ онъ вслухъ.—Теперешній священникъ ссылается на стараго, а того къ суду притянуть нельзя, потому что онъ умеръ. Если ты обжалуешь за клевету другихъ, они скажутъ, что повторяли только написанное твоимъ врагомъ, священникомъ Хельдомъ. И если даже ты будешь имѣть свидѣтелей, что они могутъ показать? Въ лучшемъ случаѣ они скажутъ, что при нихъ ты никогда не обижалъ отца. Но это еще не доказываетъ, что священникъ Хельдъ или теперешній, Бауштетеръ, солгали. Я-то готовъ вѣрить тебѣ, но судъ не столь довѣрчивъ. Судьи скажутъ: «Конечно, онъ не при людяхъ билъ отца». Вотъ и все.

И адвокатъ сталъ потирать руки, довольный убѣдительностью своихъ словъ. Но замѣтивъ, что Фестъ очень огорченъ, онъ попытался утѣшить его.

— Я бы радъ былъ тебѣ помочь, Фестъ,—сказалъ онъ болѣе мягко.—Но подавать въ судъ не имѣетъ смысла: ты ничего не добьешся. Вотъ что я тебѣ посовѣтую. Пойди въ церковный совѣтъ и разскажи тамъ о твоемъ дѣлѣ. Церковь предпочитаетъ теперь не ссориться съ крестьянами; можетъ быть, они тамъ заступятся за тебя передъ вашимъ священникомъ и постараются, чтобы дѣло кончилось миромъ.

Фестъ ушелъ отъ адвоката и пошелъ со своимъ горемъ и своимъ справедливымъ гнѣвомъ въ душѣ по широкимъ площадямъ и узкимъ улицамъ; онъ пришелъ, наконецъ, къ дому, гдѣ жилъ каноникъ Шпетъ, членъ церковнаго совѣта. Къ нему и направилъ его адвокатъ.

Ему открыла дверь престарѣлая дѣвица и сказала, что брата ея нѣтъ дома, но что онъ придетъ черезъ полъ-часа. Фестъ попросилъ позволенія подождать и сѣлъ на скамейку

въ передней. Прошелъ цѣлый часъ, а каноникъ все не возвращался. Отъ времени до времени сестра хозяина выглядывала въ переднюю посмотрѣть, не ушелъ ли посѣтитель. Но Фестъ продолжалъ терпѣливо и неподвижно сидѣть на мѣстѣ. Ему не было скучно: онъ былъ такъ погруженъ въ мысли, что не замѣчалъ, какъ шло время.

Наконецъ, послышался звукъ шаговъ на лѣстницѣ; они приблизились къ двери. Въ переднюю вошелъ старый священникъ и, увидавъ Феста, спросилъ, что ему нужно. У него было умное привѣтливое лицо, и Фестъ сталъ излагать ему свое дѣло съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ адвокату. Старикъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ, попросилъ его сѣсть и сталъ внимательно слушать его.

Фестъ разсказывалъ очень обстоятельно, упоминая всѣ побочныя обстоятельства. Такъ какъ адвокатъ подалъ ему лишь очень слабую надежду, то онъ хотѣлъ изложить все какъ можно убѣдительнѣе и ничего не пропустить. Каноникъ качалъ головой и отъ времени до времени смотрѣлъ на Феста испытующимъ взглядомъ. Но онъ ни разу не перебилъ его и продолжалъ молчать еще нѣсколько времени послѣ того, какъ Фестъ кончилъ свой разсказъ. Вполнѣ твердаго мнѣнія обо всей этой исторіи онъ, конечно, сразу не могъ составить себѣ, но онъ ясно увидѣлъ, что опять чрезмѣрное усердіе и превышеніе церковной власти привели къ печальнымъ результатамъ. Вотъ причина, почему крестьяне все болѣе и болѣе враждебно относятся къ духовенству. Священники теряютъ чувство мѣры, не держатся примирительной тактики. Вѣчно происходятъ столкновенія — и въ большинствѣ случаевъ совершенно непоправимыя. Священники обыкновенно заходятъ такъ далеко, что уже потомъ трудно бываетъ уступить безъ ущерба для авторитета церкви.

Докторъ Шпетъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой.

— Да, милый мой, сказалъ онъ,—то, о чемъ вы мнѣ разсказали, мнѣ очень не нравится. Но чѣмъ я вамъ могу помочь?

— Прикажите выдать записку обратно и порвать ее при всѣхъ.

— Я этого приказать не могу.

— Какъ такъ? Вѣдь вы начальникъ нашего священника.

— Онъ зависитъ отъ церковнаго совѣта, но не такъ, какъ вы это понимаете.

— Но не можете же вы допустить, чтобы явная клевета такъ и осталась занесенной въ церковную книгу.

— Въ церковныя книги ничего подобнаго не заносится.

— А онъ положилъ записку въ церковную книгу. Неужели же вы оставите ее тамъ?

— Во-первыхъ, я не могу указывать эрльбахскому священ-

нику, куда онъ долженъ класть свои бумаги, а во вторыхъ никто не можетъ приказать, чтобы онъ вернулъ записку, если онъ не добылъ ее незаконнымъ путемъ. Поймите вы это.

— Нечего мнѣ тутъ понимать. Намъ вѣдь не позволятъ внести въ книги фальшивые документы. Старшину, который сдѣлалъ бы нѣчто подобное, сейчасъ же посадили бы въ тюрьму. А для священниковъ другіе законы, что ли?

— Мы не понимаемъ другъ друга. Выслушайте меня спокойно. Эта записка—не документъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете. Это частная запись, замѣтка. Все равно, если бы вы написали у себя въ записной книжкѣ, что священникъ такой то—воръ. Никто не можетъ заставить вырвать такую запись.

— А если бы я показывалъ ее другимъ?

— Тогда бы васъ могли судить за клевету. Но вы-то не можете жаловаться въ судъ, потому что писавшій ту записку умеръ.

— Но показывалъ-то ее теперешній священникъ.

— Да, и это очень не хорошо съ его стороны. Я бы этого не сдѣлалъ, но судить его за это всетаки нельзя.

— Я вижу, что не добиться мнѣ праваго суда. Вы всѣ другъ за дружку стоите. Меня предупреждали, что я ничего не добьюсь.

— Вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ, не могу же я вамъ сказать то, во что не вѣрю самъ.

— Ну, да, конечно. Если бы крестьянинъ обидѣлъ священника, тогда было бы легко подать на него жалобу.

— Послушайте, Фестъ, не поддавайтесь гнѣву и не будьте несправедливы, я готовъ сдѣлать для васъ все, что только могу; если хотите, я напишу священнику—можетъ быть, можно будетъ порѣшить дѣло миромъ. По моему это было бы лучше всего.

— Нѣтъ, не пишите ему. Никакихъ милостей и снисхожденій я не желаю,—я требую праваго суда. Добромъ теперь уже ничего нельзя подѣлать.

— Но вѣдь онъ вашъ духовный пастырь.

— Что онъ за пастырь! Провались я на мѣстѣ, если нога моя будетъ хоть разъ еще въ церкви, или если я пойду причащаться къ этому клеветнику. Нѣтъ у меня больше вѣры въ церковь, которая терпитъ такихъ служителей. Съ меня довольно. Прощайте.

Фестъ ушелъ. На улицѣ люди останавливались и глядѣли вслѣдъ странному человѣку, который шелъ торопливыми шагами и громко разговаривалъ самъ съ собою. Ложь осталась неопровергнутой. Вся исторія была выдумана отъ слова до слова, такъ плохо къ тому же, какъ хуже и нельзя выду-

мать. Это было совершенно очевидно, а все же онъ не могъ ее опровергнуть и долженъ былъ терпѣть несправедливость. Онъ былъ совершенно безпомощенъ, совершенно безсиленъ.

И дома у Феста не было ничего, что бы могло утѣшить его. У жены были все какіе-то глупые вопросы на умѣ, а Урсула ходила по дому такой усталой, отяжелѣвшей походкой, что видъ ея еще болѣе раздражалъ Феста и разжигалъ его гнѣвъ. Скоро начнутся новыя непріятности. Его враги будутъ имѣть случай снова злорадствовать, когда Хирангль начнетъ порочить его семью на судѣ.

И нужно же было, чтобы это случилось какъ разъ теперь. Онъ будетъ видѣть, какъ всѣ исподтишка посмѣиваются, и ничего не сможетъ сказать. На судѣ его могутъ спросить, не не считаетъ ли онъ клеветой и исторію съ Урсулой. Въ этомъ увидятъ доказательство того, что его справедливо не утвердили въ почетной должности. Что это за старшина, если онъ даже не можетъ услѣдить за порядочнымъ поведеніемъ собственной дочери?

— Уходи ты съ глазъ моихъ! Тошно смотрѣть на тебя.

Часто приходилось Урсулѣ слышать это. Она тогда тихонько уходила въ хлѣвъ и горько плакала. Мать плакала вмѣстѣ съ нею.

Она была безутѣшна послѣ того, какъ Фестъ заявилъ ей, что ноги его не будетъ больше въ церкви, и что сколько бы она ни просила его, онъ не измѣнитъ своего рѣшенія. Это ей казалось самымъ ужаснымъ. Она стала просить, чтобы онъ ходилъ къ обѣдни въ Веблингъ, если ему ужъ такъ непріятно бывать въ эрльбахской церкви. А то вѣдь на него будутъ смотрѣть, какъ на язычника. И какъ же онъ пойдетъ къ исповѣди, если не будетъ бывать въ церкви по воскресеньямъ? Фестъ отвѣтилъ, что это его совершенно не безпокоитъ, такъ какъ онъ не намѣренъ больше бывать у исповѣди. Въ отвѣтъ на всѣ дальнѣйшія ея мольбы онъ строго сказалъ, чтобы она оставила его въ покоѣ.

Она поняла тогда, что всѣ просьбы напрасны, и уже больше не приставала къ мужу. Но, когда она оставалась одна въ кухнѣ, то садилась подлѣ плиты и плакала, закрывъ лицо передникомъ. Ея маленькій мірокъ пошатнулся въ самыхъ основахъ. Смыслъ жизни—если не считать работы—заключался для нея въ церковныхъ празднествахъ. Они были такъ тѣсно связаны съ самымъ теченіемъ жизни, что казались неотъемлемой частью существованія. Всюду, во всѣхъ порядочныхъ, пользующихся общимъ почетомъ семьяхъ принято было, чтобы мужъ и жена ходили вмѣстѣ въ церковь. А съ этихъ поръ она должна будетъ ходить одна. Мужъ ея уже никогда не будетъ сидѣть рядомъ съ нею въ церкви, даже въ самые

стинѣ, а настоящій деревенскій хлѣвъ, какъ повсюду въ нѣмецкихъ деревняхъ, съ деревянной перегородкой для свиней, съ отверстіемъ на верху, черезъ которое бросаютъ внизъ сѣно, со всякаго рода утварью, ручной повозкой, ведромъ для воды, скамейкой, для того, чтобы доить коровъ, съ ведрами для молока, съ вилами, прислоненными къ стѣнѣ. За жердью, отдѣлявшей часть хлѣва, стоялъ быкъ, и тоже не палестинскій быкъ, а настоящій нѣмецкій, съ бурыми и бѣлыми пятнами. Оселъ рядомъ съ нимъ имѣлъ болѣе восточный видъ, потому что художникъ рѣзалъ его изъ дерева не съ натуры. За хлѣвомъ представленъ пейзажъ—настоящій нѣмецкій пейзажъ съ покрытыми снѣгомъ холмами и деревьями. На темномъ небѣ изображены были двѣ звѣзды, одна особенно яркая: та звѣзда, которая привела волхвовъ. На эту звѣзду глядѣли пастухи и, ослѣпленные ея свѣтомъ, закрывали глаза рукой. Передъ хлѣвомъ стояло еще нѣсколько пастуховъ. Они благоговѣйно заглядывали во внутрь. А тамъ, на опрокинутой телѣжкѣ, сидѣла Богоматерь и держала на колѣняхъ младенца, нѣжно глядя на него. Рядомъ съ нею стоялъ Іосифъ; онъ поглаживалъ лѣвой рукой свою длинную бороду, а правую радостно поднялъ вверхъ, почти касаясь ею потолка.

Жена Феста набожно глядѣла на изображеніе святого семейства, и видъ Младенца напомнилъ ей ея собственнаго ребенка, который родился минувшей осенью. Она вспомнила, что священникъ зарылъ ея младенца въ неосвященной землѣ, рядомъ съ кладбищенской стѣной, потому что дѣвочку не успѣли окрестить во имя Того, кто такъ безпомощно лежалъ на колѣняхъ матери, вотъ тутъ, въ ясляхъ. Но вѣдь въ Евангеліи было сказано, что на восьмой день совершенъ былъ обрядъ обрѣзанія и дано было младенцу имя Іисуса. Прошла, значитъ, цѣлая недѣля. А что если бы за это время случилось несчастіе, развѣ тамъ, въ Палестинѣ, тоже такъ жестоко поступили бы относительно матери? Вѣдь ея ребенокъ прожилъ едва одинъ только часъ, а между тѣмъ ему не дозволили лежать рядомъ съ родителями и ждать часа воскресенія.

Крестьянка не могла отдѣлаться отъ этихъ мыслей. Ей казалось теперь, что не случись этого, и многое пошло бы по иному. Вѣдь именно съ того дня и начались всѣ непріятности, которымъ потомъ ужъ и не было конца. Да, не случись того несчастія, и мужъ ея стоялъ бы теперь рядомъ съ нею въ церкви и не остался бы дома въ сочельникъ.

Въ толпѣ началось движеніе: священникъ у алтаря произносилъ латинскія слова особенно протяжно и торжественно. Месса кончилась.

ша въ церковь. Такъ шли много вѣковъ тому назадъ пастухи, услышавъ добрую вѣсть. Они оставили свои стада, поспѣшили туда, гдѣ свершилось міровое событіе, и первые преклонили колѣни передъ Младенцемъ. И Младенецъ сталъ ихъ защитникомъ. Онъ выросъ въ столярной мастерской, благоговѣйно глядѣлъ на натруженныя руки родителей и возымѣлъ горячее желаніе помогать людямъ. И онъ сталъ первымъ борцомъ противъ богатыхъ и властныхъ. А люди, жизнь которыхъ проходитъ въ трудахъ и страданіяхъ, почти что не знаютъ этого. Въ громкомъ церковномъ преклоненіи передъ Христомъ это больше всего забылось. Но разъ въ годъ люди должны вспомнить объ этомъ въ тихую зимнюю ночь, когда празднуютъ рожденіе Младенца. Пусть вспомнятъ тогда бѣдняки, что тотъ, кто родился въ низкомъ хлѣвѣ, всю свою жизнь потомъ стоялъ за нихъ.

Въ церкви уже стояла густая толпа, а дверь все отворялась, пропуская новыхъ пришельцевъ. Прямо противъ входа у главнаго алтаря и у стѣнъ горѣло множество свѣчей. Онѣ бросали свѣтъ и на сводчатый потолокъ, но внизу, гдѣ стояла толпа, было темно. Только кое гдѣ виднѣлся свѣтъ и въ желтоватомъ сіяніи рѣзко обрисовывались строгія линіи лица; это какая-нибудь старая крестьянка стояла съ зазженной восковой свѣчкой и читала молитвенникъ.

Видно было, какъ шевелились ея губы и какъ изо рта шелъ паръ. Толпа не стояла неподвижно; напротивъ того, всѣ переступали съ ноги на ногу, чтобы согрѣться. Изъ темноты слышался также сдержанный кашель, глухо отдававшійся подъ сводами. Затѣмъ вдругъ раздались полные аккорды органа, и всѣ другіе звуки утонули въ нихъ. Штегмюллеръ сыгралъ вступленіе, и вслѣдъ затѣмъ полилась стройная торжественная мелодія. Ее запѣлъ тонкій женскій голосъ и, взглянувъ на хоры, можно было увидѣть тамъ швею Ценци Шальмейеръ, которая всегда пѣла по воскресеньямъ въ церкви. Но обыкновенно ей приходилось произносить латинскія слова, а на Рождествѣ, по обычаю, заведенному священникомъ Хельдомъ, пѣлись нѣмецкія пѣсни.

Когда пѣніе кончилось, раздался троекратный звонъ колокольчика; священникъ направился къ алтарю въ рясѣ съ золотымъ шитьемъ, министранты звонили, и одинъ изъ нихъ размахивалъ въ воздухѣ кадиломъ. Латинскій языкъ снова вступилъ въ свои права.

Проталкиваясь черезъ толпу, жена Феста очутилась у одной изъ боковыхъ часовень. Тамъ устроены были ясли и изображена была сцена Рождества Христова. Половину всего пространства занималъ виѳлеемскій хлѣвъ, но не такой, какимъ можно было бы представить себѣ хлѣвъ въ Пале-

стинѣ, а настоящій деревенскій хлѣвъ, какъ повсюду въ нѣмецкихъ деревняхъ, съ деревянной перегородкой для свиней, съ отверстіемъ на верху, черезъ которое бросаютъ внизъ сѣно, со всякаго рода утварью, ручной повозкой, ведромъ для воды, скамейкой, для того, чтобы доить коровъ, съ ведрами для молока, съ вилами, прислоненными къ стѣнѣ. За жердью, отдѣлявшей часть хлѣва, стоялъ быкъ, и тоже не палестинскій быкъ, а настоящій нѣмецкій, съ бурыми и бѣлыми пятнами. Оселъ рядомъ съ нимъ имѣлъ болѣе восточный видъ, потому что художникъ рѣзалъ его изъ дерева не съ натуры. За хлѣвомъ представленъ пейзажъ—настоящій нѣмецкій пейзажъ съ покрытыми снѣгомъ холмами и деревьями. На темномъ небѣ изображены были двѣ звѣзды, одна особенно яркая: та звѣзда, которая привела волхвовъ. На эту звѣзду глядѣли пастухи и, ослѣпленные ея свѣтомъ, закрывали глаза рукой. Передъ хлѣвомъ стояло еще нѣсколько пастуховъ. Они благоговѣйно заглядывали во внутрь. А тамъ, на опрокинутой телѣжкѣ, сидѣла Богоматерь и держала на колѣняхъ младенца, нѣжно глядя на него. Рядомъ съ нею стоялъ Іосифъ; онъ поглаживалъ лѣвой рукой свою длинную бороду, а правую радостно поднялъ вверхъ, почти касаясь ею потолка.

Жена Феста набожно глядѣла на изображеніе святого семейства, и видъ Младенца напомнилъ ей ея собственнаго ребенка, который родился минувшей осенью. Она вспомнила, что священникъ зарылъ ея младенца въ неосвященной землѣ, рядомъ съ кладбищенской стѣной, потому что дѣвочку не успѣли окрестить во имя Того, кто такъ безпомощно лежалъ на колѣняхъ матери, вотъ тутъ, въ ясляхъ. Но вѣдь въ Евангеліи было сказано, что на восьмой день совершенъ былъ обрядъ обрѣзанія и дано было младенцу имя Іисуса. Прошла, значитъ, цѣлая недѣля. А что если бы за это время случилось несчастіе, развѣ тамъ, въ Палестинѣ, тоже такъ жестоко поступили бы относительно матери? Вѣдь ея ребенокъ прожилъ едва одинъ только часъ, а между тѣмъ ему не дозволили лежать рядомъ съ родителями и ждать часа воскресенія.

Крестьянка не могла отдѣлаться отъ этихъ мыслей. Ей казалось теперь, что не случись этого, и многое пошло бы по иному. Вѣдь именно съ того дня и начались всѣ непріятности, которымъ потомъ ужъ и не было конца. Да, не случись того несчастія, и мужъ ея стоялъ бы теперь рядомъ съ нею въ церкви и не остался бы дома въ сочельникъ.

Въ толпѣ началось движеніе: священникъ у алтаря произносилъ латинскія слова особенно протяжно и торжественно. Месса кончилась.

Работники Феста вскорѣ разнесли по всей деревнѣ вѣсть, что хозяинъ ихъ отказался отъ вѣры и не считаетъ себя христіаниномъ. Но и безъ нихъ въ Эрльбахѣ уже всѣ это знали, замѣтивъ отсутствіе Феста на всѣхъ церковныхъ торжествахъ, чередующихся почти непрерывно именно во время святокъ. Такъ, напримѣръ, онъ не пришелъ отпить священнаго святочнаго вина, не присутствовалъ при большомъ освященіи соли и воды наканунѣ Крещенія и не участвовалъ въ крестномъ ходѣ въ день Срѣтенія Господня. Жена его, конечно, принесла домой освященной соли и примѣшала его къ вину съ тѣмъ, чтобы сохранить эту смѣсь на весь годъ и давать ее каждой штукѣ скота, прибавляющейся въ хозяйствѣ за годъ. Но какъ все это можетъ идти на пользу и оградить отъ напастей, когда самъ хозяинъ не чтитъ болѣе традиціонныхъ обычаевъ. И всѣхъ другихъ обрядовъ онъ тоже не исполнялъ: не пришелъ преклонить колѣни передъ алтаремъ на слѣдующій день послѣ Срѣтенія, и ему не приложили сложенныя крестомъ двѣ свѣчи къ шеѣ для огражденія отъ болѣзней.

Дѣйствительно Фестъ ошибся, полагая, что сможетъ жить по собственнымъ законамъ. Его вражда съ священникомъ мало кого возстановила бы противъ него—во всѣ времена крестьяне враждовали съ церковью—особенно теперь, когда образовался крестьянскій союзъ. Но тотъ, кто нарушаетъ обычаи, теряетъ почву подъ ногами. Это жена Феста лучше поняла своимъ женскимъ умомъ, чѣмъ ея мужъ. Къ нему перестали относиться съ прежнимъ почетомъ—и въ собственномъ домѣ, и въ деревнѣ. Обряды старѣе людей и сильнѣе ихъ. Они освящаютъ прозаическую будничную жизнь, и этимъ заслуживаютъ уваженія; ихъ нельзя поэтому безнаказанно попирать. Они освящаютъ трудъ и придаютъ особое значеніе веселью и печали. И крестьяне соблюдаютъ обычаи съ особеннымъ постоянствомъ. Всякаго рода обряды сопровождаютъ жизнь крестьянина съ того дня, когда крестный отецъ кладетъ крестнику талеръ въ пеленки, до того часа, когда честные сосѣди трижды опускаютъ его на порогъ дома, прежде чѣмъ поднять его на плечи и нести въ церковь.

То, что Фестъ выступилъ изъ круга освященныхъ временемъ обычаевъ и обрядовъ порицалось всѣми. И портной Габерль былъ не доволенъ. Онъ открыто сказалъ своему пріятелю, что это съ его стороны очень не похвально, что всякій, кто къ нему хорошо относится, долженъ его осудить. Когда священникъ говорилъ теперь во время проповѣди, какъ его огорчаетъ вѣроотступничество одного изъ прихожанъ, то многіе изъ самыхъ почтенныхъ крестьянъ считали, что онъ исполняетъ свой долгъ.

И въ собственномъ домѣ у Феста было все больше и больше непріятностей. На Срѣтеніе всѣ рабочіе заявили ему, что уходятъ, не желая служить у хозяина, про котораго пошла дурная слава, падающая до нѣкоторой степени и на его слугъ. Новые слуги, смѣнившіе прежнихъ, никуда не годились. Они поступали съ намѣреніемъ работать, спустя рукава, и когда хозяинъ оказывался сразу же очень строгимъ, это имъ очень не нравилось. Конюхъ Гансъ, напримѣръ, служилъ до того годъ у крестьянина въ Веблингѣ, который смотрѣлъ на порядки въ домѣ сквозь пальцы и не соблюдалъ чистоты въ конюшнѣ. А Фестъ былъ какъ разъ особенно требователенъ на этотъ счетъ, онъ и самъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы у его лошадей всегда были чистыя подстилки, и сосѣдей училъ, что нужно заботиться о чистотѣ конюшни, такъ какъ отъ этого зависитъ здоровье лошадей. Гансу было лѣнь чистить конюшню и мѣнять подстилку каждый разъ, когда онъ насыпалъ кормъ лошадямъ, какъ этого требовалъ Фестъ. Какъ настоящій лѣнтяй, онъ каждый разъ выдумывалъ причины, помѣшавшія ему настлать свѣжей соломы. То онъ говорилъ, что полъ въ конюшнѣ слишкомъ жесткій, и такъ какъ нельзя каждый разъ наваливать огромную охапку соломы, то лучше класть свѣжую солому на старую. Фестъ отвѣтилъ, что онъ не жалѣетъ соломы. Не нужно, конечно, насыпать безъ мѣры, но во всякомъ случаѣ для лошадей здоровѣе жесткая подстилка, чѣмъ грязная или мокрая. Гансъ выслушалъ его, обѣщалъ стлать каждый разъ новую солому, но грязную онъ бросалъ тутъ же въ уголъ конюшни. Фестъ опять сдѣлалъ ему выговоръ, повторяя свое требованіе, чтобы онъ грязную солому бросалъ въ мусорную кучу. Конюхъ придумалъ новое оправданіе, сказавъ, что слишкомъ холодно и что онъ не хотѣлъ отворять дверь конюшни, чтобы не простудить лошадей. Фестъ отвѣтилъ, что это глупости, и велѣлъ отворять дверь конюшни какъ можно чаще и содержать конюшню въ полной чистотѣ.—Воздухъ,—сказалъ онъ,—полезенъ и для скота, и для человѣка.

Нѣсколько недѣль Гансъ исполнялъ его приказанія. Но потомъ онъ опять какъ-то бросилъ свѣжую настилку на прежнюю. На этотъ разъ Фестъ уже вышелъ изъ себя.

— Я-жъ тебѣ сказалъ, что не позволяю этого,—крикнулъ онъ очень сердито.—На вѣтеръ это я, что ли, говорилъ?

— Лошадямъ слишкомъ жестко лежать, — оправдывался конюхъ. — Да прежняя солома вовсе еще не промокла. У Дальгамера мы не мѣняли настилки по три и по четыре дня.

— Мнѣ что за дѣло до порядковъ у Дальгамера? У меня будетъ такъ, какъ я велю. Запомни себѣ это.

Гансъ сердито убралъ промокшую солому и настлалъ

свѣжей. Сдѣлавъ это, онъ отвязалъ передникъ и надѣлъ куртку. Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ въ трактирѣ; прошло три часа, онъ все продолжалъ сидѣть тамъ. Онъ надвигалъ шляпу то на одно ухо, то на другое, и каждый разъ, когда кельнерша приносила ему новую кружку пива, онъ угощалъ ее и вступалъ съ ней въ разговоръ. Онъ говорилъ, что не позволитъ помыкать собой — въ особенности, такому хозяину. Онъ согласенъ работать такъ, какъ работалъ у Дальгамера въ Веблингѣ, но этихъ новомодныхъ штукъ онъ знать не желаетъ, и очень жалѣетъ, что ушелъ отъ Дальгамера.

Лошади стали обнаруживать безпокойство, когда въ обычное время никто не явился кормить ихъ. Фестъ пошелъ самъ въ конюшню и увидѣлъ, что работника нѣтъ дома. Онъ насыпалъ самъ кормъ лошадямъ и очень разсердился на Ганса за то, что онъ такъ облѣнился въ короткое время. Когда Гансъ, наконецъ, показался во дворѣ, Фестъ подошелъ къ нему.

— Это ты откуда? — спросилъ онъ. — Не знаешь, что-ли, въ какое время нужно кормить лошадей?

— Да я бы самъ успѣлъ ихъ накормить.

— Успѣлъ бы? А лошадямъ ждать прикажешь, что ли, пока въ тебя больше не влѣзетъ пива. Отъ тебя такъ и несетъ пивомъ!

— Я не напивался. А ругать себя изъ за кружки пива я не позволю.

— Если ты еще разъ пойдешь въ трактиръ въ рабочее время, я тебя выгоню.

— Нечего грозить. Я и самъ уйду. Пойду поищу службу у порядочныхъ хозяевъ.

— Не говори лишняго. Смотри ты у меня!

— Чего тамъ смотрѣть? Я въ первый же день пожалѣлъ, что поступилъ къ тебѣ. Всѣ говорятъ, что служить у тебя стыдно. Ты даже не христіанинъ. Ты совсѣмъ не человѣкъ.

— Убирайся къ себѣ въ комнату и сейчасъ же собери вещи. Завтра съ утра, чтобы твоего духу здѣсь не было. Твою книжку и жалованье за мѣсяцъ я тебѣ пошлю. И не смѣй мнѣ больше на глаза показываться!

Гансъ ушелъ отъ Феста на слѣдующее же утро. Черезъ нѣсколько дней ушла и служанка, повздоривъ съ хозяйкой изъ за пустяковъ. Булочница Ульрихъ Марія нашла ей лучшее мѣсто, гдѣ она не рисковала спасеніемъ своей души.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА.

Житомірская гимназія.—Отъѣздъ.

Въ іюлѣ 1864 года маленькій, сухощавый еврей Мордко принесъ мнѣ мой первый мундиръ съ краснымъ воротникомъ и съ мѣдными пуговицами, и я отправился въ немъ въ первый разъ въ гимназію.

Мундиръ меня радовалъ, но шелъ я далеко не такимъ побѣдителемъ, какъ когда-то въ пансіонъ Рыхлинскаго: послѣ вступительнаго экзамена я заболѣлъ лихорадкой, первая четверть прошла безъ меня, и теперь я чувствовалъ, что жизнь этого огромнаго и при томъ казеннаго учрежденія идетъ на всѣхъ парахъ, совершенно не считаясь съ моей особой. Кромѣ того, я былъ очень малъ ростомъ, и прохожіе оглядывались на меня, смѣясь надъ тѣмъ, что такой малышъ нарядился въ мундиръ.

Въ то время только что вышли правила, запрещавшія оставаться болѣе двухъ лѣтъ въ одномъ классѣ, и въ гимназіи еще доживали послѣдніе годы остатки прежняго поколѣнія героевъ, отпускавшихъ усы во второмъ или третьемъ классѣ. Оно смѣшалось съ большинствомъ малышей, господствуя, какъ дубы надъ мелкой порослью, а я считалъ себя передъ ними одной изъ самыхъ ничтожныхъ былинокъ...

Еще въ то время, когда я былъ въ пансіонѣ, мимо нашихъ воротъ каждое утро проходилъ въ гимназію нѣкто Шумовичъ, малый лѣтъ восемнадцати, широкоплечій, приземистый, съ походкой молодого медвѣдя и необыкновенно серьезнымъ, почти угрюмымъ взглядомъ. Между нимъ и нами (съ моимъ младшимъ братомъ) установились въ теченіе полуторыхъ или двухъ лѣтъ своеобразныя отношенія: если кто-нибудь изъ насъ попадался ему на дорогѣ, онъ сгребалъ попавшагося въ свои медвѣжьи лапы и нѣкоторое время безмолвно жалъ, сплющивалъ носъ, хлопалъ пальцами по ушамъ и, наконецъ, повернувъ къ себѣ спиной, пускалъ въ пространство ловкимъ ударомъ колѣна...

Продѣлавъ все это съ какимъ-то величавымъ равнодушіемъ и незлобіемъ, онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, шелъ дальше той же неторопливо развалистой походкой. Все это внушало намъ почтительный страхъ. Шумовичъ казался намъ высшимъ существомъ и, завидѣвъ его еще издали, мы спѣшили скрыться въ ворота, осторожно выглядывая изъ-за забора, пока дюжій гимназистъ прослѣдуетъ мимо. Но когда онъ отходилъ на безопасное разстояніе, насъ что-то тянуло за нимъ. Мы выбѣгали со двора и даже порой робко окликали его: „Шумовичъ, Шумовичъ!“ Онъ останавливался, поворачивался и серьезнымъ взглядомъ измѣрялъ разстояніе... Это всегда заставляло насъ ретироваться.

Теперь, войдя въ первый разъ въ свое отдѣленіе, я съ непріятнымъ изумленіемъ увидѣлъ этого богатыря на одной изъ партъ второго класса. Новое правило застигло здѣсь его продолжительную гимназическую карьеру, и эта неожиданная встрѣча еще усилила во мнѣ сознаніе моего ничтожества. Впрочемъ, Шумовичъ или дѣйствительно не узналъ меня, или не хотѣлъ возобновлять въ памяти недавнее прошлое. Впослѣдствіи онъ оказался хорошимъ товарищемъ и, кажется, окончилъ курсъ...

Мое мѣсто по алфавиту пришлось на третьей скамьѣ. Рядомъ сидѣлъ мальчикъ, немного выше меня ростомъ, въ разстегнутомъ мундирѣ съ очень короткою талеей. У него былъ крутой лобъ, большіе свѣтло-голубые глаза съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, и буйные каштановые волосы завитками вставали надъ лбомъ. Въ его движеніяхъ виднѣлась безпечная увѣренность, которой не бываетъ у новичковъ, а только у „старыхъ“ школяровъ, чувствующихъ себя въ школьной средѣ, какъ дома.

Между тѣмъ въ корридорѣ пробилъ звонокъ, классъ затихъ, и на каѳедру вошелъ учитель Прелинъ. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, повидимому недавно съ университетской скамьи, въ новенькомъ мундирѣ и свѣтлыхъ неформенныхъ брюкахъ. Послѣ молитвы онъ сдѣлалъ перекличку:

— Абрамовичъ, Баландовичъ, Буяльскій, Бехъ, Варшаверъ, Варшавскій...

Моя фамилія прозвучала для меня въ этомъ рядѣ именъ,—какъ-то ново, чуждо и странно. Окончивъ перекличку, молодой учитель поискалъ чего-то глазами и сказалъ опять съ странной для меня отчетливостью:

— Ко-ро-ленко.

Я вздрогнулъ и безпомощно оглянулся, не зная, что дѣлать. Кто-то толкнулъ меня сзади: иди! Но тотчасъ же мой сосѣдъ крикнулъ громко: „Онъ былъ боленъ“...

— Боленъ, боленъ, боленъ... Не готовилъ...—загудѣлъ классъ, и я почувствовалъ въ этомъ крикѣ общую защиту. Однако, я уже стоялъ, потупясь, у каѳедры.

— Вы не приготовили урока?—спросилъ Прелинъ.

— Я... былъ боленъ,—сказалъ я, чувствуя, что слезы навертываются у меня на глаза...

— Боленъ, боленъ, боленъ!..—опять гудѣлъ классъ.

— Ну, хорошо. Я только хотѣлъ съ вами познакомиться,—сказалъ Прелинъ, мягко улыбаясь.—Съ вами мнѣ придется заняться особо. Зайдите ко мнѣ завтра, послѣ обѣда. Садитесь.

Я сѣлъ на мѣсто, совершенно покоренный серьезнымъ и ласковымъ взглядомъ этого молодого человѣка въ синемъ мундирѣ.

Урокъ не дошелъ еще до половины, когда дверь распахнулась, и въ ней появился господинъ очень большого роста, державшійся прямо, почти по военному. Это былъ—директоръ, если не ошибаюсь, Киченко. Едва поклонившись Прелину, онъ всталъ на серединѣ и сказалъ отрывистымъ и громкимъ, но невнятнымъ голосомъ:

— Четвертныя отмѣтки... Слушать... Абрамовичъ... Баландовичъ... Буяльскій...

Онъ, точно изъ мѣшка, сыпалъ фамиліи, названія предметовъ и отмѣтки... По временамъ изъ этого потока вырывались краткія сентенціи: „похвально“, „совѣтъ высказываетъ порицаніе“... „угроза розогъ“, „вып-пороть мерзавца“. Назвавъ мою фамилію, онъ прибавилъ: „много пропущено... стараться“... Пролаявъ послѣднюю сектенцію, онъ быстро сложилъ журналъ и такъ же быстро вышелъ.

Въ классѣ на время поднялся шумъ. Сзади кто-то заплакалъ. Прелинъ, красный и какъ будто смущенный, наклонился надъ журналомъ. Мой голубоглазый сосѣдъ въ узкомъ мундирчикѣ толкнулъ меня локтемъ и спросилъ просто, хотя съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ:

— Слушай... Что онъ сказалъ обо мнѣ: „угроза розогъ“ или „выпороть мерзавца“?

— Я не замѣтилъ.

— Свинья... тебѣ не жаль товарища?

— Но вѣдь и ты самъ не замѣтилъ...

— Да, чортъ его знаетъ... лаетъ, какъ собака...

— Крыштановичу что?... Кто замѣтилъ?—заговорили кругомъ.—Кажется „угроза“...

— Нѣтъ, „выпороть мерзавца“... Я слышалъ, — сказалъ кто-то сзади.

— Нў?—повернулся Крыштановичъ.

— Вѣрно, братъ, вѣрно...

— А, такъ и чортъ съ ними,—сказалъ Крыштановичъ, стараясь казаться безпечнымъ, между тѣмъ, какъ я смотрѣлъ на него съ невольнымъ приливомъ сочувствія и жалости.

— Ты будешь учиться?—спросилъ онъ у меня, переводя разговоръ съ непріятнаго предмета.

— А то какъ же?—спросилъ я наивно.

— А я не буду... Я хочу, чтобы меня отдали въ телеграфисты...

Прелинъ постучалъ карандашомъ по каѳедрѣ и началъ объяснять урокъ зоологіи... Объяснялъ онъ живо, интересно. Всѣ, даже Крыштановичъ, слушали внимательно и съ увлеченіемъ...

Въ ближайшую перемѣну я почувствовалъ себя совершенно потеряннымъ на дворѣ, среди подвижной крикливой и шаловливой толпы гимназистовъ. Мой растерянный видъ, очевидно, обращалъ вниманіе: меня толкали, вертѣли, били сзади двумя пальцами по ушамъ. Ударить такъ, чтобы щелкнуло, точно хлопушкой, называлось на польскомъ гимназическомъ жаргонѣ,—„дать фаца“; нѣкоторые „старые“ гимназисты достигали въ этомъ искусствѣ необыкновенныхъ успѣховъ, а мои нѣсколько торчавшія уши, при коротко остриженной головѣ, — представляли значительныя удобства для этихъ упражненій. Вскорѣ, однако, за меня заступился мой знакомый, Ольшанскій.

Это былъ сынъ бѣдной вдовы, знакомой въ нашей семьѣ, малый нѣсколько старше меня, уже второй годъ сидѣвшій въ первомъ классѣ, необыкновенно толстощекій, шаловливый и жизнерадостный. Онъ взялъ меня подъ свое покровительство, вытащилъ изъ кучи обидчиковъ и сталъ показывать достопримѣчательности гимназіи. У него были всѣ пріемы „стараго гимназиста“ и, конечно, онъ гордился ролью покровителя.

Между тѣмъ, „перемѣна“ кончилась. На крыльцо вышелъ человѣкъ низкаго роста, въ широкихъ штанахъ и старомъ солдатскомъ мундирѣ безъ погонъ. Онъ поднялъ надъ головою большой звонокъ и сталъ трясти его, оглашая звономъ весь шумный дворъ. Гимназисты кинулись въ корридоръ. Ольшанскій потащилъ и меня за руку, точно спасая отъ какой-то опасности, но около звонаря остановился и, показывая мнѣ на него пальцемъ, сказалъ съ необыкновенно радостнымъ видомъ:

— Смотри... вотъ—Мина!

Мина, который между тѣмъ пересталъ звонить и остановился, опершись плечомъ о косякъ двери (любимая поза гимназическихъ сторожей) посмотрѣлъ на Ольшанскаго черезъ плечо и сказалъ:

— Смотри, Ольшанской... Скоро суббота, урки, небось, опять не вытвердилъ.

Ольшанскій показалъ ему языкъ и скрылся въ корридорѣ.

При видѣ знаменитаго Мины я испыталъ нѣкоторое разочарованіе: это былъ приземистый человѣкъ, съ длинными руками, съ свѣжимъ румянымъ лицомъ и коротко остриженными свѣтлыми волосами. Длинный, прямой носъ какъ бы утопалъ въ очень толстыхъ свѣтлыхъ усахъ, и въ общемъ фигура производила впечатлѣніе добродушнаго комизма. Между тѣмъ, это была личность необыкновенно популярная въ школьномъ мірѣ, и слава сторожа Мины распространялась далеко за предѣлы гимназическаго двора. Еще въ пансіонѣ Рыхлинскаго я зналъ, что жена Мины (Миниха) кормитъ учениковъ за три гроша необыкновенно вкусными пирожками, а самъ Мина по субботамъ, въ карцерѣ, угощаетъ ихъ розгами...

Было даже произведеніе устной гимназической поэзіи, переходившей изъ устъ въ уста, отрывки котораго и до сихъ поръ сохранились въ моей памяти. Года за два или за три передъ тѣмъ, еще въ „старой гимназіи“ (затхломъ и тѣсномъ зданіи на Малой Бердичевской улицѣ) разыгралась довольно громкая исторія: одинъ ученикъ былъ заподозрѣнъ или даже уличенъ въ томъ, что похитилъ изъ класса нѣсколько книгъ и продалъ ихъ букинисту. Совѣтъ приговорилъ его къ наказанію розгами и, при томъ, кажется, въ нѣсколько пріемовъ. Мина являлся исполнителемъ, директоръ, Киченко, ярый приверженецъ порки—руководилъ экзекуціей, которая приняла характеръ истязанія. Мальчикъ и послѣ нея былъ оставленъ въ карцерѣ, но отецъ его, узнавшій объ этой исторіи, явился въ гимназію, произвелъ шумъ, побѣдилъ при этомъ и Мину, и Киченка, извлекъ сына изъ карцера и взялъ его совсѣмъ изъ гимназіи. Это было въ разгарѣ споровъ о томъ „пороть-ли розгами ребенка“, исторія, кажется, грозила даже непріятностями, но ее удалось замять, и только гимназическая сатира увѣковѣчила событіе, въ видѣ слѣдующей славянской былины:

„Бѣ нѣкій человѣкъ, именемъ дерзновенный Прометей, сирѣчь Буйвидъ *). И той похищаше священный огнь съ небесе, сирѣчь книги изъ класса. И богъ Зевесъ, сирѣчь директоръ Киченко, приковаше его къ кавказской скалѣ, сирѣчь къ скамьѣ въ карцерѣ, и свирѣпый коршунъ, сирѣчь Мина, клеваше печень его, сирѣчь з—цу, желѣзнымъ клювомъ, сирѣчь розгою“...

*) Фамилія вымышлена.

Дальше былина въ томъ же эпическомъ стилѣ повѣствовала, какъ нѣкій мужъ, именемъ Гераклъ, сирѣчь Буйвидъ-отецъ проникъ до кавказской скалы, побѣдилъ силою мышцъ и свирѣпаго коршуна, и самого Зевеса, послѣ чего извлекъ злополучнаго Прометея...

Въ ближайшую субботу мой пріятель Ольшанскій показался мнѣ нѣсколько озабоченнымъ. Его маленькіе веселые глазки не свѣтились прежнимъ весельемъ, и мимо Мины онъ проскользнулъ какъ-то стыдливо и незамѣтно.

Сосѣдъ мой, Крыштановичъ, съ которымъ въ эти два-три дня мы сошлись близко и каждый день уходили вмѣстѣ изъ гимназіи,—тоже былъ настроенъ нѣсколько задумчиво и передъ послѣднимъ урокомъ сказалъ:

— Меня сегодня будутъ драть. Ты подождешь?

Я нѣсколько колебался. Перспектива порки, сопротивленія, можетъ быть, заглушенныхъ криковъ,—меня вчужѣ волновала, и я даже думалъ, что ему мое присутствіе будетъ непріятно. Но онъ безпечно тряхнулъ волосами надъ крутымъ лбомъ и сказалъ:

— Это не долго. Я попрошу, чтобы поскорѣе...

— Тебѣ это... ничего?—спросилъ я съ сочувствіемъ.

— А, чортъ съ ними. У насъ, братъ, въ Бѣлой Церкви не такъ драли. Черви заводились. Отецъ тоже лупитъ здорово...

Я остался. Когда корридоры опустѣли, въ нихъ появился надзиратель Журавскій, а за нимъ шла кучка оставленныхъ безъ обѣда гимназистовъ. Ихъ слѣдовало отвести въ карцеръ, но карцеръ въ эту первую субботу послѣ „четвертныхъ“ былъ нуженъ для болѣе важнаго дѣла, и потому Журавскій развелъ ихъ по классамъ. Крыштановичъ съ совершенно дѣловымъ видомъ подошелъ къ нему и изложилъ свою просьбу. Журавскій посмотрѣлъ въ списокъ, кивнулъ головой, и вскорѣ красивая фигурка моего пріятеля въ мундирчикѣ съ короткой таліей скрылась за дверями карцера вмѣстѣ съ Миной и другимъ сторожемъ. Всѣ они шли рядомъ, спокойно, даже дружелюбно, какъ люди, по общему уговору отправляющіеся на дѣловое свиданіе. За ними прошелъ Журавскій, и дверь захлопнулась.

Въ корридорахъ стало тихо и какъ-то особенно жутко, какъ бываетъ въ зданіяхъ, гдѣ еще недавно стоялъ привычный шумъ. Сердце у меня сильно билось и стучало... Я ждалъ крика, рыданій, просьбъ, но ничего не было слышно, и только черезъ нѣкоторое время я замѣтилъ, что изъ-за двери доно-

сится какое-то свистящее тиканье. Я не успѣлъ сообразить, что это такое, какъ тиканье уже прекратилось, дверь открылась, и изъ нея вышелъ Мина. Своей развалистой походкой онъ направился къ одному изъ классовъ, щелкнулъ ключомъ, и тотчасъ же изъ-за открытой двери послышался отчаянный ревъ. Послѣ нѣкоторой возни на порогѣ опять появился Мина, таща за руку отчаянно упиравшагося Ольшанскаго. Ротъ у моего жизнерадостнаго знакомца былъ открытъ до ушей, толстыя щеки измазаны слезами и мѣломъ, онъ ревѣлъ во весь голосъ, хватался за косяки, потомъ даже старался схватиться за гладкія стѣны... Но Мина, равнодушный, какъ сама судьба, безъ всякаго видимаго усилія увлекалъ его къ карцеру, откуда уже выходилъ Крыштановичъ, застегивая подъ мундиромъ свои подтяжки. Лицо его было немного краснѣе обыкновеннаго, и только. Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на барахтавшагося Ольшанскаго и сказалъ мнѣ:

— Вотъ дуракъ... Что этимъ выиграетъ?..

Его глаза засвѣтились насмѣшливымъ огонькомъ.

— И урѣжетъ же ему теперь Мина... Постой,—прибавилъ онъ, удерживая меня и прислушиваясь.

Мина со своей жертвой скрылся за дверью... Черезъ минуту раздался рѣзкій звукъ удара—ж-жикъ—и отчаянный вопль...

Мы подходили уже къ калиткѣ, пройдя большой гимназическій дворъ, когда изъ корридора вылетѣлъ Ольшанскій; онъ ронялъ книги, оглядывался и на ходу доканчивалъ свой туалетъ. Впрочемъ, въ ближайшій понедѣльникъ онъ опять былъ радостенъ и безпеченъ...

Въ назначенный день я пошелъ къ Прелину. Робко, съ замирающимъ сердцемъ нашелъ я маленькій домикъ на Сѣнной площади, съ балкономъ и клумбами цвѣтовъ. Прелинъ, въ свѣтломъ лѣтнемъ костюмѣ и бѣлой соломенной шляпѣ, возился около цвѣтника. Онъ встрѣтилъ меня очень радушно, задержалъ немного въ саду, мимоходомъ показывалъ и называлъ цвѣты, а потомъ ввелъ въ комнату. Здѣсь онъ взялъ мою книгу, размѣтилъ ее, показалъ, что уже пройдено, раздѣлилъ пройденное на части, разъяснилъ болѣе трудныя мѣста и указалъ, какъ мнѣ догнать товарищей.

Вышелъ я отъ него растроганный, умиленный, почти влюбленный. Въ его обращеніи не было ни снисходительности, ни слащавости, объяснялъ онъ серьезно и дѣловито, но во всей фигурѣ было что-то ясное и чистое... Придя домой, я сталъ жадно поглощать отмѣченныя мѣста въ книгѣ.

Это было время перелома во всей русской жизни; новыя вѣянія проникали, конечно, и въ гимназическій строй. Наша житомірская гимназія была лишь недавно переведена изъ

стараго, тѣснаго и затхлаго зданія,—въ новое. Все было свѣжо, чисто, все еще пахло свѣжею краской. Но во внутреннемъ строѣ старое крѣпко отстаивало себя противъ новыхъ вѣяній, и фигуры, въ родѣ Прелина, все еще казались исключеніемъ среди старыхъ заматорѣлыхъ учителей до-реформеннаго типа.

Попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, къ которому принадлежала и наша гимназія, былъ знаменитый Н. И. Пироговъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1858 году) онъ издалъ рядъ блестящихъ статей о воспитаніи, въ которыхъ рѣшительно высказался противъ розогъ. Затѣмъ въ 1859 году онъ созвалъ извѣстное совѣщаніе, въ которомъ участвовали, кромѣ попечителя—его товарищъ, директоры гимназій, профессора (Шульгинъ и Гогоцкій) и нѣкоторые учителя. Этотъ „комитетъ“ рѣшилъ сохранить розгу, но только,—въ видахъ „развитія чувства законности!“—точно регламентировалъ примѣненіе наказаній. Въ результатѣ явились знаменитыя въ свое время „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій кіевскаго учебнаго округа“, въ которыхъ всѣ виды возможныхъ школьныхъ преступленій были тщательно взвѣшены и разнесены по рубрикамъ... Въ основѣ „правилъ“ лежала странная идея, будто родъ и степень наказанія органически связаны съ родомъ закононарушенія, и „каждое наказаніе проистекаетъ какъ бы само собою изъ сущности и характера проступка“. Въ числѣ проступковъ, за которыми слѣдовало тѣлесное наказаніе, значился, между прочимъ, по странному недоразумѣнію, и „религіозный фанатизмъ“...

Пироговъ, предсѣдательствовавшій въ этомъ совѣщаніи, не только не остался при особомъ мнѣніи, но еще имѣлъ слабость снабдить „правила“ своей мотивировкой. Такимъ образомъ, „правила“ появились въ „Журналѣ для воспитанія“ (за 1859 г.) съ авторитетнымъ именемъ Пирогова. Добролюбовъ, встрѣтившій первыя педагогическія статьи Пирогова восторженными похвалами,—теперь былъ горько разочарованъ, и напалъ на Пирогова въ статьѣ „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгою“ („Современникъ“ 1860). Статья вся была полна горечи и сарказма. Кромѣ того, въ „Свисткѣ“ онъ помѣстилъ шуточное подражаніе Лермонтовскому: „Выхожу одинъ я на дорогу“. Многіе мои современники помнятъ, конечно, это „*Размышленіе гимназиста лютеранскаго вѣроисповѣданія и не кіевскаго уч. округа*“. Бѣдняга въ вопросѣ о томъ, „былъ ли Лютеръ геній или плутъ“—говорилъ „слишкомъ вольно“ и проявилъ признаки лютеранскаго фанатизма. Теперь, „выходя задумчиво изъ класса“, онъ томится неопредѣленнымъ желаніемъ, чтобы его высѣкли согласно пироговскимъ правиламъ:

Но не тѣмъ сѣченіемъ обычнымъ,
Какъ сѣкутъ повсюду дураковъ,
А такимъ, какое счелъ приличнымъ
Николай Иванычъ Пироговъ.
Я-бъ хотѣлъ, чтобъ для меня собрался
Весь педагогическій совѣтъ
И о томъ, чтобъ долго препирался,—
Сѣчь меня за Лютера иль нѣтъ...
Чтобъ потомъ табличку наказаній
Показавши молча на стѣнѣ,
Дали мнѣ понять безъ толкованій,
Что достоинъ порки я вполнѣ.
Чтобъ узналъ объ этомъ попечитель,
И, лежа подъ свѣжею лозой,
Чтобъ я зналъ, что нашъ руководитель
Въ этотъ мигъ скорбитъ о мнѣ душой...

Въ этомъ спорѣ молодого журналиста съ знаменитымъ ученымъ и общественнымъ дѣятелемъ, раздѣлившимъ тогдашнюю печать на два лагеря, на долю нашей гимназіи выпала неожиданная и довольно своеобразная извѣстность. По требованію Пирогова всѣ гимназіи округа доставили для печатнаго отчета свѣдѣнія о количествѣ случаевъ тѣлесныхъ наказаній въ 1858 году. Правильны ли были эти цифры, или болѣе проницательные педагоги сообразили, что „вѣянія времени“ уже осуждаютъ порку,—сказать, конечно, трудно. Въ Житомірѣ, въ то время, былъ директоромъ Киченко, человѣкъ стараго закала, и большинство совѣта состояло изъ людей, плохо вѣрившихъ въ устойчивость всякихъ „вѣяній“. Поэтому въ своемъ отчетѣ они съ простодушной откровенностью поставили выразительную цифру: оказалось, что въ 1858 году у насъ изъ 600 учениковъ были наказаны 290. Это было въ семь разъ чаще, чѣмъ, напримѣръ, въ кіевской второй гимназіи и въ 35 разъ чаще Кіевской первой!.. Житомірская гимназія пріобрѣла сразу фельетонную извѣстность.

Мы, малыши изъ младшихъ классовъ, конечно, не читали газетъ и журналовъ и не знали обо всей этой шумной полемикѣ, въ которой наша гимназія упоминалась довольно часто, но „Размышленія гимназиста“ все же проникли къ намъ, и это было первое произведеніе Добролюбова, которое я прочелъ, не зная имени автора, въ одной изъ рукописныхъ тетрадокъ, гдѣ оно стояло на ряду съ другими гимназическими сатирами мѣстнаго производства. Впослѣдствіи, когда я сталъ читать Добролюбова, это стихотвореніе

глянуло на меня со страницъ посмертнаго изданія, какъ старый знакомый...

Тѣлесное наказаніе въ школѣ, если не ошибаюсь, уничтожено закономъ только въ 1867 году, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оно еще держалось въ видѣ компромисса: совѣтъ примѣнялъ его „съ согласія родителей" вмѣсто исключенія. Согласіе давалось, вообще говоря, довольно легко, и мои злополучные пріятели, какъ это читатель видѣлъ изъ предъидущаго, — лишены были даже того утѣшенія, о какомъ мечталъ добролюбовскій гимназистъ *не* кіевскаго округа: вся процедура была значительно упрощена, и популярный Мина дѣлалъ свое дѣло безъ всякой торжественности...

Впрочемъ, розга была всетаки осуждена безповоротно, и порка исчезала на моихъ глазахъ. Уже на слѣдующій годъ я помню только одинъ случай ея примѣненія: два гимназиста убѣжали изъ дому или изъ квартиры, направляясь въ дѣвственныя степи Америки искать приключеній... Школьный строй и тогда, какъ теперь, не могъ понять этихъ, во всякомъ случаѣ, не заурядныхъ порывовъ юной натуры къ чему-то необычному, выходящему изъ будничныхъ рамокъ, невѣдомому и заманчивому... Помню, что побѣгъ этотъ взволновалъ всю гимназію и, сидя на урокахъ, мы шепотомъ дѣлились предположеніями о томъ, гдѣ теперь наши бѣглецы и далеко ли успѣли уйти. Мы имъ удивлялись и вмѣстѣ чувствовали, что преступленіе ихъ совершенно необычно и будетъ строго наказано, если они попадутся... Дня черезъ три мы узнали, что они пойманы, привезены въ городъ и сидятъ день и ночь въ карцерѣ, въ ожиданіи педагогическаго совѣта...

Я до сихъ поръ помню, какъ одинъ изъ этихъ бѣглецовъ, угрюмо потупясь, вошелъ въ классъ, уже послѣ экзекуціи. Былъ какъ разъ урокъ ариѳметики, и на каѳедрѣ сидѣлъ маленькій, круглый Сербиновъ, человѣкъ восточнаго типа, съ чертами ожирѣвшей хищной птицы. Онъ былъ грубъ, глупъ и строгъ, преподавалъ по своему предмету одни только „правила", а рѣшеніе задачъ сводилось на переписку въ тетрадкахъ; весь классъ списывалъ у одного или двухъ лучшихъ учениковъ, и Сербиновъ ставилъ отмѣтки за чистоту тетрадей и красоту почерка. Онъ дослуживалъ срокъ пенсіи, былъ очень раздраженъ всякими новшествами и въ классѣ иной разъ принимался ругать разныхъ „дураковъ, которые пишутъ противъ розги..." Когда бѣглецъ вошелъ въ классъ, Сербиновъ съ четверть часа продержалъ его у порога, злорадно издѣваясь и цинично разспрашивая о разныхъ подробностяхъ порки. Затѣмъ, хорошо зная, что мальчикъ не могъ приготовиться,—онъ спро-

силъ урокъ и съ какимъ-то сладострастіемъ любовно и долго вычерчивалъ въ журналѣ единицу.

Прелинъ, наоборотъ, не упоминая ни словомъ о побѣгѣ, вызвалъ мальчика къ каѳедрѣ, съ серьезнымъ видомъ спросилъ, когда онъ можетъ наверстать пропущенное, вызвалъ его въ назначенный день и съ подчеркнутой торжественностью поставилъ пять съ плюсомъ...

Въ житомірской гимназіи мнѣ пришлось пробыть только два года, и потому завязавшіяся здѣсь школьныя связи были оборваны. Только одна изъ нихъ оставила во мнѣ болѣе глубокое воспоминаніе, сложное и нѣсколько грустное, но и до сихъ поръ еще живое въ моей душѣ.

Это дѣтская дружба съ Крыштановичемъ, моимъ сосѣдомъ по партѣ...

Съ перваго же дня, когда онъ ко мнѣ обратился съ своимъ простодушнымъ вопросомъ,—будутъ ли его пороть или пока только грозятъ, — онъ внушилъ мнѣ глубокую симпатію. Мнѣ нравился его крутой лобъ, его свѣтлые глаза, то сверкавшіе шаловливымъ веселіемъ, то внезапно тускнѣвшіе и заволакивавшіеся непонятнымъ мнѣ и загадочнымъ выраженіемъ, его широкоплечая фигурка съ тонкимъ станомъ, въ узкомъ старомъ мундирчикѣ, спокойная самоувѣренность и чувство какого-то особаго превосходства, сквозившее во всѣхъ его пріемахъ. Онъ былъ года на 1½ старше меня, но мнѣ казалось почему-то, что онъ знаетъ обо всѣхъ людяхъ,—учителяхъ, ученикахъ, своихъ родителяхъ—что-то такое, чего я не знаю. Онъ упорно осуществлялъ свой планъ, не приготовляя уроковъ, глубоко презиралъ и наказанія, и весь школьный режимъ, не любилъ говорить о своей семьѣ, охотно упоминая лишь о сестрѣ, которую, иной разъ, обзывалъ ласково самыми грубыми площадными названіями. Если бы кто-нибудь подслушалъ иные разсказы его о своихъ якобы похожденіяхъ съ женщинами, то, конечно, пришелъ бы въ ужасъ отъ спокойнаго цинизма этого гимназиста второго класса. Я теперь тоже вспоминаю эти разсказы съ удивленіемъ. Но мнѣ кажется, что я тогда чувствовалъ въ нихъ выдумку и своего рода хвастовство. Трудно было разобрать, говоритъ ли онъ серьезно или смѣется надъ моимъ легковѣріемъ. Въ концѣ концовъ, я увѣренъ, что это была хорошая натура, поставленная въ какія-то тяжелыя условія. Порой онъ внезапно затуманивался и уходилъ въ себя. Мнѣ вспоминаются и теперь его тускнѣвшіе въ такія минуты глаза, съ выраженіемъ затаенной печали... Какъ будто чистая сторона дѣтской души невольно грустила подъ наплывомъ затягивавшей ее грязи...

Вынесенная имъ почти на моихъ глазахъ экзекуція вне-

сла въ наши отношенія какую-то особенную ноту: я и жалѣлъ его, и, какъ будто, удивлялся ему, и готовъ былъ что-то для него сдѣлать. Создавалась какъ будто какая-то власть его надо мною, и онъ тоже сознавалъ это. Вскорѣ послѣ этого памятнаго дня, онъ сказалъ мнѣ:

— Ты мнѣ нравишься, хотя ты еще глупъ. Слушай, дай мнѣ слово, что исполнишь мою просьбу...

— Хорошо,—сказалъ я охотно.

— Завтра уйдемъ изъ церкви, и ты пойдешь со мною.

— Куда?

— Куда я поведу... Пойдешь?

— Хорошо, только надо попроситься у матери...

— Она будетъ думать, что ты въ церкви... Можешь сказать, что заходилъ къ товарищу учить уроки...

Я покраснѣлъ и замялся. Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и повелъ плечами.

— Ты боишься соврать своей матери,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ насмѣшливаго удивленія...—А я вру постоянно... Ну, однако, ты мнѣ далъ слово... Не сдержать слово товарищу—подлость.

Я сказалъ матери, что послѣ церкви пойду къ товарищу на весь день; насъ держали въ то время довольно свободно, и мать отпустила. Служба только началась еще въ старомъ соборѣ, когда Крыштановичъ дернулъ меня за рукавъ, и мы незамѣтно прошли мимо надзирателя Журавскаго, которому былъ порученъ строгій надзоръ за учениками въ церкви. Когда мы вышли изъ собора,—во мнѣ шевелилось легкое угрызеніе совѣсти, но, сказать правду,—было также что-то необыкновенно заманчивое въ этой полу-преступной прогулкѣ въ часы, когда товарищи еще стоятъ на хорахъ собора, считая эктеніи и съ нетерпѣніемъ ожидая херувимской. Казалось, даже самыя улицы имѣли въ эти часы особенный видъ.

Крыштановичъ увѣреннымъ шагомъ повелъ меня мимо прежней нашей квартиры. Мы прошли мимо старой „фигуры“ на шоссе и пошли прямо. Въ какой-то маленькой лавочкѣ Крыштановичъ купилъ двѣ булки и кусокъ колбасы. Увѣренность, съ какой онъ дѣлалъ эту покупку и расплачивался за нее серебряными деньгами,—тоже импонировала мнѣ: у меня только разъ въ жизни было 15 копѣекъ, и когда я шелъ съ ними по улицѣ, то мнѣ казалось, что всѣ знаютъ объ этой огромной суммѣ и кто-нибудь не прочь меня ограбить.

— Откуда у тебя столько денегъ?—спросилъ я у моего бойкаго товарища, когда мы вышли изъ лавочки.

— А тебѣ какое дѣло?—отвѣтилъ онъ.—Ну, укралъ у отца...

Я покраснѣлъ и не зналъ, что сказать. Мнѣ казалось, что Крыштановичъ говоритъ это „нарочно", чтобы посмѣяться надо мной, и я даже высказалъ ему это предположеніе. Онъ ничего не отвѣтилъ и опять пошелъ впередъ.

Мы миновали православное кладбище, поднявшись на то самое возвышеніе дороги, которое когда-то казалось мнѣ чуть не краемъ свѣта, и откуда мы съ братомъ ожидали „рогатаго попа". Когда мы спустились съ подъема,—знакомая мнѣ Вильская улица, домъ Коляновскихъ исчезли изъ предѣловъ нашего зрѣнія, и я почувствовалъ, что мы перешли какую то грань и идемъ уже за городомъ. По сторонамъ тянулись теперь заборы, пустыри, лачуги, землянки. Наконецъ, и онѣ остались назади. Передъ нами лежала бѣлая лента шоссе, съ звенящей телеграфной проволокой, а впереди, въ дымкѣ пыли и тумана, синѣла роща, та самая, гдѣ я когда-то въ первый разъ слушалъ шумъ сосноваго бора...

Мнѣ было жутко и пріятно. Я чувствовалъ, что мы, два гимназистика, пускаемся въ какой-то широкій просторъ и что, въ сущности, для меня это нѣчто запретное: мать едва ли предполагала такую прогулку. Міръ, открывавшійся передо мною, былъ новъ и неожиданъ. Бѣлыя облака лежали на самомъ горизонтѣ, не закрытомъ домами и крышами. Навстрѣчу попадались чумацкіе возы съ скрипучими осями, двигались высокія еврейскія балагулы, какіе-то странники оглядывались на насъ съ любопытствомъ и удивленіемъ; проѣхалъ обозъ крымскихъ татаръ, ежегодно привозившихъ въ нашъ городъ виноградъ и арбузы. Обозъ состоялъ изъ огромныхъ фургоновъ, похожихъ на вагоны, раздѣленные горизонтальной переборкой на двѣ половины. Въ одной лежали молодые татарчата, внизу были наложены арбузы и стояли ящики съ виноградомъ. Фургоны были запряжены верблюдами, которыхъ въ городѣ татары показывали за деньги. Здѣсь, на просторѣ мы смотрѣли безплатно, какъ они шлепали по шоссе мягкими ступнями, покачивая змѣиными шеями и презрительно вытягивая длинныя отвислыя губы...

Крыштановичъ шелъ все впередъ, въ разстегнутомъ мундирчикѣ и безъ шапки, а я уже былъ зачарованъ его увѣренною рѣшимостью и шелъ за нимъ, тоже снявъ фуражку и подставляя лицо свѣжему полевому вѣтру.

Такъ мы прошли версты четыре и дошли до деревяннаго моста, перекинутаго черезъ рѣчку въ глубокомъ оврагѣ. Здѣсь Крыштановичъ спустился внизъ, и черезъ минуту мы были на берегу тихой и ласковой рѣчушки Каменки. Надъ нами, высоко, высоко пролегалъ мостъ, по которому гулко

ударяли копыта лошадей, прокатывались колеса возовъ, проѣхалъ обратный ямщикъ съ тренькающимъ колокольчикомъ, передвигались у барьера силуэты пѣшедоховъ, рабочихъ, странниковъ и богомолокъ, направлявшихся въ Почаевъ.

Крыштановичъ подошелъ къ мысу, образованному извилиной рѣчки, и растянулся на прохладной зеленой травѣ; я послѣдовалъ его примѣру, и мы долго лежали, отдыхая, глядя на небо, прислушиваясь къ гудѣнію протекавшей вверху дорожной жизни и наслаждаясь мыслью, что насъ здѣсь никто не видитъ...

Я не видѣлъ лица Крыштановича, но все время чувствовалъ его около себя. Дѣтство часто безпечно проходитъ мимо самыхъ тяжелыхъ драмъ, но это не значитъ, что оно не схватываетъ ихъ чуткимъ полу-сознаніемъ. Такъ и теперь, я чувствовалъ, что въ душѣ моего пріятеля есть что-то, что онъ хранитъ про себя... Все время дорогой онъ молчалъ, и на лбу его лежала легкая складка, какъ тогда, когда онъ спрашивалъ о поркѣ.

Наконецъ, онъ сѣлъ въ травѣ. Лицо его стало спокойнѣе. Онъ оглянулся кругомъ и сказалъ:

— Правда,—хорошо?..

— Хорошо,—отвѣтилъ я.—А ты уже здѣсь бывалъ?

— Да, бывалъ.

— Одинъ?

— Одинъ... Если ты захочешь, будемъ приходить вмѣстѣ... Тебѣ не хочется иногда уйти куда-нибудь?.. Такъ, чтобы все идти, идти... и не возвращаться...

Мнѣ этого не хотѣлось. Идти—это мнѣ нравилось, но я всетаки зналъ, что надо вернуться домой, къ матери, отцу, братьямъ и сестрамъ.

Я не отвѣтилъ и черезъ нѣкоторое время, по внезапному побужденію, спросилъ въ свою очередь:

— Слушай... Отчего ты... такой?

— Какой?—переспросилъ онъ и, не давъ мнѣ выяснить свой вопросъ, прибавилъ: — брось... чортъ съ ними, со всѣми... со всѣми... Давай лучше купаться.

Черезъ минуту мы плескались, плавали и барахтались въ рѣчушкѣ такъ весело, какъ будто сейчасъ я не предлагалъ своего вопроса, который Крыштановичъ оставилъ безъ отвѣта... Потомъ мы съѣли наши запасы, побродили по Врангельевской рощѣ и пустились въ обратный путь, когда солнце уже склонялось къ верхушкамъ сосенъ. Когда же мы опять подходили къ городу, то огоньки предмѣстія свѣтились навстрѣчу въ неопредѣленной синей мглѣ...

Эта маленькая, необычная для меня прогулка очень

ярко запала мнѣ въ память, быть можетъ, именно потому, что рядомъ съ ея впечатлѣніями легло смутное, но глубокое впечатлѣніе отъ не вполнѣ понятной мнѣ личности моего пріятеля. На слѣдующій день онъ не пришелъ на уроки, и я сидѣлъ рядомъ съ его пустымъ мѣстомъ, а въ моей головѣ роились воспоминанія вчерашняго и смутные вопросы. Между прочимъ, я думалъ о томъ, кѣмъ я буду впослѣдствіи. До тѣхъ поръ я перемѣнилъ уже въ воображеніи нѣсколько родовъ дѣятельности. Видъ первой извозчичьей пролетки, запахъ кожи, краски и лошадинаго пота, а также великое преимущество держать въ рукахъ вожжи и управлять движеніями лошадей,—вызвалъ у меня желаніе стать извозчикомъ. Потомъ я воображалъ себя полякомъ XVII столѣтія, въ шапкѣ съ орлинымъ перомъ и съ кривой саблей на боку. Потомъ мнѣ очень хотѣлось быть казакомъ и мчаться пьяному на конѣ по степи, какъ мчался знакомый мнѣ удалой донской урядникъ. Теперь я былъ уже умнѣе, и мечта моя о будущемъ стала разумнѣе. Мнѣ захотѣлось быть учителемъ.

Къ этому привели меня впечатлѣнія отъ личности Прелина, съ одной стороны, и Крыштановича—съ другой. Я воображалъ себя на каѳедрѣ въ видѣ Прелина, — ко мнѣ обращены всѣ дѣтскія сердца, а я, въ свою очередь, знаю каждое изъ нихъ, вижу каждое ихъ движеніе. Въ числѣ учениковъ сидитъ также и Крыштановичъ. Я знаю, что онъ совсѣмъ не плохой, никуда негодный ученикъ, котораго надо сѣчь и исключить изъ гимназіи... Такъ какъ я —не я, маленькій гимназистъ, а прекрасный учитель, то мнѣ Крыштановичъ не говоритъ: „брось, ну ихъ къ чорту", а выкладываетъ всю свою душу. И я знаю, что нужно сказать ему, что сдѣлать, какъ измѣнить все его настроеніе и его намѣренія...

Все это было такъ завлекательно, такъ ясно и просто, какъ только и бываетъ въ мечтахъ или во снѣ. И видѣлъ я это все такъ живо, что... совершенно не замѣтилъ, какъ въ классѣ стало необычайно тихо, какъ ученики съ удивленіемъ оборачиваются на меня; какъ на меня же смотритъ съ каѳедры старый учитель русскаго языка, лысый, какъ колѣно, Бѣлоконскій, уже третій разъ окликающій меня по фамиліи... Онъ заставилъ повторить что-то имъ сказанное, разсердился и выгналъ меня изъ класса, приказавъ стать у классной двери снаружи... Я вышелъ, все еще унося съ собой продолженіе моего сна наяву, и пожалуй, ничего не имѣлъ бы противъ этого наказанія. Но едва я устроился и опять отдался теченію своихъ мыслей, какъ въ перспективѣ корридора показалась рослая фигура директора. Поровнявшись съ нашимъ классомъ, онъ остановился, кинулъ съ своей высоты

взглядъ на мою ничтожную фигурку, прижимавшуюся къ косяку, и пролаялъ стереотипную фразу:

— Выгнанъ изъ класса?.. Вып-порю мерзавца.

И затѣмъ прослѣдовалъ дальше, едва ли даже давъ себѣ трудъ поглядѣть мнѣ въ лицо. Очень вѣроятно, что черезъ минуту онъ уже не узналъ бы меня при встрѣчѣ.

Разумѣется, это было самое лучшее, чего я могъ ожидать при данныхъ обстоятельствахъ. И, однако, эта минута глубоко врѣзалась въ мою память, быть можетъ, именно потому, что этотъ незначительный эпизодъ совпалъ съ знаменательной минутой моей душевной жизни. Въ первый разъ съ такой осязательностью и ясностью въ моей дѣтской душѣ встало сознаніе, что въ окружающемъ меня мірѣ все дѣлается не такъ, какъ бы слѣдовало. И въ первый разъ этому сознанію я противопоставилъ согрѣвающую душу идеальную мечту о томъ, какъ бы слѣдовало дѣлать.

Впослѣдствіи, когда, оглядываясь на прошлую жизнь, я искалъ исходнаго пункта, съ котораго начался въ моей душѣ поворотъ, приведшій меня къ рѣзкому отрицанію существующаго, къ тюрьмамъ и ссыльнымъ этапамъ,—я, конечно, не находилъ опредѣленнаго перекрестка съ сознательнымъ выборомъ. Но все же среди безчисленныхъ впечатлѣній, просачивавшихся въ душу и измѣнявшихъ ея мирныя настроенія, — всякій разъ неизмѣнно въ памяти встаетъ эта картина: Крыштановичъ, одинокій и страдающій отъ непонятныхъ мнѣ причинъ, я самъ маленькій гимназистъ, съ только что зародившейся идеальной мечтой въ душѣ, прижавшійся къ косяку классной двери, и этотъ огромный автоматъ въ казенномъ мундирѣ съ своей механической формулой, которою въ его лицѣ казенный педагогическій міръ нашихъ властителей отвѣчалъ на эти первыя движенія дѣтскихъ душъ:

— Вып-порю мерзавца...

Въ 1866 году одинъ эпизодъ „большой политики“ долетѣлъ отголосками до нашей гимназіи: выстрѣлъ Каракозова. Вспоминая теперь свои впечатлѣнія по этому поводу, я удивляюсь тому, какъ слабо воспринималось это событіе: я не помню ни разговоровъ по этому поводу съ товарищами, ни даже вопросовъ: что это, изъ-за чего и кому было нужно? Впрочемъ, событіе получило нѣкоторое оффиціальное отраженіе.

Послѣ каникулъ былъ торжественный актъ. Насъ собрали въ гимназію и повели въ залъ дворянскаго собранія. Здѣсь словесникъ Шавровъ прочиталъ годичный отчетъ,

произнесъ рѣчь, которая совсѣмъ не сохранилась въ моей памяти, а затѣмъ на эстраду выступилъ гимназистъ, небольшого роста, съ большой курчавой головой, и какимъ-то напряженнымъ тономъ съ выкрикиваніями и сильнымъ акцентомъ прочелъ стихотвореніе, въ которомъ говорилось о „чудесномъ спасеніи". Стихотвореніе было напыщенно и высокопарно. Оно начиналось вопросомъ въ родѣ: „Куда текутъ народа шумны волны?"—а затѣмъ сообщало, что

Ужасная вѣсть обтекаетъ Россію
Объ умыслѣ зломъ на царя...
Но чудо свершилось предъ всѣми въ-очію
Вѣнчанную жизнь сохраня...

По окончаніи чтенія, поэтъ поднесъ губернаторшѣ свитокъ со своимъ произведеніемъ, а архіерей поцѣловалъ гимназиста-еврея въ голову.

Я, разумѣется, былъ тогда очень далекъ отъ „внутренней политики": и выстрѣлъ Каракозова казался и мнѣ, и моимъ товарищамъ явленіемъ далекаго, почти отвлеченнаго міра. Помню, однако, что чтеніе юнаго поэта (его фамилія была Варшавскій) произвело на меня—непосредственно и инстинктивно—рѣзко отрицательное впечатлѣніе: зачѣмъ онъ такъ подымаетъ голову? Почему онъ кричитъ не своимъ голосомъ?... Стихи мнѣ тоже не нравились. Я стоялъ на хорахъ, вмѣстѣ со своимъ классомъ,—малыши впереди—и, перегнувшись черезъ перила, мы смотрѣли, какъ смѣшно Варшавскій подходитъ къ рукѣ архіерея, и тотъ прикасается губами къ его жесткой курчавой головѣ. На лицахъ моихъ товарищей было или безразличное любопытство, или насмѣшливыя улыбки...

Стихотвореніе появилось въ гимназическомъ журналѣ, который позволено было печатать въ губернской типографіи. Вышло, кажется, два или три номера. Губернская канцелярія и редакторство учителей убивали свободный полетъ гимназической поэзіи, и она хирѣла... Былина о „Коршунѣ-Минѣ и Прометеѣ Буйвидѣ", конечно, не могла бы найти мѣста въ этомъ журналѣ, какъ и другія, порой несомнѣнно остроумныя сатиры безымянныхъ поэтовъ-школьниковъ...

Между тѣмъ, мѣстная политика уже развернулась въ обрусительномъ направленіи. Пансіонъ Рыхлинскаго былъ закрытъ, его сыновья сосланы въ Сибирь, одинъ изъ нихъ, самый старшій, умеръ въ дорогѣ, гдѣ-то на этапѣ. Чиновниковъ-поляковъ удаляли со службы, въ гимназіи запрещали мальчикамъ-полякамъ говорить по-польски даже внѣ класса...

Въ обществѣ начиналась рознь, которой не было до возстанія. Въ это время въ гор. Дубно, нашей губерніи, случилось событіе, отразившееся на судьбѣ нашей семьи, а отчасти и на всемъ моемъ будущемъ. Въ этомъ городѣ былъ судья, кажется, Дубецкій, принявшій православіе и, какъ всѣ ренегаты—жестоко преслѣдовавшій соплеменниковъ. Однажды, когда онъ шелъ по улицѣ, его настигъ полякъ (помнится, по фамиліи Бобрикъ); въ рукахъ у него была палка съ набалдашникомъ въ видѣ желѣзнаго топорика. Онъ окликнулъ судью и, когда тотъ повернулся,—ударомъ по головѣ уложилъ его на мѣстѣ.

Бобрика судили военнымъ судомъ и приговорили къ разстрѣлянію. Кажется, были предположенія о невмѣняемости, но, конечно, и тогда, какъ теперь, военные суды не входили въ эти тонкости. Пріѣхавшій изъ Дубно знакомый разсказывалъ, что Бобрикъ все время шутилъ, даже на судѣ, а передъ казнью попросилъ позволенія выкурить сигару...

Говорили, что въ городѣ это событіе вызвало большое возбужденіе. Губернское начальство считало, что на мѣсто убитаго судьи теперь необходимо назначить человѣка спокойнаго, завѣдомо справедливаго и пользующагося довѣріемъ. По этимъ соображеніямъ въ Дубно былъ назначенъ мой отецъ. Онъ собрался скоро и уѣхалъ. А черезъ нѣкоторое время отецъ былъ переведенъ уѣзднымъ же судьей въ гор. Ровно, тоже Волынской губерніи.

Въ виду болѣзненнаго состоянія отца, мать уѣхала къ нему, захвативъ только одну сестру, и почти полъ-года мы жили съ бабушкой и тетками...

Въ результатѣ и старшій братъ, и я остались въ тѣхъ же классахъ. Мы ходили въ гимназію, я получалъ все время хорошія отмѣтки, но учиться я какъ-то совсѣмъ пересталъ, схватывая лишь то, что можно было схватить на урокахъ и во время перемѣны. Память у меня была превосходная, и по всѣмъ предметамъ она меня вывозила. Только по ариѳметикѣ и алгебрѣ я пересталъ понимать объясненія учителя, и оба эти предмета укатились отъ меня куда-то въ невѣдомое пространство. Почему-то, какъ завѣдомо хорошему ученику, и Сербиновъ (по ариѳметикѣ), и старикъ Искерскій (по алгебрѣ) ставили мнѣ весь годъ хорошія отмѣтки, просто на вѣру... Я беззаботно пользовался этимъ, кое-какъ отдѣлывался отъ уроковъ, ожидая только конца, послѣ чего, наскоро пообѣдавъ, мы цѣлой гурьбой отправлялись на далекія загородныя прогулки. Еще недавняя моя робость передъ открытыми полями и невѣдомой далью исчезла. Теперь мы втроемъ или вчетверомъ уходили за

рѣку Тетеревъ, бродили по горамъ, покрытымъ орѣшникомъ, купались подъ мельничными шлюзами и возвращались порой поздней ночью.

Вслѣдствіе всего этого, я рѣшительно срѣзался на экзаменѣ по математикѣ, при чемъ старый Іскерскій съ видимымъ изумленіемъ открылъ полное невѣжество въ ученикѣ, которому онъ весь годъ ставилъ хорошія отмѣтки. Такимъ образомъ, я остался на второй годъ въ томъ же третьемъ классѣ...

Но за то отъ этого года у меня осталось воспоминаніе—сплошнаго бродяжничества. Кажется, не было ни одного оврага за рѣкой, ни одной скалы или мыса, которыхъ мы не узнали. Я даже отдалился отъ всего класса, сблизившись только съ такими же беззаботными шатунами, какъ я и мои два брата. Товарищи по классу смотрѣли съ удивленіемъ, какъ я порой наскоро пробѣгалъ заданное по чужой книгѣ и выходилъ отвѣчать. Они покачивали головами, но я и теперь, оглядываясь на этотъ годъ, не знаю, что было лучше: пяти-часовое сидѣніе въ классѣ и послѣ-обѣденная зубристика, или наше беззаботное бродяжество. И даже... порой мнѣ кажется, что послѣднее дало мнѣ гораздо больше.

Тѣмъ не менѣе, я чувствовалъ, что гимназія отъ меня ушла, и что мнѣ уже не догнать товарищей, если все пойдетъ по старому. Во мнѣ явилось какое-то острое нерасположеніе къ гимназіи, къ учителямъ, къ надзирателямъ, къ самымъ стѣнамъ класса... Я сталъ понимать настроеніе Крыштановича, и, кто знаетъ, чѣмъ бы это могло окончиться, если бы въ это время отецъ уже не переѣхалъ въ Ровно и не рѣшилъ перевести туда же и семью. Такимъ образомъ, мнѣ предстоялъ переходъ въ другую гимназію...

Въ серединѣ іюня огромная старинная коляска, доставшаяся отцу по наслѣдству отъ дѣда — была нагружена нашей немалочисленной семьей и пожитками. Привели почтовыхъ лошадей. Ямщикъ, въ низкой шляпѣ съ жестянымъ орломъ и съ бляхой на рукавѣ ситцевой рубахи, взгромоздился на козлы, и мы тронулись въ путь... Замелькали улицы, лавочки, костелы, старая сломанная „фигура", домъ Коляновскихъ. Мы потянулись по шоссе, по направленію къ православному кладбищу... Въѣхавъ на подъемъ, ямщикъ слѣзъ съ козелъ и отвязалъ колокольчикъ. Помню, съ какимъ острымъ нетерпѣніемъ я ждалъ, на козлахъ, чтобы онъ сѣлъ опять рядомъ со мною и опять тронулъ лошадей... Вдругъ сзади послышался крикъ. Кто-то бѣжалъ по шоссе, махая бѣлымъ сверткомъ. Сердце у меня замерло, и я ни-

чего не сказалъ ямщику, боясь, что можетъ произойти остановка.

Однако, человѣкъ догналъ насъ и подалъ какую-то забытую картонку. Ямщикъ опять усѣлся, подобралъ подъ себя возжи и хлеснулъ лошадей. Колымага тряхнулась и поплыла.

Я оглянулся назадъ. Отлогимъ скатомъ сбѣгало внизъ шоссе, въ его перспективѣ виднѣлся нашъ перекрестокъ у „фигуры" и каменица (каменный домъ) Коляновскихъ. Вотъ уголъ забора, на которомъ мы, бывало, просиживали съ братомъ цѣлые часы, ожидая появленія чего-нибудь необычнаго вотъ отсюда, гдѣ теперь тихо катится наша коляска...

Она спустилась съ подъема, мимо побѣжали лачуги, заборы, землянки. Вотъ лавочка, гдѣ Крыштановичъ покупалъ булки. Вотъ шоссе, съ такими же пѣшеходами, балагулами и странниками. Вотъ мостъ и рѣчка, гдѣ мы купались съ моимъ товарищемъ. Вотъ Врангелевская роща...

Какое-то особое ощущеніе, какъ будто мимолетной пріятной боли промелькнуло въ душѣ. Это отрывалась въ первый разъ рѣзко отграниченная полоска жизни.

Мостъ исчезъ, осталась назади сосновая роща... Впереди лежалъ просторъ, широкій, невѣдомый, загадочный и заманчивый... Свечерѣло, когда мы подъѣхали къ первой станціи, желтому зданію съ красной крышей и готической архитектурой. Это былъ послѣдній предѣлъ, еще какъ бы напоминавшій о родномъ городѣ...

Перепрягли лошадей, прописали подорожную (съ этимъ мать посылала меня, чѣмъ я очень гордился), я опять полѣзъ на козлы...

Дорога, синія сумерки, потомъ звѣздная ночь и фосфорическія облака, какъ будто насыщенныя луннымъ свѣтомъ... Мать стучитъ въ оконце за козлами, ямщикъ сдерживаетъ лошадей и наклоняется. Мать спрашиваетъ, не холодно ли мнѣ, не сплю ли я и не свалюсь ли съ козелъ..

Мнѣ кажется, что я не спалъ, но всетаки мѣсто, гдѣ мы стоимъ, для меня неожиданно ново: передъ нами мостъ, подъ нимъ темная рѣчка, съ лѣвой стороны стоитъ лѣсъ, и верхушки деревьевъ тихо качаются въ синевѣ вечерняго неба...

Я весь переполненъ радостью новизны и ожиданій...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вл. Короленко.

Старый марксизмъ и современная соціалъ-демократія.

I.

Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ статей по поводу уже окончившагося теперь столкновенія между Германіей и Франціей, вызваннаго марокскимъ вопросомъ, Жоресъ цитируетъ слова «Vorwaerts», оффиціальнаго органа нѣмецкой соціалъ-демократіи, о растущемъ политическомъ значеніи пролетаріата, «который будетъ всѣми силами противиться преступной попыткѣ натравливанія другъ на друга двухъ сосѣднихъ народовъ»,—но при этомъ прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе:

«Конечно, мы не будемъ предаваться самодовольнымъ иллюзіямъ; мы хорошо знаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей ни рабочій классъ, ни соціалистическая партія еще не обладаютъ достаточными силами, чтобы составить противовѣсъ алчности и соперничеству» (*L'Humanité*, № 431).

Подобнаго же рода заявленіе было сдѣлано Бебелемъ на Амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., когда онъ призналъ невозможнымъ для нѣмецкой соціалъ-демократіи бороться въ настоящее время съ властью германскаго императора: подождемъ, сказалъ онъ, когда насъ будетъ не три, а семь или восемь милліоновъ.

Въ этихъ, несомнѣнно, очень компетентныхъ оцѣнкахъ современнаго политическаго положенія соціалистическихъ партій въ наиболѣе промышленныхъ западно-европейскихъ странахъ интересно отмѣтить вполнѣ опредѣленное указаніе на то, что, несмотря на свою очень большую численность, онѣ все еще занимаютъ далеко не господствующее политическое положеніе и даже обнаруживаютъ, при всѣхъ столкновеніяхъ съ буржуазными правительствами, свою сравнительную политическую слабость. Это обстоятельство ставитъ передъ нами весьма важный вопросъ *объ основныхъ причинахъ* такого явленія. До сихъ поръ теоретики соціализма занимались преимущественно выясненіемъ причинъ громадныхъ успѣховъ и быстраго роста соціалистическаго движенія въ западно-европей-

скихъ промышленныхъ странахъ; вопросъ же о сравнительныхъ политическихъ *итогахъ* этого движенія, о занимаемомъ имъ положеніи по отношенію къ другимъ общественнымъ теченіямъ и объ его роли въ общемъ распредѣленіи политическихъ силъ оставался болѣе или менѣе въ сторонѣ. Подразумѣвалось, что этотъ вопросъ уже съ достаточною опредѣленностью разрѣшается самымъ фактомъ непрерывнаго роста и развитія соціалистическаго движенія въ рабочей средѣ, такъ какъ предполагалось, что, когда это движеніе достигнетъ опредѣленныхъ размѣровъ, оно должно будетъ, въ силу присущихъ ему революціонныхъ стремленій, овладѣть политической властью и произвести соотвѣтствующій общественный переворотъ.

Но такая постановка вопроса могла бы считаться правильной только въ томъ случаѣ, если бы ростъ соціалистическаго движенія можно было разсматривать независимо отъ роста и развитія другихъ, противоположныхъ ему, общественныхъ факторовъ, или если бы этотъ ростъ совпадалъ съ упадкомъ и разложеніемъ противодѣйствующихъ ему общественныхъ теченій; тогда одно собственное развитіе соціалистическаго движенія уже достаточно опредѣляло бы собою общее положеніе дѣлъ. Между тѣмъ, въ той теоріи научнаго соціализма, которую мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ, а именно въ соціалъ-демократической теоріи, вопросъ этотъ поставленъ, какъ извѣстно, совершенно иначе, такъ какъ самый ростъ соціалистическаго движенія оказывается въ ней находящимся въ прямой зависимости отъ роста и развитія крупнаго капиталистическаго производства, составляющаго главную основу экономическаго могущества буржуазіи. Но такъ какъ вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства очевидно должно возрастать также политическое значеніе опирающагося на него общественнаго класса, т. е. буржуазіи, интересы которой сталкиваются самымъ непосредственнымъ образомъ съ интересами соціалистическаго движенія, то ясное дѣло, что при такомъ опредѣленіи условій развитія соціализма одного указанія на его непрерывное развитіе уже недостаточно для подведенія конечныхъ политическихъ итоговъ, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь уже не объ одномъ непрерывно развивающемся общественномъ факторѣ, а объ извѣстномъ соотношеніи между двумя одинаково растущими и развивающимися общественными силами: соціализмомъ и буржуазіей.

Легко видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что, когда данное общественное положеніе опредѣляется прямымъ соотношеніемъ между двумя одновременно растущими и развивающимися общественными величинами, то такого рода формула является какъ бы уравненіемъ съ двумя неизвѣстными, не охватывающимъ всѣхъ элементовъ даннаго политическаго положенія и не указывающимъ на приближеніе къ какому-нибудь опредѣленному политическому результату. Растетъ крупная капиталистическая промышленность и вмѣстѣ съ нею ра-

стетъ экономическое и политическое могущество буржуазіи; съ другой стороны, развивается соціалистическое движеніе и вмѣстѣ съ нимъ развивается также извѣстная политическая партія съ совершенно опредѣленными идеалами общественнаго переустройства. Но что же дальше? Гдѣ выходъ изъ этого замкнутаго круга? Когда Бебель указывалъ въ своей амстердамской рѣчи на предстоящій дальнѣйшій ростъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, то при этомъ, согласно соціалъ-демократическому пониманію условій развитія рабочаго движенія, необходимо подразумѣвалось также дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности; но развѣ дальнѣйшее успѣшное развитіе нѣмецкой капиталистической промышленности не предполагаетъ неизбѣжнаго дальнѣйшаго развитія политическаго могущества нѣмецкой буржуазіи?

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ современной соціалъ-демократической теоріи научнаго соціализма замѣчается очень существенный теоретическій пробѣлъ, оставляющій въ полной неизвѣстности общественные и политическіе итоги соціалъ-демократическаго движенія. Опираясь въ своей главнѣйшей и даже единственной предпосылкѣ на громадное развитіе крупной капиталистической промышленности, она въ то же самое время какъ бы совершенно не замѣчаетъ той противоположной стороны этого явленія, которая касается столь же громаднаго и столь же неизбѣжнаго развитія политическаго могущества буржуазіи.

Въ этомъ отношеніи *первоначальная* концепція научнаго соціализма,—того научнаго соціализма сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, который былъ формулированъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ Маркса и Энгельса,—была, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо полнѣе и законченнѣе. Она была построена, какъ извѣстно, на томъ діалектическомъ процессѣ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства, который вытекалъ изъ экономическихъ результатовъ самого этого способа производства,—на томъ разрушительномъ стихійномъ элементѣ *чисто экономическаго происхожденія*, который зарождался въ самомъ процессѣ капиталистическаго развитія и вынашивался буржуазнымъ обществомъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. Такимъ образомъ, въ этой первоначальной теоріи научнаго соціализма, въ самыхъ свойствахъ крупнаго капиталистическаго производства уже оказывался источникъ не только его дальнѣйшаго развитія, но и его неминуемой экономической гибели. Такимъ неизбѣжнымъ источникомъ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства являлись въ Коммунистическомъ Манифестѣ, какъ извѣстно, все возрастающіе промышленные кризисы, которые должны были вызывать въ буржуазномъ обществѣ все усиливающіяся экономическія потрясенія, сопровождающіяся настоящими общественными катастрофами:

«...Современное буржуазное общество—читаемъ мы въ Комму-

нистическомъ Манифестѣ,—какъ бы волшебствомъ создавшее столь могучія средства производства и обращенія, походитъ на волшебника, не могущаго совладать съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. За послѣднія десятилѣтія исторія промышленности и торговли является ничѣмъ инымъ, какъ исторіей возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ производственныхъ отношеній, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ жизненныхъ условій буржуазіи и ея господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые въ своемъ періодическомъ возвращеніи *все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества* (курсивъ нашъ)... Общество оказывается неожиданно возращеннымъ въ состояніе мгновеннаго варварства: кажется, что голодъ, всеобщая истребительная война лишили его всѣхъ жизненныхъ средствъ; кажется, что промышленность и торговля уничтожены...» и т. д. *).

Вотъ, слѣдовательно, какая важная дополнительная идея выдвигалась первыми теоретиками научнаго соціализма, въ прямой связи съ идеей о подготовленіи условій соціалистическаго переворота путемъ развитія капиталистическаго способа производства. Дѣло шло здѣсь уже не объ одномъ только соціалистическомъ движеніи, но также и о все болѣе и болѣе усиливавшихся экономическихъ кризисахъ, которые угрожали самому существованію буржуазнаго общества, о перспективѣ повторявшихся все въ большихъ и большихъ размѣрахъ общественныхъ катастрофахъ, сопровождавшихся уничтоженіемъ «массы производительныхъ силъ» и въ корнѣ подрывавшихъ прочность самой буржуазной собственности.

Такимъ образомъ, согласно этой первоначальной концепціи, надъ буржуазнымъ обществомъ, помимо роста соціалистическаго движенія, тяготѣла еще разрушительная стихійная сила самого экономическаго процесса; и вотъ эта-то именно стихійная разрушительная сила и создавала для него совершенно невозможное по своей неустойчивости и необезпеченности положеніе, ибо періодическое возвращеніе бѣдствій, напоминающихъ истребительныя войны, уничтожающихъ массу производительныхъ силъ и—что всего важнѣе—*постоянно и неизбѣжно возрастающихъ* вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ основъ даннаго общественнаго строя, ни въ какомъ случаѣ не могло быть совмѣстимо съ прочностью и устойчивостью его существованія. Что же касается *пролетаріевъ*, то они, какъ извѣстно, выступали въ этомъ, по существу своему, чисто экономическомъ разрушительномъ процессѣ лишь въ роли «могильщиковъ» буржуазнаго общества, уже осужденнаго на гибель самыми условіями капиталистическаго способа производства; пролетаріи должны были лишь «направить» на буржуазію то смер-

*) Переводъ Поссе, стр. 20—21.

тоносное оружіе, которое она «сама выковывала для себя» вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ росло ея экономическое могущество; оружіе же это заключалось, по словамъ Ком. Манифеста, въ томъ, что сама буржуазія «подготовляла все болѣе всесторонніе и сильные кризисы и въ то же время уменьшала средства для предупрежденія ихъ».

Такимъ образомъ, по идеѣ Ком. Манифеста, развитіе капиталистическаго способа производства не только не должно было сопровождаться непрерывнымъ возрастаніемъ могущества и прочнаго благосостоянія буржуазнаго класса, но, напротивъ того, это могущество и прочность этого благосостоянія должны были все болѣе и болѣе ослабѣвать вмѣстѣ съ ростомъ капитализма; буржуазія сама должна была оказаться жертвой вызванныхъ ею экономическихъ силъ, съ которыми она не была въ состояніи справиться. Подобно тому, какъ французскій абсолютизмъ до-революціонной эпохи, все подчинившій своей основной идеѣ бюрократическаго самовластія, погибъ, вслѣдствіе своего собственнаго непомѣрнаго роста, капиталистическій строй долженъ былъ также погибнуть, вслѣдствіе логическаго развитія заложенныхъ въ его основу экономическихъ принциповъ, приведшихъ буржуазное общество къ неизбѣжнымъ и гибельнымъ экономическимъ катастрофамъ; и подобно тому, какъ буржуазія XVIII вѣка, еще далеко не охватившая тогда своимъ вліяніемъ всего государства, явилась историческимъ могильщикомъ обанкротившагося западно-европейскаго абсолютизма, получивъ отъ него при этомъ въ наслѣдство государственную власть, пролетаріатъ также долженъ былъ явиться могильщикомъ уже полуразрушеннаго и расшатаннаго въ своихъ экономическихъ основахъ буржуазнаго общества—въ качествѣ наиболѣе жизнеспособной политической партіи, выставляющей идеалы болѣе устойчиваго общественнаго строя.

Вотъ, слѣдовательно, какая первоначальная концепція имѣлась въ виду творцами экономическаго матеріализма. Въ этой концепціи были, дѣйствительно, на лицо всѣ тѣ элементы, которые должны были привести въ дѣйствіе механизмъ даннаго общественнаго переворота: въ основѣ его лежалъ стихійный ростъ крупной капиталистической промышленности, создавшій огромныя богатства, но вмѣстѣ съ тѣмъ «регулярно уничтожавшій значительную часть не только выработанныхъ продуктовъ, но и уже созданныхъ производительныхъ силъ». На фонѣ этого экономическаго процесса стояли лицомъ къ лицу двѣ главныя общественныя силы, изъ которыхъ одна, державшая въ своихъ рукахъ всѣ нити государственной жизни, находилась въ состояніи прогрессирующей дезорганизаціи и все болѣе и болѣе утрачивала способность поддерживать необходимое равновѣсіе въ томъ обществѣ, которымъ политически руководила; другая же общественная сила, все болѣе и болѣе растущая, организованная и сплоченная, выставляла на своемъ знамени такія новыя нормы общественной жизни, которыя

навсегда обезпечивали общество отъ потрясавшихъ его экономическихъ кризисовъ. Конечный результатъ такого положенія вещей не могъ подлежать сомнѣнію. Это была вполнѣ законченная концепція, при чемъ на сторонѣ соціалистическаго переворота была не только организованная сила городского пролетаріата, но также и *экономическая необходимость* гибели буржуазнаго общества; и вотъ эта именно неустранимая экономическая необходимость составляла дополненіе къ тому недостаточному обоснованію соціалистическаго переворота, которое указываетъ лишь на ростъ соціалистическаго движенія вмѣстѣ съ ростомъ и развитіемъ капиталистическаго способа производства.

Если бы мы выбросили изъ аргументаціи Ком. Манифеста это ея необходимое звено, т. е. если бы мы допустили, что капитализмъ на всѣхъ ступеняхъ своего развитія обладаетъ возможностью поддерживать извѣстное экономическое равновѣсіе и обезпечивать извѣстную степень устойчивости существующихъ имущественныхъ отношеній, такъ, чтобы производительныя силы, находящіяся въ его рукахъ, уже не оказывались бы «слишкомъ могучими для этихъ отношеній» и не грозили бы чисто-стихійнымъ, самопроизвольно-механическимъ путемъ самому «существованію буржуазной собственности», то въ такомъ случаѣ, съ точки зрѣнія чисто экономическаго обоснованія соціалистическаго переворота, мы неизбѣжно вернулись бы опять къ тому неопредѣленному представленію о двухъ одновременно растущихъ противоположныхъ общественныхъ силахъ, которое не дало бы намъ возможности подвести конечные итоги соціалистическаго движенія.

Но спрашивается: не случилось ли какъ разъ этого самаго съ первоначальнымъ старымъ марксизмомъ и съ его теоретическимъ обоснованіемъ соціалистическаго переворота, и не было ли дѣйствительно выброшено изъ него самою жизнью то необходимое звено аргументаціи, о которомъ мы только что говорили? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не видимъ, какъ подъ вліяніемъ экономическаго опыта послѣднихъ десятилѣтій идея стихійнаго саморазрушенія, якобы присущаго буржуазному строю, все болѣе и болѣе отступаетъ на второй планъ, все болѣе и болѣе изглаживается изъ представленія о судьбахъ капитализма? Развѣ мы не видимъ, какъ подъ вліяніемъ этого экономическаго опыта, теорія промышленныхъ кризисовъ, какъ источника все усиливающихся общественныхъ катастрофъ, совершенно оставляется въ сторонѣ новѣйшими теоретиками соціалъ-демократической школы? Трудно думать даже, чтобы кому-нибудь изъ нихъ пришло теперь въ голову сравнивать положеніе экономически развитыхъ и успѣшно прогрессирующихъ въ своемъ экономическомъ развитіи странъ съ ареной періодическихъ возвратовъ варварства, голодовокъ и всеобщихъ истребительныхъ войнъ. Эти картины общественныхъ бѣдствій, связанныхъ съ ростомъ капитализма, уже не пугаютъ болѣе

воображенія носителей буржуазной собственности. Положеніе современныхъ обладателей капитала стало гораздо спокойнѣй и устойчивѣй прежняго, вслѣдствіе необычайнаго расширенія размѣровъ самаго капиталистическаго производства и необычайнаго развитія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ рынковъ—въ силу чего неизбѣжные при этомъ промышленные и торговые кризисы дѣлаются все болѣе и болѣе частичными по отношенію ко всей необъятной области капиталистическаго способа производства и не производятъ общихъ потрясеній въ экономической жизни промышленно развитого государства. Кромѣ того, классъ капиталистовъ все болѣе и болѣе организуется теперь для защиты своихъ общихъ интересовъ и для предотвращенія особенно крупныхъ опасностей экономической анархіи; съ этою цѣлью возникаютъ, какъ извѣстно, не только синдикаты промышленниковъ одной и той же страны, но также и *международные союзы* заводчиковъ и фабрикантовъ одной и той же отрасли производства, какъ, напримѣръ, «Международная федерація хозяевъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ», собиравшаяся въ 1905 г. въ Лондонѣ по случаю ожидаемаго хлопковаго кризиса. Такимъ образомъ, буржуазное общество, вопреки ожиданіямъ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, сумѣло такъ или иначе справиться съ вызванными имъ подземными силами въ интересахъ своего собственнаго мирнаго житія и уже не считаетъ теперь себя живущимъ на вулканической почвѣ, періодически потрясаемой этими подземными силами, точно такъ же, какъ не считаютъ его теперь живущимъ на этой почвѣ и современные теоретики соціалъ-демократической школы.

Разсуждая въ 1899 году о значеніи промышленныхъ кризисовъ. во время своей полемики съ Бернштейномъ, Каутскій оспаривалъ даже, чтобы Марксъ и Энгельсъ когда-либо придавали этимъ кризисамъ первостепенное значеніе въ вопросѣ о конечныхъ результатахъ процесса капиталистическаго развитія; онъ говорилъ, что вліяніе экономическихъ кризисовъ лишь второстепеннаго характера, что они лишь «ускоряютъ процессъ концентраціи капитала, увеличиваютъ массы пролетаріевъ и необезпеченность ихъ положенія», но что «конечные результаты этого развитія ни въ чемъ не измѣнились бы, если бы даже періодическіе кризисы не были неизбѣжно связаны съ самымъ существомъ капиталистическаго способа производства» *).

Мы видимъ слѣдовательно, что одна изъ основныхъ идей Коммун. Манифеста, связывавшая гибель буржуазнаго строя съ разрушительнымъ дѣйствіемъ стихійныхъ экономическихъ силъ, выбрасывается теперь за бортъ новѣйшими теоретиками соціалъ-демократической школы. Оказывается, что промышленные кризисы лишь содѣйствуютъ концентраціи капитала и обостряютъ условія классовой

*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 135.

борьбы. Что же касается ихъ вліянія на самую возможность дальнѣйшаго существованія для буржуазнаго общества, то это вліяніе понимается Каутскимъ уже вовсе не въ томъ рѣшающемъ значеніи, въ какомъ оно понималось прежде, а лишь въ смыслѣ общей тенденціи капиталистическаго способа производства перерастать имѣющіеся у него рынки и вытекающей отсюда для него необходимости постоянной погони за пріобрѣтеніемъ новыхъ; но «такъ какъ и внѣшніе, и внутренніе рынки имѣютъ свои границы, между тѣмъ, какъ способность производства къ расширенію практически безгранична», то отсюда и получается чисто теоретическій пока выводъ о неизбѣжномъ наступленіи того отдаленнаго историческаго момента, когда экономическіе кризисы примутъ уже хроническую и ничѣмъ неустранимую форму. Но при этомъ Каутскій такъ характеризуетъ наступленіе этого момента:

«Процессъ наступленія хроническаго перепроизводства можетъ быть медленнымъ и длящимся; мы такъ же мало знаемъ о томъ, какимъ путемъ оно наступитъ, какъ и о томъ, когда оно наступитъ. Я даже охотно признаю, что можно сомнѣваться вообще, наступитъ ли оно когда-нибудь, и тѣмъ болѣе сомнѣваться, чѣмъ быстрѣе будетъ идти ростъ соціалистическаго движенія». И далѣе:

«Неустранимое хроническое перепроизводство намѣчаетъ собою тотъ послѣдній предѣлъ, до котораго капиталистическій режимъ можетъ поддерживать свое существованіе, но это еще вовсе не значитъ, чтобы оно непремѣнно намѣчало собою причину его гибели. Мы уже видѣли, что матеріалистическое пониманіе исторіи на ряду съ экономическою необходимостью признаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые хотя и опредѣляются экономическими мотивами, но въ то же время носятъ во многихъ отношеніяхъ идейный и этическій характеръ, и которые мы включаемъ въ общую формулу классовой борьбы. Классовая борьба можетъ повести къ низверженію капиталистическаго способа производства раньше, чѣмъ послѣднее вступитъ въ періодъ своего разложенія» *).

Итакъ, согласно этому новому пониманію научнаго соціализма, классовая борьба, т. е. именно борьба, вызываемая численнымъ ростомъ пролетаріата и ростомъ его сознанія, и должна будетъ послужить основною причиною паденія буржуазнаго строя. Развивающееся капиталистическое производство создаетъ все новыя и новыя массы пролетаріата и тѣмъ расширяетъ размѣры ведомой имъ классовой борьбы; въ этомъ ростѣ пролетаріата и въ этомъ расширеніи связаннаго съ нимъ рабочаго движенія заключается сущность объясненія современной соціалъ-демократической школой основныхъ источниковъ соціалистическаго переворота.

Мы уже указывали въ началѣ статьи на неполноту и односто-

*) Ibid., стр. 142—145.

ронность этой теоріи. Ея неполнота и ея односторонность заключаются въ томъ, что она ничего не говоритъ намъ о другой сторонѣ дѣла, о той противоположной общественной силѣ, которая ведетъ классовую борьбу съ пролетаріатомъ. Сохраняя во всей неприкосновенности основу своего экономическаго построенія, т. е. принимая по прежнему за эту основу процессъ развитія капиталистическаго способа производства, въ формѣ крупной промышленности, и связывая именно съ этимъ процессомъ все дальнѣйшее развитіе соціалистическаго движенія, она въ то же время оставляетъ совершенно безъ вниманія растущія силы самаго капитализма. Мы видимъ, что въ первоначальной концепціи научнаго соціализма этой односторонности не было; напротивъ того, тогда главное вниманіе было обращено именно на *стихійныя экономическія силы*, подрывающія устойчивость капиталистическаго строя,—при чемъ въ этомъ именно и проявлялась экономическая сторона всего діалектическаго процесса; буржуазное общество само порождало въ своихъ нѣдрахъ тѣ *экономическіе* факторы, которые подрывали его существованіе—чѣмъ очень существенно облегчалась революціонная задача пролетаріата; послѣднему приходилось дѣйствовать въ одномъ направленіи съ ходомъ экономическаго развитія, на его сторонѣ стоялъ основной экономическій законъ всей исторіи.

Теперь все это исчезло изъ представленія о томъ стихійномъ экономическомъ процессѣ, которымъ опредѣляется ходъ развитія буржуазнаго общества съ его ростомъ и паденіемъ, смѣняющимися по формулѣ діалектическаго самоотрицанія; теперь отъ всей этой матеріалистической концепціи остались только одни «могильщики», которые при томъ же, какъ признаетъ самъ Каутскій, двигаются въ своей борьбѣ многими «идейными и этическими мотивами». Вся самоотрицающая роль капиталистическаго способа производства ограничивается, по этой новѣйшей соціалъ-демократической теоріи, лишь тѣмъ, что онъ порождаетъ острое недовольство своимъ положеніемъ въ охваченныхъ имъ массахъ населенія, организуетъ ихъ и развиваетъ ихъ классовое самосознаніе. Это, конечно, не мало; но гдѣ же здѣсь *экономическая* сторона самоотрицанія? Гдѣ тотъ разрушающій экономическій процессъ, который способствовалъ бы пролетаріату въ его борьбѣ, подтачивая самыя экономическія основы даннаго общественнаго строя? Представимъ себѣ, что, при смѣнѣ феодально-монархическаго режима буржуазнымъ, на сторонѣ буржуазіи было бы только ея острое недовольство старымъ порядкомъ и ясное сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ; на сторонѣ же монархіи и феодальныхъ землевладѣльцевъ были бы ихъ все болѣе и болѣе растущее матеріальное благосостояніе и накопленіе огромныхъ богатствъ, обусловленныя самымъ процессомъ экономическаго развитія: можно ли было бы сказать въ такомъ случаѣ, что буржуазія побѣдила старый порядокъ, *благодаря* содѣйствовавшему ей экономическому процессу? Не слѣдовало ли бы сказать наоборотъ,

что она побѣдила *вопреки* этому процессу, что она побѣдила лишь силою своего сознанія, силою тѣхъ идейныхъ и этическихъ факторовъ, которые проникли въ ея среду при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя противопоставлялись этому со стороны господствующихъ классовъ, опиравшихся на свои богатство и власть? Но не то же ли самое приходится сказать теперь о борьбѣ промышленнаго пролетаріата? Исходя изъ чисто-экономическаго пониманія исторіи, новѣйшая соціалъ-демократическая школа, благодаря указанному нами перевороту въ ея теоріи, пришла къ тому, что стала уже слишкомъ *не дооцѣнивать* теперь именно вліяніе экономическихъ условій и приписывать слишкомъ большую силу именно идейному фактору сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать легкой и происходящей при особенно благопріятныхъ условіяхъ ту борьбу съ буржуазнымъ государствомъ, которую долженъ вести теперь промышленный пролетаріатъ—противъ соединенныхъ силъ всѣхъ имущественныхъ классовъ, при никогда еще не бываломъ въ исторіи развитіи промышленности и накопленіи невиданныхъ ранѣе колоссальныхъ богатствъ въ ихъ рукахъ? Мы знаемъ, что пролетаріатъ ведетъ эту борьбу, опираясь на свое развивающееся политическое сознаніе и пониманіе условій экономической жизни—какъ на единственное орудіе, находящееся въ его голыхъ рукахъ, но мы знаемъ также и то, почему эта борьба не дала еще до сихъ поръ осязательныхъ результатовъ и почти еще не ослабила политическаго могущества буржуазнаго государства: это произошло въ силу тѣхъ огромныхъ *чисто экономическихъ* препятствій, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути революціонное движеніе промышленнаго пролетаріата.

Почему Марксъ и Энгельсъ, въ теченіе нѣкотораго періода времени, такъ сильно вѣрили въ приближеніе соціальнаго переворота въ западно-европейскихъ промышленныхъ странахъ и не разъ предсказывали его въ очень близкомъ будущемъ? Потому, что они вѣрили въ неминуемую гибель буржуазнаго общества подъ вліяніемъ самого экономическаго процесса; потому, что, въ ихъ представленіи, развитіе капиталистическаго способа производства неудержимо влекло буржуазное общество къ невозможному положенію, къ экономическому абсурду. Объ одномъ изъ этихъ экономическихъ абсурдовъ мы уже говорили: буржуазія, согласно идеѣ Коммун. Манифеста, сама подготовляла все болѣе и болѣе опасные для нея промышленные кризисы и въ то же время уменьшала средства противодѣйствія имъ. Другой такого же рода экономическій абсурдъ, долгое время прочно ассоціировавшійся въ головахъ первыхъ соціалъ-демократовъ съ идеей капиталистическаго развитія, заключался въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ всѣ средства производства и всѣ накопляющіяся богатства должны были, по ихъ представленію, все болѣе и болѣе сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ; такимъ образомъ экономическое господство должно было все болѣе и болѣе

превращаться во всепоглощающую власть немногихъ единицъ надъ всѣмъ остальнымъ обществомъ; личный составъ господствующаго меньшинства долженъ былъ все болѣе и болѣе суживаться и стремиться, какъ къ своему предѣлу, къ единому всемогущему обладателю всѣхъ средствъ производства, къ единому всемогущему диктатору.

Въ очень распространенной когда-то книжкѣ такого виднаго марксиста, какимъ былъ Либкнехтъ, а именно въ его «Zur Grund- und Bodenfrage», можно прочесть по этому поводу слѣдующее мѣсто: «Конечнымъ послѣдствіемъ частной собственности на землю и капиталистическаго производства является концентрированіе собственности, богатствъ и власти въ однѣхъ рукахъ. Единый лэндлордъ, владѣтель всѣхъ земель и хозяинъ всѣхъ фабрикъ, монополизировавшій все земледѣліе и всю индустрію, имѣющій у себя въ наймѣ всѣхъ гражданъ и устанавливающій по своему произволу цѣны на всѣ жизненные припасы и другіе продукты,—единый пастырь и едино стадо, единый рабовладѣлецъ, выгоняющій своимъ бичемъ на работу своихъ деревенскихъ и городскихъ рабовъ; словомъ, такая политическая и экономическая зависимость, по сравненію съ которой даже положеніе древнихъ египтянъ при фараонахъ казалось бы архи-демократическимъ,—вотъ апогей, вотъ конечная цѣль и идеалъ современной капиталистической культуры» (стр. 175).

Нечего говорить о томъ, что подобная тенденція, если бъ она дѣйствительно вытекала изъ экономическихъ основъ буржуазнаго строя, изъ законовъ капиталистическаго способа производства, была бы одна равносильна его уничтоженію. Если бы личный составъ буржуазіи все болѣе и болѣе суживался, отбрасывая своихъ членовъ въ низшіе общественные слои, то поддержаніе политическаго господства стало бы для нея невозможнымъ; это былъ бы такой же процессъ саморазрушенія, какъ и при постоянно-возрастающихъ экономическихъ кризисахъ. Но мы знаемъ, что ничего подобнаго не имѣется на лицо и что позднѣйшіе теоретики соціалъ-демократической школы должны были отбросить также и эту первоначальную идею и придать тезису Маркса относительно концентраціи капитала совсѣмъ другое толкованіе.

«Марксъ и Энгельсъ никогда не отрицали, что число капиталистовъ возрастаетъ—читаемъ мы теперь у Каутскаго,—это возрастаніе составляетъ, напротивъ того, естественное послѣдствіе расширенія капиталистическаго способа производства... Но одновременно съ этимъ быстро растетъ также и пролетарское населеніе, быстрѣе, чѣмъ общее населеніе страны. Отсюда уже можно заключить,—въ чемъ мы еще болѣе убѣдимся впослѣдствіи,—что приростъ капиталистовъ долженъ происходить не на счетъ пролетаріата, а на счетъ другихъ слоевъ населенія—мелкой буржуазіи и крестьянства» *).

*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 84—85.

Такимъ образомъ. концентрація капитала понимается теперь Каутскимъ уже не въ смыслѣ сосредоточенія средствъ производства въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа лицъ, а въ смыслѣ все большаго и большаго расширенія размѣровъ самого капиталистическаго способа производства, въ смыслѣ стремленія капитала захватывать въ свою власть все новыя и новыя средства производства и вводить ихъ въ сферу крупной промышленности,—словомъ, въ смыслѣ замѣны разсѣяннаго и раздробленнаго мелкаго производства сконцентрированнымъ крупнымъ производствомъ. Отсюда вытекаетъ, конечно, само собою, что общее число капиталистовъ можетъ постоянно возрастать и, какъ мы знаемъ, постоянно возрастаетъ на самомъ дѣлѣ, при чемъ это нисколько не противорѣчитъ теоріи концентраціи. «Теорія Маркса утверждаетъ только,—говоритъ Каутскій—что (при общемъ приростѣ населенія) всего быстрѣе возрастаетъ классъ наемныхъ рабочихъ и крупная буржуазія, промежуточные же между ними слои относительно уменьшаются» (ibid, стр. 89).

Такова современная теорія концентраціи. Легко видѣть, что она совершенно разрушаетъ представленіе о томъ крайне неустойчивомъ политическомъ положеніи, къ которому стремилось бы буржуазное общество, если бы его развитіе предполагало господство все болѣе и болѣе замкнутой олигархіи. Мало того, эта теорія не только не подтверждаетъ первоначальныхъ надеждъ на эту вторую форму саморазрушенія капиталистическаго строя подъ вліяніемъ экономическихъ факторовъ, но, напротивъ того, содержитъ въ себѣ указаніе на постоянно возрастающую его устойчивость.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на нѣкоторыхъ очень важныхъ теоретическихъ разъясненіяхъ, которыя мы находимъ у Каутскаго же въ его книгѣ о Бернштейнѣ и соціалъ-демократической программѣ,—книгѣ, въ которой эта программа подвергается полному пересмотру и обновленному теоретическому обоснованію (книга вышла въ 1899 году).

Оспаривая то положеніе Бернштейна, согласно которому вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма увеличиваются средніе, промежуточные слои населенія и сглаживаются классовыя противорѣчія, Каутскій утверждаетъ, что на основаніи статистическихъ данныхъ мы можемъ говорить лишь объ *абсолютномъ* увеличеніи числа имущихъ лицъ въ промышленно-развивающихся странахъ, а не объ относительномъ, процентномъ увеличеніи ихъ, по сравненію съ общимъ приростомъ населенія. Но такъ какъ при этомъ заходитъ рѣчь и объ Англіи, гдѣ Каутскій допускаетъ возможность даже и *относительнаго* увеличенія числа имущихъ, то въ виду этого онъ настаиваетъ на проведеніи строгаго разграниченія между *промышленнымъ* капиталомъ, съ одной стороны, и *торговымъ и денежнымъ*—съ другой, при чемъ всѣ выводы, касающіеся революціонной роли капиталисти-

ческаго способа производства, онъ считаетъ возможнымъ примѣнить лишь къ области одного промышленнаго капитала.

«Съ марксистской точки зрѣнія—говоритъ онъ—въ современномъ обществѣ революціонная сила лежитъ не въ капиталѣ вообще, а лишь въ *промышленномъ капиталѣ*; только послѣдній представляетъ собою ту силу, которая создаетъ подготовительныя условія для соціалистическаго способа производства и вызываетъ на свѣтъ тѣхъ пролетаріевъ, историческая задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы осуществить этотъ способъ производства» (ibid., стр. 94).

Но если такъ, то спрашивается: какое же значеніе имѣютъ въ такомъ случаѣ, въ общемъ капиталистическомъ развитіи данной страны, *не* промышленные виды накопляющихся въ ней капиталовъ? Въ самомъ дѣлѣ, говоря объ исключительной принадлежности всего революціонизирующаго вліянія въ промышленныхъ странахъ лишь одному промышленному капиталу, Каутскій не отрицаетъ, конечно, самаго существованія и развитія въ нихъ другихъ формъ капитала, т. е. торговаго и денежнаго; онъ отрицаетъ только ихъ революціонную роль. Но тогда является вопросъ: какую же другую, не революціонную роль они играютъ въ промышленно-развитыхъ странахъ? И вотъ по этому поводу мы также находимъ у Каутскаго очень интересное замѣчаніе.

Говоря о томъ, что для того, чтобы сдѣлать выводы о приростѣ числа имущихъ лицъ въ Англіи, слѣдовало бы сопоставить эти цифры съ приростомъ пролетаріата не только въ самой Англіи, но также и во всѣхъ ея колоніяхъ и во всѣхъ тѣхъ странахъ, въ которыхъ происходитъ эксплуатація труда за счетъ англійскаго капитала, но что для этого нѣтъ соотвѣтствующаго статистическаго матеріала, Каутскій прибавляетъ слѣдующее:

«Тѣмъ не менѣе сравненіе прироста имущихъ въ самой Англіи съ приростомъ ея населенія не было бы лишено своего значенія. Если бы оно показало болѣе быстрое увеличеніе числа имущихъ, то это вовсе не доказало бы ложности закона Маркса о капиталистическомъ способѣ производства, а доказывало бы лишь только то, что въ Англіи растутъ *препятствія для соціализма*» (ibid., стр. 94; курсивъ нашъ).

Вотъ здѣсь-то именно, для выясненія того, почему эти растущія препятствія для соціализма всетаки не опровергали бы теоріи Маркса, Каутскій и устанавливаетъ разграниченіе между промышленнымъ и не промышленнымъ капиталами; такъ какъ теорія Маркса о неизбѣжномъ саморазрушеніи капиталистическаго строя относится лишь къ росту промышленнаго капитала, то очевидно, что тѣ противодѣйствія этому процессу саморазрушенія, какія возникаютъ со стороны непромышленныхъ видовъ капитала, не опровергаютъ этой теоріи, а могутъ даже служить для нея отрицательнымъ подтвержденіемъ.

«Если въ Англіи—снова повторяетъ свою мысль Каутскій—торговый и вложенный въ заграничную индустрію капиталъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ ея промышленный капиталъ, то тогда нѣтъ ничего невозможнаго, что тамъ число имущихъ возрастаетъ быстрѣе всего населенія. Въ такомъ случаѣ возможно также, что соціальныя противорѣчія тамъ уменьшаются въ силу того, что соціальное развитіе встрѣчаетъ тамъ задержку по сравненію съ такими по преимуществу промышленными странами, какъ Германія и Соединенные Штаты» (ibid.).

Итакъ, мы имѣемъ теперь совершенно опредѣленный отвѣтъ, на вопросъ о томъ, какое вліяніе на условія существованія буржуазнаго общества и на ходъ развитія соціалистическаго движенія имѣютъ *непромышленныя* формы капитала при ихъ накопленіи: онѣ *задерживаютъ* это развитіе и способствуютъ укрѣпленію капиталистическаго строя тѣмъ, что увеличиваютъ личный составъ и экономическіе рессурсы его защитниковъ, не увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ силы сопротивленія его противниковъ, ибо «торговый и денежный капиталы не представляютъ собою никакой революціонной силы; сами по себѣ, они не создаютъ никакого революціоннаго пролетаріата» *). Но мало того, что они не представляютъ собой никакой революціонной силы и не создаютъ никакого революціоннаго пролетаріата, они, кромѣ того, представляютъ собою реакціонную силу и создаютъ все новыхъ и новыхъ активныхъ защитниковъ капиталистическаго строя, рыцарей биржи, многочисленныхъ торговыхъ дѣятелей и всю многочисленную служебную свиту богатыхъ людей; они создаютъ все болѣе многочисленную среду сторонниковъ буржуазныхъ основъ общественнаго строя и увеличиваютъ его средства самозащиты. Они вовсе не сглаживаютъ общественныхъ противорѣчій и не ослабляютъ классовой борьбы, какъ думаетъ это Бернштейнъ, но они увеличиваютъ силы одной изъ борящихся сторонъ—сильнѣйшей, и тѣмъ еще болѣе затрудняютъ борьбу пролетаріата. Въ Англіи, опередившей всѣ другія страны по степени своего капиталистическаго развитія, денежный капиталъ уже теперь измѣряется колоссальною цифрою 20 милліардовъ рублей. Какое же огромное препятствіе соціалистическому движенію долженъ представлять собою въ рукахъ его враговъ этотъ, такъ сказать, *анти-революціонный* буржуазный капиталъ, безъ соотвѣтствующаго ему промышленнаго пролетаріата! Не мудрено, что въ Англіи рабочій классъ уже не составляетъ такого подавляющаго большинства всего населенія, какъ въ болѣе молодыхъ промышленныхъ странахъ, вслѣдствіе огромнаго количества торговцевъ, рантьеровъ, адвокатовъ, клерковъ, журналистовъ, прислуги и другихъ неизбѣжныхъ членовъ буржуазнаго общественнаго аппарата, оплачиваемаго для своихъ выгодъ или для своихъ удобствъ

*) Каутскій, ibid., стр. 94.

владѣтелями капитала. Мы видимъ, такимъ образомъ, что концентрація капитала не только не сопровождалась въ Англіи противопоставленіемъ «единаго лэндлорда» и единаго диктатора всему остальному обществу, а, напротивъ того, создала цѣлую буржуазную армію, противопоставленную арміи пролетаріата.

Но, быть можетъ, Англія уже намъ больше не указъ? Быть можетъ, Англія представляетъ собою уже не типичную страну капиталистическаго способа производства, а, напротивъ того, нѣчто уродливое и аномальное въ процессѣ промышленнаго развитія? И, дѣйствительно, такъ начинаютъ думать новѣйшіе теоретики соціалъ-демократической школы: «Если даже допустить—говоритъ Каутскій—что англійскія цифры доказываютъ относительный приростъ имущихъ, то это еще не доказывало бы, что таковъ общій законъ капиталистическаго способа производства, такъ какъ Англія, повидимому, какъ бы уже перестала быть типомъ капиталистическаго индустріализма («denn es scheint, als ob England aufhörte den Typus des kapitalistischen Industrialismus zu repräsentiren» ibid., стр. 93).

Но въ чемъ же, однако, дѣло? Почему эта самая Англія, служившая для Маркса какъ бы образцовой соціальной лабораторіей, доставлявшая ему главные факты и примѣры для иллюстраціи его теорій, эта «классическая страна капиталистическаго производства», перестала теперь быть его типичнымъ представителемъ? Всего интереснѣе было бы узнать у Каутскаго, съ какихъ поръ, по его мнѣнію, произошелъ этотъ неожиданный поворотъ и какія неизвѣстныя Марксу обстоятельства его вызвали. Каутскій упоминаетъ объ англійскихъ колоніяхъ, въ которыхъ наживаются англійскіе чиновники и другіе искатели наживы, а затѣмъ о помѣщеніи англійскаго капитала въ заграничныхъ предпріятіяхъ и долгахъ. Но вѣдь все это было и во времена Маркса. «Съ тѣхъ поръ — говоритъ Каутскій—развитіе въ этомъ направленіи шло гигантскими шагами впередъ» (ibid.) Но вѣдь всетаки *въ томъ же самомъ* направленіи, а не въ какомъ-либо другомъ. Выходитъ какъ будто такъ, что капиталистическое развитіе слѣдуетъ извѣстнымъ законамъ и сопровождается извѣстными послѣдствіями только до нѣкоторой предѣльной черты, за которой количественное накопленіе капиталовъ и богатствъ въ рукахъ буржуазіи уже измѣняетъ радикально соціальное значеніе всего процесса. Но вѣдь съ подобнымъ ограниченіемъ, въ такихъ частичныхъ предѣлахъ, и соціально-революціонная школа научнаго соціализма никогда не отрицала революціонизирующаго вліянія капиталистическаго строя производства.

Или, быть можетъ, капиталистическая Германія и Америка не ведутъ торговли, не ищутъ и не завоевываютъ новыхъ колоній, не посылаютъ своихъ капиталовъ въ заграничныя предпріятія и не участвуютъ въ заграничныхъ ссудахъ? По этому поводу интересно было бы коснуться также вопроса о германскомъ милитаризмѣ и

американскомъ имперіализмѣ. Мы знаемъ, что въ нѣмецкой соціалъ-демократической литературѣ писались превосходныя статьи (напр., Парвусомъ) о тѣсной связи огромныхъ военныхъ затратъ и чудовищныхъ армій съ современными задачами капитализма; если даже не останавливаться на экономическихъ результатахъ этой буржуазной политики и не сравнивать размѣровъ растущаго нѣмецкаго и американскаго денежныхъ капиталовъ съ англійскими, то уже само чудовищное развитіе милитаризма, какъ чисто капиталистическаго продукта, также могло бы быть разсматриваемо, какъ одно изъ «препятствій соціализму».

Но, возвращаясь къ вопросу о концентраціи капитала, мы должны сказать, что для подтвержденія нашего положенія о возрастающей силѣ сопротивленія буржуазнаго общества вмѣстѣ съ развитіемъ самого капитализма вовсе нѣтъ надобности, чтобы это развитіе сопровождалось увеличеніемъ числа имущихъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ оно, относительно, превышало бы даже процентное возрастаніе пролетаріата, какъ это, быть можетъ, имѣетъ уже мѣсто въ Англіи; достаточно простого указанія на то, что вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма въ буржуазномъ обществѣ неизбѣжно происходитъ накопленіе денежнаго и торговаго капитала и что это накопленіе идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ успѣшнѣе развивается самое капиталистическое производство, какъ источникъ обогащенія буржуазіи.

Когда вопросъ объ итогахъ соціалистическаго движенія ставится такъ, какъ ставитъ его Каутскій, измѣряющій эти итоги исключительно степенью развитія капиталистическаго способа производства, вызывающаго численный приростъ пролетаріата, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ полное право указать на то странное игнорированіе силъ и рессурсовъ противной стороны, о которомъ мы говорили выше. Вмѣсто основной идеи Коммун. Манифеста о неминуемомъ крушеніи капиталистическаго строя подъ напоромъ стихійныхъ экономическихъ силъ, потрясающихъ даже самыя основы буржуазной собственности и обусловливающихъ этимъ неминуемую побѣду пролетаріата, мы видимъ здѣсь какъ бы антитезисъ этой идеи, согласно которому слѣдуетъ заключить, что какъ бы ни укрѣплялась и ни усиливалась экономическая позиція буржуазнаго общества, какіе бы громадные матеріальные рессурсы оно ни накопляло въ своихъ рукахъ и какъ бы ими ни пользовалось съ цѣлью своей самозащиты, все это не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія ни на ходъ соціалистическаго движенія, ни на результаты классовой борьбы,— лишь бы только хоть сколько-нибудь возрастало, въ общемъ передвиженіи различныхъ слоевъ населенія, процентное отношеніе пролетаріата. Пока накопленіе денежныхъ и торговыхъ капиталовъ не затрогиваетъ этого процентнаго отношенія, до тѣхъ поръ возростаніе числа имущихъ, напримѣръ, какъ-бы уже не имѣетъ ровно никакого соціальнаго значенія, но какъ только это процентное от-

ношеніе начинаетъ колебаться и численный приростъ пролетаріата можетъ оказаться меньше относительнаго прироста имущихъ людей, тогда вдругъ все измѣняется и даже такая классическая страна капитализма, какъ Англія, перестаетъ быть типомъ капиталистическаго индустріализма. Можно подумать, что именно сама эта отвлеченная цифра, т. е. извѣстное числовое сочетаніе, имѣетъ такую магическую силу, а не конкретное вліяніе на общественную жизнь тѣхъ огромныхъ богатствъ, которыя накопляются въ рукахъ господствующихъ классовъ при успѣшномъ развитіи капиталистическаго способа производства. Ибо легко понять, что если дѣло заключается не въ самой цифрѣ, а въ тѣхъ способахъ самозащиты, которые доставляются буржуазному обществу его накопляющимися богатствами, то въ такомъ случаѣ уже одна *тенденція* успѣшно развивающагося капиталистическаго способа производства создавать растущіе денежные и торговые капиталы создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжныя препятствія соціализму въ размѣрахъ своего осуществленія. Но если такъ, то почему же Каутскій думаетъ, что если, напримѣръ, въ Германіи денежный и торговый капиталъ выражается не цифрою 20 милліардовъ, какъ въ Англіи, а цифрою, скажемъ, 5 милліардовъ, то онъ уже не имѣетъ ровно никакого соціальнаго значенія? А если онъ имѣетъ это значеніе и постоянно будетъ расти вмѣстѣ съ дальнѣйшими успѣхами нѣмецкаго индустріализма, то не съ такимъ ли же правомъ, какъ и во времена Маркса, Англія могла бы и теперь сказать Германіи: De te fabula narratur?

Но попробуемъ, однако, стать на точку зрѣнія современнаго ученія соціалъ-демократической школы; разстанемся съ идеей Коммун. Манифеста о разрушеніи капиталистическаго строя стихійными экономическими силами и будемъ имѣть въ виду лишь его разрушеніе однѣми *политическими силами* развивающагося рабочаго движенія, при чемъ не будемъ также обращать никакого вниманія на возрастаніе политическаго могущества буржуазіи и на усиленіе экономическихъ рессурсовъ, накопляющихся въ рукахъ господствующихъ классовъ,—ибо такова именно теперь теоретическая позиція сторонниковъ экономическаго матеріализма.

Итакъ, каково же въ дѣйствительности положеніе самихъ рабочихъ массъ въ процессѣ развитія капиталистическаго способа производства? Въ какомъ направленіи оно измѣняется, и какое вліяніе имѣютъ эти измѣненія на ходъ и на характеръ классовой борьбы? По этому поводу мы должны вкратцѣ коснуться здѣсь такъ называемой теоріи обнищанія рабочихъ массъ. Первоначально эта теорія была, какъ извѣстно, формулирована Марксомъ въ двухъ мѣстахъ: въ Коммунистическомъ Манифестѣ и въ предпослѣдней главѣ I тома «Капитала». Въ Коммун. Манифестѣ Марксъ говоритъ слѣдующее:

«Все предыдущее общество покоилось, какъ мы видѣли, на

противоположности угнетающихъ и угнетаемыхъ классовъ; но, чтобы быть въ состоянiи угнетать классъ, этому угнетаемому классу должны быть обезпечены такiя условiя, при которыхъ онъ, по крайней мѣрѣ, могъ бы поддерживать свое рабское существованiе. При крѣпостной зависимости, крѣпостной поднялся до члена коммуны, такъ же, какъ мелкiй горожанинъ подъ игомъ феодальнаго абсолютизма поднялся до буржуа. Современный же рабочiй, напротивъ, вмѣсто того, чтобы подниматься съ прогрессомъ промышленности, опускается все ниже сравнительно съ условiями своего собственнаго класса. Рабочiй становится нищимъ, и пауперизмъ развивается еще скорѣе, чѣмъ населенiе и богатство» *).

Въ главѣ «Капитала», касающейся «исторической тенденцiи капиталистическаго накопленiя», относящееся сюда мѣсто гласитъ слѣдующее:

«По мѣрѣ того, какъ увеличивается число магнатовъ капитала, узурпирующихъ и монополизирующихъ всѣ преимущества этого перiода общественнаго развитiя, возрастаютъ бѣдствiя, угнетенiе, рабство, деградацiя и эксплуатацiя, но также и сопротивленiе рабочаго класса, непрерывно растущаго, все болѣе и болѣе дисциплинируемаго, объединяемаго и организуемаго самымъ механизмомъ капиталистическаго производства» **).

Извѣстно, что по поводу этой второй формулировки въ нѣмецкой соцiалъ-демократической литературѣ возникъ большой споръ относительно того, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать здѣсь слова Маркса: «бѣдствiя и деградацiя»,—въ смыслѣ ли увеличенiя физической абсолютной нищеты рабочаго класса, или же въ смыслѣ лишь относительнаго пониженiя уровня его существованiя по сравненiю съ возрастающимъ благоденствiемъ и богатствомъ буржуазiи. Если принять въ соображенiе формулировку Коммун. Манифеста, гдѣ говорится, что рабочiй опускается, съ прогрессомъ промышленности, «все ниже сравнительно съ условiями *своего собственнаго класса*», а также, что онъ «становится нищимъ, и пауперизмъ развивается быстрѣе, чѣмъ населенiе», то скорѣе можно склониться въ пользу перваго толкованiя или, по крайней мѣрѣ, допустить, что взгляды самого Маркса на этотъ счетъ измѣнились въ промежутокъ времени между обнародованiемъ Коммун. Манифеста и обнародованiемъ I тома «Капитала». Но въ данномъ случаѣ это не особенно важно для насъ; важно для насъ лишь то обстоятельство, что, благодаря всестороннему теоретическому обсужденiю этого вопроса, было выяснено и установлено, какимъ образомъ, въ настоящее время и на основанiи имѣющихся теперь данныхъ, слѣдуетъ представлять себѣ измѣненiя, происходящiя въ положенiи рабочаго класса подъ влiянiемъ развитiя капиталистическаго про-

*) Переводъ Поссе, стр. 26—27.
**) Французское изданiе, стр. 342.

изводства. Прежде всего было установлено, что о буквальномъ, физическомъ и при томъ общемъ обнищаніи рабочихъ массъ, занятыхъ въ крупной промышленности, не можетъ быть и рѣчи; напротивъ того, оказывается, что даже *средній* уровень экономическаго положенія этихъ массъ, въ промышленно-развитыхъ странахъ, не только не понижался абсолютно за весь истекшій періодъ капиталистическаго развитія, но, напротивъ того, постепенно, хотя медленно и неровно, подвигался въ сторону повышенія; если же можно говорить о пониженіи этого общаго уровня, то лишь объ *относительномъ*, лишь въ смыслѣ увеличенія *соціальнаго разстоянія* между рабочимъ классомъ и господствующими имущественными классами. Этотъ общій экономическій результатъ капиталистическаго развитія по отношенію къ положенію рабочихъ массъ, занятыхъ въ крупномъ производствѣ, былъ, какъ извѣстно, констатированъ на Вѣнскомъ соціалистическомъ конгрессѣ 1901 г. и повлекъ за собою нѣкоторыя перемѣны въ формулировкѣ соотвѣтствующихъ пунктовъ программы австрійской рабочей партіи. Каутскій, наиболѣе способствовавшій теоретическому выясненію этого вопроса въ соціалъ-демократической литературѣ, такъ резюмируетъ свои выводы:

«Теорія Маркса ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ того, что нѣкоторая часть прироста богатствъ выпадаетъ также и на долю рабочаго класса. Безъ сомнѣнія, капиталистическій способъ производства всегда имѣетъ тенденцію къ угнетенію какъ наемныхъ рабочихъ, такъ и остальныхъ народныхъ массъ, вслѣдствіе чего онъ всегда порождаетъ новыя и новыя бѣдствія, но онъ порождаетъ также и такія тенденціи, которыя стремятся къ ограниченію этихъ бѣдствій. Постоянно же возростаютъ не физическія, но соціальныя бѣдствія, а именно—противорѣчіе между культурными потребностями отдѣльнаго рабочаго и его средствами къ ихъ удовлетворенію; другими словами: количество продуктовъ, приходящееся на долю каждаго рабочаго, можетъ увеличиваться, но на его долю приходится все меньшая и меньшая часть вырабатываемыхъ имъ продуктовъ» *).

Такова современная теорія обнищанія рабочихъ массъ, относящаяся спеціально къ промышленному пролетаріату. Мы видимъ прежде всего, что эта теорія не упирается, такъ сказать, въ стѣну, не упирается въ то безвыходное положеніе, какое обрисовано въ Коммун. Манифестѣ, когда «угнетаемому не обезпечены даже условія, при которыхъ онъ могъ бы поддерживать свое рабское существованіе». Это безвыходное положеніе создавалось бы лишь въ томъ случаѣ, если бы изъ двухъ тенденцій, свойственныхъ капиталистическому способу производства—тенденціи къ угнетенію рабочаго класса и тенденціи къ ограниченію этого угнетенія, могла факти-

*) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm", стр. 128.

чески осуществляться только одна первая тенденція; но мы видимъ, что, согласно позднѣйшему знакомству съ фактической стороной дѣла, за второй тенденціей также признается теперь возможность нѣкотораго практическаго воздѣйствія.

Это значитъ, что организованное противодѣйствіе рабочихъ массъ можетъ имѣть для себя непосредственный выходъ въ томъ, чтобы отвоевывать не у погибающей экономически, а у благоденствующей и все болѣе богатѣющей буржуазіи нѣкоторую часть прироста національныхъ богатствъ. Такимъ образомъ, при успѣшномъ развитіи капиталистическаго способа производства, само экономическое положеніе создаетъ возможность нѣкотораго улучшенія въ положеніи рабочаго класса, создаетъ возможность уступокъ со стороны торжествующаго капитализма, возможность нѣкоторыхъ экономическихъ соглашеній между рабочимъ классомъ и буржуазіей, при чемъ эта возможность возрастаетъ вмѣстѣ съ успѣшностью капиталистическаго развитія, обусловливающею самые размѣры накопляемыхъ въ странѣ богатствъ. Понятно, что мы говоримъ здѣсь лишь о *возможности* соглашеній, насколько она опредѣляется экономическою стороною дѣла, т. е. лишь о томъ *пути наименьшаго сопротивленія*, который предоставляется рабочему движенію самымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства. Какъ бы мы ни относились къ этому пути соглашеній и частичныхъ уступокъ со стороны буржуазіи, будемъ ли мы считать его политически выгоднымъ или невыгоднымъ для рабочаго класса, съ точки зрѣнія революціоннаго разрѣшенія рабочаго вопроса, но одно несомнѣнно, а именно — что этотъ путь совершенно неустранимъ при сколько-нибудь значительномъ процвѣтаніи капитализма, ибо въ рукахъ послѣдняго оказывается въ такомъ случаѣ экономическая возможность избѣгнуть путемъ сравнительно небольшихъ уступокъ гораздо болѣе неудобныхъ и опасныхъ для него соціальныхъ конфликтовъ.

Значеніе этого пути компромиссовъ и соглашеній, этого новаго экономическаго фактора, отсутствовавшаго въ первоначальной концепціи эволюціи буржуазнаго общества, но неизбѣжно вызываемаго дѣйствительнымъ ходомъ капиталистическаго развитія и проникающаго даже въ завѣтную сферу рабочаго движенія и классовой борьбы, должно быть признано еще болѣе важнымъ, если мы обратимъ вниманіе на способъ распредѣленія тѣхъ экономическихъ улучшеній въ положеніи рабочихъ массъ, которыя обусловливаются успѣшнымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства. Нѣтъ сомнѣнія, что эти улучшенія, въ смыслѣ повышенія *общаго* средняго уровня жизни рабочихъ массъ, очень незначительны, особенно по сравненію съ громаднымъ ростомъ богатства и культуры среди имущихъ классовъ; но дѣло въ томъ, что улучшенія эти распредѣляются далеко неравномѣрно, а, такъ сказать, концентрируются въ той именно части рабочаго класса, которая является наиболѣе организованной, такъ какъ эта наиболѣе орга-

низованная часть рабочаго класса естественно можетъ скорѣе всего вырвать уступки изъ рукъ буржуазіи.

Такимъ образомъ, капиталистическій способъ производства, съ одной стороны, обнаруживаетъ свое революціонизирующее дѣйствіе тѣмъ, что организуетъ рабочія массы и по преимуществу въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя наиболѣе успѣшно охватываются крупною капиталистическою промышленностью, а съ другой стороны, въ этихъ именно отрасляхъ производства онъ предоставляетъ рабочимъ массамъ наибольшую возможность добиваться непосредственныхъ экономическихъ улучшеній,—при чемъ эти улучшенія, сосредоточиваясь въ этихъ наиболѣе благопріятно поставленныхъ отрасляхъ капиталистической промышленности, уже не могутъ быть названы совершенно ничтожными, а напротивъ того, признаются *значительными* даже тѣми наблюдателями, которые вовсе не склонны въ этомъ случаѣ быть оптимистами.

По этому поводу мы считаемъ не лишнимъ привести заключительные выводы Сиднея Вебба и Фридриха Энгельса изъ ихъ изслѣдованій о положеніи рабочаго класса въ Англіи—тѣмъ болѣе, что эти выводы признаются правильными самимъ Каутскимъ и цитируются имъ въ его книгѣ; кромѣ того, выводы Энгельса относятся къ промежутку времени между 1848 и 1885 гг., т. е. къ тому періоду, когда Англія уже несомнѣнно еще была представительницей истинно-капиталистическаго строя. Сидней Веббъ пишетъ въ своей книгѣ «Labour in the longest reign»:

«Во всѣхъ отношеніяхъ можно сказать, что хотя нѣкоторый значительный слой наемныхъ рабочихъ сдѣлалъ довольно большой шагъ впередъ со времени 1837 г., другіе слои, напротивъ того, добились лишь очень ограниченной доли—если только добились вообще какой-нибудь—въ общемъ приростѣ богатства и цивилизаціи. Если мы возьмемъ различныя условія работы и жизни и установимъ извѣстный уровень, ниже котораго жизнь рабочаго уже не можетъ быть названа приличной, то мы найдемъ, что процентное количество тѣхъ, которые, въ отношеніи рабочей платы, рабочаго времени, удобства жилищъ и общей культуры, стоятъ ниже этого уровня, въ настоящее время менѣе, чѣмъ въ 1837 г.; но мы найдемъ также, что самый низкій изъ современныхъ уровней жизни такъ же низокъ, какъ онъ былъ и тогда, и что общее число стоящихъ ниже принятаго нами уровня существованія, по своей абсолютной величинѣ, вѣроятно, даже возвысилось съ 1837 г. Бездна нищеты такъ же глубока въ настоящее время, какъ она была и прежде, и размѣры ея такъ же велики, если еще не больше; слой грязи подъ нашими ногами и въ нашемъ сознаніи остается въ не уменьшенномъ количествѣ» *).

А вотъ что пишетъ Энгельсъ:

*) Цитируемъ по книгѣ Каутскаго „Bernstein etc.“, стр. 117.

«Постоянное повышеніе (съ 1848 г.) замѣчается только у двухъ хорошо защищенныхъ частей рабочаго класса. Первая изъ нихъ— это фабричные рабочіе. Законодательное установленіе въ ихъ пользу хотя сколько-нибудь сноснаго рабочаго дня возстановило болѣе или менѣе ихъ корпоративную организацію и придало имъ, благодаря этой организаціи, еще большій моральный авторитетъ. Ихъ положеніе несомнѣнно улучшилось съ 1848 г.... Другая часть—это большіе трэдъ-юніоны. Эти организаціи обнимаютъ такія отрасли труда, въ которыхъ приложима или, по крайней мѣрѣ, преобладаетъ лишь работа взрослыхъ людей. Ни конкурренція дѣтскаго и женскаго труда, ни конкурренція машинъ не могли еще до сихъ поръ сломить ихъ организованной силы... Ихъ положеніе, несомнѣнно, значительно улучшилось съ 1848 г.; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что вотъ уже въ теченіе болѣе 15 лѣтъ не только ихъ хозяева ими, но и они были въ высшей степени довольны своими хозяевами. Они образуютъ аристократію въ рабочемъ классѣ; имъ удалось добиться сравнительно комфортабельнаго положенія и они принимаютъ это положеніе за окончательное... Но что касается главной массы рабочихъ, то уровень ихъ бѣдствій и необезпеченности ихъ существованія стоитъ такъ же низко, если еще не ниже, чѣмъ прежде» *)...

Эти не подлежащія никакому заподозриванію въ оптимизмѣ и общепризнанныя свидѣтельства подтверждаютъ, во-первыхъ, то положеніе, что непосредственныя экономическія улучшенія въ промышленно-развитыхъ капиталистическихъ странахъ распредѣляются далеко не равномѣрно и распространяются лишь на нѣкоторые, хотя и *значительные* слои организованныхъ рабочихъ, достигая при этомъ уже *довольно значительныхъ* размѣровъ, а во вторыхъ,— и это особенно важно—что, благодаря такому неравномѣрному распредѣленію, эти экономическія улучшенія вызываютъ значительную дифференціацію въ средѣ рабочихъ массъ, выдѣляя изъ нихъ привилегированную часть, рабочую аристократію, какъ говоритъ Энгельсъ, по отношенію къ которой психологическое вліяніе «соціальныхъ различій», на которомъ такъ настаиваетъ Каутскій, должно дѣйствовать уже не только сверху, указывая на разстояніе, отдѣляющее ее отъ буржуазіи, но также и снизу, указывая на разстояніе, отдѣляющее ее отъ низшихъ слоевъ самого рабочаго класса.

Но при этомъ необходимо всетаки отмѣтить, что всѣ эти выводы примѣнимы не ко всякому капиталистическому обществу, не къ каждой странѣ, въ которой капитализмъ замѣнилъ собою натуральныя формы хозяйства, а лишь къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ капиталистическое производство развивается особенно успѣшно, сопровождается огромнымъ накопленіемъ національнаго

---

*) *Ibidem.*

богатства и проявляетъ въ значительныхъ размѣрахъ свои такъ называемыя творческія, организующія стороны,—такъ какъ только въ такихъ странахъ возникаетъ самая экономическая возможность для сколько-нибудь значительнаго повышенія матеріальнаго благосостоянія рабочихъ массъ, экономическая возможность для того пути наименьшаго сопротивленія, по которому рабочее движеніе можетъ направляться лишь при очень успѣшномъ развитіи капиталистическаго способа производства.

Эта очень важная черта развитого капитализма заслуживаетъ особаго нашего вниманія при подведеніи политическихъ итоговъ соціалистическаго движенія, при опредѣленіи причинъ и условій паденія буржуазнаго строя, такъ какъ она касается уже условій самого рабочаго движенія, этой, такъ сказать, послѣдней инстанціи современной соціалъ-демократической теоріи научнаго соціализма. Мы уже видѣли, что два первоначальныхъ устоя: промышленные кризисы и концентрація капитала, какъ она понималась въ началѣ, должны были быть отвергнуты, когда оказалось, что дѣйствительный ходъ промышленнаго развитія не подтвердилъ этихъ первоначальныхъ теоретическихъ построеній; тогда вся теорія соціалистическаго переворота, построенная на развитіи капиталистическаго способа производства, сосредоточилась на идеѣ организованнаго рабочаго движенія, возрастающаго въ своихъ размѣрахъ вмѣстѣ съ его развитіемъ. При этомъ мы видѣли, однако, что эта теорія оставляетъ совершенно въ сторонѣ тѣ противоположныя, буржуазныя, капиталистическія силы, которыя тоже возрастаютъ и накопляются въ буржуазномъ обществѣ при всякомъ успѣшномъ развитіи капиталистической индустріи. Такая односторонность, несомнѣнно, вноситъ большую незаконченность и неопредѣленность во все построеніе, такъ какъ развивающееся рабочее движеніе приходится разсматривать совершенно независимо отъ той обстановки, въ которой ему приходится дѣйствовать, и всѣ его результаты, всѣ его общественныя послѣдствія могутъ измѣряться въ такомъ случаѣ лишь разсчетами на его неудержимый революціонный порывъ: какъ бы ни были велики препятствія, какъ бы ни были велики силы противника,—онѣ будутъ сломлены этимъ неудержимымъ революціоннымъ порывомъ организованнаго рабочаго движенія: такова общая идея этого новѣйшаго соціалъ-демократическаго построенія. Но здѣсь кстати напомнить одинъ изъ любимыхъ афоризмовъ экономическихъ матеріалистовъ: гоните экономическія условія въ дверь, они не замедлятъ ворваться въ окно; когда игнорируется въ одной области извѣстная реальная общественная сила, она неминуемо заявляетъ о себѣ съ какой-нибудь другой стороны. Въ данномъ случаѣ эта реальная общественная сила проявляетъ себя въ томъ способѣ самозащиты, который буржуазія противопоставляетъ самому рабочему движенію: та огромная экономическая сила, которая создается на сторонѣ буржуазнаго общества разви-

тымъ капитализмомъ, доставляетъ ему возможность болѣе или менѣе оградить себя отъ угрожающей ему соціальной опасности и до извѣстной степени ослабить революціонное значеніе той самой *организованности рабочихъ массъ*, которая, въ противномъ случаѣ, должна была бы служить прямымъ источникомъ его гибели. Развитой капитализмъ организуетъ рабочія массы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ имъ съ своей стороны нѣкоторый компромиссъ; онъ организуетъ ихъ не на почвѣ стихійнаго экономическаго хаоса и экономическихъ бѣдствій, сопровождающихся общественными катастрофами и безплодною гибелью производительныхъ силъ—какъ это рисовалось авторамъ Коммун. Манифеста,—а, напротивъ того, на почвѣ возрастающей планомѣрности капиталистической эксплуатаціи и все возрастающаго накопленія національныхъ богатствъ, дающихъ возможность организованнымъ рабочимъ массамъ добиваться непосредственныхъ экономическихъ улучшеній. Вслѣдствіе этого, наиболѣе организованная часть рабочаго класса неизбѣжно, въ силу фактическаго положенія вещей, въ силу данныхъ условій экономической жизни, идетъ по пути наименьшаго сопротивленія и вовлекается въ борьбу съ капиталистическимъ строемъ на почвѣ ближайшихъ экономическихъ задачъ и даже привлекается къ активному участію въ промышленной жизни страны. Развѣ мы не читаемъ, въ самомъ дѣлѣ, отчетовъ объ огромномъ ростѣ чисто профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, напр., въ Англіи, обнимающихъ милліоны рабочихъ и насчитывающихъ десятками милліоновъ прибыли отъ своихъ потребительныхъ и кооперативныхъ предпріятій? Развѣ мы не читаемъ о томъ, какъ они вводятъ для своихъ служащихъ 8-ми часовой рабочій день, нормальную рабочую плату и пр.? Развѣ мы не читаемъ также о разныхъ третейскихъ камерахъ, устанавливающихъ «справедливую» скалу рабочихъ платъ, опредѣляющихъ «справедливую» норму капиталистической прибыли? Между тѣмъ, все это въ значительной степени чисто-оппортунистическое движеніе въ рабочей средѣ, несомнѣнно, развивается вмѣстѣ съ успѣшнымъ развитіемъ крупной капиталистической промышленности и ростомъ національнаго богатства, составляя одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей современнаго индустріализма. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, въ 1891 г., организованныхъ въ профессіональные синдикаты рабочихъ насчитывалось около 300.000 чел., а въ 1905 г. ихъ насчитывается уже 1.250.000 чел.; кассовая наличность этихъ синдикатовъ въ 1891 г. равнялась 161.000 руб., а въ 1903 г. она уже поднялась до 7.250.000 руб. Но при этомъ, вмѣстѣ съ такимъ ростомъ и процвѣтаніемъ, неизмѣнно повторяется одно и то же явленіе—замѣчается нѣкоторый поворотъ въ сторону болѣе умѣреннаго, выжидательнаго направленія, въ сторону скорѣе реальной, чѣмъ революціонной политики. Такъ, мы видимъ, что въ германскомъ соціалистическомъ движеніи

уже начинають возникать теперь серьезныя опасенія на счетъ общаго направленія дѣятельности этихъ рабочихъ синдикатовъ. «По мѣрѣ роста и развитія профессіональнаго движенія»—читаемъ мы въ статьѣ бывшаго русскаго соціалъ-демократическаго органа «Пролетарій» по поводу послѣдняго Кельнскаго профессіональнаго съѣзда— «начали раздаваться голоса, противопоставлявшіе *экономику политикѣ*, настаивавшіе на необходимости для профессіональныхъ союзовъ держаться въ сторонѣ отъ всякой политики, вести свою мелкую будничную борьбу съ хозяевами за мелкія, будничныя требованія экономическаго характера». И эти голоса, какъ извѣстно, получили огромный перевѣсъ на Кельнскомъ съѣздѣ профессіональныхъ союзовъ; рѣчь представителя чисто-экономическаго направленія, нѣкоего Бемельбурга, сопровождалась тамъ почти непрерывными рукоплесканіями, а предложенная имъ резолюція, отвергавшая политическія стачки и даже осуждавшая самую пропаганду ихъ, была принята почти единогласно. Интересно также сообщеніе другой русской соціалъ-демократической газеты, «Искры», согласно которому «многіе изъ тѣхъ, которые на соціалъ-демократическихъ конгрессахъ вотировали антибернштейновскія резолюціи, теперь въ Кельнѣ почувствовали себя свободными отъ всякой догмы, отъ всякой ортодоксіи» и «взяли реваншъ, отомстили соціалъ-демократіи за Ганноверъ, Дрезденъ и пр.».—«Это, между прочимъ, обнаружило призрачность прежнихъ побѣдъ»—прибавляетъ авторъ статьи (№ 101).

Мы взяли на удачу эти нѣсколько фактовъ, чтобы указать нато направленіе, какое могутъ принять и *дѣйствительно принимаютъ* сами рабочія организаціи при условіи успѣшнаго развитія капиталистической промышленности. Разъ только уничтожена та предпосылка, согласно которой развивающіяся силы капитала обрушиваются на экономическое благосостояніе самого буржуазнаго общества и подрываютъ ростъ національнаго богатства, то тѣмъ самымъ уничтожается также и главная экономическая основа той аргументаціи, которая строитъ соціалистическій переворотъ исключительно на успѣшномъ развитіи крупнаго капиталистическаго производства. Теоретическая формула этого построенія: чѣмъ дальше по пути безпрепятственнаго и всесторонняго развитія капитализма, тѣмъ ближе къ соціалистическому перевороту, оказывается подточенной въ такомъ случаѣ въ одномъ изъ своихъ главныхъ устоевъ самымъ ходомъ экономической жизни: вмѣсто прежняго революціоннаго содержанія, экономическая практика подставляетъ въ эту формулу свое болѣе или менѣе оппортунистическое содержаніе, заключающееся въ упроченіи буржуазной собственности, въ разслоеніи рабочихъ массъ и въ улучшеніи экономическаго положенія наиболѣе организованной части ихъ. Съ этой фактической поправкой необходимо серьезно считаться; нельзя в

ней забывать и оставлять лишь за одною частью когда-то цѣльной и нераздѣльной концепціи ея прежнее рѣшающее значеніе.

Здѣсь не лишнее напомнить, наконецъ, что первоначальная, старая концепція научнаго соціализма понесла также еще одинъ уронъ, при столкновеніи съ дѣйствительнымъ ходомъ экономической эволюціи, поскольку она была разсчитана на распространеніе крупной формы капиталистическаго производства на всѣ главныя отрасли промышленности,—такъ какъ оказалось, что ей не доступна значительная часть сельско-хозяйственнаго производства, остающаяся въ рукахъ средняго и мелкаго крестьянства.

Намъ нечего, конечно, указывать читателямъ на серьезное значеніе этого новаго подрыва одного изъ главныхъ устоевъ соціалъ-демократической теоріи соціализма. Въ самомъ дѣлѣ, если даже допустить, что, не смотря на всѣ тѣ внѣшнія и внутреннія противодѣйствія, какія противопоставляетъ развитой капитализмъ революціонному направленію въ самомъ рабочемъ движеніи, оно всетаки могло бы, въ концѣ концовъ, объединиться именно на революціонныхъ задачахъ, то тогда возникнетъ еще вопросъ—и очень важный, рѣшающій вопросъ для чисто пролетарской теоріи— объ относительныхъ размѣрахъ самого пролетаріата. Въ болѣе ранній періодъ марксизма вопросъ этотъ разрѣшался очень просто: мелкое крестьянство должно было быстро исчезнуть, а пролеріатъ охватить собой почти всю рабочую массу. Этотъ тезисъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію и не требовалъ даже никакихъ доказательствъ. Еще въ 1894 г. Энгельсъ писалъ: «Короче, мелкій крестьянинъ, какъ всякій пережитокъ исчезнувшаго способа производства, неминуемо осужденъ на гибель. Это—будущій пролетарій». Авторъ Эрфуртской программы, Каутскій, также заявлялъ въ своихъ комментаріяхъ къ ней, что «мелкое крестьянское хозяйство экономически пережито» и что «идея о неизбѣжной гибели мелкаго производства красной нитью прошла черезъ весь его трудъ». Словомъ, идея объ исчезновеніи мелкаго крестьянства и о соотвѣтствующемъ численномъ приростѣ пролетаріата была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ представленіемъ о развивающемся пролетарскомъ движеніи и о приближающейся пролетарской диктатурѣ. И вотъ теперь эта идея относительно неминуемаго исчезновенія мелкаго крестьянства должна быть покинута; ее уже не могутъ поддерживать даже самые убѣжденные сторонники пролетарской точки зрѣнія въ пониманіи соціализма. А между тѣмъ легко видѣть, что съ устраненіемъ этой излюбленной въ марксистской литературѣ и такъ долго отстаивавшейся ею идеи объ исчезновеніи мелкаго крестьянства должно дѣйствительно многое измѣниться въ законченности и обоснованности старой марксистской теоріи.

Итакъ, мы видимъ, что при современномъ состояніи экономической науки современная соціалъ-демократическая теорія не имѣетъ достаточныхъ данныхъ для поддержанія своего взгляда на условія развитія соціалистическаго движенія, для установленія причинной связи между развитіемъ капитализма въ данной странѣ и соотвѣтствующимъ этому развитію приближеніемъ къ ликвидаціи буржуазнаго строя, между развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства и вытекающей отсюда экономической необходимости соціалистическаго переворота. Соціалистическій переворотъ необходимъ и неизбѣженъ, но онъ не вытекаетъ теоретически, онъ не можетъ быть обоснованъ научно исключительно изъ условій успѣшнаго и безпрепятственнаго развитія капиталистическаго способа производства. Экономическая наука устанавливаетъ съ точностью лишь гораздо болѣе общій и гораздо менѣе рѣшительный выводъ, а именно — тотъ выводъ, согласно которому вмѣстѣ съ развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства въ данной странѣ въ ней, въ извѣстныхъ предѣлахъ, все болѣе и болѣе разростается рабочее движеніе и расширяются рабочія организаціи въ средѣ промышленнаго пролетаріата. На этомъ и останавливается данный научный выводъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ для опредѣленія относительныхъ размѣровъ и относительной политической силы этого разростающагося рабочаго движенія, а, слѣдовательно, и для опредѣленія его политическихъ результатовъ. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, даже въ рамкахъ, охватываемыхъ этимъ выводомъ, самый ростъ рабочаго движенія и расширеніе рабочихъ организацій еще вовсе не всегда свидѣтельствуютъ, сами по себѣ, о ростѣ *революціонной* рабочей силы въ данной странѣ, такъ какъ мы знаемъ, напримѣръ, что въ Англіи существуютъ огромныя рабочія организаціи съ ясно выраженнымъ въ нихъ анти-революціоннымъ направленіемъ; мы знаемъ даже, что самый численный ростъ соціалистическихъ партій въ промышленно развитыхъ странахъ еще вовсе не указываетъ, самъ по себѣ, на ростъ революціоннаго настроенія и революціоннаго могущества этихъ партій, ибо вмѣстѣ съ численнымъ ростомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, напримѣръ, въ ней очень успѣшно развивается широкое оппортунистическое теченіе.

Приписывать такого рода крупные и повторяющіеся факты въ массовыхъ рабочихъ движеніяхъ развитыхъ капиталистическихъ странъ вліянію отдѣльныхъ лицъ или вторженію бюргерскихъ элементовъ, или, наконецъ, пренебрежительному отношенію къ теоріи (какъ это дѣлаетъ, напр., «Искра» въ № 101) было бы въ высшей степени ненаучнымъ. Самая приверженность къ чисто-экономическому толкованію явленій общественной жизни должна была бы заставить искать и для этого крупнаго явленія извѣстной экономической основы,—и мы уже видѣли, что эту экономическую основу всего скорѣе можно найти въ той дифференціаціи рабочаго класса

и въ той возможности непосредственныхъ экономическихъ улучшеній для наиболѣе организованной его части, которыя вызываются самимъ успѣшнымъ развитіемъ крупной капиталистической промышленности.

II.

До сихъ поръ мы еще совершенно не касались одной чрезвычайно важной стороны капиталистическаго развитія, а именно — присущаго ему международнаго характера. Если мы хотимъ правильно оцѣнить и выяснить въ ея настоящихъ размѣрахъ общественную роль современной крупной капиталистической промышленности, то мы должны обратить особое вниманіе на ея международный характеръ. Многія стороны ея вліянія получаютъ совсѣмъ другое значеніе, вслѣдствіе именно того обстоятельства, что, на высшихъ стадіяхъ ея развитія, ея главнымъ операціоннымъ базисомъ является уже не національный, а міровой рынокъ, и что въ такомъ случаѣ область ея эксплуатаціи выходитъ далеко за предѣлы ея собственнаго отечества, распространяясь на многія другія страны.

Международный характеръ крупной капиталистической промышленности не можетъ, конечно, подлежать никакому сомнѣнію. Самый способъ, какимъ она развивалась, заставлялъ ее очень скоро покидать узко національную почву и принимать міровые размѣры—какъ это превосходно показано еще въ Коммун. Манифестѣ:

«Крупная промышленность создала міровой рынокъ, подготовленный открытіемъ Америки. Міровой рынокъ вызвалъ неизмѣримое развитіе торговли, судоходства, сухопутныхъ сообщеній. Это въ свою очередь повліяло на расширеніе промышленности, и въ той же мѣрѣ, въ какой расширялись промышленность, торговля, судоходство, желѣзныя дороги, развивалась и буржуазія; она умножала свои капиталы, она оттѣсняла на задній планъ классы, переданные средними вѣками.

«Буржуазія своей эксплуатаціей міроваго рынка придала производству и потребленію космополитическую форму. Къ великому огорченію реакціонеровъ, она вытянула національную почву изъ-подъ ногъ промышленности. Вѣковыя національныя промышленности или уничтожены, или съ каждымъ днемъ уничтожаются.

«Онѣ вытѣсняются новыми промышленностями, введеніе которыхъ становится жизненнымъ вопросомъ для всѣхъ цивилизованныхъ націй, промышленностями, которыя обрабатываютъ сырые продукты уже не туземные, а изъ отдаленнѣйшихъ поясовъ, промышленностями, фабричные продукты которыхъ потребляются не

только въ самой странѣ, но въ то же время и во всѣхъ частяхъ свѣта»... и т. д. *).

Весь этотъ путь, какимъ развивалась капиталистическая промышленность, разсматривался въ Коммунистическомъ Манифестѣ въ своемъ революціонномъ значеніи, лишь по отношенію къ классамъ стараго, средневѣковаго общества, которыхъ буржуазія отодвинула на второй планъ; затѣмъ онъ разсматривался также авторами Коммун. Манифеста по отношенію къ вопросу о міровыхъ промышленныхъ кризисахъ, которые—какъ мы видѣли изъ первой главы—должны были, согласно первоначальной гипотезѣ, принимать все большіе и большіе размѣры и повести къ неминуемому распаденію буржуазнаго строя.

Но этотъ способъ развитія капиталистической промышленности, создавшій для нея міровой базисъ, мало обращаетъ на себя вниманіе сторонниковъ соціалъ-демократической школы со стороны его, можно сказать, уничтожающаго вліянія на творческую, трансформирующую роль капиталистическаго развитія въ самой данной капиталистической странѣ, какъ въ смыслѣ усиленія политическаго могущества рабочихъ массъ, такъ и въ смыслѣ подготовленія матеріальныхъ условій для перехода къ соціалистическому строю.

Прежде всего мы должны еще разъ напомнить здѣсь о томъ разграниченіи, какое необходимо провести между различными видами тѣхъ капиталовъ, которые накопляются въ рукахъ буржуазіи вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ расширяются міровые размѣры капиталистической промышленности и торговли. Мы должны еще разъ напомнить, что «съ точки зрѣнія марксизма, революціонная сила въ современномъ обществѣ лежитъ не въ капиталѣ вообще, а лишь *въ промышленномъ капиталѣ*; только послѣдній представляетъ собою ту силу, которая создаетъ подготовительныя условія для соціалистическаго способа производства и вызываетъ на свѣтъ тѣхъ пролетаріевъ, историческая задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы осуществить этотъ способъ производства» **).

Но если это такъ, то легко видѣть, какое огромное вліяніе на относительные размѣры промышленнаго капитала въ данной странѣ, въ ряду другихъ богатствъ, сосредоточивающихся въ ней въ рукахъ буржуазіи, должно было оказывать то обстоятельство, что высшее капиталистическое развитіе могло фактически совершиться лишь *на международной почвѣ*, на почвѣ все болѣе и болѣе расширяющейся міровой капиталистической эксплуатаціи.

«Крупная промышленность создала міровой рынокъ, а міровой рынокъ вызвалъ неизмѣримое развитіе торговли». Отсюда огромное накопленіе торговыхъ капиталовъ во всякой развитой капиталистической странѣ. Развитіе капиталистической промышленности неиз-

---

*) Переводъ Поссе, стр. 17—18.

**) Kautsky, „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стр. 94.

бѣжно сопровождается возрастаніемъ торговаго капитала, но возрастаніе торговаго капитала не ведетъ за собою соотвѣтствующаго роста организованной рабочей арміи. Торговая прибыль на міровомъ рынкѣ не обусловлена занятіемъ извѣстнаго числа новыхъ рабочихъ рукъ; она обусловлена разницею въ стоимости производства данныхъ товаровъ въ различныхъ странахъ; по отношенію же къ продуктамъ обрабатывающей промышленности, это—своего рода рента, уплачиваемая странами съ менѣе развитой техникой, а, слѣдовательно, стоящихъ на низшей стадіи капиталистическаго развитія, въ пользу болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ. Въ концѣ концовъ, торговая прибыль представляетъ собою извѣстную форму эксплуатаціи населенія отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи странъ капиталистами передовыхъ промышленныхъ, но такую форму эксплуатаціи, которая не сопровождается додополнительнымъ приростомъ численности пролетаріата въ отечествѣ самихъ капиталистовъ. Потому-то Каутскій и говоритъ, что торговый капиталъ, въ противоположность промышленному, не вызываетъ на свѣтъ новыхъ отрядовъ революціоннаго пролетаріата, отъ численныхъ размѣровъ котораго зависитъ прежде всего возможность осуществленія имъ его исторической миссіи.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ богатства, которыя накопляются въ рукахъ буржуазіи, благодаря торговой прибыли, и все то политическое вліяніе, которое обезпечиваетъ за собою буржуазія, благодаря накопленію въ ея рукахъ этихъ богатствъ, не уравновѣшиваются никакимъ приращеніемъ въ размѣрахъ той творческой организующей силы, которая создается ростомъ промышленнаго капитала и развитіемъ капиталистическаго способа производства. Если мы расчленимъ данную капиталистическую страну на два враждебно противостоящихъ одинъ другому лагеря, буржуазный и соціалистическій, то накопленіе богатствъ въ рукахъ буржуазіи, обусловленное ростомъ торговаго капитала, неизбѣжно должно увеличивать контингентъ самой буржуазіи и увеличивать число ея сторонниковъ, привлекаемыхъ на ея службу ея богатствами или же подкупаемыхъ ея филантропическими мѣропріятіями; но оно не способно ни въ малѣйшей степени повліять на возрастаніе числа сторонниковъ противоположнаго, соціалистическаго лагеря. Такимъ образомъ, вся та сторона капиталистическаго развитія, которая относится къ «неизмѣримому развитію торговли», неизбѣжно вызываемому, по словамъ Коммун. Манифеста, развитіемъ крупной промышленности, представляетъ собою неизбѣжное и постоянно возрастающее препятствіе въ процессѣ подготовленія данной капиталистической страны къ соціалистическому перевороту при помощи развитія въ ней крупнаго капиталистическаго производства.

Но, кромѣ торговаго капитала, къ категоріи не промышленныхъ принадлежитъ еще *денежный* капиталъ. Подобно торговому,

ростъ денежнаго капитала въ промышленныхъ странахъ неизбѣжно вызывается самымъ процессомъ развитія крупнаго капиталистическаго производства. Такъ какъ процессъ капиталистическаго развитія не можетъ быть замкнутъ въ предѣлы одной страны, то «потребность въ постоянно расширяющемся сбытѣ своихъ продуктовъ гоняетъ буржуазію по всему земному шару» *), при чемъ пріисканіе новыхъ рынковъ всегда представляетъ для нея извѣстныя затрудненія, а вслѣдствіе этого, и самое расширеніе капиталистическаго способа производства никогда не можетъ происходить безостановочно, въ размѣрахъ всей той части ежегоднаго прироста промышленной прибыли, которая не поглощается личными расходами предпринимателей; вотъ почему вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго способа производства изъ промышленныхъ оборотовъ всегда выдѣляются свободные денежные капиталы въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ размѣрамъ всего промышленнаго капитала въ данной странѣ. Въ такихъ промышленно-развитыхъ странахъ, какъ Англія, эти денежные капиталы достигаютъ, какъ извѣстно, громадныхъ размѣровъ, при чемъ ихъ непрерывный ростъ обусловленъ еще и тѣмъ, что они находятъ для себя помѣщеніе въ иностранныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и государственныхъ долгахъ, и, слѣдовательно,—подобно торговымъ капиталамъ—приносятъ ихъ владѣльцамъ прибыль, не связанную съ расширеніемъ капиталистической промышленности въ ихъ собственномъ отечествѣ.

Очевидно, что въ лицѣ этихъ непрерывно растущихъ денежныхъ капиталовъ мы снова имѣемъ такую форму богатствъ, скопляющихся въ рукахъ буржуазіи и увеличивающихъ ея политическое вліяніе, которая не сопровождается соотвѣтствующимъ ростомъ организованной рабочей арміи въ данной капиталистической странѣ. Первоначальнымъ источникомъ этихъ богатствъ служитъ выдѣленіе изъ капиталистическаго оборота данной страны части промышленнаго или торговаго капитала, а дальнѣйшій ростъ ихъ обусловленъ эксплуатаціей капиталистами этой страны населенія многихъ другихъ странъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ капиталистическій классъ промышленно-развитой страны распространяетъ свои промышленныя и ростовщическія операціи далеко за ея предѣлы, увеличивая этимъ путемъ безпредѣльно свое экономическое могущество, которое представляетъ все возрастающую силу въ его рукахъ по отношенію къ рабочему классу данной страны. Роль капиталистическаго развитія, поскольку оно выражается въ ростѣ денежнаго капитала, какъ бы распадается здѣсь на двѣ отдѣльныя части: все революціонизирующее его вліяніе, обусловленное эксплуатаціей и угнетеніемъ рабочихъ массъ, переносится въ международную область и, быть можетъ, способствуетъ съ своей стороны под-

*) „Коммун. Манифестъ". стр. 18.

готовленію политическихъ и соціальныхъ кризисовъ въ какой-нибудь болѣе отсталой въ промышленномъ отношеніи странѣ; вся же отрицательная сторона капиталистическаго развитія, выражающаяся въ возростаніи экономическаго могущества буржуазіи, въ увеличеніи числа состоятельныхъ лицъ и въ подготовленіи почвы для всевозможныхъ буржуазно-демократическихъ компромиссовъ, сосредоточивается внутри данной капиталистической страны. Легко понять, какія послѣдствія должно это оказывать на положеніе дѣла въ такой промышленно-развитой странѣ, какъ, напримѣръ, Англія, гдѣ пролетаріату приходится вести борьбу не только съ силами промышленной, но также и съ силами постоянно растущей торговой и денежной буржуазіи и преодолѣвать, вслѣдствіе этого, двойное и тройное сопротивленіе, оказываемое соціалистическому движенію со стороны организованныхъ защитниковъ капиталистическаго строя. Со всѣхъ сторонъ міра притекаютъ въ руки англійскихъ капиталистовъ все новые и новые денежные рессурсы, позволяющіе имъ идти на нѣкоторыя уступки требованіямъ организованныхъ рабочихъ массъ, довольствуясь меньшимъ процентомъ промышленной прибыли, и расширять область тѣхъ капиталистическихъ общественныхъ отношеній и учрежденій (наемная печать, избирательный подкупъ, благотворительность, прислуга, наемное войско и пр.), которыя укрѣпляютъ ихъ капиталистическія позиціи въ борьбѣ съ соціализмомъ. Такимъ образомъ и въ томъ, что касается денежныхъ капиталовъ, именно міровые размѣры капиталистическаго развитія, опирающагося на международную эксплуатацію, даютъ возможность капиталистамъ данной страны достигать такого колоссальнаго накопленія богатствъ, при одномъ и томъ же контигентѣ промышленныхъ рабочихъ, которое представляетъ для послѣднихъ трудно преодолимое препятствіе въ ихъ стремленіи къ низверженію капиталистическаго строя.

Наконецъ, намъ говорятъ, что развитіе капиталистической промышленности должно необходимо предшествовать соціалистической организаціи общества еще и потому, что только оно одно способно подготовить матеріальныя условія для перехода къ соціалистическому строю, при чемъ это подготовленіе матеріальныхъ условій заключается въ томъ, что крупная капиталистическая промышленность организуетъ все національное производство на основахъ коллективнаго труда и въ такихъ размѣрахъ, которые разсчитаны на удовлетвореніе потребностей не отдѣльныхъ семей или группъ, а цѣлаго населенія.

Но легко видѣть, что именно *международная основа* капиталистическаго способа производства придаетъ всей этой организаціи національнаго производства подъ вліяніемъ его развитія такой характеръ, что она оказалась бы совершенно не соотвѣтствующей

дѣйствительнымъ матеріальнымъ потребностямъ данной страны, если бы она по своимъ политическимъ и духовнымъ условіямъ уже была готова къ переходу къ соціалистическому строю.

«Буржуазія своей эксплуатаціей мірового рынка придала производству и потребленію космополитическую форму». И чѣмъ болѣе подвинулось впередъ капиталистическое развитіе данной страны, чѣмъ болѣе приближаются къ міровымъ размѣрамъ главныя отрасли ея обработывающей промышленности, тѣмъ менѣе онѣ отвѣчаютъ экономическимъ потребностямъ самого положенія этой страны. Въ то время, какъ ткацкія фабрики и металлургическіе заводы Англіи способны снабдить тканями и металлическими издѣліями всю Европу, та же самая Англія не въ состояніи была бы, при теперешней организаціи ея національнаго производства, прокормить себя въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году. Спрашивается: что стала бы дѣлать Англія со своими фабриками и машинами, если бы она захотѣла ликвидировать капиталистическую организацію своего производства и поставить свое національное хозяйство внѣ зависимости отъ промышленной конкурренціи и кризисовъ мірового рынка? Ей, очевидно, пришлось бы или перестраивать заново всю матеріальную обстановку своего національнаго производства, или же отложить ликвидацію буржуазнаго строя до того времени, когда послѣдняя могла бы произойти въ размѣрахъ уже не національнаго, а международнаго соціалистическаго переворота. Такъ какъ вся хозяйственная организація развитыхъ капиталистическихъ странъ построена внѣ всякаго соображенія съ дѣйствительными потребностями самого населенія,— въ чемъ именно и заключается главная причина такъ называемой современной промышленной анархіи—то въ высшей степени странною является та мысль, что эта именно хозяйственная организація, нисколько не соображенная съ экономическими потребностями населенія, можетъ служить готовыми рамками для перехода къ планомѣрной соціалистической организаціи національнаго производства. Легко видѣть, что въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, въ этомъ отношеніи, находятся тѣ болѣе отсталыя, въ смыслѣ экономическаго развитія, капиталистическія страны, которыя еще не способны охватывать своимъ производствомъ обширныя области мірового рынка, а принуждены довольствоваться въ главной степени внутреннимъ сбытомъ. Менѣе совершенная въ техническомъ отношеніи, промышленная организація такихъ странъ гораздо болѣе приспособлена, по своимъ матеріальнымъ условіямъ, къ переходу къ общественно-планомѣрной организаціи національнаго производства, при чемъ соотвѣтствующіе ея экономической отсталости сравнительно небольшіе размѣры тѣхъ торговыхъ и денежныхъ капиталовъ, которые сосредоточиваются въ рукахъ ея буржуазіи, представляютъ гораздо меньшее препятствіе для такого пере-

хода также и со стороны политическихъ условій, со стороны даннаго распредѣленія общественныхъ силъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ капиталистическое развитіе, на его наиболѣе высокихъ ступеняхъ, завладѣваетъ всѣми областями національнаго производства, оно неизбѣжно выходитъ далеко за предѣлы своей страны, распространяется въ формѣ торговой, промышленной или фискальной эксплуатаціи на рабочія массы другихъ странъ и доставляетъ въ руки буржуазнаго лагеря данной страны такія могущественныя средства борьбы противъ соціалистическаго движенія, которыми въ значительной степени парализуется положительное, трансформирующее значеніе этого капиталистическаго развитія, воплощающееся въ организованныхъ массахъ промышленнаго пролетаріата.

Положительная, творческая сторона капиталистическаго развитія парализуется, въ этомъ случаѣ, по отношенію къ данной капиталистической странѣ, вслѣдствіе того, что оно принимаетъ международный, міровой характеръ, при чемъ значительная часть этого революціонизирующаго вліянія падаетъ на другія страны, разсѣивается по всему свѣту, на долю же данной капиталистической страны приходится лишь та сторона капиталистическаго развитія, которая увеличиваетъ могущество буржуазнаго класса.

Мы уже видѣли, что это сосредоточеніе капиталистическаго могущества въ главныхъ центрахъ капиталистическаго развитія уже обратило на себя вниманіе Каутскаго, который высказываетъ даже мнѣніе, что Англія перестала быть истинной представительницей капитализма и сравниваетъ ее съ такими мѣстами искусственнаго скопленія богачей, какими являются, напримѣръ, Монте-Карло, или Тиргартенскій кварталъ въ Берлинѣ:

«Смѣшно было бы—говоритъ онъ—приходить къ заключенію объ увеличеніи числа имущихъ лицъ, какъ о законѣ капиталистическаго способа производства, на основаніи цифръ, относящихся *къ резиденціи* этихъ имущихъ... Чтобы изслѣдовать законъ извѣстнаго способа производства, мы должны принять во вниманіе всю охватываемую имъ область, а не одну лишь ея частичку» *).

Но, такъ какъ этою областью, охватываемою процессомъ капиталистическаго развитія одной промышленной страны, является безпредѣльно расширяющаяся область міроваго рынка и международной эксплуатаціи, то очевидно, что, приводя этотъ аргументъ какъ бы въ защиту соціалъ-демократической теоріи соціализма, Каутскій самъ наноситъ ей смертельный ударъ. Очевидно, что съ той точки зрѣнія, на которую становится здѣсь Каутскій, теорія соціализма, согласно которой условія, необходимыя для соціалистической трансформаціи буржуазнаго общества, подготовляются развитіемъ капиталистическаго способа производства, должна быть разсматриваема,

*) Bernstein und das sozialdemokratische Programm, стр. 93.

не какъ теорія соціалистическаго переворота внутри наиболѣе развитыхъ промышленныхъ странъ, а какъ теорія *міроваго соціалистическаго переворота*, при чемъ при такихъ его необъятныхъ размѣрахъ моментъ ликвидаціи буржуазнаго строя и осуществленія соціалистическихъ требованій дѣйствительно переносится въ неопредѣленно далекое будущее.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, въ отличіе отъ первоначальной гипотезы Маркса, современная соціалъ-демократія связываетъ паденіе буржуазнаго строя не съ моментомъ капиталистическаго кризиса, не съ тѣми условіями, при которыхъ дальнѣйшее капиталистическое развитіе должно сдѣлаться уже невозможнымъ,—какъ мы находимъ это въ Коммун. Манифестѣ, гдѣ паденіе буржуазіи связывается съ ростомъ промышленныхъ кризисовъ и экономическихъ катастрофъ,—а, напротивъ того, въ современномъ марксизмѣ это паденіе буржуазнаго строя связывается съ періодомъ успѣшнаго и безпрепятственнаго развитія капитализма, и, слѣдовательно, съ періодомъ наибольшаго процвѣтанія буржуазнаго строя, такъ какъ развитіе капитализма составляетъ его основной жизненный нервъ, главный источникъ его могущества. Тотъ моментъ мірового промышленнаго кризиса, который долженъ, теоретически, рано или поздно наступить при постоянно расширяющейся области капиталистической эксплуатаціи, затеривается для современныхъ марксистовъ въ неопредѣленной дали и не играетъ никакой рѣшающей роли.

Когда современная соціалъ-демократія говоритъ о развитіи капитализма, какъ о необходимомъ условіи своего собственнаго развитія, то рѣчь идетъ здѣсь не о періодѣ упадка, а именно о періодѣ успѣха и процвѣтанія капиталистическаго строя, когда онъ безпрепятственно и безпредѣльно расширяетъ предѣлы своего экономическаго могущества. И мы знаемъ, что сторонники соціалъ-демократической школы считаютъ даже необходимымъ, въ интересахъ наиболѣе успѣшной борьбы съ капитализмомъ, обезпечивать ему возможность этого безпредѣльнаго и безпрепятственнаго успѣшнаго развитія.

Такъ, въ 1895 г. докладчикъ аграрной коммиссіи на Бреславскомъ партейтагѣ, Кваркъ, предпослалъ своей защитѣ нѣкоторыхъ аграрныхъ требованій слѣдующее торжественное заявленіе: «Наше право на существованіе, какъ соціалъ-демократической партіи, будетъ стоять твердо или пошатнется въ зависимости отъ того, будемъ ли мы непоколебимо поддерживать то положеніе, что *хозяйственное развитіе само по себѣ* (курсивъ нашъ) должно привести къ упраздненію частной собственности на всякаго рода

эксплуататорскій капиталъ, и что, поддерживая это развитіе, мы только гарантируемъ поступательное движеніе культуры» *)...

Столь же опредѣленное, если еще не болѣе категорическое заявленіе было сдѣлано на томъ же самомъ соціалистическомъ конгрессѣ Бебелемъ также по поводу предлагавшихся аграрной коммиссіей добавленій къ партійной программѣ:

«Я ставилъ нашему аграрному проекту три слѣдующихъ требованія—говорилъ Бебель:—*во-первыхъ, чтобы онъ не нарушалъ капиталистическаго развитія общества* (курсивъ нашъ), во-вторыхъ, чтобы онъ не противорѣчилъ принципамъ нашей партіи и, въ третьихъ—чтобы онъ не отягощалъ рабочій классъ въ интересахъ землевладѣльцевъ» **). Первое изъ требованій, выставленное Бебелемъ, достаточно говоритъ само за себя.

Припомнимъ, наконецъ, слова Адлера на вѣнскомъ соціалистическомъ конгресѣ 1901 г.: «...Я хотѣлъ внести въ свой проектъ программы также и ту мысль, что мы *должны поддерживать* техническое развитіе и ростъ производительныхъ силъ, поскольку они подготовляютъ духовныя и матеріальныя условія обобществленной формы собственности, что мы должны *стать на службу этому развитію,* что тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ этихъ предварительныхъ условіяхъ, мы должны *совершенно сознательно* помогать ихъ скорѣйшему возникновенію» ***).

Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что современная соціалъ-демократія связываетъ освобожденіе рабочаго класса не съ періодомъ разложенія, а съ періодомъ процвѣтанія капиталистическаго строя; она смотритъ на развитіе капиталистической промышленности, какъ на путь, ведущій къ этому освобожденію; вслѣдствіе этого, соціалистическое движеніе и капиталистическое развитіе не сталкиваются въ ея представленіи, какъ два враждебныхъ другъ другу теченія, а, напротивъ того, какъ бы сливаются въ одномъ историческомъ процессѣ,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ данному историческому періоду. Но легко видѣть, что такое отношеніе къ капиталистическому строю не можетъ не наложить своего отпечатка на постановку классовой борьбы. Классовая борьба, въ ея истинно-революціонномъ значеніи, предполагаетъ непримиримость интересовъ и отсутствіе той общей почвы, которая связывала бы между собою борющіяся стороны; между тѣмъ, по отношенію ко всему періоду капиталистическаго развитія между соціалъ-демократіей и капитализмомъ устанавливается какъ бы общность интересовъ, вытекающая изъ одинаковаго отношенія къ тому, что касается развитія капиталистической индустріи. Это развитіе капиталистической индустріи является, въ глазахъ современной соціалъ-

---

*) „Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages, abgehalten zu Breslau", стр. 100.

**) *Ibid.* стр. 117.

***) *Protokoll*, стр. 104, (курсивъ въ подлинникѣ).

демократіи, залогомъ освобожденія рабочаго класса; но въ то же самое время съ этимъ развитіемъ капиталистической индустріи, несомнѣнно, связаны самые жизненные интересы буржуазіи; такимъ образомъ, между двумя непримиримыми врагами устанавливается на извѣстное время общая почва и не по какому-нибудь мелкому и второстепенному вопросу. Эта общая почва въ данный періодъ времени, въ предѣлахъ необходимаго, въ глазахъ соціалъ-демократіи, промышленнаго развитія, не можетъ, конечно, не вліять на характеръ самой классовой борьбы между ею и буржуазіей; и мы знаемъ, что она дѣйствительно ограничиваетъ эту борьбу, низводитъ ее до размѣровъ экономическихъ реформъ, совмѣстимыхъ съ дальнѣйшимъ прогрессомъ капиталистической индустріи, до размѣровъ рабочаго законодательства, осуществимаго въ рамкахъ даннаго соціальнаго строя. Этотъ своего рода союзъ соціалъ-демократіи съ капиталистическимъ строемъ, этотъ компромиссъ въ постановкѣ классовой борьбы, этотъ несомнѣнный оппортунизмъ съ точки зрѣнія революціонныхъ требованій соціализма—являются неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ всего теоретическаго построенія соціалъ-демократической школы, и этотъ выводъ вписанъ, какъ извѣстно, въ ея статуты подъ рубрикой минимальной программы; и не только вписанъ въ ея статуты, но и санкціонированъ многолѣтней практикой въ исторіи развитія западно-европейскихъ соціалъ-демократическихъ партій.

Но намъ странно было бы, конечно, дѣлать отвѣтственными за такую постановку современной классовой борьбы пролетаріата въ наиболѣе развитыхъ промышленныхъ странахъ западной Европы,—классовой борьбы, исключающей всякую тѣнь революціонности по отношенію къ буржуазіи,—вождей западно-европейскихъ соціалистическихъ партій и составителей западно-европейскихъ соціалъ-демократическихъ программъ. Мы можемъ объяснить такое направленіе, принятое громаднымъ движеніемъ многомилліонныхъ рабочихъ массъ во многихъ обширныхъ государствахъ, лишь общими и очень могущественными причинами, далеко выходящими за предѣлы личной воли или личнаго умственнаго настроенія. При извѣстныхъ историческихъ данныхъ, сила общихъ соціальныхъ условій можетъ быть такъ велика, что она подчиняетъ себѣ програмныя требованія и теоретическіе выводы даже тѣхъ соціологическихъ школъ, которыя претендуютъ на преимущественную объективность,—и вотъ такого именно рода непреодолимая сила вещей подчинила себѣ програмныя требованія и выводы соціалъ-демократической школы научнаго соціализма.

Ея культъ капиталистическаго развитія, ея преклоненіе передъ революціонными свойствами современной индустріи есть ни что иное, какъ *преклоненіе предъ силою факта*. Мы видѣли, что Бебель, Викторъ Адлеръ и другіе считали бы измѣной по отношенію къ своей партійной программѣ всякое вмѣшательство въ промышлен-

ную жизнь съ цѣлью воспрепятствовать побѣдоносному шествію капиталистической индустріи; но стоитъ только поставить вопросъ,— *лежало ли бы въ предѣлахъ возможности* для соціалистическихъ партій наиболѣе промышленныхъ странъ *помѣшать* этому побѣдоносному шествію,—чтобы отвѣтъ на него получился отрицательный. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ условія успѣшнаго капиталистическаго развитія были на лицо, были даны ходомъ исторіи, тамъ это развитіе являлось дѣйствительно непреодолимой стихійной силой. Мы можемъ отвергать существованіе общаго соціологическаго закона, въ силу котораго каждая страна была бы подчинена непреодолимой силѣ промышленнаго развитія, но мы не можемъ отрицать этой непреодолимой силы тамъ, гдѣ имѣются на лицо всѣ необходимыя для того историческія данныя. И вотъ въ такихъ странахъ, какъ Англія или Германія, гдѣ быстрое развитіе капиталистической индустріи было обезпечено тѣмъ или другимъ сочетаніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій и гдѣ оно необходимо вело за собою быстрый ростъ національныхъ богатствъ и укрѣпленіе капиталистическаго господства,—тамъ у возникающихъ соціалистическихъ партій *не было фактической возможности* сопротивляться этому могучему историческому потоку, и онѣ, не отказываясь при этомъ отъ иллюзіи объективности, подчинили свою партійную программу и тактику совершившемуся факту, обставляя ихъ извѣстными общими теоретическими положеніями.

Таково, несомнѣнно, истинное происхожденіе современной соціалъ-демократической теоріи научнаго соціализма. При такомъ ея объясненіи она теряетъ, конечно, свой универсальный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она теряетъ и присущій ей метафизическій колоритъ, получая вполнѣ реальную историческую основу. Вмѣсто общаго и—какъ мы видѣли—не выдерживающаго критики философскаго и научнаго обоснованія, сводящагося къ тому положенію, что «развитіе современной индустріи неизбѣжно приводитъ къ соціализму», а потому каждая соціалистическая партія должна воздерживаться отъ потрясенія основъ этой современной индустріи,—современная соціалъ-демократическая программа получаетъ слѣдующее вполнѣ реальное фактическое обоснованіе, относящееся лишь къ данной капиталистической странѣ: такъ какъ такая-то капиталистическая страна уже вступила на путь капиталистическаго развитія, которое не можетъ быть задержано соціалистической партіей, то послѣдней приходится волей-неволей развиваться лишь въ рамкахъ этого капиталистическаго развитія— вплоть до того момента, когда ей представится возможность выбиться изъ этихъ рамокъ и сбросить съ себя цѣпи буржуазнаго господства.

На этотъ именно чисто-фиктивный характеръ общаго теоретическаго обоснованія минимальной соціалъ-демократической программы мы и хотѣли обратить вниманіе читателей. Развѣ н

странно, въ самомъ дѣлѣ, создавать цѣлыя историко-философскія построенія, на основаніи которыхъ предписывать той или другой соціалистической партіи бережное отношеніе къ интересамъ промышленнаго развитія, когда оказывается, что фактически онѣ безсильны помѣшать этому промышленному развитію, что фактически онѣ скованы въ выборѣ пути своего собственнаго развитія и въ постановкѣ своей классовой борьбы тѣми рамками буржуазнаго строя, которыя онѣ не въ состояніи въ данное время сбросить съ себя? Когда данная политическая партія находится передъ лицомъ факта, которому она должна подчинить всю свою партійную тактику, то, по меньшей мѣрѣ, безполезно приводить въ защиту этой тактики то соображеніе, что она-то именно и является такой тактикой, которая всего болѣе желательна и выгодна въ интересахъ самой этой политической партіи.

И не только безполезно, но легко показать, что такого рода фиктивная теоретическая защита того пути развитія соціалистической партіи, который накладывается на нее силою обстоятельствъ влечетъ за собою ложное принципіальное отношеніе къ капиталистическому строю. Ибо одно дѣло—смотрѣть на условія развитія въ рамкахъ буржуазнаго строя, какъ на желѣзную необходимость, налагаемую силою вещей, и совсѣмъ другое дѣло—видѣть въ нихъ осуществленіе теоретическихъ требованій своей программы. Въ этомъ только смыслѣ и существуетъ дѣйствительное различіе между оппортунистическимъ и революціоннымъ направленіемъ въ современномъ западно-европейскомъ соціализмѣ. Вся разница между Жоресомъ, напримѣръ, и Вальяномъ или, еще болѣе, между Жоресомъ и соціалистическими представителями современнаго революціоннаго синдикализма въ томъ именно и заключается, что Жоресъ откровенно заявляетъ, что, пока французская республика не будетъ нарушать завоеванныхъ французской демократіей правъ, французская соціалистическая демократія должна отказаться отъ революціонныхъ возстаній; Вальянъ же, а тѣмъ болѣе революціонные синдикалисты не признаютъ этого въ принципѣ, а послѣдніе даже и въ своей текущей практикѣ. Въ извѣстную эпоху, въ жизни данной соціалистической партіи можетъ не представиться возможность условій для фактическаго перехода на революціонную почву, но это нисколько не уничтожаетъ всей важности ея *принципіально-революціоннаго* отношенія къ буржуазному строю, которое необходимо будетъ имѣть свою долю вліянія на самую возможность этого перехода, ибо даже и «матеріалистическое пониманіе исторіи, на ряду съ экономической необходимостью, признаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые, хотя и опредѣляются экономическими мотивами, но въ то же время часто носятъ идейный и этическій характеръ». Мы уже говорили, что ни въ какомъ случаѣ не можемъ считать отвѣтственной западно-европейскую соціалъ-демократію за то, что она

фактически подчинила свою тактику неудержимому ходу капиталистическаго развитія, но мы не видимъ ровно никакихъ основаній съ ея стороны возводить этотъ голый историческій фактъ, эту стихійную власть накопленныхъ буржуазіей богатствъ, подавляющихъ собою рабочее движеніе, въ провиденціальный путь, уготованный ему въ видахъ наискорѣйшаго осуществленія соціализма.

Л. Шишко.

ПРОПАГАНДИСТЪ.

(Недѣйствительность).

Ему было четыре года, звали его Женя. Разъ утромъ, только что открывши глаза, онъ запѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Латышка-бонна тоже проснулась и долго смотрѣла на Женю недоумѣвающими глазами, а потомъ сѣла на кроватъ и долго хохотала, пока успѣла выговорить:

— Ну, корошо... Ставай, рабочій народъ!

На другой день повторилось то же самое и на третій, и на четвертый. А потомъ вошло въ норму, и уже бонна, когда Женя слишкомъ долго изображалъ въ своей кроваткѣ всѣ аллюры зайца, видѣннаго имъ въ лѣсу, на дачѣ, и не хотѣлъ одѣваться,—говорила ему:

— Ставай, подымайся, рабочій народъ!

И всегда этого было достаточно, чтобы заяцъ соскакивалъ съ кроватки, и въ качествѣ рабочаго народа, по своей обычной манерѣ, полуголенькій, съ спутавшимися бѣлокурыми локонами, разставивши голенькія ножки и поднявши носъ кверху, воодушевленно запѣвалъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

Бонна плохо справлялась съ русскимъ языкомъ, не знала, какія русскія слова позволены и какія не позволены, и сдѣлалась первой жертвой пропаганды.

Собственно говоря, первоисточникомъ пропаганды былъ мальчишка изъ рыбной лавки, курносый Сенька, 8—9 лѣтъ, всегда куда-то бѣжавшій во время утреннихъ прогулокъ Жени и сразу обратившій на себя вниманіе Жени. Во-пер-

выхъ, вмѣсто шапки, какъ у всѣхъ, Сенька носилъ на головѣ корзину изъ подъ мерзлой рыбы, и корзина, повидимому, такъ же плотно и легко сидѣла на Сенькиной головѣ, какъ и шапка; потомъ ни у кого на улицѣ не было такого гордаго, побѣдоноснаго вида, и вся улица молчала, а Сенька побѣдно, ликующе пѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

И вотъ однажды Женя остановился предъ Сенькой, шаркнулъ ножкой, учтиво поклонился и вѣжливо выговорилъ:

— А я знаю...

И пока Сенька съ высоты своей корзины разсматривалъ Женю, Женя спѣлъ Сенькину пѣсню.

— Тоже дура... Лопочетъ, — самъ не знай-что! Стамай, лабочій налодъ...—съ презрѣніемъ передразнилъ Сенька. Но, должно быть, ему всетаки лестно было, — возможно, что и прямо руководили преступныя намѣренія,—Сенька положилъ корзину на тумбу, отставилъ ногу и, поднявши носъ къ вершинѣ Исакіевскаго собора, съ необыкновенной экспрессіей спѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Р-р-рабочій народъ!

— А то туды же,—налодъ...—Сенька съ презрѣніемъ бросилъ въ ротъ предложенную ему Женей конфетку, надѣлъ на голову свою шапку-корзину и прослѣдовалъ далѣе.

И то, чего не могли добиться ни папа, ни мама, ни даже тетя Катя, сдѣлало такъ явно выраженное презрѣніе Сеньки. Больше недѣли Женя продѣлывалъ удивительные эксперименты надъ своимъ языкомъ,—буква *эръ* была одной изъ первыхъ трудностей, встрѣтившихся ему на жизненномъ пути. Въ концѣ концовъ, онъ перескочилъ барьеръ и за чаемъ, и за ѣдой поражалъ родителей необыкновенной энергіей, съ какой онъ выговаривалъ: р-р-рыба, р-р-рама, мо-р-р-роженое. Въ своемъ прозелитизмѣ онъ дошелъ до того, что имѣлъ серьезный и продолжительный споръ съ тетей Катей,— все увѣрялъ, что и она, и папа, и мама не умѣютъ правильно называть вещи и говорятъ: „ложка", „лошадь", въ то время какъ правильный выговоръ: „р-рожка", „р-р-рошадь". Онъ вполнѣ овладѣлъ предметомъ, и пропаганда пошла быстрѣе.

Послѣ бонны вторымъ объектомъ пропаганды сдѣлался городовой, стоявшій около садика, гдѣ по утрамъ гулялъ Женя. Женя обладалъ очень развитыми общественными инстинктами, и за годъ своей уличной жизни успѣлъ пріобрѣсти обширныя знакомства,—въ томъ числѣ и съ горо-

довымъ. Разъ онъ подошелъ къ нему, по обычаю расшаркался и сказалъ:

— Здравствуйте, городовой!

— Здравствуйте, Женя!

Городовой зналъ и почиталъ Женинаго папу.

— А я знаю.

— Что же вы знаете, Женичка?

Тогда Женя, какъ Сенька, отставилъ ногу, поднялъ носъ къ той же вершинѣ Исакіевскаго собора и, съ Сенькиной экспрессіей, пропѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Р-р-рабочій народъ!

Должно быть, городовому скучно было стоять въ пустынной улицѣ, гдѣ единственными нарушителями тишины и спокойствія были дѣти въ садикѣ, и было тепло ему на холоду отъ маленькой дѣтской ручки, которая лежала въ его рукѣ,—слушалъ и потомъ выговорилъ:

— Инь ты какой!

Такъ происходили у нихъ и дальнѣйшія встрѣчи. И когда Женя скрывался въ садикѣ, городовой ходилъ мирными шагами,—лихіе рыжіе усы весело шевелились—и мурлыкалъ: „вставай, подымайся, рабочій народъ"... А потомъ оглядывался по сторонамъ, дотрогивался до кобура съ револьверомъ, поправлялъ на себѣ шашку и сердито кричалъ на Сеньку:

— Ты, лодырь,—ори!

Потомъ Женя распропагандировалъ денщика своего папы, Листрата. Ихъ связывала тѣсная и нѣжная дружба. Большой, неуклюжій, денщикъ въ трезвомъ состояніи былъ угрюмый и дикій, а когда бывалъ выпивши,—что было болѣе нормальнымъ состояніемъ его,—становился очень веселъ, проходилъ съ Женей строевую службу и училъ его сигналамъ. Онъ принималъ сердечное участіе въ горестяхъ своего друга, и когда мама шлепала Женю, уголъ оскорбленному чувству онъ находилъ въ огромныхъ объятіяхъ Листрата.

Денщикъ былъ изъ Чухломы и трудно поддавался пропагандѣ, но, въ концѣ концовъ, былъ развращенъ, и когда чистилъ сапоги барину, напѣвалъ: „вставай, подымайся, рабочій народъ"...

Затѣмъ кухня. Мурлыкала кухарка, когда чистила картошку, напѣвала горничная, завивая волосы передъ зеркаломъ.

Не избѣгъ вліянія и самъ строгій капитанъ, Женинъ

папа. Онъ вставалъ одновременно съ Женей, и Женина пѣсня доносилась изъ дѣтской въ столовую. И, читая газету, пробѣгая приказы по полку, капитанъ невольно напѣвалъ: „вставай, подымайся, рабочій народъ"...

Онъ ловилъ себя на пѣснѣ, и то смѣялся, то ругался.

Иногда шелъ въ спальню и говорилъ:

— Жюли! Это нужно прекратить, наконецъ! Это чортъ знаетъ, что такое...

Но капитанъ былъ сынъ капитана, а Жюли—дочь дивизіоннаго генерала, и ихъ отношенія, съ перваго же дня брака, установились приблизительно въ тѣхъ же рамкахъ военнаго артикула, какъ были между покойнымъ капитаномъ и покойнымъ дивизіоннымъ генераломъ. Потомъ у Жюли Женя былъ одинъ ребенокъ, потомъ Женя былъ точная копія ея и ея отца, дивизіоннаго генерала, потомъ у Жени были совершенно исключительная красота и талантливость. Когда пріѣзжали другія полковыя мамы, Жюли выводила Женю, и всегда былъ выигрышнымъ номеромъ собесѣдованій тотъ моментъ, когда Женя съ своими великолѣпными бѣлокурыми локонами и задорной головкой воодушевленно пѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

А тетя Катя, мамина сестра, гостившая у нихъ эту зиму, съ которой Женя былъ на равной ногѣ, когда около нея не было офицеровъ, приходила въ дѣтскую и говорила:

— Ну, рабочій народъ, подымайся!

И они шли въ гостиную, тетя Катя играла на піанино, а Женя, стараясь перекричать піанино, пѣлъ:

— Вставай, подымайся
Рабочій народъ!

Полковыя дамы пріѣзжали иногда съ дѣтьми, — пропаганда въ военной средѣ проникала все глубже, распространялась все шире.

Какъ всегда,—и на этотъ разъ дѣло кончилось политическимъ процессомъ. Дѣло такъ вышло. Не смотря на заступничество Жени, капитанъ отправилъ окончательно распившагося денщика въ роту. Два друга долго прощались, долго сидѣли, обнявшись, на сундучкѣ въ темной каморкѣ Листрата и плакали.

— А ну, Женька, удружи, спой напослѣдокъ: «вставай, подымайся...» Про тебя вспоминать буду!—Пьяныя слезы лились въ изобиліи изъ глазъ Листрата.

Женѣ было непереносно горько, но пѣсня была предметомъ его гордости,—онъ живо соскочилъ съ колѣнъ Листрата и на этотъ разъ съ особенной экспрессіей спѣлъ:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

И тамъ, въ угрюмой казармѣ, угрюмый Листратъ все вспоминалъ бѣлокураго Женю и своего маленькаго бѣленькаго Кирьку, оставленнаго въ Чухломѣ,—и, когда вспоминалъ, пѣлъ: «вставай, подымайся рабочій народъ»... И, когда пѣлъ, ему казалось, что они не такъ далеко, что онъ ближе къ нимъ, и ему становилось теплѣе и уютнѣе, какъ тепло и уютно было отъ маленькихъ ручекъ Жени, обнимавшихъ его шею. Запѣлъ Нигматулла, башкиръ, помѣщавшійся рядомъ на койкѣ, тоже, какъ и Листратъ, не имѣвшій въ Петербургѣ знакомыхъ дамъ и великосвѣтскихъ швейцаровъ, вышедшихъ изъ того же полка и, какъ онъ, тупо и угрюмо сидѣвшій на койкѣ, въ казармѣ, когда не было ученій. Цѣлыми ночами шумѣли въ его ушахъ пихта и липа, весело журчала горная каменистая рѣчка, доносился звонкій смѣхъ его жены Бияи-Керимэ, и цѣлыми часами пѣлъ онъ въ пустынной казармѣ свою единственную пѣсню,—больную и жалостливую ноту: а-а-а... Теперь онъ запѣлъ новую пѣсню, и, когда пѣлъ вмѣстѣ съ Листратомъ, ему становилось не такъ одиноко и свѣтлѣе, и веселѣе дѣлалось въ угрюмой казармѣ.

Проходилъ разъ старшой и сердито цыкнулъ:

— Эй ты, Чухлома! Попой еще! Вотъ скажу фельдфебелю,—онъ тебѣ пропоетъ!..

Листратъ былъ правильный солдатъ и вполнѣ признавалъ, что начальство лучше знаетъ, что полагается солдату и чего не полагается, но именно съ тѣхъ поръ, какъ пѣсня была запрещена,—она все громче и неотступнѣе стояла въ его ушахъ. И, въ концѣ концовъ, скандалъ случился.

Скандалъ случился въ полковомъ кабакѣ, гдѣ Листратъ пропивалъ полученныя имъ за службу отечеству деньги. Было много народу, только свои. Единственный посторонній былъ штатскій изъ ученыхъ, котораго пускали по распоряженію самого полкового командира. На этотъ разъ штатскій принесъ воззваніе и громко и внушительно читалъ про жидовъ и соціалистовъ, которые собираются русскаго царя прекратить и русское государство раздѣлить и

изничтожить, а на мѣсто его устроить царство жидовское. А потомъ отъ себя говорилъ про отечество и про враговъ внутреннихъ и звалъ вѣрныхъ воиновъ изничтожить враговъ внутреннихъ, сколько бы ихъ ни было,—всѣхъ до единаго, чтобы и въ заводу ихъ не было, чтобы синьпороха отъ нихъ не осталось. Листратъ пилъ много, кто-то все пододвигалъ къ нему стаканы, и не веселило его на этотъ разъ вино. Когда штатскій заговорилъ про отечество, у Листрата, какъ всегда при словѣ „отечество", руки сами собой вытягивались по швамъ, лицо дѣлалось свирѣпымъ, и глаза смотрѣли такъ, какъ смотрѣли на корпуснаго командира.

И когда штатскій кончилъ, онъ поднялся, огромный и тяжелый, ударилъ бутылкой по столу и, красный, съ выкаченными, налитыми кровью глазами, запѣлъ такъ, что штатскій вздрогнулъ и вскочилъ съ мѣста, и всѣ поднялись:

— Вставай, подымайся,
Рабочій народъ!

. . . . . .

Скандалъ получился огромный, такъ какъ полкъ былъ гвардейскій,—одинъ изъ самыхъ блестящихъ петербургскихъ полковъ,—и потушить дѣло было нельзя, тѣмъ болѣе, что „штатскій" уже „сообщилъ". Прибѣжалъ ротный, пріѣхалъ на другой день полковой командиръ, дивизіонный, корпусный генералъ, наконецъ—петербургскій комендантъ.

Слѣдствіе не дало никакихъ результатовъ. Несмотря на рядъ допросовъ, которымъ, не говоря ужъ объ обвиняемомъ, подвергали чуть не всю казарму,—ни ротному командиру, ни всѣмъ генераламъ не удалось не только до корней докопаться, но даже и нити распутать.

— Кто? — спрашивало начальство.

Листратъ вытягивался въ струну, ѣлъ глазами начальство и отвѣчалъ:

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Да вѣдь слышалъ гдѣ-нибудь?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Гдѣ слышалъ?

— Не могу знать, ваше благородіе.

Тѣмъ и кончались всѣ допросы. Дѣло осложнялось тѣмъ, что Листратъ былъ малограмотный, и никто не видалъ его съ книжкой или газетой, изъ казармы почти никуда не выходилъ, знакомство съ агитаторами установить не было никакихъ основаній, а главный пріятель его, башкиръ Нигматулла, плохо говорилъ по-русски и былъ совсѣмъ неграмотный.

Былъ военный судъ. Подсудимый держался по прежнему и, какъ не улещалъ его защитникъ, капитанъ Тюринъ, открыться,—на всѣ вопросы отвѣчалъ: „такъ точно", „не могу знать"... Потомъ рѣчи были. Подполковникъ Климатовъ, изъ нѣмцевъ, сердито говорилъ, по закону, — про отечество поминалъ и при этомъ на него, Листрата, пальцемъ указывалъ, такъ что одинъ разъ при словѣ отечество Листратъ даже вскочилъ и сказалъ: „такъ точно". Капитанъ Тюринъ доберъ былъ, на его, Листрата, руку гнулъ, но тоже серьезно разговаривалъ и тоже по закону. Пока Климатовъ съ Тюринымъ спорили и на него пальцами указывали, Листратъ вспоминалъ, какъ онъ носилъ отъ нихъ обоихъ записочки къ капитановой свояченицѣ Катеринѣ Михайловнѣ, и, вспоминая, что ни у того, ни у другого настоящихъ толковъ съ Катериной Михайловной не вышло, рѣшилъ, что не иначе—дознались они про записочки, которыя носилъ онъ отъ Катерины Михайловны къ подпоручику Отважному. Тутъ онъ понялъ, что ему влетитъ.

Такъ оно и вышло. Судъ долго совѣщался. Разстрѣлъ сразу отмѣнили по случаю малограмотности и пьянаго вида, но про каторгу былъ серьезный разговоръ, и отмѣнили ее только за прежнія заслуги Листрата, — засвидѣтельствованную ротнымъ командиромъ самоотверженную службу отечеству. На судѣ было установлено, что Листратъ первый за ротнымъ командиромъ „лихо" врѣзался въ толпу внутреннихъ враговъ на одной изъ петербургскихъ улицъ. Только потому все наказаніе ограничилось отдачей въ дисциплинарный батальонъ на три года.

Безопасность отечества была обезпечена, но правосудіе пострадало, такъ какъ главный пропагандистъ не былъ обнаруженъ.

И, насколько мнѣ извѣстно, Женя по сіе время на свободѣ.

С. Елпатьевскій.

Сонъ въ тюрьмѣ.

Мнѣ снилось: въ лазурномъ просторѣ
Со звономъ бѣжала волна...
Мнѣ снилось свободное море
И скалъ неприступныхъ стѣна.
Мнѣ чудился стонъ за стѣною,
Проклятья и къ мщенью призывъ!..
Я видѣлъ—кровавой волною
Кипѣлъ отраженный приливъ.
Кровавыя волны катились,
Ихъ ропотъ былъ дико-суровъ...
И тѣни повсюду ложились,
Какъ траурный черный покровъ.

Н. Шрейтеръ.

ОЛИВІЯ ЛАТАМЪ.

Романъ Е. Л. Войничъ.

Переводъ съ англійскаго **А. Н. Анненской**.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Когда Альфредъ Латамъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, кончилъ курсъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ, всѣ были увѣрены, что онъ займетъ видное мѣсто въ свѣтѣ. Если ему не удастся,—говорилъ одинъ изъ декановъ,—это будетъ не только грустно, но прямо нелѣпо.

Дѣйствительно, молодой человѣкъ имѣлъ всѣ шансы осуществить эти надежды. Онъ выдержалъ блестяще экзамены, кромѣ того, обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ и тонкимъ умомъ. Его нельзя было упрекнуть ни въ какомъ порокѣ, ни въ какой слабости. Не столько опредѣленныя нравственныя правила, сколько врожденная брезгливость охраняла его отъ грубыхъ искушеній, противъ искушеній болѣе утонченныхъ защитой ему служила привычка къ физической дѣятельности и способность подмѣчать смѣшныя стороны явленій. Сынъ осмотрительнаго, старательнаго провинціальнаго банкира, онъ выросъ въ здоровой, чистой обстановкѣ, не испорченной ни богатствомъ, ни бѣдностью. Онъ относился съ живымъ интересомъ ко всему на свѣтѣ, начиная съ ассиріологіи... до осушенія полей, и могъ съ одинаковымъ удовольствіемъ слѣдить за искусной игрой въ крикетъ, читать Данта, или слушать фугу Баха.

Единственное, чѣмъ онъ увлекался, было просвѣщеніе массъ. Онъ мечталъ о публичныхъ библіотекахъ и свободныхъ университетахъ, о всеобщемъ техническомъ образованіи и физическомъ развитіи, о вечернихъ лекціяхъ и объ образцовыхъ школахъ грамотности.

Онъ былъ старшій сынъ, и всѣ ожидали, что онъ сдѣ-

лается товарищемъ отца по управленію банкомъ; но когда, кончивъ университетъ, онъ заявилъ, что хочетъ быть школьнымъ учителемъ, родственники благодушно признали его право избрать себѣ дѣятельность по желанію.

Чувства ихъ измѣнились, когда онъ отказался отъ хорошаго мѣста, которое имъ съ нѣкоторымъ трудомъ удалось добыть для него, и объявилъ, что онъ уже взялъ должность учителя въ школѣ для оборвышей въ одномъ изъ сѣверныхъ фабричныхъ городовъ. Семья и знакомые старались всячески разубѣдить его, но все было напрасно. Къ чему послужатъ въ такомъ мѣстѣ всѣ научныя знанія, пріобрѣтенныя имъ?—спрашивали они. Какую пользу надѣется онъ принести, тратя всѣ свои способности на грубыхъ ланкаширскихъ ребятишекъ?—Подождите, пока мои мальчики подрастутъ,—отвѣчалъ онъ,—тогда вы увидите, могъ ли я что-нибудь сдѣлать.

Имъ не пришлось ждать такъ долго. Черезъ два года, по выходѣ изъ университета, онъ влюбился и женился. Друзья считали выборъ его вполнѣ удачнымъ; жена его была, несомнѣнно, очень хороша собой, а кроткое выраженіе лица ея служило доказательствомъ и кроткаго характера. Одно только возбуждало сомнѣнія: сможетъ ли женщина слабаго здоровья, получившая деликатное воспитаніе, перенести тѣ матеріальныя условія жизни, которыя ожидаютъ ее, благодаря увлеченію ея мужа. Бѣдность и грязь, отсутствіе комфортабельной обстановки, домъ, въ который ежеминутно врывались уличные мальчики, все это, можетъ быть, хорошо для него, разъ онъ такой странный человѣкъ, что находитъ удовольствіе въ подобнаго рода вещахъ. Но не будетъ ли это нѣсколько тяжело для Мери?

Можетъ быть, Мери и находила это тяжелымъ, но во всякомъ случаѣ она переносила свое положеніе съ ангельскимъ терпѣніемъ. Она сразу признала умственное превосходство своего талантливаго мужа, поставила его на пьедесталъ и преклонялась передъ всякимъ его дѣйствіемъ. Она была искренне религіозная женщина. Стремленіе ея мужа пріобщить бѣдняковъ ко всѣмъ преимуществамъ знанія представлялось ей менѣе совершенною формою благотворительности, чѣмъ раздача одѣялъ и билетовъ въ безплатныя столовыя, которою она занималась до замужества, но во всякомъ случаѣ онъ работалъ для неимущихъ, и, слѣдовательно,—думала она,—онъ въ душѣ хорошій христіанинъ, хотя не всегда говоритъ, какъ слѣдуетъ христіанину.

Однако, такое полупониманіе чужого идеала соціальной жизни не могло служить прочной опорой противъ ежеднев-

ныхъ непріятностей плохой обстановки. Мписисъ Латамъ была слишкомъ кротка, чтобы роптать, но въ ней скоро зародилось робкое желаніе, чтобы филантропія Альфреда приняла болѣе обычныя и менѣе непріятныя формы. Къ этому присоединились разнаго рода невзгоды: болѣзнь въ семьѣ, нищета сосѣдей; финансовыя затрудненія въ дѣлахъ школы, и—что было всего хуже—походъ духовенства противъ школьнаго учителя, котораго обвиняли въ томъ, что онъ отравляетъ умъ своихъ учениковъ идеями дарвинизма.

Самъ мистеръ Латамъ смѣялся надъ этими обвиненіями, но для жены его они были тяжелымъ ударомъ. Его привычка говорить вещи, которыхъ она не понимала, съ самаго начала непріятно дѣйствовала на нее. Это не было съ ея стороны тщеславіе, она вовсе не была тщеславна; но это порождало въ ней смутное представленіе о какихъ-то еретическихъ, превратныхъ мнѣніяхъ, о чемъ-то, что можетъ поколебать самыя основы ея вѣры, если ея не поддержитъ высшая сила. Она усердно молила Бога спасти ее отъ сомнѣній, отъ искушеній мысли; и ей казалось, что въ концѣ концовъ молитва ея услышана: мужъ пересталъ говорить съ ней о смущавшихъ ее предметахъ.

Вообще, онъ терялъ привычку много говорить. Иногда, когда миссисъ Латамъ чувствовала себя болѣе обыкновеннаго унылой и больной, въ душу ея закрадывалось легкое сомнѣніе, любитъ ли онъ ее такъ сильно, какъ любилъ прежде. Но, когда она замѣчала, какъ онъ похудѣлъ и постарѣлъ за послѣднее время, она горько упрекала себя, что оскорбила несправедливымъ подозрѣніемъ такого добраго мужа.

Черезъ нѣсколько времени ея сомнѣніе приняло другую форму. Она спрашивала себя: почему онъ разлюбилъ ее? Можетъ быть, она пренебрегла своими обязанностями жены послѣ рожденія ребенка и слишкомъ увлеклась своими материнскими заботами? Или правду говорятъ, что непостоянство свойственно всѣмъ мужчинамъ? Можетъ быть, она надоѣла ему, потому что часто хворала, потому что красота ея поблекла?

Въ этотъ періодъ своей жизни она много плакала тайкомъ отъ всѣхъ. Что касается мужа, онъ уже ни о чемъ не спрашивалъ самого себя. Всѣ вопросы были поставлены, и онъ получилъ на нихъ отвѣты. Жена втайнѣ упрекала его въ непостоянствѣ, а, между тѣмъ, несчастіемъ его было именно упорное постоянство. Онъ до глубины души былъ привязанъ къ своей школѣ; безъ нея жизнь теряла для него всякую прелесть; а онъ зналъ гораздо раньше, чѣмъ

она сама догадалась объ этомъ,—что Мери была непримиримымъ врагомъ школы.

Все это моя собственная вина,—говорилъ онъ самому себѣ. Бѣдняжку Мери нельзя осуждать. Она хорошая женщина, но для него она не подходящая жена; онъ умнѣе, развитѣе ея, и долженъ былъ понимать это. Онъ сдѣлалъ ошибку и обязанъ нести ея послѣдствія. Онъ будетъ продолжать свое дѣло и переносить домашнюю жизнь, которая оказывается не поддержкой, а помѣхой въ этомъ дѣлѣ. При этомъ онъ постарается сдѣлать все возможное для счастья жены. Полнаго счастья онъ не можетъ дать ей.—Сдѣлать это могъ бы, пожалуй, который нибудь изъ моихъ обличителей духовнаго званія,—съ горечью думалъ онъ; но во всякомъ случаѣ онъ всегда будетъ добрымъ, внимательнымъ мужемъ и никогда не дастъ ей замѣтить, какъ это дорого ему стоитъ.

Второй ребенокъ ихъ, дѣвочка, родилась черезъ три года послѣ ихъ брака. Черезъ недѣлю послѣ ея рожденія, мистеръ Латамъ сидѣлъ вечеромъ у постели жены, нѣжно держалъ ея руку въ своей и читалъ ей вслухъ. Поэма, которую она выбрала, описывала ощущенія одной благочестивой путешественницы при видѣ Масличной горы (горы Оливъ). Самая обложка этой книги внушала ему непреодолимое отвращеніе; но, если бы это было произведеніе Мильтона, онъ не могъ бы читать его съ большимъ чувствомъ и выраженіемъ. Взглядывая по временамъ на тонкій профиль жены, онъ думалъ про себя:—Я понимаю, что бѣдняжка не замѣчаетъ нелогичности автора, но какъ можетъ она выносить эти нелѣпые вирши?

— Альфредъ,—проговорила она, когда онъ дочиталъ поэму до конца. — Можетъ быть, ты позволишь, мнѣ очень хотѣлось бы назвать нашу дѣвочку Оливія.

Онъ съ трудомъ удержался отъ гримасы отвращенія.

— Какъ, неужели въ честь этой поэмы?

— Нѣтъ, не совсѣмъ, но это слово напомнило мнѣ... одну вещь.—Тебѣ не нравится это имя?... Ну, мы выберемъ другое.

— Оно мнѣ очень нравится,—ласково отвѣчалъ онъ,—оно мнѣ также напоминаетъ одну вещь.

Она посмотрѣла на него, улыбаясь сквозь слезы.

— Правда, напоминаетъ? О, Альфредъ, дорогой мой, какъ я рада!

Ея тонкіе пальчики нервно теребили запонку его нарукавника.

— Я очень неблагодарна, ты всегда такой добрый, такой ласковый... но... я сама не знаю отчего... иногда мнѣ ка-

жется, что ты все забылъ... что ты ни о чемъ не думаешь, кромѣ школы... Помнишь... закатъ солнца на Монте-Оливето и наше возвращеніе во Флоренцію въ темнотѣ?

Онъ слегка поморщился, но не сталъ исправлять ея ошибку; и они поцѣловались черезъ голову ребенка, она, вспоминая свой медовый мѣсяцъ среди холмовъ Тосканы, онъ, думая о своихъ погибшихъ надеждахъ, о любви, которая никогда не вернется...

Лѣтъ черезъ двадцать пять послѣ этого разговора, мистеръ Латамъ, теперь уже директоръ банкирскаго дома. Латамъ въ Суссексѣ, ѣхалъ въ легкомъ шарабанѣ на желѣзнодорожную станцію Гембриджъ, за три мили отъ своего дома, чтобы встрѣтить поѣздъ. Стоялъ чудный день въ началѣ лѣта, и изгороди, среди которыхъ ему приходилось проѣзжать, наполняли воздухъ благоуханіемъ шиповника и жимолости. Хотя банкиръ былъ одинъ, но въ этотъ день его красивое, задумчивое лицо казалось почти счастливымъ.

И, дѣйствительно, ему было отъ чего радоваться: его дочь, Оливія, должна была пріѣхать домой на каникулы. Послѣднія семь лѣтъ она жила въ Лондонѣ, сначала училась на фельдшерскихъ курсахъ, а затѣмъ работала, какъ сидѣлка, въ больницѣ одной изъ глухихъ улицъ Сюррейской стороны. Обыкновенно она пріѣзжала домой зимой раза два-три на воскресенья, и лѣтомъ на цѣлый мѣсяцъ; но въ этомъ году у нея было такъ много работы, что она не могла отлучиться на праздники и цѣлыхъ десять мѣсяцевъ не была дома. За нѣсколько недѣль началъ онъ считать дни, которые оставались до ея пріѣзда, точно школьникъ, ожидающій каникулъ, и каждое утро говорилъ себѣ, что вотъ еще ночь прошла, что теперь уже скоро.

Только то, что имѣло отношеніе къ Оливіи, могло волновать его. Годы принесли ему, если не душевный миръ, то душевное равновѣсіе. Онъ искренно любилъ жену и свою хорошенькую младшую дочь Дженни, но если бы одна изъ нихъ умерла, это мало поколебала бы его внутреннюю устойчивость. Онъ былъ превосходный мужъ и отецъ, но прожилъ всю жизнь одинокимъ, и никто не зналъ того, что угнетало его.

Но Оливія занимала въ его душѣ совсѣмъ особенное мѣсто. Ему всегда казалось, что съ ней воскресла погибшая любовь его молодыхъ лѣтъ, его школа для оборвышей. Ея короткіе пріѣзды на праздники, которыхъ онъ такъ страстно ждалъ, доставляли ему и удовольствіе, и мученіе; онъ наслаждался ея присутствіемъ и въ то же время, встрѣчая

ясный взглядъ ея зоркихъ глазъ, онъ ощущалъ острый стыдъ, онъ невольно спрашивалъ себя: что сдѣлалъ ты со своею молодостью?

Обычная тѣнь набѣжала на лицо его, когда эта мысль снова мелькнула въ его умѣ. Спокойная жизнь хорошо обезпеченнаго провинціальнаго банкира не стерла въ теченіе двадцати пяти лѣтъ того пятна, которое осталось въ душѣ его, вслѣдствіе его измѣны школѣ. Онъ бросилъ свою первую любовь, и ея призракъ продолжалъ являться ему.

А, между тѣмъ, какъ могъ онъ поступить иначе послѣ своей первой ошибки, своей несчастной женитьбы? Онъ терпѣлъ два ужасныхъ года послѣ рожденія Оливіи. Онъ переносилъ нужду, оскорбленія, мелкія интриги и кроткое, молчаливое, неумолимое воздѣйствіе Мери; но ея слезы сломили, наконецъ, его терпѣніе. Если бы она сердилась, или жаловалась, или спорила, ему было бы легче бороться съ ней; но противъ этой покорной, смиренной жертвы у него не было оружія. И всетаки онъ не бросалъ школу.

Но вотъ, старшій сынъ ихъ, Альфредъ, умеръ отъ скарлатины, заразившись, вѣроятно, отъ одного изъ тѣхъ жалкихъ оборвышей, которые безпрестанно приходили со всѣми своими радостями, горестями и признаніями къ „учителю“. Мери горевала до того, что заболѣла.—Она чувствуетъ отвращеніе къ этому мѣсту и къ школѣ, и ко всему, вашему, какъ она говоритъ, грязному дѣлу, — объявилъ ему докторъ.—Не стоитъ отсылать ее въ деревню. Это не успокоитъ ее. Если вы хотите, чтобы она выздоровѣла и была счастлива, бросьте школу, хоть на время.

Онъ бросилъ ее навсегда, вступилъ въ банкъ и, послѣ смерти отца, занялъ его мѣсто. Что касается жены, эта жертва принесла ей мало пользы. Послѣ рожденія Дженни, здоровье ея окончательно разстроилось, она навсегда осталась полубольной и страдала припадками ипохондріи. Она не могла быть счастливой, но оставалась по прежнему покорной, кроткой и терпѣливой. Что касается его самого, то онъ пересталъ бороться противъ судьбы, которая старалась до нѣкоторой степени вознаграждать его за это. Съ точки зрѣнія широкаго круга его знакомыхъ, ему не на что было жаловаться; они считали его однимъ изъ рѣдкихъ счастливцевъ, которыхъ боги осыпаютъ своими дарами. Всѣ его дѣла шли удачно, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, былъ членомъ Аристотелевскаго Общества и отцомъ двухъ прелестныхъ дочерей. Конечно, ему было за что благодарить судьбу!

Онъ остановилъ пони, нагнулся изъ шарабана и нарвалъ букетъ полураспустившагося шиповника для Оли-

віи. Онъ представлялъ себѣ, съ какимъ наслажденіемъ она будетъ смотрѣть на цвѣтущія изгороди Суссекса послѣ долгой работы въ мѣстности, гдѣ не было ни клочка зелени. Но эту дѣятельность она выбрала сама для себя. Она съ наслажденіемъ занималась любимымъ дѣломъ и, казалось, была прямо создана для него. Первое время это очень огорчало ея мать; но мистеръ Латамъ настоялъ, чтобы въ этомъ отношеніи молодой дѣвушкѣ была предоставлена полная свобода; она, по крайней мѣрѣ, безъ всякихъ препятствій пойдетъ своей дорогой и останется вѣрна своему призванію. Впрочемъ, она, вѣроятно, сдѣлала бы это, думалъ онъ въ глубинѣ души,—если бы и никакой отецъ не поддерживалъ ее. Онъ не высказалъ этого Мери, а вмѣсто того сказалъ:

— Съ дѣвочкой ничего не случится; ей очень полезно повидать немножко свѣтъ. У нея хватитъ силъ воспользоваться отъ него всѣмъ хорошимъ и отвернуться отъ дурного; она вѣдь не такая, какъ наша маленькая Дженни.

Миссисъ Латамъ не стала больше спорить. Она уже давно убѣдилась, что препятствовать въ чемъ нибудь Оливіи было по большей части безполезно. Съ ранняго дѣтства дѣвочка отличалась спокойнымъ характеромъ и столь же спокойною рѣшимостью устраивать свои личныя дѣла безъ посторонняго вмѣшательства. Когда она девятнадцати лѣтъ уѣзжала въ Лондонъ на мѣсто сидѣлки въ дѣтской больницѣ, она съ милой улыбкой приняла прощальный подарокъ матери: „Избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія" и поэмы Франсиса Ридлея Гавергана; а затѣмъ, войдя въ кабинетъ отца съ этими книгами, она попросила:

— Пожалуйста, дайте мнѣ мѣсто въ вашемъ книжномъ шкафу, чтобы эти красивые переплеты не испортились, и еще дайте мнѣ нѣсколько книгъ для чтенія въ Лондонѣ. Много не нужно, въ больницѣ будетъ некогда читать.

— Выбери сама, что хочешь, – отвѣчалъ онъ, и она, не говоря ни слова больше, достала себѣ штукъ шесть книгъ. Онъ взглянулъ на заглавія, и брови его поднялись отъ удивленія. Эпиктетъ, проза Мильтона, Апологія Сократа... „Бѣдная Мери!" прошепталъ онъ, когда дверь за дѣвушкой закрылась. Онъ и теперь повторилъ тѣ же слова, уложивъ букетъ подлѣ себя и тронувъ возжами лѣниваго пони

Онъ вспомнилъ тотъ день, когда въ первый разъ замѣтилъ, что его старшая дочь, въ то время тринадцати-лѣтняя дѣвочка, представляетъ изъ себя силу, съ которой худо ли, хорошо ли, но надо считаться. Въ этотъ день она произвела переполохъ среди всѣхъ домашнихъ, явившись съ прогулки съ несчастнымъ грязнымъ ребенкомъ на рукахъ и въ сопро-

вожденіи пьяной нищей, которая произносила всевозможныя ругательства, но не смѣла отнять у нея своего ребенка.

— Нечего тебѣ браниться, — спокойно произнесла она, усаживаясь въ передней съ пищавшимъ младенцемъ. — Ты не стоишь того, чтобы имѣть ребенка, если ты держишь его вверхъ ногами и заставляешь кричать. Поди, подставь голову подъ насосъ.

Мистеръ Латамъ улыбнулся, вспомнивъ всю эту странную сцену: перепуганные слуги, грязный ребенокъ, его мать, быстрый переходъ ея отъ необузданнаго гнѣва къ тупоумному смиренію передъ неутомимымъ здравымъ смысломъ этой маленькой особы въ дѣтскихъ башмачкахъ, съ короткими волосами, которые ни за что не хотѣли виться.

Но улыбка сбѣжала съ лица его, и сердце его болѣзненно сжалось при воспоминаніи объ ужасныхъ дняхъ прошлой зимы. Она должна была провести Рождество дома; когда пришло отъ нея письмо, онъ былъ увѣренъ, что она извѣщаетъ, съ какимъ поѣздомъ пріѣдетъ. Но прежде, чѣмъ онъ вскрылъ конвертъ, почтовая марка все сказала ему. Письмо было изъ одного города, гдѣ открылась страшная эпидемія оспы; она согласилась взять мѣсто во временной больницѣ. Тогда первый разъ въ жизни мистеръ Латамъ поддался чувству слѣпого страха; онъ сѣлъ въ первый поѣздъ, отходившій въ названный ею городъ, съ твердой рѣшимостью сказать ей, что не можетъ жить безъ нея, умолять ее отказаться отъ мѣста, предоставить ухаживать за оспенными больными кому-нибудь другому, менѣе любимому, менѣе необходимому. Онъ помнилъ тѣ страшные полчаса, когда онъ ждалъ ее въ маленькой, скудно меблированной комнатѣ съ выбѣленными стѣнами. Она вошла, и вмѣстѣ съ ней лучъ солнца ворвался въ комнату; какъ она гордо держала голову, какая она была стройная и строгая въ своемъ костюмѣ сидѣлки, съ запахомъ дезинфекціи. Онъ въ смущеніи пробормоталъ нѣсколько словъ, чтобы объяснить свой пріѣздъ, посидѣлъ съ ней, болтая о разныхъ пустякахъ нѣсколько минутъ, которыя она могла урвать отъ своего дѣла, и затѣмъ уѣхалъ. Онъ не осмѣлился высказать свою трусливую мысль въ присутствіи этой мужественной дѣвушки.

Теперь эпидемія прошла, и она ѣхала домой отдохнуть и поухаживать за матерью. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль радость видѣть ее подлѣ себя наполнитъ пустоту его жизни. Можетъ быть, она даже согласится остаться и заниматься здѣсь своимъ любимымъ дѣломъ. Ученая сидѣлка была очень нужна для бѣдныхъ жителей этого округа; а его дочери нѣтъ надобности работать за деньги.

Когда онъ подъѣхалъ къ станціи, навстрѣчу ему вышелъ носильщикъ и спросилъ, снимая шляпу:

— Правда ли, сэръ, что миссъ Оливія пріѣзжаетъ домой?

— Да, погостить на нѣсколько времени.

— Какъ это хорошо! Какъ обрадуются мои старики!

Мистеръ Латамъ улыбнулся, садясь ожидать поѣздъ. Онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, любятъ ли его сосѣди, или нѣтъ; но популярность его любимицы доставляла ему большое удовольствіе.

Въ томъ, что она популярна, нельзя было сомнѣваться. Вѣсть о ея пріѣздѣ быстро распространилась, и, когда поѣздъ остановился, откуда-то появилось множество мальчиковъ и подростковъ, которые непремѣнно хотѣли нести ея вещи и помочь ей сѣсть въ шарабанъ. Она называла ихъ по именамъ и съ величайшимъ интересомъ разспрашивала, что чувствуетъ нѣкій Джими, который, насколько могъ понять мистеръ Латамъ, подвергъ опасности свою жизнь, проглотивъ булавку.

— А не можетъ ли посторонній человѣкъ, не посвященный въ ваши дѣла, узнать, что это за Джими? — спросилъ отецъ, когда шарабанъ повернулъ за уголъ, и восторженная толпа мальчиковъ, которымъ она продолжала махать рукой, скрылась изъ виду.

— Это Джими Батсъ, мой особенный другъ. Помните этого маленькаго мальчика, который прошлымъ лѣтомъ сходилъ въ болото и принесъ мнѣ цѣлый пукъ пахучей чечевицы: онъ видалъ, какъ я собирала колокольчики на сыроватомъ лугу и вообразилъ, что мнѣ нравятся „всякія болотныя штуки“.

— А, помню, твой маленькій обожатель съ кудластой головой и вздернутымъ носикомъ. Какое счастье, что твои поклонники все только деревенскіе мальчики да подростки. Имѣть одну дочь съ цѣлой свитой модныхъ молодыхъ людей уже достаточная обуза для такого простого человѣка, какъ я!

Сѣрые глаза Оливіи засверкали веселостью.

— Ахъ, мой бѣдный, старый папа! Развѣ Дженнины вздыхатели очень надоѣдливы?

— Я говорю не о качествѣ, а о количествѣ ихъ, моя дорогая. Они по большей части довольно безвредные юноши. Но видѣть передъ собой постоянную стѣну благонамѣренныхъ молокососовъ, это можетъ иногда и надоѣсть.

— Перестаньте, пожалуйста, папа, не думайте, что я буду васъ жалѣть! Вольно же вамъ было жениться на мамѣ! Она въ молодости, навѣрно, была еще красивѣе, чѣмъ Дженни.

Онъ искоса посмотрѣлъ на нее, но глаза ея не выражали ничего, кромѣ безпечной веселости.

— Она была гораздо красивѣе, чѣмъ Дженни, — сказалъ онъ.

— Ну. значитъ, вамъ нечего роптать, что у васъ хорошенькая дочь, благодарите судьбу, что только одна. Подумайте, каково вамъ было бы, если бы и я родилась красавицей!

— Ну. тутъ дѣло не въ одной красотѣ, моя дорогая, на мой взглядъ ты даже очень не дурна.

— Ну, конечно, какъ простая дворняжка.

— А какъ ты думаешь, если бы у тебя были такія волосы, какъ у Дженни, и такой же цвѣтъ лица, стала бы ты бросать свою мать ради кавалерійскихъ офицеровъ да разныхъ молодыхъ людей, пріѣзжающихъ сюда во время охоты?

— Папа, — сказала Оливія, и лицо ея вдругъ стало серьезнымъ,— вы не безпокоитесь за Дженни?

— Безпокоюсь? Въ буквальномъ смыслѣ нисколько. Дженни всегда выйдетъ суха изъ воды и останется образцомъ приличія. Она такъ воспитана. Но... ну, да, мнѣ жаль, что дочь твоей матери становится требовательной и тщеславной, что твоя сестра лѣнива и эгоистична.

— Нѣтъ, папа, она въ душѣ не эгоистка; она просто еще слишкомъ молода, и мама немножко избаловала ее. Но разскажите же мнѣ о мамѣ. Развѣ вы находите, что ей хуже?

— Я самъ не знаю, что думать. Докторъ ничего не находитъ, кромѣ слабости. Но она такъ исхудала. Да ты сама увидишь. Я очень радъ, что ты пріѣхала домой и для нее, и для Дженни.

— А для васъ, папа?

Онъ на минуту положилъ свою руку на ея руки.

— Объ этомъ мы не будемъ говорить, — сказалъ онъ и перемѣнилъ разговоръ.

— Да, между прочимъ: твой другъ, преподобный мистеръ Грей пріѣхалъ и со вчерашняго дня вступилъ въ отправленіе своихъ пастырскихъ обязанностей. Старый ректоръ сказалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, что рѣшился взять его, вслѣдствіе твоего отчета о томъ, какъ молодой человѣкъ держалъ себя на оспѣ; но онъ спрашивалъ, не слыхалъ ли я, насколько онъ силенъ въ догматахъ церкви. Я сказалъ ему, что, по моему, важнѣе, чтобы викарій научилъ своихъ прихожанъ употреблять мыло и дезинфекцію, чѣмъ чтобы онъ разъяснялъ имъ разныя теологическія тонкости.

— Мистеръ Грей, навѣрно, согласится съ вами; я увѣрена, что онъ охотно предоставитъ мистеру Уикгему говорить проповѣди, а самъ будетъ навѣщать больныхъ. Не знаю, силенъ ли онъ въ теологіи, но что умѣетъ перевязать больную ногу, это я видѣла своими глазами.

— Хорошо, что онъ назначенъ вмѣсто прежняго викарія, который или не хотѣлъ, или не могъ ничего дѣлать.

— Это тотъ молодой человѣкъ съ аристократическими манерами и выдающимся подбородкомъ?

— Да, и съ цитатами изъ св. Августина, которыя онъ приводилъ не кстати, когда мы рѣшали вопросы о городскихъ сточныхъ трубахъ. И не то, чтобы онъ былъ очень силенъ въ латыни; онъ постоянно ошибался въ глаголахъ. А этотъ новый молодой человѣкъ твой хорошій пріятель?

— Дикъ Грей? это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей. Я была знакома съ нимъ гораздо раньше оспы, онъ былъ викаріемъ въ одной изъ лондонскихъ церквей и часто навѣщалъ моихъ больныхъ въ Бермансеѣ.

— Твоей матери пришло въ голову...—началъ мистеръ Латамъ и остановился.

Оливія взглянула на него вопросительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, это, понятно, не наше дѣло, но такъ какъ вы съ нимъ дружны...

— Папа, перестаньте!

Банкиръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Лицо ея вдругъ поблѣднѣло.

— Оливія?—встревожился онъ и взялъ ее за руку.—Оливія, дорогая!

— Нѣтъ, это ничего, папа, только, пожалуйста, никогда не говорите со мной объ этомъ. Если вы встрѣтите когонибудь изъ моихъ друзей,—у меня ихъ немного,—такъ и знайте, что это другъ и ничего больше.

— Но, моя дорогая, вѣдь найдется же когда-нибудь человѣкъ, который будетъ для тебя болѣе, чѣмъ другомъ?

Она ничего не отвѣчала и смотрѣла прямо передъ собой.

— А что эти нездоровые котеджи? удалось вамъ добиться того, чтобы ихъ снесли.

Мистеръ Латамъ вздохнулъ. У него явилось такое ощущеніе, точно передъ самымъ его носомъ захлопнули дверь.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ онъ послѣ едва замѣтнаго молчанія:—фермеры были противъ меня. Можетъ быть, если мистеръ Грей поддержитъ меня, намъ удастся провести это дѣло.

Когда энергичный мистеръ Грей, не замѣчавшій въ своей беззаботности, какое смущеніе среди благочестивыхъ душъ вызывалъ его костюмъ „доктора Іегера“ и его языческія манеры, пришелъ въ первый разъ съ визитомъ въ „Орѣховый домъ“, онъ встрѣтилъ миссисъ Латамъ гуляющею въ саду, опираясь на руку своей старшей дочери. За тѣ три дня, что Оливія провела дома, больная пріобрѣла

больше силы и крѣпости, чѣмъ въ предыдущіе три мѣсяца Молодая дѣвушка была самой нѣжной и внимательной сидѣлкой; но когда она спокойно утверждала, что больная вполнѣ можетъ сдѣлать то или другое, ея увѣренность какъ будто придавала способность напрягать свои силы. Такъ было и съ ея матерью. Ея присутствіе прогоняло всякіе болѣзненныя фантазіи.

Дженни, по обыкновенію, была въ гостяхъ. Она уѣхала на пикникъ по приглашенію мѣстной аристократки, лэди Гартфильдъ. Обѣ дѣвушки были приглашены на этотъ праздникъ, но такъ какъ кто-нибудь долженъ былъ остаться съ больной, то Оливія отказалась отъ приглашенія. Это вызвало неудовольствіе ея отца: онъ находилъ, что теперь ея очередь немного повеселиться.

— Ничего, папа,—спокойно отвѣчала она,—Дженни это доставитъ удовольствіе, а мнѣ никакого.

Лэди Гартфильдъ была очень рада, что изъ двухъ сестеръ къ ней пріѣхала Дженни. Она любила молодую дѣвушку, баловала ее и постоянно расхваливала ее всѣмъ молодымъ людямъ, годившимся въ женихи.

— Прелестная дѣвушка, и хороша собой, и добра. Да и сестра ея тоже хорошая дѣвушка. Но она, знаете, носитъ толстые сапоги и ни о чемъ не думаетъ, кромѣ возни съ бѣдняками. Это, конечно, очень мило, но я предпочитаю скромность и уваженіе къ мнѣніямъ старшихъ всѣмъ этимъ преувеличеннымъ добродѣтелямъ. Нѣтъ никакой надобности для молодой дѣвушки изъ хорошей семьи ухаживать за больными оспой. Впрочемъ, надобно сказать, что у нея никогда не были такого цвѣта лица, какъ у Дженни.

Оливія узнала утромъ объ этомъ мнѣніи лэди Гартфильдъ и передавала его матери въ ту минуту, когда викарій подходилъ къ нимъ. Прежде, чѣмъ она замѣтила его онъ на минуту пріостановился и любовался ею въ этой новой обстановкѣ. Какъ хороша она была, поддерживая своей сильной рукой другую, болѣе слабую женщину! Лицо ея сіяло веселой улыбкой, ни чѣмъ не прикрытые волосы ея блестѣли на солнцѣ.

Когда мистеръ Латамъ подъѣхалъ къ крыльцу съ своимъ шарабаномъ, чтобы везти жену покататься, Оливія провела мать въ комнаты, а сама усѣлась подъ орѣшникомъ, и вскорѣ между ней и ея пріятелемъ завязался оживленный разговоръ о болѣзни одной деревенской старухи. Отъ старухи разговоръ перешелъ на другой предметъ, интересовавшій ихъ обоихъ, на строенія и особенности дико растущихъ цвѣтовъ.

Викарій поставилъ на землю свою чашку съ чаемъ и самъ опустился на колѣни передъ цвѣточной работкой.

— Какъ это вамъ удалось добиться, что у васъ зацвѣла альпійская серебрянка? Это такое прихотливое растеніе! Какую землю употребляли вы?

Дженни вернулась съ пикника, веселая, нарядная, и остановилась на дорожкѣ, съ удивленіемъ глядя на сестру, которая, стоя на колѣняхъ около рѣшетки, вела серьезный разговоръ объ альпійскомъ курослѣпѣ съ какимъ то человѣкомъ въ одеждѣ не то священника, не то бродяги.

— Что за странный господинъ!—замѣтила она, когда гость ушелъ.—Въ такомъ жилетѣ придти въ первый разъ съ визитомъ!

— Милая моя,—отвѣчалъ ей отецъ,—этотъ молодой человѣкъ находитъ, что душа важнѣе одежды. Онъ христіанскій соціалистъ,—не знаю въ точности, что это значитъ,—и ты не можешь требовать, чтобы онъ обращалъ вниманіе на жилеты.

— Жилетъ его былъ какъ слѣдуетъ,—спокойно замѣтила Оливія, убирая чайную посуду,—онъ одѣвается во все шерстяное, по системѣ доктора Іегера. Многіе соціалисты носятъ такое же бѣлье и платье.

— А почему же ты такъ хорошо знаешь обычаи соціалистовъ, милая?—спросилъ отецъ съ удивленіемъ, поднимая брови.

— О!—безпечно отвѣчала она,—я часто ходила на ихъ митинги въ Лондонѣ... Дженни, когда пойдешь наверхъ, пожалуйста, запирай дверь тихонько: у тетки болитъ голова.

Она вошла въ домъ,—унося подносъ съ чайной посудой. Отецъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и лицо его затуманилось. Ему страстно хотѣлось узнать всѣ подробности жизни старшей дочери, но онъ чувствовалъ, что это не возможно.

— Папа, — сказала Дженни, снимая свою нарядную шляпу и съ любовью поглаживая ея длинное, бѣлое страусовое перо:—неправда ли, это очень жаль, что Оливія заходитъ такъ далеко въ своемъ увлеченіи ботаникой. Она позволила этому странно вульгарному молодому человѣку оставаться у насъ такъ долго, потому что онъ притворялся, будто интересуется крестовникомъ.

— Не крестовникомъ, а курослѣпомъ, моя милая. Съ точки зрѣнія ботаника это различныя растенія, хотя для Дженни это совершенно все равно.

— Ну, курослѣпомъ, если хотите. Онъ готовъ былъ сказать, что интересуется, чѣмъ угодно... Лэди Гартфильдъ говорила мнѣ сегодня, что о немъ ходятъ самые странные слухи. Она говоритъ, его ни за что не назначили бы къ

немъ, если бы узнали, какъ онъ самъ себя держалъ въ Лондонѣ: онъ ходилъ на митинги стачечниковъ, имѣлъ столкновенія съ полиціей и все такое. Какъ вы думаете, не предостеречь ли вамъ Оливію?—Брови мистера Латама снова поднялись отъ удивленія.

— Моя милая Дженни, въ этомъ дѣлѣ всякій можетъ получить даромъ сколько угодно добрыхъ совѣтовъ. Но Оливія, какъ я замѣтилъ, не любитъ ни давать, ни принимать ихъ. У всякаго свой характеръ. Что касается молодого человѣка въ костюмѣ доктора Іегера, мнѣ пріятнѣе, чтобы онъ говорилъ о курослѣпѣ, о которомъ онъ, можетъ быть, что нибудь знаетъ, чѣмъ, какъ его предшественникъ, о догматической теологіи, съ которой онъ, вѣроятно, совсѣмъ не знакомъ. Но разъ мы заговорили о совѣтахъ, позволь мнѣ посовѣтовать тебя, моя милая, побольше уважать твою сестру и по меньше довѣрять этой старой сплетницѣ Гартфильдъ. Теперь же тебѣ, пожалуй, лучше идти домой и надѣть не такой нелѣпый костюмъ.

II.

Мистеръ Латамъ справедливо предполагалъ, что многое измѣнится съ пріѣздомъ Оливіи домой, но перемѣна оказалась не въ такомъ родѣ, какъ онъ надѣялся.

Улучшеніе въ здоровьи и расположеніи духа матери, несомнѣнно, произошло; больная, много лѣтъ страдавшая хронической слабостью, въ концѣ концовъ, переставшая не только надѣяться на выздоровленіе, но даже желать его, теперь пробудилась изъ своей апатіи и почувствовала, что не лишена возможности наслаждаться радостями лѣтней жизни. Перемѣна, которая произошла съ Дженни, еще болѣе бросалась въ глаза. Молодая дѣвушка стала гораздо внимательнѣе къ другимъ, гораздо меньше поглощена своими собственными мелкими интересами; а между тѣмъ Оливія ни разу не намекнула ей на ея недостатки. Она дѣйствовала на болѣе слабую натуру сестры полубезсознательно, исключительно силою своей личности.

Не смотря на все это, мистеръ Латамъ страдалъ отъ тяжелаго разочарованія. Нельзя сказать, чтобы Оливія была жестка; напротивъ, она отличалась неизмѣнно мягкимъ, веселымъ характеромъ, но въ ея отношеніи къ людямъ былъ оттѣнокъ чего-то профессіональнаго, что леденило сердце одинокаго человѣка. Какъ онъ ждалъ ея пріѣзда! Какъ онъ старался сдерживать свое нетерпѣніе! Какъ онъ увѣрялъ себя мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, что Оливія вернется

домой, что Оливія пойметъ его. Вотъ теперь она вернулась но онъ по прежнему одинокъ.

Онъ почти не пытался сблизиться съ ней; онъ съ самаго начала увидѣлъ, что это безполезно. На третій день послѣ ея пріѣзда онъ поѣхалъ кататься съ ней въ шарабанѣ. И, оставшись наединѣ, среди цвѣтущихъ изгородей, онъ несмѣло и безсвязно, какъ человѣкъ, сдержанный и давно привыкшій мечтать, сталъ говорить ей въ общихъ чертахъ о своемъ тайномъ горѣ. Она не оскорбила его безтактнымъ словомъ; она слушала его съ серьезнымъ вниманіемъ, съ почтительнымъ сочувствіемъ, короче—съ превосходно выдержанной, безлично 'благодушной манерой опытной сидѣлки. На слѣдующее утро садясь за завтракъ, онъ нашелъ около своего прибора небольшія лепешечки пепсина. И на этомъ кончилась его попытка установить съ ней тѣсно дружескія отношенія.

Викарій въ костюмѣ доктора Іегера, съ своей стороны, посвящалъ себя физическому вопитанію деревенскихъ мальчишекъ и жилъ надеждою на лучшее будущее. Онъ давно понялъ, что сердце Оливіи Латамъ не легко пріобрѣсти. Онъ затаилъ на время надежду на личное счастье и рѣшилъ дѣйствовать, не спѣша, сначала заинтересовать ее, потомъ внушить ей уваженіе, затѣмъ дружбу. Удастся ли ему завоевать ея любовь, онъ не зналъ, но дружбы онъ во всякомъ случаѣ добился. Послѣ трехъ лѣтъ постоянныхъ усилій ему не удалось обратить ее въ соціалистку. Умъ ея медленно усваивалъ идеи, а по натурѣ она не была способна къ беззавѣтному увлеченію. Но она читала внимательно тѣ книги, которыя онъ давалъ ей, и онѣ пробудили ея мысль въ извѣстномъ направленіи. Оставаясь наединѣ съ нимъ, она вступала въ серьезные споры, добросовѣстно взвѣшивала соперничающія теоріи и критиковала ихъ съ горячностью мало свѣдущаго ученика.

— Ее не легко обратить,—говорилъ онъ самъ себѣ при началѣ ихъ знакомства,—но ради нея стоитъ постараться.— Послѣ трехъ лѣтъ онъ ободрялъ себя все тою же мыслью.

Пріѣхавъ въ Сусексъ, онъ рѣшилъ не портить дружескихъ отношеній никакимъ намекомъ на личныя чувства и надежды. Въ прежнее время въ Бермондсеѣ онъ попытался одинъ разъ высказать свои чувства, но такъ же, какъ ея отецъ, наткнулся на непроницаемую стѣну. Она отнеслась къ нему очень дружелюбно; Оливія ко всѣмъ относилась дружелюбно; но она никакъ не могла догадаться, что его неловкое, робкое признаніе касалось чего-то иного, кромѣ увѣренія въ братской любви и въ сочувствіи ея дѣлу. Она заявила, что находитъ совершенно лишнимъ повторять то, въ чемъ она не мало не сомнѣвалась. Оливія вообще не любила, когда ее заставляли

говорить о томъ, что и безъ того всѣмъ извѣстно. Затѣмъ она вспомнила, что онъ провелъ большую часть ночи въ одной несчастной семьѣ, защищая испуганныхъ дѣтей отъ побоевъ пьянаго отца, и рѣшила, что онъ, должно быть, сильно утомился, оттого онъ говоритъ такимъ взволнованнымъ голосомъ и блѣднѣетъ безъ всякой причины. Она поспѣшила увѣрить его своимъ ровнымъ, успокоительнымъ тономъ, что вполнѣ цѣнитъ его дружбу и платитъ ему взаимностью, что она охотно будетъ его называть „Динъ", если ему это нравится; и потомъ, все тѣмъ же тономъ спросила, не забылъ-ли онъ перемѣнить носки, если они мокры.

Онъ не повторялъ больше своихъ нескромныхъ признаній.—Объясняться въ любви съ ней все равно, что объясняться со стѣной,—говорилъ онъ самому себѣ, подсмѣиваясь надъ своимъ отчаяніемъ. И, дѣйствительно, ея непониманіе этого чувства было непобѣдимою крѣпостью, о которую разбивались всѣ усилія.

Когда появилась эпидемія оспы, онъ выпросилъ для себя временное назначеніе въ пораженный городъ и съ удовольствіемъ явился замѣстителемъ одного трусливаго викарія, который былъ очень радъ возможности уѣхать. Тяжелая работа и борьба съ заразой были ему по душѣ, но, главное, ему хотѣлось оставаться поближе къ Оливіи въ это опасное время. Теперь, когда опасность миновала, онъ тоже почувствовалъ потребность отдохнуть и перейти къ менѣе утомительной работѣ. При этомъ онъ убѣждалъ себя, что для него вполнѣ достаточно видѣть ее, слышать ея ободряющія слова, что онъ ни за что не нарушитъ ея величественнаго и въ то же время нелѣпаго непониманія естественныхъ чувствъ. Повидимому, ничто на свѣтѣ не могло навести ее на мысль, что есть человѣкъ, который хотѣлъ бы жениться на ней; а если бы она поняла, наконецъ, его желаніе, она, вѣроятно, сочла бы это или оскорбленіемъ, или признакомъ прогрессивнаго паралича мозга.

Но молчать среди дикаго грохота фабрикъ и шума грязныхъ улицъ, при постоянномъ, ежедневномъ соприкосновеніи съ будничными трагедіями жизни, было гораздо легче, чѣмъ молчать среди цвѣтущихъ изгородей Сусекса. Рѣшеніе викарія держалось три безконечно длинныхъ недѣли, но вотъ въ одинъ іюльскій день онъ встрѣтился съ ней въ домикѣ больного крестьянина, и они вмѣстѣ пошли по залитымъ солнцемъ полямъ. Онъ оживленно говорилъ о разныхъ мелкихъ приходскихъ дѣлахъ и старался не смотрѣть на нее. Они подошли къ турникету, на перекресткѣ двухъ дорожекъ; одна прямая, бѣлая, шла среди зеленыхъ полей овса, другая вилась въ тѣни около небольшой рощи. Черезъ отверстіе въ

изгороди виднѣлась зеленая чаща лѣса, покрытая мхомъ лощинка, сучковатые остролисты, высокая наперсточная трава съ висящими колокольчиками своихъ цвѣтовъ. Викарій протянулъ руку.

— Прощайте, кажется, наши дороги расходятся здѣсь.

— Вы развѣ куда-нибудь спѣшите? Мнѣ хотѣлось отдохнуть, посидѣть немного въ лѣсу. Я сегодня цѣлый день была на ногахъ.

Она пролѣзла черезъ отверстіе въ изгороди и сѣла на срубленное дерево на краю лощины.

Викарій стоялъ и смотрѣлъ на нее, держась рукой за турникетъ.

„Если я подойду къ ней, думалъ онъ, я окажусь осломъ, и она будетъ презирать меня".

— Развѣ вамъ надобно уходить? — разсѣянно замѣтила она,—какъ жаль!

Она сорвала вѣтку цвѣтущей жимолости и, закрывъ глаза, проводила розоватыми цвѣтками себѣ по лицу. Викарій все еще не двигался съ мѣста.—Я окажусь осломъ,—опять подумалъ онъ, — ее занимаетъ запахъ жимолости больше, чѣмъ всѣ влюбленные на свѣтѣ.

— Мнѣ надобно уйти, — хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Губы ея раздвинулись въ улыбку при легкомъ прикосновеніи цвѣтка, и онъ видѣлъ, что она забыла о его существованіи. Онъ отвернулся и стиснулъ зубы; потомъ въ припадкѣ гнѣва перескочилъ черезъ отверстіе въ изгороди и побѣжалъ къ ней.

— Оливія!—вскричалъ онъ и выхватилъ вѣтку изъ ея рукъ,—Оливія...

Она подняла голову сначала просто съ испугомъ, а затѣмъ съ тревожнымъ участіемъ.

— Динъ! Что такое? Что съ вами?

Онъ дрожалъ отъ безсильной ярости.

— Оставьте на минуту всю эту зеленую дрянь! Неужели вы думаете, я не вижу, что вамъ до меня нѣтъ никакого дѣла, зачѣмъ же вы нарочно колете мнѣ этимъ глаза? Любить васъ все равно, что любить вотъ эту наперстянку! Вы какой-то безполый водяной духъ!

— Динъ!—повторила она и положила свою холодную руку на его руку. Онъ сбросилъ ее.

— Пожалуйста, не щупайте мнѣ пульсъ, у меня нѣтъ оспы, я не сошелъ съ ума. Я просто жалкій дуракъ, который три года безъ ума любитъ дѣвушку, не понимающую, что изъ человѣколюбія надобно иногда держать руки подальше.

Онъ опустился па землю и закрылъ лицо дрожавшими пальцами.

— Простите меня, Оливія; я знаю, что вы добры; но вы ничего не понимаете; всякая другая женщина догадалась бы, что она дѣлаетъ человѣку больно.

Онъ сорвалъ другую вѣтку жимолости и протянулъ ей, закусивъ губы.

— Мнѣ очень жаль, что я испортилъ вамъ цвѣтокъ. Это было грубо; но знаете, — очень непріятно быть привязаннымъ къ хвосту лошади Бритамарты или даже къ концамъ ея передника.

Она отступила на шагъ и стояла неподвижно, глядя на него. Его глаза опустились подъ ея яснымъ взглядомъ, и вѣтка жимолости выпала изъ его пальцевъ.

— Динъ, отчего же вы мнѣ ничего не говорили? Я и не подозрѣвала... право, не подозрѣвала. Отчего вы раньше не говорили мнѣ?

Онъ разсмѣялся.

— Я пытался, дорогая моя, два года тому назадъ, но вы даже не могли понять, о чемъ я говорю. Конечно, вы не подозрѣвали. Если бы вы могли подозрѣвать такого рода вещи, вы не были бы сами собой. Ну, не глядите такъ печально. Я знаю, что вы скажете. Вы совершенно равнодушны ко мнѣ. Но это ничего не значитъ. Я такъ сильно люблю васъ, что готовъ ждать, сколько хотите, хоть двадцать лѣтъ, только бы имѣть надежду...

— Но, Динъ, у васъ не можетъ быть надежды.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ. — Совершенно ли вы увѣрены? Мы всегда были друзьями; я думалъ, когда-нибудь...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила она его съ тоскою,—дѣло не въ томъ!—Она простояла съ минуту, опустивъ глаза въ землю, затѣмъ сѣла подлѣ него на обрубокъ дерева.—Вы не понимаете. Я бы раньше сказала вамъ, если бы подозрѣвала... Но... я люблю другого...

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ. Бритамарта и другой...

— Другой...—повторилъ онъ.—Вы хотите сказать, что выходите замужъ?

Она не сразу отвѣтила:

— Мы дали слово другъ другу. Я не выйду замужъ ни за кого другого.

Викарій сидѣлъ молча, раскапывая своей тросточкой мохъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ и проговорилъ поспѣшно:—Мнѣ, можетъ быть, лучше уйти; прощайте.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что Оливія плачетъ. Онъ никогда

не воображалъ, что она можетъ поддаться слабости, и видъ ея слезъ заставилъ его забыть собственное горе.

— Не плачьте! — проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, — пожалуйста, не плачьте! Я себялюбивый идіотъ, я васъ разстроилъ. Я...

Онъ остановился и подыскивалъ слова, но не могъ найти ничего, кромѣ пошлаго: я желаю вамъ полнаго счастья.

Она овладѣла собой и оправилась отъ минутной слабости.

— На счастье у меня мало надежды, - отвѣчала она, отирая слезы.—Мнѣ очень жаль, что я васъ огорчила. Кажется, человѣкъ не можетъ сдѣлать шагу въ жизни, чтобы не огорчить кого-нибудь. Я очень огорчу отца; но я не могу поступить иначе.

Она провела рукой по глазамъ. Ей было страшно тяжело, она съ трудомъ подыскивала слова.

— Мы дали другъ другу слово прошлою осенью. Вы первый человѣкъ, которому я объ этомъ говорю. Мои родные узнаютъ позже, я должна скрывать отъ нихъ, какъ можно дольше. Все такъ темно и безнадежно, они не поймутъ, никогда не поймутъ. Мать станетъ плакать; я не могу видѣть этого теперь. Я сама должна привыкнуть...

Она молча глядѣла передъ собой. Викарій снова сѣлъ.

— Нельзя ли чѣмъ-нибудь помочь вамъ? Въ чемъ дѣло? Вы... вы вѣдь любите его?

— О, конечно, дѣло не въ недостаткѣ любви! Если бы я не любила...

Она подняла на него глаза.

— Не знаю, поймете ли вы? Я знаю, вы—соціалистъ не только на словахъ. Ну, видите ли, онъ русскій. Вы знаете, что это значитъ, разъ русскій—человѣкъ порядочный.

— Русскій...—повторилъ викарій съ недоумѣніемъ. Затѣмъ онъ понялъ.—Онъ, значитъ, нигилистъ?

— Пусть нигилистъ, если хотите. Это въ сущности смѣшное названіе. Теперь въ Россіи такъ называютъ людей, имѣющихъ превратныя понятія.

— И онъ живетъ въ Англіи? Онъ эмигрантъ?

— Нѣтъ, онъ былъ здѣсь въ прошломъ году, онъ снималъ рисунки англійскихъ машинъ для той фирмы, въ которой служитъ. Онъ уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и я даже не знаю...—Она посмотрѣла на него глазами, въ которыхъ онъ прочелъ грусть и тревогу.—Ему разрѣшили пріѣхать снова и вернуться назадъ; но онъ до сихъ поръ подъ надзоромъ полиціи. Считается большою милостью, что ему позволяютъ жить въ Петербургѣ, но имъ всякую минуту можетъ придти въ голову Богъ знаетъ что. Онъ все время живетъ, точно на краю пропасти.

— Но онъ вѣдь осужденъ?

— Нѣтъ еще, иначе я не говорила бы съ вами о немъ. Онъ сидѣлъ два года въ тюрьмѣ и вышелъ съ посѣдѣвшими волосами и съ болѣзнью легкихъ. Онъ всего на шесть лѣтъ старше меня. Если его еще разъ посадятъ—это убьетъ его. У него оба легкія затронуты; знаете, у нихъ тамъ тюрьмы переполнены туберкулезными бациллами.

Голосъ Оливіи слегка дрожалъ, и собесѣдникъ ея чувствовалъ, какъ что-то подступаетъ ему къ горлу. Въ эту минуту онъ такъ сильно сострадалъ ей, что забылъ горевать о своихъ собственныхъ разбитыхъ надеждахъ.

— Хорошо, что вы такая мужественная дѣвушка, вы себѣ выбрали тяжелую долю,—проговорилъ онъ мягко.

Она покачала головой.

— Я не такъ мужественна, какъ вы думаете, и я не могла выбирать.

— Можно спросить, какъ его имя?

— Владиміръ Дамаровъ. Онъ не вполнѣ русскій, въ немъ есть частица крови итальянской, а также датской.

— Дамаровъ?—повторилъ викарій.—Дамаровъ? Да, и дѣлаетъ модели машинъ? такъ, такъ.

Она быстро взглянула на него.

— Вы его знаете?

— Я его видѣлъ, но не знакомъ съ нимъ. Мой старый товарищъ Берней, помните, тотъ Берней, художникъ, встрѣчалъ его гдѣ-то въ Лондонѣ и непремѣнно хотѣлъ сдѣлать рисунокъ его головы. Онъ досталъ билетъ на Промышленную Выставку только для того, чтобы еще разъ увидать его, и заставилъ меня идти съ собой; онъ дѣлалъ видъ, будто разговариваетъ со мной, а въ это время рисовалъ. Вы видѣли его портретъ пастелью? Ахъ да, вѣдь вы не были нынче зимой на выставкахъ изъ-за оспы. Эта одна изъ лучшихъ вещей Бернея. Онъ назвалъ ее: Голова Люцифера.

Они долго сидѣли и дружески разговаривали. Первый разъ въ жизни Оливія забыла свою скрытность, первый разъ отдалась она удовольствію прервать тягостное молчаніе Она говорила о любимомъ человѣкѣ, о его несчастіяхъ, о его разстроеннымъ здоровьѣ и загубленномъ талантѣ, не думая о томъ, какую боль причиняетъ своему слушателю. Дикъ слегка раза два скрежеталъ зубами, когда она, сама того не замѣчая, слишкомъ нѣжно произносила имя Владиміра; но вся исторія была въ такомъ родѣ, что могла заставить забыть ревность.

Владиміръ Дамаровъ, разсказывала Оливія, родился въ небогатой помѣщичьей семьѣ, въ одной изъ тѣхъ семей, которыя послѣ нѣсколькихъ поколѣній праздности прину-

ждены были, вслѣдствіе отмѣны крѣпостного права, жить собственнымъ трудомъ. Онъ обладалъ врожденнымъ талантомъ къ скульптурѣ и живописи и, страстно любя искусства, рѣшилъ сдѣлаться скульпторомъ. Но юношей онъ подпалъ подъ сильное вліяніе одного поляка, студента медика Кароля Славинскаго, который, хотя былъ всего на два года старше Владиміра, но уже принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи.

Вмѣстѣ съ этимъ студентомъ жила сестра его Ванда, также участвовавшая въ заговорѣ. Они принадлежали къ одной изъ „обреченныхъ семей“ Польши, одной изъ тѣхъ семей, гдѣ каждое послѣдовательное поколѣніе приноситъ свою долю мучениковъ за дѣло національной свободы. Братъ и сестра не сдѣлались, а родились бунтовщиками. Эта само собой разумѣлось уже потому, что ихъ фамилія была Славинскіе.

Владиміръ мало по малу сталъ ихъ близкимъ другомъ и пособникомъ, а въ двадцать два года женихомъ Ванды. Въ это самое время, только что Кароль успѣлъ выдержать лѣкарскій экзаменъ, полиція нагрянула къ нимъ и арестовала всѣхъ троихъ. Послѣ двухъ лѣтъ одиночнаго заключенія Владиміръ былъ выпущенъ, такъ какъ противъ него не оказалось никакихъ уликъ; но ему дали понять, что онъ отдѣлался такъ счастливо только потому, что его друзья опытные люди, которые не забываютъ сжигать нѣкоторыя бумаги. Кароль Славинскій, противъ котораго оказались сильныя улики, находился въ это время на дорогѣ въ Сибирь, въ Акатуй, приговоренный къ четыремъ годамъ каторги. О Вандѣ не было ни слуху, ни духу. Первые полтора года она отъ времени до времени писала домой; потомъ прекратила всякую переписку, и друзья ея не знали, жива она, или нѣтъ.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Владиміръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы добиться истины; онъ подкупалъ мелкихъ чиновниковъ, умолялъ полицейскихъ, подавалъ прошенія высокопоставленнымъ лицамъ, но отовсюду получалъ уклончивые или противорѣчивые отвѣты. Лишь постепенно узналъ онъ всю исторію, которую старались заглушить. Ванда была красивая дѣвушка, а новый смотритель тюрьмы, назначенный на второй годъ ея заключенія, былъ неравнодушенъ къ красивымъ женщинамъ. Онъ еще не нанесъ ей оскорбленія; но дѣвушка не рѣшалась спать ночью, и нервы ея не выдержали безсонницы и постояннаго страха. Ей удалось, очевидно, съ большимъ трудомъ и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, перерѣзать себѣ горло осколкомъ стекла. Съ тѣхъ поръ Владиміръ жилъ съ больными легкими и расшатанными нервами. Онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе

тѣмъ, что рисовалъ модели машинъ, оставаясь все время подъ надзоромъ полиціи.

— А братъ дѣвушки?—спросилъ Дикъ.

— Онъ получилъ амнистію, отбывъ половину срока каторги, и теперь живетъ въ русской Польшѣ, какъ практикующій врачъ. Считается особенною милостью, что ему было разрѣшено вернуться изъ Сибири, но у него есть родственники въ высшихъ сферахъ. Онъ рѣдко можетъ добиться позволенія пріѣхать въ Петербургъ; кромѣ того и онъ, и Володя оба люди бѣдные, такъ что имъ не часто удается встрѣчаться; но они всетаки близкіе друзья.

На церковной колокольнѣ пробили часы. Оливія вздрогнула и вернулась къ повседневной жизни.

— Уже шесть! Мнѣ надо скорѣй къ матери.

— А я опоздаю къ спѣвкѣ хора. Ваша мать обѣщала дать намъ книгу старыхъ гимновъ, я пройду съ вами и возьму ее.

Около калитки сада они встрѣтили почтальона съ письмомъ въ рукахъ.

— Это вамъ, миссъ Оливія.

Лицо ея просіяло при видѣ конверта; и прежде чѣмъ Дикъ замѣтилъ двуглаваго орла на почтовой маркѣ, онъ догадался, откуда пришло письмо. Его вдругъ охватило чувство бѣшенаго негодованія: такъ ужасно было думать, что она готова бросить свою блестящую юность въ эту бездонную пропасть.

— Я пойду за книгой,—сказалъ онъ и вошелъ въ домъ, предоставивъ ей читать письмо безъ свидѣтелей.

Вернувшись съ книгой въ рукахъ, онъ быстро направился къ воротамъ и, не останавливаясь, прошелъ мимо большого орѣшника. Оливія стояла подъ деревомъ, держа въ рукахъ открытое письмо, но не читала его. Она не шевельнулась при шумѣ его шаговъ на дорожкѣ, и онъ пошелъ еще быстрѣе.

— Любовное письмо, — думалъ онъ, — къ чему же мѣшать ей?

Въ слѣдующую минуту она бѣжала за нимъ по дорогѣ.

— Дикъ! Остановитесь! Мнѣ надобно поговорить съ вами.

Онъ взглянулъ на нее и сразу понялъ, что письмо принесло ей дурныя вѣсти.

— Дорогая моя, что случилось? Онъ не...

— Нѣтъ, нѣтъ, не арестованъ. Но онъ сильно заболѣлъ; у него плевритъ. Письмо не отъ него, а отъ одного его пріятеля, который нашелъ нужнымъ извѣстить меня. Я должна какъ можно скорѣе ѣхать къ нему.

— Въ Петербургъ?

— Да, чтобы ухаживать за нимъ. Пожалуйста, снесите телеграмму въ почтовое отдѣленіе. Вотъ адресъ. Ахъ, нѣтъ, это по русски; я сейчасъ напишу вамъ. Въ телеграммѣ напишите: „Выѣзжаю съ первымъ поѣздомъ“, можно по-французски. Отцу придется взять для меня денегъ изъ банка. Паспортъ у меня есть, я на всякій случай добыла себѣ.

— Но какую пользу можете вы тамъ принести, не зная языка?

— Я немножко говорю по-русски; я училась послѣднее время. Сейчасъ пойду и объясню отцу...

— Какъ, все?

— Нѣтъ, ничего. Я не могу теперь говорить съ нимъ объ этомъ. Я скажу только, что меня вызываютъ въ Россію, чтобы ухаживать за однимъ заболѣвшимъ другомъ, и что я должна ѣхать какъ можно скорѣе. Вотъ адресъ телеграммы. Прощайте, милый Дикъ, я иду домой.

— Нѣтъ, я еще не прощаюсь съ вами; я посмотрю расписаніе поѣздовъ, а въ девять часовъ приду къ вамъ помочь насчетъ багажа и всего прочаго. Я, знаете, отлично умѣю укладывать, я...

Онъ схватилъ ея руку, быстро поцѣловалъ ее и ушелъ не договоривъ фразы.

III.

Оливія вышла изъ вагона на платформу, по которой толпился народъ. Съ первыхъ шаговъ ее поразилъ удушающій жаръ, непріятный запахъ, толпа людей, бѣгавшихъ взадъ и впередъ, повинуясь приказаніямъ которыхъ, она не понимала, и присутствіе важной фигуры въ синемъ мундирѣ.

Она остановилась и обратилась къ носильщикамъ, которые говорили всѣ за-разъ, съ нѣсколькими хорошо заученными русскими фразами, но въ эту минуту низкій грудной голосъ сзади нея спросилъ:—Миссъ Латамъ?

Высокій господинъ съ рыжеватой бородой протягивалъ ей руку.

— Я докторъ Славинскій. Володя поручилъ мнѣ встрѣтить васъ. Позвольте вашу квитанцію отъ багажа.

Она подождала, пока они отъѣхали отъ станціи, и тогда только спросила:

— Какъ здоровье Володи?

— Сегодня температура повышена, но, можетъ быть, это потому, что онъ волнуется, ожидая васъ. Болѣзнь, конечно, серьезная, но съ нимъ бывало и хуже.

— У васъ есть сидѣлка?

— Была, но она не нравилась ему, и я ее отпустилъ вчера. Я очень радъ, что вы пріѣхали.

— Я не знала, что вы въ Петербургѣ.

— Я только вчера пріѣхалъ. Не могъ раньше достать разрѣшенія. Къ счастью, у меня есть дядюшка, который занимаетъ важную должность въ министерствѣ путей сообщенія и выхлопатываетъ мнѣ время отъ времени разрѣшеніе пріѣхать сюда на нѣсколько дней.

— Вы, кажется, живете въ какомъ-то фабричномъ городѣ въ Польшѣ?

— Я до нынѣшняго года жилъ въ Лодзи; но меня выслали оттуда, какъ неблагонадежнаго, потому что тамъ очень сильно соціалистическое движеніе. Послѣднее время я опять болѣе или менѣе шатался по свѣту.

Онъ свободно говорилъ по-англійски, хотя съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ и тѣмъ пѣвучимъ голосомъ, который отличаетъ литовцевъ. Очевидно, онъ былъ весьма консервативнымъ человѣкомъ, такъ какъ долгое „шатанье по свѣту“ не отучило его отъ польской привычки дѣлать удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.

— Я не думаю, чтобы ему грозила непосредственная опасность,—отвѣтилъ онъ на ея вопросъ о больномъ, — но онъ потребуетъ на нѣсколько времени тщательнаго ухода. Онъ былъ очень истощенъ, когда схватилъ плевритъ.

Они поговорили нѣсколько минутъ о разныхъ признакахъ болѣзни.

— Отчего онъ заболѣлъ?

— Простудился, по обыкновенію. Въ здѣшнемъ климатѣ трудно избѣжать простуды; а онъ не бережетъ себя, особенно, когда на него найдетъ угнетенное настроеніе.

— А онъ въ угнетенномъ настроеніи? Больше, чѣмъ обыкновенно?

— Да, онъ постоянно возвращается мыслью къ прошлому, которое погибло, и которое лучше не вспоминать. Вотъ почему вы можете принести ему большую пользу, если только у васъ крѣпкіе нервы. Вы принадлежите къ его будущему, а не къ его прошлому. Скажите, вы не легко теряете присутствіе духа?

— До сихъ поръ никогда въ жизни не теряла. Можетъ быть, и потеряю, если явятся важныя побудительныя причины.

Докторъ Славинскій устремилъ глаза на кожаную спину кучера, которая закрывала имъ видъ.

Послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ:

— Вы пріѣхали въ страну, гдѣ на каждомъ шагу можно наткнуться на обстоятельства, заставляющія терять

присутствіе духа. Каждую минуту можетъ случиться что-нибудь неожиданное. Помните одно: отъ васъ зависитъ, чтобы здоровье Володи поправилось и нервы его окрѣпли. Я долженъ предупредить васъ еще объ одномъ. У насъ вы можете безпрестанно натолкнуться на возмутительныя вещи. Что бы вы ни увидѣли, не плачьте и не выходите изъ себя. Здѣсь это можетъ принести одинъ только вредъ.

— Я плакала всего раза два, съ тѣхъ поръ, какъ стала взрослой, и я очень рѣдко выхожу изъ себя.

При этихъ словахъ онъ серьезно посмотрѣлъ на нее. Она была такъ поглощена мыслью о женихѣ и о признакахъ его болѣзни, что все время смотрѣла на человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ ней, исключительно, какъ на доктора; но теперь она вдругъ замѣтила, какой проницательный и критическій взглядъ устремляетъ на нее этотъ высокій господинъ; это могло бы смутить ее, если бы она не чувствовала, что этотъ взглядъ относится не лично къ ней.

— Это хорошо,—проговорилъ онъ, медленно отводя глаза въ другую сторону.—И не безпокойтесь понапрасну. Я честно предупрежу васъ, если будетъ опасность.

— Т. е. опасность для его здоровья?

— Для чего бы то ни было.

Когда они пріѣхали, больной былъ въ состояніи лихорадочнаго возбужденія, глаза его болѣзненно блестѣли, на щекахъ горѣли красныя пятна.

Опытный глазъ Оливіи сразу подмѣтилъ, что онъ чувствуетъ сильную боль и дѣлаетъ невѣроятныя усилія, чтобы скрыть ее.

Онъ сталъ увѣрять ее слабымъ, прерывающимся голосомъ, что чувствуетъ себя превосходно, и что вся его болѣзнь просто „выдумка стараго Кароля“.

— Вы знаете, когда тутъ Кароль, никто не можетъ сказать, что его собственная душа ему принадлежитъ; спорить съ нимъ все равно, что спорить съ паровымъ молотомъ. Мнѣ почему-то представилось, что я никогда больше не увижу его, и я нарочно написалъ ему, что умираю. Вчера утромъ онъ и прикатилъ, какъ есть настоящій медвѣдь, и вотъ теперь хочетъ поймать меня на словѣ. Но вы-то, вы-то пріѣхали изъ такой дали! Вы должны привыкнуть не смотрѣть такъ серьезно на мои легкія; вѣдь правда, Кароль?

Оливія оглянулась. Кароль незамѣтно вышелъ изъ комнаты, тихонько притворилъ дверь и оставилъ ихъ вдвоемъ. Владиміръ схватилъ ея руки, привлекъ ее къ себѣ и началъ неистово цѣловать, произнося прерывистыя страстныя фразы.

Она отодвинулась.

— Слушай, Володя. Если ты будешь такъ волноваться, я уйду. Я буду сидѣть подлѣ тебя, но мы не станемъ разговаривать; а если у тебя очень болитъ грудь, я тебѣ сдѣлаю согрѣвающій компрессъ.

— Ничего у меня не болитъ, дорогая, когда я тебя вижу; но все равно, если хочешь, сдѣлай мнѣ компрессъ.

Она сдѣлала все, что могло облегчить его физическія страданія, и потомъ сѣла у его кровати, держа его руку въ своей. Онъ лежалъ, сжавъ губы и крѣпко ухватившись за ея руки; видно было, что онъ сильно страдаетъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять заговорилъ быстро, не ясно, дѣлая массу вопросовъ и не ожидая отвѣта на нихъ. Температура его еще поднялась, и онъ начиналъ бредить. Она тихонько высвободила свою руку и вышла изъ комнаты поискать Кароля.

Она нашла его въ маленькой гостиной; онъ читалъ какую-то медицинскую книгу, длинныя ноги его высовывались изъ-подъ стола, одна рука была засунута въ копну рыжеватыхъ волосъ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ не особенно высокаго роста; но медленная осторожность его движеній, его большая голова и широкія плечи придавали ему иногда видъ необыкновенно огромнаго человѣка. Вся его наружность была въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ нервнымъ утонченнымъ типомъ, который она считала принадлежностью поляковъ, и это противорѣчіе бросилось ей въ глаза, несмотря на ея тревогу.

— Точно какой-то скандинавскій богъ, только не вполнѣ законченный,—мелькнуло у нея въ головѣ.

— А,—сказалъ онъ, поднимая глаза отъ книги,—я только что хотѣлъ идти звать васъ ужинать. Сейчасъ будетъ готовъ.

— Пожалуйста, зайдите посмотрѣть Володю. Мнѣ кажется, ему надобно дать что-нибудь успокоительное.

.... Когда имъ удалось, наконецъ, заставить больного уснуть, Кароль отвелъ ее въ сосѣднюю комнату, усадилъ за столъ и самъ постлалъ ей постель, пока она ужинала.

— Сегодня я буду сидѣть ночь около него,—сказалъ онъ,—а завтра вы. Служанка не ночуетъ здѣсь, но въ случаѣ надобности можно позвать жену швейцара изъ нижняго этажа. Она добрая женщина и обожаетъ Володю за то, что онъ ухаживалъ за ея ребенкомъ, когда тотъ заболѣлъ въ прошломъ году. Она все для васъ сдѣлаетъ. Прислуга придетъ завтра въ восемь часовъ и приготовитъ завтракъ.

Она скоро вошла въ ежедневную рутину ухаживанія за

больнымъ. Припадокъ острой боли прошелъ у него черезъ нѣсколько дней, но послѣ него онъ такъ утомился и ослабѣлъ, что требовалъ самаго тщательнаго ухода. Кароль прожилъ съ ними всего четыре дня. У него было много отвѣтственныхъ дѣлъ, и ему съ трудомъ удалось урваться и на короткое время. Оливіи хотѣлось какъ можно скорѣй увезти больного изъ этого нездороваго города, но Кароль совѣтовалъ ей не пускать его уѣзжать раньше трехъ недѣль, такъ какъ путешествіе будетъ для нея слишкомъ утомительно.

Рѣшено было, что онъ поѣдетъ на родину, въ старый помѣщичій домъ, въ лѣсистой и озерной мѣстности не далеко отъ истоковъ Волги. Его два брата, одинъ вдовецъ съ дѣтьми, другой холостой, жили тамъ вмѣстѣ со старой, незамужней теткой. Тетка написала Оливіи письмо, приглашая ее пріѣхать вмѣстѣ съ Владиміромъ и дать семьѣ возможность познакомиться съ ней, прежде чѣмъ она вернется въ Англію. Оливія приняла приглашеніе и отвѣтила на него, тщательно выписывая русскія буквы. Кароль тоже обѣщалъ прогостить у нихъ нѣсколько недѣль.

Въ концѣ іюля молодая дѣвушка выѣхала изъ Петербурга со своимъ выздоравливающимъ больнымъ. Онъ очень хорошо перенесъ путешествіе по желѣзной дорогѣ, но потомъ пришлось три дня трястись въ безрессорномъ экипажѣ по отвратительнымъ дорогамъ черезъ лѣса и болота, а двѣ ночи провести въ грязныхъ почтовыхъ станціяхъ, и это сильно утомило его. На пути имъ попадались жалкія деревушки; на лицахъ крестьянъ видны были слѣды болѣзни и голода, толпы нищихъ осаждали экипажъ и заунывными голосами просили милостыни; одни только дома священниковъ и кабатчиковъ носили признаки благосостоянія. Между деревнями лежали пустынные лѣса.

Кароль встрѣтилъ ихъ на полдорогѣ, и конецъ путешествія они сдѣлали вмѣстѣ. На третій день къ вечеру они подъѣхали къ озеру, окруженному густымъ сосновымъ лѣсомъ. Спугнутая стая дикихъ утокъ поднялась при ихъ приближеніи, и легкій румянецъ показался на блѣдномъ лицѣ Владиміра.

— Это наше озеро; вы сейчасъ увидите домъ. Я говорилъ вамъ, что у насъ много дичи и водяныхъ лилій; это одно, чѣмъ мы богаты.

— У васъ есть и полевыя лиліи, я видѣла много листьевъ ихъ, когда мы проѣзжали.

— Да, соловьи и полевые цвѣты это все наше достояніе, если не считать лѣса.

Глаза его съ любовью глядѣли въ темную лѣсную чащу.

— Ты слишкомъ страстенъ,—лѣниво протянулъ Кароль,— ты забываешь волковъ, медвѣдей и змѣй.

— А здѣсь много змѣй? спросила Оливія.

Кароль пожалъ плечами: —Сколько угодно, причисляя къ нимъ ростовщиковъ и кабатчиковъ. Здѣсь вы найдете тоже множество не уличенныхъ преступниковъ и идіотовъ, массу катарровъ, лихорадокъ и разныхъ болѣзней.

Владиміръ сразу вспылилъ. Защищая свою любимую, дикую родину онъ готовъ былъ поссориться съ лучшимъ другомъ. Это съ давнихъ поръ вызывало между ними споры. Для практической натуры Кароля было невыносимо видѣть, что пропадаетъ столько земли, строевого лѣса и человѣческихъ жизней. Онъ не могъ спокойно любоваться красотами природы, ему до болѣзненности хотѣлось, чтобы болота были поскорѣй осушены, лѣса вычищены и правильно вырубались, чтобы между деревнями прошли хорошія дороги. Владиміръ въ теоріи соглашался съ нимъ, но въ глубинѣ сердца онъ жалѣлъ всякаго срубленнаго дерева.

Это была вообще несчастная мѣстность и по своимъ естественнымъ условіямъ, и по свойствамъ своихъ обитателей. Полгода здѣсь стояли морозы, остальные полгода вредныя испаренія порождали болѣзни, почва плохо обрабатывалась, неурожаи превратились въ хроническіе, хищные звѣри нападали на домашній скотъ. Крѣпостной гнетъ испортилъ крестьянъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи; освобожденіе имѣло для нихъ только то значеніе, что вмѣсто помѣщиковъ и приказчиковъ ихъ стали грабить и притѣснять чиновники да ростовщики. Остальная часть немногочисленнаго населенія состояла изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ евреевъ, отбросовъ городскихъ гетто, изъ случайно заходившихъ сюда разносчиковъ-татаръ, изъ цыганъ, лошадиныхъ барышниковъ, изъ пронырливыхъ нѣмцевъ-арендаторовъ, да изъ выродившихся семей мелкопомѣстныхъ дворянъ. Эти послѣдніе, нравственно испорченные тѣмъ, что долго владѣли рабами, и раззоренные тѣмъ, что потеряли ихъ, влачили дни въ безпомощной и безпощадной праздности, столь же обездоленные, какъ ихъ прежніе крѣпостные, и почти столь же невѣжественные.

Не смотря на все это, для Владиміра его Лѣсное былъ самый прелестный уголокъ на свѣтѣ. Онъ соединялся для него со всѣми надеждами и небольшими радостями, какія онъ когда-либо зналъ. Здѣсь провелъ онъ дѣтство, мечтая сдѣлаться скульпторомъ; здѣсь, прежде чѣмъ пришли черные года, онъ робко, отъ всѣхъ таясь, пробовалъ лѣпить свои первыя вещи. Теперь у него были другія тайны и другія мечты; но онъ продолжалъ любить это мѣсто ревнивою и

горячею любовью. Все здѣсь нравилось ему; эхо, отдающееся въ глубинѣ лѣса, окруженное ивнякомъ болотце, покрытое то золотистыми ирисами, то голубыми незабудками; чистый, бѣлый снѣгъ зимой, и чистыя, бѣлыя лиліи весной; населенные призраками туманы надъ болотами и лугами; солнечные закаты, озарявшіе краснымъ свѣтомъ красные стволы сосенъ. Даже столь привлекательныя явленія природы: морозы, лихорадки, топкія болота, скрытыя подъ коварной травой; днемъ большіе ястребы, кружащіеся въ воздухѣ, ночью вой цѣлыхъ стай волковъ, — для него все это имѣло свою прелесть, какъ принадлежность его грозной и печальной, величественной и безжалостной родной земли.

Оба друга еще продолжали спорить, когда дорога свернула отъ конца озера къ холму, возвышавшемуся надъ нимъ. Аллея большихъ липъ, покрытыхъ цвѣтами, вела отъ самаго берега къ помѣщичьему дому на вершинѣ холма. Этотъ домъ, низкій, грубо выстроенный изъ бревенъ, проконопаченныхъ мхомъ, съ покосившимся крыльцомъ, съ полуразрушеннымъ балкономъ, не смотря на свою ветхость и неряшливость, носилъ признаки жалкой претензіи на какое-то барство. Онъ, казалось, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на бѣдную деревушку, ютившуюся на берегу, и гордо заявлялъ, что его обитатели въ былое время крѣпостного права могли быть неопытными, не имѣть понятія о необходимыхъ удобствахъ жизни, но были слишкомъ благородны, чтобы собственными руками сдѣлать какую-нибудь работу, которую обязаны были исполнять для нихъ ихъ рабы. Кругомъ и сзади главнаго зданія были расположены меньшія постройки, службы, которыя содѣйствовали его мишурному величію; обширное помѣщеніе для слугъ (въ прежнее время господа держали большой штатъ прислуги), кухни, баня, пекарня, ледникъ; конюшни были построены подальше для того, чтобы крики крѣпостныхъ, которыхъ тамъ наказывали, не безпокоили благородныхъ обитательницъ большого дома. То же чувство брезгливости заставило развести небольшую рощицу около отдѣльнаго флигеля, помѣщавшагося за конюшнями. Этотъ флигель, въ настоящее время приготовленный для Владиміра и Кароля, назывался прежде, „павильономъ“, и въ немъ нѣсколько поколѣній владѣльцевъ имѣнія помѣщало обыкновенно своихъ любовницъ. Такъ какъ эти любовницы были не „благородныя“ дамы, то стоны и крики раздававшіяся изъ конюшни, не могли безпокоить ихъ. Это были городскія дѣвушки,—какая-нибудь француженка-модистка или нѣмка-цирковая наѣздница,—но чаще жены или дочери крестьянъ, не смѣвшихъ противиться волѣ господина. Онѣ проводили молодые годы въ полной праздности, угощаясь дешевыми

лакомствами и толстѣя отъ этой жизни. Затѣмъ, когда появились сѣдые волосы, или когда новая красавица возбуждала чувство господина, ихъ безъ церемоніи прогоняли вонъ: пріѣзжихъ—въ городъ, своихъ крѣпостныхъ—въ людскую, гдѣ онѣ должны были проводить остатокъ дней, вынося оскорбленія и госпожи, и прочихъ слугъ. Случалось даже, что та изъ нихъ, которая не выносила покорно своей судьбы, сама подвергалась наказанію въ конюшнѣ.

Кароль указывалъ Оливіи разныя зданія и объяснялъ ихъ первоначальное назначеніе. Онъ шелъ пѣшкомъ, чтобы облегчить лошадямъ подъемъ на пригорокъ, она тоже захотѣла пройтись. Молча слушала она его; экипажъ ѣхалъ рядомъ съ ними, и она замѣчала какъ глаза больного загорались мягкимъ блескомъ при видѣ того или другого знакомаго дерева. Глядя на его выразительное, страстное лицо, она невольно думала, какая жестокая иронія судьбы сдѣлала такого тонко чувствующаго, отзывчиваго человѣка наслѣдникомъ всей этой старой гнили.

Тетка встрѣтила ихъ на ступенькахъ балкона, окруженная пятью дѣтьми, отецъ и дядя которыхъ еще не вернулись съ полевыхъ работъ. Это была добрая душа, не отличавшаяся большимъ умомъ, преданная религіознымъ обрядамъ, отлично варившая варенья и нѣжно любившая Владиміра, хотя всегда немного боявшаяся его. Въ глубинѣ ея сердца таилась горькая обида противъ „ученыхъ городскихъ друзей“, безъ которыхъ, какъ она твердо вѣрила,—ея милый Володя никогда „не попалъ бы въ бѣду“. Правительственные чиновники были въ ея глазахъ непріятныя особы, существованіе которыхъ слѣдовало переносить терпѣливо, какъ клоповъ или комаровъ, разъ Провидѣнію угодно было сотворить ихъ. Они, конечно, причиняютъ людямъ страданія, это ихъ естественное свойство; но роптать на нихъ грѣшно, а сопротивленіе имъ только увеличиваетъ зло. Она все это съ вызывающимъ видомъ объяснила Каролю, когда онъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ Лѣсное; къ ея великому удивленію, онъ очень мягко и серьезно согласился съ каждымъ ея словомъ. Она поцѣловала его въ обѣ щеки и, забывъ, что онъ полякъ, слѣдовательно католикъ, перекрестила его по православному. Послѣ этого она полюбила его наравнѣ со своими родными племянниками, хотя продолжала не довѣрять ему, какъ одному изъ ученыхъ городскихъ друзей. Противъ Оливіи всѣ ея предразсудки возставали точно иглы дикобраза. Эта дѣвушка была невѣста Владиміра, она отнимала его сердце у родственниковъ, мало того, она была иностранка, неправославная и, вѣроятно, студентка. „Студентъ“, одно изъ самыхъ бранныхъ словъ тети Сони, означало по ея понятіямъ вся-

каго, кто читалъ непонятныя книги, имѣлъ столкновенія съ полиціей и не крестился при ударахъ грома. Но всего хуже было то, что Оливія англичанка. Тетя Соня только три раза въ жизни выѣзжала изъ Лѣснаго, два раза на нѣсколько дней въ Москву и одинъ разъ въ Петербургъ, она никогда не видѣла англичанъ, и ея представленія объ англійскомъ народѣ основывались на англофобскихъ статьяхъ патріотическихъ газетъ. Она старалась мысленно представить себѣ, какова невѣста Володи: но при этомъ въ воображеніи ея мелькалъ то встрѣчавшійся ей въ глупыхъ романахъ образъ опасной сирены, завлекавшей и губившей неосторожныхъ мужчинъ, то растрепанная голова нигилистки, которую описывали реакціонные журналы, то англичанка въ очкахъ съ рыжими волосами и огромными зубами, какъ ее рисуютъ газетныя каррикатуры.

Она встрѣтила пріѣзжую холоднымъ, церемоннымъ поклономъ, который заставилъ улыбнуться присутствовавшихъ, но не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на Оливію, подумавшую просто на просто, что старушка застѣнчива съ чужими. Позже вечеромъ, когда братья Владиміра уже вернулись съ поля, а дѣти ушли спать, безконечная болтовня тети Сони была неожиданно прервана мягко но рѣшительно сказанными словами: — Теперь тебѣ пора ложиться спать, Володя.

— Какъ, не поужинавъ?—вскричала тетушка;—да я еще почти и не видала его, а мужчины только сію минуту пришли; ему еще рано ложиться.

— Мнѣ жалко, — отвѣчала Оливія ломанымъ русскимъ языкомъ,—но я имѣю приказанія доктора Славинскаго.

Она, повидимому, была убѣждена, что никто не посмѣетъ возражать противъ этого авторитета. И дѣйствительно, всѣ покорились и безпомощно глядѣли, какъ она устраиваетъ комнату больного, уноситъ прочь приготовленный для него ужинъ, и заставила его съѣсть то, что сама принесла ему.

— А теперь надо оставить его въ покоѣ,—сказала она и всѣ безропотно вышли изъ комнаты.

Кароль въ это время сидѣлъ съ папиросой во рту на балконѣ большого дома. Онъ свободно могъ наслаждаться видомъ и запахомъ липъ, зная, что его присутствія въ домѣ не требуется. На Оливію можно положиться: она сумѣетъ отстоять его предписанія отъ цѣлой толпы разсерженныхъ тетушекъ и братцевъ.

— Она очень... властолюбива, какъ вы находите?—спросила тетя Соня, выходя на балконъ; тревожная складка залегла у ней между бровей.—Но у нея, кажется, спокойный характеръ. Какъ вы думаете, будетъ съ ней Володя счаст-

ливъ? Господь Богъ долженъ бы послать ему хоть немножко счастья, а впрочемъ, я, можетъ быть, грѣшу, что такъ говорю...—она перекрестилась и вздохнула.

Кароль вынулъ папиросу изо рта и выпустилъ струйку дыма.

— Это хорошая дѣвушка,—проговорилъ онъ неторопливо своимъ глубокимъ голосомъ.— Не безпокойтесь, тетушка, она вполнѣ порядочная дѣвушка.

Со стороны Кароля это была большая похвала, и старушка успокоилась. Она сѣла рядомъ съ нимъ и прислушивалась къ шелесту вѣтвей, пока сзади нихъ не раздался голосъ Оливіи:

— Докторъ, Володя хочетъ поговорить съ вами.

Кароль всталъ и вошелъ въ домъ. Тетя Соня оглянулась и увидѣла, что молодая дѣвушка стоитъ подлѣ нея спокойная и серьезная, при свѣтѣ лампы, падавшемъ черезъ окна на ея лице и волосы.

— Моя милая,—не смѣло начала тетя Соня и остановилась. Оливія повернула голову.

— Вамъ холодно? Позвольте принести вамъ шаль?

Тетя Соня не знала, что сказать. Она чувствовала себя обиженной и не понимала, чѣмъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она, вставая;—я пойду въ комнаты. О, вы очень добры, благодарю васъ.

Она сухо поклонилась, когда Оливія открыла передъ ней стеклянную дверь балкона; но затѣмъ по какому-то внезапному побужденію, стала на ципочки и поцѣловала высокую дѣвушку въ щеку.

Когда Кароль черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на балконъ, Оливія стояла тамъ одна. Глаза ея были устремлены на темную кущу липъ. Кароль молчалъ нѣсколько минутъ и затѣмъ заговорилъ, какъ будто продолжая какой-то раньше начатый разговоръ:—Во всякомъ случаѣ, вы напрасно такъ тревожитесь,—сказалъ онъ,—онъ просто немного усталъ съ дороги. Что касается нравственной неустойчивости и грубости его предковъ, то она только показываетъ, изъ какой обстановки ему приходилось выбиваться.

Напряженное выраженіе сбѣжало съ лица дѣвушки. Она начала привыкать къ манерѣ Кароля угадывать ея мысли и отвѣчать на нихъ; ей было пріятно, что среди этой новой, смущавшей ее обстановки находится человѣкъ, который понимаетъ ее въ тѣ минуты, когда она сама себя не понимала.

«Что думаетъ деревня?»

I.

Политическія настроенія деревни поддаются формулировкѣ и опредѣленію гораздо труднѣе, чѣмъ ея соціальныя вѣрованія и надежды. Малоземельное большинство русскаго крестьянства надѣется на передачу всѣхъ земель въ руки «всѣхъ трудящихся на землѣ въ потѣ лица» и вѣруетъ въ необходимость упраздненія частной земельной собственности и перехода земли въ собственность болѣе или менѣе крупныхъ общественныхъ единицъ: таковъ выводъ, таково впечатлѣніе отъ непосредственнаго знакомства съ русской деревней. Суммировать въ подобной же формулѣ политическія убѣжденія русскаго крестьянства не представляется возможнымъ: они не вылились въ одно общее русло, хотя несомнѣнно, что взаимносталкивающіеся политическіе (въ широкомъ смыслѣ) взгляды различныхъ представителей деревни иногда являются вполнѣ родственными другъ другу по существу. Характернымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто на большомъ крестьянскомъ собраніи 13-го ноября 1905 г. въ селѣ *Лобцовѣ*: въ концѣ собранія возгорѣлся жестокій споръ между однимъ «сознательнымъ» крестьяниномъ и однимъ изъ наиболѣе ярыхъ представителей мѣстной «черной сотни» (какъ ни неудачно это названіе, но оно пустило корни въ деревнѣ). Черносотенецъ съ ругательствами напалъ на «сознательнаго», крича во весь голосъ: «нешто это можно такъ? Что вы о себѣ думаете? Бога не почитаете, царя не признаете!.. Да какъ это возможно, чтобы противъ начальства идти!?. Развѣ не слыхалъ: нѣсть власть аще не отъ Бога!..»—«Сознательный» вразумлялъ хладнокровно: «да пойми ты, голова съ затылкомъ—никто противъ Бога не идетъ... Мы тутъ о земскихъ толкуемъ (т. е. о земскихъ начальникахъ. *И.-Р.*), а ты о Богѣ»... Черносотенецъ сразу понизилъ тонъ и возразилъ съ нѣкоторой обидой въ голосѣ: «О земскихъ!... Будто я за земскихъ!.. Да дай Господи (тутъ онъ перекрестился),—пропади они всѣ до послѣдняго»!..—На этой почвѣ сошлись всѣ, и въ 5-й пунктъ составлявшагося въ этомъ собраніи сельскаго приговора было внесено: «желаемъ также, чтобы прекратили земскихъ начальниковъ: намъ, крестьянамъ, они ни къ

чему»... И подъ этимъ приговоромъ однимъ изъ первыхъ подписался воинственный черносотенецъ... Подобный случай—не единичный; мы укажемъ ниже, какъ часто приходили къ внутреннему соглашенію, несмотря на внѣшнее разногласіе, представители различныхъ политическихъ партій въ деревнѣ.

Однако внѣшнее разногласіе — неоспоримо. Особенно рѣзко проявлялось оно на крестьянскихъ собраніяхъ, когда отъ обсужденія земельнаго вопроса переходили къ разговорамъ на политическія темы. Пока обсуждался вопросъ о землѣ, — громадное большинство собранія всегда было единодушно въ своемъ требованіи перехода всѣхъ земель въ руки земледѣльцевъ, на началахъ уравнительнаго землепользованія; отдѣльные голоса кулаковъ и крестьянъ-собственниковъ дружно заглушались собраніемъ. Но лишь только вопросъ касался «политики», — голоса сейчасъ же раскалывались, образовывались партіи, иногда начинались пререканія, вродѣ описаннаго выше. Этимъ всегда пользовались тѣ немногочисленные богатѣи и собственники, для которыхъ самый фактъ крестьянскихъ собраній былъ бѣльмомъ на глазу, они старались всегда возбуждать разговоры на «острыя» темы, разсчитывая этимъ привлечь собраніе на свою сторону и дискредитировать группу «сознательныхъ» крестьянъ. Иногда бывало такъ: во время рѣчи «сознательнаго» о землѣ, о прирѣзкѣ, о передѣлахъ и т. п., изъ заднихъ рядовъ толпы вдругъ раздавался враждебный голосъ: «буде паутину-то на глаза налѣплять!.. Ты лучше вотъ что скажи: нуженъ царь, али вы, головы, и безъ него обойдетесь?..» Или: «про землю-то ты куды какъ хорошо баешь! А самъ-то ты въ церкву ходишь, аль нѣтъ?..» — и т. п. «возраженія», построенныя по формулѣ: въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько.

Какъ бы то ни было, но существованіе въ русской деревнѣ достаточно ярко обозначенныхъ политическихъ партій — фактъ, не подлежащій спору; надо только имѣть въ виду, что къ этимъ партіямъ совершенно не приложимы наши обычныя политическія рубрики и трафаретки. Конечно, есть единичные крестьяне, вполнѣ убѣжденно примыкающіе къ партіямъ с.-р., с.-д., к.-д., есть одинокіе представители партіи «Царь и народъ» (особенно изъ крупныхъ кулаковъ), но вся широкая масса крестьянства стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ подобныхъ партійныхъ подраздѣленій. Мнѣ уже случалось указывать, что соціальная программа либеральныхъ партій (не говоря уже о партіяхъ болѣе правыхъ) настолько же не удовлетворяетъ большинство крестьянства, насколько и политическая программа лѣвыхъ партій: крестьяне «переросли» первую и «не доросли» до второй; они остановились посрединѣ и ищутъ чего-то средняго между «картузомъ» и «шляпой», между программами партій с.-р. и к.-д., такъ что сама жизнь выдвигаетъ въ настоящую минуту въ деревнѣ, казалось бы, фактически невозможную партію «к.-с.». Во всякомъ случаѣ въ настоящій историческій моментъ

только формулой «к.-с.» можно хоть съ нѣкоторой степенью приближенія опредѣлить доминирующее настроеніе русской деревни; болѣе точное представленіе можно составить только послѣ детальнаго знакомства съ отдѣльными представителями разныхъ группъ крестьянства.

Дифференціація по политическимъ партіямъ чаще всего зависитъ въ деревнѣ отъ различія формъ экономическихъ отношеній, это—наиболѣе общій случай. Конечно, бываетъ и иначе: иногда и малоземельный, «подкабальный» крестьянинъ является убѣжденнымъ и рьянымъ черносотенцемъ, а иногда и крестьянинъ крупный собственникъ оказывается дѣятельнымъ членомъ крайнихъ лѣвыхъ партій; извѣстно, однако, что исключенія только подтверждаютъ правило. Въ данномъ случаѣ правиломъ можетъ считаться то явленіе, что почти всѣ кулаки, всѣ крупные собственники-крестьяне образуютъ собою ядро «крайней правой» въ русской деревнѣ, нарушая этимъ тотъ выводъ покойнаго ортодоксальнаго марксизма, согласно которому деревенскій «кулакъ» есть и экономически, и политически прогрессивное явленіе въ русской деревнѣ. Деревенскій кабатчикъ и кулакъ — писалъ г. Струве уже въ концѣ 90-хъ годовъ — представляетъ изъ себя «высшій типъ человѣческой личности, личности, которая ставитъ вопросъ о своихъ правахъ и мучится ихъ непризнаніемъ»... Въ настоящее время сама жизнь наглядно показала, насколько противоположно истинѣ подобное утвержденіе... Если вы въ разгарѣ крестьянскаго собранія, въ серединѣ рѣчи оратора о крестьянскомъ безправіи и о необходимыхъ правахъ, слышали вдругъ изъ толпы голосъ: «никакихъ намъ правовъ не нужно! Жили, слава тебѣ Господи, и никакихъ тамъ свободъ не знали!» — то могли быть увѣрены, что это голосъ «высшаго типа человѣческой личности», кулака. И надо было видѣть, какой взрывъ негодованія возбуждалъ такой голосъ въ толпѣ слушателей! «Отростилъ пузо, такъ и безъ правовъ проживешь!..» «Это ты, толстоумъ, жилъ слава тебѣ Господи, а мы такъ жили— не дай Господи!..» «Насосалъ, Іуда, мошну, такъ и Божьей правды понять не можетъ» и т. п. Чаще всего кончалось тѣмъ, что высмѣянный и изруганный высшій типъ человѣческой личности удалялся изъ собранія подъ градомъ насмѣшекъ, заявляя: «собрались тутъ, бунтовщики! А вотъ ужо исправникъ вамъ покажетъ, какія вамъ права нужны»... Но такой аргументъ потерялъ по нынѣшнимъ временамъ всякое обаяніе, ибо и становой, и исправникъ держатъ себя передъ крестьянами нашего медвѣжьяго угла тише воды и ниже травы...

Итакъ, политическую дифференціацію въ деревнѣ (конечно, не только въ деревнѣ) опредѣляетъ различіе формъ экономическихъ отношеній. Чтобы покончить съ группой «крайнихъ правыхъ», мы познакомимъ читателя съ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ представителей деревенскаго черносотеннаго движнія. «Яковъ Ивано-

вичъ» изъ Холодихи—старикъ-крестьянинъ, крупный собственникъ, скупившій мало по малу въ округѣ до 1000 дес. земли и лѣса; уже много лѣтъ - гласный отъ крестьянъ въ земствѣ, подающій голосъ всегда за то, за что подало голосъ начальство: земскій начальникъ, предводитель дворянства. Въ своей округѣ пользуется почетомъ («а ты попробуй, не почти его!»—ядовито замѣчаютъ крестьяне) и держитъ въ рукахъ всю крестьянскую бѣдноту. Такъ бы дѣло продолжалось и дальше, и Яковъ Ивановичъ продолжалъ бы олицетворять собою «высшій типъ человѣческой личности», если бы не событія послѣдняго времени. Мирное и благоденственное житіе Якова Ивановича прекратилось. «Теперь мы его каждую недѣлю допекаемъ—разсказывалъ на одномъ собраніи со смѣхомъ крестьянинъ:—послѣ обѣдни сидитъ онъ въ чайной, брюхо полощетъ, а мы ему: «Яковъ Ивановичъ! А въ газетѣ пишутъ—крестьянству прирѣзка земли будетъ»...—такъ и позеленѣетъ! «Яковъ Ивановичъ! А слышно, всю помѣщичью землю намъ на дѣлежку отдадутъ»!..—такъ и затрясется весь! Только и хрипитъ: «а вотъ постойте!.. Я вотъ ужо вамъ... прирѣжу! Я вотъ вамъ... отдамъ!..»—Потѣха!...»—Яковъ Ивановичъ рѣшилъ дѣйствовать и задолго до петербургскихъ черносотенцевъ устроилъ въ деревнѣ своеобразное «общество борьбы съ анархіей»: онъ завелъ тѣсныя сношенія съ мѣстной полиціей и началъ организовывать черносотенную «боевую дружину». Дружина эта образовывалась изъ малоземельныхъ, «подкабальныхъ» крестьянъ, всецѣло находящихся во власти кулака. Онъ ихъ спаивалъ водкой и держалъ къ нимъ подобающія рѣчи. Его idée fixe была слѣдующая: во многихъ (почти во всѣхъ) окрестныхъ деревняхъ идутъ разныя собранія, а вотъ въ *моей* округѣ, въ селѣ Бережкѣ,—не допущу ни одного!—Въ началѣ ноября «сознательными» крестьянами нарочно былъ созванъ большой митингъ именно въ селѣ Бережкѣ (6 ноября)—отчасти съ цѣлью подсчета силъ, а отчасти просто—«надо ему спѣси пособить»... Митингъ вышелъ чрезвычайно содержательный и удачный, черная сотня безмолвствовала и не показывалась, а нѣкоторые изъ ея членовъ стояли въ толпѣ и жадно, съ интересомъ вслушивались въ рѣчи ораторовъ. Одинъ изъ такихъ подневольныхъ черносотенцевъ горько жаловался послѣ собранія, что кулаки «мутятъ» народъ и велятъ стоять «за неправое дѣло»... «Ну, какъ ты тутъ противъ него пойдешь?.. я вѣдь у него и пашню покупаю (т. е. арендую), и лѣсъ-грабельникъ беру, и должокъ за мной есть»...

И такой случай—типичный, характерный. Съ одной стороны—черносотенникъ кулакъ, собирающій вокругъ себя «дружину»; съ другой стороны—члены этой дружины, черносотеники или поневолѣ, или по недоразумѣнію; послѣдніе составляютъ большинство, и мы о нихъ еще скажемъ ниже, а теперь два слова еще объ одномъ типѣ—типѣ черносотенника по неразумію. Такихъ немного, но они есть; это такъ называемые «брехуны» или «глиняныя головы».

Одинъ изъ такихъ «брехуновъ» случайно попалъ на небольшое собраніе (человѣкъ въ сорокъ) «сознательныхъ» крестьянъ и трехъ представителей интеллигенціи; одинъ изъ интеллигентовъ въ своей рѣчи проводилъ параллель между бюджетной росписью Франціи и Россіи (расходы на народное просвѣщеніе, на полицію, на дворъ въ Россіи и Франціи и т. п.). Послушавъ двухъ-трехъ ораторовъ, Артемій Петровъ («брехунъ» изъ села Глумова) заявилъ: «Не хорошо вы говорите, православные! Что тамъ Франція, да Франція! А я такъ думаю: коли ты мужикъ—такъ и терпи, такая ужъ твоя линія»... Онъ поспѣшно покинулъ собраніе и сейчасъ же поѣхалъ съ доносомъ по начальству; когда начальство допытывалось, о чемъ же говорятъ на собраніи, то «брехунъ» чистосердечно отвѣтилъ: «хоть убей, не понялъ, ваше благородіе! Только и слышалъ, только и понялъ—Франція, да Франція, а къ чему она—это мнѣ неизвѣстно!..» Однако это не помѣшало Артемію Петрову въ ближайшій базарный день вести черносотенную пропаганду въ такомъ стилѣ: «былъ я, православные, у помѣщика (имя рекъ) на собраніи... Батюшки мои, чего только не говорили! Бога не надо, царя, слышь, не надо!.. Потомъ гляжу—на столѣ листъ лежитъ, и стали всѣ подъ имъ подписываться; кто подпишется—тому «онъ» сейчасъ три рубля—на, получай! Приступили ко мнѣ: подпишись!—Не могу!—Подпишись, три рубля въ руки, а не подпишешься, такъ мы тебѣ сейчасъ забастовку сдѣлаемъ!.. И какъ начали они меня бить, какъ начали бить... братцы мои! Чуть я вырвался, чуть убѣгъ, да версты двѣ бѣжалъ, что есть духу!..» и т. д., въ такомъ же родѣ. Хотя репутація «брехуновъ» въ народѣ твердо установлена, однако такого рода разсказы всегда сильно вліяютъ на толпу; хорошо еще, что на этотъ разъ въ толпѣ случайно оказался одинъ изъ участниковъ того же собранія, который смутилъ «брехуна» и вывелъ его на чистую воду. Впрочемъ, Артемій Петровъ смутился только на одну минуту и тотчасъ же храбро возразилъ: «небось три рубля взялъ, такъ и радъ паутину на глаза налѣплять... забастовщикъ!..» *)

Артеміи Петровы—неоцѣнимые союзники Якововъ Ивановичей, но вліяніе ихъ сразу же свелось къ нулю, лишь только митинги и собранія стали въ нашемъ глухомъ углу частымъ явленіемъ: крестьяне тысячами перебывали на митингахъ и сами потомъ обрывали «брехуновъ», всегда сообщавшихъ нѣчто сенсаціонное («Зоветъ «онъ» меня и говоритъ: подпишись подъ краснымъ флагомъ (!)—

---

*) Кстати сказать, слово „забастовка" имѣетъ въ широкой массѣ крестьянства совершенно своеобразное значеніе. Сдѣлать кому-нибудь забастовку—значитъ побить и отнять деньги или имущество. Напримѣръ, требуя у одной помѣщицы, чтобы она продала землю имъ, крестьяне предупреждали: „смотри, продай намъ! продашь другимъ—такъ сдѣлаемъ тебѣ забастовку: пріѣдемъ, весь лѣсъ вырубимъ, а усадьбу въ щепки разнесемъ".

дамъ лѣсу на ригу»; или: «у «него» сорокъ забастовщиковъ изъ Москвы пріѣхали, съ ружьями въ лѣсу сидятъ!» и т. п.) Яковы Ивановичи—немногочисленны, Артеміи Петровы—не опасны; но, кромѣ нихъ, въ «черной сотнѣ» есть люди по явному недоразумѣнію, по «темнотѣ». Такихъ много—и это, быть можетъ, самый симпатичный и самый цѣнный, послѣ «сознательныхъ», классъ крестьянъ. На каждомъ митингѣ, на каждомъ собраніи можно было ждать столкновенія съ черносотенцемъ «по темнотѣ» на почвѣ политическихъ вопросовъ; поводовъ къ столкновенію всегда было достаточно, а основной причиной его являлась враждебная недовѣрчивость многихъ крестьянъ къ дѣятелямъ изъ мѣстной дворянской интеллигенціи. Самъ «онъ»—помѣщикъ, землевладѣлецъ—и вдругъ стоитъ за крестьянскіе интересы, говоритъ о необходимости перехода всѣхъ земель въ руки трудящихся и т. п.—что-то не ладно! нѣтъ ли здѣсь подвоха? Такова, несомнѣнно, была точка зрѣнія многихъ крестьянъ, особенно на первыхъ митингахъ и собраніяхъ; когда дѣло доходило до составленія приговора, то такіе крестьяне упорно взвѣшивали каждое слово, боясь попасть въ просакъ. Характерный случай имѣлъ мѣсто на крестьянскомъ собраніи 13-го ноября въ селѣ *Лобцовѣ*, при окончательномъ редактированіи составлявшагося сельскаго приговора. Въ приговорѣ этомъ, весьма радикальномъ по соціальной программѣ, на первомъ мѣстѣ стояло требованіе конституціонной монархіи: «чтобы царь правилъ Россіей безъ чиновничества, а съ выборнымъ народнымъ собраніемъ»... Сначала первымъ пунктомъ была выставлена «неприкосновенность личности государя», но такая формулировка вызвала протестъ группы «черносотенцевъ по недоразумѣнію»:—«темно сказано! что тамъ за неприкосновенность? Быть можетъ, это значитъ: стой себѣ, царь, тамъ, въ сторонкѣ, и ни до какихъ дѣлъ не прикасайся»!.. Однако эти же самые «крайніе правые» крестьяне стали рядомъ съ «сознательными» во главѣ крестьянскаго движенія, всколыхнувшаго осенью 1905 г. весь Юрьевскій уѣздъ Владимірской губерніи (крестьяне всего уѣзда силой вынудили мѣстную администрацію къ возврату около 200.000 р. продовольственныхъ суммъ). Эти-же самые крестьяне недѣли двѣ спустя обратились къ пишущему эти строки съ вопросомъ: платить ли выкупные платежи послѣ манифеста 3-го ноября 1905 г.—и на встрѣчный вопросъ, какъ правильнѣе по ихъ мнѣнію въ данномъ случаѣ поступить?—отвѣчали: «а мы такъ думаемъ: подождемъ, что скажетъ земская дума—надо платить, нѣтъ ли... А то что же этакъ зря платить! Не мало ужъ нами переплачено»!..

Конечно, причислять такихъ крестьянъ къ представителямъ «черной сотни»—можно только по недоразумѣнію, подобно тому, какъ и сами они лишь по недоразумѣнію поддерживаютъ иногда черносотенную агитацію «брехуновъ» и кулаковъ. Отъ послѣднихъ они чаще всего зависятъ экономически—и въ этомъ крупная сила

партіи кулаковъ, но, съ другой стороны, эта экономическая зависимость—главный козырь противъ кулаковъ въ рукахъ «сознательныхъ» крестьянъ: если отъ кулаковъ населеніе зависитъ, то кулаковъ же оно и ненавидитъ. Это выясняетъ неизбѣжность быстраго перехода этой части крестьянства изъ крайней правой въ крайнюю лѣвую партію, лишь только мало-по-малу разсѣется та «темнота», которая цѣлыми десятилѣтіями искусственно задерживалась въ деревнѣ. Нѣсколько поразительныхъ эпизодовъ такого быстраго перехода удалось видѣть и автору этой статьи. На одно крестьянское собраніе явился такой «черносотенецъ по недоразумѣнію», дядя Григорій изъ *Лобцова*, со спеціальной цѣлью устроить скандалъ (а если удастся, то и избіеніе) бывшему на собраніи интеллигенту. Въ началѣ собранія онъ подавалъ враждебныя реплики, потомъ замолчалъ и сталъ вслушиваться въ рѣчи. Послѣ конца собранія онъ подписался подъ приговоромъ и заявилъ, обращаясь къ интеллигенту: «Я такъ на тебя смотрю: ты—ровно апостолъ Христовъ, ходишь и учишь, себя не жалѣя»... И теперь этотъ дядя Григорій—уже представитель крайней лѣвой въ своей деревнѣ...

III.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ характеристика «черной сотни» въ русской деревнѣ. Что касается «сознательныхъ» крестьянъ, то они образуютъ небольшую (въ нашемъ медвѣжьемъ углу), но сплоченную группу; они заводятъ другъ съ другомъ дѣятельныя знакомства, посылаютъ ходоковъ по всему уѣзду и даже въ другія губерніи, являются энергичными устроителями мѣстныхъ отдѣленій крестьянскаго союза. Не характеризуя эту группу вообщее, мы познакомимъ читателей съ нѣкоторыми наиболѣе типичными изъ ея членовъ.

Вотъ крестьянинъ Селезневъ; это типъ *ходока*. Онъ уполномоченъ отъ общества посѣщать всякія собранія и митинги, а потомъ «докладывать» міру о результатахъ; дѣйствительно, онъ былъ неутомимъ въ качествѣ ходока: бросалъ самыя неотложныя домашнія работы, лишь только узнавалъ, что за 30 за 40 верстъ назначено собраніе; однажды отправился даже въ губернскій городъ (Владиміръ), за 70 верстъ, чтобы присутствовать на собраніи интеллигенціи и рабочихъ и выслушать рефератъ г. Милюкова. Мы уже имѣли случай разсказать о его губернскихъ впечатлѣніяхъ (см. «Современность», апрѣль, с. 52)... Взглядовъ своихъ онъ никогда не скрывалъ и постоянно былъ въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ съ мѣстной администраціей.

Діаметрально противоположный типъ—крестьянинъ Никульской волости, села Слѣпцово, Никонъ Θедоровъ. Это горячій и энергичный дѣятель, умѣлый пропагандистъ, выбранный отъ своего обще-

ства уполномоченнымъ на съѣздъ крестьянскаго союза; но въ то же время человѣкъ крайне осторожный и, что называется, «себѣ на-умѣ». Арестованный въ декабрѣ 1905 г., на допросѣ онъ велъ себя артистически, разыгрывая роль простака; на вопросъ жандарма: «есть у тебя нелегальная литература?»—онъ съ простодушнымъ видомъ освѣдомился: «а съ чѣмъ ее хлебаютъ?..» Съ такой тупицей нечего было тратить много времени; alibi Ѳедорова было признано доказаннымъ, и самъ онъ мирно отпущенъ домой.

Третій, крайне интересный типъ—крестьянина-философа; таковъ, напримѣръ, крестьянинъ Паршинской волости, деревни Кусаково—Семенъ Пожаровъ. Онъ «своимъ умомъ» дошелъ до построенія цѣлой соціально-политической системы, о которой какъ-нибудь впослѣдствіи; онъ крайне остороженъ въ пропагандѣ своихъ идей, чаще всего улучаетъ случай побесѣдовать съ глазу на глазъ съ какимъ-нибудь изъ «темныхъ» крестьянъ. Способъ его убѣжденія и доводовъ—характерный пріемъ наведенія собесѣдника. Мнѣ лично пришлось не разъ присутствовать при интересныхъ діалогахъ Пожарова съ кѣмъ-нибудь изъ «черносотенцевъ», напримѣръ, въ такомъ родѣ:

— Вотъ скажи, милый человѣкъ, на сколько старшину мы выбираемъ? На три года, такъ?

— Вѣстимо такъ!.. Ну что-жъ?

— А что, кабы его на всю евонную жизнь старшиной поставить, на дожитіе?

— Вотъ такъ сказалъ! Очумѣлъ, дядя Семенъ? Посади его, идола, себѣ на шею, потомъ и не развяжешься! Что ты! Теперь его черезъ три года—къ подсчету! иди-ка міру на расправу! Кабы не это, такъ...

— Да ты постой, къ чему я дѣло клоню, ты слушай. Ну, а кабы его посадить въ старшины навѣки нерушимо, чтобы, значитъ, и онъ старшиной былъ, и сынъ его, апосля чтобъ внуки?..

Тутъ собесѣдникъ раскрываетъ ротъ и выпучиваетъ глаза: настолько гипотеза кажется ему возмутительной и непріемлемой. Чуть не задохнувшись отъ негодованія, онъ, наконецъ, иронически произноситъ:

— Ну, и вывезъ же!.. Ежели-бъ да такъ—то чистая петля всей нашей вотчинѣ была бы!.. Да ты къ чему ведешь? Къ чему клонишь? Ну?

— То-то что «ну!» Вотъ только къ этому и велъ.—И Пожаровъ медленно поворачивается и уходитъ... Послѣ одного изъ такихъ разговоровъ собесѣдникъ Пожарова сказалъ мнѣ, посмѣиваясь въ бороду и почесывая въ затылкѣ: «да-а, ужъ дядя Семенъ вывезетъ! Такое саданетъ, что и попу на духу потомъ не скажешь!.. Башковатый мужикъ!..»—Въ настоящее время Пожаровъ, арестованный въ концѣ 1905 г., сидитъ во владимірской тюрьмѣ.

—

Еще одинъ и послѣдній типъ, типъ представителя деревенской молодежи—крестьянинъ Молодшевъ. Это—олицетворенный порывъ. Когда онъ слышитъ или читаетъ о какомъ-либо вопіющемъ фактѣ насилія, несправедливости, то весь начинаетъ дрожать мелкой дрожью и произноситъ: «Эхъ! Такъ вотъ дай мнѣ только въ руки ножикъ, н-ну—ужъ я бы имъ»... Когда въ серединѣ октября я читалъ ему о смерти студента Бибалатури, убитаго въ Петербургѣ солдатскими пулями 18 октября 1905 г. во время рѣчи къ народу, то онъ заплакалъ, всталъ, перекрестился на икону и сказалъ: «Дай имъ Господи... мученикамъ народнымъ!..» И сейчасъ же прибавилъ другимъ тономъ: «Н-ну, постойте же!..» За послѣднее время сталъ писать небольшія статейки («душу этимъ отвожу»), подписываясь подъ ними характернымъ псевдонимомъ: «*Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ*»; нѣкоторыя изъ этихъ статей будутъ приведены ниже. Ненависть къ правительству, къ «бюрократіи», доходитъ у такихъ «молодыхъ, не вытерпѣвшихъ крестьянъ» до крайняго предѣла; недовѣріе ихъ къ нему еще болѣе велико. Такъ, напримѣръ, этотъ Молодшевъ (начитанный и передовой крестьянинъ) твердо убѣжденъ до сихъ поръ—и переубѣдить его въ этомъ нѣтъ возможности—что освобожденіе крестьянъ—дѣло Англіи и Франціи; еще до крымской войны Франція и Англія обратились къ русскому правительству «съ приказаніемъ»—освободить народъ изъ рабства; императоръ Николай Павловичъ не захотѣлъ; тогда объявили ему войну, разбили, а наслѣдникъ его обязался, при заключеніи мира, уничтожить крѣпостное право...

IV.

Какъ бы ни были, однако, разнообразны типы «сознательныхъ» крестьянъ, но въ общемъ вся эта группа лѣвой партіи въ русской деревнѣ является сплоченной и цѣльной, во всякомъ случаѣ болѣе цѣльной, чѣмъ разношерстная «черная сотня». Общее же положеніе дѣлъ, общая диспозиція въ существенныхъ чертахъ такова: на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—«сознательные», небольшая, но яркая и цѣльная группа; на крайнемъ правомъ флангѣ—состоящая изъ мѣстныхъ богатѣевъ «черная сотня», къ которой отчасти по принужденію, отчасти по недоразумѣнію примыкаетъ нѣкоторая часть крестьянства. Въ центрѣ—громадная масса «темнаго» люда, безусловно склоняющагося налѣво по соціальнымъ вопросамъ и легко подающагося направо по вопросамъ политическимъ. Изъ-за вліянія на этотъ «центръ» и ведется ожесточенная борьба между лѣвой и правой партіями нашей деревни; могучимъ средствомъ такого вліянія были многочисленные митинги и собранія осенью 1905 г., когда въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ нашемъ глухомъ углу состоялось въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько

десятковъ собраній, на которыхъ бывало иногда до 1.500 народа. Эти «митинги» (какъ ихъ называли крестьяне) представляли изъ себя нѣчто настолько характерное и своеобразное, что, пожалуй, небезынтересно будетъ остановиться нѣсколько на ихъ описаніи.

Пишущему эти строки уже приходилось отмѣчать, что въ большинствѣ случаевъ деревенскія собранія устраивались сами собою, въ первое время — совершенно. Но достаточно было случиться двумъ-тремъ первымъ собраніямъ, чтобы слѣдующія стали возникать, какъ грибы послѣ дождя: тутъ играло роль и соревнованіе отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ. «Чѣмъ мы хуже скомовскихъ? Вонъ они какой митингъ сработали!..» И на томъ же митингѣ въ селѣ Скомовѣ назначались сразу три-четыре слѣдующихъ собранія, иногда въ совершенно разныхъ частяхъ уѣзда; ораторовъ, «сознательныхъ» и двухъ-трехъ бывавшихъ на собраніяхъ интеллигентовъ, разрывали на части: «Нѣтъ, ужъ ты насъ не обидь: былъ у скомовскихъ, пріѣзжай и къ намъ въ Городище!..» «Сдѣлай милость, пріѣзжай къ намъ въ Паршу — ужъ мы за тобой и лошадку пришлемъ» и т. д. И за нѣсколько дней до собранія вся округа широко оповѣщалась; приходили и пріѣзжали на него иногда за 20 — 25 в.; на митинги въ уѣздномъ городѣ пріѣзжали крестьяне со всего уѣзда. За ораторами, партійными крестьянами и за немногими интеллигентами деревня, устраивавшая собраніе, посылала лошадей.

Чаще всего народъ собирался къ полудню (вечернія собранія были рѣдки и не многочисленны); если народу оказывалось мало, человѣкъ 100 — 150, то собраніе происходило въ самой большой («девятиаршинной») избѣ. Въ «красный уголъ» сажали гостей и ораторовъ, остальные нагромождались живой горой на скамьи, на печь, на палати, садились на полъ, на брусы подъ потолкомъ... Если—что было чаще всего — народу собиралось человѣкъ 400 — 600, то митингъ происходилъ посрединѣ села, около церкви, причемъ для ораторовъ доставали бочку или розвальни, служившія трибуной...

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, и на собраніи, и на митингѣ, прежде всего обыкновенно избирался предсѣдатель (такъ случайно вышло на первомъ собраніи, а потомъ стало непреложнымъ закономъ и для слѣдующихъ собраній). Нужно удивляться, до какой степени быстро крестьяне усвоили себѣ смыслъ и значеніе выбора предсѣдателя, соблюдали строгую очередь въ рѣчахъ и полнѣйшій порядокъ; еще болѣе удивительно, какъ быстро поняли свое значеніе и сами г-да предсѣдатели: уже на одномъ изъ первыхъ собраній 22-го октября 1905 г., выбранный предсѣдатель изъ рядовыхъ крестьянинъ открылъ собраніе толковой внушительной рѣчью и закончилъ его краткимъ резюме всего сказаннаго на собраніи. Вообще говоря, собранія проходили удивительно стройно и тол-

ково; сами крестьяне замѣчали: «вонъ оно что значитъ дѣло божеское, душевное! Погляди, на сходѣ-то у насъ—Господи Ты Боже мой, толку не добьешься, порядковъ никакихъ нѣтъ!..» Къ этимъ собраніямъ и митингамъ крестьяне относились прямо-таки благоговѣйно: стоило только посмотрѣть на эту напряженно слушающую толпу, иногда вдругъ прорывающуюся въ одномъ общемъ чувствѣ, стоило прислушаться къ отдѣльнымъ фразамъ изъ толпы, чтобы сразу выяснить общее настроеніе этой иногда многосотенной массы. Очевидно было, что этихъ людей всецѣло захватывали произносившіяся самими же рядовыми крестьянами рѣчи; они слушали, затаивъ дыханіе, боясь пропустить хоть одно слово... Однажды митингъ 6-го ноября въ селѣ Бережкѣ—митингъ происходилъ около церкви и на немъ присутствовало около 500 чел.—былъ прерванъ шумнымъ пріѣздомъ трехъ свадебныхъ поѣздовъ; для деревни это—цѣлое событіе, и, однако, ни одинъ изъ участниковъ митинга не покинулъ его ради интереснаго зрѣлища. Въ другой разъ на собраніе попалъ добродушный, подвыпившій мужичекъ, получившій немедленное же внушеніе отъ возмущенныхъ участниковъ митинга: «тутъ дѣло душевное, божеское, а ты съ казенкой въ карманѣ!.. Нешто это такъ возможно! Тутъ вся жизнь наша рѣшается, а ты вонъ этакъ!..»—Если собраніе заканчивалось составленіемъ приговора, то всѣ—и грамотные, и неграмотные—подходили подписываться и стыдили двухъ-трехъ малодушныхъ, боявшихся «руку приложить...» Послѣ пяти-шести-часового собранія народъ расходился точно изъ церкви — безъ смѣха, безъ шумныхъ разговоровъ. Устроителей собранія, гостей и ораторовъ окружали и благодарили; недовѣрчивое отношеніе, бывавшее иногда въ началѣ собраній, смѣнялось признательностью: «сами видимъ, что все ты въ нашу пользу говоришь!..» «Да, ужъ въ этомъ никакой фальши нѣтъ!..» «Дай тебѣ Господи за то, что трудишься для-ради мужика!» и т. п. Для тѣхъ изъ интеллигентовъ, кто побывалъ на такихъ собраніяхъ, слова «единеніе съ народомъ» были, вѣроятно, не пустымъ звукомъ; впечатлѣніе же отъ этихъ собраній и митинговъ было настолько яркое, что не могло не врѣзаться въ память навсегда.

V.

Митинги и собранія были оружіемъ въ рукахъ крайней лѣвой партіи; этому оружію правая партія противопоставила проповѣдь духовенства и полицейскія мѣры. Что касается второй мѣры, то это старая и вѣчно-новая попытка борьбы пушками противъ идей и все ея значеніе состоитъ въ томъ, что она быстро и вѣрно склоняетъ симпатіи массы, крестьянскаго «центра» на сторону лѣвыхъ партій; самые мирные, самые смирные люди озлобляются, видя безчинства вновь назначенныхъ стражниковъ надъ населеніемъ.

«...Благодаря милостямъ судьбы—писалъ мнѣ еще въ концѣ декабря одинъ крестьянинъ Юрьевскаго уѣзда—были въ нашемъ уѣздѣ введены стражники, и на нашу несчастную волость повѣсили (? помѣстили?) трехъ стражниковъ. И только что эти сѣрые вороны сѣли на своихъ мѣстахъ, какъ поднялось страшное гоненіе на всѣхъ сознательныхъ крестьянъ»... «Еще нѣсколько словъ о сѣрыхъ воронахъ: въ нашей волости эти негодяи собрались самые подонки, отрепье и отбросы общества, самые пьяницы и нищета, которые за одинъ стаканъ водки продадутъ отца или брата, а не только что кого-нибудь чужого»... Результаты теперь на лицо: въ отвѣтъ на безчинства стражниковъ уже было нѣсколько случаевъ убійства этихъ «сѣрыхъ вороновъ»; въ народѣ растетъ и крѣпнетъ озлобленіе...

Идейнымъ оружіемъ противъ «превратныхъ» идей является проповѣдь мѣстнаго духовенства, почти сплошь «черносотеннаго» въ томъ медвѣжьемъ углу, о которомъ идетъ рѣчь. Это, конечно, болѣе дѣйствительное средство борьбы, чѣмъ мѣры полицейскаго насилія; однако и черносотенная пропаганда духовенства не попадаетъ въ цѣль, вслѣдствіе полнаго отсутствія авторитета у духовныхъ отцовъ среди своей паствы. Кромѣ того, почтенные пастыри совершенно не могутъ и не умѣютъ войти въ современное настроеніе русскаго крестьянства: въ то время, какъ послѣднее поглощено теперь мыслью о землѣ, о прирѣзкѣ, о переходѣ земель въ руки трудящихся, духовные пастыри читаютъ проповѣди о нестяжаніи, объ отреченіи отъ благъ земныхъ... Какъ можетъ отнестись къ этому въ настоящій моментъ средній, рядовой крестьянинъ—болѣе чѣмъ ясно; приведу по этому поводу характерную страничку, написанную «Молодымъ, не вытерпѣвшимъ крестьяниномъ»... «...Вышелъ нашъ попъ на амвонъ и давай взывать къ народу: «братья! не ищите мира здѣсь въ мірѣ, т. е. въ мірскомъ богатствѣ! Миръ есть во Христѣ! Богатство есть идолъ, а потому не стремитесь къ его пріобрѣтенію! Такъ что по его словамъ выходило: не ищите и не добивайтесь лучшей жизни, лучше, молъ, для васъ будетъ, если вы будете пухнуть съ голоду... Но кто же, какъ не вы, честный отче, крѣпче всѣхъ въ приходѣ обнялся съ этимъ идоломъ? Вѣдь вы подаете примѣръ разврата для всѣхъ: вы обираете всѣхъ—и живого, и мертваго, и встрѣчнаго, и поперечнаго, не милуете ни убогаго, ни нищаго. Получаете вы четыреста рублей за землю (обрабатывать вы ее не хотите), да обираете приходъ въ шестьсотъ съ половиною мужскихъ душъ, и обираете хорошо за все: какъ совершили бракъ, такъ вамъ хоть лопни, а подай 15 рублей; покойника схоронили—опять подай 2 рубля; младенца окрестили—40 копѣечекъ вамъ подай. И такимъ манеромъ вы залучаете въ свой карманъ въ годъ тысячи двѣ... Такъ это будетъ уже не только одинъ идолъ, а цѣлая кумирня!—Живя на приходѣ годовъ двадцать, вы накопили болѣе

двадцати тысячъ, а помогли ли вы кому въ бѣдѣ или несчастіи хотя грошомъ?—Нѣтъ! Послѣ этого вы и не есть послѣдователь святыхъ Апостоловъ, а послѣдователь Іуды; къ этому-то вы подходите! Про него въ Евангеліи сказано: «понеже бо тать бѣ, ковчежецъ имѣя и вмѣтаемая ношаше»... Но въ этомъ отношеніи вы даже превосходите его: у того было такое ничтожное количество въ сравненіи съ вами, что онъ могъ всегда носить при себѣ свой ковчежецъ, слѣдуя во всѣхъ переходахъ за Іисусомъ Христомъ; но если бы вы повѣсили свой ковчежецъ съ 20-тью тычячами на себя, да походили бы съ Іудино, то онъ вамъ такъ бы плечи и спину пообточилъ, что вы бы стали немножко попостнѣе, и тогда бы вы безпремѣнно отказались бы отъ своего ковчежца... А пока вы имѣете его, то неужели, честный отче, васъ не зазираетъ совѣсть хвалить народу бѣдность и говорить, что крестьянамъ больше земли ни къ чему?..»—То, что здѣсь высказалъ «Молодой, не вытерпѣвшій крестьянинъ»,—можно было часто слышать на многихъ крестьянскихъ собраніяхъ; подобнаго рода вещи крестьяне неоднократно высказывали и въ лицо многимъ честнымъ отцамъ... Такое отношеніе крестьянскаго большинства къ духовенству лучше всего выясняетъ причину того, что черносотенная проповѣдь пастырей Христовыхъ падаетъ на каменистую почву; проповѣдь эта находитъ сочувственный отзвукъ только въ сердцахъ Якововъ Ивановичей и прочихъ типично-черносотенныхъ элементовъ, но она проходитъ мимо ушей и сердецъ широкой народной массы; иными словами она, вообще говоря, не достигаетъ цѣли.

VI.

Вотъ приблизительная картина политической дифференціаціи въ глухой деревнѣ. Мы сказали въ началѣ, что суммировать въ одной общей формулѣ *политическія убѣжденія* русскаго крестьянства не представляется возможнымъ; теперь, послѣ всего сказаннаго, *общую картину* политической дифференціаціи русской деревни можно было бы, кажется намъ, представить въ одной формулѣ, перефразируя слова Дмитрія Карамазова: «здѣсь діаволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей»... Въ русской деревнѣ въ настоящую минуту идетъ безпощадная борьба двухъ группъ, двухъ міровоззрѣній: міровоззрѣніе «собственническое», имѣющее своими борцами богатѣевъ, кулаковъ и духовенство, борется съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ «сознательныхъ» крестьянъ (выяснить это міровоззрѣніе мы пробовали въ предыдущей статьѣ); политическіе вопросы это—только оружіе въ борьбѣ, полемъ битвы которой служатъ сердца людей того «центра», который въ настоящую историческую минуту еще находится въ «неустойчивомъ равновѣсіи»... А можетъ быть, это неопредѣленное

равновѣсіе уже нарушено, и народная лавина уже пришла въ пока еще незамѣтное для насъ движеніе, поворачивая своей тяжестью колесо исторіи?..

Уже полъ-года прошло со времени разгара крестьянскихъ митинговъ и собраній. Съ тѣхъ поръ, во время яростной декабрьской и январьской реакціи, въ нашемъ медвѣжьемъ углу было арестовано около двадцати крестьянъ, наиболѣе «опасныхъ» съ точки зрѣнія администраціи; стражники, урядники и жандармы стали рыскать по всѣмъ деревнямъ, производя дознанія «съ пристрастіемъ» и съ избіеніями. На время въ деревнѣ воцарилась та мертвая, обманчивая тишь, въ которой только политически-слѣпые могутъ не видѣть затишья передъ бурей. Въ такой атмосферѣ происходили выборы въ Думу. Вотъ что пишетъ мнѣ (2-го апрѣля) по этому поводу одинъ изъ рядовыхъ крестьянъ: «...по селамъ и деревнямъ дознанія продолжаются урядниками, а затѣмъ и жандармами, но арестовъ пока болѣе нѣтъ; что будетъ впереди — подождемъ!.. Выборы въ Государственную Думу по Юрьевскому уѣзду въ нѣкоторыхъ волостяхъ были производимы при стражникахъ... Народъ вообще старается провести въ Думу свѣдущихъ людей, но въ то же время не вѣритъ въ Думу, потому что у него теперь отнятъ или на время запуганъ самый лучшій элементъ; а кромѣ того, народъ видитъ, какъ у него урѣзано право въ выборахъ... Народъ видитъ, что тутъ правды нѣтъ, и потому мало вѣритъ въ Думу, а вѣритъ больше самъ въ себя»... «А, впрочемъ, подождемъ: коли эта Дума да на счетъ земли намъ ничего не надумаетъ, такъ ужъ мы сами за себя подумаемъ»... «Кулаки наши орудуютъ—на ихъ улицѣ праздникъ; да и мы не дремлемъ: въ селѣ X. до сихъ поръ каждое воскресенье собранія — туда полиція боится и носъ сунуть; въ другихъ деревняхъ читаемъ газеты, промежъ себя разсуждаемъ... Да, ужъ какъ мельничное колесо начало вертѣться, такъ ужъ пальцемъ жерновъ не остановишь!..»

Послѣдними словами и мы можемъ резюмировать все сказанное на предыдущихъ страницахъ; это общій выводъ изъ многихъ впечатлѣній очевидца: да, мельничное колесо начало вертѣться; русская деревня пришла въ движеніе, побуждаемая разнородными силами. Опредѣлить равнодѣйствующую этихъ силъ было задачей автора этихъ строкъ.

Ивановъ-Разумникъ.

Призывъ.

(Очеркъ).

I.

Была глубокая осень. Озеро изъ зеленаго стало свинцовымъ. Мутныя, тяжелыя волны сердито бились о прибрежныя скалы, какъ будто негодуя на холодъ. Къ темной щетинѣ лѣса на противоположномъ берегу припали клочки облаковъ. Зубчатыя вершины Пилата побѣлѣли уже отъ снѣга. Пахло сыростью и гніющими листьями. Въ такое время туристская Швейцарія пустѣетъ уже совершенно. Лѣтніе путешественники разъѣзжаются еще въ началѣ октября, а волна зимнихъ посѣтителей, главнымъ образомъ, англичанъ, бѣгущихъ отъ черныхъ тумановъ, начинаетъ надвигаться только къ Рождеству.

Въ Seenhof, въ маленькомъ отелѣ, взобравшемся, какъ серна, на скалу, выходящую далеко въ озеро, жили еще, впрочемъ, три путешественника: голландецъ и голландка, крѣпкіе, крупные и румяные, какъ яблоко, да русскій. Первые два свершали свою брачную поѣздку и имъ, повидимому, было безразлично, какая погода на дворѣ. Въ груди у нихъ смѣялась весна. Русскій собирался черезъ день въ отъѣздъ. Въ комнатѣ его весь полъ былъ покрытъ старыми письмами, замѣтками, лоскутками бумаги. Туристъ тщательно просматривалъ каждую писанную строчку. Русскаго звали Малкисъ. Читающая публика въ Россіи и за границей знала его, впрочемъ, подъ именемъ Альфредъ Джонесъ, которымъ были подписаны работы по соціологіи, появляющіяся какъ отдѣльно, такъ и въ русскихъ, англійскихъ и французскихъ журналахъ.

Послышался стукъ въ двери.

— Une lettre pour monsieur!—сказала краснощекая дѣвушка, дочь хозяина.

Малкисъ взялъ письмо, повертѣлъ его, стараясь по почерку угадать, отъ кого оно, затѣмъ распечаталъ. Содержаніе письма произвело сильное впечатлѣніе на Малкиса. Онъ читалъ и перечитывалъ мелко исписанный листокъ почтовой бумаги, затѣмъ нервно зашагалъ по комнатѣ. Потомъ онъ сѣлъ за столъ и принялся быстро писать. Одинъ почтовый листъ за другимъ покрывались рядами правильныхъ, каллиграфически красивыхъ строчекъ.

Позвонили къ полднику, затѣмъ къ обѣду. Малкисъ все писалъ, не отрываясь. Въ десять часовъ вечера онъ сдѣлалъ перерывъ на часъ, потомъ опять писалъ до глубокой ночи. То же самое повторилось и на другой день. Напившись кофе, Малкисъ засѣлъ за

работу. Поѣздъ въ Базель отходилъ въ 8 часовъ вечера. Въ шесть часовъ письмо, наконецъ, было готово. Оно представляло собой цѣлую тетрадку слишкомъ въ сорокъ страницъ.

«Дорогой Петръ, — писалъ Малкисъ, — я страшно радъ былъ получить твое хорошое, сердечное письмо. Когда мы переваливаемъ извѣстный возрастъ и когда передъ нами только дорога внизъ, подъ гору, къ концу, тогда новые друзья не пріобрѣтаются. За то особенно дороги друзья дѣтства. Сегодня я обрѣлъ неожиданно друга, отъ котораго не имѣлъ почти двадцать лѣтъ никакихъ вѣстей. Третьяго дня я столь же неожиданно получилъ письмо изъ Южной Америки, отъ нашего общаго школьнаго товарища. Великое спасибо тебѣ за сочувствіе и соболѣзнованіе по поводу того, что пережили мои соплеменники въ Россіи. Теперь, впрочемъ, судьба насъ съ тобой сравняла. Темныя силы, монтировавшія прежде антиеврейскіе погромы, направляютъ ихъ теперь одинаково и противъ коренныхъ русскихъ. Ты жалуешься на тяжелыя условія жизни въ глухой провинціи. Вполнѣ понимаю тебя, хотя, странно сказать, милліоны евреевъ считали бы твою судьбу, какъ и всякаго русскаго, необыкновенно завидной. Ты, напримѣръ, отъ самаго рожденія получилъ право передвигаться, куда захочешь. Еврей это право покупаетъ только цѣной двѣнадцати-лѣтняго труда. Бывали случаи, что евреи шли на богословскій факультетъ, если не могли попасть на другой, чтобы только вырваться изъ черты. Я не забуду сцены, свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось быть три года тому назадъ въ Москвѣ на Б. Никитской. Городовые съ казенными книгами подъ мышкой вели въ участокъ нѣсколько человѣкъ. Тутъ были двѣ дѣвушки, нѣсколько людей, похожихъ на ремесленниковъ, и одинъ—въ медвѣжьей шубѣ. Всѣ они были очень блѣдны и совершенно пришиблены.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я кого-то.

— Безправныхъ жидовъ поймали,—отвѣтилъ онъ.

То были евреи, не имѣющіе права жительства въ Москвѣ и изловленные облавой.

Помнишь ли ты обращеніе Фигаро къ Альмавивѣ: «Что вы сдѣлали, чтобы добиться всѣхъ этихъ благъ? Вы потрудились только родиться—больше ничего... Мнѣ, затерянному въ сѣрой толпѣ, нужно выказать несравненно больше искусства и сообразительности, чтобы только продержаться, чѣмъ затрачивалось этихъ свойствъ за цѣлыхъ сто лѣтъ, чтобы управлять Италіей». Приблизительно такъ думаетъ рядовой, средній еврей о среднемъ русскомъ. Чтобы добиться свободы передвиженія,—составляющей неотъемлемое право всякаго русскаго,—еврей долженъ затратить безконечную энергію. Одно поступленіе въ гимназію чего стоитъ! Но не въ томъ дѣло. Я получилъ твое письмо, когда только что окончательно

разрѣшилъ рядъ вопросовъ и сомнѣній, глубоко и мучительно волновавшихъ меня. Эти погромы въ Россіи съ горами труповъ выбили надолго меня изъ колеи. На нѣкоторое время я совершенно потерялъ почву подъ ногами. Я чувствовалъ, что міровоззрѣніе, сложившееся у меня еще въ юности и казавшееся мнѣ прочнымъ, какъ скала, колеблется подъ вліяніемъ ужасныхъ событій. Человѣкъ долго шелъ по глухой, лѣсной тропинкѣ въ полной увѣренности, что она ведетъ на большую дорогу. И вдругъ по нѣкоторымъ примѣтамъ онъ подозрѣваетъ, что идетъ прямо къ непроходимому болоту, гдѣ его ждетъ погибель. Между тѣмъ, уже вечеръ и повернуть назадъ поздно. Сомнѣніе охватило меня на закатѣ моей жизни. Теперь всѣ сомнѣнія разсѣялись. Старая вѣра опять прочна. Больше того. Спокойная жизнь за границей, научныя работы—все это потеряло для меня всякое значеніе. Я ѣду въ Россію. Меня тамъ ждетъ неизвѣстное, и вотъ на порогѣ его я хочу просмотрѣть всю мою жизнь. Я хочу изложить тебѣ, моему дорогому, старому другу, русскому, всѣ тѣ сомнѣнія, которыя меня такъ недавно еще волновали, какъ еврея.

Ты знаешь, что во многихъ отношеніяхъ я былъ неизмѣримо болѣе счастливъ, чѣмъ милліоны моихъ единоплеменниковъ. Я не зналъ нужды въ дѣтствѣ. Мои родители состоятельные люди, владѣльцы довольно значительной собственности — лѣса, въ которомъ я родился и выросъ.

II.

Тебя въ дѣтствѣ пугали букой, домовымъ или «вовкулакой». Не смотря на то, что нянька у меня была украинка, имѣвшая самыя точныя свѣдѣнія о всякаго рода «чертякахъ», — «вовкулака» какъ то совершенно не оставилъ никакого впечатлѣнія. Для меня онъ былъ, въ концѣ концовъ, совершенно чужимъ. За то меня старая бабушка пугала Хмѣльницкимъ и Гонтой. У ней оба эти имена слились вмѣстѣ, и она иначе не говорила, какъ Гонтанъ-Хмѣльницкій. Предокъ моей бабушки былъ раввиномъ въ Кременцѣ, когда еврейское и польское населеніе здѣсь было вырѣзано казаками и татарами. Пятилѣтнимъ мальчикомъ я уже слышалъ разсказъ про то, какъ во время рѣзни татаринъ бралъ большой ножъ, хваталъ еврейскихъ дѣтей и кричалъ: «кошеръ» или «трефъ». Съ этими словами онъ разрѣзывалъ животъ дѣтямъ и разсматривалъ внутренности, какъ смотритъ еврейскій рѣзникъ, когда убиваетъ барашка. «Трефъ» (нечисто)— кричалъ татаринъ, швырялъ трупъ и убивалъ другого ребенка. Черезъ много лѣтъ потомъ мнѣ попалась въ руки лѣтопись Натана Ганновера, очевидца казацкаго возстанія. И тамъ я нашелъ почти точный варіантъ разсказа, составляющаго семейное преданіе у насъ. За лѣсомъ, гдѣ идетъ дорога въ Винницу и къ «Цесарской границѣ», стоитъ большой курганъ.

Старый смолокуръ Зельманъ, гнавшій деготь у насъ въ лѣсу и лѣвая сторона сивой бороды котораго была всегда слѣплена, такъ какъ онъ имѣлъ привычку гладить ее одной рукой, разсказывалъ мнѣ, что курганъ этотъ особенный. На вершину его когда то въѣзжалъ «Гонтанъ-Хмѣльницкій» и втыкалъ въ землю копье съ значкомъ. И въ ту сторону, куда вѣтеръ развѣвалъ значекъ, — туда гетманъ посылалъ татаръ и казаковъ рѣзать и жечь... Про татаръ, союзниковъ Богдана, въ нашей мѣстности разсказывали легенды и крестьяне. Послѣ неудачной осады Каменца, татары потребовали у Богдана «ясыръ». Гетманъ отвѣтилъ, что не взялъ поляковъ, поэтому плѣнниковъ нѣтъ. Татары были настойчивы. Тогда Богданъ разрѣшилъ татарамъ пройтись «загонами» по Украинѣ, т. е. онъ отдалъ въ неволю крестьянъ, ихъ женъ и дочерей.

А возстаніе гайдамаковъ! Уманская рѣзня — *первый* историческій фактъ, о которомъ я узналъ въ дѣтствѣ. Бабушка разсказывала мнѣ, что въ дѣтствѣ знала старуху, которая была ребенкомъ во время рѣзни въ Умани и забилась тогда въ печку.

Въ гимназическіе годы мы съ тобой сильно увлекались украинскимъ движеніемъ. Мы говорили не иначе, какъ по-украински; ты переиначилъ свое имя изъ Маркова въ Марченко. Я называлъ себя «Вовченко», потому что еврейское имя моего отца—Вольфъ, что по-малорусски будетъ «Вовкъ». Оба мы были въ восторгѣ отъ поэзіи Шевченка. Но ты особенно любилъ декламировать тостъ Желѣзняка въ Умани:

„За погані ваши трупи,
За душі прокляті
Ще разъ выпью.
Пейте, діти!
Выпьемъ, Гонте брате!"

Меня эти стихи приводили всегда въ трепетъ. Подъ впечатлѣніемъ разсказовъ, слышанныхъ въ дѣтствѣ, я представлялъ себѣ громадный пожаръ, узкія улицы, заваленныя трупами, отчаянный вопль дѣтей и женщинъ, выволакиваемыхъ за волосы на безчестье и смерть, предсмертное хрипѣніе людей, которымъ перерѣзали горло освященными ножами *), и посреди всего этого ада — залитыхъ кровью, пьяныхъ убійцъ, танцующихъ въ присядку. Рядомъ—тотъ глубокій колодецъ, куда по преданію бросили десять тысячъ труповъ. И, несмотря на такія семейныя легенды,—я росъ *русскимъ* мальчикомъ... Не далекія преданія, какъ бы ужасны они ни были, содѣйствуютъ выработкѣ міровоззрѣнія, а окружающая дѣйствительность. Нормальныя условія заставляютъ простить самые страшные историческіе грѣхи. Счеты между народностями, при добромъ желаніи, уладить очень легко. Старыя историческія преступленія не

*) Священникъ Мелхиседекъ Яворскій выдалъ гайдамакамъ освященные ножи.

идутъ на смарку и помнятся пострадавшими только тогда, когда къ счету прибавляются новыя насилія.

Мое дѣтство было счастливѣе, чѣмъ у сотенъ тысячъ еврейскихъ дѣтей, загнанныхъ въ бѣдные, грязные кварталы городовъ «въ чертѣ». Я зналъ природу, лѣсъ, полянки, заросшія орѣшникомъ, шепотъ прирѣчныхъ очеретовъ. Моими товарищами дѣтства были мальчики дровосѣковъ и «погонычей», возившихъ дрова на сахарный заводъ въ восьми верстахъ отъ насъ. Только въ Винницѣ да въ окрестныхъ мѣстечкахъ: въ Браиловѣ, Станиславчинѣ и Ювзинѣ я сталкивался съ отчаянной, превосходящей всякія представленія, нищетой моихъ соплеменниковъ. Ужасала меня не столько эта отчаянная нищета, сколько забитое, запуганное и приниженное состояніе евреевъ. Они не реагировали совершенно на глумленіе и на плевки.

Въ девять лѣтъ мои родные переѣхали въ другую губернію, въ степной городъ, гдѣ была хорошая гимназія. Школа меня встрѣтила хорошо. Въ этомъ отношеніи я опять былъ счастливѣе сотенъ тысячъ моихъ соплеменниковъ. Въ гимназіи тогда подборъ учителей былъ исключительный. Мальчиковъ не травили за ихъ національность. Учителя никогда не унижались до разсказыванія въ классѣ анекдотовъ изъ еврейской жизни или до проповѣдей антисемитизма. И въ результатѣ было слѣдующее. Гимназисты-евреи, поляки, русскіе, нѣмцы, дружили другъ съ другомъ, навѣщали одинъ одного. Вопросъ о національности не поднимался совершенно. То было въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Антисемитизмъ не культивировался еще администраціей, не былъ еще возведенъ въ систему Игнатьевымъ, Дурново и Плеве. И родители русскіе у насъ въ городѣ смотрѣли, какъ на нормальное явленіе, на то, что дѣти ихъ дружатъ съ евреями или поляками. Слово «жидъ» не употреблялось никогда въ классѣ, потому что мальчики слышали всегда отъ учителей проповѣдь толерантности. Ты помнишь, вѣроятно, нашъ «кошъ», возникшій во второмъ классѣ. Въ немъ были четыре русскихъ, два еврея, одинъ полякъ и одинъ нѣмецъ. Помнишь, какъ мы отправлялись «на изслѣдованія» и для собиранія растеній въ степь. Если ты вспомнилъ меня, то не забылъ, вѣроятно, также другого мальчика-еврея—Давида, который ознаменовалъ свое поступленіе въ гимназію большой дракой. Его фонды въ классѣ сразу поднялись, когда онъ отказался сказать, кто ему подставилъ большой синякъ подъ глазомъ. Именно отъ бурнаго и увлекающагося Давида я получилъ вѣсти, о которыхъ говорилъ тебѣ въ началѣ письма.

Мы всѣ считали себя тогда, прежде всего, русскими. И когда мы вышли изъ періода дѣтства; когда Майнъ-Ридъ пересталъ захватывать насъ; когда пробудившаяся мысль потребовала отвѣтовъ на мучительные вопросы,—наши первыя страданія были за русскій народъ. Помнишь ли ты тотъ трепетъ, съ которымъ мы, шестнад-

цатилѣтніе мальчики, читали слова о цѣнности прогресса. Каждое удобство жизни, которымъ я пользуюсь, — читалъ громко Давидъ нашему «кошу», — каждая мысль, которую я имѣлъ доступъ пріобрѣсти или выработать, куплена кровью, страданіями или трудомъ милліоновъ. Прошедшее я исправить не могу, и какъ ни дорого оплачено мое развитіе, я отъ него отказаться не могу: оно именно и составляетъ идеалъ, возбуждающій меня къ дѣятельности. Лишь безсильный и неразвитой человѣкъ падаетъ подъ отвѣтственностью, на немъ лежащей, и бѣжитъ отъ зла въ Ѳиваиду или въ могилу. Зло надо исправить насколько можно, и это можно сдѣлать лишь въ жизни. Зло надо *зажить*. Я сниму съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія, если употреблю это самое развитіе на то, чтобы уменьшить зло въ настоящемъ и въ будущемъ. Если я развитой человѣкъ, то я обязанъ это сдѣлать». У насъ выработалось новое понятіе: «долгъ предъ народомъ», которое стало центральнымъ пунктомъ нашего юношескаго міровоззрѣнія. И подъ словами «русскій народъ» мы понимали совокупность всѣхъ трудящихся элементовъ, каково бы ни было ихъ національное происхожденіе. «Кошъ» нашъ остался, но цѣлью его уже было не «изслѣдованія» въ степи и не переименованіе глубокаго оврага въ «Трангоилъ-Лаликъ» (кажется, это названіе мы нашли у Эмара), а кургана возлѣ него — въ «Пунктъ перваго путешествія». Теперь мы искали знанія. Сообразно съ этимъ, «кошъ» мы переименовали въ «кружокъ саморазвитія».

Мы окончили гимназію, сердечно разстались съ учителями и перешли въ N—скій университетъ. Скоро наступило время, когда составъ профессоровъ измѣнился, и когда на нашемъ филологическомъ факультетѣ профессора подали доносъ на своего товарища, блестящаго знатока восточныхъ языковъ. Но въ мое время университетъ жилъ еще славными традиціями шестидесятыхъ годовъ. Давидъ выбралъ медицинскій факультетъ. Выборъ факультета казался совершенно нелѣпымъ моимъ роднымъ. Отецъ ассоціировалъ слово «филологъ» съ увѣреніемъ Гейне, что ремесленники и филологи необходимы въ обществѣ: потребность въ панталонахъ будетъ существовать всегда, и всегда будутъ существовать ученики, для которыхъ необходимы спряженія и склоненія. Отецъ не понималъ только, зачѣмъ мнѣ заниматься этимъ дѣломъ. «Зачѣмъ еврею филологическій факультетъ? Ты никогда не будешь учителемъ»,— недоумѣвалъ отецъ. Вскорѣ наступило такое время, когда доступъ въ университетъ для евреевъ былъ затрудненъ. Тогда никого не удивляло больше, что еврей, для полученія диплома, дающаго свободу передвиженія, поступаетъ не только на филологическій, но даже на богословскій факультетъ. Въ университетѣ насъ всѣхъ всецѣло съ первой недѣли захватило революціонное движеніе. Давидъ былъ увлеченъ сильнѣе меня. Отчасти это зависѣло отъ различнаго темперамента. Порядочные люди должны быть мужественны.

Интелигентность это — готовность человѣка пожертвовать ради идеала своимъ спокойствіемъ, «карьерой», однимъ словомъ, мамономъ. Вотъ почему, интелигентомъ нужно считать также безграмотнаго сектанта, рабочаго крестьянина. И очень часто не интелигентомъ бываетъ человѣкъ, окончившій два факультета. Но мужество, присущее интелигентному человѣку, бываетъ двоякаго рода: пассивное и активное. Первое—встрѣчается очень часто. Пассивно-мужественный человѣкъ присоединится къ движенію, будетъ вѣрнымъ и преданнымъ солдатомъ, никогда не сдѣлается предателемъ и не перейдетъ въ лагеръ торжествующихъ, даже если разочаруется въ прежнихъ идеалахъ. Пассивно-мужественный человѣкъ никогда не будетъ также вождемъ. Онъ идетъ только съ другими. Активно-мужественныхъ людей очень мало. Они намѣчаютъ пути и влекутъ за собою остальныхъ. Они способны на героически-безумные и прекрасные поступки. Давидъ принадлежитъ къ числу активно-мужественныхъ натуръ. У меня же—мужество рядовое, пассивное.

Затѣмъ, очагомъ революціоннаго движенія въ N—вѣ былъ ветеринарный институтъ, къ которому медики были все же ближе, чѣмъ мы, филологи.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, времена измѣнились. Успѣшно введена была политика антисемитизма, и результатомъ явился рядъ погромовъ. Раззорили евреевъ и въ томъ степномъ городѣ, гдѣ мы окончили гимназію. Когда мы съ Давидомъ пріѣхали на каникулы, на улицахъ всюду видны были еще перья. Большая часть еврейскаго населенія, подъ впечатлѣніемъ погрома, думала только о массовомъ исходѣ. Говорятъ, ген. Игнатьевъ на вопросъ, какое послѣдствіе будетъ имѣть его антисемитская политика, начатая «временными» правилами 2 мая 1882 (изгнаніемъ евреевъ изъ деревень), отвѣтилъ съ улыбкой: «Un tiers (евреевъ) emigrera, un tiers crevera, un tiers se convertira» *). Пріѣхавъ домой, мы нашли, что объ эмиграціи думаетъ не треть, а большая часть евреевъ. Дальше возникалъ вопросъ: куда бѣжать?

— Тамъ, гдѣ насъ не бьютъ и не раззоряютъ!—отвѣчало большинство.

— А гдѣ эта страна?

— Соединенные Штаты,—отвѣчали одни.

— Родина нашихъ предковъ! Обѣтованная земля, текущая млекомъ и медомъ, — говорили палестинцы, какъ ихъ тогда называли.

Учащаяся молодежь, захваченная революціоннымъ движеніемъ, доказывала своимъ родителямъ, что у русскихъ евреевъ нѣтъ и не можетъ быть другой родины, кромѣ Россіи. Родина эта несчастна; поэтому евреямъ слѣдуетъ присоединиться къ борцамъ за освобо-

*) „Треть ихъ выселится, треть подохнетъ, треть—перейдетъ въ христіанство“.

жденіе русскаго народа, которое принесетъ миръ и счастье всѣмъ національностямъ.

Чтобы столковаться, различныя еврейскія партіи устроили съѣздъ. Нашъ городъ тогда еще не зналъ, что такое шпіоны, поэтому съѣздъ произошелъ почти открыто, въ частной маленькой квартирѣ. Такъ какъ делегатовъ было много, а помѣщеніе не велико, то большая часть уполномоченныхъ, а также и публика, размѣстились въ большомъ дворѣ, заросшемъ бурьяномъ. Тутъ на пожелтѣвшей травѣ и на камняхъ группами сидѣли студенты, гимназистки, представители еврейской буржуазіи, ортодоксальные евреи. Не было только еврейскихъ сознательныхъ рабочихъ. Этотъ элементъ намѣтился только черезъ десять лѣтъ. Къ тому времени правительственныя гоненія сдѣлали свое дѣло. Ген. Игнатьевъ былъ правъ, когда предсказалъ, что значительная часть евреевъ «se convertira», но онъ не предвидѣлъ лишь въ какую вѣру. Преслѣдованія превратили весь еврейскій пролетаріатъ, т. е. подавляющее большинство всего еврейскаго населенія въ революціонеровъ. Но все это случилось только черезъ десять лѣтъ послѣ того съѣзда, о которомъ я говорю. Представители буржуазіи проповѣдывали на съѣздѣ смиреніе и терпѣніе.

— Намъ, евреямъ, нужно сидѣть тихо, - ораторствовалъ одинъ делегатъ, съ большой выгодой для себя помѣщавшій свои деньги подъ вторыя закладныя.—И больше всего совѣтъ этотъ должны помнить господа учащіеся. Не раздражайте антисемитскихъ газетъ. Чаша страданій еврейскаго народа переполнена, поэтому нужно сидѣть такъ тихо, чтобы враги нашего народа не слыхали даже шороха. Смиреніе и терпѣніе, господа!

— Оставьте вашу куриную психологію!—гнѣвно крикнулъ одинъ изъ молодыхъ ораторовъ.—Вы проповѣдуете нѣчто худшее, чѣмъ національное самоубійство: народное оподлѣніе. Довольно пресмыкался старый народъ! Довольно онъ страдалъ за это! Чаша страданій дѣйствительно переполнилась, но спасеніе не въ рабскомъ смиреніи, а въ подвигѣ, въ великой жертвѣ для грядущихъ поколѣній, въ борьбѣ. Еврейскому народу предстоитъ великими страданіями обрѣсти вновь землю его предковъ. Проповѣдующіе смиреніе — враги еврейскаго народа, какъ и тѣ, которые стоятъ за ассимиляцію. Съ кѣмъ вы будете ассимилироваться? Русскіе ненавидятъ и презираютъ насъ. Еврейскій народъ отдохнетъ только у себя на старой родинѣ.

— Скажите конкретно, чего вы хотите? — поставилъ кто-то вопросъ.

— Массового переселенія евреевъ въ Палестину.

— Когда мнѣ говорятъ: «перелей содержаніе сорока-ведерной бочки въ пивную бутылку и ты увидишь, какія великія послѣдствія это будетъ имѣть», я отвѣчаю: «условіемъ чуда вы ставите невозможное». Не такимъ ли невозможнымъ переливаніемъ является

переселеніе многомилліоннаго народа въ маленькую страну, значительная часть которой—песчаная пустыня?

— Еврейскій народъ утучнитъ ее своимъ прахомъ и скрѣпитъ пески своею кровью.

— Предположимъ, свершится невозможное: удастся пріобрѣсти у султана Палестину и переселить туда нѣсколько милліоновъ евреевъ. На новой почвѣ начнется старая борьба между богатыми и бѣдными, между предпринимателями и работниками. Въ результатѣ будетъ, что предприниматель при помощи турецкихъ жандармовъ посадитъ защитника массъ въ палестинкую тюрьму.

— Что-жъ, сидѣть въ *своей* тюрьмѣ уже не такъ горько, какъ въ чужой!—отвѣтилъ кто-то.

Раздался хохотъ. Говорили еще палестинцы. Среди нихъ были старые мечтатели, ортодоксальные евреи, слѣпо вѣрующіе словамъ: «въ будущемъ году мы свидимся въ Іерусалимѣ», которыми заканчиваются всѣ молитвы въ Судный день. Я какъ сейчасъ вижу оратора въ длинномъ халатѣ, съ сѣдой бородой, закрывающей всю грудь. Онъ зажмурилъ глаза и восторженно говоритъ про ковчегъ, который везутъ на телѣгѣ, запряженной быками. Впереди идетъ верховный жрецъ въ бѣлой шерстяной туникѣ, въ высокомъ кидарѣ и трубитъ въ священный рогъ. Только что кончилась жатва. По обѣимъ сторонамъ дороги стоятъ золотые снопы. Дѣвы, стройныя, какъ ливанскіе кедры, идутъ за колесницей и бьютъ въ тимпаны. А дальше идутъ мужчины, не сутулые, заморенные, робкіе современные евреи, а богатыри, какъ Шимшонъ-а-гиборъ (Самсонъ), какъ Гедеонъ, или, какъ левъ Іудеи—Іегуда Маккавей. Въ Палестину возвратились также десять утерянныхъ колѣнъ Израиля, всѣ тѣ свѣтловолосые великаны въ семь локтей, которые, по преданію, живутъ гдѣ-то за недоступной рѣкой Самбатіонъ. Мужчины несутъ собранный виноградъ, который такъ тяжелъ, какъ говорится въ книгѣ Іисуса Навина: два человѣка держатъ на носилкахъ одну гроздь. И вся процессія идетъ къ возстановленному іерусалимскому храму, сверкающему на солнцѣ крышей, обшитой по кипарису золотыми листами. Старикъ закрылъ глаза. Онъ видитъ всю эту картину, и слезы восторга катятся у него по щекамъ. Что всѣ страданія, перенесенныя во время двадцати-вѣкового плѣна въ «голосѣ» (странѣ изгнанія)! Въ будущемъ году мы встрѣтимся въ Іерусалимѣ. Ты спросишь, зачѣмъ было намъ спорить съ палестинцами? Зачѣмъ мы пытались разрушить иллюзію, которая давала погнавшимся за нею такіе моменты высокаго счастья? Я напомню тебѣ слова Герцена, что безпощадная потребность разбудить человѣка является только тогда, когда онъ облекаетъ свое безуміе въ полемическую форму, или когда близость съ нимъ такъ велика, что всякій диссонансъ раздираетъ сердце и не даетъ покоя. А тутъ дѣло шло о безуміи, которое хотѣли привить цѣлому народу.

Отъ евреевъ-революціонеровъ выступилъ Давидъ.

— Россія населена русскими различнаго происхожденія,—сказалъ онъ.—Евреямъ живется плохо; но развѣ лучше положеніе крестьянъ, армянъ, поляковъ, грузинъ? Страданія обусловливаются общею причиною. Если такъ, то необходимо не бѣжать, а соединиться всѣмъ вмѣстѣ и сообща устранить причины страданія. Предшествовавшіе ораторы выставляли сентиментальныя причины. Это даетъ и мнѣ право коснуться ихъ. Политика мнѣ ничего не говоритъ. Рефаимская долина и Келесирія оставляютъ меня совершенно холоднымъ. Наши предки жили тамъ двадцать вѣковъ тому назадъ. Теперь тамъ живутъ люди, которые уже много вѣковъ сроднились съ землей. Кисонъ и Іорданъ для меня отвлеченные географическіе термины, какъ Ріо-Тинто или Колорадо. Мнѣ въ милліонъ разъ дороже Ингулъ, на берегу котораго я валялся мальчикомъ. Меня трогаетъ до слезъ не мысль о смоковницахъ и виноградныхъ лозахъ Кармила, а наша степь, дымящаяся ранней весною, напоенная запахомъ богородичной травы въ началѣ лѣта. Свистъ сусликовъ вечеромъ въ степи вызываетъ у меня цѣлый рядъ картинъ дѣтства. Наша родина здѣсь. Мои и ваши предки явились въ долину Ингула, когда здѣсь была еще великая травяная пустыня. Мы, вмѣстѣ съ христіанами, заселили Дикое поле. Евреи жили на югѣ гораздо раньше, чѣмъ явились сюда славянскія племена. Легко можетъ быть, что предки многихъ изъ нихъ никогда не были въ Палестинѣ. Въ Южной Россіи многіе евреи—потомки даковъ, славянъ и тюркскихъ племенъ, обращенныхъ въ VI вѣкѣ въ іудаизмъ, когда евреевъ въ первый разъ въ ихъ исторіи охватило стремленіе найти прозелитовъ. Мы, евреи, мечтатели. Чѣмъ идеалъ призрачнѣе и дальше отъ дѣйствительности, тѣмъ сильнѣе онъ захватываетъ нашъ народъ.

— Вы пожнете, что посѣяли!—бѣшенно крикнулъ одинъ изъ молодыхъ палестинцевъ, когда Давидъ кончилъ.—Вы хотите ассимилироваться! Убійцы! Вы желаете растворить евреевъ въ другомъ народѣ, который былъ еще на четвереенькахъ въ лѣсу, когда Іудея выдвигала поэтовъ, законодателей и пророковъ, творившихъ вѣчныя произведенія. И вы думаете, что путемъ убійства нашего народа вы добьетесь всеобщаго братства? О, безумцы! Вашей великой жертвы никто не принимаетъ. Русскіе — наиболѣе непримиримые антисемиты. Ихъ лучшіе писатели, гордость націи—проповѣдывали ненависть и отвращеніе къ евреямъ. Пушкинъ говоритъ о «презрѣнномъ евреѣ». Всѣ произведенія Гоголя—проникнуты средневѣковымъ антисемитизмомъ. Въ избіеніи евреевъ и въ массовомъ потопленіи ихъ въ Днѣпрѣ онъ видитъ только смѣшное. Великій писатель забылъ совершенно, что рядомъ съ евреями-арендаторами были на Украйнѣ евреи-ремесленники, знавшіе только отчаянную нищету. Арендаторы, снимавшіе церкви, давно уже вырѣзаны, повѣшены или посажены на колъ. Однако, черезъ 250 лѣтъ *всѣхъ*

евреевъ попрекаютъ этой арендой. И кто? Потомки людей, продавшихъ и закрѣпостившихъ Украину! Даже гуманный Тургеневъ воткнулъ ножъ въ сердце еврейскому народу своимъ разсказомъ «Жидъ». Смотрите. Теперь нарождается малорусскій театръ. Его преслѣдуютъ. По вашей теоріи, онъ долженъ былъ бы сочувствовать всѣмъ другимъ преслѣдуемымъ народностямъ. Между тѣмъ, драмы на украинскомъ языкѣ преисполнены дикой ненавистью къ полякамъ и евреямъ. Укажите мнѣ хотя бы одно малорусское драматическое произведеніе, авторъ котораго былъ бы проникнутъ не средневѣковой ненавистью, а говорилъ бы о братскомъ примиреніи въ будущемъ! При первомъ погромѣ, тѣ, съ которыми намъ предлагаютъ слиться, раздробятъ полѣномъ головы, какъ палестинцамъ, такъ и проповѣдникамъ ассимиляціи. Вы слишкомъ спѣшите отречься отъ еврейскаго народа! Черезъ десять лѣтъ вы со скорбью и со слезами покаянія вспомните мои слова. Отброшенные русскими, вы смиренно будете молить еврейскій народъ, чтобы онъ прижалъ васъ, бездомныхъ и безпочвенныхъ, къ своей груди. Чужіе отвернутся и проклянутъ васъ. Если имъ выпадутъ на долю несчастія, они во всемъ обвинятъ васъ. Прощайте. Наши дороги расходятся.

III.

Наши пути дѣйствительно разошлись. Переселенцы уѣхали, кто въ Соединенные Штаты, кто въ Лондонъ, кто въ Палестину.

Въ поискахъ за пребывающимъ градомъ мои земляки очутились въ Дакотѣ, Канзасѣ, Орегонѣ, Боливіи, въ Южной Африкѣ, въ Яффѣ и Іерусалимѣ. А мы съ Давидомъ въ это время пропагандировали, устраивали кружки и твердо вѣрили, что гроза, которая сразу очиститъ спертую, отравленную атмосферу и принесетъ, прежде всего, всеобщее братство,—вотъ-вотъ разразится. Ученіе въ университетѣ шло не блестяще, но и не плохо. Экзамены сдавались, лишнее время мы не засиживались. И вотъ я кончилъ съ дипломомъ первой степени, а Давидъ перешелъ на пятый курсъ. Это лѣто было для насъ очень неудачно въ финансовомъ отношеніи. Жили мы втроемъ въ одной комнатѣ. Правильно получалъ деньги только я. Большая часть этихъ денегъ уходила «на конспиративныя дѣла». Наше существованіе зависѣло отъ уроковъ и отъ переписки. Такъ какъ семинаристы считались въ нашемъ городѣ лучшими репетиторами и довольствовались 3 — 5 рублями въ мѣсяцъ, то съ уроками было у насъ не густо. Въ то лѣто уроки какъ будто провалились, и мы втроемъ очутились на мели. Изъ N – ва мы не имѣли никакой возможности тронуться. И вотъ 29-го іюня, (этотъ день мнѣ очень памятенъ), мы втроемъ очутились безъ гроша. Утромъ мы разбрелись въ разные концы города въ поискахъ за деньжонками. Мнѣ были должны на урокѣ, прекратившемся мѣсяца

два тому назадъ. Давидъ отнесъ переписку, за которую надѣялся получить рубля три. Третій товарищъ имѣлъ виды перехватить рубль у пріятеля. Мы сговорились собраться въ четыре часа на такъ называемой университетской горкѣ. Въ условленный часъ мы сошлись, усталые и злые. На урокѣ мнѣ не заплатили и даже удивились, что я требую деньги. Давидъ не засталъ дома господина, давшаго ему переписку. Что касается третьяго товарища, то онъ нашелъ своего пріятеля въ періодѣ полнаго и затяжного безденежья. Мы пошли домой.

— Э, ничего! Сегодня жратва есть, а завтра—якось то буде!— сказалъ товарищъ.—У насъ имѣется только что начатая коврига солдатскаго хлѣба и шесть зеленыхъ огурцовъ. Поѣдимъ—любо-два!

Далѣе насъ ждало новое разочарованіе. Хлѣбъ и огурцы исчезли; за то на моей кровати спалъ, отчаянно храпя, студентъ-ветеринаръ Медяныкъ, славившійся своимъ феноменальнымъ аппетитомъ. Медяныкъ пришелъ къ намъ по важному дѣлу; не найдя никого, онъ рѣшился обождать. Такъ какъ мы не приходили, то ветеринаръ проголодался и сталъ шарить съѣстное. Одолѣвъ хлѣбъ и огурцы, онъ прилегъ отдохнуть. За первымъ мимолетнымъ раздраженіемъ выступила комическая сторона дѣла, и мы принялись хохотать. Медяныкъ храпѣлъ безмятежно. Наконецъ, товарищъ толкнулъ его въ бокъ, и онъ проснулся.

— Ну и аппетитъ у тебя! Убралъ фунта четыре хлѣба,—сказалъ товарищъ.

— Хлѣбъ у васъ добрый и штаны, что на стѣнѣ висятъ, тоже ладные,—спокойно отвѣтилъ Медяныкъ.—Я ихъ надѣну. Знаете: всѣ слова, кончающіяся на *ны*, требуютъ выпивки. Напримѣръ: крестины, именины. Исключеніе составляютъ штаны, требующіе не выпивки, а починки. Мои, къ сожалѣнію, не составляютъ исключенія.

Мы рѣшили, что сегодня обойдемся чаемъ, а завтра Давидъ получитъ за переписку три рубля. Этихъ денегъ, однако, такъ и не пришлось получить.

Медяныкъ дѣйствительно пришелъ по важному дѣлу. Мы заговорились далеко за полночь. Такъ какъ на другой день намъ предстояло всѣмъ отправиться въ одно мѣсто, то ветеринаръ остался ночевать у насъ. Въ три часа ночи раздался стукъ въ двери и звонъ шпоръ. Еще черезъ часъ насъ всѣхъ отвезли въ тюрьму. Я не стану тебѣ описывать восемнадцати-мѣсячное одиночное заключеніе. Медяныка и третьяго товарища выпустили черезъ шесть мѣсяцевъ. Мнѣ и Давиду на допросахъ сулили процессъ съ каторгой въ концѣ, но дѣло наше было рѣшено административнымъ порядкомъ, и насъ послали на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь. Ты знаешь, что въ Иркутскѣ у насъ вышла «тюремная исторія». То было начало новой системы суровыхъ расправъ съ политическими заключенными. Результатомъ этой политики явилась потомъ

Якутская катастрофа 1889 г., сѣченіе до смерти на Карѣ Н. Сигиды, наказаніе розгами двухъ политическихъ заключенныхъ на Сахалинѣ. Насъ въ Иркутскѣ избили прикладами и отдали подъ судъ «за сопротивленіе военному караулу». Мы отказались явиться на судъ и отъ защиты. Прокуроръ г. Михайловъ, какъ намъ передали потомъ, требовалъ для насъ всѣхъ десятилѣтней каторги; но предсѣдатель нашелъ возможнымъ обвинить насъ только за «ослушаніе» военному караулу, а не за сопротивленіе. И въ результатѣ насъ приговорили къ шести-мѣсячному тюремному заключенію. Прокуроръ нашелъ наказаніе слишкомъ мягкимъ и протестовалъ.

Въ Петербургѣ увеличили наказаніе вдвое и, кромѣ того, департаментъ полиціи предписалъ послать всю нашу партію «въ наиболѣе отдаленныя и наименѣе населенныя мѣста Якутской области». И, такимъ образомъ, послѣ пятнадцати мѣсячныхъ странствованій, считая со времени отправки изъ Москвы, мы съ Давидомъ очутились въ Средне-Колымскѣ. Тамъ за послѣднія двадцать лѣтъ перебывало столько политическихъ изгнанниковъ, которые дали столько яркихъ описаній своего житья-бытья, что читающая публика, значитъ, и ты имѣешь довольно точное представленіе о мѣстѣ. Когда-то баронъ Врангель писалъ о Колымскомъ краѣ: «Здѣсь жизнь есть лишь горестное бореніе со всѣми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій». Слова эти вѣрны и теперь. Ссылка тяжела, конечно, не вслѣдствіе «горестнаго боренія со всѣми ужасами холода и голода». Въ послѣднее время въ литературѣ установилось обыкновеніе ругать на чемъ свѣтъ интеллигенцію и обвинять ее въ излишней заботѣ о своей шкурѣ, но всѣ, побывавшіе въ далекой ссылкѣ, знаютъ, что интеллигентные люди, живущіе нервами и дорожащіе прежде всего своимъ внутреннимъ міромъ, особенно легко переносили «недостатокъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій». Точнѣе, не замѣчали совершенно своей крайней нищеты, отсутствія хлѣба, сахара, бѣлья... Ужасъ ссылки заключается въ полной оторванности живого человѣка отъ всего культурнаго міра; въ томъ, что человѣкъ, живущій передовыми идеями XX вѣка, грубо переносится на рубежъ каменнаго и желѣзнаго вѣковъ. Вотъ почему ссылка особенно тягостна кипучимъ, бурнымъ, страстнымъ натурамъ, т. е. «активно мужественнымъ» личностямъ, какъ Давидъ. Пассивно-мужественныя натуры, къ которымъ, какъ ты знаешь, я причисляю себя, — могутъ утовлетвориться въ ссылкѣ умственной работой, книжками, вѣрой въ то, что, такимъ образомъ, онѣ готовятся къ дальнѣйшей дѣятельности. Первую зиму въ Колымскѣ Давидъ заполнилъ классическимъ, испытаннымъ средствомъ, т. е. изучилъ англійскій языкъ, усовершенствовался во французскомъ и нѣмецкомъ и прошелъ курсъ высшей математики; но въ слѣдующемъ году, когда кончились наши лѣтнія работы, онъ жестоко зато-

сковалъ. Кипучая сила требовала исхода. И Давидъ то отправлялся съ собаками и кладью въ Чукотскую землю на Ангой, то выѣзжалъ на взморье къ устью Колымы въ надеждѣ, что тамъ встрѣтится съ бѣлыми медвѣдями. Товарищи у насъ были отличные. Мы жили большой, дружной семьей, которую называли почему-то «артелью». Она мнѣ замѣнила тотъ «кошъ», къ которому мы въ гимназіи принадлежали съ тобой. Нечего и говорить, что вопросъ о національности въ нашей артели не могъ существовать. Въ ней были великороссы, малороссы и евреи, но они всѣ себя чувствовали одинаково русскими.

Газетъ мы не читали совершенно, потому что онѣ доходили до насъ только черезъ восемь мѣсяцевъ. Изъ писемъ, прибывавшихъ три раза въ годъ, мы знали, что на Россію надвинулась тяжелая туча реакціи. Мы слышали, кромѣ того, про гоненія на евреевъ, про массовыя выселенія и ограниченія въ гражданскихъ правахъ.

И вотъ истекъ мой срокъ ссылки. Мы съ Давидомъ выѣхали изъ Средне-Колымска. На первой ночевкѣ въ якутской юртѣ я отмѣтилъ у себя въ книжкѣ:

— «Прощайте! Прощайте!—кричали товарищи.

Кареты тронулись. На дворѣ уже глухая ночь. Отчаянно заливаются собаки, какъ бы желая провыть намъ прощальный суровый полярный гимнъ страданія и холода.

— Прощайте! — издали донеслось до насъ. У меня къ щемящему чувству разлуки съ близкими людьми присоединяется еще что-то другое. Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставляю я городъ, гдѣ я провелъ лучшіе годы жизни. Такъ бываетъ жалко покинуть мѣсто, гдѣ остались могилы самыхъ дорогихъ существъ. И у меня въ Средне-Колымскѣ остались дорогія могилы, потому что тамъ похоронены моя юность и свѣжесть. Прощай навсегда край холода и голода, край вырожденія; но вмѣстѣ съ тѣмъ край, въ угрюмой природѣ котораго есть своеобразная, дикая простота, которую никогда не забудетъ тотъ, кто хоть разъ ее видѣлъ».

IV.

Мы возвратились на родину въ глухое, мрачное время. Россія напоминала землю послѣ того, какъ ледниковый періодъ смерти только что кончился. Ледяной покровъ растаялъ, но всюду все еще было мертво. Послѣ долгой зимы остались мерзлыя болота. Гдѣ была прежде растительность, лежала сѣрая морена, задушившая всякую жизнь. Новая растительность еще не начала пробиваться. И впервые только мнѣ дали почувствовать, что я не русскій, а еврей, парія. Въ степномъ городѣ все измѣнилось. Десятилѣтняя проповѣдь антисемитизма повела къ тому, что прежде однородное до извѣстной степени населеніе теперь раздѣлилось на слои. Евреи

и русскіе жили обособленной жизнью, не сближаясь другъ съ другомъ. Евреи не ходили къ русскимъ и наоборотъ. Меня встрѣтилъ какъ-то Черниченко, съ которымъ мы были въ «кошѣ», а потомъ въ университетѣ, и зазвалъ къ себѣ. Товарищъ мой служилъ городскимъ врачомъ. Я встрѣтилъ у него учителя духовнаго училища и другого врача. И въ четверть часа услышалъ слово «жидъ», повторенное больше разъ, чѣмъ во всю мою жизнь. Учитель не зналъ, что я еврей, покуда я ему не сказалъ. Произошла неловкая сцена. Черезъ минуту, какъ ни въ чемъ не бывало, учитель обратился къ Черниченко:

— А что, голубе, може почастуешь горілкой?

Я ушелъ и больше не приходилъ. Поразило меня страшно то, что посѣянныя правительствомъ сѣмена антисемитизма такъ быстро дали пышную жатву на почвѣ, которую я считалъ абсолютно непригодной для расовой ненависти.

Нашу гимназію «вычистили» радикально, и тамъ появились педагоги новаго типа. Изъ старыхъ преподавателей никого не осталось. Учитель русскаго языка давалъ въ классѣ представленія, изображая «жидковъ». Преподаватель математики велъ въ классѣ бесѣды въ родѣ слѣдующей:

— Сами жиды нахально кричатъ всѣмъ, что они—талантливый народъ. Въ сущности, это—только ловкіе гешефтмахеры. Ихъ «великіе» люди только великіе прохвосты, прославленные жидовскими рекламистами. Былъ у нихъ «филошофъ» Берко Шпиноза да сочинитель пахабныхъ стиховъ Гершко Гейне.

— Трудно судить тѣмъ, которые ни Спинозы, ни Гейне не читали!—съ негодованіемъ крикнулъ съ «еврейской скамьи» (всѣхъ гимназистовъ евреевъ посадили отдѣльно) одинъ мальчикъ. Его исключили за «неслыханную наглость». Такъ какъ доступъ евреевъ въ гимназію былъ ограниченъ, то они превратились въ богатую оброчную статью для начальства. Инспекторъ принялъ моего маленькаго двоюроднаго брата вмѣстѣ съ 500 рублями. И каждый годъ бился объ закладъ съ братомъ моего отца на 500 руб., что мальчикъ перейдетъ. Инспекторъ постоянно выигрывалъ пари. Я не могъ убѣдить дядю, что, давая взятку, онъ дѣлаетъ страшно безнравственный поступокъ.

Не смотря на то, что еврейское населеніе нашего города уменьшилось вслѣдствіе эмиграціи, ограниченія въ гражданскихъ правахъ повели къ ужасному обнищанію его. «Un tiers crevera». Это предсказаніе несомнѣнно осуществлялось. За то я не узнавалъ больше еврейской массы. Забитыхъ, приниженныхъ евреевъ больше не было. Пролетаріатъ весь былъ революціонизированъ въ десять лѣтъ. Русская грамотность очень распространена среди евреевъ на Югѣ. По еврейски же читаютъ поголовно всѣ. Уже много вѣковъ, какъ совершенно неграмотныхъ среди евреевъ нѣтъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ жаргонная литература ограничивалась только

бытовыми разсказами изъ жизни хасидовъ да кое-какими переводами грубо-сенсаціонныхъ романовъ, какъ, напримѣръ, Габоріо. Теперь появилась громадная политическая и экономическая агитаціонная литература. Впрочемъ, самымъ лучшимъ пропагандистомъ являлось само правительство. Чѣмъ безчеловѣчнѣе были «временныя правила» противъ евреевъ, тѣмъ больше революціонизировался пролетаріатъ.

Мое положеніе было относительно счастливое. Я былъ матеріально обезпеченъ и, самое важное, имѣлъ дипломъ, дававшій мнѣ право передвиженія. И всетаки на каждомъ шагу, при каждомъ столкновеніи съ начальствомъ, мнѣ давали чувствовать, что я—парія. Въ неизмѣримо худшемъ положеніи очутился при возвращеніи Давидъ. Безъ средствъ, безъ права оставить «черту», онъ томился въ мѣстечкѣ, гдѣ былъ приписанъ. Возвратившійся изъ ссылки напоминаетъ растеніе, вырванное съ корнями. У русскихъ есть хоть исходъ поступить на земскую службу. Еврею и это не доступно.

V.

Въ «чертѣ» евреи съ незапамятныхъ временъ привыкли трепетать по мѣрѣ приближенія Пасхи, когда обыкновенно происходятъ погромы. Съ особеннымъ страхомъ ждутъ третьяго дня. Тогда обыкновенно все еврейское населеніе сидитъ дома и боится показаться на улицѣ. Съ трепетомъ прислушивается оно, не раздается ли уже на улицѣ разбойничій посвистъ, не кричатъ ли уже: «бей жидовъ!» и не звенятъ ли разбиваемыя стекла. Въ нашемъ городѣ передъ Пасхой евреи обыкновенно приносили «благодарность» полицеймейстеру: три тысячи рублей. То было приношеніе «не въ зачетъ», помимо обычной дани, вознагражденіе за право жизни и сохраненія имущества. Полицеймейстеръ принималъ деньги и успокаивалъ евреевъ, что погрома не будетъ. Третій день Пасхи евреи проводили въ домахъ съ закрытыми ставнями. При каждомъ подозрительномъ шумѣ евреи готовы были забраться на чердакъ и поднять за собою лѣстницу. Въ чертѣ осѣдлости чердакъ — единственное и, нужно сознаться, крайне не надежное укрѣпленіе евреевъ во время погромовъ. Когда Пасха кончалась, евреи успокаивались. Они знали, что большого погрома теперь не будетъ цѣлый годъ. Правда, возможно, что во время призыва новобранцы «погуляютъ», изобьютъ нѣсколько человѣкъ и разнесутъ двѣ-три лавченки. Но это не принималось даже въ счетъ.

Но вотъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, совершенно не въ погромное время, мы узнали, что мѣстечко Рябиновка, въ которомъ до шести тысячъ евреевъ—разнесено. Погромъ, на первыхъ порахъ, поразилъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ «не въ сезонъ». Представь себѣ изумленіе петербуржцевъ, получившихъ извѣстіе, что 25 де-

кабря надъ Москвой разразилась страшная гроза, при чемъ молніей разбито нѣсколько зданій. Черезъ день еврейское населеніе города плакало не надъ неурочностью погрома, а надъ жестокостью его. Въ Рябиновкѣ всѣ евреи остались безъ крова. Громилы подожгли еврейскіе дома, убили восемь человѣкъ и изнасиловали нѣсколько женщинъ. Городъ нашъ наполнился бѣженцами. Неурочный погромъ, первый со времени моего возращенія, подавилъ меня совершенно. Я такъ рвался на родину, а она встрѣтила меня дикимъ насиліемъ и убійствами. Затѣмъ я трепеталъ за Давида. Послѣ возвращенія его отправили на родину, въ Рябиновку, и теперь я не имѣлъ отъ него никакихъ вѣстей. Меня преслѣдовала мысль, что среди убитыхъ находится и мой товарищъ. Бѣженцы говорили мнѣ про одинъ трупъ, изуродованный до послѣдней степени и потому неопознанный, и я былъ почти увѣренъ, что то Давидъ. Но на четвертый день, когда я собрался самъ въ Рябиновку, мой товарищъ явился, растрепанный, блѣдный, съ всклокоченными волосами и лихорадочно сверкающими глазами, подъ которыми синѣли большіе круги. Давидъ былъ такъ возбужденъ, что не могъ мнѣ даже разсказать связно о томъ, что произошло. Какъ только онъ начиналъ о погромѣ, его охватывало бѣшенство.

— Меня приводитъ въ безуміе не самый погромъ,—кричалъ Давидъ,—не фактъ грабежей и убійствъ. Громилы,—большею частью, темный, пришлый людъ, глубоко убѣжденный, что «жидъ»—не человѣкъ, поэтому за убійство его судить не будутъ. По представленію этихъ людей разгромить еврейское имущество такъ же дозволено, какъ «выдрать» изъ-подъ стрѣхи воробьиное гнѣздо или раскопать нору хомяка. Не жестокость темныхъ громилъ, не видящихъ въ еврѣ человѣческое существо, поразило меня. Ужасно отношеніе, такъ называемыхъ, культурныхъ людей. У насъ въ Рябиновкѣ большой заводъ. Тамъ есть и врачи, и конторщики, и инженеры, и рабочіе. Многіе изъ нихъ интересуются заграничными дѣлами, читаютъ газеты, получаютъ толстые журналы. Какъ они отнеслись къ погрому? Нѣкоторые усматривали въ работѣ громилъ и въ отчаянныхъ крикахъ евреевъ, въ предсмертномъ хрипѣніи и въ воплях женщинъ и дѣвушекъ смѣшныя черты. Для этихъ людей погромъ былъ, своего рода, большимъ анекдотомъ изъ еврейскаго быта. Другіе явно сочувствовали погромамъ. Третьи заботились, по преимуществу, о томъ, чтобы ихъ какъ-нибудь не приняли за евреевъ. И вотъ люди, покончившіе давнымъ давно съ обрядовой религіей, доставали у прислуги иконы и выставляли ихъ въ окнахъ, рисовали на дверяхъ кресты и заботливо надѣвали давно уже снятые тѣльники. Въ громадномъ мѣстечкѣ, гдѣ большой заводъ, паровая мельница и узловая желѣзнодорожная станція съ мастерскими и депо,—нашлись только трое, которые не только прятали у себя евреевъ, но открыто заступались за нихъ и отстаивали.

Я попробовалъ отвѣтить, что взглядъ на еврейскій домъ, какъ

на воробьиное гнѣздо или какъ на нору хомяка, а на евреевъ, какъ на низшее существо, установился вслѣдствіе отношенія правительства. Еврейскій вопросъ разрѣшится тогда, когда разрѣшится русскій. Въ XIV вѣкѣ евреевъ жгли и рѣзали въ Лангедокѣ, въ XII вѣкѣ вырѣзали еврейскія общины въ Норичѣ, Эдмонсбери, Стэмпфордѣ и въ Іоркѣ. Въ XVIII вѣкѣ «Декларація правъ человѣка» была ознаменована громаднымъ погромомъ евреевъ въ Лотарингіи; но теперь въ Англіи нѣтъ совершенно антисемитизма, и во Франціи онъ не идетъ дальше столбцовъ уличныхъ листковъ. Въ Германіи теперь есть антисемиты; но развѣ ихъ проповѣдь имѣетъ что-нибудь общее съ антисемитскимъ средневѣковымъ лозунгомъ «Hierosolyma est perdita»! Изъ трехъ первыхъ буквъ этого лозунга образовался ужасный крикъ: hep! hep! раздававшійся во время рѣзни евреевъ въ Метцѣ, Тревсѣ, Кельнѣ, Майнцѣ, Вормсѣ, Страсбургѣ, Нюренбергѣ, Бранденбургѣ, Франкфуртѣ и Прагѣ. Евреямъ въ Россіи теперь скверно, потому что скверно русскимъ, полякамъ, армянамъ, грузинамъ. Правда, никто такъ не страдаетъ отъ правительственнаго режима, какъ евреи; но это только доказываетъ, что имъ изо всѣхъ силъ нужно, вмѣстѣ съ другими, бороться съ порядкомъ, установившимъ такое дикое представленіе о человѣческихъ правахъ.

— Твой отвѣтъ я зналъ заранѣе,—раздраженно началъ Давидъ.— Ты обошелъ совершенно явленіе, на которое я тебѣ указалъ: равнодушіе, а иногда даже враждебное отношеніе къ пострадавшимъ въ Рябиновкѣ со стороны сознательныхъ русскихъ. Я знаю еще другой фактъ, которому когда-то давалъ совершенно иное толкованіе. Помнишь ли ты слова Галагана, о которыхъ мы такъ много говорили, когда насъ всѣхъ гнали въ Сибирь?

Галаганъ былъ нашъ товарищъ, съ которымъ мы вмѣстѣ сидѣли въ Бутыркахъ и вмѣстѣ шли потомъ до Иркутска. Нужно представить себѣ очень высокаго, смуглаго, черноволосаго и чернобородаго человѣка лѣтъ 35, съ глубоко запавшими глазами. Когда-то Галаганъ былъ приватъ-доцентомъ въ одномъ изъ южныхъ университетовъ. Во времена бѣлаго террора въ 1879 г. Галагана сослали административнымъ порядкомъ въ Енисейскую губернію. Когда онъ возвратился, его опять арестовали по ничтожному поводу. Въ одиночномъ заключеніи Галаганъ сошелъ съ ума и сталъ утверждать, что онъ—потомокъ греческихъ императоровъ. Таинственная шайка международныхъ убійцъ вотъ уже нѣсколько столѣтій преслѣдуетъ потомковъ великаго рода, съ цѣлью овладѣть оставленнымъ крупнымъ наслѣдствомъ. Эти убійцы теперь напрягли всѣ усилія, чтобы покончить съ нимъ, Галаганомъ, послѣднимъ въ родѣ. Убійство будетъ произведено необыкновеннымъ способомъ: на разстояніи, путемъ магнитизма. Съ этой цѣлью Галагану введутъ «подъ мозговую оболочку нашатырный спиртъ». Вполнѣ вѣроятно, что предварительно убійцы лишатъ Галагана «венгерскимъ

способомъ», опять на разстояніи, возможности продолжать родъ греческихъ императоровъ. Не смотря на то, что помѣшательство Галагана было констатировано нѣсколькими экспертами, его все же отправили административнымъ порядкомъ на четыре года въ Иркутскую губернію. Въ Бутыркахъ и на этапахъ мы всѣ относились къ Галагану съ глубокимъ уваженіемъ и съ жалостью. Все это дѣлало то, что мы легко переносили тяжелый, мрачный и подозрительный характеръ больного. Боясь нападенія убійцъ, онъ всегда возилъ съ собою громадный ножъ и молотъ, которымъ вбивалъ большіе гвозди въ двери и косяки этапныхъ камеръ, какъ только мы останавливались на ночлегъ. Гвозди Галаганъ связывалъ потомъ крѣпкой веревкой, чтобы такимъ образомъ забаррикадироваться. Вколачиваніе гвоздей обыкновенно будило арестантовъ, которые принимались ругать насъ. Изъ-за Галагана у насъ вышелъ цѣлый рядъ исторій, покуда мы добрались до Иркутска. Вспомнилъ я также и тотъ разговоръ, о которомъ упомянулъ Давидъ.

Это было въ Шерагулѣ, въ одномъ изъ этаповъ по «длинной дорогѣ», между Нижне-Удинскомъ и Иркутскомъ. Галаганъ не спалъ. Онъ былъ сильно возбужденъ въ послѣдніе дни и все ждалъ, что «они», таинственные истребители «родовъ Мавро, Мавровіазо, Вучино, Ираклида, Калафати, Полетаки и Галагановъ» подкопаются подъ камеру и сдѣлаютъ рѣшительную попытку «ввести ему нашатырный спиртъ подъ мозговую оболочку», чтобы покончить съ послѣднимъ представителемъ греческихъ императоровъ и завладѣть, наконецъ, наслѣдствомъ въ сто милліоновъ. Галаганъ упросилъ товарища Базилевича, «какъ брата», не спать эту ночь. Нервное возбужденіе его передалось и другимъ, которые, несмотря на усталость, не могли уснуть. Въ три часа ночи Галаганъ сталъ излагать Базилевичу свой взглядъ на исторію.

— Всюду—жиды,—говорилъ Галаганъ, лежа на спинѣ и закинувъ руки за голову.—Они забрали въ свою власть весь міръ и заграбили деньги родовыхъ дворянскихъ фамилій, какъ Галагановъ, Мавросеніевъ и Маврокордато, послѣдній представитель которыхъ умираетъ въ чахоткѣ, тогда какъ бароны Ротшильды, которые разжились только потому, что во время севастопольской войны были гробокопателями, т. е. обирали на полѣ сраженія трупы,—не знаютъ, куда дѣвать милліоны. Мало того, евреи даютъ себѣ фамиліи родовыхъ греческихъ дворянскихъ фамилій, истребляя ихъ. Такъ, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ есть предводитель дворянства Кефала—еврей; онъ такой же грекъ, какъ я—обыватель Камбоджи. Евреи всюду втираются. Русскую имперію они совсѣмъ ожидовили: графъ Паленъ—еврей, директоръ департамента полиціи Оржевскій—еврей. Недоумѣваю только, почему ихъ преслѣдуютъ,—развелъ руками Галаганъ.—Доказано, что пер-

рая жена Петра I, Монсъ, Анна Леопольдовна, Антонъ Ульриковичъ, Екатерина II, Остерманъ и Минихъ были еврейскаго происхожденія. Еврейскіе банкиры хотятъ издать сочиненіе и доказать въ немъ, что Петръ Великій былъ подкинутый еврей.

Галаганъ замолчалъ.

— Не знаю, дозволятъ ли имъ это иностранныя державы?—скептически началъ онъ.—Жиды вылѣзли въ владѣтельные князья. Всѣ эти герцоги Гессенъ-Дармштадтскіе, Насаускіе и Детмольскіе—несомнѣнные евреи. Это ясно видно даже изъ ихъ фамилій. Евреи забрались даже въ чистую доселѣ отъ нихъ область—въ расколъ. Скопецъ Зайченко, идущій съ нашей партіей и заходящій постоянно въ нашу камеру—еврей. Скопческій архіерей, задержанный въ Красноярскѣ за обращеніе въ свою ересь трехъ бродягъ—тоже жидъ. Жиды забрали въ свои руки академію наукъ. Тамъ сидитъ теперь человѣкъ, котораго называютъ знаменитымъ зоологомъ, а я знаю, что онъ содержитъ въ Одессѣ всѣ публичные дома. Быть можетъ, онъ и хорошій человѣкъ, но что общаго между академіей наукъ и публичнымъ домомъ? И для того мои дѣды копили богатства,—скорбно заключилъ Галаганъ,—чтобы они достались Ротшильдамъ! Я живу теперь только старыми воспоминаніями. И живешь же, никакъ не околѣешь! Такъ и ждешь, что тебя или оскопятъ, или объявятъ жидомъ.

Вотъ о какомъ эпизодѣ напомнилъ мнѣ Давидъ.

— Послушай,—сказалъ я,—не понимаю, зачѣмъ ты ворошишь старину? Мы всѣ тогда, и ты въ томъ числѣ, усмотрѣли въ словахъ Галагана только бредъ душевно-больного. Ты вѣдь знаешь, какой благородный человѣкъ былъ Галаганъ!..

— Да. Читалъ я недавно французскую книжку нѣкоего Луи Мартэна «L'Anglais est-il juif»? Книга нашла издателя. По обложкѣ я узналъ, что у автора есть еще другое произведеніе «L'Angleterre et la Franc-Maçonnerie». Видишь, заслуженный писатель въ нѣкоторомъ родѣ. Разсуждаетъ онъ также, какъ Галаганъ. Между тѣмъ, есть читатели, которымъ слова Мартэна не кажутся нелѣпостью. Вотъ я тебѣ прочту выдержку. Нарочно сдѣлалъ.

Давидъ вытащилъ листокъ почтовой бумаги и сталъ читать.

— Англичане, евреи, гугеноты и франкмасоны подвигаются впередъ гигантскими шагами. Англичане, шотландцы и ирландцы, въ сущности, евреи. Лордъ Абердинъ, канадскій губернаторъ, несомнѣнно еврей. Это видно по его смуглому лицу, по вьющимся волосамъ и по жидкой мускулатурѣ. Предъ нами тотъ же типъ youpins, который можно наблюдать на бульварахъ. Типъ этотъ распространенъ въ Шотландіи. Лэди Абердинъ тоже, судя по чертамъ лица, несомнѣнно еврейскаго происхожденія; въ особенности, характерна ея спина... Звучныя имена этихъ лицъ не должны обманывать никого. *Youpins* умѣютъ маскироваться. Кошутъ, на-

примѣръ, былъ еврей. Его настоящее имя Левинъ Когутъ, превратилось въ *Луи Кошутъ*. Съ 1830 г. онъ началъ свою революціонную работу по сигналу Alliance Israélite, который попытался въ то время зажечь факелъ революціи всюду въ Европѣ. Въ Англіи для этого еврейскій союзъ выбралъ Дизраэли, во Франціи—Кремье, въ Италіи—Маццини, тоже еврея по происхожденію, въ Венгріи—Кошута, въ Германіи—Маркса. Всѣ дѣятели революціи—семитическаго происхожденія. Робеспьеръ—эльзасскій еврей, его настоящее имя—Рюбэнъ. Онъ основалъ еврейскій союзъ. Дантонъ—польскій еврей, звали его Даніэль. Маратъ—тоже еврей. Его настоящее имя Марзесонъ. Основатели англійской народности, саксонцы, несомнѣнно евреи. Это видно даже по названію: Saxons—Isaac's sons, т. е. дѣти Исаака. Давидъ кончилъ читать и дрожащими пальцами скомкалъ бумажку.

— Если книги Мартэна находятъ себѣ покупателей и читателей во Франціи, то откуда ты знаешь, что совершенно аналогичныя историческія соображенія Галагана, если бы онъ ихъ сталъ излагать въ обществѣ, не нашли бы себѣ слушателей и послѣдователей? Въ словахъ Галагана я вижу теперь нѣчто иное, чѣмъ простой бредъ разстроеннаго ума. Антисемитизмъ — болѣзнь, присущая всѣмъ русскимъ. У однихъ она проявляется открыто организаціей погромовъ, сочувствіемъ имъ и оправданіемъ громилъ, изнасилователей и мучителей. У другихъ антисемитизмъ напоминаетъ плохо залѣченную и вогнанную во внутрь болѣзнь, которая можетъ высыпать наружу при первомъ подходящемъ случаѣ. Развѣ ты не знаешь, что были очень хорошіе и очень честные люди, оправдывавшіе погромы 1881 г. тѣмъ, что «евреи не нація, а классъ». Увѣренъ ли ты, что такой же взглядъ не будетъ раздѣляться многими въ моментъ окончательной побѣды надъ старымъ порядкомъ? Мы поможемъ имъ добиться освобожденія. Братья наши лягутъ на баррикадахъ, погибнутъ на эшафотахъ и сгніютъ въ Сибири за общее дѣло. А развѣ не можетъ случиться, что и въ законодательномъ собраніи скажутъ: «Евреи не нація, а классъ». И насъ окончательно лишатъ всѣхъ гражданскихъ правъ; насъ навсегда загонятъ въ проклятую черту, гдѣ мы задыхаемся; гдѣ гибнемъ отъ голода; гдѣ нужда гонитъ нашихъ сестеръ въ публичные дома. Довольно!—бѣшено крикнулъ Давидъ.— Я уѣзжаю съ эмигрантской партіей въ Южную Америку. Пароходъ въ Буэносъ-Айрэсъ отходитъ изъ Лондона черезъ двѣ недѣли. Послѣ завтра эмигранты уѣзжаютъ. Евреи самые непростительные мечтатели въ мірѣ. Ни одинъ народъ такъ охотно и такъ быстро не строитъ фантастическихъ замковъ на песчинкѣ. Чѣмъ переживаемый моментъ тяжелѣе, тѣмъ охотнѣе они готовы отдаться всецѣло мечтѣ. Исторія евреевъ—это длинный циклъ созданныхъ и обрушившихся фантастическихъ дворцовъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ мечтой русскихъ евреевъ была Аргентина. Къ тому же

гиршевскія агенты давали возможность переселенцамъ тронуться въ дальній путь.

— Ты ищешь новую родину?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я желаю сохранить мою старую вѣру въ русскій народъ, за который я отдалъ свою молодость.

Пришелъ нашъ гимназическій и университетскій товарищъ Кельманъ, глупый, восторженный человѣкъ, манія котораго—писать народные разсказы на украинскомъ языкѣ. Онъ былъ тоже мечтатель. Кельманъ—врачъ. Не знаю, какъ онъ лѣчитъ, но разсказы его—идеально бездарны. Онъ принесъ намъ и прочелъ новое свое произведеніе, которое называлось «Несчастне коханье» и отличалось обычной приподнятой и фальшивой сентиментальностью тѣхъ произведеній, которымъ Кельманъ подражалъ. Затѣмъ съ большимъ чувствомъ онъ продекламировалъ намъ стихи Шевченко:

„Такъ сміються зъ Украйіні
Староній люде!
Не смійтеся чужі люде...
Встане Украйіна
И розвійе тьму неволі,
Світъ правди засвітить
І помоляться на волі
Невольничі діти“.

— Тебѣ-то что до возрожденія Сѣчи?—насмѣшливо спросилъ Давидъ.—Чего тоскуешь такъ по ней? Когда «встане Украйіна», то первымъ дѣломъ раздробитъ полѣномъ черепъ тебѣ, потому что остальные евреи убѣгутъ и спрячутся, а ты, какъ украинофилъ, останешься и, подобно библейской дѣвѣ, выйдешь навстрѣчу, но только не съ тимпаномъ, а съ рукописями твоихъ разсказовъ.

Когда Кельманъ узналъ, что Давидъ уѣзжаетъ въ Южную Америку, то тоже спросилъ:

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, что я хочу, чтобы меня признали человѣкомъ. Здѣсь каждую минуту мнѣ напоминаютъ, что я не человѣкъ, а *жидъ*, парія. Я спасаю мою вѣру въ людей. Меня поразило не то, что администрація сѣетъ антисемитизмъ, а то, что культурные и порядочные люди такъ жадно воспринимаютъ ученіе, исходящее изъ полицейскаго участка.

VI.

Эмигранты въ Аргентину уѣхали черезъ два дня. Я пришелъ на станцію проститься съ Давидомъ. Гиршевскій агентъ набралъ большую партію. Большею частью то были ремесленники, отчаянно вырывавшіеся изъ желѣзныхъ объятій нищеты и трепетавшіе за жизнь при каждомъ шумѣ на улицѣ, какъ будто находились въ

сердцѣ Дагомеи. Погромъ въ Рябиновкѣ и подметныя письма съ предсказаніями, что «хлопцы скоро выпустятъ жидовскіе бебехи», и въ нашемъ городѣ заставилъ десятки людей спѣшно распродать свое нищенское имущество и тронуться въ далекую страну, о которой не знали даже точно, гдѣ именно она лежитъ. Лондонъ и Нью-Іоркъ были уже знакомыя мѣста; но оттуда писали, что тамъ слишкомъ много русскихъ евреевъ. Въ погонѣ за заработкомъ они сбили цѣны на работу до смѣшного, а тутъ еще наступилъ «слэкъ» (slack, т. е. мертвый сезонъ). Евреи удивительно быстро воспринимаютъ языкъ окружающаго народа. Въ Польшѣ ихъ жаргонъ изобилуетъ польскими словами, въ Россіи—малорусскими, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ уже создаться новый еврейско-англійскій жаргонъ.

Переселенцы ждали поѣзда. На платформѣ и въ залѣ третьяго класса, на мѣшкахъ, на подушкахъ и на перинахъ, увязанныхъ веревками, сидѣли женщины и дѣти. Мужчины, сдвинувъ шапки на затылокъ, суетились въ багажномъ отдѣленіи, отправляя свои пожитки до Либавы. Женщины тихо всхлипывали. Дѣтей постарше совершенно увлекла новизна обстановки. Широко раскрывъ глаза, глядѣли они на пассажировъ, на пыхтѣвшіе паровозы, двигавшіеся то впередъ, то назадъ, какъ будто нащупывая почву, на вагоны, тихо сталкивавшіеся буферами. Маленькія дѣти играли сверкавшими на солнцѣ чайниками, привязанными къ подушкамъ. Мужчины, сдавъ багажъ, тоже вышли на платформу. Нервно возбужденные, они то подходили къ дѣтямъ, то заговаривали съ кондукторомъ, не удостоивавшимъ ихъ даже отвѣтомъ, то давали не имѣвшія никакого значенія распоряженія остающимся родственникамъ и знакомымъ. Къ платформѣ, какъ бы крадучись, тихо подползъ длинный поѣздъ. Раздался звонокъ.

— Эй, жидова, въ вагоны!—крикнулъ кондукторъ.—Смотрите, жиденятъ здѣсь не забывайте.

Но команда была совершенно излишня. Подхвативъ мѣшки и подушки, переселенцы, какъ испуганное стадо овецъ, метнулось къ вагонамъ. Черезъ нѣсколько минутъ мѣста были заняты. Женщины и дѣти остались въ вагонахъ, а мужчины вышли на платформу. Вотъ въ вагонѣ заплакала женщина, за ней другая, третья. Заплакалъ весь вагонъ, потомъ слѣдующій. И скоро весь эмигрантскій поѣздъ наполнился рыданіями и причитаніями. Изъ спущенныхъ оконъ вырывался отчаянный вопль, широкой волной разливавшійся по выжженной степи. На платформѣ мужчины крѣпились; но плачъ заразителенъ. И скоро тамъ и сямъ мужчины стали всхлипывать и полѣзли въ карманы за платками. Станція у насъ стоитъ на угорѣ. По одну сторону рѣки въ долинѣ видѣнъ городъ, кончающійся старинными земляными окопами, сооруженными когда-то противъ татаръ. На сѣверъ тянется степь. Одинокіе курганы кажутся заблудившимися овцами на этой безконечной равнинѣ. Ты, вѣро-

ятно, помнишь первый курганъ, до котораго верстъ семь. Когда мы были мальчиками, курганъ служилъ первымъ пунктомъ нашихъ странствованій. Мы искали въ степи, чего тамъ нѣтъ: большого лѣса. За курганомъ идетъ глубокій оврагъ, въ глинистыхъ стѣнахъ котораго гнѣздятся стрижи, за тѣмъ - маленькая роща съ могилами самоубійцъ, потомъ—рѣчка, а за ней, на угорѣ—деревня. Мы каждое воскресенье уходили рано утромъ и возвращались ночью. Мы шли въ одномъ направленіи, увѣренные почему-то, что тамъ долженъ быть лѣсъ. Въ жаркіе іюльскіе дни мы видѣли съ вершины кургановъ, какъ вдали струится рѣкой нагрѣтый воздухъ; но лѣса не было. То было наше первое исканіе идеала и первое разочарованіе. А на востокъ отъ станціи, за глубокимъ оврагомъ по откосу виднѣлось кладбище. Съ платформы ясно видны были кресты, потомъ ровъ, потомъ еврейскія могилы безъ крестовъ, съ полукруглыми надгробными плитами. Даже послѣ смерти двѣ національности окопались другъ отъ друга. И на эти могилы съ полукруглыми плитами глядѣли теперь переселенцы. Кладбище появилось за оврагомъ еще тогда, когда городъ представлялъ только одно изъ земляныхъ укрѣпленій, возведенныхъ въ Дикомъ полѣ противъ бродячихъ ордъ. Кладбище расло вмѣстѣ съ городомъ. Переселенцы оставляли за оврагомъ прахъ предковъ, создавшихъ, вмѣстѣ съ христіанами, этотъ степной городъ. И видъ этихъ могилъ заставилъ всхлипывавшихъ мужчинъ заплакать навзрыдъ. Я узналъ въ толпѣ лудильщика Гавріила, котораго мы съ тобою знали съ дѣтства. Мы приходили къ нему съ заказами по нашимъ собственнымъ рисункамъ капсюль для растеній. Помнишь, Гавріилъ, разсматривая рисунокъ, все восхищался, что вотъ еврейскій мальчикъ и русскій, дружны, «какъ дѣти одного отца», и работаютъ вмѣстѣ. Лудильщикъ разсказывалъ намъ талмудскія легенды, потому что онъ былъ очень силенъ въ еврейской наукѣ. Теперь старый лудильщикъ плакалъ навзрыдъ, рвалъ въ отчаяніи свою длинную сѣдую бороду и повторялъ нараспѣвъ древне-еврейскія слова Библіи: «Доколѣ, Господи! И Онъ отвѣчалъ: доколѣ не опустѣютъ города отъ неимѣнія жителей и домы отъ безлюдья, и земля не обратится въ пустыню... Развѣ Израиль рабъ? Если онъ домочадецъ здѣсь, то почему онъ сталъ добычею? На него рыкаютъ львы. Его города сожжены».

Съ эмигрантскимъ поѣздомъ было очень мало другихъ пассажировъ. Иные изъ нихъ ушли въ вагоны, потому что плачъ разстраивалъ имъ нервы; другіе, наоборотъ, видѣли въ плачущихъ евреяхъ нѣчто смѣшное и забавное.

— Ай-вай-вай! Ой вей миръ! Гевулдъ! Тателе мамеле!—кривлялся какой то господинъ въ шапкѣ съ краснымъ околышемъ, въ чесунчовомъ пиджакѣ и въ пестрой рубахѣ со шнуркомъ, вмѣсто галстуха. Господину, повидимому, казалось, что онъ очень остроуменъ, потому что постоянно оглядывалъ публику, очевидно

ожидая одобреній и смѣха. Тутъ я замѣтилъ, наконецъ, Давида, который давно забрался въ вагонъ и отвернулъ свое блѣдное лицо. Онъ глядѣлъ въ степь. Кривлянія господина въ фуражкѣ заставили Давида вздрогнуть, какъ отъ удара хлыстомъ.

— Я спасаю мою вѣру въ этихъ людей!—сказалъ онъ мнѣ тихо, закрывъ лицо руками. Раздался третій звонокъ. Я наскоро обнялъ Давида и выбѣжалъ на платформу. Мой другъ не бросился, какъ всѣ, къ окнамъ, выходящихъ на платформу, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на городъ и на кладбище. Я видѣлъ только спину Давида. Онъ по прежнему глядѣлъ на степь.

VII.

Я получилъ черезъ двѣ недѣли письмо изъ Лондона. Эмигранты задержались тамъ до слѣдующаго парохода. Въ письмѣ не было больше тоновъ отчаянія. Я опять узнавалъ моего Давида. Онъ описывалъ мнѣ «первыя впечатлѣнія представителя порабощенной страны въ вольномъ городѣ» и разсказывалъ, какъ присоединился къ какой-то процессіи, шедшей съ флагами и музыкой, не потому, что сочувствовалъ ей (разговорный англійскій языкъ Давидъ понималъ очень плохо), а потому, что право манифестировать опьянило его. Мой другъ восторженно описывалъ мнѣ закрытые и открытые митинги. Онъ цѣлыми часами простаивалъ въ Гайдъ-паркѣ у Мраморной арки, прислушиваясь къ словамъ многочисленныхъ ораторовъ, говорящихъ тамъ на разныя темы. Одни ораторы комментируютъ Апокалипсисъ, другіе отстаиваютъ догматъ непогрѣшимости папы или излагаютъ собственную ересь. Дальше анархистъ громитъ современный строй, а рядомъ съ нимъ ораторъ-имперіалистъ. Давидъ писалъ мнѣ, что всюду, на каждомъ шагу, чувствуетъ біеніе пульса великаго свободнаго народа. «И знаешь, на чемъ держится вся свобода? «На конституціи! На почти всеобщемъ избирательномъ правѣ!»—скажешь ты. Нѣтъ, на уваженіи къ чужой личности. Это уваженіе чувствуется во всемъ. Въ порабощенной странѣ люди не могутъ уважать другъ друга, потому что ихъ самихъ не уважаютъ. Мѣриломъ свободы и культуры является уваженіе къ чужой личности». Но больше всего Давидъ пришелъ въ восторгъ отъ того, что видѣлъ въ восточномъ кварталѣ Лондона. Тамъ выходцы изъ Россіи: евреи, малороссы, поляки дружно жили всѣ вмѣстѣ общими интересами. Въ свободной странѣ отъ національной розни не осталось и слѣда. Евреи и малороссы не только вмѣстѣ работали на общей фабрикѣ, соединялись въ одинъ союзъ и устраивали общую кассу; но ихъ зачастую объединяла самая крѣпкая дружба. «Что евреи радостно идутъ навстрѣчу народу, который привѣтливо улыбается имъ, это я зналъ изъ исторіи,—писалъ мнѣ Давидъ.—Но здѣсь, въ Лондонѣ, постигъ я также, что русскіе—самый толерантный народъ въ мірѣ, если нѣтъ

людей. искусственно сѣющихъ національную рознь. Если Россія будетъ свободна когда-нибудь, то въ нѣсколько лѣтъ всѣ граждане ея сольются въ одинъ великій мощный союзъ, основанный на взаимномъ уваженіи».

Затѣмъ я надолго потерялъ Давида. Восемь лѣтъ я не имѣлъ отъ него никакихъ вѣстей. Я занялся моимъ большимъ изслѣдованіемъ, работалъ въ библіотекахъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Берлинѣ и, наконецъ, черезъ шесть лѣтъ выпустилъ мой трудъ «Woman's Share in Primitive Culture», сперва по англійски, а потомъ по-русски. Основное положеніе мое было ново, и работа заинтересовала публику. О моей книгѣ писали сочувственно; на нее стали ссылаться. Имя мое попало въ энциклопедическіе словари. Прибавлю еще, что большая антисемитская газета обругала мою книгу только за еврейское происхожденіе автора, когда мой псевдонимъ былъ раскрытъ. Въ той же газетѣ перевели съ большой похвалой одну главу изъ моей книги, когда она вышла только по-англійски. Нервы у меня развинтились не отъ работы, а отъ тѣхъ вѣстей, которыя доходили до меня въ свободныя отъ нея минуты. И я рѣшилъ провести годъ въ Швейцаріи. Здѣсь, въ Герзау, на берегу Фирвальдштетскаго озера, получилъ я пересланное моимъ петербургскимъ издателемъ письмо Давида изъ Аргентины. Мой другъ разсказывалъ мнѣ подробно, какъ добрался до Южной Америки и какъ поселился въ пампасахъ, въ провинціи Entre Rios, близъ города Касеросъ. Сперва онъ взялъ участокъ земли отъ гиршевскаго комитета; но затѣмъ, когда привыкъ къ земледѣлію, соединился съ молодымъ испанцемъ, съ которымъ очень подружился, и вмѣстѣ взяли землю у правительства. Началась цѣлая Иліада страданій. Товарищи подняли цѣлину, вспахали и засѣяли нѣсколько акровъ. Когда хлѣбъ сталъ наливаться, налетѣла саранча и уничтожила все. Товарищи не пали духомъ. У испанца были деньги. Кое какія сбереженія скопилъ и Давидъ. Они на слѣдующій годъ опять вспахали и засѣяли поле. И опять, когда колосья налились, саранча уничтожила урожай. Въ третій разъ испанецъ и Давидъ принялись за дѣло сначала. Они вложили свои послѣднія деньги. Урожай вышелъ необыкновенный; но и саранчу того года въ Аргентинѣ будутъ долго помнить. На много километровъ кругомъ не осталось ни одной былинки, ни одного листа на деревьяхъ. Фермеры были раззорены совершенно. Молодой испанецъ не выдержалъ и застрѣлился; «но я — еврей, — писалъ мнѣ Давидъ, — мы привыкли въ одинъ часъ терять результаты всей жизни. Здѣсь, въ Аргентинѣ, повторилось, въ нѣкоторомъ родѣ, то же самое, что въ Рябиновкѣ. Роль громилъ исполнила саранча. Я все потерялъ, но она не съѣла моей вѣры, тогда какъ громилы разбили когда-то мою душу. Я досталъ денегъ и опять засѣялъ поле. На этотъ разъ я снялъ такой громадный урожай, что покрылъ долгъ и прикупилъ живой инвентарь. Черезъ годъ урожай

былъ еще лучше. И вотъ уже четыре года, какъ о саранчѣ мы не слыхали здѣсь. У меня сто двадцать гектаровъ отличной земли, двадцать коней и тридцать коровъ. Устроилъ я тутъ большую молочную ферму. Нужно сказать еще, что я теперь женатъ и имѣю трехъ мальчиковъ. По тому факту, что я тебя нашелъ, можешь видѣть, что слѣжу внимательно за русской литературой». Письмо меня сильно порадовало; послѣ прочтенія его у меня осталось такое впечатлѣніе, что Давидъ убѣждаетъ самого себя: «почему ты грустишь, если у тебя 120 гектаровъ земли, жена, трое дѣтей, двадцать лошадей, тридцать коровъ и молочная ферма?» Я отвѣтилъ немедленно Давиду. Началось освободительное движеніе въ Россіи. Ледъ, сковывавшій ее вѣками, треснулъ. Вольная вода хлынула широкимъ потокомъ и понесла грязныя, разрыхленныя льдины. Правда, нѣсколько разъ на поворотахъ льдины останавливались и образовывали крѣпкую плотину. Тогда казалось, что опять идетъ зима. Но сильный натискъ вольной воды разрушалъ плотину. Началась героическая борьба проснувшагося народа съ старымъ порядкомъ, который ужасными мѣрами отстаивалъ свое право произвола и насилія. И вотъ три дня тому назадъ я получилъ третье и, повидимому, послѣднее письмо отъ Давида. «Продалъ все и переѣхалъ въ Розаріо, чтобы здѣсь дождаться парохода въ Лондонъ,— писалъ онъ. — Ѣду въ Россію. Въ Аргентинѣ мнѣ дѣлать нечего. Меня рѣшительно не интересуетъ, что сказалъ президентъ Мануэль-Куинтана конгрессу, будутъ ли строить здѣсь желѣзную дорогу до Анунціона и уладятся ли недоразумѣнія съ Боливіей. Какое мнѣ дѣло до всего этого, когда всякая газета, прибывшая изъ Россіи, заставляетъ меня переживать цѣлую гамму впечатлѣній. Сюда, черезъ океанъ и пампасы, доносится до меня призывный, трубный звукъ. И, какъ старый ланскнехтъ, заслышавшій вербовщика, я готовъ крикнуть: «иду!»

Что я могу еще прибавить къ тому, что разсказалъ о Давидѣ? Ты въ своей глуши зналъ отчаяніе, разочарованіе, мрачное уныніе. Все это пережилъ и я, хотя старался заполнить всю мою жизнь работой. Ко всѣмъ этимъ чувствамъ присоединялось еще сомнѣніе. На порогѣ старости я задавалъ себѣ мучительный вопросъ: правильно ли я поступилъ, отдавъ ту энергію и тѣ силы, которыя были у меня—родной странѣ, а не исключительно еврейскому народу? Честно ли я сдѣлалъ, что не присоединился къ нему, когда онъ погнался за мечтой о возрожденномъ Сіонѣ, внушенной отчаяніемъ? Правда, я не могъ увѣровать въ нее. Правда, я считалъ узкій націонализмъ—реакціоннымъ движеніемъ; но вѣдь въ тюрьмѣ я постоянно, изъ чувства товарищества, присоединялся къ протестамъ. И хотя я считалъ и считаю «голодный бунтъ»— одной нелѣпостью (если жертвовать собой, то лучше идти напроломъ), но въ Иркутскѣ послѣднимъ прекратилъ голодовку... Теперь бурныя волны освободительнаго движенія смыли всѣ сомнѣнія.

Какъ въ молодости, я знаю опять, что русскій народъ, т. е. конгломератъ многихъ національностей, устроитъ себѣ новую, полную глубокаго интереса жизнь, и тогда дружными, соединенными усиліями разгонитъ всѣхъ нетопырей, совъ и гадовъ. Какъ и мой другъ Давидъ, я слышу доносящійся до меня призывный звукъ трубы и восторженно отвѣчаю: «иду!» Твой Б. Малкисъ».

Діонео.

Борьба за всеобщее избирательное право въ отдѣльныхъ государствахъ Германской имперіи.

(Письмо изъ Германіи).

Германія находится въ настоящее время въ состояніи броженія. Рабочій классъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, входящихъ въ германскую имперію, мѣстами вступилъ, а мѣстами готовится вступить въ борьбу за завоеваніе гражданскихъ и политическихъ правъ. Эта борьба ведется подъ знаменемъ борьбы за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Событія въ Россіи, Австріи и Венгріи, гдѣ организованный пролетаріатъ ведетъ борьбу за всеобщее избирательное право, повліяли и на германскихъ рабочихъ, которые рѣшили энергично и съ новыми средствами борьбы взяться за уничтоженіе остатковъ феодально-монархическаго строя въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Германская имперія, какъ извѣстно, есть союзъ 26 государствъ. Первый параграфъ конституціи Германской Имперіи гласитъ: «Союзная территорія состоитъ изъ государствъ Пруссіи съ Лауенбургомъ, Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга, Бадена, Гессена, Мекленбурга-Шверина, Саксенъ-Веймара, Мекленбургъ-Стрелица, Ольденбурга, Брауншвейга, Саксенъ-Мейнингена, Саксенъ-Альтенбурга, Саксенъ-Кобурга-Готы, Ангальта, Шварцбургъ-Рудольштадта, Шварцбургъ-Зондерсгаузена, Вальдека, Реуса старшей линіи, Реуса младшей линіи, Шаумбургъ-Липпе, Липпе, Любека, Бремена, Гамбурга». Послѣ франко-прусской войны къ имперіи присоединилась Эльзасъ-Лотарингія. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ существуетъ мѣстное представительное учрежденіе—такъ называемый ландтагъ (сеймъ). Общія дѣла, касающіяся всей германской имперіи, обсуждаются и рѣшаются въ обще-имперскомъ рейхстагѣ. Вопросы же, имѣющіе отношеніе только къ жизни отдѣльнаго государства, обсуждаются въ ландтагахъ. Исключительно законодательной компетенціи отдѣльныхъ союзныхъ государствъ подлежатъ всѣ тѣ области, которыя на основаніи имперской конституціи не подлежатъ вѣдѣнію имперіи. Для нѣкоторыхъ союзныхъ государствъ компетенція

эта расширена. Такъ, имперское законодательство, касающееся желѣзныхъ дорогъ, не имѣетъ силы въ Баваріи. Въ Баденѣ, Баваріи и Вюртембергѣ обложеніе водки и пива мѣстнаго производства остается за мѣстной законодательной властью. Компетенціи ландтаговъ подлежатъ такія важныя области общественно-политической жизни, какъ народная школа, законодательство о собраніяхъ и пр. Въ каждомъ ландтагѣ обсуждается бюджетъ даннаго союзнаго государства. Извѣстный прусскій школьный законопроектъ, по которому народная школа подпадаетъ подъ вліяніе церкви, показываетъ, насколько важный вопросъ народной жизни зависитъ отъ ландтаговъ. Также обстоитъ дѣло и съ законодательствомъ о собраніяхъ. Каждое отдѣльное союзное государство имѣетъ свои законы о собраніяхъ, и эти законы могутъ быть измѣнены, или уничтожены только мѣстными парламентами—ландтагами. Такъ, въ Саксоніи существуетъ законъ, по которому на политическихъ собраніяхъ не имѣютъ права присутствовать несовершеннолѣтніе; въ другихъ же союзныхъ государствахъ этого ограниченія нѣтъ. То же самое и съ закономъ относительно присутствія женщинъ на политическихъ собраніяхъ. Въ Пруссіи и Баваріи женщинамъ запрещено присутствовать на политическихъ собраніяхъ; въ другихъ же союзныхъ государствахъ это ограниченіе отсутствуетъ.

Въ виду всего этого понятно, что рабочіе сильно заинтересованы въ томъ, чтобы и ихъ представители участвовали въ законодательныхъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Компетенціи ландтага подлежатъ такіе насущные, касающіеся самыхъ важныхъ сторонъ жизни, вопросы, что рабочая масса никоимъ образомъ не можетъ помириться съ тѣмъ, чтобы избирательное право для ландтаговъ было ограничено. Но, въ силу разныхъ историческихъ условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, нѣмецкіе ландтаги большей частью избираются путемъ избирательныхъ системъ, выгодныхъ лишь для господствующихъ классовъ. Въ нѣкоторыхъ ландтагахъ рабочіе совершенно не имѣютъ своихъ представителей. Въ то время, какъ составъ рейхстага даетъ хоть приблизительное понятіе о силѣ отдѣльныхъ политическихъ партій въ странѣ, въ большинствѣ ландтаговъ засѣдаютъ исключительно представители крупной буржуазіи и крупнаго землевладѣнія, т. е. незначительной части населенія. Рабочій классъ, какъ наиболѣе страдающій отъ существующихъ избирательныхъ системъ для ландтаговъ, ставитъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ—борьбу за всеобще равное, прямое и тайное избирательное право для всѣхъ нѣмецкихъ ландтаговъ. Эта борьба приняла особенно активный характеръ въ Саксоніи, Гамбургѣ, Пруссіи, Мекленбургѣ, Эльзасъ-Лотарингіи и Саксенъ-Веймарѣ. Застрѣльщикомъ въ происходящей борьбѣ явился великолѣпно организованный, революціонно-настроенный саксонскій пролетаріатъ.

Исторія борьбы въ Саксоніи за всеобщее избирательное право

настолько поучительна и настолько рельефно обнаруживаетъ общія соціально-политическія тенденціи современнаго индустріальнаго государства, что мы считаемъ нелишнимъ подробнѣе ознакомить читателя съ перипетіями борьбы саксонской соціалъ-демократіи съ саксонской реакціей.

II.

Дѣйствующая саксонская конституція была составлена еще въ 1831 г., но въ послѣдующіе годы она была значительно измѣнена. Отдѣлъ 7-ой этой конституціи устанавливаетъ сословное представительство. «Сословія» засѣдаютъ въ двухъ камерахъ. Первая камера является представительницей «перваго сословія»—крупнаго землевладѣнія; вторая—смѣшанная, состоявшая изъ 20 владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій, 25 представителей отъ крестьянства, 25 представителей городовъ и 5 представителей отъ промышленности и торговли. Эта избирательная система существовала въ Саксоніи до 1848 года, когда парижская февральская революція, перекинувшись и въ Германію, вызвала во всѣхъ мелкихъ германскихъ государствахъ демократизацію представительныхъ учрежденій. И въ Саксоніи правительство пошло на уступки и вынуждено было удовлетворить требованіе либераловъ и демократовъ того времени о введеніи всеобщаго избирательнаго права. Въ 1848 году вторая камера получила всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Эта избирательная система просуществовала недолго—всего до 1850 г. Общая реакція, начавшаяся въ 1849 году во всей Германіи, проявилась и въ Саксоніи, гдѣ министръ Бейстъ путемъ антиконституціонныхъ мѣропріятій распустилъ созванный на новыхъ демократическихъ основахъ ландтагъ и уничтожилъ демократическій избирательный законъ 1848 года. Не смотря на всѣ протесты тогдашнихъ либераловъ, Бейстъ созвалъ въ 1851 г. ландтагъ на основаніи стараго избирательнаго закона 1831 г. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда идея объединенія всѣхъ союзныхъ германскихъ государствъ сильно окрѣпла во всей Германіи, Сксонія была однимъ изъ первыхъ государствъ, присоединившихся къ «Сѣверо-германскому Союзу». Бисмарковская агитація за всеобщее избирательное право повліяла на правящіе круги Саксоніи, которые внесли въ 1867 г. новый избирательный законопроектъ. Новый избирательный законъ, принятый въ 1868 г., имѣлъ слѣдующія основныя черты. Вся страна дѣлится на 82 избирательныхъ округа—на 45 сельскихъ и 37 городскихъ. Избирательное право принадлежитъ всякому гражданину, достигшему 25-лѣтняго возроста и уплачивающему три марки въ годъ налоговъ съ земли или доходовъ. Выборы прямые и съ закрытой подачей голосовъ. Какъ видимъ, этотъ избирательный законъ былъ значительно демократичнѣе закона 1831 г. Законъ 1868 г.

имѣлъ, однако, и два крупныхъ недостатка. Онъ вводилъ цензъ—три марки налоговъ, что лишало многихъ рабочихъ права голоса. Для того, чтобы платить подоходный налогъ въ размѣрѣ трехъ марокъ, необходимо было имѣть ежегоднаго дохода не меньше 600 марокъ; эта сумма у многихъ рабочихъ отсутствовала, и слѣдствіемъ этого явилось то обстоятельство, что больше 150,000 саксонскихъ гражданъ, имѣвшихъ право избирать въ рейхстагъ, были лишены права избирать въ саксонскій ландтагъ. Вторымъ недостаткомъ избирательнаго закона 1868 года было дѣленіе на сельскіе и городскіе избирательные округа, приведшее къ значительному ущербу для городскихъ избирателей и къ крупной выгодѣ для сельскаго населенія. Слѣдующія статистическія данныя подтвердятъ намъ это. Въ 1900 году городское населеніе Саксоніи равнялось 2.100,475 душъ, а сельское населеніе—2.099,283; какъ видимъ, городское населеніе превышало сельское, а между тѣмъ сельское населеніе избирало 45 депутатовъ, а городское—37. Эти два крупныхъ дефекта избирательнаго закона 1868 г. особенно чувствительны были для соціалъ-демократіи, вербующей своихъ адептовъ, главнымъ образомъ, въ средѣ городского промышленнаго пролетаріата. Особенно чувствительнымъ для соціалъ-демократіи являлось неравномѣрное распредѣленіе избирательныхъ округовъ. Такъ, въ то время, какъ въ 1893 году соціалъ-демократія получила при выборахъ въ саксонскій ландтагъ 95,586 голосовъ, т. е. 33,68% всѣхъ вообще поданныхъ голосовъ, число соціалъ-демократическихъ депутатовъ равнялось лишь 14, т. е. $^1/_6$ части всего числа депутатовъ. Эти недостатки избирательной системы заставляли саксонскую соціалъ-демократію много разъ выступать съ требованіями о введеніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Еще въ 1878 г., когда саксонской соціалъ-демократіи впервые удалось послать въ ландтагъ своего депутата, этотъ единственный представитель рабочихъ впервые внесъ въ ландтагъ предложеніе о введеніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права для саксонскаго ландтага. Буржуазныя партіи отклонили это предложеніе; въ послѣдующіе годы соціалъ-демократія часто вносила упомянутое предложеніе, но оно постоянно отвергалось подавляющимъ большинствомъ ландтага. Въ декабрѣ 1895 г. соціалъ-демократическая фракція въ саксонскомъ ландтагѣ въ послѣдній разъ требовала расширенія избирательнаго права; мы говоримъ послѣдній разъ, ибо, какъ извѣстно, почти всѣ депутаты буржуазныхъ партій въ саксонскомъ ландтагѣ, въ отвѣтъ на требованіе соціалъ-демократическихъ депутатовъ о введеніи болѣе демократическаго избирательнаго закона, совершили знаменитый coup d'etat и ввели не менѣе знаменитую трехклассную избирательную систему. Эта «революція сверху» произошла въ началѣ 1896 г., и съ тѣхъ поръ саксонскій ландтагъ избирается путемъ трехклассной избирательной системы. Раньше, чѣмъ пе-

рейти къ разсмотрѣнію деталей этой системы, остановимся еще на причинахъ, вызвавшихъ преступный актъ 1896 года.

Саксонія—типичная капиталистическая страна; въ этой странѣ капитализмъ развивался и проникалъ во всѣ области хозяйственной жизни болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ союзномъ государствѣ Германіи. Концентрація капиталовъ, вытѣсненіе мелкаго производства, крупный ростъ производительности—всѣ эти законы современнаго хозяйственнаго строя проявлялись съ особенной силой и интенсивностью въ Саксоніи. Саксонія—страна капитализма par excellence. Вотъ нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ о быстротѣ экономическаго развитія Саксоніи. За время отъ 1892 г. до 1904 г. число фабрикъ въ Саксоніи увеличилось съ 13.806 до 19.328, а число занятыхъ въ нихъ рабочихъ съ 364.636 до 588.332 рабочихъ. Доходы, облагаемые налогомъ, колоссально увеличились за этотъ промежутокъ времени: въ 1892 г. они равнялись 1585 милл. марокъ, а въ 1904 г. — 2.359, 6 милл. марокъ. Въ 1878 году на всѣхъ саксонскихъ фабрикахъ работало 4.548 паровыхъ машинъ, а въ 1903 году 11.983. Сельское населеніе Саксоніи равнялось въ 1900 г. 15.1% всего населенія (во всей же германской имперіи оно равняется 35,74%). Въ саксонской промышленности и торговлѣ занято 72% населенія (въ Германіи же 50,61%). Вмѣстѣ съ ростомъ капитализма росло и число рабочихъ: въ 1902 г. было — 544.666 рабочихъ, а въ 1904 г. — 588.332. Саксонскіе рабочіе были первыми носителями соціалъ-демократическихъ идей въ Германіи. Какъ извѣстно, Лейпцигъ былъ колыбелью нѣмецкой соціалъ-демократіи, и лейпцигскіе рабочіе были одними изъ первыхъ, пожелавшихъ создать самостоятельную рабочую партію. Первый соціалъ-демократическій депутатъ рейхстага былъ выбранъ въ одномъ изъ промышленныхъ центровъ Саксоніи—въ Глаухау. Сильно развитой въ Саксоніи капитализмъ, обнаруживающій здѣсь рельефнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Германіи, классовыя противорѣчія, воспиталъ въ саксонскомъ пролетаріатѣ особенно революціонное настроеніе. Въ средѣ саксонскихъ рабочихъ берштейніанство и вообще идеи «ревизіонизма» пользовались очень малымъ успѣхомъ. Соціалистическая пресса Саксоніи въ большинствѣ случаевъ отрицательно относится къ ревизіонизму и редактируется «ортодоксами». Впервые саксонскіе рабочіе приняли участіе при выборахъ въ саксонскій ландтагъ въ 1871 году. Съ той поры ростъ поданныхъ за соціалъ-демократію голосовъ при выборахъ въ ландтагъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1875 г.—1.423; въ 1881 г.—12.770; въ 1887 г.—35.388; въ 1893—95.586. Число соціалъ-демократическихъ депутатовъ росло слѣдующимъ образомъ: въ 1877 г. — 1; въ 1881 г.—4; въ 1885—5; въ 1891—11; въ 1893—14. Число голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократію въ Саксоніи при выборахъ въ рейхстагъ, также безпрестанно увеличивалось; такъ, въ 1874 г. было получено 92.180

голосовъ; въ 1877 г.—123.978; въ 1884 г.—128.142; въ 1887 г.—149.270; въ 1890 г.—211.187; въ 1893—270.654; въ 1898—299.190; въ 1903 г.—441.764.

Колоссальный ростъ соціалъ-демократіи въ Саксоніи вызвалъ усиленіе реакціи и объединеніе всѣхъ буржуазныхъ элементовъ. Здѣсь, какъ въ ни какой другой странѣ, вся политически-соціальная жизнь строилась по формулѣ: на одной сторонѣ пролетаріатъ, а на другой — буржуазія. Саксонію называютъ «краснымъ королевствомъ» и это не безъ основанія—на выборахъ въ рейхстагъ въ 1903 г. соціалъ-демократія получила 59% всѣхъ поданныхъ за всѣ партіи голосовъ: изъ 23 избирательныхъ округовъ Саксоніи двадцать два были завоеваны соціалъ-демократіей.

Многимъ можетъ на первый взглядъ показаться страннымъ, что въ этой странѣ, въ «красномъ королевствѣ», рабочіе лишены своихъ политическихъ правъ и реакція господствуетъ во всѣхъ областяхъ жизни. Но это странно только на первый взглядъ, ибо при болѣе глубокомъ изслѣдованіи этого вопроса мы придемъ къ тому выводу, что широкое соціалъ-демократическое движеніе въ Саксоніи и реакція суть двѣ стороны одного явленія. Ростъ пролетаріата и ростъ его классового самосознанія заставляетъ различные слои буржуазіи крѣпче объединиться и дѣйствовать сообща противъ ихъ общаго врага—пролетаріата. Растущій страхъ передъ растущимъ «краснымъ призракомъ» приводитъ къ тому, что разногласія, существовавшія въ средѣ различныхъ буржуазныхъ партій, стушевываются и формируется та «одна реакціонная масса», о которой говорилъ въ свое время еще Лассаль. Въ Саксоніи рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, обнаружились классовыя противорѣчія и вслѣдствіе этого рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, обнаружилось паденіе либерализма. Борьба труда съ капиталомъ приняла здѣсь особенно интенсивный характеръ, и подъ вліяніемъ ея либеральная буржуазія бросаетъ свои старыя либеральныя знамена и массами переходитъ въ ряды своихъ бывшихъ враговъ—злѣйшихъ реакціонеровъ. Такимъ образомъ Саксонія подтверждаетъ то положеніе, что въ странахъ съ сильно развитой рабочей партіей либерализмъ слабъ. Въ Саксоніи еще съ 1887 г. существуетъ извѣстный консервативно-либеральный картель. Этотъ картель все время дѣйствуетъ сообща противъ народа и, благодаря этому, здѣсь трудно, почти не возможно различить либерала отъ консерватора. Бебель привелъ на іенскомъ партейтагѣ слѣдующій интересный фактъ: «Одинъ саксонскій предприниматель объявилъ въ одномъ собраніи: «я національ-либералъ, но я голосую за консерватора». Какъ же это объяснить? Этотъ предприниматель говорилъ себѣ: «если я буду голосовать за либерала, то можетъ случиться, что соціалъ-демократія возьметъ въ данномъ округѣ перевѣсъ и даже можетъ завоевать округъ, а это—такая ужасная вещь, что я лучше буду голосовать за консерватора». Либерализма въ Саксоніи въ

сущности почти нѣтъ, и всѣ тѣ задачи, которыя бралъ на себя бывшій истинный либерализмъ, въ настоящее время взяла на себя соціалъ-демократія. Соціалъ-демократія въ Саксоніи, какъ и во всей Германіи, не только единственная представительница соціальныхъ и политическихъ интересовъ пролетаріата, но и единственная почти защитница обще-демократическихъ, либеральныхъ требованій широкой народной массы. Въ 48-омъ году и въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія защитниками всеобщаго избирательнаго права были либералы; то были еще годы ихъ юности, теперь же потомки славныхъ демократовъ и либераловъ 1848 года являются противниками народныхъ правъ, и при самомъ сильномъ содѣйствіи и участіи современныхъ «либераловъ» былъ совершенъ въ Саксоніи въ 1896 г. упомянутый позорный актъ, актъ лишенія 80% населенія избирательнаго права. Саксонскіе національ-либералы были самыми ревностными и дѣятельными участниками coup d'état 1896 г. Страхъ передъ «краснымъ призракомъ» заставилъ націоналъ-либераловъ и консерваторовъ создать новый избирательный законъ. Правительство и всѣ господствующія партіи открыто объявляли въ своихъ органахъ печати и въ ландтагѣ, что уничтоженіе старой избирательной системы предпринимается ими изъ-за страха передъ ростомъ соціалъ-демократіи. Одна правительственная газета писала въ декабрѣ 1895 г.: «цѣль измѣненія избирательнаго закона—удаленіе соціалъ-демократическихъ депутатовъ изъ ландтага». При обсужденіи новаго избирательнаго закона въ ландтагѣ вождь реакціонной клики, Менертъ, высказалъ затаенныя мысли своихъ единомышленниковъ: «безспорно, что всеобщее и равное избирательное право ведетъ ни къ чему другому, какъ къ господству жестокой толпы».

По такимъ-то соображеніямъ въ 1896 г. быза введена новая избирательная система для саксонскаго ландтага, система, существующая и теперь. Каковы же главныя черты избирательнаго закона 1896 года? Ландтагъ состоитъ изъ двухъ камеръ. Въ первой засѣдаютъ принцы королевскаго дома, нѣкоторые дворяне, духовныя лица, члены, назначаемые королемъ, представители нѣкоторыхъ привилегированныхъ учрежденій и др. Вторая же камера избирается на основаніи трехклассной избирательной системы. Эта трехклассная система была взята у Пруссіи, гдѣ, какъ извѣстно, трехклассная избирательная система существуетъ еще съ 1849 года. Въ свое время Бисмаркъ высказалъ самое отрицательное отношеніе къ трехклассной избирательной системѣ: онъ назвалъ ее «безсмысленной и жалкой». И вотъ эта-то «безсмысленная и жалкая» избирательная система была введена въ Саксоніи. Сущность этой системы сводится къ слѣдующему. Всѣ плательщики налоговъ дѣлятся на 3 класса соразмѣрно съ той суммой налоговъ, которую они платятъ. Первый классъ образуютъ высоко-обложенныя лица даннаго округа, вносящія $^1/_3$ общей суммы налоговъ, т. е. лица

имѣющія доходъ — минимумъ 8300 марокъ въ годъ. Второй классъ состоитъ изъ лицъ, вносящихъ вторую треть общей суммы налоговъ (т. е. лицъ, имѣющихъ доходу минимумъ 1900 марокъ въ годъ), а третій классъ образуютъ всѣ остальные избиратели. Такимъ образомъ, первый классъ состоитъ изъ очень богатыхъ собственниковъ, второй—изъ среднихъ зажиточныхъ слоевъ, а третій—изъ малоимущихъ. Эти классы не выбираютъ непосредственно депутатовъ, а выбираютъ сначала выборщиковъ. Каждый классъ выбираетъ по $^1/_3$ выборщиковъ. Выборщики всѣхъ трехъ классовъ сходятся вмѣстѣ и выбираютъ депутата закрытымъ голосованіемъ. Вся Саксонія дѣлится на 82 избирательныхъ округа—37 городскихъ и 45 сельскихъ. Ландтагъ избирается на 6 лѣтъ, при чемъ каждые 2 года третья часть депутатовъ смѣняется. Депутаты получаютъ діэту. Трехклассная избирательная система лишила больше 80 % населенія вліянія на судьбы своей страны. Въ «Запискѣ» саксонскаго правительства, выработанной въ 1903 году и трактующей о саксонской избирательной системѣ, имѣются слѣдующія данныя о послѣдствіяхъ этой системы. Число имѣющихъ право избирать въ первомъ классѣ равнялось 22.604, т. е. 3, 44%, во второмъ—103.873; въ третьемъ—530.168, т. е. 80,74%. Но та же «Записка» устанавливаетъ и тотъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ ввели новый избирательный законъ, всѣ депутаты выбираются совмѣстно выборщиками перваго и второго класса противъ голосовъ выборщиковъ третьяго класса. Трехклассная избирательная система создала огромныя привилегіи господствующему классу; наоборотъ, трудящаяся и бѣдная часть народа, благодаря ей, лишена всякаго вліянія и значенія. Съ введеніемъ трехклассной избирательной системы соціалъ-демократія лишилась всѣхъ своихъ мѣстъ въ ландтагѣ и только во время послѣднихъ выборовъ ей удалось провести одного депутата. Вторая камера саксонскаго ландтага состоитъ изъ 53 консерваторовъ, 24 національ-либераловъ, 2 антисемитовъ, двухъ свободомыслящихъ и 1 соціалъ-демократа. Эти цифры настолько краснорѣчивы, что не нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ. Въ странѣ, гдѣ промышленность является господствующей областью хозяйства и гдѣ сельское хозяйство играетъ сравнительно незначительную роль, большинство ландтага состоитъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ-консерваторовъ. Въ странѣ, гдѣ рабочіе составляютъ около 75% населенія и гдѣ соціалъ-демократія имѣетъ огромное число приверженцевъ, ландтагъ имѣетъ лишь одного представителя рабочихъ—соціалъ-демократа. Саксонскій ландтагъ, составляющій оплотъ саксонскихъ крупныхъ аграріевъ и консерваторовъ, является жалкой каррикатурой на народное представительство. Консерваторы составляютъ больше $^2/_3$ всѣхъ депутатовъ и, такимъ образомъ, въ рукахъ консерваторовъ вся судьба саксонской конституціи, ибо, согласно закону, измѣненіе какой-либо части конституціи должно имѣть за собою $^2/_3$ всѣхъ депута-

товъ. Реакціонное большинство саксонскаго ландтага наложило свою печать на всѣ области саксонской жизни. Послѣ Пруссіи Саксонія самое реакціонное и отсталое государство Германской имперіи. Полицейскій гнетъ, эксплуатація рабочаго класса принимаютъ въ немъ особенно интенсивные размѣры. Саксонское правительство всецѣло находится подъ вліяніемъ консерваторовъ. Все управленіе страной ведется въ консервативно-аграрномъ духѣ. Саксонскій король во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ обнаруживаетъ приверженность къ идеямъ аграрно-реакціонной партіи. Какъ извѣстно, онъ сейчасъ же послѣ принятія торговыхъ договоровъ въ рейхстагѣ въ началѣ 1905 г. послалъ депешу Бюлову, въ которой выражалъ свою «великую радость» по поводу принятія торговыхъ договоровъ— этого, какъ онъ выразился, «высоко-радостнаго событія особенно для моей страны». Торговые договоры, насквозь пропитанные аграрными тенденціями и особенно пагубные для саксонской промышленности, вызвали одобреніе правителя ультра-промышленной страны!

Трехклассная избирательная система привела еще и къ тому, что въ большинствѣ населенія отсутствуетъ желаніе принимать участіе въ этихъ «жалкихъ» выборахъ. Въ то время, какъ при выборахъ въ рейхстагъ участвовало въ 1903 г. около 89% всѣхъ имѣющихъ право избирать, при выборахъ въ саксонскій ландтагъ эта цифра упала до 45. И понятно, что особенно низкій процентъ былъ въ рядахъ избирателей третьяго класса. Такъ, въ первомъ классѣ избирателей явилось 65%; во второмъ—50%; въ третьемъ немногимъ больше 30%. Жестокій политическій актъ 1896 года показалъ широкимъ массамъ саксонскаго народа, что всѣ саксонскія буржуазныя партіи, безъ различія, враги народа, что лишь одна соціалъ-демократія является истинной защитницей народныхъ интересовъ. Симпатіи къ соціалъ-демократіи необычайно растутъ. Поразительный успѣхъ саксонской соціалъ-демократіи на выборахъ въ рейхстагъ въ 1903 г., успѣхъ, который, къ слову сказать, саксонскій премьеръ-министръ Метчъ назвалъ «ужаснымъ», есть слѣдствіе политики саксонскаго правительства и господствующихъ классовъ. Выборы 1903 г. представляли собою достойный отвѣтъ саксонскаго народа на всѣ преступленія саксонскихъ «шарфмахеровъ».

Саксонскіе рабочіе не оставались пассивными зрителями преступнаго акта 1896 года; но всѣ ихъ протесты имѣли весьма мирный характеръ; созывались собранія, на которыхъ принимались резолюціи протеста, распространялись прокламаціи, выясняющія всю несправедливость новаго избирательнаго закона; была выработана петиція, подъ которой подписалось 400,000 саксонскихъ гражданъ. Но всѣ эти средства борьбы игнорировались господствующими классами. Не безъ нѣкотораго основанія Жоресъ обратился къ германскимъ соціалъ-демократамъ на амстердамскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ со слѣдующими словами: «Вы не можете обезпечить сохраненіе всеобщаго избирательнаго права,

вы, которые безъ всякаго сопротивленія перенесли уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права въ вашемъ «красномъ королевствѣ», въ вашей соціалистической Саксоніи»!

Но въ послѣдніе мѣсяцы борьба саксонскихъ рабочихъ за всеобщее избирательное право для саксонскаго ландтага приняла болѣе активныя и энергичныя формы. Одной изъ главныхъ причинъ выступленія саксонскихъ рабочихъ на болѣе революціонный путь явились событія, совершающійяся въ Россіи. Великая русская революція зажгла революціоннымъ огнемъ западно-европейскій рабочій классъ и въ первую голову безправный саксонскій пролетаріатъ. Кромѣ того, русская революція показала, что въ рукахъ рабочаго класса имѣется сильно и успѣшно дѣйствующее орудіе—политическая массовая стачка. Подъ вліяніемъ этихъ событій борьба саксонскихъ рабочихъ приняла особенно интенсивный характеръ.

До созыва ландтага, въ началѣ ноября прошлаго года, центральный комитетъ саксонской соціалъ-демократіи издалъ особое воззваніе. «Сотни тысячъ трудящихся интеллигентныхъ гражданъ — говорилось въ немъ—лишены возможности вліять на свою судьбу. Большая масса народа управляется немногими имущими и лишена представительства своихъ интересовъ; истинное мнѣніе народа не можетъ быть обнаружено въ саксонскомъ законодательствѣ. Трехклассная избирательная система саксонскаго ландтага—привилегія имущихъ классовъ, преимущество денежнаго мѣшка. Мы должны поднять нашъ голосъ и объявить господствующему классу Саксоніи: мы, какъ граждане, какъ плательщики налоговъ въ своемъ отечествѣ, не хотимъ дольше оставаться въ положеніи безправныхъ; мы не можемъ терпѣть, чтобы немногіе привилегированные господствовали надъ нами и диктовали намъ законы; мы хотимъ, какъ носители культуры, какъ производители всѣхъ цѣнностей, какъ создатели всѣхъ богатствъ и какъ защитники всѣхъ благородныхъ стремленій, также участвовать въ законодательствѣ. Мы хотимъ равнаго права для всякаго, носящаго человѣческій обликъ. Посмотрите на Россію, гдѣ тысячи людей всѣхъ слоевъ населенія проливаютъ свою кровь, гдѣ сотни тысячъ борятся за всеобщее избирательное право, дабы этимъ путемъ создать нормальныя условія!..» Воззваніе кончалось призывомъ всюду, во всѣхъ мѣстахъ Саксоніи организовать массовые митинги съ цѣлью выразить протестъ противъ трехклассной избирательной системы. По всей Саксоніи и были устроены 18-го и 19-го (по нов. ст.) ноября грандіозные митинги, на которыхъ выносились резолюціи въ пользу всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Въ Лейпцигѣ, послѣ собранія, произошла грандіозная уличная демонстрація, въ которой участвовало свыше 40.000 гражданъ. 27-го ноября обсуждалась въ ландтагѣ интерпелляція по поводу измѣненія избирательнаго закона. Единственный соціалъ-демократическій депутатъ въ ландтагѣ Гольдштейнъ въ обстоятельной рѣчи указывалъ на всѣ недостатки трехкласной избира-

тельной системы и доказывалъ необходимость немедленнаго введенія всеобщаго избирательнаго права. Но саксонское правительство устами министра - президента Метча объявило, что ни о какой реформѣ трехклассной избирательной системы оно и не думаетъ. «Я еще разъ объявляю, заявилъ Метчъ, что правительство въ виду современнаго положенія вещей отвергаетъ какъ возвращеніе къ избирательному закону 1868 г., такъ и принятіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права». Такого рода отвѣтъ правительства на требованія народа вызвалъ бурю возмущенія и негодованія въ широкихъ народныхъ массахъ. 3-го декабря опять состоялись во всей Саксоніи грандіозныя собранія. Во многихъ городахъ послѣ собраній рабочіе демонстрировали по улицамъ. Нужно замѣтить, что въ Германіи уличная демонстрація — новое средство для выраженія протеста. Во многихъ союзныхъ государствахъ Германіи уличныя демонстраціи запрещены закономъ. Въ то время, какъ демонстраціи 3-го декабря въ нѣкоторыхъ саксонскихъ городахъ обошлись безъ всякихъ инцидентовъ съ полиціей, демонстрація дрезденскихъ рабочихъ закончилась картинкой изъ русской жизни: полиція набросилась на мирныхъ демонстрантовъ, избила многихъ и арестовала свыше 100 человѣкъ. Дрезденскія событія вызвали сильное возмущеніе всей рабочей массы. Отношеніе дрезденской полиціи къ мирнымъ демонстрантамъ показало рабочимъ, что саксонское правительство рѣшило подавить въ корнѣ всякій активный и открытый протестъ безправныхъ гражданъ; саксонскіе рабочіе также поняли, что одними демонстраціями они не добьются исполненія своихъ требованій, что имъ, рабочимъ, слѣдуетъ подумать о новыхъ, болѣе дѣйствительныхъ средствахъ борьбы. На другой день послѣ дрезденскихъ событій органъ дрезденскихъ соціалъ-демократовъ, «Sächsische Arbeiter-Zeitung» («Саксонская рабочая газета»), писалъ: «Въ свободныхъ странахъ само собою понятно право гражданина—демонстрировать на улицахъ, вліять на общественное мнѣніе путемъ уличныхъ демонстрацій. Въ полуварварской Австріи рабочій классъ завоевалъ у государственной власти признаніе этого права; въ Россіи революція взяла себѣ его. Съ саксонскими же пролетаріями, демонстрирующими на улицѣ, обходятся, какъ съ дикими ордами, какъ съ кучками разбойниковъ и грабителей. И Саксонія называетъ еще себя культурнымъ государствомъ!.. О горечи, о возмущеніи рабочей массы можетъ имѣть представленіе лишь тотъ, кто все это пережилъ. Передъ блистающими клинками полиціи былъ провозглашенъ кличъ: теперь придетъ массовая стачка! И кто знакомъ съ настроеніемъ пролетаріата, тотъ знаетъ, что этотъ крикъ не пустая угроза; тотъ знаетъ, что рабочіе ждутъ этого клича!» Въ слѣдующемъ номерѣ та же газета писала: «Возбужденіе въ рабочей средѣ растетъ. Всѣ спрашиваютъ, что теперь надлежитъ дѣлать. Этотъ вопросъ у всѣхъ на устахъ. Что борьба за всеобщее избирательное право не можетъ

быть прекращена аттаками полиціи—ясно для всѣхъ рабочихъ. Рабочіе ищутъ новыхъ средствъ, чтобы показать консерваторамъ и ихъ защитнику — правительству, какъ невыносимы стали условія въ Саксоніи. Всякій, соприкасающійся съ жизнью рабочаго, не можетъ скрыть того, что широкая рабочая масса требуетъ уже теперь демонстративной массовой забастовки, что эта идея охватываетъ все большіе и большіе круги рабочихъ».. «Мы переживаемъ необычныя времена,—продолжаетъ газета.—Крупнѣйшія событія за границей, скопленіе озлобляющихъ моментовъ внутри страны вывели людей изъ положенія равновѣсія, и черезъ одну ночь сдѣлается возможнымъ то, что даже стоящіе въ рядахъ рабочихъ считали еще такъ недавно невозможнымъ; обнаруживаются силы, которыхъ прежде и не предполагали». Это мнѣніе «Саксонской рабочей газеты» ясно показываетъ, насколько серьезно положеніе вещей въ Саксоніи. 5-го декабря соціалъ-демократическій депутатъ Гольдштейнъ внесъ въ ландтагъ интерпелляцію по поводу жестокостей дрезденской полиціи. Эта интерпелляція обсуждалась 14-го декабря. Гольдштейнъ въ своей рѣчи выяснялъ причины глубокаго броженія въ рабочей массѣ, однимъ изъ проявленій котораго были уличныя демонстраціи. Упоминая о прежнихъ средствахъ борьбы, онъ спрашивалъ: «обращали ли вы до сихъ поръ вниманіе на наши протесты, которые были совершенно «законны» и которые вы называли бумажными? Нѣтъ, вы равнодушно проходили мимо нихъ. Я вамъ напомню только петицію нашей партіи противъ уничтоженія избирательнаго права въ 1896 году. Мѣсяцами мы собирали подписи, больше 400,000 мы собрали и предложили камерѣ. И что же? въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вы покончили съ этимъ массовымъ протестомъ. Въ теченіе ряда лѣтъ мы посредствомъ собраній, печати и другихъ способовъ протестовали — но все это нисколько не помогало. Поставьте себя въ положеніе абсолютной безнадежности. Рабочіе должны были или отступить, или выступить въ болѣе энергичной формѣ за свои требованія!» Послѣ этого Метчъ объявилъ, что правительство только тогда приступитъ къ обсужденію измѣненія избирательнаго закона, когда въ странѣ все успокоится. «Правительство, продолжалъ премьеръ-министръ, одобряетъ дѣйствія полиціи и объявляетъ, что оно рѣшило всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами помѣшать тому, чтобы правовой порядокъ былъ нарушенъ». 23-го и 24-го декабря опять во многихъ городахъ Саксоніи состоялись громадныя собранія; во многихъ городахъ (Лейпцигѣ и др.) полиція запретила собранія. Въ Дрезденѣ, не смотря на то, что какъ въ мѣстной соціалистической газетѣ, такъ и на собраніяхъ вожаки партіи не совѣтовали рабочимъ устраивать въ день собраній демонстраціи, рабочіе все же, влекомые какой-то стихійной силой, демонстрировали по улицамъ, что повело къ вторичной аттакѣ полиціи и къ избіенію многихъ демонстрантовъ. Революціонный импульсъ широкой рабо-

чей массы былъ такъ высокъ, что остановить его не могли ни совѣты высшихъ партійныхъ инстанцій, ни столь развитая у нѣмецкихъ рабочихъ партійная дисциплина. Вторая (23-го декабря) демонстрація въ Дрезденѣ обнаружила, что въ рабочемъ классѣ происходитъ сильное внутреннее броженіе, которое можетъ принять весьма серьезный характеръ, если правительство и консервативныя партіи заблаговременно не пойдутъ на уступки.

Какъ же отнеслись буржуазныя партіи къ саксонскимъ демонстраціямъ рабочихъ? Подавляющее большинство буржуазныхъ газетъ съ пѣной у рта набросилось на «не имѣющихъ отечества парней» («Vaterlandslose Geselle», какъ называютъ въ Германіи соціалъ-демократовъ) и потребовала самаго строгаго наказанія демонстрантовъ. Большая часть буржуазной прессы уже занялась проектами создать новые ограничительные законы, которые сдѣлали бы невозможной политическую массовую стачку. Въ саксонскихъ демонстраціяхъ буржуазная пресса увидѣла «гидру революціи», и въ страхѣ передъ надвигающимися событіями она звала и зоветъ на помощь весь полицейскій механизмъ. Вліятельная газета «Deutsche Tagesseitung» писала: «что полицейскіе чиновники со всей энергіей и рѣшительностью выступили и должны выступить противъ демонстрантовъ, было само собою понятно». Поскольку намъ извѣстно, лишь одна буржуазная газета «Hilfe», органъ извѣстнаго политическаго дѣятеля, Фридриха Науманна, сильно осуждала дѣйствія полиціи и понимала причины саксонскихъ демонстрацій. Науманнъ, этотъ безспорно-либеральный общественный дѣятель, писалъ: «Необходимо помнить, что все это старыя либеральныя требованія; если въ Дрезденѣ соціалъ-демократы демонстрируютъ передъ домомъ Метча, то по существу они дѣлаютъ либеральныя заявленія, такъ какъ ничего соціалистическаго не требуютъ; они добиваются того, чего въ 1848 г. добивались либеральныя народныя демонстраціи въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ. Можно назвать то, что рабочіе дѣлаютъ, непрактичнымъ, но нельзя осуждать ихъ на основаніи либеральныхъ принциповъ». Въ томъ же духѣ высказался одинъ изъ редакторовъ «Hilfe» Катцъ, который писалъ: «всякій истинно-либеральный человѣкъ долженъ проявить свое сочувствіе демонстрирующей рабочей массѣ».

Но такого рода отзывы единичны и составляютъ исключеніе въ буржуазной прессѣ. Борьбу съ саксонской реакціей ведетъ лишь одна соціалъ-демократія, и она въ Саксоніи единственная партія, которой народъ довѣряетъ и отъ которой онъ ждетъ улучшенія своего положенія. Если господствующіе классы Саксоніи не удовлетворятъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ требованій народа, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что саксонскій пролетаріатъ прибѣгнетъ къ новому въ Германіи, но блестяще испытанному въ сосѣдней Россіи, средству борьбы—политической массовой забастовкѣ.

III.

Борьба за всеобщее избирательное право въ Саксоніи подѣйствовала ободряющимъ образомъ и на пролетаріатъ другихъ союзныхъ государствъ, въ которыхъ рабочій классъ лишенъ вліянія на законодательство. Въ первую очередь послѣ Саксоніи выступилъ Гамбургъ. Въ Гамбургѣ, этомъ крупномъ торговомъ и промышленномъ центрѣ Германіи, классовыя противорѣчія очень ярки и, подобно Саксоніи, всѣ буржуазныя партіи изъ-за страха передъ соціалъ-демократіей, соединившись вмѣстѣ, принимаютъ рядъ незаконныхъ мѣръ для того, чтобы лишить рабочихъ всякаго вліянія на законодательство. Гамбургъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ «вольнымъ городамъ» (Бременъ, Любекъ и Гамбургъ), имѣющимъ свои собственныя конституціи. Существующая конституція Гамбурга была составлена въ 1860 г. и пересмотрѣна въ 1879 г. Законодательная и исполнительная власть Гамбурга сосредоточена въ двухъ учрежденіяхъ—сенатѣ и «Bürgerschaft». Сенатъ состоитъ изъ 18 членовъ, въ числѣ которыхъ должно быть 9 юристовъ и семь бывшихъ купцовъ. Сенаторы избираются пожизненно. «Bürgerschaft» состоитъ изъ 160 депутатовъ. На основаніи избирательнаго закона 1896 г. «Bürgerschaft» избирается по слѣдующей избирательной системѣ. 40 депутатовъ избираются землевладѣльцами; 40 — такъ называемыми «нотаблями», т. е. бывшими и теперешними судьями, чиновниками или членами торговой или промышленной палатъ. Остальные 80 депутатовъ избираются «гражданами» (Bürger), при чемъ для полученія званія «гражданина» нужно минимумъ 5 лѣтъ безпрерывно платить налоги съ ежегоднаго дохода, равнаго минимумъ 1200 марокъ. Выборы—прямые и тайные. Законъ отъ 1896 г., носящій явно плутократическій характеръ, былъ созданъ съ цѣлью лишить рабочихъ, среди которыхъ, какъ извѣстно, мало лицъ, имѣющихъ ежегодный доходъ въ 1200 марокъ, возможности послать своихъ представителей. Но творцы этого закона немного ошиблись; оказалось, что въ средѣ рабочихъ все же нашлось значительное количество «гражданъ», имѣвшихъ право избирать. При томъ число «гражданъ» расло. Такъ, въ то время, какъ въ 1896 г. было всего 22.000 «гражданъ», въ 1904 году ихъ было уже 58.000.

Члены «Bürgerschaft» избираются на 6 лѣтъ, при чемъ половина членовъ смѣняется каждые три года. Послѣ 1896 года состоялись выборы въ 1898 г., 1901 г. и 1904 г. Въ 1898 г. рабочіе «граждане» не смогли послать ни одного депутата въ «Bürgerschaft»; въ 1901 году былъ выбранъ одинъ соціалъ-демократъ, а въ 1904 г.—13. Итакъ, теперь изъ 160 членовъ «Bürgerschaft» 13 соціалъ-демократовъ. Насколько велика несправедливость гамбургской избирательной системы, показываютъ слѣдующіе факты. При

выборахъ въ рейхстагъ въ 1903 г. соціалъ-демократія получила въ «республикѣ» Гамбургъ 100.112 изъ 161.320 поданныхъ за всѣ партіи голосовъ, т. е. 62% всѣхъ голосовъ. Всѣ три избирательные округа Гамбурга принадлежатъ соціалъ-демократіи. Гамбургъ уже давно считается соціалъ-демократической крѣпостью, и вотъ въ этой-то крѣпости соціалъ-демократія такъ слабо представлена въ законодательныхъ учрежденіяхъ города. Въ то время, какъ при выборахъ въ рейхстагъ было около 200.000 избирателей, число послѣднихъ при выборахъ въ «Bürgerschaft» равнялось 52.000. Ясно, что при дѣйствіи избирательнаго закона 1896 г. соціалъ-демократія никогда не сможетъ получить большинства въ «Bürgerschaft», ибо половина, т. е. 80 членовъ «Bürgerschaft» избираются средой, враждебной соціалъ-демократіи. Но гамбургскую буржуазію все же безпокоилъ ростъ числа соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ «Bürgerschaft'ѣ»; ихъ особенно безпокоило то обстоятельство, что соціалъ-демократія можетъ въ скоромъ будущемъ завоевать 40 мѣстъ въ «Bürgerschaft» и такимъ образомъ помѣшать буржуазнымъ партіямъ предпринять какое-либо нарушеніе конституціи; дѣло въ томъ, что для измѣненія конституціи требуется большинство $^3/_4$ голосовъ въ «Bürgerschaft'ѣ».

Уже давно носились слухи, что гамбургская буржуазія тайно обсуждаетъ проекты измѣненія избирательнаго закона и готовится еще болѣе сократить избирательныя права рабочихъ. 14-го мая 1905 г. гамбургскій сенатъ внесъ предложеніе о введеніи трехклассной избирательной системы для всеобщихъ выборовъ въ «Bürgerschaft». Проектъ сената былъ недавно принятъ $^3/_4$ «Bürgerschaft» въ немного измѣненномъ видѣ. Гамбургская буржуазія послѣдовала примѣру саксонскихъ реакціонеровъ и лишила классъ гамбургскихъ рабочихъ даже тѣхъ крохъ правъ, которыя у него до сихъ поръ были. Новый избирательный законъ имѣетъ слѣдующія основныя черты. Выборы привилегированныхъ (т. е. 80 членовъ «Bürgerschaft») происходятъ на старыхъ основаніяхъ, т. е. члены сената, высшихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, а также землевладѣльцы будутъ, какъ и прежде, составлять половину депутатовъ «Bürgerschaft». Остальные 80 членовъ должны быть избраны слѣдующимъ образомъ. 48 членовъ избираются лицами 1-го класса, т. е. тѣми, которые имѣютъ дохода больше 2500 марокъ въ годъ, 24—отъ избирателей II-го класса, т. е. отъ гражданъ съ доходомъ меньше 2500 марокъ въ годъ; 8—отъ сельскихъ общинъ. Понятно, что избиратели I-го класса, т. е. зажиточные слои населенія, соціалъ-демократовъ не будутъ избирать; для того же, чтобы и во-второмъ классѣ не всѣ депутаты принадлежали къ соціалъ-демократической партіи, законъ устанавливаетъ пропорціональное представительство, т. е. даетъ возможность буржуазному меньшинству въ рядахъ избирателей второго класса выбрать своихъ депутатовъ. Какъ указываютъ знатоки гамбургскихъ условій,

соціалъ-демократія сможетъ при такихъ обстоятельствахъ послать въ «Bürgerschaft» никакъ не больше 18 депутатовъ. Какъ открыто указываютъ сами творцы закона, измѣненіе избирательнаго закона имѣло цѣлью помѣшать тому, чтобы соціалъ-демократія завоевала въ Гамбургѣ преобладающее положеніе. Ростъ соціалъ-демократіи вызываетъ у «защитниковъ порядка» стремленіе всякими законными и незаконными путями сдѣлать совершенно безправнымъ рабочій народъ. На примѣрѣ Гамбурга мы видимъ, какъ реакція все выше и выше поднимаетъ голову въ Германіи, какъ положеніе рабочаго класса ухудшается съ каждымъ днемъ. Но гамбургскій рабочій классъ рѣшилъ не оставить безнаказаннымъ преступленіе буржуазныхъ классовъ. Гамбургская соціалъ-демократія выступила въ борьбу, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что рабочіе въ случаѣ нужды прибѣгнутъ и къ самымъ острымъ орудіямъ борьбы...

Прусскіе рабочіе тоже выступили въ рѣшительную борьбу за завоеваніе всеобщаго избирательнаго права для прусскаго ландтага. Пруссія въ силу положенія, занимаемаго ею въ имперіи, и въ силу принадлежащихъ ей по конституціи правъ и полномочій, фактически правитъ всей Германіей. Вся та реакція, которая теперь господствуетъ въ Германіи, имѣетъ своимъ источникомъ Пруссію и въ ней черпаетъ свои силы. Пруссія—оплотъ общей реакціи въ Германіи, и если рабочему классу удастся уничтожить феодально-монархическія учрежденія Пруссіи, являющіяся главнымъ корнемъ зла, то и во всей Германіи станетъ легче дышать. Вся конституція Пруссіи насквозь пропитана сословно-феодальными тенденціями. Законодательная власть принадлежитъ здѣсь королю и ландтагу. Ландтагъ, имѣющій весьма широкія полномочія, состоитъ изъ двухъ палатъ. Верхняя палата — «домъ господъ» (Herrenhaus) составляется изъ принцевъ королевской крови, главъ извѣстныхъ дворянскихъ фамилій и лицъ, избираемыхъ крупными землевладѣльцами, университетами, евангелическими обществами и нѣкоторыми городами. Король имѣетъ право по своей волѣ назначать неограниченное число членовъ «дома господъ». «Домъ господъ» находится въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и такимъ образомъ фактически вся власть находится въ рукахъ юнкеровъ, ибо, какъ извѣстно, никакой законъ не можетъ быть принятъ, если онъ не получитъ санкціи «дома господъ». Нижняя палата, или собственно ландтагъ, избирается на основаніи трехклассной избирательной системы, основныя черты которой мы уже указали при разсмотрѣніи избирательной системы саксонскаго ландтага. § 1-ый избирательнаго закона въ Пруссіи гласитъ: «для выборовъ въ ландтагъ всѣ первоначальные избиратели дѣлятся соразмѣрно уплачиваемому ими налогу на 3 класса, при чемъ такимъ образомъ, чтобы на каждый классъ приходилась одна треть всей суммы налоговъ всѣхъ первоначальныхъ избирателей». Въ виду того, что первый и второй классы состоятъ изъ зажиточныхъ слоевъ насе-

ленія, то понятно, что они не выберутъ соціалъ-демократовъ. Если даже весь третій классъ выберетъ соціалъ-демократическихъ выборщиковъ, то все же они представятъ только 1/3 всего числа выборщиковъ и, слѣдовательно, первые два класса, соединившись вмѣстѣ, никогда не допустятъ, чтобы соціалъ-демократъ былъ выбранъ въ ландтагъ. Небольшіе виды на успѣхъ въ какомъ-либо округѣ могутъ быть только тогда, когда соціалъ-демократія имѣетъ значительное число приверженцевъ въ рядахъ избирателей второго класса. Прусская избирательная система привела къ жестокимъ несправедливостямъ. Такъ, въ 1903 г. при выборахъ въ ландтагъ было 311.145 соціалъ-демократическихъ первоначальныхъ избирателей и всѣ они не могли ни одного депутата послать въ ландтагъ; съ другой стороны, 324.157 консервативныхъ избирателей выбрали 143 консерватора-депутата. Центръ, получившій 251.958 голосовъ, имѣетъ въ ландтагѣ 97 депутатовъ. Въ 1900 году во всей Пруссіи было 7.101.963 первоначальныхъ избирателей; изъ этого числа 238.845 избирателей принадлежали къ первому классу, 856.914—ко второму и 6.006.204—къ третьему. Выходитъ, что 1-ый классъ, состоящій изъ 3.36% всего числа избирателей, имѣетъ равныя права съ вторымъ классомъ, состоящимъ изъ 12.07% всего числа избирателей, и съ третьимъ классомъ, состоящимъ изъ 84.57% избирателей. Вотъ до какихъ размѣровъ доходитъ «безсмысленность» прусской избирательной системы! Ко всему этому присоединяется то обстоятельство, что избирательные округа крайне неравномѣрно распредѣлены въ угоду аграріямъ и партіи центра. Есть 7 избирательныхъ округовъ, въ которыхъ на каждаго депутата приходится 200.000 и больше избирателей. Съ другой стороны, имѣется 37 избирательныхъ округовъ, въ которыхъ на каждаго депутата приходится меньше 50.000 избирателей. Неравномѣрное распредѣленіе избирательныхъ округовъ совершено въ пользу сельскихъ округовъ, этихъ центровъ консерватизма и ультрамонтанизма. Такъ, имѣются сельскіе округа, въ которыхъ на одного депутата приходится всего 6.000 избирателей; съ другой же стороны, въ промышленныхъ округахъ число избирателей, приходящихся на одного депутата, достигаетъ цифры 90.000. Если мы, кромѣ того, вспомнимъ, что голосованіе происходитъ открыто, то мы поймемъ, что прусскій ландтагъ есть народное представительство безъ народа. Не безъ основаній германская соціалистическая пресса часто называетъ прусскій ландтагъ «думой», желая этимъ сравнить прусскій парламентъ съ нашей государственной думой. Отъ жестокостей прусской избирательной системы страдаетъ, конечно, больше всего соціалъ-демократія. Послѣдняя—первая политическая партія въ Пруссіи, если судить по числу пріобрѣтенныхъ ею во время выборовъ въ рейхстагъ голосовъ—она получила въ 1903 г. 1.649.698 голосовъ; въ 1903 г. Пруссія послала 32 соціалъ-демократическихъ депутата въ рейхстагъ. И вотъ эта-то партія не

имѣетъ ни одного депутата въ ландтагѣ. Прусскій ландтагъ въ виду такого положенія вещей не является выразителемъ народныхъ интересовъ; въ немъ господствуютъ реакціонныя силы страны. Ландтагъ, огромное большинство депутатовъ котораго состоитъ изъ консерваторовъ и членовъ партіи центра, сдѣлался проводникомъ самыхъ реакціонныхъ, мрачныхъ плановъ. Интересы широкихъ народныхъ массъ приносятся имъ въ жертву ради выгоды кучки юнкеровъ и монархическихъ элементовъ. Пруссія, благодаря такому положенію вещей, является самымъ реакціоннымъ государствомъ въ имперіи, и на всѣ области жизни прусскіе юнкера наложили яркую печать мракобѣсія, феодализма и реакціи. Невозможность при существующей избирательной системѣ для соціалъ-демократовъ проникнуть въ ландтагъ заставляла прусскую соціалъ-демократію долгое время не принимать участія въ выборахъ въ прусскій ландтагъ. Какъ извѣстно, на соціалъ-демократическомъ партейтагѣ въ Кельнѣ(въ 1893 г.) было рѣшено «воздержаться отъ всякаго участія при выборахъ въ ландтагъ при существующей избирательной системѣ». Въ этой резолюціи было указано, что невозможно собственными силами добиться какого-либо успѣха; компромиссъ же съ враждебными партіями поведетъ по необходимости къ деморализаціи партіи. Но вскорѣ оказалось, что рѣшеніе кельнскаго партейтага не удовлетворяетъ многихъ соціалъ-демократовъ, и майнцскому партейтагу (въ 1900 г.) пришлось опять заняться обсужденіемъ этого вопроса; на этомъ партейтагѣ было рѣшено въ принципѣ принимать участіе въ выборахъ. Это рѣшеніе получило вполнѣ ясную и опредѣленную формулировку на конференціи прусской соціалъ-демократіи 26 апрѣля 1903 г. Осенью 1903 года прусская соціалъ-демократія впервые принимала серьезное участіе при выборахъ въ прусскій ландтагъ. Въ декабрѣ 1904 г. состоялся въ Берлинѣ первый съѣздъ прусскихъ соціалъ-демократовъ, на которомъ, между прочимъ, была принята слѣдующая резолюція по вопросу о прусскомъ ландтагѣ: «Прусскій ландтагъ не имѣетъ никакого права считать себя представителемъ прусскаго народа, такъ какъ палата господъ посредствомъ искусственнаго подбора и вслѣдствіе наслѣдственныхъ и назначаемыхъ законодателей служитъ только оплотомъ юнкеровъ и бюрократовъ; трехклассная же избирательная система посредствомъ привилегіи седьмой части избирателей лишила большую часть народа вліянія на исходъ выборовъ въ ландтагъ и превратила палату депутатовъ въ представительство капитала. Палата господъ и палата депутатовъ по происхожденію и по составу являются закрѣпленіемъ голаго классового господства и полнѣйшей вражды къ народу и рабочимъ. Первый и необходимый шагъ къ подавленію реакціи въ Пруссіи есть превращеніе прусскаго ландтага въ дѣйствительное народное представительство».

Броженіе въ прусской рабочей массѣ замѣчалось уже давно, а за

послѣднее время оно, благодаря революціонизирующимъ событіямъ въ Россіи, увеличилось и готово принять рѣзкій характеръ въ смыслѣ самой энергичной и рѣшительной борьбы за всеобщее избирательное право. Что положеніе вещей и въ Пруссіи весьма серьезное, показываютъ слѣдующія мѣста изъ недавней рѣчи Бебеля въ рейхстагѣ: «Пруссія—самая реакціонная страна въ мірѣ. Но рабочіе не хотятъ больше терпѣть; они хотятъ также участвовать въ законодательствѣ. Вы не имѣете никакого представленія,—обращается Бебель ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ,—о той огромной озлобленности, которая распространена по всей странѣ. Если у насъ наступятъ больныя времена, то знайте, что отвѣтственность за это лежитъ на вашей совѣсти».

Борьба за избирательное право ведется въ настоящее время такъ же рабочими Мекленбурга, Саксенъ-Веймара и Эльзасъ-Лотарингіи. Въ виду незначительности этихъ союзныхъ государствъ мы не будемъ останавливаться подробно на избирательныхъ системахъ ландтаговъ этихъ мелкихъ государствъ.

Мекленбургъ—абсолютистское государство. Ландтагъ здѣсь состоитъ въ подавляющемъ большинствѣ своемъ изъ владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстій и не представляетъ собою представительной палаты въ собственномъ смыслѣ этого слова. Соціалъ-демократія, насчитывавшая при выборахъ въ рейхстагъ въ 1903 году 56.144 голоса, рѣшила выступить въ борьбу за созданіе въ Мекленбургѣ представительнаго народнаго учрежденія.

Ландтагъ Саксенъ-Веймара состоитъ изъ 33 депутатовъ, изъ которыхъ 5 депутатовъ избираются крупными землевладѣльцами; 5-лицами, получающими не меньше 5000 марокъ дохода въ годъ (источникомъ дохода не должно быть землевладѣніе). Остальные 23 депутата избираются всеобщей, но двухстепенной подачей голосовъ. Соціалъ-демократія имѣетъ лишь двухъ депутатовъ въ ландтагѣ, не смотря на то, что при выборахъ въ рейхстагъ соціалъ-демократія получила около 1/3 всего числа поданныхъ за всѣ партіи голосовъ.

Для ландтага (такъ наз. «Landesausschuss») Эльзаса-Лотарингіи существуетъ довольно сложная избирательная система. Въ ландтагѣ, состоящемъ изъ 34 депутатовъ, засѣдаетъ лишь одинъ соціалъ-демократъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ силѣ соціалъ-демократіи въ Эльзасъ-Лотарингіи. Такъ, на выборахъ въ рейхстагъ въ 1903 г. соціалъ-демократія получила 68.267 голосовъ изъ всего числа 282.413 голосовъ.

Итакъ, во многихъ союзныхъ государствахъ германской имперіи ведется довольно энергичная борьба за всеобщее избирательное право. Во всѣхъ союзныхъ государствахъ германской имперіи и лозунгъ рабочей партіи въ настоящій моментъ—завоеваніе всеобщаго и равнаго избирательнаго права, и никто, конечно, не можетъ предвидѣть, какой характеръ приметъ разгорающаяся

борьба. Характеръ ея будетъ въ значительной степени зависѣть отъ поведенія господствующихъ классовъ. Но, какой бы характеръ ни приняли надвигающіяся событія, безспорно то, что Германія переживаетъ революціонный періодъ. Характернымъ для этого періода обстоятельствомъ является то, что почти единственнымъ борцомъ за право народа выступаетъ рабочій классъ. Германскій либерализмъ измѣнилъ своимъ старымъ принципамъ, и требованіе всеобщаго избирательнаго права, столь усердно защищавшееся либералами и демократами 48-го года, отстаивается въ настоящее время только соціалъ-демократіей.

Германская соціалъ-демократія, выступивъ въ острую борьбу за всеобщее избирательное право для ландтаговъ, сознаетъ, что эта борьба въ то же время ведется противъ полицейскаго гнета, царствующаго въ Пруссіи, Саксоніи и другихъ союзныхъ государствахъ. Борясь за всеобщее избирательное право для ландтаговъ, рабочій классъ Германіи этимъ самымъ желаетъ дать понять буржуазнымъ партіямъ, что отъ успѣха этой борьбы зависитъ и судьба всеобщаго избирательнаго права для германскаго рейхстага. Если соціалъ-демократіи въ Саксоніи и Пруссіи удастся завоевать лучшее избирательное право, то этимъ самымъ будетъ нанесенъ ударъ всей германской реакціи, которая не такъ скоро осмѣлится выступить съ покушеніями на сеобщее избирательное право рейхстага. Что всеобщее избирательное право для рейхстага имѣетъ безчисленное количество враговъ среди *всѣхъ* буржуазныхъ партій и въ виду этого находится въ опасности—извѣстно всякому наблюдателю германской жизни. Въ виду этого та борьба, которую ведетъ теперь пролетаріатъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ союзныхъ государствъ, имѣетъ всеобщее, національное значеніе.

И вся эта разгорающаяся борьба не мало обязана революціи въ Россіи. Во всей соціалистической прессѣ, на всѣхъ собраніяхъ указывается на великое значеніе русской революціи, на то вліяніе, которое она имѣетъ на германское рабочее движеніе. Революціонное пламя, охватившее всю Россію, перебросило свои искры и въ Германію, и эти искры могутъ, въ свою очередь, разгорѣться въ пламя!..

К. Надевъ.

Генеральное сраженіе.

Со времени манифеста 17 октября прошло болѣе полугода. За эти 6—7 мѣсяцевъ Россія пережила событія, которыя достойно назвать безсиленъ языкъ человѣческій. Люди словно не предвидѣли, что возможно такое страшное дѣло, а потому не приготовили и не могли приготовить соотвѣтствующее ему названіе. Всѣ слова, которыя мы знаемъ и употребляемъ: «бѣлый терроръ», «произволъ», «насиліе», «контръ-революція», «черносотенное звѣрство», «опричина» и т. д., и т. д., слишкомъ плоски, слишкомъ узки, чтобы вмѣстить въ себѣ содержаніе пережитаго. Было злое лихолѣтье на Украйнѣ. И Украйна съ ужасомъ назвала его страшнымъ словомъ «руина». Но даже и это слово «руина» блѣдно, невыразительно, однобоко. Семимѣсячное истребленіе Россіи ужаснѣе самой «руины», безпощаднѣе лихолѣтья. Оно превосходитъ все, что зналъ человѣкъ, что могъ предвидѣть его умъ, и остается безъ названія.

Имени ему нѣтъ. Но осмыслить его хочется. Да, пожалуй, и необходимо. Необходимо оглянуться, вникнуть въ пережитое и дать себѣ отчетъ,—что это: хаосъ, разгулъ стихій, слѣпой, не отдающій себѣ отчета взрывъ страстей, или нѣчто предвзятое, спокойно обдуманное, хладнокровно разсчитанное и планомѣрно выполненное кѣмъ-то изъ того таинственнаго «далека», которое газетные хроникеры называютъ «сферами». И замѣчательно, эти самыя «сферы» склонны считать и даже заявлять, что истребительная работа была отнюдь не хаотической и не стихійной. Онѣ даже даютъ ей нѣчто въ родѣ соціологическаго обоснованія. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично удалось прочесть весьма характерное выраженіе одного чиновнаго автора, представлявшаго служебный и, конечно, конфиденціальный докладъ по начальству: «На почвѣ манифеста 17 октября,—говоритъ этотъ авторъ,—правительство давало крайнимъ партіямъ генеральное сраженіе»... Насколько я знаю, это выраженіе многимъ понравилось. Его повторяютъ, и оно до нѣкоторой степени помогло бы осмыслить если не всю цѣпь событій послѣдняго полугода, то хоть начальное звено, отправную точку. Бѣда лишь въ томъ, что формула: «правительство давало генеральную битву» страдаетъ неясностью. Это—предложеніе съ неопредѣленнымъ подлежащимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое правительство? Въ странахъ правовыхъ этотъ вопросъ смѣшонъ и нелѣпъ. На него любой школьникъ отвѣтитъ: «возьмите такую-то справочную книжку и прочтите». Въ странѣ самодержавной тотъ же школьникъ, при напоминаніи о правительствѣ, можетъ отвѣтить уничтожающимъ ар-

гументомъ Плеве: «а гдѣ его адресъ?» И въ самомъ дѣлѣ, «гдѣ адресъ» русскаго правительства? Безъ сомнѣнія, въ Россіи есть исторически сложившійся механизмъ власти, называемый самодержавіемъ. Это очень сложная совокупность лицъ и частныхъ интересовъ—нѣчто въ родѣ правящаго сословія, или во всякомъ случаѣ правящаго организма въ дезорганизованной странѣ. Онъ живетъ и дѣйствуетъ во имя вполнѣ опредѣленныхъ матеріальныхъ интересовъ, исчисляемыхъ величинами постоянными (десятки милліоновъ десятинъ земли) и перемѣнными (сотни милліоновъ рублей ежегодно). Порою этотъ механизмъ склоненъ ремонтировать себя и даже мѣнять колеса. Это значитъ, что гр. Д. А. Толстого можетъ смѣнить И. Н. Дурново, а затѣмъ послѣдовательно Горемыкинъ, Сипягинъ, врагъ Витте—Плеве, а затѣмъ врагъ Плеве—Витте, и снова Горемыкинъ и т. д. Но это лишь перестановка слагаемыхъ, отъ которой сумма не измѣняется. Выдвигая на арену то одно, то другое лицо, механизмъ въ сущности остается безыменнымъ. Говорю не о жалобахъ г. Витте, что его «вліяніе» безсильно было справиться съ вліяніемъ какихъ-то другихъ людей, болѣе вхожихъ въ Царское Село. И не о томъ говорю, что весь нынѣшній совѣтъ министровъ—только ширма, за которой скрывается «камарилья». Въ самодержавномъ механизмѣ никогда нельзя отличить, гдѣ начинается «ширма», ибо онъ весь сверху до низу представляетъ сплошную камарилью,—отъ нея рожденъ и къ ней восходитъ. Я даже готовъ допустить, что правительство—это Горемыкинъ, Столыпинъ, Стишинскій и пр. Готовъ повѣрить, что два мѣсяца назадъ мое письмо, если бы я написалъ на конвертѣ: «Петербургъ, Зимній дворецъ, С. Ю. Витте», было бы доставлено въ руки самаго настоящаго, а не поддѣльнаго русскаго правительства. Но одно дѣло—графъ Витте, какъ министръ, какъ приказчикъ государства, и другое дѣло—графъ Витте, какъ уполномоченный извѣстной организаціи, обязанный дѣйствовать въ ея интересахъ.

Поясню на примѣрѣ: Гр. Витте, между прочимъ, писалъ въ своемъ докладѣ 17 октября: «Корни этого волненія (т. е. великой октябрьской забастовки), несомнѣнно, лежатъ... въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни». Признаюсь, мнѣ лично эта фраза очень не нравится. Полъ-бѣды, что она обнаруживаетъ непониманіе докладчикомъ очень многаго въ происходившихъ «волненіяхъ», хотя бы, напр., экономической ихъ стороны. Но «русское мыслящее общество» ужъ слишкомъ походитъ на другое оффиціальное выраженіе: «безпочвенная крамольная интеллигенція», а «идейныя стремленія» удивительно напоминаютъ крылатое слово «безсмысленныя мечтанія». Остается впечатлѣніе какого-то плохого перевода съ полицейскаго на литературный. Но это между прочимъ. Возвращаюсь къ главному. Представьте,

что г. Витте — приказчикъ государства. По его крайнему разумѣнію, задача сводилась къ тому, чтобы возстановить «равновѣсіе», измѣнить «формы жизни» сообразно съ «идейными стремленіями мыслящаго общества». И вотъ онъ даетъ «генеральное сраженіе». Онъ можетъ вести войну умно и глупо, геніально и бездарно, но его удары, очевидно, будутъ направлены не противъ «идейныхъ стремленій». Представьте, затѣмъ, другое положеніе. Гр. Витте—уполномоченный организаціи. Ему ввѣрена защита всѣхъ ея матеріальныхъ интересовъ. Онъ знаетъ, что его коллективному довѣрителю угрожаетъ именно «мыслящее общество», называемое также «крамольниками». И ему останется лишь возстановлять «равновѣсіе» путемъ массоваго искорененія «идейныхъ стремленій», которыя противорѣчатъ «самодержавнымъ формамъ жизни», т. е. продолжать ту же работу, которую въ 1825 г. произвелъ Николай I, въ 80-хъ годахъ Плеве и П. Н. Дурново, окончательно усовершенствовавшій административную ссылку, въ 1902 г. производилъ снова Плеве, а въ 1905 г. до призванія С. Ю. Витте,—Треповъ и Булыгинъ.

Правительство, несомнѣнно, въ Россіи существуетъ. Но что оно такое, мы не знаемъ. «Генеральное сраженіе», несомнѣнно, происходило (и, по моему мнѣнію, происходитъ), но куда былъ направленъ фронтъ арміи, оффиціальнымъ полководцемъ которой съ 17 октября состоялъ графъ Витте? Каковы были стратегическія и тактическія задачи, поставленныя полководцемъ, или полководцу? Общая формула: «правительство давало генеральное сраженіе», очевидно, этихъ вопросовъ не разрѣшаетъ. Пояснительныя слова: «крайнимъ партіямъ», «на почвѣ манифеста 17 октября» тоже ничего не поясняютъ. Они лишь вызываютъ новый рядъ вопросовъ: неопредѣленное нѣчто, именуемое «правительствомъ», кого понимало подъ столь же неопредѣленнымъ терминомъ: «крайнія партіи»? И что значитъ: «на почвѣ манифеста»? Значитъ ли это: «во исполненіе обѣщаній, данныхъ манифестомъ», или — «пользуясь манифестомъ, какъ однимъ изъ средствъ, помогшихъ внести разладъ въ общество и тѣмъ ослабить оппозицію»? Остается неяснымъ и общій вопросъ: давалось ли сраженіе сознательно и обдуманно, или это была просто драка, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ad hoc, безъ всякаго заранѣе поставленнаго плана?

Приходится, очевидно, обратиться къ фактической сторонѣ дѣла и взвѣсить ее съ возможною тщательностью.

II.

«Утромъ 18 октября—какъ бы жалуется въ своемъ письменномъ показаніи бывшій одесскій градоначальникъ Нейдгардтъ—былъ полученъ манифестъ, даровавшій населенію тѣ свободы, которыя

недавно требовались съ высоты баррикадъ». Въ приказѣ отъ того же 18 октября по войскамъ петербургскаго гарнизона генералъ Треповъ объявилъ высочайшую благодарность войскамъ за ихъ беззавѣтно вѣрную службу при чрезвычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ, стало быть, и за борьбу съ тѣми, кто требовалъ «дарованныхъ манифестомъ свободъ». И того же 18 октября генералъ Треповъ получилъ собственноручный рескриптъ государя, коимъ было повелѣно «объявить всѣмъ чинамъ полиціи Имперіи горячую монаршую благодарность за ихъ беззавѣтно вѣрную службу при чрезвычайно тяжелыхъ обстоятельствахъ».

Этотъ послѣдній рескриптъ государя былъ скрытъ отъ русскаго общества: оно узнало о немъ лишь случайно, благодаря подольскому губернатору, который въ простотѣ душевной «распубликовалъ» полученную высочайшую благодарность чинамъ полиціи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что генералъ Треповъ не замедлилъ передать содержаніе рескрипта по инстанціямъ. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что во всѣхъ участкахъ высочайшая благодарность была немедленно передана городовымъ, околоточнымъ и прочимъ чинамъ явной и тайной полиціи. Но объявленіе это было обставлено прямо-таки загадочной таинственностью. Въ дѣлѣ одесскаго, напр., градоначальника г. Нейдгардта довольно подробно разсказывается, какъ городовые съ 18 октября въ нѣкоторомъ родѣ «забастовали» и требовали «прибавки», какъ начальство старалось уговорить ихъ. При такихъ условіяхъ, казалось бы, рескриптъ долженъ сыграть роль извѣстнаго «психологическаго момента». Конечно, г. Нейдгардтъ передалъ царскую благодарность,—быть можетъ, въ ночь съ 18 на 19 октября, т. е. за нѣсколько часовъ до погрома, быть можетъ, 19 октября, т. е. въ самый день погрома. И, однако, объ этомъ важномъ обстоятельствѣ самъ Нейдгардтъ, а равно и полицейскіе чиновники, дававшіе показанія сенатору Кузьминскому, старательно умалчиваютъ. Умалчивается о немъ и въ дѣлѣ Курлова. Почему? Во всякомъ случаѣ, объявленіе секретной благодарности повліяло нѣсколько странно. Даже въ Петербургѣ отъ кратковременной корректности и благодушія городовыхъ 18 октября къ 19 октября не осталось и слѣда. Газетами была тотчасъ же отмѣчена эта рѣзкая перемѣна настроенія (хотя о рескриптѣ стало извѣстно только 11 ноября). Напомню здѣсь лишь два факта, удостовѣренные «Русью».

«На Михайловской ул. 19 октября около 12 ч. городовой сдираетъ съ доски манифестъ и собирается наклеить на его мѣсто приказъ ген. Трепова. Къ нему подходитъ студентъ и говоритъ: Что вы дѣлаете? Вѣдь это царскій манифестъ.—Что намъ царь, мы должны слушаться Трепова,—послѣдовалъ отвѣтъ» («Русь», 23 окт.).

А вотъ другой фактъ, свидѣтельствующій о переходѣ къ рѣзко агресивнымъ дѣйствіямъ:

«20 октября къ проходившему по Загородному просп. наборщику Богданову вмѣстѣ съ тремя товарищами городовой бляха № 793 безъ всякаго со стороны Богданова повода обратился съ слѣдующими словами: «Эй, ты, жидъ проклятый, хулиганъ». На замѣчаніе Богданова, что онъ не «жидъ» и не «хулиганъ» и что городовой не смѣетъ его оскорблять,—городовой обратился къ близь стоявшему дворнику съ приказаніемъ: «тащи его въ участокъ». Вслѣдъ за этимъ онъ ударилъ Богданова кулакомъ по спинѣ».

Далѣе, того же 18 октября состоялось и передано по телеграфу распоряженіе генерала Трепова: «вновь приглашаю населеніе къ сохраненію порядка и предваряю, что всѣ попытки къ нарушенію таковаго будутъ подавлены самыми рѣшительными мѣрами». Правда, оффиціально этотъ приказъ относится лишь къ Петербургу. Но ни для кого не секретъ, что распоряженія петербургскаго генералъ-губернатора Трепова были вмѣстѣ съ тѣмъ и распоряженіями «министра полиціи» Трепова; по этому камертону пѣли губераторы всей Россіи. Въ печатномъ видѣ приказъ появился на улицахъ Петербурга въ ночь съ 18 на 19 октября. Въ переводѣ съ участковаго жаргона на русскій языкъ онъ означалъ: отнынѣ «краснофлажныя манифестаціи» запрещены. И, дѣйствительно, дабы не допустить этихъ манифестацій, 19 октября улицы Петербурга были запружены отрядами кавалеріи и пѣхоты. За то въ ночь съ 18 на 19 октября появились «патріотическія манифестаціи» съ трехцвѣтными флагами и портретами государя. Пишущій эти строки имѣлъ возможность наблюдать, какъ образовалась одна изъ этихъ манифестацій на перекресткѣ Невскаго и Морской. Было около часа ночи. Вдругъ съ Дворцовой площади по Морской показались вереницы извозчиковъ,—всего пролетокъ 15 или 18. На каждой сидѣло по 3—4 человѣка, и у каждаго сидящаго было по трехцвѣтному флагу. Доѣхавъ до Невскаго, они соскакивали. Какой-то подростокъ, одѣтый очень бѣдно, нищенски-неряшливо, спрыгнувъ съ пролетки, подбѣжалъ ко мнѣ и закричалъ: «шапку долой, жидовская морда», а вслѣдъ за тѣмъ обрушилъ на меня «патріотическій» колъ... Съ утра 19 октября началось уже откровенное избіеніе хулиганами «безпочвенныхъ интеллигентовъ» или, по деликатному выраженію гр. Витте, «мыслящей части общества». Даже по Невскому, на глазахъ воинскихъ патрулей и многочисленной полиціи, расхаживала патріотическая манифестація, крича: «Да здравствуетъ самодержавіе! Долой студентовъ и жидовъ». На углу Литейнаго, вечеромъ, «патріоты» обрушились на какого-то человѣка съ длинными волосами. «Били его нещадно... Рвали голову изъ стороны въ сторону. Били каменьями и палками. Во время избіенія, въ толпѣ «манифестантовъ» суетились двѣ темныя фигуры—повидимому переодѣтые, но въ синихъ брюкахъ—и поощряли: «Бей ихъ студентовъ, жидовъ проклятыхъ! Не жалѣй

кулаковъ!»... а на мостовой, на посту, стояли околоточные надзиратели и городовые и, смѣясь, смотрѣли на все происходившее передъ ихъ глазами» («Сынъ Отеч.»). Слѣдовательно, чинамъ полиціи было въ достаточной мѣрѣ разъяснено, что приказъ генерала Трепова «патріотическихъ манифестацій» не возбраняетъ. Въ газетахъ по этому поводу сообщалось даже, что губернаторамъ было отправлено телеграфное предписаніе: «не препятствовать проявленію національныхъ чувствъ русскаго населенія» («Русь, 11 ноября). Правда, это лишь газетное сообщеніе,—хотя и не опровергнутое. Но вотъ телеграмма чинамъ московской полиціи отъ 18 октября 1905:

«Срочно. Циркулярно. Гг. приставамъ. Внушить всѣмъ околоточнымъ и городовымъ, чтобы они въ случаѣ патріотическихъ манифестацій не оказывали сопротивленія, а наоборотъ—содѣйствовали бы охраненію порядка. Градоначальникъ баронъ Медемъ» («Русь, 12 ноября).

Наконецъ, мы имѣемъ показаніе прокурора одесской судебной палаты А. І. Поллана. 18 октября, т. е. наканунѣ погрома въ Одессѣ, приблизительно въ 1 часъ дня, когда шла рѣчь о манифестѣ и революціонерахъ, градоначальникъ Нейдгардтъ заявилъ г. Поллану: «а я далъ уже разрѣшеніе на патріотическую манифестацію». «Сообщеніе это—говоритъ г. Полланъ—непріятно на меня подѣйствовало». Въ своемъ объясненіи по этому поводу г. Нейдгардъ писалъ производившему слѣдствіе сенатору Кузьминскому слѣдующее: «Вашимъ превосходительствомъ усматривается моя нераспорядительность и отсутствіе самой элементарной предусмотрительности въ непредотвращеніи 19 октября патріотическихъ манифестацій, явившихся отвѣтомъ русской части населенія на революціонныя выходки... Означенныя патріотическія манифестаціи двинулись на соборную площадь къ молебну, мной объявленному, *по распоряженію изъ Петербурга»*... Подчеркнутая мною фраза поставлена г. Нейдгардтомъ нѣсколько двусмысленно. Остается неяснымъ, что, собственно, «объявлено» «по распоряженію изъ Петербурга»: движеніе «патріотовъ» на соборную площадь, или молебенъ. Поэтому не лишнимъ будетъ привести, напримѣръ, рапортъ генералъ-маіора Дебиля изъ Люблина командиру корпуса жандармовъ отъ 19 октября: «Сегодня по полученіи манифеста 17 октября, въ виду распоряженія католическаго епископа о молебнахъ въ костелахъ, отслуженъ таковой въ соборѣ» (православномъ). «Такимъ образомъ—замѣчаетъ одинъ изъ чиновныхъ комментаторовъ—только потому, что иниціативу взялъ на себя католическій епископъ, мѣстная власть сочла неловкимъ не отслужить молебна». Слѣдовательно, приказа изъ Петербурга о молебнахъ—по крайней мѣрѣ, циркулярнаго, не было. И до 1 часа дня 18 октября онъ не могъ быть. Мы имѣемъ очень цѣнное въ этомъ смыслѣ показаніе минскаго губернатора Курлова. «Въ ночь съ 17 на 18 октября—пишетъ

онъ—около 2 часовъ утра мною былъ полученъ въ агентской телеграммѣ Высочайшій манифестъ. Не имѣя никакихъ распоряженій изъ министерства по этому предмету, я не счелъ себя въ правѣ опубликовать таковой немедленно. Вслѣдствіе сего, я собралъ своихъ ближайшихъ помощниковъ и приказалъ не печатать телеграммы въ подлежащемъ къ выпуску № «Бѣлорусскаго Вѣстника». О правильности редакціи агентской телеграммы былъ сдѣланъ служебный запросъ, и по полученіи отвѣта, около 12 часовъ дня, я разрѣшилъ печатаніе манифеста». Т. е., еще разъ подтверждается, что приказа о молебнѣ не было,—по крайней мѣрѣ, до того времени, когда г. Нейдгардтъ разрѣшилъ «патріотическую манифестацію». Будь подобный приказъ, г. Курловъ, конечно, не сталъ бы безпокоить начальство весьма щекотливыми «служебными запросами». Наконецъ, русскій чиновникъ въ своихъ представленіяхъ и объясненіяхъ обязанъ быть точнымъ. И если бы рѣчь шла о столь невинномъ обстоятельствѣ, какъ молебенъ, г. Нейдгардтъ, конечно, сообщилъ бы, отъ кого именно вышло распоряженіе о молебнѣ, когда именно и за какимъ номеромъ. Неопредѣленныя и загадочныя выраженія, въ родѣ: «по приказу изъ Петербурга», канцелярскій обычай разрѣшаетъ употреблять лишь въ чрезвычайныхъ довѣрительныхъ случаяхъ. Допускать, что г. Нейдгардтъ сказалъ не правду, что никакого «приказа» не было, — нѣтъ основаній. Вѣдь краснорѣчивое напоминаніе о «приказѣ изъ Петербурга» написано въ бумагѣ, предназначенной для того же самаго «Петербурга». Значитъ, приказъ былъ; въ Одессѣ онъ полученъ, во всякомъ случаѣ, не позже ранняго утра 18 октября (до 1 часа дня уже была разрѣшена «манифестація»), и говорилось въ немъ, очевидно, не о молебнахъ. И врядъ ли онъ упоминалъ о манифестѣ (иначе бы г. Курловъ, напримѣръ, не дѣлалъ запроса). Отсюда становится совершенно понятнымъ, почему сразу установилась во всей Россіи единообразная тактика. Манифестаціи въ честь свободы, съ криками: «да здравствуетъ конституція», исчезли, едва возникнувъ. Ихъ подавили силою оружія. Наоборотъ, манифестаціи «патріотическія», «съ портретами государя», съ пѣніемъ: «Боже, царя храни» и «Спаси, Господи, люди Твоя», возникаютъ всюду и безпрепятственно. Мѣстами пѣніе гимновъ и молитвъ разнообразится затѣйливыми діалогами. Въ Томскѣ, напримѣръ, «патріоты» подбѣгали къ верзилѣ, несшему портретъ, и съ саркастической почтительностью спрашивали: «Ваше Величество, разрѣшаете бить». «Разрѣшаю»—отвѣчалъ верзила. Вообще же «патріотическія» манифестаціи повсемѣстно и открыто переходили въ разбой, грабежъ, въ неслыханныя звѣрскія убійства. Москва, Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ, Томскъ, почти всѣ лучшіе русскіе города, множество уѣздныхъ городовъ, мѣстечекъ и даже селъ вдругъ очутились во власти разбойниковъ, шайки которыхъ съ непонятною деликатностью агенты правительства, въ родѣ г. Нейдгардта, называютъ, «патріотическими

манифестаціями». Грабили патріоты вездѣ одинаково. Но кричали разное: въ чертѣ осѣдлости—«бей жидовъ», въ мѣстахъ, гдѣ евреевъ мало—«бей земцевъ», «бей забастовщиковъ», «бей крамольниковъ». Не трудно понять, что въ переводѣ на языкъ гр. С. Ю. Витте это значитъ: бей «русское мыслящее общество», «идейныя стремленія» котораго не соотвѣтствуютъ «существующему строю». «Число убитыхъ и тяжело раненыхъ—по выраженію одного высокочиновнаго докладчика—въ послѣдовавшіе за опубликованіемъ манифеста 17 октября 4—5 дней трудно исчислить, но по вполнѣ достовѣрнымъ источникамъ оно опредѣляется въ десятки тысячъ». Т. е., къ 22 октября уже было изъято изъ обращенія, и при томъ изъято навсегда, нѣсколько десятковъ тысячъ неудобныхъ для существующаго строя людей. Такого успѣха въ былые годы не достигалъ ни гр. Толстой, ни Плеве, ни П. Н. Дурново. И повторяю: этотъ успѣхъ вовсе не случайность. Онъ, несомнѣнно, явился результатомъ вполнѣ обдуманныхъ мѣропріятій. Дабы не осталось на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, рѣшаюсь привести еще нѣсколько правительственныхъ документовъ:

1) 20 октября (т. е. уже получивши свѣдѣнія о погромахъ) генералъ-лейтенантъ Бекманъ доносилъ департаменту полиціи изъ Митавы: «Дѣлаю попытки сплачивать умѣренные слои общества къ организованному отпору домогательствамъ крайнихъ элементовъ».

2) 22 октября (когда манифестаціи въ честь свободы и конституціи были безусловно запрещены и разгонялись оружіемъ) генералъ-маіоръ Ширинкинъ изъ Тифлиса доносилъ Трепову объ успѣхахъ защищающей самодержавіе «рабочей партіи патріотовъ»: группа патріотовъ «двинулась съ хоромъ музыки... Впереди былъ поставленъ взводъ драгунъ. Въ хвостѣ взводъ пѣхоты. Оркестръ военной музыки непрерывно игралъ національный гимнъ. У кадетскаго корпуса кадеты и воспитатели вышли изъ корпуса; нѣкоторые присоединились къ манифестантамъ... Къ манифестантамъ присоединились юнкера»... Трудно придумать болѣе демонстративное подчеркиваніе связи между «патріотами», съ одной стороны, и военными и гражданскими чинами—съ другой.

3) 21 октября полковникъ Мейеръ доносилъ Д. Ѳ. Трепову изъ Варшавы: «Сегодня были допущены манифестаціи» толпы, выходившей изъ костеловъ съ крестами, хоругвями, бѣлыми флагами народовцевъ, нѣкоторыя съ ксендзами; толпы съ красными флагами разгонялись». Польскихъ народовцевъ, конечно, мы не смѣшиваемъ съ кіевскими, томскими или одесскими «патріотами». Но телеграмма г. Мейера свидѣтельствуетъ, что политика одесская, тифлисская, казанская, саратовская и т. д. имѣла отнюдь не мѣстный характеръ.

4) Бывшій одесскій градоначальникъ г. Нейдгардтъ, объясняя поведеніе «разрѣшенной» имъ «патріотической манифестаціи», жалуется, что городская дума, городской голова, ректоръ и про-

фессора университета и прочіе «революціонеры» злоумышляли «подъ гимны свободы» устроить «символическіе похороны Самодержавія» *), и пишетъ: «Мнѣ приходилось немедленно принять мѣры пресѣченія. А какъ согласовать ихъ съ новыми способами успокоенія? Рѣшать приходилось трудную задачу. Но ее рѣшилъ русскій народъ, собравшійся для патріотическихъ манифестацій». «Народъ» рѣшалъ эту задачу безпрепятственно три дня, разрывая на части дѣтей, распарывая животы беременныхъ женщинамъ, разрѣзая живыхъ людей на части. И, видя эти ужасы, отъ которыхъ сходили съ ума люди, благополучно вынесшіе портъ-артурскую бойню, генералъ Каульбарсъ приговаривалъ: «Нужно признаться, что мы всѣ въ душѣ сочувствуемъ этому погрому» **). А когда эти ужасы стали доподлинно извѣстны центральной власти, когда смыслъ и значеніе «патріотическихъ манифестацій» выяснились вполнѣ, что дѣлали министры? Тоже сочувствовали, или не сочувствовали? Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить нижеслѣдующее:

5) 28 октября (т. е. когда «десятки тысячъ» уже были изъяты изъ обращенія) германскій консулъ въ Баку, Ролль, телеграфировалъ германскому послу въ Петербургѣ: «Есть основаніе бояться, что въ воскресенье (30 октября) будутъ опять безпорядки, которые вызовутъ новые пожары и кровопролитія въ армянской части города, гдѣ живетъ много иностранцевъ. Прошу употребить всѣ усилія, чтобы мѣстныя власти получили строжайшія указанія всѣми силами не допускать никакихъ демонстрацій». Демонстраціи, противныя самодержавію, уже были запрещены и всѣми силами не допускались. Это было всѣмъ извѣстно. Значитъ, рѣчь могла идти лишь о демонстраціяхъ «патріотическихъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ въ отвѣтъ послалъ кавказскому намѣстнику телеграмму: «германскій повѣренный въ дѣлахъ проситъ оградить личность и имущество германскихъ подданныхъ въ Баку. Не откажите въ зависящихъ распоряженіяхъ». О необходимости ограждать иностранцевъ, конечно, хорошо знали и мѣстныя власти. Сенаторомъ Кузьминскимъ въ Одессѣ, между прочимъ, записано слѣдующее показаніе Л. Д. Теплицкаго, прапорщика Измаильскаго полка: «Въ томъ домѣ, гдѣ я живу—свидѣтельствовалъ г. Теплицкій—всѣ магазины христіанскіе, и только одинъ еврейскій; громилы хотѣли его разрушить, но кто-то изъ толпы крикнулъ: «ребята, это иностранный подданный; приставъ не велѣлъ»... Такимъ образомъ, министръ повторилъ лишь то, что разумѣлось само собою. Просьба

*) Т. е., предать землѣ убитыхъ войсками и полиціей наканунѣ 17 октября.

**) Подлинность этимъ словъ удостовѣрилъ своимъ показаньемъ сенатору чиновникъ особыхъ порученій при одесскомъ градоначальникѣ г. Подольцевъ.

же о прекращеніи, очевидно, «патріотическихъ» манифестацій оставлена безъ отвѣта.

III.

Кто же организовывалъ «патріотическія манифестація»? Горнопромышленникъ Ф. А. Львовъ въ своей докладной запискѣ, поданной графу Витте, утверждалъ, что во главѣ «патріотической», или погромной организаціи былъ староста Исаакіевскаго собора, неутомимый распространитель такъ называемыхъ черносотенныхъ воззваній, генералъ Е. В. Богдановичъ. У него, по словамъ г. Львова, было 103 подручныхъ генерала,—въ томъ числѣ: кіевскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ, одесскій градоначальникъ Нейдгардтъ, екатеринославскій губернаторъ Нейдгардтъ 2-ой, тверской губернаторъ Слѣпцовъ, томскій Азанчевскій, минскій Курловъ, саратовскій Столыпинъ, ростовскій Пиллеръ-фонъ-Пильхау и т. д. Компанія эта дѣйствовала съ благословенія митрополита Владиміра. По словамъ Ф. А. Львова, всероссійскій погромъ предполагалось устроить до 17 октября. Но генералы-заговорщики не успѣли столковаться, благодаря желѣзнодорожной забастовкѣ. И оттого погромъ нѣсколько замедлилъ. Повидимому, г. Львову была неизвѣстна характерная переписка между тульскимъ губернаторомъ и бывшимъ «министромъ полиціи» Д. Ѳ. Треповымъ. 1 сентября 1905 г. губернаторъ доносилъ г. Трепову: «2 сентября въ Тулѣ имѣетъ состояться частное совѣщаніе лицъ, вполнѣ благонамѣренныхъ, съ цѣлью объединенія въ интересахъ правительственныхъ». Губернаторъ сомнѣвался, удобно ли администраціи покровительствовать такимъ предпріятіямъ. Д. Ѳ. Треповъ отвѣтилъ: «Сего взгляда не раздѣлю. Правительство обязано поддерживать друзей и не поощрять враговъ правительства». Будь эта резолюція извѣстна г. Львову, онъ, пожалуй, внесъ бы въ число заговорщиковъ или, по крайней мѣрѣ, въ число потакателей заговора и нынѣшняго дворцоваго коменданта Д. Ѳ. Трепова.

Записка г. Львова была напечатана въ «Нашей Жизни» 19 ноября. «Генералу Богдановичу и прочимъ генераламъ (заговорщикамъ)—писала по этому поводу «Русь»—остается привлечь къ суду автора». Нѣкоторые изъ упомянутыхъ въ запискѣ вообще довольно охотно «привлекали къ суду». Напр., г. Дедюлинъ не вынесъ даже небольшой замѣтки въ «Сынѣ Отечества» о продажѣ съ разрѣшенія полиціи 600 финскихъ ножей, и «привлекъ» редактора газеты—правда, не за клевету, а за диффамацію. Но г. Львовъ, насколько извѣстно, оказался не привлеченнымъ ни за клевету въ оффиціальной бумагѣ, ни за диффамацію въ газетѣ. Заговорщики «расписались въ полученіи» и не пожелали отвѣтить. Но допустимъ на время, что записка Львова—не доказательство. Откажемся

отъ громаднаго газетнаго матеріала, съ несомнѣнностью устанавливающаго, что погромный заговоръ былъ и что руководили погромами петербургскіе и провинціальные генералы. Откажемся и отъ обширнаго, тщательно провѣреннаго матеріала, собраннаго присяжной адвокатурой. Предположимъ, что всѣ эти факты собраны противниками самодержавія, революціонерами, «крайними партіями» и доказательной силы не имѣютъ. Обратимся къ доказательствамъ правительственнаго происхожденія. Начнемъ хотя бы съ слѣдующей замѣтки, напечатанной 24 октября въ «Русск. Вѣдом.»:

«Еще 21-го октября было обнародовано воззваніе генералъ-губернатора къ «благомыслящимъ жителямъ» о прекращеніи «процессій и сборищъ на улицахъ», но въ дѣйствительности такія процессіи и сборища продолжали составляться и на слѣдующій день, и самъ генералъ-губернаторъ (или его адъютанты) выходилъ къ нимъ и тѣмъ какъ бы поощрялъ ихъ продолженіе. А за продолженіемъ этихъ шествій слѣдовали возмутительныя убійства и насилія. День 22-го октября былъ днемъ ужаса и позора для Москвы. Въ разныхъ частяхъ города, на разныхъ улицахъ, днемъ и ночью, происходили звѣрскія убійства и истязанія людей, преимущественно учащейся молодежи, но также рабочихъ и другихъ лицъ, казавшихся подозрительными толпѣ или возбуждавшихъ въ ней враждебныя чувства. Убивали самымъ подлымъ образомъ: бросались толпой на одного и тѣшились истязаніемъ и умерщвленіемъ безсильныхъ и лежачихъ». Фактъ, что въ Москвѣ 21 и 22 октября безпрепятственно допускались патріотическія манифестаціи — фактъ безспорный. Безспорно также, что патріоты-манифестанты устраивали побоища. Кто составлялъ ядро этихъ манифестантовъ? Организація такъ называемыхъ «хоругвеносцевъ». Кто руководилъ этой организаціей»? Арендаторъ казенныхъ «Московскихъ Вѣдомостей» г. Грингмутъ и генералъ Богдановичъ. Гг. Грингмутъ и Богдановичъ увѣряли, что «хоругвеносцевъ» въ Москвѣ 100.000. Г. Богдановичъ представлялъ государю депутацію отъ этого сообщества за нѣсколько недѣль до манифеста 17 октября. Объ этой депутаціи и о томъ, что она принята государемъ, оповѣщалось правительственнымъ телеграфнымъ агентствомъ. По общему порядку аудіенція у государя могла быть испрошена или бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Булыгинымъ, или товарищемъ его, завѣдывавшимъ полиціей, Треповымъ. Какія цѣли преслѣдуетъ организація, было очевидно уже изъ того, что писалъ одинъ изъ ея вдохновителей, г. Грингмутъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» печатались прямые призывы избивать «крамольниковъ». Такіе же призывы, раздаваемые серпуховскимъ епископомъ Никономъ, который также является одних изъ руководителей «хоругвеносной» дружины, вызвали тревогу среди земцевъ, обсуждались газетами, и на опасность этой погромной аги-

таціи категорически указывалось правительству въ цѣломъ рядѣ заявленій. Значитъ, московскій градоначальникъ, передавая 18 октября по телеграфу полицейскимъ приставамъ приказъ не препятствовать патріотическимъ манифестаціямъ, конечно, зналъ, о чемъ идетъ рѣчь.

Въ Петербургѣ послѣ манифеста 17 октября, уже когда были совершенно запрещены всякія собранія, происходили «патріотическіе» митинги; на улицахъ избивали интеллигентовъ вообще и въ частности студентовъ и евреевъ. Извѣстно было всѣмъ, что въ центрѣ этого «патріотическаго движенія» стоялъ такъ называемый «союзъ русскаго народа». И, конечно, не могли не знать этого министры и прочіе члены правительства. Не могли не знать они и фамилію того высокопоставленнаго лица, которое исходатайствовало у государя согласіе на пріемъ депутатовъ отъ «союза русскаго народа». Рѣшаюсь напомнить лишь, что депутація эта была принята въ царскосельскомъ дворцѣ 23 декабря 1905 г. Не буду говорить, какъ воспользовался извѣстный своими погромными подвигами «союзъ активной борьбы съ революціей» тѣми словами, которыя газета «Объединеніе» приписала государю, сказавшему будто бы депутатамъ: «Поблагодарите всѣхъ русскихъ людей, примкнувшихъ къ союзу русскаго народа»... «Объединяйтесь, русскіе люди, Я разсчитываю на васъ»... «Объединяйтесь и старайтесь» (См. № 15 «Молвы»). Не буду также разсказывать, гдѣ и какъ печатались погромныя прокламація въ Петербургѣ, кѣмъ распространялись. Въ концѣ концовъ, на этихъ прокламаціяхъ появилась откровенная дата: «типографія С.-Петербургскаго градоначальства». А издателемъ и распространителемъ ихъ оказался дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровъ, состоявшій на службѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Отъ столицъ переходимъ къ провинціи. Здѣсь такъ называемый «союзъ русскихъ патріотовъ», т. е. организація, примыкающая къ «союзу русскаго народа», посылавшему 23 декабря 1905 г. въ Царское Село депутацію, черезъ 3 недѣли послѣ пріема депутаціи устроила въ Гомелѣ погромъ. Гомельскій же жандармскій ротмистръ гр. Подгоричани доноситъ по этому поводу слѣдующее: «что касается моего участія въ союзѣ гомельскихъ патріотовъ, то цѣль этого была двойная. Не надѣясь на продажныхъ, весьма опасныхъ агентовъ, я, въ цѣляхъ полученія возможно полезныхъ и своевременныхъ свѣдѣній о революціонномъ движеніи, не могъ упустить случая воспользоваться такимъ союзомъ, члены котораго вращаются во всѣхъ слояхъ общества. На ряду съ этимъ мнѣ казалось, что вліяніе мое на нѣкоторыхъ членовъ союза могло бы дать хорошіе результаты именно съ патріотической точки зрѣнія»... «Я рѣшился поддержать (изъ секретныхъ суммъ?) матеріально союзъ, дабы онъ могъ оказать противодѣйствіе, если

бы въ городѣ возникла революція» *). Это письменное показаніе. А вотъ разсказъ, передаваемый начальникомъ могилевскаго жандармскаго управленія въ бумагѣ отъ 2 февраля 1906 г. за № 7: «Куда дѣвались 38 револьверовъ, не извѣстно. Когда же я настоятельно предложилъ графу Подгоричани объяснить мнѣ, куда исчезло оружіе, то получилъ отъ него слѣдующее объясненіе: «въ половинѣ декабря 1905 г., когда члены партіи патріотовъ настоятельно требовали отъ него оружія... однажды вечеромъ онъ взялъ изъ ящика около 25 револьверовъ, завернулъ въ узелокъ и лично отнесъ извѣстному (?!) лицу, гдѣ, позвонивъ, дождался, когда ему отворили дверь, просунулъ туда руку и отворявшему отдалъ названный узелокъ и затѣмъ, никѣмъ не замѣченный, быстро удалился».

Разрѣшенная градоначальникомъ Нейдгардтомъ «патріотическая» манифестація закончилась трехдневнымъ погромомъ 19—21 октября. Откуда брались прокламаціи, подготовлявшія этотъ погромъ? Часть ихъ, подъ заглавіемъ «Одесскіе дни», между прочимъ, издавалъ получавшій субсидію изъ государственнаго казначейства г. Шараповъ. Печатались онѣ, конечно, съ разрѣшенія цензуры. Одесской печати безусловно запрещено было опровергать ихъ. Этого мало. Какъ бы не полагаясь на успѣхъ шараповскихъ изданій, градоначальникъ Нейдгардтъ рѣшилъ выступить совершенно оффиціально. На этомъ весьма важномъ эпизодѣ остановимся. Напомню, что г. Нейдгардтъ дозволилъ «патріотамъ» манифестацію 18 октября. Манифестація должна была начаться 19 октября. Прокуроръ одесской судебной палаты г. Поллакъ недаромъ писалъ въ своемъ показаніи сенатору Кузьминскому, что, узнавши объ этомъ, онъ сталъ опасаться «столкновеній». Изъ показанія тому же г. Кузьминскому прапорщика Измаильскаго полка Л. Д. Теплицкаго вполнѣ опредѣленно явствуетъ, что въ Одессѣ при самомъ появленіи манифеста пахло погромомъ. «Приставъ Рацишевскій,—показываетъ, между прочимъ, г. Теплицкій—не стѣсняясь моего присутствія, открыто выразился: «захотѣли они (евреи) свободы,—вотъ мы ихъ уложимъ тысячи 2—3, тогда они будутъ знать, что такое свобода». Изъ разсказовъ нижнихъ чиновъ зналъ, что такіе же разговоры велись и среди городовыхъ, которые высказывались о желательности избіенія евреевъ... Сутки съ 17 на 18 октября я провелъ на посту у городского водопровода. Рано утромъ 18 октября группа бѣдныхъ рабочихъ, въ родѣ босяковъ, пройдя мимо водопровода, нѣсколько подвыпившая, пріостановилась около меня и, обращаясь ко мнѣ, сказала: «вотъ идемъ, ваше благородіе, изъ участка, получили струкцію—вечеромъ разживемся». Я... сталъ предполагать, что готовится еврейскій погромъ». И, дѣйствительно, въ показаніи другого свидѣтеля, присяжнаго повѣреннаго Д. В. Дона-

*) Послѣ этого показанія г. Подгоричани переведенъ на службу въ Ялту, откуда потомъ былъ назначенъ въ Славянскъ.

шевскаго *), г. Кузьминскому читаемъ: «съ 2—3 ч. дня 18 октября стали организоваться хулиганскія банды (на Дальницкой улицѣ, близь Прохоровской и Михайловскаго участка). Стали группироваться разныя подозрительныя лица, въ числѣ коихъ были выпущенные передъ тѣмъ изъ-подъ ареста по случаю манифеста и многіе подростки. А на другой сторонѣ улицы въ это время стоялъ помощникъ пристава Казалбъ или Касалалъ и переодѣтый,— кажется, околоточный Полтавченко. Вокругъ нихъ стояла кучка лицъ... Они перебрасывались словами съ хулиганскою толпою. Въ это время съ конца Дальницкой ул. сталъ приближаться еврей, несшій нѣсколько мѣшковъ съ зерномъ для пробы въ контору. По знаку со стороны группы полицейской, изъ хулиганской толпы бросились 1—2 оборванца...» затѣмъ на еврея «изъ толпы посыпались удары палками и камнями при общемъ смѣхѣ полицейскихъ чиновъ и хулигановъ. Избитый, а, можетъ быть, и убитый, еврей упалъ на мостовую. Проходившія двѣ женщины стали корить городовыхъ. Но городовые ихъ прогнали, говоря: «убирайтесь, не то еще будетъ». Женщины положили еврея въ сторону. Вслѣдъ затѣмъ показалась телѣга съ кожами,—на ней сидѣли одинъ или два еврея. Когда телѣга приблизилась со стороны полицейскихъ, Казалбъ или Полтавченко, подмигнувъ толпѣ, сказали: «а ну-ка-покажи, или дай-ка имъ свободу». Въ одинъ мигъ хулиганы растащили кожи, а евреевъ избили. Нѣчто въ этомъ же родѣ повторилось и съ третьей подводой съ зерномъ... А затѣмъ толпа начала погромъ съ истязаніями и убійствами евреевъ. Въ толпѣ было много переодѣтыхъ полицейскихъ чиновъ, которые явно покровительствовали «хулиганамъ»». Даже самъ г. Нейдгардтъ въ своемъ показаніи сенатору Кузьминскому признаетъ, что 18 октября уже произошло «кровавое столкновеніе», хотя объ этомъ, казалось бы, важномъ для города обстоятельствѣ въ дневникѣ одесскаго градоначальства не упоминается. И какъ разъ въ ночь съ 18 на 19 октября усиленно распространяется «воззваніе къ населенію отъ одесскаго градоначальника», гдѣ приводится явно разбойничье письмо отъ имени 30.000 мѣщанъ, угрожающихъ «сжечь университетъ» и вообще учинить погромъ. Г. Нейдгардтъ приводитъ это письмо съ нескрываемымъ къ нему сочувствіемъ, какъ голосъ людей благонамѣренныхъ. И даже снабжаетъ его такимъ комментаріемъ: «безпорядки и забастовки страшно подняли цѣны на всѣ жизненные продукты: кто во всемъ этомъ виноватъ—рѣшайте сами, люди благонамѣренные». Конечно, никакого письма отъ 30.000 мѣщанъ у г. Нейдгардта на самомъ дѣлѣ не было, что и удостовѣрено потомъ мѣщанскимъ старостой Одессы. Объ этомъ «письмѣ» чиновникъ особыхъ порученій при одесскомъ градоначальникѣ г. Подольцевъ показалъ сенатору Кузьминскому слѣдующее: «среди бумагъ

*) Г. Донашевскій—православный.

градоначальника мнѣ пришлось видѣть четверть листка бумаги, сложенную вдвое, на которой было написано заявленіе отъ имени 30.000 мѣщанъ... Подписей на немъ или совсѣмъ не было, или, если и были, то весьма мало»... «Воззванія, изданныя градоначальникомъ къ населенію, составлялъ и писалъ, вѣроятно, онъ самъ. Впрочемъ, черновикъ одного,—кажется, того, въ которомъ говорится о 30.000 мѣщанъ, писалъ старшій инспекторъ типографіи Плаксинъ, но былъ ли проектъ Плаксина одобренъ градоначальникомъ, или онъ замѣнилъ его своимъ текстомъ, я не знаю». 19 октября погромъ шелъ во всю. А на утро 20 октября «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства» выходятъ съ передовою статьею, которая начинается словами: «нехорошее мы время переживаемъ», и представляетъ не что иное, какъ погромную прокламацію. И, наконецъ, уже послѣ ужасовъ 18—21 октября, погромныя прокламаціи въ Одессѣ продолжали печататься съ разрѣшенія цензуры въ типографіи штаба одесскаго военнаго округа.

Но органы самодержавной власти въ Одессѣ допускали нѣчто большее. Привожу изъ отпечатаннаго сенатской типографіей дѣла Нейдгардта показанія свидѣтелей:

а) Показаніе прапорщика Теплицкаго: «Директоръ кадетскаго корпуса, встрѣтившись съ толпою хулигановъ, обратился къ ней со словами: «и вы идете бить евреевъ,—благословляю васъ», и въ разговорѣ со служащими корпуса Дерюгинъ сказалъ: «очень жаль, что на это дѣло посылается только чернь, и мы не можемъ сами идти. Эта наша святая обязанность»... Вообще же «военное начальство рѣзко проявляло покровительство погрому и выражало явное недовольство тѣмъ офицерамъ, которые проявляли стремленіе къ противодѣйствію погрому. Такихъ офицеровъ подвергали аресту за выраженіе протеста, переводили въ Очаковъ».

б) Показаніе присяжнаго повѣреннаго Донашевскаго: «патріотическая манифестація (утромъ 19 октября), состоящая изъ 100—200 грязно одѣтыхъ людей, оборванцевъ, подростковъ, дѣтей, направилась къ дому градоначальника... Въ толпѣ было много національныхъ флаговъ и впереди несли нѣсколько портретовъ государя... Нейдгардтъ вышелъ на балконъ... Въ отвѣтъ на рѣчь, содержаніе которой я не разслышалъ, Нейдгардтъ крикнулъ: «спасибо вамъ, братцы», и еще что-то сказалъ въ родѣ: «теперь идите помолиться». Толпа прокричала ура и стала пѣть: «Спаси, Господи, люди твоя»... Одновременно почти съ пѣніемъ гимна и молитвы раздались крики: «бей жидовъ, смерть жидамъ»—и толпа двинулась впередъ, сопровождаемая отрядомъ солдатъ»... Въ слободкѣ Романовкѣ «городовые шашками срѣзали молодыя деревья и раздавали ихъ въ видѣ дубинъ тѣмъ изъ толпы (громилъ), у которыхъ не было оружія»... Одинъ изъ солдатъ присланной, по просьбѣ генерала Шашалова, команды для охраны его квартиры и дома въ моемъ присутствіи разсказывалъ, что по инструкціи начальника,

войска не должны оказывать никакого противодѣйствія грабителямъ... Это потому, какъ пояснилъ тотъ же солдатъ, что «евреевъ велѣно придушить»...

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста лишаетъ меня возможности остановиться на аналогичныхъ фактахъ изъ погромной практики другихъ городовъ. Поэтому напомню лишь вкратцѣ, нѣкоторыя общеизвѣстныя свѣдѣнія о погромной литературѣ. Пропагандировалась «идея погрома»:

Во-первыхъ, московскою газетою «День»; если даже отказаться отъ неопровергнутаго извѣстія, что на изданіе этой газеты отпущено изъ средствъ государственнаго казначейства 30,000 руб., то всетаки никто не станетъ отрицать, что «День» пользовался покровительствомъ администраціи и распространялся при содѣйствіи полиціи.

Во-вторыхъ, «Московскими Вѣдомостями», арендаторъ которыхъ г. Грингмутъ, какъ извѣстно, субсудируется казенными объявленіями.

Въ-третьихъ, Тамбовскими, Уфимскими, Орловскими, Черниговскими и многими другими губернскими вѣдомостями.

Въ-четвертыхъ, мысль о насильственномъ истребленіи интеллигенціи вообще и инородцевъ въ частности настойчиво внушалась нѣкоторыми изданіями «Каѳедры исаакіевскаго собора», Троице-Сергіевской лавры и даже Кіево-Печерской лавры.

Иначе говоря, погромными агитаторами были не только чины министерства внутреннихъ дѣлъ, пользовавшіеся для своей цѣли оффиціальными органами печати, но и учрежденія, подвѣдомственныя святѣйшему синоду. Чтобы взвинчивать погромное настроеніе, пускались въ ходъ даже такія рискованныя для самодержавія средства, какъ слухи о повсемѣстномъ оскорбленіи величества. Между прочимъ, въ тревожное пасхальное время 1905 г. правительство воспользовалось житомірскимъ погромомъ, чтобы распространить по всей Россіи при помощи подвластныхъ ему телеграфныхъ агенствъ свое завѣдомо ложное сообщеніе о стрѣльбѣ евреевъ въ портретъ государя. Это сообщеніе было опровергнуто житомірскими властями, но объ опроверженіи русское общество узнало лишь изъ частныхъ источниковъ. Замѣчательно при этомъ вотъ что. Ложь была изобрѣтена сначала въ Житомірѣ, и тамъ использована, въ цѣляхъ подстрекательства къ погрому организаторами разбойничьихъ шаекъ. Оффиціальныя житомірскія власти утверждаютъ, что никакихъ донесеній о стрѣльбѣ въ портретъ они не посылали. А между тѣмъ, правительство откуда-то узнало объ этой стрѣльбѣ и воспользовалось ею при помощи «Правительственнаго Вѣстника». И, слѣдовательно, къ нему поступали донесенія отъ кого-то, помимо оффиціальныхъ властей, и эти донесенія свободно безъ провѣрки проникали въ оффиціальный органъ русскаго правительства. Иначе говоря, уже весною 1905 г. обнаружилась тѣсная связь между организа-

торами погрома и лицами, коимъ подчиненъ редакторъ «Правительственнаго Вѣстника». Исходатайствованіе пріема для дружины хоругвеносцевъ и для «союза русскаго народа» еще болѣе подчеркивало существованіе этой связи.

Наконецъ, дѣло объ одномъ изъ организаторовъ погрома и распространителей погромныхъ прокламацій, помощникѣ начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія Будоговскомъ, до нѣкоторой степени позволяетъ судить, какъ велась канцелярская переписка по приготовленію къ погромамъ. Повидимому, завѣдываніе этимъ дѣломъ распредѣлено между нѣсколькими учрежденіями. Такъ, одно донесеніе о томъ, что имъ произведено разбрасываніе «значительнаго количества» погромныхъ прокламацій г. Будоговскій направилъ завѣдующему политической частью департамента полиціи Рачковскому (27 ноября 1905 г. № 1054), а другое было направлено къ завѣдующему особымъ отдѣломъ департамента полиціи г. Тимофееву (5 декабря 1905 г. № 1061). Кстати, послѣ этихъ донесеній, за свою «полезную дѣятельность» г. Будоговскій былъ представленъ къ наградѣ. Г. Тимофеевъ тоже получилъ отличіе и нынѣ состоитъ «чиновникомъ для порученій» при дворцовомъ комендантѣ Треповѣ.

Такимъ образомъ, обвиненія, предъявленныя къ правительству горнопромышленникомъ Львовымъ, подтверждаются документально. Документы позволяютъ лишь внести въ докладъ г. Львова нѣкорыя поправки.

Во-первыхъ, онъ утверждалъ, что погромное предпріятіе внѣвѣдомственно, и что руководитъ имъ особый генералъ Богдановичъ (получающій, если вѣрить газетамъ, за свои труды, изъ средствъ государственнаго казначейства 50,000 рублей въ годъ). Въ дѣйствительности же мы видимъ, что это предпріятіе не шло мимо департамента полиціи и бывшаго «завѣдующаго полиціей» Д. Ѳ. Трепова.

Во-вторыхъ, г. Львовъ въ ноябрѣ 1905 г. говорилъ о погромномъ заговорѣ, какъ о дѣлѣ прошломъ. Въ дѣйствительности же, заговоръ исправно продолжалъ существовать и послѣ ноября: достаточно вспомнить показанія гомельскаго полицеймейстера Подгоричани, депутаціи союза русскихъ людей, печатаніе погромныхъ прокламацій въ типографіяхъ петербургскаго градоначальника и штаба одесскаго военнаго округа.

Наконецъ, г. Львовъ упустилъ изъ виду и еще одну сторону, о которой необходимо сказать подробнѣе.

—

IV.

Теперь, благодаря выборамъ въ Государственную Думу, такъ сказать, статистически доказано, что «патріоты» составляли и составляютъ ничтожную часть населенія. Ихъ процентъ въ Россіи врядъ ли выше, чѣмъ въ другой странѣ. Люди озвѣрѣлые, склонные къ грабежу и разбоямъ, есть вездѣ. Что черносотенцевъ—горсть, что они сами по себѣ представляютъ совершенно ничтожную силу, — это категорически утверждалось всѣми независимыми газетами. Газеты правительственныя, или субсидируемыя правительствомъ, наоборотъ, утверждали, что предъ нами—не «черная сотня», а «черные милліоны»; это, де, весь истинно русскій народъ, вѣрноподданный, преданный самодержавному царю и православной церкви, возстаетъ противъ враговъ «существующаго государственнаго строя». На сколько такое отожествленіе погромщиковъ и грабителей съ поборниками «православія и самодержавія» могло способствовать поддержанію «устоевъ», понятно само собою. Надо обладать особой логикой, чтобы, подобно начальнику одесскаго военнаго округа г. Каульбарсу, разграбленный городъ, растерзанныхъ младенцевъ и выпотрошенныхъ матерей считать доказательствомъ «національныхъ и монархическихъ чувствъ каждаго истинно русскаго человѣка» *). Между тѣмъ, г. Каульбарсъ въ данномъ случаѣ не былъ исключеніемъ. Не одинъ онъ, но и люди, выше его стоящіе, изощрялись въ доказательствахъ, что слова: «вѣрноподданный», «патріотъ», «приверженецъ самодержавія и православія», «монархистъ», «черносотенецъ» и «разбойникъ»,—суть лишь синонимы. И что всего замѣчательнѣе, ни мѣстныя власти, ни ихъ петербургское начальство ни на минуту въ сущности не могли заблуждаться относительно «черносотенцевъ». Они прекрасно знали, и что такое эти разбойники, и какова у черной сотни дѣйствительная сила. Вдумайтесь хоть на минуту въ слѣдующія краткія сообщенія:

Баку. Изъ телеграммы бакинскаго биржевого комитета отъ 22 октября: «19-го организовалась патріотическая манифестація, *охраняемая казаками*; по голословному указанію, что яко бы въ толпу брошена бомба, артиллерія бомбардировала домъ Сагателова; никакой бомбы не было; разграблены магазины... въ присутствіи казаковъ»... Изъ телеграммы директора бакинскаго машиностроительнаго общества отъ 24 октября: «Пятый день городъ во власти хулигановъ... Провокація артистическая; толпу ведутъ къ армянскому дому, около него раздается выстрѣлъ, сейчасъ же

*) Изъ рапорта Каульбарса военному министру, отъ 12 ноября 1905 г. за № 23657.

начинается разстрѣлъ дома войсками, потомъ поджогъ и разгромъ хулиганами. Казаки безчинствуютъ».

Томскъ. «Патріоты» манифеста 20 октября дѣйствовали сначала нерѣшительно и боязливо. Но они осмѣлѣли съ прибытіемъ войскъ. Солдаты стояли между ними и осажденнымъ домомъ, иногда даже стрѣляли въ осажденныхъ и ничуть не препятствовали хулиганамъ дѣлать ихъ дѣло. Подъ охраной войскъ, домъ (управленіе дороги) былъ подожженъ. Подъ охраной войскъ происходили самыя невѣроятныя вещи. Такъ, одинъ старикъ изъ окна пылавшаго зданія просилъ у негодяевъ пощады во имя его дѣтей, семьи. Ему подставили шестъ и, когда онъ достигъ земли, звѣрски убили его (подъ охраной войскъ)! Молодую дѣвушку, пытавшуюся спастись бѣгствомъ, раздѣли до-нага и, взявъ за ноги, буквально разорвали; еще живую, ее опять бросили въ огонь (подъ охраной войскъ!). Настигнутаго на улицѣ студента ударомъ кола свалили съ ногъ и, вставивъ ему колъ въ ротъ, разломали ему черепъ». И все это безнаказанно, ибо войска охраняли разбойниковъ отъ жителей. На глазахъ войскъ нагую дѣвушку бросили навзничь на груду тѣлъ и между ногъ забили ей въ животъ колъ.

«На кожевенномъ и мыловаренномъ заводѣ Б. Л. Фуксмана хранилось: 5.000 штукъ сырыхъ кожъ, 10.000 пудовъ сала и 6.000 пудовъ мыла. И все это въ одинъ день было увезено и куда-то спрятано... И весь этотъ грандіозный грабежъ былъ продѣланъ въ полномъ порядкѣ: тихо, не торопясь, въ присутствіи полиціи, казаковъ и войсковыхъ частей, наряду съ толпой хулигановъ, принимавшихъ участіе въ расхищеніи чужой собственности...» *).

Челябинскъ. Одинъ изъ эпизодовъ погрома: «Въ ночь на 27-е октября толпа хулигановъ, имѣя среди себя человѣкъ 12 казаковъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ по формѣ, напала на вагонъ, въ которомъ находился военный докторъ. Вагонъ былъ изрѣшетенъ пулями («Русск. Вѣд.»).

Ярославль. «Погромъ и избіенія учиняются при ясномъ для всѣхъ очевидцевъ покровительствѣ и содѣйствіи полиціи и казаковъ». Въ одномъ мѣстѣ сдѣлана была попытка сопротивляться разбойникамъ. Казаки немедленно пришли разбойникамъ на помощь («Русск. Вѣд.» 26 октября).

Тверь. «Толпа хулигановъ окончательно «пошла на приступъ», когда войска заслонили ее отъ собравшейся возлѣ разгромляемой земской управы публики» (см. докладъ земской управы о погромѣ).

Казань. «Черносотенцы остановились передъ думой, гдѣ засѣла милиція. Пришли войска и принялись разстрѣливать думу («Наша Жизнь», 13 ноября»).

---

*) Выдержки изъ „Русск. Вѣдом.“, „Руси“ и „Нашей Жизни“.

Разумѣется скажутъ: «о такихъ фактахъ мы всѣ прекрасно знаемъ. Ихъ очень много въ газетахъ печаталось. Но вѣдь въ газетахъ пишутъ евреи. Вѣдь газеты врутъ» и т. д. Хорошо, оставимъ газеты. Согласимся, что это источникъ не достовѣрный, что въ газетахъ пишутъ евреи, которые задались одной цѣлью—дискредитировать правительство, «устраивать скандалы самодержавію». Но вотъ представленіе товарища прокурора одесскаго окружнаго суда Каменскаго, отъ 1 ноября 1905 г.: «Въ ночь (съ 19 на 20 октября) Дерибасовскую улицу грабили почти исключительно солдаты карантинной стражи». Грабежъ происходилъ на глазахъ г. Каменскаго. Онъ лично обращался «за содѣйствіемъ» къ гражданскимъ и военнымъ властямъ, но всюду встрѣчалъ такой пріемъ, что «рѣшилъ не обращаться больше, глубоко убѣдившись, что это безцѣльно, такъ какъ названныя власти не желаютъ оказать никакой помощи и защиты мирнымъ жителямъ и позволяютъ черни и войскамъ безпрепятственно убивать и грабить. Весь день 20 октября... по прежнему по городу бродили шайки убійцъ и грабителей, а войска продолжали стрѣлять по домамъ мирныхъ жителей. Въ этотъ же день на Дерибасовской улицѣ жандармами и городовыми былъ убитъ въ числѣ многихъ другихъ студентъ Канаянцъ».

Вотъ показаніе полковника Головина, и. д. одесскаго полицеймейстера, судебному слѣдователю: «патріоты» у «командующаго войсками (т. е. у г. Каульбарса) просили (19 октября) военный оркестръ, на что послѣдовало разрѣшеніе... Было отдано распоряженіе дѣлать залпы по тѣмъ домамъ, изъ которыхъ производится стрѣльба (т. е. гдѣ разбойникамъ оказываютъ вооруженное сопротивленіе)».

Вотъ показаніе Л. Л. Гавришева, начальника одесскаго училища торговаго мореплаванія, сенатору Кузьминскому: «Изъ Херсонскаго участка (20 октября) выходили процессіи съ флагами, съ царскими портретами и иконами въ сопровожденіи городовыхъ и въ присутствіи послѣднихъ... громили... Войска же безучастно проходили мимо или стояли вблизи». За то они очень дѣятельно охраняли разбойниковъ и «крайне активно разстрѣливали дома по однимъ лишь слухамъ о произведенномъ изъ этого дома одномъ выстрѣлѣ».

Вотъ показаніе прапорщика Теплицкаго: «Саперные офицеры и солдаты сами принимали участіе въ разграбленіи конфектной фабрики Крахмальникова». И, наконецъ, даже чиновникъ особыхъ порученій при одесскомъ градоначальникѣ г. Подольцевъ свидѣтельствуетъ объ «очевидцахъ погрома въ присутствіи и подъ прикрытіемъ войскъ».

Вотъ оффиціальное донесеніе начальника сибирской дороги о сожженіи управленія съ людьми: управленіе хотѣло защищать добровольная милиція; черносотенцы дрогнули, тогда «казаки спѣ-

шились и стали дѣлать приготовленія къ стрѣльбѣ въ милиціонеровъ». «Видя эти приготовленія, милиціонеры бросились въ двери зданія управленія, надѣясь уйти черезъ черный ходъ и скрыться... Но у воротъ уже стоялъ военный караулъ, который не пропускалъ не только ихъ, но и служащихъ».

Понимаете, о чемъ говоритъ этотъ оффиціальный документъ: войска готовились убить всякаго, кто пытался отогнать разбойниковъ, поджигавшихъ домъ, и не позволяли никому уйти раньше, чѣмъ домъ загорѣлся. Мало того, когда домъ запылалъ, «солдаты—лаконически констатируетъ тотъ же документъ—разстрѣливали спасавшихся на крышѣ».

Рѣшаюсь, наконецъ, чтобы ужъ не было никакихъ сомнѣній, процитировать секретное донесеніе начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія отъ 31 октября 1905 г. за № 3850 о погромѣ 18 октября: «въ погромщиковъ, а также въ войсковыя части изъ многихъ домовъ евреи стрѣляли изъ револьверовъ, на что войска отвѣчали залпами». О погромѣ 19 октября: «изъ многихъ домовъ по манифестантамъ - погромщикамъ и мирнымъ обывателямъ, проходившимъ по улицамъ, а также войскамъ производились выстрѣлы изъ еврейскихъ квартиръ, на каковые войска отвѣчали залпами». Врядъ ли безъ умысла начальникъ кіевской охраны смѣшиваетъ въ одну кучу законный актъ самообороны (выстрѣлы по разбойникамъ) съ покушеніемъ на убійство (стрѣльбу по мирнымъ прохожимъ) и вооруженный мятежъ (стрѣльбу по войскамъ). Но во всякомъ случаѣ его свидѣтельство несомнѣнно удостовѣряетъ, что погромщиковъ поддерживали войска, залпами предупреждавшіе всякое сопротивленіе разбою.

Неужели же нужно доказывать, что, двинувъ повсемѣстно на помощь «патріотамъ» вооруженныя силы государства (полицію и войска), правительство тѣмъ самымъ удостовѣрило, что ему прекрасно извѣстно ничтожество и безсиліе черной сотни? Задача была поставлена и задача вполнѣ ясная: изъять изъ обращенія возможно больше «мыслящихъ людей», «идейныя стремленія» которыхъ не соотвѣтствуютъ самодержавнымъ «формамъ жизни». Эта задача рѣшалась почти одновременно на всемъ пространствѣ Россійской имперіи. И тамъ, гдѣ сорганизованныхъ «патріотическихъ» шаекъ не оказывалось почему-либо въ наличности, ее откровенно рѣшали войска и полиція: примѣръ, Минскъ и Пенза. А гдѣ шайки были, тамъ онѣ дѣйствовали подъ охраной войскъ. Россія, въ цѣляхъ истребленія «враговъ самодержавія», была отдана на разграбленіе разбойникамъ и солдатамъ,—вотъ вкратцѣ смыслъ кровопролитія, устроеннаго вслѣдъ за манифестомъ 17 октября.

Необходимо отмѣтить, что въ мартѣ нынѣшняго года совѣтъ министровъ сталъ афишировать свои противопогромныя мѣры. Въ виду миссіи, возложенной на г. Коковцева, это вполнѣ понятно. Малѣйшій признакъ, что погромы продолжатся, неизбѣжно сорвалъ

бы переговоры о займѣ. Дошло до того, что приняты были мѣры противъ достаточно изобличеннаго въ организаціи черной сотни чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ Лаврова. Но одновременно министръ внутреннихъ дѣлъ потихоньку вооружилъ себя новымъ чиновникомъ особыхъ порученій г. Борисомъ Никольскимъ, дѣятелемъ, достаточно извѣстнымъ. И едва только соглашеніе о займѣ состоялось, тотъ же чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Борисъ Никольскій выступаетъ въ роли организатора съѣзда «представителей союза русскаго народа» и громогласно произноситъ въ Москвѣ угрозу: если кадеты въ Думѣ станутъ прекословить, то будетъ по всей Россіи новый погромъ (см. «Новое Время», 8 апрѣля). Въ началѣ мая угроза стала приводиться въ исполненіе. «Прав. Вѣстникъ» открыто началъ печатать черносотенныя телеграммы.

V.

Внимательно просматривая матеріалы о погромахъ, трудно не замѣтить одну крайне характерную черту. Повсемѣстно погромъ сначала идетъ и развивается по предначертанной линіи — въ сторону истребленія и раззоренія «враговъ существующаго строя». Скованная дисциплиной, армія пресѣкаетъ защиту отъ разбойниковъ. Худшая часть арміи, ея отбросы, довольно быстро сливается съ погромщиками. Лучшая—нѣкоторое время остается пассивной. Протестъ противъ разбоя, по весьма понятнымъ причинамъ, прежде всего слышится отъ офицеровъ. И начальство вынуждено прибѣгать къ увѣщанію. Въ дѣлѣ Нейдгардта-одесскаго, напр., приведено такое наставленіе командира 273 пѣхотнаго полка желавшимъ прекратить погромъ офицерамъ: «это не ваше дѣло вмѣшиваться— теперь рѣшается важный національный вопросъ». Но омерзѣніе и ужасъ наростаютъ. Желаніе активно выступить противъ звѣрствъ начинаетъ прорываться у солдатъ. Да у самихъ громилъ прорывается зудъ «заодно ужъ» намять бока и начальству. Въ той же Одессѣ, по словамъ вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, на третій день погрома въ толпѣ хулигановъ слышались угрожающія ругательства по адресу градоначальника (въ родѣ «придушить бы эту ворону»). Наступалъ острый «психологическій моментъ», когда слѣпая, но, по существу, глубоко и рѣзко антиправительственная сила разбойниковъ готова была обрушиться на голову «властей предержащихъ» и въ этомъ своемъ новомъ предпріятіи найти поддержку и у возмущенныхъ жителей, и у возмущенныхъ войскъ.

Надо отдать справедливость «помѣстному начальству»: оно чутко угадывало этотъ опасный для себя моментъ и ловко направляло солдатское негодованіе на громилъ прежде, тѣмъ они успѣвали перемѣнить фронтъ. Силы, быть можетъ, черезъ нѣсколько часовъ

готовыя слиться, разбивались одна о другую. Накипѣвшее и готовое брызнуть черезъ край негодованіе стихало, и въ Петербургъ летѣла «секретная» телеграмма: «Разгромъ прекращенъ былъ войсками, начавшими выстрѣлами разгонять погромщиковъ» *). Безъ сомнѣнія, погромъ такъ или иначе долженъ былъ прекратиться. Но сама жизнь подсказывала, что отъ столь рискованнаго средства истреблять крамольниковъ благоразумнѣе на время отказаться. Погромы затихли. Но это не значило, что послѣдовалъ отказъ отъ самой мысли — изъять враждебную самодержавію часть общества. Убійства и грабежи подъ флагомъ патріотическихъ манифестацій, подкрѣпленныхъ вооруженными силами государства, кончились. Но для выполненія той же задачи могли быть двинуты просто вооруженныя силы. Случилось ли это послѣднее?

Начну хотя бы съ того раззоренія, какому была подвергнута деревенская Россія. Не буду перечислять грабежей, какими, по приказанію начальства, занимались солдаты и полиція, не буду говорить объ истязаніяхъ, убійствахъ, о поджогахъ селъ и деревень агентами правительства, объ изнасилованныхъ женщинахъ и дѣтяхъ, объ изнасилованіи рожениць съ дозволенія начальства. Все это заняло бы слишкомъ много мѣста. Постараемся лишь выяснить: дѣлалось ли это по произволу мѣстныхъ властей, или по «общеимперскому плану, продиктованному изъ Петербурга»?

Вотъ дословно угроза генералъ-адъютанта Дубасова крестьянамъ Курской губерніи отъ 20 ноября 1905 г.:

«Населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, въ которыхъ находятся войска, позволяютъ себѣ распространять угрозы произвести безпорядки, какъ только эти войска будутъ удалены въ другія мѣстности. Объявляю, что войсковыя части, не смотря на это, будутъ, по распоряженію моему и подчиненныхъ мнѣ властей, перемѣщаться, смотря по обстоятельствамъ, куда понадобится. Но если сельскія общества или *хотя немногіе изъ ихъ членовъ* (курсивъ мой. А. П.) позволятъ себѣ привести подобныя угрозы въ исполненіе, то всѣ жилища такого общества и все его имущество будетъ по приказу моему уничтожено». Г. Дубасовъ посланъ былъ со спеціальною цѣлью—умиротворить волнующихся крестьянъ. Онъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, самыя опредѣленныя инструкціи и полномочія. И на основаніи этихъ инструкцій и полномочій «умиротворитель» Дубасовъ вводитъ въ оборотъ неслыханное правопониманіе: преданіе грабежу и разбою цѣлыхъ обществъ за преступленіе «немногихъ его членовъ», — точнѣе говоря: по донесенію о «безпорядкахъ», сдѣланному урядникомъ, землевладѣльцемъ, стражникомъ или даже просто желавшимъ отличиться шпіономъ. Мнѣ скажутъ: такихъ инструкцій Дубасову не давали; онъ просто совершилъ преступленіе, но правительство было не въ силахъ привлечь его за это къ

*) Изъ донесенія начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія.

ответственности, и на этомъ основаніи дало ему отличіе — назначило московскимъ генералъ-губернаторомъ. Но вотъ другой приказъ самого министра внутреннихъ дѣлъ, Дурново, кіевскому губернатору (№ 929). «Въ мѣстности Кагарлыкъ, Кіевской губерніи, въ имѣніи Черткова, арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила не достаточна. Въ виду этого настойчиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ, приказать немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей не возможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышеизложенными указаніями» («Наша Ж.», 12 февр.).

Иначе говоря, г. Дурново, въ сущности, повторилъ курскую прокламацію г. Дубасова и, слѣдовательно, тотъ методъ, которымъ ознаменовали себя посланные вмѣстѣ съ Дубасовымъ «умиротворители», продиктованъ въ Петербургѣ. Дабы не оставалось на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, поучительно хоть въ общихъ чертахъ прослѣдить событія за послѣдній годъ въ разныхъ губерніяхъ. Касаться нѣсколькихъ губерній здѣсь не возможно. Поэтому остановлюсь лишь на одной,—напримѣръ, на Витебской.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, крестьянское «самоуправство» наблюдалось еще передъ весною 1905 г. И тогда же правительство было достаточно освѣдомлено о ближайшихъ поводахъ этого самоуправства. Такъ, начальникъ витебскаго губернскаго жандармскаго управленія, секретнымъ рапортомъ отъ 13 марта 1905 г., доносилъ шефу жандармовъ: «Ближайшею причиною (аграрныхъ волненій въ Двинскомъ и другихъ уѣздахъ) слѣдуетъ считать крайне бѣдственное экономическое положеніе крестьянъ... Нужно считать, что въ настоящее время среди крестьянъ голодъ... Помощникъ (мой) видѣлъ тотъ хлѣбъ, который ѣдятъ крестьяне, и высказываетъ свое удивленіе, что его можно ѣсть,— это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, что тѣ, которые его ѣдятъ, еще живы. Никакія репрессіи, если не будетъ хлѣба, не помогутъ. Тяжелое положеніе крестьянъ видятъ и солдаты, что производитъ на нихъ дурное впечатлѣніе... Вторая причина безпорядковъ, во-первыхъ, отсутствіе дровъ, а во-вторыхъ, презрительное, дерзкое и подчасъ жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами и полное игнорированіе нуждъ послѣднихъ. При разговорѣ съ гр. Евгеніемъ Плятеръ-Зибергомъ этотъ послѣдній высказалъ помощнику: «все это быдло, которыхъ надо бить и стрѣлять». Нѣкоторые помѣщики высказываютъ свое удивленіе и досаду: «почему на каждое имѣніе не дадутъ хотя бы по 10 солдатъ до весны»... Вообще у помѣщиковъ какое-то озвѣрѣлое чувство къ крестьянамъ». До какой степени это «озвѣрѣлое чувство» къ «быдлу» сохранилось, можно судить по

слѣдующему краткому сообщенію «Нашей Жизни»: «18 января дѣти двухъ крестьянъ д. Щедряты Двинскаго у. отправились въ лѣсъ набирать сучьевъ для топлива. Ихъ было пять: три мальчика и двѣ дѣвочки, изъ коихъ только одной дѣвушкѣ на видъ можно дать лѣтъ 15—16, а остальнымъ отъ 12 до 14-ти. У крестьянъ деревни Щедряты есть немного лѣса, который принадлежитъ деревнѣ, т. е. самимъ крестьянамъ; граница этого лѣса сходится съ лѣсомъ имѣнія Магнусово, принадлежащаго г. Камышевскому. Сбирая дрова, дѣти, по всей вѣроятности, перешли границу и забрались въ лѣсъ г. Камышевскаго. Увидя это, лѣсникъ сдѣлалъ по нимъ два выстрѣла, которыми и ранилъ ихъ всѣхъ пятерыхъ».

Между тѣмъ, въ нынѣшнемъ году стражники, нарочито обученные стрѣльбѣ, приступили къ подвигамъ. Одновременно двинуты были войска. Что началось, лучше не говорить. Напомню лишь, что въ Двинскомъ, напр., уѣздѣ полиція считала возможнымъ разстрѣливать залпами безоружные волостные сходы (см. «Нашу Ж.», 21 января). Или: въ деревнѣ Кивкахъ, Рѣжицкаго у., крестьянинъ Большаковъ былъ заподозрѣнъ начальникомъ карательнаго отряда «въ порубкѣ владѣльческихъ лѣсовъ» (такъ именно и сказано: не дерева, не нѣсколькихъ деревьевъ, а цѣлыхъ «лѣсовъ»), за что и былъ арестованъ, а его домъ и усадьба разрушены стрѣльбою изъ пушекъ. И вотъ въ самый разгаръ этихъ военныхъ экзекуцій, какъ бы для поощренія «усмирителей», 16 февраля настоящаго года былъ изданъ слѣдующій приказъ: «Представленныя мною 31 января за № 699 мин. внутр. дѣлъ данныя о сформированіи полицейской стражи, о порядкѣ обученія ея военному строю и стрѣльбѣ, а также о дѣятельности стражи при подавленіи аграрныхъ безпорядковъ д. т. с. Дурново были всеподданнѣйше представлены на всемилостивѣйшее благовоззрѣніе государя императора. Его императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «*Это меня радуетъ*» (курсивъ подлинника. А. П.). О такой монаршей резолюціи счастливъ объявить по полиціи ввѣренной мнѣ губерніи. Витебскій губернаторъ Гершау-Флотовъ».

Итакъ, знало ли правительство о бѣдственномъ положеніи крестьянъ? Знало. Извѣстно ли ему было о неурожаѣ прошлаго года? Извѣстно. Принимало-ли мѣры по этому случаю? Да, принимало: въ острый моментъ народнаго возбужденія, во-первыхъ, распорядилось отнять у «строптивыхъ» продовольственную помощь, и во-вторыхъ, систематически, упорно, на всемъ пространствѣ имперіи препятствовало кормить голодныхъ. Оно запрещало открывать столовыя для голодныхъ въ селахъ, объявленныхъ «на военномъ положеніи и на положеніи усиленной и чрезвычайной охраны», оно создало «законъ», что столовыя не могутъ быть открываемы учителями сельскихъ школъ и что раздавать голоднымъ пищу можно только въ присутствіи полиціи, при чемъ эти «правила» исходили изъ Петербурга отъ министерства внутреннихъ дѣлъ («Русь», 11 мар-

та). Оно запрещало земствамъ собирать пожертвованія въ пользу голодающихъ крестьянъ (см. «Н. Ж.», 18 февраля). Я уже не говорю о такихъ мѣрахъ, какъ заключеніе въ тюрьму даже духовныхъ лицъ за раздачу хлѣба голоднымъ. Знало-ли правительство объ «озвѣрѣлыхъ, какъ выражается витебская жандармерія, чувствахъ» помѣщиковъ? Очевидно, не могло не знать. Что оно дѣлало по этому поводу? Разрѣшило помѣщикамъ содержать наемныя войска и раздавало помѣщикамъ же казенные винтовки и пулеметы, отбирая всякое оружіе у крестьянъ. Въ печати высказывалось, что эта политика было холодно разсчитанной провокаціей, говорилось и говорится, что правительство обостряло и усиливало вѣроятность аграрныхъ волненій, съ цѣлью побудить землевладѣльцевъ къ союзу съ «твердою самодержавною властью». Это лишь догадка, которая не обоснована документально. Но внѣ этой догадки остается голое, ничѣмъ не прикрытое желаніе истреблять людей голодомъ, сжиганіемъ жилищъ, грабежомъ *), уничтоженіемъ имущества, истязаніями, холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, — словомъ, всѣми доступными вооруженной силѣ средствами. Но истреблять вовсе не зря, а съ вполнѣ опредѣленнымъ политическимъ разсчетомъ. «Во всѣхъ репрессіяхъ, замѣчаетъ, напр., херсонскій корреспондентъ «Русск. Вѣд.»—сквозитъ намѣреніе убрать съ поля дѣятельности наиболѣе энергичныхъ и образованныхъ людей». Другіе наблюдатели приходятъ къ тому же выводу, что вооруженныя силы государства пущены въ ходъ съ цѣлью истребить наиболѣе активное и наиболѣе сознательное населеніе деревни. При чемъ для истребленія сознательной и активной деревни, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ аграрныя волненія «запоздали», власти пользовались самыми разнообразными поводами. Вотъ, напр., сообщеніе корреспондента «Руси» изъ Путивльскаго у., Курской губерніи.

«Въ декабрѣ прошлаго года исполнявшій обязанности путивльскаго предводителя дворянства г. Шечковъ созвалъ со всего уѣзда извѣстныхъ ему кулаковъ-крестьянъ, чтобы намѣтить кандидатовъ въ Государственную Думу. Узнавъ о такомъ намѣреніи Шечкова, крестьяне заволновались по всему уѣзду, говоря, что они сами должны выбирать избирателей, а никто другой. За такія рѣчи исправникъ Спасскій арестовалъ крестьянъ Воронина, Ефремова и Войкина. А когда въ ближайшій праздникъ крестьяне въ Путивлѣ выходили изъ церкви, то казаки стали хлестать ихъ нагай-

*) Что грабежъ по приказанію начальства практиковался, удостовѣряется достовѣрными свидѣтельствами показаніями. Изъ безчисленнаго множества случаевъ напомню лишь сообщеніе „Рѣчи“ о дѣйствіяхъ полицейскаго карательнаго отряда въ д. Бакуловичахъ Черниговскаго у., Могилевской губ. Начальникъ отряда, становой приставъ, послѣ безчеловѣчной порки («даже драгуны плакали») приказалъ зарѣзать трехъ коровъ и забрать („съ собою“) 80 пудовъ ячменя“ („Рѣчь“, 25 февраля).

ками. На другой день крестьянъ, собравшихся у полицейскаго управленія, чтобы узнать, за что арестованы упомянутыя трое лицъ, казаки стали бить нагайками и стрѣлять, убивъ двухъ и одного ранивъ. А въ окрестномъ селѣ Грузскомъ казаки звѣрски избили крестьянъ, грабили ихъ имущество и насиловали женщинъ. Въ с. Бочечкахъ, по словамъ корреспондента, варварство казаковъ доходило до того, что они таскали на арканахъ тѣхъ, кого указывалъ исправникъ или урядникъ. Въ с. Крупцахъ, въ январѣ, надъ крестьянами, собравшимися намѣтить кандидатовъ для выборовъ въ Думу, была разыграна такая же, какъ и въ названныхъ селахъ, бѣшеная вакханалія охранителей «порядка» («Русь», 26 февраля).

VI.

Отсюда становится совершенно понятнымъ безконечный рядъ распоряженій и приказаній:

1) Главнаго жандармскаго управленія — «агитаторовъ и подстрекателей къ забастовкамъ предавать военно-полевому суду» («Наша Ж.», 24 января).

2) Командующаго сибирскимъ военнымъ округомъ г. Сухотина: «Необходимо раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не оставалось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ» («Русь», 46).

3) Командующаго одесскимъ военнымъ округомъ Каульбарса, оффиціально введшаго «смертную казнь въ административномъ порядкѣ» («Н. Ж.», 10 февр.).

4) Командующаго войсками виленскаго военнаго округа г. Кршивицкаго, приказавшаго, чтобы «каждый войсковой начальникъ дѣйствовалъ, не боясь отвѣтственности» («Русь», 18 января).

5) Кременчугскаго генералъ-губернатора, объявившаго, что «виновные», напр., въ смѣщеніи старосты или писаря, безъ разрѣшенія земскаго начальника, «будутъ разстрѣливаемы безъ суда» («Русь», 22 января).

6) Полковника Яблонскаго на ст. Сарны, приказавшаго: «Пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу и не стѣсняться послѣдствіями. Перваго открывшаго ротъ для возраженія--убить на мѣстѣ» («Н. Ж.», 30 декабря).

6) Генералъ-губернатора Прибалтійскаго края, объявившаго на эстонскомъ и русскомъ языкахъ, что «за укрывательство агитаторовъ» полагается разстрѣлъ, иначе говоря,—хозяинъ дома, гдѣ окажется «агитаторъ», будетъ убитъ («Молва», 15 января).

7) Начальника закавказскихъ дорогъ полковника Нейгебаура, приказавшаго: «въ случаѣ предъявленія скопомъ какихъ-либо требованій со стороны служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ... зачин-

щиковъ предавать военно-полевому суду» («Н. Ж.», 26 января),— т. е. за коллективную подачу заявленія назначена смертная казнь.

8) Одесскаго полицейскаго пристава, объявившаго товарищу прокурора, привать-доценту Абрашкевичу, что онъ, товарищъ прокурора, будетъ («въ административномъ порядкѣ»?) убитъ, если не уничтожитъ слѣдственныхъ матеріаловъ о погромѣ («Рус. Вѣд.», 293).

9) Генерала Ренненкампфа, объявившаго, «что въ случаяхъ покушенія на жизнь лицъ, его сопровождающихъ, а также жандармскихъ чиновъ и чиновъ желѣзнодорожной охраны, всѣ арестованные и сданные въ тюрьму, какъ заложники, чрезъ часъ послѣ покушенія будутъ подвергаться смертной казни» («Н. Ж.», 2 марта).

10) Знаменитаго Мина, отдавшаго въ Москвѣ оффиціальный приказъ по полку въназиданіе отряда, отправленнаго на станціи Перово, Люберцы и т. д., «дѣйствовать безпощадно, арестованныхъ не имѣть», т. е. убивать всѣхъ безъ разбора.

11) Екатеринославскаго генералъ-губернатора, объявившаго, что села, жители коихъ прекратятъ работу въ барской экономіи, «будутъ обстрѣливаемы артиллерійскимъ огнемъ, что вызоветъ разрушеніе домовъ и пожары («Русь», 17 января).

Здѣсь приведена лишь ничтожная часть общеизвѣстнаго изъ газетъ матеріала. Но и приведеннаго, полагаю, достаточно, чтобы понять общую картину. Передъ нами мѣстныя власти, очевидно, проникшіяся общею мыслью и явно руководимыя изъ Петербурга и награждаемыя Петербургомъ. Мы имѣемъ какъ бы заговоръ, подобный тому, на который указывалъ горнопромышленникъ Львовъ. Заговорщики даже въ своихъ оффиціальныхъ приказахъ и обязательныхъ постановленіяхъ не стѣсняются. Они открыто заявляютъ, что и та жалкая пародія на правовую жизнь, которая возможна въ полицейскомъ государствѣ, ими упразднена. Тутъ все обнажено. Правда, центральная власть стыдливо спрятала принадлежащее ей руководство «административными смертными казнями», однако проявило полную солидарность со своими агентами, введшими этотъ родъ наказанія (вѣдь ни Каульбарсъ, ни коллеги его не преданы суду и не посажены въ домъ умалишенныхъ). Если центральная власть до 17 октября и погромовъ лишь секретно отмѣнила въ Россіи право кассацій на приговоры военныхъ судовъ, то послѣ погромовъ она даже перестала скрывать, что этотъ секретный законъ существуетъ, и черезъ севастопольскаго адмирала Чухнина опубликовала его urbi et orbi. А вѣдь отмѣна права кассаціи значитъ,—повторяемъ слова одного министерскаго докладчика—что «правительство настолько мало вѣритъ приговору суда, приговорившаго человѣка къ смертной казни, и настолько желаетъ, чтобы этотъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, что не рискуетъ допустить перенесеніе его въ другой высшій хотя и коронный судъ».

Теперь, когда нити заговора въ основныхъ чертахъ вполнѣ опре-

дѣлились, пріобрѣтаютъ особенный интересъ первыя, растерянныя, полныя недоумѣнія свидѣтельства очевидцевъ о началѣ погромовъ. Приведу для примѣра показанія кременчугскаго корреспондента «Сына Отечества»:

Въ Кременчугѣ—пишетъ онъ—«18 октября съ утра распространился слухъ, что полученъ манифестъ о дарованіи народу всѣхъ свободъ, и что Государственной Думѣ дано законодательное право. Жители города высыпали на улицу, стараясь провѣрить справедливость циркулирующихъ слуховъ, но никто не могъ обяснить ихъ происхожденіе. Обратились въ редакцію мѣстнаго органа «Южное Слово», но тамъ получили отвѣтъ, что редакціи ничего не извѣстно. Только нѣкоторымъ лицамъ сообщили по секрету, что есть манифестъ, о которомъ «приказано» пока не говорить. Часовъ съ двѣнадцати войска съ музыкой направились къ Соборной площади. Туда же двинулся и народъ. Явилась и полиція съ полицеймейстеромъ во главѣ. Простояли съ часъ, недоумѣвая, что будетъ дальше. За это время къ находившемуся на площади командиру казачьей бригады генералу Калитину *) нѣсколько разъ подъѣзжали ординарцы и передавали ему какія-то телеграммы. Наконецъ, Калитинъ подъѣхалъ къ какому-то офицеру, что-то ему сказалъ, и тотъ, сидя на лошади, громко прочелъ манифестъ, встрѣченный публикой и войсками долго не смолкавшими криками «ура». Пошли взаимныя поздравленія. Публика цѣловалась съ войсками, генералъ Калитинъ пожималъ всѣмъ руки: полицеймейстеръ Ивановъ громко сказалъ: «Я былъ вашъ врагъ, теперь—я вашъ другъ». Говорятъ, что полицеймейстеръ прибавилъ при этомъ: «Теперь можете собираться, я вамъ мѣшать не буду». Публика и ему пожимала руки и долго качала съ криками «ура».

«Обратились къ генералу Калитину съ просьбой освободить политическихъ заключенныхъ. Генералъ долго не соглашался, потомъ обратился къ толпѣ съ предложеніемъ спѣть гимнъ. Пропѣли «Боже, Царя храни» при аккомпаниментѣ военнаго оркестра, и генералъ, обратившись къ полицеймейстеру, сказалъ: «Освободите». Опять крики «ура», и толпа направилась къ тюремному замку. За ней послѣдовала сотня казаковъ волгскаго полка. Тамъ толпа простояла въ ожиданіи довольно долго, мирно бесѣдуя съ казаками и угощая ихъ папиросами; наконецъ, казакъ подъѣхалъ къ начальнику сотни и что то шепнулъ. Начальникъ сотни обратился сейчасъ же къ толпѣ съ крикомъ: «Прошу разойтись, а то шерсть полетитъ. Полусотня направо, полусотня налѣво, маршъ!» Моментально казаки, раздѣлившись на двѣ части, бросились въ толпу, избивая нагайками и топча лошадьми. Толпа въ ужасѣ бросилась въ боковыя улицы, гдѣ долго казаки преслѣдовали ее и избивали...

*) Тотъ самый Калитинъ, который спустя недѣлю послѣ манифеста 17 октября потребовалъ себѣ императорскихъ почестей.

«Въ восемь часовъ вечера начался митингъ въ народной аудиторіи, куда собралось болѣе тысячи человѣкъ, среди которыхъ было много и дѣтей. Явилась также и мѣстная интеллигенція—врачи, учителя, судейскіе и пр. Полиція отсутствовала, не было и войска». Около 10 часовъ вечера мимо аудиторіи проѣзжалъ полицеймейстеръ, который, замѣтивъ стоявшую тутъ кучку людей, сказалъ: «Отчего вы не въ аудиторіи? теперь можно». Около 11 часовъ, когда читалась уже резолюція (къ слову, очень умѣренная) и часть публики начала расходиться, въ аудиторію вошли полицеймейстеръ, жандармскій ротмистръ Якобсенъ и нѣсколько полицейскихъ... Въ этотъ моментъ въ залъ ворвалась полусотня казаковъ. Началась пальба изъ револьверовъ и избіеніе шашками».

Замѣтьте, процитированныя строки написаны въ Кременчугѣ, когда даже «Hamburger Nachrichten» еще не напечаталъ своего, быть можетъ, памятнаго многимъ сенсаціоннаго, но, увы!—въ ту пору голословнаго разоблаченія: «въ высшихъ кругахъ Петербурга конституція далеко не считается совершившимся фактомъ. Правительство надѣется взять обратно манифестъ».

Тогда, т. е. приблизительно черезъ недѣлю послѣ манифеста, даже ни на одну іоту не вѣрившій правительству «Сынъ Отечества» приводилъ это сообщеніе гамбургской газеты съ оговорками, какъ «слухъ, имѣющій нѣкоторое значеніе», но едва ли «вполнѣ достовѣрный» («Сынъ От.», 28 окт.). Какимъ же образомъ провинціальный корреспондентъ могъ знать то, что обнаружилось лишь впослѣдствіи. Онъ просто регистрируетъ поразившіе его перешептываніе, сопровождаемое передачей какихъ-то таинственныхъ телеграммъ. Поразилъ его, видимо, и неожиданно произведенный Калитинымъ экзаменъ по предмету политической благонадежности (пойте: «Боже, Царя храни»), экзаменъ,—насколько можно теперь понимать, опорочившій подготовленное во время часовой стоянки на площади истребленіе крамольниковъ, но не вполнѣ удовлетворившій г. Калитина, ибо истребленіе всетаки состоялось (Быть можетъ, испытуемая толпа не достаточно благоговѣйно пѣла?) Возможно, что вечеромъ неблагонадежность выяснилась для г. Калитина полнѣе: на этомъ «первомъ—какъ выражается корреспондентъ—свободномъ митингѣ въ Кременчугѣ» была «почтена вставаніемъ память погибшихъ въ борьбѣ за свободу». Легко допустить, что въ 10 часовъ полицеймейстеръ вполнѣ искренно безъ задней провокаторской мысли говорилъ: «что жъ не идете на митингъ,—теперь можно»... Вѣдь «ввѣренное ему населеніе» въ его присутствіи покорно пропѣло: «Боже, Царя храни». Но въ $10^1/_2$ часовъ, когда «агентъ» донесъ ему и Калитину, что «они вставали за свободу»... О, это совсѣмъ другое дѣло!..

Повторяю,—эти безхитростныя показанія обывателей, не вѣдавшихъ секретовъ начальства,—драгоцѣнный матеріалъ для будущаго историка. Благодаря личнымъ качествамъ г. Калитина, въ

Кременчугѣ «секреты» ужъ слишкомъ наглядно вылѣзли наружу Г. Калитинъ страшно торопился поставить отмѣтку обывателямъ, не выдержавшимъ удовлетворительно экзамена на аттестатъ политической благодатности Онъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ кіевскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ, устроилъ внушительное «изъятіе крамольниковъ» 18 октября «мѣрами правительства». Между тѣмъ, постановку балловъ можно было отложить на 24 часа,—вѣдь 19 октября, г. Калитинъ выступилъ уже подъ флагомъ черной сотни, снабженной царскими портретами. А когда черносотенное изъятіе силою вещей прекратилось, на сцену снова въ незамаскированномъ видѣ выступили войска и полиція. Во владѣніяхъ Калитина, какъ и во всей Россіи, погромъ былъ, погромъ и остался. Онъ только, сообразно съ обстоятельствами, мѣнялъ формы.

VII.

Картина въ общемъ, думается, ясна. Какъ ни потрясающи отдѣльные эпизоды: разгромъ Прибалтійскаго края, разгромъ Саратовщины, Тамбовщины, Кавказа, Сибири, Севастопольская эпопея, пытки и истязанія въ тюрьмахъ и участкахъ и т. д., и т. д.. но здѣсь мы не будемъ останавливаться на нихъ. Не будемъ говорить и о разгромѣ, какому подвергнута печать. Часть русскихъ писателей человѣколюбиво спасена иностранцами; часть на время избавлена отъ тюрьмы своими согражданами, внесшими залогу до полумилліона рублей,—но это лишь отсрочка, и при томъ очень кратковременная; часть уже «сидитъ». Явное желаніе убить литературу, разумѣется, не удивительно. Это маневръ, не требующій поясненій: кому же не извѣстно, что лучшій способъ убить организмъ,—это высосать изъ него мозгъ. Но, повторяю, судьба русской печати—лишь эпизодъ въ общемъ планѣ событій.

Не буду останавливаться и на томъ, поскольку въ этихъ сособытіяхъ играли роль соображенія корыстолюбія, а не политики. Соображенія эти, несомнѣнно, были. Вотъ, напр., краткое сообщеніе изъ посада Грязи, напечатанное въ «Руси» (13 марта): здѣсь «генералъ-губернаторомъ объявилъ себя жандармскій ротмистръ Бѣлоручевъ, который прежде всего позаботился о томъ, чтобы обезпечить себя средствами на отопленіе и освѣщеніе своей генералъ-губернаторской квартиры; съ этою цѣлью онъ обратился въ липецкую управу съ требованіемъ о назначеніи необходимыхъ суммъ; но управа, не смотря на высокій постъ, на который самъ себя поставилъ ротмистръ Бѣлоручинъ, въ этомъ требованіи отказала. Тогда ротмистръ-генералъ-губернаторъ разослалъ обывателямъ посада Грязи окладные листы, которыми съ каждаго назначались суммы, не менѣе 30 рублей, потребныя для нуждъ генералъ-губернаторской квартиры. Запуганные и трепетавшіе обыватели безро-

потно вносили назначенное съ нихъ обложеніе, при чемъ при платѣ ими денегъ обыкновенно окладные листы уничтожались. Всего, какъ говорятъ, ротмистръ на освѣщеніе и отопленіе своей генералъ-губернаторской квартиры собралъ около 1.000 р.». Или вотъ сообщеніе той же газеты отъ 17 февраля, заимствованное изъ «Вѣча»: «Въ Нижегородской губерніи полицейскіе чины вывѣдываютъ у ямщиковъ о матеріальномъ состояніи крестьянъ, арестовываютъ затѣмъ богатыхъ и освобождаютъ за выкупъ».

Нечего, разумѣется, удивляться, что такіе случаи оставлены безъ разслѣдованія, а виновные не преданы суду. Цѣли правительства были таковы, что оно могло разсчитывать лишь на исполнительность слугъ извѣстнаго моральнаго уровня. И эти слуги тѣмъ безудержнѣе, чѣмъ яснѣе понимають, что ихъ некѣмъ замѣнить, а потому и нельзя наказывать. Правительство вынуждено было назначить лишеннаго права арестанта Грина начальникомъ сыскной полиціи въ Варшавѣ. А вымогательствами онъ занимался, надо полагать, по собственной иниціативѣ. И надо полагать, ему лично принадлежитъ изобрѣтеніе «варшавской смертной казни» *). Точно такъ же покойный Луженовскій изъ Тамбова, безъ сомнѣнія, самъ изобрѣлъ способъ «осѣнять мужика крестнымъ знаменіемъ» **). И точно такъ же насчетъ личныхъ свойствъ и личной изобрѣтательности П. Н. Дурново надо отнести общеизвѣстную сдѣлку съ овсомъ, о которой повѣдалъ А. А. Стаховичъ. Конечно, всѣ эти проявленія индивидуальности логически вытекаютъ изъ системы и крайне характерны для нея. Но они не составляютъ ея обдуманно поставленной цѣли. Иногда они могутъ совпасть съ этой цѣлью: какъ, напримѣръ, «варшавская казнь». Иногда же излишни, напр., истязаніе, какому была подвергнута Спиридонова.

Основная же цѣль вырисовывается довольно опредѣленно. Русское правительство изстари было увѣрено, что всѣ волненія народныя происходятъ отъ «кучки» его личныхъ враговъ, и стоитъ лишь «враговъ» уничтожить—и все успокоится. Въ этой увѣренности оно, видимо, пребываетъ донынѣ. Все, происшедшее послѣ 17 октября, убѣждаетъ насъ, что мысль—изъять противниковъ и тѣмъ «спасти положеніе», отнюдь не была оставлена. И не было разбито ни одного изъ средствъ, возведенныхъ въ «перлъ созданія» покойнымъ фонъ-Плеве. Не были за-

---

**) Нагайкой разсѣкалось лицо вдоль и поперегъ. Такимъ образомъ, уцѣлѣвшій отъ наказаній долженъ сохранить на лицѣ „священный знакъ креста Господня".

*) На сколько извѣстно, казнь эта стала примѣняться послѣ 17 октября. Арестованнаго обнажаютъ и кладутъ на полу навзничь. Полицейскіе же и сыщики прыгаютъ на него съ лавки, стараясь, чтобы сапоги ударяли каблуками о грудь или о ребра. Казнь эта передъ стариннымъ четвертованіемъ имѣетъ то преимущество, что подвергнутый ей заживо превращается въ мѣшокъ, наполненный осколками собственныхъ костей.

быты ни погромы, ни военные суды, ни смертныя казни, ни ссылки, ни заточеніе въ тюрьмы. Послѣ 17 октября измѣнились лишь масштабы. Говорятъ, фонъ-Плеве и П. Н. Дурново въ 80-ыхъ годахъ изъяли изъ обращенія около 8.000 человѣкъ. По удивительному недомыслію, пока шла эта работа, средній обыватель изъ интеллигентовъ почему-то думалъ, что ему скоро дадутъ «уже подподписанную Александромъ II наканунѣ смерти конституцію», а мужикъ, даже когда ему посадили на шею земскаго начальника, мечталъ, что «вонъ скоро выйдетъ прирѣзка». Недомысліе доходило прямо таки до курьезовъ. Уже въ 1894 году, наканунѣ приснопамятнаго пріема тверскихъ депутатовъ, мнѣ лично пришлось услышать въ Констатиновской станицѣ, Донской области, такой разговоръ двухъ несомнѣнно интеллигентныхъ людей:

— Знаете, что завтра тверскіе земцы?..

— Какъ же, знаю...

Я получилъ письмо... Пишутъ, что петиція тверичанъ продиктована изъ высокихъ сферъ... Понимаете,—чтобы имѣть опору противъ руководимыхъ Побѣдоносцевымъ...

— Какъ, и у васъ тѣ же свѣдѣнія!.. Да, представьте, говорятъ, что Тверь, дѣйствительно, того... получила указанія свыше...

Правительство пользовалось народнымъ кредитомъ, учитывало его и работало безъ помѣхи. Глубокая ошибка, будто освободительное движеніе 70-хъ годовъ задержано репрессіями. Никакія репрессіи не могутъ истребить органической потребности многомилліонной страны. Оно разбилось о роковое для Россіи легковѣріе русскаго народа. Глубоко вѣрящихъ въ «благожелательность власти» были милліоны, вовсе не вѣрящихъ—единицы. И въ этомъ, быть можетъ, весь секретъ «побѣды» Плеве.

Но вотъ кредитъ сталъ замѣтно изсякать. И вновь очутившись у власти, фонъ-Плеве за 2 года съ небольшимъ изъялъ изъ обращенія до 70000 человѣкъ. Однако, даже этотъ автономически прямолинейный маньякъ считалъ нужнымъ увѣрять, будто онъ желаетъ лишь «успокоить страну», а потомъ непремѣнно дастъ необходимыя реформы. Плеве не рѣшался истреблять людей во имя прямо и откровенно поставленнаго самодержавія, даже онъ пробавлялся намеками на конституцію. И—увы!—даже Плеве не убилъ россійскаго легковѣрія. Вѣдь ликовали же не унывающіе россіяне по случаю «весны» Святополкъ-Мирскаго...

Нынѣ графъ Витте за нѣсколько дней погромами изъялъ изъ обращенія почти половину того, что успѣлъ «сдѣлать» за два года «самъ Плеве». За 6 мѣсяцевъ онъ сослалъ больше, чѣмъ Плеве во всю свою жизнь. А сколько разстрѣлялъ, повѣсилъ, заморилъ голодомъ, засѣкъ!.. И все это за полгода! И Россія, та самая Россія, отъ которой даже Плеве скрывалъ число «пострадавшихъ», «забастовщиковъ» и «студентовъ», все это вынесла? Россія, негодованіе которой по случаю бойни 9 января пришлось «утишить»

рескриптомъ 18 февраля о народномъ представительствѣ, выдерживаетъ бойню, во сто кратъ сильнѣйшую.

Да, выдерживаемъ... Въ 1903 г., когда фонъ-Плеве устроилъ кишиневскій погромъ, какъ единодушно было негодованіе русскаго общества! Въ 1905 г. устраивается погромъ всероссійскій. О, мы, конечно, негодовали. Но вѣдь для насъ это были лишь «кровавыя судороги издыхающаго режима». Ну, разумѣется, «судороги» и, разумѣется, «издыхающаго». Вѣдь всѣ же грамотные люди читаютъ: «законодательныя права Думы», «гражданская свобода»... Положимъ, погибло 35 тысячъ людей. Но можно ли объ этомъ думать вплотную, когда впереди «солнце свободы»...

Въ отвѣтъ на требованіе всеобщаго избирательнаго права генералъ Дубасовъ посылаетъ войска. Войска устраиваютъ бойню. Въ отвѣтъ на бойню выростаютъ баррикады. Начинается разгромъ Москвы. Мы, конечно, негодуемъ. Мы, конечно, называемъ Дубасова «палачемъ». Но... признаюсь, мнѣ стыдно называть тѣхъ людей, которые говорили: «вѣдь это же глупость шумѣть изъ-за всеобщаго прямого, равнаго и т. д., когда въ нашихъ рукахъ законодательныя права, когда мы «все это» осуществимъ парламентскимъ путемъ! Наконецъ, «эти крайнія партіи» просто намъ мѣшаютъ,— не будь ихъ, мы бы уже имѣли прекрасную конституцію»... Такъ говорили люди, прекрасно знающіе цѣну «листа бумаги», на которой написана конституція, и хорошо понимающіе, что у нихъ даже этого листа нѣтъ. Какъ же разсуждала «святая» сѣрая скотина, приставленная къ «усмирительному» пулемету? 23 октября въ Петербургѣ (возлѣ объявленія генералъ-губернатора о запрещеніи похоронъ) въ Усачевомъ переулкѣ мнѣ удалось слышать рѣчь горячо ораторствовавшаго городового: «Значитъ, и свобода... И на счетъ землицы, и на счетъ правовъ теперь мы, значитъ, сами будемъ... Надо бы, помолясь Богу, за дѣло приняться. А жидовье, вмѣсто того, бунтъ. Такъ какъ же его послѣ этого не бить» *). Я лично убѣжденъ, что даже среди обопричненныхъ семеновцевъ и казаковъ есть разсуждавшіе точно такъ же: «можно ли не бить унутренняго врага, если онъ и на счетъ землицы и на счетъ правовъ мѣшаетъ?»

Наше негодованіе по случаю сожженія селъ и изнасилованія женщинъ, по случаю разстрѣловъ и ссылокъ велико. Но, разсуждали мы вѣдь, намъ «обезпечена возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей»... И вотъ погодите—мы ужо покажемъ «этимъ властямъ» въ Думѣ.

А пока неунывающіе россіяне наслаждались радужными «перспективами, открываемыми великими актами 17 октября», гг. Витте, Дурново, Акимовъ стукали себѣ да стукали. И по мѣрѣ того, какъ

*) Любопытно, что этотъ мотивъ на разные лады варьировала жандармская полиція. Напр., въ прокламаціяхъ екатеринославскаго жандарма Будоговскаго читаемъ: „Революціонеры не даютъ Царю объявить законъ о свободахъ».

число «застуканныхъ» расло, осторожно, исподволь раскрывали свою «игру». Уже правила о печати 24 ноября дали понять, что разумѣется подъ «возвѣщенной гражданской свободой». Къ концу января число изъятыхъ далеко перешагнуло за сотню тысячъ. И въ февралѣ, почти въ годовщину рескрипта Булыгину о народномъ представительствѣ, было объявлено о возстановленіи самодержавія, объ отмѣнѣ установленнаго «актами 17 октября принципа», что никакой законъ не можетъ имѣть силу безъ одобренія Думы; затѣмъ послѣдовалъ указъ о «бюджетныхъ правахъ», ограничены «правила о вѣротерпимости» и т. д., и т. д. Правительство продолжаетъ стукать, и когда кончитъ—неизвѣстно, но уже и теперь Россія въ сущности сидитъ все у того же «разбитаго корыта». Легковѣріе ея и еще разъ сыграло роковую роль.

Правда, правительство тоже очутилось у разбитаго корыта. Нѣкоторый моральный кредитъ, пріобрѣтенный «на почвѣ манифеста 17 октября», исчезъ почти безъ слѣда. Страна раззорена, но и возбуждена сверху до низу. Самодержавію снова приходится усовершенствовать технику сопротивленія, - готовить панцыри для городовыхъ, блиндированные автомобили и карательные поѣзда. Г. Витте, видимо, не предвидѣлъ, что за «изъятіемъ» послѣдуетъ возбужденіе Но сомнительно, что бы весь правительственный механизмъ, коего часть онъ составляетъ, согласился признать: «значитъ, дальнѣйшее сопротивленіе безполезно,—пора костямъ на покой». Мнѣ кажется, вѣроятнѣе предположить другое. Вѣроятнѣе предположить, что намъ скажутъ:

— Простите, мы ошиблись. Намъ казалось, что достаточно изъять полъ-милліона головъ. Точный же подсчетъ убѣждаетъ, что надо было приблизительно два милліона. Поэтому мы думаемъ начать сначала...

И когда читаешь извѣстія о новыхъ погромахъ, невольно приходитъ въ голову мысль:

— А какъ «они» приступятъ къ массовому дополнительному изъятію,—съ мѣста въ карьеръ, или предварительно гр. Витте будетъ поручено написать новый докладъ, «на почвѣ» котораго и произойдетъ новое «генеральное сраженіе»?

А. Петрищевъ.

«Варвары» М. Горькаго.

Боги завистливы,—говорили древние. Древние боги умерли, но зависть древнихъ боговъ все еще житейскій фактъ, въ которомъ приходится убѣдиться даже такому исключительному любимцу счастья, какимъ былъ до послѣднихъ дней Максимъ Горькій... Авторъ «Варваровъ» не только не разогналъ саркастически толпу своихъ американскихъ почитателей, какъ онъ это сдѣлалъ въ свое время съ почитателями отечественнаго происхожденія, но, лирически настроенный, самъ взялъ иниціативу и, какъ сообщилъ телеграфъ, «громко выразилъ», въ формѣ обращенія къ нью-іоркской статуѣ свободы, «свой восторгъ по поводу осуществленія давно лелѣемой имъ мечты о вступленіи на исконно свободную землю Америки». Впервые передъ писателемъ міровой извѣстности были настоящіе, стоющіе люди, вѣками культуры и вѣками свободы возведенные въ рангъ подлинныхъ культурныхъ людей, передъ которыми не зазорно впасть въ лирическій восторгъ даже Максиму Горькому. И, конечно, въ роли оглушеннаго громомъ оказался гость этой исконно свободной земли, когда—сейчасъ же послѣ его трогательной (по отзыву корреспондента) рѣчи—на сцену выплылъ вопросъ о соотвѣтствующихъ графахъ въ паспортѣ его спутницы,—вопросъ, до котораго на его родинѣ не унизился бы самый заурядный представитель мѣщанъ и дачниковъ, но который здѣсь, въ исконно-свободной землѣ, не вызывалъ смущенія даже у Марка Твена. Неожиданно для автора «Варваровъ», оказалось, что свободные люди, которымъ онъ только что воспѣлъ хвалу, понимають, по счастливому противоположенію Ибсена, только вольности государственной жизни, но отнюдь не культурную свободу духа. Тамъ, гдѣ рѣчь оказалась о самомъ маленькомъ уваженіи къ этой свободѣ, американскіе репортеры со своими всеуничтожающими паспортными справками оказались непреодолимою силою. Въ области не политической свободы люди, которымъ только что въ поясъ поклонился гордый писатель, ничего не хотѣли знать, кромѣ безукоризненно-точнаго паспорта, не дѣлая никакихъ исключеній даже и для него, своего прославленнаго гостя.

«Тщетно защищался отъ нападокъ русскій писатель, тщетно указывалъ онъ на гнусныя интриги, тщетно взывалъ онъ къ высшимъ законамъ человѣчества»... Нужно думать, оскорбленный писатель не разъ при этомъ пожалѣлъ, что въ Москвѣ, а не сейчасъ въ Нью-Іоркѣ, онъ такъ саркастически разогналъ толпу своихъ поклонниковъ, отославъ ихъ смотрѣть не на него, а на

балеринъ и утопленниковъ. Въ Нью-Іоркѣ онъ былъ бы, конечно, и болѣе правъ, и болѣе по адресу грубъ.

По странному совпаденію, тотъ же перерывъ въ удачливости тяготѣетъ и надъ послѣднимъ произведеніемъ художника, изгнаннаго американцами изъ хорошихъ гостиницъ. Предыдущія пьесы М. Горькаго, не исключая даже скучнѣйшихъ «Мѣщанъ», сначала появлялись на сценѣ и уже затѣмъ въ печати, и читателю, вѣроятно, не приходится напоминать тѣ маленькія бури въ зрительномъ залѣ, которыя вызывали нѣкоторыя изъ нихъ,—то восторженныя, то негодующія, но всетаки маленькія бури. Но вотъ написаны «Варвары», вещь несомнѣнно болѣе интересная и болѣе крупно задуманная, чѣмъ прежнія пьесы—все о той же россійской интеллигенціи. И какъ разъ именно эта пьеса встрѣчаетъ наиболѣе скромный пріемъ. Появленію ея предшествуютъ газетныя извѣстія о томъ, что авторъ прочелъ свою новую вещь въ средѣ своихъ друзей, что даже въ этой исключительно благопріятной автору аудиторіи, во время чтенія, обнаружилось такое неблагопріятное для пьесы настроеніе, что авторъ пришелъ къ заключенію, что драмы ему на самомъ дѣлѣ не удаются. Затѣмъ появилась пьеса, но уже не на сценѣ, какъ всегда, а въ печати,—точно на самомъ дѣлѣ для *этой* вещи авторъ уже не ищетъ сценическаго воплощенія.

Между тѣмъ «Варвары», какъ мы уже замѣтили, представляютъ несомнѣнный интересъ. Прежде всего «Варвары» интересны потому, что въ нихъ авторъ сдѣлалъ попытку, отъ которой уже отказался однажды,—дать законченный образъ своего «Мужика» (какъ припомнитъ читатель, «Мужикъ» не былъ законченъ, по крайней мѣрѣ, не былъ законченъ въ печати). И новая фигура,—фигура молодого строителя желѣзныхъ дорогъ Черкуна, представителя народной интеллигенціи, вышла въ «Варварахъ» живой и запоминающейся, хотя и не совсѣмъ опредѣленной. Во многомъ изъ того, что говоритъ прямолинейный Черкунъ, читателю чувствуется самъ авторъ «Варваровъ», съ его личными запросами и съ его субъективными требованіями отъ жизни. Также живой получилась и фигура второго строителя—Цыганова, дачника и «барина», какъ его характеризуетъ авторъ. Драматическое дѣйствіе «Варвара», какъ всегда у М. Горькаго, достаточно удачно: пьеса читается легко, дѣйствующія лица приходятъ и уходятъ во время, не утомляя вниманія и не понижая интереса къ тому, что происходитъ на сценѣ. Если безъ нѣкоторыхъ лицъ въ родѣ «Дунькина мужа» можно было бы обойтись, не причинивъ пьесѣ никакого ущерба, за то другія эпизодическія фигуры типичны и интересны: таковъ, напр., мѣщанинъ Головастиковъ, врагъ «вредоноснаго», безкорыстный доносчикъ и неукоснительный искоренитель того, что онъ называетъ «политическимъ поведеніемъ».

Наиболѣе слабымъ мѣстомъ «Варваровъ»—и тоже какъ всегда—являются комическіе эпизоды въ пьесѣ, выдвинутые съ такимъ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ насмѣшить, что они теряютъ половину своей естественной комичности. Таковъ, напр., споръ между Дробязгинымъ и сплетницей Веселкиной. «Но этотъ пессимизмъ совершенно не совпадаетъ съ вашей наружностью», восклицаетъ, по авторской ремаркѣ, *почти съ отчаяніемъ* недалекій идеалистъ изъ казначейства, Дробязгинъ, по поводу того, что его собесѣдница не хочетъ вѣрить, что мужъ Лидіи Павловны, о женской репутаціи которой они спорятъ, былъ не инженеръ, а «директоръ на лакричномъ заводѣ», и что онъ не укралъ, а умеръ (и умеръ-то не просто, а «подавившись рыбьей костью)».

Впрочемъ, объ этихъ недочетахъ формы только мимоходомъ. Мы имѣемъ въ виду остановиться только на новомъ освѣщеніи вопроса о русской интеллигенціи, который такъ живо и давно занимаетъ автора «Варваровъ», заставляя его прибѣгать все къ новымъ образамъ и новымъ художественнымъ воплощеніямъ, подчеркивающимъ то ту, то иную сторону въ суммарномъ обликѣ русскаго интеллигента, какъ онъ представляется автору «Варваровъ». «Варвары» въ этомъ отношеніи представляютъ интересъ новизны, благодаря на самомъ дѣлѣ мягкому отношенію къ своему герою со стороны автора, въ противность его прежнимъ произведеніямъ. Нужно думать, что это смягченіе изобразительныхъ пріемовъ находится въ связи съ тѣмъ, что Черкунъ—объ автопортретѣ рѣчи, конечно, не можетъ быть—въ значительной мѣрѣ имѣетъ характеръ излюбленнаго авторомъ лица, достаточно близкаго его духовной сути (за это говоритъ, напр., сходство между тѣмъ, что говоритъ Черкунъ отъ своего лица въ «Варварахъ», съ тѣмъ, что не такъ давно говорилъ отъ своего собственнаго лица авторъ «Замѣтокъ о мѣщанствѣ»). Съ точки зрѣнія интереса пьесы такую особенность въ замыслѣ героя «Варваровъ» можно, конечно, привѣтствовать, такъ какъ она, несомнѣнно, больше, чѣмъ что-нибудь другое, способна обезоружить обычно жестокаго автора «Дачниковъ», «Дѣтей солнца» и пр. отъ его обычныхъ враждебныхъ преувеличеній.

II.

Если за исходную точку взять бытовыя подробности «Варваровъ», нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣйствіе въ пьесѣ происходитъ, какъ разсказывается въ сказкахъ, въ тридевятомъ царствѣ, въ тридевятомъ государствѣ, гдѣ желѣзныя дороги, отъ которыхъ зависитъ измѣненіе облика цѣлаго края, строятъ ни мало—ни много какъ втроемъ: два инженера и одинъ студентъ успѣваютъ выстроить эту дорогу въ теченіе лѣта, успѣваютъ за то же время

уличить въ воровствѣ поставщика шпалъ, поставкой которыхъ въ странѣ дѣйствія всѣ почему-то очень интересуются, и подрядчики, и сами строители. И душой всей постройки является не старый, старшій чиномъ и возрастомъ инженеръ, какъ обычно бываетъ въ такихъ случаяхъ, а молодой 32-хъ-лѣтній инженеръ, въ оцѣнкѣ даровитости и цѣнности котораго вѣдомство путей сообщенія въ «Варварахъ» единодушно сошлось съ авторомъ «Варваровъ».

Мы, впрочемъ, не совсѣмъ были правы, сказавъ, что желѣзную дорогу М. Горькаго строятъ три человѣка: немедленно по пріѣздѣ въ городъ студентомъ-строителемъ былъ нанятъ еще одинъ участникъ постройки—«Матвѣй Гогинъ, деревенскій парень 23-хъ лѣтъ, который тоже что-то дѣлаетъ на постройкѣ, котораго Черкунъ при первой встрѣчѣ грозно обѣщаетъ отдать подъ судъ въ случаѣ провинности и который тѣмъ не менѣе исправно крадетъ, сколько по его положенію оказывается возможнымъ.

Сообразно съ этой простотой постройки желѣзныхъ дорогъ въ «области мертваго унынія», какъ именуетъ мѣсто своего служенія Черкунъ, весь обиходъ въ пьесѣ очень простъ. Строительное управленіе помѣщается не то въ домѣ, гдѣ живутъ Цыгановъ и Черкунъ съ женой, не то въ саду при этомъ домѣ, куда по зову и безъ зова приходятъ всѣ, кто хочетъ, не исключая доносчика Головастикова. Въ этомъ саду ѣдятъ, пьютъ, занимаются желѣзнодорожными дѣлами (на столахъ лежитъ «ворохъ картъ и плановъ»), изъясняются въ любви, играютъ въ карты и на-черно устанавливаютъ недобросовѣстность поставщика шпалъ Притыкина, уводя его для окончательнаго изобличенія въ домъ, за сцену, и приводя обратно для оповѣщенія читателей-зрителей, что студентъ-открыватель былъ правъ, и проч., и проч.

Все это, конечно, вытекаетъ изъ того, что авторъ «Варваровъ» не особенно гнался за точною передачей дѣйствительной обстановки желѣзнодорожнаго строительства, такъ какъ его пьеса не преслѣдуетъ бытовыхъ задачъ и самая постройка желѣзныхъ дорогъ, которою герои М. Горькаго заняты въ саду при домѣ Богаевской, имѣетъ скорѣе символическій, чѣмъ реальный характеръ. Это слѣдуетъ хотя бы изъ словъ Черкуна: «Надо строить новыя дороги... желѣзныя дороги... Желѣзо—сила, которая разрушитъ эту глупую, деревянную жизнь»...

И символическая желѣзная дорога въ «области мертваго унынія» построена. Обыватели оказались присоединенными къ культурному міру, во многомъ измѣнились, лишились покоя своего былого растительнаго бытія и, въ лицѣ городского головы Рѣдозубова и доктора Макарова, обругали пришельцевъ-строителей «варварами», разрушителями.—Почему строители заслужили и въ какомъ смыслѣ заслужили это наименованіе, и разсказываетъ авторъ «Варваровъ».

Передъ нами три поколѣнія интеллигентовъ—строителей рус-

ской жизни. Студентъ, который энергично преслѣдуетъ вора подрядчика, горячо подбиваетъ бѣжать изъ Верхополья дочь самодура, только что упомянутаго городского головы; отличенный сказочнымъ вѣдомствомъ путей сообщенія герой—строитель Черкунъ, жаждущій разрушать и строить, и, наконецъ, представитель еще болѣе зрѣлаго поколѣнія—45 лѣтъ—типичный дачникъ, которому уже ровно ни до чего дѣла нѣтъ, кромѣ хорошаго вина, остроумныхъ словъ и красивыхъ женщинъ.

Юный боецъ и сѣдѣющій дачникъ—отчасти старые знакомые читателя по «Дачникамъ». Отличаясь въ существенныхъ подробностяхъ, они, однако, и въ «Варварахъ» сохраняютъ свой основной типъ. Индивидуальной особенностью студента Лукина въ «Варварахъ» является опредѣленная нотка скептицизма по отношенію къ самому себѣ и другимъ: въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ героя «Тюрьмы», а индивидуальной особенностью Цыганова, выгодно отличающею его отъ инженера Суслова въ «Дачникахъ», является его несомнѣнная безукоризненность и чистоплотность, какъ инженера-практика.

Скептикъ и боецъ въ одно и то же время—Лукинъ глядитъ на истинное положеніе вещей открытыми глазами: «... люди должны быть какъ желѣзные,—говоритъ онъ, если они хотятъ перестроить жизнь... Мы не сдѣлаемъ этого, мы не можемъ даже разрушить отжившее, помочь разложиться мертвому,—оно намъ близко и дорого... Не мы, какъ видно, создадимъ новое, нѣтъ, не мы! Это надо понять... это сразу поставитъ каждаго изъ насъ на свое мѣсто»...

Нельзя сказать, чтобы это было психологически вѣроятно, но Лукинъ, уговаривая Катю Рѣдозубову уѣхать изъ Верхополья туда, гдѣ «горитъ великій огонь разума», заранѣе допускаетъ, что ея молодыхъ порывовъ хватитъ всего на два—три года, но это не пугаетъ его... «Отдайте хоть два—три года мечтѣ... Быть можетъ, вы испугаетесь и снова вернетесь въ это болото... но—будетъ у васъ чѣмъ вспомнить юность, а это—хорошая награда за то, что вы можете дать»...

Черкунъ, въ противоположность Степану Лукину, готовъ сначала думать, что онъ настоящій нужный человѣкъ изъ желѣза. Онъ безупречно честенъ и порядоченъ; онъ рѣзко правдивъ; онъ безжалостно откровененъ; онъ по желѣзному твердъ въ томъ, что считаетъ правильнымъ. И тѣмъ не менѣе ему скоро приходится убѣдиться въ томъ, что онъ ошибся въ себѣ, что, если онъ и изъ желѣза, то только изъ того, которое инженерами, въ родѣ него, бракуется для подѣлокъ, такъ какъ, вслѣдствіе недостатковъ руды, изъ которой выплавлено, оно страдаетъ хрупкостью и ломкостью.

Такой именно скрытой хрупкостью и ломкостью и страдаетъ, въ изображеніи М. Горькаго, герой «Варваровъ». Онъ не только не поставилъ Верхополье «вверхъ дномъ», не только не передѣлалъ жизнь въ Верхопольѣ на новый ладъ, какъ собирался, но и спасо-

валъ въ рѣшительный моментъ въ своей собственной маленькой личной жизни. Дѣло заключается въ слѣдующемъ.—Въ моментъ развитія пьесы на жизненной дорогѣ Черкуна оказываются три женщины: законная жена, Анна Федоровна, характеризующая себя словами: «я скучный, я обыкновенный человѣкъ... я знаю это»; Лидія Павловна, о которой въ первомъ дѣйствіи такъ горячо сплетничали Дробязгинъ и Веселкина,—изящная, но надломленная жизнью женщина, привлекающая Черкуна красотой духовной огранки, но въ то же время слишкомъ по-интеллигентному надтреснутая, чтобы умѣть увлечь и захватить цѣликомъ; въ концѣ концовъ Черкунъ, твердо рѣшившійся на разрывъ съ женой, проходитъ мимо Лидіи Павловны, поддавшись властному очарованію третьей героини—Надежды Поликарповны, жены мѣстнаго акцизнаго надзирателя... Послѣдняя производитъ на однихъ впечатлѣніе обольстительной женщины-животнаго, на другихъ своими вѣчными разговорами о любви въ стилѣ французскихъ романовъ, которыми она живетъ и думаетъ, она производитъ впечатлѣніе совершенно глупаго человѣка. Такое впечатлѣніе она производитъ, напримѣръ, на давно знакомую съ ней старуху Богаевскую:

... Ахъ, Надежда, говори ты меньше,—можетъ быть, умнѣе покажешься людямъ...

Надежда (спокойно).

У меня очень большой умъ...

Богаевская.

Не ври! Подумай—вѣдь, кромѣ любви этой твоей... ты ни о чемъ не можешь говорить...

Надежда.

Ни о чемъ не могу...

Подчеркнутое авторомъ спокойное отношеніе Надежды Поликарповны къ оскорбительнымъ словамъ старой и умной барыни—не случайная подробность въ общемъ обликѣ главной героини «Варваровъ»: она и въ другой разъ такъ же «спокойно» (по ремаркѣ автора) парируетъ насмѣшку Богаевской надъ ея умомъ—словами: «Всякъ по своему уменъ». И—въ замыслѣ М. Горькаго—она, дѣйствительно, по своему умна. Не только потому, что она говоритъ очень вѣрныя и очень умныя вещи: красивыя и остроумныя фразы у М. Горькаго, какъ извѣстно, произносятъ всѣ кому придется: и умные, и глупые,—но потому, что у нея на самомъ дѣлѣ есть то, чего нѣтъ у свысока третирующихъ: есть вражда къ окружающей постылой жизни и есть какая-то не опредѣленная жажда яркаго и красочнаго въ жизни. Эту жажду она и удовлетворяетъ чтеніемъ французскихъ романовъ совершенно такъ же, какъ истомленный человѣкъ при безводьи утоляетъ свою жажду изъ первой попавшейся лужи, не считаясь ни съ какими гигіеническими соображеніями. Разница только въ томъ, что героиня М. Горькаго не знаетъ, что она пьетъ изъ литературной лужи. Впер-

вые начинаетъ чувствовать это она развѣ только при встрѣчѣ съ Черкуномъ. «Интенсивно рыжій (слова Цыганова о Черкунѣ) герой—строитель, конечно, менѣе всего похожъ на маркиза или графа изъ французскихъ романовъ, но онъ обаятельно красивъ—красивъ своей моральной смѣлостью и дерзкой прямолинейностью, и Надежда Поликарповна — до встрѣчи съ Черкуномъ недоступная адюльтернымъ подозрѣніямъ даже въ глазахъ ни во что не вѣрующихъ провинціальныхъ сплетниковъ (этой подробностью равно какъ и обширнымъ спискомъ отвергнутыхъ поклонниковъ Надежды Поликарповны, М. Горькій рѣзко подчеркиваетъ то, что хочетъ подчеркнуть: что специфическіе романы, которыми она зачитывается, явленіе случайное, не имѣющее никакой основы въ столь же специфическихъ вожделѣніяхъ),—безъ малѣйшихъ колебаній готова идти за Черкуномъ куда угодно. «Мой домъ—тамъ, гдѣ онъ... тамъ мой домъ»,—твердо заявляетъ ошеломленнымъ окружающимъ Надежда Поликарповна.

Черкунъ, въ свою очередь, тоже захваченъ крупной по силѣ и полу-стихійной по характеру личностью героини «Варваровъ». Но его *не хватаетъ*. Проходитъ всего нѣсколько минутъ, послѣ того, какъ онъ отважился связать свою судьбу съ человѣкомъ необычнаго типа, и онъ начинаетъ бояться этой необычности. Негодующаго восклицанія его законной жены:

Какъ низко ты упалъ!.. Я поняла бы... если бы не эта... если-бъ—другая... но—эта! Это животное...

Въ связи съ его личной нерѣшимостью, оказывается достаточно, чтобы Черкунъ—ужъ совсѣмъ не похоже на французскихъ маркизовъ—бросилъ Надеждѣ Поликарповнѣ отказъ отъ нея и при томъ въ самой грубой формѣ, обвинивъ ее же въ томъ, что онъ позволилъ обнять себя! Эпилогъ—выстрѣлъ въ себя женщины, которая только одинъ разъ повѣрила, что красивые, смѣлые люди бываютъ и въ жизни.

Мы передали замыселъ автора «Варваровъ» такъ, какъ онъ намъ представляется. Нужно признать, что автору въ значительной мѣрѣ удалось придать своей героинѣ характеръ желательной моральной мощи и стихійности, не облагороженныхъ интеллектуальной огранкой. Правда, есть что-то, что мѣшаетъ чувству новизны образа: быть можетъ, это сходство не то съ Настей въ «На днѣ», не то съ Ромашовымъ въ «Поединкѣ», у котораго мысль тоже отливается въ нелѣпыя формы бульварныхъ романовъ.—Въ то же время нельзя не согласиться и съ Анною Черкунъ, и съ старухой Богаевской, когда онѣ находятъ: одна—что Н. П—на производитъ впечатлѣніе животнаго, а другая—что она слишкомъ приземистаго интеллекта. Отчасти, это должно быть объяснено трудностью художественнаго замысла, а отчасти это вина французскихъ романовъ, которые заставилъ Надежду Поликарповну чи-

тать авторъ. У насъ, и въ Верхопольѣ, и не въ Верхопольѣ, читателями *этихъ* романовъ являются по преимуществу люди, живущіе за счетъ спинного мозга, а не головного. Это не могло не отразиться на впечатлѣніяхъ читателя, и разъ намѣреніемъ автора было сдѣлать изъ Надежды Поликарповны человѣка, способнаго къ интеллектуальной огранкѣ, деталь съ французскими романами нельзя считать цѣлесообразной и достаточно тонкой.

Существеннымъ недостаткомъ пьесы является, какъ мы уже упоминали, недостаточная ясность въ отношеніи Черкуна къ героинѣ пьесы: кѣмъ она была въ его глазахъ? чѣмъ привлекала и чѣмъ испугала? Предположить, что Надежда Поликарповна въ глазахъ Черкуна была «животнымъ», какъ и для его жены, значитъ, конечно, обезцѣнить замыселъ «Варваровъ». Но если, какъ приходится думать, Надежда Поликарповна была для Черкуна неотшлифованнымъ образчикомъ человѣчески цѣннаго матеріала, въ такомъ случаѣ нельзя изъ пьесы видѣть тѣ причины, которыя заставили «дерзкаго» героя бѣжать въ рѣшительный и много обѣщавшій моментъ? Въ результатѣ, когда Надежда Поликарповна стрѣляется, чувство недоумѣнія доминируетъ надъ всѣми остальными впечатлѣніями читателя «Варваровъ».

Выводъ, однако, тотъ, что даже наиболѣе дерзновенные представители интеллигенціи, даже Черкуны, вышедшіе изъ народа и среди всей остальной интеллигенціи наиболѣе владѣющіе авторскими симпатіями, оказываются достаточно половинчатыми и несмѣлыми, когда жизнь сталкиваетъ ихъ съ непривычно яркимъ и недостаточно красивымъ, традиціонно-красивымъ.

Итакъ, драма русской интеллигенціи, наиболѣе мягко освѣщенная авторомъ «Варваровъ», заключается въ томъ, что ей, русской интеллигенціи, чего-то очень жаль, что исторіей обречено на вымираніе, и въ томъ, что у нея не хватаетъ дерзновеннаго чутья, когда она сталкивается съ недостаточно красивымъ, но яркимъ и сильнымъ, ожидающимъ отъ нея своего воскресенія и расцвѣта невѣдомой красоты... Мы думаемъ, что драма русской интеллигенціи заключалась—будемъ думать, что возможность говорить объ этомъ въ прошломъ времени уже настала—не въ отсутствіи дерзновеннаго чутья, а просто въ томъ, что никакой символической Надежды Поликарповны, которая бы искала культурнаго воздѣйствія на нее русской интеллигенціи, не было. Теперь, когда такая надежда есть, когда широкія трудовыя народныя массы, такъ можно думать, потребуютъ отъ своей интеллигенціи все, что она сможетъ дать, нужно думать—все будетъ правильно, какъ говорятъ англичане: all right. И никакихъ драмъ безсильнаго дерзновенія больше не будетъ.

III.

Впрочемъ, если бы всѣ эти гаданія о будущемъ оказались не имѣющими ничего общаго съ дѣйствительностью, и тогда, если вѣрить автору «Варваровъ», жить еще можно. Пусть человѣкъ пережилъ фазу бурно-воинственнаго студенчества, пусть онъ пережилъ пору зрѣлой молодости, когда человѣкъ еще дерзаетъ и уже пугается. Всетаки у него есть не малое соціальное будущее—роль дачника Цыганова.

Читатель не долженъ удивляться и не долженъ думать, что мы шутимъ. Когда изъ гордыхъ мыслей Черкуна поставить жизнь въ Верхопольѣ вверхъ дномъ ничего не вышло, кромѣ того, что подъ вліяніемъ Цыганова, одни обыватели спились, а другіе—проворовались, и вообще начался жизненный распадъ вредоноснаго—если принять терминологію Головастикова—въ мѣстной жизни, удерживавшагося въ состояніи равновѣсія только патріахальнымъ складомъ обывательскаго существованія,—Лидія Павловна немедленно отмѣчаетъ эту выигрышную роль Цыганова по сравненію съ ролью Черкуна:

Лидія. А помните,—когда-то вы хотѣли поставить городъ вверхъ дномъ?

Черкунъ. Хотѣлъ? Ну, да... хотѣлъ... Такъ что же? Что вы хотите сказать?

Лидія. Я только напоминаю. Вы говорили, что вашей волей сюда придутъ новыя мысли, новые вкусы... А дядя Сержъ ничего не говорилъ, но посмотрите, сколько мертвецовъ разложилось, благодаря ему...

Черкунъ. Ага, я понимаю васъ! Говорите дальше...

Лидія. Я вотъ не вижу, чтобы жизнь обновилась, благодаря вамъ... а сами вы, мнѣ кажется, немного потускнѣли...

Такимъ образомъ «дядя Сержъ», веселый космополитъ въ области спиртныхъ напитковъ, одинаково отдающій должное и отечественному «звѣробою», и иностранному шартрезу, въ глазахъ Лидіи Павловны въ конечномъ счетѣ оказывается—и Черкунъ не находится противъ этого ничего возразить—гораздо болѣе цѣннымъ элементомъ жизни, чѣмъ идейный строитель Черкунъ. Послѣдній слишкомъ хрупокъ и ломокъ, чтобы перестроить жизнь, какъ хочетъ—точнѣе, жаждетъ, и въ то же время онъ слишкомъ порядоченъ и слишкомъ принципіаленъ, если такъ можно выразиться, чтобы вольно и невольно развращать будущихъ Рѣдозубовыхъ, быть для нихъ, «мертвецовъ», ферментомъ-разрушителемъ, который ускоряетъ неизбѣжный процессъ разложенія отжившаго, и такимъ образомъ—по Цыгановски—содѣйствовать обновленію жизни, безъ всякаго ущерба для собственнаго удовольствія. Черкунъ не можетъ одного и не въ состояніи сдѣлать другое. Нужно при этомъ замѣтить, что слова Лидіи Павловны совсѣмъ не случайная деталь—

façon de parler. Почти то же самое, какъ мы видѣли, еще раньше говорилъ студентъ Лукинъ: «...люди должны быть какъ желѣзные, если они хотятъ перестроить жизнь... Мы не сдѣлаемъ этого, *мы не можемъ даже разрушить отживщее, помочь разложиться мертвому*,—оно намъ близко и дорого (?)... Не мы, какъ видно, создаемъ новое»... Но если такъ, нужно думать, что адвокатъ Басовъ изъ «Дачниковъ», такъ недавно и несправедливо обиженный и покинутый женою какъ разъ изъ-за его дачничества, теперь не только успокоится, не только отпуститъ автору «Дачниковъ» подстрекательство его жены къ бѣгству отъ мужа, но и вспомнитъ, улыбаясь при чтеніи «Варваровъ», старинные во времена студенчества Басова славившіеся, а теперь забытые куплеты объ адвокатахъ:

Что черно—то будетъ бѣло,
А что бѣло—то черно...

То, что было чернымъ-черно въ «Дачникахъ», значительно, какъ видитъ читатель, побѣлѣло въ «Варварахъ»... При всей своей неожиданности, этотъ маленькій эпизодъ лишній разъ подчеркиваетъ, какъ неустанно авторъ «Варваровъ» ищетъ точной художественной формулы для своего окончательнаго... отношенія къ чужой его симпатіямъ интеллигенціи.

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Генрихъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Перев. съ датсконорвежскаго А. и П. Ганзенъ. Т. IV. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1905. («Перъ Гюнтъ»; «Союзъ молодежи»; «Кесарь и Галилеянинъ»).

По поводу изданія, предпринятаго г. Скирмунтомъ, намъ уже приходилось замѣчать («Р. Б». 1905, янв.), что въ сводно-критическихъ обзорахъ, предпосланныхъ переводчиками каждому изъ произведеній Ибсена, систематически отсутствуютъ какія бы то ни было ссылки на русскую литературу объ Ибсенѣ. Съ этимъ можно было бы примириться, если бы г.г. Ганзенъ, предполагая русскую критическую литературу достаточно знакомою русскимъ читателямъ, въ интересахъ краткости своихъ вступительныхъ статей, вводили въ нихъ только такіе комментаріи къ «трудному» норвежскому писателю, которые для русскихъ читателей Ибсена являются своеобразными и новыми по тону или содержанію. Приходилось бы примириться и въ томъ случаѣ, если бы г.г. переводчики, расходясь коренными образомъ съ отношеніемъ къ Ибсену въ русской

литературѣ, намѣренно останавливались только на тѣхъ чуждыхъ русской литературѣ комментаріяхъ, которые съ точки зрѣнія самихъ переводчиковъ имѣютъ единственно правильный характеръ. Но ни то, ни другое соображеніе, если судить по предисловію къ «Маленькому Эйольфу», не могли имѣть мѣста въ данномъ случаѣ: предисловіе къ «Маленькому Эйольфу», резюмирующее главный смыслъ пьесы, по отзыву переводчиковъ—«прекрасно выясненный Шлентеромъ», для русскаго читателя оказывается совсѣмъ не новымъ: освѣщеніе, которое дается въ немъ «Маленькому Эйольфу», оказывается въ корнѣ какъ разъ тѣмъ, которое въ русской литературѣ было дано «Маленькому Эйольфу» Н. К. Михайловскимъ. Но вѣдь само собой разумѣется, что «прекрасно выясненное Михайловскимъ» для русскаго читателя и ближе, и интереснѣе, чѣмъ «прекрасно выясненное Шлентеромъ. Объ указанномъ отсутствіи какихъ бы то ни было внутренне-связующихъ мостиковъ между Ибсеномъ и русской литературой приходится особенно пожалѣть по поводу «Кесаря и Галилеянина». Если припомнитъ читатель, именно эта пьеса *) привлекла особое вниманіе покойнаго Николая Константиновича. Норвежскій художникъ-мыслитель и его русскій критикъ оказались во многомъ очень близкими другъ другу... Образъ властелина всего культурнаго міра, возставшаго противъ христіанства за то, что оно урѣзало полноту человѣческой личности, за то, что оно обезцвѣтило жизнь, по сравненію съ «жизнью въ красотѣ» погибавшаго язычества, и оказавшагося безсильнымъ въ своей попыткѣ воскресить это язычество, потому что онъ не сумѣлъ установить вѣрное отношеніе между своей державно-свободной волей и исторической необходимостью,—этотъ образъ далъ яркое художественное освѣщеніе какъ-разъ тѣмъ самымъ вопросамъ, которые десятки лѣтъ занимали автора «борьбы за индивидуальность». Но въ сводной статьѣ, предпосланной г.г. Ганзенъ «Кесарю и Галилеянину», объ этомъ никакихъ указаній не имѣется, и русскому читателю приходится знакомиться съ освѣщеніемъ огромныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ «міровой драмѣ» Ибсена (таково первоначальное подзаглавіе «Кесаря и Галилеянина») на основаніи только «чужихъ» литературъ: скандинавской и нѣмецкой.

Съ такою оговоркой замѣтимъ, что сводная вступительная статья, предпосланная переводчиками «Кесарю и Галилеянину», содержитъ много интересныхъ указаній, хотя не достаточно рѣзко, на нашъ взглядъ, разграничиваетъ мистическое въ пьесѣ, принадлежащее самому Ибсену, отъ мистическаго, принадлежащаго изображаемому императору-философу и потому обязательнаго для реальнаго изо-

*) Н. К. пользовался французскимъ переводомъ ея: въ первое русское изданіе Ибсена (изд. г. Юровскаго) «Императоръ и Галилеянинъ» не могли войти.

бразителя, какъ бы онъ ни былъ свободенъ отъ всякаго мистицизма мысли.

Съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ читателей, нѣсколько замѣчаній должны быть сдѣланы и по поводу предисловія г.г. переводчиковъ къ «Перъ-Гюнту». По поводу этого предисловія г.г. Ганзенъ замѣчаютъ слѣдующее: «Позволяемъ себѣ надѣяться, что предлагаемый переводъ, при точной передачѣ оригинала и въ связи съ приведенными разъясненіями, не оставитъ никакихъ темныхъ мѣстъ»...

Къ сожалѣнію, съ этимъ нельзя согласиться: «темныя мѣста» всетаки есть. Изображая въ лицѣ Перъ-Гюнта, который самые существенные вопросы своей жизни пытается разрѣшить не иначе, какъ «обходя сторонкой», родной и горячо любимый норвежскій народъ, а свою собственную любовь къ нему, негодующую и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнно вѣрующую, олицетворяя въ раздѣльныхъ и живыхъ образахъ Озе, матери Перъ-Гюнта, и покинутой имъ очаровательной Сольвейгъ,—Ибсенъ воспользовался для своей символической поэмы самымъ лучшимъ матеріаломъ, какой въ этомъ случаѣ возможенъ: «сказочными образами, заимствованными изъ норвежской же литературы».—Естественно, однако, что, благодаря этому обстоятельству, придающему «Перъ-Гюнту» особое очарованіе въ глазахъ норвежца, для читателя-иностранца создаются особыя трудности: послѣднему иногда весьма трудно рѣшить, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло въ той или иной сценѣ поэмы: съ безхитростной подробностью изъ чуждаго ему сказочнаго міра,—подробностью, которая не требуетъ никакого символическаго истолкованія, или, какъ разъ наоборотъ, съ особенно замысловатымъ символомъ, не поддающимся разгадкѣ. Таковъ, напр., разсказъ Перъ-Гюнта на свадьбѣ о томъ, какъ онъ «чорта въ орѣхъ загналъ», такъ какъ «орѣхъ былъ со свищемъ» (стр. 51). Для русскаго читателя это мѣсто и, естественно, все послѣдующее, съ нимъ связанное, остается совершенно непонятнымъ. При томъ огромномъ трудѣ, который, очевидно для читателя, затраченъ г.г. Ганзенъ на изученіе литературы объ Ибсенѣ, имъ, вѣроятно, не составило бы существеннаго затрудненія дать гораздо болѣе полный комментарій, чѣмъ это они сдѣлали. Не отразилось бы это, конечно, сколько-нибудь существенно и на объемѣ изданія. Соотвѣтствующія примѣчанія, разъясняющія символы и сказочно-декоративный элементъ въ поэмѣ, можно было бы дать не въ текстѣ, а послѣ текста, подобно тому, какъ это сдѣлано, напр., г.г. Ганзенъ относительно миѳологическихъ подробностей въ «Ярлѣ Гаконѣ» Эленшлегера.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій. Переводъ С. З. **Изд. В. М. Саблина.** Томъ первый—„Сказки и разсказы“ (1906 годъ, цѣна 1 р. 50 к.); томъ второй — „Портретъ Доріана Грея“ (1905 годъ, цѣна 1 р. 75 к.).

И жизнь, и произведенія Уайльда носятъ характеръ какого-то систематизированнаго контраста.

Едва ли можно, на самомъ дѣлѣ, придумать болѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ между началомъ литературной дѣятельности Уайльда и концомъ ея. Въ началѣ—прославлявшій радость, какъ единственную правильную основу жизни, а въ концѣ — авторъ скорбныхъ гимновъ горю, которое одно не обманываетъ. Въ началѣ—законодатель модъ лондонскаго общества, въ концѣ—каторжникъ, а затѣмъ—нищій поэтъ: нищій и вдохновеніемъ, нищій и матеріально,—выгоняемый изъ квартиры за невзносъ наемной платы, заброшенный всѣми поклонниками, умершій и похороненный — судьба позаботилась о стройности впечатлѣнія—неизвѣстно гдѣ. Впрочемъ, такъ же неизвѣстнымъ остается, въ какой мѣрѣ Уайльдъ былъ виновенъ въ томъ, въ чемъ его обвинили и что привело въ каторжную тюрьму. Былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ виновенъ, или онъ палъ жертвой лицемѣрнаго негодованія, объ этомъ приходится только съ большей или меньшей вѣроятностью гадать на основаніи далеко не безспорныхъ, какъ удостовѣрялъ г. Діонео, свидѣтелей со стороны обвиненія.

Такимъ же двойственнымъ былъ Уайльдъ и какъ писатель. Въ своемъ прославленномъ романѣ «Портретъ Доріана Грея» (строго говоря, это не романъ, а парадоксальная философія, оправленная въ оболочку романа) Уайльдъ занятъ своего рода интеллектуальнымъ кокетствомъ. Вся задача его исчерпывается блестящими и остроумными парадоксами. «Путь парадоксовъ—путь истины», говоритъ Уайльдъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ. «Чтобы испытать дѣйствительность, надо ее видѣть на натянутомъ канатѣ. Когда истины становятся акробатами, мы можемъ судить о нихъ». И это ему на самомъ дѣлѣ удается. Онъ легко и остроумно жонглируетъ самыми безспорными, казалось бы, вопросами морали, чести, совѣсти, долга—и этимъ предрасполагаетъ читателя повѣрить какому угодно обвиненію Уайльда въ безнравственности. Но вотъ возьмите его сказки, и вы окажетесь пораженными, до какой степени онѣ прозрачно-чисты, искренни, красивы и идеалистичны! Впечатлѣніе точно отъ совершенно иного Уайльда.

Нѣтъ сомнѣнія, что Оскаръ Уайльдъ своего рода unicum.—Къ сожалѣнію, обширный, переведенный съ нѣмецкаго, критико-біографическій очеркъ Гагеманна, приложенный ко второму тому русскаго изданія Уайльда, не смотря на 205 страницъ, которыя онъ занимаетъ, даетъ читателю слишкомъ мало для освѣщенія личности англійскаго эстета, и какъ писателя, и какъ человѣка. Нѣмецкій критикъ говоритъ много и о многомъ по поводу Уайльда, но не

даетъ читателю возможности ни понять the King of life, ни даже составить себѣ представленіе о той послѣдовательности въ развитіи его идей, которую онъ переживалъ: никакихъ датъ, которыя позволили бы читалелю сдѣлать это, нѣтъ ни въ очеркѣ Гагеманна, ни въ самомъ собраніи сочиненій, при отдѣльныхъ произведеніяхъ Уайльда. Характеризуя Уайльда, авторъ очерка постоянно прибѣгаетъ къ сравненіямъ съ писателями, которые мало извѣстны русскому читателю, какъ Б. Шау, почти неизвѣстны—какъ М. Гарденъ и совершенно неизвѣстны—какъ Ведекиндъ, Вальтеръ Патеръ, Францъ Блей. Такія литературныя параллели могли бы быть, конечно, выпущены безъ всякаго ущерба—вѣрнѣе, съ существенной выгодой—для русскаго читателя Уайльда.—Къ существеннымъ же недостаткамъ очерка Гагеманна нужно прибавить, что онъ не заключаетъ въ себѣ новѣйшихъ данныхъ объ Уайльдѣ: въ очеркѣ совершенно не упомянуто о «De profundis», посмертномъ произведеніи Уайльда, съ значеніемъ котораго читатели «Русскаго Богатства», знакомы по обширному письму изъ Англіи г. Діонео (1905, апрѣль).

По выходѣ остальныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Уайльда, мы разсчитываемъ вернуться къ исключительно трагичному облику англійскаго поэта, сотканному изъ внутреннихъ противорѣчій.

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1906 годъ. Книги восьмая и девятая. Спб. 1906.

Художники «Знанія», въ VIII и IX книгахъ сборника, дали цѣлый рядъ откликовъ на событія текущей жизни. Одни, какъ г. Чириковъ, составили литературный протоколъ того, что гдѣ-то произошло, не прибавляя ни на іоту къ тому, что произошло, своего собственнаго художественнаго освѣщенія, а другіе, какъ г. Телешевъ, привлекаютъ къ отвѣтственности виновниковъ въ томъ, что произошло, и подвергаютъ даже маленькихъ виновниковъ самой строгой отвѣтственности въ формѣ самоповѣшенія на шнуркѣ отъ револьвера. Читателю остается утѣшиться. Пусть въ жизни насильники торжествуютъ, за то у г. Телешева они наказаны и даже свыше мѣры, потому что его герой вовсе не дурной человѣкъ—вовсе не тотъ художникъ-истязатель, съ которымъ такъ подробно познакомила насъ болѣе изощренная въ выдумкахъ дѣйствительность.—Конечно, задавать тему художнику не приходится и потому, хотя тема «Надзирателя» уже не разъ была эксплуатирована, но она законна, разъ художникъ успѣлъ ее въ извѣстной мѣрѣ обновить и индивидуализировать. Къ сожалѣнію, именно этого не приходится сказать о «Надзирателѣ» г. Телешева. Разсказъ разработанъ слишкомъ штампованно, что дѣлаетъ его какъ бы давно прочитаннымъ и извѣстнымъ даже въ подробностяхъ. Конецъ же, гдѣ рѣшившійся на самоубійство околодочный надзиратель, идетъ

къ картѣ Россіи и разыскиваетъ точку, обозначающую его родной городъ, въ которомъ, по его указанію, во время демонстраціи былъ убитъ молодой человѣкъ съ «прекраснымъ пылающимъ лицомъ»,—совсѣмъ маловѣроятенъ и сантименталенъ. Впечатлѣніе остается какого-то морализованнаго сна на яву, ради торжества идеи правосудія.

У г. Чирикова, какъ мы уже замѣтили, простая хроника событій среди мужиковъ и господъ въ пору аграрныхъ погромовъ. Виноватыхъ нѣтъ, какъ у г. Телешева, но за то и драмы нѣтъ (драма, думается намъ, вообще не жанръ г. Чирикова). «Мужики» обширное разсужденіе въ драматической формѣ о земельной неурядицѣ, о мужицкихъ нуждахъ вплоть до отсутствія бани въ цѣлой деревнѣ, о тяжкихъ послѣдствіяхъ незаконченности реформы 61 года и т. п., но «Мужики»—не драма. Только на нѣсколько минутъ поднялъ какое-то жгучее чувство г. Чириковъ, когда поставилъ лицомъ къ лицу враждебное недовѣріе «мужиковъ» и искреннее тяготѣніе къ нимъ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ «господскаго» происхожденія (одинъ изъ нихъ — бывшій политическій ссыльный). Но и эта цѣнная тема пропадаетъ въ «Мужикахъ»,— такъ неискусно она задумана, такія нелѣпыя вещи говорятъ, по волѣ автора, его благожелательные люди (передъ самымъ погромомъ они уговариваютъ мужиковъ взять у нихъ землю въ долгосрочную аренду за полъ-цѣны, оговариваясь, что они бы и рады *подарить* мужикамъ всю землю, да стѣсненныя денежныя обстоятельства временно не позволяютъ имъ этого).

Такую же обстоятельную и такую же скучную вещь далъ и г. Юшкевичъ («Голодъ»). Герои его—голодная еврейская бѣднота—говорять иногда языкомъ драмъ Метерлинка, а иногда просто непонятнымъ языкомъ: нищая старуха Оснесъ, показывая на свои руки, говоритъ, что она «этими руками когда-то міръ переворачивала» (?); старьевщикъ Берманъ заявляетъ, что у него «языкъ... тащится по землѣ»; рабочій съ мебельной фабрики Габай, бесѣдуя съ двумя рабочими же, произноситъ слѣдующую тираду: «Стѣны, проклятыя, терпѣливыя, кроткія стѣны. Свидѣтели насилій... Проклятыя, глухія стѣны. Слышите? Отъ безстыдной силы, отъ безграничной власти умерло двое и еще погибнутъ тысячи. Кричите, стѣны, объ этомъ!» И т. д., и т. д.

Останавливаетъ вниманіе въ сборникахъ (VIII), кромѣ «Варваровъ» М. Горькаго (о нихъ см. отдѣльную замѣтку)—«Лѣсъ разгорался» г. Скитальца. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Скиталецъ въ прозѣ гораздо больше поэтъ, чѣмъ въ стихахъ, хотя онъ и злоупотребляетъ нѣсколько (въ «Лѣсѣ») своими красивыми сравненіями, безъ передышки нагромождаемыми одно на другое. Его отношеніе къ природѣ, мѣстами восторженное, мѣстами элегическое, создаетъ у читателя чувство особенной близости къ изображаемой природѣ. Какъ и въ «Полевомъ Судѣ», въ новой вещи читателя не столько

подчиняетъ себѣ содержаніе, сколько то настроеніе, въ которомъ написана вещь... Образъ Михайлы, вождя мужицкой интеллигенціи, въ «Лѣсѣ» красивъ и силенъ, какъ красивъ изображенный въ «Лѣсѣ» курганъ: «... курганъ угрюмъ и печаленъ: голый, каменный, онъ словно сжалъ и затаилъ въ твердомъ сердцѣ свое огромное, глубокое горе»... Конечно, только въ настроеніи поэта въ курганѣ заключается огромное горе. Быть можетъ, въ такой же мѣрѣ Михайло, изображенный г. Скитальцемъ, красивѣе дѣйствительности, но это нисколько не мѣшаетъ цѣнности впечатлѣнія.

Интересенъ и живой очеркъ съ натуры г. Серафимовича— «Среди ночи». Помимо красивыхъ описаній природы, здѣсь интересна фигура агитатора-портного, который горячо убѣждаетъ нѣсколькихъ рабочихъ, собравшихся въ горной сторожкѣ на пролетарское совѣщаніе. Ораторъ находится весь подъ впечатлѣніемъ новыхъ словъ: «буржуазія» вмѣсто «хозяинъ», «эксплуатація» вмѣсто «кровь нашу пьютъ», «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь» вмѣсто «ребята, не выдавай», которыя ворвались въ его жизнь на верстакѣ «чѣмъ-то праздничнымъ, яркимъ, сверкающимъ и огромнымъ». Въ новыхъ иностранныхъ и не простыхъ словахъ для него звучитъ особый смыслъ. Хотя сѣрая, скучная жизнь тянулась все такъ же сѣро и монотонно, но все это было уже легче переносить: въ жизнь вошло что-то новое, о чемъ свидѣтельствуютъ новыя слова, и все вмѣстѣ обѣщало «радость ожиданія огромнаго, всеобъемлющаго счастья грядущаго освобожденія».

Въ сборникахъ довольно много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ. Больше всего стихотвореній г. Бунина, написанныхъ въ Гейневской манерѣ. У Гейне кружева изъ словъ и у г. Бунина тоже кружева изъ словъ, неожиданно заключающіяся сообщеніемъ читателю, что онъ, авторъ, обманулся въ любимой женщинѣ и собирается купить себѣ собаку. Читатель, конечно, противъ этого ничего не имѣетъ, но зачѣмъ объ этомъ всетаки сообщать во всеуслышаніе, на цѣлой страницѣ сборника, да еще въ такихъ стихахъ, какъ заключительная строфа:

Мнѣ крикнуть хотѣлось во слѣдъ
„Воротись—я сроднился съ тобой!"
Но для женщины прошлаго нѣтъ:
Разлюбила—и сталъ ей чужой.
Что-жъ! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

П. Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. По дневнику мирнаго жителя и разсказамъ защитниковъ крѣпости. Часть I. Спб. 1906, 356 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Года полтора тому назадъ, въ разгаръ осады Портъ-Артура, одна изъ дебютировавшихъ тогда газетъ выступила съ статьей.

гдѣ, воздавъ горячую хвалу непоколебимой стойкости защитниковъ осажденнаго города, объясняла этотъ успѣхъ тѣмъ, что изолированная крѣпость есть самостоятельная, самоуправляющаяся община, независимая отъ гнетущаго ее центра и могучая этой самостоятельностью. Трудно сказать, вѣрилъ ли себѣ самъ авторъ; при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ это былъ способъ сказать, какъ хорошо самоуправленіе. Но, разумѣется, не такъ трудно было понять, что, механически отдѣленный отъ государственнаго цѣлаго, административный организмъ могъ быть только естественнымъ повтореніемъ этого цѣлаго со всѣми его достоинствами и недостатками. И дѣйствительно, обширная литература обличеній, разоблаченій и воспоминаній, понемногу скопляющаяся вокругъ нашей трагической и преступной военной авантюры, долго еще будетъ представлять цѣнный матеріалъ для сужденія не только о герояхъ портъ-артурскаго позора, но и той почвѣ, которая ихъ взростила.

Въ этой литературѣ книга г. Ларенко займетъ достойное мѣсто. Она имѣетъ недостатки. Она написана безъ умѣнія, что было бы не такъ страшно, если бы автору не пришла въ голову неудачная мысль придать форму дневника книгѣ, написанной въ значительной степени позже. Государственный патріотизмъ, легко приносящій живыхъ соотечественниковъ въ жертву отвлеченному Молоху отечества, не совершенно чуждъ автору. Но тѣмъ цѣннѣе его работа, работа правдиваго очевидца, продѣлавшаго все портъ-артурское сидѣніе. Легенду о самоуправляющейся и потому стойкой общинѣ Портъ-Артура книга г. Ларенко разбиваетъ совершенно. Портъ-Артуръ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ микрокосмомъ Россіи; какъ матовое стекло камеры-обскуры отражаетъ лежащій передъ нею міръ съ преувеличенной яркостью и рельефностью, такъ осажденная русская крѣпость была въ своемъ строѣ, какъ бы обобщеннымъ и подчеркнутымъ изображеніемъ обще-русскаго строя. Дезорганизація соперничала здѣсь съ деспотизмомъ, единодушіе хищеній съ единодушіемъ интригъ; отсутствіе культурности гармонично сочеталось съ отсутствіемъ чувства отвѣтственности. Здѣсь были герои—ихъ оттерли; здѣсь были честные люди—ихъ свели къ нулю; здѣсь была иниціатива — ее придушили. Въ этой «свободной самоуправляющейся колоніи» были всѣ язвы ея метрополіи, начиная съ казней безъ суда и кончая закрытіемъ подцензурной газеты за то, что она уклонилась отъ систематическихъ рекламъ генералу Стесселю, въ убѣжденіи, что храбрый генералъ и такъ поглощенъ этимъ дѣломъ въ степени, болѣе чѣмъ достаточной. Факты, собранные въ книгѣ г. Ларенко, по истинѣ чудовищны въ своей совокупности. Здѣсь и русскіе снаряды съ Золотой горы, систематически попадающіе въ осажденный городъ и сакраментальная партія проволокъ, которая сдавалась инженерному вѣдомству много разъ подъ рядъ, пока по бумагамъ не накопилось должныхъ тридцати тысячъ футовъ; изъ нихъ,

при первой необходимости, конечно. не оказалось ни дыма. Здѣсь и характеристика «храбраго» генерала Фока, достойнаго пріятеля Стесселя, и составленный по документамъ одной изъ фирмъ, занимавшихся поставками, великолѣпный списокъ чиновъ нѣкотораго не названнаго вѣдомства съ такими драгоцѣнными поясненіями: «Са... беретъ 5 процентовъ съ суммы поставки: необходимо дать въ конвертѣ, завернутомъ въ фирмовую бланку: свидѣтельствуетъ качество товара. П... беретъ около $2^1{}_2$ процентовъ, получаетъ время отъ времени нѣсколько десятковъ, а при большихъ партіяхъ товару по нѣсколько сотенъ рублей. Д... получаетъ 2 процента; ускоряетъ пріемку товара и получку денегъ. Н... 5 процентовъ, въ конвертѣ, принимаетъ у себя дома»... И такъ далѣе. Изъ многочисленныхъ и въ высокой степени любопытныхъ приказовъ генерала Стесселя, собранныхъ въ книгѣ г. Ларенко, приведемъ для иллюстраціи два; первый, между прочимъ гласитъ: «Въ приказѣ прошлаго года... было объявлено, чтобы гг. офицеры, принимая по описямъ отъ инженернаго вѣдомства разныя постройки, не входили въ критическую оцѣнку принимаемаго и не дѣлали объ этомъ отмѣтокъ своихъ на сдаточныхъ описяхъ, а о несоотвѣтствіи, усмотрѣнномъ въ принимаемой постройкѣ, доносили мнѣ особо. Нынѣ завѣдующій инженерной частью... снова проситъ меня сдѣлать распоряженіе, чтобы принимающіе не разбирали качества сдаваемыхъ имъ сооруженій и матеріаловъ, изъ которыхъ они построены. Вновь подтверждаю, что это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу пріемки...» Второй приказъ короче и выразительнѣе: «Съ 1 мая носить лѣтнюю форму... *Часто рубахи и чехлы не мыть*, они болѣе подойдутъ подъ цвѣтъ мѣстности».

Вотъ пріемъ, хорошо характеризующій культурное значеніе «нашей миссіи на Востокѣ». Россія, разумѣется, имѣетъ свою культурную индивидуальность и потому имѣетъ свою культурную миссію—и не только на Востокѣ. Но кощунствомъ звучатъ слова объ этой миссіи въ устахъ людей, которые несутъ ее при посредствѣ крови и грязи, грязи—какъ мы видѣли—всѣхъ сортовъ, отъ грязи нравственной до самой простой физической грязи, возводимой ими въ спасительный принципъ. Книга г. Ларенко приподнимаетъ завѣсу надъ этимъ мрачнымъ міромъ, и въ этомъ ея заслуга.

Т. Рибо. Логика чувствъ. Перев. Л. Семенюты. Спб. 1906. 143 стр. ц. 40 к.

Едва ли есть надобность говорить о томъ, что новое сочиненіе Рибо отличается обычными для этого авторами достоинствами: ясностью изложенія, мастерской обработкой частностей, большою ученостью и легкою способностью оріентироваться среди различныхъ научныхъ теченій. Но къ этой характеристикѣ нужно прибавить, что это новое сочиненіе Рибо страдаетъ также и недостат-

комъ, встрѣчающимся и въ нѣкоторыхъ другихъ его работахъ. Этотъ недостатокъ заключается въ такой неправильной постановкѣ центральнаго вопроса, когда всѣ доводы и всѣ соображенія автора, будучи сами по себѣ вполнѣ вѣрными, въ сущности бьютъ мимо цѣли, доказываютъ не то, что собственно хочетъ доказать авторъ.

Авторъ хочетъ доказать, что существуютъ двѣ логики: «логика раціональная» и «аффективная логика, логика чувствъ». Первоначально эти обѣ логики были смѣшаны въ безпорядочномъ и неопредѣленномъ мышленіи первобытнаго человѣка. «Среди этой смѣси истинъ съ заблужденіями, доказательствъ, съ пустяками, точности съ фантазіей, которымъ неопытный мыслитель приписываетъ одинаковую цѣнность, медленно... устанавливается различіе между разсужденіемъ, заключающимъ въ себѣ доказательства и разсужденіемъ, уклоняющимся отъ доказательствъ, хотя оно и стремится подражать имъ по внѣшности, т. е., между логикой разсудка и логикой чувствъ. Съ перваго взгляда кажется, что послѣдняя составляетъ сколокъ съ первой, что она состоитъ изъ остатковъ и отбросовъ первой. Ничуть не бывало. Она не можетъ также считаться ни эмбріональной формой, остановившейся въ развитіи, ни пережиткомъ, такъ какъ она имѣетъ свою особую организацію и особые мотивы для существованія. Логика чувствъ подчинена аффективной и активной части нашей природы и перестанетъ существовать лишь въ томъ случаѣ, если осуществится невозможное и человѣкъ сдѣлается существомъ чисто интеллектуальнымъ» (стр. 5). Нѣкоторые изслѣдователи склонны разсматривать логику чувствъ въ отдѣлѣ софизмовъ. Рибо совершенно справедливо протестуетъ противъ отожествленія результатовъ дѣятельности логики чувствъ съ софизмами раціональной логики. Онъ отрицаетъ также тожество «психологіи вѣры и психологіи аффективнаго разсужденія». «Логика чувствъ,— говоритъ онъ на стр. 139,—имѣетъ свою особую область; ее нельзя считать ни главой изъ логики софизмовъ, ни принадлежностью вѣры.

Такъ какъ въ человѣческомъ духѣ представленія и чувства соединены такъ тѣсно, что нѣтъ, быть можетъ, представленія совершенно не окрашеннаго чувствомъ, и нѣтъ, быть можетъ, чувства, совершенно не связаннаго ни съ какимъ представленіемъ, то и между логикой чувства и раціональной логикой нѣтъ естественной демаркаціонной линіи. «Нѣкоторые случаи можно отнести, какъ къ той такъ и къ другой» (стр. 30). Но основной характеристикой логики чувства является то обстоятельство, что функцію «средняго термина» исполняетъ въ ней «сужденіе о цѣнности».

Мы выше говорили, что, не смотря на прекрасную обработку частностей, общая постановка вопроса у Рибо не удовлетворительна, и его доводы бьютъ мимо цѣли. Здѣсь мы можемъ указать на то, что прекрасная характеристика «сужденій о цѣнности» и прекрасныя описанія различныхъ видовъ этихъ сужденій, всетаки не убѣждаютъ читателя въ томъ, что эти «сужденія о цѣнности»

играютъ въ логикѣ чувствъ ту же роль, что средніе термины въ силлогистическомъ разсужденіи; и, благодаря этому, читатель не убѣждается и въ правотѣ основного утвержденія Рибо, будто существуютъ двѣ логики: логика чувствъ и раціональная логика. Конечно, Рибо совершенно правъ, доказывая, что логика чувствъ не тожественна съ софизмами, ибо софизмы суть чисто раціоналистическія (хотя и ошибочныя) формы мышленія. Но «сужденіе о цѣнности» всетаки не есть «средній терминъ» силлогизма: это есть скорѣе особый факторъ, благодаря избирательному сродству съ которымъ группируются чисто раціоналистическіе элементы силлогизма. Для окончательнаго же выясненія этого вопроса нужно было бы сдѣлать шагъ, который не былъ сдѣланъ нашимъ авторомъ: нужно было бы глубоко изслѣдовать взаимоотношеніе между сужденіемъ и чувствомъ.

Переводъ, въ общемъ, сдѣланъ удовлетворительно, хотя, къ сожалѣнію, и не лишенъ неправильностей, иногда даже извращающихъ смыслъ. Такъ, напр., на стр. 4 мы читаемъ, что психологія предоставляетъ заниматься «теоріи познанія или метафизикѣ—*остальными вопросами*». Въ подлинникѣ сказано: «questions dernières», т. е., послѣдними, или конечными вопросами. На стр. 31 мы читаемъ, будто Ничше «*перетолковываетъ* въ обратномъ смыслѣ работы отцовъ церкви и моралистовъ». Читатель можетъ подумать будто Рибо хочетъ сказать, что Ничше далъ *новое толкованіе* трудамъ отцовъ церкви, явился оригинальнымъ *комментаторомъ* этихъ отцовъ церкви, тогда какъ авторъ отмѣчаетъ лишь стремленіе Ничше «refaire en sens inverse le travail des moralistes et des prêtres, т. е., Рибо говоритъ, что Ничше своею «переоцѣнкою цѣнностей» далъ проблемѣ, которою занимались моралисты и священники (объ «отцахъ церкви» не упоминается), обратное рѣшеніе.

Значительная неточность вносится въ переводъ также тѣмъ обстоятельствомъ, что терминъ «raisonnement» почти всегда передается терминомъ «мышленіе», тогда какъ слѣдовало бы употреблять терминъ «разсужденія».

Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. Москва. 1906. 335 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

На призывъ группы учителей и дѣятелей по народному образованію, задумавшихъ этотъ сборникъ съ цѣлью агитаціи противъ смертной казни, откликнулись многочисленные представители науки и литературы, церкви и политики у насъ и на Западѣ—и совокупность ихъ рѣшительныхъ заявленій представила въ общемъ интересный матеріалъ. Содержаніе сборника, при всей разрозненности и случайности, всетаки богато и разнообразно. Онъ открывается статьей Владиміра Соловьева, за которымъ, какъ и пристойно

слѣдуетъ вереница духовныхъ и свѣтскихъ представителей религіозныхъ воззрѣній —св. Гр. Петровъ, архимандритъ Михаилъ и епископъ Антонинъ, В. В. Розановъ и Вольскій. Юристы—Н. В. Давыдовъ, Кузьминъ-Караваевъ и Чубинскій, также П. Крапоткинъ — освѣщаютъ «законное убійство» съ точки зрѣнія правовой цѣлесообразности и уголовной политики, а М. Гернетъ свелъ въ своей статьѣ всѣ демонстративныя общественныя заявленія, которыми русская интеллигенція такъ единодушно и такъ безуспѣшно протестовала въ послѣдній годъ противъ смертной казни. Реальные ужасы подробностей «легальнаго» лишенія жизни раскрываютъ беллетристы: - Новиковъ, Хинъ, Немировичъ-Данченко, А. Вергежскій. Но, конечно, неизмѣримо сильнѣе всѣхъ художественныхъ опытовъ внушеніе ужаса и ненависти къ преступленію смертной казни останутся для насъ надолго перепечатанные въ сборникѣ безхитростные и протокольные очерки Владимірова изъ «Руси»; пора воздать должное автору и газетѣ, и назвать эти корреспонденціи серьезной общественной заслугой. Противъ смертной казни очерки г. Владимірова говорятъ мало, ибо, какъ ни гнусна смертная казнь, однако назвать раскрытые имъ подвиги Римана смертной казнью значитъ поднять эти убійства на ненадлежащую высоту. Къ доводамъ публицистовъ—Бердяева, Булгакова, Прусса—присоединяется психологическое изслѣдованіе д-ра Баженова, на множествѣ фактовъ показывающаго, что безчеловѣчность смертной казни значительно превосходитъ ужасы самаго жестокаго убійства.

Особый отдѣлъ книги составляютъ письма выдающихся иностранныхъ дѣятелей, которые съ удивительнымъ единодушіемъ и быстротой отвѣтили на призывъ составителей. Еллинекъ и Альфредъ Уоллесъ, Эдуардъ Бернштейнъ и Кейръ Гарди, Бьернстерне-Бьернсонъ и Вандервельде, Брандесъ и Анатоль Франсъ, Сеньобосъ и Лависсъ—и многіе другіе высказали свое рѣшительное отвращеніе къ смертной казни: одни съ пылкой горячностью, другіе съ спокойными доводами отъ разума, одни съ высоты морали, другіе съ твердой почвы практической политики. Отмѣтимъ спеціальныя указанія Брандеса, Луи Авэ и Сеньобоса на то, что нынѣшнія казни въ Россіи не наказаніе, а способъ управленія, орудіе политической борьбы. Октавъ Мирбо и Анатоль Франсъ настаиваютъ на правѣ самозащиты, безспорно принадлежащемъ русскому народу. Сборникъ заканчивается – къ сожалѣнію, неполнымъ и неточнымъ — поименнымъ спискомъ приговоренныхъ русскими судами къ смертной казни съ 1826 года. По февраль текущаго года въ списокъ вошло 612 именъ; надо помнить, что очень многіе изъ присужденныхъ казнены не были и что многіе, не названные въ спискѣ, были казнены безъ суда.

Хочется вѣрить, что поучительный сборникъ внесетъ свою долю въ неотложное дѣло уничтоженія смертной казни. Здѣсь собрано,

кажется, все, что можно высказать противъ нея. Здѣсь есть доводы отъ пламеннаго чувства и отъ холоднаго разсудка, отъ императивной морали и отъ политической необходимости, отъ статистики и отъ эстетики. Юристы сошлись здѣсь съ художниками, атеисты съ представителями церкви, государственники съ анархистами, молодежь со стариками, чтобы согласно и твердо заявить, что ихъ мысль, ихъ нравственное чувство, ихъ совѣсть, ихъ отвѣтственность предъ собой и другими не выноситъ, не разрѣшаетъ того чудовищнаго преступленія, которое на ихъ глазахъ совершаетъ государство, лишая людей жизни. Здѣсь приведены всѣ разумныя теоретическія и практическія соображенія; здѣсь сказаны всѣ сильныя, уничтожающія слова, здѣсь перебраны всѣ позорныя книжки, клеймящія смертную казнь съ тѣмъ негодованіемъ, какое она вызываетъ.

И однако, надо сознаться, что никогда политическая сила человѣческаго слова и мысли не казалась болѣе ничтожной, чѣмъ въ дни появленія этого сборника. Онъ велъ борьбу посредствомъ идеи и убѣжденія, а грубая физическая сила наложила на него лапу. Устами выдающихся представителей мысли онъ взывалъ къ прекращенію государственныхъ убійствъ—его появленіе отпраздновали казнью восьми человѣкъ. Быть можетъ, поэтому наиболѣе сильнымъ и поучительнымъ кажется намъ среди его обращеній не то, что относится къ казнящимъ или казнимымъ, но то, что обращено г. Булгаковымъ къ людямъ, стоящимъ въ сторонѣ. «Это я, и вы, и наши знакомые вмѣстѣ съ несчастными молодыми матросами разстрѣляли Шмидта и безчисленное количество жертвъ, кровь ихъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ (?), и эта солидарная отвѣтственность не пустая фраза. Я слышу самодовольные и негодующіе голоса: «Да развѣ мы не подписывали протестовъ, развѣ мы не негодовали? Но мы безсильны». Однако, по чистой совѣсти, можетъ ли каждый изъ насъ сказать, что онъ сдѣлалъ *все*, что могъ, а слѣдовательно, и что долженъ былъ, для борьбы съ этимъ зломъ, что онъ не былъ погруженъ въ себялюбивые интересы или житейскую суету, именно тогда, когда пролилась кровь... Развѣ могли бы мы теперь жить, какъ мы всѣ живемъ: пить, ѣсть, спать, ходить въ театръ, на службу, къ знакомымъ, если бы мы чувствовали кровь, которой захлебывается страна»?.. И быть можетъ, важнѣйшее поученіе, которое читатель выноситъ изъ сборника, это «напоминаніе, что «мы содрогаемся при извѣстіяхъ о смертной казни не только непосредственнымъ ужасомъ предъ происходящимъ, но и стыдомъ своего безсилія, своей неготовности, своей привязанности къ жизни, которая застилаетъ намъ глаза и притупляетъ совѣсть».

В. В. Быховскій (Сторонній наблюдатель). **Въ эпоху „довѣрія“.** Спб. 1906. 250 стр. Ц. 1 р.

Г. Быховскій думаетъ, что такъ называемая «эпоха довѣрія» «навсегда останется любопытною и памятною страницей въ русской исторіи .. и послужитъ непосредственнымъ введеніемъ къ исторіи революціи», памятною потому, что именно въ эту эпоху правительству, послѣ ряда горькихъ испытаній, пережитыхъ Россіею, пришлось сознать «что не народъ нуждается въ *его* довѣріи, а *оно* нуждается въ *довѣріи народа*».

«Въ качествѣ нѣкотораго матеріала для лицъ, интересующихся этой эпохой», г. Быховскому показалось «не безполезнымъ собрать нѣкоторыя его статьи, разбросанныя по разнымъ газетамъ и журналамъ того времени. Мнѣ приходилось—говоритъ онъ—касаться самыхъ разнообразныхъ вопросовъ нашей общественности и давать посильный откликъ на злобу дня въ доступныхъ для того времени рамкахъ» (стр. V).

Объ «эпохѣ довѣрія» можно держаться различныхъ мнѣній, но какое бы значеніе ей ни приписывать, найти въ этомъ достаточное основаніе для появленія въ свѣтъ книги г. Быховскаго довольно трудно, такъ какъ большинство статей, вошедшихъ въ эту книгу, никакой связи съ «эпохою довѣрія»—кромѣ развѣ времени своего появленія—не имѣетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пересмотримъ темы очерковъ г. Быховскаго. Вотъ очеркъ первый, озаглавленный «Новый интернаціонализмъ». Это рецензія о книгѣ г-жи May Writh Sewall, носящей то же названіе. Ничего общаго съ «эпохой довѣрія» онъ не имѣетъ. Очеркъ второй: «Открытое письмо В. П. Буренину» на тему о роли его въ литературѣ. «Какіе собственно у васъ положительные результаты вашей болѣе чѣмъ четвертьвѣковой замѣтки?» — спрашиваетъ г. Быховскій у своего адресата. Не знаемъ, что отвѣтилъ на этотъ вопросъ нововременскій критикъ, — но при чемъ же тутъ «эпоха довѣрія»? Очеркъ третій—«Школы или ловушки?»—о несовершенствѣ постановки оперно-драматическихъ, музыкальныхъ и т. п. курсовъ... Очеркъ четвертый: «Опечатка или невѣжественная безцеремонность». Истерическій вопль оскорбленнаго за проф. И. И. Иванюкова автора по поводу напечатанія «Моск. Вѣдомостями» въ числѣ сотрудниковъ имени этого профессора вмѣсто И. Иванюшенкова... Далѣе — все то же самое: рецензіи о книгахъ, рецензіи о пьесахъ и всевозможный газетный хламъ, итого 60 статей на 250 страницахъ. И изъ всего этого хлама только одна статья «Изъ дорожныхъ встрѣчъ и настроеній» дѣйствительно относится къ «эпохѣ довѣрія». Изъ нея намъ удалось узнать, что въ «три мѣсяца» Петербургъ преобразился, что вдругъ повсюду стали видны «лица, съ глазами, горящими мыслью» (стр. 216), и что поэтому автору не хотѣлось уѣзжать даже на «два—три дня». Однако, уѣхалъ. Дорогой разговаривалъ съ харьковскимъ врачомъ, который сообщилъ автору,

что «они (земцы) увѣрены въ единствѣ думъ и чувствъ народа и «интеллигенціи» (стр. 217). Въ Москвѣ автору жаловался одинъ редакторъ на цензуру, и, наконецъ, г. Быховскій убѣдился, что петербургское настроеніе не раздѣлялось населеніемъ окрестностей Троице-Сергіевской Лавры, и то со словъ знакомыхъ помѣщиковъ, живущихъ исключительно узенькими, скучными интересами своего хозяйства (220). Есть еще двѣ—три статьи, гдѣ къ слову упоминается «эпоха довѣрія», да нѣсколько фельетоновъ, посвященныхъ поведенію различныхъ, преимущественно судебныхъ, инстанцій въ процессахъ, имѣвшихъ общественный интересъ. Вотъ и все. Извлекать это изъ забвенія едва ли стоитъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изданія П. А. Артемьева: П. Ларенко. Страдные дни Портъ-Артура. Хроника военныхъ событій и жизни въ осажденной крѣпости. Ц. 2 р. 50 к.—***К. Т. Веберъ.*** Японія — сейчасъ. (Впечатлѣнія и факты). Спб. 1906. Ц. 1 р.

Изд. „Библіотеки Марксизма". Н. Рязановъ. Двѣ правды. Народничество и марксизмъ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

В. Владиміровъ. Карательная экспедиція. М. 1906. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. В. Даль. Толковый слов.рь живого великорусскаго языка. Спб. и М. 1906.

Изд. „Вѣстника Знанія" (В. В. Битнера): Проф. Гретцъ. Іисусъ Христосъ и христіанство. — ***Проф. Ж. Ренаръ.*** Соціалистическій строй.— ***Г. Карлейль.*** Этика жизни. Трудиться и не унывать. Пер. Е. Синерукой. Спб. 1906.

Изд. Н. Глаголева: В. Водовозовъ. Всеобщее избирательное право и примѣненіе его въ Россіи. Ц. 35 к.— ***В. Гессенъ.*** О правовомъ государствѣ. Ц. 20 к.—***В. Мякотинъ.*** Идея земскаго собора въ русскомъ прошломъ и настоящемъ. Ц 10 к.—***И. Чернышевъ.*** О всеобщемъ избирательномъ правѣ и его примѣненіи въ Россіи. Ц. 35 к.—***В. Ѳ. Тотоміанцъ.*** Формы аграрнаго движенія. Ц. 80 к.— ***Польи Винторъ Маргеритъ.*** Коммуна. Романъ. Пер. съ франц. Е. Кишкиной. Ц. 80 к. Спб. 1906.

Изд. А. А. Добровольской. Дж. Добровольскій. „Въ подозрѣніи". Спб. 1906.

Изд. „Донской Рѣчи": Николай Морозовъ. Изъ стѣнъ неволи. Шлиссельбургскіе мотивы. Ц. 25 к. — ***В. И. Семевскій.*** Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. Ц. 20 к. — ***Его же.*** Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840 хъ годовъ. Ц. 15 к. Спб. 1906.

Изд „Дѣло". М. В. Бернацкій. Къ аграрному вопросу. Ц. 30 к. Спб. 1906.

Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе". А. Алтаевъ. Въ новый міръ. Историч. повѣсть съ рис. Ц. 50 к.—***Я. Берлинъ.*** Великая семья человѣчества. Съ рис. Кн. I. Ц. 40 к. кн. II и III по 25 к.—***И. Бѣлоусовъ.*** Родной уголокъ. Разсказы и стихотворенія, съ рис. Ц. 20 к.—***Его же.*** Росинки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей, съ рис. Ц. 25 к. М. 1906.

Книгоизд. „Искры". Синоптикусъ. Государство и нація. Ц. 10 к.— ***Ф. Мерингъ.*** 9 января 1906 г. въ Германіи. Перев. съ нѣм. Ц. 2 к. Спб. 1906 г.

Книгоизд. „Колоколъ“. Е. Д. Мягкова. Основы положенія и требованія соціалъ-демократіи. Комментаріи къ эрфуртской программѣ. ***Карла Каутскаго*** и ***Бруно Шенланка.*** Перев. съ нѣм. подъ ред. О. Аносовой. Ц. 20 к.—***Э. Вандервельде.*** Программа бельгійской рабочей партіи. Пер. съ франц. А. Харитонова. Ц. 3 к.—***А. Дивильковскій.*** Вольная земля и наше земледѣліе. Ц. 10 к.—***Лиссагерэ.*** Исторія коммуны 1871 г. Ц. 80 к.—***А. Пѣмоевскій.*** Разсказы изъ жизни рабочихъ. Перев. съ польск. Ц. 10 к.—***Папъ.*** Организація общественныхъ учрежденій въ будущемъ обществѣ. Ц. 15 к.—***И. Полонскій.*** Мѣстное управленіе Англіи. Ц. 15 к.—***Пролетарій.*** Соціализмъ „соціалистовъ-революціонеровъ“. Ц. 10 к. — ***Баронъ Гансъ фонъ-Сэффенсъ Фраувейлеръ.*** Аграрный соціализмъ въ Бельгіи. Перев. М. Сильвина. Ц. 20 к. — ***М. М. Шахназарянъ.*** Крестьянское движеніе въ Грузіи и соціалъ-демократія. Ц. 30 к. — ***Анри Мишель.*** Задачи французской демократіи. Ц. 10 к.—***Н. А. Рубакинъ.*** „Воля Аллаха“ или Абдулъ, Абдулъ и еще Абдулъ. Ц. 15 к. М. и Спб. 1906.

А. А. Калантаръ. Мелкая земская единица. Тифлисъ. 1905.

Д. Круглый. На судъ преподавателей русскаго языка. (Обзоръ учебниковъ по русской грамматикѣ). Спб. 1906. Ц. 20 к.

Изданіе „Литературнаго фонда“. Собраніе сочиненій ***Н. И. Костомарова.*** Книга восьмая. Спб. 1906. Ц. 4 р. 50 к.

Книгоизд. „Лучъ“. Э. Де-Амичисъ. Подъ знаменемъ соціализма. Перев. съ итальянск. А. П. Колтоновскаго. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Книгоизд. „Молодая Россія“. В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. Ц. 30 к.

Изд. журн. „Міръ Божій“. Г. Э. Бартъ. Воздухоплаваніе въ его прошломъ и въ настоящемъ. Ц. 1 р. 25 к. Спб. 1906.

Изд. „Народъ и Свобода“. Н. О. Какъ порѣшить съ земельнымъ вопросомъ? Ц. 5 к.—Наше государственное хозяйство. Ц. 5 к. Спб. 1906.

Изданія книжн. маг. „Нашей Жизни“: Н. П. Вагнеръ (Котъ мурлыка). Земля и золото. Ц. 30 к.—***В. Водовозовъ.*** Всеобщее избирательное право и его примѣненіе въ Россіи.—Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. 3 выпуска. Ц. 30 к.—***Н. П. Дружининъ.*** Что такое конституція и зачѣмъ она нужна Россіи. Ц. 5 к.—***М. А. Кр—лъ.*** Какъ прошли выборы въ Государственную Думу. Ц. 30 к. Спб. 1906.

Книгоизд. „Обновленіе“: Л. Н. Толстой. Конецъ вѣка. Ц. 7 к. — ***Л. Н. Толстой.*** Одумайтесь! Ц. 7 к. Спб. 1906.

Изд. „Общественной Пользы“. А. В. Пановъ. Домашняя библіотеки. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Книгоизд. „Оріонъ“. Карлъ Каутскій. Очередныя проблемы международнаго соціализма. Ц. 1 р. Спб. 1906.

Изданія М. В. Пирожкова: Вл. Войтинскій. Рынокъ и цѣны. Ц. 2 р.—***Д. Ройтманъ.*** Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Ц. 50 к.—***Дж. Кеннанъ.*** Сибирь. Т. I. Ц. 75 к.—***В. Розановъ.*** Ослабнувшій фетишъ. Ц. 20 к.—***Серре.*** Дополненіе къ „теоріи круговыхъ функцій“. Ц. 50 к. Спб. 1906.

Изданія О. Н. Поповой. Д. Свифтъ. Путешествіе Гулливера въ страну лиллипутовъ.—***В. Зомбартъ.*** Судьбы американскаго пролетаріата. Ц. 25 к.—***П. И. Поповъ. Въ Америкѣ.*** Очерки американской жизни по личнымъ наблюденіямъ. Ц. 1 р. 50 к.—***Эмиль Золя.*** Истина. Романъ. Перев. съ франц. О. Н. Поповой. Ц. 1 р.—***К. А. Ковальскій.*** Война. Сборникъ разсказовъ. Ц. 60 к.—***Н. Ашешовъ.*** Александръ Николаевичъ Радищевъ. Обществ. характеристика. Ц. 8 к.—***П. А. Берлинъ.*** Первый нѣмецкій парламентъ. Ц. 10 к.—***М. Богопольовъ.*** Война и финансы. Ц. 5 к.—***Б. Веселовскій.*** Крестьянскіе бунты. Ц. 6 к. — ***Л. Гуревичъ.*** 9-е января. По даннымъ „анкетной коммиссіи“. Ц. 10 к.—***Л. Клейнбортъ.*** Въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Ц. 7 к.—***Г. Ларскій.*** Общество будущаго. Ц. 6 к. — ***В. Веселовскій.*** Земскіе либералы. Ц. 5 к.—***А. Е. Лосицкій.*** Избирательная система Государственной Думы. Ц. 12 к.—***П. Масловъ.*** Русская революція и народное хозяйство. Ц. 5 к.—***Н. Румянцевъ.*** Освободительное движеніе и Государственная Дума. Ц. 6 к.—***Элизе Реклю.*** Земля и люди. Балканскія государства. Ц. 2 р. Спб. 1906.

Книгоиздательство „Правда“. Г. Девилль. Очеркъ научнаго соціализма. Ц. 7 к.—***I. Дицгенъ.*** Будущее соціалъ-демократіи. Ц. 7 к.—***Карлъ Каутскій.*** Аграрный вопросъ въ Россіи. Ц. 6 к.—***Георгъ***

фонъ-Фольмаръ. Соціальная политика въ Германіи и во Франціи. Ц. 8 к.—***В. Адлеръ***. Всеобщее, равное, прямое избирательное право въ Австріи. Ц. 18 к.—***Жанъ Жорэсъ***. Частная собственность и аграрный вопросъ. Ц. 20 к.—***Его же***. Исторія французской революціи. Вып. I. Ц. 45 к. Кіевъ. 1906

Изданія Вл. Распопова. С. ***Ан—скій***. На конспиративной квартирѣ. Комедія въ 2-хъ дѣйств. Ц. 10 к.—***Его же***. Семидесятникъ. Ц. 7 к. Спб. 1906.

Библіотека „Свѣточа". А. Г. Горнфельдъ. Муки слова. Ц. 20 к.—***К. К. Арсеньевъ***. Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1906.

Книгоиздат „Скорпіонъ": Д. С. Мережковскій. Гоголь и чортъ. Ц. 1 р. 80 к.—***Станиславъ Пшибышевскій***. Дѣти сатаны. Ц. 1 р. 30 к. М. 1906.

Изд. Риккера: К. Дейнгардтъ и ***А. Шломанъ***. Иллюстрированный техническій словарь на 6 языкахъ. Спб. 1906.

Изд. С. Скирмунта Готфридъ Кохъ. Очерки по исторіи политическихъ идей и государственнаго управленія. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1906.

Политическая энциклопедія. Подъ ред. ***Л. З. Слонимскаго***. Т. I Ц. 1 р. Спб. 1906.

Книгоиздательство „Современникъ". Послѣднія слова казненныхъ.

Издательство „Трудъ и ***Знаніе" Жанъ Мэни***. Любовь и свободный бракъ. Перев. С. Зайцева. Ц. 10 к. Спб. 1906.

Евг. Де-Турже-Туржанская. Бѣлые невольники. (Домашняя прислуга въ Россіи). Ц. 10 к.—***Ея же***. Наша бюрократія и пролетаріатъ. Ц. 10 к. Смоленскъ. 1906.

Книгоизд. „Трибуна". К. Каутскій. Перспективы русскаго освободительнаго движенія. Ц. 3 к.—***Генрихъ Штребель***. Профессіональное движеніе и соціалъ-демократія. Ц. 4 к.—***Е. С. Левина***. Въ темную ночь. Ц. 3 к.—***В. Медемъ***. Соціалъ-демократія и національный вопросъ. И ***К. Каутскій***. О національномъ вопросѣ въ Россіи. Ц. 12 к.—Мелко-буржуазный соціализмъ на еврейской почвѣ. Ц. 5 к. Спб. 1906.

Изд. И. К. Шамова: Арчибальдъ Гейни. О преподаваніи географіи. Ц. 1 р.—***Б. Герхеръ***. Учебникъ элементарной геометріи. Вып. I. Планиметрія. Ц. 60 к.—***Клазенъ и Бохъ***. Сборникъ геометрическихъ задачъ къ элементарной геометріи Герхера. Ц. 30 к. М. 1906.

А. Ягодинъ. Лѣтопись 1904—1905 года. Томъ I. Ц. 1 р. М. 1906.

А. Ярошъ. Происхожденіе души и элементы познанія. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Литературно-художественный сборникъ. Одесса. 1906. Ц. 1 р. Стр. 220.

Возрожденіе. (Еврейскій пролетаріатъ и національная проблема). Сборникъ статей. 1905. Ц. 65 к.

Противъ смертной казни. Сборникъ статей подъ редакціей М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. Москва. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

На памятникъ А. П. Чехову. Стихи и проза. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Отчетъ пензенской обществ. библіотеки им. М. Ю. Лермонтова. Пенза. 1906.

La Revue Slave. Avril. 1906. Tome I. Paris. Prix. 2 fr. 50.

Wydawnictwa Polskiego Towarzystwa Nakładowego we Lwowie. 1901—1905.

Политика.

Законодательные выборы во Франціи.—Текущія событія.

I.

Если не считать происходящаго нынѣ въ Россіи, то самымъ крупнымъ событіемъ отчетнаго мѣсяца являются законодательные выборы во Франціи, происходившіе 6 и 20 мая по н. ст. (23 апрѣля и 7 мая по ст. ст.). Эти выборы всегда представляютъ собою событіе, имѣющее всемірно-историческое значеніе, потому что Франція остается однимъ изъ трехъ всемірныхъ маяковъ, по которымъ держитъ свой курсъ человѣчество. Что же произошло во Франціи въ эти достопамятные дни 6 и 20 мая? Что измѣнилось и что сказалось новаго и примѣчательнаго?

Палата насчитываетъ всего 591 народныхъ представителей. Соединенная лѣвая отвоевала у соединенной правой и центра 58 новыхъ мѣстъ: это не мало, это около 10% всего состава палаты. Таково общее впечатлѣніе, но оно не только слишкомъ суммарно. Оно слишкомъ просто, когда дѣйствительность крайне сложна. Элементы, боровшіеся у избирательныхъ урнъ 6 и 20 мая, не укладываются въ два лагеря. Это много лагерей, заключающихъ союзы и коалиціи. Итоги этихъ комбинацій очень важны для управленія французскою республикою въ ближайшіе четыре года, но отнюдь не являются точною картиною политическаго состоянія страны и настроенія націи.

Въ Англіи, гдѣ уже давно не поднимается вопроса о формѣ правленія и гдѣ нѣтъ мѣста и династическому вопросу, итоги избраній суть итоги мнѣнія націи. Во Франціи, гдѣ еще многочисленные слои населенія готовы оспаривать существующую форму правленія, гдѣ живутъ традиціи цѣлаго ряда несовмѣстимыхъ режимовъ орлеанизма, легитимизма, бонапартизма и нѣсколькихъ другъ другу противорѣчивыхъ республиканизмовъ, итоги выборовъ суть итоги избирательныхъ компромиссовъ, и дѣйствительная картина народнаго мнѣнія обнаруживается не въ итогахъ состоявшихся избраній, а въ итогахъ поданныхъ голосовъ на *первомъ* голосованіи, когда союзы, коалиціи и компромиссы практикуются въ гораздо меньшей мѣрѣ, нежели на перебаллотировкахъ. Этимъ анализомъ мы и займемся ниже, а предварительно нѣсколько словъ о тѣхъ политическихъ группахъ, которыя на этихъ выборахъ 1906 года боролись за власть съ избирательными бюллетенями въ рукахъ.

Когда въ 1871 году, подъ ударами нѣмецкаго разгрома, пала милитаристская и бюрократическая Франція бонапартизма, собралось

національное собраніе. Города прислали демократовъ республиканцевъ, но деревенская Франція, руководимая преимущественно патерами и увлеченная краснорѣчивымъ обличеніемъ бонапартизма, выбрала преимущественно представителей такъ называемаго либеральнаго союза, какъ назвали себя объединившіеся для выборовъ легитимисты и орлеанисты. Послѣднихъ было больше выбрано, но одни они не составляли большинства. Съ легитимистами они составляли солидное большинство, но этотъ союзъ годился для заключенія мира, для усмиренія Коммуны, для составленія коалиціоннаго министерства, но не для провозглашенія монархіи. Одни желали Генриха V съ бѣлымъ знаменемъ бурбоновъ. Другіе проводили реставрацію Орлеановъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Соглашеніе не могло состояться, и монархическому большинству національнаго собранія приходилось терпѣть ненавистную республику.

Положеніе республики, управляемой врагами республики, не могло быть завиднымъ, и страна терпѣла всѣ послѣдствія такого противоестественнаго режима. Натурально, что часть орлеанистовъ, преданныхъ отечеству болѣе, чѣмъ Орлеанамъ, отпала отъ монархистовъ. Это были Тьеръ, Дюфоръ, Ремюза, Марсэръ и др. Они перешли на сторону республики и образовали такъ называемый «лѣвый центръ», т. е. консервативныхъ республиканцевъ. «La république sera conservatrice ou elle ne sera pas», произнесъ тогда Тьеръ, давая программу цѣлому періоду французской исторіи. Однако, монархисты всетаки низвергли Тьера и его консервативно-республиканское правительство. Они республику замѣнили септенатомъ, «семилѣтіемъ», и главою исполнительной власти избрали на все готоваго маршала Макъ-Магона. Министерство составилось самое реакціонное. Если бы въ это время удалось уладить разладъ между Бурбонами и Орлеанами, то Франція получила бы короля. Однако, графъ Шамборъ (претендентъ старшей линіи, или Генрихъ V легитимистовъ) не соглашался на утвержденіе новой конституціонной хартіи и на сохраненіе трехцвѣтнаго знамени. Графъ Парижскій (претендентъ орлеанистовъ) соглашался признать первенство графа Шамбора («Генрихъ V» былъ бездѣтный и преемникомъ его являлся графъ Парижскій), но вполнѣ понималъ, что нація не приметъ средневѣковаго короля и сама армія не согласится измѣнить трехцвѣтному знамени. Соглашеніе не состоялось, и Франція осталась республикой. Однако, подъ властью враговъ республики...

Тогда первою задачею являлось устраненіе этой аномаліи. Какъ въ настоящее время неотложно необходимо, чтобы конституціонная Россія управлялась сторонниками, а не врагами конституціи, такъ тогда во Франціи было необходимо, чтобы республика управлялась республиканцами, а не монархистами, не врагами республики. Страна поняла это и даровала большинство республиканцамъ, но борьба была ожесточенная и продолжительная, и все это время

отъ консерваторовъ, какъ Тьеръ и Дюфоръ, до соціалистовъ, какъ Луи-Бланъ, вопросъ сводился къ солидарному сопротивленію реакціонерамъ, имѣвшимъ возможность опираться на армію, на духовенство, на чиновничество и даже на несмѣняемую судебную магистратуру. Республика одержала побѣду, но демократія потерпѣла пораженіе. Республика осталась, какъ то обусловилъ Тьеръ, консервативною, т. е. буржуазною. Идеалы демократіи были отложены въ сторону представителями самой демократіи. Только этимъ малодушнымъ отступничествомъ старыхъ вождей демократіи отъ ея идеаловъ и можно объяснить временный и эфемерный, но все же несомнѣнный успѣхъ буланжизма. Это былъ протестъ, полный негодованія и гнѣва, противъ ультра-буржуазнаго режима, въ то время царившаго во Франціи. Вѣроломный буланжизмъ, конечно, былъ скоро отвергнутъ народомъ, но этотъ строгій урокъ отрезвилъ вождей демократіи, постепенно (даже слишкомъ постепенно) они начали отдѣляться отъ буржуазіи. Тогда стали формироваться партіи. Эта постепенная эволюція привела къ тому состоянію партій, которое характеризуетъ современную Францію. Перечислимъ главныя политическія теченія, нынѣ раздѣляющія французскую націю.

Слѣва направо это суть слѣдующія группы:

Соединенная лѣвая.

Такъ называютъ совокупность партій, проведшихъ отдѣленіе церкви отъ государства и поддерживавшихъ кабинетъ Сарріена-Клемансо. Сюда входятъ:

1. Объединенные соціалисты. Такъ на этихъ выборахъ назвались объединившіяся соціалистическія группы Жореса (поссибилисты), Геда и Алемана.

2. Независимые соціалисты, т. е. тѣ, которые не вошли въ упомянутое выше соглашеніе.

Соціалисты давно засѣдаютъ во французскомъ парламентѣ, но долго они не выдѣлялись изъ партіи радикаловъ. Впервые они заняли самостоятельное положеніе на выборахъ 1894 года, но еще не успѣли сорганизоваться. Выборы 1898 года дали имъ значительный успѣхъ, и съ тѣхъ поръ они занимаютъ вліятельное положеніе въ палатѣ.

3. Радикалы-соціалисты.

4. Радикалы.

Это старые якобинцы, при чемъ первая группа (радикалы-соціалисты) исходила изъ того же круга идей, какъ и вторая (радикалы) заимствовала изъ соціалистической программы рядъ практическихъ требованій по рабочему законодательству. Въ послѣднее время и радикалы усвоили часть этой программы.

5. Демократы или лѣвые республиканцы (républicains de gauche).

Старая республиканская партія, которая въ семидесятые и

восьмидесятые годы XIX столѣтія выдержала борьбу съ монархистами, была въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ поколеблена напоромъ буланжизма, потомъ національзма. Она удержала тогда позиціи, но мало чему научилась. Она осталась вѣрна консервативной республикѣ и не она стала во главѣ возрождавшейся демократіи. Это мѣсто она уступила радикаламъ, радикаламъ-соціалистамъ и соціалистамъ. Тѣмъ не менѣе, еще на выборахъ 1894 года «умѣренные республиканцы», какъ тогда называлась эта старая республиканская партія, сохранили преобладаніе. Однако, дальнѣйшая борьба съ націонализмомъ и клерикализмомъ ее расколола. Значительная часть осталась вѣрна консерватизму, другая соединилась съ радикалами, радикалами-соціалистами и соціалистами для борьбы съ клерикализмомъ. Сіи и суть демократы, или лѣвые республиканцы.

Центръ.

Прежде это всѣ умѣренные республиканцы, теперь только та часть, которая сохранила старые союзы съ буржуазіей. Она называется:

6. Прогрессисты. Совершенное распаденіе умѣренныхъ республиканцевъ на демократовъ и прогрессистовъ дѣло послѣдняго времени, а на выборахъ имѣло мѣсто впервые теперь, въ 1906 году

Соединенная правая.

7. Націоналисты. Девятидесятые годы повсемѣстно видѣли печальное возрожденіе національной исключительности и нетерпимости. Движеніе это отчасти захватило и Францію, гдѣ оно нашло поддержку монархистовъ и бонапартистовъ. Впервые націоналисты выдѣляются на выборахъ въ 1898 году, но буланжизмъ въ извѣстной степени тоже питался націоналистическими и шовинистскими чувствами. Расцвѣлъ націонализмъ на выборахъ 1902 года, а теперь въ 1906 году много потерялъ, благодаря выступленію на сцену новой группы, отвлекшей отъ націоналистовъ значительное число избирателей.

8. Либералы. Это и есть только что упомянутая группа, впервые выступившая подъ этимъ названіемъ на нынѣшнихъ выборахъ. Сюда вошла небольшая часть умѣренныхъ республиканцевъ, уже на выборахъ 1902 года охотно называвшихъ себя либеральными, и такъ называемыя raillés, бывшіе монархисты, примкнувшіе къ республикѣ, но сохранившіе всѣ феодально-клерикальные принципы. Партія сплотилась на почвѣ борьбы за церковь.

9. Монархисты.

Таковы тѣ девять партій, которые 6 и 20 мая оспаривали другъ у друга торжество предъ избирательными урнами.

II.

6 мая всѣ партіи выставляли своихъ кандидатовъ, и потому это голосованіе даетъ картину мнѣнія страны. 6 мая подано голосовъ:

	1906 г.	1902 г.
За соединенную лѣвую:		
Объединенные соціалисты	677,442	
Независимые »	342,292	
S.	1.019,734	703,275
Радикаловъ и соціалистовъ. .	1.185,066	818,082
Радикаловъ	1.524,366	1.381,082
Демократовъ	1.186,144	636,726
Вся лѣвая	4.915,310	3.539,165
За оппозицію:		
Прогрессистовъ.	1.007,248	1.952,296
Націоналистовъ	491,963	1.131,588
Либераловъ	1.155,595	665,716
Монархистовъ	909,832	920,196
Антиминистерскіе соціалисты		195,171
Вся оппозиція	3.564,102	4.865,683

Конечно, ни въ 1902, ни въ 1906 гг. прогрессисты не были въ союзѣ съ правыми, а часть изъ нихъ уже въ палатѣ 1902 — 1906 гг. перешла къ демократамъ. Антиминистерскіе соціалисты тоже не были съ правыми, конечно. Эти обстоятельства и замѣчательная дисциплина соединенныхъ лѣвыхъ и на выборахъ 1902 года, и затѣмъ въ палатѣ удерживали ихъ при власти. Большинство избирательнаго корпуса было не за нихъ, однако, въ 1902 г. Теперь, въ 1906 г. положеніе радикально измѣнилось. Избирательный корпусъ рѣшительно высказался за лѣвыхъ. 5 милліоновъ противѣ $3^1/_2$ милліоновъ голосовъ—таковы теперь отношенія. Въ 1902 году было почти наоборотъ.

Это суммарныя данныя. Остановимся теперь на элементахъ, изъ которыхъ слагаются эти суммы.

Особый интересъ представляли группы націоналистовъ и либераловъ, которыхъ судьбу надо разсматривать вмѣстѣ. Первая ячейка либераловъ, т. е. реакціонныхъ республиканцевъ, появилась въ 1894 года подъ названіемъ raillés. Ихъ очень привѣтствовало правое крыло умѣренныхъ республиканцевъ, а тогдашнее министерство Мелина охотно на нихъ опиралось противъ радикаловъ. Съ другой стороны, монархисты на нихъ косились, какъ на ренегатовъ. На выборахъ 1898 года умѣренные республиканцы

поддерживали raillés. На тѣхъ же выборахъ впервые появились націоналисты (Деруледъ, Мильвуа, Дрюмонъ), но соединили всего 55 тыс. голосовъ. Тогда ихъ какъ-то прозѣвали правые. Но когда вслѣдъ за тѣмъ разыгралось дѣло Дрейфуса и часть республиканцевъ, даже радикаловъ (Кавеньякъ), даже соціалистовъ (Клюзере), оказались націоналистами, тогда правые поняли, что въ лицѣ націоналистовъ получаютъ прекрасныхъ союзниковъ въ борьбѣ съ демократіей. Вслѣдствіе это, на выборахъ 1902 года монархисты энергически поддержали націоналистовъ. Это имъ ничего не стоило. Свои округа они оставили за собою, но едва лишь въ одной трети избирательныхъ округовъ рискуютъ выставлять свои кандидатуры. Въ остальныхъ двухъ третяхъ сторонники правыхъ просто не участвовали въ выборахъ. Теперь ихъ послали къ избирательнымъ ящикамъ выбирать націоналистовъ. Этимъ отчасти объясняется огромное число голосовъ, собранныхъ націоналистами въ 1902 году. Въ милліонѣ ста тридцати одной съ половиною тысячи націоналистскихъ голосовъ большинство было монархическое. Остальные принадлежали отпавшимъ республиканцамъ, которые желали республики, но республики завоевательной, увитой лаврами реванша, подчиняющей другіе народы. Это были традиціи бонапартизма. Сколько тутъ было голосовъ монархическихъ и сколько принадлежало этимъ шовинисткимъ подложнымъ республиканцамъ, трудно было отгадать, но судя по тому, что всѣ фракціи лѣвыхъ усилились въ 1902 году сравнительно съ 1898 г., большинство націонадисткихъ голосовъ надо было относить не на счетъ отпавшихъ отъ лѣвыхъ, а насчетъ приставшихъ справа. Тогда нѣкоторыя соображенія привели меня къ выводу, что около 400 тыс. голосовъ могло быть отпавшихъ отъ лѣвыхъ, остальные 700—730 тыс. пришли справа. Ниже мы увидимъ, что выборы 1906 года это вполнѣ подтверждаютъ.

Дѣло въ томъ, что на этихъ выборахъ правые перенесли свою поддержку отъ націоналистовъ на либераловъ. Эта группа въ 1902 году собрала (безъ raillés) 418 тыс. голосовъ, но еще не рѣшалась рвать съ прогрессистами. Закрытіе конгрегацій, изгнаніе монаховъ, отдѣленіе церкви отъ государства кинули этихъ консерваторовъ въ объятія реакціонеровъ. Они соединились въ одну партію съ raillés и на почвѣ защиты религіи и церкви развернули свое реакціонно-республиканское знамя. Съ ними заключили союзъ монархисты, вездѣ голосуя за либераловъ, гдѣ не было собственныхъ кандидатовъ, а за націоналистовъ лишь тамъ, гдѣ не было ни собственныхъ, ни либеральныхъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, въ числѣ 492 тыс. голосовъ, собранныхъ націоналистами въ 1906 г., пришедшихъ справа сравнительно немного (преимущественно бонапартисты), а главную массу представляютъ отпавшіе въ 1902 году лѣвые. Полмилліона голосовъ, прибавившихся либераламъ въ 1906 году сравнительно съ 1902 годомъ, это монархисты, пере-

несшіе голоса съ націоналистовъ на либераловъ. За націоналистовъ и либераловъ было подано:

Въ 1902 году	1.797,384
» 1906 »	1.747,558

Всего лишь 50 тыс. голосовъ потеряли республиканцы-реакціонеры обѣихъ партій. Кочевка же голосовъ между этими партіями указываетъ на численность монархической партіи въ той части Франціи, гдѣ собственныхъ кандидатовъ она не выставляетъ. Около 600.тыс. избирателей, повидимому, относятся къ этому разряду. Такимъ образомъ, всего избирателей, враждебныхъ республикѣ, еще наберется около полутора милліона, или $^1/_6$ всего избирательнаго корпуса (9 милліоновъ).

Реакція упорно защищаетъ свои позиціи. Разбитая, какъ монархическая, она поднимаетъ голову то въ видѣ націонализма, то подъ флагомъ либерализма. Дѣйствительные либералы, такъ называемые умѣренные республиканцы, понесли, напротивъ того, пораженіе за пораженіемъ. За нихъ (за прогрессистовъ) было подано голосовъ:

Въ 1898 году	2.621,208
» 1902 »	1.952,296
» 1906 »	1.007,248

Въ теченіе восьми лѣтъ прогрессисты изъ господствующей партіи превратились въ одну изъ второстепенныхъ. Больше нихъ соединили голосовъ радикалы ($1^1/_2$ мил.), демократы (1 мил. 186 тыс.), радикалы-соціалисты (1 мил. 185 т.), либералы (1 мил. 155 тыс.), соціалисты (1 мил. 19 тыс.). Изъ восьми партій прогрессисты занимаютъ шестое мѣсто. Ниже ихъ только монархисты и націоналисты. Прогрессисты свое историческое дѣло совершили. Они основали и упрочили республику на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Они разбили антиреспубликанскую реакцію, но проглядѣли, какъ выросла республиканская реакція и какъ, съ другой стороны, окрѣпла демократія. Прогрессисты оказались не способными отвѣтить новымъ условіямъ. Народное голосованіе и убрало ихъ въ сторону. Ихъ еще выбираютъ, но только стариковъ, къ которымъ привыкли избиратели. Группа прогрессистовъ осуждена на постепенное исчезновеніе.

Въ настоящее время наибольшею популярностью пользуются радикальныя группы (рад.-соц. и рад.). Они соединили 2 мил. 700 тыс. голосовъ, а съ демократами даже 4 мил., все же, однако, меньше половины всѣхъ голосовъ, которыхъ было подано 6 мая 8.479,412. Движеніе среди радикальныхъ избирателей явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ (безъ демократовъ):

Въ 1898 году.	2.159,520
» 1902 »	2.251,477
» 1906 »	2.709,432

Наростаніе не очень быстрое, но постоянное и неизмѣнное. Приводимъ, наконецъ, движеніе голосовъ соціалистическихъ:

Въ 1898 году.	741.271
» 1902 »	898.446
» 1906 »	1.019,734

Если вспомнить, что до 1899 года соціалисты отъ своего имени вовсе не являлись на выборы, то ростъ ихъ вліянія надо признать и скорымъ, и значительнымъ.

III.

Въ палатѣ 591 депутатъ, но въ имѣющихся у меня матеріалахъ еще не приведены результаты четырехъ избраній, такъ что мы будемъ имѣть дѣло съ распредѣленіемъ мандатовъ между 587 депутатами. Изъ нихъ 427 были избраны 6 мая, остальные 20 мая на перебаллотировкѣ. Новая палата заключаетъ въ себѣ слѣдующія группы (со сравнительными данными о составѣ палатъ 1898 и 1902 годовъ).

Соціалисты имѣли мандатовъ:

1898 годъ.	61
1902 »	51
1906 »	75

Въ томъ числѣ 55 объединенныхъ соціалистовъ и 20 независимыхъ. Въ числѣ независимыхъ Мильеранъ, Бріанъ, Вивіани, Жеро Ришаръ, Зеваэ, Лежитимю (негръ съ Гваделупы) и др. «Humanité» приводитъ слѣдующій списокъ «объединенныхъ»: Альди, Алларъ, Алеманъ, Бланъ, Бали, Бедусъ, Бенезэ, Бувери, Бретонъ, Поль Бруссъ, Бетуль, Кадена, Констанъ, Гутанъ, Дежантъ, Делори, Девэзъ, Дюбуа, Дюжуръ, Дюрръ, Ферреро, Фьевэ, Фурнье, Франкони, Гескьеръ, Гоньо, Груссье, Жюль Гедъ, Жанъ Жоресъ, Ламендэнъ, Лассаль, Леандръ Николай, Маррьетонъ, Мелэнъ, Мелье, Мерль, Пастръ, Пулэнъ, де-Прессансэ, Роблэнъ, Руанэ, Розье, Селль, Семба, Тивріэ, Вальянъ, Вареннъ, Вебэ, Винь, Вальтеръ, Виллымъ, Камюзе, Карлье, Карно, Шовьеръ. Всѣ соціалистическіе вожди нынѣ собраны въ палатѣ и партія приготовляется развернуть свою программу въ полномъ объемѣ. Жоресъ уже заявилъ, что будетъ внесенъ всесторонній законопроектъ о соціальныхъ реформахъ.

Радикальныя группы тоже очень усилились.

Вотъ данныя:

	Радикалы.	Рад.-соц.	Всего.
1898 годъ	132	55	187
1902 »	153	77	230
1906 »	115	133	248

Уменьшеніе числа радикаловъ объясняется отчасти отпаденіемъ въ націоналисты, отчасти переходомъ въ группу радикаловъ-соціалистовъ. Обѣ группы настолько между собою близки, что могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ. Самая сильная въ парламентѣ, эта партія не имѣетъ, однако, большинства и въ новой палатѣ. Необходимо около 300 мандатовъ. Не хватаетъ около 50 голосовъ. Эту полсотню голосовъ могутъ дать и соціалисты (вмѣстѣ выходитъ 323), и демократы (вмѣстѣ 334), тѣмъ болѣе обѣ партіи (вмѣстѣ 413), какъ то было въ прошлой палатѣ.

Теперь радикальное министерство можетъ выбирать союзъ. Если оно желаетъ осуществить соціальныя реформы, обѣщанныя въ избирательныхъ программахъ обѣихъ радикальныхъ партій, то союзъ съ соціалистами дастъ полную возможность такого осуществленія. Иначе, опираясь на демократовъ, можно отложить реформы.

Демократы усилились на семь мандатовъ. Въ 1902 году ихъ было выбрано только 62, но въ теченіе законодательной дѣятельности палаты 21 прогрессистъ (вся группа Пуанкарэ) вошли въ демократическую группу, всего, стало быть, 83. Теперь выбрано девяносто.

Это передвиженіе радикаловъ (и прогрессистовъ) въ націоналисты, радикаловъ въ радикалы-соціалисты, прогрессистовъ въ демократы и либералы обнаруживаетъ огромное политическое броженіе, которое и на выборахъ 1906 года еще не вполнѣ выяснилось.

Соединенная лѣвая (соціалисты, радикалы-соц., радикалы и демократы) получила 413 мандатовъ, пріобрѣтя ихъ на 58 больше, нежели располагала въ прошлой палатѣ. Потеря выпала на долю оппозиціи. Потеряли прогрессисты 29 мѣстъ, націоналисты 23 и реакціонеры (монархисты и либералы)—6 мѣстъ. Соединенная оппозиція (центръ и правая) располагаетъ въ палатѣ всего 174 голосами.

Именно:

Прогрессисты	66
Націоналисты	30
Реакціонеры	78
S	174

Прогрессисты таютъ, націоналисты разбиты, но реакціонеры отстаиваютъ свои позиціи, хотя постепенно оттѣсняются. Въ избирательномъ корпусѣ они составляютъ 1/6, въ палатѣ немного болѣе 1/5.

IV.

Отъ общихъ итоговъ французскихъ выборовъ перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ характернымъ частностямъ. И прежде всего къ выборамъ въ Парижѣ.

Столица Франціи издавна славилась, какъ очагъ революціи и радикализма. Однако, въ послѣдніе четверть вѣка Парижъ дважды измѣнялъ этой славѣ. Въ 1889 году парижане выбрали генерала Буланже. Никто этого не ожидалъ. На выборахъ 1885 года Парижъ далъ представителямъ демократіи около 350 тыс. голосовъ, а правыхъ 87 тыс. Приблизительно 300 тыс. демократія получила на муниципальныхъ выборахъ 1887 года, а правые всего 50 тыс. Парижъ сто лѣтъ былъ плацдармомъ демократіи и вдругъ 15 янв. 1889 года онъ далъ сомнительному генералу безъ заслуги и безъ прошлаго — 244 тыс. голосовъ, а за Жака, кандидата лѣвыхъ, только 162 тысячи.

Парижъ очень сложная машина, заключающая въ себѣ цѣлыя области, другъ другу совершенно чуждыя. Съ одной стороны, это рабочіе кварталы, территорія, занятая пролетаріатомъ. Это округи Шомонъ, Монмартръ, Менильмонтанъ, Рельи, Гобеленъ, Попенкуръ. Этотъ рабочій Парижъ и создалъ своему городу славу редюита демократіи.

Рядомъ, однако, существуетъ другой Парижъ, преданный старому режиму, легитимному королю, клерикализму и феодализму. И нигдѣ во Франціи не блеститъ такъ эта традиція, какъ здѣсь, въ роскошныхъ кварталахъ, объемлющихъ округа Елисейскихъ Полей, Люксембурга, Лувра (эти два—прежнее Сенъ-Жерменское предмѣстье) и Пале-Бурбона. Остальной Парижъ буржуазный, но въ немъ три округа (Отель-де-Виль, Биржа, Тампль) во власти крупной буржуазіи, склонной къ сближенію съ аристократіей. Прочіе мелко буржуазные. Изъ загородныхъ мѣстностей округа Сенъ-Дени болѣе рабочіе, округа des Sceaux болѣе сельско-хозяйственные. Такова пестрая физіономія мірового города.

Въ 1889 году за Буланже высказались, конечно, реакціонеры (округа: Луврь, Люксембургъ, Пале-Бурбонъ и Елисейскія поля), а затѣмъ преимущественно пролетаріатъ, округа: Шомонъ (60%) голосовъ въ пользу Буланже), Гобеленъ (58%), Монмартръ (57%), Рельи (55%), Менильмонтанъ (51%). Изъ рабочихъ округовъ только Попенкуръ не далъ абсолютнаго большинства буланжистовъ (47%), но далъ всетаки относительное (за Буланже—14,788, за Жака—14,393, за разныхъ—1981). Крупная буржуазія, напуганная военными бряцаніями легкомысленнаго генерала, вотировала противъ Буланже, и бывшій коммунаръ Жакъ получилъ большинство въ округахъ Биржи и Тампля. Мелкая буржуазія была

болѣе склонна къ воинственному генералу, но все же истинное и огромное торжество ему даровало солидарное голосованіе средневѣковыхъ феодаловъ и пролетаріата.

Это опьяненіе Парижа продолжалось не долго, и въ томъ же 1889 году, осенью, на общихъ законодательныхъ выборахъ (15 января были дополнительные) голосованіе дало уже опять привычные результаты. То же повторилось и въ 1899 и въ 1894 годахъ. Урокъ 1889 года какъ будто началъ забываться, когда муниципальные выборы 1900 года вновь напоминаютъ объ измѣнчивости парижскаго настроенія. Націоналисты одерживаютъ блистательную побѣду и составляютъ большинство муниципальнаго совѣта французской столицы. Націонализмъ это тотъ же буланжизмъ, не пріуроченный къ какому-нибудь имени. Вслѣдъ за тѣмъ наступили выборы 1902 года въ палату. Объединенная правая получила больше голосовъ (226 тыс.), чѣмъ лѣвая (199 тыс.). Кромѣ того 78 тыс. получили прогрессисты и соціалисты-диссиденты, такъ что правая соединила немного менѣе половины всѣхъ парижскихъ голосовъ. Сравнительно съ голосованіемъ 1900 года, это былъ для лѣвыхъ нѣкоторый успѣхъ, но, сравнительно со всѣмъ демократическимъ прошлымъ Парижа, это было огромное пораженіе. Во всей странѣ націоналисты соединили около $^1/_7$ голосовъ, въ Парижѣ почти половину.

Въ 1906 году голоса распредѣляются слѣдующимъ образомъ (приводимъ параллельно и данныя для предшествовавшихъ выборовъ 1902 года):

	1902 г.	1906 г.
1. *Соединненная лѣвая*:		
Объединенныя соціалисты	99,072	190,521
Независимые »	52,087	50,278
Соціалисты . .	151,159	240,799
Радикалы-соціалисты	53,854	152,118
Радикалы	36,741	41,189
Демократы	9,280	51,012
Лѣвые	251,034	485,118
2. *Центръ*:		
Прогрессисты	26,633	1,868
3. *Соединенная правая*:		
Націоналисты	179,967	168,769
Реакціонеры	46,093	40,400
Правые	226,060	209,169
Оппозиція . . .	252,693	211,037
Всего	503,727	696,155

Парижъ снова полѣвѣлъ.

Выше сказано, что въ 1902 году объединенная лѣвая соединила 198 тыс. голосовъ. По этой же табличкѣ оказывается 151 тыс., потому что теперь для сравнимости съ выборами 1906 года включены въ итоги соединенной лѣвой и независимые соціалисты, тогда въ 1902 году дѣлавшіе оппозицію объединенной лѣвой.

Парижъ полѣвѣлъ. Сообразно съ этимъ еще сильнѣе полѣвѣло его представительство. Вотъ параллельныя данныя:

	1902 г.	1906 г.
1. Соединенная лѣвая.		
Соціалисты объединеные	10	15
« независимые	5	3
Соціалисты	15	18
Радикалы и рад.-соц.	10	15
Демократы	—	4
Лѣвые	25	37
2. Центръ.		
Прогрессисты	4	—
3. Соединенная правая.		
Націоналисты	16	8
Реакціонеры	5	5
Правые	21	13
Оппозиція	25	13
Всего	50	50

Три четверти парижанъ принадлежатъ демократіи. Интересно географическое распредѣленіе политическихъ симпатій. Посмотримъ сначала на издревле феодальные кварталы. *Лувръ* имѣетъ одного депутата, избранъ націоналистъ Баррэ. *Люксембургъ*—2 депутата, избраны въ первомъ округѣ демократъ Бенуа, во второмъ—Прашъ, реакціонеръ. *Пале-Бурбонъ*—2 депутата; избраны Леролль, реакціонеръ, и Сиронъ, націоналистъ. *Елисейскія поля*, 2 депутата, оба реакціонера, Дени-Кошэнъ и Бендэ. Итого 4 монархиста, 2 націоналиста и 1 лѣвый избраны этимъ феодальнымъ Парижемъ.

Крупная буржуазія высказалась слѣдующимъ образомъ: *Биржа*—одинъ депутатъ, націоналистъ адмиралъ Бьенэмэ; *Тампль*—одинъ депутатъ, радикалъ Пюшъ; *Отель-де-Виль* два депутата, демократъ Файо, націоналистъ Галли. Итого два націоналиста и два лѣвыхъ.

Территорія пролетаріата - шесть округовъ: *Попенкуръ*—три депутата, избраны: соціалистъ Аллеманъ (вмѣсто Конжи, націоналиста и антисемита, избраннаго въ 1902 г.), радикалъ Локруа и рад.-соц. Левро; *Рельи*—2 депутата, независимый соціалистъ Мильеранъ (противъ объединеннаго соціалиста Лафарга) и независимый соціалистъ Груссэ; *Гобелэнъ*, 2 депутата переизбраны радикалы соціалисты Лебу и Бюнссонъ; *Монмартръ*, 3 депутата,

2 объединенныхъ соціалиста Семба и Руанэ и націоналистъ Бюсса; *Шомонъ*—2 депутата, оба объединненые соціалисты Дюбуа и Розье; *Менильмонтанъ*—2 депутата, оба объединенные соціалиста, Дежантъ и Вальянъ.

Остальные депутаты избраны округами, гдѣ преобладаетъ мелкая и средняя буржуазія. Всего послали въ палату.

	Соціал.	Рад. и дем.	Нац.	Реакц.
Аристократія	—	1	2	4
Круп. буржуазія	—	2	2	—
Мелк. и ср. бурж.	9	12	3	1
Пролетаріатъ	9	4	1	—
S	18	19	8	5

Пролетаріатъ почти совсѣмъ отрезвился отъ угара націонализма. Большіе успѣхи сдѣлала и мелкая буржуазія.

V.

Кромѣ департамента Сены (Парижъ) есть еще нѣсколько центровъ, показующихъ настроеніе культурной Франціи, особенно департаменты Роны (Ліонъ), Сѣверный (Лилль), устьевъ Роны (Марсель) и Жиронды (Бордо).

Голосованіе департамента Роны дало слѣдующіе результаты (параллельно съ голосованіемъ 1902 года).

	1902 г. —	1906 г.
Соціалисты объед.	—	22,385
« независ.	—	15,105
Соціалисты	32,346	37,490
Радикалы-соціалисты	9,975	32,374
Радикалы	35,257	29,302
Демократы	4,796	—
Лѣвые	82,374	99,166
Прогрессисты (центръ)	34,085	32,741
Націоналисты	15,696	—
Либералы	16,554	16,614
Роялисты	570	
Правые	32,820	16,614
Оппозиція	66,905	49,355
Всего	149,279	148,521

Націонализмъ потерпѣлъ въ Ліонѣ полное крушеніе, но реакціонеры съ небольшими потерями удержали прежнія позиціи. Ослабѣлъ центръ. Исчезли умѣренные лѣвые. Вообще же Ліонъ полѣвѣлъ.

До 1906 г. представителемъ Ліона состоялъ Ланессанъ, бывшій министръ, видный прогрессистъ. Теперь онъ забаллотированъ.

Департаментъ имѣетъ 12 представителей въ парламентѣ. Эти мѣста распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Соціалистовъ объединенныхъ	2
« независимыхъ	2
Радикальныхъ соціалистовъ	4
Радикаловъ	1
Лѣвыхъ	9
Прогрессистовъ	3
S	12

Въ прошломъ отъ Ліона было два реакціонера (либералъ и raillé). Въ числѣ представителей Ліона находятся Энаръ (Aynard), одинъ изъ вождей прогрессистовъ, и Прессансэ, выдающійся соціалистическій публицистъ.

Сѣверный департаментъ (Nord) посылаетъ въ палату двадцать три депутата, всѣ партіи сильно представлены, борьба бываетъ упорная. Цифры 6 мая:

	1902 г.	1906 г.
Соціалисты объединенные	38,671	47,009
« независимые	32,675	58,846
Соціалисты	71,446	107,855
Радикалы-соціалисты	15,010	13,573
Радикалы	26,510	77,806
Демократы	62,575	29,451
Лѣвые	175,541	228,685
Прогрессисты (центръ)	76,322	43,267
Націоналисты	23,770	—
Либералы	31,823	101,739
Монархисты	56,533	20,413
Правые	112,086	122,152
Оппозиція	188,408	165,419

Съ самаго основанія республики, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, этотъ богатый горнопромышленный департаментъ былъ спорнымъ и правая съ яростью отстаивала свое господство. Она и теперь сдѣлала отчаянное усиліе, но огромная развитая ею энергія не одолѣла все лѣвѣющаго настроенія націи. Повидимому, департаментъ отвоеванъ отъ реакціи. Отъ сѣвернаго департамента избранъ Жюль Гедъ.

Департаментъ Жиронды имѣетъ тотъ интересъ, что здѣсь уже вторые выборы идетъ борьба между лѣвыми и центромъ. Правая имѣетъ значеніе лишь въ виду этой борьбы. Выборы 1902 года соединили за лѣвыхъ $69^1/_2$ тыс. голосовъ, за центръ $56^1/_2$ тыс. и

за правыхъ 44 тыс. Теперь голоса распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Соціалисты.	12,860
Рад. соціал.	12,236
Радикалы.	28,702
Демократы.	54,836
Лѣвые . . .	108,634
Прогрессисы	25,359
Націоналисты.	16,014
Либералы.	21,230
Монархисты	2,025
Правые . . .	[illegible]9,269
Оппозиція . . .	64,628

Очевидно, не только правая, но и центръ здѣсь окончательно поражены.

Въ департаментѣ устьевъ Роны (Марсель) давно нѣтъ сомнѣнія въ торжествѣ лѣвыхъ. Интересъ представляетъ эволюція партій. Голосованіе 1902 года дало 76½ тыс. лѣвымъ, 18 тыс. центру и 13½ тыс. правой. Нынѣшнее голосованіе (6 мая 1906 года) еще болѣе подчеркнуло это радикальное настроеніе марсельскаго избирательнаго корпуса. Вотъ цифры:

Соціалисты объед.	30,547
» незав.	10,501
	41,078
Рад.-соц.	14,958
Радикалы.	21,797
Демократы	4,338
Лѣвые . . .	82,171
Прогрессисты.	28,462
Монархисты	6,944
Оппозиція . .	35,406

Здѣсь уже съ правыми не спорятъ. Ихъ участь рѣшена. Націоналисты и либералы не ставятъ кандидатуръ. Націоналисты не ставятъ кандидатуръ, какъ мы видѣли, и въ департаментахъ Роны и Сѣверномъ.

Та сравнительная свобода дѣйствій, которую дали избиратели нынѣшнему радикальному министерству, налагаетъ на него огромную отвѣтственность. Нація въ правѣ ждать отъ него плодотворныхъ реформъ.

Кромѣ Франціи, происходили выборы еще въ Венгріи, гдѣ побѣдила партія независимости (кошутисты). Корона пошла на соглашеніе, но здѣсь запротестовала Австрія. Имъ, этимъ милымъ

австрійцамъ, что-то понадобилось отъ венгерцевъ, которые съ своей стороны ничего не просятъ у австрійцевъ. Къ этому важному конфликту мы еще возвратимся, когда онъ болѣе выяснится.

Въ Швеціи верхняя палата не пропустила законопроекта о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Прогрессивное министерство Стофа собиралось распустить парламентъ и спросить страну, но увлеклось борьбою съ антимилитаристами, вошло въ столкновеніе съ нижнею палатою и пало. Его замѣнили консерваторы. Судьба избирательной реформы—въ туманѣ.

Въ Италіи перемѣнилось министерство. Вмѣсто Соннино премьеромъ сталъ опять старый Джолити, министромъ иностранныхъ дѣлъ—Титтони, которому Европа обязана сердечнымъ сближеніемъ Италіи и Франціи.

На Балканскомъ полуостровѣ по прежнему неурядица, но теперь султанъ и баши-бузуки съ упованіемъ смотрятъ на Сѣверъ, на дѣйствующіе тамъ карательные отряды, подающіе имъ блестящій примѣръ энергіи и вѣрности долгу. Для баши-бузуковъ слѣдовало бы выписать оттуда инструкторовъ...

С. Южаковъ.

Вмѣсто хроники.

(Впечатлѣнія изъ трибуны журналистовъ).

I.

Лѣтъ 15 назадъ, въ Россію пріѣзжалъ критикъ Брандесъ. Онъ былъ, между прочимъ, въ Москвѣ, гдѣ профессоръ Герье любезно озаботился устройствомъ знаменитому датчанину пріема отъ имени писателей. Москва умѣетъ и любитъ устраивать торжественные обѣды и говорить на нихъ: привѣтственныя рѣчи лились безъ конца. Наконецъ, всталъ Брандесъ и очень выразительно сказалъ небольшое отвѣтное привѣтствіе.

— У насъ, въ Даніи,—сказалъ онъ,—есть старая сказка: въ одной почтенной семьѣ родился мальчикъ о двухъ головахъ: одна была головой красавца, съ прекрасными умными глазами, другая—представляла грубое чудовище. Огорченные родители отправились къ мудрому отшельнику. Тотъ внимательно осмотрѣлъ ребенка и сказалъ:

— Да, въ такомъ видѣ онъ жить не можетъ: одну голову необходимо отсѣчь...

Брандесъ, стоя за столомъ,—произвелъ рукою широкій жестъ и отчеканилъ свое «abschneiden» такъ выразительно, что почтен-

ный амфитріонъ, В. И. Герье, сильно поморщился. Но за столами раздались рукоплесканія... Брандесъ продолжалъ:

— Да... одну голову,—сказалъ отшельникъ,—необходимо отсѣчь. А которую именно,—выбирайте сами...

«Эта старая сказка,—закончилъ ораторъ,—стоитъ у меня въ памяти, когда я знакомлюсь съ вашимъ отечествомъ. Русскій народъ, какъ нація, далъ намъ Достоевскихъ, Тургеневыхъ, Толстыхъ въ литературѣ, Айвазовскихъ, Антокольскихъ, Рѣпиныхъ—въ искусствѣ, Менделѣевыхъ и Мечниковыхъ въ наукѣ... Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ вашимъ обществомъ, тѣмъ яснѣе передо мной встаетъ прекрасный обликъ націи, привлекающей симпатіи и возбуждающей надежды всей семьи культурныхъ европейскихъ народовъ. Но... рядомъ абсолютизмъ и его формы—это обликъ съ азіатскими чертами необычайной грубости... Не очевидно ли, что развиваться вашъ народный организмъ можетъ лишь при томъ условіи, если одну голову... Опять широкій жестъ и выразительное заключеніе.

— Abschneiden.. Я конечно, не имѣю надобности говорить,—которую именно...

Послѣдовалъ громъ рукоплесканій. Почтенный В. И. Герье, котораго во все время этой рѣчи «водило», точно бересту на огнѣ,—наклонился къ своему гостю-сосѣду и что-то сказалъ ему съ угнетеннымъ и жалобнымъ видомъ.—Брандесъ выслушалъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и, поднявшись, наивно посмотрѣлъ кругомъ и сказалъ совершенно серьезно:

— Господа! Мнѣ кажется, всѣмъ понятно, и безъ моихъ разъясненій, что я говорилъ лишь объ общественныхъ категоріяхъ и не имѣлъ въ виду ничьихъ головъ въ натурѣ...

II.

Этотъ маленькій эпизодъ и сказка Брандеса вспомнились мнѣ 27 апрѣля, когда, стоя у воротъ Таврическаго дворца, я смотрѣлъ, какъ во дворъ одинъ за другимъ входили депутаты, а толпа, запрудившая улицы, кричала имъ «ура!»

Итакъ,—Россія дожила до критическаго дня, когда исторія готова произвести операцію, рекомендованную отшельникомъ: правительство, организованное по типу азіатскихъ деспотій, должно отойти въ вѣчность. Къ тѣмъ положительнымъ чертамъ, какими писатель Брандесъ характеризовалъ обликъ русскаго общества,—теперь присоединяется также проснувшаяся политическая мысль широкихъ слоевъ народа: безправныя до сихъ поръ массы горожанъ и крестьянъ, не смотря на давленіе администраціи, полиціи, земскихъ начальниковъ, усмирителей всякаго ранга,—сумѣли все-таки высказать независимое мнѣніе: въ лицѣ этихъ людей, избран-

ныхъ въ разныхъ концахъ страны, во дворецъ всесильнаго екатерининскаго фаворита вступаетъ единодушная русская оппозиція. И чѣмъ несовершеннѣе была система выборовъ, чѣмъ болѣе было приложено стараній для того, чтобы исказить народное мнѣніе, чѣмъ болѣе устранялись сознательныя и рѣшительныя группы населенія,—тѣмъ всетаки выразительнѣе *этотъ* результатъ: Россія не хочетъ больше жить подъ азіатскимъ произволомъ...

Однако... чувство, возбуждаемое этимъ зрѣлищемъ у порога русской парламентской жизни,—было очень сложно...

Съ утра въ этотъ день я обошелъ и объѣхалъ значительную часть города. Въ девятомъ часу Невскій казался необычно пустымъ. Площадь у Исакія перегорожена барьерами и конными жандармами, отряды конной гвардіи выстраивались у своихъ казармъ и одинъ за другимъ тянулись къ центру. Конки не пускались дальше Полицейскаго моста... Поровнявшись съ домомъ № 88, по Невскому, я увидѣлъ, какъ отрядъ кавалеріи въѣзжалъ въ узкія ворота... Послѣдніе всадники исчезли, ворота закрылись. Ничто не показывало черезъ минуту, что здѣсь, въ глубинѣ двора— устроена своего рода цитадель и засада...

Наканунѣ газеты сообщали о разныхъ диспозиціяхъ, съ «немедленными подавленіями и разсѣяніями» съ «выстрѣлами безъ предупрежденій». Небольшія кучки на углахъ улицъ—опасливо и быстро расходились, боясь неожиданностей.

Въ такомъ настроеніи столица встрѣчала раннее утро 27 апрѣля. Въ этотъ день должна была начаться «новая эра»,—эра россійской конституціи. «Неограниченная монархія сходитъ со сцены»—говорили одни. Но еще четыре дня назадъ бюрократія подкинула Россіи новое свое порожденіе,—«основные законы», изданные, вопреки торжественному обѣщанію, безъ всякаго участія народныхъ представителей и совершенно уничтожающіе реальное значеніе государственной думы.

— «Итакъ,—говорили другіе,—россійская конституція убита, не успѣвъ еще вступить въ силу. Таврическій дворецъ будетъ ширмой, за которой деспотическій строй по прежнему станетъ распоряжаться судьбами страны»...

Въ кулуарахъ разсказывали о пріемѣ во дворцѣ. Тамъ все сошло «прилично», хотя депутаты-крестьяне, повидимому, ждали большаго отъ той минуты, когда выборные люди очутятся лицомъ къ лицу съ государемъ... Очень много говорили о переѣздѣ отъ Зимняго дворца до Таврическаго. Въ первый разъ еще пароходы съ казенными флагами совершали такой знаменательный рейсъ: въ началѣ его—Зимній дворецъ, напротивъ бастіоны Петропавловской крѣпости. Тамъ, въ каменныхъ мѣшкахъ русской Бастиліи, и теперь сидятъ люди, повинные въ томъ, что стремились къ осуществленію новаго политическаго строя. Далѣе—за Литейнымъ мостомъ, на Выборгской—мрачное зданіе тюрьмы, носящей выра-

зительное названіе «Крестовъ». Люди, сидящіе въ этомъ зданіи, имѣютъ право относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ «зарѣ русской свободы». Двери ихъ тюрьмы такъ же крѣпки, и на нихъ висятъ тѣ же замки. Говорили, что среди заключенныхъ отрицательное отношеніе къ думѣ было господствующимъ. И, однако,— такъ естественно, что всѣ обитатели камеръ, выходящихъ къ сторонѣ Невы, оказались у своихъ оконъ. По поводу пріѣзда государя въ Зимній дворецъ,—движеніе на Невѣ было совершенно прекращено, и вереница казенныхъ пароходиковъ одна взрѣзала волны опустѣвшей рѣки... Когда они поровнялись съ тюрьмой,— съ обѣихъ сторонъ прорвался внезапный, быть можетъ, неожиданный, но горячій обмѣнъ привѣтствій: изъ-за рѣшетокъ тянулись руки съ платками, съ пароходовъ махали шляпами и отвѣчали на привѣтъ...

Эпизодъ, не предвидѣнный церемоніаломъ, но, быть можетъ, наиболѣе характерный для этого перваго дня русской парламентской жизни... Четверть вѣка назадъ генералъ Лорисъ-Меликовъ, ловкій администраторъ и придворный, вообразившій себя реформаторомъ,—проектировалъ россійскую конституцію и одновременно расширялъ примѣненіе «административнаго порядка» и наказаній безъ суда... Онъ, вѣроятно, удивился бы, если бы ему сказали, что между конституціей и безсудными расправами есть непримиримое внутреннее противорѣчіе... — «Позвольте,—отвѣтилъ бы онъ, вѣроятно, на такое заявленіе:—но вѣдь «сильная власть» всетаки нужна»... А сильную власть у насъ никогда не понимали иначе, какъ силу произвола...

Прошло 25 лѣтъ... Другой ловкій дипломатъ, тоже вообразившій себя реформаторомъ, добился или, вѣрнѣе, допустилъ формальное объявленіе россійской конституціи... Но и ему не приходило въ голову, что отнынѣ «власть» обязуется проявлять себя въ законныхъ формахъ. Въ благодарность за «объявленныя права» страна приглашалась покорно подчиняться небывалому произволу... И вотъ россійская конституція объявлена оффиціально и даже церемоніально... Казенные пароходы мчатъ по Невѣ первыхъ избранниковъ перваго парламента, а съ береговъ глядятъ бастіоны и тюрьмы, по старому переполненныя жертвами обычнаго произвола... Берега Невы и улицы около Таврическаго дворца оглашаются криками: «амнистія, амнистія!..» Но ключи амнистіи у тѣхъ, кто и ранѣе могъ бы раскрыть двери тюремъ...

Герой брандесовской сказки все еще остается съ двумя головами: произволъ и права народа стоятъ рядомъ и мѣряютъ другъ друга внимательно-враждебными взглядами.

Таково тревожное общее впечатлѣніе этого дня...

III.

Я не намѣренъ, конечно, передавать здѣсь подробности перваго и дальнѣйшихъ засѣданій. Кто теперь въ Россіи не знаетъ, что собраніе открылъ товарищъ предсѣдателя государственнаго совѣта Фришъ, что С. А. Муромцевъ, еще недавно опальный профессоръ Московскаго университета, единогласно избранъ предсѣдателемъ, что Иванъ Ильичъ Петрункевичъ, внѣ порядка дня, произнесъ первую рѣчь и внесъ въ стѣны парламента единодушный крикъ, оглашавшій набережныя и улицы: «амнистію, амнистію»!.. Все это, какъ и многое другое, уже разнесено газетами во всѣ концы Россіи... Въ этихъ очеркахъ, торопливо набрасывавшихся въ трибунѣ журналистовъ, — я намѣренъ дать лишь отрывки непосредственныхъ впечатлѣній, отмѣчая эпизоды, которые мнѣ казались характерными для основного тона картины...

Одинъ такой маленькій эпизодъ закончилъ первое засѣданіе... До тѣхъ поръ Таврическій дворецъ находился цѣликомъ во власти особаго штата чиновниковъ, которые чувствовали себя полными хозяевами. Теперь, во время засѣданія, мундиры мелькаютъ всюду: особенно много ихъ видно подъ стѣнами залы, непосредственно за мѣстами депутатовъ. Предсѣдатель предлагаетъ вопросъ о ближайшихъ распорядкахъ засѣданій и проситъ рѣшить его вставаніемъ.

— Я вижу здѣсь, однако, постороннихъ лицъ, которыя мѣшаютъ счету,—говоритъ онъ и проситъ гг. чиновниковъ выйти. Однако, когда опять приходится ставить новый вопросъ,—рядъ мундировъ по прежнему каймой охватываетъ заднія скамьи. Предсѣдатель выжидающе смотритъ и затѣмъ говоритъ съ удареніемъ:

— Я всетаки вижу лицъ, не принадлежащихъ къ составу думы. Прошу исполнять мои распоряженія въ этой залѣ...

Мгновенно и безшумно открываются двери въ задней стѣнѣ и по бокамъ, и въ каждой изъ дверей мелькаютъ и исчезаютъ фигуры въ мундирахъ.

— Похоже на живую картину,—говоритъ мой сосѣдъ по трибунѣ журналистовъ.

— Да, нѣчто символическое, прибавляетъ, усмѣхаясь, другой.— Русскій парламентъ становится хозяиномъ въ своемъ домѣ...

— Однако... такъ ли легко стать хозяиномъ въ странѣ?—скептически замѣчаетъ третій...

IV.

3 мая прочитанъ проектъ отвѣтнаго адреса государственной думы на тронную рѣчь...

Адресъ составленъ нѣсколько сухо. Ему дѣлали упрекъ въ нѣ-

которомъ «отсутствіи темперамента и подъема». Но это—обычная черта коллективной работы, когда каждое слово взвѣшивается и оцѣнивается съ разныхъ точекъ зрѣнія, каждый оборотъ долженъ сглаживать рядъ еще неразрѣшенныхъ противорѣчій. Въ общемъ—выраженія адреса сдержаны, корректны, но лишены тѣхъ византійскихъ условностей, которыми раболѣпная практика снабжаетъ обыкновенно, точно сусальной позолотой, подобныя обращенія. Впослѣдствіи говорили, что одна фраза, въ которой употреблено мѣстоимѣніе («Васъ») безъ прибавленія титула (титулъ уже упоминался въ близкомъ сосѣдствѣ) показалась въ придворныхъ кругахъ даже «дерзкой». Придворные круги привыкли прикрывать многоэтажно-почтительными формами по адресу верховной власти—свое дѣйствительное вліяніе и самовластіе...

Требованія страны поставлены ясно. Въ общемъ адресъ «лѣвѣе», чѣмъ ждали отъ «кадетской думы», но и самый составъ думы въ общемъ «лѣвѣе», чѣмъ ждали отъ выборовъ при условіяхъ нашей «свободы»...

Передъ обсужденіемъ адреса, маленькій примѣрный смотръ думскихъ партій. Группа «правыхъ», съ г. Ерогинымъ во главѣ, требуетъ перерыва и отсрочки обсужденія до слѣдующаго дня. Большинство несогласно. Вопросъ ставится на баллотировку вставаніемъ. Двумя жалкими островками подымаются двѣ кучки на правой...

Придетъ, конечно, время, когда это единодушіе смѣнится спорами и столкновеніемъ противорѣчій, накопившихся въ русской жизни десятилѣтіями застоя. Но теперь, передъ лицомъ стараго порядка, въ думѣ царитъ единодушіе, какого, кажется, не бывало ни въ одномъ парламентѣ.

Около 4-хъ часовъ утра отвѣтный адресъ принятъ тоже почти единогласно. Ерогинская группа потонула и исчезла. Графъ Гейденъ и небольшое число депутатовъ вышли передъ голосованіемъ изъ залы. Графъ Гейденъ, бывшій предсѣдатель вольно-экономическаго общества, не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ гг. Ерогиными. Онъ объяснилъ, что въ общемъ согласенъ съ требованіями адреса; принципіальное несогласіе съ нѣкоторыми деталями заставило его уклониться, чтобы не нарушать единодушія думы. Итакъ—здѣсь мы имѣемъ дѣло съ «дружественной» оппозиціей... Группа рабочихъ депутатовъ (съ г. Михайличенко) тоже заявили впослѣдствіи недовольство адресомъ—со стороны его «излишней умѣренности». Значитъ, и это исключеніе лишь подтверждаетъ общій выводъ: бюрократія сама выработала наилучшую (для себя) изъ возможныхъ систему выборовъ. И выбранная по этой системѣ первая русская дума единодушно осудила бюрократію...

Мнѣніе страны высказано ясно. Слово, въ которое облечено это мнѣніе, достаточно опредѣленно... Теперь выступаетъ вопросъ: какъ же это слово облечь плотью и провести въ жизнь?

А жизнь нетерпѣливо стучится въ двери думы...

Въ одинъ изъ первыхъ дней около Таврическаго дворца ходилъ человѣкъ въ крестьянскомъ платьѣ. Онъ пришелъ издалека и принесъ просьбу. Эти «ходоки» прежде тянулись въ столицу съ туманно-романтическими мечтами о царской власти. «Какъ-нибудь... къ самому, чтобы въ собственныя руки»... «Великая Екатерина» опредѣлила такимъ ходокамъ тяжкія наказанія. Это было незадолго до пугачевскаго движенія. При послѣдующихъ государяхъ ихъ ловила въ столицахъ полиція и отсылала обратно по этапу. Я лично встрѣтилъ на сѣверѣ цѣлую группу такихъ крестьянъ изъ разныхъ губерній,—«изъ подъ Кіева и изъ подъ Пермы»—всѣ они очутились въ дальнихъ лѣсахъ на краю свѣта за свои простодушныя попытки обратиться къ источнику самодержавной власти. Имъ отвѣчали, что всѣ ихъ жалобы и нужды должны быть разрѣшаемы въ общемъ порядкѣ не лично царями, а установленными отъ царей учрежденіями и властями. Но общій порядокъ (это теперь уже признано) былъ несостоятеленъ, учрежденія безсильны, а власти не способны откликаться на народныя нужды. И этимъ же властямъ приходилось жаловаться на ихъ собственныя дѣйствія... Ходоки опять тянулись и тянулись къ столицѣ, стремясь дойти до самаго царя и быть выслушанными. А ихъ опять и опять ловили и высылали этапами... Въ такія странныя формы отливалось призрачное единеніе патріархальнаго самодержавія и народа... Въ послѣдніе годы эти наивныя надежды замѣтно угасали; ихъ успѣшно гасили порядки усовершенствованной охраны, и наблюдательнымъ приверженцамъ самодержавія это явленіе могло бы сказать очень много... Движеніе ходоковъ къ самому источнику верховной власти прекратилось... Наивныя, никогда не осуществлявшіяся надежды народа исчезали... За то въ крестьянской средѣ росли протесты, волненія и погромы...

Теперь, съ открытіемъ думы,—это наивно непосредственное стремленіе къ источнику законодательной власти возобновилось, измѣнивъ направленіе. Ходоки идутъ, съ котомками и просьбами, къ Таврическому дворцу: каждая отдѣльная деревенька шлетъ думѣ съ ходокомъ или черезъ депутата свою собственную нуждишку и жалобу: и на тѣсноту, и на высокую арендную плату, и на урядника, и на помѣщика, и на всю темноту, и на невыдачу пособій вдовамъ погибшихъ на войнѣ запасныхъ. Долго длившійся пиръ стараго порядка оставляетъ думѣ тяжкое похмѣлье. Она, конечно, по самой своей природѣ, можетъ и должна отвѣтить на эти просьбы широкой перестройкой всѣхъ близкихъ деревнѣ учрежденій... Но учрежденія мѣняться не хотятъ... И сама дума чувствуетъ себя въ положеніи ходока, принесшаго въ столицу заявленіе великой нужды всего русскаго народа, котораго «охрана» не прочь «для спокойствія» выслать этапнымъ порядкомъ...

«Конфликтъ» вотъ слово, которое чаще всего слышится въ

кулуарахъ, а нѣкоторые ораторы рабочей и трудовой группы, не привыкшіе къ строго парламентскому способу выраженій, даже въ своихъ рѣчахъ на трибунѣ замѣняютъ его болѣе грубымъ словомъ «разгонъ», вызывающимъ порой замѣчанія президента.

V.

На 5 мая думскій «президіумъ» испрашивалъ аудіенцію для представленія отвѣтнаго адреса. Съ утра 6 мая публика жадно кинулась на газеты, ожидая встрѣтить извѣстія о пріемѣ и объ амнистіи. Амнистіи не оказалось, въ пріемѣ было отказано. Адресъ предложено «всеподданнѣйше представить» черезъ министра двора.

«Конфликтъ» и «разгонъ» нависли надъ столицей, какъ туча. Впрочемъ,—въ газетахъ появилось извѣстіе, что С. А. Муромцевъ, какъ президентъ палаты, получилъ приглашеніе къ «высочайшему завтраку». Эта незначительная, тонкая черточка вносила сомнѣніе въ неизбѣжности прямого разрыва.

— «Разгона» пока, очевидно, не будетъ... Думу, просто, хотятъ «кормить завтраками»,—острили по этому поводу...

Придворные круги переживали свое маленькое торжество: имъ удалось нанести щелчокъ зазнавшимся депутатамъ «изъ мужиковъ, рабочихъ и адвокатовъ». Горячіе люди полагали, что думѣ самой слѣдовало отвѣтить «разрывомъ» на это этикетное оскорбленіе, но дума отослала къ г-ну министру свой адресъ съ своимъ фельдъегеремъ и перешла къ очереднымъ дѣламъ.

12 мая публика тѣсно наполнила ложи. Довольно неопредѣленные газетные слухи предсказывали на этотъ день рѣчи министровъ. По мнѣнію однихъ предстояла общая декларація, другіе ждали отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина на совершенно опредѣленный запросъ думы объ офиціально установленныхъ уголовно-погромныхъ махинаціяхъ «чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ».

На этотъ день, однако, и тѣ, и другія ожиданія не оправдались: министерская скамья оказалась пуста, но за то, вмѣсто г.г. министровъ, опять заговорила или, вѣрнѣе, застонала сама русская жизнь...

Послѣ перваго перерыва предстояло обсужденіе законпроекта о «неприкосновенности личности», выработаннаго комитетомъ партіи народной свободы. Можетъ быть (и даже навѣрное), можно было бы возразить противъ деталей этого проекта. Несомнѣнно, однако, что онъ широко раздвигалъ предѣлы нынѣшней русской свободы и что будь онъ *осуществленъ* сегодня,—завтра же мы почувствовали бы, какъ расправляются наши отекшіе долго связанные члены... Но обсужденіе прерывается внезапнымъ «запросомъ»... Въ Ригѣ военно-полевымъ судомъ еще 8 человѣкъ приговорены къ смертной казни...

Въ Ригѣ давно уже никакого «возстанія» нѣтъ, но военные суды продолжаютъ дѣйствовать по прежнему, съ точностью автоматически заведенной машины. Военный судъ имѣетъ право приговаривать къ смерти. И *такъ какъ* это самое тяжкое изъ наказаній, какое оставили намъ въ наслѣдіе вѣка варварства и жестокостей,—*то* судъ сильно облегченъ въ его примѣненіи. Его дѣятельность не затрудняется обычными въ менѣе важныхъ дѣлахъ гарантіями защиты и правосудія. И вдобавокъ,—военная власть по произволу можетъ отстранить послѣднюю кассаціонную жалобу осужденныхъ.

Всюду уже въ Европѣ, кромѣ Россіи, и, можетъ быть, еще Турціи, — самое существованіе такого суда не на полѣ битвы и не подъ грохотомъ пушекъ, а въ спокойной обстановкѣ судебной залы, представилось бы преступленіемъ примѣняющаго его правительства.

Теперь вопль изъ такого суда проникаетъ въ залу русскаго парламента...

Въ думѣ водворяется тишина, будто проносится вѣяніе смерти. Въ отвѣтномъ адресѣ дума уже заявила съ подавляющимъ единодушіемъ свое требованіе объ упраздненіи всѣхъ исключительныхъ судовъ и общей отмѣны смертной казни. Но... адресъ поѣхалъ съ фельдъ-егеремъ въ невѣдомое молчаливое пространство, а военные суды продолжаютъ дѣйствовать съ неуклонностью пущенной въ ходъ бездушной машины...

Однако «что-нибудь» дѣлать всетаки надо. Къ трибунѣ нервно подходитъ Кузьминъ-Караваевъ. Нѣсколько негромкихъ словъ, нѣсколько сдержанныхъ, тотчасъ же смолкающихъ рукоплесканій... Президентъ ставитъ на баллотировку предложеніе: препроводить запросъ къ предсѣдателю совѣта министровъ, немедленно, безъ соблюденія обычныхъ формальностей, съ указаніемъ на необходимость пріостановить исполненіе приговора...

— Кто возражаетъ противъ предложенія,—прошу встать.

Глубокое молчаніе. Не поднимается въ залѣ ни одинъ человѣкъ.

Еще недавно г. Способный изъ Екатеринослава защищалъ смертную казнь «въ принципѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что у него нашлось бы на правой еще нѣсколько единомышленниковъ... Но это— вообще. Теперь же за казнь по приговору военнаго суда, безъ гарантій защиты и правосудія, безъ права обжалованія не поднимается никто.

— Принято единогласно!

Тяжелое молчаніе продолжается,—нѣтъ обычныхъ рукоплесканій, встрѣчающихъ порой сколько-нибудь значительныя единогласныя рѣшенія... Всѣ чувствуютъ, что *вообще говоря*,—нужно не то, что не такъ отозвалось бы настоящее «представительство» властнаго народа на эти неправосудные ужасные приговоры, такъ легко и упрощенно рѣшающіе вопросы жизни и смерти... Этотъ эпизодъ,

ворвавшійся снаружи, изъ смятенной жизни, въ «порядокъ парламентскаго дня»,—еще разъ подчеркиваетъ продолжающееся практическое безсиліе «народной воли» и продолжающійся произволъ власти. Но всѣ сознаютъ также, что рѣчь идетъ не *вообще*, а о восьми *частностяхъ*, которыя теперь еще называются живыми людьми, а черезъ сутки превратятся въ трупы. И всѣ хватаются за первое попавшееся средство...

Предсѣдатель передаетъ секретарю резолюцію. Черезъ полчаса къ первому министру полетитъ апелляція думы вмѣсто отвергнутой жалобы защиты... Что изъ этого выйдетъ? Какъ отразится это на судьбѣ приговоренныхъ?

На каѳедру входитъ профессоръ Новгородцевъ съ докладомъ о законопроектѣ, обезпечивающемъ «неприкосновенность личности»... Симпатичная фигура, симпатичный голосъ, симпатичныя и правильныя мысли о значеніи и необходимости прекращенія произвола надъ личностью и свободой русскаго человѣка...

Но... въ залѣ все еще какъ будто стоитъ что-то, какой-то отголосокъ предыдущаго эпизода,—не то предсмертный стонъ, не то тихо пролетѣвшій кровавый призракъ, не то предчувствіе...

Вверху, хотя еще довольно свѣтло, люстры вспыхиваютъ вѣнчиками электрическихъ огней... Ровный голосъ докладчика раздается по прежнему, развертывая, укрѣпляя, ограждая гарантіями «неприкосновенность» личности русскаго человѣка отъ арестовъ безъ суда, отъ произвола, отъ административныхъ усмотрѣній... Я выхожу изъ залы... Въ кулуарахъ идутъ разговоры:

— Что вы думаете о результатахъ ходатайства?—спрашиваетъ иностранный корреспондентъ у проходящаго депутата.—Вѣдь не можетъ быть, чтобы отвергли это обращеніе *всей думы*... Неужели такъ трудно подарить жизнь восьми человѣкамъ?

— Казнятъ на зло,—угрюмо отвѣчаетъ тотъ.

— «Правительство», быть можетъ, готово бы сдѣлать эту ничтожную «уступку»,—замѣчаетъ третій собесѣдникъ,—но... вѣдь это зависитъ не отъ него.

— А отъ кого же?

— Отъ военнаго генерала, который не далъ хода кассаціи.

— Но... если военному генералу прикажутъ?..

— То военный генералъ, пожалуй, не послушается... Примѣры бывали...

— Да, это правда. Но тогда,—что же такое правительство?

— Нынѣшнее правительство—это ямщикъ бѣшеной и разнуздавшейся тройки. Если онъ гикнетъ,—тройка понесетъ еще сильнѣе... Но его крики «тпру» не производятъ никакого впечатлѣнія. Весь составъ военно-бюрократическаго строя такъ привыкъ къ беззаконію, что министры не могутъ, если бы даже захотѣли, стать европейцами въ смыслѣ просвѣщеннаго абсолютизма...

— Но если такъ, то...

— Да, положеніе, конечно, очень серьезно. Можетъ быть, еще время передать возжи въ другія руки. Но и имъ придется очень трудно...

Вскорѣ президентъ думы получилъ офиціальный отвѣтъ: «запросъ» препровожденъ военному министру... Говорили, что онъ уже запоздалъ... Но газеты сообщали, что казнь была совершена спустя 4 дня послѣ запроса...

VI.

13 мая, въ $2^1/_2$ часа дня предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ взошелъ на трибуну съ правительственной декларацiей въ рукахъ.

Содержаніе декларацiи всѣмъ хорошо извѣстно, и теперь, говорятъ, она будетъ расклеена во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ, а, быть можетъ, и въ почтовыхъ конторахъ, рядомъ съ тѣми правительственными сообщеніями, гдѣ приводились царскія рѣчи къ волостнымъ старшинамъ о томъ, чтобы крестьяне уважали частную собственность и «слушались своихъ предводителей дворянства»...

Извѣстно также, какую бурю вызвала декларація въ думѣ, и я не стану, конечно, возобновлять здѣсь запоздалый отчетъ объ этомъ по истинѣ историческомъ засѣданіи. Скажу только, что на этотъ разъ бывшіе въ думѣ ея противники не упрекали ее въ отсутствіи темперамента и подъема.

Итакъ, я не стану повторять то, что уже извѣстно. Мнѣ хочется, однако, сказать еще нѣсколько словъ не о депутатахъ, а о г.г. министрахъ.

И. Л. Горемыкина мы, сидѣвшіе въ трибунѣ журналистовъ, знали хорошо, какъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшаго, значитъ, и печатью. Мы знали, что г. Горемыкинъ человѣкъ «незложелательный» и даже «либеральный». Онъ написалъ и издалъ работу по крестьянскому землевладѣнію, значитъ, и самъ могъ отчасти считать себя писателемъ...

И однако—никогда, ни при одномъ министрѣ печать не несла столько и такихъ тяжелыхъ репрессій по такимъ ничтожнымъ поводамъ. Начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ тогда М. П. Соловьевъ, человѣкъ не совсѣмъ нормальный и когда-то задѣтый газетами... И, однако, этотъ мрачный маніакъ руководилъ «либеральнымъ» министромъ. Г. Горемыкинъ пріостанавливалъ газеты безъ объявленій, по телеграфнымъ жалобамъ и телеграфными распоряженіями, какъ будто министръ былъ только телефономъ, передававшимъ распоряженія М. П. Соловьева.

За то лица, которымъ удавалось проникнуть къ «самому» Горемыкину,—уходили отъ него, хотя и безъ результатовъ, но съ сознаніемъ, что они въ этотъ день имѣли счастіе видѣть очень ли-

беральнаго русскаго министра... Онъ выражалъ «пострадавшему» полное сочувствіе, онъ признавалъ, что и самъ на его мѣстѣ дѣйствовалъ бы такъ же,—но, на своемъ, т. е. на министерскомъ мѣстѣ, онъ—ничего иного сдѣлать не можетъ, кромѣ того, что сдѣлано. Отъ него, въ сущности, ничего, *ни-чего* не зависитъ.

Это было и либерально, и даже драматично. Но газеты и журналы пріостанавливались десятками, а сотни людей удалялись съ должностей и высылались административнымъ порядкомъ по распоряженію министра, который, въ сущности, ничего не значилъ...

Теперь этотъ «могущественный представитель сильной власти» стоялъ на трибунѣ въ роли россійскаго Бисмарка, объявляющаго первому русскому парламенту, что онъ достаточно силенъ, чтобы вести страну къ славѣ и могуществу, безъ содѣйствія народа...

Не знаю—мелькалъ ли въ памяти И. Л. Горемыкина образъ желѣзнаго канцлера, но мнѣ онъ вспомнился невольно, при взглядѣ на эту безцвѣтно приличную фигуру въ исторически-отвѣтственной роли... Да, Бисмаркъ такъ же когда-то кинулъ прусскому парламенту вызовъ, сказавъ, что онъ обойдется безъ его санкціи. Правительство Бисмарка собрало неутвержденные налоги, вело побѣдоносную войну и послѣ этого Бисмаркъ, опять явившись передъ парламентомъ, сказалъ:

— Мы побѣдили. Но мы готовы отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и отнынѣ обѣщаемъ дѣйствовать *только въ согласіи съ парламентомъ*.

И Бисмаркъ, какъ извѣстно, это свое слово сдержалъ, признавъ такимъ образомъ, что даже для Бисмарковъ прошла пора самовластія ..

Теперь русскій министръ объявлялъ войну русскому парламенту, но аргументація русскаго премьера по существу положенія совершенно обратная. Министры самодержавнаго строя никогда не знали контроля надъ своими дѣйствіями. Они разорили страну, привели ее къ нищетѣ, темнотѣ, хроническому голоданію. Потомъ вели безумную войну, понесли позорнѣйшее пораженіе, какого не знаетъ исторія. И послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, явившись передъ народными представителями, они объявляютъ, что и впредь намѣрены дѣйствовать такъ же безконтрольно и всевластно.

Впрочемъ, г. Горемыкинъ даетъ благосклонныя обѣщанія, что онъ захочетъ и сможетъ своими безсильными руками удержать бѣшеную тройку дикаго военно-административнаго произвола... И онъ хочетъ, чтобы ему вѣрили, и онъ не видитъ, почему это никто не хочетъ ему повѣрить... Вѣдь онъ когда-то былъ такимъ «либеральнымъ» министромъ внутреннихъ дѣлъ!..

Когда-то, давно, случай свелъ меня также и съ другимъ министромъ, говорившимъ въ этотъ день съ парламентской трибуны. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ одной изъ выѣздныхъ сессій нижегородскаго окружнаго суда разбирался рядъ дѣлъ о сопротив-

леніяхъ крестьянъ «шереметьевскихъ вотчинъ». Дѣла вызывались безсмысленно запутанными отношеніями между экономіей и крестьянами. Подсудимыхъ было больше сотни. Защита частью отсутствовала, частью была необыкновенно слаба. Обвинителемъ выступалъ молодой товарищъ прокурора, взявшій на себя также и роль защитника. Горячо, талантливо и убѣжденно онъ раскрывалъ бытовую основу всѣхъ этихъ дѣлъ и всюду требовалъ снисхожденія къ «виновнымъ». Присяжные скоро почувствовали эту ноту въ рѣчахъ обвинителя, и ихъ приговоры почти во всемъ совпадали съ его указаніями.

Этотъ молодой товарищъ прокурора былъ г. Щегловитовъ. Около этого же времени въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» появился рядъ статей съ его именемъ, въ которыхъ онъ обосновывалъ юридически право сопротивленія незаконнымъ распоряженіямъ властей.

Черезъ 10 лѣтъ я вновь встрѣтился съ г. Щегловитовымъ, но уже при другихъ условіяхъ. Это было въ Сумахъ. Разбиралось громкое дѣло «Павловскихъ сектантовъ», обвинявшихся въ изувѣрскомъ нападеніи на храмъ. Всѣмъ было извѣстно, что они подвергались много лѣтъ безпримѣрнымъ и совершенно беззаконнымъ преслѣдованіямъ. Многое указывало, кромѣ того, на провокацію. По распоряженію министра юстиціи Н. В. Муравьева двери суда были тщательно закрыты. Не допущены, вопреки прямому требованію закона, даже отцы и матери подсудимыхъ; защита была связана по рукамъ и ногамъ. Приговоръ, прежде объявленія его, былъ отосланъ на чье-то одобреніе въ Петербургъ...

Однимъ словомъ, это, кажется, было первое дѣло, создавшее прецеденты вопіющихъ гомельскихъ и кишиневскихъ процессовъ. Въ комнатѣ предсѣдателя (г. Чернявскаго), къ которому я явился съ наивной просьбой допустить меня въ этотъ судебный застѣнокъ въ качествѣ корреспондента,—я встрѣтилъ опять г. Щегловитова. Впрочемъ, онъ не былъ ни судьей, ни обвинителемъ. Онъ былъ только командированъ присутствовать на судѣ въ качествѣ «представителя отъ министерства юстиціи». Представителемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ жандармскій полковникъ, съ угрожающимъ видомъ записывавшій рѣчи защитниковъ...

Теперь я опять увидѣлъ г-на Щегловитова, уже въ качествѣ министра юстиціи на трибунѣ... Русская жизнь въ грандіозныхъ размѣрахъ осуществляетъ право на сопротивленіе незаконнымъ распоряженіямъ, хотя бы и въ видѣ «основныхъ законовъ», изданныхъ послѣ 17 октября безъ участія выборныхъ отъ народа. А г. Щегловитовъ, тономъ благожелательнымъ и корректнымъ,—пытается доказать, что, въ сущности, между страной и правительствомъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ разногласій: все еще можетъ уладиться, и законность отлично можно осуществлять рядомъ съ усиленными охранами и военно-полевыми судами...

Слушая теперь эту безсильную и безцвѣтную министерскую ма-

шиловщину, я съ грустью думалъ о томъ, какой огромный и страшный путь совершила русская юстиція съ тѣхъ поръ, какъ г. Щегловитовъ былъ товарищемъ прокурора, до нынѣшняго дня, когда онъ выступаетъ министромъ...

Въ кулуарахъ палаты депутаты-крестьяне собирались кучками, обсуждая декларацію. Лица были угрюмы и серьезны...

— И зачѣмъ было огородъ городить,—говорилъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ, съ загорѣлымъ лицомъ и грубыми руками...— Сколько народу безпокоили, дѣлали выборы...

— И все затѣмъ, чтобы сказать: ничего вамъ не будетъ...

— Да мы-жъ это знали и раньше. И раньше ничего не было. Не зачѣмъ было звать.

— Вотъ это такъ,—какъ у насъ докторъ: у него просятъ лѣкарства, а онъ говоритъ: одинъ день дамъ воды съ водою, а другой одной воды...

— А тутъ уже и одной воды скоро не дадутъ..

Около столовъ съ телеграфными бланками тоже толпятся фигуры въ поддевкахъ и кафтанахъ. Не совсѣмъ привычныя къ перу, грубыя руки депутатовъ крестьянъ и рабочихъ пишутъ извѣстія, которыя полетятъ въ мѣстечки и села, на хутора и на заводы:

— Не даютъ ни земли, ни воли...

А въ думской залѣ, на трибунѣ стоялъ депутатъ Лосевъ. Депутатъ Лосевъ—крестьянинъ. Очевидно, его любимое чтеніе—библія. Проходя въ кулуарахъ мимо иконы, онъ не забываетъ сотворить крестное знаменіе. Теперь—непосредственно картиннымъ языкомъ деревенскаго грамотѣя онъ говоритъ о тѣхъ надеждахъ, съ которыми выборщики провожали его въ Петербургъ... Что онъ скажетъ пославшимъ его крестьянамъ? Что дѣлать народу, лишенному надежды?.. Народъ,—говоритъ депутатъ Лосевъ,—это Самсонъ, ослѣпленный и обезсиленный, котораго привели на пиръ и надъ которымъ насмѣялись... Но Самсонъ нашелъ столпы пиршественнаго зданія, сотрясъ ихъ и обрушилъ зданіе, говоря:

— Умри, душа моя, вмѣстѣ съ филистимлянами...

Депутатъ Лосевъ можетъ, пожалуй, оказаться пророкомъ. Дворцовая партія, гдѣ теперь сосредоточены многія пружины, если не исторіи, то сопротивленія исторической необходимости,—слишкомъ легко забываетъ даже ближайшія событія: передъ 17 октября Россія уже была охвачена огромнымъ движеніемъ. Испуганное его небывалыми размѣрами и отчасти анархическимъ характеромъ, правительство рѣшило опереться на организованныя общественныя силы. Оно говорило, устами премьеръ-министра, что для успѣха этого начинанія необходима *прямота* и *искренность...*

Теперь гдѣ эта прямота? Гдѣ эта искренность?

Россія, содрогавшаяся передъ невѣдомыми судьбами стихійнаго

движенія, остановилась въ раздумьи... Казалось, потокъ событій задерживается, точно у острова, около народнаго представительства... Но вотъ, когда депутаты Лосевы, напутствуемые пожеланіями и надеждами, явились въ думѣ, оказалось, что право народа подмѣнено еще разъ самовластіемъ чиновниковъ. Таврическій дворецъ похожъ на огромную фабрику, въ которой народные представители должны были выковать новыя основы жизни. Въ ней поставленъ и пущенъ въ ходъ новый двигатель, но... кто-то утащилъ приводы... Двигатель работаетъ на всѣхъ парахъ, а въ жизни ничто не двигается въ соотвѣтствіи съ его работой...

Есть какая-то грозная логика въ этомъ потокѣ событій... Правительство успѣло обезсилить русскій парламентъ, который само созвало. И онъ, вмѣсто творческой работы, сталъ гигантской трибуной, съ которой, какъ тревожный набатъ, раздается всенародное обличеніе того же правительства.

Долго это тянуться не можетъ. Потокъ новыхъ событій готовъ двинуться дальше, унося съ собой и тотъ островокъ, у котораго его пытались остановить, а съ нимъ и очень многое, что считаетъ себя незыблемымъ.

И если депутату Лосеву суждено стать пророкомъ, то многіе изъ тѣхъ, которые ставятъ теперь препятствія «лѣвому парламенту»—современемъ будутъ вспоминать о самыхъ крайнихъ членахъ самой крайней группы государственной думы, какъ о кроткихъ агнцахъ, съ которыми пріятно бы вновь имѣть дѣло...

Вл. Короленко.

Случайныя замѣтки.

Чрезвычайная охрана въ обыкновенныхъ условіяхъ.

Есть мѣста, гдѣ чрезвычайная охрана находится въ рукахъ особенно лютыхъ Нероновъ Помпадуровичей. Изъ такихъ мѣстъ раздаются изумительные жалобы и вопли. Однако, болѣе широкое значеніе имѣютъ не исключенія, а общія правила. Поэтому я позволю себѣ нѣсколькими чертами обрисовать самую обыкновеннѣйшую изъ охранъ—нижегородскую, находящуюся въ рукахъ самаго дюжиннаго, самаго ординарнаго изъ губернаторовъ—барона К. П. Фредерикса.

Нижегородскій баронъ является со всѣхъ точекъ зрѣнія самымъ обыкновеннымъ губернаторомъ. Послѣ юнкерскаго образованія онъ послужилъ отечеству въ гусарскихъ рядахъ, гдѣ, какъ оказывается,

почерпнулъ знаній достаточно, и чтобы цензуровать газеты, и чтобы распоряжаться судьбою почти двухъ-милліоннаго населенія цѣлой губерніи. На что только не способенъ военный человѣкъ!.. Родители не оставили барону ни большихъ денегъ, ни большихъ имѣній, такимъ образомъ, и съ этой стороны нижегородскій губернаторъ не выдѣлился изъ обыденнаго правила. Нельзя зачислить барона въ исключенія и съ точки зрѣнія ума: никто не называетъ его человѣкомъ глупымъ, а также никто не говоритъ, чтобы онъ былъ выдающейся умницей. Однимъ словомъ, съ какой стороны ни взять—баронъ человѣкъ обыкновенный.

Въ «дни свободы» наравнѣ съ очень многими баронъ повѣрилъ, что le jour de groire est arrivé. Усвоивъ эту мысль, ронъ, по крайнему своему разумѣнію, сталъ воплощать идею «конституціоннаго губернатора». Держимордамъ было сказано, чтобы они послабѣе работали кулаками, и рядомъ съ этимъ баронъ постоянно сталъ совѣтоваться съ «почтенными нижегородскими дѣятелями и гражданами». Эти совѣтники начали входить къ барону совершенно свободной походкой, говорили просто и держались безъ стѣсненій. Результаты получились пріятные: вторая половина октября и ноябрь обошлись безъ всякихъ погромовъ и избіеній. Въ сердцахъ нижегородскихъ земцевъ зацвѣла сирень и собраніе постановило просить Петербургъ о томъ, чтобы конституціонный баронъ былъ оставленъ губернаторомъ въ Нижнемъ..

Теперь, когда послѣ «дней свободы» много воды уже утекло и еще больше разбилось иллюзій, нижегородскіе земцы съ гримасою вспоминаютъ, какъ они сами себѣ просили губернатора... Баронъ измѣнился, какъ и многое измѣнилось съ реакціей на Руси. О воплощеніи идеи конституціоннаго губернатора мечты забыты и воспоминанія запрещены. На сцену выступило неукоснительное приложеніе правилъ охраны во славу Дурново и ему на удовольствіе. И земцы это видятъ и стыдятся. Какъ разъ продѣлали то, что осмѣяно въ извѣстной баснѣ...

Декабрьскіе дни застаютъ барона уже въ роли обыкновеннаго губернатора, борящагося съ крамолой. Отъ временнаго сердечнаго размягченія не осталось и слѣда. «Почтенные нижегородскіе дѣятели и граждане» отучены отъ дворца сухимъ и оффиціальнымъ:

— Чѣмъ могу служить?..

Да, все вошло въ свое русло и покатилось согласно со старымъ русскимъ помпадурскимъ обычаемъ.

«Потому ли, что либерализмъ могъ скомпрометтировать его въ глазахъ Дурново, потому ли, что онъ получилъ прямыя указанія изъ Петербурга, но въ декабрѣ баронъ Фредериксъ счелъ нужнымъ *рѣзко измѣнить* свое поведеніе и выступить въ роли укротителя возстанія, котораго не было»...

Такъ говоритъ Нижегородецъ въ № 21 «Молвы» и далѣе очень убѣдительно описываетъ превращеніе плохенькаго Павла въ хорошаго Савла.

Въ «дни свободы» митинги въ Сормовѣ стали самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Къ нимъ всѣ привыкли и шли на нихъ столь же просто и покойно, какъ ходятъ въ театръ или въ церковь. Въ день «возстанія», какъ и прежде, толпа сормовскихъ рабочихъ, закончивъ работу, направилась въ столовую «послушать ораторовъ». Все какъ будто происходило по старому, но въ умахъ нижегородскихъ «сыновъ Дурново» была рѣшена уже перемѣна курса. До сихъ поръ никто не мѣшалъ рабочимъ ходить толпой въ столовую, но на этотъ разъ предъ рабочими появилась полиція и стала требовать, чтобы разошлись.

За симъ событія покатились быстро, глупо и жестоко. Возникла перебранка, раздались удары, выстрѣлы... Затѣмъ затрещалъ казачій залпъ... затѣмъ послѣдовалъ разстрѣлъ перебѣгающихъ улицы... Тамъ и сямъ растянулись убитые, съ разныхъ сторонъ раздались стоны раненыхъ. Маленькая кучка рабочихъ вздумала соорудить баррикаду, что немедленно дало поводъ палить изъ пушекъ... Такимъ образомъ, былъ созданъ и раздутъ «грозный» бунтъ, о размѣрахъ котораго нужно было заключать по необходимости пушечныхъ выстрѣловъ, что въ свою очередь поднимало побѣдителей и усмирителей на высокій пьедесталъ. Все это очень печально, но за то этимъ хорошо покрываются грѣхи и увлеченія ролью «конституціоннаго губернатора».

Второй «ужасный мятежъ» грянулъ въ Канавинѣ на вокзалѣ. Здѣсь собрались на митингъ человѣкъ сто совершенно мирныхъ людей. Бывало это много разъ и прежде во «дни свободы», но тутъ наступило измѣненіе курса, и противъ митинга были приняты мѣры. Къ вокзалу подступила большая толпа черни, руководимая, между прочимъ, и полицейскими, и выказала явное намѣреніе перебить «забастовщиковъ». Маленькая горсточка собравшихся на митингъ, спасая свою жизнь, забаррикадировалась на вокзалѣ. И вотъ тутъ тоже появились пушки и шрапнели полетѣли въ залъ...

И корреспонденты разныхъ газетъ, и многіе нижегородцы съ глубокимъ убѣжденіемъ увѣряютъ, что легко было избѣжать кроваваго трагизма обоихъ «возстаній»—и сормовскаго, и канавинскаго. Почти два мѣсяца свободно разрѣшалось то, что вдругъ оказалось и запрещеннымъ, и преступнымъ. Развѣ это умно и тактично? Люди успѣли привыкнуть и къ митингамъ, и къ рѣчамъ, а тутъ совершенно неожиданно команда—молчать и расходиться! Конечно, это разжигаетъ страсти и естественно даетъ поводъ желающимъ призвать казаковъ и артиллерію.

Но еще худшее впечатлѣніе производятъ разстрѣлы безъ всякаго суда и слѣдствія заарестованныхъ людей. Такъ погибъ, напримѣръ, Шимборскій. Полиція забрала его на дому и совершенно

здороваго увела въ часть. На другой день родные Шимборскаго нашли его въ мертвецкой съ нѣсколькими пулевыми ранами въ тѣлѣ... Кто убійца этого несчастнаго человѣка? Разслѣдовалъ ли баронъ Фредериксъ это вопіющее, страшное дѣло? Или, можетъ быть, баронъ считаетъ, что охрана существуетъ не для защиты жизней заурядныхъ обывателей, а для охраны преступныхъ администраторовъ отъ заслуженнаго наказанія? О наказаніи убійцъ Шимборскаго ничего не слышно, а тюрьмы переполнены людьми лишь за сочувствіе освободительному движенію.

Конечно, сущность пріемовъ для «усмиренія бунтовъ» въ уѣздахъ ничѣмъ не отличается отъ сущности мѣропріятій въ городѣ. Корреспондентъ «Молвы» знакомитъ насъ съ отвратительнымъ происшествіемъ, носящимъ названіе—«Васильсурскій мятежъ». Старшина Прошинъ и его правая рука—мѣстный волостной писарь въ теченіе 6 лѣтъ «разворовывали всю волость». Все это творилось подъ дреманнымъ окомъ начальства. Крестьяне долго страдали и терпѣли, но въ «дни свободы» ободрились духомъ, прогнали воровъ и избрали новаго старшину. Этотъ простой и естественный фактъ окрестился въ Нижнемъ именемъ «избранія временнаго правительства». И вотъ люди, 6 лѣтъ не принимавшіе мѣръ противъ хищеній, вдругъ оказались охваченными необыкновенной дѣятельностью. И еще бы: вѣдь теперь предстояло не воровъ сокращать, а усмирять проявленіе самостоятельности. Въ село Троицкое отправились стражники, урядники, становой, исправникъ съ помощникомъ и земскій начальникъ. Новый старшина былъ немедленно схваченъ, а съ нимъ еще одинъ крестьянинъ, очень уважаемый во всей округѣ. Конечно, крестьянамъ стало жаль своихъ «лучшихъ людей». Похлопотать за нихъ взялся священникъ, но тщетно... Тогда толпа окружила избу съ начальствомъ и стала просить колѣнопреклоненно освобожденія. Отпоръ въ рѣзкой формѣ вызвалъ споръ. Дальше — больше. Раздались выстрѣлы стражниковъ и урядниковъ. Самъ исправникъ сталъ палить въ толпу изъ револьвера. Упали мертвые, застонали раненые... Однимъ словомъ, «какъ всегда». Однако, крестьяне не разбѣжались, и въ итогѣ исправникъ, земскій начальникъ и кое-кто изъ стражниковъ былъ побитъ... Теперь въ село послано 50 казаковъ... Кромѣ убитыхъ и раненыхъ не мало крестьянъ окажутся избитыми и еще больше окажется въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ. Между тѣмъ, развѣ не виноваты тѣ люди, которые 6 лѣтъ позволяли «разворовывать всю волость»? Развѣ можно допустить, чтобы вся волость несправедливо обвинила старшину Прошина и писаря? Этого допустить нельзя, и самъ законодатель высказываетъ довѣріе къ «голосу народа», вручая ему право ссылки по приговорамъ. Итакъ, вся пролитая здѣсь кровь падаетъ на голову попустителей хищеній. А затѣмъ эти преступные попустители проявили совершенно турецкую манеру въ дѣлѣ ненужнаго усмиренія, въ дѣлѣ подавленія несуществующаго бунта, такъ какъ

изгнаніе вора не есть мятежъ, а, въ крайнемъ случаѣ, есть лишь нарушеніе нѣкоторыхъ формальностей. Начальство, шесть лѣтъ покровительствовавшее ворамъ, гораздо болѣе виновато, чѣмъ крестьяне, смѣстившіе вора безъ соблюденія всѣхъ формальныхъ правилъ. Но въ итогѣ и воры, и попустители подъ судъ не попадаютъ, а наказываются лишь «бунтовщики». И это старая, престарая черта плохого русскаго правосудія: крайняя снисходительность, даже бездѣятельность по отношенію къ негодяямъ, находящимся въ кумовствѣ съ чинами, и свирѣпая жестокость противъ всего, что попахиваетъ свободой.

Вы можете горло себѣ надорвать криками:—«Караулъ! грабятъ!!..»—ухо начальства на это глухо. Шесть лѣтъ Троицкая волость кричала—«караулъ» и этого гг. власть имущіе не слыхали, а услышали и казаковъ послали лишь тогда, когда воръ пожаловался, что его прогнали. Совершенно то же встрѣчаемъ мы и по другому дѣлу. Въ № 5 «Нижегор. Газеты» напечатано, что въ с. Катункахъ умеръ старшина Шиловъ, а земскій начальникъ Панютинъ переводится въ г. Семеновъ.

Бѣдная газета, которая, «пользуясь» послѣ 17 октября «свободою слова», вынуждена писать такими загадками. Но ничего не подѣлаешь, когда чрезвычайная охрана даетъ барону право зажимать ротъ за непріятную ему правду. Сообщеніе «Нижегор. Газеты» становится понятнымъ, если сравнить его съ корреспонденціей изъ Н.-Новгорода въ № 62 «Руси». Здѣсь говорится, что земскій начальникъ Панютинъ перебралъ у Шилова изъ волостной кассы 400 р., и бѣдный старшина, вслѣдствіе этого наказанія за растрату, наложилъ на себя руки.

И что же въ итогѣ? «Земскій начальникъ Панютинъ переводится въ г. Семеновъ». По какой это статьѣ наложено наказаніе? Человѣкъ принудилъ подчиненнаго сдѣлать растрату, довелъ подчиненнаго до самоубійства и за это повышенно переведенъ изъ села въ городъ!.. Таково нижегородское «чрезвычайно охранительное» правосудіе барона Фредерикса... И этотъ же баронъ отлично переварилъ кончину Шимборскаго.

Однако, удивляться здѣсь особенно нечему, такъ какъ люди подобрались въ Нижегородской губерніи вполнѣ... подходящіе. Вотъ, напримѣръ, характеристика, сдѣланная мѣстнымъ старожиломъ—предсѣдателемъ губ. земской управы А. А. Савельевымъ («Ниж. Листокъ» № 265):—«Мало ли у насъ шальныхъ приставовъ и исправниковъ! Возьмите хоть Ардатовскій у., гдѣ *царитъ* Самосудовъ»... И вотъ такихъ людей баронъ въ силу своей «чрезвычайной» власти въ тюрьму не сажаетъ.

Въ № 10613 «Нов. Вр.» нижегородскій корреспондентъ вѣрно указываетъ, что нижегородскіе «сыны Дурново» «вмѣсто надзора

за спокойствіемъ обывателей занимаются главнымъ образомъ надзоромъ за душевнымъ состояніемъ гражданъ.

Въ результатѣ безнаказанные грабежи и разбои».

Политика, политика заѣла нижегородскаго барона и К°. И это понятно. Развѣ на разслѣдованіяхъ простыхъ кражъ, эпидемій и неурожаевъ карьеру себѣ можно составить! Да никогда! Обратить на себя вниманіе начальства можно пушечной пальбой и залпами, а затѣмъ донесеніями, что мятежники усмирены. Вѣдь и Плеве, и Муравьевъ, и многіе другіе составили себѣ карьеру только политикой, только борьбою съ крамолой.

Въ томъ же № 10613 «Нов. Вр.» нижегородскій корреспондентъ пишетъ: «Безобразія хулигановъ и золоторотцевъ достигли крайнихъ предѣловъ... Полиція бездѣйствуетъ. Гдѣ дежурятъ кадры городовыхъ, на содержаніе которыхъ городъ расходуетъ средства— извѣстно только одному начальству».

Главная тайна, конечно, вѣдома барону и его близкимъ, но немногое узнала и публика. Въ «Ниж. Листкѣ» между прочимъ въ хроникѣ напечатана такая замѣтка: «*Городовой — кучеръ*. При разбирательствѣ у мир. судьи дѣла Горностаева свидѣтель городовой Моховъ объяснилъ, что онъ состоитъ кучеромъ у пристава 1-ой части Пуарэ»...

Въ газетѣ «Рѣчь» недавно было, между прочимъ, совершенно вѣрно замѣчено:—«Въ провинціи стало совсѣмъ плохо жить: на почвѣ искорененія революціи самымъ безцеремоннымъ образомъ сводятся личные счеты». Хорошо иллюстрируютъ эту мысль газетныя сообщенія изъ Н.-Новгорода.

Въ силу охраны въ тюрьму и въ ссылку попадаетъ чуть ли не въ первую голову присяжный повѣр. Жемчуговъ *). Какъ на причины гоненій, газета указываетъ на «энергичное участіе Жемчугова въ разслѣдованіи избіеній 11-го іюля, на жалобу Жемчугова, что приговоръ надъ Никифоровымъ былъ исполненъ въ отсутствіи надлежащихъ властей, на защиту извозчиковъ, на веденіе процесса противъ помощ. нижегор. полицейм. Игнатьева». Кромѣ того, Жемчуговъ «велъ цѣлый рядъ протестовъ противъ неправильныхъ дѣйствій мѣстной полиціи». Конечно, такая дѣятельность породила лишь сильную личную непріязнь къ Жемчугову, и въ итогѣ онъ по «охранкѣ» попадаетъ въ заточеніе и въ ссылку.

Участь Жемчугова выпала на долю многихъ другихъ «непріятныхъ» людей. Докторъ Долгополовъ, сотрудникъ умѣреннѣйшаго «Волгаря»—Яворскій, доктора Либинъ и Лежава и очень многіе менѣе видные нижегородцы лишились свободы «въ порядкѣ охраны», то есть по инквизиціонному способу тайныхъ извѣтовъ со стороны шпіонскихъ подонковъ общества. Всѣ эти люди, конечно, повто-

*) „Русь“.

ряютъ за поэтомъ: «Оправдаться есть возможность, да не спросятъ—вотъ бѣда!..» Ходятъ слухи, будто Долгополову поставлено въ вину, что онъ назвалъ тяжело больнымъ одного «политическаго», и потомъ далъ ему возможность скрыться изъ больницы, но извѣстно, что діагнозъ былъ поставленъ не Долгополовымъ и побѣгу онъ не помогалъ. Такимъ образомъ, этотъ слухъ оказался ложью, а гдѣ правда—про то не извѣстно кто вѣдаетъ.

Послѣ «усмиренія бунтовъ» въ Сормовѣ, Канавинѣ и с. Троицкомъ нижегородскій баронъ и другіе мѣстные «сыны Дурново» систематически взялись за «бѣлый терроръ», за устрашеніе. «Всяка душа да опасно ходитъ». Права охраны давали полную возможность дѣлать все, что «лѣвая нога хочетъ», и работа закипѣла.

Закрыли Всесословный клубъ съ его библіотекой, стоющей болѣе 20 тысячъ руб., закрыли, какъ «очагъ неблагонадежности»... Закрыли Народный домъ, городскую библіотеку и Сормовское общество потребителей, имѣющее милліонный оборотъ. Всѣ эти разгромы малочисленныхъ нижегородскихъ культурныхъ учрежденій были совершены темнымъ административнымъ порядкомъ. Гласнаго разбора не было и не будетъ и не представится поэтому случая опровергнуть извѣты, мстительные доносы негодяевъ, которые никогда не рѣшились бы публично сказать то, что безсовѣстно докладываютъ въ тайныхъ кабинетахъ. Нижегородцы настойчиво называютъ всѣ эти «охранныя мѣры» простымъ произволомъ, и безъ гласнаго суда приходится, конечно, принимать эту заслуженную характеристику.

Само собою разумѣется, гоненія нижегородскаго барона обрушились и на мѣстную печать. Баронъ не былъ бы достоенъ названія сына Дурново, если бы не подушилъ свободное слово. Первою жертвою палъ «Нижегородскій Листокъ», давно ненавидимый барономъ. Въ свое время, когда баронъ былъ еще только «вицемъ» и за 600 руб. въ годъ цензорскимъ карандашемъ вытравлялъ все живое изъ безправнаго «Листка», еще въ то время баронъ добился неправильной жалобой 8-мимѣсячной пріостановки. Сторонники «Листка» предприняли хлопоты и сумѣли такъ разъяснить дѣло, что самъ баронъ не разъ признавался, что «Листокъ» очень повредилъ его карьерѣ, то есть переходу изъ вице-помпадуровъ въ настоящіе. Что могло вырости на такой почвѣ, кромѣ ненависти барона къ газетѣ? Правда, газета успѣла перейти въ другія руки, смѣнились сотрудники, измѣнилось направленіе, но сильная ненависть мститъ до пятаго колѣна и далѣе.

12-го апрѣля по распоряженію нижегородскаго барона закрытъ «Нижегородскій Листокъ». По словамъ газетъ—«XX вѣкъ» № 21, «Слово» №444 и др.—эта мѣра была мотивирована напечатаніемъ замѣтки—«Случай на Острожной Площади». Невиннѣе этой замѣтки трудно что-либо придумать. Нѣкто Тихомировъ съ женой шелъ мимо тюрьмы и, вспотѣвъ, снялъ шляпу и утерся платкомъ. Это принялъ за «перемахиваніе» постовой городовой, который отвелъ

Тихомировыхъ въ участокъ, при чемъ дорогой былъ грубъ. Послѣ допроса Тихомировы изъ участка, конечно, были освобождены.

Вотъ и все содержаніе «опасной» статьи... Все описанное чистѣйшая правда, но барону будто бы не понравилось оглашеніе въ газетѣ, что городовой былъ грубъ. Городовой не можетъ быть грубымъ. О городовыхъ можно писать лишь хорошее... Конечно, безъ ненависти, давнишней ненависти къ газетѣ за статью, подобную «Случаю на Острожной площади» органа не прекращаютъ. Надо еще сказать, что незадолго до прекращенія «Листокъ» былъ оштрафованъ на 500 руб. за перепечатку нѣсколькихъ строкъ изъ фельетона Яблоновскаго, гдѣ употреблялось непріятное нижегородскому барону выраженіе—«сыны Дурново». Но штрафъ безсудный, нелѣпый и несправедливый показался недостаточнымъ и рѣшено было закрытіе... Вотъ въ какихъ рукахъ находится бѣдное, провинціальное русское слово, объявленное «свободнымъ» 17-го октября...

И еще надо замѣтить, что съ декабря 1905 г. «Нижегородскій Листокъ» перешелъ къ партіи народной свободы и сталъ чрезвычайно умѣренной и скромной газетой. Его редакторъ, считаясь съ чрезвычайной охраной и всячески стараясь не дать малѣйшаго повода къ карѣ, былъ какъ нельзя болѣе остороженъ! Но слѣдуетъ помнить басню о волкѣ и ягненкѣ...

Столичная пресса по поводу задушенія «Листка» послала нѣсколько теплыхъ словъ по адресу нижегородскаго барона. Въ отвѣтъ на это, вотъ что появилось («Веч. Газ.» № 91): «Губернаторъ объявляетъ, что закрытіе «Нижегор. Листка» послѣдовало не только за одну замѣтку—«Случай на Острожной площади», а за цѣлый рядъ другихъ статей, проявившихъ вредное направленіе газеты».

Оставляя въ сторонѣ малограмотное выраженіе, позволяющее думать, что «вредное направленіе» газеты можетъ будто бы существовать, не проявляясь въ содержаніи статей, оставляя въ сторонѣ эту цензорскую литературность, обратите вниманіе на инквизиціонный іезуитизмъ объявленія: вредныя статьи не поименованы, и тѣмъ отрѣзана всякая возможность провѣрки... Будь статьи указаны, немедленно оказалось бы, что онѣ еще невиннѣе «Случая на Острожной площади»... Но туманное обвиненіе гораздо удобнѣе.

Конечно, гоненія обрушились не только на «Листокъ». Въ типографіи Волкова и въ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ былъ конфискованъ календарь, изданный Л. А. Мукосѣевымъ, *разрѣшенный къ печати цензоромъ 16 дек. 1905 г.* Такова баронская чрезвычайно охранительная законность.

По свѣдѣніямъ «Русск. Слова» и «Бирж. Вѣд.» «чрезвычайная охрана въ Н.-Новгородѣ отразилась и на дѣятельности театра. Примѣняются крайнія репрессіи, доходящія до курьеза: на-дняхъ

артисты вмѣсто «Марсельезы», полагавшейся по пьесѣ, пѣли «Козлика»...

Печальная участь постигла и двѣ новыхъ нижегородскихъ газеты: «Утро» — Соболева и «Судоходецъ»—Хитровскаго. Первый номеръ «Утра» былъ конфискованъ, Соболевъ немедленно брошенъ въ тюрьму, а типографія Ройскаго, напечатавшая газету, закрыта и оштрафована въ 3.000 руб.

Ройскій пошелъ къ его всемогуществу нижегородскому барону и взмолился: вѣдь нѣтъ статьи, дающей право громить типографію, когда есть козелъ и купленія въ видѣ отвѣтственнаго редактора. Если громить типографію, то послѣдовательно было бы казнить и наборщиковъ. Нижегородскій властелинъ строго отвѣтилъ, что по его мнѣнію хорошо бы и наборщиковъ пробрать...

Ф. П. Хитровскій — давнишній сотрудникъ «Нов. Вр.», гдѣ, какъ извѣстно, не работаютъ ни *с.-р.*, ни *с.-д.*, ни даже *к.-д.* Г-нъ Хитровскій задумалъ издавать еженедѣльный «Судоходецъ», посвященный вопросамъ волжскаго транзита. Редакція помѣстилась на биржѣ, которая въ Нижнемъ, какъ извѣстно, почти что «благоразумно-черносотеннаго» направленія. И всетаки первый же номеръ «Судоходца» схваченъ нижегородскими сынами Дурново и Хитровскому моментально предложено уплатить 500 руб. кесарю или иначе идти въ тюрьму... Это все, должно быть, за вредное освѣщеніе волжскаго транзита!

Даже вѣрноподданный «Волгарь» получилъ охранительную трепку. Въ № 35 «XX вѣка» мы читаемъ: «Волгарю» чрезъ чиновника особыхъ порученій Мельникова было сдѣлано строгое внушеніе, не печатать «вредныхъ» сообщеній!..

Совершенно понятно, что и выборы въ Государственную Думу не могли пройти безъ вліянія чрезвычайной охраны. Изъ Лукьяновскаго уѣзда пишутъ: «Всѣ кадеты потерпѣли полное пораженіе. Во время выборовъ передъ окнами гарцовали 40 конныхъ стражниковъ съ оружіемъ и нагайками, а у дверей стояли полицейскіе съ ружьями. По поводу бывшихъ ранѣе митинговъ производятся усиленныя дознанія, и у многихъ даже умѣренно либеральныхъ людей дѣлаются обыски»...

Таковы уѣздныя картинки. Но и въ самомъ Нижнемъ дѣло прошло не лучше. Во время выборовъ членовъ Думы крестьянинъ В. П. Филатовъ заявилъ предсѣдателю—губ. пред. дворянства Прутченко, что нѣкоторые люди зазываютъ крестьянъ-выборщиковъ въ трактиры и тамъ *даромъ* угощаютъ виномъ, пивомъ и кушаньями, при чемъ просятъ голосовать за милліонера купца Бугрова и дворянина-октябриста Остафьева. Это заявленіе подтвердили и другіе выборщики. Выборщики к.-д. партіи стали требовать занесенія заявленія въ протоколъ, но Прутченко («Рѣчь» № 49) «обрывалъ»

заявителей и увѣрялъ, что и за-границей повсюду есть подкупъ... Конечно, такое замазываніе скандала имѣло мѣсто лишь потому, что изобличенными оказались «благоразумные черносотенцы», столь любезные сердцу нижегородской охраны.

Въ итогѣ нижегородскіе выборы дали очень плачевные результаты. Только отъ города попалъ въ думу извѣстный земецъ А. А. Савельевъ, да въ выборномъ собраніи прошелъ умѣренный балахнинскій предсѣдатель Зубковъ. Остальные—все крестьяне, характеризуемые печатью «мало-грамотными» и «безпартійными», что, можетъ быть, отмѣчаетъ лишь безобиднѣйшія ихъ качества. Въ государственный совѣтъ отъ *земства* проскочилъ А. Б. Нейдгардтъ, бывшій екатеринославскій губернаторъ, «*земецъ*» лишь потому, что въ прежнее время служилъ *земскимъ* начальникомъ...

Пришелъ день 27-го апрѣля. До чуткаго уха нижегородскаго барона долетѣлъ слухъ, что кое-кто желаетъ отпраздновать этотъ день открытія думы: въ городской управѣ вознамѣрились не работать, въ учебныхъ заведеніяхъ надумали праздничать, въ нѣкоторыхъ торговыхъ заведеніяхъ и на нѣкоторыхъ заводахъ захотѣли тоже прервать дѣло. Баронъ энергично воспротивился. Еще бы, можно было бы праздновать разгонъ думы, введеніе чрезвычайныхъ охранъ, превращеніе барона изъ вице-сына Дурново въ дѣйствительнаго помпадура, и т. д., но праздновать открытіе парламента?!.. да развѣ это не крамола? И раздалось «строгое распоряженіе»: («Русск. Сл.» № 9, «Ниж. Газ.» и № 35 «XX вѣка»). — «Занятія нигдѣ не должны прерываться. Ослушники будутъ приравнены къ *забастовщикамъ*». Головѣ баронъ объявилъ особо, что «*не сочувствуетъ* прекращенію занятій»... «Празднество,—говоритъ «Наша Жизнь»—повсюду отмѣнено».

«Сочувствіе» барона, не смотря на то, что у всякаго барона—своя фантазія, нормируетъ чрезвычайно охраненную нижегородскую жизнь... И всѣ подчиняются, потому что извѣстно, что такое быть «приравненнымъ къ забастовщикамъ». «Забастовщиковъ» безнаказанно разстрѣливаютъ отъ восточной Сибири до Западной русской границы, въ «забастовщиковъ» палятъ изъ пушекъ на нижегородскомъ вокзалѣ; «забастовщикомъ» былъ названъ Шимборскій, и поэтому кто-то и гдѣ-то безъ суда и слѣдствія убилъ его, какъ зайца, и сдѣлалъ это безнаказанно. Подъ такой угрозой трудно праздновать думское торжество.

Нижегородецъ въ № 35 «XX вѣка» говоритъ: «Зачѣмъ администрація продѣлала все это—трудно сказать. Возможно и то, что Фредериксъ, *стараясь удержать чрезвычайную охрану*, представляетъ предъ центральной властью нашъ смирный городъ, въ которомъ не было никакихъ безпорядковъ, очагомъ революціи, для

подавленія которой онъ долженъ принимать чрезвычайныя мѣры. Каждый старается отличиться по своему». S.

P. S. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы нижегородская чрезвычайная охрана чѣмъ-нибудь курьезнымъ не ознаменовала своего существованія. Поэтому и къ оконченной уже моей замѣткѣ приходится добавить еще нѣсколько словъ.

Въ № 22 «Нижегор. Газеты» травимый губернаторомъ редакторъ-издатель «Судоходца»—Ф. П. Хитровскій пишетъ, что съ его газетой опять случилась исторія. Типографія нижегородскаго губернскаго правленія, гдѣ «Судоходецъ» печатался, проявила желаніе *«цензуровать газету»*... Въ № 25 «Нижегор. Газ». завѣдующій губерн. типографіей — Барышевъ по поводу жалобы Хитровскаго пишетъ: «Если типографія и отказалась пропустить въ № 2 «Судоходца» рѣзкую статью по своему содержанію, то сдѣлала это только *на основаніи обязательнаго постановленія нижегородскаго губернатора отъ 15 декабря 1905 г.»*.

Здѣсь оффиціально констатируется, что нижегородскій баронъ позволилъ себѣ навязать типографіи роль цензоровъ. Это и незаконно, и не умно.

Въ № 76 «Рѣчи» напечатано: «Фредериксъ сдѣлалъ внушеніе редактору-издателю «Судоходца», заявивъ ему, что закроетъ газету, если въ ней появится извѣстіе о конфискаціи перваго номера».

Терпи молча, чтобы оглашеніе не напомнило жалобы. Таково желаніе нижегородского барона, стремящагося сказать обыкновенную чиновничью «правду»:—«Молчатъ, значитъ благоденствуютъ».

По аграрному вопросу.

Открытое письмо къ Н. О. Анненскому.

Высокоуважаемый Николай Өедоровичъ!

Обращаюсь къ вамъ, какъ къ лично мнѣ знакомому старому защитнику интересовъ крестьянства. Хочу при вашей помощи ввести нѣкоторую поправку въ русское общественное мнѣніе по вопросамъ аграрной политики въ Царствѣ Польскомъ.

Изъ газетныхъ статей по этому предмету и изъ отзывовъ нѣкоторыхъ думскихъ депутатовъ можно заключить, что среди русскаго общества распространено мнѣніе, будто бы аграрный вопросъ совершенно чуждъ нашей практической политикѣ.

Это ошибка.

Надъ аграрнымъ вопросомъ издавна останавливались всѣ наши крупные мыслители и общественные дѣятели. Мы встрѣчаемся съ

нимъ уже въ извѣстномъ манифестѣ «Союза польской демократіи», изданномъ въ 1833 году. Въ этомъ манифестѣ ясно и опредѣленно высказана была мысль, положенная теперь въ основу лучшихъ русскихъ проектовъ аграрной реформы, именно, что «земля можетъ быть собственностью всего народа, а пользоваться ею въ правѣ только тѣ, кто лично ее обрабатываютъ».

Съ тѣхъ поръ польская творческая соціологическая мысль неустанно возвращалась къ этому вопросу, побуждаемая то потребностями развивающихся формъ жизни, то жгучими политическими теченіями, какія имѣли мѣсто въ 1846—48 годахъ въ Галиціи и въ 1863 году въ Польшѣ русскаго захвата, гдѣ аграрный вопросъ былъ предрѣшенъ теоретически самими поляками много радикальнѣе и лучше, чѣмъ затѣмъ провели его австрійцы и русскіе. Въ Польшѣ прусскаго захвата всѣ почти слои польскаго населенія въ послѣднее время приходятъ постепенно къ убѣжденію, что «земля останется польской только въ рукахъ польскаго крестьянина», и тамъ, какъ это вамъ, вѣроятно, извѣстно, вопреки желанію германскаго правительства, дѣйствуютъ успѣшно въ духѣ передачи крестьянамъ земли частные парцелляціонные и колонизаціонные банки.

Теоретическая разработка земельнаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ была сильно затруднена отсутствіемъ такого достовѣрнаго статистическаго матеріала, какой доставили русскимъ теоретикамъ самоотверженные и доблестные русскіе земскіе статистики. У насъ земства не было и русское правительство рѣшительно и безжалостно уничтожало и подавляло всякія попытки коллективной культурной работы, въ томъ числѣ, конечно, и *собираніе статистическихъ свѣдѣній.*

Только въ послѣднее десятилѣтіе, когда разрѣшено было легализироваться слабымъ и до того тайнымъ культурныхъ сельскохозяйственныхъ организаціямъ, во многихъ губерніяхъ возникли сельско-хозяйственныя общества, занявшіяся, между прочимъ, собираніемъ и обработкою статистическихъ данныхъ. Особенно интересны и цѣнны въ этомъ отношеніи работы Сувалкскаго сельскохозяйственнаго общества. Тамъ работали въ числѣ другихъ С. Станишевскій и П. Гурскій, которые сообща выпустили въ началѣ текущаго года вполнѣ обработанный проектъ аграрной реформы, отвѣчающій въ общихъ чертахъ аграрной программѣ партіи «народной свободы» и связанный при этомъ съ остроумной податной реформой, основанной на прогрессивномъ обложеніи частновладѣльческихъ земель, соотвѣтственно съ ихъ размѣрами. Путемъ такого обложенія П. Гурскій и С. Станишевскій пытались замѣнить принудительную, единовременную экспропріацію крупныхъ владѣній. Эту программу признала за свою польская прогрессивно-демократическая партія *).

---

*) „Projekt reform agrarnych w Królestwie Polskim" Warszawa 1906.

Изъ другихъ политическихъ партій націоналъ-демократы отрицаютъ необходимость расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія путемъ отчужденія частновладѣльческихъ земель. Они отрицаютъ также возможность и желательность измѣненія формъ существующаго землевладѣнія. Они ставятъ во главу предполагаемыхъ аграрныхъ реформъ уничтоженіе черезполосицы (комассацію), подъемъ земледѣльческой культуры и земледѣльческаго образованія въ крестьянскихъ массахъ, устройство образцовыхъ фермъ и опытныхъ полей и станцій, поощреніе сельско-хозяйственныхъ потребительныхъ и производительныхъ обществъ и т. п., вообще интенсификацію крестьянскаго хозяйства, и допуская лишь постепенное увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ внутренней добровольной парцелляціи и колонизаціи при помощи банковъ.

Націоналъ-демократы пока не обнародовали еще своей аграрной программы, и то, что я о ней сообщаю, основано исключительно на отрывочныхъ статьяхъ по этому вопросу, помѣщаемыхъ въ ихъ органахъ, и личныхъ объясненіяхъ нѣкоторыхъ членовъ партіи.

Программа нашего радикальнаго «крестьянскаго союза» (Związek Ludowy) требуетъ конфискаціи всѣхъ государственныхъ и частновладѣльческихъ земель и передачи ихъ въ *частную собственность* крестьянъ подъ руководствомъ и при участіи мѣстныхъ крестьянскихъ комитетовъ. Культурныя и правовыя требованія «крестьянскаго союза» идутъ много дальше требованій двухъ первыхъ партій. Но эта политическая партія пока немногочисленна. Объясняется это тѣмъ, что роль ея до нѣкоторой степени выполняется въ нашей политической жизни «Аграрнымъ Комитетомъ» соціалистической польской партіи (P. P. S.).

Послѣдняя по сущности своей является главнымъ и пока фактически *единственнымъ* защитникомъ польскихъ трудящихся массъ и вообще всѣхъ обездоленныхъ въ Царствѣ Польскомъ. Какъ партія прежде всего рабочая, пролетарская, «P. P. S.» естественно принялась раньше другого за организацію и улучшеніе положенія сельско-хозяйственныхъ батраковъ и рабочихъ, что легко умѣщалось въ предѣлахъ ея прежней общей программы и тактики. Предварительно она собрала богатѣйшій статистическій матеріалъ для характеристики быта батраковъ, выработала осно-

---

Эта интересная брошюра была издана еженедѣльникомъ „Правда". Одинъ изъ авторовъ проекта — Петръ Гурскій, крупный землевладѣлецъ, былъ избранъ отъ Сувалкской губерніи депутатомъ - выборщикомъ въ государственный совѣтъ и во время выборовъ потребовалъ отъ собравшихся въ Кредитномъ обществѣ другихъ выборщиковъ, чтобы они отказались отъ выборовъ и участія въ государственномъ совѣтѣ, такъ какъ учрежденіе это реакціонно по своему характеру и такъ какъ къ нему относятся отрицательно русскіе народные представители въ Думѣ. П. Гурскій сложилъ свой мандатъ, но выборы въ государственный совѣтъ состоялись.

ванный на немъ планъ дѣйствій и схему требованій для разныхъ мѣстностей, раздѣливъ ихъ по хозяйственнымъ типамъ; затѣмъ въ этомъ году партія устроила почти повсемѣстную весеннюю забастовку наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Все это потребовало громаднаго напряженія организаціонныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе, Польская соціалистическая партія не упускала изъ виду нуждъ и страданій и безземельныхъ, и малоземельныхъ польскихъ крестьянъ. Ея «Аграрный Комитетъ» не только издаетъ двѣ газеты для крестьянъ («Gazeta Ludowa», «Robotnik wiėjski»), которыя расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, не только постоянно печатаетъ и распространяетъ массу брошюръ, подготовляющихъ умы къ основной аграрной реформѣ, но, кромѣ того, онъ неусыпно слѣдитъ въ лицѣ своихъ теоретиковъ и руководителей за развитіемъ аграрнаго вопроса за границей и въ Россіи, собираетъ конференціи съ участіемъ свѣдующихъ изслѣдователей и знатоковъ аграрнаго дѣла, поощряетъ всякія частные опыты въ этомъ направленіи. Вообще «Аграрному Комитету» поручена партіей выработка аграрной программы, согласной съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ, отвѣчающей руководящимъ взглядамъ ея на будущее развитіе экономическихъ и политическихъ силъ страны и считающейся при этомъ съ наличнымъ, конкретнымъ политическимъ и экономическимъ матеріаломъ Польши. Задача крайне трудная и сложная, вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія которой комитетъ пока еще не нашелъ.

Прилагаемая ниже программа аграрной реформы доктора Владислава Гумпловича принадлежитъ къ частнымъ исканіямъ въ этой области теоретиковъ «P. P. S.». Думаю, что для русскаго общества не безъинтересно будетъ познакомиться съ этой программой, хотя бы въ извлеченіи, какъ съ показателемъ той работы, какая въ настоящее время происходитъ въ идейной лабораторіи могущественной и вліятельной польской политической партіи. Не только я, но и многіе другіе члены «P. P. S.» считаютъ эту программу за самую подходящую для Царства Польскаго при существующихъ обстоятельствахъ, и мы надѣемся, что раньше или позже она, исправленная и разработанная въ подробностяхъ, будетъ принята оффиціально «Аграрнымъ Комитетомъ P. P. S.», а затѣмъ утверждена и съѣздомъ или совѣтомъ партіи.

Вотъ основныя положенія этой программы *):

I. Населеніе Царства Польскаго путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ избираетъ національный сельско-хозяйственный комитетъ, который экспропріируетъ и объявляетъ на-

*) Прилагаемое извлеченіе сдѣлано спеціально по моей просьбѣ докт. В. Гумпловичемъ для этого письма изъ статьи, предназначенной для польск. журнала „Życie społeczne", въ которой В. Г. мотивируетъ и развиваетъ свои положенія.

ціональной собственностью всѣ помѣстья, превышающія 150 польскихъ морговъ (около 100 десятинъ).

2) Бытъ подвергшихся экспропріаціи помѣщичьихъ семействъ, безотносительно къ количеству экспропріированной у нихъ земли, обезпечивается слѣдующими доходами, выплачиваемыми имъ изъ общественныхъ суммъ:

a) пожизненной годичной рентой въ 800 руб. для главы семьи;

b) такой же рентой въ 600 руб. для каждаго взрослаго члена семьи собственника (живущаго въ томъ же помѣстіи доходами отъ него);

c) стипендіей въ 200 руб. ежегодно съ добавленіемъ по 20 руб. каждый годъ для всякаго ребенка до окончанія имъ ученія.

Примѣчаніе I. Ипотечные долги Общества взаимнаго кредита переходятъ въ вѣдѣніе казначейства Царства Польскаго и обезпечиваются имъ. Ипотечные долги второго и третьяго разряда не принимаются во вниманіе и идутъ на смарку.

II. Лѣса, а также рѣки, озера и вообще воды остаются въ непосредственномъ вѣдѣніи сельско-хозяйственнаго національнаго комитета. Но комитетъ по уставу своему обязанъ внимательно относиться къ потребностямъ сельскихъ гминъ и сельскихъ жителей и въ особенности обязанъ удовлетворять нужду ихъ въ строительномъ матеріалѣ и топливѣ, а также въ хвоѣ на подстилку для скота. Если бы комитетъ нашелъ, что состояніе лѣсовъ въ данной мѣстности не позволяетъ снабженія мѣстныхъ крестьянъ древеснымъ матеріаломъ, то комитетъ обязанъ позаботиться о доставкѣ строевыхъ матеріаловъ и топлива изъ другихъ мѣстностей.

II. Луга поступаютъ въ вѣдѣніе гминъ, но пользованіе ими должно контролироваться окружными сельско-хозяйственными комитетами, избранными всѣмъ населеніемъ округа путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ.

III. 5% пахотной земли остается въ непосредственномъ завѣдываніи окружныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ въ качествѣ земельнаго фонда.

IV. Вся остальная земля, годная подъ обработку, будетъ раздѣлена на участки, которые будутъ сданы въ *пятидесятилѣтнюю аренду* безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ. Участки для безземельныхъ могутъ достигать, смотря по мѣстности и качеству почвы, отъ 6 до 20 морговъ, но въ общемъ признается нормальнымъ 10-морговый размѣръ. Участки добавочные для малоземельныхъ должны соотвѣтствовать указаннымъ нормамъ. Размѣры арендной платы устанавливаются окружными сельско-хозяйственными комитетами съ участіемъ заинтересованныхъ гминъ; эта плата не можетъ быть повышена раньше истеченія 50-ти лѣтняго срока. Сельско-хозяйственныя власти не въ правѣ раньше 50-ти лѣтъ удалить арендатора, развѣ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ не вносилъ арендной платы; но арендаторъ можетъ самъ

отказаться отъ арендуемаго участка, объявивъ объ этомъ за годъ впередъ, при чемъ онъ въ правѣ требовать вознагражденіе за произведенныя меліораціи. Арендаторъ можетъ переуступить свое арендное право другому лицу, если оно не владѣетъ землею въ другомъ мѣстѣ и способно къ личному земледѣльческому труду. Участки до истеченія 50-ти лѣтняго срока подлежатъ раздѣлу только съ согласія окружнаго сельско-хозяйственнаго комитета, если тотъ признаетъ, что измѣнившіяся хозяйственныя условія позволяютъ уменьшеніе размѣровъ семейныхъ хозяйствъ и арендаторъ добровольно на такое уменьшеніе согласится. Каждому арендатору обезпеченъ кредитъ въ національныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ въ размѣрѣ $^{1}/_{4}$ стоимости арендуемыхъ имъ земель, долги эти не могутъ быть погашаемы принудительной продажей ни скота, ни земледѣльческихъ орудій. По истеченіи 50-ти лѣтъ арендаторъ получаетъ вознагражденіе за улучшенія въ хозяйствѣ (меліораціи) и въ правѣ требовать новой аренды на томъ же участкѣ или на другихъ земляхъ, указанныхъ окружнымъ сельско-хозяйственнымъ комитетомъ, и на опредѣленныхъ имъ условіяхъ.

V. Помѣщичьи дома въ усадьбахъ предназначаются для сельскихъ училищъ и помѣщеній гминныхъ управленій. Усадебныя, хозяйственныя постройки поступаютъ въ пользованіе сельско-хозяйственныхъ союзовъ.

Дальше В. Гумпловичъ разсматриваетъ рядъ мѣръ, способствующихъ вообще подъему земледѣльческой культуры, распространенію общихъ и спеціальныхъ земледѣльческихъ знаній, устройству образцовыхъ фермъ и опытныхъ полей и прежде всего образованію потребительныхъ и производительныхъ сельско-хозяйственныхъ коопераций, объединяющихъ какъ казенныхъ арендаторовъ, такъ равно и мелкихъ собственниковъ. Коопераціи эти поощряются и поддерживаются національными властями. Наконецъ, въ проектѣ предусмотрѣно планомѣрное развитіе сѣти безплатныхъ ремесленныхъ училищъ, которыя помогутъ излишку подростающаго крестьянскаго населенія пристроиться къ другимъ отраслямъ труда, а также планомѣрное устройство казенныхъ заводовъ въ земледѣльческихъ округахъ, которые доставили бы заработокъ тѣмъ лицамъ изъ крестьянъ, для которыхъ не найдется работы около земли...

Пока я ограничусь этимъ краткимъ изложеніемъ проекта аграрныхъ реформъ др. В. Гумпловича. За подробностями отсылаю интересующихся къ упомянутой выше статьѣ, а также къ другимъ работамъ этого писателя *).

Въ заключеніе считаю нужнымъ указать, что галиційская вѣтвь «P. P. S.» на послѣднемъ своемъ съѣздѣ во Львовѣ (23 мая 1906 г.) опредѣленно высказалась за включеніе самой широкой аграрной

*) В. Гумпловичъ, сынъ выдающагося польскаго соціолога, самъ извѣстенъ, какъ дѣятельный соціалистическій теоретикъ и публицистъ.

реформы въ свою программу. Видный соціалистическій депутатъ въ рейхстагѣ, И. Дашинскій, сказалъ на съѣздѣ, характеризуя все усиливающееся въ Галиціи аграрное движеніе: «помѣщики вскорѣ будутъ принуждены считаться съ требованіемъ національзаціи земли», а другой членъ съѣзда, др. Капеллнеръ, закончилъ свой рефератъ утвержденіемъ, что партія обязательно должна включить въ свою программу требованіе «земли для крестьянъ» (Naprzód, № 145).

Итакъ, мы видимъ, что аграрная реформа играетъ въ политической жизни Польши не менѣе видную роль, чѣмъ въ Россіи, хотя руководящая роль принадлежитъ у насъ не крестьянамъ, а рабочему пролетаріату. Чуткое вниманіе послѣдняго къ аграрному вопросу указываетъ, несомнѣнно, на большую его политическую зрѣлость, указываетъ на сознаніе, что ни демократизація, ни демилитаризація общества не мыслима безъ правильнаго рѣшенія сельскохозяйственныхъ и аграрныхъ реформъ, которыя однѣ въ состояніи прочно устроить судьбу фабричныхъ рабочихъ перемѣщеніемъ рынковъ сбыта кормящей ихъ промышленности, изъ дальнихъ, неизвѣстныхъ имъ и не доступныхъ ихъ вліянію странъ въ среду родственныхъ имъ, близкихъ и обезпеченныхъ крестьянъ.

Все это естественно и неуклонно ведетъ къ объединенію и экономическому освобожденію однородныхъ національныхъ группъ,—связанныхъ общностью языка, обычаевъ, чувствъ, всей мощной, общественной психологіей, низводящей внутреннія соціальныя тренія до минимальныхъ размѣровъ и дающей, благодаря автоматичности многихъ отправленій повседневной жизни и большой легкости взаимнаго пониманія другъ друга, самую высшую степень сбереженія жизненной энергіи для труда и наслажденія.

Прочная политическая федерація мыслима, только какъ союзъ такихъ самоопредѣлившихся націй, независимыхъ политически и экономически.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репресіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 Января сего года *по расходному капиталу изъ котораго, по Уставу, только и могутъ быть производимы большая часть выдачъ Фонда* — дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но, напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей, обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ, просителей, вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Если бы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды.

Считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ Общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ Общихъ Собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета: *П. Вейнбергъ.* **Члены:** *Ф. Батюшковъ* (Товарищъ Предсѣдателя), *С. Венгеровъ* (Казначей), *Н. Котляревскій, В. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Меньшуткинъ, П. Милюковъ, Д. Овсянико-Куликовскій* (Секретарь), *Л. Пантелѣевъ, С. Савичъ, П. Якубовичъ.*

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ІЮНЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

ПРОДОЛЖЕНІЕ „ЗАПИСОКЪ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА“ **Вл. Г. КОРОЛЕНКО** ПОЯВИТСЯ ВЪ БЛИЖАЙШИХЪ КНИЖКАХЪ ЖУРНАЛА.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ ПРОСИТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ УСКОРИТЬ УПЛАТУ ОЧЕРЕДНАГО ВЗНОСА

ІЮНЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.



С· ПТЕЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул. д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

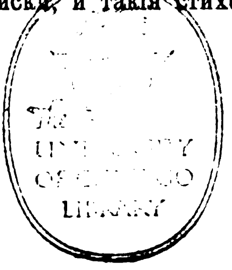
8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.



СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ.— Общественные классы.— Наука, литература и печать.— Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.— Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ.— Додэ.— Золя.— Клемансо.— Вальдекъ Руссо.— Комбъ.— Рошфоръ.— Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г.— 380 стр. Ц. 1 р. Естествознаніе и исторія.— Процессъ исторіи.—Величина прогресса въ человѣчествѣ.—Цѣна прогресса.—Дѣйствіе личностей.—Культура и мысль.—Личности и общественныя формы.—Растущая общественная сила.— Знамена обществ. партій.— Идеализація.— Національности въ исторіи.—Договоръ и законъ.—Государство.—Естественныя границы государства.— Критика и вѣра.—Теорія и практика прогресса.—Цѣль автора.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г.— 222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.— 314 стр. Ц. 1 р. Отдыхъ.— Чудачка.— Бабьи слезы.— Праздники.— Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.— 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.— 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.— Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.— 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.— Борьба за индивидуальность.— Вольница и подвижники.— Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія.— Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.— Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г.

Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма о правдѣ и неправдѣ.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ. — Политическая экономія и общественная наука. — Дневникъ читателя. — Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч. Запискамъ".—Изъ прошлаго и настоящаго Л. Н. Толстого. Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр. Толстомъ.—Письмо К. Маркса. Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы.—О г. Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства.—Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч.—Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина". — Основы народничества Юзова. — О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ. О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ничше.— О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. — 287 стр. Цнѣа 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Второе* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Изд. 1905 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье,* дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца; больше 30,000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «**РУССКАГО БОГАТСТВА**» также продаются изданія **„Библіотеки освободительной борьбы"** и др.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

В. Н. Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: К. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, Н. К. Михайловскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Н. А. Рубакина, Е. Н. Чирикова, О. Н. Чюминой, П. Ф. Якубовича и др. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

ПОБѢГЪ.

Повѣсть.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основѣ этой повѣсти лежитъ дѣйствительное происшествіе, но оно послужило мнѣ лишь фономъ для изображенія жизни политическихъ ссыльныхъ въ Сибири. Я позволилъ себѣ многочисленныя отступленія отъ точнаго изложенія событій. Мною выведены отчасти лица, никогда не существовавшія, типы вымышленные и собирательные. Есть въ повѣсти описанія приключеній, случившихся въ другихъ мѣстностяхъ и съ другими лицами. Я писалъ не исторію, а психологію дѣяній и старался, чтобы она была вѣрна. Въ жизни часто случается, что послѣдовательное развитіе извѣстныхъ душевныхъ состояній прекращается вторженіемъ случайныхъ элементовъ, и художникъ разгадку ихъ и развязку находитъ въ другомъ мѣстѣ и у другихъ лицъ.

Аркановъ, который, по всей вѣроятности, вызоветъ больше всего нареканій, является именно такимъ собирательнымъ типомъ, составленнымъ изъ частичныхъ, разновременныхъ наблюденій.

Въ виду этого, покорнѣйше прошу моихъ читателей, знакомыхъ съ подлинной исторіей описаннаго побѣга, не доискиваться никакихъ сходствъ, не усматривать личныхъ намековъ, такъ какъ все это было бы для меня крайне непріятной неожиданностью.

Авторъ.

I.

Послѣдняя пирушка.

— Впрочемъ, какъ вамъ угодно, но я... я... для меня это невыносимо... Меня охватываетъ окончательное отчаяніе! Кружусь вечеромъ по избѣ, сердце рвется отъ боли, въ головѣ кавардакъ! Не долго и съ ума сойти! Вы говорите,

что не удастся! Возможно... Но что, если удастся?! Вы говорите, что мы погибнемъ? Что изъ этого? Развѣ и такъ не гибнемъ мы? Развѣ не погибло много болѣе дѣльныхъ, чѣмъ мы, и вѣдь міръ не рухнулъ! Насъ поймаютъ, посадятъ въ тюрьму... Да чѣмъ же, скажите вы мнѣ, отличается все это, что насъ окружаетъ, отъ рѣшетокъ, стѣнъ... или отъ могилы? — говорилъ съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ одинъ изъ трехъ людей, гулявшихъ по узкой тропинкѣ, по замерзшему, покрытому снѣгомъ озеру. Кругомъ спалъ городокъ Джурджети, закутавшись въ сумракъ и мглу.

— Немного больше впечатлѣній... или болѣе высокій сводъ строенія...—началъ онъ опять и небрежнымъ жестомъ указалъ на небо, сіяющее тысячами звѣздъ.

Гуляющіе остановились. Одинъ, съ правой стороны, въ тулупѣ, наброшенномъ на плечи, точно римская тога, поднялъ послушно голову вверхъ; другой, съ лѣвой стороны, завернутый выше носа въ сѣрый пледъ, глядѣлъ спокойно въ туманную даль, гдѣ всходила луна.

— Ты, Негорскій, забываешь, — процѣдилъ онъ сквозь зубы,—что тамъ вѣчно будетъ стоять надъ тобой... сторожъ. Извѣстное дѣло, что тебѣ и трехъ словъ сказать нельзя безъ... преувеличеній. Все ужасы, все окончательныя рѣшенія, безповоротные приговоры!.. Но, какъ хотите: доказывать, что нѣтъ разницы между тюрьмою и проживаніемъ здѣсь — черезчуръ ужъ большая нелѣпость. Даже тебѣ, Негорскій, она не подобаетъ! Конечно, все здѣсь ничтожно, мерзко, убого, тѣмъ не менѣе—оно представляетъ кой-что... Мы пользуемся свободой движеній, видимъ солнце, природу, женщинъ... у насъ есть хоть тѣнь, хоть намекъ на жизнь!.. Тамъ—ничего. Совершенная пустыня!.. Голыя стѣны, ненавистныя лица сторожей... И такъ недѣли, мѣсяцы, годы... Развѣ вы уже забыли?... Вѣдь вы сидѣли!.. Сознаюсь, что я содрогаюсь отъ одного воспоминанія, и если-бъ я убѣжалъ отсюда, такъ только потому, что именно здѣсь мнѣ ежеминутно угрожаетъ подобная перспектива, что достаточно безтактности одного изъ насъ, непредвидѣнной случайности или грубости ничтожнаго чинуши, и — готова исторія!..

— Вотъ видишь! Это одно изъ доказательствъ въ мою пользу!.. — рѣзко вставилъ Негорскій и двинулся дальше по тропинкѣ.

— Монтезума, ты думаешь, что я на розахъ!.. Не о недостаткѣ поводовъ говорю я, но объ отсутствіи средствъ и возможности!

— Все это можно обдумать, лишь бы была охота. Ты сознайся, будь откровененъ, что тебѣ просто жалко риско-

вать этими крохами, которыя есть у насъ, этимъ намекомъ на жизнь... Словомъ, ты боишься!..

— Съ ума я еще не спятилъ. Я не шальной!..

— Жаль. Вѣдь до сихъ поръ только шальные что-нибудь сдѣлали и... сдѣлаютъ. Страхъ всегда былъ плохимъ совѣтчикомъ, орудіемъ рабства и униженія. Въ самомъ отчаянномъ положеніи у человѣка всегда найдется что-нибудь такое, чего, повидимому, уже нельзя отнять. Но вдругъ надвигаются обстоятельства, разбиваютъ эту неприступную крѣпость и отнимаютъ половину жалкихъ крохъ... Затѣмъ приходитъ лютый врагъ и говоритъ: „отдай все и уйди, такъ какъ я желаю вспахать мѣсто, гдѣ стоялъ Карѳагенъ!..“ Тогда...

— Тогда что?..

— Тогда люди пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, или топятся, вмѣсто того, чтобы рискнуть жизнью раньше, въ борьбѣ... А знаешь, Самуилъ, мнѣ, право, стыдно, что у меня есть эти крохи, что я не принадлежу къ этимъ отверженцамъ, которые видятъ исключительно лица сторожей! Тамъ бы я зналъ, по крайней мѣрѣ, что я безсиленъ. Меня окружалъ бы каменный мѣшокъ, неразрушимая могила... Здѣсь же я *самъ* подчиняюсь... И я чувствую жгучій стыдъ, когда вспоминаю, что сдерживаетъ меня, въ сущности, жалкая нить ничтожныхъ удовольствій...

— Удовольствій?.. Сильно сказано!.. Зачѣмъ же удовольствій?.. Какъ жаль, что ты не сказалъ... наслажденій! Это вполнѣ въ твоемъ вкусѣ!..

Самуилъ поправилъ плэдъ, громко зѣвнулъ и добавилъ:

— Поздно уже. Не лучше ли отправиться на покой, славянскія сердца, вѣчно тоскующія по плети! Завтра панъ Янъ сотретъ насъ въ порошокъ, если во время не явимся къ нему. Гдѣ ключъ, Воронинъ?.. Навѣрно, не знаешь!..

— А вотъ знаю... Бери!..—сухо отвѣтилъ Воронинъ, протягивая руку изъ-подъ тулупа.—Я еще погуляю.

Самуилъ молча взялъ ключъ и ушелъ съ опущенной головой. У входа въ домъ онъ оглянулся. Мѣсяцъ только что взошелъ, и красный его блескъ разбилъ сплошной до того мракъ.— Окрестности утопали въ рыжихъ, бархатныхъ полутѣняхъ, среди которыхъ на дискѣ луны отчетливо рисовались фигуры удаляющихся товарищей. Негорскій горячо размахивалъ руками, какъ птица, готовящаяся къ отлету; рядомъ шелъ Воронинъ, прислушиваясь внимательно.

— Мечты!..—пробормоталъ сердито Самуилъ. — Чудаки! И не надоѣло имъ еще?! Все проекты, мечтанія, вѣчная лихорадка надежды!..

Онъ взглянулъ пристально на засыпанную снѣгомъ юрту,

гдѣ онъ жилъ, и вошелъ въ сѣни. Минуту спустя онъ очутился въ теплой, затхлой, совершенно темной избѣ. Онъ двигался осторожно, какъ въ чужой квартирѣ, тѣмъ не менѣе, послѣ нѣсколькихъ шаговъ уже споткнулся и сбросилъ что-то, что съ глухимъ шумомъ упало на глиняный полъ.

— Всегда такъ!.. Чортъ возьми!..—выругался Самуилъ.— Проекты, проекты, а стулья по серединѣ, и спичекъ да свѣчки никогда на мѣсто не поставитъ!..

Наконецъ, онъ нашелъ, чего искалъ, и зажегъ сальный огарокъ. Онъ не спѣшилъ раздѣваться, разстегнулъ только тулупъ на груди и сдвинулъ барашковую шапку на затылокъ. Въ ожиданіи, пока разгорится пламя, онъ медленно обиралъ съ усовъ ледяныя сосульки. Онъ былъ молодъ, но выразительныя черты его еврейскаго лица обнаруживали уже усталость; съ обѣихъ сторонъ большого горбатаго носа шли глубокія морщины „страданія“, въ густыхъ рыжеватыхъ волосахъ и бородѣ бѣлѣли нити сѣдины; выпуклые зеленоватые глаза его, обведенные темными кругами, глядѣли спокойно, но грустно. Онъ долго стоялъ въ раздумьи; наконецъ, громко вздохнулъ, затѣмъ разсмѣялся и обвелъ насмѣшливымъ взглядомъ вещи, разбросанныя въ безпорядкѣ по избѣ. Затѣмъ взялъ свѣчку и отправился къ себѣ, въ сосѣднюю комнатку. Тамъ выглянули на него все тѣ же якутскія косыя стѣны, блеснули льдомъ, вмѣсто стеколъ, все тѣ же якутскія крошечныя окошечки, но, вмѣсто „наръ“, тамъ стояла кровать, застланная краснымъ одѣяломъ, а на внутренней досчатой перегородкѣ, сухой и отвѣсной, висѣла карта, было наклеено нѣсколько вырванныхъ изъ еженедѣльниковъ иллюстрацій да помѣщалась полка съ книгами. Здѣсь была „Европа“, какъ насмѣшливо говаривалъ Самуилъ, сопоставляя свою каморку съ сосѣдней „Азіей“, обитаемой „дикимъ народомъ“.

Самуилъ поставилъ свѣчу на столикъ у кровати, сбросилъ тулупъ и удобно растянулся на постели съ книгой въ рукахъ. Но „мечты“ мѣшали ему читать. Тщетно онъ сосредоточивалъ вниманіе; онъ читалъ отдѣльныя слова, но не понималъ ихъ значенія. Въ груди что-то переливалось, вскипало и болѣзненно ударяло въ голову.

— „Страхъ всегда былъ орудіемъ рабства и униженія“... вспомнилъ онъ выраженіе Негорскаго. И самъ онъ не разъ говорилъ себѣ это, но...

Рука Самуила вмѣстѣ съ книгой упала, онъ закрылъ глаза. Нездоровый румянецъ окрасилъ его щеки, губы сжались, и онъ долго пролежалъ такъ безъ движенія.

— Чего же онъ боится?

Онъ пытался убѣдить себя, что не боится смерти, что мысль о ней ему не страшна... Ему это не удалось, и онъ сознался себѣ въ глубинѣ своей совѣсти, что только „этотъ“ страхъ заставляетъ его переносить всѣ преслѣдованія... позорное положеніе животнаго на цѣпи... Только неодолимое отвращеніе къ физической боли, къ оскорбленіямъ „допросовъ“, къ грубѣйшимъ поруганіямъ нѣжнѣйшихъ чувствъ и мыслей удерживали его отъ сопротивленія и борьбы... Онъ до сихъ поръ приходилъ въ ярость, вспоминая обращеніе и нѣкоторыя выраженія своихъ палачей, во время его ареста. Онъ чувствовалъ себя униженнымъ, поруганнымъ на всю жизнь, навсегда втоптаннымъ въ грязь. Ему казалось, что неряшливая, вонючая рука ворвалась тогда въ его внутренности, нагло хватала его за сердце, рылась и шарила въ мозговыхъ извилинахъ. И жгучіе отвратительные слѣды этихъ прикосновеній остались тамъ навсегда, ничѣмъ неизгладимые, неизлѣчимые... Онъ уже теперь не тотъ и никогда уже не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ раньше! Онъ узналъ испугъ, онъ запятналъ себя уловками, боролся съ низменными искушеніями, онъ извѣдалъ отвратительныя минуты душевныхъ обмираній, когда все равно, лишь бы... существовать!

Самуилъ приподнялся, сѣлъ на кровати, хотѣлъ встать, такъ какъ почувствовалъ, что опять идетъ къ нему это страшное, пережитое нѣкогда воочію видѣніе; но онъ не успѣлъ собраться съ силами и только уперся безпомощно руками въ колѣни и открылъ широко испуганные глаза.

... Ранее, туманное утро. Во дворѣ сѣрыя, безъ тѣней сумерки... Въ нихъ неясно темнѣютъ сѣрыя очертанія тюремныхъ построекъ. Возможно, что скоро блеснетъ веселый, погожій день; онъ даже чувствуется въ розовомъ сіяніи, рдѣющемъ уже въ вышинѣ, но пока внизу холодно и сумрачно, и отчетливо виднѣются только перекладины висѣлицъ, протянутыя надъ землею, да кругомъ шпалеры солдатъ. Надзиратели не позволяютъ смотрѣть, силою стаскиваютъ съ окошекъ; но лишь только они уходятъ, Самуилъ опять прижимаетъ пылающій лобъ къ холоднымъ, влажнымъ стекламъ. Подъ висѣлицей уже повисло въ бѣломъ саванѣ, въ ужасномъ холщевомъ мѣшкѣ, молодое, сильное тѣло... Оно судорожно корчится, мечется, дрожитъ... Силачъ, герой!.. Его заставили умереть!.. Его заставили!..

Уже повисъ! Его мощный, необычный, всѣми любимый духъ улетѣлъ и разсѣялся въ міровомъ пространствѣ... Люди уничтожили его, уничтожили за то, что онъ любилъ ихъ больше самого себя!..

Самуилъ всякій разъ переживалъ вмѣстѣ съ казнен-

нымъ чувство позорнаго, безпощаднаго безсилія. Его горло сжимала веревка, его связанныя позади руки тщетно напрягались; сквозь его мозгъ проносились мысли, все тѣ же мысли, за которыя „они“ умирали: величественный, потрясающій гимнъ, угрожающій престоламъ и богамъ и обѣщающій человѣчеству создать будущее безъ заботъ и страданій...

Вдругъ все поблѣднѣло, закружилось, исчезло... Осталась пустота въ сердцѣ, заброшенная сибирская изба и пустой завтрашній день...

Самуилъ повелъ затуманеннымъ взоромъ по стѣнамъ своей каморки, поднялся, потрогалъ безсознательно бумаги на столѣ, хотѣлъ что-то предпринять, но не въ силахъ былъ одолѣть себя... Слезы заструились у него изъ глазъ; онъ задулъ свѣчу и уткнулся лицомъ въ подушку...

Уже разсвѣтъ робко заглядывалъ въ ледяныя стекла, когда заскрипѣли, наконецъ, въ сѣняхъ шаги, и въ избу вошелъ Воронинъ, постукивая промерзшей обувью. Не найдя на столѣ у себя ни спичекъ, ни свѣчи, онъ отправился за ними въ комнату Самуила. Тотъ пошевелился.

— Что!?. Еще не спишь?!

— Нѣтъ. А что?

— Ничего. Свѣча не нужна тебѣ?

— Нѣтъ... а впрочемъ, принеси, когда раздѣнешься.

Не успѣлъ Самуилъ выкурить папироску, какъ явился Воронинъ со свѣчею въ рукахъ, въ полномъ спальномъ облаченіи, украшенномъ только очками. Свѣчу онъ поставилъ на столъ, но уходить и не думалъ, сдѣлалъ папиросу и, навалившись спиною на дверной косякъ, поглядывалъ исподлобья на друга.

Воронинъ былъ моложе Самуила; онъ былъ красивъ, но неуклюжъ и неряшливъ. Черные вьющіеся волосы и бородка образовали кругомъ его цыганскаго лица странную траурную кайму. И не только лицо, но вся его фигура носили обыкновенно какой-то удивительно похоронный, мрачный отпечатокъ. Впрочемъ, теперь въ грустныхъ глазахъ его что-то теплилось, что-то веселое змѣилось на тонкихъ губахъ.

— Что-жъ, удираете?—спросилъ Самуилъ, догадываясь, чего ждетъ отъ него другъ.

— А то какъ!

— Гмъ... Скатертью дорога!.. А скоро? Можно узнать?

— Какъ потеплѣетъ.

— Прекрасно, прекрасно!.. А вы уже рѣшили, что предпочитаете: умереть съ голоду, вернуться добровольно, или позволить себя поймать по всѣмъ правиламъ искусства?

— Зачѣмъ возвращаться? Впрочемъ, все можетъ слу-

читься... А всетаки и это будетъ лучше, чѣмъ здѣсь тратить жизнь въ бездѣйствіи.

— Ого!—протянулъ Самуилъ, приподнимаясь съ постели и взглядывая съ любопытствомъ на друга.

— Къ тому же, — продолжалъ тотъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ,—возможна удача. Вѣдь удалось же Беніовскому *) и полякамъ бѣжать изъ Камчатки, а простые бродяги ежегодно толпами уходятъ съ Сахалина... Отсюда побѣгъ много легче... А впрочемъ,—добавилъ онъ послѣ минутнаго колебанія,—стыдно здѣсь мирно жить, когда тамъ умираютъ!

— Милый Ворончикъ! Вижу я, что панъ Негорскій совсѣмъ передѣлалъ тебя на свой образецъ!.. Недаромъ такъ размахивалъ руками!—вскричалъ со смѣхомъ Самуилъ.—Послушай, Воронъ!.—добавилъ онъ затѣмъ сурово и сѣлъ на постель.— Есть много способовъ отправиться на тотъ свѣтъ, и много меньше мучительныхъ. Что же касается возвращенія на родину и надеждъ на дѣятельность, то мы, несогласные по тѣмъ или другимъ причинамъ просить помилованія, мы должны окончательно съ этимъ... попрощаться... Окончательно!.. Слышишь?

Воронинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ только порывисто поправилъ очки, бросилъ на землю окурокъ папироски, повернулся и ушелъ. Это означало, что онъ не согласенъ.

Вскорѣ Самуилъ услышалъ его протяжное храпѣніе и, усталый, самъ немедленно уснулъ.

II.

Разбудилъ ихъ сильный стукъ въ двери. Къ нимъ ломился кто-то, крѣпко и упорно, точно стѣнобитная машина; доведенный до отчаянія, Воронинъ поднялся, наконецъ, и пошелъ отомкнуть крючекъ. Не любопытствуя, впрочемъ, кто пришелъ, и не открывая глазъ, онъ, полусонный, побѣжалъ тотчасъ же обратно на кровать, спасая свои голыя ноги отъ струй холоднаго воздуха, ворвавшагося сквозь открытыя двери.

Въ облакахъ морознаго пара вошелъ въ юрту низенькій, толстенькій человѣкъ, одѣтый въ коротенькій заячій кафтанъ, покрытый сильно потертымъ и порыжѣлымъ плисомъ. Ноги посѣтителя обуты были въ бѣлые, мохнатые якутскіе „торбасы“, а на головѣ покоилась старая бобровая шапка.

*) Польскій авантюристъ XVIII столѣтія. Бѣжалъ изъ Камчатки, куда былъ сосланъ въ качествѣ военноплѣннаго, и погибъ въ схваткѣ съ французами на Мадагаскарѣ, гдѣ основалъ конституціонное королевство.

Когда онъ снялъ ее, великолѣпная лысина засіяла въ полумракѣ юрты.

— Спятъ!.. Вотъ наказаніе!..—проговорилъ онъ громко по-польски.

Никто не отвѣтилъ, не пошевелился. Тогда гость сдвинулъ съ лица складки большой женской шали, въ которую онъ былъ закутанъ съ ушами, приблизился къ постели Воронина и нѣсколько разъ звучно прокуковалъ:

— Куку! Вставайте, засони!

Воронинъ и не пошевелился.

— Дудки!.. Шутите!.. Назвались груздями—полѣзайте въ кузовъ!..—вскричалъ пришелецъ со смѣхомъ и принялся дергать одѣяло за уголъ, подымать и стягивать его со спящаго; въ то же время онъ удивительно ловко подражалъ всевозможнымъ лѣснымъ и домашнимъ животнымъ. Тщетно Воронинъ, поджимая ноги, боролся, придерживалъ одѣяло руками: нападающій щипалъ его, щекоталъ, обнажалъ прямо немилосердно. Наконецъ, изъ-подъ подушки высунулась всклокоченная голова.

— Панъ Янъ, Самуилъ тоже спитъ, ей-Богу спитъ. Вы только замѣтьте, какъ онъ крѣпко спитъ, храпитъ, ничего не слышитъ... Вы его пока разбудите, а я минуточку, одну маленькую минуточку... Мнѣ будетъ довольно!.. Я васъ не задержу... ей-Богу!..—прошепталъ онъ заискивающе и опять нырнулъ подъ одѣяло.

Панъ Янъ засмѣялся и пріостановилъ нападеніе; въ то же время проснувшійся Самуилъ позвалъ его къ себѣ; Янъ окончательно оставилъ свою жертву и направился въ каморку.

— Какъ вамъ не совѣстно?! — жаловался онъ, присаживаясь на краю Самуиловой кровати. — Вы себѣ дрыхнете, какъ ни въ чемъ не бывало, а моя баба, между тѣмъ, съ ума сходитъ, и всѣ давно ждутъ!..

— Ждутъ?.. Всѣ?.. Значитъ, и „господинъ докторъ", и „духъ отрицанія и сомнѣнія"?.. А что они еще не поссорились?!.. Удивительно!.. Да и жаль!.. — шутилъ Самуилъ, потягиваясь и громко зѣвая.

— Дайте мнѣ, Панъ Янъ, пожалуйста, табакъ!.. Мы покуримъ, пофилософствуемъ... согласны? А тѣмъ временемъ пусть твои гости поругаются. Ты мнѣ повѣрь, что это прекрасно дѣйствуетъ на пищевареніе, а я догадываюсь, что пани Янова наготовила всего больше, чѣмъ нужно... Давно мы не видѣлись съ вами, панъ Янъ! Что у васъ слышно? Что подѣлываете?..

Вмѣсто отвѣта, панъ Янъ досталъ изъ кармана большую табакерку изъ березовой коры и, открывши, подалъ Самуилу.

— А можетъ быть, и вы выпьете „рюмочку"?—спросилъ онъ дружески. Самуилъ съ притворнымъ ужасомъ взглянулъ на табакерку.

— Ну, нѣтъ!.. Я еще не забылъ вашей „рюмочки" съ того раза!.. Я уже чихаю, панъ Янъ... Уберите ее!..

Янъ самодовольно разсмѣялся, погрузилъ толстые пальцы въ пахучій порошекъ и старательно зарядилъ свою „двустволку" (такъ называлъ онъ собственный вздернутый носъ съ большими раздувающимися ноздрями). Онъ увѣрялъ, что въ эту „двустволку" можно было помѣстить „восьмуху" табаку... Конечно, такую роскошь онъ позволялъ себѣ лишь въ то хорошее время, когда изъ его ноздрей не выростали еще такіе огромные, щетинистые усы, и жилось ему привольно „на службѣ въ Калужской губерніи". Теперь обстоятельства часто были стѣсненныя, и размѣры „рюмочки" сообразно этому уменьшились. Несмотря на то, небольшіе васильковые глаза пана Яна, по старому, весело, насмѣшливо и смѣло глядѣли на міръ изъ-подъ лохматыхъ бровей.

— Торопитесь, торопитесь!.. Въ церкви давно отошла служба, люди идутъ и насъ дожидаются... — понукалъ онъ одѣвающихся друзей.

Когда Самуилъ усомнился, дѣйствительно ли такъ поздно, Янъ энергическимъ жестомъ открылъ двери и впустилъ въ избу голоса снаружи.

— Слышите?!

Заглушая голоса мелкихъ товарищей, важно гудѣлъ главный колоколъ Джурджуйской церкви, точно мѣрно приговаривая:

— Богъ ро-дил-ся... Богъ ро-дил-ся... Богъ!

Былъ первый день Рождества.

Сегодня, впервые въ этихъ широтахъ, явилось полностью надъ горизонтомъ солнце. Дискъ его какъ разъ оторвался отъ земли, когда панъ Янъ съ Самуиломъ и Воронинымъ вышли на улицу. Потоки ярко-золотого, давно невиданнаго свѣта залили окрестности; заискрились снѣга розовые отъ зари туманы приникли въ углубленіяхъ долинъ, вдали засинѣли блѣдныя очертанія горъ. Украшенный флагами городокъ, съ рядами блестящихъ на солнцѣ оконъ, походилъ на чиновника въ праздничномъ мундирѣ. Звучнѣе загудѣли колокола, кто-то въ отдаленіи крикнулъ, кто-то выругался, запѣлъ... Стаи зашитыхъ въ мѣха ребятишекъ, пухлыхъ и толстенькихъ, точно узелки, поджидая появленія солнца на плоскихъ крышахъ жилищъ, вдругъ зачирикали, какъ птицы. Любопытные вышли изъ домовъ и, прикрывши глаза ладонью, глядѣли на Югъ. Туда повернули тоже свои скуластыя лица якуты, застигнутые

солнцемъ среди озера. Одѣтые въ праздничныя бѣлыя, желтыя и черныя платья, съ буфами на плечахъ и со сборками у бедеръ, обшитыя черными и красными широчайшими каймами, они представляли живописное цвѣтное пятно среди просторной бѣлой равнины. Мущины обнажили гладко обстриженныя головы, женщины наклонили долу свои остроконечныя бобровыя шапки. Всѣ размашисто крестились и кланялись далекому солнечному „Бѣлому Богу".

Наискось черезъ озеро, панъ Янъ вывелъ своихъ товарищей на берегъ и двинулся съ ними дальше, вдоль по „улицѣ", въ концѣ которой стояла больница, гдѣ панъ Янъ исполнялъ должность сторожа.

Квартира его на первый взглядъ показалась бы посѣтителю отвратительной „пещерой", но жилецъ ея утверждалъ, что она „вовсе недурная". Бѣлыя прожилки морознаго налета образовали у ея входа какой-то сказочный ледяной сводъ царства зимы, сквозь который дальше открывался видъ на темную низкую избу, полную, въ описываемый моментъ, кровяно-краснаго зарева, падавшаго отъ горящаго на туземномъ комелькѣ огня. Оконъ тамъ трудно было доискаться: до того они были маленькія и до того густы были тѣни наклонныхъ закоптѣлыхъ стѣнъ и откосыхъ угловъ. Все не захваченное кругомъ свѣта пространство исчезало въ рыжей полутьмѣ.

Въ центрѣ свѣта собрались гости пана Яна. Съ ними были двѣ женщины: жена пана Яна, безобразная якутка, одѣтая въ щегольской русскій ситцевый сарафанъ, и другая, тоже якутка, въ туземномъ платьи. Послѣдняя, молодая дѣвушка, все пряталась въ тѣни за комелькомъ и только, когда поправляла разсыпавшійся огонь или хватала щипцами уголекъ, чтобы бросить его въ шумящій рядомъ самоваръ, изъ мрака высовывалось ея длинная, смуглая цыганская рука и смазливое личико съ большими серебряными серьгами въ ушахъ. Пани Янова то и дѣло переставляла съ мѣста на мѣсто, открывала и закрывала кастрюли, котелки, сковородки, полные разнообразныхъ джурджуйскихъ лакомствъ. Потъ градомъ струился по ея лицу, а раскрытыя отъ жары губы издавали протяжные вздохи и жалобы. Направо у стола, на кровати, стульяхъ и ящикахъ сидѣли гости. По срединѣ помѣстился Александровъ, крупный, немолодой уже мущина, въ бѣлой рубахѣ изъ грубаго тюремнаго холста. Косматый тулупъ, тоже тюремное наслѣдіе, онъ сбросилъ съ плечъ, уперся локтями на столъ и, наклонивъ впередъ плѣшивую голову, слушалъ внимательно происходившій разговоръ. Негорскій, тщедушный, средняго роста, болѣзненнаго вида шатенъ, и Черевинъ, брюнетъ съ

окладистой, старательно причесанной бородой, бесѣдовали, стоя у стола. Среди присутствующихъ одинъ Черевинъ былъ одѣтъ по европейски и имѣлъ крахмальную сорочку со стоячими воротничками. Рядомъ съ Александровымъ на кровати сидѣлъ Красускій, молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, точно изваяннымъ изъ мрамора. Онъ никого и ничего не слушалъ; красивые, темные глаза онъ уставилъ въ огонь и задумчиво теребилъ молодые усики. Далѣе, уже на ящикѣ, подъ стѣнкой, возсѣдали чрезвычайно серьезные „Иностранныя Державы": высокій, худой, чернявый Петровъ и низенькій, румяный блондинъ Гликсбергъ. Изъ-за нихъ, изъ самаго уже отдаленнаго угла, выглядывала съ любопытствомъ пухлая рожица и всклокоченная шевелюра француза Делиля. Онъ ни на минуту не выпускалъ изо рта коротенькой трубочки. По серединѣ избы, поближе къ входу, лежала на полу большая черная собака, ползалъ совершенно голый ребенокъ, а у стѣны прыгалъ на привязи пестрый теленокъ.

— Вы ошибаетесь, докторъ!..— рѣзко настаивалъ Негорскій.—Вы ошибаетесь!.. Вы ничего, ни крошечки не добились своей уступчивостью. Вы работаете уже больше года, а развѣ хоть на атомъ уменьшилась оттого въ окрестностяхъ зараза? Или скажете, что больница стала лучше? Или, можетъ быть, меньше воруетъ Адріановъ? Не живутъ ли по прежнему больные въ отвратительномъ, грязномъ хлѣву? Не кормятъ ли ихъ по прежнему гнилымъ мясомъ? Развѣ туземцы не боятся по прежнему больницы хуже смерти, и развѣ они не правы?..

Черевинъ сдвинулъ брови.

— Возможно. Я охотно сознаюсь, если вамъ угодно, въ моемъ неумѣніи. Есть грѣхъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ принципѣ...

Негорскій махнулъ нетерпѣливо рукой.

— Опять!.. Есть принципы и принципы... Не всякій принципъ достоинъ уваженія. Я полагаю, что врачъ долженъ не столько лѣчить, сколько стремиться разъ навсегда уничтожить источники и условія болѣзни. Это достойный уваженія врачебный принципъ. Юристъ долженъ стремиться къ уничтоженію судовъ и тюремъ... Законодатель — къ замѣнѣ свода законовъ воспитаніемъ и обычаями...

— Но что же дѣлать теперь съ больными и съ преступниками?.. И со всѣми прочими?..

— Пусть страдаютъ! — сухо отрѣзалъ Негорскій. — Насъ должна трогать въ стократъ больше судьба этихъ здоровыхъ милліоновъ, которые сдѣлались злыми и больными, потому что нѣтъ среди нихъ достаточно смѣлыхъ и прозор-

ливыхъ людей, владѣющихъ даже своимъ состраданіемъ, людей, стремящихся все это опрокинуть, чтобы построить новое...

— Пустыя слова! Исторія не знаетъ скачковъ!

— О, да! Она не знаетъ скачковъ, но смирно переноситъ глупости, удобныя для ея толкователей!... — вспыхнулъ Негорскій.

— Я же думаю, что революціонеры не обязаны что-либо строить. Ихъ задача — разрушеніе. Строительствомъ пусть занимаются, какъ и до сихъ поръ, поставщики повседневныхъ, обычныхъ потребностей... — спокойно замѣтилъ Александровъ, пытаясь повернуть споръ на принципіальную почву.

— Ну, нѣтъ! Мы не согласны!.. — зашумѣли „Иностранныя Державы“, Черевинъ и даже Негорскій. Французъ тоже выскочилъ изъ угла и чрезвычайно рѣшительно положилъ уголекъ въ свою потухшую трубочку.

Въ это время вошли Янъ, Самуилъ и Воронинъ.

— Что такъ поздно?.. Ждемъ, ждемъ... Мы думали, вы уже совсѣмъ не придете.

— Все пригорѣло, высохло...—жаловалась пани Янова.

— Наше вино, наше вино!.. Что сварили, будемъ пить!..— шутилъ Самуилъ, подражая польскому выговору Яна. Онъ колотилъ себя въ грудь и здоровался за руку съ товарищами.

— Да-а!.. Вотъ кого удостоился видѣть... Почтенный бонапартистъ!.. Сотню лѣтъ не встрѣчались!.. Съ тѣхъ поръ, какъ Муссья взялъ у меня безъ спроса буравчикъ, и слѣдъ его у насъ простылъ... А теперь какъ же это такъ?.. Почему здѣсь, а не въ „большомъ свѣтѣ“?.. У господина исправника или другого сановника? — подсмѣивался Самуилъ, здороваясь, наконецъ, съ Делилемъ.

— И что за великолѣпный костюмъ?... Ой!.. ой!..

Всѣ обратили повеселѣвшіе взгляды на Муссья, который представлялъ дѣйствительно замѣчательную фигуру въ своемъ косматомъ туземномъ одѣяніи, мѣхомъ наружу. Бѣдняга былъ смущенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доволенъ общимъ вниманіемъ.

— Я такъ... я только... я съ господами тоже... всегда... желалъ бы... — бормоталъ онъ и, въ концѣ концовъ, ловко шаркнулъ ножками, обутыми въ бѣлые „этэрбэсы“ изъ конской кожи.

— Начинаемъ, господа!.. Не пора ли, панъ Янъ?.. У меня осталось всего четверть часа времени... Вечеркомъ развѣ опять, можетъ быть, урвусь...—заговорилъ Черевинъ.

— Прошу васъ, прошу, господа!.. Очень прошу, го-

спода!..—засуетился хозяинъ. — По старшинству въ петлю, что ли? Или, такъ какъ вы, господа, — соціалисты, то, можетъ быть, по богатству?..

Онъ подошелъ съ полной рюмкой къ Черевину, а затѣмъ по очереди, какъ стояли, къ другимъ.

— Вамъ я и не подаю... а можетъ быть... и вы выпьете для такого торжества?—обратился онъ мимоходомъ къ Александрову; тотъ отрицательно покачалъ головою, и Янъ перешелъ къ Негорскому и Красускому.

— А теперь съ вами, баре мои!..—заговорилъ онъ по-польски. — Такъ какъ... хотя Богъ нашъ давно уже родился *), но грустно какъ-то праздновать одному... Съ волками жить, по-волчьи выть!.. Больше двадцати лѣтъ живу я въ этихъ степяхъ и лѣсахъ и никого съ родины за все это время не видѣлъ, и говорить ужъ по-польски забывать сталъ, какъ вдругъ вы, господа...

Онъ оборвалъ и поспѣшно выпилъ рюмку. Негорскій обнялъ его и горячо поцѣловалъ въ колючіе, мокрые отъ слезъ и воды усы; вслѣдъ за нимъ наклонился къ земляку и Красускій.

— Опять „пшы-бжи“. Вѣчная польская интрига! — прошепталъ шутливо Черевинъ. Другіе застѣнчиво отвернулись въ сторону, притворяясь, что заняты своими дѣлами, и только Делиль сдѣлалъ широкій жестъ сочувствія. Но никто на него не обратилъ вниманія, такъ какъ Черевинъ, какъ разъ, сталъ прощаться. Янъ помогъ ему надѣть шубу, любезно проводилъ до дверей, затѣмъ поспѣшно вернулся къ гостямъ. Они уже усаживались кругомъ стола; хозяину пришлось не мало потрудиться, разыскивая нужные стулья и ящики. Наконецъ, когда все успокоилось, онъ самъ взобрался высоко на кровать, на женину перину, и, вынувши изъ кармана табакерку, проговорилъ самодовольно:

— А теперь мы себѣ погуляемъ!

Женщины поставили на столъ шумящій самоваръ и стали подавать кушанье.

Но „гулянье“ не удалось. Гости водку пить отказывались, чай пили неохотно, ѣли, какъ будто страдая зубной болью, и, не глядя другъ на друга, сидѣли задумчивые и молчаливые. Тщетно хозяинъ пробовалъ расшевелить ихъ, у самого что-то „мутило“ въ душѣ.

Огонь догоралъ и тускнѣлъ. Куча тлѣющихъ угольевъ обдавала еще краснымъ свѣтомъ сидѣвшихъ у стола, но

*) Намекъ на то, что русскій календарь запаздываетъ въ сравненіи съ европейскимъ на двѣ недѣли.

углы избы тонули въ темнотѣ. Опорожненный самоваръ тихо шумѣлъ, тихо постукивали чашки, осторожно передвигаемыя въ темнотѣ, люди молчали, а изъ сосѣдней избы долеталъ грустный, однообразный, гортанный напѣвъ якута.

Самуилъ, который большими шагами расхаживалъ по избѣ, вдругъ подошелъ къ столу, отыскалъ дрожащею рукою пустую чашку и поставилъ ее передъ Яномъ:

— Налей!

— Нѣтъ, не здѣсь, не здѣсь... Пойдемъ лучше ко мнѣ!..— быстро проговорилъ Негорскій, накрывая чашку ладонью.

— Почему это не здѣсь?! Можно и здѣсь!.. — сопротивлялся панъ Янъ, но, видя, что гости дружно собираются уходить, подумавши, и самъ присоединился къ нимъ:

— Хорошо!.. Пускай!.. Но мы и отсюда возьмемъ бутылочку... Ты съ ума сошла?! Давай шапку!..—крикнулъ онъ на жену, вырывая у нея изъ рукъ своего „бобра", котораго она, съ видомъ возмущенія и протеста, прятала у себя за спиной.

— Не посидишь дома ни минуты... Такой большой праздникъ!.. Ихъ ты больше любишь, чѣмъ жену!

— Въ будни сиди дома — работай; въ праздники сиди, потому что праздникъ!.. Скажи, глупая баба, когда же мнѣ можно ходить!..

III.

Короткій зимній день окончился. Кровавый отрѣзокъ зари, очень узкій и очень блѣдный, чуть окрашивалъ край небосклона; остальной частью неба уже завладѣла звѣздная, туманная ночь. Въ этихъ туманахъ, подымающихся снизу, точно дыханіе засыпающей земли, звѣзды на горизонтѣ и летящія вверхъ искры человѣческихъ огней смѣшивались въ одинъ волшебный, блестящій рой. Дымъ струился изъ всѣхъ пятидесяти трубъ городка. Не было окна, въ которомъ не сверкали бы праздничные огни. Только церковь и полицейское управленіе, два самыхъ крупныхъ строенія въ Джурджуѣ, спали въ туманахъ, темныя и опустѣлыя.

Негорскій жилъ въ томъ концѣ мѣстечка, гдѣ уже начиналось „царство озеръ и лѣсовъ". Его юрта была маленькая, но чистенькая. Когда гости подошли къ ея дверямъ, хозяинъ пустилъ ихъ однихъ внутрь, а самъ остался на дворѣ, чтобы взять охапку дровъ для растопки, такъ какъ хорошій огонь въ каминѣ очень справедливо причисляется жителями Джурджуя къ самымъ желательнымъ и самымъ благороднымъ формамъ гостепріимства. Когда, наконецъ, Негорскій поставилъ полѣнья въ комелькѣ и зажегъ ихъ

кусочкомъ бересты, долго блѣдное, слабое пламя лизало промерзшія колоды, пока согрѣло ихъ и охватило золотистымъ полымемъ. И сейчасъ же въ юртѣ стало веселѣе. Загудѣло въ трубѣ, зашипѣла, загораясь, смола, и разъ—другой задорно выстрѣлилъ въ середину избы уголекъ. Яркій свѣтъ поглотилъ слабое сіяніе свѣчей и заглянулъ въ самые отдаленные закоулки юрты. Прозябшіе за дорогу ссыльные окружили каминъ и, опираясь другъ на друга, слѣдили съ удовольствіемъ за разгоравшимся все буйнѣе огнемъ, вдыхали всѣмъ тѣломъ тепло, прислушивались къ гулу, съ какимъ пламя, дымъ и искры летѣли въ широкій, вольный свѣтъ... Наконецъ, Самуилъ тихо запѣлъ:

Лита моі
Лита молодыя!..

— Вправду спѣли бы вы, Самуилъ!.. Скука что-то, тоска!..—заговорили вдругъ всѣ.

— Спивать дармо,—болитъ горло! Вы сначала выпейте настоящую рюмочку!.. — посовѣтовалъ пѣвцу Янъ на свойственномъ ему польско-русскомъ жаргонѣ. Онъ подалъ Самуилу чарку, полную водки; тотъ принялъ, выпилъ и обвелъ товарищей блестящими глазами.

— Что же вамъ спѣть?

— Зозулю... Зозулю!..

. . . .

Гей! закувала тай сыва зозуля
Раннимъ ранни на зори!
Гей! заплакалы тай хлопци молойци
У турецкой неволи въ кайдани...

Чарка все шла по рукамъ, и словамъ

— По синьему морю...

вторило уже нѣсколько робкихъ, неувѣренныхъ голосовъ, а

— На Вкраинѣ тамъ солнечко сяе...

гремѣло уже мощнымъ хоромъ. Пѣніе вмѣстѣ съ дымомъ вылетало наружу, сквозь широкое отверстіе низкой трубы и разносилось далеко по окрестности.

— Тише!.. Чу, слышите!.. Преступники поютъ!—говорили сосѣди-казаки и якуты и выходили въ сѣни постоять, посмотрѣть на звѣзды, послушать чужой, хватающей за сердце, пѣсни.

— Чужбина!.. чужбина!—вздыхали женщины.

Между тѣмъ, среди пѣвцовъ чарка вращалась неустанно;

вскорѣ всѣ уже пѣли. Даже Александровъ что-то мурлыкалъ. Одинъ Негорскій не пѣлъ и не пилъ.

— Зачѣмъ? Я чувствую, что и безъ водки сегодня пьянъ буду!.. Только поите! — защищался онъ отъ пристававшихъ товарищей.

По мѣрѣ того, какъ убывало въ графинѣ, мѣнялись мотивы и содержаніе пѣсенъ и пріобрѣтали все болѣе и болѣе странный характеръ. Наконецъ, Янъ, который пилъ больше всѣхъ, вдругъ заревѣлъ совершенно невпопадъ и, заглушая товарищей, принялся выводить совершенно самостоятельно.

— Ото реветъ!

— И фальшивитъ!..

— Невозможно!

— Молчать!

— Стыдно!

— Подъ нары!..—кричали на него со смѣхомъ.

— Что вы понимаете!.. Вы молокососы!.. Да вѣдь это... самая настоящая!—огрызнулся Янъ.—Мы пѣли ее, когда съ косами хаживали... на пушки!.. Да!.. Вотъ какъ!..

И, упершись руками въ бока, онъ еще шире разставилъ ноги, поднялъ вверхъ свою „двустволку" и ревѣлъ побѣдоносно:

Какъ ужасный левъ
Лишь почуетъ кровь...
Дындай!.. Дындай!.. Дындай!.. Дындай!..
Вѣдь у насъ есть Бебъ *),
Бояться не слѣдъ...
Дындай!.. Дындай!.. Дындай!.. Дындай!..

Онъ больше словъ не зналъ, но такъ какъ „дындай" могло продолжаться безконечно, то и этого оказалось достаточно.

Присутствующіе пробовали его унять, но когда это не подѣйствовало, Самуилъ махнулъ рукою:

— Оставьте!.. Пусть поетъ... ради такого торжества!

Хоровое пѣніе разрушилось, разбилось, расплелось на нѣсколько отдѣльныхъ пѣсенъ, словъ, мелодій... Всякій напѣвалъ, что помнилъ, зналъ и любилъ, а вмѣстѣ съ пѣснями набѣжали незамѣтно... и воспоминанія. Голоса постепенно замолкли. Только Янъ, хотя и охрипшій, ревѣлъ по

*) Испорченное Бемъ: Іосифъ Бемъ, генералъ артиллеріи польскихъ войскъ; въ 1848 году онъ руководилъ защитой революціонной Вѣны, а затѣмъ, послѣ Гёргэя, былъ назначенъ главнокомандующимъ венгерской арміи.

прежнему. Наконецъ, и онъ оборвалъ и оглянулся, изумленный воцарившейся тишиной.

— Что случилось?

— Ничего.

— А я вамъ скажу!.. — проговорилъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ Негорскій. — Я вамъ скажу: случилось то, что мы... бѣжимъ! Я долженъ вамъ сказать, я воспользуюсь тѣмъ, что всѣ мы вмѣстѣ, и скажу... Вѣдь всѣ мы тоскуемъ, вѣдь всѣ мы изводимся, такъ не лучше ли, чѣмъ исподволь тлѣть, возстать сразу?..

Въ юртѣ опять воцарилось глубокое молчаніе.

— Я тоже бѣгу...—проговорилъ рѣшительно Воронинъ, высовывая изъ темноты свое похоронное лицо.

Однако, никто не поддержалъ его; всѣ, какъ будто, еще чего-то ожидали.

— Бѣжимъ, непремѣнно бѣжимъ!..—повторилъ воодушевленно Негорскій.—Нашъ планъ вполнѣ реаленъ!.. Вы увидите, только послушайте...

Онъ схватилъ со стола подсвѣчникъ и подошелъ съ нимъ къ висѣвшей на стѣнѣ картѣ, другіе двинулись за нимъ вслѣдъ.

— Вотъ здѣсь, — объяснялъ онъ, указывая пальцемъ, — Джурджуй... А тутъ рѣка... А здѣсь, вотъ, ея притокъ Челемсья... Посмотрите, какъ далеко на западъ приходятся ея истоки. Оттуда не больше полутораста-двухсотъ верстъ къ долинѣ Лены... Рукой подать! Хребетъ не трудный для перевала: низкій и не широкій. Тунгусы обыкновенно этимъ путемъ возятъ въ Джурджуй товары... Я ихъ разспрашивалъ. Одно, говорятъ, неудобство: нигдѣ нѣтъ жителей, исключая окрестностей Джурджуя. Но для насъ это-то и удобно... Что вы скажете, а? Допустимъ, что мы долиной Челемси добираемся до горнаго перевала. Затѣмъ мы переходимъ его; далѣе на западномъ склонѣ хребта—вотъ тутъ недалеко,—какъ видите, начинается другая рѣчка, притокъ Лены. Вся, значитъ, дорога идетъ долинами рѣкъ. Длина ея достигаетъ 900 верстъ, допустимъ, что всю тысячу. На путешествіе уйдетъ, положимъ, все лѣто. Тогда мы выберемъ соотвѣтственное мѣсто и зазимуемъ. Александровъ и Красусскій владѣютъ прекрасно топорами, другіе выучатся, не мудрость! Построимъ себѣ домикъ, юртешку,—маленькую, тѣсную, лишь бы только... Будемъ охотиться, ловить рыбу... Дичи, всякаго звѣрья тамъ много. Пищи будетъ въ волю, возможно, что еще скопимъ запасы. Когда лошади отдохнутъ и пожирѣютъ послѣ первыхъ сильныхъ морозовъ, мы ихъ убьемъ, что намъ дастъ сразу нѣсколько десятковъ пудовъ хорошаго мяса. Изъ него приготовимъ консервы.

Весною построимъ лодку, выждемъ попутнаго вѣтра и поплывемъ вверхъ по теченію на югъ. Тамъ или прямо отправимся въ Иркутскъ, или повернемъ въ Енисейскъ... Можемъ тоже удобно опрятаться въ полчищахъ рабочихъ, отправляющихся на Витимъ на золотые промыслы. Вѣроятнѣе всего, что мы раздѣлимся на нѣсколько партій, и каждая направится, куда пожелаетъ. Но это второстепенныя вещи, это мелочи; главное: какъ выбраться изъ Джурджуя и какъ подольше законспирировать наше здѣсь отсутствіе? Лишь бы позволили убѣжать незамѣтно нѣсколько десятковъ верстъ, а тамъ ужъ свищи по бѣлу свѣту вѣтра! Мы спрячемся въ горахъ и будемъ кочевать, какъ тунгусы...

— Ну, какъ?..—спрашивалъ онъ настойчиво и, когда товарищи медлили отвѣтомъ, добавилъ горячо:

— Конечно, будетъ не разъ и голодно, и холодно, и много опасностей угрожаетъ намъ... возможно даже, что... погибнемъ... Но въ случаѣ удачи, вѣдь въ случаѣ удачи... свобода, воля! Прямо голова кружится... Смѣлость и молодость все преодолѣютъ, а терять намъ нечего! Что же? Согласны?..

— Совсѣмъ нѣтъ! — отвѣтилъ Александровъ. — Прежде всего такихъ вещей не рѣшаютъ, выпивши четверть водки!..

— Я не пилъ!—отвѣтилъ сухо Негорскій.—Но можно и отложить!

Онъ ушелъ отъ карты, поставилъ свѣчу на столъ и занялся самоваромъ, который, забытый, потухъ и остылъ.

Вскорѣ на столѣ появилась коврига чернаго хлѣба, принадлежащаго въ Джурджуѣ къ праздничнымъ лакомствамъ, затѣмъ мороженное масло въ кусочкахъ, точно сахаръ колотый, чашка мороженыхъ ягодъ, холодная жареная говядина и кипящій самоваръ. Негорскій занялся угощеніемъ товарищей,—„чѣмъ хата богата“, — и дѣлалъ это съ присущей ему сердечностью и привѣтливостью.

Проголодавшіеся гости съ нѣкоторой жадностью набросились на ѣду, но панъ Янъ властно остановилъ ихъ, осмотрѣлъ внимательно бутыль, содержимое въ ней раздѣлилъ строго поровну между всѣми, самъ выпилъ послѣднимъ, утеръ ротъ рукавомъ и подсѣлъ къ холодному мясу, закусывая имъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Нехорошо это вы надумали, нехорошо! — зоговорилъ онъ. — Не могу похвалить!.. Отъ этихъ плановъ только хуже всегда бываетъ!.. Ищешь лучшаго, а выходитъ наоборотъ... Знаю я это не изъ книгъ, не съ чужихъ словъ, а по собственному опыту... Чѣмъ больше тревожишься и хлопочешь, тѣмъ хуже!.. Поэтому я теперь уже ничего не предпринимаю и не предполагаю, а живу себѣ, какъ Богъ ве-

литъ!.. А вы этимъ только горя себѣ больше наживете!.. Вы, должно быть, думаете, что это шутки, пустяки... навѣрно, и понятія даже не имѣете, что такое здѣшняя тайга дремучая, какія кругомъ горы, болота и лѣса... Знаю я ихъ хорошо, самъ хаживалъ. А по картѣ такъ скоро двигаешься, потому что... гладкая! И не столько въ горахъ и лѣсахъ суть, какъ въ васъ самихъ... Развѣ вы знаете, что въ каждомъ изъ васъ сидитъ?.. Развѣ вы испробовали?.. Смерть совсѣмъ не то, она много легче... Но, когда холодъ и голодъ живого доймутъ, и когда не станетъ силъ и дыханія, тогда...

— Что касается этого, я думаю, панъ Янъ, напрасны ваши опасенія!..—вставилъ, насупившись, Негорскій.

Янъ спокойно взглянулъ на него и взялъ изъ табакерки здоровую понюшку табаку:

— Да вы за что же сердитесь? Я знаю, что вы всѣ хорошіе парнюги! Но вы бы спросили меня, стараго бродягу, я бы вамъ, можетъ, кой-что разсказалъ...

— Разсказывайте, мы съ удовольствіемъ послушаемъ!..—отвѣтилъ Самуилъ.

— Если позволите, я начну съ того времени, когда я былъ на службѣ въ Калужской губерніи...—проговорилъ Янъ съ широкой улыбкой и опять вынулъ табакерку.

— Конечно, конечно!..—отвѣтили ему весело слушатели и плотно придвинулись къ столу.

— Такъ вотъ, вы знаете, господа, что когда насъ, поляковъ, ловили въ лѣсахъ въ 63 году, то, кто поученѣе да постарше, тѣхъ или вѣшали, или въ каторжныя работы ссылали, а молодежь изъ простыхъ опредѣляли въ солдаты и высылали на службу въ глубь Россіи. И собралось, такимъ образомъ, въ Россіи въ каждомъ полку, въ каждой даже ротѣ нашихъ по нѣскольку человѣкъ, даже и того больше... И очень мы съ первоначалу дружно держались, и уважали насъ всѣ и даже боялись... И не только простые солдаты, но даже офицеры. Самъ полковникъ Левченко, хохолъ, позвалъ насъ однажды послѣ смотра и говоритъ: „благодарю васъ, ребята, ловко вы служите, а только прошу васъ: сидите теперь смирно! Я самъ польскую грудь сосалъ, понимаю, но... все пропало, и вы покоритесь!“ И приказалъ намъ выдать по полтинѣ на брата и по шкалику водки. Покориться!.. Легко это сказать, но какъ... покориться!.. И не то, чтобы служба!.. Боже упаси!.. Послѣ скитаній въ лѣсахъ, въ полку служба показалась намъ легче пера! А были мы все парни удалые, молодежь, отборъ!.. Должно быть, ловкачи, коли насъ въ столькихъ сраженіяхъ пули не хватали. Не службой мы тяготились, а тоской. Какъ

она пристанетъ, присосется къ человѣку, такъ будто лягушка за сердце уцѣпилась! Подерешься съ москалями въ кабакѣ, или прошляешься безъ отпуска нѣсколько дней по полямъ и лугамъ,—ну, и готовъ!.. Наказываютъ, въ штрафной журналъ записываютъ... На гауптвахту садятъ, дежурствами донимаютъ... Все мы терпѣливо переносили, все переносили, только прислушивались, нѣтъ ли вѣстей о возвратѣ... Разно сказывали. Что ни день, то новость! То говорятъ, что всему конецъ, усмирена Польша, то—что наши верхъ берутъ, плѣнниковъ захватили много и мѣняютъ на своихъ... Между прочимъ, прошелъ слухъ, что вся рота нашихъ съ оружіемъ и амуниціей по поддѣльнымъ бумагамъ улизнула на родину. Тутъ ужъ никто не въ силахъ былъ усидѣть!.. Стали мы по угламъ собираться, потихоньку совѣтоваться. Принялись насъ еще пуще стеречь, не пускали изъ лагерей и казармъ ни шагу, даже въ караулъ насъ, поляковъ, за городъ не посылали, а то часто приходятъ снять караульнаго, а на его мѣстѣ остались только шапка да ружье, а солдатъ.. адью-фрузью! Былъ въ нашей ротѣ нѣкто Шмидтъ. Онъ намъ говорилъ, что—полякъ. Шмидтъ, пускай Шмидтъ! Въ нашихъ городахъ много людей съ нѣмецками фамиліями—правильными оказываются поляками. За такого мы и Шмидта считали, только впослѣдствіи уже оказалось, что онъ былъ изъ нѣмецкихъ переселенцевъ... На видъ казался—мужикъ ничего. Даже больше: мы его считали за лучшаго... Проныра, смекалистая башка... Извернуться ли въ бѣдѣ, штуку ли кому-либо подстроить, властямъ надлежаще отвѣтить—все за первый сортъ дѣлалъ! По его совѣту, мы въ началѣ притаились, стали смирны, послушны, по службѣ исправны.. А тѣмъ временемъ потихоньку копили деньги, собирали сухари и, когда однажды насъ отправили въ баню, вмѣсто бѣлья взяли узелки и... адью-фрузью! Восемь насъ тогда человѣкъ сразу убѣгло. Всей бандой двинули на западъ... Сквозь лѣса, сквозь дебри, болота и степи, избѣгая людей, обходя села, пробирались мы, точно волки, по ночамъ въ эту нашу милую Польшу... Шмидтъ кой-что соображалъ по картѣ, были среди насъ и полѣсовщики, которые узнавали путь по звѣздамъ.—Долго мы такъ благополучно странствовали, пока не поѣли всѣхъ сухарей и не пришлось намъ заходить въ деревни за хлѣбомъ. Тутъ и начались неудачи, прямо отчаяніе. Кто пойдетъ за покупкой, тотъ рѣдко вернется. Выдавалъ насъ выговоръ. Когда мы впервые увидѣли издали, какъ мужики ведутъ нашего связаннаго товарища въ село, хотѣли броситься на деревню, сжечь ее... Шмидтъ удержалъ насъ: онъ все доказывалъ, что не слѣдъ ради одного столькихъ людей несчастными дѣлать. Мы рѣ-

шили ходить за хлѣбомъ по жребію. Съ тѣмъ, что уходилъ, прощались, какъ съ обреченнымъ на смерть А когда онъ возращался благополучно, будто такая охватывала всѣхъ радость,— шапки о земь, урра! объятья, пиръ!.. Чѣмъ дальше, однако, двигались, тѣмъ становилось хуже и труднѣе. Нѣсколько разъ натыкались на войско, но успѣвали скрыться. Разъ дровосѣки хотѣли насъ взять въ волость, но мы отняли у нихъ топоры и самихъ связали, хотя ихъ и было больше, чѣмъ насъ. Въ деревнѣ, гдѣ волость, и носа показать нельзя было. Шли мы, голодая, питаясь корешками да щавелемъ. И вотъ въ такое-то время Шмидтъ оставилъ насъ. Утромъ какъ-то проснулись, смотримъ — нѣтъ нашего вожатаго— убѣгъ! Деньги, карту, бумаги, даже вещи, что получше, все забралъ и исчезъ. Сначала мы опѣшили, одурѣли... Куда дѣться, куда направиться—ничего не знаемъ... Онъ за насъ думалъ. Одни говорятъ: москалямъ сдаться, другіе — измѣнника искать, третьи—идти, пока силъ хватитъ... Одинъ съ горя даже повѣсился. Ушелъ, молча, въ сторонку и раньше, чѣмъ мы разговоръ окончили—готовъ. Тутъ такая меня охватила злоба, что, пальцы положивши на петлю висѣльника присягнулъ я: измѣнника изъ-подъ земли добыть и не простить... И что скажете: мы вѣдь его поймали! Идетъ себѣ тропиночкой среди хлѣбовъ, узелокъ на палкѣ за спиной несетъ, колосья, что подъ руку на пути попадаются, спокойно рветъ и зерно въ ротъ сыпетъ... Будто ничего не случилось!.. Пѣсенку подъ носъ себѣ мурлыкаетъ... Вдругъ мы поднялись изъ травы... Поблѣднѣлъ, какъ привидѣніе, молча руку къ намъ протянулъ, будто отталкиваетъ... А мы...

Тутъ панъ Янъ значительно улыбнулся и медленнѣе обыкновеннаго полѣзъ въ карманъ за табакеркой.

— А вы?..—проговорилъ кто-то, менѣе сдержанный.

Вдругъ двери юрты съ громомъ растворились и влетѣлъ убѣленный инеемъ Делиль, который давно уже куда-то исчезъ.

— Господа!. Исправникъ, помощникъ, командиръ, Варлаамъ Варлаамовичъ... весь городъ... ѣдутъ... Сейчасъ здѣсь будутъ!.

— Что такое?

— Гдѣ?!.

— Какъ?

— Зачѣмъ?

— По какому поводу?

— Гдѣ же это ты былъ, Мусья?!

Они забросали его вопросами, въ замѣшательствѣ поднявшись съ мѣстъ.

— Гдѣ былъ, тамъ былъ!—отвѣтилъ важно французъ.—

Только, честное слово, не лгу. Черевинъ ихъ подбилъ... Вотъ они уже пріѣхали, слышите?!

Дѣйствительно, лошадиный топотъ и позвякиваніе колокольчиковъ вдругъ стихли и оборвались у подъѣзда юрты. Въ избу вбѣжалъ казачій пятидесятникъ и, придерживая открытыми двери, почтительно прошепталъ:

— Его высокоблагородіе начальникъ округа... сейчасъ будутъ...

Въ то же время въ дверяхъ показался закутанный въ мѣха мужчина. Гордымъ движеніемъ онъ сбросилъ шубу на руки казаку, вѣжливо поклонился всѣмъ головою и сдѣлалъ нѣсколько неувѣренныхъ движеній въ сторону политическихъ ссыльныхъ, столпившихся въ глубинѣ юрты.

— Съ праздникомъ!.. Развлекаетесь, господа?—спросилъ онъ съ улыбкой, взглядывая на стоящую на столѣ бутыль. Ему придвинули стулъ, но никто изъ присутствующихъ не отвѣтилъ на его вопросъ. Между тѣмъ, въ юрту входили все новые и новые гости и останавливались позади исправника. Становилось тѣсно и душно; непріятный запахъ выпитой, прогорѣлой водки, пряныхъ приправъ и турецкаго табаку отравили и безъ того испорченный попойкой воздухъ избы.

— Что же вы, господа, подѣлываете? А можетъ быть, мы помѣшали? Можетъ быть, какое-нибудь важное совѣщаніе?—пробовалъ шутить начальникъ округа. По мѣрѣ того, какъ онъ трезвѣлъ, онъ чувствовалъ все сильнѣе двусмысленность того положенія, въ которое онъ позволилъ себя вовлечь. Это былъ первый его визитъ политическимъ ссыльнымъ.

— Господа, господа!.. Надо жить съ людьми и... для людей...—бормоталъ крѣпко пьяный Черевинъ, проталкиваясь сквозь толпу отъ порога.—Спой что-нибудь, голубчикъ. Самуилъ, ты нашъ... со-ло-вей...

Ссыльные все молчали, сбившись въ кучу. Одинъ Делиль пролепеталъ какое-то извиненіе. Положеніе становилось все напряженнѣе.

— А нѣтъ ли какихъ-либо жалобъ, претензій?..—спросилъ вдругъ по-чиновничьи исправникъ, приподымаясь со стула.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!.. Мы бы ихъ доставили въ... полицію!—отвѣтилъ предупредительно, но твердо Александровъ.

Исправникъ опять сдѣлалъ головой общій поклонъ и, получивши въ отвѣтъ такое же прощаніе, кивнулъ на казака, чтобы тотъ подалъ ему шубу.

И гости ушли, какъ пришли, шумно, надменно, черезчуръ широко, по-барски раскрывая двери и выстуживая юрту.

II.

Лѣса, болота и горы.

I.

Когда зимніе снѣга одѣнутъ землю, когда побѣлѣютъ отъ инея лѣса, окрестности Джурджуя, вся принадлежащая ему горная страна превращается какъ бы въ громадный таборъ великановъ, застигнутыхъ неожиданно зимою въ пути, безпорядочно улегшихся и уснувшихъ подъ общимъ бѣлымъ покрываломъ. Загораются ли надъ ними розовыя зори, серебрится ли лунная звѣздная ночь, или солнечный свѣтъ сіяетъ радужнымъ блескомъ, они спятъ все тѣмъ же сномъ безпробуднымъ, все также неподвижные и безучастные. И только въ дни особенно тихіе и морозные легкій туманъ, дымящійся въ глубокихъ падяхъ и въ чащахъ тайги, намекаетъ, что тамъ, подъ снѣгами, что-то дышетъ, что-то живетъ... Изрѣдка прокатится по окрестностямъ глухой гулъ, похожій на мощный вздохъ или стонъ, и дрогнетъ отъ него земля, и посыплются снѣга и хлопья инея съ древесныхъ вѣтвей.

Долина Джурджуя ничѣмъ не отличается отъ своихъ сосѣдокъ. Кругомъ нея подымаются такія же зубчатыя вершины, бѣлыя, дикія, недоступныя и совершенно неизслѣдованныя—какъ и кругомъ другихъ долинъ; онѣ такъ же отчетливо обозначаются на темномъ небосклонѣ и такъ же мертвенно бѣлы, какъ ихъ сосѣдки, и придаютъ окрестностямъ такой же видъ холоднаго, мраморнаго исполинскаго кружева, перевитаго узоромъ лѣсовъ. Кольцо горъ, на первый взглядъ, плотно смыкалось кругомъ Джурджуйской долины, но, въ сущности, въ немъ были два пролома—двѣ скалистыя щели, сквозь которыя врывалась въ долину и уходила изъ нея бурная рѣка Джурджуй, стремительно несущаяся среди каравановъ горъ къ далекому океану.

Маленькій вѣнокъ пятидесяти джурджуйскихъ домовъ почти беслѣдно исчезалъ въ бѣлой снѣговой усыпальницѣ долины. Только узенькія желтыя нити дорогъ, сбѣгающихъ къ одному центру, да небольшія порубки по тайгѣ указывали на близость „столицы пустынь“, какъ называлъ городокъ мѣстный учитель. Чтобы оцѣнить вѣрность учительскаго опредѣленія, необходимо было пространствовать недѣли по этимъ нитевиднымъ дорогамъ, заскучать по человѣческому обществу и человѣческому жилищему. Тогда и городъ Джурджуй казался великолѣпнымъ. Всѣ дома

„столицы“, между тѣмъ, были отмѣнно плохи, построены въ безобразномъ русско-якутскомъ „обще-губернскомъ“ стилѣ. Плоскія кровли, стѣны изъ круглыхъ бревенъ, обмазанныхъ глиной, смѣшанной съ навозомъ, окна маленькія, двери низенькія, обшитыя косматой коровьей кожей. Во дворѣ обыкновенно помѣщались амбары съ плоскими крышами безъ оконъ, иногда, у богатыхъ, соединенныя съ жилымъ помѣщеніемъ крытыми сѣнями.

Таковы были джурджуйскіе „дворцы“.

Среди нихъ, точно дорогой топазъ въ вѣнцѣ „столицы“, горѣлъ большими стеклами оконъ желтый домъ полицейскаго управленія. Онъ былъ покрытъ остроконечной кровлей. обладалъ вполнѣ европейской наружностью и стоялъ особнякомъ на небольшой площадкѣ, что производило впечатлѣніе, какъ-будто остальныя строенія пугливо раздвинулись, избѣгая столь лестнаго сосѣдства. Ближе всего къ полицейскому управленію стояла „караулка“ и казенныя магазины соли и муки. Далѣе, на сѣверъ и югъ, рядами тянулись дома мѣстной аристократіи—помѣсь европейской и якутской архитектуры. Заканчивались они на югѣ церковью, на сѣверѣ—кабакомъ богатаго якута Таза. Отсюда вѣнокъ домовъ переходилъ на другой берегъ озера, гдѣ ютились исключительно юрты бѣдняковъ. Эти постройки принадлежали уже совершенно къ мѣстной архитектурѣ и напоминали лѣтомъ громадныя кучи навоза, а зимою—снѣговые бугры съ ледяными оконцами, крошечными, точно глазки туземцевъ. Посрединѣ этихъ жилыхъ бугровъ подымались жерла деревянныхъ трубъ, вѣчно изрыгающихъ дымъ, пламя и искры.

Цѣпь строеній въ обоихъ кварталахъ города была рѣдка, такъ что вездѣ просвѣчивала тайга; мѣстами лѣсъ и болота прямо проникали внутрь города, заставляя улицы дѣлать изгибы и повороты. Случалось, что изъ кустовъ уже въ самомъ городѣ выскакивали зайцы или вспархивали стаи бѣлыхъ куропатокъ. Обыватели разсказывали, что приходили сюда и лисицы и даже волки, а мѣстный попъ, почтенный отецъ Акакій Ферапонтовичъ, утверждалъ, что разъ повстрѣчался тамъ даже съ „окаменѣлымъ мамонтомъ“.

Всѣ ссыльные, исключая Черевина, жили въ кварталѣ бѣдняковъ.

Наступила зимняя морозная ночь, вверху — звѣздная, внизу—туманная. Негорскій, стоя на крышѣ своей юрты, тщетно доискивался въ разстилавшихся подъ нимъ туманахъ юрты своего друга, Александрова. Она безслѣдно исчезла въ причудливомъ, мутномъ узорѣ бѣлой мглы, темныхъ, угловатыхъ пятенъ строеній, трепетныхъ огней въ

окнахъ и кроваваго блеска пламени, густо вылетавшаго изъ низкихъ трубъ. Негорскій уже собирался спуститься внизъ, когда вдругъ услышалъ скрипящіе по снѣгу шаги и замѣтилъ знакомую фигуру, бойко шагавшую по озеру.

— Панъ Янъ, вы куда это?—окрикнулъ онъ прохожаго сквозь сложенную въ рупоръ ладонь.

— Аа?!.. Это вы!.. Къ Тазу иду, поиграть въ картишки!.. Что-то скучно!..

— Не знаете, гдѣ Красусскій?

— Какъ не знать! Знаю: сидитъ у меня и, будто, сапоги тачаетъ!.. Ну и шьетъ, чортъ его возьми!.. Если бъ было шитье, развѣ я бы ушелъ!.. Конечно, пустое... Старуха моя его ругаетъ, а онъ втихомолку за Майкой ухаживаетъ!..

— Не говорилъ онъ вамъ: Александровъ дома, или нѣтъ?

— Нѣтъ, не говорилъ. А вы все о томъ же, о... своемъ... Ээ...хъ! скверно!.. Нѣтъ моего согласія!.. Спокойной ночи!

— Что?!. Что такое?!.. Развѣ случилось что-нибудь новое?

Янъ, въ отвѣтъ, махнулъ рукою и исчезъ. Туманъ поглотилъ его. Негорскій сошелъ съ крыши. Немного погодя, тепло одѣтый, онъ уже направлялся по озеру къ жилищу, помѣщавшемуся на томъ берегу, прямо противъ полицейскаго управленія. Но онъ не сразу вошелъ въ домъ, и долго гулялъ задумчиво по тропинкѣ, не замѣчая ни холода, ни скрипа снѣга, пронзительно звучавшаго подъ его сапогами, не чувствуя, какъ коченѣетъ на немъ платье и какъ иней осѣдаетъ на его усахъ и шапкѣ. Онъ все размышлялъ объ Александровѣ и о своемъ къ нему отношеніи, онъ боялся испортить все дѣло чрезмѣрной поспѣшностью и уступчивостью.

— Ахъ, это самолюбіе, которое примѣшивается вездѣ и ко всему и все портитъ! Неужели нѣтъ людей, совершенно свободныхъ отъ него? Не лучше ли подождать?! Вышло бы много ловчѣе, если-бъ этотъ упрямецъ самъ обратился первый! Насколько я его знаю, прямо не мыслимо, чтобы проектъ побѣга не задѣлъ, не заинтересовалъ его!.. Онъ чувствовалъ бы себя несомнѣнно обиженнымъ, если-бъ я не предложилъ ему! Между тѣмъ, онъ не... является. Что все это значитъ не пойму! Какъ мало въ людяхъ простоты? Вѣдь времени-то мало, а работы много, а тутъ еще возись! Или... поведеніе его означаетъ, что онъ не согласенъ?.. Тогда, тогда... мы бы двинулись втроемъ: я, Красусскій и Воронинъ. Пусть будетъ, что будетъ!..

Негорскій остановился рѣшительно передъ юртой Александрова и взглянулъ въ ея темныя окна.

— Нѣтъ его. Куда онъ могъ пойти? Развѣ къ Самуилу. Возможно, впрочемъ, что онъ сидитъ въ своей каморкѣ?

Негорскій открылъ двери и вошелъ.

— Кто тамъ?—окликнулъ его знакомый голосъ.

— Это я, Негорскій. Что такъ... въ темнотѣ? Ради сбереженія?!.. Не зажигай, не зажигай!..—пробовалъ онъ остановить Александрова, который чиркнулъ спичкой. Тотъ пробормоталъ что-то сквозь зубы и зажегъ свѣчку. Затѣмъ вынулъ изо рта потухшую трубочку и принялся набивать ее свѣжимъ табакомъ изъ стоящей на столѣ коробки. Крупная фигура его въ коротенькомъ тулупчикѣ, въ мѣховой шапкѣ на головѣ, съ широко разставленными локтями, казалась еще неуклюжѣе при этомъ кропотливомъ занятіи. Александровъ помалкивалъ и оглядывалъ гостя вопросительнымъ взглядомъ. Тотъ раздѣлся, сѣлъ, но тоже молчалъ. Тогда хозяинъ принялся опять гулять по избѣ тѣмъ тяжелымъ, мѣрнымъ шагомъ, какимъ ходятъ заключенные, привыкшіе двигаться на маленькомъ пространствѣ.

— Что-жъ: гора довольна, что Магометъ явился?—спросилъ, наконецъ, Негорскій.

Александровъ остановился и поднялъ брови.

— Согласись, что это прямо позорно, что два честныхъ человѣка, два товарища, загнанные на край свѣта, прекращаютъ сношенія, измѣняютъ дружбѣ только потому, что одинъ сказалъ то, а другой другое!.. — началъ мягко Негорскій. — Или ты нашелъ уже такое руководство, такой рецептъ, который точно и непреложно позволяетъ тебѣ отличить безусловную истину? Развѣ въ сущности мы не стремимся къ тому же? Такъ нѣтъ же: все должно быть по твоему, все должно походить точь въ точь на то, что исповѣдуешь ты?

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ ворчливо Александровъ.

— Но вѣдь не скажешь же ты, что не сердился на меня? Вѣдь ты двѣ слишкомъ недѣли не являлся ко мнѣ!

— Да, но и ты не являлся!

— Это другое дѣло. Я не ходилъ къ тебѣ и раньше. Такъ сложились обстоятельства. Ты самъ признавалъ, что у васъ невозможно поговорить по душѣ, что постоянно вертится здѣсь Мусья или Красусскій куетъ. Такъ сложилось, что ты ходилъ ко мнѣ. Когда ты не пришелъ подъ рядъ два дня, я понялъ, что не хочешь встрѣчаться со мною. А въ праздники? какъ ты со мною обращался? Честное слово, ты много нѣжнѣе былъ даже съ... Петровымъ.

Александровъ улыбнулся.

— Дѣйствительно, ты задѣлъ меня,—проговорилъ онъ неохотно. — Ты крайне рѣзокъ въ спорѣ. Бьешь словами, точно палкою. Но хуже всего, что ты извращаешь возраженіе оппонента, пользуешься его отдѣльными неудачными выраженіями, притворяешься, что не понимаешь противника

чтобы смутить его, между тѣмъ—всѣмъ ясно, что прекрасно понимаешь... Подчасъ это возмутительно... Я долго мирился съ этимъ, прощалъ тебѣ нехорошія выходки, подкупленный твоей горячностью и искренностью. Я предостерегалъ тебя, что это дурной способъ обращенія съ людьми, что ты не убѣждаешь ихъ, а отталкиваешь своей страстностью. Въ послѣдній разъ ты превзошелъ самого себя въ изступленіи...

По лицу Негорскаго прошла легкая судорога.

— Хорошо. Допустимъ, что я невозможенъ, но въ последній-то разъ и ты... Вообще упрекать другъ друга намъ въ тотъ разъ не въ чемъ... Развѣ ты не сказалъ мнѣ, что я сознательно подтасовываю факты, что я беру въ доказательство изъ всякаго событія только то, что мнѣ удобно... А вѣдь если-бъ я даже поступалъ такъ, то я именно слѣдовалъ бы твоей теоріи: вѣдь нѣтъ объективной истины, вѣдь нѣтъ у человѣчества другихъ міровыхъ мѣрилъ, кромѣ личныхъ ощущеній...—защищался страстно Негорскій.

— Опять пошла метафизика!..—проворчалъ Александровъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, а впрочемъ... пусть будетъ метафизика. Я не за этимъ пришелъ къ тебѣ. Прости мнѣ, если я задѣлъ тебя. Дай руку!.. Ты мнѣ дорогъ, и ты это знаешь!. А теперь ты мнѣ нуженъ!..

Они обнялись.

— Врагъ насъ давитъ, а мы еще ссоримся, другъ другу подбавляемъ горя!.. Странная вещь человѣческая природа!—говорилъ Негорскій, беря подъ руку товарища и прогуливаясь съ нимъ по избѣ.

— Иногда и ссора пригодится. Сознайся, что, если-бъ не она, этотъ отчаянный проектъ побѣга не пришелъ бы тебѣ въ голову.

— Возможно. И раньше онъ мнѣ мерещился, но неясно. Въ эти двѣ недѣли меня страшно мучила тоска!.. Не съ кѣмъ было слова сказать. Ты ихъ знаешь: Самуилъ остроуменъ, но холоденъ, какъ джудржуйскій ландшафтъ, въ повседневныхъ сношеніяхъ часто не возможенъ. Онъ все скрытничаетъ, подстерегаетъ всякое слово, ко всякой мелочи придирается. Въ сущности, порядочный и честный челосѣкъ, но... откровенничать съ нимъ я не люблю. Петровъ черезчуръ влюбленъ въ собственное краснорѣчіе, не любитъ и не умѣетъ слушать другихъ. Гликсбергъ склоненъ слушать только Петрова. Словомъ, не съ кѣмъ было душу отвести, не съ кѣмъ подѣлиться мыслями. Выйду на прогулку, взгляну на окрестности: снѣгъ, холодъ, туманъ... А вверху все та же непроглядная занавѣсь безконечной, безпросвѣтной ночи. Тишина, только собаки воютъ. Тьма, на-

зойливая, отвратительная, непобѣдимая тьма. И завтра, и послѣзавтра все то же самое... Ужасная, умопомрачительная тьма! Возвращаюсь съ прогулки домой, ничуть не освѣжившійся, такой же измученный и раздраженный, какъ и раньше... Тоска разъѣдаетъ мозгъ, отравляетъ кровь, сосетъ сердце, гонитъ прочь сонъ... грызетъ непрерывно, хуже лютаго звѣря!.. Довольно! Я не въ силахъ дольше терпѣть... Почему проектъ мой кажется тебѣ отчаяннымъ?

Александровъ на мгновеніе задумался, затѣмъ взялъ со стола свѣчу и повелъ друга въ сосѣднюю комнату за перегородку, гдѣ стояла его кровать, надъ которой висѣла такая же карта Сибири, какъ у Негорскаго.

— И я не разъ думалъ о побѣгѣ... Впрочемъ, послушай раньше, что сообщу тебѣ о твоемъ планѣ. Сознайся, что объ этихъ мѣстностяхъ, по которымъ пролегаетъ твой предполагаемый путь, ты ровно ничего не знаешь. На свѣдѣнія, почерпнутыя изъ карты, смѣшно опираться. Вѣдь извѣстно, что тамъ никто не былъ. Большинство мѣстоположеній горъ и рѣкъ назначено прямо наугадъ, приблизительно, по указаніямъ туземцевъ. О характерѣ дороги тоже знаемъ не больше. Значитъ, идти придется наобумъ, и приготовиться необходимо ко всякимъ неожиданностямъ. Приготовленія, самыя скромныя, стоятъ дорого, а мы бѣдны, очень бѣдны. Мы не можемъ мечтать о покупкѣ лошадей. Впрочемъ, это не мыслимо еще потому, что сразу обратило бы на насъ вниманіе. Но у насъ и безъ того нѣтъ средствъ даже на покупку оружія, провіанта, одежды, а все это нужно намъ хорошее, новое, лучшаго сорта. Изъ нашего содержанія мы не въ состояніи урѣзать уже ни копѣйки. Мы и безъ того голодаемъ. Пособіе разсчитано такъ, что при самой нищенской жизни мы наши мѣсячные „бюджеты“ заканчиваемъ обыкновенно съ дефицитомъ. Заработковъ нѣтъ. Не вижу источника, откуда мы могли бы добыть двадцать, даже десять рублей, а расходы на побѣгъ пахнутъ сотнями. Остается пойти въ тайгу прямо съ топоромъ за поясомъ и только!

— Значитъ, ты не согласенъ.

— Я этого не сказалъ. Наоборотъ. Только это ужъ будетъ не побѣгъ, это будетъ протестъ. Пойдемъ—и погибнемъ. За то обратимъ вниманіе политическихъ ссыльныхъ, брошенныхъ въ такія же, какъ наша, трущобы. Колеблющіеся или ослабѣвшіе товарищи услышатъ о нашемъ протестѣ, окрѣпнутъ, воспрянутъ духомъ, устыдятся...

— Или пуще оробѣютъ! - подумалъ Негорскій.—Хорошо,— сказалъ онъ громко, - меня, главнымъ образомъ, интересуетъ на этотъ разъ твое согласіе. Ты бѣги для протеста. Прекрасно!.. А мы побѣжимъ потому, что хотимъ убѣжать. Я глу-

боко вѣрю въ возможность успѣха. Не такъ ужъ все худо какъ кажется. Ты только послушай...

Онъ подсѣлъ на кровать къ Александрову и, живо жестикулируя, сталъ ему доказывать. Александровъ, грузно нагнувшись, внимательно слушалъ.

— У насъ есть кой-какія вещи. Мы можемъ собрать ихъ и разыграть въ лотерею. Мусья прекрасно намъ это устроитъ..

— Ахъ, этотъ Мусья! Прежде всего необходимо убрать его самого изъ нашей юрты и держать все время по возможности дальше. Онъ все разболтаетъ.

— Хорошо. Будемъ его держать подальше, но уже... послѣ того, какъ онъ распродастъ наши билеты. Затѣмъ, какъ только мы окончательно рѣшимъ нашъ побѣгъ, я сейчасъ же напишу къ родственникамъ, чтобы они выслали на имя Таза нѣсколько сотъ рублей. Тазъ, тѣмъ временемъ, откроетъ намъ кредитъ. Я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ, и онъ почти согласился. Все нужное намъ для прожитья возьмемъ у него, даже лишнее возьмемъ. Чай, табакъ мы можемъ понемногу распродать. Такимъ образомъ, мы скопимъ немного денегъ. Затѣмъ постараемся еще сократить наши личные расходы. Перестанемъ, напримѣръ, ѣсть хлѣбъ, замѣнимъ его якутскимъ масломъ; бросимъ курить, переберемся всѣ въ одну юрту...

Онъ долго перечислялъ всѣ эти сбереженія, не пропуская мельчайшей подробности, благопріятствующей предпріятію. Это было удивительное кружево мечтаній и надеждъ до того тонкихъ и воздушныхъ, что достаточно было разорваться одной нити, чтобы все разстроилось. Александровъ часто покачивалъ головою, но молчалъ. Красусскій, который незамѣтно вошелъ въ юрту, остановился въ дверяхъ и глядѣлъ на нихъ съ улыбкой.

— Только ты, Матвѣй съ розгой, да ты, Матвѣй съ дубинкой, согласитесь оба!..—сказалъ онъ вдругъ по-польски стихъ Мицкевича.

— А!.. Ты пришелъ. Хорошо. Я повторю тебѣ все, къ чему мы пришли!—обратился къ нему Негорскій, поднимая голову.

Онъ пересказалъ юношѣ вкратцѣ возраженія Александрова и свои замѣчанія и отвѣты.

Красусскій добавилъ нѣсколько словъ отъ себя.

— Карту лучше нашей,—кажется, десятиверстную, —я видѣлъ у учителя. Ее можно достать. Отъ него также можно получить много свѣдѣній относительно дороги. Учительша ведетъ торговыя дѣла съ тамошними туземцами. Дѣти многихъ изъ нихъ обучаются въ городской школѣ. Учительская кухня всегда полна всякаго рода инородцевъ. Лотерею тоже

не трудно будетъ устроить при помощи учительши, которая очень къ намъ расположена.

— Даже къ *намъ*!.. — подчеркнулъ Негорскій, взглядывая изъ подлобья на Красусскаго.

— Ну, да! Оба они хорошіе люди. Онъ даже охотно посѣщалъ бы насъ, да боится исправника. Какъ-то онъ сознался мнѣ, что въ глубинѣ души онъ соціалистъ...—разсмѣялся юноша.—Пойду къ нимъ завтра и выспрошу койчто осторожно. Распродажу билетовъ тоже беру на свою отвѣтственность. Поговорю объ этомъ съ учительшей и съ Мусьей...

Въ концѣ юноша добавилъ, что изъ его вещей, кромѣ часовъ, годятся для розыгрыша также охотничьи сапоги съ голенищами и „совсѣмъ еще порядочная" куртка. Онъ выразилъ при этомъ сомнѣніе, выгодно ли будетъ уйти изъ юрты Негорскаго ради нѣсколькихъ рублей сбереженія.

Она стоитъ на краю города, примыкаетъ къ кустамъ и къ озеру, оттуда удобнѣе всего отправлять за городъ вещи и выводить лошадей. По его мнѣнію, тамъ слѣдовало бы устроить мастерскую, а сухари и мясо сушить въ юртѣ Александрова. Сюда придется никого не пускать; теперь этого нельзя сдѣлать, такъ какъ, пока въ юртѣ Александрова мастерская, нельзя запретить ходить въ нее людямъ, не возбуждая подозрѣній.

Они рѣшили попросить Мусью поискать себѣ квартиру; на его мѣсто къ Александрову долженъ былъ перейти Негорскій, а Красусскій переселялся въ юрту Негорскаго и переносилъ туда свою мастерскую. Въ то же время они постановили съ завтрашняго же дня начать собирать свѣдѣнія, искать денегъ и лошадей... одну лошадь, двѣ лошади, трехъ лошадей... сколько возможно... Затѣмъ рѣшили исподволь пріучать жителей Джурджуя и его властей къ своимъ отлучкамъ за городъ, на охоту и подальше въ окрестности...

— Дѣйствительно. Мы сидѣли дома, точно сычи...—замѣтилъ Негорскій.

— Не зачѣмъ было! Главное—осторожность!.. Говорить самое необходимое, и только тѣмъ, которые участвуютъ въ дѣлѣ...—замѣтилъ Александровъ.

— Всѣ конспиративные разговоры съ „вѣрными человѣками" ведутъ, въ концѣ концовъ, къ проваламъ и только. Люди невольно выдаютъ себя намеками, недомолвками, замѣчаніями, повидимому, невинными и понятными только имъ. Ненавижу всѣ эти шептанія знаки конспиративные, условности, ненавижу конспирацію... Поэтому я радъ, что Петровъ и Гликсбергъ не участвуютъ... Опасаюсь я также твоей

учительши... Объ этой бабѣ разное толкуютъ, и не все хорошее...—обратился онъ къ Красусскому.

— И я тоже... опасаюсь!—сказалъ значительно Негорскій.—Красусскій покраснѣлъ до ушей, насупился и ушелъ вглубь квартиры.

— Нельзя улыбнуться, сейчасъ сплетни. Правда, учительша хороша собой, но что изъ этого! Я посѣщаю ихъ, потому что они меня любятъ, а любятъ они меня за веселость... Негорскій думаетъ, что только ссыльнымъ скучно и тоскливо въ Джурджуѣ!..

Непріятно было Негорскому возвращаться въ тотъ вечеръ въ свою пустую юрту, но дѣлать было нечего. Александровъ ложился рано и рано вставалъ по утру. Подъ конецъ онъ, сонный, вялый, не отвѣчалъ на вопросы и, казалось, мало вникалъ въ то, что ему говорилось. Красусскій спалъ, не раздѣвшись, на кровати. Въ довершеніе явился Мусья, помѣшалъ занимавшему ихъ разговору и сталъ разсказывать городскіе сплетни и слухи. Негорскій ушелъ, возбужденный и разстроенный. Когда онъ подходилъ къ своей юртѣ, мимо него въ морозномъ туманѣ промелькнула размашистая, косматая фигура.

— Воронинъ, это ты?!

— Это ты Негорскій!.. Прекрасно... Тебя-то и ищу!..

— Что случилось? Мчишься и сопишь, точно пароходъ! А можетъ быть, только такъ... поболтать!

Воронинъ долго размышлялъ.

— Нѣтъ!.. Въ сущности, ничего не случилось... Но, напримѣръ, что бы ты сказалъ, если бы... воздушный шаръ, а?

— Воздушный шаръ?! Прелесть!.. Но войдемъ въ юрту, а то холодно.

— Оболочку, вмѣсто китайки, мы бы могли сшить изъ ситцу, насыщеннаго непромокаемымъ растворомъ, водянымъ стекломъ или мыломъ, обработаннымъ квасцами... Свѣтильный газъ можно получить, перегоняя древесный уголь въ жестяныхъ коробкахъ. Я говорилъ уже объ этомъ съ Красусскимъ, и онъ не видитъ неодолимыхъ препятствій. Вѣдь намъ нѣтъ нужды высоко подыматься. Лишь бы только немного выше лѣсу... А вѣдь какъ славно полетѣли бы мы, неправда ли?! То-то джурджуйскіе обыватели открыли бы рты!.. Понеслись бы мы?!. Что?!. Понеслись!..

— Ой, ой!.. И какъ еще полетѣли бы!..—весело подхватилъ Негорскій.

Друзья вошли въ юрту, и долго въ эту ночь блестѣлъ у нихъ свѣтъ въ окнѣ.

В. Сѣршевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ записокъ М. Л. Михайлова.

Дома.

I.

Въ послѣдній день августа 1861 г., поутру, я зашелъ зачѣмъ-то въ книжную лавку Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ. Я стоялъ у прилавка и перелистывалъ какую-то книгу. Въ это время туда явился, гремя саблей, приземистый жандармскій офицеръ въ шинели,—судя по апломбу и по немолодой корявой рожѣ, уже въ штабскихъ чинахъ. Онъ обратился къ стоявшему около меня приказчику съ вопросомъ, гдѣ тутъ живетъ управляющій домомъ. Приказчикъ сказалъ, что въ глубинѣ двора, и прибавилъ, что можно пройти черезъ магазинъ. Жандармъ попросилъ провести его и пошелъ вслѣдъ за приказчикомъ.

Другой приказчикъ, на другой сторонѣ лавки, старый мой пріятель, Василій Яковлевичъ Лаврецовъ, пришелъ въ неописанное волненіе отъ этого неожиданнаго визита.

— Да вѣдь это Ракѣевъ!—кричалъ онъ мнѣ.—Ракѣевъ вѣдь!

— Какой Ракѣевъ?—спросилъ я.

— Вы Ракѣева не знаете? Ракѣева?—восклицалъ Лаврецовъ.— Вѣдь это онъ меня въ Третье Отдѣленіе бралъ.

Лаврецовъ былъ довольно долго библіотекаремъ въ публичной библіотекѣ Крашенинникова (бывшей Смирдинской), на Михайловской площади, и я тамъ съ нимъ познакомился. Его знаніе своего дѣла, симпатичный характеръ, страсть къ чтенію и большая любознательность сблизили его скоро со многими молодыми людьми, посѣщавшими библіотеку для своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій. Какъ бѣдный мѣщанинъ, Лаврецовъ не получилъ никакого образованія, и обязанъ былъ всѣмъ себѣ. Въ 1857, кажется, году онъ былъ арестованъ за то, что выдавалъ для чтенія абонентамъ библіотеки нѣсколько лондонскихъ русскихъ изданій, собрать которыя стоило ему большого труда. Его продержали нѣсколько времени въ Тайной канцеляріи и затѣмъ отправили изъ Петербурга въ Вятку, подъ надзоръ полиціи. Правительство тогда еще

либеральничало, вертя передъ публикой радужную призму будущихъ реформъ и воображая, что можетъ держаться однимъ краснорѣчіемъ, не купая рукъ въ крови *). Лаврецова вскорѣ возвратили, и онъ поступилъ приказчикомъ въ книжный магазинъ Кожанчикова.

— Онъ это! Онъ!—продолжалъ Лаврецовъ волноваться. — Ракѣевъ! Его лицо. Я его хорошо помню,—не ошибусь. — Это вѣдь Ракѣевъ былъ?—обратился онъ къ возвратившемуся приказчику.— Зачѣмъ онъ?

Я вскорѣ ушелъ и, конечно, забылъ бы объ этой встрѣчѣ, если бы о ней не напомнило мнѣ очень ясно слѣдующее утро.

II.

Въ это утро, то есть 1-го сентября, когда только что начинало свѣтать, меня разбудили торопливые шаги горничной мимо моей спальни къ двери прихожей.

— Что такое?—спросилъ я.

— Къ вамъ кто-то; того и гляди, колокольчикъ оборвутъ.

Тутъ и мнѣ послышался звонокъ, который надо было рвать слишкомъ сильно, чтобы у меня было его слышно.

Въ отворяемой двери прихожей загремѣли сабли, и около двери спальни тотчасъ же показалась высокая фигура полковника съ краснымъ воротникомъ. Слегка притворяя дверь, онъ произнесъ:

— Потрудитесь одѣться, m-r Михайловъ. Мы обождемъ.

Лицо этого господина мнѣ было нѣсколько знакомо; но я не сразу вспомнилъ, гдѣ я его видалъ.

Цѣль, съ которой онъ прибылъ, для меня тотчасъ объяснилась, когда изъ-за него выглянулъ голубой мундиръ и исковыренное лицо вчерашняго полковника. Съ ними былъ еще квартальный, длинный, испитой и блѣдный.

Когда я набросилъ халатъ и вышелъ въ кабинетъ, ранніе гости отрекомендовались мнѣ:

— Полковникъ Золотницкій.

— Полковникъ Ракѣевъ.

Первый, полицеймейстеръ званіемъ, объявилъ мнѣ съ должными извиненіями, что они имѣютъ порученіе произвести у меня *маленькій* обыскъ.

Затѣмъ онъ спросилъ, гдѣ кончается моя квартира, и затворилъ дверь кабинета въ половину Шелгуновыхъ.

— Вы, какъ имѣется свѣдѣніе, привезли что-то недозволенное

*) Около того же времени, помнится, въ газетахъ было напечатано, что кто-то (кажется, Мухинъ по фамиліи) читалъ въ одномъ трактирѣ въ Петербургѣ „*Колоколъ*“ и былъ за это *только* сосланъ подъ полицейскій надзоръ въ Петрозаводскъ или куда-то въ другое мѣсто на сѣверъ. Теперь за это шлютъ уже въ каторгу.

изъ-за границы,—объяснилъ Золотницкій. — Позвольте посмотрѣть ваши бумаги, книги.

Жандармскій усѣлся за мой письменный столъ, спросилъ, нѣтъ ли у меня въ немъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, и сталъ выдвигать ящики, вынимать бумаги, письма и проч.

— Это что-съ?

— Это семейныя письма.

— Это мы не станемъ смотрѣть.

— А это-съ?

— Это корректуры журнальныхъ статей.

— Все больше по литературной части?

— Да.

— Какой у васъ порядокъ во всемъ! Пріятно видѣть.

Онъ, можетъ быть, хотѣлъ сказать: «пріятно производить обыскъ».

Иное онъ клалъ назадъ, въ ящики,—другое оставлялъ на столѣ. Полицеймейстеръ тоже бралъ какую-нибудь бумагу или тетрадь, и опять опускалъ на столъ, говоря: «Что-же? Тутъ ничего такого».

— А вотъ нѣтъ ли у васъ какихъ запрещенныхъ книгъ? обратился онъ ко мнѣ:—или *Колокола*, напримѣръ? Я уже давненько его не читалъ. Вы, вѣрно, привезли послѣдніе номерки. Интересно бы прочесть.

Между прочимъ, имъ попался мой заграничный паспортъ.

— Это мы отложимъ. Какъ же вы это его не представили? Вѣдь слѣдовало по пріѣздѣ тотчасъ предъявить въ канцелярію генералъ-губернатора.

Этого вовсе не слѣдовало; но слѣдовало, чтобы тотчасъ по пріѣздѣ адресъ мой былъ записанъ въ кварталѣ, —а этого дворникъ не сдѣлалъ, хотя я воротился уже больше мѣсяца.

По этому поводу Золотницкій сообщилъ мнѣ, что меня очень долго искали, не зная, гдѣ справиться объ адресѣ. Заграничный паспортъ и аттестатъ мой объ отставкѣ, служившій мнѣ видомъ на жительство, онъ отложилъ, чтобы взять съ собой.

Въ столѣ и въ бумагахъ ничего не оказалось. Да при томъ полковники, кажется, и сами не знали, чего ищутъ.

— Да нѣтъ ли у васъ чего?—стали они приставать ко мнѣ.— Вотъ изъ книгъ-то, изъ книгъ-то. Вы ужъ лучше скажите!

Обиліе книгъ, повидимому, смущало ихъ.

— Да какихъ же вамъ запрещенныхъ книгъ? Вотъ смотрите!— Ну, вотъ Прудонъ былъ прежде запрещенъ, Луи-Бланъ. А теперь не знаю. Да и у кого же нѣтъ такихъ книгъ?

— На французскомъ?

— Да.

— Нѣтъ-съ, это что! Вотъ на русскомъ бы чего-нибудь.

Мнѣ такъ надоѣли эти господа, что я готовъ былъ сунуть имъ что-нибудь, чтобы они только уѣхали поскорѣе. Имъ же, кажется, не хотѣлось уѣзжать съ пустыми руками.

— Ну, вотъ Пушкина есть берлинское изданіе,—сказалъ я, снимая съ полки книгу.

— Что же Пушкинъ! помилуйте!—воскликнулъ Ракѣевъ, глядя на меня своими маленькими свѣтло-сѣрыми зрачками, которые почти сливались съ раскраснѣвшимися воспаленными бѣлками.

Я замѣтилъ потомъ, что эти воспаленные бѣлки одно изъ характеристическихъ отличій жандармскихъ лицъ. Не оттого ли, что ихъ часто будятъ по ночамъ?

— Пушкинъ! — продолжалъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ Ракѣевъ.— Это, можно сказать, великій былъ поэтъ! Честь Россіи!.. Да-съ, не скоро, я думаю, дождемся мы второго Пушкина. Какъ ваше мнѣніе?

Онъ задвигалъ какъ-то особенно нелѣпо своими колючими подстриженными усами, и заговорилъ почти трогательно:

— А знаете-съ? Вѣдь и я попаду въ исторію! Да-съ, попаду! Вѣдь я-съ препровождалъ... назначенъ былъ шефомъ нашимъ препроводить тѣло Пушкина. Одинъ я, можно сказать, и хоронилъ его. Человѣкъ у него былъ,—Осипомъ, кажется, или Семеномъ звали... Что за преданный былъ слуга! Смотрѣть даже было больно, какъ убивался. Привязанъ былъ къ покойнику, очень привязанъ. Не отходилъ почти отъ гроба; не ѣстъ, не пьетъ... Да-съ, великій былъ поэтъ Пушкинъ, великій!

И Ракѣевъ вздохнулъ.

Полицеймейстеръ перелистывалъ, между тѣмъ, взятую книжку и съ нѣкоторою любовью остановился на отрывкахъ изъ *Гавриліады.*

— Да вѣдь тутъ,—обратился онъ къ жандармскому, называя его по имени и по отчеству: —тутъ все запрещенные стихи Пушкина. Это надо, я думаю, взять.

— А! если такъ,—воскликнулъ съ явнымъ удовольствіемъ жандармскій:—отложите! Да нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь въ этомъ родѣ?—обратился онъ ко мнѣ.

Золотницкій подошелъ къ одному изъ шкафовъ и тупо читалъ заглавія книгъ.

— Это вотъ-съ что такое?—спросилъ онъ.—О революціи, кажется?

— Да, *Французская революція* Карлейля.

— А! Ну это ничего!—Да ужъ, вѣрно, у васъ есть что-нибудь изъ русскаго, заграничнаго.

И онъ началъ придвигать книги къ задней стѣнѣ, къ которой онѣ были поставлены не вплоть,—и какъ разъ тотъ рядъ, гдѣ было нѣсколько лондонскихъ изданій.

Я начиналъ ужъ терять терпѣніе.

— Ну, вотъ вамъ брошюрка!—сказалъ я:—она, можетъ быть, и запрещенная. Въ Лондонѣ печатана.

Это были рѣчи международнаго революціоннаго комитета, изданныя подъ заглавіемъ: *Народный Сходъ.*

— А! вотъ-съ, вотъ-съ!

И полицеймейстеръ передалъ ее жандармскому.

— Отложимъ, отложимъ,—произнесъ Ракѣевъ.

Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ одному шкафу, поглядѣлъ на книги, подвигалъ ихъ, къ другому, къ третьему. Наконецъ, и онъ, и Золотницкій подошли къ столу между окнами и стали раскрывать и закрывать коробки съ бумагами.

Золотницкій взялъ лежавшій на столѣ альбомъ и готовъ было раскрыть его, но въ то же время разсматривалъ портретъ Герцена въ простѣнкѣ, разбирая подъ нимъ факсимиле.

Я очень опасался, чтобы онъ не сталъ разсматривать альбомъ и не наткнулся въ немъ на подписи Огарева и Герцена: тогда, альбомъ, прощай! Я рѣшился пожертвовать портретомъ, чтобы не лишиться альбома.

— Это вѣдь Герцена портретъ,—объяснилъ я.

Ни полицеймейстеръ, ни жандармскій, должно быть, никогда не видали его портрета, и, снявши, принялись разсматривать съ великимъ вниманіемъ. Маневръ мой былъ удаченъ относительно альбома; его отложили въ сторону и совсѣмъ забыли.

— Это надо взять, непремѣнно надо взять,—сказали оба почти въ одинъ голосъ.

— Какъ же вы это такъ на виду его держали?—съ укоризной замѣтилъ Золотницкій.

— А это кто?

Онъ указалъ на другой портретъ.

— Это Гейне.

— Ну, это другое дѣло. Это вѣдь, кажется, нѣмецкій сочинитель?

— Да.

Квартальный все это время стоялъ, держась за спинку кресел около дивана, и молчалъ. Только на предложеніе мое выкурить папироску, отвѣчалъ, что не можетъ, потому что боленъ, вчера былъ съ вечера въ банѣ, думалъ—все пройдетъ, да только хуже разломило всего; а тутъ еще и соснуть не удалось.

— Ну-съ, я думаю, и актъ можно составить?—замѣтилъ жандармскій, овладѣвъ портретомъ.—Нѣтъ ли у васъ чемодановъ, сундуковъ?

— Нѣтъ.

Полицеймейстеръ пошелъ въ спальню, отворилъ столикъ около постели, заглянулъ туда, взглянулъ на стѣны и воротился въ кабинетъ.

— Я думаю, можно ужъ и актъ составить?—повторилъ жандармскій.

Но полицеймейстеръ снова, чуть не въ десятый разъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, нѣтъ ли у меня еще чего.

Вообще, этотъ идіотъ съ оловянными глазами, какимъ-то не-

лѣпымъ завиткомъ на лбу и конусообразной головой, при томъ съ развязными гвардейскими манерами, казался мнѣ вдесятеро гаже жандармскаго.

— Садитесь, — обратился Ракѣевъ къ квартальному. — Вы знаете, какъ пишутся акты?

— Знаю-съ.

Квартальный сѣлъ и принялся выводить писарскимъ почеркомъ:

«Сентября 1-го дня сего 1861 года, прибывъ по приказанію высшаго начальства» и такъ далѣе.

Ракѣевъ диктовалъ, повторяя фразы раза по два, чтобы слогъ вышелъ лучше.

— Какъ-съ вы эти французскія-то книги назвали?—спросилъ онъ меня.—Это, я думаю, тоже записать не лишнее?—обратился онъ къ Золотницкому.—Имѣютъ ли они право ихъ держать?

— Да, записать! записать!—подтвердилъ Золотницкій, граціозно раскачиваясь на ногахъ.

— Такъ какъ же-съ вы ихъ назвали?—спросилъ меня Ракѣевъ.

— Луи-Бланъ, Прудонъ.

— «При обыскѣ найдены сочиненія Луи-Блана и Прудона на французскомъ языкѣ»,—диктовалъ онъ.

Съ заботами о слогѣ диктовка длилась не меньше получаса. Весь же обыскъ продолжался, навѣрное, часа два слишкомъ.

Наконецъ, полковники подписали актъ и попросили расписаться меня, потомъ завернули двѣ книжки и портретъ, запечатали моей и своими печатями и, къ великому удовольствію моему, удалились съ прежнимъ грохотомъ сабель. При прощаньи были, разумѣется, разныя извиненія, что обезпокоили.

Эта деликатность была особенно некстати послѣ того, какъ эти незваные гости, заслышавъ въ другой комнатѣ стукъ чашекъ и ложекъ, напрашивались тонкимъ образомъ на чай,—именно замѣчали, что на дворѣ холодно и что они не успѣли еще въ это утро напиться чаю. Они, видно, вовсе не считали своего посѣщенія непріятнымъ для меня. Я, однако жъ, остался глухъ къ ихъ намекамъ.

На сверткѣ съ портретомъ и книгами они попросили меня написать, что эти вещи дѣйствительно взяты у меня. Я написалъ. Имъ, конечно, нуженъ былъ мой автографъ.

III.

Почти вслѣдъ за отъѣздомъ двухъ полковниковъ я отправился къ Цѣпному мосту, въ Третье Отдѣленіе, чтобы узнать отъ Шувалова о причинѣ обыска.

Въ пріемной меня встрѣтилъ Золотницкій, только что вышедшій изъ кабинета, и очень удивился моему пріѣзду.

— Зачѣмъ вы? Вѣдь ничего у васъ не нашли, — говорилъ онъ мнѣ.—Развѣ васъ призвали сюда?

— Нѣтъ.

— Такъ уѣзжайте лучше. Что вамъ тутъ съ нимъ разговаривать?

Я, однако-жъ, остался.

Шуваловъ, выйдя, пригласилъ меня въ кабинетъ,—тотъ самый кабинетъ, гдѣ мнѣ послѣ того случилось быть еще не одинъ разъ,— и спросилъ о причинѣ моего пріѣзда къ нему. Я въ свою очередь спросилъ о причинѣ бывшаго у меня непріятнаго посѣщенія. Онъ немного замялся. Я сказалъ, что, кажется, къ этому не было съ моей стороны никакого повода.

— Развѣ только мой образъ мыслей кому-нибудь не понравился? прибавилъ я.

— Помилуйте,—возразилъ на это Шуваловъ.—Дѣло не въ образѣ мыслей. Я самъ человѣкъ либеральный.

Слышать такое золотое изреченіе отъ шпіона en chef и не засмѣяться—стоило мнѣ нѣкотораго усилія.

Видя, однако-жъ, что я не уйду безъ объясненія, Шуваловъ сказалъ мнѣ, что на меня есть подозрѣніе по дѣлу московскихъ студентовъ, у которыхъ открыта тайная типографія и литографія; но что, такъ какъ дѣло это передано изъ III-го отдѣленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, то я оттуда получу на дняхъ вопросные пункты.

— Вы вѣдь никуда не собираетесь ѣхать изъ Петербурга?

— Никуда.

IV.

Вѣсть о московскихъ студентахъ немного удивила меня. Я зналъ, что съ ихъ стороны не можетъ быть на меня ничего, кромѣ голословныхъ показаній. Только на другой день, на сходкѣ у Николая Курочкина по поводу шахматнаго клуба узналъ я объ арестѣ Всеволода Костомарова. Но и тутъ мнѣ въ голову не приходило, чтобы Третье Отдѣленіе могло что-нибудь знать о воззваніи «Къ молодому поколѣнію». Въ этотъ именно вечеръ оно было распространено по Петербургу. Между тѣмъ, какъ потомъ оказалось, Костомаровъ успѣлъ уже объяснить Шувалову все, что зналъ о прокламаціи и что даже только подозрѣвалъ. Собственно, зналъ-то онъ не много. У меня искали именно ее.

Послѣ того, какъ прокламація распространилась, старанія найти ея источникъ были, разумѣется, удвоены. За мной. вѣроятно, слѣдили, и особенно старался въ Петербургѣ и въ Москвѣ частный приставъ Путилинъ. Этотъ усердный молодой человѣкъ, какъ я узналъ потомъ въ Тайной Канцеляріи, былъ тамъ правой рукой.

Какъ же было и не поусердствовать какому-нибудь частному,

когда агентами шпіонскаго отдѣленія съ величайшей готовностью согласились быть и особы въ генеральскихъ чинахъ, не имѣющія надобности хлопотать о Владимірѣ въ петлицу, и при томъ совсѣмъ посторонняго вѣдомства? Я помню, какъ удивила меня записка отъ цензурнаго глухаря, барона Медема, о томъ, не я ли доставилъ къ нему какую то небывалую статью о бельгійской конституціи. Курьеръ ждалъ отъ меня тотчасъ же отвѣта, точно дѣло шло о пожарѣ или наводненіи. Мою записку я видѣлъ потомъ въ III-мъ отдѣленіи. Ее сличали съ двумя рукописями, взятыми у Костомарова (вѣрнѣе—представленными имъ), и нашли, что я писалъ то, чего никогда не писалъ.

V.

Я дѣлалъ разныя предположенія, прежде чѣмъ меня арестовали; но мнѣ ни разу не пришло въ голову, что Костомаровъ—подлецъ. (Уже потомъ я слышалъ, что одинъ близкій къ III-му отдѣленію человѣкъ говорилъ одному литератору: «Хороши ваши литераторы! Сваливаютъ другъ на друга». Это относилось именно къ Костомарову).

Кажется, дня черезъ четыре послѣ бывшаго у меня обыска, заѣхалъ ко мнѣ Г., никогда прежде у меня не бывавшій, чтобы сказать, что хотятъ сдѣлать обыскъ въ какой-то деревнѣ, тогда какъ у меня никакой деревни нѣтъ и я никуда не ѣздилъ изъ Петербурга. Откуда могли идти такія вѣсти? Тотъ же Г. говорилъ, что въ III отдѣленіи убѣждены, что подозрѣнія на меня вполнѣ основательны и что у нихъ есть мои рукописи, компрометтирующія меня.

Всѣ эти глухіе слухи не просвѣтили меня, къ несчастію, относительно Костомарова, и я продолжалъ относить всю вину на человѣка, который былъ нисколько въ этомъ не виноватъ, да и быть то виноватымъ не могъ. Мнѣ совѣстно думать теперь объ этомъ подозрѣніи.

А между тѣмъ, Костомаровъ въ послѣдній пріѣздъ свой изъ Москвы, произвелъ на меня далеко не такое пріятное впечатлѣніе, какъ прежде. Я въ этотъ разъ убѣдился, что онъ любитъ лгать, и, когда онъ мнѣ разсказывалъ, что братъ грозитъ ему доносомъ, не вѣрилъ ему и потому слушалъ его довольно хладнокровно. Я думаю, что все это вздоръ, и никакой братъ не думалъ на него доносить; но если это была даже правда, отчего онъ не постарался уничтожить улики?

Я припоминаю теперь еще одно обстоятельство, которому, впрочемъ, не хочу придавать важности. Упомяну о немъ только потому, что оно не разъ приходило мнѣ на умъ въ продолженіе слѣдствія надо мной. Извѣстно, какъ часто жаловался Костомаровъ на свою бѣдность, на то, что литература не даетъ денегъ, что жур-

налисты не платятъ, и пр. Именно въ послѣднее свое свиданіе со мною онъ говорилъ, что, если такъ будетъ продолжаться, онъ поступитъ въ жандармы. Онъ прибавилъ, что сдѣлалъ бы это во вкусѣ Конрада Валенрода и говорилъ, шутя; но слова его чрезвычайно непріятно подѣйствовали на меня.

О Костомаровѣ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Какъ бы то ни было, я вовсе не подозрѣвалъ, что дѣло идетъ именно о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію». Если я принялъ кой-какія предосторожности, уничтожилъ разныя письма и бумаги, и пр., то лишь потому, что думалъ, подозрѣніе можетъ пасть на меня по какому-нибудь новому поводу.

Меня мало тревожили и слухи о томъ, что меня арестуютъ, распространявшіеся не разъ по городу... Такъ, пріѣзжала Б. и предлогала спрятать меня въ своей квартирѣ и потомъ выпроводить за границу.

Второй обыскъ нагрянулъ совсѣмъ неожиданно. Свѣдѣнія были собраны уже довольно обстоятельныя, и можно было явиться ко мнѣ съ двойнымъ трезвономъ и съ большею наглостью.

VI.

Утро 14-го сентября было такъ богато разными наглыми и возмутительными подробностями, что его нельзя забыть. И при всемъ этомъ извѣстная деликатность обращенія! Неделикатенъ развѣ былъ только звонокъ, которымъ можно бы на смерть испугать больного. А все остальное (даже призывъ въ спальню Л. П. Шелгуновой, для присутствія при одѣваніи, бабы Аграфены) было такъ все свѣтски и гвардейски вѣжливо. Черту неделикатности выказалъ, правда, также одинъ изъ свидѣтелей или понятыхъ,— тотъ, что былъ одержимъ глухотой и облеченъ въ зеленый сюртукъ съ гербовыми пуговицами. Онъ садился все въ разныхъ мѣстахъ, и, гдѣ ни сядетъ, непремѣнно возьметъ со стола бумагу какую-нибудь или письмо и примется читать. Но вѣдь это даже нельзя и, неделикатностью назвать. Просто глупость. При томъ же, какъ только я сказалъ, что это мнѣ не нравится, гвардейскіе любезники его тотчасъ остановили. Благодушный полковникъ Щербацкій наклонилъ также свою мягкую физіономію къ моимъ письмамъ, и тоже не безъ любопытства почитывалъ ихъ. Но вѣдь это было полнымъ его правомъ. А какая тонкость въ обращеніи жандармскаго полковника Житкова! («Вы *твердо* изволите писать, или *добро* въ вашей фамиліи?» спрашивалъ его тотъ же квартальный, на этотъ разъ уже здоровый, выписывая начало акта.—«*Те... жит...*, а не *жид...*» отвѣчалъ полковникъ). У него бѣлки были тоже красные, всѣ въ напряженныхъ жилахъ. Но какъ ласково онъ смотрѣлъ! Какъ мило улыбался! Наибольшую серьезность хра-

нилъ черный сыщикъ Путилинъ, показавшійся всѣмъ намъ особенно загадочнымъ лицомъ. Но и онъ раза два улыбнулся, и голосъ у него былъ такой мягкій. Его глаза съ черными масляными зрачками и какою-то синеватою тѣнью подъ вѣками и на бѣлкахъ я готовъ бы признать такими же характерными для шпіона, какъ красные для жандарма; но не слишкомъ ли ужъ это будетъ? А именно точь въ точь такіе глаза и такой же видъ, почему-то напоминающій воронъ, былъ и у слѣдователя, который трудился выклевывать у меня признаніе въ Тайной Канцеляріи.

Воспоминаніе объ этомъ гнусномъ утрѣ до сихъ поръ возбуждаетъ во мнѣ желчь. Эта куча народу (вѣдь однихъ солдатъ жандармскихъ и полицейскихъ было человѣкъ 10, не считая бабы и четырехъ высшихъ шпіоновъ, расхаживавшихъ съ двумя понятыми по всѣмъ комнатамъ), эти поганые глаза, осквернившіе своимъ взглядомъ столько чистыхъ страницъ, эти дрянныя воровскія руки, готовыя пачкать все своимъ прикосновеніемъ, это расхаживанье изъ комнаты въ комнату и собачье обнюхиванье всего, эта наглость, сопровождаемая или предшествуемая извиненіями, наконецъ, самая продолжительность этой пытки, тянувшейся съ пяти часовъ утра чуть не до часу пополудни,—у меня теперь отъ одного того, что я припомнилъ ихъ, сохнетъ во рту, какъ сохло въ то утро.

До сихъ поръ не могу я объяснить себѣ одного факта. Когда жандармскій сидѣлъ въ гостиной, пересматривая письма ко мнѣ Л. П. Шелгуновой, а Щербацкій занимался сниманіемъ съ полокъ и перелистываніемъ книгъ у меня въ кабинетѣ, Путилинъ, притворивъ дверь въ прихожей, шептался съ высокой, красивой и молодой дамой, къ которой его вызвали. Этой дамѣ онъ, кажется, что-то передавалъ и чуть ли она не два раза тутъ была. Я пріотворилъ дверь и смотрѣлъ на нихъ; но ничего не слыхалъ. Я тутъ же спросилъ Путилина, что это значитъ. Онъ глухо отвѣчалъ, что это къ нему, по постороннему дѣлу. Я потомъ очень хорошо узналъ эту даму во дворѣ III отдѣленія. Она не разъ проходила тамъ.

VII.

Уже судя по продолжительности и по тщательности обыска (при которомъ всетаки ничего особеннаго не найдено), можно было догадаться, что меня не оставятъ дома. Если бы имъ вздумалось тутъ же читать груду бумагъ и писемъ, безъ толку набранныхъ у меня и у Шелгунова, имъ пришлось бы тутъ гостить дня два. Когда короба съ бумагами были запечатаны и въ домѣ ничего не осталось не обшареннаго, даже до чердака, полковникъ Житковъ, предпославъ приличное извиненіе, объявилъ мнѣ, что «принужденъ пригласить меня съ собой».

Я только что умылся и принялся одѣваться въ спальнѣ, какъ

ко мнѣ вошелъ жандармскій и конфиденціально спросилъ, какъ же я оставлю свои вещи и нужно ли ихъ опечатать и передать кому-либо.

Я сказалъ, что пусть онѣ остаются, какъ есть, у Шелгунова на рукахъ, безъ всякаго опечатанія.

— Я долженъ, однако же, васъ предупредить,—сказалъ онъ еще конфиденціальнѣе:—что и *они* (онъ кивнулъ на кабинетъ), можетъ быть, должны будутъ быть удалены изъ квартиры. Впрочемъ,—продолжалъ онъ, какъ бы соображая:—покамѣстъ можно будетъ оставить. Теперь вы поѣдете только одни.

— Вы, вѣроятно, часа черезъ полтора узнаете о нихъ сказалъ онъ Л. П. Шелгуновой.

Это было сказано съ цѣлью, именно для меня, и я слишкомъ поздно догадался, съ какою.

Я былъ сильно встревоженъ, когда мнѣ пришлось прощаться со всѣми. У меня точно было уже предчувствіе, что дѣло разыграется именно такъ глупо, какъ оно разыгралось. Преслѣдованіе было слишкомъ нагло, и мнѣ поневолѣ думалось, что оно не можетъ же основываться на какихъ-нибудь пустякахъ.

Уже сходя съ лѣстницы, я былъ какъ будто охваченъ всѣми тѣми мыслями, которыя потомъ все росли и давили меня въ Тайной Канцеляріи. Я простился внизу съ Николаемъ Васильевичемъ *) и Веней, но подумалъ взглянуть на верхъ, на окна нашей квартиры, только ужъ тогда, какъ карета отъѣхала отъ воротъ.

VIII.

На передней лавкѣ кареты помѣстили коробки съ бумагами и чемоданъ мой съ бѣльемъ и съ кой-какими книгами, взятыми мною на время ареста. Рядомъ со мною сидѣлъ жандармскій въ шинели.

Мнѣ смутно помнится, что утро было яркое и не холодное и слышался церковный звонъ (былъ праздникъ Воздвиженья). Близъ нашихъ воротъ, у сосѣдняго дома, на углу, у гимназіи, стояло немало народа, явно привлеченнаго жандармами, въ воротахъ и у воротъ.

Это любопытство не понравилось моему полковнику.

— Я всегда говорю,—замѣтилъ онъ:—что обыски гораздо лучше дѣлать по ночамъ, какъ прежде дѣлали. А этакъ поутру—непремѣнно наберутся любопытные.

Мы, сколько помнится, ѣхали по Б.-Морской, потомъ, кажется, по Милліонной, къ Лѣтнему саду.

Житковъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, можетъ быть, съ

---

*) Шелгуновымъ.

цѣлью, а, можетъ быть, и такъ, именно: давно ли я вернулся изъ-заграницы, долго ли тамъ проѣздилъ и гдѣ жилъ?

Я чувствовалъ такую сухость и горечь во рту, что мнѣ не хотѣлось и слова сказать. Было какъ разъ время завтрака, а я утромъ выпилъ только стаканъ чаю безъ хлѣба. Я сказалъ, что поѣздка въ III отдѣленіе не дала мнѣ и позавтракать.

— Какъ жаль, что теперь не вечеръ,—замѣтилъ на это Житковъ.—А то мы могли бы заѣхать съ вами въ какой-нибудь ресторанъ и закусить.

Дѣйствительно жаль. Какое было бы прекрасное препревожденіе времени!

— Впрочемъ, вы можете спросить, чего вамъ угодно и *тамъ*.

Это *тамъ* было почти уже *здѣсь*.

Мы переѣхали Цѣпной мостъ; но опытный извозчикъ не повернулъ по набережной, гдѣ мнѣ было извѣстно крыльцо Тайной Канцеляріи, а поѣхалъ въ Пантелеймоновскую (кажется, такъ) улицу и въ концѣ ея повернулъ направо въ ворота, въ которыхъ стояли жандармы.

— Вы посидите покамѣстъ въ каретѣ,—проговорилъ Житковъ, выскакивая —Я сейчасъ.

И точно, минуты черезъ двѣ, онъ явился къ дверцамъ и попросилъ меня слѣдовать за собой. Тутъ же подъ воротами въ подъѣздъ стали мы подыматься по довольно опрятной лѣстницѣ. Здѣсь вышелъ къ намъ навстрѣчу во второмъ этажѣ (изъ двери, на которой я прочелъ «Зарубинъ») офицеръ съ краснымъ воротникомъ и общеармейскимъ лицомъ. Это былъ еще человѣкъ молодой, бѣлокурый и самаго беззаботнаго вида.

— Вотъ-съ г. Михайловъ,—объяснилъ ему Житковъ—Помѣстите ихъ. А мнѣ надо спѣшить. Мое почтеніе, m-r Михайловъ.

И мой провожатый съ архангельскою легкостью запорхалъ внизъ по лѣстницѣ, по-архангельски гремя о ступени своимъ длиннымъ мечемъ.

— Пожалуйте за мной, — обратился ко мнѣ Зарубинъ, какъ оказалось, смотритель дома, смотритель каземата при Тайной Канцеляріи, экономъ, — однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ домашняго генія этихъ милыхъ мѣстъ.

Мы и безъ того были уже высоко; но пришлось подыматься еще выше,—и, наконецъ то, пройдя еще десятка три ступеней, я вступилъ въ дверь, гдѣ капитану брякнулъ на караулъ ружьемъ солдатъ.

— Охъ, высоко!—проговорилъ и смотритель, отдуваясь, хотя бѣгать взадъ и впередъ по этой лѣстницѣ ему было, вѣроятно, въ привычку.

Тутъ я очутился въ какой-то горницѣ, похожей и на грязную лакейскую въ безпорядочномъ помѣщичьемъ домѣ, и отчасти на буфетъ какой-нибудь захолустной харчевни, и, наконецъ, на сто-

рожку.—Тутъ пахло сапогами и угаромъ, и возился около стола съ чайными чашками и сапожными щетками высокій и неуклюжій человѣкъ, видомъ и одеждой похожій на дворника.

— Гдѣ же вахтеръ?—крикнулъ смотритель.—Вахтера послать!

Вахтеръ, черный, приземистый, въ сѣрой шинели, былъ легокъ на поминѣ.

Въ двери, выходившей въ описанную мною комнату, повернулся большой ключъ, и передо мною распахнулась моя первая тюрьма.

Въ Тайной Канцеляріи.

I.

Это была довольно просторная комната, очень обыкновеннаго вида, оклеенная обоями, съ двумя большими окнами. Что это тюрьма, напоминали, однако-жъ, очень ясно желѣзныя перекладины за этими окнами. Кромѣ койки, былъ тутъ небольшой столъ, довольно удобный диванъ, нѣсколько стульевъ и въ одномъ углу снарядъ, показывавшій, что изъ этой комнаты нельзя выходить даже по крайней надобности.

Изъ оконъ виднѣлись только крыши да трубы; дворъ внизу представлялся чѣмъ-то въ родѣ колодца: такъ высоко поднялась эта тюрьма.

Смотритель велѣлъ внести мой чемоданъ, и сказалъ, что сейчасъ придетъ дежурный записать мое имя и осмотрѣть вещи Самъ онъ ушелъ.

Вскорѣ явился гусарскій офицеръ глупаго вида и молодой, съ одной особенно одутловатой щекой, которая была будто во флюсѣ; но этотъ флюсъ—потомъ я увидѣлъ—былъ постоянный. Гусаръ принесъ шнуровую книгу. За нимъ вошелъ вахтеръ съ кучкой бѣлья. Чемоданъ мой поставили на полъ.

Гусаръ спросилъ мое имя, званіе и проч. и записалъ въ своей книгѣ. Потомъ онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ раздѣться и надѣть все казенное. Мнѣ пришлось снять съ себя все до-чиста—даже чулки. Взамѣнъ мнѣ дали казенные чулки, бѣлые штаны съ костяными пуговицами, сшитые на человѣка вдвое выше и толще меня, рубашку и поверхъ всего бѣлый больничный халатъ и стоптанные башмаки.

Пока я передѣвался, черномазый, противный вахтеръ производилъ обыскъ по всѣмъ карманамъ моего платья, которые выворачивалъ и опять вправлялъ. Все, что было въ нихъ, я заранѣе выложилъ на столъ. Бѣлье изъ чемодана тоже было выложено, переписано въ книгу; все, что было на мнѣ, тоже: часы, кошелекъ съ деньгами, шапка.. Ничего изо всего этого, объявилъ мнѣ гусаръ съ флюсомъ, не можетъ быть оставлено при мнѣ.

— А книги?

— Книги тоже надо передать въ экспедицію. Тамъ просмотрятъ. Только сегодня ужъ некому: праздникъ.

Гусаръ обѣщалъ современемъ хорошаго шпіона. Мало того, что при немъ были обшарены мои карманы. Онъ велѣлъ вахтеру вскрыть запечатанный ящикъ съ папиросами, взятый мною изъ дому, и, когда вахтеръ раскрылъ его, онъ началъ перерывать папиросы своею пястью съ самымъ серьезнымъ видомъ и даже чуть ли не съ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Ему было на видъ лѣтъ 20; усы маленькіе; бороду онъ едва ли еще брилъ. Надежды подаетъ пріятныя. Впрочемъ, такихъ милыхъ юношей въ мундирахъ разныхъ полковъ я видѣлъ больше десятка во время пребыванія моего у Цѣпного моста. Всѣ они прикомандированы къ начальнику III отдѣленія въ чаяніи мѣстъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій по жандармеріи; состоятъ тутъ какъ бы на испытаніи, и должны зарекомендовать свою скромность и показать отчасти свою дѣятельность. Шляясь по трактирамъ и по гостямъ въ свободные отъ дежурства дни, они обязаны отъ времени до времени поддерживать хорошее мнѣніе о себѣ въ глазахъ начальства легкими доносиками. Должно быть, они очень дорожатъ своимъ положеніемъ, потому что отвѣчаютъ уклончивымъ образомъ даже на самые обыкновенные вопросы, въ родѣ справокъ о погодѣ.

Обобравъ меня до чиста, офицеръ съ вахтеромъ ушли, и дверь за ними была заперта. Я ужъ не помню теперь, была ли она стеклянная, какъ въ другомъ моемъ помѣщеніи, или съ квадратнымъ оконцемъ, прикрытымъ снаружи желтымъ клапаномъ, какъ въ тюрьмѣ. Въ этой комнатѣ я пробылъ слишкомъ недолго.

Смотритель, уходя, спросилъ меня, не хочу ли я обѣдать или чаю. Я спросилъ чаю, и мнѣ принесъ его тотъ косолапый, похожій на дворника, человѣкъ, о которомъ я упоминалъ.

Чай, конечно, не успокоилъ моего нервнаго раздраженія послѣ этого отвратительнаго утра. У меня разбаливалась голова. Я попробовалъ лечь на койку и задремать; но сонъ не шелъ, хоть я и не выспался въ эту ночь, какъ слѣдуетъ. При томъ я не могъ отдѣлаться отъ разныхъ предположеній относительно своего ареста; но въ нихъ всетаки не подходилъ даже и близко къ настоящему ихъ поводу, доносу Костомарова. Мнѣ хотѣлось, чтобы хоть эта нерѣшительность скорѣе миновала,—чтобы меня позвали на допросъ.

II.

Вскорѣ опять явился смотритель и за нимъ вахтеръ съ моими сапогами и платьемъ.

— Потрудитесь одѣться,—сказалъ смотритель.—Мы васъ переведемъ въ другой номеръ.

Я сталъ одѣваться и спросилъ—зачѣмъ.

— Здѣсь высоко, неудобно и далеко отъ экспедиціи,—сказалъ смотритель, — а васъ часто будутъ спрашивать. Велѣли поближе перевести.

Мы спустились съ лѣстницы въ сопровожденіи вахтера, несшаго за нами больничный халатъ и стоптанные башмаки. Пройдя первый дворъ, загроможденный страшнымъ количествомъ дровъ (смотритель говорилъ мнѣ потомъ съ гордостью, что у нихъ на шпіонскую канцелярію выходитъ ихъ въ годъ на 8000 р.), мы вступили на второй дворъ, неправильной формы и поменьше. Дальше были еще ворота, въ которыхъ виднѣлся жалкій садикъ. Не доходя до нихъ, вправо, почти въ углу, была небольшая дверь, около которой стоялъ жандармскій часовой. Дверь была отворена; но вахтеръ, въ темныхъ и грязныхъ сѣняхъ, откуда шла вверхъ такая же грязная лѣстница, позвонилъ въ какой-то разбитый, но громкій колокольчикъ. Онъ давалъ знакъ наверхъ о прибытіи начальства.

Мы поднялись во второй этажъ. Тутъ передъ нами оказалась тяжелая дверь изъ продольныхъ желѣзныхъ жердей, какъ у звѣриныхъ клѣтокъ, съ тяжелымъ замкомъ. За дверью полумракъ; тамъ, въ недлинномъ корридорѣ, шаговъ въ тридцать, виднѣлись солдаты съ ружьями, два или три.

Вахтеръ отомкнулъ замокъ, и мы прошли въ самую глубь корридора, мимо трехъ одностворчатыхъ дверей, со стеклами въ верхней половинѣ, которыя снаружи были задернуты бѣлымъ коленкоромъ. Такую же дверь (это была крайняя) отперли мнѣ.

Новый номеръ былъ далеко не такъ изященъ, какъ первый. Стѣны голыя, просто выбѣленныя; диванъ крошечный, стариннаго фасона; вмѣсто стола какой-то шкафчикъ и два старомодныхъ стула. Койка была такая же желѣзная, какъ и тамъ. Около нея, у самой печки (больше некуда было поставить) возвышался громадный ящикъ, крышка котораго не совсѣмъ плотно прикрывалась. Постоянная отрава изъ этого ящика слышалась въ тепло натопленной комнатѣ. Потолокъ былъ низкій, опять-таки не то, что было въ первомъ моемъ помѣщеніи, гдѣ онъ былъ и высокъ, да вдобавокъ еще и съ лѣпными какими-то украшеніями. И печь, выходившая на полъ кирпича въ комнату, была самая простая, а тамъ изразцовая и съ разными художественными орнаментами. Къ счастію, въ новой моей комнатѣ было два окна, и оба еще объ одной

рамѣ. Ихъ можно было отворять. Рѣшетки въ нихъ были такія же.

Номеръ имѣлъ форму трапеціи, какъ и дворъ передъ окошками. Кровать стояла у стѣны, образовавшей тупой и острый углы.

Опять раздѣванье, и опять я былъ въ бѣломъ халатѣ. Смотритель съ вахтеромъ ушли; я остался одинъ и сталъ смотрѣть въ окно.

Во дворѣ было пусто. Изрѣдка проходилъ какой-нибудь жандармъ, то солдатъ, то въ офицерской шинели, пріѣзжалъ курьеръ въ телѣжкѣ, съ пакетами, баба проходила или дама. Появленіе дамъ заставило меня предположить, что въ самомъ зданіи есть шпіонскія квартиры, со шпіоншами и шпіонятами. Имъ-то, конечно, принадлежали эти окна въ третьемъ этажѣ, справа отъ моихъ оконъ, завѣшанныя гардинами, съ горшками цвѣтовъ. Этажемъ ниже были видны въ окна столы, этажерки съ бумагами и всѣ прочія обычныя принадлежности присутственнаго мѣста. Это было, какъ я предположилъ, самое ядро шпіонской дѣятельности. У одного изъ оконъ показывался то дежурный гусаръ съ флюсомъ, то чиновникъ со свѣтлыми пуговицами, должно быть, тоже дежурный.

Я заслышалъ шаги у своей двери и оглянулся. Бѣлая занавѣска, заслонявшая съ той стороны стекло, была отдернута, и ко мнѣ глядѣло солдатское лицо съ черными усами и бакенбардами, въ какой-то бѣлой курткѣ. Вслѣдъ затѣмъ повернулся ключъ въ замкѣ, и этотъ самый длинный солдатъ, нѣсколько облысѣвшій спереди, съ худощавымъ и довольно добродушнымъ лицомъ, внесъ ко мнѣ нанизанные на ремень судки съ обѣдомъ. Онъ постлалъ на шкафчикѣ, замѣнявшемъ столъ, салфетку, вынулъ изъ него солонку и затѣмъ разставилъ судки, показывая мнѣ содержаніе каждой глиняной чашки, словно хотѣлъ плѣнить меня. «Вотъ супъ, ваше вб—діе, а вотъ холодное, а вотъ жареное,—и огурцы тутъ (огурцы лежали въ застывшемъ говяжьемъ салѣ); а вотъ и пирожное на закуску, вб—діе».

Не смотря на чувство, какъ будто, голода, я не могъ ѣсть. Непріятное раздраженіе все еще не проходило. Я хлебнулъ ложки двѣ жидкаго трактирнаго супу, и мнѣ показалось, что если я съѣмъ еще ложки двѣ, меня, пожалуй, стошнитъ. Къ супу была серебряная ложка; но къ остальнымъ блюдамъ такихъ опасныхъ орудій, какъ ножъ и вилка, не полагалось.

III.

Только къ сумеркамъ я сталъ немного успокаиваться; но успокоился не надолго. Опять слегка отдернулась занавѣска, опять повернулся ключъ въ двери. Вошелъ черный вахтеръ съ моимъ платьемъ и предложилъ мнѣ одѣться.

— Куда?

— Не могу знать-съ.

Я одѣлся.

Тутъ пришелъ гусаръ съ флюсомъ и сказалъ, что меня просятъ въ «экспедицію».

Когда въ корридорѣ вслѣдъ за нами хотѣли направиться въ видѣ конвоя два солдата, гусаръ развязно махнулъ имъ рукой и сказалъ гуманно и современно: «не надо!»

Мы вышли во дворъ, потомъ въ ворота направо, гдѣ былъ цвѣтникъ, обошли его кругомъ и по разнымъ лѣстницамъ и корридорамъ пришли къ двери, на которой было написано: «2-е отдѣленіе». Я прочелъ эту надпись совершенно равнодушно, еще вовсе не подозрѣвая, что она почти равняется для меня, по значенію, надписи надъ вратами Дантова ада.

Прихожая; потомъ что-то въ родѣ канцеляріи. Тутъ за тремя или четырьмя столами сидѣло человѣкъ пять, не смотря на праздникъ, и строчило какую-то черноту (Дѣла, какъ я замѣтилъ потомъ, тутъ много. Все пишутъ и пишутъ). Прогрессъ давалъ о себѣ знать тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ господъ вставали съ мѣста и закуривали у камина папиросы. Какъ вообще всякій чиновникъ, они желали высказать свой вѣсъ тутъ, при постороннемъ: проходя мимо, принимали какую-то особенно развязную походку и безпечный видъ. Лица, разумѣется, пошлыя, какъ и слѣдуетъ шпіонской мелюзгѣ.

— Посидите, пожалуйста, здѣсь,—обратился ко мнѣ опухшій гусаръ; а самъ отправился доложить.

Черезъ нѣсколько минутъ дальнѣйшая дверь отворилась, и оттуда сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ высокій чиновникъ во фракѣ со свѣтлыми пуговицами и съ Станиславомъ на шеѣ. Остановившись почти посрединѣ комнаты, онъ обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ.

— Не угодно ли вамъ пожаловать сюда, г. Михайловъ?

Я пошелъ и чрезъ маленькую проходную комнату очутился въ самомъ сердцѣ 2-ой экспедиціи. Дверь чиновникъ за собою затворилъ.

IV.

Тутъ стояли все шкафы кругомъ и одинъ только письменный столъ.

Чиновникъ, стоявшій теперь передо мной лицомъ къ лицу, былъ еще почти молодой человѣкъ (онъ мнѣ сказалъ какъ-то потомъ, что ему 36 лѣтъ). Лицо у него было сухое, безстрастное и незлое. Въ выраженіи было что-то напряженное, какъ будто онъ постоянно прислушивался къ чему-то. Фамилія чиновника—Горянскій. Экономъ и сторожъ называли его не иначе, какъ Өедоръ Иванычемъ. Онъ былъ худощавъ, съ нѣсколько втянутыми щеками, съ тонкими и постоянно запекшимися губами, какъ будто отъ долгаго поста

или отъ долгаго молчанія. Черные волосы, черные глаза съ синевой подъ вѣками, тонкій носъ и смуглый цвѣтъ лица сообщали ему вороній характеръ. Эти черты были почти постоянно въ нервномъ движеніи, такъ же, какъ и сухія руки.

— Я очень уважаю вашъ талантъ, г. Михайловъ,—сказалъ онъ съ возможно любезнымъ видомъ,—и очень сожалѣю, что мнѣ приходится познакомиться съ вами при такихъ обстоятельствахъ.

Какъ будто я могъ бы познакомиться съ нимъ при другихъ!

— Да въ чемъ дѣло?—спросилъ я.— Въ чемъ меня подозрѣваютъ?

— На васъ падаетъ сильное подозрѣніе, во-первыхъ, въ сочиненіи прокламаціи къ крѣпостнымъ людямъ, во-вторыхъ, въ привозѣ изъ-за границы другого печатнаго воззванія «Къ молодому поколѣнію» и въ распространеніи его.

— Да на чемъ же основываются эти подозрѣнія?

— Противъ васъ есть показанія нѣкоторыхъ лицъ, и кромѣ того—вотъ-съ!

Онъ взялъ со стола письмо и подошелъ съ нимъ ко мнѣ. Я сѣлъ у окна.

— Извѣстна вамъ эта рука?

Довольно было взглянуть разъ на рукопись, чтобы узнать почеркъ Костомарова. Въ первыхъ же строчкахъ бросилось мнѣ въ глаза: «М. Михайловъ».

— Чье это письмо, не знаю,—сказалъ я.—Дайте прочесть.

Горянскій боялся дать мнѣ его въ руки. Онъ положилъ его на окно и придерживалъ сверху, вѣроятно, чтобы я не схватилъ и не разорвалъ его.

Въ письмѣ Костомарова, адресованномъ къ Ростовцеву, говорилось, что на него, Костомарова, сдѣланъ доносъ его собственнымъ братомъ, и при этомъ украдены рукописи, изъ коихъ одна писана рукою М. Михайлова и можетъ сильно его компрометтировать. Далѣе онъ просилъ справиться у П. о моемъ адресѣ и поѣхать, или послать ко мнѣ въ Петербургъ предупредить меня, чтобы я (вотъ что было умнѣе всего) «принялъ всѣ зависящія отъ меня мѣры уничтожить»,— не то, чтобы уничтожилъ, а именно сдѣлалъ со своей стороны все возможное, чтобы уничтожить всѣ до единаго экземпляра. «Къ молодому поколѣнію» (и это подчеркнуто для большей выразительности).

Какое сцѣпленіе мыслей заставило Костомарова писать подобныя вещи, когда за нимъ наблюдали (онъ и это упомянулъ въ письмѣ),- зачѣмъ понадобилось ему извѣщать меня, когда пять строкъ, написанныхъ моею рукою, безъ его собственнаго показанія, не подали бы никакого повода подозрѣвать не только меня, но и кого бы то ни было,— понять все это очень трудно. Если это письмо было написано не съ преднамѣренною цѣлью выдать меня, то въ это время въ головѣ Костомарова происходилъ странный процессъ.

И добро бы оно обличало торопливость, состояло изъ набросанныхъ наскоро бѣглыхъ строчекъ! Нѣтъ, оно было довольно длинно и написано спокойной рукой. Только тупоумный человѣкъ могъ дописать его до конца, не уничтоживъ. И хоть бы оно писалось въ другой городъ; а то въ томъ же городѣ посылать подобную цидулку съ горничной. Ничего не понимаю. Въ письмѣ именно говорилось съ изумительной логикой: «за мною слѣдятъ, такъ я посылаю это письмо съ Александрой» (такъ, кажется, была названа горничная).

Дальнѣйшее содержаніе письма просто озлобило меня своею подлостью. Костомаровъ прямо говорилъ, что онъ ничего не скроетъ про московскихъ студентовъ, потому, видите ли, что они не стоятъ того, чтобы ихъ беречь!

Я ужъ никакъ не могу сказать, чтобы поступалъ умно въ III Отд. Но этому не мало содѣйствовало опасеніе, что откровенія, сдѣланныя уже Костомаровымъ (какъ я сразу увидѣлъ изъ словъ Горянскаго), могутъ сопровождаться еще большими откровеніями.

— Вы признаете руку Костомарова? — спросилъ меня Горянскій.—Онъ призналъ это письмо.

Я промолчалъ и еще разъ перечитывалъ письмо.

Горянскій въ это время говорилъ, что упорство мое въ показаніяхъ только повредитъ мнѣ, именно заставитъ перевести меня въ крѣпость, гдѣ я буду содержаться съ величайшей строгостью. Этимъ онъ, кажется, хотѣлъ испугать меня, но, конечно, безъ толку.

— III-му Отдѣленію,— продолжалъ онъ,—хорошо извѣстны и лица, содѣйствовавшія вамъ въ распространеніи воззванія. Ужъ и теперь арестованы нѣкоторыя; но придется арестовать и другихъ.

Онъ назвалъ нѣсколько именъ.

— Мы давно уже не арестовывали женщинъ,--продолжалъ Горянскій:—а теперь должны были прибѣгнуть и къ этой мѣрѣ. Арестованы мать и сестра Костомарова. Часа черезъ полтора послѣ васъ взята писательница Шелгунова.

Перечитывая письмо Костомарова, я думалъ, какъ бы объяснить его такъ, чтобы оно не могло служить обвиненіемъ мнѣ. Я, разумѣется, прежде всего не призналъ бы самого письма, если бы меня не сбили немного съ толку слова Горянскаго.

Мнѣ казалось самымъ удобнымъ сказать, что изъ-за границы я дѣйствительно привезъ нѣсколько экземпляровъ воззванія (именно 10), но ихъ не распространялъ, а уничтожилъ, боясь отвѣтственности; что Костомаровъ видѣлъ у меня только одинъ экземпляръ, что было совершенно справедливо; а что касается рукописей, то я не помню, какія могутъ у него быть компрометтирующія меня бумаги. Пусть мнѣ покажутъ.

— Ихъ у насъ нѣтъ,—отвѣчалъ Горянскій,—онѣ переданы слѣдственной коммиссіи, назначенной надъ студентами, но вы ихъ увидите завтра.

Вскорѣ его потребовали къ «графу Петру Андреевичу», и онъ попросилъ меня войти съ нимъ опять въ канцелярію и тамъ подождать.

V.

Тутъ на этотъ разъ былъ Путилинъ въ черномъ фракѣ и со Станиславомъ на шеѣ. Этотъ Станиславъ здѣсь чуть не на каждомъ шагу! Онъ немедленно подступилъ ко мнѣ со сладкой улыбкой и сталъ тоже предлагать вопросы. Я ему отвѣчалъ вскользь. Онъ возбуждалъ во мнѣ особенное отвращеніе.

Онъ обратился ко мнѣ прежде всего съ вопросомъ:

— Вѣдь вы изволите знать Благолюбова?

— Нѣтъ, не знаю.

— Какъ не знаете-съ? Онъ-съ вѣдь въ одномъ съ вами журналѣ участвуетъ.

— Нѣтъ, такой не участвуетъ.

— Ахъ, виноватъ-съ. Я хотѣлъ сказать: Добролюбова. Его знаете-съ?

— Знаю.

— Давно съ нимъ видѣлись?

— Недавно.

— На той недѣлѣ-съ?

— Не помню.

— Вы вѣдь изволили съ нимъ вмѣстѣ за границей быть?

— Вовсе нѣтъ.

— Но съ нимъ тамъ видѣлись?

— И того нѣтъ.

Все въ такомъ дикомъ родѣ.

Смеркалось уже. Зажигали свѣчи. Глупые вопросы Путилина были прерваны приходомъ Горянскаго, который попросилъ меня идти съ нимъ къ Шувалову.

Я прошелъ разными корридорами и лѣстницами въ ту самую пріемную, гдѣ дожидался Шувалова въ день бывшаго у меня обыска. Горянскій юркнулъ сначала къ нему въ кабинетъ, потомъ ушелъ изъ пріемной. Тутъ былъ только дежурный, развязно садившійся то на тотъ, то на другой стулъ, но не гусаръ съ флюсомъ, а другой.

Шуваловъ выглянулъ и позвалъ меня.

VI.

У него горѣла свѣчка на письменномъ столѣ и топился каминъ. Этотъ кабинетъ, куда, какъ въ лужу, стекаются эссенціи доносовъ и шпіонства, былъ уже мнѣ знакомъ; но я его еще не описалъ. Довольно большая комната эта была тоже обставлена съ одной стороны дубовыми красивыми шкафами. Почти посрединѣ, задомъ къ камину, письменный столъ. На каминѣ часы, канделябры. Нѣсколько мягкихъ креселъ, кажется, и дивановъ. Вообще, кабинетъ имѣлъ видъ болѣе домашній, чѣмъ оффиціальный.

Шуваловъ остановился по одну сторону стола, я — по другую. У него лицо какъ-то странно подергивало.

— Вы не хотите сказать, г. Михайловъ, той правды, которая намъ очень хорошо извѣстна,—началъ онъ.—Когда вы были у меня тогда, я уже очень хорошо зналъ вашу виновность; а теперь все окончательно подтвердилось. Теперь вы заставляете меня дѣйствовать, какъ бы мнѣ и не хотѣлось.

(Тутъ же мнѣ пришлось узнать, что онъ не только либеральный, но и честный человѣкъ. Онъ увѣрялъ въ этомъ, ударяя себя въ грудь).

Затѣмъ тѣ же вопросы почти повторилъ мнѣ и Шуваловъ, которые я слышалъ уже отъ Горянскаго.

Онъ все увѣрялъ меня, что я писалъ прокламацію къ крѣпостнымъ людямъ, и говорилъ, что это несомнѣнно и подтверждается сличеніемъ ея съ моимъ почеркомъ сколькими-то сенатскими секретарями.

Я стоялъ на своемъ и требовалъ, чтобы мнѣ показали рукописи.

— Хорошо-съ, завтра вы ихъ увидите,—сказалъ Шуваловъ.— Я не хочу брать у васъ признанія нахрапомъ.

А онъ, вѣрно, къ этому привыкъ въ полиціи.

— Вы привезли съ собою не 10 экземпляровъ печатной прокламаціи, какъ говорите. Это что? Пустяки! Изъ-за этого васъ бы нечего и преслѣдовать. Вы привезли ее въ большомъ количествѣ и распространяли со своими пріятелями. У меня есть очень вѣрныя данныя. Одному Костомарову вы предлагали для Москвы 100 экземпляровъ. Вѣдь предлагали?

Я, конечно, отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Костомаровъ самъ вамъ это сейчасъ подтвердитъ.

Шуваловъ подошелъ къ двери и спросилъ громко:

— Что, привезли арестанта... изъ крѣпости?—прибавилъ онъ, вѣроятно, для устрашенія мнѣ.

Я сильно сомнѣваюсь, сидѣлъ ли Костомаровъ въ крѣпости.

Минуты черезъ двѣ (въ кабинетѣ было молчаніе; Шуваловъ закурилъ коротенькую папироску, ни онъ, ни я не садились) во-

шелъ Костомаровъ. Я не вдругъ бы узналъ его въ какомъ-то толстомъ пальто и обросшаго большой бородой. Онъ мнѣ улыбнулся; но у меня не нашлось въ отвѣтъ улыбки.

Извѣстное письмо лежало уже на столѣ у Шувалова. Онъ положилъ его передъ Костомаровымъ и сказалъ, указывая на извѣстныя буквы:

— Что это такое? «Къ молодому поколѣнію»?

Костомаровъ молчалъ.

— Г. Михайловъ сознается,—что это такъ.

— Если онъ сознается,—сказалъ Костомаровъ,—то это дѣйствительно такъ.

— Предлагалъ онъ вамъ 100 экземпляровъ?

Тутъ я перебилъ его, чтобы (глупое заблужденіе) дать знать Костомарову, чего ему держаться въ своихъ показаніяхъ.

— Я не могъ ему предлагать и не предлагалъ такого количества, потому что у меня самого было всего 10 экземпляровъ. Но и ихъ Костомаровъ у меня не видалъ. Онъ видѣлъ только одинъ экземпляръ. Такъ ли это, Костомаровъ?

— Такъ.

— Ступайте!—сказалъ ему Шуваловъ.

Я остался. Шуваловъ черезъ минуту выглянулъ изъ кабинета и спросилъ:

— Ушелъ?

Ему отвѣтили.

— Вы можете тоже идти,—обратился онъ ко мнѣ.

Не успѣлъ я выйти изъ кабинета, какъ ко мнѣ вынырнулъ откуда-то изъ мрака Путилинъ и сказалъ по секрету:

— Попросите у графа, чтобы онъ возвратилъ письма г-жѣ Шелгуновой. Полковникъ давеча взялъ ихъ къ себѣ въ карманъ. Ихъ, пожалуй, представятъ при слѣдствіи.

Отъ этихъ словъ меня покоробило; но я промолчалъ.

Гусаръ съ флюсомъ ждалъ уже меня, и мы отправились.

VII.

Когда, пройдя дворъ съ садикомъ, мы вошли въ ворота, я взглянулъ на окна своего каземата. Окно рядомъ съ моими окнами было освѣщено. Штора не была спущена, и мнѣ показалось—у окна сидитъ дѣвушка, бѣлокурая, съ распущенными на плечи волосами. Горянскій, значитъ, не вралъ о женскихъ арестахъ. Это меня встревожило.

Нашъ корридоръ былъ освѣщенъ газомъ. Вахтеръ явился за одеждой. Самохваловъ (такъ звали сторожа—длиннаго унтера съ черными баками) принесъ стаканъ чаю съ хлѣбомъ.

Ночь я провелъ тревожно,—и почти не спалъ до самаго свѣта. Если эта ночь была первая, то не послѣдняя.

Когда я легъ въ постель, Самохваловъ принесъ ночникъ, поставилъ его на окно, опустилъ шторы, потушилъ свѣчу и пожелалъ мнѣ спокойной ночи. Затѣмъ онъ заперъ дверь и вынулъ изъ нея ключъ, который днемъ обыкновенно оставался въ замкѣ. Я думалъ, сердился на себя и на Костомарова, волновался, обсуживалъ, и проворочался всю ночь съ боку на бокъ. Понятно, какого рода мысли не давали мнѣ спать. Я упрекалъ себя, что не стоялъ на совершенномъ отрицаніи всего, что сознался и въ 10 экз., хотя дѣло и могло окончиться въ этомъ случаѣ непродолжительнымъ арестомъ. Я чувствовалъ уже, что Костомаровъ не поддержитъ меня. Мнѣ становилось ясно, что Костомаровъ высказалъ все, что зналъ и даже что подозрѣвалъ. И въ то же время мнѣ не хотѣлось такъ дурно думать о немъ (Это-то и сгубило меня). Я придумывалъ, какъ поступать дальше; но видѣлъ, что уже сразу испортилъ дѣло. И надъ всѣмъ этимъ господствовало опасеніе, какъ бы въ дѣло не впутали другихъ.

Во дворѣ было время отъ времени движеніе. Слышалось бряцаніе сабель, пріѣзжали какія-то телѣжки. Я вставалъ и смотрѣлъ въ окно, отогнувши штору. Мнѣ воображались цѣлыя исторіи арестовъ, которыхъ, можетъ быть, и не было. Только къ утру движеніе совсѣмъ прекратилось, за исключеніемъ мѣрныхъ шаговъ смѣны, при чемъ слышалась команда и бряцанье ружей. Тогда раздавались громкіе шаги и въ нашемъ корридорѣ. Гремѣла желѣзная дверь, шагали солдаты, отдергивалась занавѣска у двери, и лица съ усами смотрѣли: что дѣлаетъ арестантъ? И часовой, оставшись уже одинъ у двери, тоже по временамъ заглядывалъ.

Ночникъ у меня сталъ гаснуть. Мнѣ не хотѣлось вставать, чтобы поправить его. Вдругъ я услыхалъ голоса во дворѣ и потомъ на лѣстницѣ:

— Что-жъ это? Тамъ ночникъ погасъ. Зажечь!

— Эй, Самохваловъ! въ № 6 ночникъ.

— Что, погасъ?

— Да. Дежурный увидалъ.

— Сейчасъ.

Я всталъ, поправилъ свѣтильню спичкой, и она ярко загорѣлась. Мнѣ не хотѣлось, чтобы ко мнѣ лѣзли и ночью, и Самохваловъ, заглянувъ въ мою дверь, остался, повидимому, очень доволенъ и произнесъ съ удивленіемъ:

— Горитъ.

Съ тяжелой головой пролежалъ я до разсвѣта почти, не умѣя еще сообразить и часовъ по смѣнѣ. Я слышалъ и звонъ къ заутренѣ, и къ ранней обѣднѣ, и заснулъ, видно, всего часа на полтора.

Чтобы позвать къ себѣ сторожа, нужно было только постучать въ стекло двери. Часовой передавалъ требованіе дальше.

Самохваловъ принесъ умывальникъ и полотенце, подалъ мнѣ умыться, убралъ постель, вымелъ комнату и потомъ вскорѣ принесъ чаю. Онъ спросилъ меня, не желаю ли я чего-нибудь читать, и сказалъ, что у нихъ есть книги, которыя переходять изъ № въ №, казенныя. Я просилъ принести. Это были разрозненные №№ «Русской Бесѣды», «Библіотеки для Чтенія», «Revue etrangère». Читать въ нихъ было нечего, да и охоты у меня не было.

Часовъ до двѣнадцати я ходилъ изъ угла въ уголъ или смотрѣлъ въ окно. Во дворѣ проходили опять то жандармы, то чиновники, то дамы, вѣроятно шпіонскія жены и дочери. Точно такъ же, какъ и наканунѣ, пріѣзжалъ въ телѣжкѣ курьеръ съ бумагами, и пр. Окна не были закрашены.

VIII.

Часовъ въ двѣнадцать вахтеръ принесъ платье, пришелъ дежурный офицеръ, уже другой, другого полка, и я пошелъ опять въ экспедицію. Тотъ же Горянскій выложилъ передо мною двѣ извѣстныя мнѣ прокламаціи: къ солдатамъ и крѣпостнымъ людямъ,—разумѣется, придерживая ихъ слегка.

При этомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Костомаровъ показываетъ, что онъ взялъ эти рукописи въ квартирѣ студентовъ Петровскаго и Сороки.

Это меня очень смутило возможностью новыхъ компрометтирующихъ показаній.

Можетъ быть, это и глупо было съ моей стороны; но опасеніе худшаго заставило меня сказать, что только одно изъ этихъ воззваній могъ онъ взять у Сороки, а другое получилъ отъ меня.

Когда я указалъ на строки, написанныя мною въ прокламаціи къ солдатамъ, Горянскій былъ, повидимому, удивленъ. По ихъ соображеніямъ выходило (вопреки показанію Костомарова), что, напротивъ, прокламація къ крестьянамъ написана моею рукой.

Вотъ и все почти, что произошло въ это свиданіе. Да, я забываю одно.

Наканунѣ я видѣлъ въ экспедиціи взятыя коробки съ бумагами, еще завязанными и запечатанными. Теперь не было на нихъ уже ни бичевокъ, ни печатей, и все изъ нихъ было, повидимому, выбрано. Это я замѣтилъ тотчасъ, какъ вошелъ, и тотчасъ же спросилъ Горянскаго, почему не призвали меня и не распечатали этихъ коробокъ при мнѣ. Я могъ бы при этомъ кое-что объяснить. Да къ тому же для чего иначе было прикладывать къ коробкамъ мою печать?

Горянскій принялъ при этомъ нѣсколько торжественный видъ, насколько было это возможно при его фигурѣ, и замѣтилъ съ гордостью:

— Вы забываете, г. Михайловъ, что здѣсь канцелярія его величества. Печать ваша не имѣетъ здѣсь значенія.

И я-то наивенъ! Какъ будто не зналъ, что тутъ-то именно и письма спеціальнымъ образомъ подпечатываются.

IX.

Только что воротился я въ свой №, сторожъ принесъ обѣдъ, совершенно похожій на вчерашній. Но я не съѣлъ и двухъ глотковъ супу, какъ Горянскій явился у меня въ номерѣ. Обѣдъ и безъ того былъ мнѣ противенъ; а тутъ я, разумѣется, уже и въ ротъ не могъ его взять. Я сказалъ, чтобы его убрали.

Горянскій старался отбросить свой оффиціальный, чиновничій характеръ, но это ему не удавалось. Онъ сѣлъ, попросилъ позволенія закурить папиросу и спросилъ меня, не знаю ли я, гдѣ въ настоящую минуту студенты Сорока и Петровскій. Ихъ найти не могутъ. Оказалось, что до показанія Костомарова на нихъ и подозрѣнія никакого не падало. Я-же, напротивъ, по слухамъ думалъ, что Сорока арестованъ.

Потомъ Горянскій спросилъ:

— А гдѣ братъ Костомарова, вы не знаете?

— Какой братъ!

— А вотъ, про котораго онъ пишетъ, что донесъ на него.

— Да вы развѣ не знаете этого?—спросилъ я съ удивленіемъ.— Я-то его и не видывалъ никогда.

— Мы его давно ищемъ—и не знаемъ, гдѣ онъ.

Я тогда же началъ думать, что доносъ брата—выдумка Костомарова. Хотѣлось бы разъяснить эту исторію.

Скажу нѣсколько словъ о Горянскомъ. Вообще, это рѣдкій подлецъ до глубины души, до мозга костей. Я сказалъ, что въ выраженіи лица у него не было злого; но подлость характеристически отпечатывалась въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи мускуловъ. У меня было довольно времени всмотрѣться въ это гадкое лицо. Со второго дня моего ареста, онъ меня посѣщалъ ежедневно въ теченіе двухъ недѣль. Заходилъ и потомъ, но уже не такъ часто. Любопытнѣе всего было наблюдать за тою игрой, которую онъ старался искусственно сообщить своему лицу.—Игра эта не удавалась ему. Сухое и черствое лицо не поддавалось усиліямъ выразить того, что требовалось выразить въ данную минуту, на основаніи тонкихъ шпіонскихъ соображеній. Но въ усердіи съ его стороны въ этомъ отношеніи не было недостатка. Напротивъ, онъ иногда, можно сказать, весь превращался въ это усердіе. Надежды терять, впрочемъ, нечего. Онъ еще молодъ. Къ старости, того и гляди, постоянная практика сдѣлаетъ свое, и его теперь неподатливое лицо будетъ принимать какую угодно маску, если только

мы будемъ оставаться со своимъ тысячелѣтнимъ терпѣніемъ покорными зрителями этого разбойничьяго вертепа у Цѣпного моста.

X.

Съ этого второго дня моего ареста, я могу болѣе или менѣе одинаково охарактеризовать всѣ дни моего заключенія. Въ первыя двѣ недѣли я не зналъ ни одной спокойной минуты. Только вечеромъ, да и то послѣ извѣстнаго часа, могъ я уже не ждать посѣщенія Горянскаго или Путилина, или того, что меня потребуютъ въ экспедицію или къ Шувалову.

Говорить съ этими господами было для меня истинной пыткой. Они постоянно дѣлали мнѣ въ разговорѣ разные пугавшіе меня намеки, на которые я старался ни выказывать никакого ни любопытства, ни вниманія, тогда какъ внутренно они меня очень тревожили. На предложенные мнѣ Горянскимъ вопросные пункты о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», я отвѣчалъ то-же, что и на словахъ (Рукописи, конечно, казались имъ не особенно важнымъ дѣломъ). По этимъ отвѣтамъ со мною нельзя было бы сдѣлать ничего особеннаго. Я рѣшился стоять на этомъ до конца, и, если бы не страхъ, что Костомаровъ замѣшаетъ тутъ еще кого нибудь, дѣло кончилось бы развѣ высылкой меня изъ Петербурга. Намеки не сходили у Горянскаго съ языка. Онъ игралъ передо мною, какъ фокусники играютъ ножами, разными именами, не уставая повторять ихъ. Между прочимъ, мнѣ предлагали о В., давно ли онъ пріѣхалъ изъ деревни, былъ ли въ Петербургѣ, когда я вернулся изъ-за границы. Но это было много спустя, почти передъ самымъ переводомъ меня въ крѣпость (Вѣроятно, въ то время держали его въ III Отдѣленіи, дожидаясь, что я скажу).

Говоря объ этихъ ежедневныхъ вопросахъ, мучившихъ меня и сами по себѣ, и особенно тѣми тревожными мыслями, которыя они всякій разъ оставляли во мнѣ, я говорю собственно о посѣщеніяхъ Горянскаго, у котораго я былъ, кажется, главнымъ предметомъ наблюденія все это время. Путилинъ, не знаю почему (вѣрно, по глупости своей), былъ для меня еще противнѣе; но онъ заходилъ рѣже, и я почти ни на одинъ его вопросъ не отвѣчалъ, такъ что онъ долженъ былъ уходить отъ меня довольно скоро.

Оригинальнѣе всего были разспросы Шувалова, къ которому меня водили разъ пять-шесть. Онъ обыкновенно спрашивалъ въ такомъ родѣ:

— Какъ вы ни запирайтесь, а г-жа Шелгунова знала объ этомъ дѣлѣ. Это мнѣ извѣстно, какъ нельзя лучше.

— Не знала.

— Нѣтъ, знала.

— Нѣтъ, не знала.

— Нѣтъ, знала.

И такъ далѣе, до злости.

— Ну я понимаю,—перемѣнялъ онъ тему:—что вы не хотите выдавать женщину; но братъ ея зналъ. Мы не можемъ оставить его безъ наказанія.

— Нѣтъ, не зналъ.

— Нѣтъ, зналъ, и помогалъ вамъ.

— Нѣтъ, не зналъ.

— И что вы его защищаете? Зналъ.

— Нѣтъ не зналъ.

— Зналъ, я вамъ говорю.

— А я вамъ говорю, что не зналъ.

Это онъ, должно быть, называлъ: не брать нахрапомъ.

Примѣръ допроса, приведенный мною, я взялъ изъ времени, слѣдовавшаго уже за моимъ показаніемъ. До этого вопросы были другіе, но характеръ изслѣдованія былъ тотъ же.

— Зачѣмъ вы не хотите сказать, что распространяли прокламаціи *вы?*

— Да я не распространялъ.

— Распространяли.

— Нѣтъ.

— Распространяли.

— Нѣтъ же.

Кромѣ допросовъ Горянскаго, меня, впрочемъ, ничто не смущало. Онъ съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ умѣлъ разнообразить свои вопросы и томить меня по цѣлымъ часамъ.

XI.

Дни, разнообразные только по моимъ безпокойнымъ думамъ, тянулись такъ:

Я вставалъ около семи-восьми часовъ. Слѣдовало умыванье, питье чая, къ которому не подавалось молока и давалась трехкопѣечная булка. Потомъ начиналось досадное ожиданіе посѣщеній. Я пробовалъ читать, но не находилъ въ этомъ развлеченія. Я просилъ у Шувалова газетъ, и мнѣ приносили «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Инвалидъ». Но все это было только въ первую недѣлю. Потомъ газетъ мнѣ не стали давать. Такимъ образомъ, я лишь случайно узналъ по попавшему ко мнѣ отдѣльному № «Русскаго Міра», что университетъ закрытъ. Объ этомъ событіи я, правда, слышалъ отъ Путилина и отъ смотрителя, но не совсѣмъ имъ повѣрилъ. Достаточно было пробыть тутъ три-четыре дня, чтобы видѣть, что изъ всего разсказываемаго по меньшей мѣрѣ $^3/_4$ оказывается ложью.

Поутру обязанъ ходить по №№ дежурный съ вопросомъ, не желаетъ ли арестантъ чего нибудь. Но ко мнѣ дежурные не всегда

заходили. Эта подающая надежды молодежь часто ограничивалась тѣмъ, что, отдернувъ занавѣски двери, заглядывала ко мнѣ въ стекло.

Утромъ же довольно часто заходилъ ко мнѣ смотритель капитанъ Зарубинъ. Онъ сообщалъ мнѣ преимущественно театральныя новости. На каждую новую пьесу онъ ѣздилъ. Вдавался иногда въ политику и либеральничалъ, а вслѣдъ затѣмъ жаловался на бездну хлопотъ въ III-емъ Отдѣленіи. Все, говорилъ, такъ было хорошо. Сколько времени почти всѣ №№ стояли пустыми, а теперь не знаешь, куда дѣвать всѣхъ, кого арестуютъ.

— Правительство вѣдь идетъ же понемножку впередъ, — разсуждалъ Зарубинъ.—Нельзя же вдругъ. А вы, господа прогрессисты, очень ужъ торопитесь. Все бы вамъ сразу.

День, два, три и четыре я не прикасался къ обѣду. Не говоря уже о томъ, что онъ успѣвалъ простыть по пути изъ трактира (откуда его брали), а если его подогрѣвали, то вонялъ саломъ и вообще былъ довольно противенъ, я не могъ ѣсть и потому, что приносили его въ двѣнадцать, въ часъ. Это случалось, значитъ, или непосредственно вслѣдъ за пріятными бесѣдами со мной моихъ милыхъ слѣдователей, или въ ожиданіи ихъ, или же, наконецъ, во время самихъ визитовъ. Только въ сумеркахъ я, какъ будто, чувствовалъ себя немного легче. Безпрестанныя отворянія желѣзной корридорной двери, голоса разныхъ мѣстныхъ распорядителей, шаги ихъ и распоряженія по корридору только тутъ умолкали. Въ остальное время, прислушиваясь къ этимъ голосамъ и шагамъ, я того и ждалъ, что вотъ идутъ мучить меня разговорами. Это такъ и случалось. Капитанъ Зарубинъ былъ наиболѣе сноснымъ исключеніемъ. Онъ, повидимому, не имѣлъ ни обязанности, ни особаго призванія разузнавать у меня что-нибудь, говорилъ больше самъ, и всетаки я узнавалъ у него, хотя урывками, кой-какія новости. Я ему сказалъ, что совсѣмъ не могу ѣсть такъ рано, и онъ мнѣ предложилъ присылать обѣдъ въ четыре или въ пять часовъ. Въ двѣнадцать же я хотѣлъ имѣть кофе. Онъ и на это согласился.

Около сумерокъ чиновники расходились изъ присутствія по домамъ, Шуваловъ (если бывалъ въ III-мъ Отдѣленіи) тоже уѣзжалъ. Значитъ, можно было вздохнуть посвободнѣе. Я слѣдилъ обыкновенно изъ окна, какъ они расходятся. Перемѣна времени обѣда не прибавила мнѣ, однако-жъ, аппетита.

Я замѣтилъ нѣкоторое измѣненіе въ характерѣ блюдъ и спросилъ у Самохвалова, не изъ другого ли это трактира обѣдъ. Онъ сказалъ мнѣ, что объ эту пору они изъ трактира обѣда не берутъ, а этотъ отъ капитана Зарубина, который снабжаетъ имъ всѣхъ арестантовъ, обѣдающихъ такъ поздно, какъ я. Въ это время и самъ онъ обѣдаетъ.

— Такая эта капитанша милосердная,—замѣтилъ Самохваловъ,—что поискать другой.

Его удивляла моя умѣренность. Я рѣдко ѣлъ что-нибудь, кромѣ супа да салата, иногда развѣ только оставлялъ у себя кусокъ какого-нибудь сухого пирожнаго.

— Что же вы не кушаете, ваше высокоблагородіе?—говорилъ онъ ласковымъ и добродушнымъ тономъ.— Развѣ не нравится вамъ?

— Нѣтъ, не ѣстся что-то.

— Да вы огорчаетесь, я полагаю, ваше высокоблагородіе? Такъ вы не огорчайтесь. Что ни Богъ! Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе!

Не было почти дня, чтобы у меня не болѣла голова и не билось сердце до тошноты. Я продолжалъ мучиться и безсонницей. Ночь проходила у меня въ featureвознѣ съ боку на бокъ. Если я и засыпалъ на полчаса, на часъ, то этого нельзя назвать сномъ. Какая то чуткая дремота это была, наполненная въ то-же время безпорядочными и непріятными грезами. Въ нихъ все продолжались и допросы, и думы мои, и опасенія. Малѣйшій шумъ въ корридорѣ будилъ меня. Сплошь и рядомъ я не могъ разобрать, дремалъ ли я, или просто думалъ. Я съ тоской ждалъ, считая смѣны, скоро ли дневной свѣтъ сдѣлаетъ ненужнымъ эту лампадку, тихо потрескивающую на окнѣ.

Я потребовалъ на третій или четвертый день взятыя съ собою книги, и хотѣлъ начать писать. Мнѣ дали и бумагу, и перьевъ, и чернилъ, но книгъ моихъ разомъ мнѣ не дали, а давали по одной, по двѣ.

Мнѣ казалось, что во время письма мнѣ удастся лучше сосредоточить свою мысль на чемъ-нибудь постороннемъ. Но это было заблужденіе. Писать мнѣ было еще труднѣе, чѣмъ читать. Только сильнѣе разбаливалась и тяжелѣла голова. Я бросилъ и это, и, оставаясь одинъ, только ходилъ изъ угла въ уголъ, считая концы. Такимъ образомъ, и тутъ (какъ потомъ въ крѣпости) мнѣ случалось насчитывать въ теченіе дня до 1500 концовъ. Уставъ ходить, я ложился на постель и разсѣянно читалъ.

Иногда, заставъ меня лежащимъ, Самохваловъ замѣчалъ:

— Вы опять на *койкю* (онъ произносилъ именно такъ мягко) легли, ваше высокоблагородіе. Должно быть, все огорчаетесь. Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе. У насъ что,—вотъ не дай Богъ, въ крѣпости! А здѣсь что? подержатъ да и выпустятъ. Что ни Богъ, ваше высокоблагородіе!

Я вступалъ съ нимъ иногда въ разговоръ, и старался его поразспросить кой о чемъ. Но онъ трусилъ отвѣчать, понижалъ голосъ и косился на дверь. Онъ жаловался, что дѣла ему много, что всѣ №№ въ его отдѣленіи заняты, что съ одними обѣдами хлопотъ пропасть, а тамъ еще уборка комнатъ, чай и пр., что нѣкоторые арестанты такъ пачкаютъ полъ и сорятъ сигарами, что надо каждый день мыть; что нѣкоторые очень капризны, сердятся,

кличутъ каждую минуту за вздоромъ, безпрестанно спрашиваютъ, который часъ.

— Хочу ужъ часы въ корридорѣ повѣсить. Есть тамъ въ сторожкѣ. Пусть тутъ бьютъ.

Онъ и сдѣлалъ это. Но боемъ часовъ я наслаждался всего дня два. Начальство приказало ихъ снять. Вѣрно, считало это баловствомъ. Моихъ часовъ мнѣ не давали, хотя я просилъ не разъ.

Я спросилъ Самохвалова, есть ли между арестантами женщины. Онъ сначала не хотѣлъ отвѣчать, но потомъ сказалъ шепотомъ, что теперь нѣтъ, а бывали, только имъ прислуживаютъ бабы, а не онъ. Мнѣ хотѣлось знать, кто же это около меня. Онъ сказалъ, что это молодой человѣкъ, совсѣмъ мальчикъ, волосы по плечамъ. Я догадался потомъ, что это былъ одинъ московскій студентъ. Я видѣлъ его изъ окна, во дворѣ въ студенческомъ мундирѣ и думалъ, что его выпускаютъ на свободу; но—какъ мнѣ сказали потомъ въ слѣдующей комнатѣ,—его перевели только изъ III Отд. на съѣзжую (Кажется, Оберъ-Миллеръ фамилія.)

Въ другой разъ я увидалъ въ окно—какъ мнѣ показалось—Вл. Обручева, идущаго съ дежурнымъ офицеромъ, вѣроятно, изъ экспедиціи. Я думалъ, не ошибся ли. Но это потомъ подтвердилось.

Но чаще всего, по нѣсколько разъ въ день, видѣлъ я одного арестанта: господина съ сѣдой французской бородкой въ сѣромъ инвернесѣ. Меня удивляло, что его такъ часто допрашиваютъ; но Самохваловъ объяснилъ мнѣ, что онъ ходитъ просто гулять по садику. Я могъ бы тоже отправляться на прогулку, но у меня не было на это ни малѣйшей охоты. Предъ арестомъ моимъ я слышалъ, что въ III Отдѣленіе взятъ нѣкто Перцовъ, тоже отчасти литераторъ. Я почему-то рѣшилъ, что это именно онъ. Разъ онъ вышелъ съ какимъ-то узелкомъ. Во дворѣ стояла извозчичья карета. Онъ сѣлъ въ нее одинъ и уѣхалъ. Я такъ и думалъ, что его освободили. Видя его потомъ во дворѣ, я предполагалъ, что онъ приходилъ за какими-нибудь справками. Но жандармы, везшіе меня до Тобольска, сказали мнѣ, что онъ все еще содержится у Цѣпного моста, а тогда ѣздилъ въ сопровожденіи вахтера въ Торговую баню.

Раза два-три проходилъ по двору Б. Онъ смотрѣлъ на мои окна, и, вѣроятно, узналъ меня. Я нарочно становился ближе и смотрѣлъ въ открытую форточку. Однажды онъ поднялъ руку ко рту и сдѣлалъ какъ будто три воздушныхъ поцѣлуя. Можетъ быть, они относились къ Обручеву, а можетъ быть, и къ обоимъ намъ.

Я забылъ сказать и скажу теперь кстати, что меня не разъ спрашивали, не извѣстно ли мнѣ откуда идетъ *Великор*. На отрицательный отвѣтъ мнѣ замѣчали: «знаете, да сказать не хотите». Но и только.

XII.

Почти двѣ недѣли допросовъ и надоѣданій не подвинули дѣла моего ни на шагъ, и я уже начиналъ думать, что тѣмъ все и кончится.

Однажды, призванный къ Шувалову, я услыхалъ отъ него слѣдующее:

— Я имѣю положительныя данныя, что прокламацію «Къ молодому поколѣнію» написали вы.

— Какія же?

— Мнѣ говорилъ одинъ литераторъ, что вы читали прокламацію свою въ рукописи еще другому литератору, т. е. не литератору, а брату литератора, именно Серно-Соловьевичу, — что вы на это скажете?

— Что это выдумка. Какой же вамъ это литераторъ говорилъ?

— Да Костомаровъ. Вы съ Соловьевичемъ совѣтовались, и онъ еще говорилъ вамъ, что вы этою прокламаціей возстановите противъ себя всѣхъ помѣщиковъ. Вы ему читали это передъ своимъ отъѣздомъ въ Лондонъ.

— Что это вздоръ, ясно ужъ изъ того, что я съ Серно-Соловьевичемъ познакомился по пріѣздѣ изъ-за границы.

Шуваловъ нѣсколько смутился.

— Дѣйствительно?

— Да.

Объ этомъ потомъ уже онъ не поминалъ.

XIII.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ явился Путилинъ съ портфелемъ подъ мышкой. Онъ вынулъ оттуда печатку, въ видѣ ручки съ бархатнымъ рукавомъ, и спросилъ, знаю ли я эту печатку. Она была очень хорошо мнѣ знакома.

— Нѣтъ.

Онъ вынулъ нѣсколько конвертовъ, прошнурованныхъ и припечатанныхъ, и показалъ мнѣ адреса.

— А это вы писали?

— Я.

Это были адреса моихъ писемъ къ Костомарову.

Онъ вынулъ еще два пакета и показалъ мнѣ.

— А это?

— Это не я.

— Вы только себѣ вредите, не сознаваясь,—замѣтилъ Путилинъ.—Это ваша же рука, и печать вотъ эта ваша.

Онъ повернулъ пакеты другой стороной.

Довольно долго приставалъ онъ ко мнѣ и съ другими вопросами, слышанными мною уже сто разъ. Наконецъ, сказалъ, что Костомаровъ прямо говоритъ, что прокламацію привезъ я въ большомъ количествѣ, предлагалъ ему взять въ Москву 100 экз. и пр.

— Вы это отъ него отъ самого услышите-съ,—прибавилъ онъ.— Вамъ дадутъ съ нимъ очную ставку. Онъ все это на очной же ставкѣ показалъ. Тутъ изъ Москвы есть одинъ господинъ теперь.

Не добившись отъ меня ничего, Путилинъ ушелъ.

Не больше, какъ черезъ четверть часа послѣ его ухода, меня позвали въ экспедицію.

XIV.

Тамъ встрѣтилъ меня Горянскій почти тѣми же вопросами, какъ и Путилинъ. Онъ говорилъ, что «нравственное» убѣжденіе ихъ, т. е. III Отдѣленія, въ моей виновности такъ сильно, что они употребятъ всѣ средства добраться до конца въ своихъ открытіяхъ. На сцену опять явились печать, конверты и пр. Онъ что-то заговорилъ было о чернилахъ, о сургучѣ; но, видно, самъ увидалъ, что зарапортовался, и потому поспѣшилъ поправить дѣло, показавъ мнѣ отвѣты Костомарова на предложенные ему вопросные пункты.

Эти отвѣты были, дѣйствительно, очень компрометтирующаго характера. Въ нихъ онъ говорилъ о прокламаціи «Къ молодому поколѣнію», какъ о *моей* брошюрѣ, утверждалъ, что ни у кого и быть ея не могло въ Петербургѣ, кромѣ меня; о числѣ привезенныхъ мною экземпляровъ онъ не упоминалъ, но въ то же время на вопросъ, зачѣмъ я привезъ ихъ, отвѣчалъ—вѣроятно, по его мнѣнію, остроумно—что, конечно, не съ тою цѣлью, чтобы оклеить экземплярами воззванія стѣны своего кабинета, вмѣсто обоевъ. Онъ подтверждалъ также, что разсказывалъ въ Москвѣ о моемъ предложеніи ему—взять прокламацію съ собой,—и еще не мало было глупостей самаго сквернаго свойства въ этихъ отвѣтахъ.

По особенному тупоумію меня болѣе всего поразилъ, помню, отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ онъ, Костомаровъ, предупреждалъ меня письмомъ?—Затѣмъ, отвѣчалъ Костомаровъ, чтобы Михайловъ, получивши письмо, уничтожилъ всѣ экземпляры (!!), и тогда, если-бъ письмо и попалось въ руки полиціи (?), то нельзя было бы никакъ догадаться, о чемъ въ немъ идетъ рѣчь.

Этотъ отвѣтъ, чуть ли не дважды подчеркнутый Горянскимъ краснымъ карандашемъ, какъ особенно замѣчательный, разсмѣшилъ меня.

На все краснорѣчіе Горянскаго я отвѣтилъ однимъ, что къ тому, что сказалъ разъ въ своихъ отвѣтахъ, я ничего не прибавлю, да и прибавлять мнѣ нечего.

— Вотъ сейчасъ самъ г. Костомаровъ будетъ здѣсь. Вы поговорите съ нимъ.

Я и не думалъ, какой оборотъ могло принять и приняло это свиданіе.

Я рѣшился не принимать на себя ничего болѣе того, что уже принялъ, и, конечно, выдержалъ бы свое рѣшеніе, если-бъ Костомаровъ не вывелъ меня изъ терпѣнія своими упреками.

Онъ пришелъ въ сопровожденіи Путилина.

Горянскій попросилъ его объяснить разные пункты въ его отвѣтахъ. Я ужъ не помню хорошенько этихъ объясненій, но мнѣ памятно, что Костомаровъ какъ-то неловко старался вывернуться изъ нелѣпыхъ фразъ. Напримѣръ, относительно того, что онъ воззваніе постоянно именовалъ *моей* брошюрой или статьей, онъ сказалъ Горянскому что-то въ родѣ этого:—Вѣдь говоря про этотъ стулъ, на которомъ вы сидите, что этотъ стулъ *вашъ*, я этимъ не хочу сказать, что онъ принадлежитъ вамъ.

Когда дѣло дошло до разсказовъ его въ Москвѣ о прокламаціи, Путилинъ съ сладостною улыбкою сообщилъ, что г. Костомаровъ подтвердилъ сказанное въ отвѣтахъ сейчасъ на очной ставкѣ. Горянскій спросилъ его. Онъ сначала молчалъ, потомъ сказалъ, что онъ дѣйствительно подтвердилъ сейчасъ на очной ставкѣ, да и теперь подтверждаетъ, что разсказывалъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ можетъ добыть сколько угодно экземпляровъ воззванія.

Я на это замѣтилъ ему, что онъ могъ говорить такую вещь, и не имѣя на это прочнаго основанія.

— Всякому изъ насъ,—сказалъ я:—случалось въ разговорахъ преувеличивать. И вы, вѣрно, не станете утверждать, что говорили на этотъ разъ правду.

Я уже начиналъ сильно сердиться.

Костомаровъ стоялъ на своемъ. Я очень кротко, стараясь выбирать выраженія, напомнилъ ему одинъ примѣръ сдѣланнаго имъ преувеличенія въ разговорѣ со мной.

Онъ вдругъ вспыхнулъ и разсердился.

— Вы хотите, кажется, свалить все на мою голову,—сказалъ онъ мнѣ.—Валите, валите!

— Я ничего на васъ не валю, да и нечего мнѣ валить. Напротивъ, все, что касалось меня въ вашемъ дѣлѣ, я объяснилъ, хоть и со вредомъ для себя.

— Говорите, г. Костомаровъ,—сказалъ Горянскій.

— Да что мнѣ говорить?—возразилъ Костомаровъ.—Онъ (указывая на меня) хочетъ играть роль невинной жертвы. Ну, обвиняйте меня!

— Намъ не обвинить кого-нибудь нужно, а узнать истину,—сказалъ Горянскій.—Говорите, г. Костомаровъ.

Костомаровъ помолчалъ и потомъ рѣзко сказалъ:

— Не удивительно, что я молчу, а удивительно, что молчитъ онъ.

Онъ показалъ на меня.

— Что такое вы сказали?—вскричалъ Горянскій.—Это замѣчаніе важное, и вы должны написать его.

Онъ положилъ листъ бумаги на конторку, облокотясь на которую, стоялъ Костомаровъ, и подавалъ ему перо. Костомаровъ не бралъ пера.

— Нѣтъ, вы должны это написать, должны,—настаивалъ Горянскій.—Въ вашихъ словахъ намекъ очень серьезный, и онъ долженъ быть разъясненъ. Пишите же, г. Костомаровъ. Какъ это вы сказали? «Не удивительно, что молчите вы, а то удивительно, что молчитъ г. Михайловъ». Извольте написать эти слова.

Костомаровъ все еще колебался. Я едва сдерживалъ злобу, которая раскипалась во мнѣ.

— Г. Костомаровъ никогда не покажутъ несправедливо,—вмѣшался сладкимъ голосомъ Путилинъ, вообще мало тутъ говорившій и бывшій, вѣроятно, лишь въ качествѣ свидѣтеля.—Я ихъ довольно хорошо знаю по Москвѣ.

— Пишите, Костомаровъ,—сказалъ и я.

Онъ уже взялъ перо, но только занесъ его надъ бумагой, я остановилъ его словами, что у меня было гораздо большее число экземпляровъ, чѣмъ я показывалъ.

Я сказалъ тогда, кажется, что 150, но потомъ въ показаніи прибавилъ еще 100, потому что иначе не могъ достичь нужнаго правдоподобія.

Длить эту сцену очной ставки въ экспедиціи мнѣ стало омерзительно. Я боялся, что она приметъ еще гаже характеръ, и уже не въ ущербъ мнѣ, а, можетъ быть, и другимъ. Надо было покончить.

Костомаровъ отошелъ къ окну, опустился на стулъ и началъ плакать, говоря безсвязно:

— Ко мнѣ пристаютъ съ утра до вечера. Мать моя въ горячкѣ...

Путилинъ предложилъ ему выпить стаканъ воды. Онъ подошелъ къ столу, выпилъ и сказалъ, что желалъ бы уйти. Горянскій объявилъ, что это можно.

Я забылъ упомянуть, что, какъ только я сказалъ о томъ, что у меня было 150 экз. воззванія, Горянскій обратился и ко мнѣ съ требованіемъ, чтобы я написалъ это. Я отказался наотрѣзъ и сказалъ, что въ такомъ случаѣ мало писать одну эту цифру, что я напишу все, что нужно, у себя въ №, а отвѣчать на отдѣльные вопросы теперь не стану, не хочу. Горянскій выразилъ было какое-то колебаніе; но Путилинъ обратился къ нему (обычная уловка) съ такими словами:

— Да г. Михайловъ напишутъ. Развѣ можно въ этомъ сомнѣваться? Ужъ если они разъ сказали, то, конечно, напишутъ.

Вслѣдъ за Костомаровымъ ушелъ въ свой № и я.

XV.

Горянскій сталъ томить меня еще чаще своими посѣщеніями. Онъ уже не предлагалъ мнѣ вопросныхъ пунктовъ, а сказалъ, чтобы я написалъ просто показаніе. Сначала оно было короткое. Но я долженъ былъ прочесть его Шувалову въ черновой рукописи, и многія подробности явились только вслѣдствіе того, что имъ въ первоначальномъ видѣ не удовольствовались бы и всетаки предложили бы мнѣ еще не мало вопросныхъ пунктовъ. Я не помню теперь всего; но укажу кое-что. Такъ, напримѣръ, у меня сначала было глухо сказано, что я привезъ воззваніе съ собою, а о происхожденіи его не говорилось. Это прибавлено. Такъ точно не упоминалось въ немъ и имени Шелгуновыхъ. Но Шуваловъ и всѣ его клевреты говорили, что я пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними, и что въ Лондонѣ они должны были находиться вмѣстѣ со мною. Надо было и на это отвѣтить. Вообще, многое, что казалось мнѣ самому потомъ совершенно излишнимъ (когда мнѣ прочли это показаніе передъ судомъ), было вызвано назойливыми вопросами и придирками въ III Отд.

Когда, повидимому, все было удовлетворительно, Шуваловъ, прослушавъ показаніе, сказалъ мнѣ:

— Вамъ, конечно, все это непріятно. Но, согласитесь сами, принявши единожды это мѣсто, не могъ же поступать иначе.

Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ стараться и надѣется, что меня не болѣе какъ отправятъ куда-нибудь въ отдаленную губернію на жительство... Но можетъ, конечно, случиться, что государь захочетъ предать меня суду.

Потомъ прибавилъ (повторивъ увѣреніе въ своей честности), что у него было въ рукахъ нѣсколько писемъ, взятыхъ во время обыска жандармскимъ полковникомъ, но такъ какъ мнѣ могло быть непріятно, если онѣ попадутъ въ чужія руки, то онъ передалъ ихъ запечатанными Шелгуновой. Это (какъ оказалось) было вранье, которымъ онъ поддерживалъ вранье Путилина. Писемъ никакихъ Житковымъ не было взято.

Горянскій пришелъ ко мнѣ вскорѣ, съ просьбой указать ему кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, кто сообщилъ бы ему о моихъ прежнихъ литературныхъ занятіяхъ. Это было нужно ему, какъ онъ говорилъ, для будущаго доклада государю.

— Я пошелъ бы къ А. Н. Майкову или къ Н. А. Некрасову. Я ихъ нѣсколько знаю. Но вы вѣдь знаете, какъ на насъ смотрятъ. Скажутъ: шпіонъ!

Онъ особенно выразительно произнесъ слово *шпіонъ*, словно хотѣлъ передать во всей силѣ то презрѣніе, съ какимъ его обыкновенно произносятъ.

Горянскій, какъ онъ говорилъ мнѣ какъ-то, самъ сочинялъ стихи, и чуть ли не носилъ какую-то поэму своего произведенія къ Некрасову.

Я вызвался лучше самъ ему продиктовать, что ему нужно.

Только послѣ этого показанія я сталъ немного покойнѣе и по ночамъ пересталъ метаться безъ сна. Чтеніе, однако, всетаки плохо развлекало меня, хотя, признавъ за собою всю вину, я уже пересталъ тревожиться за спокойствіе другихъ. Другая тревога, за себя, была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тою.

XVI.

Я почти забылъ, что письмо Костомарова сдѣлало меня прикосновеннымъ и къ другому дѣлу, по которому слѣдствіе производилось особой коммиссіей. Забыть было и не трудно. Оно было слишкомъ ничтожнымъ для III-го Отд. сравнительно съ тѣмъ, что имъ нужно было узнать, для чего у меня было произведено два обыска, и самъ я былъ арестованъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, будь у нихъ въ виду только эта прикосновенность моя, и обыскъ у меня не повторился бы, и меня позвали бы въ слѣдственную коммиссію, не арестуя.

Совершенно неожиданно принесли мнѣ разъ вечеромъ платье, и смотритель пришелъ объявить, что я поѣду сейчасъ въ слѣдственную коммиссію для отобранія отъ меня показанія.

Я поѣхалъ въ извозчичьей каретѣ, въ сопровожденіи молодого офицера, кажется Ѳедорова, не знаю, какого полка, будущаго кандидата въ жандармы, прикомандированнаго съ этою цѣлью къ Шувалову. На козлы, рядомъ съ кучеромъ, сѣлъ вахмистръ.

Рѣдко встрѣчалъ я такихъ дураковъ, какъ этотъ офицеръ. Глупость его выказывалась въ различныхъ разсужденіяхъ, съ которыми онъ не отставалъ отъ меня всю дорогу отъ Цѣпного моста по Большой Милліонной и Большой Морской. Не знаю даже, могу ли я назвать этого господина и не вполнѣ испорченнымъ человѣкомъ. Онъ выказывалъ, что стыдится своего положенія, и старался какъ будто оправдаться въ томъ, что поступилъ въ жандармскій штабъ съ тѣмъ, чтобы получить современемъ мѣсто въ провинціи, что-нибудь въ родѣ адъютанта при жандармскомъ штабъ-офицерѣ.

Онъ въ то же время съ какою-то завистливою восторженносъью говорилъ о быстрой и блестящей карьерѣ Шувалова и изумилъ меня немало, когда вдругъ произнесъ отъ слова до слова формулярный списокъ жандармскаго начальника. Онъ какъ то упомянулъ, что былъ сначала преподавателемъ исторіи гдѣ-то въ военно-учебномъ заведеніи. Въ хронологіи, дѣйствительно, былъ силенъ. Онъ только что не называлъ мнѣ мѣсяцевъ и чиселъ, когда Шуваловъ былъ произведенъ въ такой то чинъ, переведенъ на такое-

то мѣсто; но года приводилъ онъ съ точностью хронологической таблицы. Чтобы оправдать свои жандармскія стремленія, онъ пустился въ восхваленіе гуманности Шувалова и говорилъ, что всѣ стремленія этого добродушнаго сановника направлены на то, чтобы «облагородить» службу по жандармскому вѣдомству, чтобы люди все служили образованные (при этомъ бывшій преподаватель исторіи имѣлъ, вѣроятно, въ виду и себя), чтобы уничтожить всякіе тайные допросы (мнѣ-то это было кстати разсказывать) и предоставить всѣ дѣла, бывшія прежде исключительною спеціальностью III-го Отд., обыкновенному суду, а самимъ только наблюдать за чиновниками по всей имперіи: не брали бы взятокъ и проч.

Мнѣ любопытнѣе было узнать что-нибудь про городскія новости, но онъ ничего не зналъ или не хотѣлъ говорить, кромѣ того, что дебютировалъ въ итальянской оперѣ какой-то новый пѣвецъ, да пріѣхала какая-то новая танцовщица. Онъ выразилъ мнѣ, кромѣ того, свое сочувствіе къ литературѣ, сказалъ, что предпочитаетъ всѣмъ журналамъ *Время*, и пожалѣлъ, что въ этомъ мѣсяцѣ *Современникъ* запоздалъ.

Странное чувство не оставляло меня во весь этотъ недалекій переѣздъ. Окна кареты были опущены, и я съ какою-то жадностью смотрѣлъ по сторонамъ, всматривался въ лица проходившихъ по освѣщеннымъ тротуарамъ Большой Морской, будто хотѣлъ узнать въ толпѣ хоть одно знакомое лицо. Мнѣ хотѣлось въ то же время ударить по виску и оглушить этимъ моего спутника, вмѣшаться въ толпу и вдругъ неожиданно явиться у Аларчина моста.

— Нельзя ли намъ проѣхать мимо бывшей моей квартиры? — сказалъ я не умолкавшему жандармскому кандидату.—Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть хоть на ея окна?

— А гдѣ вы жили?

Я сказалъ.

— Ахъ, жаль, что не по дорогѣ. Я, знаете, съ удовольствіемъ бы, но это въ сторону. Какъ бы чего не вышло. Вонъ вахтеръ вѣдь у насъ на козлахъ.

Я не настаивалъ.

Первая Адмиралтейская часть находится на Большой Морской, рядомъ почти со зданіемъ почтовыхъ каретъ, откуда я провожалъ Шелгунову въ предпослѣднюю нашу поѣздку за границу. Тутъ и собиралась коммиссія по дѣлу печатанія и распространенія московскими студентами запрещенныхъ сочиненій, подъ предсѣдательствомъ, какъ сообщилъ мнѣ мой проводникъ, дѣйств. ст. совѣтника Собѣщанскаго.

XVII.

Мы въѣхали во дворъ, поднялись по довольно узкой лѣстницѣ во 2-ой, а можетъ, и въ 3-ій (ужъ не помню) этажъ, и я вошелъ въ тускло освѣщенную, довольно большую комнату, гдѣ стоялъ посрединѣ письменный столъ и сидѣли мои слѣдователи, весело разговаривая и куря. Проводникъ-офицеръ остался въ комнатѣ рядомъ, между прихожей и той, гдѣ производилось слѣдствіе.

Въ числѣ слѣдователей мнѣ было одно знакомое лицо. Это былъ Стороженко, котораго я раза два-три встрѣчалъ у Дружинина.

Изъ остальныхъ я ни съ кѣмъ не встрѣчался прежде. Кромѣ предсѣдателя Собѣщанскаго и Стороженко, я узналъ имена Фонвизина и Любимова (об. секрет. сената). Кажется, это были и всѣ, не считая канцелярскихъ чиновниковъ, сидѣвшихъ за другимъ столомъ.

О коммиссіи этой, собственно говоря, нечего бы и поминать; я вписываю только для полноты фактъ моего визита въ Первую адмиралтейскую часть. Слѣдователи (насколько я могу судить по двумъ сдѣланнымъ мнѣ допросамъ) были все люди порядочные. Имъ, по крайней мѣрѣ, не для чего было заранѣе считать меня преступникомъ, какъ это было въ Тайной Канцеляріи. Мнѣ предложили въ оба раза по нѣскольку вопросовъ такого рода: зачѣмъ были у меня двѣ книги и портретъ? справедливо ли показаніе Костомарова, что одна изъ взятыхъ у него рукописей писана мною? зачѣмъ я передалъ ихъ? Я отвѣтилъ, что одна рукопись дѣйствительно переписана мной съ дурного списка, гдѣ были пропуски, а другая, не помню, откуда попала ко мнѣ, какъ интересная новость, ходившая, какъ я слышалъ, по рукамъ въ рукописи; что передавалъ я рукописи для прочтенія—и только.

Пока изготовляли вопросы, за столомъ шелъ общій разговоръ о другихъ предметахъ. Я сидѣлъ насупротивъ предсѣдателя и принималъ въ немъ участіе.

Тутъ я узналъ, что студенты по дѣлу типографіи всѣ содержатся при полиціи, а не въ III-мъ Отд.; что нѣкоторыхъ они распускаютъ по домамъ; что одного, выпущеннаго, не имѣвшаго при себѣ ни гроша, пріютилъ въ своей квартирѣ Стороженко; что они собираются всею коммиссіей въ Москву для полученія свѣдѣній на мѣстѣ.

Оба раза я ѣздилъ въ слѣдственную коммиссію вечеромъ, съ тѣмъ же глупымъ офицеромъ, и возвращался въ свой № 6 у Цѣпного моста часовъ около 9 или 10. Между допросами у меня было дня три промежутка.

XVIII.

Хотя ко мнѣ послѣ того, какъ я отдалъ свое показаніе, стали рѣже заглядывать шпіонскія физіономіи, но я всетаки не былъ настолько спокоенъ, чтобы чѣмъ-нибудь заниматься въ теченіе дня. Читать давали только старые русскіе журналы, давно мною читанные.

Только подъ вечеръ я сталъ пробовать хоть переводить что нибудь въ стихахъ изъ тома Camberг'а, бывшаго у меня.

Нѣсколько тревоги, хотя и много удовольствія, доставила мнѣ вѣсть, принесенная Зарубинымъ, о безпорядкахъ въ университетѣ. Хотя онъ говорилъ глухо какъ-то, но я могъ понять, что дѣло не шуточное.

Онъ же сообщилъ мнѣ потомъ о множествѣ арестовъ, и говорилъ, что арестованы всѣ, кто издавалъ *Великоруса*.

Разъ во время обѣда пришелъ Путилинъ, какъ я понялъ, съ цѣлью узнать впечатлѣніе мое при вѣсти объ арестѣ студентовъ, именно первомъ, когда былъ арестованъ и Вил. Я спокойно выслушалъ его разсказъ, что студенты «надѣлали глупостей» въ университетѣ, нагрубили начальству, и что многіе арестованы и университетъ закрытъ. Вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы вызвать у меня вопросъ, не арестованъ ли Михаэлисъ, Путилинъ сказалъ мнѣ:

— Ваши всѣ здоровы, кланяются вамъ.

Повидимому, онъ такъ и ждалъ, что я спрошу: а гдѣ вы ихъ видѣли? и «по какому случаю?» Но въ тонѣ его на этотъ разъ было столько фальши, что я былъ убѣжденъ—онъ вретъ, и не спросилъ ничего, даже не сказалъ ни слова.

Въ этотъ или въ другой разъ онъ сказалъ мнѣ, что Костомарова очень огорчаетъ, что я на него сержусь за его образъ дѣйствій, и что онъ просилъ его, Путилина, передать мнѣ его огорченіе.

Къ этому времени относятся предложенные мнѣ Шуваловымъ вопросы о Венѣ, которые я привелъ выше. Въ это время онъ, вѣроятно, сидѣлъ въ III-мъ Отдѣленіи.

XIX.

Горянскій, заходя ко мнѣ, говорилъ обыкновенно, что онъ является не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, и принималъ при этомъ огорченный видъ.

Онъ предлагалъ мнѣ въ то же время, понижая голосъ, передать что-нибудь на словахъ или, пожалуй, письмомъ моимъ друзьямъ. Нашелъ дурака.

Въ разговорѣ у него то и дѣло проскальзывали фразы, изъ которыхъ ясно было видно, что ему хочется вывѣдать отъ меня еще кое-что.

Онъ началъ, между прочимъ, говорить мнѣ, что для доклада государю мнѣ слѣдуетъ изложить дѣло какъ можно короче, въ формѣ письма, что всего показанія моего государь читать не станетъ (слишкомъ длинно), и что резолюція на такомъ письмѣ рѣшитъ мое дѣло. Безъ этого письма, какъ онъ утверждалъ, я не избѣгну суда, который можетъ кончиться для меня плохо, а главное,—что судъ не ограничится мною однимъ, а постарается притянуть и всѣхъ, кто только былъ со мною въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Какой могъ быть назначенъ судъ, я не зналъ, и мнѣ представлялись тѣ судебныя коммиссіи, которыя отличались въ царствованіе Николая Перваго. Я не настолько былъ убѣжденъ въ нашемъ прогрессѣ, чтобы предполагать невозможной такую коммиссію, какъ, напр., по дѣлу Петрашевскаго. Слѣдствіе въ Адмиралтейской части не могло успокоить. Я видѣлъ очень хорошо, что III-ье Отд. смотрѣло на дѣло московскихъ студентовъ далеко не такъ серьезно, какъ на мое.

XX.

Порядокъ жизни шелъ, между тѣмъ, неизмѣнно въ нашемъ корридорѣ и въ моемъ №. Нарушеніе его заключалось только въ томъ, что въ окна вставили двойныя рамы. Когда въ моемъ № возился стекольщикъ съ мальчикомъ, на меня напала особенная злость. Какъ будто я долженъ остаться тутъ на зиму!

Потомъ раза два случалась необычная возня по корридору, съ крикомъ и растворяніемъ желѣзныхъ створовъ.

— Что это тамъ было такое?—спрашивалъ я Самохвалова.

— Кровать вносили.

— Какую? Зачѣмъ?

— Да вотъ тутъ въ №. Тамъ одна кровать, такъ теперь другого туда сажаютъ. Другую и койку надо.

— Развѣ ужъ мѣста нѣтъ?

— Должно быть, что нѣтъ, ваше высокоблагородіе. А впрочемъ, не знаю.

Раза два-три Самохваловъ объявлялъ, что ждутъ Шувалова, что онъ собирается обойти всѣ №№ по случаю скораго возврата князя (Долгорукова). Самохваловъ съ особенной тщательностью теръ полы мокрой шваброй и потомъ душилъ меня дымомъ какихъ-то благовонныхъ порошковъ, которыми окуривалъ корридоръ и №№.

Но Шуваловъ такъ и не былъ. Онъ вскорѣ послѣ моего по-

казанія (т. е. послѣ студенческой исторіи) совсѣмъ пересталъ ѣздить въ III Отдѣленіе, гдѣ бывалъ до того ежедневно. Эти свѣдѣнія сообщалъ мнѣ Самохваловъ, да я и самъ могъ знать, когда Шуваловъ тутъ, когда нѣтъ, по его экипажу во дворѣ. До меня стали доходить слухи, что онъ боленъ, что собирается вскорѣ за границу. Самохваловъ говорилъ, что вмѣсто него назначенъ будетъ Анненковъ, братъ апокалиптическаго критика; но это не подтвердилось.

XXI.

Взамѣнъ ожидаемаго Шувалова, ко мнѣ въ № явился неожиданный мною вовсе шпіонъ генеральскаго чина Кранцъ, со звѣздою на фракѣ. Это былъ господинъ уже значительно пожилой, довольно высокій, но немного согнутый, съ вьющимися русыми волосами съ просѣдью, лицо круглое, слегка рябоватое, не особенно непріятное, кромѣ маленькихъ глазъ, которыми онъ не смотрѣлъ прямо и которые какъ будто хотѣлъ скрыть подъ сильными очками.

Я его видалъ постоянно во фракѣ со звѣздой; сапоги были у него безъ каблуковъ, и онъ ступалъ неслышно, какъ кошка. Голосъ мягкій и тихій, впрочемъ, какъ у всѣхъ въ этомъ шпіонскомъ царствѣ.

Онъ началъ свое знакомство со мной почти тѣми же словами, какъ и Горянскій: объявилъ, что очень уважаетъ мой талантъ, но къ этому прибавилъ, что я сдѣлалъ непростительную («извините за мое выраженіе, но я говорю вамъ отъ души») ошибку. Ошибка была, видите ли, въ томъ, что я не хотѣлъ понять, что государь совершенно одинаковаго со мной образа мыслей!

По словамъ Кранца, онъ былъ въ отсутствіи, ѣздилъ въ свою деревню, только что воротился и лишь вкратцѣ успѣлъ познакомиться съ моимъ дѣломъ.

Онъ повторилъ мнѣ слова Горянскаго о необходимости письма къ государю, чтобы дѣло было предоставлено административному рѣшенію.

Потомъ онъ попросилъ у меня позволенія закурить папиросу (онъ курилъ тоненькія папиросы, самыя легкія, дамскія какія-то, что было какъ-то некстати въ Тайной Канцеляріи), сѣлъ и началъ меня спрашивать о Герценѣ: когда я съ нимъ познакомился, когда видѣлся въ послѣдній разъ, какъ онъ живетъ и гдѣ, большое ли у него знакомство въ Лондонѣ.

Я отвѣчалъ общими мѣстами.

— А правда ли, - спросилъ онъ,—что Герценъ былъ нынче въ Гамбургѣ и оттуда собирался въ Петербургъ?

— Вамъ это лучше знать,—отвѣчалъ я:—а я ничего подобнаго не слыхалъ.

XXII.

Не помню, въ тотъ ли же день или на другой, только что-то вскорѣ послѣ перваго визита этого почтеннаго старца, ко мнѣ пришелъ Горянскій и тоже (чего прежде съ нимъ не бывало) началъ распрашивать меня о Герценѣ.

Онъ только что вошелъ ко мнѣ, какъ сказалъ:

— Знаете, какіе нелѣпые слухи распространились о васъ по городу, г. Михайловъ. Разсказываютъ, что васъ здѣсь, въ III Отдѣленіи, отравили. Ну, есть ли въ этомъ смыслъ? Кажется, кромѣ уваженія, вамъ здѣсь ничего не оказывается.

Затѣмъ Горянскій, разумѣется, сказалъ, что онъ пришелъ побесѣдовать со мною, какъ человѣкъ, а не какъ чиновникъ, и почти ex-abrupto перешелъ къ вопросамъ, очень интересовавшимъ его, какъ человѣка, а не какъ чиновника, именно о частной жизни Герцена. На большую часть вопросовъ я ему отвѣчалъ, что онъ можетъ это узнать изъ *Колокола* (напримѣръ, о квартирѣ), или же изъ *Былого и Думъ*.

Затѣмъ на нѣкоторые я отзывался незнаніемъ, а на другіе отвѣчалъ явную дичь, которую Горянскій тѣмъ не менѣе благоговѣйно принималъ къ свѣдѣнію. Въ вопросахъ этихъ не было ничего любопытнаго. Это были все большей частью справки о томъ, хорошо ли, т. е. богато ли Герценъ живетъ; много ли онъ получаетъ отъ своихъ изданій, большой ли у него кругъ знакомыхъ, бываетъ ли онъ въ такихъ домахъ, напримѣръ, у важныхъ членовъ парламента, гдѣ бываетъ и наше посольство, и т. п.

Наконецъ, онъ спросилъ:

— А русскія газеты онъ получаетъ?

— Какъ же.

— А есть у него портреты русскихъ кого-нибудь?

— Есть.

— Коллекція?

— Да, и довольно большая.

Мнѣ казалось, онъ имѣетъ въ виду извѣстное, очень распространенное свѣдѣніе о томъ, что у Герцена есть портреты шпіоновъ, находящихся на посылкахъ у Тайной Канцеляріи.

— А есть у него любовница?—спросилъ, наконецъ, Горянскій.

Я ужъ тутъ не могъ удержаться отъ смѣха. Онъ, должно быть, понялъ всю неловкость своего вопроса послѣ того извѣстія, которымъ началъ разговоръ со мною, пробормоталъ что то о томъ, что онъ интересовался всѣмъ этимъ *лично*, какъ человѣкъ, а не какъ чиновникъ, и поспѣшилъ удалиться.

XXIII.

Кранцъ приходилъ ко мнѣ еще раза три.

Разъ онъ принесъ показаніе мое и говорилъ, что оно неудовлетворительно.

— Чѣмъ же?

— Вы не одни распространяли воззваніе,– это разъ. Потомъ вы не показали, кому вы передали остальные экземпляры. Вы привезли ихъ больше.

— Къ тому, что мною написано,—отвѣчалъ я,—я не имѣю ничего прибавить.

— Скажите лучше, не хотите.

— Не имѣю.

— Я не буду настаивать,—сказалъ онъ,—но вамъ не избѣгнуть отвѣта на эти вопросы.

— Вы знаете мой отвѣтъ.

Потомъ онъ принесъ мнѣ два или три конверта, въ которыхъ была разослана прокламація, и сказалъ, показывая ихъ:

— Это не вы писали.

— Нѣтъ, я.

— Это не ваша рука.

— Я измѣнилъ свой почеркъ.

— Это женская рука.

— Можетъ быть, и похоже на женскій почеркъ, а писалъ то всетаки я.

— И это?

— И это я.

Кранцъ ушелъ.

Это было уже въ концѣ мѣсяца послѣ моего ареста.

XXIV.

Ровно черезъ мѣсяцъ, именно 14 октября, Кранцъ пришелъ ко мнѣ поутру, говоря, что я, желая, чтобы мое дѣло кончилось административно и въ него не были впутаны другіе, долженъ написать короткое письмо къ государю, и что это надо сдѣлать сегодня же, потому что пріѣзда его ждутъ съ часа на часъ.

Какъ ни возмущалось все во мнѣ противъ этого, но судъ страшилъ меня тѣмъ, что къ нему будетъ призванъ и Костомаровъ, и его отвѣты запутаютъ дѣло и бросятъ тѣнь подозрѣнія на кого-нибудь, кромѣ меня. Я послѣ увидалъ, что въ правѣ былъ этого бояться, если бы Костомарова III Отдѣленіе не выгородило изъ суда.

Я постарался написать покороче, съ строгимъ соблюденіемъ

казенныхъ формъ, и только подтвердилъ въ немъ тѣ мотивы, которыми оправдывалъ распространеніе прокламаціи и въ показаніи.

Въ три часа старецъ со звѣздой зашелъ ко мнѣ опять, сказалъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ къ Шувалову, взялъ мое письмо въ карманъ и тотчасъ ушелъ.

Не прошло и получаса, какъ ко мнѣ явился Горянскій съ похоронно-вытянутымъ лицомъ и, вздыхая, сказалъ мнѣ, что принесъ мнѣ непріятную вѣсть.

— Что такое?

— Сію минуту пришло высочайшее повелѣніе о преданіи васъ суду (потомъ я узналъ, что оно пришло наканунѣ, или даже за день).

— Какъ же письмо-то?

— Мы ужъ отправили его; но повелѣніе пришло по телеграфу сейчасъ.

Меня злость взяла.

Тутъ только я слишкомъ поздно догадался, что вся эта махинація была подведена, чтобы я не могъ отказаться передъ судомъ отъ моего наказанія.

Письмо считалось актомъ полнаго сознанія, и отречься теперь отъ показанія значило бы удвоить свою виновность. Я хотѣлъ сдѣлать передъ судомъ другое, именно объяснить причины написанія этого письма. Но по нѣкоторымъ причинамъ я этого не сдѣлалъ.

— Вы сегодня переѣдете отъ насъ въ крѣпость,—дополнилъ свое извѣстіе Горянскій. - Вотъ какъ смеркнется. Мы употребляли всѣ старанія, — продолжалъ онъ:— чтобы дѣло обошлось тише, и не такъ ужасно для васъ, какъ оно, вѣроятно, кончится; но въ городѣ было слишкомъ много толковъ и неудовольствія. Литераторы подавали адресъ объ освобожденіи васъ изъ подъ ареста. На насъ идутъ такія нареканія! А вотъ вы сами видѣли, есть ли на что жаловаться. Выдумываютъ про III Отдѣленіе Богъ знаетъ что! Будто здѣсь есть какіе-то опускные полы, что сѣкутъ у насъ. Покамѣстъ я не служилъ здѣсь, я самъ всему этому вѣрилъ. Но это такой вздоръ!.. Въ крѣпость свезетъ васъ смотритель. Мы отпустимъ съ вами ваши книги, бумагу возьмите, карандаши. Вамъ все это позволятъ. Мы ужъ распорядимся... Прощайте-съ! Не браните насъ. Такое ужъ наше собственно положеніе.

Горянскій засталъ меня за обѣдомъ. Понятно, что его извѣстіе отшибло у меня всякую охоту ѣсть. Я сказалъ по уходѣ его Самохвалову, чтобы онъ убралъ со стола и взамѣнъ обѣда далъ мнѣ чаю.

Когда я сказалъ ему, что переѣзжаю въ крѣпость, онъ всплеснулъ руками.

— Ахъ, жаль, ваше высокоблагородіе! жаль! — Ну да что ни Богъ, ваше высокоблагородіе, можетъ, и опять вернетесь сюда; а тамъ и выпустятъ.

Послѣ чего пришелъ ко мнѣ гусаръ съ флюсомъ и съ прошнурованной книгой, чтобы я расписался въ обратномъ полученіи своихъ вещей, которыя и были всѣ принесены вахтеромъ. Потомъ пришелъ и Зарубинъ, когда я былъ совсѣмъ одѣтъ. Кошелекъ съ деньгами передалъ гусаръ ему, такъ что я не могъ и на водку дать Самохвалову. Зарубинъ на это не согласился.

Вахтеръ пришелъ сказать, что карета готова. Совсѣмъ ужъ стемнѣло. Было часовъ семь.

Я въ послѣдній разъ прошелъ по нашему освѣщенному газомъ корридору и спустился съ лѣстницы. Мой чемоданъ, книги, свертокъ бумаги лежали уже въ каретѣ. Вахтеръ сѣлъ на козлы и скомандовалъ кучеру:

— Въ крѣпость!

Вечеръ былъ холодный, и мнѣ зяблось, послѣ чаю и теплаго № 6-го, въ моемъ пальто. Зарубинъ сидѣлъ около меня ужъ въ шубѣ.

Но дорога была недолга. Мы скоро миновали Лѣтній садъ и поѣхали па мосту.

Какъ теперь помню, именно на мосту спросилъ я Зарубина, открыли ли, наконецъ, университетъ и выпущены ли изъ подъ ареста студенты.

— Гдѣ же такъ скоро ихъ разобрать!—возразилъ онъ.

— Да ихъ сколько взято?

— Легко сказать! бѣдь больше 300.

Онъ, однако же, не хотѣлъ мнѣ объяснить дѣло подробно, и отдѣлывался все общими фразами.

Наконецъ, мы въѣхали въ ворота крѣпости.

Мы остановились передъ комендантскимъ подъѣздомъ. За небольшой дверью помѣщалась канцелярія, и туда вошелъ я съ капитаномъ.

Въ Петропавловской крѣпости.

Въ первой комнатѣ, куда мы вошли, было очень яркое освѣщеніе. Она была очень невелика, но въ ней горѣло, по меньшей мѣрѣ, восемь свѣчей. При свѣтѣ ихъ на трехъ или четырехъ небольшихъ столахъ производился скрипъ перьевъ дюжиною военныхъ писарей. Насколько я могъ судить по взгляду мелькомъ на ихъ работу, они составляли какіе-то списки. Бумага была разграфлена. Это были, вѣроятно, списки арестованныхъ студентовъ.

Въ дальнѣйшей комнатѣ, еще меньшаго размѣра, стоялъ только одинъ столъ, и изъ-за него всталъ намъ навстрѣчу небольшого роста человѣкъ, съ конусообразной бѣлокурой головой и полицейски-

любезнымъ выраженіемъ лица. Онъ былъ въ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ и опять-таки со Станиславомъ на шеѣ.

— Что это?—воскликнулъ онъ, подавая руку Зарубину:—долго ли вы еще будете водить? Куда я помѣщать-то стану... Тоже изъ студентовъ? — спросилъ онъ, обращаясь отчасти какъ будто и ко мнѣ.

— Нѣтъ-съ, господинъ Михайловъ, сочинитель. Ужъ вы, пожалуйста, отведите номеръ получше.

— И радъ бы, да нѣту.

— Вотъ и вещи ихъ тутъ.

— Не угодно ли садиться.

Я сѣлъ у стола и взялъ номеръ *Русскаго Инвалида*, лежавшій тутъ.

Чиновникъ съ краснымъ воротникомъ (дѣлопроизводитель канцеляріи и—какъ узналъ я потомъ—правая рука Тайной Канцеляріи въ крѣпости) вызвалъ Зарубина въ другую комнату, пошептался тамъ съ нимъ, потомъ сказалъ громко, что пойдетъ доложить коменданту.

Я прочиталъ, между тѣмъ, въ *Инвалидѣ* не мало удивившій меня приказъ по военному вѣдомству о преданіи суду и арестѣ Семевскаго, Энгельгарта и Штрагдена за участіе въ безпорядкахъ, произведенныхъ студентами.

Когда Зарубинъ воротился къ столу, у котораго я сидѣлъ, я спросилъ его, что значитъ это, и развѣ не одни студенты были виновниками безпорядковъ.

Капитанъ присѣлъ на мѣсто дѣлопроизводителя и, наклоняясь ко мнѣ, произнесъ:

— Да вѣдь тамъ цѣлый бунтъ былъ. Войско надо было вывести. Съ окровененіемъ дѣло-то было, съ окровененіемъ.

Больше онъ, однако жъ, ничего не разсказывалъ.

Дѣлопроизводитель, воротясь, сказалъ, что комендантъ не совсѣмъ здоровъ, и меня къ нему водить не нужно. Онъ расписался въ книжкѣ, привезенной Зарубинымъ, что получилъ въ цѣлости какъ меня, такъ и вещи мои, и, когда тотъ удалился, онъ пригласилъ меня идти съ нимъ, а самъ распорядился, чтобы слѣдомъ принесли и вещи.

Мы пошли только вдвоемъ.

Всю дорогу отъ комендантской квартиры до куртины, гдѣ меня заключили, онъ болталъ безъ умолку: извинялся, что теперь у нихъ нѣтъ помѣщенія лучше — все биткомъ набито; говорилъ, что кой-какія улучшенія сдѣланы въ содержаніи, что даютъ теперь утромъ и вечеромъ чай, чего прежде не было, что съ 1-го ноября и въ ночникахъ будетъ горѣть деревянное масло.

— Нельзя же въ наше время,—замѣчалъ онъ:—держаться старыхъ порядковъ.

Мы поднялись по темной лѣстницѣ въ длинный каменный кор-

ридоръ, который тускло освѣщался висѣвшимъ со свода фонаремъ. Жалкая свѣтильня еле мерцала, какъ въ уличныхъ фонаряхъ самыхъ далекихъ и глухихъ петербургскихъ захолустьевъ. По корридору медленно шагали или стояли въ полумракѣ солдаты съ ружьями. Часовой у входной двери, едва ступили мы въ корридоръ, громко крикнулъ:

— Старшаго!

Возгласъ этотъ пронесся до самаго конца корридора, и скоро навстрѣчу намъ шелъ, гремя ключами, съ оплывшей сальной свѣчой въ рукѣ унтеръ-офицеръ въ каскѣ, въ шинели и при тесакѣ.

— Отвори восьмой номеръ. Да гдѣ плацъ-адъютантъ?

— Они въ баню ушли.

— Ну, хорошо. Отвори.

Я не припомню только хорошенько—восьмой ли это былъ номеръ или шестой. Знаю, что онъ былъ крайній направо по корридору.

Отворили тяжелую дверь, и на меня пахнуло еще худшимъ, сырымъ и затхлымъ воздухомъ, чѣмъ какой былъ въ корридорѣ. Не было тутъ только масляной копоти и чада, какъ тамъ.

Я очутился подъ совершенно круглымъ, отъ самаго пола идущимъ сводомъ, но въ номерѣ, настолько просторномъ, что въ немъ помѣщалось шесть кроватей. Два полукруглыхъ и довольно большихъ окна, закрашенныя снаружи, съ мелкимъ переплетомъ, бѣлѣли въ глубокихъ темныхъ амбразурахъ, будто занесенныя снѣгомъ. Стѣны были закоптѣвшія, съ примѣтами сырости; со свода висѣла бахромой паутина.

— Это у насъ было больничное отдѣленіе,—замѣтилъ смотритель:—да больше теперь рѣшительно нигдѣ мѣста нѣтъ. Если *они* привезутъ еще кого нибудь, помѣстить будетъ некуда... Эй!—крикнулъ онъ ефрейтору: — кликни людей. Вынесть отсюда лишнія койки.

Пришло нѣсколько солдатъ, и вынесли.

Смотритель взялъ свѣчу и поднялъ ее у себя надъ головой, разсматривая потолокъ.

— Эй! паутину обмести... Возьми метлу кто-нибудь! Обмети паутину!

Двѣ метлы зашаркали по своду. Паутина, бѣлилы, пыль летѣли намъ въ изобиліи на голову.

— Ночникъ подай!

Старый, сгорбленный сторожъ, инвалидъ, въ какомъ-то рубищѣ, не напоминавшемъ его военнаго званія, принесъ жировой ночникъ, отъ толстой свѣтильни котораго подымалась толстой черной струей копоть.

Я спросилъ, нельзя ли получить свѣчу,

— Я думаю, можно будетъ, конечно, на ваши собственныя деньги,—отвѣчалъ смотритель.—Вотъ какъ плацъ-адъютантъ воро-

тится изъ бани, вы ему скажите. Покамѣстъ вы останьтесь въ своей одеждѣ. Онъ ужъ тамъ всѣмъ распорядится. Онъ скоро. До свиданья-съ покамѣстъ.

— Курить-то у васъ позволяется?

— Разумѣется-съ; сколько угодно.

И онъ ушелъ. Дверь затворилась, ключъ тяжело повернулся въ замкѣ, и я остался одинъ въ моемъ новосельѣ.

Деревянная койка стояла въ довольно широкомъ простѣнкѣ между окнами изголовьемъ къ стѣнѣ, впрочемъ, не близко. И въ Тайной Канцеляріи постель не отличалась опрятностью и удобствомъ, а ужъ здѣсь и подавно. Парусинный мѣшокъ, скудно набитый соломой, былъ прикрытъ грязною простыней; подушка была тяжелая, изъ нея торчали острыми концами перья и летѣли во всѣ стороны, только что прикоснешься. Наволочка, сшитая, очевидно, на подушку вдвое больше, была чистотою подстать простынѣ. Впрочемъ, подушки было двѣ, но нижняя соломенная. Одѣяло изъ толстаго солдатскаго сѣраго сукна было (вѣроятно, съ годъ тому назадъ) подшито толстой холстиной.

Около изголовья направо стоялъ небольшой столикъ безъ столешницъ, на немъ помѣщалась оловянная кружка съ крышкой, для воды. Около стола стоялъ стулъ съ глухимъ деревяннымъ сидѣніемъ.

Больше ничего не было въ номерѣ.

Тутъ было не холодно, но я скоро почувствовалъ сырость. Только краешекъ желѣзной печки, топившейся изъ корридора, выходилъ сюда.

Какъ ни противна была мнѣ эта неопрятная постель, но надо было примириться съ нею. Я вѣдь не зналъ, какъ долго придется мнѣ спать на ней. Какъ ни пасмурна и печальна была окружавшая меня теперь обстановка, даже, въ сравненіи съ казематомъ Тайной Канцеляріи, у меня было какъ-то легче на душѣ. Сознаніе, что я перестану видѣть передъ собою шпіонскія физіономіи, снимало какъ будто какую-то ненавистную тяжесть съ моего мозга. Вообще, я радъ былъ своему темному своду, какъ перемѣнѣ къ лучшему.

Я промѣрялъ разъ пятьдесятъ мой номеръ изъ угла въ уголъ, иногда въ забывчивости утыкаясь лбомъ въ сводъ, потомъ прилегъ на постель.

Ночникъ безпрестанно нагоралъ, и, когда я лѣнился встать, чтобы поправить свѣтильню принесенными для этой цѣли лучинками (ночникъ стоялъ на окнѣ), по своду слабымъ сіяніемъ ложился свѣтъ корридорнаго фонаря, сквозь стеклянную раму надъ дверью. Отраженіе рамы протягивалось вѣеромъ по своду, и, чѣмъ больше меркъ мой ночникъ, тѣмъ ближе тянулись эти радіусы слабаго свѣта къ моей постели.

Когда я лежалъ такимъ образомъ, поджидая плацъ-адъютанта,

у меня все звенѣли почему-то слова Зарубина: «съ окровененіемъ»,—и въ этотъ первый мой вечеръ въ крѣпости сложились у меня въ головѣ даже стихи съ этимъ припѣвомъ. Они, можетъ быть, и плохи, но я ими въ этотъ вечеръ былъ очень доволенъ.

Прошло, вѣроятно, болѣе полутора часа прежде, чѣмъ опять раздался окрикъ: «Старшаго!», загремѣли ключи, и ко мнѣ вошелъ плацъ-адъютантъ съ большими черными усами и съ высокимъ облысѣвшимъ лбомъ, старательно прикрытымъ рѣдкими черными волосами.

— Вы студентъ-съ?—спросилъ онъ меня, отрекомендовавшись и пожавши мнѣ руку.

— Нѣтъ.

Я назвалъ свою фамилію.

— А! вы сочинитель! Это, вѣрно, по прокламаціи?

— Да.

— Это все пустяки.

Онъ говорилъ съ такою увѣренностью, какъ будто самъ долженъ былъ произносить надо мною судъ.

— Васъ скоро выпустятъ.

Старшій принесъ между тѣмъ арестантскую одежду.

Въ числѣ улучшеній въ крѣпости дѣлопроизводитель, провожая меня въ куртину, упоминалъ, между прочимъ, о томъ, что они (онъ говорилъ *мы*) выхлопотали, чтобы бѣлье было потоньше—кадетское. Рубашка и все прочее, принесенное мнѣ, было ужасно сыро, почти мокро, и я могъ только надѣяться, что согрѣюсь въ шинели изъ сѣраго солдатскаго сукна, которая замѣнила мнѣ здѣсь больничный халатъ Тайной Канцеляріи.

Я переодѣлся, а свою одежду переписалъ карандашемъ на бумагѣ. Старшій связалъ ее веревкой, употребивъ вмѣсто завертки мое пальто, и унесъ. Книги плацъ-адъютантъ у меня оставилъ, но бумагу и карандашъ взялъ для спроса о томъ коменданта. Свѣчу обѣщалъ онъ мнѣ доставить завтра, а пока обойтись ночникомъ. Часы тоже взялъ.

Впрочемъ, они были и не нужны. Куранты на соборѣ разыгрывали то и дѣло разныя колѣнца, не считая ужъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» и «Боже царя храни». Послѣдній кантъ особенно здѣсь кстати. Такъ какъ его никто, конечно, не можетъ повторить сознательно подъ этими сводами, то лучше всего было предоставить это занятіе мѣднымъ языкамъ колокольни.

— А что, ужинать еще не давали? - спросилъ плацъ-адъютантъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчалъ старшій.—Сейчасъ подадутъ.

— Давай!

Въ дверь вошла цѣлая процессія въ родѣ той, которая выходитъ изъ царскихъ вратъ, вынося разныя ложечки и плошечки и поминая Анну Павловну, королеву нидерландскую. Только блеску,

разумѣется, того не было. Это вѣдь были просто солдаты, несшіе арестанту ужинать.

Одинъ принесъ глиняную пустую кружку и налилъ ее, поставивъ на столъ, чаемъ изъ чернаго отъ копоти большого мѣднаго чайника; другой, съ корзинкой въ рукахъ, вынулъ изъ нея и положилъ на столъ бѣлую булку, два куска сахару и два ломтя чернаго хлѣба; третій принесъ оловянную чашку съ кускомъ жареной говядины и соленымъ огурцомъ; четвертый солонку. Этотъ ужъ вполнѣ уподоблялся тому скромному попу, который выноситъ какую-то жалкую вилочку и на долю котораго именно приходится поминать королеву нидерландскую Анну Павловну. Да, еще одного забылъ, перемѣнившаго воду въ оловянной кружкѣ!

Поставивши передо мною эту трапезу, солдаты разошлись, а вслѣдъ за ними ушелъ и плацъ-адъютантъ, пожелавъ мнѣ спокойной ночи. Меня заперли до слѣдующаго утра.

Въ первый разъ послѣ моего ареста я почувствовалъ дѣйствительный аппетитъ, а тутъ, какъ нарочно, ѣда была самая непривлекательная. Я перенесъ ночникъ съ окна на столъ и при его тускломъ освѣщеніи принялся за говядину. Она была жестка и какъ водится, не разрѣзана, но я уже въ Третьемъ Отдѣленіи успѣлъ немного привыкнуть ѣсть, какъ ѣдятъ звѣри въ звѣринцахъ. Съ трудомъ отрывая зубами волокна жесткаго жаренаго мяса и купая руки въ маслѣ, я уничтожилъ его все, добрался потомъ до трехъ картофелинъ, съѣлъ и огурецъ, самъ удивляясь своему аппетиту. Такъ нелѣпо, однако жъ, было во мнѣ довольство, что я уже не въ Третьемъ Отдѣленіи, что я не ограничился одною говядиной, но съѣлъ и весь черный хлѣбъ, и цѣлую булку, поданную къ чаю

Чай—надо правду сказать—подавался мало похожій на чай. Это была какая-то трава безъ запаха и безъ вкуса. Но къ чему нельзя привыкнуть? Привыкъ я и къ нему.

Послѣ этого ужина я почувствовалъ себя, отчасти какъ дома, въ крѣпости. Спать еще было рано, и я уложилъ на окнѣ въ порядкѣ свои книги. Еще въ первый разъ по выѣздѣ изъ дому у меня оказывалось ихъ такое большое количество. Какъ я уже сказалъ прежде, въ Третьемъ Отдѣленіи мнѣ сразу ихъ не давали, вѣроятно, чтобы не баловать слишкомъ.

Спалъ я въ своемъ печальномъ новосельѣ тоже лучше, чѣмъ въ Тайной Канцеляріи; но, къ несчастью, мнѣ пришлось раза три пробуждаться отъ самаго сладкаго сна.

Часовой, ходившій мѣрными шагами по корридору, частенько приподнималъ желѣзный ставень надъ оконцемъ моей двери и, замѣтивъ, что ночникъ у меня гаснетъ, стучалъ въ стекло оконца и кричалъ, приложившись къ нему лицомъ:

— Ночникъ!

Я просыпался, вскакивалъ, надѣвалъ на босую ногу башмаки,

подходилъ къ окну и поправлялъ лучинкой толстую и обгорѣвшую грибомъ свѣтильню.

Поставить же ночникъ на столъ, поближе къ себѣ, чтобы не подыматься съ постели поправлять его, я не рѣшался. Онъ слишкомъ ужъ коптилъ.

Въ эти промежутки между сномъ меня поражалъ болѣе всего— это я замѣчалъ во все пребываніе свое въ крѣпости—тяжелый храпъ спавшихъ въ корридорѣ солдатъ, чередовавшійся съ бредомъ и порой съ пронзительными криками, такъ что часовой начиналъ обыкновенно будить спящаго, чтобы избавить его, вѣроятно, отъ мучительной грезы.

При воспоминаніи о крѣпостномъ моемъ заключеніи всего живѣе представляются мнѣ именно тамошнія ночи. Ночь длилась особенно долго, потому что разсвѣтъ подъ моимъ сводомъ начинался поздно, этакъ въ исходѣ десятаго, а въ три, и даже въ половинѣ третьяго днемъ нельзя уже было даже близко къ окну читать. И эти четыре-пять часовъ свѣта нельзя назвать днемъ. Ложась на койку при наибольшемъ свѣтѣ, читать было уже не возможно. Только у окна еще не совсѣмъ утомлялись глаза.

Ночникъ, данный мнѣ въ первую ночь, былъ еще изъ лучшихъ, пока съ перваго ноября (какъ объявлялъ мнѣ дѣлопроизводитель) не стали жечь деревяннаго масла. А то приносилась плошка, вонявшая на весь номеръ и коптившая такъ, что на утро тяжело было поднять съ подушки голову, и копоть была не только въ носу, но и въ горлѣ. Чтобы избѣжать этой непріятности, я сталъ зажигать на всю ночь стеариновую свѣчу, а ночникъ гасилъ. Но это было не долго. Мнѣ объявили, что комендантъ отдалъ приказаніе, чтобы вездѣ въ десять часовъ гасились свѣчи и зажигались ночники. Поводомъ было, какъ объяснилъ плацъ-адъютантъ, что студенты засиживаются при свѣчахъ долѣе. Такимъ образомъ, я не избѣгъ ни ночника въ стаканѣ на окнѣ, ни вонючей плошки въ углу на полу, ни неожиданнаго постукиванья часового въ стеклышко двери съ окликомъ:

— Ночникъ!

Точно такъ же скверно горѣлъ фонарь въ корридорѣ. Это я лучше всего могъ слѣдить по отраженію дверной рамы на моемъ сводѣ. Иногда, и при потухающемъ, нагорѣвшемъ ночникѣ у меня, мерцаніе на потолкѣ слабѣло и, наконецъ, совсѣмъ исчезало. Тогда часовой будилъ сторожа, и я слышалъ скрипъ блока и звонъ опускаемаго на немъ фонаря. Свѣтлый вѣеръ на потолкѣ, впрочемъ, недолго оставался свѣтлымъ. Иногда меня будилъ часовой и непроизвольно. Не разъ, вѣроятно, задремавши, онъ ронялъ ружье на полъ, и брякъ его раздавался громко по безмолвному корридору. Слабая полоска свѣта ложилась на косякъ одного изъ оконъ отъ фонаря, прибитаго снаружи стѣны. Въ ночной тишинѣ звонъ крѣпостныхъ часовъ съ ихъ патріотической музыкой разда-

вался громче. Номеръ на ночь холодѣлъ, и въ немъ больше чувствовалась сырость. Печку, правда, топили два раза, утромъ и вечеромъ, но она была слишкомъ мала, чтобы нагрѣвать мою тюрьму. Къ утру она совсѣмъ остывала, и мнѣ только-только сносно было подъ одѣяломъ и сверхъ него подъ толстой шинелью.

Я поднимался съ постели довольно рано, обыкновенно часа за два до свѣта, и взамѣнъ ночника зажигалъ свѣчу. Большею частью мнѣ приходилось ждать, когда совсѣмъ разсвѣтетъ, чтобы умыться. Часовъ около девяти, а иногда и позже слышался окликъ «старшаго!», и я зналъ уже, что это идетъ плацъ-адъютантъ.

Ключи гремѣли, и ко мнѣ, можно сказать, вламывалось чуть не десятокъ солдатъ—подъ предводительствомъ дежурнаго ефрейтора—каждый съ чѣмъ нибудь въ рукахъ. Вслѣдъ за ними входилъ плацъ-адъютантъ; впрочемъ, иногда входилъ и одинъ только ефрейторъ. Вся эта многочисленная военная прислуга, какъ будто, торопилась дѣлать дѣло и выказывала при этомъ такую косолапость, какой я, по правдѣ, вовсе не ожидалъ отъ русскаго солдата, проходящаго такую длинную и тяжелую школу всевозможныхъ выправокъ. Старикъ-сторожъ кидался стемглавъ сначала къ ночнику, потомъ къ кружкѣ съ водой, потомъ къ ящику съ глухою крышкой въ углу номера, что нужно—мѣнялъ, что нужно—выносилъ, двое принимались скрести метлами по сухому полу или же (это бывало, кажется, черезъ день) поливать его и пускать въ ходъ швабры. Приносился стулъ, тазъ, и одинъ изъ солдатъ подавалъ мнѣ умыться изъ кружки. Кромѣ того, являлись, какъ и вечеромъ, хлѣбодары и чаечерпіи со всѣми принадлежностями. Утромъ только чай давали безъ всякаго иного завтрака, кромѣ булки.

Одинъ изъ ефрейторовъ, бойкій грамотный малый, о которомъ я скажу подробнѣе потомъ, особенно заботился о воздухѣ въ моемъ номерѣ. Воздухъ былъ дѣйствительно ужасенъ: сырость и затхлость поражали при входѣ; послѣ посѣщенія этого десятка солдатъ оставался при томъ запахъ сапожной кожи, чадъ отъ ночника, вонь отъ корридорнаго фонаря, запахъ грязной воды отъ сырого пола,—все это сгущалось такъ, что запахъ табаку (а я курилъ довольно) совершенно пропадалъ и оставался только дымъ. Крошечная форточка въ одномъ окнѣ совсѣмъ не освѣжала, а иногда въ нее еще валилъ новый запахъ и чадъ кухонный, вѣроятно, изъ подвальнаго этажа. Заботливый ефрейторъ кропилъ стѣны и полъ ждановской жидкостью и курилъ на раскаленномъ кирпичѣ квасомъ, и только это немного и не надолго улучшало воздухъ.

Умывшись и напившись чаю, я оставался опять одинъ до обѣда, если не заходилъ ко мнѣ комендантъ или плацъ-маіоръ. Ихъ посѣщенія, конечно, не имѣли ничего похожаго на тѣ визиты, отъ которыхъ я изнывалъ въ Тайной Канцеляріи. Комендантъ Сорокинъ, сухой военный формалистъ, заходилъ лишь изрѣдка и огра-

ничивался краткими вопросами о моемъ здоровьѣ, о томъ, всѣмъ ли я доволенъ, и проч. Напротивъ, посѣщенія добраго и любезнаго плацъ-маіора доставляли мнѣ удовольствіе.

Часовъ около двухъ приносили мнѣ обѣдъ, который вовсе не возбуждалъ во мнѣ желанія прикасаться къ нему, если это не были щи да гречневая каша. Къ сожалѣнію, эти простыя блюда подавались рѣдко; считалось почему-то нужнымъ разнообразить обѣдъ и придавать ему отчасти «дворянскій» характеръ. Вѣдь крѣпость не просто острогъ. Поэтому давался супъ, напримѣръ, и макароны, или супъ и говядина съ соусомъ изъ брюквы, или супъ и говядина съ картофелемъ. Всегда два кушанья и только раза два-три прибавлялся къ этому пирогъ съ кашей. Для обѣда арестанта было ассигновано не болѣе одиннадцати копѣекъ въ сутки. На такія деньги при петербургской дороговизнѣ не очень то разгуляешься, особенно когда въ этотъ же счетъ кладется и поддержка ночниковъ. Не удивительно, поэтому, что супъ обыкновенно не представлялъ никакого отличія отъ грязной горячей воды, что говядина была похожа—по выраженію Хлестакова—на топоръ, что масло было горькое и проч. Искусство крѣпостного повара особенно проявлялось въ приготовленіи макаронъ. Онѣ подавались въ видѣ какой-то плотной массы, которую нужно было рѣзать, чтобы ѣсть. Но у меня, какъ я уже сказалъ, не было не только ножа или вилки, но и ложки, чтобы размѣшивать чай. Одинъ изъ ефрейторовъ, видя, что я мѣшаю чай однимъ изъ концовъ лучинки, другимъ концомъ которой поправляю свѣтильню ночника, принесъ мнѣ безъ всякаго намека даже съ моей стороны двѣ лучинки, обструганныя одна въ видѣ лопаточки, а другая въ видѣ вилки. Послѣднюю я сломалъ, а лучинка-ложечка у Шелгуновой.

Дня черезъ два мнѣ такъ опротивѣлъ крѣпостной обѣдъ, что я принялся бы, конечно, довольствоваться однимъ чаемъ, если-бъ....

. . . .

Кромѣ книгъ, бывшихъ со мной, я сталъ получать здѣсь журналы и только тутъ началъ вполнѣ понимать, что читаю. Почти все время и до обѣда, и послѣ обѣда, и вечеромъ я читалъ. Писать у меня какъ то не было охоты,—да при томъ комендантъ выдалъ мнѣ всего одинъ листъ бумаги.

Часто послѣ обѣда я спалъ, потому что засиживался вечеромъ слишкомъ долго и вставалъ поутру слишкомъ рано.

Вечеромъ я съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ, почти съ жадностью, ожидалъ чая и ужина. Послѣ скуднаго обѣда меня обыкновенно ужъ часовъ въ пять начиналъ пронимать голодъ.

За ужиномъ слѣдовала такая же ночь, какую я уже описалъ.

Вотъ какъ тянулся день за днемъ, безъ всякаго разнообразія.

Особенно памятны остались мнѣ только мои поѣздки въ се-

натъ, пріѣздъ Суворова, о назначеніи котораго генералъ-губернаторомъ я еще не зналъ,—и потому думалъ, что это Игнатьевъ ко мнѣ пріѣхалъ. Въ первый визитъ свой онъ пробылъ у меня очень недолго, и сдѣлалъ только нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ: какое мое дѣло? откуда я? не желаю ли чего-нибудь? доволенъ ли содержаніемъ? и т. под.

Потомъ осталось у меня въ памяти утро 6-го ноября, въ которое по случаю царскихъ какихъ-то крестинъ палили въ крѣпости изъ пушекъ.

Грусть часто таки нападала на меня все это время, хотя я всячески старался побороть ее въ себѣ чтеніемъ или, по крайней мѣрѣ, не выказывать предъ тѣмъ, кто меня видѣлъ.

Особенная горечь на сердцѣ—помню—была у меня въ тотъ день, какъ выпалъ первый снѣгъ. Я отворилъ крохотную форточку свою и увидалъ, что комендантскій садъ съ его голыми деревьями (только этотъ садъ да окружающій его сѣрый заборъ и видно было въ эту форточку) побѣлѣлъ. Помню, мнѣ живо представилась печальная и дальняя дорога, которой я дѣйствительно и не миновалъ. Въ унылом саду, расположенномъ передъ окнами моей тюрьмы, я видѣлъ раза два толпы прогуливавшихся тамъ студентовъ, но меня имъ нельзя было видѣть. Разъ я встрѣтилъ ихъ также во дворѣ, отпросившись у коменданта погулять и хоть немного освѣжиться. Они шли, кажется, изъ бани, и я могъ раскланяться съ Залѣсскимъ, въ енотовой шубѣ и лѣтней шляпѣ съ широкими полями. Въ прогулкѣ этой (снѣгу тогда еще не было, кажется) меня сопровождалъ плацъ-адъютантъ. Я вышелъ съ нимъ за ворота крѣпости и посмотрѣлъ—это было въ послѣдній разъ—на угрюмый и сѣрый Петербургъ, на мерзнущую Неву, на сердито-нахмуренный вдалекѣ Зимній дворецъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОГАРОКЪ.

Это было вскорѣ послѣ большого боя. По великому кровавому сибирскому пути текли два потока: одинъ — изъ Россіи на востокъ — состоялъ изъ здоровыхъ людей; другой—съ востока въ Россію—изъ людей разбитыхъ, исковерканныхъ. Санитарные поѣзда были полны; раненыхъ везли въ скотскихъ вагонахъ, на которыхъ написано: „сорокъ человѣкъ, восемь лошадей". Около Харбина скопилось цѣлое море вагоновъ, наполненныхъ искалѣченными людьми. Дожидались очереди по нѣскольку дней, долгихъ и томительныхъ, какъ вѣчность. Потомъ начинался тоскливый путь въ Россію въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Въ нѣкоторыхъ городахъ больныхъ разбирали: тѣхъ, которые не могли дальше продолжать путь, оставляли въ госпиталяхъ и лазаретахъ; остальныхъ сажали въ новые поѣзда, тоже набитые калѣками, и везли дальше.

Владиміръ Александровичъ Пилецкій былъ раненъ въ бою. Мимо него пролетѣла шимоза и разорвалась неподалеку. Ударомъ воздуха и осколками снаряда ему снесло всѣ мягкія части лица, выбило глаза, разбило нижнюю челюсть. На лицо ему наложили заплату изъ кожи, снятой съ его же руки. Какъ офицеръ, онъ попалъ въ поѣздъ вскорѣ послѣ боя, и рана его поджила уже въ вагонѣ. Изъ лица вышла безобразная, взволнованная, рубчатая поверхность съ дырою вмѣсто рта, безъ подбородка. Вышла такъ называемая въ медицинѣ осетриная морда...

Наконецъ, рана засохла; повязку сняли съ лица.

Долго ощупывалъ онъ ночью свою ужасную маску. Все его существо наполнилось холодомъ невѣдомаго чувства. Это чувство было тяжелѣе страха смерти, который ему пришлось пережить на войнѣ. Тамъ былъ страхъ потерять жизнь, ужасъ живого передъ смертью, а это былъ страхъ передъ жизнью. Ему казалось, что онъ превращенъ въ какое-то новое, невиданное міромъ животное, но сохранилъ свое преж-

нее человѣческое сознаніе. И, что ужаснѣе всего, — никто никогда не признаетъ въ немъ прежняго Владиміра Александровича. Тотъ былъ красивый, говорунъ, остроумный шутникъ. Его любили товарищи и женщины. А это—кто-то ужасный, безликій; говоритъ, точно плюетъ. При видѣ его ужаснутся всѣ близкіе, даже мать, жена и дѣти; ужаснутся не съ сожалѣніемъ, а съ отвращеніемъ и страхомъ.

Такія мысли мучили его ночью въ вагонѣ. Раньше онъ не вполнѣ понималъ свое несчастье. На лицѣ была повязка; его лихорадило; часто онъ былъ въ забытьѣ. Теперь ему стало лучше; повязка снята—и вотъ она, его маска; онъ ощупываетъ ее руками, какъ какую-то гадину въ десятый, въ сотый разъ. Ему хочется запустить въ нее пальцы и разодрать ее, уничтожить...

Ему страшно. Онъ старается думать о другомъ.

Въ вагонѣ душно. Пахнетъ іодомъ, пòтомъ и гнилымъ мясомъ. Вагонъ качается на рессорахъ. Койка однообразно, назойливо скрипитъ. Что-то снаружи стучитъ въ стѣну вагона. Вѣроятно, веревка, а можетъ быть—другое что.

— Тукъ, тукъ, тукъ.

И какъ все это случилось?

Послѣдній часъ, когда для него покрылся тьмою весь міръ, вспоминается въ подробностяхъ. Окопъ... Подъ насыпью сидятъ и лежатъ въ разныхъ положеніяхъ солдаты. День ясный, небо голубое, на горизонтѣ кругомъ горы. Вверху такъ хорошо,—такая голубая спокойная бездна! Но на землѣ творится необычное. Слышны гулкіе громовые раскаты; низко надъ землею, точно привидѣнія, ходятъ синевато-бѣлые клубки дыма; пахнетъ гарью. Лица у солдатъ взволнованныя, строгія. Въ верстѣ отъ окопа, между камнями, изрѣдка мелькаютъ сѣрыя точки. Это наступаютъ, пробираются къ нимъ японцы. За ними нужно смотрѣть. Но высунуться изъ-за насыпи страшно; надъ насыпью поютъ пули.

Пилецкій чувствуетъ, какъ у него непріятно колотится въ груди сердце; по всему тѣлу пробѣгаетъ частая утомительная дрожь. Чтобы зубы не стучали, онъ стиснулъ крѣпко скулы, взялъ въ руки бинокль и приподнялся надъ валомъ. На валу торчитъ короткая, сухая, обломанная пулями трава. Она мѣшаетъ смотрѣть. Онъ поднимается выше. Пули вьются около него, точно большія мухи, и шлепаются въ насыпь. Онъ выдерживаетъ минуты двѣ и прячется за брустверъ.

Направо и налѣво опять онъ видитъ длинный рядъ солдатъ со строгими лицами, стиснутыми скулами. А надъ ихъ головами въ синемъ небѣ, точно черныя птицы, сь зловѣщимъ жужжаньемъ пролетаютъ большіе снаряды и разбиваютъ сосѣднюю, верстахъ въ трехъ отъ окопа, желѣзнодо-

рожную станцію. Нѣкоторыя зданія уже горятъ, нѣкоторыя покачнулись въ смертельномъ ужасѣ, ожидая новыхъ ударовъ. А удары сыплются одинъ за другимъ. Видно, какъ летятъ щепки и камни разбитыхъ строеній, какъ во всѣ стороны отъ нихъ, точно тараканы, припадая къ землѣ, въ страхѣ разбѣгаются люди...

Но нужно смотрѣть впередъ на сѣрые камни, движущіяся точки; нужно снова высунуть голову подъ пули и молча чувствовать, какъ смертельный ужасъ раздираетъ когтями все тѣло... Вдругъ кто-то посторонній разжалъ его скулы и сказалъ его же голосомъ:

— Братцы, кто хочетъ посмотрѣть?..

Встаетъ солдатъ изъ запасныхъ, раскольникъ, Онуфрій Бычекъ, съ благообразнымъ лицомъ, съ большой русой бородой и протягиваетъ руку къ биноклю.

— Дайте, я погляжу, вашбродіе.

Пилецкій съ чувствомъ облегченія садится за насыпь, а солдаты становятся рядомъ съ нимъ. Что-то щелкнуло, точно арбузъ раскололся. Солдатъ упалъ съ пробитымъ лбомъ. Пилецкій снова беретъ бинокль и снова смотритъ на движущіяся точки. Солдатъ стонетъ, крестится широко, истово двумя перстами и говоритъ:

— Нынѣ отпущаеши... Христіане, пристрѣлите...

Проходитъ минута томительная, долгая. Пилецкій снова садится, и опять кто-то чужой говоритъ его голосомъ:

— Молодцы, кто желаетъ посмотрѣть?

Солдаты, точно, не слышатъ. Никто не отозвался, никто не всталъ. Пилецкому стало такъ больно, обидно и стыдно, что къ его горлу подступилъ горькій, твердый клубокъ, свитый изъ слезъ и негодованія на кого-то и за что-то... Въ это время близко зашумѣла, какъ большая зловѣщая птица, шимоза. Его толкнуло въ лицо чѣмъ-то упругимъ, что-то треснуло, опять ударило въ лицо, въ глазахъ блеснулъ ослѣпительный свѣтъ, и на голубое небо, на далекія горы, на сѣрыя движущіяся точки упало черное покрывало.

Гдѣ теперь идетъ поѣздъ? Вѣроятно, по берегу Байкала. Слышно, какъ плещется о каменистые берега таинственное священное море, а въ вагонѣ ходитъ струйка влажнаго холода. Байкалъ, это—холодное сибирское сердце; оно бьется и разноситъ холодъ по всей странѣ. Какія красивыя горы, какая даль! Когда они ѣхали на войну, поѣздъ подходилъ къ Байкалу вечеромъ. Послѣдній поворотъ въ ангарской долинѣ, и передъ ними открылся лазурнымъ треугольникомъ Байкалъ. Вдалекѣ, съ длиннымъ чернымъ хвостомъ изъ дыма, шелъ ледоколъ „Байкалъ". Надъ нимъ, за нимъ и подъ нимъ все воздушно, прозрачно: голубое небо, синія горы, лазур-

ное море. Казалось, „Байкалъ" летѣлъ въ воздухѣ... И ничего этого Пилецкій больше не увидитъ никогда!

Можетъ быть, если сильнѣе попросить Бога, то Онъ возвратитъ ему глаза и лицо?

Пилецкій сталъ молиться, какъ въ дѣтствѣ. Все его существо плакало и просило.

— Господи! Ну, что Тебѣ стоитъ сдѣлать меня здоровымъ, зрячимъ, красивымъ. Господи! У меня мать, жена, дѣти!.. Добрый Боже, я не буду больше грѣшить, не буду никого обижать, не буду лгать... Ну, Господи, Ты милостивый, всемогущій... Дай же, дай!..

Онъ плакалъ навзрыдъ, валяясь на койкѣ. Отъ слезъ у него налилась кровью голова и заболѣли глаза...

Нѣтъ, все та же маска. Чуда нѣтъ. Все темно и страшно. Онъ забылся.

Но, можетъ быть, все это сонъ. Нѣтъ ни санитарнаго поѣзда, ни ужасной маски, ни войны; можетъ быть, онъ уснулъ, а когда проснется,—очутится по прежнему дома веселымъ, здоровымъ.

Пилецкій вытянулся на койкѣ и лежалъ, не шевелясь. Ему хотѣлось продлить очарованіе самообмана, хоть на минуту, на секунду. Руки его тянулись къ лицу, чтобы убѣдиться въ страшной дѣйствительности, но онъ лежалъ неподвижно. Наконецъ, ему показалось, что онъ и, въ самомъ дѣлѣ, спитъ; хочетъ пошевелиться и не можетъ; хочетъ закричать, нѣтъ голоса. Имъ овладѣла безмѣрная радость.

— Сонъ. сонъ! Все это сонъ!

Онъ вскочилъ и больно ударился обо что-то головой. Вагонъ качается; пахнетъ іодомъ. Прежняя тьма кругомъ.

У Пилецкаго по всему тѣлу выступилъ холодный потъ. Онъ сталъ задыхаться, вскочилъ съ кровати и, натыкаясь на койки больныхъ, пошелъ къ двери и сталъ стучать. Вошелъ санитаръ. Позвали доктора. Пилецкому дали какого-то лѣкарства, и онъ забылся.

II.

На слѣдующій день съ утра Пилецкій попросилъ доктора снова завязать ему лицо.

— Этого не нужно дѣлать. Теперь все зажило. Можно безъ повязки.

— Я умоляю васъ, докторъ.

Ему снова завязали лицо. Онъ цѣлый день лежалъ на койкѣ и думалъ.

Вотъ онъ пріѣхалъ домой въ свой городъ вечеромъ. Ни

жена, ни мать не знаютъ объ этомъ. Его никто не встрѣчаетъ на вокзалѣ. Онъ беретъ извозчика и ѣдетъ по улицамъ. Знакомые дома, магазины, столбы. Вотъ, на углу два извозчика. Они постоянно сидятъ на козлахъ, спятъ или разговариваютъ о политикѣ. Вотъ мясная лавка, мимо которой Пилецкій каждый день ходилъ на службу. Надъ ея дверью нарисованъ большой прыгающій быкъ, похожій больше на осла, чѣмъ на быка. Купецъ-мясникъ—толстый, красный, съ одышкой, Пантелей Өедорычъ. Когда его спрашивали, почему быкъ прыгаетъ, если Пантелей Өедорычъ его скоро зарѣжетъ, то онъ резонно отвѣчалъ: „По глупости".

Что теперь дѣлаютъ дома? Вѣроятно, маленькій ребенокъ спитъ, а трехлѣтняя Надя сидитъ за столомъ и чертитъ карандашомъ по бумагѣ. Жена его, Вѣра, сидитъ рядомъ съ Надей, смотритъ въ книгу, но книга не читается.

— Надя, ты хочешь спать?—спрашиваетъ Вѣра.

— Сесь...—отвѣчаетъ Надя. „Сесь" у ней значитъ: не хочу.

Снова тишина. Жена сидитъ и думаетъ, гдѣ теперь ея Володя. Какъ бы хотѣлось увидѣть его, обнять и цѣловать, цѣловать безъ конца. Но онъ далеко...

А онъ не далеко, а близко, уже въ ста шагахъ. Скорѣе, извозчикъ, скорѣе, голубчикъ!

Жена его красивая, съ такимъ милымъ, любящимъ лицомъ. А мать маленькая, сморщенная старушка. Она и дни, и ночи думаетъ о томъ, здоровъ ли онъ, живъ ли? Почти ослѣпла отъ слезъ, какъ пишетъ жена...

Вотъ и знакомыя ворота; вотъ стоитъ дворникъ, Ефремъ съ бляхой на груди, и грызетъ подсолнухи. Это онъ отдыхаетъ вечеромъ отъ работъ. Увидѣвъ Пилецкаго, онъ обрадовался.

— Здравстуйте, баринъ! Заждались мы васъ всѣ.

У Ефрема лицо плоское, рябое, глаза безцвѣтные. Онъ улыбается широкимъ до ушей ртомъ.

— Здравствуй, Ефремъ! У насъ всѣ здоровы?

— Слава Богу, баринъ! Здоровы... Вотъ-то радости будетъ сейчасъ...

Пилецкій бѣжитъ въ домъ, вбѣгаетъ на лѣстницу и звонитъ. Сердце у него бьется сильно. Открываетъ служанка Паша. Онъ ей шепчетъ:

— Молчи, Паша, голубушка.

— Кто тамъ?—спрашиваетъ жена изъ сосѣдней комнаты.

— То тамъ?—переспрашиваетъ Надя, болтая ногами.

Пилецкій, весь дрожа отъ радостнаго волненія, входитъ въ знакомую комнату.

— Здравствуй, Вѣра...

Жена вскакиваетъ. Все лицо у ней заливаетъ краска. Поднялся шумъ. Надя за годъ забыла папу, не узнала, плачетъ.

— Надичка, да это же папа, нашъ милый папа пріѣхалъ!—говоритъ жена.

— Папа?—недоумѣваетъ Надя.—Па-па?

Она пробуетъ на языкъ это слово: какъ будто знакомое и возбуждаетъ смутныя, хорошія чувства...

— Па-па! Па-па!—все твердитъ Надя.

Онъ беретъ Надю на руки. Маленькое тѣльце прижимается къ нему, руки несмѣло обвились вокругъ шеи.

Изъ сосѣдней комнаты выбѣгаетъ старушка-мать. Она не можетъ выговорить отъ радости ни слова, а только плачетъ и трясетъ головой. Всѣ обступили Пилецкаго, жмутся къ нему, цѣлуютъ. Лица у всѣхъ радостныя. Наконецъ-то, всѣ снова вмѣстѣ. Радуется и черный пудель, Соколъ. Онъ валяется въ ногахъ Пилецкаго, ласково хватаетъ ихъ зубами, колотитъ по полу хвостомъ и визжитъ.

Но вотъ, откуда-то, точно холодомъ пахнуло, другое настроеніе. Оно ползетъ по полу, точно змѣя, поднимается выше и выше, обвивается вокругъ всего тѣла, сжимаетъ грудь, холодитъ сердце...

Картина вдругъ мѣняется.

„Кто это ужасный, безлицый?"—чувствуетъ онъ общій вопросъ. Этотъ вопросъ написанъ на лицѣ жены, матери, прислуги; объ этомъ спрашиваютъ его стѣны, знакомые стулья, книжный шкафъ. Надя плачетъ отъ страха. Жена и мать блѣдныя.

— Кто это?

— Да это я, Вѣра! Это я же, мама! Я вашъ Володя...

Дальше картина исчезаетъ. Пилецкій извивается на койкѣ отъ жестокой внутренней боли. Колеса стучатъ по рельсамъ. Вагонъ покачивается. Пахнетъ іодомъ и гнилымъ тѣломъ.

— Мать умретъ отъ горя,—думаетъ Пилецкій.—А что же будетъ дѣлать съ нимъ всю жизнь жена? Онъ страшный уродъ; зачѣмъ онъ будетъ сидѣть дома, вѣчный источникъ злобы и страха? Онъ превратитъ свой домъ въ гнѣздо тарантула, въ пристанище змѣи... Не можетъ же жена всю жизнь любить и жалѣть такого страшнаго урода. Она молодая, здоровая, красивая...

Пилецкій представилъ себѣ ясно, какъ его Вѣру передъ нимъ обнимаетъ, цѣлуетъ кто-то другой... Эта мучительная картина доставляла ему особенное острое наслажденіе и

страданіе, и онъ рисовалъ ее себѣ во всякихъ подробностяхъ. И снова извивался на койкѣ отъ внутренней боли.

А вагонъ все покачивается. Колеса стучатъ. До дому еще далеко, но съ каждымъ поворотомъ колеса онъ къ нему приближается. И хочется туда, и страшно ѣхать. Самое страшное для него тамъ. Только тамъ, въ родномъ домѣ ему будетъ сдѣланъ окончательный приговоръ, спѣта будетъ заживо панихида. Тамъ конецъ радостямъ жизни, вѣчная тьма въ душѣ и тѣлѣ. Теперь его еще любятъ, его ждутъ. Но что будетъ, когда онъ пріѣдетъ домой?.. Если бы онъ былъ убитъ, о немъ плакали бы и вспоминали всю жизнь съ хорошимъ свѣтлымъ чувствомъ. А теперь онъ ѣдетъ затѣмъ, чтобы, въ концѣ концовъ, внушить къ себѣ ужасъ, отвращеніе семьи, убить мать и, во вредъ другимъ, себѣ не въ радость, тянуть долгіе годы. Зачѣмъ обошла его смерть?

Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ больше охватывалъ его страхъ. Ему казалось, что онъ катится по наклону въ темную, бездонную пропасть.

III.

На сборный пунктъ санитарный поѣздъ пришелъ къ вечеру. Началась обычная возня съ больными. Сильно больныхъ брали на носилки и клали въ телѣжки, чтобы отправить въ госпиталь. Тѣ, которые могли ходить сами, выползали на платфору въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ сѣрыми лицами, помогали другъ другу. На здоровыхъ людей они смотрятъ съ завистью, угрюмо. Въ лихорадочныхъ глазахъ видна безконечная тоска по загубленной жизни, по домѣ, женѣ, дѣтямъ. Среди этой сѣрой искалѣченной толпы видны чиновники и военные съ эполетами, шашками. Комендантъ поѣзда, красный, толстый, горячится и кричитъ на солдата.

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, каналья, береги бумагу! Куда же ты ее дѣлъ?

Передъ нимъ стоитъ солдатъ, съ оглупѣвшимъ безсмысленно, напряженнымъ лицомъ, и держитъ корявую ладонь у рванаго козырька.

— Не знаю, вашбродь!.. Пропала...

— Пропала! Что ты будешь дѣлать съ такимъ скотомъ. Да вѣдь ты, сукинъ сынъ, долженъ былъ ее въ зубахъ держать.

Солдатъ дрогнулъ, проглотилъ слюну и сказалъ:

— Такъ точно, вашбродь... Въ зубахъ держать...

— Что-о-о?

— Въ зубахъ, говорю, держать должонъ, вашбродь.
— Ну, а ты что же?
— Виноватъ, вашбродь...
— Ну, вотъ поглядите на него!.. Хи, хи, хи...

Начальникъ залился злобнымъ смѣхомъ. Его пухлое лицо налилось кровью, правая рука сжалась въ кулакъ и задрыгала безпокойнымъ желаніемъ разрядить гнѣвъ прикосновеніемъ къ отупѣвшему солдатскому лицу. Но въ это время около одного вагона собралась толпа. Послышались ахи, охи. На длинной платформѣ какъ-то вдругъ стало тихо, точно покойника принесли. Озлобленный комендантъ пошелъ къ толпѣ. Въ срединѣ ея лежало что-то сѣрое, круглое, похожее на невѣдомаго звѣря, съ поджатыми лапами и горящими глазами. Этотъ звѣрь поднималъ голову и металъ по сторонамъ безпокойными глазами, точно искалъ защиты. Но вдругъ глаза его замигали, грязныя, покрытыя оспенными рытвинами щеки задергались, и на платформу закапали слезы.

— Вотъ... Господи!.. За что ты меня наказалъ?—пробормоталъ звѣрь.

Да это не звѣрь, а человѣкъ безъ рукъ и безъ ногъ.

— Вотъ-те и война! Тоже, герои... Поди-ка повоюй, кто хочетъ,—не обращаясь ни къ кому, сказалъ бородатый солдатъ изъ запасныхъ.

— Ну, чего тутъ спины чешете!—закричалъ комендантъ.— Неси его! Повою-у-уй...—передразнилъ онъ солдата.—Смотри, у меня повоюешь...

Онъ закончилъ сквернымъ ругательствомъ. Бородатый солдатъ съежился, схватилъ носилки вмѣстѣ съ другимъ безусымъ, остроносымъ, худенькимъ солдатикомъ. Другіе отошли въ сторону осторожно, съ какимъ-то страхомъ.

— Тоже, повою-у-уй! - не унимался начальникъ. —Другихъ смущаешь... Я тебѣ, баранья голова!..

Худенькій солдатъ хотѣлъ, видимо, загладить слова бородатаго; семеня по платформѣ жидкими ногами, проходя мимо коменданта, онъ говорилъ бородатому:

— Слова твои ни къ чему, Василій. Коли надо, и повоюемъ. Извѣстно, мы за царя и за Русь... живота не пожалѣемъ.

Коменданту эти слова показались обидной насмѣшкой. У него появилось жгучее желаніе наказать тщедушнаго солдатика, избить его или посадить подъ арестъ. Но не къ чему было придраться. Стиснувъ зубы, онъ только крикнулъ со злобой:

— Ты у меня поговоришь, чортова морда, поговоришь!..

Въ это время къ нему подошелъ старшій врачъ поѣзда, худой, длинный человѣкъ, въ затасканномъ пальто, съ боль-

шой курчавой головой. Онъ размашисто жестикулировалъ длинными руками. Издали можно было подумать, что докторъ дѣлаетъ передъ комендантомъ гимнастическіе упражненія, а комендантъ смотритъ, нѣтъ ли въ его движеніяхъ ошибки.

— Послушайте, Никаноръ Савельичъ! Что же дѣлать съ офицеромъ Пилецкимъ?—спросилъ докторъ, дѣлая гимнастику.—Просится, чтобы его здѣсь оставили.

— Такъ оставьте. Отправятъ въ госпиталь.

— Но вѣдь онъ здоровъ... Я положительно не понимаю, что за фантазія. Могъ бы доѣхать домой. У него мать, жена, дѣти. Не понимаю... Дмитрій Николаевичъ!—крикнулъ онъ проходящему младшему врачу.—Выпишите съ поѣзда Пилецкаго!..

По платформѣ сновали солдаты, больные. Изъ вагона для умалишенныхъ выбѣжалъ больной въ длинной бѣлой рубахѣ. Онъ бѣжалъ по платформѣ и кричалъ:

— Спасайтесь, кто можетъ, врагъ близко, спасайтесь!

Въ глазахъ его невыразимый ужасъ. На лицѣ страшная печать возмущеннаго больного духа. Пряди волосъ прилипли къ блѣдному мокрому лбу. За нимъ бѣгаютъ два санитара, ловятъ его. Прочіе сторонятся со страхомъ. Его поймали, а онъ все еще кричитъ:

— Спасайтесь, братцы! Кто можетъ, бѣгите.

Прошла сестра милосердія въ бѣломъ передникѣ и бѣлой наколкѣ, красивая, румяная. Ее видно издали въ сѣрой толпѣ. Она идетъ мелкими шагами, постукивая по доскамъ высокими каблуками и качая бедрами. Противъ одного вагона столпились больные офицеры въ халатахъ и туфляхъ. Они, видимо, уже выздоравливали и чувствовали себя весело, потому что ужасы войны далеко, какъ страшный сонъ, что ѣдутъ въ Россію къ роднымъ, знакомымъ... Изрѣдка у нихъ раздавались веселые взрывы смѣха. Когда сестра прошла мимо нихъ, они проводили ее ощупывающими жадными взглядами.

Вскорѣ изъ офицерскаго вагона вышелъ Пилецкій съ плотно-обмотанной головой. Лица его не было видно совершенно. Съ правой стороны его поддерживалъ санитаръ. Больной ступалъ ногами бодро, подрыгивая ляжками, и только слегка покачивался отъ непривычки ходить по землѣ послѣ долгой тряски въ вагонѣ. Казалось, онъ для шутки обмоталъ себѣ голову полотномъ, и санитаръ нарочно бѣжитъ рядомъ съ нимъ, поддерживая его за согнутый локоть, остерегая отъ неровностей пути. Увидѣвъ его, старшій врачъ крикнулъ:

— До свиданія, Владиміръ Александровичъ! Пріѣзжайте скорѣе въ Москву!..

Больной остановился и, не поворачивая головы, какъ дѣлаютъ слѣпые, протянулъ руку въ ту сторону, откуда слышалъ голосъ. Но разобрать, что онъ сказалъ, было трудно. Слышно было только одно слово: „прощайте". Потомъ онъ мотнулъ своимъ бѣлымъ сверткомъ и пошелъ дальше.

— Ужасная судьба! — прошепталъ докторъ. — Нѣтъ, вы представьте себѣ, все лицо сорвало! Куда такой пригоденъ? А вѣдь онъ здоровъ совершенно.

Весеннее солнце свѣтило ярко. Свѣжій воздухъ бодрилъ и шевелилъ въ тѣлѣ какія-то веселыя струны. Комендантъ сладко улыбнулся, провелъ рукой по жирному лицу, точно хотѣлъ убѣдиться, что оно у него цѣло, и хихикнулъ.

— А хорошо бы теперь кофейку хлебнуть. Надоѣло все это страшно.

Взявшись съ докторомъ подъ руку, они ушли въ вагонъ.

IV.

Долго тряслась по неровной дорогѣ больничная линейка. Госпиталь, куда везли Пилецкаго, былъ расположенъ на высокомъ отлогомъ берегу рѣки.—Вокругъ госпиталя веселой толпой скучились молодыя березки, а по склону вразбродъ стояли березы старыя. Казалось, онѣ отстали отъ своихъ молодыхъ подругъ и не могли подняться на вершину по своей дряхлости и остановились по склонамъ въ безсильномъ и грустномъ одиночествѣ. Внизу стеклянной полосой изогнулась широкая рѣка. Солнце уже садилось. Чувствовалась вечерняя прохлада.

Рядомъ съ Пилецкимъ лежалъ какой-то раненый; онъ изрѣдка стоналъ и, при сильныхъ толчкахъ, бранилъ возницу слезливымъ голосомъ.

— Ну, куда прешь, куда ты прешь! Ослѣпъ, что ли? Вправо держи, тамъ ровнѣе.

Пилецкій завидовалъ этому больному, что онъ можетъ браниться, указывать возницѣ дорогу.

Когда они пріѣхали въ госпиталь, тамъ шла суета съ пріемомъ больныхъ. Всѣ мѣста въ офицерскомъ отдѣленіи были заняты, а потому Пилецкаго временно помѣстили въ какую-то отдѣльную комнату рядомъ съ канцеляріей. Такъ показалось Пилецкому, потому что онъ слышалъ по сосѣдству за перегородкой шуршанье бумаги, разговоръ писарей о номерахъ, бумагѣ, рапортахъ, приказахъ. Потомъ писаря

ушли. Все затихло. Пилецкій легъ на койку и пролежалъ такъ съ минуту.

Сначала ему было пріятно, что койка не скрипитъ, въ стѣну снаружи ничто не стучитъ. Но скоро тишина стала его давить. Она налегала на него со всѣхъ сторонъ, точно что-то тяжелое, упругое; потомъ все уплотнялась и уплотнялась, становилась жесткой, какъ дерево, камень, желѣзо... Онъ вскочилъ съ кровати и началъ ходить по комнатѣ, натыкаясь на стѣны и мебель. Звуки шаговъ разсѣяли тягостную тишину. Онъ сталъ ощупывать комнату. Сажени двѣ въ длину и не болѣе сажени въ ширину. Въ лѣвомъ углу столъ, около правой стѣны кровать; рядомъ съ кроватью табуретъ; противъ кровати дверь въ корридоръ; одна стѣна досчатая; сквозь нее и слышенъ былъ разговоръ писарей. Полъ асфальтовый.

— Что же дѣлать здѣсь?—подумалъ Пилецкій.—Ѣхать домой страшно, но и здѣсь страшно.

Скоро баракъ опять зашумѣлъ, точно улей, когда объ него постукаютъ палочкой. Команда собралась на площадкѣ передъ госпиталемъ на молитву. Изъ сотенъ грудей раздались торжественные звуки молитвы. Пилецкому сразу сдѣлалось до боли тоскливо.

Дальше онъ слышалъ перекличку команды, топотъ многихъ ногъ и снова разговоръ писарей въ сосѣдней комнатѣ... Сначала они мѣнялись только что пережитыми впечатлѣніями, бранили гнилой горохъ, сырой хлѣбъ, потомъ закурили и перешли на болѣе общія темы.

— И отчего это, братцы, у меня постоянно бокъ болитъ?— послышался грустный, немного надтреснутый голосъ. — И лѣчился я, а все болитъ.

— Видно, такая болѣсть хитрая,—увѣренно отвѣчалъ другой басистый голосъ.—Не всякій докторъ можетъ болѣсти лѣчить. Вотъ, къ примѣру, мой своякъ, Прохоръ... Таперя онъ на войнѣ. Не знаю, живъ ли сердяга... Такъ вотъ, онъ мнѣ сказывалъ. Болитъ голова, болитъ, да и только. Всякими средствами лѣчилъ — не помогаетъ. Въ конецъ, одинъ докторъ посовѣтовалъ: надо, говоритъ, тебѣ операцію сдѣлать. Сдѣлать, такъ сдѣлать; согласился Прохоръ. Докторъ взялъ, да черепъ ему сверху и снялъ. Глядь, а подъ черепомъ лягушка сидитъ зеленая да ба-а-альшущая! Взять бы ее — нельзя; она лапами за мозгъ держится. Докторъ ее и выманилъ на бѣлую бумагу,—сама вышла. Черепъ этто онъ на мѣсто положилъ, зашилъ все, какъ слѣдуетъ. И что же, вѣдь вылѣчилъ! Съ тѣхъ поръ у мужика и голова ни разу не болѣла.

— И все врешь ты, Силанъ,—послышался недовѣрчивый голосъ.

— Ну, вотъ, что мнѣ врать. Я съ тебя денегъ не взялъ, чтобы врать-то... Самъ мнѣ Прохоръ сказывалъ. Чай, про себя врать не будетъ.

— Эхъ, хи-хи! И когда это, братцы, замиреніе выйдетъ?—послышался новый голосъ, въ которомъ Пилецкій узналъ своего недавняго возницу.—Сколько народу перепортили, страсть! Вотъ я сегодня офицера привезъ. Самъ цѣлъ, а лица нѣту. Не человѣкъ, а огарокъ...

— Да ну...

— Тише вы, черти!—послышался шепотъ.—Онъ здѣсь, рядомъ.

Кто закашлялъ, кто чиркнулъ спичкой. Всѣ смутились. Только Силанъ нашелся.

— Господамъ что! У нихъ все готовое. А вотъ нашъ братъ, коли силы своей рѣшится, такъ ужъ ему одно остается—помирать. Вотъ сегодня на сборномъ былъ солдатъ безъ рукъ, безъ ногъ, совсѣмъ никудышный. Не человѣкъ, а критикъ. Женѣ подарочекъ привезутъ. На, молъ, жена, корми! Хе, хе, хе... А барамъ что!

— Это ты врешь, Силанъ!—опять возразилъ недовѣрчивый солдатъ.—Кому ни доведись, безъ рукъ, безъ ногъ, али безъ лица—совсѣмъ плохо...

Пилецкій почувствовалъ, будто въ груди у него потекла холодная вода. Слово, брошенное невзначай, подошло къ нему и грубо схватило его за самое больное мѣсто. Оно стояло передъ нимъ, такое простое и страшное, и нагло смѣялось прямо въ лицо!

— Огарокъ свѣчки, спички, окурокъ папиросы—все, что угодно, только не человѣкъ. Огарокъ...

Кто-то вошелъ въ канцелярію. Слышно было, какъ солдаты поспѣшно вскочили. Послышался раздраженный голосъ:

— Опять накурили, черти! Развѣ здѣсь кабачекъ? Я буду для васъ хорошъ, пока вы для меня хороши. А то хуже меня вы человѣка не найдете. Ты, Андрейчукъ, чего смотришь? Тоже, старшій писарь! На три дня подъ арестъ... Скажешь фельдфебелю. Убирайсь по мѣстамъ.

Послышалось безпорядочное топанье ногъ, и все стихло.

V.

Черезъ минуту въ комнату къ Пилецкому кто-то вошелъ. Вѣроятно, докторъ.

— Здѣсь темно,—сказалъ мужской голосъ. Вошедшій повернулся и закричалъ въ корридоръ:

— Знаковъ! Ты что же здѣсь огня не зажегъ? А? Что?.. Такъ зажги скорѣе.

Вошелъ солдатъ; шмыгая носомъ и торопливо стуча каблуками, зажегъ лампу.

— Ну, покажите, что у васъ болитъ.

— У меня ничего не болитъ,—сказалъ Пилецкій.

— Какъ же такъ? Покажите, развяжите голову.

Пилецкій съ помощью доктора размоталъ съ головы повязку. Докторъ пощупалъ теплыми, мягкими пальцами лицо больного и сказалъ неопредѣленно:

— М-мда!.. Гдѣ это васъ такъ обезобразило?

Пилецкій почувствовалъ въ голосѣ доктора участіе. Послѣ пережитыхъ въ теченіе цѣлаго дня страданій его потянуло говорить. Онъ разсказалъ доктору, какъ его ранило шимозой, какъ много было убитыхъ и раненыхъ, какъ ихъ везли... Выговоръ у него былъ похожъ на лай; онъ не могъ произносить губныхъ звуковъ. Чтобы яснѣе выговаривать нѣкоторыя слова, онъ иногда прикладывалъ снизу, вмѣсто челюсти, ладонь. Его маска отъ волненья часто наливалась кровью, отчего онъ становился страшнымъ. Докторъ сидѣлъ на табуретѣ и слушалъ.

— Пока человѣкъ сытъ и здоровъ,—говорилъ Пилецкій,—нѣтъ скота тупѣе и безжалостнѣе его. Мы познаемъ другихъ только черезъ страданія. Вотъ я: когда лишился радости жизни, я понимаю теперь многое, чего раньше не понималъ... И не вѣрьте здоровымъ людямъ, когда они говорятъ: „ахъ, война ужасна; не нужно войны!..“ Это попугаи. Они повторяютъ слова, а чувства ихъ не глубоки, потому что они не знаютъ, что такое война. Если бы всѣмъ этимъ богоподобнымъ скотамъ выбить глаза, поломать руки и ноги, тогда только они поняли бы, что войны не нужно, что за одинъ взглядъ на Божій міръ, на дорогихъ, близкихъ можно отдать Манчжурію, Китай, всю Азію, всѣ царства міра... О-о-о! Это тупые рабы, люди! Они не анимаютъ, не анимаютъ,—лаялъ Пилецкій и стучалъ кулакомъ по колѣнкѣ.

Сначала доктору было трудно понимать офицера, но скоро онъ привыкъ къ его прыгающей рѣчи.

— Скажите, зачѣмъ люди воюютъ?—продолжалъ Пилец-

кій.—Въ особенности теперь? Это непонятно. Когда воевали дикари, это было ужасно тоже, но понятно. Идетъ племя на племя; одно истребляетъ другое, беретъ его имущество, женщинъ. Ну, а теперь развѣ можетъ одинъ народъ истребить другой? Развѣ можемъ мы истребить японцевъ, или они насъ? Конечно, нѣтъ. Не только одинъ народъ не можетъ истребить другой,—одна армія не можетъ истребить другую. На это ни у кого не хватитъ средствъ. И вотъ, выходятъ тысячи сражаться, а десятки милліоновъ смотрятъ, кто кого побьетъ. Наши побьютъ—мы побѣдители; нашихъ побьютъ—мы побѣждены. Не глупо ли? Развѣ не все равно тогда, если вмѣсто человѣческой войны будетъ бой быковъ, пѣтуховъ, лодочная гонка... Нашъ пѣтухъ побьетъ—мы побѣдители; нашего пѣтуха побьютъ—мы, сто пятьдесятъ милліоновъ, побѣждены. Какъ вы олагаете, докторъ, вѣрно я гоорю? — спрашивалъ Пилецкій, подвигая къ нему красную возбужденную маску...

— Пожалуй, вы правы...

— Еще лучше скажу!—воскликнулъ офицеръ.—Людей для войны каждое государство можетъ дать безъ счета, безъ конца. Но продолжать войну безъ конца не можетъ,—средствъ не хватитъ. Такъ не лучше ли воевать золотомъ? Кто больше можетъ выбросить въ море золота, тотъ и побѣдитель...

— Кричатъ: „убей его, онъ нашу честь затронулъ! Мы—великая нація!..“ И такъ кричатъ, главнымъ образомъ, тѣ, которымъ каждый день плюютъ въ лицо, которыхъ бьютъ на улицахъ, оскорбляютъ и унижаютъ отъ рожденія до могилы, унижаютъ такъ, что они уже не замѣчаютъ, въ какомъ рабствѣ и униженіи они живутъ... И вотъ, когда мы воевали, когда насъ разстрѣливали, увѣчили, тамъ, въ Россіи, толпы рабовъ говорили разныя слова о чести... А мы всѣ, отъ послѣдняго солдата до генерала, презирали и проклинали этихъ людей, ихъ подлый даръ слова, умѣнье говорить слова и неумѣнье ихъ понимать... Мы проклинали, проклинали!

Пилецкій вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ. Докторъ видѣлъ то его красивый затылокъ и стройную спину, то ужасную маску. Онъ былъ возбужденъ. Очевидно, громадный новый міръ, который ему открыло страданіе, давилъ его. Но у него не было для выраженія его словъ. За стѣною слышался вѣтеръ. У самаго стекла за окномъ качалась вѣтка, освѣщенная изъ комнаты свѣтомъ лампы. По прихотливому сочетанію свѣта и тѣни, вѣтка эта походила на человѣческій черепъ, который улыбался въ темнотѣ, качался, точно говорилъ: такъ, такъ...

— Лучше всѣхъ,—воскликнулъ Пилецкій, останавливаясь посрединѣ комнаты, — жалостливѣе всѣхъ была для насъ

смерть. Анимаете, смерть. Да вотъ меня обошла. Но она ридетъ, я знаю...

Пилецкій остановился и прислушался. Вѣтка царапала по стеклу, и черепъ зловѣще улыбался во мракѣ, говоря:

— Такъ, такъ.

Доктору стало жутко. По головѣ и спинѣ у него прошелъ холодъ.

— Послушайте, вы легли бы... Вы утомились,—сказалъ докторъ.—А я пойду...

— Ожалуйста, докторъ, не уходите, ожалуйста... Я хочу вамъ сказать.

Докторъ остановился, а Пилецкій, ходя по комнатѣ и размахивая руками, говорилъ:

— Какъ извратились у людей всѣ понятія. Искалѣчатъ, обезобразятъ десятки тысячъ человѣкъ, а потомъ ихъ лѣчать. И говорятъ, что дѣлаютъ благодѣяніе. Не правда, чортъ возьми, ложь это, дьяволы... Вонъ въ вагонѣ везли человѣка безъ рукъ, безъ ногъ. Благодѣяніе ему сдѣлали, да? Можетъ быть, и меня тоже облагодѣтельствовали?...

Пилецкій засмѣялся или заплакалъ, неизвѣстно. Только плечи его запрыгали, и по маскѣ прошли судороги.

Въ это время въ корридорѣ послышались мягкіе торопливые шаги. Кто-то постучался въ дверь.

— Можно войти?—спросилъ женскій голосъ.

Пилецкій отвернулся къ окну.

— Войдите,—сказалъ докторъ.—Что надо, сестра?

— Докторъ! Изъ четвертаго барака тифозный убѣжалъ въ безпамятствѣ.

— Поймать надо...

— Побѣжали за нимъ фельдшеръ и палатный надзиратель... Не знаю, поймаютъ ли. Онъ въ лѣсъ прямо побѣжалъ.

— Пойдемте, нужно еще кого-нибудь послать.

Докторъ пошелъ было изъ комнаты. Пилецкій бросился къ нему,

— Докторъ, вы, ожалуйста, ридите! Ожалуйста... мнѣ нужно.

Онъ ловилъ въ воздухѣ руками, размахивалъ ими передъ своей маской. Его безобразное лицо передергивалось отъ внутренняго волненія; съ махающими руками онъ походилъ на что-то невыразимо-страшное.

— Ахъ, Боже мой! Кто это такой...—вскрикнула сестра.

Пилецкій опустилъ руки и остановился неподвижно, точно на него напалъ столбнякъ. Съ сестрой сдѣлалась отъ испуга истерика. Она стояла и всхлипывала въ углу. Докторъ принесъ стаканъ воды и говорилъ ей:

— Ну, что это... Какъ не стыдно! Выпейте, успокойтесь.

Пилецкій съ какимъ-то рычаньемъ повалился на кровать.

Докторъ отсутствовалъ минутъ двадцать. Пилецкій лежалъ на кровати, а сестра сидѣла въ углу, боясь нарушить жуткое спокойствіе. Ей было стыдно за свой испугъ и жалко больного, которому она причинила страданіе.

— Вѣроятно, у него есть мать, жена дѣти...—думала сестра.—По впечатлѣнію, какое онъ производитъ на другихъ, онъ мѣряетъ впечатлѣніе, какой произведетъ на близкихъ. Бѣдный, бѣдный, несчастный... Уйти бы, но онъ подумаетъ, что я его боюсь. Сказать что-нибудь, утѣшить... Но слова не идутъ съ языка. Чѣмъ тутъ можно утѣшить? А сидѣть такъ дольше тоже неловко.

Тишина точно сковала сестрѣ губы, сдавила все тѣло. Она сидѣла, не шевелясь. Вѣтеръ дулъ порывами, звенѣлъ въ щеляхъ, шумѣлъ желѣзной крышей, точно кто по ней ходилъ босыми ногами; вѣтка скреблась въ окно, а черепъ, сотканный изъ свѣта и тѣни, припадалъ порою къ стеклу, прилипалъ къ нему на мгновеніе, точно хотѣлъ получше разглядѣть, что дѣлаютъ въ комнатѣ люди, и, откачнувшись во мракъ, кивалъ одобрительно:

— Такъ, такъ... Все идетъ своимъ порядкомъ.

Наконецъ, послышались шаги доктора. Его приходъ нарушилъ тяжелое молчаніе. Стало свободнѣе.

— Поймали,—весело сказалъ докторъ,—принесли совсѣмъ безъ памяти. Случайно наткнулись. Бѣгутъ, увидѣли что-то бѣлое. Смотрятъ —больной лежитъ. Задѣлъ за сучекъ халатомъ, да и упалъ на землю... Ну, а вы какъ?—обратился онъ къ офицеру.—Легли бы спать. Да не хотите ли закусить? Вы, кажется, еще ничего не ѣли?

— Я пойду, принесу,—сказала сестра и ушла изъ комнаты.

— Докторъ, мнѣ страшно...

— Успокойтесь, пожалуйста. Сейчасъ закусите, выпьете вина. Вы утомились. А главное—не отчаявайтесь...

— Докторъ я буду просить васъ объ одномъ..

Бываютъ такія чувства, которыя передаются другому безъ словъ цѣликомъ. Да ихъ и нельзя выразить словами, ибо словъ такихъ нѣтъ на человѣческомъ языкѣ. Докторъ сразу почувствовалъ, какъ по всему его тѣлу пошелъ холодъ; ему стало не страшно, а непріятно и тяжело быть съ этимъ больнымъ. Докторъ вдругъ закричалъ на Пилецкаго:

— Вздоръ вы все говорите! Вы устали, и больше ничего. Ложитесь, я пришлю вамъ лѣкарства; вы уснете.

Пилецкій немного помолчалъ, точно раздумывалъ о чемъ, потомъ шепотомъ заговорилъ:

— Докторъ, дайте мнѣ яду. Я че сталъ бы васъ затруднять, да сами посудите, какъ я могу умереть. Оружія у

меня нѣтъ, головой объ стѣну—не умрешь, а только наживешь новое уродство.

— Вы съ ума сошли... Что вы говорите?—тоже зашепталъ докторъ.—Это невозможно.

— Очему невозможно, очему?

— Вы хотите, чтобы я былъ убійцей.

— Ахъ, вы!.. Вы о себѣ... Почему же можно убивать тысячи, десятки тысячъ людей, которые не хотятъ умирать, а одного, который хочетъ, нельзя убить?

— Оставьте, вы больны.

Пилецкій поймалъ доктора за руку.

— Ну, скажите, докторъ, у васъ есть мать?

— Ну, есть. Вы это къ чему?

— А жена?

— Жены нѣтъ.

Пилецкій выбросилъ руку доктора, точно остался недоволенъ, что у него нѣтъ жены, прошелся къ окну и снова подошелъ къ доктору.

— Ну, вотъ скажите по правдѣ, какъ бы для васъ лучше: умереть, или явиться къ матери такимъ, какъ я?

Докторъ молчалъ. У него путались мысли. Эта красная маска заслонила передъ нимъ весь прежній міръ, обычную человѣческую жизнь, привычныя людскія отношенія и говорила о другомъ мірѣ, невѣдомомъ и страшномъ.

— Да, наконецъ, вѣдь это жестоко, докторъ, ужасно жестоко: убить, да не добить и мучить человѣка! Это ли не жестокость? Такъ поступаютъ только злыя дѣти съ животными. Неужели я не могу ни у кого вымолить себѣ даже смерти!..

Въ это время вошла сестра милосердія. Она принесла молочной каши и яицъ, поставила тарелку на столъ и сказала:

— Вотъ, я вамъ закусить принесла.

— Я сейчасъ приду, сестра,—шепнулъ докторъ и вышелъ.

Пилецкій безсильно, точно вареный, опустился на кровать. Сестра поставила передъ нимъ столикъ, разложила на немъ салфетку, хлѣбъ, яйца, тарелку съ кашей.

— Хотите, я вамъ помогу?—нерѣшительно спросила она больного.

Пилецкій поймалъ руку сестры и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Принесите мнѣ яду, сестра, ради всего святого... Никто не узнаетъ... Пожалѣйте меня... Неужели никто меня не пожалѣетъ?

— Зачѣмъ яду?—спросила сестра со страхомъ.

— Скажите: если бы вы были моей женой, могли бы вы цѣловать меня вотъ сюда?..

Онъ ткнулъ пальцемъ въ свою маску.

— Могли бы вы ухаживать за мной, отказаться отъ жизни, отъ любви? Скажите...

Больной потянулъ ее къ себѣ, нагнулся къ ея рукѣ, чтобы поцѣловать. Рука сестры дрогнула въ его широкой ладони. Больной выпустилъ ее и замолчалъ.

Пришелъ докторъ и принесъ въ стаканѣ бурой жидкости.

— Выпейте это...

Пилецкій подумалъ немного, неохотно взялъ лѣкарство и выплеснулъ его на полъ.

— Трусы вы, трусы себялюбивые! Оставьте меня, уйдите!

VI.

Докторъ обошелъ бараки, сдѣлалъ больнымъ перевязки. Длинные ряды коекъ съ больными, сѣрыя лица, воспаленные глаза производили на него сегодня особенно непріятное впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ чѣмъ-то виноватъ передъ всѣми больными, точно онъ у нихъ что-то укралъ. Казалось ему, что всѣ больные смотрятъ на него подозрительно, враждебно.

Когда онъ возратился въ свою дежурную комнату, то долго ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ о томъ, имѣетъ ли право докторъ дать яду тому, кто хочетъ умереть. Мысль эта вертѣлась въ его головѣ мучительно, безрезультатно, точно собака, которая ловитъ свой хвостъ. Онъ не пришелъ ни къ какому заключенію, легъ на койку и забылся.

Черезъ нѣкоторое время докторъ вдругъ проснулся, точно его кто-то толкнулъ. Онъ вскочилъ. Сердце у него болѣзненно билось; кровь ударяла въ виски, голова кружилась, и все его существо охватилъ страхъ. Онъ задержалъ дыханіе и прислушался. Въ госпиталѣ было все тихо. Только гдѣ то скреблась мышь, да шумѣлъ вѣтеръ. Съ чувствомъ непріятнаго безпокойства докторъ тихо на ципочкахъ вышелъ въ корридоръ и, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, пошелъ къ комнатѣ Пилецкаго. Комната эта была въ другомъ концѣ корридора. Лампа свѣтила за спиной доктора, а передъ нимъ корридоръ темнѣлъ, какъ колодезь. По самой срединѣ этотъ корридоръ пересѣкался подъ прямымъ угломъ другимъ корридоромъ изъ офицерскихъ палатъ. Докторъ шелъ на носкахъ, балансируя руками; прошелъ мимо дежурнаго спящаго солдата такъ, что тотъ не

проснулся. Солдатъ сидѣлъ на сломанномъ ящикѣ, закинувъ на стѣну голову, и храпѣлъ открытымъ ртомъ. Не смотря на его присутствіе, доктору было жутко.

На перекресткѣ корридоровъ было уже почти темно. Свѣтъ лампы доходилъ до этого мѣста чуть-чуть, образуя сумерки, сѣрыя, какъ вата. Вдругъ изъ-за угла кто-то вышелъ и почти столкнулся съ докторомъ.

— Кто это?—зашепталъ онъ, и по спинѣ его отъ затылка до пятокъ прошелъ полосой холодъ.—Это вы, сестра? Зачѣмъ вы?.. Куда?

Оба они смотрѣли другъ на друга, блѣдные, смущенные. Руки у нихъ тряслись и слипались отъ выступившаго пота.

— Нужно посмотрѣть...—прошептала сестра.

Безъ словъ, понимая другъ друга, тихо, чтобы не разбудить солдата, они пошли къ комнатѣ Пилецкаго и послушали у двери. Все было тихо.

— Должно быть, уснулъ,—прошептала сестра.

Докторъ вдругъ разсердился.

— Конечно, спитъ,—грубо и громко сказалъ онъ.

— Если у двери каждаго больного выслушивать, спитъ онъ, смѣется или плачетъ, такъ силъ не хватитъ. И намъ нуженъ отдыхъ. Не каменные... Идите, сестра, спать.

Сестра посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Докторъ повернулся и пошелъ по корридору, тяжело ступая ногами. На свѣтъ дальней лампы его фигура казалась черной и плоской, точно была вырѣзана изъ жести. Тѣнь отъ него тянулась по всему корридору и беззвучно билась на асфальтовомъ полу, какъ какое-то чудовище. Солдатъ испуганно проснулся, отдалъ доктору честь и съ недоумѣніемъ оглянулся по сторонамъ. Въ глубинѣ корридора виднѣлся тонкій станъ сестры милосердія. Солдатъ сѣлъ на ящикъ и утеръ рукавомъ слюнявый, покривившійся отъ грязной усмѣшки ротъ. Докторъ съ шумомъ открылъ дверь въ свою комнату и громко хлопнулъ ею. Стѣны барака зазвенѣли протяжно, жалобно. Вѣтеръ прошелся, точно босыми ногами, по крышѣ.

Сестра вздохнула и пошла въ свою комнату.

VII.

Утро слѣдующаго дня было ясное, теплое. Березовый лѣсъ вокругъ госпиталя кудрявился весело, молодо. Казалось, что вотъ-вотъ и березки сорвутся со своихъ мѣстъ, начнутъ со смѣхомъ кружиться, бѣгать, потряхивая своими кудряшками, какъ толпа здоровыхъ, красивыхъ дѣтей.

Докторъ проснулся рано, вышелъ изъ госпиталя и легъ неподалеку на пригоркѣ подъ березой. Сквозь листву вверху виднѣлось далекое голубое небо, а въ сторонѣ, между бѣлыми стволами березъ, сверкала широкая полоса рѣки. Въ его головѣ все еще вертѣлась вчерашняя безплодная мысль и мучила его безъ конца.

— Можно ли убить человѣка, если онъ объ этомъ меня проситъ?—въ десятый, въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ. И отвѣчалъ:—Нѣтъ, это противно человѣческой природѣ. А война?.. Да, но война совсѣмъ другое, особое... И здѣсь особое: онъ самъ хочетъ умереть, самъ, да только не можетъ... Но я не могу его убить, это выше моихъ силъ... Значитъ, ты, дѣйствительно, трусъ, самолюбивый, сытый и тупой... Нѣтъ, нѣтъ; все это я не такъ разсуждаю...

И такъ далѣе. Докторъ переворачивался на травѣ съ боку на бокъ, грызъ зубами сухую вѣтку, смотрѣлъ въ небо синее, прозрачное. Лишь изрѣдка въ вышинѣ плавно проносились надъ нимъ вороны; всѣ они съ торжествующимъ клекотомъ летѣли на востокъ.

— Всѣ вороны со всего свѣта собираются и летятъ въ Манчжурію,—подумалъ докторъ.—Они летятъ на добычу... Тамъ теперь люди топчутъ въ грязь то, что копили въ теченіе долгихъ тысячелѣтій: уваженіе къ жизни человѣка, къ его свободѣ, жилищу, къ женщинѣ, все, что досталось людямъ послѣ долгой тяжелой борьбы съ собой и другими,— все теперь забыто на поляхъ невѣдомой Манчжуріи. Всѣ дикія силы, которыя сдерживались рабскимъ жизненнымъ строемъ, всѣ онѣ вырвались наружу въ этотъ огромный клапанъ и, гордыя, побѣдныя, страшныя внѣ человѣческихъ и божескихъ законовъ. ходятъ теперь по свѣту. Отъ ихъ ядовитаго дыханія вянутъ чахлые ростки человѣческой культуры. Когда же конецъ, когда?..

— Какъ все тамъ ясно въ небѣ,—думалъ докторъ. — А на землѣ все такъ мучительно-противорѣчиво. Жизнь и смерть, ночь и день, здоровье и болѣзнь, господа и рабы, пустыни и плодоносныя равнины, „не убій“ и дикіе вопли одичавшей толпы... Даже къ идеаламъ люди идутъ по трупамъ тѣхъ, для кого и нужны идеалы...

Вдругъ въ природѣ стало твориться нѣчто необычное. Пичужка, которая весело и спокойно чирикала надъ докторомъ въ зеленой листвѣ, забилась, запищала тревожно; гдѣ-то послышался вой собаки; сосѣдняя березка трепетно опустила сразу всѣ свои листья и закачалась, дрожа всѣми вѣтвями, точно собираясь упасть въ обморокъ. Закачался и весь лѣсъ. Голова у доктора кружилась. Онъ поднялся на локоть. Все продолжало плавно качаться. Лѣсъ наполнился

скрипомъ, шумомъ, смятеніемъ... Мимо въ страхѣ, пробѣжала госпитальная кошка, фыркнула, метнулась на уголъ зданія и быстро взобралась на крышу.

— Должно быть, я боленъ, — подумалъ докторъ и вскочилъ на ноги. Все вокругъ качалось; земля двигалась подъ ногами, точно мертвая зыбь на морѣ; зданія тоже качались; фонарь у входа мотался и взвизгивалъ. Солдаты выбѣжали изъ бараковъ, махали руками и показывали на стѣны, деревья.

— Это землетрясеніе,—догадался, наконецъ, докторъ. Онъ прислонился къ березкѣ и выжидалъ, пока оно кончится. Еще около минуты пугливо вздрагивало стройное тѣло березы; сквозь просвѣты лѣса видно было, какъ по гладкой поверхности рѣки ходили круглыя волны.

Толчки становились все слабѣе и слабѣе; наконецъ, стали незамѣтны. Птичка прыгала по вѣткамъ и чирикала вопросительно-недоумѣвающе. Дескать, кончилось, или нѣтъ? Солдаты разбрелись по баракамъ. Во всей природѣ понемногу наступало прежнее спокойствіе. Вѣтерокъ улегся совершенно. Все притихло. Только вороны виднѣлись черными точками въ разныхъ мѣстахъ голубого неба и упрямо летѣли въ одномъ направленіи.

Спокойствіе, наступившее въ природѣ послѣ пережитаго волненія, сообщилось и доктору. Онъ оглянулся кругомъ. Все было радостно, свѣтло, зелено. Подъ корнями березъ еще вился тонкій утренній туманъ и прятался подъ тѣнью кустовъ отъ солнечныхъ лучей. Трава, умытая росой, топорщилась, упругая, сочная; листья березъ блестѣли на солнцѣ, точно за ночь ихъ кто-то покрылъ лакомъ. Въ воздухѣ носился ароматъ отъ дыханья травъ, цвѣтовъ, деревьевъ. А вверху такое ясно-голубое небо! Только одно бѣлое пушистое облако, какъ кусокъ ваты, плавало въ вышинѣ. Но и оно остановилось, быстро начало таять и скоро исчезло въ сверкающей синевѣ.

Докторъ пріятно потянулся и пошелъ въ госпиталь, успокоенный и радостный. Онъ подумалъ, что нужно зайти, провѣдать больного офицера. Ему казалось, что и онъ сидитъ теперь въ комнатѣ и радуется общей радостью природы. Конечно, отъ вчерашняго желанія смерти у него не осталось и слѣда.

Но вдругъ въ его воображеніи краснымъ пятномъ вырисовалась безобразная маска. Она ворвалась въ его настроеніе, какъ рѣзкій крикъ въ пріятную пѣсню, какъ слова проклятія въ тихую молитву, и пробудила въ душѣ вчерашнее безпокойство... Безпокойство это усиливалось съ каждымъ шагомъ и переходило въ отвращеніе. Снова видѣть эту ужасную маску, слушать тяжелые разговоры!..

Докторомъ овладѣлъ страхъ. Ему хотѣлось забыть объ офицерѣ, о его несчастіи, о его безумномъ желаніи смерти. Онъ замедлилъ шаги. Ему казалось, что нужно еще что-то обдумать, что-то предпринять.

Вотъ дверь, корридоръ. Въ канцеляріи сидятъ писаря и пишутъ. Слышится раздраженный голосъ главнаго врача:

— Нужно возвратить эту бумагу. Онъ подписался съ росчеркомъ. Внушить, что такъ не вѣжливо. Пусть напишетъ другую бумагу безъ росчерка.

— О какомъ это росчеркѣ онъ говоритъ?—подумалъ докторъ.—Должно быть, что-нибудь важное...

И, не рѣшивъ вопроса о росчеркѣ, онъ повернулъ ручку двери въ комнату Пилецкаго. Она была заперта.

Когда дверь открыли, то нашли въ комнатѣ трупъ Пилецкаго. Повидимому, больной обшарилъ стѣны, наткнулся на большой гвоздь, вбитый надъ кроватью давно для какой-то полки, разорвалъ простыню, свилъ изъ нея веревку и удавился. Перекошенная маска была обращена къ двери и бросалась прежде всего въ глаза. Но, мертвый, онъ не былъ такъ страшенъ, какъ живой.

Сентябрь 1905 г.
Иркутскъ.

С. Кондурушкинъ.

Въ началѣ жизни.

III.

Первое путешествіе въ народъ.

Прошло три недѣли. Апрѣль кончался. Работы въ мастерской продолжались ежедневно, пока не начинало смеркаться. Онѣ смѣнялись время отъ времени разговорами, пѣніемъ «Бурнаго потока» и множества другихъ пѣсенъ, которыя знала Алексѣева, учившаяся послѣ института еще въ консерваторіи, и звонкій ея голосъ будилъ эхо во всѣхъ углахъ. По временамъ и всѣ пѣли хоромъ «Нелюдимо наше море», и, помню, когда доходили до куплета:

«Тамъ за далью непогоды
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина!...
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой»—

мое сердце такъ и прыгало отъ радости. Пѣли по временамъ и пѣсни юмористическаго характера, какъ, напримѣръ, извѣстную бурлацкую «Дубинушку», передѣланную Ельцинскимъ на радикальный манеръ и вызывавшую всегда взрывы смѣха.

Успѣхи большинства въ работѣ оказались совсѣмъ не блестящими, далеко ниже средняго уровня. Многіе, при первомъ предлогѣ къ разговору, оставляли, не замѣчая того, свои работы и предавались спорамъ о будущемъ общественномъ строѣ, основанномъ на равенствѣ, братствѣ и свободѣ, или обсужденію своей настоящей дѣятельности. Замѣтивъ черезъ нѣкоторое время, что они ровно ничему не научились, многіе начали разочаровываться въ самомъ предметѣ и говорили:

— Къ чему намъ учиться шить сапоги и башмаки, когда весь народъ ходитъ босой или въ лаптяхъ? Не лучше-ли идти туда въ видѣ странниковъ или простыхъ чернорабочихъ?

— Совершенно вѣрно, — отвѣчали другіе. — Что общаго имѣетъ шитье сапогъ съ революціей?

— Своимъ ремесломъ,—прибавляли третьи,—мы только отобьемъ хлѣбъ у настоящихъ мастеровъ.

Впереди всѣхъ въ работахъ шелъ я, затѣмъ Алексѣева, старавшаяся не отставать отъ меня. Всѣ остальные были далеко позади. Наконецъ, я сдѣлалъ для Алексѣевой маленькіе полубашмачки изъ козловой кожи, и, когда она ихъ надѣла и стала съ торжествомъ всѣмъ показывать, Кравчинскій, работавшій нѣсколько лучше другихъ и давно замѣчавшій, что изъ нашего предпріятія ничего не выйдетъ, сказалъ съ торжественностью, разводя руками:

— Послѣ этого намъ уже нечему учиться! Пора закрывать мастерскую!

Это и было сдѣлано. Мои полубашмачки оказались единственнымъ произведеніемъ, попавшимъ изъ нашей мастерской на человѣческую ногу.

Тѣмъ временемъ я жилъ, какъ птица небесная, не имѣя ничего своего и никакого опредѣленнаго мѣстопребыванія. Я ночевалъ большей частью въ квартирѣ Алексѣевой, въ томъ самомъ памятномъ залѣ, куда меня привели въ первый разъ. Я спалъ тамъ на стульяхъ или на коврѣ посреди комнаты, одѣваясь, вмѣсто одѣяла, своей рабочей чуйкой и подкладывая подъ голову, что попало. Вмѣстѣ со мной постоянно ночевали тутъ же Саблинъ, Кравчинскій, иногда Шишко и очень часто еще пять-шесть постороннихъ, направлявшихся изъ Петербурга въ народъ и не успѣвшихъ почему-либо найти другую квартиру. Алексѣева спала въ своемъ альковѣ, прилегавшемъ къ этой комнатѣ и отдѣленномъ отъ нея только драпировками, которыя она тщательно соединяла вмѣстѣ. Иногда мы, лежа на своемъ полу и стульяхъ, чуть не до разсвѣта дебатировали съ ней, уже улегшейся въ постель, различные общественные вопросы. Если бы кто-нибудь сдѣлалъ въ это время на нее доносъ и насъ всѣхъ накрыли бы въ этой комнатѣ, то прокуроры и жандармы немедленно сдѣлали бы, конечно, изъ своей находки такой скандалъ на всю Россію, какого еще никогда не бывало. А между тѣмъ, ни одна турчанка въ своемъ гаремѣ, подъ защитой десятка евнуховъ, не была въ большей безопасности, чѣмъ эта молодая и одинокая женщина, подъ нашимъ покровительствомъ... Такъ сильна была въ насъ идейная сторона, совершенно обуздывавшая физическую. Въ это время мы всѣ сознавали себя людьми обреченными, и семейная жизнь съ ея радостями казалась созданною не для насъ.

Послѣ закрытія мастерской мнѣ предложили, въ виду незаподозрѣнности моего положенія и большихъ знакомствъ, остаться на лѣто вмѣстѣ съ Алексѣевой въ Москвѣ для того, чтобы мы могли служить центромъ, черезъ который всѣ остальные, ушедшіе въ народъ, могли бы сноситься другъ съ другомъ. Я началъ отбиваться отъ этой перспективы и руками, и ногами.

— Ни за что не останусь ни недѣли,—говорилъ я.—Если нельзя идти съ кѣмъ-либо изъ васъ, я все равно уйду одинъ...

Увидѣвъ, что мое рѣшеніе идти въ народъ неизмѣнно, меня придумали отправить въ Даниловскій уѣздъ въ имѣніе тамошняго помѣщика Александра Ивановича Иванчинъ-Писарева, гдѣ больше года уже велась пропаганда среди крестьянъ. На это я сейчасъ же согласился и, совершенно того не подозрѣвая, попалъ на самое крупное и самое успѣшное изъ всѣхъ предпріятій пропаганды среди крестьянъ. Ничего подобнаго не было ни до, ни послѣ этого во все время движенія семидесятыхъ годовъ.

Въ первыхъ числахъ мая, мы съ Саблинымъ уже мчались по Ярославской желѣзной дорогѣ и, пересѣвъ на Вологодскую, высадились на станціи Дмитріевской. Мы были одѣты въ рабочіе костюмы, съ крестьянскими паспортами въ карманахъ. Помню, что во все время пути меня особенно безпокоила мысль, какъ бы мнѣ не забыть своего имени, какого-то Семена Вахрамѣева, если не ошибаюсь. Однако, все прошло благополучно, и при всѣхъ вопросахъ «какъ тебя зовутъ?», случившихся во время дороги раза три-четыре, я, ни мало не колеблясь, отвѣчалъ:

— Семенъ Вахрамѣевъ!

Саблинъ же, отличавшійся большой склонностью къ комизму, все время пути балагурилъ съ сосѣдями и разсказывалъ имъ о нашей жизни и работахъ въ Москвѣ всевозможныя небылицы. Когда, нанявши телѣжку на станціи, мы подъѣзжали черезъ часъ или полтора къ помѣщичьей усадьбѣ «Потапово», лежавшей особнякомъ на опушкѣ еловаго лѣса и еще издали указанной намъ возницей, какъ мѣсто нашего назначенія, Саблинъ до того развеселилъ этого сѣренькаго деревенскаго мужичка всевозможными юмористическими замѣчаніями и прибаутками, что тотъ, то и дѣло, хватался за ободокъ телѣги, чтобы не свалиться съ нея отъ смѣха.

— Небось, шибко жиренъ вашъ баринъ?—спрашивалъ Саблинъ.

— Не-е!—отвѣчалъ нашъ возница, заливаясь смѣхомъ.—Баринъ хорошій, тонкій.

— Вишь-ты, обѣщалъ намъ важный заработокъ. Не знаемъ только, не надуетъ ли.

— Нѣтъ, этотъ не надуетъ. Зачѣмъ надувать.

Прибытіе наше было объяснено ему тѣмъ, что баринъ, нуждаясь въ хорошихъ мастерахъ для обученія крестьянъ въ устроенныхъ имъ столярныхъ мастерскихъ, послалъ за нами въ Москву.

На крыльцѣ усадьбы насъ встрѣтилъ бѣлокурый человѣкъ, лѣтъ 25, въ сѣромъ пиджакѣ, съ небольшой рыжеватой бородкой. Это и былъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Онъ поздоровался съ нами, какъ со знакомыми, такъ какъ его уже предупредили объ нашемъ пріѣздѣ письменно, затѣмъ ввелъ въ гостиную, убранную очень просто, и представилъ своей женѣ, тоже бѣлокурой молодой женщинѣ. Затѣмъ, осмотрѣвъ наши особы и платье, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Это, господа, здѣсь не годится! Васъ всѣ признаютъ съ перваго же взгляда, потому что у меня многіе изъ крестьянъ слышали, что студенты идутъ въ народъ. Нужно переодѣться въ обычное платье!

— Но у меня нѣтъ никакого другого,—отвѣтилъ я.

— Это пустяки!—возразилъ А. И.—Мы почти одинаковаго роста, и у меня найдется достаточно лишняго платья.

И вотъ мы пошли въ его спальню, гдѣ я снова превратился почти въ то самое, чѣмъ я былъ ранѣе. Только чистить мнѣ сапоги и платье было уже некому, кромѣ меня самого, потому что кухарка, горничная и работникъ по хозяйству стояли въ условіяхъ, исключавшихъ представленіе о прислугѣ. Такое же обратное переодѣваніе онъ сдѣлалъ, къ моему облегченію, и съ Саблинымъ.

— Напрасно думаютъ,—говорилъ онъ при этомъ,—что для дѣятельности въ народѣ нужно непремѣнно переодѣться мужикомъ. Въ своей средѣ крестьяне слушаютъ съ уваженіемъ только стариковъ да отцовъ семейства. Если молодой, неженатый и особенно безбородый человѣкъ начнетъ проповѣдывать въ ихъ средѣ новыя идеи, его только высмѣютъ и скажутъ: «что онъ понимаетъ? Яйца курицу не учатъ». Совсѣмъ другое, когда человѣкъ стоитъ нѣсколько выше ихъ по общественному положенію; тогда его будутъ слушать со вниманіемъ.

Эти идеи шли на столько въ разрѣзъ съ тѣмъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ насъ въ столицахъ, что мы оба сначала не знали, что и подумать. Однако, очевидная справедливость этихъ словъ била мнѣ въ глаза и вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ представленіямъ, какія я составилъ себѣ о крестьянахъ того времени. При томъ же, передъ нами былъ не теоретикъ революціонной пропаганды, а практикъ, уже болѣе года работавшій съ успѣхомъ въ народѣ.

— Нѣтъ ничего лучше положенія помѣщика средней руки, въ своемъ собственномъ имѣніи,—продолжалъ онъ разсуждать,—или писаря въ своей волости, или учителя, уже прожившаго нѣкоторое время въ деревнѣ и заслужившаго довѣріе окружающихъ крестьянъ. Что же касается до *этого*,—добавилъ онъ, показывая на мой новый костюмъ франтоватаго рабочаго,—то такое платье самое удобное для нашей мѣстности. Здѣсь большинство уходятъ на заработки въ Петербургъ или Москву и возвращаются въ совершенно такомъ видѣ. Ничто не мѣшаетъ вамъ надѣвать даже сюртукъ по временамъ, когда будете ходить къ знакомымъ крестьянамъ въ гости... Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ выдавать себя здѣсь за простого чернорабочаго.

Чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ больше вырисовывался въ немъ человѣкъ очень развитой, разносторонній, практичный и способный импонировать людямъ, приходящимъ съ нимъ въ близ-

кое соприкосновеніе. Моего отца, какъ обнаружилось сейчасъ же, онъ зналъ немного, по службѣ съ его отцомъ въ ополченіи.

Черезъ недѣлю пребыванія мы всѣ были уже «на ты». Онъ насъ познакомилъ съ земскимъ врачемъ И. И. Добровольскимъ и акушеркой М. П. Потоцкой, жившими въ большомъ селѣ Вятскомъ, за пять верстъ отъ Потапова, и занимавшихся той же самой революціонной дѣятельностью. Познакомилъ затѣмъ съ десяткомъ молодыхъ парней своей столярной мастерской, перечитавшихъ уже всѣ печатавшіяся для народа за границей книги и выражавшихъ революціонерамъ свое полное сочувствіе,—и, наконецъ, сводилъ въ ближайшія деревни и къ нѣкоторымъ семейнымъ крестьянамъ.

Одно изъ этихъ семействъ особенно выдавалось среди всѣхъ остальныхъ. Это была зажиточная семья. Сѣдой старикъ, отецъ съ величественнымъ патріархальнымъ видомъ, и при томъ грамотный и даже любитель чтенія, добродушная старуха мать, двѣ дочери и два сына.

Наибольшее вниманіе обращали на себя второй сынъ, Иванъ Ильичъ, и его старшая сестра Елена. Иванъ Ильичъ былъ сначала лавочникомъ въ с. Вятскомъ, гдѣ жилъ земскій врачъ, но, придя къ идеѣ, что торговая прибыль не есть справедливый доходъ, онъ оставилъ это занятіе.

Его сестра Елена, высокая и очень стройная дѣвушка, лѣтъ 19, съ задумчивыми карими глазами и доброй привѣтливой улыбкой, тоже была затронута надвигающейся цивилизаціей, получала изъ Потапова и читала всевозможныя книги, не только народныя, но и журналы, романы. Ея разговоры и всѣ манеры обнаруживали интеллигентную дѣвушку, и все это еще болѣе оттѣнялось ея замѣчательной скромностью. Мнѣ казалось, что такова была моя собственная мать, когда она жила въ домѣ своего крестьянина-отца въ деревнѣ, и потому я былъ всегда удвоенно внимателенъ къ этой дѣвушкѣ. Съ ней и ея братомъ мы скоро очень подружились. Всѣ остальные адепты Александра Ивановича изъ крестьянъ были очень добродушные, побывавшіе въ столицахъ, парни, но не представляли для меня особеннаго интереса, такъ какъ не было замѣтно въ нихъ той внутренней психической жизни и дѣятельности, которая отличаетъ интеллигентнаго человѣка отъ простого, первобытнаго. Никакіе отвлеченные и неразрѣшимые вопросы, повидимому, не волновали ихъ души, и въ теоретическихъ разговорахъ они соглашались сейчасъ, не спрашивая дальнѣйшихъ разъясненій, со всѣмъ тѣмъ, что мы имъ говорили, хотя бы это и находилось въ противорѣчіи съ предыдущимъ.

Не смотря на мое обратное превращеніе въ «барина» (хотя о томъ, кто я такой, знали лишь немногіе избранные), я сейчасъ же снова началъ переодѣваться въ свое рабочее платье и принимать участіе въ жизни окружающихъ крестьянъ и ихъ работахъ; мнѣ не столько хотѣлось проповѣдывать новыя общественныя и поли-

тическія идеи, сколько изучать народныя массы, войти лично въ ихъ трудовую жизнь и опредѣлить, наконецъ, самому, дѣйствительно ли крестьянство можетъ оказать интеллигенціи какую-либо помощь въ ея трудной борьбѣ за свѣтъ и свободу. Еще съ первыхъ дней своего пребыванія я попробовалъ пахать съ однимъ крестьяниномъ и занимался этимъ два дня, послѣ чего лѣвая рука, оттянутая сохой, заболѣла у меня такъ сильно, что я долженъ былъ прекратить свое земледѣліе. Я быстро выучился косить траву и поставлялъ ее ежедневно для двухъ нашихъ коровъ и каждое утро рубилъ дрова для кухни. Потомъ я крылъ крыши соломой на крестьянскихъ избахъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ, и положеніе на высотѣ мнѣ чрезвычайно нравилось въ этой работѣ.

Въ Потаповѣ начали даже добродушно подшучивать надъ такимъ моимъ усердіемъ. Распустили слухъ, будто видѣли, какъ я тайно хожу къ сосѣднему ручейку, обливаю себѣ лицо водой и ложусь затѣмъ на солнечномъ припекѣ, чтобы жаръ ободралъ мнѣ кожу и сдѣлалъ меня болѣе похожимъ на мужика. Говорили, что я, сидя на крыльцѣ, тру свои ладони о ступени для того, чтобы онѣ сдѣлались жесткими, и т. д. Это несерьезное, какъ мнѣ казалось, отношеніе къ дѣлу сильно меня огорчало, но я ясно видѣлъ, что ко мнѣ лично всѣ относятся очень хорошо, и что эти шутки объясняются лишь веселымъ характеромъ моихъ новыхъ товарищей. Особенная склонность къ балагурству проявлялась у Саблина, любившаго во время серьезнаго разговора пускать постороннія остроты, сбивавшія разговаривавшихъ съ первоначальной темы. Остроты эти не всегда бывали очень высокой пробы, какъ и всегда бываетъ, когда люди шутятъ ежедневно — въ родѣ, напримѣръ, неожиданнаго замѣчанія, что слово *либералъ* происходитъ отъ того, что какой то нѣмецъ *Либ* на одномъ собраніи чрезвычайно *оралъ*. Всѣ смѣялись, принимались разбирать, какимъ образомъ гласная *о* могла перейти въ *е*, и разговоръ перескакивалъ на новый предметъ раньше окончанія прежняго.

Мало по малу передо мною стало выясняться положеніе дѣла въ данной мѣстности, и его результаты постепенно начали принимать въ моихъ глазахъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Десятокъ рабочихъ крестьянъ, съ которыми я познакомился, жили по различнымъ деревнямъ волости и служили какъ бы опорными пунктами для проведенія въ народъ новыхъ общественныхъ и политическихъ идей. Для одного изъ нихъ Ал. Ив. выхлопоталъ у начальства разрѣшеніе быть книгоношей, т. е. ходячимъ продавцомъ по деревнямъ народныхъ изданій. Вверху его короба лежали различныя божественныя книжки, а внизу революціонныя воззванія къ народу и брошюры, издаваемыя для народа за границей. Тамъ были всѣ запрещенныя изданія, разносившіяся пропагандистами въ это лѣто и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Изъ нихъ *пропагандистамъ* (а не крестьянамъ) больше всѣхъ нрави-

лась «Сказка о четырехъ братьяхъ», гдѣ разсказывалось, какъ четыре брата-крестьянина, родившіеся въ глухомъ лѣсу и потому жившіе все время по природѣ, не зная ни начальства, ни привилегированныхъ лицъ, вдругъ вышли изъ этого лѣса и съ удивленіемъ увидѣли новый, совершенно непонятный для нихъ строй жизни. Они пошли на четыре разныя стороны Россіи для того, чтобы познакомиться съ этимъ удивительнымъ для нихъ образомъ жизни, и начали уговаривать народъ возвратиться къ «первобытной справедливости», но всѣ попали за это въ руки властей и встрѣтились по Владимірской дорогѣ въ кандалахъ по пути въ Сибирь. Въ народѣ, какъ я замѣтилъ, эта сказка (да и вообще всѣ произведенія въ сказочномъ тонѣ) производили менѣе впечатлѣнія, чѣмъ прямыя обращенія, въ родѣ прокламаціи Шишко, начинавшейся словами: «Чтой-то, братцы, плохо живется народу на святой Руси!» Кромѣ этихъ произведеній разносились изъ Потапова сборники революціонныхъ стихотвореній и передѣлки общеизвѣстныхъ народныхъ пѣсенъ на революціонный ладъ, чѣмъ особенно занимался Ельницкій, и брошюрки псевдорелигіознаго содержанія, въ родѣ сказки о Николаѣ Чудотворцѣ, возмутившемся (кажется, уже на небѣ) совершающимися на землѣ несправедливостями и отправившимся на нее проповѣдывать революцію. Меня особенно смѣшило тогда, что на внутренней сторонѣ обложекъ у всѣхъ такихъ изданій было напечатано: «Одобрено цензурой. С.-Петербургъ, такого-то числа и года», а на книжкахъ псевдо-религіознаго содержанія, въ родѣ Николая Чудотворца: «Съ благословенія Святѣйшаго Сунода».

Всѣ эти книги распространялись книгоношей Ал. Ив—ча въ значительномъ числѣ по всему уѣзду. Остальные его «избранные» проповѣдывали по своимъ деревнямъ и старались сдѣлаться центрами отдѣльныхъ кружковъ деревенской молодежи. Для того, чтобы привлечь къ себѣ побольше народу для своей дѣятельности, Александръ Ивановичъ придумалъ еще устроить въ своей усадьбѣ еженедѣльныя народныя гулянья. Съ этой цѣлью, на большомъ дворѣ его усадьбы были выстроены различныя качели и карусели, вмѣстѣ съ приспособленіями для гимнастическихъ упражненій и даже домашней музыкой. Благодаря такимъ приманкамъ, каждое воскресенье собиралась у него вся деревенская молодежь изъ окрестностей,—человѣкъ до пятисотъ и болѣе. Вездѣ кругомъ пѣли пѣсни, водили хороводы. Молодые парни качали на каруселяхъ деревенскихъ дѣвицъ, и все было поставлено вольно, безъ стѣсненія. Когда А. И. и Саблинъ замѣшивались по временамъ въ толпу со своими шутками и веселыми разсказами, то мѣсто ихъ нахожденія всегда легко было опредѣлить по неумолкаемымъ взрывамъ хохота. Настоящей пропаганды здѣсь избѣгали, но эти сборища служили прекраснымъ способомъ для завязыванья знакомства, и потому А. И. ими особенно дорожилъ. Передѣлки народныхъ пѣсенъ, гдѣ осмѣи-

вались власти и порядки, и весь остальной запрещенный репертуаръ былъ здѣсь пущенъ въ полный ходъ.

Съ особеннымъ воодушевленіемъ пѣлся толпою извѣстный революціонный варьянтъ приволжской бурлацкой «дубинушки». Среди общаго смѣха и гула такъ и гремѣли ея куплеты:

Ой, ребята, плохо дѣло!
Наша барка на мель сѣла,

. . . . . бѣлый, кормщикъ пьяный,
Онъ завелъ насъ на мель прямо!

Чтобы барка шла ходчѣе,
Надо кормщика въ три шеи.
. . . .

И каждый куплетъ стоголосая толпа сопровождала обычнымъ припѣвомъ:

Ой, дубинушка, ухнемъ
Ой, зеленая, сама пойдетъ, подернемъ, подернемъ,
да ухнемъ!

Такія задирательныя антиправительственныя пѣсни особенно соотвѣтствовали народному вкусу и вызывали въ крестьянской публикѣ неудержимый смѣхъ. Онѣ тотчасъ заучивались и разносились присутствовавшими далѣе по деревнямъ. Какъ далеко это распространялось, было трудно даже опредѣлить. Только неожиданностью для провинціальныхъ властей движенія въ народъ и объяснялось то обстоятельство, что на все это въ продолженіе почти двухъ лѣтъ не обращалось никакого вниманія.

Въ тотъ моментъ, когда мы съ Саблинымъ, а затѣмъ вскорѣ и Ельцинскій пріѣхали къ Александру Ивановичу, главная работа въ этой мѣстности казалась совершенно законченной. Черезъ двѣ или три недѣли пребыванія мнѣ стали уже закрадываться въ душу вопросы:

— Для чего же живу здѣсь я? Что могу я прибавить къ тому, что уже сдѣлано?

Семейныя воспоминанія и все, что было пережито мной при рѣшеніи идти въ народъ, стали пробуждаться въ душѣ съ новой силой. Оправдывается ли этимъ все то горе, которое я причинилъ у себя дома? Вѣдь, можетъ быть, въ это самое мгновеніе и мать моя, и всѣ другіе воображаютъ обо мнѣ всевозможные ужасы, а я живу здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало, почти такъ же, какъ и у нихъ въ Боркѣ. Романтическая сторона моей природы, жаждущая опасностей и приключеній и побуждавшая меня войти въ это движеніе въ надеждѣ попасть прямо въ партизанскую войну, —если не народа, то тѣхъ, которые въ него пошли, —снова заговорила. Если всѣ пустились въ такую подготовительную работу, то никакой

партизанской войны не будетъ много лѣтъ. Кругомъ разсуждаютъ лишь о томъ, какъ каждый подготовитъ нѣсколько человѣкъ, а эти, въ свою очередь, еще нѣсколько и такъ далѣе до безконечности. А я еще никого не подготовилъ.

Когда Александръ Ивановичъ спросилъ меня однажды:

— Какъ ты думаешь, скоро ли будетъ революція?»—я отвѣчалъ ему печально:

— Не знаю! Можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, а можетъ быть, и болѣе.

— Ну нѣтъ!—отвѣчалъ онъ.—Болѣе, чѣмъ на четыре года, я не согласенъ.

Съ этимъ крайнимъ срокомъ мирились и остальные. Но о томъ, что революція можетъ случиться въ *этомъ самомъ* году, никому не приходило и въ голову.

Въ одинъ прекрасный день, не выдержавъ далѣе этой праздной жизни (потому что бѣгать по избамъ крестьянъ поболтать о будущей дѣятельности и поработать съ ними перестало меня удовлетворять), я прямо сказалъ всѣмъ за утреннимъ чаемъ:

— Я чувствую, что дѣла стоятъ здѣсь уже на прочной ногѣ. Для новыхъ лицъ не остается достаточной работы. Уйду на Волгу въ бурлаки.

Сначала всѣ приняли это за простое размышленіе и разсмѣялись, стараясь вообразить мою фигуру въ этой новой роли. Потомъ, увидѣвъ, что я дѣйствительно не удовлетворяюсь своей жизнью при чужомъ дѣлѣ, А. И. вдругъ уѣхалъ куда-то на нѣсколько часовъ и, возвратившись, сказалъ:

— Ну, я тебя устроилъ. Въ двѣнадцати верстахъ отсюда есть деревня Коптево, въ совершенно глухой мѣстности, посреди болотъ и лѣсовъ, и наполненная старовѣрами. Думаю, что это какъ разъ придется тебѣ по вкусу. Тамъ у меня есть знакомый кузнецъ, и онъ согласенъ взять тебя ученикомъ. Я сказалъ ему, что ты сынъ крестьянина, московскаго дворника, выросъ въ столицѣ и учился три года въ городскомъ училищѣ, но этой весной твои родители внезапно умерли отъ тифа, оставивъ тебя безъ всякихъ средствъ къ существованію, и что тебѣ особенно хочется выйти въ кузнецы.

Это мнѣ понравилось. Въ такомъ положеніи, думалъ я, мнѣ можно будетъ, по крайней мѣрѣ, узнать, что-же такое представляетъ изъ себя этотъ народъ? Если вести пропаганду, какъ говоритъ А. И., лучше въ привилегированномъ положеніи, то изучать народъ несравненно удобнѣе въ видѣ простого рабочаго. Не будутъ, по крайней мѣрѣ, сейчасъ же соглашаться со всѣмъ, что я говорю, въ то время какъ, можетъ быть, въ душѣ думаютъ совсѣмъ другое.

На другой день меня привезли по назначенію, въ моемъ рабочемъ костюмѣ и расшитыхъ сапогахъ, но только уже безъ жи-

лета съ бубенчиками, который не требовался и въ этой глухой мѣстности. Былъ также и запасъ запрещенныхъ изданій въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ.

Насъ встрѣтилъ почтенный старикъ, кузнецъ, съ длинной полусѣдой бородой, и старая женщина, его жена, спокойныя и привѣтливыя манеры которой внушали невольное уваженіе. Отрекомендовавъ меня, какъ будущаго ученика, Александръ Ивановичъ попросилъ готовить для меня, какъ избалованнаго столичной жизнью, какое-нибудь дополнительное блюдо на его счетъ, въ родѣ, напримѣръ, яичницы на молокѣ. А затѣмъ, потолковавъ съ ними о безразличныхъ предметахъ съ четверть часа, онъ уѣхалъ обратно, оставивъ меня одного.

Старикъ и старуха повели меня прежде всего въ небольшую «лѣтнюю избу» или клѣть, построенную въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ избы, на задворкахъ деревни и разгороженную сѣнями на двѣ комнаты. Въ обѣихъ царилъ полумракъ, такъ какъ, вмѣсто оконъ, въ нихъ было продѣлано между двухъ смежныхъ бревенъ лишь одно отверстіе, которое можно было заклеить полулистомъ писчей бумаги. Оно затыкалось, на случай нужды, деревяннымъ засовомъ. На полу въ углу лежала куча сѣна. Никакой мебели не было.

— Вотъ здѣсь ты будешь жить лѣто, пока тепло,—сказалъ мнѣ старикъ,—а въ другой горницѣ ночуетъ нашъ сынъ.

Я положилъ свой мѣшокъ въ уголъ, и хозяева ушли, сказавъ, что на работу меня возьмутъ завтра, а теперь мнѣ можно отдохнуть. Черезъ полчаса пришелъ ко мнѣ ихъ сынъ, помощникъ кузнеца, уже женатый мужичекъ, съ русой бородкой, и, поздоровавшись со мной за руку, повелъ меня обратно въ главную избу обѣдать со всѣмъ семействомъ. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, я началъ креститься и кланяться вмѣстѣ съ другими на иконы.

— Щепотью крестишься, милый! Не такъ!—сказала мнѣ старуха, подойдя ко мнѣ со спокойнымъ достоинствомъ, по окончаніи молитвы.

И, сложивъ мою руку такимъ образомъ, чтобы указательный и средній палецъ были рядомъ вытянуты впередъ, какъ если бы я указывалъ ими на кого-нибудь, она сжала всѣ остальные мои пальцы въ кулакъ и заставила меня перекреститься три раза этимъ новымъ способомъ. Я охотно исполнилъ ея желаніе, такъ какъ мнѣ это было рѣшительно все равно, или, скорѣе, даже интересно, и съ тѣхъ поръ всегда сталъ креститься по старовѣрски, двумя перстами.

Раннимъ утромъ на слѣдующій день мы принялись уже за работу въ маленькой закоптѣлой кузницѣ при дорогѣ у въѣзда въ деревню. Меня начали обучать дѣлать гвозди. Въ остальное время пришлось раздувать мѣхи у горна и совершать другія незначительныя вспомогательныя работы. Дѣло пошло такъ успѣшно, что

кузнецъ остался чрезвычайно доволенъ мною и потомъ постоянно хвалилъ мое усердіе и способность къ работѣ. Впрочемъ, и было за что хвалить. Я относился къ работѣ съ такой серьезностью, какъ будто отъ этого зависѣла моя жизнь. Однажды, когда мы сваривали шину, кусокъ раскаленнаго желѣза, величиной съ большую горошину, отскочилъ изъ-подъ молота и упалъ мнѣ за голенище сапога. Я почувствовалъ страшную боль въ ногѣ, когда онъ съ шипѣньемъ проникалъ мнѣ въ тѣло, но моя рука, бившая въ то время пяти-фунтовымъ молотомъ, не сдѣлала ни одного невѣрнаго движенія. И, только когда все было кончено, я быстро сбросилъ сапогъ, и изумленный кузнецъ увидѣлъ прожженное углубленіе на моей ногѣ величиной съ половину боба.

Въ первый же день моихъ работъ у входа въ кузницу собралась толпа народа, какъ будто по собственнымъ дѣламъ, толкуя между собой и лишь изрѣдка обращаясь къ намъ съ тѣмъ или другимъ вопросомъ.

Нѣкоторые присѣли по близости на различныхъ предметахъ, въ родѣ старыхъ колесъ, требовавшихъ обшивки шинами. Несмотря на это кажущееся невниманіе, было очевидно, что всѣ они собрались здѣсь поглазѣть на мою особу.

Появленіе новаго человѣка, да при томъ столичнаго, было большимъ событіемъ въ деревнѣ. Однако, въ виду того, что я не имѣлъ въ ихъ глазахъ никакого привилегированнаго положенія и, по ихъ мнѣнію, не могъ быть въ жизни ничѣмъ инымъ, какъ кузнецомъ, или мастеровымъ, ко мнѣ относились, какъ къ человѣку своего круга, не стѣсняясь. Въ слѣдующіе же дни у меня начали завязываться и разговоры съ этой толпой, ежедневно собиравшейся въ извѣстные часы около кузницы.

Предметы разговоровъ были чрезвычайно разнообразны, но большей частью философскаго характера.

Разъ одинъ изъ окружающихъ крестьянъ, пожилой мужичекъ, завелъ рѣчь о томъ, что телеграфистъ на ближайшей станціи желѣзной дороги говоритъ, будто Бога нѣтъ.

— Какъ вы думаете объ этомъ?—обратился онъ добродушно ко мнѣ (слово *вы* уже было занесено даже въ эту глухую мѣстность).

Очень заинтересованный узнать, что *они сами* думаютъ, я отвѣчалъ уклончиво.

— И я въ Москвѣ слыхалъ, какъ многіе говорятъ, будто нѣтъ, да не знаю, что и подумать? Говорятъ, будто никто никогда его не видалъ.

— И то правда,- замѣтилъ одинъ,—никто его не видалъ.

— А по моему,—вмѣшалась старуха, моя хозяйка, тоже присутствовавшая при разговорѣ,—есть онъ или нѣтъ, а молиться все же нужно, и по правиламъ, какъ положено. Если его нѣтъ,

немного времени пропадетъ, а если есть, то онъ за все воздастъ сторицею.

Съ этимъ сейчасъ же согласились всѣ.

Такія вѣянія времени, прорвавшіяся въ мѣстную глушь черезъ станцію желѣзной дороги, и оригинальное, чисто практическое отношеніе этихъ простыхъ людей къ своей религіи чрезвычайно меня поразили. Глядя на народъ сверху внизъ и наслушавшись въ интеллигенціи рѣчей, что не нужно затрагивать при сношеніяхъ съ крестьянами религіозныхъ вопросовъ изъ опасенія сразу возбудить ихъ противъ себя, я считалъ русскихъ крестьянъ, въ особенности раскольниковъ, очень нетерпимыми въ отношеніи вѣры, а потому спросилъ, помолчавъ немного:

— А что же телеграфистъ, который говоритъ, что Бога нѣтъ, какой онъ человѣкъ?

— Хорошій человѣкъ!—отвѣчали мнѣ нѣсколько голосовъ:—такой простой да ласковый со всѣми!

Заходила рѣчь и о помѣщикахъ, и о начальствѣ. И здѣсь, въ качествѣ человѣка изъ простого сословія, я многое узналъ, чего не могъ бы узнать въ другомъ положеніи. Всѣ старые люди жаловались на новыя времена и говорили, что при помѣщикахъ было лучше. Молодежь же, едва помнившая крѣпостное право, поголовно относилась къ помѣщикамъ изъ дворянъ (конечно, исключая отдѣльныхъ знакомыхъ имъ лицъ) на половину враждебно, на половину пренебрежительно. Особенно подмѣтилъ я эту черту пренебреженія уже впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось, получивъ порядочный навыкъ въ народной рѣчи и народныхъ правилахъ приличія, путешествовать по Курской и Воронежской губерніямъ, а затѣмъ по Московской, Ярославской и Костромской. Нигдѣ уже не думали, что манифестъ 19 февр. 1861 года былъ подмѣненъ помѣщиками. Ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ мнѣ, не приходилось слышать. Всѣ смотрѣли на него, какъ на пинокъ, данный царемъ дворянству по причинѣ какихъ-то таинственныхъ взаимныхъ несогласій (*«чѣмъ-то надоѣли ему»*), но всѣ были недовольны, что царь не отобралъ земель цѣликомъ и даромъ, а назначилъ выкупъ, и нѣкоторые были даже прямо враждебно настроены...

— Что бы они могли съ нимъ подѣлать?—приходилось мнѣ слышать не разъ.—Баринъ-татаринъ ходитъ павлиномъ, а пни его хорошенько ногой, глядишь—и присмирѣетъ.

Этотъ періодъ пренебрежительнаго отношенія обусловливался, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что въ глазахъ народа дворяне, какъ классъ, потеряли всякій престижъ именно потому, что не сумѣли отстоять своего первоначальнаго положенія. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но мнѣ всегда бросался въ глаза контрастъ въ отношеніяхъ болѣе молодыхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ одной стороны, и къ мѣстной администраціи—съ другой. Къ первымъ, какъ

я уже сказалъ, отношеніе было враждебно-пренебрежительное, а ко вторымъ—враждебно-боязливое.

— Что подѣлаешь,—говорили мнѣ потомъ у дверей этой самой кузницы, на мои слова, что народу надо взять управленіе страною въ свои руки, какъ въ иноземныхъ государствахъ.—Что подѣлаешь? У нихъ сила, а у насъ всѣ врозь. Никто другого не поддержитъ, всѣ разбѣгутся.

И мнѣ невольно припомнился тотъ самый мужичекъ, который пустился бѣжать во всю прыть, когда я позвалъ его на помощь къ Шанделье, послѣ того, какъ его переѣхала тройка.

Я большею частью разсказывалъ имъ о порядкахъ правленія въ иностранныхъ государствахъ и какъ была добыта тамъ свобода. Это мнѣ казалось болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ, потому что приходилось изображать не какой-нибудь еще неиспытанный проектъ, а уже существующій образецъ. Книжки распространять мнѣ совершенно не пришлось, такъ какъ вся деревня оказалась поголовно безграмотной, и въ слѣдующее же воскресенье я отнесъ обратно въ Потапово весь свой тюкъ, за исключеніемъ одного экземпляра каждаго изданія.

Болѣе другихъ сблизился я съ сыномъ моего кузнеца, тоже совершенно безграмотнымъ мужикомъ, но съ философскимъ оттѣнкомъ ума. Въ свободные часы онъ постоянно забѣгалъ ко мнѣ въ «клѣть», и тамъ, валяясь на сѣнѣ, мы вели съ нимъ всевозможные философскіе разговоры. Я сталъ замѣчать, что понемногу онъ очень привязывался ко мнѣ, и что его прямо влечетъ ко мнѣ потолковать. Это очень меня радовало, и при первомъ же случаѣ я началъ читать ему различныя революціонныя изданія, такъ настоятельно рекомендованныя на обложкахъ цензурой и святѣйшимъ Сунодомъ. Но тутъ же мнѣ пришлось совершенно разочароваться. Въ словесныхъ разговорахъ мой ученикъ былъ человѣкъ, какъ человѣкъ, и спрашивалъ и отвѣчалъ осмысленно. Но какъ только доходило до чтенія, въ какой формѣ ни предлагалось бы оно—въ видѣ сказки или проповѣди, имъ сейчасъ же начинала овладѣвать непреодолимая зѣвота или страшная разсѣянность. Каждую отдѣльную фразу или двѣ, какъ я замѣчалъ, перемежая чтеніе словесными замѣчаніями, онъ понималъ совершенно отчетливо, но общая связь ихъ другъ съ другомъ совершенно была недоступна для его головы: одна идея выталкивала другую изъ узкаго горизонта его мышленія, какъ въ микроскопѣ разсматриваніе одной части водной капли неизбѣжно влечетъ за собою удаленіе съ поля зрѣнія всѣхъ остальныхъ частей, такъ что потомъ ихъ уже трудно снова разыскать и сопоставить съ другими. Сколько ни передвигай пластинку, никогда не получишь сразу всего цѣликомъ. Такую же самую черту неспособности охватывать соотношеніе между различными, связанными другъ съ другомъ идеями приходилось мнѣ встрѣчать и въ головахъ другихъ людей, нераз-

витыхъ предварительнымъ обученіемъ. Однажды, когда мнѣ пришлось читать этому простому человѣку замѣчательно трогательное мѣсто въ прокламаціи: «Чтой-то братцы», я самъ очень увлекся и былъ взволнованъ. Взглянувъ на него, чтобы узнать произведенное впечатлѣніе, я вдругъ съ радостью замѣтилъ, что на лицѣ моего слушателя выражается какая-то особенная озабоченность и какъ бы желаніе задать мнѣ вопросъ по поводу прочитаннаго.

— Что такое?—спрашиваю я, прервавъ чтеніе.

— Какіе у тебя хорошіе сапоги,—сказалъ онъ, указывая на расшитыя шнурами голенища,—чай, дорого далъ?

Этотъ неожиданный вопросъ такъ меня огорчилъ и сразу открылъ глаза на безполезность такого чтенія совершенно безграмотному человѣку, что я болѣе уже не повторялъ своихъ попытокъ и ограничивался устными разговорами. И, однако, этотъ человѣкъ, какъ оказалось потомъ, очень привязался ко мнѣ и готовъ былъ для меня на многое.

Моя пропаганда не ограничивалась одними политическими и соціальными вопросами. Едва я попалъ въ деревню, какъ насильно запрятанное мною въ наиболѣе удаленныхъ уголкахъ моей души давнишнее влеченіе изучать природу и ея вѣчные законы, вдругъ дало себя знать, и, убѣгая въ свободныя минуты въ окружающіе лѣса и болота, я тащилъ оттуда въ свою клѣть всевозможные лишайники, мхи, древесные грибы, вмѣстѣ съ образчиками камней и окаменѣлостей, которыхъ тоже удалось найти нѣсколько штукъ въ этой мѣстности. Все это очень заинтересовало моего пріятеля, и я объяснялъ ему въ популярной формѣ различныя явленія природы. Я задумалъ даже понемногу обучать его и чтенію, не смотря на его поздній возрастъ,—ему было лѣтъ двадцать шесть.

Въ одинъ памятный полдень мы всѣ работали въ своей кузницѣ надъ свариваньемъ большого куска желѣза. Яркій солнечный лучъ врывался черезъ дверь въ полумракъ нашей избушки на курьихъ ножкахъ, гдѣ не было никакихъ оконъ, и освѣщалъ подъ нашими ногами часть чернаго отъ сажи земляного пола. Сплошь закопченыя стѣны оставались совершенно мрачными и только въ глубинѣ горна пылали на грудѣ угольевъ желтые, красные и фіолетовые языки пламени. Мы работали въ своихъ пестрядевыхъ рубахахъ и грубыхъ фартукахъ въ три молота, такъ что ихъ удары, быстро слѣдующіе другъ за другомъ, отбивали на раскаленномъ кускѣ металла одну непрерывную дробь. Тысячи желѣзныхъ искръ вылетали отдѣльными струями изъ-подъ нашихъ молотовъ и брызгали въ стѣны и въ наши фартуки, и подъ каждымъ ударомъ вспыхивали, какъ бы зарницы пламени. Я былъ въ полномъ увлеченіи и ни на что другое не обращалъ вниманія.

— Ахъ, какъ хорошо! Да это чудо, что такое!—вдругъ раздался въ дверяхъ голосъ Алексѣевой.

Пораженный такой неожиданностью, такъ какъ она, по моимъ

соображеніямъ, должна была находиться въ Москвѣ, я обернулся, не докончивъ работы, и, дѣйствительно увидѣлъ ее, бьющую въ ладоши, въ дверяхъ кузницы, въ сопровожденіи А. И. и Саблина.

— Здравствуйте, Липа! Какъ вы сюда попали!—воскликнулъ я, бросаясь къ ней навстрѣчу.

— Не утерпѣла, — объявила она мнѣ, — вотъ и пріѣхала къ вамъ.

Мы всѣ радостно поздоровались и хотѣли тотчасъ же пригласить гостей къ себѣ въ избу, но Алексѣева, которую особенно привели въ восторгъ сыпавшіеся изъ-подъ трехъ молотовъ потоки искръ, ни за что не хотѣла идти, пока мы не сварили при ней еще новаго куска желѣза. Сдѣлавъ ей это удовольствіе, всѣ отправились сначала къ кузнецу, а затѣмъ и въ мою «клѣть», необычайное устройство которой, безъ всякихъ оконъ, тоже вызвало всеобщее одобреніе.

— Вотъ бы гдѣ жить,—восторгалась Алексѣева,—совсѣмъ какъ хижина дяди Тома!

Я угостилъ ихъ приготовленной для меня молочной яичницей въ латкѣ, съ чернымъ хлѣбомъ, и затѣмъ вся компанія обратно уѣхала изъ деревни, строго наказавъ мнѣ каждое воскресенье и праздникъ непремѣнно приходить къ нимъ.

Но, какъ говорится въ библіи, «время уже исполнилось» для нашей революціонной дѣятельности въ этой мѣстности. Не успѣлъ я и двухъ разъ побывать у нихъ, какъ А. И. получилъ предупрежденіе изъ Петербурга, что ему грозитъ арестъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, братъ кухарки А. И., бывшій раскольничій попъ, Тимофей Ивановъ, раздосадованный тѣмъ, что его сынъ попалъ въ потаповскую артель столяровъ-пропагандистовъ, чѣмъ причинилъ большой ущербъ его собственной мастерской,—рѣшилъ сдѣлать доносъ.

— «И барину отомщу,—говорилъ онъ, — и сына спасу, — да еще, какъ Комиссаровъ, награду получу отъ царя». Онъ вообразилъ, что при политическихъ доносахъ доносчикъ получаетъ отъ царя все имѣніе преданнаго имъ человѣка. Опасаясь, что, если онъ донесетъ кому-либо изъ подначальныхъ лицъ, у него перехватятъ награду, и онъ останется ни съ чѣмъ, онъ, будто бы, прямо отправился въ Зимній дворецъ и изъявилъ желаніе видѣть царя по очень важному дѣлу. На вопросъ объ этомъ дѣлѣ онъ отказался отвѣчать кому бы то ни было, кромѣ царя. Его, конечно, отправили въ Третье Отдѣленіе и посадили въ одиночное заключеніе, пока не скажетъ всего. Ивановъ нѣсколько дней упирался, требуя царя, но потомъ, отчаявшись въ своемъ дѣлѣ, разсказалъ все.

Иванчинъ-Писаревъ, Саблинъ, Ельцинскій и умершій потомъ медикъ Львовъ, работавшій въ этой мѣстности, сейчасъ же уѣхали въ столицу. Въ домѣ остались только жена А. И., какъ не уча-

ствовавшая въ революціонныхъ предпріятіяхъ мужа, и Алексѣева, въ качествѣ ея гостьи. Я тоже объявилъ, что не уѣду, потому что прежде всего нагрянутъ въ Потапово, и я въ своей отдаленной деревнѣ буду предупрежденъ ранѣе, чѣмъ до меня успѣютъ добраться. Остался также и докторъ Добровольскій въ своемъ селѣ, предполагая, что доносъ, безъ сомнѣнія, относится только къ Иванчину-Писареву, а не къ нему.

Такъ прошло дня три. На четвертый, когда мы, кузнецы, всѣ работали вмѣстѣ, къ намъ въ кузницу вдругъ явился съ ружьемъ въ рукахъ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ, довѣренныхъ А. И., на котораго у насъ полагались почти такъ же, какъ на Ивана Ильича. Сдѣлавъ видъ, что совершенно меня не знаетъ, онъ обратился къ старику-хозяину съ просьбой починить курокъ его ружья и, пока тотъ, повернувшись къ свѣту, разсматривалъ порчу, потихоньку сунулъ мнѣ въ руку, кивнувъ таинственно головой, маленькую бумажку. Я вышелъ за уголъ кузницы и прочелъ буквально слѣдующую записку Алексѣевой:

«Бѣгите, бѣгите скорѣе! Все погибло, все пропало! Добровольскій и Потоцкая арестованы. Жена А. И. и я сидимъ подъ домашнимъ арестомъ. Кругомъ дома полиція и засады на случай возвращенія кого либо изъ васъ. Бѣгите скорѣе, сейчасъ пріѣдутъ къ вамъ. Ваша Лина».

Все это было написано спѣшно карандашемъ на клочкѣ бумаги.

Когда я теперь вспоминаю свои ощущенія при полученіи этой записки, то могу сказать лишь одно: извѣстіе это рѣшительно не вызвало у меня ни малѣйшаго страха за себя, а только безпокойство за другихъ. Я возвратился къ кузнецу и принялся за прерванную работу. Предупредившій меня уже ушелъ. Отбивая молотомъ ударъ за ударомъ по желѣзу, я обдумывалъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ теперь быть? Бѣжать, не попытавшись выручить Иванчину-Писареву и Алексѣеву, казалось мнѣ совершенно немыслимымъ. Надо что-нибудь придумать для ихъ спасенія. Прежде всего я сообразилъ, что словамъ Алексѣевой «сейчасъ пріѣдутъ къ вамъ» нельзя придавать буквальнаго значенія. Она, очевидно, была слишкомъ взволнована, когда писала.

— Едва ли пріѣдутъ раньше ночи, — думалъ я, — но все же надо поглядывать по временамъ на дорогу на всякій случай, прислушиваться и не зѣвать.

Затѣмъ я вспомнилъ о томъ, какъ, начитавшись когда-то мальчикомъ Майнъ-Рида, я изображалъ индѣйцевъ и искусно пробирался въ травѣ ползкомъ, куда угодно, пугая взрослыхъ неожиданностью своего появленія.

— Нужно, — думалъ я, — пробраться въ Потапово по способу краснокожихъ, а тамъ увидимъ, что дѣлать.

Но для этого было необходимо дождаться вечера. И, вотъ, я работалъ и работалъ безъ перерыва, обдумывая детали.

———— ————

Когда, наконецъ, наступило время отдыха, я вызвалъ въ свою клѣть сына-кузнеца и сразу во всемъ ему признался. Я сказалъ ему, что въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ среди молодыхъ людей, занимающихся науками и пишущихъ книги, появилось много такихъ, которымъ счастье простого народа стало дороже своего, и они, бросивъ все, что дорого каждому обычному человѣку—богатство, личное счастье и родныхъ, пошли въ деревни, въ крестьяне и рабочіе, чтобы жить ихъ жизнью и раздѣлять ихъ трудъ и помочь народу устроить свою жизнь такъ, какъ это сдѣлано давно во всѣхъ иностранныхъ государствахъ, гдѣ народъ самъ управляетъ своей судьбой черезъ выборныхъ людей. Я сказалъ ему, что такіе люди ходятъ теперь по всей Россіи, что А. И. Добровольскій и всѣ, кто жили въ Потаповѣ, и я самъ принадлежимъ къ ихъ числу. Но правительство, не желая такого ограниченія своей власти, преслѣдуетъ насъ и ссылаетъ въ Сибирь и на каторгу, какъ бунтовщиковъ.

— Въ Потапово полиція сегодня уже нагрянула въ усадьбу, но А. И. успѣлъ скрыться,—закончилъ я,—доктора схватили и пошлютъ въ Сибирь, а за мной пріѣдутъ сегодня ночью или завтра.

Все это его сильно огорчило и обезпокоило.

— Какъ же теперь тебѣ быть?—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Ночью уйду отсюда тайкомъ, а ты предупреди затѣмъ всѣхъ въ деревнѣ, чтобъ ничего не разсказывали начальству о моихъ разговорахъ съ вами. Учился, молъ, работать, а больше ничего.

— Не бѣги въ города,—сказалъ онъ мнѣ со слезами на глазахъ,—поймаютъ и погубятъ... Вотъ что лучше сдѣлай. По деревнямъ здѣсь живетъ много бѣгуновъ (религіозная секта, не признающая властей и потому скрывающаяся въ глухихъ мѣстахъ Россіи), я знаю многихъ, и для меня они сдѣлаютъ все. У нихъ есть тайныя отдѣльныя комнаты при избахъ и подвалы. Никакое начальство тебя въ нихъ не разыщетъ.

Идея попасть въ этотъ новый для меня, таинственный міръ показалась мнѣ очень заманчивой. Но, вспомнивъ, что прежде всего мнѣ нужно спасать двухъ бѣдныхъ плѣнницъ въ Потаповѣ, я ему сказалъ:

— Поговори съ ними на всякій случай, чтобъ все было готово, если я приду къ тебѣ, но прежде всего мнѣ нужно повидаться со своими: можетъ, приду, а можетъ—и нѣтъ...

Наступалъ уже вечеръ. Я уложилъ свои небогатые пожитки въ дорожный мѣшокъ и взвалилъ его на плечи. Мы обнялись, поцѣловались три раза со слезами на глазахъ, и вотъ я скрылся за задворками деревни въ спускающемся сумракѣ. Никто не видѣлъ моего ухода, кромѣ этого товарища по работѣ, который стоялъ на околицѣ деревни и провожалъ меня взглядомъ до тѣхъ поръ, пока я не скрылся. Я приспособилъ свой путь такимъ образомъ,

чтобы подойти къ Потапову около одиннадцати часовъ, когда будетъ совершенная ночь. Планъ мой состоялъ въ слѣдующемъ. Усадьба стояла со стороны дороги на открытомъ лугу. Но домъ прилегалъ однимъ бокомъ къ крутому обрыву, подъ которымъ лежало русло небольшой рѣчки или, скорѣе, ручья. За домомъ былъ садъ съ нѣсколькими клумбами цвѣтовъ и грядами клубники и рѣдкими яблоновыми деревьями. Обнесенъ онъ былъ густымъ частоколомъ изъ острыхъ кольевъ, и одна сторона этой ограды шла какъ разъ на границѣ обрыва, такъ что за частоколъ трудно было пробраться, не рискуя свалиться въ ручей съ значительной высоты. По другую сторону ручья шелъ густой еловый лѣсъ. Стража, приставленная къ дому, думалъ я, едва ли будетъ наблюдать за этимъ мѣстомъ, а между тѣмъ, во время моей жизни въ усадьбѣ я открылъ здѣсь въ частоколѣ маленькую лазейку и, какъ любитель всякаго карабканья (да и на всякій случай), спускался черезъ нее не разъ по обрыву въ русло ручья, гдѣ находилась узкая полоса песчанаго берега. Съ нея я перепрыгивалъ легко и на другой берегъ. Вскарабкавшись по этому мѣсту, соображалъ я, мнѣ будетъ возможно пробраться и въ садъ, а изъ него черезъ террассу со стеклянной дверью и черезъ одно изъ оконъ проникнуть какъ-нибудь и въ домъ. Все дальнѣйшее я предоставлялъ обстоятельствамъ. Одно только сильно безпокоило меня,—при домѣ была собака. Изъ всѣхъ моихъ враговъ она представлялась мнѣ самымъ опаснымъ въ данномъ случаѣ: подниметъ лай и выдастъ. Однако, дѣлать было нечего, — приходилось отдаться на волю случая.

Когда я подошелъ, избѣгая по возможности дороги и обойдя встрѣчающіяся двѣ-три деревни, къ еловому лѣсу, прилегающему къ усадьбѣ, наступила давно полная ночь, и было трудно что-нибудь разобрать на разстояніи двухсотъ или трехсотъ шаговъ. Передъ входомъ въ лѣсъ пришлось идти по значительному открытому лугу. Эта часть представлялась мнѣ наиболѣе неудобной, и потому я прямо пошелъ не по травѣ, а по прилегающей тутъ проселочной дорогѣ, разсчитывая на случай неожиданной встрѣчи съ полиціей прикинуться деревенскимъ парнемъ, идущимъ въ одну изъ сосѣднихъ деревень.

И, дѣйствительно, вдали показалась во мракѣ человѣческая тѣнь, двигавшаяся прямо мнѣ навстрѣчу. Чувствуя рѣшительный моментъ, я уже старался придать своему голосу особенно непринужденный и веселый тонъ, какъ фигура, оказавшаяся, къ моему великому облегченію, въ женскомъ платьѣ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы куда?

— Въ Вятское,—отвѣчалъ я.

— Господи! Николай Александровичъ! —вдругъ тихо воскликнула женщина съ испугомъ:—Да развѣ вы не получили записки?

Только тутъ я понялъ, что передо мной находилась горничная Аннушка, посвященная во все, и у меня вдругъ стало такъ легко на душѣ, что и сказать нельзя.

— Конечно, получилъ, потому и иду,—воскликнулъ я полушепотомъ, пожимая дѣвушкѣ руку.

И я разсказалъ ей весь свой планъ проникнуть въ домъ, прося ее только убрать собаку и сказать барынѣ, чтобы держала незапертой балконную дверь. Оказалось, что Аннушкѣ, какъ горничной, можно было свободно входить и выходить изъ дому по хозяйству. Полицейскіе и земскіе стражники не входили внутрь дома и въ садъ, а стерегли снаружи у входной двери и время отъ времени ходили осматривать ближайшія окрестности.

Аннушка была очень веселая и смѣтливая дѣвушка, и, когда ея первоначальное волненіе нѣсколько улеглось, она очень хорошо усвоила мой планъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ лѣсу, пробрался къ одному изъ болѣе далекихъ мѣстъ ручья, спряталъ тамъ свой мѣшокъ такъ, чтобы потомъ его легко было найти въ темнотѣ, пробрался въ непосредственную близость дома по другую сторону ручья и услышалъ оттуда, какъ Аннушка кликала съ крыльца:

— Шарикъ! Шарикъ!

Затѣмъ дверь дома хлопнула, и все смолкло. Не прошло и двухъ минутъ, какъ я уже вскарабкался на обрывъ, прошелъ въ садъ и лежалъ въ немъ плотно на землѣ, между двумя грядками, наблюдая окрестности. Все было тихо, только въ домѣ было очевидное движеніе. Два освѣщенные окна быстро стали закрываться шторами. Огни въ сосѣдней комнатѣ погасли, и затѣмъ балконная дверь пріотворилась. Я въ это время проползъ уже подъ самую террасу и, видя, что вблизи и за ближайшей оградой прозрачнаго частокола нѣтъ никакой подозрительной фигуры, однимъ прыжкомъ былъ уже въ комнатѣ, послѣ чего беззвучно притворилъ за собою дверь.

— Сумасшедшій! Что вы дѣлаете! — поспѣшнымъ шепотомъ сказала мнѣ Алексѣева, и въ ея голосѣ были и страхъ, и радость.

— Пришелъ спасать васъ обѣихъ! — не задумываясь, отвѣтилъ я,—и вотъ увидите, я все это сдѣлаю.

Въ это время она уже притащила меня за руку въ ту комнату, окна которой только что были плотно закрыты занавѣсками. Тамъ сидѣла хозяйка дома. На обѣихъ было больно смотрѣть: такія были у нихъ печальныя и разстроенныя лица. Я предложилъ имъ сейчасъ же одѣваться въ какія нибудь простенькія платья, чтобы я могъ спустить ихъ въ оврагъ и затѣмъ провести лѣсами въ губернскій городъ, находящійся верстахъ въ сорока оттуда, или на ближайшую станцію желѣзной дороги раньше, чѣмъ ихъ успѣютъ хватиться. Хозяйка печально потрясла отрицательно головой.

— Мнѣ нельзя бѣжать,—сказала она.—У меня грудной ребе-

нокъ. Кромѣ того, относительно меня не можетъ быть никакихъ обвиненій. Я занималась исключительно школой, и отецъ мой (онъ былъ очень богатый помѣщикъ сосѣдней губерніи) пользуется большимъ вліяніемъ.

Алексѣева сначала не знала, что ей дѣлать. Ей, видимо, очень хотѣлось убѣжать со мною черезъ лѣса и болота; романтическая сторона ея натуры жаждала приключеній, но у нея дома, подъ покровительствомъ старой няни, было двое крошечныхъ дѣтей, а бѣгство—было бы вѣчной разлукой съ ними.

Мы всѣ сѣли у столика и начали обсуждать положеніе дѣла. Алексѣева, торопясь, разсказала мнѣ всю исторію. Послѣдніе три дня они жили довольно спокойно, и въ тотъ самый день, утромъ, она ушла провѣдать доктора въ село Вятское. Это было большое ярмарочное село, гдѣ помѣщалось волостное правленіе и былъ врачебный пунктъ. Двѣ комнаты больничнаго помѣщенія занималъ докторъ Добровольскій, а рядомъ съ этими комнатами жила акушерка Потоцкая. При входѣ въ домъ, Алексѣева замѣтила какое-то необычное движеніе, а когда вошла на площадку, то натолкнулась на часового съ ружьемъ, стоявшаго передъ ближайшей изъ двухъ дверей доктора. Онъ преградилъ ей дорогу и сказалъ:

— Нельзя!

Тогда она повернула къ Потоцкой и застала ее сидящею въ слезахъ. Потоцкая въ волненіи разсказала ей, что Добровольскій въ эту ночь былъ вызванъ далеко къ больному. Въ его отсутствіе пришли становой, исправникъ и полицейскіе съ солдатами и, не найдя доктора, запечатали обѣ его двери и, приставивъ къ нимъ часового, одни ушли обратно къ становому, а другіе остались внизу.

— Хуже всего то, — добавила она, — что въ комнатѣ доктора находится нѣсколько десятковъ запрещенныхъ книжекъ. Онъ думалъ, что раньше поѣдутъ въ Потапово.

Потоцкая была совершенно въ безпомощномъ состояніи, но Алексѣева сейчасъ же начала дѣйствовать. Увидѣвъ, что комната акушерки отдѣлялась отъ комнаты доктора лишь промежуточной стѣной, въ которой находилась запертая дверь, заставленная большимъ шкафомъ, она сейчасъ же принялась отодвигать его и, стараясь всѣми силами, дѣйствительно успѣла въ этомъ. Ключъ отъ комнаты Потоцкой какъ разъ пришелся и къ этой двери и, отперевъ ее, Алексѣева проникла въ комнаты доктора, такъ сказать, за спиной у ничего не подозрѣвавшаго часового; забрала всѣ запрещенныя книжки, завернула ихъ въ шаль и, замкнувъ обратно дверь и заслонивъ ее по прежнему шкафомъ, вышла со своей ношей вонъ и отправилась изъ села черезъ поле по направленію къ Потапову. Не успѣла она отойти и полверсты, какъ по дорогѣ за нею выѣхали одна за другою двѣ тройки. Въ передней сидѣлъ становой и двое какихъ-то незнакомцевъ въ офицерскихъ пальто,

а въ задней—нѣсколько полицейскихъ и солдатъ. Что тутъ дѣлать? Поле было ровное и гладкое, скрыться некуда. Оставалось лишь продолжать дорогу.

Когда экипажи поравнялись съ нею, становой, который видѣлъ ее въ Потаповѣ съ недѣлю тому назадъ, остановилъ тройки и окликнулъ ее по имени:

— Куда это вы идете?

— Домой, въ усадьбу,—отвѣчала она.

— Такъ садитесь къ намъ: мы васъ подвеземъ,—услужливо предлагаетъ ей становой...

Алексѣева уже сочла себя арестованной и не считала возможнымъ сопротивляться. Но, замѣтивъ любезный тонъ станов!о, все-таки попробовала уклониться:

— Мой узелъ можетъ васъ стѣснить,—замѣтила она,—его некуда будетъ положить.

— Пустяки,—сказалъ исправникъ,—мы его положимъ на дно экипажа!—И, услужливо принявъ шаль у нея изъ рукъ, положилъ въ глубину экипажа и предложилъ ей руку, чтобъ подсадить.

Не оставалось ничего, какъ согласиться. Немедленно она была представлена становымъ исправнику и жандармскому офицеру, какъ гостья Иванчиной-Писаревой, недавно пріѣхавшая къ ней, а затѣмъ начались обычныя объясненія:

— Мы ѣдемъ по очень печальному порученію. Что дѣлать—служба. Приказано изъ Петербурга сдѣлать въ Потаповѣ обыскъ. Какой-то доносъ,—мы ничего не знаемъ.

— Относительно васъ лично, — замѣтилъ одинъ изъ спутниковъ,—у насъ нѣтъ никакихъ распоряженій, и надѣемся, что и не будетъ. Но все же намъ придется попросить васъ не выѣзжать изъ усадьбы до дальнѣйшихъ распоряженій.

Такъ разговаривая, проѣхали они четыре версты до усадьбы и остановились передъ крыльцемъ. Алексѣева выскочила первая и, взявъ немедленно свой узелокъ, вбѣжала внутрь дома. Начальство тѣмъ временемъ оцѣпило его снаружи. Положеніе Алексѣевой было ужасно: жилище А. И. было тщательно освобождено имъ отъ всякихъ запрещенныхъ вещей, и вотъ онѣ внесены въ него ею!

Хозяйка была въ такомъ обезкураженномъ состояніи, что ничѣмъ не могла помочь. Но Алексѣева, обѣжавъ кругомъ всѣ комнаты и не найдя мѣста, гдѣ спрятать, увидѣла, наконецъ, посреди кухни корзину съ мокрымъ, только что выстираннымъ бѣльемъ. Она засунула на дно корзины содержаніе своей шали и затѣмъ прикрыла все снова мокрымъ бѣльемъ.

Полиція перевернула вверхъ дномъ весь домъ. Все было разобрано и пересмотрѣно, а корзина такъ и осталась посреди кухни. Составили протоколъ, что не было найдено ничего подозрительнаго, и уѣхали, посадивъ обѣихъ дамъ подъ домашній арестъ.

— Такъ вы рѣшительно не хотите бѣжать со мною?—спросилъ я послѣ того, какъ выразилъ все свое восхищеніе ея находчивостью.

— Нѣтъ, въ виду того, что меня считаютъ простой гостьей, я думаю лучше выждать, когда сами выпустятъ.

Я не могъ не согласиться съ этимъ.

— Но какъ же вы сами теперь пойдете черезъ лѣса ночью?— спросила Алексѣева.

Я, смѣясь, вынулъ изъ кармана свои часы и показалъ дамамъ маленькій компасикъ, вдѣланный въ циферблатъ рядомъ съ секундной стрѣлкой. Я разсказалъ имъ, что съ этимъ компасомъ исходилъ всѣ окрестности Москвы и почти весь нашъ уѣздъ по совершенно незнакомымъ мѣстамъ, ничего не имѣя, кромѣ географической карты, и никогда еще не приходилъ, куда не слѣдуетъ.

— А теперь дѣло еще проще,—прибавилъ я.—Мнѣ нужно только постоянно держаться на западъ, и, не смотря ни на какіе обходы, я пересѣку гдѣ-нибудь полотно желѣзной дороги, и оно приведетъ меня прямо въ губернскій городъ.

Всѣ эти разсказы и удачи мало по малу такъ развеселили насъ, что будущее стало представляться намъ совсѣмъ не въ такомъ печальномъ видѣ. Вѣдь нигдѣ ничего не нашли. на окрестныхъ крестьянъ, казалось, можно было положиться. Авось все уляжется, а затѣмъ, можетъ быть, возможно будетъ возвратиться и самому А. И. Относительно моего успѣшнаго ухода изъ дому не оставалось почти и сомнѣнія. Если я могъ войти въ него, такъ почему же не сумѣю выйти? Даже хозяйка дома пріободрилась. Мы стали смѣяться надъ засадами и сторожами снаружи, которые и не подозрѣваютъ, что, вмѣсто двухъ заключенныхъ, теперь у нихъ трое, а черезъ часъ или полтора снова останутся только двое.

Я объявилъ, что ни за что не уйду отъ нихъ, пока не начнетъ свѣтать.

Намъ приготовили яичницу и самоваръ, и послѣ маленькой прощальной пирушки мнѣ начали упаковывать на дорогу пирожки и другіе припасы. Когда небо на востокѣ начало слегка блѣднѣть, все было готово. Всѣ, не исключая и горничной Аннушки, нѣжно обнялись и поцѣловались со мной; затѣмъ мы осмотрѣли въ щелки занавѣсокъ мѣсто пребыванія сторожей. Въ ближайшій удобный моментъ дверь на террасу беззвучно пріотворилась, я выскользнулъ, какъ ужъ, по способу американскихъ индѣйцевъ, и мгновенно исчезъ въ межѣ, среди грядокъ. Затѣмъ, дверь тихо затворилась за мною, и все снова пришло въ первоначальный видъ. Работая локтями и колѣнками, я доползъ до своей лазейки, тихо соскользнулъ по обрыву на берегъ ручейка, перескочилъ черезъ него и, добравшись до своего мѣшка, взвалилъ его на плечи и пошелъ далѣе по лѣсу, неуведя съ собой, какъ мнѣ мечталось, плѣнницъ, но за то съ облегченнымъ сердцемъ относительно ихъ возможной участи и съ созна-

ніемъ, что я не остановился бы ни передъ чѣмъ для того, чтобы ихъ спасти. Идти пришлось опять по направленію къ моей деревнѣ, такъ какъ она лежала ближе къ желѣзной дорогѣ, хотя ея окрестности и были очень глухи сравнительно съ мѣстностью, гдѣ было Потапово.

Я пробирался по лѣсамъ и болотамъ, постоянно оглядываясь по сторонамъ и чутко прислушиваясь ко всякому шуму, во избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ. Вдругъ сзади послышался стукъ ѣдущихъ экипажей. Въ это время я шелъ не по самой дорогѣ, а параллельно ей по лѣсу и, спрятавшись за кустами, могъ видѣть, какъ по направленію къ моей деревнѣ, Коптеву, ѣхали рысцей, одна за другой, двѣ тройки безъ колокольцевъ, совершенно такъ, какъ ихъ описывала Алексѣева, но лицъ сидящихъ я не могъ разобрать за отдаленіемъ, хотя и было совсѣмъ свѣтло. Я сообразилъ, что это ѣдутъ за мной и потому, обогнувъ подальше Коптево, пошелъ самыми глухими мѣстами. Ближайшій поѣздъ приходилъ лишь на слѣдующее утро, и я рѣшилъ провести весь день, лежа гдѣ-нибудь въ особенно густой чащѣ, тѣмъ болѣе, что я не спалъ всю ночь. Попавъ, наконецъ, въ какую-то топь, которая мнѣ чрезвычайно понравилась, я выбралъ въ ней сухое мѣстечко и растянулся спиной на мягкомъ мхѣ. Положивъ голову на мѣшокъ, я предался мечтамъ о своихъ дальнѣйшихъ приключеніяхъ въ томъ же романтическомъ родѣ, отбиваясь отъ роевъ комаровъ и мошекъ, не дававшихъ мнѣ ни на минуту заснуть.

Но никакихъ приключеній, къ сожалѣнію, не оказалось впереди. На слѣдующую ночь, руководясь своимъ компасомъ, разсматривать который часто приходилось при помощи зажженной спички, я вышелъ, наконецъ, какъ и ожидалъ, прямо на полотно желѣзной дороги и направился къ югу. Я еще не зналъ, удобно ли мнѣ будетъ сѣсть въ вагонъ на ближайшей станціи, или придется пѣшкомъ добраться до Ярославля, но, подходя къ какому-то полустанку и замѣтивъ, что на немъ все тихо и спокойно, я легъ вдали, на лѣсной опушкѣ, и когда показался поѣздъ, быстро вошелъ на станцію, взялъ билетъ и черезъ минуту былъ уже въ вагонѣ третьяго класса, посреди такихъ же сѣрыхъ, какъ я, мужиковъ и мастеровыхъ.

Дальнѣйшій путь совершился безъ всякихъ приключеній, и черезъ сутки, разыскавъ въ Москвѣ Саблина, Ельцинскаго и др., я уже разсказывалъ имъ о происшедшей катастрофѣ. О поведеніи Алексѣевой въ этомъ дѣлѣ я наговорилъ всѣмъ тысячу восторговъ. Черезъ три дня неожиданно явилась и она сама, отпущенная на всѣ четыре стороны, какъ случайная гостья въ Потаповѣ, и наговорила всѣмъ тысячу восторговъ о моемъ поведеніи... Мы до того хвалили окружающимъ другъ друга въ эти дни и въ глаза, и еще болѣе за глаза, что нѣкоторые, съ Кравчинскимъ во главѣ, зачислили насъ, наконецъ, въ «нѣжную парочку» (Алексѣева была

лишь на три-четыре года старше меня) и, при распредѣленіи различныхъ предпріятій, старались насъ не разлучать.

На дѣлѣ, какъ можетъ видѣть всякій, читающій эти воспоминанія, я влюбился въ нее съ перваго же дня знакомства, забывъ молоденькую гувернантку своихъ младшихъ сестеръ, которой я былъ вѣренъ около двухъ лѣтъ. Но такова, мнѣ кажется судьба всякой чисто платонической любви, или, по крайней мѣрѣ, такой, которая не кончилась форменнымъ обрученіемъ или признаніемъ взаимности съ обѣихъ сторонъ. Такая любовь бываетъ иногда очень сильна, глубока и полна самоотверженія, но, долго не раздѣленная или затаенная въ душѣ, она легко перескакиваетъ у здоровыхъ людей на другой предметъ, какъ пламя костра, не нашедшаго себѣ достаточной пищи на прежнемъ мѣстѣ. О прежнемъ предметѣ остаются лишь нѣжныя и дружескія воспоминанія... Съ Алексѣевой у меня тоже никогда не было форменнаго объясненія въ любви. Я считалъ себя человѣкомъ, обреченнымъ на гибель, не имѣющимъ права на личное счастье и, при томъ же, во всѣхъ отношеніяхъ недостойнымъ ея. Наши отношенія носили все время лишь характеръ крайне нѣжной дружбы.

Въ первые же дни по пріѣздѣ я поспѣшилъ разыскать и своихъ товарищей по естественно-научнымъ занятіямъ. Но почти всѣ они разъѣхались въ свои имѣнія или по дачамъ. Къ одному изъ первыхъ я отправился къ Шанделье и отъ него узналъ, что засѣданія нашего общества происходили лишь два раза послѣ моего отъѣзда, а затѣмъ рефераты прекратились какъ-то сами собой, и вечеринки у Печковскаго превратились въ простыя вечернія собранія для того, чтобы потолковать о различныхъ предметахъ и, главнымъ образомъ, объ общественныхъ вопросахъ. Журналъ нашъ болѣе не выходилъ.

Такъ кончило свои дни «Общество естествоиспытателей», разбитое бурей жизни.

Черезъ нѣсколько дней, найдя, наконецъ, Печковскаго, я узналъ отъ него, что и всѣ остальныя мои связи со старымъ міромъ оказались ликвидированными.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда въ Потапово, произошло въ Москвѣ нѣсколько арестовъ, и мое имя было произнесено кѣмъ-то, какъ имя человѣка, уже давно занимающагося пропагандой среди учащейся молодежи. На то, что пропаганда эта на девять десятыхъ состояла изъ привлеченія всѣхъ окружающихъ къ занятіямъ естественными науками, въ которыхъ я тогда видѣлъ все спасеніе человѣчества, не было обращено никакого вниманія. Властямъ не было до этого никакого дѣла. Всѣ онѣ поголовно хлопотали лишь о томъ, чтобы упрочить свою собственную карьеру, выставить себя на показъ высшему начальству и для этого старались хватать, какъ можно больше и больше, людей, пользуясь всякимъ предлогомъ. При томъ же занятія естественными науками вмѣстѣ съ ношеніемъ

очковъ и длинныхъ волосъ считались главнѣйшимъ признакомъ неблагонамѣренности.

Въ одинъ прекрасный день, какъ мнѣ разсказалъ Печковскій, въ гимназію, гдѣ я учился, явились жандармы и забрали мои документы. Въ угоду жандармамъ я былъ тотчасъ исключенъ, по приказу попечителя учебнаго округа, безъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія Россіи. Нашъ законоучитель произнесъ противъ меня громовыя рѣчи въ двухъ старшихъ классахъ, а затѣмъ и въ церкви. Онѣ взволновали съ верху до низу всю нашу огромную 2-ю гимназію, гдѣ было болѣе шестисотъ воспитанниковъ, и, какъ мнѣ говорили потомъ всѣ товарищи, вызвали ко мнѣ всеобщее сочувствіе.

Мой отецъ, обезпокоенный тѣмъ, что я не ѣду на каникулы, прислалъ мнѣ по адресу Печковскаго двѣ телеграммы, но, не получая никакого отвѣта, пріѣхалъ самъ. Печковскій сказалъ ему, что я уѣхалъ куда-то на урокъ, не оставивъ адреса, но отецъ этому не повѣрилъ и, явившись къ директору гимназіи, узналъ отъ него все.

Руководясь своимъ представленіемъ о «вожакахъ нигилистовъ», какъ о людяхъ, завлекающихъ неопытную молодежь въ рискованныя предпріятія подъ прикрытіемъ возвышенныхъ цѣлей и затѣмъ, когда они достаточно скомпрометированы, показывающихъ имъ вдругъ свои когти и начинающихъ эксплуатировать ихъ или распоряжаться ими, какъ пѣшками, подъ угрозой доноса, онъ сейчасъ же подумалъ, что этой участи подвергся и я, но что, какъ человѣкъ неглупый, я уже успѣлъ увидѣть, въ чемъ тутъ дѣло, хотя отступать и было поздно.

Надѣясь на свои связи, онъ сейчасъ же поѣхалъ хлопотать къ разнымъ вліятельнымъ знакомымъ и, получивъ нѣсколько рекомендацій, отправилъ ихъ съ посыльнымъ къ Слезкину, тогдашнему представителю III-го Отдѣленія въ Москвѣ, приложивъ къ посылкѣ свою предводительскую визитную карточку и записку, что онъ пріѣдетъ поговорить по моему дѣлу на слѣдующій день.

Слезкинъ, какъ я узналъ потомъ, встрѣтилъ его чрезвычайно любезно, заявилъ, что, въ виду такихъ протекцій, на мое дѣло постараются посмотрѣть сквозь пальцы, хотя оно и серьезнѣе, чѣмъ можно было бы подумать, судя по моему возрасту; но что прежде всего меня надо разыскать, и просилъ отца содѣйствовать ему въ этомъ для моей же пользы. Отецъ ему повѣрилъ и обѣщалъ, совершенно и не подозрѣвая, какое отчуждающее вліяніе будетъ имѣть это обѣщаніе, когда мнѣ придется потомъ узнать о немъ отъ допрашивающихъ меня жандармовъ.

Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь теперь, я ничего еще не подозрѣвалъ объ этихъ хлопотахъ и переговорахъ. Я зналъ только одно, что отцу теперь все извѣстно, и слѣдовательно, и вся моя семья знаетъ уже причину моего исчезновенія и понимаетъ,

почему я имъ не могу ничего писать. Все это вызвало во мнѣ сначала приливъ какихъ-то смѣшанныхъ ощущеній, въ которыхъ трудно было разобраться.

Не смотря на раздачу своего имущества и полную готовность идти съ новыми друзьями на смерть, я всетаки чувствовалъ до сихъ поръ, что предо мной еще не закрыты дороги къ прошлому и къ влекущей меня по прежнему научной дѣятельности. Я понималъ въ глубинѣ души, что, если я внезапно вернусь въ родную семью, то радость всѣхъ отъ моего неожиданнаго появленія заглушитъ даже и въ отцѣ чувство оскорбленной гордости. Если онъ, какъ я былъ увѣренъ, pour sauver les apparences и пригласитъ меня прежде всего въ свой кабинетъ, чтобы выслушать мои объясненія, а затѣмъ дастъ мнѣ своимъ сдержаннымъ голосомъ невыгодную оцѣнку моего поведенія съ его собственной точки зрѣнія, то все же, навѣрное, закончитъ свою рѣчь словами:

— «Ну, поцѣлуй меня и болѣе никогда не напоминай объ этомъ!..»

Теперь все это было кончено. Дороги къ прошлому были порваны, и порваны не мною, а посторонней силой, помимо моей собственной воли. Я слишкомъ много читалъ, чтобы не знать, что нигдѣ въ мірѣ, за исключеніемъ нашей родины, не сочли бы возможнымъ губить всю жизнь человѣка и посылать его въ тюрьму и ссылку изъ-за того только, что онъ, получивъ противоправительственную книжку отъ своего пріятеля, не побѣжалъ сейчасъ же въ полицію предать своего друга на распятіе, а скрылъ книжку у себя или, еще хуже, одобривъ ея содержаніе, далъ ее на прочтеніе другому своему пріятелю. Во всей своей жизни и дѣятельности я еще не видѣлъ ничего такого, за что меня было бы можно сажать въ тюрьму.

— Если бъ я попался,—думалъ я,—съ оружіемъ въ рукахъ въ партизанской войнѣ, тогда другое дѣло: противъ оружія каждый имѣетъ право употребить оружіе или, захвативъ врага въ плѣнъ, заключить его въ тюрьму. Но ничего подобнаго я до сихъ поръ не сдѣлалъ и, даже живя въ народѣ, больше наблюдалъ и изучалъ его, чѣмъ призывалъ къ борьбѣ, а, между тѣмъ, теперь для меня уже не оказывалось болѣе никакой другой дороги, кромѣ той, на которой я стоялъ.

Конечно, въ глубинѣ души я зналъ, что и безъ этого обстоятельства я уже не могъ бы оставить своихъ новыхъ друзей, но мысль, что теперь правительство само снимало съ моей головы отвѣтственность за горе, которое я причинилъ своей семьѣ, и принимало эту вину на свою собственную голову, была для меня невыразимымъ облегченіемъ.

— «Пусть же оно теперь и отвѣчаетъ за все»—повторялъ я самъ себѣ.—Ну, какъ теперь я могъ бы возвратиться, когда меня прежде всего посадятъ въ тюрьму и, если не заморятъ въ ней, то сошлютъ Богъ знаетъ куда. Всѣ мои родные должны понимать это.

Я зналъ, что сочувствовать мнѣ они не могутъ, потому что и мать имѣла о «нигилистахъ» тѣ же понятія, какъ и отецъ и все окружающее общество. Но меня они достаточно знаютъ, чтобы не приписывать мнѣ дурныхъ побужденій, при томъ же я надѣялся, что гувернантка моихъ сестеръ, двадцатилѣтняя дѣвушка съ институтскимъ образованіемъ и до того симпатичная, что имѣла вліяніе даже на моего отца, не останется въ этомъ дѣлѣ молчаливой слушательницей. Въ институтѣ она сильно увлеклась Писаревымъ и Добролюбовымъ. И мы часто на каникулахъ дебатировали съ ней разные общественные вопросы. Мы даже завели свой шифръ для переписки, и она, зная, что я былъ въ нее влюбленъ, написала мнѣ въ эту самую зиму шифрованное письмо, гдѣ самымъ трогательнымъ образомъ умоляла меня не вступать ни въ какія тайныя общества, такъ какъ, кромѣ гибели, изъ этого ничего не выйдетъ...

— Значитъ, дѣло вовсе ужъ не такъ плохо,—думалъ я.—Даже въ нашемъ домѣ найдется человѣкъ, который способенъ показать моимъ роднымъ, что я вовсе не преступникъ, а это—самое главное!...

Всѣ эти мысли приносили мнѣ громадное облегченіе. Главная тяжесть, заключавшаяся въ томъ, что мнѣ не кого было винить въ нашемъ семейномъ горѣ, кромѣ себя, постепенно спадала съ моей души, по мѣрѣ того, какъ улегался во мнѣ сумбуръ разнообразныхъ ощущеній, вызванныхъ этими новостями. Какъ человѣкъ, только что пережившій переломъ въ тяжелой и продолжительной болѣзни, чувствуетъ къ себѣ необыкновенный приливъ жизненныхъ силъ, такъ чувствовалъ себя и я, когда мчался чрезъ нѣсколько часовъ отъ Печковскаго на Моховую, на новую квартиру Алексѣевой, гдѣ снова устроился салонъ по прежнему образцу.

— Вотъ и для меня теперь нѣтъ никакого пріюта, кромѣ «чащи лѣсовъ» и «голыхъ скалъ», какъ пѣла Алексѣева,—думалъ я, и, проходя мимо каждаго городового, мысленно говорилъ ему, какъ и въ первый разъ, когда несъ запрещенныя книги: «Что сказалъ бы ты, блюститель, если-бъ зналъ, кто я такой? Но какъ можешь ты даже и подозрѣвать объ этомъ?!»

Не знаю, какъ это случилось, но въ тотъ моментъ, когда я подходилъ къ дому Алексѣевой, какое-то новое чувство безграничной свободы, какъ будто послѣ только что выдержанныхъ выпускныхъ экзаменовъ, вдругъ овладѣло мною, и, вбѣжавъ въ ея гостинную, гдѣ засѣдала вся наша компанія, я объявилъ имъ всѣмъ съ сіяющимъ видомъ:

— Знаете? Меня также разыскиваетъ полиція!

Н. А. Морозовъ

Шлиссельбургская крѣпость.
Январь 1902 или 1903 г.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Тревога.

Лѣсъ стоналъ...

Это было поздней осенью, когда старый Уралъ дышетъ угрюмымъ мракомъ и холодомъ. Непривѣтливъ онъ въ это время! Вершины горъ тонутъ въ сырыхъ и лохматыхъ тучахъ. Контуры ихъ сливаются съ далью слѣпо и тускло, не такъ, какъ весной, когда линіи косматыхъ великановъ изящны и нѣжны, будто чистыя колонны въ храмѣ... Старый Уралъ дикъ осенью, какъ медвѣдь, который собирается лечь въ берлогу. Съ утра онъ жмурится и жмется въ каменныхъ ущельяхъ, гдѣ живутъ и таятся невидимыя лѣсныя силы. И моросить Уралъ мелкимъ, назойливымъ дождемъ. Но бываетъ, что онъ гремитъ бурей. Тогда онъ прекрасенъ...

Послушайте... Изъ самой глубины горъ вдругъ выбѣжалъ вѣтеръ. Размахнулся—и сталъ на минуту, точно запутался въ каменистыхъ оврагахъ. Но чуткія, настороженныя деревья вздрогнули. Запѣли вершинами и разбудили душу тоской по жизни и волѣ. Странная вещь! Вамъ тоже хочется запѣть съ ними...

Играетъ звончѣе вѣтеръ. Все дальше бѣжитъ онъ, и шире у него размахъ. Все громче лѣсной голосъ. Вотъ треснуло сухое дерево. Жалобно, какъ струна, зазвенѣла рѣка, стиснутая утесами... О чемъ она? Еще немного — и вы слышите сплошной ревъ и грохотъ. Это—буря, это—ея крикъ. И душа у васъ бьется, какъ вольная птица...

Молодой штейгеръ желѣзнаго рудника, Аркадій Иванычъ, сидитъ въ казармѣ и пьетъ чай. Самоваръ свиститъ тонко, какъ флейта, но когда вѣтеръ рванетъ крышу и

рявкнетъ въ трубѣ—тонкій пискъ глохнетъ, и казарма, кажется, дрожитъ и пляшетъ на мѣстѣ...

Всего еще семь часовъ вечера. Казарма заперта на ставни, но чувствуется, что тамъ, за стѣной, гдѣ реветъ Уралъ, стоитъ кромѣшная темень, что тамъ жутко и страшно. И рудникъ снаружи кажется спящимъ. Изрѣдка въ мракѣ взыграетъ искра изъ трубы, или пробѣжитъ около окна мутное пятно отъ жидкаго огня. Порою загремитъ желѣзная бадья, пыхнетъ тяжелымъ вздохомъ водокачка—и опять все мертво...

Аркадію Иванычу скучно. Онъ выпилъ уже пятый стаканъ чая, закончилъ дневную запись руды, смазалъ отъ нечего дѣлать сапоги, но всего этого было мало, и штейгеръ скучалъ. Въ казармѣ топилась чугунная печь, и въ желѣзной длинной трубѣ гулко наигрывалъ вѣтеръ. У самой печки сидѣлъ сторожъ Никита, маленькій, невзрачный человѣкъ, и читалъ старый номеръ газеты. Оттопыривъ нижнюю губу и прищуривъ подслѣповатые глаза, онъ тянулъ про себя шепотомъ. Иногда онъ обращался къ штейгеру съ вопросомъ.

— А что, Аркадій Иванычъ, спрошу я васъ...

— Ну?

— Побѣдитъ россійское государство, али нѣтъ?..

— Я не Богъ...—сердито ворчитъ Аркадій Иванычъ.

— А интересная штука эта... — задумчиво говоритъ Никита.

— Чего?

— Да война эта...

— Ничего тутъ интереснаго нѣтъ... Рѣжутъ люди другъ друга, и только...

— Оно, конечно...—соглашается Никита и шуршитъ газетой. Немного погодя, онъ опять заговариваетъ, дѣлая видъ, что, собственно, онъ ни къ кому особенно не обращается.

— Да... Штука эта самая война... А многіе говорятъ, что россійское государство выдержитъ... Конечно, если англичанка опять ногу подставитъ—тогда дрянь это... Она вѣдь только этимъ и занимается... А потомъ — вотъ возьмите эти самые фугасы... Какъ нашъ солдатъ вступитъ на него—такъ готовъ... Потому что у нашихъ сапогъ тяжеле... А у нихъ обутки—перо... Не слыхать на ногѣ... Да, дѣла!.. Вотъ, прошлый разъ отецъ Николай въ церкви говорилъ: «Россія, говоритъ, всегда пёрла... Пёрла на западную сторону и вездѣ... И на востокъ, говоритъ, она попретъ»...

— Чепуха все это... — разсѣянно говоритъ Аркадій Иванычъ и зѣваетъ.

Никита кладетъ газету и подбрасываетъ въ печку дровъ. По его лицу видно, что онъ нѣсколько обиженъ. Но перечить Никита не желаетъ.

Аркадій Иванычъ бродитъ взадъ и впередъ, и мысли его дѣлаются мрачными... Ему почему-то приходитъ въ голову, что иногда на рудникѣ бываетъ невыносимо скучно. Тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ „россійскаго государства", трепещетъ теперь смѣлая мысль, люди работаютъ сознательно и дѣльно. Говорятся рѣчи, читаются доклады, и все мужественное встало и пошло навстрѣчу врагу „россійскаго государства". А врагъ это — темень, такая же глубокая, какъ за окнами казармы... Что здѣсь? Казармы, испитые, грязные люди, катакомбы подъ землей. Болѣзни, нужда, липкая глина и безжизненные куски руды... И люди здѣсь какіе-то отбросы... Ругаются, пьютъ и гибнутъ. А онъ что здѣсь? Посмотритъ работы, подсчитаетъ и дѣлаетъ „смарки" при разсчетахъ въ пользу своего владыки—завода. И смарки эти безсовѣстныя, грабительскія, и никто не говоритъ объ этомъ... Ни протеста... Рабочіе молчатъ, а управитель требуетъ этихъ смарокъ. Получаютъ разсчетъ, напиваются, хвораютъ, и опять идетъ эта безсмысленная жизнь подъ землей, опять человѣкъ дышетъ гнилью и угаромъ... Вся жизнь впотьмахъ... Старики въ тридцать лѣтъ! Малорослые, согнутые, съ сѣрыми лицами. И дѣти у нихъ родятся чахлыя... Иногда пріѣзжаетъ начальство—культурные инженеры. Ходятъ по работамъ, смотрятъ, спускаются въ шахты и брезгливо, съ опаской, ползутъ въ мокрыхъ штрекахъ и забояхъ. Вылѣзутъ наверхъ—и все то же свинство: штрафы, смарки, ругань и требованіе исправности... И никто изъ нихъ не скажетъ почеловѣчески. Не войдетъ въ положеніе... Свиньи!.. Нѣтъ, надо бѣжать съ проклятаго рудника... Бѣжать — и еще учиться... И научиться уважать человѣка и цѣнить въ немъ душу... Тогда еще, можетъ, что-нибудь и выйдетъ...

Аркадій Иванычъ шагаетъ изъ угла въ уголъ, и на душѣ у него дѣлается совсѣмъ тяжело. Бѣшеный вѣтеръ рветъ ставни, трясетъ крышу, а Никита легъ на нары и храпитъ. Скверная, тяжелая жизнь...

Онъ подходитъ къ стѣнѣ и тихонько снимаетъ гитару. Аркадій Иванычъ любитъ этотъ инструментъ, и когда играетъ, то обязательно подпѣваетъ теноромъ. И теноръ у него молодой, нѣжный и звенящій... Любитъ онъ пѣть чувствительные романсы и больше поетъ въ одиночку, ибо товарищи иногда подсмѣиваются надъ нимъ. И когда Аркадій Иванычъ поетъ, то душа его сжимаетя, и ему всегда приходитъ въ голову въ это время, что жизнь несовершенна, что люди ненавидятъ другъ друга, и въ жизни не достаетъ счастья...

Аркадій Иванычъ настраиваетъ гитару. Никита храпитъ, лампа мигаетъ нервно и бросаетъ по угламъ уродливыя тѣни. Всплывая наверхъ бархатистыми звуками, сквозь бѣшеный и мятежный грохотъ бури, гитара точно хочетъ разсказать, что не все на свѣтѣ бури и грозы, не все блѣдныя тѣни испитыхъ и забитыхъ людей. И свѣжій молодой теноръ поднимается и плыветъ по казармѣ. И мягкимъ, рокочущимъ звукомъ сливается гитара съ пѣсней...

— Что-жъ склонилася ты надъ рѣкою
И задумчиво въ волны глядишь?
Увлеклась ли ты грустной мечтою,
Иль за быстрой волною слѣдишь?

И все точно скрывается изъ глазъ. Бродитъ у рѣки милый призракъ, задумчивый и блѣдный. Шелеститъ рѣка молодыми ракитами, играютъ волны, и вся эта казарменная жизнь, тусклая и злая, потонула въ золотистыхъ волнахъ...

Немного погодя, Аркадій Иванычъ встаетъ, вѣшаетъ осторожно гитару и долго еще бродитъ изъ угла въ уголъ. Потомъ онъ раздѣвается и ложится...

Ночью его разбудилъ глухой стукъ о ставень. Часы показывали двѣнадцать. Никита храпѣлъ на нарахъ. Въ печкѣ погасло, и вѣтеръ въ трубѣ наигрывалъ тише. Стукъ повторился.

— Никита!..—зоветъ Аркадій Иванычъ.

Сторожъ шевелится.

— Никита!

Никита медленно встаетъ, чешется и бурчитъ въ сторону печки:

— Погасла, жидъ-те изломай...

— Тамъ стучатъ, Никита...

— Гдѣ?

— Тамъ... На улицѣ...

Никита лѣниво встаетъ съ наръ, отчаянно зѣваетъ и ворчитъ:

— Кого это лѣшій даетъ? Таскаются люди по ночамъ...

Онъ уходитъ, и слышно, какъ онъ на дворѣ съ кѣмъ-то кричитъ. Минуту спустя онъ входитъ и говоритъ совершенно спокойно:

— Прохора на седьмомъ придавило...

Аркадій Иванычъ вскакиваетъ съ постели и растерянно глядитъ на Никиту. А тотъ зѣваетъ, кладетъ на печь полѣнья и комментируетъ:

— И всегда это на седьмомъ больше...

— Кто приходилъ?—спрашиваетъ Аркадій Иванычъ.

— Ванька Рыжій...

— Отчего ты не позвалъ его ко мнѣ въ казарму?

— А я думалъ, васъ нечего безпокоить... Задавило, такъ не вернешь...

Аркадій Иванычъ злится, онъ готовъ избить Никиту, но молча надѣваетъ сапоги, куртку и говоритъ сурово:

— Въ которой казармѣ жилъ Прохоръ?

— У старателей...

— Запри за мной дверь...

Штейгеръ выходитъ на улицу. Страшная темень, какъ чернила, залила рудникъ. Лѣсъ рычалъ близко, чувствовалось его влажное дыханіе, но глазъ не видѣлъ его. Аркадій Иванычъ отлично зналъ всѣ тропинки на рудникѣ, всѣ шурфы и шахты. Онъ увѣренно двинулся впередъ, однако тотчасъ же сбился и долго искалъ дорогу къ казармѣ старателей.

Идти нужно было съ полверсты. Всматриваясь впередъ въ густой и жуткій мракъ, Аркадій Иванычъ думалъ, что шахта номеръ седьмой всегда считалась опасной. Въ ней было много штрековъ, крѣпи мѣстами сгнили; за то руда здѣсь считалась хорошей, и люди охотно лѣзли въ эту шахту. Аркадій Иванычъ не разъ просилъ горнаго смотрителя хорошенько укрѣпить опасныя мѣста въ шахтѣ. Смотритель смѣялся, хлопалъ его по плечу, называлъ почему-то „либераломъ", но шахты такъ и не укрѣпилъ. Въ прошломъ году въ шахтѣ задавило одного на смерть, другому отдавило ноги, а нынѣ вотъ опять Прохоръ...

Аркадій Иванычъ идетъ впередъ, и въ памяти его встаетъ высокій, рябой мужикъ, котораго на рудникѣ звали просто Прохоромъ. Рабочій былъ смирный, трезвый и была у него гдѣ-то семья. Каждый мѣсяцъ, бывало, Прохоръ заходилъ къ Аркадію Иванычу и просилъ его сдѣлать надпись на конвертѣ, въ которомъ онъ отправлялъ женѣ деньги. И штейгеръ помнитъ, какъ онъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, писалъ Прохору адресъ красивымъ почеркомъ. И Прохоръ, обыкновенно, говорилъ ему просто:

— Благодаримъ покорно...

Потомъ Аркадію Иванычу пришло въ голову, что рабочій даетъ больше, чѣмъ получаетъ. Скверная, старая истина... Ну, почему, напримѣръ, нѣтъ на рудникѣ хоть фельдшера? До завода тридцать верстъ, дорога адская, болотами да кочками... И куда теперь въ эту темень? И кажется рудникъ заброшеннымъ островомъ, гдѣ роются сотни людей подъ землей... И блаженъ тотъ, кто уцѣлѣетъ... Скверная, несо-

вершенная, мерзкая жизнь! Выжимаютъ изъ человѣка всѣ соки и швыряютъ его на дорогу, какъ тряпку... Омерзительная жизнь! Когда на рудникъ пріѣзжаетъ на тройкѣ управляющій, Аркадія Иваныча всегда почему-то охватываетъ злость, и ему хочется каждый разъ сказать какую-нибудь дерзость. Наглый, самодовольный инженеръ... Толстая піявка, грузно всосавшаяся въ жизнь... Что ему за дѣло до другихъ, когда самому даютъ восемь тысячъ жалованья? Что ему, когда сотни людей смотрятъ ему въ лицо, какъ собаки, и ждутъ чего-нибудь человѣческаго? Развѣ этотъ мундирный гиппопотамъ можетъ что-нибудь чувствовать? Нѣтъ, надо бѣжать изъ этого проклятаго мѣста, гдѣ людей считаютъ гораздо ниже бездушнаго куска руды!..

Вдали вдругъ блеснулъ огонь. Немного погодя, Аркадій Иванычъ дошелъ до казармы старателей, щупалъ скобку и отворилъ дверь.

Въ казармѣ было человѣкъ восемъ рабочихъ. Всѣ они лежали на нарахъ и, видимо, спали. Маленькая тусклая лампочка стояла на окнѣ, чадила и бросала въ мракъ рыжее пятно. Одинъ рабочій поднялъ голову и привсталъ на нарахъ.

— Здравствуйте...—сказалъ Аркадій Иванычъ.

— Пожалуйте...

— Чего у васъ? Говорятъ, несчастіе?..

Рабочій почесалъ спину и проговорилъ:

— Прохора на седьмомъ стукнуло...

— Чѣмъ?

— Да породой... Обвалилась малость...

— Живъ?

— Живъ...

— Гдѣ онъ?

— А вонъ лежитъ...

Рабочій показалъ на человѣка, неподвижно лежавшаго у стѣны. Онъ казался спящимъ и былъ прикрытъ азямомъ. Штейгеръ взялъ лампочку и поднесъ ее къ самому лицу спящаго.

— Что, Прохоръ? Не спишь?

Прохоръ открылъ глаза. Лицо его было мертвенно-блѣдно и казалось сѣрымъ. Глаза смотрѣли тускло.

— Ушибло, Аркадій Иванычъ...—прохрипѣлъ онъ.

— Въ которое мѣсто?

— Грудь... Вздыхи, должно быть, отшибло... Дышать трудно...

— Ну, какъ же теперь? Въ заводъ надо, къ доктору... Поѣдешь?

— Куда теперь!.. Темень... Натрясетъ... Подожду до утра...

— Смотри, какъ знаешь... А если хуже будетъ?

— Ничего... Какъ-нибудь...

Прохоръ дышалъ хрипло и рѣдко. Лицо казалось чернымъ и тусклымъ.

— Можетъ, чего надо, Прохоръ?

— Вотъ только деньги... Завтра перешлите женѣ... Пожалуйста... Вытащите сами...

Больной показалъ на штаны... Аркадій Иванычъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ платокъ, въ которомъ оказалось десять рублей.

— Напишите ей... сами... Будьте добренькій...—хрипѣлъ Прохоръ.

— Хорошо, Прохоръ... Сдѣлаемъ... А завтра надо будетъ всетаки въ больницу. Слышишь?

— Слышу...

— И какъ это тебя угораздило?

— Пожадничалъ... Хотѣлось кубъ доработать... Побольше, молъ, заработка... Не поберегся...

Прохоръ закрылъ глаза и замолчалъ. На нарахъ храпѣли. Люди спали, какъ мертвые. Лампа гасла и воняла. Вѣтеръ потрясалъ казарму. Все казалось сѣрымъ, безжизненнымъ и убитымъ.

— Ну, прощай, Прохоръ...

— Прощайте...

— Утромъ навѣщу...

— Покорнѣйше благодаримъ.

Аркадій Иванычъ поставилъ лампу на окно, вышелъ изъ казармы и опять провалился въ темень. Онъ шелъ и думалъ, что завтра обязательно увезетъ Прохора въ заводъ, а самъ непремѣнно откажется отъ службы... Чортъ съ ними, въ самомъ дѣлѣ! Въ глухомъ лѣсу, гдѣ бродятъ одни медвѣди, брошены люди, и нѣтъ никому до нихъ дѣла. И кажется, что весь воздухъ, вся эта кромѣшная темь пронизаны однимъ жаднымъ и дикимъ крикомъ:

— Руды... Руды... Руды...

Вѣтеръ хлесталъ кругомъ и взвизгивалъ, какъ сумасшедшій. Лѣсъ рокоталъ глухо и гнѣвно. Аркадій Иванычъ пришелъ въ свою казарму, медленно раздѣлся и легъ спать. Случайно взглядъ его упалъ на гитару. Она показалась ему лишней и нелѣпой.

Онъ долго ворочался и, наконецъ, заснулъ. Часа въ четыре ночи его кто-то легонько толкнулъ. Онъ открылъ глаза. Передъ нимъ стоялъ Никита и говорилъ, равнодушно почесывая спину:

— Умеръ Прохоръ-то... Прибѣгали сказывать... Не надо

ли, говоритъ, что сообщитъ штейгеру... Вотъ она, жизнь-то наша... Безпокойство одно!..

Никита беретъ полѣно и гремитъ имъ въ печкѣ. Аркадій Иванычъ молчитъ и смотритъ въ стѣну дикими глазами...

II.

Руда.

Всю жизнь какъ-то не везло рабочему Ивану Соколову. Когда онъ женился послѣ смерти отца и матери, то вышло такъ, что жена его на свѣтѣ прожила недолго. Женщина была высокая, худая и часто кашляла. Иванъ любилъ ее и пробовалъ лѣчить всячески. Звалъ старухъ-знахарокъ, поилъ жену разными снадобьями и самъ, собственными руками, втиралъ ей въ грудь и спину какое-нибудь лѣкарство. Разъ даже попробовалъ пригласить доктора, когда тотъ пріѣхалъ изъ сосѣдняго завода къ управителю. Прикатилъ докторъ, мрачный, тяжелый человѣкъ, страдавшій сильной одышкой. Не снимая пальто, онъ постучалъ пальцами въ грудь больной и приложилъ ухо. Лицо у него сдѣлалось багровымъ, и онъ прохрипѣлъ:

— Баста!.. Скоро карачунъ...

Сказалъ и уѣхалъ. А больная долго сидѣла послѣ этого, блѣдная, какъ мѣлъ, и молчаливая. Ивану было страшно жаль жену, и онъ старался успокоить ее:

— Ты думаешь, это онъ правильно? Это ему скоро карачунъ, язвило бы его!.. Слышала, небось, какъ дышетъ, холера... Это они только управителя да его жену, какъ слѣдуетъ, лѣчатъ... Потому день и ночь жрутъ тамъ, да вино разное пьютъ...

Такъ или иначе, а жена у Ивана чахла, какъ подснѣжникъ, охваченный внезапной стужей. Весной, когда снѣгъ бѣжалъ съ горъ, когда звонко перекликались тревожные ручьи, и мучительно хотѣлось жить,—она слегла въ постель и умерла. Пришли сосѣдки, обмыли ее, а Иванъ, угрюмый какъ ночь, цѣлый день пилилъ и стругалъ на дворѣ—дѣлалъ крестъ и гробъ. Потомъ понесли ее и похоронили въ томъ мѣстѣ у пруда, гдѣ стояли высокія сосны. И день тогда выдался славный... Бѣжала торжествующая жизнь въ потокахъ солнца, пѣли птицы, въ вершинѣ пруда кричали съ прилета лебеди и стояли стройныя сосны, душистыя, высокія и молчаливыя. И точно берегли онѣ людей, лежавшихъ подъ бѣлыми крестами...

Съ годъ послѣ этого Иванъ Соколовъ прожилъ одинъ. Поддержать его было некому, и началъ онъ часто выпивать.

Работу на заводѣ забросилъ, завелъ какую-то тяжбу объ избѣ, и кончилось тѣмъ, что изъ избы Ивана выселили. Купилъ себѣ, съ грѣхомъ пополамъ, Иванъ старую баню, передѣлалъ ее на жилье и началъ жить бобылемъ. И чувствовалъ мужикъ, что окончательно сбился...

Выручилъ случай.

Какъ-то весной, въ числѣ другихъ рабочихъ, Иванъ нагружалъ желѣзо на барки, которыя готовились уплыть по вздувшейся рѣкѣ. Народу работало много, были женщины и дѣвицы. Въ воздухѣ пахло уральской весной, сдержанной и неяркой, но могучей въ своей накопившейся страсти... Прудъ очистился, горы обнажились отъ снѣга, и солнце смѣялось съ неба, точно оно впервые увидало людей. На пристани, гдѣ нагружали барки, кипѣла жизнь. Звенѣло желѣзо, нестройный гамъ несся въ смолистомъ воздухѣ, фабрики дышали грузно и хрипло, а на рѣкѣ, какъ бѣлыя молодыя птицы, выстроились къ отходу барки.

Во время работы Соколовъ познакомился съ Дарьей—высокой, некрасивой и рябой женщиной. Не смотря на эту неказистость, лицо у Дарьи дышало энергіей, взглядъ былъ смѣлый и прямой, а работала она на пристани за мужика. Къ ней не приставали съ прибаутками и шуточками, какъ къ другимъ, и, видимо, побаивались ея суроваго взгляда.

Иванъ разговорился съ ней и узналъ, что она вдова. Это навело его на нѣкоторыя размышленія. Онъ началъ часто задумываться, скребъ въ затылкѣ и часто посматривалъ въ сторону бабы. Однажды, когда Дарья стояла въ ожиданіи очереди за разсчетомъ, Иванъ подошелъ къ ней и поздоровался. Лицо его казалось смущеннымъ, и онъ нервно потеребливалъ свою козлиную бородку.

— Къ разсчету?—спросилъ онъ.

— Да...

— Куда теперь думаете?

— Да хочу на Громатуху... Говорятъ, дрова сплавляютъ... Работа хорошая... Думаю туда...

Иванъ усиленно тянулъ себя за бороду и смотрѣлъ въ землю. Рука его замѣтно дрожала. Проклятая робость, точно паукъ, захватила его и сжала въ своихъ лапахъ. И ему пришло въ голову, что онъ круглый дуракъ: надо бы выпить... Тогда бы онъ сразу перескочилъ черезъ все...

Потоптавшись немного на мѣстѣ, онъ вдругъ сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— А что, Дарья Митревна... Отойдемъ немного въ сторону...

Слегка удивленная, Дарья подумала и согласилась. Оба отошли отъ людей, и здѣсь Иванъ, вытаращивъ на нее свои

добрые глаза, корчась и замирая, изложилъ суть своего рѣшенія. И несъ онъ страшную околесицу...

— Конечно... Чего, молъ, тутъ... Баба, молъ, ровно ладно... До бани добился... Въ банѣ живу... Телка была хорошая... Курицъ покойница держала... Лошадь промоталъ... Тьфу, язвило бы меня!..

Въ концѣ концовъ, Дарья его поняла. Подумала и отвѣтила, что черезъ три дня дастъ отвѣтъ. И кончилось тѣмъ, что Дарья вышла за Ивана Соколова.

Въ первый же годъ послѣ этого событія дѣла у Ивана стали поправляться. Дарья оказалась хорошей и дѣльной хозяйкой. Мужу на счетъ выпивки спуску не давала, завела птицу, огородъ и подумывала о коровѣ. Лошадь еще казалась отдаленной мечтой, но Дарья, видимо, разсчитывала и на это. Каждый грошъ Ивана, каждый его заработокъ подвергался самому тщательному учету. Иванъ иногда съ грустью подумывалъ, что блаженныя времена шкаликовъ и „стаканчиковъ“ прошли, но въ общемъ сердце у него радовалось. Какъ слабохарактерный человѣкъ, онъ нуждался въ сильной и твердой рукѣ.

Къ лѣту Дарья заставила Ивана взять въ конторѣ билетъ на покосъ. Отвели имъ мѣсто верстъ за семь отъ завода. Дарья сама цѣлые дни торчала здѣсь и выворачивала пни да колодникъ, чтобы очистить мѣсто. Иванъ устроилъ земляной балаганъ у маленькаго ручья, который только весной, забившись въ черемуховые кусты, трепеталъ тоненькой, поющей нитью. Лѣтомъ же онъ пересыхалъ.

Во время самой страды, между дѣломъ, Иванъ вздумалъ на покосѣ вырыть колодецъ. Выбралъ низкое мѣсто и началъ рыть. Когда онъ вырылъ яму аршина въ два, то натолкнулся на камни, которые и началъ, было, выворачивать ломомъ. Однако, камней оказался цѣлый пластъ, и Иванъ рѣшилъ бросить это мѣсто. Пришла посмотрѣть Дарья, спустилась внизъ, подняла одинъ камень, осмотрѣла и промолвила:

— Да вѣдь это руда...

Взялъ Иванъ камень, осмотрѣлъ, поскребъ ножикомъ и согласился, что это, дѣйствительно, руда. А Дарья, слегка поблѣднѣвшая, смотрѣла куда-то вдаль затуманеннымъ взглядомъ. Иванъ глядѣлъ на жену и ждалъ.

— Надо заявку сдѣлать въ конторѣ...—вдругъ быстро сказала Дарья.

Иванъ потоптался на мѣстѣ и откликнулся, какъ эхо:

— Надо...

— Можетъ, дадутъ чего... Тогда бы можно и лошадь...— соображала Дарья.

— Можно бы и лошадь...

Дарья отобрала нѣсколько камней и положила ихъ въ мѣшокъ. Колодезь рѣшили вырыть въ другомъ мѣстѣ.

На другой день Дарья отправила мужа въ контору показать руду. Провожая Ивана, она снабдила его нѣкоторой инструкціей.

— Ты съ ними много-то не разговаривай... Они вѣдь жулье всѣ... На лошадь, молъ, дадите, такъ покажу мѣсто.... Слышешь?

— Слышу...

Пришелъ Иванъ въ контору и спросилъ смотрителя рудниковъ Худышкина. Тотъ оказался въ конторѣ и, увидавъ Ивана, вдругъ прыснулъ со смѣха:

— А... Соколовъ... Ха. ха... ха... Взялъ другую бабу, такъ и глазъ не кажешь... Го... Го... Го... Ну, что?

Веселый видъ смотрителя ободрилъ Ивана. Впрочемъ, Худышкинъ и такъ считался самымъ смѣшливымъ человѣкомъ на заводѣ. Маленькій, кругленькій, розовый, онъ ежеминутно прыскалъ. Бывало, какой-нибудь мрачный конторскій счетоводъ, страдавшій отъ вчерашней выпивки, вдругъ броситъ перо въ сторону и скажетъ сосѣду:

— Ваня...

— Что?

— Сходи къ Худышкину...

— Зачѣмъ?

— Покажи ему палецъ...

— Для чего это?

— А заржетъ непремѣнно...

И счетоводы, въ свою очерець, хохочутъ. Маленькій эпизодъ этотъ точно разсѣваетъ облака табачнаго дыма и гонитъ на минуту усталость...

Ободренный Иванъ вытащилъ куски руды и подалъ смотрителю.

— Это что?

— Руду нашелъ.

— Гдѣ?

— Пока не скажу... Дарья не велѣла...

Смотритель покатился со смѣху.

— Баба не велѣла? Ха... ха... ха... Вотъ это я понимаю!.. Слышете, Петръ Иванычъ? Ему баба не велѣла!.. Гы... гы... гы... Вотъ оно, что значитъ баба...

Онъ вдругъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ Ивану:

— Ну-съ, милый человѣкъ... Я поговорю съ управляю-

щимъ... А потомъ мы отправимъ руду въ лабораторію... Сдѣлаемъ анализъ... Понялъ?

— Понялъ...

— Черезъ недѣльку приходи... Я скажу тебѣ окончательно. А теперь ступай и скажи своей Дарьѣ, что, молъ, такъ и такъ, все трефи козыри... Го! го! го! Баба, говоритъ, не велѣла!..

Иванъ ушелъ и разсказалъ все Дарьѣ. Та сначала выразила нѣкоторое сомнѣніе въ намѣреніяхъ Худышкина, но потомъ успокоилась. Рѣшили подождать...

Черезъ недѣлю Иванъ опять стоялъ передъ Худышкинымъ. Тотъ на этотъ разъ на смѣялся и казался озабоченнымъ.

— Ну, Соколовъ, руда, видимо, ладная... Желѣза 56 процентовъ... Теперь, братъ, вотъ условіе: ты долженъ поѣхать со мной и показать мѣсто... Иначе я ничего не могу...

Иванъ почесалъ въ затылкѣ.

— Что? Опять нельзя безъ бабы? Гы... гы...

— Да, надо бы спросить...

— Ступай, спроси...

Дарья разрѣшила ѣхать Ивану. Въ одинъ прекрасный день поѣхали смотритель, Иванъ, молодой техникъ съ инструментами и нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Измѣряли, рыли, осматривали мѣсто двое сутокъ. Въ концѣ концовъ, смотритель Худышкинъ положительно сіялъ: въ землѣ лежало нетронутое богатство.

Когда закончили совсѣмъ работу, Худышкинъ съ техникомъ выпили. Угостили рабочихъ и Ивана. Лежа на травѣ и закусывая икрой, Худышкинъ ежеминутно ржалъ, разсказывалъ скабрезные анекдоты и, подъ конецъ, окончательно развеселился.

— Ну, Соколовъ... Руды, братъ, хоть отбавляй... Гы... гы... Ну-съ... а сколько ты съ насъ возьмешь за эту находку?

— Не знаю...

— Опять, видно, у Дарьи спрашивать... Го... го...

— Придется...

— Смотри, дорого не бери...

Худышкинъ наклонился къ уху техника и прошепталъ:

— Тысячу рублей ассигновано за подобную заявку... Положительно выработали всѣ рудники... Еще годъ—и мы безъ руды... Но эта штука насъ воскресила... Главное, близко!

Черезъ день послѣ этого Иванъ стоялъ въ кабинетѣ управляющаго, гдѣ находился и Худышкинъ, стоящій въ почтительной позѣ. Управляющій, блѣдный и худощавый инженеръ, съ холоднымъ выраженіемъ на лицѣ. читалъ докладъ Худышкина относительно заявленной руды. Окон-

чивъ читать, онъ откинулся на спинку кресла, прищурилъ глаза и спросилъ Соколова:

— Сколько желаете получить за заявку?

Иванъ затоптался. Его смущалъ холодный взглядъ инженера. Подергивая бородку, онъ испытывалъ такое же чувство, какъ было при сватаньи Дарьи. И опять онъ началъ отдаленно:

— Оно, конечно... Сами знаете, ваше благородіе... Конечно, какъ вы по совѣсти... Вотъ тоже лошади нѣтъ... Кобыла была хорошая... Каряя кобыла... Добился... до бани добился!..

Инженеръ молчалъ, и его холодные глаза смотрѣли на Ивана такъ же безразлично, какъ на кусокъ руды. Круглые, изящные часы мелодично ударили полчаса. У Худышкина спирало въ животѣ отъ хохота, но онъ сдерживался...

— Ну-съ, такъ сколько?..

— Не знаю...

— Пятьдесятъ рублей будетъ?

Иванъ вздрогнулъ отъ радости. Дарья наказывала просить не меньше двадцати пяти рублей. А тутъ...

— Покорнѣйше благодаримъ...

Управляющій взялъ листокъ бумаги, написалъ нѣсколько строкъ и, подавая Ивану бумажку, произнесъ:

— Ступайте въ бухгалтерію... Тамъ выдадутъ.

Иванъ отвѣсилъ поклонъ и вышелъ изъ кабинета. Сердце его стучало отъ радости. Все выходило такъ, какъ велѣла Дарья...

А управляющій посмотрѣлъ на Худышкина, усмѣхнулся и произнесъ, слегка покосившись вслѣдъ Ивану:

— Ду-р-р-р-акъ!

III.

Какъ онъ запѣлъ.

Кочегаръ Онисимъ Петровъ сидѣлъ за столомъ и, склонивъ низко лохматую голову, тоскливо слушалъ, какъ за грязными и оборванными ширмами стонала его жена. Баба третью недѣлю валяется въ постели, губы у ней потрескались, а глаза засѣли далеко, точно ихъ туда вдавили силой. Временами она говоритъ про себя, и—странная вещь—весь ея разговоръ, всѣ ея тяжелыя мысли сводятся къ одному предмету—къ семьѣ. Тихо и жалобно проситъ она кого-то затопить печь, посмотрѣть за коровой и сходить на фабрику—унести Онисиму обѣдъ. Положивъ на тощую грудь худую, желтую руку, на пальцахъ которой отъ работы выѣло ногти, Анна

шептала про себя молитвы, вздыхала и крестилась правой рукой. И Онисимъ Петровъ чувствовалъ, что кто-то, сумеречный и строгій, забирается въ самую его душу и говоритъ глухо:

— Отчего ты ее не лѣчишь?

Не лѣчишь? Странная штука! Развѣ онъ получаетъ сотни рублей, чтобы каждый день звать доктора, который и такъ былъ два раза? Но что сдѣлалъ докторъ, этотъ жирный баринъ, который для какого то дьявола вывѣсилъ на своихъ дверяхъ, что онъ „бѣдныхъ принимаетъ безплатно". Проклятая комедія! Развѣ Онисимъ когда-нибудь забудетъ кислую рожу въ золотыхъ очкахъ, которая два раза склонялась надъ Анной?

Между тѣмъ, болѣзнь Анны—не шутка. Въ избѣ стало какъ-то мрачно и бездомно, дѣти, какъ призраки, бродятъ безъ смѣха, вѣчно голодныя. Ихъ — двое, и старшему минуло восемь лѣтъ. Что онъ можетъ сдѣлать? Правда, въ избу забѣгаетъ по утрамъ (дай Богъ здоровья!) сосѣдка Марья. Затопитъ печь, поставитъ кой-какое варево, иногда накормитъ дѣтей, но все это не то, не то, не то! Жизнь какъ-то сразу осѣклась, точно ее подкосила горячка. Когда, на дняхъ еще, Онисимъ громоздилъ и ворочалъ адскій огонь въ фабричной печи,—ему все казалось, что Анна, быть можетъ, уже не дышетъ, что она умерла и перестала шептать безсвязныя слова въ горячей постели... И онъ не выдержалъ. Отказался отъ работы и пятый день сидитъ дома. Конечно, заработокъ гаснетъ, какъ свѣча, но вѣдь не вѣчно же это будетъ. Поправится Анна—тогда опять за дѣло...

Больная за ширмами тихо застонала. Онисимъ на цыпочкахъ, стараясь не гремѣть большими сапогами, заглянулъ туда. Жена, видимо, узнала его. Слабая тѣнь улыбки пробѣжала по ея лицу. Губы Анны зашевелились и Онисимъ наклонился къ ней.

— Пить...

Осторожно приподнявъ голову больной, Онисимъ напоилъ ее. Какая она сдѣлалась легонькая! Лопатки на спинѣ выдвинулись и торчатъ, какъ двѣ деревянныя доски... Въ волосахъ много сѣдины, а развѣ можно назвать человѣка старикомъ въ тридцать лѣтъ?.. И Онисимъ опять почувствовалъ, что тоска залѣзаетъ ему въ душу, и прежній проклятый голосъ язвительно говоритъ:

— Отчего ты ее не лѣчишь?

Онъ тихо пошелъ отъ Анны. Она закрыла глаза и, видимо, уснула. Онисимъ постлалъ дѣтямъ постели, покормилъ ихъ, уложилъ, а самъ долго сидѣлъ у окна. На улицѣ брызгала слезами осень, ставень скрипѣлъ жалобно и тоскливо. Онисимъ почему-то вспомнилъ фабрику. Тамъ теперь все ды-

шетъ огнемъ и желѣзомъ. Бѣгаютъ, какъ въ ураганѣ, сотни людей, кричатъ охрипшими глотками, градомъ льется потъ по грязнымъ тѣламъ. Адской силой дышутъ машины, блестятъ и вьются ихъ стальные мускулы и давятъ желѣзо... Боже мой! Вся жизнь его, молодая и здоровая, прошла въ огнѣ и пожарѣ, около чудовища, которое вѣчно было голодно и вѣчно пожирало топливо... Ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ, а развѣ онъ не развалина? Руки на видъ громадны и черны, какъ уголь, но въ нихъ нѣтъ упругой, молодой силы, и онѣ безчувственны, какъ камень: прижми къ нимъ горячій уголь —и ничего! А лицо? Красное, но это нездоровый румянецъ. Просто оно испечено, какъ яблоко. Тѣло по ночамъ ноетъ и ломитъ, а глаза почти совсѣмъ не видятъ... Жизнь какъ то испеклась и скорчилась берестой на огнѣ. Впереди— ничего! Вотъ скоро выйдутъ деньги, и тогда капутъ, если Анна не поправится...

Онъ вздохнулъ, еще разъ заглянулъ за ширмы, погасилъ огонь и легъ рядомъ съ ребятами. Въ избѣ сдѣлалось тихо. И слышно было только, какъ за окномъ, въ мертвомъ и неподвижномъ мракѣ, плакала и брызгала слезами бездомная осень...

Какъ-то вскорѣ къ Онисиму зашелъ его пріятель по фабрикѣ, слесарь Ежовъ. Онъ былъ, видимо, навеселѣ. Пришелъ, крякнулъ и поздоровался. Была у него одна особенность—страсть говорить въ рифму.

— Ну, какъ живешь, душа моя?—загудѣлъ Герасимъ.— Говорятъ, жена у тебя хвораетъ? Дѣло отъ этого страдаетъ?

— Да, больна... Ну, садись, разсказывай, чего тамъ у васъ на фабрикѣ...

— Фабрика, братъ, загуляла, работать перестала...

— Какъ такъ?

— А такъ... Будетъ ужъ господамъ владѣльцамъ карманы набивать, нашего брата прижимать...

И Герасимъ уже серьезнымъ тономъ началъ разсказывать Онисиму, что всѣ цехи недѣлю бастуютъ. Управляющій сносится телеграфомъ съ хозяевами, но пока толку мало. Рабочіе устраиваютъ собранія, обсуждаютъ свои требованія совмѣстно съ начальствомъ. Два цеха - катальный и доменный—удовлетворены отчасти: прибавили 20% на сумму заработка. Теперь вопросъ о другихъ цехахъ. Слесарный, кромѣ того, требуетъ смѣны учетчика Брена, ибо этотъ человѣкъ— извѣстная скотина. Вообще, за эти годы много накопилось разнаго хламу въ отношеніяхъ работы—надо пообчиститься. Впрочемъ, безъ шуму не обойдется, должно быть... Вчера солдаты прикатили...

— Солдаты? Зачѣмъ?

— Чортъ ихъ знаетъ!.. Должно быть, пугнуть хотятъ... Хотя мы все мирно... Положимъ, на одномъ собраніи Ванька Еремінъ назвалъ управляющаго въ лицо скотиной, такъ вѣдь его сейчасъ же и вытащили товарищи...

— Значитъ... можетъ, и прибавятъ...

— Обязательно!.. Добьемся!.. Эти, братъ, господа владѣльцы... свиньи порядочныя... Ну, прощай!.. Коли что случится, навѣщу—и все обязательно сообщу...

И Герасимъ ушелъ, пыхтя трубкой.

Онисимъ пошелъ за ширмы и сообщилъ женѣ о забастовкѣ фабрикъ. Аннѣ, видимо, было легче. Глаза у нея глядѣли веселѣе и сознательнѣй. Она внимательно выслушала мужа и тихо проговорила:

— Дай Богъ имъ... здоровья... Пусть добиваются... Жить нынѣ трудно на гроши...

Дня черезъ три послѣ этого вдругъ стремительно ворвался въ избу Ежовъ и крикнулъ Онисиму:

— Живо одѣвайся!

— Куда?

— Не разговаривай! Демонстрацію сочиняемъ!.. Идемъ!

Онисимъ быстро одѣлся и выскочилъ за Ежовымъ на улицу. Его поразило странное зрѣлище.

По широкой улицѣ, въ блѣдныхъ очертаніяхъ осенняго дня, двигалась громадная толпа людей. Не слышно было ни крика, ни шума, и только мѣрные шаги тысячъ людей отдавались въ сумрачномъ воздухѣ гулкимъ, порывистымъ стукомъ. Далеко впереди тянулась толпа, и казалось, что люди справляютъ какой-то небывалый праздникъ...

— Куда?—спросилъ Онисимъ.

— Молчи!—отрѣзалъ Герасимъ.—Пойдемъ!

И Онисимъ двинулся рядомъ съ Герасимомъ.

Сначала онъ испытывалъ нѣкоторое безпокойство. Но чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ больше и больше сознавалъ, что шаги его становятся тверже, сердце бьется сильнѣй, и горячая отвага, никогда еще не испытанная, вдругъ потекла по жиламъ. Высоко поднявъ кверху свое испеченное лицо, онъ думалъ, что эти сотни людей—рабочіе, что жизнь ихъ сурова и печальна, и всѣхъ ихъ загрызла нужда... Прибавка нужна,—иначе они подохнутъ... Онъ это чувствовалъ раньше, но не смѣлъ думать объ этомъ одинъ... А теперь онъ первый готовъ швырнуть всѣмъ горькую правду въ лицо. Развѣ онъ самъ не заживо поджаренный человѣкъ? Все въ немъ перегорѣло: руки, лицо, суставы и самая душа перегорѣла... Что онъ видѣлъ въ жизни, кромѣ желѣзнаго рычага и адскаго блеска въ печи, гдѣ лопается и трес-

кается сталь? Что онъ видѣлъ, кромѣ пота, грязи, вони, что онъ слышалъ, кромѣ звона, грохота, которыми можно разбудить мертваго? Га! Теперь *имъ* можно сказать кой-что: пусть послушаютъ... Подожди, Анна — прибавка будетъ, и тогда заживемъ... Заживемъ, Анна!

Вдругъ въ толпѣ выдѣлился звучный мужской голосъ. Онъ поднялся, понесся вширь—и запѣлъ. Тысячи мужскихъ и женскихъ голосовъ сразу подхватили, и понеслась, какъ гудящая волна весны, широкая пѣсня... Боже ты мой! Какъ они поютъ, и какой морозъ бѣжитъ по спинѣ Онисима!.. Что это? Молитва или пѣсня? Эхъ, Анна!.. Какъ жаль, что хвораешь: вотъ бы послушала... Отчего такъ захватило сердце и отчего такъ сжимаются руки? И Онисимъ раскрылъ ротъ и запѣлъ, запѣлъ хриплымъ, простуженнымъ басомъ, не зная словъ и приноравливаясь къ мотиву. И когда онъ взглянулъ на Герасима, идущаго рядомъ, то увидалъ, что тотъ тоже разинулъ ротъ и поетъ. И вновь Онисимъ подумалъ:

— Эхъ, Анна... Послушала бы ты...

Вдругъ люди остановились, и сразу,—какъ-то сразу это вышло—наступила страшная тишина. Гдѣ-то далеко-далеко впереди, жалобно и звонко запѣлъ рожокъ. Еще разъ. Потомъ что-то грохнуло и оборвало. И опять трескъ...

Онисимъ почувствовалъ, что въ его широкую грудь что-то впилось и выскочило сзади. Онъ хотѣлъ замѣтить объ этомъ Герасиму, но тотъ, къ удивленію его, лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ въ небо какимъ-то остывающимъ и вопрошающимъ взглядомъ. Тогда Онисимъ догадался, что это стрѣляютъ солдаты. Онъ хотѣлъ бѣжать домой и сказать объ этомъ Аннѣ, но въ горлѣ у него вдругъ зашипѣло и захлюпало, какъ мокрая тряпка. Страшная слабость овладѣла имъ. Кто-то опять рядомъ упалъ... Дикіе крики, вой... Господи! Если бы только сказать Аннѣ, что это ничего, что онъ дойдетъ... А то она... ревѣть начнетъ...

Онисимъ всталъ на колѣни и прошепталъ, сплевывая густую кровь:

— Экая... оказія... въ людей... стрѣляютъ...

Онъ вдругъ повалился на бокъ и замолчалъ.

IV.

Смута.

Она началась, эта смута, собственно съ того времени, когда Гриша Ивановъ, гимназистъ седьмого класса, пріѣхалъ домой на лѣтнія каникулы.

Ѣхалъ онъ домой вообще съ хорошимъ чувствомъ. Хотѣлось побывать на миломъ Уралѣ, отдохнуть, походить съ ружьемъ и поспать вволю. Отъ послѣдней станціи желѣзной дороги нужно было ѣхать двадцать верстъ на лошадяхъ. И это мѣсто Гриша не промѣнялъ бы на весь путь, проѣханный имъ въ душномъ и смрадномъ вагонѣ.

Стояла половина мая, то время, когда уральская весна дышетъ зноемъ и развернувшейся страстью. Въ глубинѣ могучаго лѣса, взволнованнаго и разгоряченнаго, стоитъ удушливый ароматъ смолы, и если вы не привыкли, то голова у васъ отъ этого воздуха скоро закружится. Горныя рѣчки наигрались вволю, онѣ притихли, но все еще временами рокочутъ звонко, и все еще стремителенъ ихъ рѣзвый бѣгъ. Поднимитесь немного въ гору, —тамъ виднѣется что-то бѣлое. Здѣсь притаились черемухи. Пышныя, пахучія, осыпанныя крупной росой, онѣ роняютъ на землю бѣлый жемчугъ цвѣтовъ, и въ душу вашу врывается странное чувство. Точно вы переживаете юность, точно вамъ жаль чего-то... И хочется почему-то крикнуть на весь лѣсъ молодымъ и сильнымъ голосомъ...

Гриша, не отрываясь, всю дорогу глядѣлъ по сторонамъ, вдыхалъ воздухъ полной грудью и думалъ:

— Господи! Какъ хорошо...

Колокольчики пѣли звонко и радостно, точно они вырвались на волю. Лошади бойко бѣжали по каменистой дорогѣ. По сторонамъ высились горы, увалы и кряжи. Все дышало силой жизни и дикой поэзіей.

Черезъ три часа Гриша подъѣзжалъ къ заводу, гдѣ жили его родители. Сердце его стукнуло, и онъ машинально поправилъ фуражку. Вотъ сверкнулъ огромный заводскій прудъ, спокойный и ясный, стиснутый горами. Вонъ выступили, какъ траурныя колонны, фабричныя трубы. Проѣхали мимо маленькой церкви, около которой играли ребятишки. На улицахъ колокольчики запѣли густымъ и сочнымъ перезвономъ. Изрѣдка попадались рабочіе, и Гриша старался отыскать знакомыя лица. А вотъ и домъ, гдѣ его скоро встрѣтятъ. Издали можно различить, что одно окно отворено, и бѣленькая кисейная занавѣска слабо колышется. Это комната Лизы, его 15-ти лѣтней сестры. И у Гриши опять стукнуло сердце. Колокольчики звякнули и сразу оборвались. Чье-то лицо выглянуло на секунду изъ окна и скрылось.

— Гриша пріѣхалъ!—зазвенѣлъ гдѣ-то голосъ Лизы.

— Гриша пріѣхалъ!—гдѣ-то глухо отдалось во дворѣ.

Гриша сдѣлалъ степенное и серьезное лицо, чтобы не показаться „маленькимъ“, но сердце у него по прежнему

сжималось какой-то сладкой, ожидающей истомой. Онъ вылѣзъ изъ коробка и говорилъ ямщику молодымъ баскомъ, что лошади бѣжали прекрасно, и что ямщику слѣдуетъ дать „на чай“. Рядомъ уже стояла хорошенькая и блѣдная Лиза, съ радостнымъ изумленіемъ на лицѣ, дальше бѣжала мать въ передникѣ, испачканномъ мукой, но Гриша все старался не замѣчать ихъ, хотя сердце его прыгало во всѣ стороны отъ рѣзвой и молодой радости. И онъ говорилъ ямщику, вытаскивая чемоданъ:

— Хорошо бѣжали лошадки... Да-а... Молодчина... Молодчина...

Наконецъ, онъ повернулся къ Лизѣ и къ матери.

— А... это вы...

Стараясь сохранить серьезное лицо и говорить басомъ, Гриша, однако, не выдержалъ, схватилъ Лизу, поднялъ ее на рукахъ и подметнулъ кверху. Потомъ расцѣловалъ мать въ морщинистыя щеки и для чего-то нѣсколько разъ щелкнулъ пальцами.

— А папа дома?

— Нѣтъ... Онъ въ конторѣ...

— Такъ... Ну-съ, идемъ...

Черезъ часъ Гриша сидѣлъ за чайнымъ столомъ. Мать разливала чай, и ея морщинистое лицо, точно лучами, раздвигалось довольной и счастливой улыбкой. Лиза не сводила глазъ съ брата и находила, что Гриша возмужалъ и выросъ, что онъ выглядитъ „настоящимъ мужчиной“. Гриша старался держать себя серьезно и иногда пощипывалъ тоненькую полоску усовъ на верхней губѣ... Ѣлъ онъ съ аппетитомъ. Часамъ къ тремъ дня пришелъ и отецъ изъ конторы. Гриша опять почувствовалъ, что сердце его возбужденно стукнуло, и онъ прислушивался, какъ раздѣвается отецъ въ передней. У старика, видимо, сохранились всѣ его прежнія привычки. Раздѣваясь, онъ также глухо покашливаетъ и затѣмъ громко сморкается въ платокъ. Затѣмъ слышно, какъ отецъ звучно трещитъ табакеркой и дѣлаетъ продолжительную затяжку...

Наконецъ, онъ входитъ въ столовую. Высокій, слегка сутулый, съ прямымъ и серьезнымъ взглядомъ умныхъ, глубоко сидящихъ глазъ. Борода у него съ сильной просѣдью, брови точно подернуты мѣломъ. Павелъ Иванычъ, старый бухгалтеръ,—двадцать пять лѣтъ служитъ на заводахъ. Служить началъ съ писца. Человѣкъ былъ, въ сущности, добрый, но вездѣ у него сквозили привычки человѣка „стараго закала“, какъ онъ себя называетъ. На первомъ планѣ у него вездѣ стоитъ начальство. Жизнь ведетъ размѣренную и строгую; новаго не долюбливаетъ. Выбранъ церков-

нымъ старостой и имѣетъ медаль за труды по церкви. Семью любитъ, но требуетъ послушанія.

Гриша поднялся навстрѣчу.

— Здравствуй, папа!

Прежде чѣмъ отвѣтить на привѣтствіе сына, Павелъ Иванычъ долго и внимательно всматривается въ черты лица Гриши. Сынъ выдерживаетъ строгій и упорный взглядъ отца.

— Похудѣлъ! — произноситъ рѣзко Павелъ Иванычъ.— Ну, здравствуй, здравствуй...

Теплыя струны запѣли въ голосѣ у старика, но онъ сдержался и, какъ будто безразлично, поцѣловалъ Гришу. Затѣмъ Павелъ Иванычъ, по старой привычкѣ, снялъ пиджакъ и осторожно повѣсилъ его на гвоздь... Потомъ сѣлъ за столъ и проговорилъ:

— Такъ-съ... пріѣхалъ, значитъ... Съ чѣмъ поздравить?

Гриша покраснѣлъ.

— Съ восьмымъ классомъ, папа...

— Развѣ? Значитъ, восьмиклассникъ?—притворно-равнодушно спрашиваетъ Павелъ Иванычъ.

— Да...

— Это недурно... Надо учиться... Средства у насъ не ахти какія... А все бы надо взглянуть на табелекъ...

Гриша сходилъ за табелемъ. Павелъ Иванычъ досталъ очки изъ кожанаго футляра, надѣлъ ихъ и, не торопясь, началъ просматривать табель.

— Гм... по математикѣ все тройки... Не важно... Я, вотъ, грѣшный человѣкъ, и нигдѣ не учился, да всю жизнь пришлось возиться съ математикой... Такъ-съ... Ну, да ладно... Переводится въ восьмой классъ... Такъ-съ... и это хорошо...

Онъ передалъ Гришѣ обратно табель и прибавилъ замѣтно повеселѣвшимъ тономъ:

— Ну, теперь отдыхай... Спасибо, что меня жалѣешь— переходишь изъ класса въ классъ... По нынѣшнимъ временамъ и это большая заслуга... Время тяжелое, смутное... Всѣ стали набольшіе...

Первые дни Гриша буквально отдыхалъ и жилъ, какъ онъ выражался, „растительной жизнью". Каждое утро мать настряпывала къ чаю груды пироговъ, блиновъ, и Гриша чувствовалъ, что онъ каждый разъ объѣдается и рѣшительно становится „буржуемъ". Прошла недѣля,—и Гриша порѣшилъ, что нужно пожить „порядочнымъ человѣкомъ". Онъ по цѣлымъ часамъ запирался въ своей комнатѣ и читалъ запоемъ. Книгъ онъ изъ города привезъ много, были

у него и газеты. Во время своихъ скитаній по заводу и фабрикамъ, куда его пускали, какъ сына бухгалтера, Гриша познакомился съ рабочими. Къ нему стали похаживать рабочіе въ синихъ блузахъ, съ замазанными лицами, и уносили отъ Гриши книжки. Иногда Гриша читалъ имъ вслухъ. Все это дѣлалось такъ, чтобы Павелъ Иванычъ не видѣлъ, и старикъ ничего, повидимому, не зналъ. Мать только иногда робко пробовала сказать Гришѣ:

— Какъ бы чего не вышло, Гриша... Отецъ-то узнаетъ...

— Ну, такъ что?

— Такъ, какъ бы чего не вышло...

— Что, мама, развѣ я человѣка зарѣзалъ?..

— Да нѣтъ... я такъ...

Однажды, когда Гриша читалъ въ своей комнатѣ, внезапно скрипнула дверь, и вошелъ Павелъ Иванычъ. Лицо его было сурово. Онъ молча осмотрѣлъ комнату и остановился передъ столомъ съ книгами, надъ которымъ висѣло нѣсколько портретовъ писателей. Павелъ Иванычъ долго разсматривалъ портреты.

— Это что за люди?—отрывисто спросилъ онъ.

Гриша поднялся съ кровати, на которой лежалъ до этого, и отвѣтилъ:

— Это писатели, папа... Современные...

И Гриша назвалъ ихъ по фамиліямъ.

— Такъ-съ... писатели... А этотъ зачѣмъ въ одной рубахѣ сидитъ?

Гриша усмѣхнулся.

— Такъ ему нравится...

— Нравится? А, по моему, просто ломается... Дай, надѣну рубаху, авось понравлюсь...

Какая-то затаенная злость слышалась въ голосѣ Павла Иваныча. И Гришѣ почему-то безконечно стало жаль отца.

— Напрасно, папа...—сказалъ Гриша мягко и грустно.— Дѣло не въ рубахѣ, папа... Слишкомъ былъ бы мелокъ писатель, если бы вопросъ сводился къ рубахѣ...

— Такъ-съ! Вы, конечно, народъ ученый... Я, вотъ, грѣшный человѣкъ, на одномъ календарѣ воспитался, да ничего себѣ. Съ голоду не подохъ, да и положеніе завоевалъ... Потомъ и лбомъ своимъ завоевалъ... Никакихъ газетъ не читалъ...

— Напрасно, папа... Газета—нервъ дня... Вообще, литература отражаетъ жизнь... Безъ газеты невозможно. Хотите, я вамъ буду читать по вечерамъ?..

— Нѣтъ, ужъ благодарю покорно... Изъ-за конторской работы спину ломитъ... А тебѣ бы, другъ любезный, я со-

вѣтовалъ другихъ-то, по крайней мѣрѣ, не сбивать съ толку. Зачѣмъ къ тебѣ повадились рабочіе?

— Книги берутъ читать...

— Книги?... А управитель началъ косо посматривать на меня. Ужъ не просвѣщать ли, говоритъ, вы съ сыномъ вздумали честной народъ? Я тебя, Григорій, прошу больше не ходить по цехамъ. Слышишь? Намъ здѣсь, на заводѣ, не нужна смута... Мы прекрасно проживемъ и безъ идей... А твое дѣло одно: поскорѣй курсъ кончать. Помни, милый человѣкъ, ты еще мальчишка, и на тебя много денегъ ухлопано...

— Это я потомъ возвращу вамъ, папа...

— Посмотримъ...

Павелъ Иванычъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ сыну и спросилъ глухо:

— Ты... не изъ красныхъ?

Гриша усмѣхнулся.

— Красные—тѣ же люди, папа... Не людоѣды...

— Ты отвѣчай мнѣ на вопросъ...

— Сочувствіе не есть еще активное участіе...

— А я бы совѣтовалъ и не сочувствовать...

— Оставимъ, папа, этотъ разговоръ... Скажу вамъ одно: на фабрику не пойду больше... Управитель вашъ можетъ быть спокоенъ...

Павелъ Иванычъ ничего не отвѣтилъ, рѣзко повернулся и вышелъ изъ комнаты. Жилы на лбу у него надулись. Лицо было красно. За вечернимъ чаемъ онъ не сказалъ никому ни слова. Гриша тоже молчалъ, а Лиза, хорошенькая и поблѣднѣвшая, участливо посматривала на брата. Мать, всю жизнь молчавшая, заѣзженная работой, упорно смотрѣла въ чашку и украдкой вытирала покраснѣвшіе глаза...

Прошло послѣ этого съ недѣлю. Вечеромъ, когда Гриша разъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ письмо, дверь вдругъ отворилась и вошелъ Павелъ Иванычъ. Гриша взглянулъ на него и испугался. Старикъ былъ неузнаваемъ. Губы у него тряслись, лицо было блѣдно, и гнѣвныя складки бороздили лобъ. Прежде чѣмъ что-либо начать, Павелъ Иванычъ плотно затворилъ дверь, затѣмъ вытащилъ изъ кармана газетный листъ, развернулъ его и положилъ передъ Гришей. Вслѣдъ за передовой статьей въ номерѣ начиналась обширная замѣтка подъ заглавіемъ „Правда о войнѣ". Заголовокъ былъ густо подчеркнутъ жирнымъ краснымъ карандашемъ, а сбоку, тѣмъ же жирнымъ карандашемъ, былъ поставленъ вопросительный знакъ.

— Это... это изъ твоихъ газетъ?—хрипло спросилъ Павелъ Иванычъ.

— Да... это я привезъ...

— А на фабрику какъ она попала?...

— Кажется, я давалъ кому-то читать...

— Кажется? Такъ-съ... Значитъ, вы, милостивый государь, хотите того, чтобы отца на улицу вышвырнули? Вышвырнули на старости лѣтъ? Да?

— Я васъ не понимаю...

— Не понимаете? Хе... хе. Конечно, гдѣ понять: мы люди отсталые... Нѣтъ-съ, голубчикъ, этому не бывать, чтобы мой родной сынъ, мое дѣтище, вышелъ смутьяномъ и негодяемъ! Не бывать этому! Не бывать! Управляющій самъ нашелъ этотъ подлый номеръ въ слесарномъ цехѣ... Всѣ поголовно его читали... Управлящій самъ его отобралъ, призвалъ меня и сказалъ: или, говоритъ, прекратите это безобразіе, или подавайте въ отставку... Ха! въ отставку! Дожилъ, Павелъ Иванычъ, дожилъ!.. Ай да сынокъ хорошій... М-м-м-ерзавецъ!

— Папа!

— Мерзавецъ! Негодяй! Молокососъ... Молчать! Сегодня же убирайся къ чорту изъ моего дома...

— Хорошо...

— Убирайся! Чтобъ глаза мои тебя не видали... Ты... ты... опозорилъ меня... опоз...

Старикъ не договорилъ. Голосъ у него дрогнулъ, онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Жуткая тишина наступила въ комнатѣ.

Съ страшно бьющимся сердцемъ Гриша тихо сѣлъ у окна, отворилъ его и уставился лицомъ на улицу. Сумерки были удушливы, въ палисадникѣ безмолвно стояли два тополя. Густая пыль покрывала ихъ душистые листья, и вѣтки безсильно никли книзу. Изрѣдка воздухъ бороздили густые и сильные отрывистые свистки. Тяжело шлепая деревянными колодками, въ лаптяхъ и войлочныхъ шляпахъ, проходили мимо рабочіе, усталые, апатичные и испеченные огнемъ. Неужели имъ даже нельзя прочитать правду о войнѣ? Неужели проклятая жизнь заковала ихъ въ фабричныя стѣны навсегда, засушила ихъ сердца, сожгла фабричнымъ огнемъ ихъ души и, какъ молотомъ, раздавила мысль, сознаніе, волю... Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Тамъ, гдѣ гремятъ тысяче-пудовые молота, въ воздухѣ, трясущемся отъ этого грохота, прекраснымъ и яркимъ цвѣткомъ поднимается молодая, сознательная жизнь, яркая мечта о свободѣ и волѣ, дорогая и милая, какъ первый подснѣжникъ весной... И фабрика, черная и смрадная, не задавитъ и не задушитъ эту мечту...

Пушистая бабочка покружилась надъ головой Гриши и сѣла на стекло. Гдѣ-то далеко, за горами, погромыхивалъ отдаленный громъ и вспыхивала молнія. Немного погодя,

слабо затрепетали листья. Еще немного—пронесся молодой и рѣзвый вѣтеръ. Громъ подвинулся ближе. Молнія обливала трепетнымъ заревомъ предметы. Гриша затворилъ окно и, не зажигая огня, легъ на кровать.

Черезъ часъ начался ливень. Громъ яркими звуками отдавался въ горахъ и, казалось, игралъ въ небѣ, сильный, свѣжій и разгоряченный. Тополя шумѣли мокрыми листьями и били вѣтками о желѣзную трубу. И труба звенѣла монотонно и печально, а листья, казалось, разсказывали о чьей-то молодой и грустной жизни.

Часовъ около десяти въ комнату Гриши тихо вошла мать. Огонь отъ ея свѣчи слабо метался въ воздухѣ и бросалъ пятна на старое, морщинистое лицо. Мать подошла къ кровати и наклонилась надъ сыномъ. Гриша, казалось, спалъ. Дышалъ онъ ровно, но подушка у него была мокра, и слезы оставили полосы на щекахъ...

Листья въ палисадникѣ трепетали и бились тише. Громъ отдавался гдѣ-то далеко. Мать перекрестила Гришу и тихо вышла...

Въ августѣ Гриша уѣхалъ. Отецъ съ нимъ простился холодно. Какая-то горячая накипь осталась на душѣ у сына.

Какъ-то разъ, въ послѣднихъ числахъ октября, Павлу Иванычу принесли изъ конторы письмо. Сёмья сидѣла за вечернимъ чаемъ. Было мрачно и угрюмо. Смотрѣла въ окна осень.

Не торопясь, надѣвши очки, разорвалъ конвертъ Павелъ Иванычъ и началъ читать. Минуты черезъ двѣ старикъ вдругъ вскочилъ со стула, хотѣлъ что-то сказать, но языкъ у него замеръ. Какой-то невыразимый, животный страхъ застылъ на его лицѣ. Мать окаменѣла. Лиза сдѣлалась бѣлѣе скатерти. Вдругъ Павелъ Иванычъ началъ наклоняться все ниже и ниже, потомъ грохнулся на полъ и вскричалъ дико:

— Прок-л-лятые! Убили! Гриша! Гриша!

Онъ лишился чувствъ. Бросились за фельдшеромъ, тотъ пріѣхалъ и объявилъ, что старика, кажется, „немного хватило". Рука у Павла Иваныча безсильно болталась. Его перенесли на кровать. Онъ таращилъ глаза, налитые кровью, въ потолокъ и временами дико вскрикивалъ:

— Гриша! Гришенька!.. Убили!

Прочитали письмо матери и сестрѣ. Тамъ коротко сообщалось, что Гришу убили на площади, когда онъ шелъ за краснымъ флагомъ.

Мать повалилась на столъ головой и начала биться. Ея сѣдые волосы разметались. Лиза, блѣдная, дрожа всѣмъ

тѣломъ, для чего-то отворила окно и высунула голову въ промозглый мракъ. Ей хотѣлось закричать страшнымъ, болѣзненнымъ крикомъ, разбудить проклятый мракъ, вцѣпиться кому-нибудь ногтями въ лицо, ей хотѣлось смерти и мести...

Ужасъ, мрачный и огромный, какъ удавъ, залѣзалъ въ комнату, наполнилъ ее своимъ дыханіемъ и съ жестокой ироніей смотрѣлъ на мятущихся людей. Мать билась головой о столъ и выла дикимъ речитативомъ:

— Кому ты понадобилось, мое солнышко ясное?.. Не откроются теперь твои ясные глазыньки... Уходили тебя звѣри лютые, разбили твою головушу... Для чего далась тебѣ ранняя смертонька?.. Дитятко мое милое, дитятко мое ненаглядное!..

Ужасъ заползалъ все дальше, во всѣ углы и подъ мебель. Въ сосѣдней комнатѣ старикъ судорожно выкрикивалъ:

— Гриша! Гриша! Проклятые!

Осень, какъ гробовая плита, давила улицы и дышала въ окно угрюмымъ мракомъ...

А. Туркинъ.

САШКИНА ДОЛЯ.

Мы съ братомъ были уже довольно большіе, отчаянные шалуны, когда впервые увидѣли Сашку.

Замазанный, въ одной рубашонкѣ, съ изсосанной коркой чернаго хлѣба въ рукахъ, онъ съ усиліями переползъ пыльную колеистую дорогу, лужайку и подползъ къ нашему палисаднику. По пути онъ попалъ въ крапиву и обжегъ свое плохо защищенное тѣльце. Мы издали зорко слѣдили за всѣми его передвиженіями, улыбаясь и въ то же время боясь этой странной, тихо ковыляющей фигурки.

Когда же онъ подползъ и усѣлся калачикомъ противъ насъ, мы забыли приступы страха и громко, искренно разсмѣялись. Сашкѣ, очевидно, понравился этотъ пріемъ: онъ сладко улыбнулся своимъ широкимъ ртомъ, привѣтливо глядя намъ въ глаза и сильно почесывая свои обожженныя бедра.

Таково было наше первое знакомство.

Послѣ этого Сашка очень часто предпринималъ путешествія отъ своей избы къ нашему дому, благо они стояли по сосѣдству и раздѣлялись только широкимъ проулкомъ, по которому пролегалъ избитый колесами проселокъ. Каждый разъ его прибытіе доставляло намъ большое удовольствіе. Мы заманивали его за перегородку, выносили ему сахару, бѣлаго хлѣба. Онъ все бралъ и грызъ, все ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Должно сказать, что Сашкѣ въ это время было уже около шести лѣтъ, но онъ былъ очень малъ ростомъ, слабъ, флегматиченъ, говорилъ плохо и не ходилъ. Кромѣ того, если онъ падалъ на спину, то рѣдко могъ подняться самостоятельно. Часто братъ или я подкрадывались къ Сашкѣ сзади и роняли его на спину.

— Ой, ой, ой...—кричалъ Сашка, падая.

— Поднимайся,—говорили мы ему и съ любопытствомъ ждали, какъ онъ, толстенкій, рыжій, большеголовый, будетъ подниматься.

Сашка корчился, строилъ до невозможности смѣшныя гримасы, вытягивалъ ротъ, таращилъ глаза—и все напрасно. Мы, маленькіе мучители, смѣялись до боли въ груди. За то и Сашка торжествовалъ, если ему удавалось перевалиться на бокъ и усѣсться калачемъ.

Разъ онъ попытался взобраться на наше крыльцо, но съ первыхъ же ступеней слетѣлъ самымъ жестокимъ образомъ, раскроилъ себѣ до крови бровь и заревѣлъ громко и жалобно.

Страшно боялся онъ нашей собаченки. Если, подползая, замѣчалъ онъ ея бѣлую лохматую голову, то быстро повертывалъ назадъ и, не оглядываясь, улепетывалъ домой; при этомъ быстро работалъ руками и ногами, заплетался, подпрыгивалъ, падалъ и успокаивался только тогда, когда попадалъ на дворъ своей избы.

Мы совсѣмъ привыкли къ Сашкѣ, и онъ привыкъ къ намъ, какъ совершенно для всѣхъ насъ неожиданно отецъ увезъ его далеко, къ своимъ роднымъ, и оставилъ тамъ.

Сашкинъ отецъ, Алексѣй Ивановичъ Христодуловъ, былъ дьячкомъ въ нашемъ селѣ. Насколько мы слышали и понимали, жизнь его была довольно печальна. Раньше онъ былъ дьячкомъ въ другомъ селѣ. Тамъ стряслась надъ нимъ какая-то бѣда—пожаръ ли, еще ли что. Онъ сталъ запивать, дурно обращался съ женой. Аксинья Григорьевна и прежде была не совсѣмъ въ своемъ умѣ, а тутъ у нея совсѣмъ разстроилась голова. Она бросила домъ и сдѣлалась постоянной странницей. Съ толстой палкой въ рукѣ, съ холщевымъ мѣшкомъ за спиной, начала она ходить изъ города въ деревню, изъ села въ городъ. Домой приходила рѣдко, когда нужно было перемѣнить платье или обувь.

Было у Алексѣя Ивановича двое дѣтей: дочь подростокъ и Сашка. Дочь умерла, вскорѣ послѣ того, какъ его перевели въ наше село.

Первое время по смерти дочери Алексѣй Ивановичъ думалъ кое-какъ перебиться съ Сашкой, при помощи своей квартирной хозяйки, пожилой бабы—Степанихи. Дѣло, однако, не заладилось, и Алексѣй Ивановичъ увезъ Сашку на родину къ сестрѣ своей, выданной за дьячка же.

Въ первые дни по отъѣздѣ Сашки, намъ точно чего не доставало, но вскорѣ мы примирились съ его отсутствіемъ. Стояла теплая майская погода. Мы первый годъ, какъ переѣхали съ матерью-вдовой на житье къ ея отцу, сельскому священнику. Въ селѣ, послѣ города, насъ все прельщало. Рѣка свѣтлая, быстрая, въ зеленыхъ берегахъ, поля и луга съ синѣющимъ вдали лѣсомъ—какъ все это было для насъ ново и увлекательно. Вскорѣ мы очень при-

вязались къ Алексѣю Ивановичу. По службѣ онъ часто заходилъ къ дѣдушкѣ: ключи церковные принесетъ, книги. Часто звалъ его дѣдушка починить повалившійся плетень, расколоть сучковатый чурбанъ и пр. Алексѣй Ивановичъ ходилъ тихой, ровной походкой и говорилъ тоже тихо и ровно. Сутуловатый, средняго роста, мускулистый, немного рябой. съ густой скобкой темнорусыхъ волосъ, въ красной рубахѣ и смазныхъ сапогахъ (полукафтанье онъ надѣвалъ только въ праздникъ при богослуженіи)—онъ, какъ живой, стоитъ сейчасъ передъ моими глазами.

Подъ хмѣлькомъ онъ дѣлался веселѣе и развязнѣе, допускалъ театральные жесты, пѣлъ „конченъ, конченъ дальній путь" и другія, какъ онъ называлъ, семинарскія пѣсни.

— Бывало, у насъ въ семинаріи лихо отхватывали,—говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ и задумывался.

— Съ гитарой хорошо выходило,—добавлялъ онъ и полуохрипшимъ баритономъ затягивалъ:

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги матушки широкой...

Алексѣй Ивановичъ хвасталъ. Въ семинаріи онъ никогда не учился; учебное мытарство онъ закончилъ духовнымъ училищемъ. Что было этому причиной—не знаю. Человѣкъ, вообще, онъ былъ неглупый.

Нерѣдко забѣгали мы къ нему на квартиру. Жилъ онъ по сосѣдству съ нами на хлѣбахъ у крестьянина.

Хозяева его были люди пожилые, бездѣтные. Хозяинъ—Михайло Мишуковъ—маленькій, кривоногій, сплошь обросшій бородой, былъ боленъ хронически какой-то желудочной болью и постоянно пилъ соду. Хорошо помню и мѣдный кувшинчикъ, въ которомъ лежала сода, и маленькую деревянную ложечку, которой онъ поддѣвалъ соду, аккуратно клалъ въ свой волосатый ротъ и запивалъ водой.

Жена его—тетка Авдотья, попросту Степановна, ежеминутно сухо кашляла и, если не работала, сидѣла, поджавъ подъ себя ноги, на лавкѣ, глядѣла въ окно и грызла подсолнухи; до старости сохранились у нея крѣпкіе бѣлые зубы. Слышали мы, что давно за какую-то провинность Мишуковъ до полусмерти избилъ свою жену; съ тѣхъ поръ болитъ у нея грудь, говоритъ она слабымъ, надтреснутымъ голосомъ и кашляетъ.

Алексѣй Ивановичъ и Мишуковы обращались съ нами, какъ „съ поповыми ребятишками", привѣтливо. Мы очень любили пить чай въ ихъ холодной горницѣ, „клѣткѣ", съ малиной. Степановна наливала жиденькій чаекъ въ густо-

синія фаянсовыя чашки и накладывала малины. Мы мяли ее въ чаю; получался кисло-сладкій, какъ намъ казалось, очень вкусный напитокъ. Еще больше любили мы, когда пускали насъ въ огородъ ѣсть крыжовникъ, малину и черемуху. Мы наѣдались до отвала и глубоко сожалѣли, что у дѣдушки нѣтъ такого обильнаго огорода.

Какъ-то разъ мы застали у Алексѣя Ивановича его жену. Въ кубовомъ платочкѣ, сѣромъ ситцевомъ потасканномъ платьѣ, она сидѣла за столомъ въ переднемъ углу подъ божницей и медленно ѣла горячую похлебку большой деревянной ложкой изъ глиняной посудины. Изъ-подъ платка выбивались на углы лба двѣ тонкія пряди черныхъ волосъ. Блѣдная, худая, она производила болѣзненное впечатлѣніе.

Алексѣй Ивановичъ толстой хомутинной иглой зашивалъ хозяйскую шлею. Мишуковыхъ дома не было.

— А, ребятки!—ласково повернулся къ намъ Алексѣй Ивановичъ,—садитесь, гости будете.

Мы сѣли на лавку у окна. Аксинья Григорьевна, кажется, даже не взглянула на насъ. Она осторожно опускала ложку въ блюдо и подносила ее къ худымъ блѣднымъ губамъ. По временамъ она взглядывала въ сторону мужа и тихо говорила:

— Бьютъ, колотятъ, за уши таскаютъ; мальчишка махонькій, вразумить, сказать надо, а они колотятъ.

Алексѣй Ивановичъ шилъ и точно не слыхалъ ея словъ.

— Намедни на цѣлый день дома одного оставили, и ѣсть не припасли. Кормить-то не то, что колотить.

Мы сидѣли, не шевелясь, и слушали. Аксинья Григорьевна говорила долго все въ томъ же тонѣ. Мы поняли, что рѣчь шла о Сашкѣ, что ему очень дурно живется, хотя живетъ онъ у тетки родной, и за него платятъ четыре цѣлковыхъ ежемѣсячно.

Время шло. Мелькнуло лѣто, наступила зима; прошла и она. Опять во всю ширь развернулась зеленая весна и жаркое лѣто. Мы росли и все больше и больше привыкали къ деревнѣ. Мы изведали всѣ времена деревенскаго года, изучили всѣ ложбинки и пригорки ивановскихъ окрестностей. Привязанность къ Алексѣю Ивановичу осложнилась глубокимъ уваженіемъ, чуть не благоговѣніемъ къ нему, когда мы познакомились съ его мастерскимъ колокольнымъ звономъ.

Чудно звонилъ Алексѣй Ивановичъ. Колокола удивительно слушались его: большіе гудѣли мягко и бархатно, маленькіе не торопились, не взвизгивали. Получалась простая, но красивая ласкающая мелодія.

Въ моей памяти навсегда останутся тихіе, теплые лѣтніе вечера, когда мы сидѣли у себя на крыльцѣ, въ розовыхъ лучахъ готоваго спрятаться за лѣсъ солнца, а сверху, съ колокольни, неслись переливчатые звуки вечерняго звона.

Хорошіе, святые вечера!

Было грустно, точно колокола пѣли намъ печальную пѣсню о страданіяхъ и горѣ добраго, но несчастнаго человѣка, почему-то вспоминалась безумная жена Алексѣя Ивановича, молча шагающая по одинокому проселку, всплывала на память широкая, улыбающаяся физіономія Сашки.

А колокола все пѣли и пѣли...

О Сашкѣ приходили рѣдкія и все печальныя извѣстія. Его по прежнему били и плохо кормили. Аксинья Григорьевна, если приходила къ мужу, то, главнымъ образомъ, затѣмъ, чтобы поплакать о Сашкѣ, пожаловаться на его тяжелое житье.

Мы переживали уже третью весну, какъ вдругъ, неожиданно для насъ и даже для отца, привезли Сашку. Мы сейчасъ же отправились къ Алексѣю Ивановичу и черезъ четверть часа знали причину неожиданнаго пріѣзда Сашки въ наши края. Оказывается, поймалъ онъ въ грязномъ прудѣ худой корзиной одного несчастнаго карася, рѣшилъ зажарить его на чистомъ воздухѣ, добылъ спичекъ и вмѣстѣ съ карасемъ сжегъ у тетки сарай и житницу. Его выпороли до крови и повезли къ отцу, тѣмъ болѣе, что онъ уже сталъ ходить и научился членораздѣльно выражаться. Отецъ выпоролъ его вторично и оставилъ у себя.

Сашка очень измѣнился, выросъ, хотя нездоровая сырая полнота его не оставляла. Пряди жидкихъ рыжихъ волосъ сухо топорщились на вискахъ и широкомъ выпукломъ затылкѣ. Узкій, покатый лобъ, выдающаяся нижняя челюсть придавали старушечій видъ его лицу. При громкомъ стукѣ и крикѣ онъ часто моргалъ и наклонялъ голову, точно ожидая удара по темени, говорилъ сбивчиво и заикаясь.

Присутствіе Сашки ничѣмъ не измѣнило образа жизни и привычекъ Алексѣя Ивановича. Онъ попросилъ Степаниху сшить сыну нѣсколько рубашекъ и штановъ, прибавилъ Мишуковымъ цѣлковый въ мѣсяцъ за квартиру и за хлопоты, больше сталъ покупать крупы и баранокъ—и только.

Хозяева совсѣмъ иначе отнеслись къ Сашкѣ. У нихъ нашлось много мелкихъ дѣлъ, которыя всей своей мелочной тяжестью пали на его дѣтскія плечи. Мишуковъ говорилъ ему:

— Сашка, подь, приведи лошадь изъ табуна! — Сашка бралъ „оброть“ (узду) и шелъ за лошадью. Степановна кричала:

— Ведро воды принеси, Сашка!—Сашка съ бадьей шелъ на колодезь, вѣшалъ ее на крюкъ, наваливался животомъ на рычагъ и всей силой своего жалкаго существа, припрыгивая и опускаясь, накачивалъ воду. Вечеромъ надо было загнать скотину, вынести коровѣ пойло и пр. Въ сѣнокосъ и страдную пору у Сашки было, конечно, еще больше дѣла. Алексѣй Ивановичъ, если не былъ пьянъ, самъ все время работалъ на Мишукова и, такъ сказать, не замѣчалъ Сашкиныхъ трудовъ. Иногда только съ чисто русскимъ юморомъ онъ говаривалъ:

— Не разберемся никакъ, кто кого кормитъ, кто на кого работаетъ.

Свободное время Сашка проводилъ у насъ. Вѣрнымъ дѣтскимъ инстинктомъ мы сразу поняли, что Сашка робокъ, запуганъ, и что въ качествѣ равноправнаго члена онъ не можетъ войти въ наше маленькое общество, но что его можно подчинить и господствовать надъ нимъ. Съ этого времени надъ Сашкой тяготѣло двойное рабство: дома и у насъ. Разница была въ томъ, что наше порабощеніе онъ сносилъ добровольно, благодаря общности дѣтскихъ интересовъ.

У моего брата, подъ вліяніемъ Алексѣя Ивановича, зародилось непобѣдимое влеченіе къ колокольнямъ и звону. Онъ былъ увѣренъ, что дѣдушка, умирая, откажетъ ему въ наслѣдіе сельскую, стройную бѣлую колокольню со всѣми ея колоколами. Пока же, при помощи Сашки, мы строили свои очень интересныя колокольни за домомъ, на задворкахъ. Мять траву на усадьбѣ намъ запрещалось, поэтому свои архитектурныя упражненія мы продѣлывали въ довольно помѣстительной ямѣ, оставшейся отъ стараго жилья. Мы натаскивали туда кольевъ, кирпичей и тому подобнаго хлама. Сашку отправляли на рѣку за камнями. Главнымъ строителемъ былъ братъ.

— Сашка, бѣги на рѣку, принеси большой колоколъ. Смотри, выбери такой, чтобы можно было привѣсить,—распоряжался Андрюша,—а мы будемъ строить колокольню.

Сашка бѣжалъ подъ горку къ рѣкѣ.

— Скорѣе!—кричали мы ему вслѣдъ.

Едва успѣвали мы укрѣпить два-три кола будущей колокольни, какъ вдали показывался Сашка. Шелъ онъ медленно, едва передвигая ноги.

— Сашка... скорѣе!—изо всей силы орали мы ему снова.

Сашка прибавлялъ шагу, но скоро останавливался и клалъ камень къ ногамъ.

— Сашка! такъ мы до вечера ничего не сдѣлаемъ!—сердился братъ.

Сашка поднималъ камень и ломаной походкой, отки-

нувшись назадъ, разставивъ ноги, держа камень у живота, приближался къ намъ. Онъ, видимо, выбивался изъ силъ, потъ градомъ стекалъ по его разгоряченному лицу.

Пока мы вбивали колья, обкладывали ихъ кирпичами и досками, Сашка совершалъ на рѣку нѣсколько подобныхъ экскурсій. Помимо большого колокола, нужно было принести „набатный", средніе, „пѣвунчики" и пр.

Когда колокольня была устроена, комплектъ колоколовъ былъ на лицо, приступали къ ихъ навѣскѣ; каждый порядочный колоколъ обвязывали веревкой и закручивали вверху у поперечныхъ кольевъ; маленькіе привѣшивали на мочалѣ.

Когда все было упорядочено, начиналось самое интересное—звонъ. Андрюша, какъ главный любитель, дергалъ камни за концы веревокъ; я стоялъ у большого колокола и гудѣлъ:

„Бомъ, бомъ, бомъ"...

Сашка помѣщался за маленькими и раздѣлывалъ языкомъ неподражаемыя трели:

„Три-ля-ля, тинь, тинь"...

Онъ мѣнялъ тоны, усиливалъ звуки, или, гдѣ требовалось, затихалъ.

Мы совершенно забывали окружающее. Нашъ импровизированный звонъ казался намъ чуднымъ колокольнымъ звономъ.

И звонили мы долго, вдохновенно...

Часто въ самый разгаръ звона раздавался съ переулка надтреснутый голосъ Степановны:

— Сашка...о...о!.. Иди овецъ загонять, гдѣ ты запропастился, чертенокъ?..

Иллюзія пропадала. Сашка торопливо бѣжалъ на крикъ и получалъ нагоняй за забвеніе своихъ прямыхъ обязанностей.

Хорошо проводили мы время на рѣкѣ. Рѣка протекала въ полуверстѣ отъ села, за овинами, подъ горкой. Она извивалась змѣей среди густыхъ ольховыхъ и ракитовыхъ кустовъ; тамъ и сямъ она расширялась въ большіе бочаги и омута, съ ровной, какъ зеркало, водой, съ красивыми крутыми берегами. До сихъ поръ съ полной отчетливостью помню я одно интересное прибрежное мѣстечко. Круто спускался здѣсь берегъ и падалъ прямо въ тихую, съ бѣлыми и желтыми лиліями, воду. Какихъ только кустовъ и деревьевъ не росло на этой крутизнѣ. Тополь перемежался съ дубомъ, рядомъ съ дубомъ высился прямой кленъ, береза, рябина, орѣшникъ, калина, дикая яблоня тѣснились по ея

склону, а ближе къ рѣкѣ по кустамъ и стволамъ вился блѣдно-зеленый кудрявый хмѣль.

Красивое, дѣвственное мѣсто.

И видъ съ этого берега былъ красивый, — на далекую мельницу, хвойный лѣсъ и широкія волнистыя поля. Много по этому берегу находили мы земляники и костяники.

Когда земляника сходила, поспѣвала мелкая сладкая малина, орѣхи.

Съ удочками мы не сидѣли; бывало, наловимъ пискарей, насадимъ на крючки и оставимъ на погибель хищной рыбѣ, окунямъ и щукамъ, сами же путешествуемъ въ густыхъ зарасляхъ любимой горы или плещемся на песчаныхъ перекатахъ свѣтлой рѣчки, подальше отъ таинственныхъ глубокихъ омутовъ.

Андрюша и Сашка подчинялись на рѣкѣ мнѣ: я, какъ старшій, былъ смѣлѣе, и въ моей головѣ часто созрѣвали планы увлекательныхъ предпріятій.

Очень любили мы, напримѣръ, запруживать рѣку. Мѣстами наша рѣка дробилась на мелкіе рукава; нѣкоторые рукава были настолько мелки, что вода звенѣла, перебѣгая порожки пестраго булыжника. Эти-то мелкіе рукава мы и запруживали.

Неизмѣнный нашъ рабъ Сашка натаскивалъ дерна; онъ отламывалъ его отъ осыпающагося берега или выдиралъ съ травой на каменистыхъ островкахъ между ручьями.

Дернъ, камни, вѣтки, песокъ—все шло въ дѣло, и скоро довольно прочная плотина преграждала быстрый бѣгъ ручейка. Наступалъ самый интересный моментъ: вода ниже запруды сбывала: поросшіе темно-зеленымъ мхомъ, камни оголялись, и застигнутая врасплохъ мелкая рыба прыгала по обмелѣвшему руслу. Интересна была не столько сама рыба, сколько возможность брать ее, вольнолюбивую, не поврежденную, голыми руками.

Сашка искренно торжествовалъ.

Любилъ я еще ловить рыбу подъ камнями и подъ берегомъ. Вода теплая, заберешься въ кусты и запустишь руку въ землистую норку. Сердце забьется отъ ожиданія и радости, когда ощутишь въ глубинѣ норы скользкое тѣло головля или колючій плавникъ окуня. Особенное, хищническое ощущеніе!

Андрюша и Сашка боялись лягушекъ и крысъ, и подъ берегомъ рыбу не ловили. Сашку иногда мы, впрочемъ, заставляли силой: онъ съ ужасомъ опускалъ руку подъ берегъ, и малѣйшее ощущеніе скользкаго заставляло его инстинктивно откидываться назадъ...

Интересныя вещи продѣлывали мы съ „коротнями“. Ко-

ротнями въ нашей сторонѣ называется двойной челнокъ; онъ состоитъ изъ двухъ выдолбленныхъ изъ цѣлаго дерева корытъ менѣе сажени длиной, шириной—въ полъ аршина.

Корыта скрѣпляются боковыми связями. Тотъ, кто хочетъ ѣхать, долженъ становиться среди коротней, помѣщая ноги порознь въ оба челнока, упираться въ дно рѣки длиннымъ шестомъ и отталкиваться. Коротни употребляются спеціально для раскидки вершъ, постановки сѣти и пр.

Кататься въ коротняхъ, какъ слѣдуетъ, мы не умѣли и не могли, потому что намъ не подъ силу было справляться съ тяжелымъ шестомъ. Но если гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ рѣки мы натыкались на коротни, то непремѣнно пускали ихъ въ дѣло, такъ какъ имѣли при себѣ великолѣпный двигатель—Сашку.

Сашка раздѣвался, лѣзъ въ воду, бралъ коротни за носовую веревку и таскалъ насъ по рѣкѣ, избѣгая глубокихъ мѣстъ и придерживаясь берега; плавать Сашка не умѣлъ и глубины боялся.

Однажды мы съ братомъ не на шутку перепугались. Сашка волокъ насъ за веревку и вдругъ, оборвавшись, скрылся подъ водой. Онъ почти полъ-минуты не показывался, потомъ вынырнулъ и съ какими-то странными гримасами сталъ выплевывать воду и снова погрузился. Мы растерялись, затѣмъ спохватились и потянули къ себѣ веревку. Сашка инстинктивно сжалъ ее въ рукахъ; мы подняли его къ коротнямъ, и коекакъ намъ удалось помочь ему опамятоваться.

Вообще пріятное выпадало большей частью на нашу долю, Сашкѣ же приходилось сносить много неудобствъ, обидъ и даже побоевъ.

Припоминается мнѣ такой случай.

Былъ знойный лѣтній полдень. Мы всѣ трое купались на песчаной отмели, у овиновъ. Вода была теплая, какъ парное молоко. Мы, мокрые, выскакивали на берегъ, валялись въ горячемъ пескѣ, опять прыгали въ воду, брызгались. Сашка оживился больше, чѣмъ обычно, тоже брызгался и катался въ пескѣ. Голоса наши, какъ серебро, звенѣли надъ рѣкой. Вдругъ небольшой камень довольно сильно ударилъ меня въ спину. Я сначала не сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Это Сашка!—крикнулъ Андрюша.

Я взглянулъ на берегъ и понялъ... Сашка, играя, бросилъ нечаянно въ меня камнемъ. И безъ того маленькій и жалкій, теперь онъ еще больше съежился, поблѣднѣлъ и сидѣлъ на бѣломъ пескѣ, глядя на меня широко открытыми испуганными глазами. Съ чувствомъ, съ какимъ бросаютъ палкой въ собаку, быстро бѣгущую мимо съ трусливо поджатымъ хво-

стомъ, я выскочилъ изъ рѣки и больно ударилъ Сашку по голой, согнутой спинѣ...

Маленькое, но памятное событіе.

Скоро, однако, у Сашки нашелся искренній другъ, котораго онъ полюбилъ всей душой, и который отвѣчалъ ему тоже неподдѣльной привязанностью.

Въ одинъ изъ теплыхъ іюльскихъ вечеровъ мы возвращались всѣ трое съ рѣки. Мы немного утомились, но были довольны: въ ведеркѣ плескалось нѣсколько плотвы и окуней. Сашка тащилъ волокомъ удочки и потому шелъ сзади.

Тамъ, гдѣ плотно убитая тропочка близко подходила къ селу и круто повертывала на крестьянскія усадьбы, была большая яма. Когда-то здѣсь стоялъ овинъ; теперь, кромѣ крапивы и мусора, въ ямѣ ничего не было. Проходя мимо ямы, Сашка вдругъ остановился и тихо позвалъ меня съ Андрюшей. Мы подошли.

— Послушайте...

Мы наклонились надъ ямой и внимательно прислушались. До насъ долетѣлъ тихій пискъ. Сашка положилъ удочки и осторожно спустился въ яму. На днѣ онъ еще разъ прислушался. Пискъ раздался еще громче, и Сашка безъ затрудненія нашелъ его виновника въ бурьянѣ. Это былъ двухнедѣльный котенокъ, сѣренькій, худенькій: ноги у него были перевязаны льномъ, и, такимъ образомъ, было отнято единственное средство бороться съ голодной смертью. Сашка бережно держалъ его на рукахъ. Мы на перебой гладили худенькую спинку котенка, поднимали его мордочку и заглядывали въ глаза, должно быть, очень недавно увидѣвшіе бѣлый свѣтъ: они были маленькіе, мутновато-синіе, безъ всякаго выраженія. Одинъ разъ мы вышибли его изъ Сашкиныхъ рукъ и отъ жалости не знали, что дѣлать.

Тутъ же у ямы составился совѣтъ, какъ быть съ находкой.

Прежде всего развязали котенку ноги. Намъ было очень смѣшно, когда мы поставили его на землю, и онъ безпомощно разъѣхался на слабенькихъ, какъ мягкая резина, ногахъ.

— Я возьму его себѣ,—проговорилъ Сашка.

— А отецъ, а Мишуковъ?—спросили мы.

— Они будутъ тебя ругать, а Мишуковъ все равно опять заброситъ...—сказалъ Андрюша.

— Мы возьмемъ его себѣ,—продолжалъ онъ и потянулся за котенкомъ, но Сашка прижалъ котенка къ себѣ и вовсе не желалъ разстаться съ неожиданнымъ кладомъ.

Послѣ долгихъ споровъ и разсужденій, рѣшено было

оставить находку Сашкѣ и всѣмъ вмѣстѣ идти къ Мишукову съ просьбой не забрасывать кошку.

Сверхъ всякаго ожиданія, и хозяева, и отецъ Сашки очень снисходительно отнеслись къ нашей просьбѣ, должно быть, потому, что у Мишукова не было кошки, а мыши были, а можетъ быть, и потому, что мы ужъ очень жалостливо просили; у Сашки при этомъ слезы капали изъ-подъ бѣлыхъ рѣсницъ.

Дѣло уладилось. Степановна обѣщалась давать ежедневно молока. Съ этого времени у Сашки была дорогая ему забота. Котенокъ быстро росъ и оказался очень понятливымъ и шустрымъ. Его даже не приходилось тыкать мордой въ молоко: онъ рѣшительно наскакивалъ на черепокъ и быстро лакалъ розовенькимъ, нѣжнымъ, тонкимъ язычкомъ. Часто Сашка уходилъ съ котенкомъ на усадьбу. Ляжетъ онъ на спину, а Кузька (такъ Сашка назвалъ котенка) ползетъ по его тѣлу, лизнетъ въ носъ, въ губы. Сашка захохочетъ, а котенокъ отъ сотрясенія летитъ на траву вверхъ ногами. Сашка надрывается отъ смѣха.

— Кузька, Кузька!

Котенокъ опять взбирается, и снова та же исторія.

Неустрашимости и ловкости Кузька былъ поразительной. Не смотря на свой малый возрастъ, онъ смѣло взбирался на большія высоты, въ родѣ печки и стола, падалъ оттуда и опять лѣзъ съ пытливой настойчивостью. Къ Сашкѣ онъ привязался чуть не съ первыхъ дней и, если днемъ обходился безъ него, то ночью обязательно спалъ съ нимъ въ избѣ на лавкѣ.

Отецъ, вообще рѣдко замѣчавшій Сашку, иногда спрашивалъ его о котенкѣ.

— Ну что, Сашонка, какъ твой котъ? Даетъ ли Степановна молока-то?

Сашка отвѣчалъ, какъ всегда, односложно, робко, но въ душѣ, вѣроятно, былъ доволенъ, что, хоть благодаря кошкѣ, на него больше обращаютъ вниманія.

Когда котенку забывали дать молока, и онъ, голодный, мяукая, жался къ Сашкѣ, послѣдній говорилъ объ этомъ обстоятельствѣ намъ:

— Кузькѣ молока-то не давали...

Сашка ничего не просилъ, онъ только сообщалъ. Мы проникались полнымъ сочувствіемъ къ Кузькѣ, наливали въ бутылку молока и шли его кормить.

Время летѣло быстро. Насталъ сѣнокосъ. Пала роскошная трава, оголились дотолѣ цвѣтущіе луга и усадьбы. Сашка работалъ, ворочалъ, сгребалъ, складывалъ сѣно въ копны. У нашего дѣдушки тоже былъ покосъ; насъ, однако, рабо-

тать не заставляли. Вѣроятно, страшно хотѣлось бы Сашкѣ бросить грабли и идти съ нами, когда мы съ удочками проходили усадьбой Мишукова на рѣку.

Когда пошли грибы, Степановна, если была дурная погода, и другой работы не предстояло, будила Сашку на разсвѣтѣ, давала ему большую корзину, и они отправлялись за грибами версты за 4—5. Мы любили брать грибы, особенно бѣлые, но быть въ лѣсу съ Сашкой намъ не удавалось; большею частью бывало такъ, что, когда мы собирались съ дѣдушкой въ лѣсъ, Сашка уже возвращался изъ лѣса съ перекинутой за плечи корзиной съ крѣпкими бѣлыми грибами.

Скоро вызрѣла рожь. Желтая, желтая, сверкала она подъ жгучими лучами іюльскаго солнца. Съ Казанской мужики приступили къ жнитву. Тамъ и сямъ среди золотыхъ хлѣбныхъ волнъ появились острова сѣрыхъ выжатыхъ полосъ. Заскрипѣли долгуши, и у овиновъ появились скирды свѣжаго хлѣба. Въ концѣ жнитвы Сашку заставили изъ свѣжей соломы вязать „паски", которые всегда заранѣе готовятся для перевязыванья овсяныхъ сноповъ.

Тихо, тихо въ селѣ. Народъ на полѣ. Издали доносится скрипъ хлѣбныхъ возовъ. Сидитъ Сашка у соломы и вертитъ „паски". Кузька возится рядомъ, хватаетъ лапками и зубами соломенный жгутъ и вмѣстѣ съ нимъ вкатывается къ Сашкѣ на колѣни. Мы и на рѣку сходимъ и обратно придемъ, а Сашка у избы все вертитъ и вертитъ „паски" безъ всякой перемѣны, только ворохъ ихъ выростаетъ все больше и больше; и Кузька по прежнему съ нимъ играетъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней пришла къ Сашкѣ мать. Мы вмѣстѣ съ нимъ сидѣли у „пасковъ" и баловали съ котенкомъ. Алексѣй Ивановичъ и хозяева были въ полѣ.

Она тихо и незамѣтно подошла къ намъ со своею клюкой и привязаннымъ за спиною холщевымъ узломъ.

— Здравствуй, Сашка, работаешь?

Она погладила Сашку по головѣ. Сашка даже не приподнялся, а только коротко отвѣтилъ:

— Здравствуй!

Намъ съ братомъ сдѣлалось жутко, хотя въ Аксиньѣ Григорьевнѣ ничего страшнаго не было. Высокая, печальная, она скорѣе казалась доброй и ласковой; только въ глазахъ свѣтилось тихое, ровное, неизлѣчимое безуміе.

— А отецъ-отъ гдѣ?

— Въ полѣ съ хозяевами рожь дожинаетъ.

Аксинья Григорьевна приложила руку къ глазамъ и поглядѣла въ даль, на широкое сѣро-желтое поле... Въ разныхъ мѣстахъ чернѣли подвижныя фигуры мужиковъ и

бабъ; двигались возы, нагруженные тяжелыми, длинными снопами.

Мы съ братомъ, не шевелясь, смотрѣли на Сашкину мать, а онъ по прежнему равнодушно крутилъ свои грубые паски.

— Ты скажи ему, что я была.

Сашка молчалъ.

— Я теперь на Муромъ пойду, муромскимъ чудотворцамъ поклонюсь.

— Ты погоди, они скоро придутъ,—проговорилъ Сашка.

Въ его словахъ намъ послышалась нотка жалости къ матери.

— Чего ждать-то; скажи, что была, больно жалѣть не будутъ.—Она еще разъ погладила Сашку, поглядѣла на насъ и пошла къ чернѣющему вдали лѣсу.

Странное впечатлѣніе оставило въ нашихъ сердцахъ это посѣщеніе Аксиньи Григорьевны, какую-то грусть и безотчетное сожалѣніе—къ ней ли, къ Сашкѣ ли...

Страннымъ рисовался въ нашемъ воображеніи и городъ Муромъ, черный, большой, запрятанный въ лѣсахъ; постоянно звонятъ въ немъ колокола, и люди тамъ все плачутъ и молятся.

Мы долго смотрѣли ей вслѣдъ; быстро исчезала она изъ нашихъ глазъ и скоро совсѣмъ скрылась въ лощинкѣ у опушки осиноваго лѣса.

— Сашка, тебѣ жалко мать?—обратились мы къ Сашкѣ, когда немного отдѣлались отъ грустнаго настроенія.

— Нѣтъ, не больно, она глупая.

Мы хорошо даже тогда понимали, что Сашка своимъ умомъ не могъ дойти до мысли, что его мать глупая. Она, какъ видно, его любила и только для него заходила сюда. Взглядъ Сашки на мать былъ чужимъ взглядомъ, внушеннымъ. Это обстоятельство лишало его самой дорогой для ребенка привязанности.

Скосили овесъ. Грустно стало на душѣ. Скоро осень. Жаль теплаго лѣта. Лѣсъ, рѣка, широкое, неоглядное хлѣбное поле, луга съ щавелемъ и молочаемъ и всяческими сладкими дудками—какъ все это мило сердцу даже при воспоминаніи! Что же было тогда? Дни становились замѣтно короче. Мы съ братомъ старались, какъ можно полнѣе, воспользоваться остаткомъ лѣта. Съ утра были на рѣкѣ; иногда приходили домой обѣдать, иногда до вечера оставались тамъ; по вечерамъ звонили на своей колокольнѣ, или играли въ лапту и городки.

Сашки цѣлую недѣлю не было дома. Мишуковъ гдѣ-то далеко снялъ пустошь и уѣхалъ туда за травой. Съ нимъ

поѣхали Алексѣй Ивановичъ и Сашка. Сашкѣ очень не хотѣлось ѣхать. Особенно жаль ему было разставаться съ Кузькой.

Скучно было на пустоши; ѣли тамъ лишь огурцы да хлѣбъ; съ утра до вечера сушили траву, спали: Мишуковъ въ телѣгѣ, Сашка съ отцомъ на лугу, на сѣнѣ.

Радъ былъ Сашка воротиться домой, хотя и не родной былъ домъ,—особенно радъ былъ котенку, который тотчасъ узналъ его и дружелюбно терся объ его ноги.

Когда настало время молотьбы, Сашку заставили гонять на молотилкѣ лошадей. Съ утра до вечера стоялъ онъ на вращающейся площадкѣ и похлестывалъ длиннымъ кнутомъ худыхъ деревенскихъ клячъ. Подъ конецъ дня у Сашки кружилась голова, его тошнило, а мы ему завидовали: такъ хорошо казалось намъ стоять съ кнутомъ, повертываться изъ стороны въ сторону и погонять лошадей... Кругомъ такъ весело! То и дѣло подъѣзжаютъ возы со снопами, несутъ снопы въ молотилку; тамъ жужжитъ приводной ремень, быстро, быстро вращается желѣзный съ толстыми иглами барабанъ и ожесточенно грызетъ свѣжіе колосья. Безголовая солома, сухая и желтая, съ трескомъ вылетаетъ изъ-подъ зубьевъ барабана и рыхлымъ пластомъ устилаетъ плотно убитую почву овина; солому дружно подгребаютъ и выволакиваютъ вонъ, а она опять и опять накопляется, и снова волокутъ ее изъ овина къ молодому быстро растущему стогу.

Въ это время случилось въ жизни Сашки великое несчастіе: его Кузька, почти совсѣмъ выровнявшійся въ хорошенькую кошку, опрокинулъ и разбилъ крынку съ молокомъ. Въ другой разъ это, можетъ быть, и прошло бы безъ особыхъ послѣдствій; теперь же Мишуковъ былъ на что-то золъ, а Степановна очень жалѣла молоко, потому что осенью его „шиломъ хлебаютъ". И погибъ Кузька.

Мишуковъ швырнулъ въ оробѣвшую кошку чуракомъ и перешибъ ей заднія ноги; потомъ взялъ ее за шиворотъ и понесъ въ огородъ. Сашка все это видѣлъ; его сердце облилось кровью; ему хотѣлось крикнуть, побѣжать къ кому-нибудь за помощью, схватить Мишукова за руку и отнять у него котенка. Ничего этого Сашка не сдѣлалъ; онъ безпомощно, съ побѣлѣвшими губами, прижался къ изгороди и издали смотрѣлъ, что будетъ. Мишуковъ вырылъ ямку и сунулъ туда жалобно мяукающаго котенка; онъ, должно быть, карабкался, потому что Мишуковъ опустилъ въ яму ноги и прижалъ Кузьку. Нѣсколько комковъ земли, и почва сравнялась надъ кошкой. Для прочности дѣла Мишуковъ потопалъ свѣжую могилку...

Долго послѣ этого тупая боль лежала на сердцѣ Сашки.

Онъ немного похудѣлъ и осунулся; при крикахъ и шумѣ ниже нагибалъ голову, и чаще дрожали его бѣлыя рѣсницы. Онъ по прежнему ходилъ съ нами на рѣку, даже звонилъ по вечерамъ у насъ на колокольнѣ, но все это машинально, какъ-то безсознательно.

Въ началѣ сентября подулъ холодный, безпорядочный вѣтеръ.

Сначала по небу шли высокія, тонкія, бѣлыя облака. Скоро поплыли они ниже, потомъ слились въ одну, темно-сѣрую массу и двинулись безпрерывными безпросвѣтными рядами.

Крапнулъ дождикъ, усилился и полилъ косыми обильными струями на дотолѣ пыльную дорогу, сухіе поля и луга. И образовалось кругомъ топкое болото, ноги не вытащишь. Поблекла зелень, и полетѣли золотые листья на мертвыя, осиротѣлыя поля.

Мы чаще стали заглядывать къ Мишукову. Степановна пойло коровамъ готовитъ или сидитъ, какъ всегда, у окна, грызетъ зернышки и сухо кашляетъ. Мишуковъ на мосту хомутъ чинитъ, либо столярничаетъ что-нибудь; многое прощали мы ему въ его жестокости и суровости за мастерскія подѣлки: какіе великолѣпные тугіе самострѣлы дѣлалъ онъ намъ и выгибалъ отличныя дубовыя трости!

Алексѣй Ивановичъ тоже не сидѣлъ безъ дѣла; онъ былъ мастеръ на всѣ руки: сапоги мужикамъ подшивалъ, валенки кожей „обсоюзивалъ“, чинилъ корзины, платье и пр.

Сашку посадили за букварь. Не давалась ему книга. Сидитъ онъ съ ней у стола, подъ киотомъ съ фольговыми образами, и учитъ азы. Особенно противны были ему буквы „р“ и „ф“. Смѣшивалъ онъ ихъ и запомнить никакъ не могъ.

— Читай, Сашка, читай!—говорилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Го-го-го...—читаетъ Сашка.

— Загоготалъ; дальше разбирай...

— Го... го...

— Ровно жеребенокъ,—смѣется Степановна.

Отецъ сердится:

— Дальше-то что же, дуракъ!

— Я не знаю, букву забылъ,—сквозь зубы шепчетъ Сашка.

— Забылъ!..—передразниваетъ Сашку отецъ.

— Го-ра,—съ громадными усиліями выговариваетъ Сашка ненавистное слово.

Не видя конца мученіямъ, Сашка сначала замазалъ въ букварѣ „р“ и „ф“, а потомъ протеръ насквозь ихъ ненавистные образы. Однако, и это не спасло его отъ страданій.

Всюду эти буквы уничтожить было нельзя; тогда Сашка зарылъ букварь въ коровьемъ хлѣву. Отецъ выпоролъ его, а потомъ отдалъ въ школу вмѣстѣ съ нами.

Черезъ три недѣли его изъ школы, однако, взяли обратно. Учительница, молодая и ретивая, отказалась научить его грамотѣ. На ея вопросы Сашка или молчалъ, или несъ такую „несуразицу", что трудно было уловить въ его словахъ хотя маленькую искорку человѣческаго смысла. Какъ и дома за азбукой, онъ робѣлъ, краснѣлъ до корней волосъ, и потъ капалъ съ его узкаго покатаго лба.

И опять цѣлые дни сидѣлъ Сашка дома, полный повиновенія и страха; трудно было при этомъ рѣшить, кого онъ больше боялся: отца, волосатаго грубаго Мишукова или тихой вкрадчивой Степанихи.

Въ серединѣ октября стояли ясные, свѣжіе дни. Лѣса оголились, и стояли отдѣльныя березы и осины, точно сироты, обиженныя и забытыя. Изрѣдка проносились въ глубокой выси синяго неба треугольники запоздалыхъ журавлей, и ихъ крикъ, жалобный и прощальный, слышенъ былъ раньше, чѣмъ они показывались на глаза. Прозрачный, точно чистопротертое стекло, воздухъ облегчалъ взглядъ вдаль, и небо казалось чистымъ, холоднымъ, недосягаемымъ. Рыли картофель; бабы возились со льномъ. Мишуковъ воспользовался хорошими днями и поѣхалъ въ общинный лѣсъ за дровами, запасаться на зиму. Сашку онъ взялъ съ собой—потаскать дрова, присмотрѣть за лошадью.

Помню, рано утромъ мы съ братомъ отправились въ школу, а Сашка въ рыжемъ картузѣ и рваной шубенкѣ стоялъ у своего дома, у запряженной лошади. Онъ снялъ картузъ и поклонился намъ. Мы что-то ему крикнули... Вышелъ Мишуковъ; они съ Сашкой сѣли въ телѣгу и поѣхали за дровами. Больше Сашку мы не видали.

Мишуковъ воротился изъ лѣса скоро и, вмѣсто дровъ, привезъ мертваго Сашку, прикрытаго рванымъ полушубкомъ.

Какъ стало потомъ извѣстно, Мишуковъ, по пріѣздѣ въ лѣсъ, оставилъ Сашку у лошади, а самъ отошелъ искать поудобнѣе подъѣздъ къ своей „четверкѣ" дровъ. Когда Мишуковъ воротился, Сашка лежалъ навзничь у подножья старой дуплистой березы съ разбитой грудью и продавленной головой.

Лошадь перевернула телѣгу и съ „передками" отбѣжала далеко въ сторону. Очевидно, она чего-нибудь испугалась, бросилась и пришибла Сашку колесами или ногой.

Мишуковыхъ Сашкина смерть сначала испугала, но они сразу успокоились, когда безусловно была установлена случайность этой смерти. Алексѣй Ивановичъ тоже скоро съ ней примирился; на другой день онъ такъ же равнодушно дѣлалъ Сашкѣ гробъ, какъ подшивалъ сапоги и починялъ поддевки... Меня съ Андрюшей, при первомъ извѣстіи, поразила не самая смерть Сашки, а ея особенность, необычайность. Насъ занимала мысль, какъ это Сашка остался съ лошадью, чего она испугалась и какъ его задавила. Ночью, когда мы остались одни и легли въ постели, мы долго не могли заснуть. Намъ все мерещился рѣдкій, облетѣвшій березовый лѣсъ; Сашка лежитъ у дерева и кровь течетъ изъ его разбитой груди...

Къ холоднымъ, равнодушнымъ мыслямъ незамѣтно примѣшалось какое-то щемящее, тягостное ощущеніе. Мы долго ворочались съ боку на бокъ.

— Андрюша, ты спишь?—тихо спросилъ я.

— Нѣтъ, а что?

— Какъ думаешь, Мишукову жалко Сашку?

— Нѣтъ, если бы онъ его жалѣлъ, онъ не зарылъ бы Кузьку,—резонно отвѣтилъ Андрюша.

Мы помолчали.

— Тебѣ хотѣлось бы увидѣть живого Сашку?—проговорилъ Андрюша.

— Еще бы!.. Я самъ хотѣлъ спросить тебя объ этомъ...

Мы встали утромъ съ красными глазами. Непонятное ощущеніе мучило насъ по прежнему, даже какъ будто сильнѣе давило на сердце. Такъ или иначе оно должно было разрѣшиться, мы это чувствовали.

И въ школѣ было скверно на душѣ. Точно мы совершили большую несправедливость; точно мы, и только мы были виноваты въ случайной смерти Сашки. Мать съ дѣдушкой замѣтили, что мы повѣсили носы.

— Сашку жалѣютъ, — сказалъ дѣдушка и кивнулъ въ нашу сторону головой.

— Да, дѣтки?—спросила мать. У насъ навернулись слезы на глаза.

Въ сумерки я тихо вышелъ изъ дома и незамѣтно для другихъ пробрался къ избѣ Мишукова; осторожно, будто охраняя важную тайну, вошелъ я во дворъ и проскользнулъ въ „клѣтку“, гдѣ, какъ слышалъ, положенъ былъ Сашка. Въ переднемъ углу у темныхъ иконъ съ мѣдными потускшими сіяніями смутно горѣла лампада. Сашка, завернутый въ бѣлое, лежалъ на широкомъ черномъ столѣ. Лѣтомъ на этомъ столѣ мы и Сашка пили чай съ малиной. Я не чувствовалъ робости.

Вдругъ въ глубинѣ полутемной комнаты послышался шорохъ; я оглянулся и увидѣлъ блѣдное лицо брата...

Странная встрѣча не удивила насъ, но когда мы взглянули другъ другу въ глаза, туманная мучительная мысль-ощущеніе вылилась въ невыносимую жалость къ Сашкѣ.

Намъ было жаль не Сашку-раба, мы не думали, что теперь некому будетъ возить насъ въ коротняхъ, звонить въ каменные колокола и пр., намъ было жаль Сашку-человѣка. Глядя на его вытянутое короткое тѣльце, мы поняли и нашу, и общую несправедливость къ Сашкѣ.

Всѣ надъ нимъ смѣялись, били его, а кто, кромѣ безумной матери, пожалѣлъ и приголубилъ?

И вотъ, всѣ моменты жалости и любви, которые должны бы были выпасть на долю Сашки при его жизни, собрались въ груди нашей теперь, у мертваго его тѣла, и болѣзненно стѣснили наши маленькія сердца.

Мы прижались къ столу, опустили свои головы на его холодную черную доску и тихо заплакали жгучими, безпомощными слезами...

На третій день Сашку схоронили. Дорогою изъ Мурома случайно попала на похороны Аксинья Григорьевна.

Она плакала, какъ вполнѣ здоровая, и первая бросила комокъ земли на гробъ Сашки.

Уходя въ дальнюю, безконечную дорогу, она тихо говорила про себя:

— Больше не приду, разбойники, жалости въ васъ нѣтъ! Убили младенца! — и слезы туманили ея сѣрые, безумные глаза.

А. Сотсковъ.

АНДРЕЙ ФЕСТЪ.

Романъ изъ крестьянской жизни.

Людвига Тома. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой.

XV.

— Правая нога начинаетъ, лѣвая дѣлаетъ полуоборотъ направо. Итакъ, еще разъ! Разъ, два, три, разъ, два, три!

Бывшій герцогскій придворный танцмейстеръ Меркле давалъ урокъ танцевъ, и въ залѣ ресторана Шимеля собралось двѣнадцать студентовъ и столько же дѣвушекъ съ цѣлью научиться танцовать въ шесть уроковъ. Меркле взялся выполнить эту задачу и относился къ ней чрезвычайно серьезно. Онъ написалъ въ свое время книгу о танцахъ, и книга эта начиналась такъ: „Танцы, какъ искусство, представляютъ собою самое совершенное въ эстетическомъ отношеніи движеніе формъ; они являются символомъ пластической красоты. Танцы это—стремленіе придать тѣлу величайшую красоту, преобразить его граціей, придать ему эстетическое значеніе. Такова во всякомъ случаѣ точка зрѣнія, на которой стою я, какъ представитель современнаго искусства танцевъ".

И онъ жилъ согласно своимъ принципамъ. Онъ никогда не ставилъ ноги на полъ рядомъ, какъ это дѣлается обыкновенно, а всегда ставилъ одну на кончикъ пальцевъ, изящно сгибая ее полукругомъ. Руки онъ не сжималъ въ кулаки и не засовывалъ въ карманы, не свѣшивалъ, какъ попало, такъ какъ именно рукамъ онъ придавалъ особое значеніе, считая, что ихъ задача—символически воплощать пластическую красоту въ движеніяхъ. Для этого онъ считалъ нужнымъ отдѣлять мизинецъ отъ другихъ пальцевъ и прижимать къ губамъ закругленный указательный палецъ. И хотя Меркле достигъ совершенства самъ, но прививать его другимъ оказалось безконечно труднымъ. Среди его учени-

ковъ были молодые люди, которые по строенію тѣла были ничуть не изящнѣе, чѣмъ молодыя лягавыя собаки. Имъ нужно было сдѣлать большое умственное напряженіе для того, чтобы двинуть рукой или ногой по указанію учителя. Никакія округленныя движенія у нихъ не выходили, затѣмъ они никакъ не могли научиться не притопывать каблуками при танцахъ и падали, какъ сраженные молніей, когда пытались удержаться на кончикахъ ногъ. А среди ученицъ Меркля нѣкоторыя чувствовали всю безпомощность своего пола именно въ тотъ моментъ, когда начинались танцы, и такъ крѣпко держались за своихъ кавалеровъ, точно нужно было перейти черезъ бурный потокъ или спастись изъ горящаго дома. И по отношенію къ нимъ тоже трудно было достигнуть, чтобы танцы ихъ стали символомъ пластической красоты. Но Меркле могъ всего добиться.

Онъ сдѣлалъ знакъ толстому господину, сидѣвшему за рояломъ, и тотъ сталъ играть вальсъ. Одинъ изъ молодыхъ людей безжалостно выхватилъ хорошенькую блондинку изъ круга ея подругъ, сталъ бѣгать вокругъ нея, толкая ее своими колѣнами, выгибая ей бока, и такъ трясъ ее, точно хотѣлъ вытрясти все, что въ ней было.

— Остановитесь!—Игра на рояли прекратилась.

— Поменьше горячности, молодой человѣкъ, — сказалъ Меркле.—Именно въ вальсѣ должна проявляться эластичность движеній, и все тѣло должно двигаться съ естественной граціей. Смотрите, вотъ такъ. Правая нога начинаетъ въ тактъ, лѣвая дѣлаетъ полуоборотъ направо.

Снова раздались звуки вальса. Молодой человѣкъ снова попытался одолѣть препятствія. Онъ стиснулъ губы, сталъ упорно глядѣть въ землю и такъ настойчиво топалъ ногами по одному мѣсту, точно долженъ былъ растоптать множество насѣкомыхъ. Затѣмъ онъ отшвырнулъ свои ноги, какъ бы не желая никогда больше видѣть ихъ, потомъ сталъ кружиться на мѣстѣ, какъ будто черезъ его тѣло продѣли желѣзный прутъ. А молодая блондинка прыгала при этомъ совершенно самостоятельно, такъ какъ никакъ не могла продѣлывать вмѣстѣ съ нимъ всѣ эти непредвидѣнныя движенія.

— Стойте!—скомандовалъ Меркле.—Нѣтъ, молодой человѣкъ, вамъ еще нужно поупражняться въ позиціяхъ. Вы недостаточно тверды въ движеніяхъ, чтобы вести даму. Другая пара. Пожалуйте!

Изъ рядовъ вышелъ высокій юноша и, вытянувъ руки, держалъ на почтительномъ разстояніи отъ себя свою краснощекую даму.

— Держитесь непринужденно!—училъ его Меркле.—Да-

ма должна прижиматься къ кавалеру съ естественной грацiей, но не слишкомъ нѣжно. Вотъ такъ—это ужъ ничего. Разъ, два, три, разъ, два, три. Хорошо! Браво! У васъ дѣло идетъ на ладъ, господинъ Мангъ, только еще побольше непринужденности.

Сильвестръ прошелся по всей залѣ и вышелъ съ честью изъ испытанiя; танцмейстеръ сказалъ ему: „Вы будете однимъ изъ лучшихъ танцоровъ на вечерѣ. Я былъ бы очень радъ, если бы и другiе дѣлали такiе успѣхи, какъ вы“.

Все это общество упражнялось въ танцахъ вовсе не для того, чтобы придать тѣлу высшую красоту, а съ совершенно опредѣленной цѣлью. Студенческiй союзъ „Клiо“ рѣшилъ устроить танцовальный вечеръ, и молодые члены союза готовились къ этому событiю. Сильвестра пригласилъ къ участiю въ урокахъ танцевъ и потомъ на вечерѣ одинъ изъ его школьныхъ товарищей. Онъ не далъ согласiя сразу, боясь, что можетъ вызвать пререканiя участiемъ въ столь суетномъ времяпрепровожденiи. Но старикъ Шратъ объяснилъ ему, что въ жизни очень важно умѣть при случаѣ повертѣть въ танцахъ хорошенькую дѣвушку, а его прiятель разсказалъ ему, что на вечерѣ будетъ избранное общество, что придутъ дочери ректора, дочери совѣтника Кюфеля, дочь купца Шпорнера. Тогда Сильвестръ еще разъ обсудилъ всѣ обстоятельства и далъ свое согласiе. Онъ ни разу не говорилъ съ Трудхенъ съ того знаменательнаго вечера. Видать ее ему приходилось за это время ровно два раза: онъ ясно помнилъ каждую изъ этихъ встрѣчъ.

Въ первый разъ онъ ее увидѣлъ за нѣсколько дней до Рождества, когда шелъ вечеромъ по Театинерштрассе. У оконъ магазиновъ толпились люди, разглядывая выставленные для подарковъ товары. Вдругъ передъ однимъ изъ магазиновъ онъ увидѣлъ изящную, статную даму и рядомъ съ нею стройную дѣвушку съ пышными волосами, свернутыми въ красивый узелъ. У Манга вдругъ сдѣлалось сердцебiенiе, и онъ остановился, какъ вкопанный, устремивъ глаза на мѣховую шапочку и на узелъ волосъ. Молодая дѣвушка случайно обернула голову и случайно встрѣтилась взглядомъ съ Мангомъ. Онъ поспѣшно снялъ шляпу, но слишкомъ оробѣлъ, чтобы внимательно взглянуть ей въ лицо. Кромѣ того, вся кровь бросилась ему въ голову, и у него шумѣло въ ушахъ. Все это вмѣстѣ съ сердцебiенiемъ затемнило ему взоръ, и онъ такъ и не зналъ, дѣйствительно ли она ему кивнула головой, дѣйствительно ли улыбнулась и покраснѣла, какъ ему показалось. Или это такъ казалось изъ-за разноцвѣтныхъ лампочекъ, горѣвшихъ въ окнѣ съ

выставленными товарами. Сильвестръ долго думалъ потомъ объ этомъ и никакъ не могъ придти къ рѣшительному выводу.

Второй разъ онъ ее встрѣтилъ третьяго января, на Максимиліановской площади. Сильвестръ шелъ съ своимъ ученикомъ, сыномъ Ганса Вейса изъ Пирмазенса. Онъ говорилъ ему какъ разъ о томъ, что диктаторъ Луцій Корнелій Сулла вовсе не былъ убійцей Юлія Цезаря, какъ предполагалъ его ученикъ, и что это подозрѣніе уже потому падаетъ само собой, что Корнелій Сулла умеръ, болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ до убійства Цезаря. Но Сильвестръ вдругъ прервалъ свои историческія объясненія, замѣтивъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, показавшихся изъ-за угла. Онъ быстро снялъ шляпу и опять такъ растерялся, что не увидалъ, отнеслась ли фрейлейнъ Гертруда Шпорнеръ благосклонно къ его поклону. На этотъ разъ, однако, у него была возможность удостовѣриться въ этомъ. Когда онъ возобновилъ нѣсколько разсѣяннымъ тономъ свои разъясненія и сталъ распространяться о личности Корнелія Суллы, его ученикъ сказалъ:

— Она, кажется, ждала, что вы съ ней заговорите.

— О комъ вы говорите?

— О дѣвушкѣ, которой вы поклонились. Она даже остановилась передъ магазиномъ вмѣстѣ съ своей спутницей.

— Почемъ вы знаете, Джонъ? Нельзя заговаривать первому съ дамой—знайте это.

Сильвестръ сказалъ это такъ увѣренно, точно возвѣщалъ великую истину. Но внутренно онъ дѣлалъ себѣ величайшіе упреки. Онъ подробно рисовалъ себѣ въ воображеніи, какъ бы ему слѣдовало поступить и что бы изъ этого вышло. Онъ бы могъ, напримѣръ, сказать фрейлейнъ Гертрудѣ: „Я только хотѣлъ освѣдомиться о томъ, какъ поживаютъ ваши родители“, или же: „Позвольте мнѣ спросить, дѣлаете ли вы по прежнему такіе большіе успѣхи въ игрѣ на фортепьяно?“

Весьма вѣроятно, что фрейлейнъ Гертруда отвѣтила бы ему любезнымъ тономъ, и онъ могъ бы предложить еще нѣсколько вопросовъ: о здоровьи сначала ея отца, а потомъ ея матери и даже о томъ, какъ она сама поживаетъ. Сильвестръ твердо рѣшилъ не упустить слѣдующій случай и нарушить самымъ кореннымъ образомъ законъ, который онъ только что провозгласилъ въ назиданіе своему ученику. Но судьба предохраняла его отъ подобнаго безразсудства. Хотя онъ съ этихъ поръ избиралъ для прогулокъ со своимъ ученикомъ большей частью именно Максимиліановскую площадь,

но его объясненій уже ни разу болѣе не прерывало появленіе двухъ веселыхъ молодыхъ дѣвицъ, и онъ могъ безпрепятственно пополнять пробѣлы въ образованіи своего ученика.

Мысленно Сильвестръ становился все болѣе и болѣе предпріимчивымъ. Почему ему не ходить какъ можно чаще по Розенгассе и такимъ образомъ ни добиться во что бы то ни стало желанной встрѣчи. Вѣдь могъ же онъ, какъ всякій другой житель города, пройти какъ ни въ чемъ не бывало мимо магазина наслѣдниковъ Шпорнера и даже случайно взглянуть вверхъ, на третье окно въ первомъ этажѣ и столь же случайно увидать тамъ одного изъ членовъ семьи Шпорнеровъ.

Таковы были намѣренія Сильвестра Манга, и онъ твердо рѣшилъ осуществить ихъ; онъ даже доходилъ нѣсколько разъ до угла Розенгассе. Но съ этого пункта онъ каждый разъ поворачивалъ назадъ, потому что ему вдругъ приходили въ голову разные доводы противъ его предпріятія.

Одинъ разъ, однако, онъ собрался съ духомъ и съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица повернулъ на Розенгассе. Но шаги его все замедлялись по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому Шпорнеровъ. Онъ прошелъ мимо магазина, прижимаясь къ самой стѣнѣ, и быстро скользнулъ мимо двери, чтобы не попасться на глаза фрау Шпорнеръ, которая могла вѣдь, сидя у кассы, какъ разъ выглянуть въ эту минуту на улицу.

Ахъ, какъ пріятно пахло кофеемъ! Какъ привѣтливо сверкала мѣдная ручка дверей! И какъ весело курилъ свою трубку негръ на вывѣскѣ!

Сильвестръ рисовалъ себѣ въ воображеніи картину встрѣчи съ Шпорнерами: онъ отправится на балъ вмѣстѣ съ асессоромъ Шратомъ. Асессоръ Шратъ подойдетъ поздороваться съ семействомъ Шпорнеровъ, а Сильвестръ сможетъ воспользоваться этимъ, чтобы засвидѣтельствовать въ свою очередь свое почтеніе отцу, матери и дочери.

— Зачѣмъ мнѣ идти на балъ?—протестовалъ Шратъ.

— Ну, пожалуйста, пойдемте? Вамъ будетъ очень весело,— упрашивалъ Сильвестръ.

— Я вовсе въ этомъ не увѣренъ.

— Вы не пожалѣете, что пошли, ручаюсь вамъ. Гуфнагель говоритъ, что на балу будетъ очень избранное общество.

— А кто это Гуфнагель?

— Предсѣдатель союза „Кліо“. Студентъ филологическаго факультета.

— Филологъ? Это, конечно, доказываетъ, что онъ чело-

вѣкъ серьезный. И онъ ручается за то, что будетъ только самое избранное общество?

— Да, всѣ видные люди въ городѣ и высшая администрація.

— Вотъ какъ. А скажите, Сильвестръ, въ числѣ именитыхъ гражданъ, не придетъ ли также нѣкій Михаилъ Шпорнеръ? Меня это интересуетъ, потому что этотъ господинъ мой поставщикъ чая и табака.

Сильвестръ покраснѣлъ, старикъ Максъ Шратъ вынулъ трубку изо рта и разсмѣялся отъ души.

— Ахъ, вы, тихоня! Вотъ ужъ два дня, какъ вы мнѣ разсказываете про разныя великолѣпія и удовольствія, которыя ожидаютъ меня на балу, а про главное молчите.

— Я полагалъ...

— Вы полагали, что я пойду на балъ, чтобы поглядѣть опять на высопоставленныхъ лицъ?

— Такъ, значитъ, вы пойдете на вечеръ?

— Можетъ быть, ради васъ.

— Не могу вамъ выразить свою радость! Я вамъ безконечно благодаренъ.

— Но чего вы собственно ждете отъ моего посредничества. Хотите, чтобы я расхвалилъ всѣ ваши качества ея родителямъ.

— Нѣтъ, только будьте со мной на вечерѣ. При васъ я рѣшусь заговорить съ родителями.

— Хорошо. Говорите съ родителями, но не забудьте пригласить танцовать фрейлейнъ Гертруду. Я постараюсь поддержать хорошее настроеніе ея отца. Послѣ ужина легко завязать разговоръ. Я наведу его на бесѣду о разводкѣ чая.

Сильвестръ Мангъ почувствовалъ большое облегченіе, когда Шратъ далъ согласіе быть на балу. Онъ надѣялся, что асессоръ Шратъ послужитъ ему щитомъ противъ удивленныхъ взглядовъ Фрау Шпорнеръ и будетъ выразителемъ его искренняго преклоненія передъ нею, а также выяснитъ всѣ обстоятельства, оправдывающія его участіе въ подобнаго рода увеселеніяхъ.

Балъ состоялся въ залѣ самаго большого ресторана. Танцы начались въ восемь часовъ полонезомъ и закончились уже подъ утро котильономъ. Въ началѣ бала молодые люди отвѣшивали церемонные поклоны дѣвицамъ, дѣвицы смущенно поглядывали на кавалеровъ, а въ концѣ всѣ болтали самымъ непринужденнымъ образомъ. Въ началѣ съ лица танцмейстера Меркле не сходила страдальческая улыбка, а въ концѣ онъ сіялъ отъ удовольствія, радуясь, что все такъ хорошо наладилось.

Сильвестръ пришелъ очень рано. Онъ хотѣлъ подождать Шрата и пойти вмѣстѣ съ нимъ, но тотъ послалъ его впередъ одного.

— Я хочу поужинать съ полнымъ спокойствіемъ,—сказалъ онъ,—и не хочу ставить на пробу вашего терпѣнія. Вы внутренно считали бы минуты, и я казался бы вамъ безсердечнымъ чудовищемъ. Идите одни и ждите меня на полѣ битвы.

Вскорѣ Сильвестръ и другіе члены союза „Кліо" стали у дверей залы въ ожиданіи гостей. Сильвестръ глядѣлъ на входящихъ съ замираніемъ сердца.

— Вотъ теперь,—думалъ онъ каждый разъ, когда отворялась дверь.—Нѣтъ, опять не она.—Онѣ началъ падать духомъ.

Они, по всей вѣроятности, не придутъ. Фрау Шпорнеръ, вѣроятно, узнала, что на вечерѣ будутъ люди, которымъ ей уже пришлось дѣлать внушенія, и, навѣрное, заявила, что имъ не подобаетъ быть на этомъ вечерѣ. Глубокій басъ Гуфнагеля вывелъ его изъ мрачныхъ размышленій.

— Мангъ, не пора ли, по твоему, начать приглашать дамъ?

Сильвестръ посмотрѣлъ на своего пріятеля, совершенно не понимая, что онъ говоритъ. Что ему до всего этого? Что для него весь этотъ балъ? Онъ отвѣтилъ что-то, и опять устремилъ глаза на дверь, которая въ эту минуту какъ разъ снова открылась. Наконецъ-то—вотъ и они! Въ залу вошла величественная фрау Шпорнеръ. Ея шелковое платье шуршало такъ, какъ можетъ себѣ позволить шуршать лишь очень плотный и дорогой шелкъ. За нею появилась молодая дѣвушка въ бѣломъ; глаза ея стали сейчасъ же искать кого-то въ залѣ и весело блеснули, когда остановились на Сильвестрѣ. Затѣмъ явился въ длинномъ черномъ сюртукѣ и добродушнѣйшій папаша.

Не было больше сомнѣній: фирма Шпорнера пришла на балъ. Сильвестръ стоялъ въ нерѣшительности. Что дѣлать: поспѣшить ли имъ навстрѣчу и поздороваться съ родителями? Тѣмъ временемъ успѣлъ явиться столь нетерпѣливо ожидаемый Шратъ. Сильвестръ бросился ему навстрѣчу, очень взволнованный.

— А я ужъ боялся, что вы опоздаете,—сказалъ онъ.—Пора приглашать дамъ, дольше откладывать нельзя.

— Развѣ ужъ такъ поздно? А именитое семейство уже прибыло?

— Да.

— Ну, такъ отправимся къ нимъ.

Храбрость, съ которою Шратъ направился къ Шпорнерамъ, поразила Сильвестра. Встрѣча вышла очень радуш-

ной. Фрау Шпорнеръ, повидимому, искренно обрадовалась Шрату.

— Какъ? это вы, господинъ асессоръ!—сказала она.— Какъ я рада васъ видѣть! Вотъ ужъ не ожидала встрѣтить васъ здѣсь.

— Это звучитъ почти упрекомъ и глубоко меня огорчаетъ. Но позвольте мнѣ представить вамъ моего молодого друга, господина студіозуса Манга.

— А, господинъ Мангъ! Какъ вы поживаете? Почему васъ совсѣмъ не видно?

У папаши Шпорнера была плохая память, и онъ совершенно не умѣлъ владѣть своими чувствами, не умѣлъ держать ихъ въ должныхъ границахъ. Онъ такъ сердечно жалъ руку Сильвестру, точно ему никогда не внушали, что нужно вести себя осторожно съ людьми. Затѣмъ самымъ непринужденнымъ образомъ спросилъ молодого человѣка, почему онъ вдругъ пересталъ приходить къ нимъ.

Можетъ быть, такой образъ дѣйствія заслуживалъ справедливыхъ упрековъ, но, во всякомъ случаѣ, это сразу сломило ледъ. Фрау Софія заговорила съ нимъ очень милостиво, Гертруда весело смѣялась, и Сильвестръ ощутилъ въ себѣ необычайный приливъ храбрости. Когда прозвучалъ призывъ къ полонезу, онъ безстрашно предложилъ свою руку фрейлейнъ Гертрудѣ и такъ увѣренно провелъ ее черезъ ряды гостей, что кандидатъ Гуфнагель былъ въ высшей степени изумленъ при видѣ его смѣлости.

Сильвестръ былъ счастливъ, но счастье не дѣлало его разговорчивымъ. Онъ шелъ молча рядомъ съ своей дамой и радовался тому, что ея маленькая ручка покоится на его рукѣ. Разъ они встрѣтились глазами, и тогда оба покраснѣли. Помолчавъ, Сильвестръ сказалъ:

— Я послѣ того вечера видѣлъ васъ всего два раза.

— Во второй разъ на Максимиліановской площади,—отвѣтила Гертруда, улыбаясь.

— Да, я хотѣлъ съ вами заговорить и спросить, какъ вы поживаете.

— Почему же вы этого не сдѣлали?

— Я былъ не одинъ, и съ вами тоже была другая дѣвушка.

— Это была моя подруга, Кэти Гаукъ. Она сегодня тоже здѣсь. Вы должны непремѣнно потанцовать съ нею.

— Съ удовольствіемъ.

— Съ какихъ это поръ вы стали танцовать? Вы мнѣ прежде говорили, что вамъ никогда не приходилось танцовать.

— Я теперь научился.

— Мама, кажется, была удивлена, встрѣтивъ васъ на балу.

— И вы тоже удивились?

Гертруда слегка покраснѣла, а потомъ весело разсмѣялась.

— Я знала, что вы будете. Мнѣ сказала Кэти Гаукъ, а она, кажется, узнала отъ господина Гуфнагеля или отъ его сестры. Но вотъ начинается вальсъ.

Сильвестръ поклонился по правиламъ, преподаннымъ Меркле, затѣмъ взялъ Трудхенъ за талію и храбро завертѣлъ ее. Когда вальсъ кончился, онъ отвелъ ее къ родителямъ, поговорилъ съ ними, попросилъ представить его фрейлейнъ Гаукъ и велъ себя съ такой простотой и увѣренностью, что Шратъ только радовался, глядя на него. Фрау Шпорнеръ тоже стала разглядывать его съ особеннымъ вниманіемъ. Она видѣла, что онъ измѣнился и скорѣе къ лучшему, въ чемъ она должна была сознаться. Но вся его манера держаться подтверждала въ ней одно предположеніе на его счетъ. Она обратила вниманіе на нѣсколько сдѣланныхъ вскользь замѣчаній старика Шрата и замѣтила въ нихъ не только сердечное отношеніе къ Сильвестру, но и совершенно опредѣленное намѣреніе. Онъ какъ будто хотѣлъ дать понять, что кандидатъ богословія вовсе не долженъ непремѣнно сдѣлаться священникомъ. Эти замѣчанія онъ дѣлалъ шутливымъ тономъ, какъ бы невзначай, не придавая имъ значенія, но у фрау Шпорнеръ былъ тонкій слухъ.

Про Михаила Шпорнера этого нельзя было сказать. Михаилъ Шпорнеръ ничего не подозрѣвалъ и клялся, что никакія сплетни злой старой дѣвы не помѣшаютъ ему принимать у себя самымъ радушнымъ образомъ милыхъ молодыхъ людей, обладающихъ музыкальными талантами.

А балъ продолжался своимъ чередомъ. Меркле былъ очень доволенъ тѣмъ, что общее настроеніе становилось все болѣе и болѣе оживленнымъ. Кавалеры уже не придумывали съ выраженіемъ муки на лицѣ темъ для разговора, у дѣвицъ не было на лицахъ похороннаго выраженія, съ которымъ приходятъ навѣщать людей въ горѣ. Онѣ были благодарны за каждую шутку и весело смѣялись въ отвѣтъ. Сильвестръ завертѣлся въ бальномъ весельи, и со всѣхъ сторонъ слышались похвалы ему. Одну кадриль онъ не танцовалъ, а глядѣлъ, какъ танцуютъ другіе, любуясь красивымъ зрѣлищемъ.

Шратъ подошелъ къ нему.

— Ну, вы молодецъ сегодня. Весело вамъ?

— Очень. А вамъ?

— Ничего. Господинъ Шпорнеръ становится все разговорчивѣе. Мы ужъ стали бесѣдовать о культурѣ чая.

— Обо мнѣ онъ вамъ ничего не говорилъ?

— О васъ? Нѣтъ.

— А вы?

— Вы хотите спросить, пѣлъ ли я вамъ хвалы? Нѣтъ, это могло бы показаться подозрительнымъ, дорогой мой. Вы знаете, что когда чувствуется преднамѣренность, то цѣль не достигается.

— Я не объ этомъ спрашивалъ васъ. Я хотѣлъ бы знать, не удивленъ ли господинъ Шпорнеръ моимъ присутствіемъ на балу. Не кажется ли оно ему страннымъ?

— Кому это? Михаилу Шпорнеру?

— Ну да. Или его женѣ.

— Этотъ вопросъ имѣетъ больше основанія. Но кажется, она не осуждаетъ васъ за присутствіе на балу. Можетъ быть, она думаетъ, что вы хотите взглянуть на міръ въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ окончательно уйти изъ него.

— Она такъ говорила? Прямо или намеками?

— Нѣтъ. Вамъ, очевидно, непремѣнно хочется узнать, о чемъ говорилось за нашимъ столомъ. Я же вамъ говорю: мы дошли до разводки чая.

— Что они будутъ думать обо мнѣ, когда узнаютъ о моемъ рѣшеніи?

— О томъ, что вы хотите распрощаться съ богословской мудростью?

— Да. Вдругъ они подумаютъ, что я дѣйствую изъ суетной жажды удовольствій?

— Что-жъ, я долженъ сказать, что вы обнаруживаете большой талантъ къ преуспѣванію въ мірскихъ дѣлахъ. Я наблюдалъ за вами сегодня, и совершенно пораженъ.

— Нѣтъ, скажите серьезно, господинъ Шратъ, меня они не осудятъ за то, что я сегодня пошелъ на балъ?

— Зависитъ отъ того, кто. Фрейлейнъ Гертруда, кажется, не разочаруется изъ-за этого въ васъ. Михаилъ Шпорнеръ, тоже кажется, не слишкомъ строгій судья въ данномъ случаѣ, ну, а фрау Софія...

— Она подумаетъ, что у меня очень легкомысленный характеръ...

— Фрау Шпорнеръ умная женщина, умнѣе многихъ мужчинъ. Это можетъ оказаться полезнымъ для васъ въ серьезныхъ дѣлахъ, и не повредитъ вамъ, когда дѣло идетъ о пустякахъ.

— Вы полагаете?

— Относительно сегодняшняго вечера я ничего не знаю. Я только хочу сказать, что фрау Шпорнеръ принадлежитъ

къ людямъ, уваженіе которыхъ можно снискать серьезными достоинствами. Для васъ все это далекое будущее, но важно и то, что это возможно. А теперь давайте смотрѣть на танцы.

Сильвестръ задумался и разсѣянно оглядывалъ залу.

Меркле дирижировалъ:

— La main droite! La main gauche. Balancez en ligne!

— Въ мое время этого танца еще не знали,—сказалъ Шратъ.—Вѣдь это не танцы, а какая-то маршировка. Что это тамъ за долговязый дѣтина? Какъ бы онъ не затопталъ свою даму на смерть!

— Это Гуфнагель.

— Филологъ? Ну, конечно. Эти господа не измѣнились съ моего времени.

Послѣ котильона фрау Шпорнеръ заявила, что пора домой. Шратъ и Сильвестръ ушли съ вечера вмѣстѣ съ ними. Когда они всѣ вмѣстѣ вышли на улицу, Шратъ сжалился надъ своимъ другомъ: онъ сказалъ, что ему хотѣлось бы еще пройтись, и предложилъ проводить семью Шпорнеровъ домой. Февральская ночь была совсѣмъ теплая, и идти пѣшкомъ было очень пріятно. Онъ округлилъ руку и предложилъ ее фрау Шпорнеръ. Мужъ ея пошелъ съ правой стороны. Гертруда и Сильвестръ пошли впередъ.

— Я никогда не забуду этого вечера,—сказалъ Сильвестръ.

— Да, было очень пріятно.

— Но теперь онъ кончился. Какъ знать, когда я опять...

Онъ не докончилъ фразы и вздохнулъ. Онъ рѣшилъ сказать молодой дѣвушкѣ о своихъ планахъ на будущее, сказать ей, что не сдѣлается священникомъ.

— Фрейлейнъ Гертруда!..

— Что?

— Если вы нѣчто узнаете про меня, вы не будете худого мнѣнія обо мнѣ?

— Что же я узнаю?

— Я... я, кажется, не буду священникомъ.

Наконецъ, это сказано. Сильвестръ облегченно вздохнулъ. Онъ робко взглянулъ на Гертруду, но она не встрѣтилась съ нимъ взглядомъ. А такъ какъ голова ея была закутана платкомъ, и такъ какъ было довольно темно, то онъ не могъ увидѣть, что она покраснѣла до корней волосъ.

Сильвестръ снова заговорилъ. Теперь онъ могъ бы говорить безъ конца.

— Вы не будете дурного мнѣнія?

— Я никогда не думаю дурно о васъ.

— Я вѣдь не легко принялъ это рѣшеніе. Но я чувствую, что не могу быть священникомъ.

— Въ такомъ случаѣ вы и не должны насиловать себя.

Она взглянула ему прямо въ лицо. Въ ея темныхъ глазахъ было очень серьезное выраженіе. Она точно хотѣла ему внушить, что онъ долженъ довести свое рѣшеніе до конца.

Больше они ничего не сказали другъ другу.

Вскорѣ они подошли къ дому Шпорнеровъ. Шратъ съ родителями пришли вслѣдъ за ними, и Сильвестръ попрощался съ семьей; онъ пожалъ руку фрейлейнъ Гертрудѣ, поглядѣлъ ей вслѣдъ, и поглядѣлъ на дверь, которая медленно закрылась за нею.

XVI.

Мартъ стоялъ теплый. Идя въ гору за плугомъ, эрльбахцы снимали по дорогѣ куртки и утирали потъ съ лица. Бѣлые рукава рубахъ развѣвались по вѣтру, выдѣляясь веселымъ пятномъ на фонѣ голубого неба. Бѣлыя березы на опушкѣ лѣса тянулись навстрѣчу солнцу, луга покрыты были желтыми цвѣтами. На вспаханныхъ поляхъ виднѣлись большія красныя пятна; присмотрѣвшись, можно было различить, что это головные платки женщинъ, которыя, стоя на колѣняхъ, сажали картофель.

Въ воздухѣ чувствовалось бодрое, веселое настроеніе. Шедшіе за плугомъ останавливались каждый разъ въ концѣ полосы и перекликались съ сосѣдями, радуясь теплу и солнцу.

И въ самой деревнѣ тоже закипѣла работа. Въ огородахъ работали старики: копали грядки и сажали овощи. Началась также чистка и уборка домовъ. Жена Клойбера выбѣлила кухню, у Весбрунера старикъ отецъ выкрасилъ наново ставни, Гейтнеръ нанялъ двухъ каменщиковъ, чтобы какъ слѣдуетъ ремонтировать домъ. А въ другихъ домахъ женщины вывѣшивали бѣлье или мыли окна. Старики, которые уже не могли участвовать въ общей работѣ, выходили на воздухъ и, щуря глаза, глядѣли на солнце.

Вышла подышать весеннимъ воздухомъ и Вероника Мангъ, мать Сильвестра. Она расхворалась въ послѣднее время, обострилась прежняя болѣзнь. Прежде у нея только ноги пухли, а теперь болѣзнь подступала къ сердцу, и ей становилось тяжело дышать. За ней ухаживала сосѣдка Веберша и разсказывала по всей деревнѣ, что Вероника удивительно терпѣливо переноситъ страданія, не позволяя даже сообщить сыну, что ей стало хуже.

— Можетъ, полегчаетъ,—говоритъ она,—такъ зачѣмъ его безпокоить напрасно. Ну, а станетъ хуже, я скажу, когда время придетъ.

Веберша думала, что едва ли Вероника поправится. Очень ужъ она измѣнилась, стала задумываться и сама съ собой говорить—да такъ тихо, что ничего не понять, и нравъ совсѣмъ другой сталъ, не такой строптивый, какъ прежде, теперь она сдѣлалась такой кроткой, уступчивой. Ну, а когда у больного человѣка характеръ мѣняется, то это плохой признакъ.

Булочница Марія Ульрихъ говорила, что знаетъ, почему загрустила Вероника: сынъ ея, Сильвестръ, отказался стать священникомъ. Булочница прибавляла, что этого можно было ожидать: молодой Мангъ никогда не выказывалъ большого благочестія. Пріѣзжая домой, онъ рѣдко ходилъ въ церковь въ будни и совсѣмъ не заходилъ въ домъ къ священнику и его помощнику—не то, что при прежнемъ священникѣ Хельдѣ. У того онъ по цѣлымъ днямъ торчалъ; но могъ ли онъ укрѣпиться въ истинныхъ христіанскихъ правилахъ, слушая его,—этого, по словамъ булочницы, утверждать нельзя.

Такъ вотъ изъ-за чего, по ея мнѣнію, заболѣла Вероника Мангъ. Она такъ гордилась тѣмъ, что сынъ у нея будетъ духовнымъ лицомъ, такъ расписывала всѣмъ, какая ее ожидаетъ счастливая жизнь, такъ важничала, точно ужъ дѣйствительно она мать священника и живетъ съ нимъ въ его домѣ. А вдругъ ничего изъ этого не вышло... и кузенъ изъ Пазенбаха, вѣрно, откажется помогать Сильвестру.

Такъ толковала булочница Марія Ульрихъ, и деревенскія кумушки жалостливо поглядывали черезъ заборъ на бѣдную Веронику, которая сидѣла на солнцѣ и все не могла согрѣться.

— Вездѣ вѣдь горе на свѣтѣ,—продолжала булочница Марія Ульрихъ,—куда ни поглядишь!—Обращаясь къ женѣ Цвергера, булочница спросила, слыхала ли она о томъ, что случилось съ Фестовой Урсулой.

Третьяго дня она ужъ родила ребенка, а до сихъ поръ онъ еще не крещенъ. И говорятъ, что Фестъ рѣшилъ совсѣмъ его не крестить, такъ онъ ненавидитъ христіанскую вѣру. Одинъ ребенокъ у него ужъ лежитъ не крещеный за кладбищенской стѣной—и, какъ знать, можетъ, онъ тогда тоже нарочно не окрестилъ его во время.

Но если такъ будетъ продолжаться, если въ Эрльбахѣ будутъ ростить язычниковъ, то, навѣрное, на всю деревню обрушится гнѣвъ Божій.

У Цвергерши выразился на лицѣ такой ужасъ отъ сообщенія булочницы, что и другія хозяйки захотѣли узнать, въ чемъ дѣло. Онѣ бросили каждая свою работу и окружи-

ли булочницу. Кучка любопытныхъ все разросталась. Дѣти, игравшія на улицѣ, разбѣжались по домамъ и сообщили матерямъ, что у булочной собралось много народа. Матери вышли на улицу, прикрыли глаза рукой отъ солнца и поглядѣли вдаль. Видя, что дѣйствительно у булочной какое-то сборище, онѣ быстро надѣли передники и поспѣшили туда.

Веберша тоже не могла дольше сдержать своего любопытства. Она сказала Вероникѣ, что сейчасъ вернется, и ушла. Когда она возвращалась обратно, ее сопровождала Весбрунерша, и онѣ останавливались каждыя пять минутъ и глядѣли другъ на дружку испуганными глазами.

— О чемъ люди говорили?—спросила Вероника слабымъ голосомъ.

— У Фестовой Урсулы родился сынъ, а Фестъ не хочетъ крестить. Пусть, говоритъ, будетъ язычникомъ—на зло священнику.

— Кто это разсказываетъ?

— Булочница, Марія Ульрихъ.

— Ну, она мало ли что болтаетъ. Я ей не вѣрю.

— Нѣтъ, это правда. Она, навѣрное, знаетъ. Да и такъ во всемъ Эрльбахѣ извѣстно, что Фестъ отказался отъ христіанской вѣры и пересталъ ходить въ церковь.

— Ну, чего это всѣ на него взъѣлись! Оставили бы его лучше въ покоѣ. Прежде никогда про него ничего худого не слыхать было.

— Не хвалить же его за то, что онъ язычниковъ роститъ!

Вероника слегка покачала головой и стала бормотать что-то невнятное.

— Недолго она протянетъ,—говорила потомъ Веберша.— Не къ добру это. Прежде, когда кого ругать начинали, она донимала хуже всѣхъ. А теперь вдругъ какая кротость нашла. Не долго ей жить на свѣтѣ!

Булочница не соврала, сказавъ, что Урсула родила мальчика. Онъ достаточно громко кричалъ, чтобы можно было сомнѣваться въ его появленіи на свѣтъ. Жена Феста ухаживала за дочкой во время родовъ и, по женской добротѣ, была съ ней особенно добра и ласкова. А когда бабка понесла ребенка крестить въ церковь, то и бабушка новорожденнаго пошла вмѣстѣ съ ней, чтобы присутствовать при томъ, какъ ея внукъ будетъ принятъ въ лоно католической церкви.

Имъ пришлось долго ждать священника Бауштетера. Наконецъ, онъ явился и заявилъ, что назоветъ ребенка при крещеніи Симплиціемъ.

— Это почему?—спросила жена Феста.—У насъ рѣшено назвать его Андреемъ.

Священникъ возразилъ, что до ихъ рѣшеній и желаній

ему никакого дѣла нѣтъ. Мальчикъ родился второго марта, въ день святого Симплиція, а у него постановлено разъ навсегда, что незаконнорожденнныя дѣти будутъ носить имя святого, въ день котораго они родились.

Крестьянка продолжала протестовать, говоря, что такого имени она отъ роду не слыхивала, что внукъ ея будетъ посмѣшищемъ на всю жизнь, если его такъ назовутъ, и что на это они никакъ не могутъ согласиться.

— Напрасно,—сказалъ священникъ.—Если благочестивый, чтимый нашей церковью, папа носилъ имя Симплиція, то оно подавно годится для мальчика, у котораго нѣтъ законнаго отца. А затѣмъ я не желаю выслушивать никакихъ возраженій и окрещу мальчика, какъ сказалъ.

Жена Феста начала опять его упрашивать.

— Пожалѣйте насъ!—сказала она.—Уже то, что этотъ ребенокъ родился, для насъ несчастіе, вы отлично знаете, что у насъ за жизнь стала. Хозяинъ мой ходитъ по дому и ни съ кѣмъ не говоритъ, а Урсула плачетъ по цѣлымъ днямъ изъ-за того, что отецъ не хочетъ и смотрѣть нее. А тутъ еще я приду и скажу, что мальчику дали такое имя! Нѣтъ, ни за что...

— Да, я знаю, что у васъ въ домѣ воцарился духъ строптивости. Но почему вы такъ волнуетесь? То, что ребенку дадутъ такое имя, вовсе не стыдно. Стыдно только, что онъ родился внѣ брака.

— Мало ли у насъ родится дѣтей у незамужнихъ! Благослови ихъ Господь. Если родилось дитя, нужно благодарить за него Бога.

— Если хотите, чтобы я совершилъ обрядъ крещенія надъ ребенкомъ, то перестаньте спорить. Я назову его Симплиціемъ, и дѣло съ концомъ. Всѣхъ незаконныхъ дѣтей я называю по святому, въ день котораго они рождаются, и для васъ исключенія не сдѣлаю. А если вы не согласны, то я вовсе отказываюсь крестить.

— Господи помилуй!—стала причитать и плакать крестьянка.—Какъ я скажу Андрею? И почему это на насъ всѣ бѣды сыплются одна за другой. Чѣмъ мы хуже другихъ? Вѣдь я хожу въ церковь каждый праздникъ, какъ всѣ. Дочка тоже не виновата, что у васъ съ отцомъ не лады. Не позорьте же вы насъ! А то онъ скажетъ: „Ну, что-жъ. Пусть не креститъ". Опять бѣда будетъ!

Бабка тоже вмѣшалась и стала просить священника, чтобы онъ уступилъ и окрестилъ младенца Андреемъ. Но онъ крикнулъ ей, чтобы она не вмѣшивалась не въ свое дѣло, а плачущей крестьянкѣ заявилъ, что въ угоду ея мужу своихъ правилъ мѣнять не будетъ.

— И вообще ужъ сегодня я крестить не намѣренъ,—приба-

вилъ онъ.—Приходите завтра. А если до тѣхъ поръ что приключится съ младенцемъ, то на вашей душѣ грѣхъ... А вы знаете, что это значитъ!

Сказавъ это, священникъ повернулся и ушелъ. Жена Феста долго глядѣла ему вслѣдъ и вытирала себѣ передникомъ слезы.—Ну, что-жъ, пойдемъ,—сказала она. Проходя черезъ кладбище, она остановилась и стала громко плакать.

— Ну, куда я теперь пойду?—сказала она.—Хозяинъ на полѣ и до ночи не вернется. Урсула лежитъ въ постели, и я не могу ей сказать, что ребенка хотятъ окрестить дурацкимъ именемъ. Куда мнѣ идти?.. Умереть бы поскорѣй... успокоилась бы хоть я тогда! А то вѣдь опять бѣды не оберешься.

— Сходи къ священнику въ Ауфгаузенъ,—посовѣтовала бабка.—Можетъ, онъ дастъ совѣтъ, скажетъ, должны ли вы соглашаться на такое имя.

— Да какъ же я пойду такъ далеко? Работники на полѣ, и нужно, чтобы кто-нибудь дома оставался. Да и лошадей кормить пора.

— Я бы охотно пошла, да не сумѣю сказать, что нужно. А у тебя никого нѣтъ, кто бы сходилъ туда, сдѣлалъ тебѣ одолженіе?

— Портной Габерль пошелъ бы,—сказала крестьянка.—Не охота мнѣ только просить его: не знаю, сумѣетъ ли онъ сказать, что нужно. Ну, да всетаки пойду попрошу. А ты куда дѣнешься съ ребенкомъ? Идти домой еще рано: Урсула испугается, догадается, что неладное что-то случилось.

— Я зайду въ трактиръ и тамъ подожду тебя. Все равно вѣдь послѣ крестинъ всегда заходятъ выпить.

— Хорошо. Пойди выпить кружку пива, а я скорехонько сбѣгаю туда и назадъ.

Жена Феста пошла къ Габерлю, а бабка въ трактиръ. Она положила ребенка на столъ, и изъ-за печки къ ней вышла кельнерша съ заспанными глазами.

— А, это ты!—сказала она, узнавъ бабку.—Съ крестинъ? А много народу еще придетъ?

— Нѣтъ, я одна. Ребенокъ не отъ вѣнчанныхъ родителей, это сынъ Фестовой Урсулы.

— Вотъ оно что, Урсулы! А отецъ—Ксаверій Хирангль, значитъ? Тебѣ что принести, пива?

— Да, и кусокъ сыра.

Кельнерша вышла и быстро вернулась. Поставивъ кружку пива на столъ передъ бабкой, она стала разглядывать ребенка, который глядѣлъ въ потолокъ удивленными глазами.

— Такъ это и есть ребенокъ Урсулы? Говорятъ, Ксаверій не будетъ платить, откажется признать, что ребенокъ его.

— А славный мальченка, большой, толстый. Какъ его звать?

— Да никакъ. Его еще не окрестили. Мы пошли въ церковь крестить, а священникъ придумалъ какую-то смѣшную кличку: Симпли или Симпи, что-то вотъ такое. Говоритъ, что ребенокъ родился въ день этого святого и есть такой законъ, чтобы назвать его по святому. Не то совсѣмъ не станетъ крестить.

— Да что ты? Никогда я ничего такого не слыхала.

— Не долго живешь у насъ въ Эрльбахѣ, оттого и не слыхала. Три года тому назадъ была такая же исторія. Родилась дѣвочка у незамужней, и священникъ окрестилъ ее Бибіаной. Правда, дѣвчонка умерла черезъ нѣсколько дней, такъ что бѣды никакой не было. Но у насъ тогда много говорили объ этомъ.

— Со мной бы этого не посмѣли сдѣлать.

— Что тамъ не посмѣли!—возразила бабка, засовывая въ ротъ послѣдній кусокъ сыра. — Разъ священникъ рѣшилъ, что съ нимъ подѣлать.

— Я бы ругалась и заставила сдѣлать по своему.

— Мать Урсулы была со мной въ церкви, просила и плакала, а священникъ разсердился и сказалъ, что совсѣмъ не станетъ крестить ребенка.

Маленькому Фесту, видно, стало очень скучно и боязно лежать на столѣ, глядя въ потолокъ. Онъ сморщилъ личико и собрался плакать, но бабка быстро успокоила его, сунувъ въ ротъ соску. Онъ опять поднялъ глаза вверхъ съ серьезнымъ лицомъ, точно раздумывая, примириться ли ему съ именемъ Симплиція.

Кельнерша вынула изъ волосъ шпильку, стала ковырять ею въ зубахъ и перевела разговоръ на Ксаверія, который будто бы отказывается признать ребенка своимъ и платить за его содержаніе и говоритъ, что не онъ одинъ былъ любовникъ Урсулы. Бабка возмутилась.

— Ишь вѣдь какой безстыдникъ!—сказала она.—Всѣ они хороши, нечего сказать! И дуры вѣдь вы, дѣвушки, что вѣрите имъ... Однако мнѣ пора. Вотъ и мать Урсулы вернулась.

Бабка заплатила за пиво и сыръ, взяла ребенка и вышла. У самыхъ дверей она столкнулась съ женой Феста.

— Я готова,—сказала она.—Идемъ домой. А что, застала ты Габерля?

— Да, онъ сегодня же пойдетъ къ священнику въ Ауфгаузенъ.

— Вотъ видишь, какъ я хорошо придумала. Онъ, навѣрное, все уладитъ.

— Давай Богъ. Пойдемъ скорѣе, чтобы никто по дорогѣ не заговорилъ съ нами. Крестьянка пошла быстрыми шагами. Лицо у нея было красное отъ слезъ и волненія, и ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь это замѣтилъ. Придя домой, она послала бабку къ Урсулѣ.

— Только ты ей ничего не разсказывай,—сказала она.— Спрашивать она вѣдь не станетъ. Ей и въ голову не придетъ, что отказали крестить ребенка. Ну, а спроситъ, почему мы замѣшкались, скажи, что священника долго ждать пришлось.

Крестьянка переодѣлась и пошла въ хлѣвъ доить коровъ. Она сѣла на табуретъ и поставила ведерко промежъ колѣнъ. Сначала мысли ея были заняты новымъ горемъ, свалившимся на нее. Но работа не терпитъ, чтобы думали о постороннемъ, и она вскорѣ забыла о своихъ заботахъ и стала спокойно и внимательно цѣдить молоко въ ведерко.

Было ужъ совсѣмъ темно, когда Фестъ вернулся съ поля. Онъ очень усталъ за день и крикнулъ женѣ въ кухню, что хочетъ сейчасъ же поужинать и скорѣе лечь спать.

— Нѣтъ, ужъ ты погоди ложиться спать,—отвѣтила жена.— Вечеромъ придетъ Габерль.

— Не праздничное теперь время, чтобы разговоры разговаривать.

— Онъ долженъ тебѣ кое-что сказать. Онъ ходилъ въ Ауфгаузенъ, къ священнику.

— А мнѣ что за дѣло до этого?

— Выслушай, прежде чѣмъ кричать. Онъ пошелъ спросить насчетъ ребенка Урсулы.

— Я объ этомъ и слышать не хочу.

— Вотъ какъ! Я одна за все отвѣчай!

Бѣдная женщина вспомнила обо всемъ, что она перенесла за день, и ей это показалось еще болѣе ужаснымъ: вотъ и дома родной мужъ на нее же еще кричитъ!.. Она стала такъ рыдать, что Фестъ съ безпокойствомъ взглянулъ на нее.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

— Еще спрашиваетъ!—сказала она.—Всѣ мной помыкаютъ, какъ тряпкой, а тебѣ и дѣла нѣтъ. Опостылѣла мнѣ жизнь!

— Да я только сказалъ, что мнѣ нѣтъ дѣла до Урсулы и ея ребенка.

— Да я-то чѣмъ виновата, что она попалась, какъ дура. А она всетаки хорошая дѣвушка, и нельзя такъ измываться надъ нею.

— Въ чемъ дѣло? Говори же, наконецъ.

— Да въ томъ, что священникъ не хочетъ крестить ребенка!

Заливаясь слезами, крестьянка начала свой разсказъ.

— Вотъ пришли мы въ церковь, а онъ долго не прихо-

дилъ. Потомъ пришелъ и сказалъ, что долженъ назвать ребенка Симпи, потому что онъ родился второго марта. А я ему на это говорю, что не позволю дать ребенку такое имя, чтобы всѣ потомъ надъ нимъ смѣялись. А онъ сказалъ, что ему все равно, и что если я не согласна, такъ онъ совсѣмъ крестить не станетъ. Потомъ опять сказалъ, что по закону ребенокъ долженъ быть названъ Симпи.

— А ты что?

— Я сказала, что сама рѣшить не могу, и должна пойти спросить домой. А ты теперь говоришь, что тебѣ нѣтъ дѣла и что тебя это не касается!

— Не хнычь ты, ради Бога! Этимъ дѣлу не пособишь. Значитъ, ребенка не окрестили?

— Конечно же, нѣтъ. Мы такъ ни съ чѣмъ и вернулись.

— А портной Габерль тутъ при чемъ?

— Бабка посовѣтовала сходить спросить у священника въ Ауфгаузенѣ; онъ, навѣрное, знаетъ, имѣетъ ли нашъ священникъ право отказаться крестить. Ну, я пошла просить Габерля, чтобы онъ послалъ кого-нибудь въ Ауфгаузенъ. А онъ сказалъ, что самъ пойдетъ. Онъ знаетъ тамошняго священника, тотъ ему скажетъ всю правду.

— Да развѣ Бауштетеръ справляется, можно ли или нельзя. Онъ какъ разъ и норовитъ сдѣлать то, что противъ закона. Но ужъ я этого не потерплю!

Послѣднія слова Фестъ крикнулъ во весь голосъ и, взявъ глиняный горшокъ съ плиты, бросилъ его на полъ съ такой силой, что онъ разбился въ дребезги.

Жена стала усмирять его, говоря, что его крикъ услышатъ на улицѣ, но онъ не унимался.

— Ну, и пусть всѣ слышатъ!—кричалъ онъ.—Что я ему за дуракъ дался, чтобы онъ помыкалъ мною, какъ хочетъ! Если все дозволено, такъ я его такъ исколочу, что онъ будетъ помнить. Иначе съ нимъ не раздѣлаться. А ребенка я не дамъ ему крестить, такъ и знай.

— Да стоитъ ли оттягивать время? Все равно потомъ придется уступить.

— Этимъ именемъ я не позволю его назвать. Что бы тамъ въ Ауфгаузенѣ ни сказали, мнѣ все равно. Я не позволю попу глумиться надъ нами. Пусть лучше Урсула изъ дому уходитъ, пусть уѣзжаетъ куда-нибудь въ другое мѣсто и тамъ окреститъ ребенка.

— Да ну тебя,—урезонивала Феста жена.—Чего ты такъ взбѣсился? Угораздило же меня разсказать тебѣ!

— Здравствуйте,—прервалъ ее громкій голосъ, и въ комнату вошелъ портной Габерль.—О чемъ это вы тутъ шумите?

— Здравствуй,—отвѣтила хозяйка.—Хорошо, что ты пришелъ. А то съ нимъ сладу нѣтъ.

— Ну, чего ты, Фестъ. Угомонись, наконецъ! Дастъ Богъ, все скоро успокоится.

— Гдѣ тамъ? Развѣ Бауштетеръ дастъ мнѣ когда-нибудь успокоиться? Вѣчно будетъ травить снова.

— Засталъ ты священника въ Ауфгаузенѣ?—спросила Габерля жена Феста.

— Да, засталъ. Онъ говоритъ, что священникъ не имѣетъ права отказать въ крещеніи ребенка,—отвѣтилъ Габерль.— Онъ покачалъ головой, когда я ему все разсказалъ, и потомъ объяснилъ, что священникъ не можетъ назвать ребенка иначе, чѣмъ желаетъ мать.—„Конечно,—сказалъ онъ,—нужно все уладить по хорошему. Насильно священника не заставишь крестить—и какъ это сдѣлать? жандармовъ, что ли, привести? Конечно, можно обратиться въ консисторію, потребовать, чтобы начальство ему приказало. Но это очень долго“.

— Я такъ и зналъ!—крикнулъ Фестъ.—Вѣчно то же самое! Права онъ собственно не имѣетъ, но все, что хочетъ, можетъ сдѣлать. Ну, да все равно. Я не сдѣлаю ни одного шага и просить его не стану.

— Мы добьемся, чтобы ребенка назвали, какъ мы хотимъ, вотъ увидишь,—утѣшала его жена.

— Да развѣ въ этомъ дѣло? Я не изъ-за ребенка разсердился. Я вижу, что онъ опять норовитъ козни строить противъ меня и думаетъ, что я все снесу, какъ дуракъ, а этого я вынести не могу. Вся кровь у меня кипитъ!

— Слишкомъ ужъ ты это близко къ сердцу принимаешь, Фестъ. Я часто хотѣлъ поговорить съ тобой объ этомъ, но ты никого не слушаешь, и все больше раздражаешься.

— Хорошо тебѣ говорить, Габерль! Я вовсе не такой обидчивый, какъ ты думаешь, и вовсе не лѣзу сейчасъ на стѣну. Часто случалось, что меня задѣвали, но я и вниманія не обращалъ.—„Пусть себѣ болтаютъ, думалъ. Меня отъ ихъ словъ не убудетъ“. Но теперь вѣдь другое. Вѣдь меня въ какую-то тряпку обратили, и каждый о меня грязныя руки утереть норовитъ. Не уговаривай меня, это ни къ чему. Ты бы попробовалъ на себѣ, каково человѣку, когда на него взводятъ клевету. Кажется, стоитъ сказать слово—и ея какъ не бывало. А тутъ на поди: никто не вѣритъ ни одному твоему слову, всѣ смотрятъ, какъ ты корчишься, и еще смѣются. А ты глотай и давись! Вотъ, продѣлай все это на своей шкурѣ, и тогда скажи, слишкомъ ли я принимаю все къ сердцу.

— Я понимаю, конечно, что тебѣ не весело на душѣ...

— Не весело! Прошло три мѣсяца, и съ каждымъ днемъ

все хуже становится. Я сталъ послѣднимъ человѣкомъ въ деревнѣ. Каждый говоритъ про меня, что угодно, и никому рта не заткнутъ. Мнѣ даже работа въ тягость стала.

— Всетаки ты слишкомъ мучаешь себя. Не думай о людяхъ, забудь.

— Легко сказать! А если я даже иногда, работая въ полѣ, и забуду, то стоитъ вернуться въ деревню и посмотрѣть, какъ всѣ насмѣшливо глядятъ на меня, чтобы вся кровь въ лицо бросилась.

— Многіе вѣдь за тебя стоятъ, только ты не знаешь, не хочешь ни съ кѣмъ разговаривать.

— Да что теперь объ этомъ говорить! Самъ видишь — какъ только я, наконецъ, успокоился, забылъ, какъ онъ уже придумалъ новое.

— Эта исторія уладится. Не безпокойся!

— Не безпокоиться, говоришь? Да развѣ можно терпѣть, чтобы надъ тобой такъ измывались... Ну, да мы еще посмотримъ... Не долго теперь ждать. А теперь прощайте. Спокойной ночи!

Онъ ушелъ къ себѣ, даже не поѣвъ на ночь; жена его еще задержала Габерля, чтобы обсудить, что дѣлать. Габерль благоразумно посовѣтывалъ ей удержать мужа отъ личныхъ объясненій съ священникомъ и съ Хиранглемъ.

— Не то вѣдь бѣда выйдетъ,—сказалъ онъ.—Ужъ лучше я поговорю. Я человѣкъ спокойный.

— Поговори, сдѣлай милость. Большое тебѣ будетъ спасибо.

— Да я радъ помочь. Завтра я опять къ тебѣ зайду. А теперь спокойной ночи.

— Спокойной ночи и спасибо.

Оставшись одна, жена Феста сѣла къ очагу и стала глядѣть въ огонь. Тяжелое пришло для нея время; одна бѣда смѣняется другой. Желанія у нея въ жизни были самыя скромныя. Она съ дѣтства привыкла къ работѣ и съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, тоже работала, не покладая рукъ. Но это ее не печалило; она любила работать. И обычныя заботы и тревоги она тоже переносила терпѣливо. Но то, что произошло теперь, разрушало ея семейный покой, отнимало у нея все, и у нея опускались руки.

Сверху раздался дѣтскій плачъ, сначала тихо, потомъ все громче и громче. Подлѣ Урсулы не было никого, кто бы успокоилъ ребенка. Крестьянка еще разъ вздохнула и пошла, усталая, едва передвигая ноги, вверхъ по лѣстницѣ.

XVII.

Сильвестръ вышелъ изъ поѣзда въ Нусбахѣ и, медленно идя съ вокзала домой, повторялъ про себя рѣчь, которую готовилъ уже много мѣсяцевъ. Онъ надѣялся убѣдить мать, заставить ее отказаться отъ прежнихъ мечтаній. Онъ придумалъ отличное вступленіе, хорошій конецъ, а также разные примѣры и доводы. Сильвестръ часто возлагалъ надежды на мощь краснорѣчія... и столь же часто разочаровывался.

— Я собственно хотѣлъ писать тебѣ обо всемъ этомъ,—сказалъ онъ матери,—но рѣшилъ лучше сказать на словахъ. Я принялъ рѣшеніе, которое измѣнитъ всю мою дальнѣйшую жизнь, и ты должна повѣрить мнѣ, должна понять, что я все здраво обсудилъ.

Какъ она приметъ его слова? Навѣрное, испугается его торжественнаго тона. У нея закружится голова послѣ первыхъ же словъ, и она уже ничего остальнаго не пойметъ. Не лучше ли подержать ея руку въ своей и сказать:

— Вѣдь ты знаешь, мама, я всегда былъ тебѣ послушнымъ сыномъ, ты знаешь, какъ я благодаренъ тебѣ за твою любовь... Все это ты должна помнить, слушая то, въ чемъ я тебѣ сейчасъ признаюсь.

Она тогда, навѣрное, насторожится и скажетъ:—Ну, конечно, конечно. Скажи только скорѣе, въ чемъ дѣло. И изъ всѣхъ его словъ и доводовъ она пойметъ только одно, что міръ великолѣпій и радостей, о которыхъ она такъ мечтала, навсегда исчезъ для нея.

— Главное всетаки начать,—думалъ Сильвестръ.—Онъ покорно выслушаетъ потомъ всѣ ея упреки и докажетъ ей, что его счастье не можетъ составить ея несчастья.

Погрузившись въ эти мысли, онъ прошелъ по нусбахской площади, не глядя по сторонамъ. Вещи свои онъ отослалъ съ работникомъ, который вышелъ на вокзалъ встрѣтить его, а самъ предпочелъ пойти пѣшкомъ въ ясную погоду. Проходя по площади, онъ даже не замѣтилъ стоявшаго тамъ Якова Прантля. Ученый сапожникъ посмотрѣлъ ему мрачно вслѣдъ.

— Ишь, вѣдь не здоровается даже,—сказалъ онъ.—Ну, да Богъ съ нимъ!

Ему это было, однако, не пріятно; онъ любилъ Сильвестра, еще когда тотъ былъ гимназистомъ и когда, примѣряя ему сапоги, онъ обмѣнивался съ нимъ латинскими фразами, гордясь обрывками своихъ гимназическихъ знаній. А теперь Сильвестръ прошелъ мимо и не поздоровался. Прантль не

сомнѣвался, что Сильвестръ, какъ будущій священникъ, раздѣляетъ ненависть всего мѣстнаго духовенства къ нусбахскому вождю народа.

— Ну, да мнѣ все равно,—сказалъ онъ еще разъ.

Въ это время изъ зданія суда вышло нѣсколько молодыхъ людей, громко и возбужденно о чемъ-то толкуя.

— Да, я это ей и выпалилъ прямо въ лицо! — сказалъ одинъ изъ нихъ:—Вотъ-то она глаза вытаращила!.. Она вѣдь думала, что стоитъ подать въ судъ, чтобы все и сдѣлалось, какъ она хочетъ.

Это былъ Ксаверій Хирангль со своими товарищами. Прантль даже не взглянулъ на нихъ, увидѣвъ, что вслѣдъ за ними изъ суда вышелъ его знакомый портной Габерль изъ Эрльбаха. Рядомъ съ нимъ шла молодая женщина. Прантль поздоровался.

— Послушай, есть у тебя минутка времени?—сказалъ онъ.—Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Зайди въ пивную, Урсула,—сказалъ Габерль своей спутницѣ и, обратившись къ сапожнику, спросилъ:—Что тебѣ?

— Да я хотѣлъ спросить, какъ у васъ насчетъ союза? Много пристало къ нему?

— Не знаю, право. Не думаю. Теперь не такое время. Всѣ работой заняты.

— Я тоже работаю не меньше другихъ. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Ну, а Фестъ присоединился? Вѣдь онъ выбранъ въ старшины, главнымъ образомъ крестьянскимъ союзомъ.

— Фесту теперь не до союза. Развѣ не знаешь, что у него опять исторія?

— Почему онъ не поручилъ свою защиту прессѣ?

— Про такія вещи не трубятъ на весь міръ.

— То-то и бѣда, что вы всѣ боитесь гласности. Вообще вы, по моему, слишкомъ равнодушны къ общему дѣлу. Читалъ ты мою статью?

— Какую?

— О равнодушіи крестьянъ къ политикѣ. Я доказываю, что на этомъ равнодушіи и основана главнымъ образомъ власть духовенства.

— Нѣтъ, не читалъ. Я теперь газетъ не читаю. Это хорошо для зимы.

— Да, при такомъ отношеніи ничего не можетъ выйти. Не одолѣть намъ церковь, когда насъ не слушаютъ. Къ чему тогда статьи писать?

— Но вѣдь и тѣ, которые на сторонѣ поповъ, тоже газетъ не читаютъ.

— Духовенство можетъ вліять на крестьянъ и безъ газетъ. У священниковъ есть церковная каѳедра, есть испо-

вѣдальня. Ихъ всегда услышатъ. Почему Фестъ не довѣряетъ прессѣ? Мы вѣдь напечатали исторію съ ребенкомъ.

— Это ты насчетъ крещенія?

— Ну да. Священникъ же уступилъ въ концѣ концовъ.

— Ему, вѣрно, начальство приказало.

— А начальство испугалось общественнаго мнѣнія.

— Можетъ быть, ты правъ. А теперь прощай. Видалъ, кто со мной? Это дочка Феста.

— Мать ребенка, изъ-за котораго вышла исторія? Не пойти ли мнѣ поговорить съ ней? Я тогда еще что-нибудь напишу въ газету.

— Нѣтъ, не нужно. И такъ слишкомъ много писали.

— Какъ знаешь. Мнѣ какая корысть! Только трата времени.

Прантль поглядѣлъ вслѣдъ портному Габерлю.

— Ишь вѣдь тупоголовый народъ!—сказалъ онъ.—Съ ними духовенству не трудно справиться.

Портной Габерль засталъ Урсулу въ пивной. Она сидѣла въ самомъ концѣ комнаты и поставила подлѣ себя свою корзину.

— Ты что-нибудь заказала себѣ?

— Нѣтъ еще, я тебя поджидала.

— Кельнерша, двѣ кружки пива и двѣ пары сосисокъ

Портной Габерль сѣлъ.

— Да, не разъ еще намъ съ тобой сюда ѣздить придется,—сказалъ онъ.—Добромъ онъ не уступитъ. Нужно его заставить по суду. Онъ говоритъ, что найметъ адвоката.

Кельнерша принесла пиво и сосиски, и Урсула стала молча ѣсть.

— Ну, тамъ виднѣе будетъ, что дѣлать, — сказалъ Габерль.—Если онъ найметъ адвоката, мы тоже наймемъ.

— Да, конечно,—сказала Урсула. Наступило молчаніе. Урсула внутренно обсуждала то, что говорилось на судѣ. Наконецъ, она стала разговорчивѣе:

— Какъ онъ смѣетъ выдумывать про меня съ Гансомъ Цвергеромъ! За такую клевету я на него въ судъ подамъ. Никогда у меня ничего съ Гансомъ не было.

— Онъ еще назвалъ Петра Стрикснера, — напомнилъ портной.

— Тотъ меня разъ проводилъ домой послѣ вечеринки. Да и то это было за полъ-года до того, какъ Ксаверъ сталъ ходить ко мнѣ. Я никогда не думала, что съ кѣмъ-нибудь свяжусь. И съ Ксаверіемъ бы ничего не было, не обѣщай онъ мнѣ, что женится. Онъ стоялъ подъ моимъ окномъ и говорилъ, чтобы я не безпокоилась, что мы, навѣрное, повѣн-

чаемся. И потомъ много разъ повторялъ это. А теперь вотъ про Стрикнера да про Цвергера говорить сталъ.

— Ихъ вѣдь къ присягѣ приводить будутъ. Посмотримъ, что Ксаверій тогда скажетъ.

— Ничего онъ не можетъ сказать. Вѣдь онъ еще сказалъ, что весбрунеровская служанка видѣла меня въ потьмахъ съ кѣмъ то вдвоемъ, и что она узнала меня по моей красной кофточкѣ. А у меня такой вовсе и нѣтъ. Ишь вѣдь какой безстыдникъ! И никогда у меня не было красной кофточки. Пусть докажетъ, что у меня была хоть когда-нибудь красная кофточка.

— Пора ѣхать, Урсула.

— А не пойти ли опять въ судъ сказать, что у меня никогда не было красной кофточки? Слѣдовало сейчасъ же сказать, но я растерялась, когда Ксаверъ сталъ такъ безстыдно врать. Не сходить ли, какъ полагаешь?

— Нѣтъ, теперь это ни къ чему. Когда будутъ разбирать дѣло, тогда ты и скажешь.

— И мать можетъ сказать, и отецъ, что никакой красной кофточки у меня не бывало.

— Ихъ то оставь въ покоѣ, совѣтую тебѣ. Думаешь, отецъ твой согласится тягаться на судѣ съ Ксаверомъ. Нѣтъ, милая, ты ужъ лучше поменьше разсказывай дома о судѣ.

Портной расплатился, и вскорѣ его телѣга застучала по нусбахской мостовой.

Въ другой пивной у окна сидѣло нѣсколько молодыхъ людей. Услыхавъ стукъ колесъ, они обернулись, одинъ раскрылъ окно и громко свистнулъ. Остальные кричали и смѣялись.

— Вѣдь это Ксаверій,—сказала Урсула.

— Я видѣлъ,—отвѣтилъ Габерль.—Экій негодяй! Ужъ ты не оборачивайся, а то они еще больше безобразничать будутъ.

Онъ пустилъ лошадь рысью и сталъ внимательно глядѣть по сторонамъ, на поля, гдѣ засѣяны были озими. Урсула поставила корзину себѣ на колѣни и все думала о томъ, какъ Ксаверій сталъ ее теперь всячески обижать. И опять она припомнила про весбрунеровскую служанку, которая такъ нагло солгала: навѣрное, съ какимъ-нибудь особымъ намѣреніемъ.

Проѣхавъ Петенбахъ, они обогнали господина, одѣтаго по городскому.

— Да вѣдь это господинъ Мангъ,—сказалъ портной, остановивъ лошадь, и ждалъ, пока Сильвестръ подошелъ къ нимъ.

— Здравствуйте, господинъ Мангъ. Не подвезти ли васъ?

— Спасибо, Габерль, мнѣ ужъ совсѣмъ близко.

— Ну, какъ знаете. Прощайте.

Когда Сильвестръ поднялся на послѣдній пригорокъ и увидѣлъ передъ собой Эрльбахъ, онъ ускорилъ шаги. Вступивъ въ деревню, онъ увидалъ старика Флоріана Вейса, который работалъ у себя въ саду; они поздоровались, и Сильвестръ пошелъ дальше. Ему казалось, что онъ уже много лѣтъ не былъ у себя на родинѣ. Ничего, въ сущности, не перемѣнилось со времени его отъѣзда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а между тѣмъ все представлялось ему совершенно инымъ. Вотъ и школа. У входа въ садъ Сильвестръ увидѣлъ старика учителя и Зицбергера. Они тоже замѣтили его. Штегмюлеръ подозвалъ его, а Зицбергеръ повернулся и быстро исчезъ въ переулкѣ.

— Здравствуйте, господинъ Сильвестръ. Наконецъ-то, вы опять въ наши мѣста пожаловали!

— Здравствуйте, господинъ учитель. Какъ поживаете?

— Да ужъ что съ нашего брата, старика, требовать. Вотъ вѣдь и вашей старухѣ плохо было.

— Какъ? Развѣ мать была больна? Она мнѣ ни слова не писала.

— Да вы не пугайтесь; ей теперь лучше. Но одно время, правда, совсѣмъ плохо было.

Сильвестръ быстро попрощался съ учителемъ и поспѣшилъ домой. Извѣстіе о болѣзни матери его ошеломило. Мать ему такъ рѣдко писала, что отсутствіе писемъ въ послѣднее время не возбудило въ немъ никакого безпокойства. А теперь вдругъ оказалось, въ то время, какъ онъ думалъ только о себѣ, мать его была опасно больна. Его охватилъ страхъ за нее и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдъ за свой эгоизмъ. Сердце его забилось сильнѣе, когда онъ вошелъ въ маленькій домикъ, и дверь въ комнату съ шумомъ раскрылась передъ нимъ.

— Какъ, ты уже пріѣхалъ?—Мать тяжело поднялась со стула и пошла ему навстрѣчу.—А я думала, что ты только вечеромъ пріѣдешь, съ почтой.

Голосъ ея потерялъ прежнюю звучность, и хотя глаза улыбались, но она не могла скрыть утомленія...

— Мама, почему ты мнѣ ничего не писала?

— О томъ, что была больна? Чего тамъ! Мнѣ уже лучше. А ты пѣшкомъ пришелъ, что ли, что сапоги у тебя въ пыли?

— Да. Только сядь ты, пожалуйста. Почему ты не писала? Я отъ другихъ только узналъ вотъ сейчасъ, что ты была больна.

— Да это пустаки. У меня и прежде, бывало, ноги опу-

хали. Ну, а теперь опухоль пошла повыше, — вотъ и все. Скажи, ты не голоденъ?

— Нѣтъ, мама. Что говоритъ докторъ? Можно уже тебѣ развѣ вставать съ постели?

— Ну, конечно. Всего-то въ постели я двѣ недѣли, и то мнѣ въ теплую погоду позволяли выйти и посидѣть на воздухѣ.

— Но у тебя такой усталый видъ.

— Это пройдетъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ не такъ легко оправиться отъ болѣзни, какъ въ молодости.

Вошла Веберша и поздоровалась съ Сильвестромъ.

— Это хорошо, что вы пріѣхали,—сказала она.—Какъ вы нашли мать?

— Слаба она еще, кажется.

— Теперь-то она молодецъ. А вотъ вы поглядѣли бы на нее недѣли три тому назадъ.

— Ну, чего тамъ,—прервала ее Вероника Мангъ.—Нечего страхъ нагонять. Скажи-ка, нѣтъ ли у насъ чего поѣсть. Онъ вѣдь пѣшкомъ пришелъ.

— Я пойду сдѣлаю ему яичницу, — сказала Веберша и пошла въ кухню.

Оставшись снова наединѣ съ сыномъ, Вероника подозвала его къ себѣ:

— Сядь поближе ко мнѣ, мой мальчикъ,—сказала она.—Разскажи, какъ тебѣ живется. Ты точно еще выросъ. И такой тихій, серьезный сдѣлался. Да что это, здоровъ ли ты?

— Совершенно здоровъ.

— Вѣдь и молодые иногда хвораютъ. Можетъ, ты черезъ силу работалъ и надорвался. Вѣдь ты даже на Рождество не пріѣзжалъ отдыхать.

Сильвестръ покраснѣлъ, и мать предположила, что онъ раскраснѣлся отъ ходьбы. Она взяла его руку въ свою, и Сильвестръ съ грустью замѣтилъ, до чего рука у нея сдѣлалась худой. Но она отклоняла всѣ его тревожные разспросы и все увѣряла, что болѣзнь ея совершенно не опасна.

— Разскажи лучше про себя,—настаивала она.—Хорошо тебѣ живется у госпожи Ротенфусеръ? А тотъ господинъ, про котораго ты писалъ, тоже еще живетъ у нея? Тотъ, что былъ другомъ священника Хельда?

Развѣ можно было теперь начать съ матерью разговоръ о его рѣшеніи уйти изъ церкви? Сильвестръ ужъ даже не думалъ объ этомъ. Онъ былъ такъ поглощенъ тревогой о матери, что забылъ о себѣ. Когда же постепенно въ немъ пробудилась надежда, что она на пути къ выздоровленію, то ему стало легче на душѣ, и онъ просто радовался, что опять на родинѣ.

———

Одно только казалось ему страннымъ. Мать освѣдомлялась обо всемъ, только не о томъ, долго ли ему еще учиться, и когда, наконецъ, его сдѣлаютъ священникомъ. А это было всегда ея первымъ вопросомъ, когда онъ пріѣзжалъ домой. Теперь она какъ бы намѣренно не говорила объ этомъ. Онъ тоже избѣгалъ каждаго слова, которое могло бы быть намекомъ, и радовался свиданію съ матерью, чувствуя, какъ глубока ея любовь къ нему.

— Ну, а теперь ѣшь на здоровье,—сказала Вероника Мангъ, когда Веберша принесла обѣдъ.

Сильвестръ сталъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ, проголодавшись послѣ долгой ходьбы. Мать радовалась, глядя на него.

— Ну, слава Богу,—говорила она. — Аппетитъ у тебя прежній.

Веберша напомнила, что докторъ велѣлъ больной спать часа два днемъ, и Сильвестръ настоялъ на выполненіи докторскаго предписанія. Онъ сказалъ, что пойдетъ пройтись по деревнѣ и повидать знакомыхъ; мать согласилась, и Сильвестъ ушелъ. Когда онъ проходилъ черезъ садъ, его нагнала Веберша.

— Сегодня она молодцомъ,—сказала она.—Но докторъ говоритъ, что ей нужно очень беречься. Сердце у нея слабое.

— Но онъ вѣдь обѣщалъ, что она поправится, не правда ли?

— Да, онъ сказалъ, что если и дальше такъ пойдетъ, какъ теперь, то она скоро совсѣмъ оправиться. Главное, чтобы она береглась и не волновалась. Ужъ и вы тоже постарайтесь объ этомъ. Я хотѣла было просить господина Штегмюллера, чтобы онъ написалъ вамъ, когда ей такъ плохо стало, но она не позволила.

— Она очень страдала во время болѣзни?

— Не знаю, право. Она вѣдь никогда не жалуется. Но она была какая-то странная все время.

— У нея такой усталый видъ.

— Да. И такой печальный, не правда ли? Булочница Марія Ульрихъ говоритъ, что это она загрустила съ тѣхъ поръ, какъ господинъ Зицбергеръ сказалъ ей про васъ, про то, что вы не будете священникомъ... Я сама не слышала, но онъ дѣйствительно часто приходилъ къ ней, и булочница Марія Ульрихъ говоритъ, что онъ, навѣрное, ей сказалъ.

— Что же мать послѣ того говорила?

— Мнѣ она ничего не говорила, но про себя все что-то бормотала. А развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, правда? Развѣ вы оставили церковь, господинъ Сильвестръ?

Сильвестръ ничего не отвѣтилъ и ушелъ молча, не попрощавшись.

Онъ понялъ теперь, что мать его намѣренно избѣгала разговора о его священничествѣ. Можетъ быть, она боялась окончательно утратить всякую надежду и не говорила, надѣясь, что онъ еще одумается, и что гроза минуетъ ее. Погруженный въ мысли о томъ, что ему теперь сказать матери, Сильвестръ шелъ, не обращая вниманія на дорогу, и, выйдя изъ деревни, сталъ подниматься вверхъ по дорогѣ въ Веблингъ. На верху холма онъ сѣлъ на траву и сталъ оглядываться. Онъ вспомнилъ, какъ однажды онъ стоялъ здѣсь лѣтомъ, въ жаркій день, со своимъ другомъ, священникомъ Хельдомъ. Онъ ясно вспомнилъ всѣ подробности того дня. Онъ точно снова увидѣлъ, какъ клонились колосья подъ вѣтромъ, какъ старикъ Хельдъ съ радостью глядѣлъ на готовящуюся жатву, и Сильвестру казалось, что онъ снова слышитъ тихій голосъ учителя.

— Сегодня ты едва ли поймешь, что я испытываю, сынъ мой,—говорилъ онъ.— Но придетъ день, когда ты узнаешь, какое благо ѣсть хлѣбъ въ потѣ лица своего.

Въ голосѣ его звучала грусть. Можетъ быть, на закатѣ дней старикъ пожалѣлъ, что не жилъ, трудясь, какъ другіе. Сильвестръ широко вздохнулъ всей грудью. Воспоминаніе о знаменательныхъ словахъ учителя наполнило его душу невыразимымъ волненіемъ. Онъ почувствовалъ, что долженъ трудиться въ потѣ лица, какъ всѣ, что его призваніе и его счастье не въ томъ, чтобы идти рядомъ съ людьми, чуждаясь ихъ заботъ и трудовъ, утѣшая ихъ обѣщаніями награды въ будущей жизни. Онъ въ эту минуту вовсе не осуждалъ церковь и ея служителей, но чувствовалъ, что его сердце рвется навстрѣчу жизни, что созерцаніе и отреченіе—не его удѣлъ.

Тутъ, на родинѣ, рѣшеніе его приняло окончательную форму. Оно укрѣпилось въ немъ, свободное отъ тайныхъ мечтаній. Онъ понялъ, что долженъ построить свое будущее не на безплодныхъ надеждахъ, что долженъ быть вѣренъ только свободному голосу совѣсти, и теперь этотъ голосъ прозвучалъ свободно и непоколебимо.

Онъ поднялся съ земли. Всякое сомнѣніе исчезло. Никакихъ компромиссовъ въ его жизни отнынѣ не будетъ. Онъ не станетъ скрывать истину, точно задумалъ что-то дурное. Конечно, нужно щадить чувства старухи матери, но именно ей первой онъ открыто все скажетъ.

Онъ бодро повернулъ назадъ и пошелъ домой. У самой деревни онъ нагналъ человѣка, который велъ лошадей съ поля.

— Здравствуйте, Фестъ. Какъ поживаете?

— Ничего.

— А дома все благополучно?

— Ничего.

Сильвестръ былъ удивленъ его непріязненнымъ тономъ. Онъ бывалъ у Феста и считался съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

— Я уже видѣлъ Урсулу сегодня,—снова началъ онъ.— Она проѣхала мимо меня.

— Да?

— Да что съ вами, Фестъ?

— Ничего особеннаго. Только вотъ что я вамъ скажу, господинъ Мангъ. Идите лучше своей дорогой и не показывайтесь вмѣстѣ со мной. Мы съ вами не пара.

— Въ чемъ дѣло? Я васъ не понимаю.

— Поймете. Я такой человѣкъ, котораго господа священники должны сторониться. А вы тоже вѣдь собираетесь служить церкви.

Сильвестръ пошелъ дальше, покачавъ головой. Мать ему писала, что у Феста были какіе-то нелады съ патеромъ, и что его не утвердили старшиной. Тогда онъ не обратилъ вниманіе, но теперь вспомнилъ. Но почему же всетаки Фестъ такъ непривѣтливъ съ нимъ? Этого Сильвестръ никакъ не могъ понять.

Когда онъ вернулся домой, въ комнатѣ уже зажженъ былъ свѣтъ. Мать сидѣла у стола и встрѣтила его привѣтливой улыбкой. Онъ посмотрѣлъ на нее съ тревогой. При свѣчахъ лицо ея имѣло болѣе болѣзненное выраженіе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ.

— Ты спала?—спросилъ онъ ее.

— Да. А ты гдѣ былъ?

— Ходилъ гулять по дорогѣ въ Веблингъ.

— Ни къ кому въ гости не заходилъ? У учителя не былъ?

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось быть на воздухѣ.

— Отлично сдѣлалъ. Погода такая хорошая.

— Послушай, мама, я долженъ тебя спросить кой о чемъ. Тебѣ Зицбергеръ разсказывалъ что-нибудь про меня.

— А ты откуда знаешь?

— Отъ Веберши. Но скажи, это правда?

— Да.

Они оба замолчали, и въ маленькой комнатѣ стало совсѣмъ тихо. Слышно было только тиканье часовъ. Наконецъ, мать заговорила первая.

— Подожди говорить,—сказала она.—Поужинаемъ сначала. А то Веберша будетъ входить въ комнату и вывѣдывать, о чемъ мы говоримъ.

— Развѣ ты еще не ѣла?

— Я-то поѣла. Мнѣ, кромѣ супа, ничего не полагается. Но ты?

— Мнѣ ѣсть не хочется.

— Ну, такъ скажи Вебершѣ. Она въ кухнѣ.

Сильвестръ пошелъ. Когда онъ вернулся, мать сидѣла неподвижно и задумчиво глядѣла на свѣтъ.

— Онъ тебѣ сказалъ, что я оставляю церковь?

— Да. И что ты хочешь жениться, стать музыкантомъ и поступить въ театръ.

— Какъ ему не стыдно такъ выдумывать! И ты повѣрила?

— Всему не повѣрила: слишкомъ ужъ онъ много нагородилъ всего.

— А тому, что я церковь оставляю?

— Этому повѣрила. Я ужъ давно замѣчала, что не лежитъ у тебя къ этому сердце. Уже осенью—да и раньше еще. Когда я заговаривала о томъ, какъ намъ хорошо будетъ потомъ, ты мѣнялся въ лицѣ. И никогда не обнадеживалъ меня.

— Почему же ты мнѣ не говорила о своихъ мысляхъ?

— Да я все думала, что, можетъ, еще оно и не такъ. Утѣшала себя, надѣялась, что, можетъ, ты перемѣнишься. Ну, а потомъ ужъ узнала навѣрное отъ господина Зицбергера... Не легко мнѣ было,—самъ понимаешь. Но чѣмъ больше я думала, тѣмъ больше понимала, что все равно никакого прока не вышло бы, разъ у тебя сердце не лежало къ церкви. Теперь ты хоть вышелъ, не взявъ грѣха на душу. А если бы потомъ одумался, было бы хуже.

Сильвестръ молчалъ. Такъ вотъ тотъ часъ, котораго онъ такъ долго боялся... Мать не дѣлаетъ ему никакихъ упрековъ. Онъ свободенъ—безъ всякой борьбы. Но почему-то онъ не чувствовалъ никакой радости въ эту минуту. Простыя слова матери потрясли его. Сколько ночей несчастная женщина провела безъ сна, прежде чѣмъ отказаться отъ самой дорогой для нея надежды! А теперь она только говоритъ, что ей было не очень легко.

Она первая прервала молчаніе.

— Почему ты мнѣ раньше не сказалъ?—спросила она.

— Я не сразу рѣшилъ. Это постепенно складывалось. Я вѣдь хотѣлъ всетаки остаться... ради тебя, мама... Но я не могъ...

Онъ взялъ ея руку, прижался къ ней головой и тихо заплакалъ.

Мать мягко высвободила свою руку и ласково погладила его по волосамъ. Она дала ему выплакаться, зная, какъ облегчаютъ слезы въ молодости. Когда Сильвестръ поднялъ, наконецъ, голову, онъ снова сказалъ:

— Я хотѣлъ остаться священникомъ ради тебя.

— Я бы этого не желала,—поспѣшно возразила она.— Когда я тутъ лежала больная, я уже думала часто, что ты, можетъ, останешься въ церкви, пока я жива, а когда умру, выйдешь—и это мнѣ не давало покоя. Ну, а что же ты думаешь дѣлать теперь?—спросила она, помолчавъ.

Сильвестръ разсказалъ ей о своихъ планахъ. Сначала онъ говорилъ, заикаясь и очень неувѣренно, но постепенно оживился, мечтая вслухъ о дѣятельной жизни впереди, и сталъ рисовать будущее въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Онъ увѣрялъ мать, что уже скоро начнетъ зарабатывать. Старикъ Шратъ доставитъ ему мѣсто въ одномъ большомъ торговомъ домѣ во Франкфуртѣ. Домъ этотъ имѣетъ отдѣленія во всѣхъ странахъ, и, если работать какъ слѣдуетъ, можно быстро сдѣлать карьеру, поступивъ туда.

А работать-то онъ умѣетъ и не намѣренъ лѣниться. Напротивъ, чѣмъ больше у него будетъ работы, тѣмъ лучше. Ему уже не терпится, и онъ ждетъ не дождется, когда, наконецъ, поступитъ на мѣсто. Сильвестръ сказалъ, что года черезъ два-три онъ уже сможетъ помогать матери гораздо легче, чѣмъ если бы остался при прежнемъ рѣшеніи. Священникамъ приходится ждать очереди, чтобы получить приходъ, а въ такомъ дѣлѣ, которое онъ избралъ теперь, успѣхъ зависитъ только отъ того, усердно ли человѣкъ работаетъ. А въ этомъ отношеніи на него можно положиться.

Мать внимательно слушала Сильвестра. Она не могла сразу всего сообразить и не видѣла ясно передъ собой пути, по которому онъ намѣревался идти. Но его увѣренность заражала ее, и она стала создавать себѣ въ воображеніи новую картину будущаго. Ея Сильвестръ не будетъ стоять передъ алтаремъ въ ризѣ, затканной золотомъ, и не будетъ приходскимъ священникомъ, имѣющимъ свой домъ, гдѣ всего вдоволь. Эти мечты, конечно, нужно забыть. Но за то у него, можетъ быть, будетъ большая лавка, гораздо больше, чѣмъ у лавочника Шисля въ Нусбахѣ. Послѣ церкви всѣ будутъ приходить къ нему, и денегъ у него будетъ тьма тьмущая. И вѣдь онъ правду говоритъ. Пока онъ получитъ свой приходъ, пройдетъ много времени, а жить такъ, какъ Зицбергеръ, въ домѣ священника Бауштетера, вовсе не весело. Его даже не кормятъ досыта. Такъ что, если все принять въ соображеніе, ея Сильвестръ избралъ лучшую долю. Новый идеалъ жизни сталъ постепенно вырисовываться въ ея воображеніи все яснѣе, и она стала предлагать сыну разные вопросы. Скоро ли франкфуртскій хозяинъ опредѣлитъ его въ одно изъ своихъ отдѣленій? И куда—можетъ быть, сразу въ большой городъ—такой, какъ Нусбахъ? А лавка гдѣ будетъ—на хорошемъ ли мѣстѣ, подлѣ церкви? Туда вѣдь

народъ больше всего ходитъ. Наконецъ, она предложила ему еще одинъ вопросъ:

— Что же это за дѣвушка?—спросила она.

— Какая дѣвушка?

— Ну, вотъ та, на которой ты собираешься жениться, какъ мнѣ сказалъ господинъ Зицбергеръ.

Сильвестръ покраснѣлъ до ушей и смущенно улыбнулся. Но подумавъ, что въ концѣ концовъ мать заслуживаетъ его довѣрія, сталъ ей разсказывать о своемъ знакомствѣ съ Гертрудой, о томъ, какая онъ милая и хорошая дѣвушка, кто ея родители и какъ онъ принятъ у нихъ въ домѣ. Но онъ прибавилъ, что не думаетъ о женитьбѣ на ней: питать такія надежды было бы съ его стороны слишкомъ самонадѣянно. Мать слушала и ничего не отвѣчала. Она про себя внутренно восполняла рисовавшуюся ей новую картину будущаго. Она представляла себѣ, какъ ея Сильвестръ стоитъ въ магазинѣ богача Шпорнера, въ качествѣ его зятя, мужа его единственной дочери и наслѣдницы.

— Все къ лучшему, сынъ мой:—сказала она.—А теперь покойной ночи.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

IV.

— Володя! Владиміръ! Володя...—я....яу...

Старый крестьянинъ который сидѣлъ со своей женой на берегу озера и плелъ лапти, поднялъ на кричавшую барышню свои гноившіеся глаза.

— Владиміръ Ивановичъ въ павильонѣ со своей глиной да съ убитой птицей.

— Съ какой убитой птицей?

— Да, съ большимъ соколомъ матушка. Петръ Ивановичъ убилъ его, хотѣлъ подарить пріѣзжей барышнѣ его перья на шляпку. А она не взяла: говоритъ, не люблю, когда убиваютъ птицъ. Должно быть, нонче такая мода въ городахъ пошла, чтобы господамъ быть жалостливыми. Ну, Владиміръ Ивановичъ и взяли птицу въ павильонъ. Они работали тамъ и сегодня и вчера цѣлый день, лѣпятъ изъ глины такую же птицу.

Тетя Соня прошла по болотистому мѣстечку на берегу озера до тропинки, которая по склону пригорка вела прямо къ павильону, отданному въ полное владѣніе Владиміра.

Старикъ съ злорадствомъ глядѣлъ, какъ она медленно взбиралась на пригорокъ.

— Да, да, — бормоталъ онъ, – тоже господа! Пачкаютъ свои бѣлыя ручки въ глинѣ; чѣмъ бы послать человѣка, куда надо, сами тащатся, шляются пѣшкомъ по разнымъ больнымъ. Да, матушка, не тѣ времена настали, не такъ жили люди, когда мы были молоды. — Онъ засмѣялся и обратился къ женѣ съ недобрымъ взглядомъ.

— Ходитъ по больнымъ, слышь, Параша? А кто его знаетъ, что она имъ даетъ, англицкая колдунья?

Старуха кивнула головой. Онъ продолжалъ:

— Много за это время было больныхъ въ Бородѣевкѣ. Англицкая чертовка и этотъ пріѣзжій докторъ ходили туда, врали людямъ съ три короба. Говорятъ, будто дѣти умираютъ отъ того, что хлѣвы близко къ стѣнамъ домовъ построены, и какъ дождь пойдетъ, такъ размываетъ навозныя кучи. Похоже на дѣло, нечего сказать!

— Можетъ, они сами-то и отравили колодцы.

— Или попортили ребятъ. Отъ нехристей всего станется. Вѣдь они даже креста на шеѣ не носятъ.

Женщина усмѣхнулась.

— А кто ихъ знаетъ, что они дѣлаютъ, она да ея пріятель докторъ, когда вдвоемъ по лѣсу ходятъ. Я сама видѣла

какъ она, безстыжая дѣвка, простоволосая ѣздила въ лодкѣ по озеру.

— А тотъ-то, дохлый, дѣлаетъ себѣ глиняныхъ идоловъ, да воображаетъ, что она о немъ думаетъ. Эхъ, ужъ господа со своими выдумками!

И оба старика сидѣли, злобно посмѣиваясь.

Павильонъ стоялъ немного выше остальныхъ зданій. Деревья окружали его съ трехъ сторонъ, но съ четвертой онъ былъ ничѣмъ не защищенъ, и изъ него открывался чудный видъ на лѣсъ и на озеро.

Дверь была настежь открыта; тетя Соня остановилась на порогѣ и заглянула въ комнату. Владиміръ въ красной рубашкѣ и кожаномъ поясѣ стоялъ около деревянной скамейки и мѣсилъ глину. Убитый соколъ лежалъ на столѣ передъ нимъ съ распростертыми крыльями. Чудная сила полуоконченнаго произведенія не произвела никакого впечатлѣнія на тетю Соню. Она и раньше видала, что ея племянникъ занимается скульптурой, и всегда жалѣла, что онъ пристрастился къ такому „грязному дѣлу". Послѣ того какъ Кароль, неизмѣнный миротворецъ, замѣтилъ ей, что карты или водка были бы еще хуже, она нѣсколько примирилась съ глиной; у дворянъ всегда бываютъ какія-нибудь фантазіи, и если эти фантазіи стоютъ дешево и никому не вредятъ, можно благодарить Бога.

Ея тѣнь упала на скамейку, и Владиміръ оглянулся.

— А, тетя!

— Милый мой, не стой ты на такомъ сквознякѣ, ты опять простудишься.

— Я люблю свѣжій воздухъ, тетя, и люблю видъ изъ этого окна, особенно въ такую погоду, какъ сегодня.

Онъ стеръ глину съ рукъ и сѣлъ на подоконникъ, любуясь тѣнью облаковъ, пробѣгавшихъ надъ озеромъ.

— Что, Оливія вернулась домой?

— Нѣтъ она ушла на цѣлый день въ деревню къ какой-то трудно больной.

— А Кароль съ ней?

— Да, за нимъ пришли рано утромъ, а послѣ завтрака онъ прислалъ за ней, чтобы она пришла помочь ему. Они и не обѣдали дома, нельзя сказать, чтобы они здѣсь много отдыхали!

— Нѣтъ, но они оба здоровые, сильные и любятъ свое дѣло. Я не безпокоюсь о ней, пока Кароль здѣсь. Но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы она ходила къ больнымъ одна, когда онъ уѣдетъ. Мужики ужъ подозрѣваютъ, будто она колдуетъ; если что-нибудь случится, они могутъ надѣлать ей непріятностей.

Тетя Соня спокойно усѣлась въ широкое кресло: она пришла, чтобы мирно поболтать часочекъ со своимъ любимымъ племянникомъ; мысль, что она помѣшала ему работать, не приходила ей въ голову. Онъ вымылъ руки, закрылъ глину мягкой тряпкой и постарался улыбнуться, чтобы скрыть досаду, которую было бы неделикатно выказать. Если бы ему дали спокойно поработать еще полчаса, онъ, можетъ быть, справился бы съ этимъ труднымъ изгибомъ лѣваго крыла.

— Ну-съ тетушка,—весело сказалъ онъ,—разскажите мнѣ что-нибудь новенькое, вѣдь мы въ вами не видались съ самаго завтрака.

— Да, конечно, не видались! Ты вѣдь ушелъ съ кускомъ хлѣба и сыра въ карманѣ, точно какой-нибудь бродяга, и не пришелъ къ обѣду. Хоть и много васъ, а я все одна; ты цѣлый день возишься со своей глиной, другіе съ больными. А я нарочно заказала къ обѣду твой любимый пирогъ съ грибами.

— Ну, ничего, мы поѣдимъ и холоднаго пирога. А теперь скажите, что съ Савраской? Заходилъ сегодня цыганъ?

— Да, онъ увѣряетъ, что нога ея не можетъ поправиться. А Петя думаетъ, что онъ просто хочетъ подешевле купить ее.

— И потомъ перепродать на конной ярмаркѣ въ Смоленскѣ?

— Да, онъ скупаетъ скотъ по всѣмъ здѣшнимъ деревнямъ. Кстати, онъ пришелъ къ намъ изъ Гвоздевки; оказывается, стараго нищаго отравили.

— Кароль такъ и думалъ; когда ему разсказали всѣ признали, онъ сразу сказалъ: „это стрихнинъ“. Но съ чего же Акулина сдѣлала это? Развѣ у нея была ссора со старикомъ? Изъ корысти не стоитъ убивать нищаго.

— Она видѣла его первый разъ въ жизни. Это звѣрь, а не человѣкъ. Она уже во всемъ созналась. Этотъ ядъ далъ ей Митя, чтобы она убила его жену. Онъ его купилъ у татарина-разнозчика, у Ахметки.

— Какой Митя?

— Да рыжій Митя изъ нашей деревни. Онъ, видишь ли, хотѣлъ избавиться отъ жены, потому что она долго болѣла послѣ всякаго ребенка, даже коровы подоить не могла; но ему страшно было самому взяться за такое дѣло, онъ и подговорилъ Акулину. Обѣщалъ жениться на ней.

— А нищій при чемъ же тутъ?

— Да не при чемъ. Онъ просто проходилъ мимо и попросилъ напиться, она и вздумала попробовать на немъ, правда ли, что это ядъ. Она говоритъ: татары всегда надуваютъ, когда только можно, а какъ же бѣдная женщина можетъ знать. настоящее ли снадобье ей дали, коли она его не попробуетъ,

— Совершенно правильное разсужденіе, — замѣтилъ Кароль, входя въ комнату вмѣстѣ съ Оливіей и безцеремонно присаживаясь на край стола.—Тетя, я велѣлъ этой раскосой дѣвушкѣ, какъ ее,—Ѳеофилактѣ—принеси сюда чай. Миссъ Латамъ страшно устала, да и Володѣ пора кончить работу.

Оливія сѣла на деревянную скамейку около двери и подперла голову рукой. Она, очевидно, была сильно утомлена, лицо ея похудѣло и какъ-то постарѣло за послѣднія недѣли. Тетя Соня вскочила съ мѣста и засуетилась съ своимъ обычнымъ добродушіемъ.

— Милочка моя, какая вы блѣдная! И вѣдь вы цѣлый день ничего не кушали! Вы, должно быть, страшно голодны. Когда вы вернулись?

— Сейчасъ. Мы только переодѣлись и пришли прямо сюда. Не безпокойтесь, я только устала.

Старушка ласково погладила ея блѣдную щеку и пошла отдать приказанія Ѳеофилактѣ. Благодаря своему добродушію, она привязалась къ Оливіи. Англичане вообще оставались для нея иностранными чертями, но Оливія составляла исключеніе, ее можно было любить, не смотря на то, что она принадлежала къ этой непріятной націи, точно такъ же, какъ она любила Кароля, хотя онъ былъ полякъ.

Кароль вынулъ изъ кармана книгу и началъ читать. Владиміръ подошелъ къ дѣвушкѣ и отвелъ волоса отъ ея лба. У него были нѣжные концы пальцевъ, прикосновеніе которыхъ никогда не причиняло боли, и ея сдвинутыя брови разгладились сами собой. Для такой уравновѣшенной особы, она была слишкомъ чувствительна ко всякому неловкому прикосновенію, и съ большимъ трудомъ удержалась отъ гримасы, когда старушка дотронулась до нея своей пухлой рукой.

— Не утомляй себя такъ, моя дѣточка,—сказалъ онъ ей на своемъ ломаномъ, нѣжномъ англійскомъ языкѣ.— Чѣмъ ты была такъ занята сегодня цѣлый день?

Ея лицо снова омрачилось.

— Я помогала доктору Славинскому совершать преступленіе.

— Да,—согласился Кароль, не поднимая глазъ отъ книги.—Это вѣрно, если правильно разсудить. Но вы и въ слѣдующій разъ будете то же дѣлать.

— Тѣмъ хуже,—возразила она мрачно.

Владиміръ посмотрѣлъ на нихъ обоихъ.

— Вы спасали жизнь, которую не стоило спасать?

— Двѣ жизни,—сказала она жестко, устремивъ глаза на озеро. — Жизнь матери, которой лучше было бы умереть, и жизнь ребенка, которому лучше было бы не родиться.

Конечно, я и опять буду дѣлать то же, докторъ Славинскій, такъ же, какъ и вы; но это грѣхъ и стыдъ спасать жизнь такого рода людей, вы это понимаете не хуже меня.

Кароль опустилъ книгу. Онъ сдѣлался очень серьезенъ и казался еще болѣе обыкновеннаго недоступнымъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, — я воображалъ, что понимаю, когда мнѣ было столько лѣтъ, сколько вамъ. Теперь я понимаю, что ничего не знаю. Вы вступаете въ жизнь съ прекрасными теоріями, какъ и всѣ мы; но въ свое время вы придете къ тому же, что и я.

Она сдѣлала быстрый жестъ отрицанія, но Кароль уже вернулся къ своей книгѣ и какъ будто совсѣмъ отсутствовалъ.

— Но, Оливія,—проговорилъ, наконецъ, Владиміръ, вѣдь ты, вѣроятно, видала очень грустныя картины въ лондонскихъ трущобахъ. Почему же...

— Грустныя картины! — горячо прервала она его. — Грустныя картины можно всюду видѣть. Но здѣсь не видно ничего, ничего другого. Володя, во всей этой деревнѣ нѣтъ ни одного здороваго мужчины, ни одной здоровой женщины, ни одного здороваго ребенка. Люди просто заживо гніютъ и физически, и нравственно. Въ той избѣ, гдѣ мы сегодня были цѣлый день, живетъ десять человѣкъ, четыре поколѣнія. Всѣхъ ихъ начиная съ прадѣда и до ребенка, родившагося сегодня, слѣдовало бы захлороформировать на смерть. Они больны до мозга костей: отецъ пьяница, тетка идіотка, бабка... нѣтъ, я не могу разсказывать! А что они говорятъ!

Она остановилась, по ней пробѣжала дрожь отвращенія.

— Я ждала около дома,—продолжала она,—пока докторъ Славинскій позоветъ меня на помощь. Бабка и ея сосѣдъ сѣли подлѣ меня и стали разговаривать о случаѣ отравленія въ другой деревнѣ. Единственное, что занимало ихъ при этомъ было, почему міръ не согласился на предложеніе полиціи потушить дѣло за плату по 12 коп. съ души. Они говорили, что, когда въ прошломъ году найдено было тѣло на заливномъ лугу, бародѣевцы заплатили по семи коп. съ души, и что лѣтомъ, понятно, слѣдуетъ платить больше. Когда ихъ слушаешь, кажется, точно переживаешь какой-то страшный кошмаръ.

— Такса за мертвыя тѣла всегда выше въ страдную пору, — спокойно замѣтилъ Кароль, не выпуская изъ рукъ книги.—Гвоздѣевцы отказались платить, потому что полиція запросила слишкомъ много. Непремѣнно надо было положить какой-нибудь предѣлъ, а то и на подати ничего не

останется. А вотъ и нашъ чай идетъ. Эта дѣвушка положительно надорвется, подносъ слишкомъ тяжелъ.

Онъ выбѣжалъ съ быстротой, удивительной для такого большого и неповоротливаго человѣка, сбѣжалъ довольно неуклюже внизъ и взялъ подносъ изъ рукъ дѣвушки. Владиміръ продолжалъ стоять подлѣ Оливіи, положивъ руку ей на плечо.

— Дорогая моя, - проговорилъ онъ,— я предупреждалъ тебя съ самаго начала. Не легкое дѣло любить человѣка, который живетъ въ аду. Ты видѣла только небольшіе отблески этой жизни.

Она быстро повернулась и приложилась щекой къ его рукѣ. Она была такъ сдержана и стыдлива, ея ласка была для него такою рѣдкостью, что онъ перемѣнился въ лицѣ и вздрогнулъ отъ неожиданности. Черезъ минуту она уже отодвинулась отъ него и по прежнему сидѣла спокойно.

— А какъ шла твоя работа? Можно посмотрѣть?

Онъ снялъ тряпку. Когда Кароль вошелъ въ комнату съ подносомъ въ рукахъ, она молча стояла передъ грубымъ глинянымъ изображеніемъ птицы. Онъ также молча, сталъ рядомъ съ ней.

— Я не знала, что ты можешь создавать такія жестокія вещи, — сказала она и подняла на жениха глаза, въ которыхъ блестѣли слезы.

— А я зналъ,—проговорилъ Кароль,—это немножко грубо, Володя, но это очень сильно.

— Это жестоко,—повторила дѣвушка,—это борьба, убійство и внезапная смерть. Онъ хотѣлъ жить, хотѣлъ бороться за свою жизнь, а ему не давали времени.

Владиміръ захохоталъ; хорошо, что это рѣдко съ нимъ случалось, смѣхъ у него былъ непріятный и рѣзалъ ухо.

— Ну, что же, это довольно обыкновенное явленіе. Входите, тетя, садитесь сюда. Я сейчасъ сниму со стола всю мою дрянь, и мы будемъ пить чай.

Вечеромъ они всѣ вмѣстѣ сидѣли на балконѣ при свѣтѣ луны. Погода была необыкновенно ясная и теплая; хотя лѣто приходило къ концу, и соловьи уже не пѣли, но среди заснувшаго лѣса безпрестанно слышались голоса перекликавшихся и чирикавшихъ птицъ. Это былъ послѣдній вечеръ, который Кароль проводилъ съ ними; онъ долженъ былъ утромъ выѣхать въ Варшаву. Оливія имѣла нѣсколько утомленный видъ послѣ цѣлаго дня работы, но увѣряла, что совершенно отдохнула; она немножко полежала у себя въ комнатѣ, пока Кароль и Владиміръ играли съ дѣтьми.

Въ глубинѣ души она была бы очень довольна, если бы могла, не поступая невѣжливо, остаться спокойно въ своей

комнатѣ вплоть до ночи; вечера въ гостиной Лѣснаго были для нея всегда непріятны. Добродушная, но безтактная тетя Соня не могла не дѣйствовать на нервы переутомленнаго человѣка; въ особенности, Владиміру, котораго она любила больше всѣхъ на свѣтѣ, приходилось не мало выносить; Оливія мучилась, глядя, какія усилія онъ употребляетъ, чтобы не выказать нетерпѣнія при ея нелѣпыхъ вопросахъ и разсужденіяхъ, при ея приторныхъ материнскихъ ласкахъ. Но братья его были еще хуже, чѣмъ тетка.

Младшій, Ваня, не былъ настоящимъ идіотомъ, но во всякомъ случаѣ могъ быть названъ слабоумнымъ. Онъ по своимъ умственнымъ способностямъ въ состояніи былъ занимать въ хозяйствѣ только мѣсто простого работника, работа нравилась ему, и онъ обыкновенно охотно и хорошо работалъ. Но по временамъ онъ не могъ устоять противъ искушенія выпить больше, чѣмъ могла вынести его слабая голова, и всякій разъ, когда это случалось, въ немъ просыпался духъ его предковъ, крѣпостниковъ. Тогда онъ находилъ, что для его дворянскаго достоинства унизительно пачкать руки физическимъ трудомъ, и что дворянинъ обязанъ поддерживать государственную власть, служить Богу и царю и „улучшать породу“, иначе сказать, развращать крестьянскихъ дѣвушекъ. Онъ рѣдко примѣнялъ эти теоріи на практикѣ въ господскомъ домѣ, такъ какъ горькимъ опытомъ убѣдился, что это не разумно. Одинъ разъ, въ ту самую минуту, когда онъ объяснялъ молоденькой поденщицѣ, что первая обязанность крестьянской дѣвушки повиноваться волѣ господина, подошелъ старшій братъ Петя. Онъ схватилъ проповѣдника за шиворотъ и избилъ его хлыстомъ.. Съ этихъ поръ Ваня сталъ осторожнѣе. Единственный человѣкъ, которому онъ высказывалъ свои аристократическія мнѣнія, была тетя Соня. Она, добрая душа, вспоминала свои молодые годы и тѣ грубыя сцены, которыя разыгрывались въ домѣ, когда ея отецъ напивался пьянымъ; она вздыхала и крестилась, какъ дѣлала ея мать пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и такъ же, какъ мать, жалобно говорила: „Ваня, какъ это ты! Христосъ съ тобой! Ложись въ постель, голубчикъ; завтра тебѣ будетъ лучше!“ Иногда бывало трудно уложить его въ постель, но разъ это удавалось, онъ крѣпко засыпалъ и, проспавъ свой хмѣль, на слѣдующій день снова принимался за работу, хотя былъ не въ духѣ и глядѣлъ мрачно. Дня черезъ два, три снова появлялась у него его глуповатая добродушная улыбка.

Въ это лѣто онъ все время велъ себя хорошо. Его привязанность къ Владиміру, напоминавшая привязанность дворовой собаченки къ доброму хозяину, благотворно дѣйство-

вала на этотъ неразвитой умъ. Владиміръ представлялся ему олицетвореніемъ совѣсти; простое напоминаніе: „Володя будетъ не доволенъ тобой", могло иногда удержать его отъ пьянства и разврата, когда все другое оказывалось безуспѣшнымъ. Одинъ разъ Владиміръ разсердился на него, и это было величайшимъ огорченіемъ въ его жизни. Вина его на этотъ разъ состояла въ жестокомъ обращеніи съ лошадью; и съ тѣхъ поръ онъ, даже въ пьяномъ видѣ, былъ всегда добръ къ животнымъ.

Къ Оливіи онъ относился съ робкимъ уваженіемъ, издали восхищаясь счастливой женщиной, удостоившейся избранія его кумира, но въ глубинѣ души онъ ревновалъ брата и къ ней, и къ Каролю.

Вдовецъ Петя былъ совсѣмъ другого характера. Когда онъ изучалъ естественныя науки въ московскомъ университетѣ, передъ нимъ открывалась блестящая будущность; но бѣдность и ранняя женитьба заставили его отказаться отъ ученія, карьеры и поселиться въ раззоренномъ, заложенномъ, заброшенномъ родовомъ имѣніи, чтобы, улучшивъ хозяйство, добыть кусокъ хлѣба для своей сестры.

Смерть жены, которую онъ горячо любилъ, и трагическая исторія Владиміра сломили силу его характера, несчастная наслѣдственность сдѣлала остальное.

При другомъ, болѣе широкомъ кругѣ дѣятельности, нашлись бы, можетъ быть, другого рода вліянія, которыя поддержали бы его слабую волю. Но въ Лѣсномъ, хотя онъ работалъ съ утра до вечера и отказывалъ себѣ во всемъ излишнемъ, онъ неизбѣжно оставался бариномъ, и это барство было червоточиной, губившей его. Въ тридцать пять лѣтъ онъ былъ отчаяннымъ игрокомъ и имѣлъ видъ дряхлаго старика. Раза три, четыре въ годъ, когда ему удавалось усиленной работой и разными лишеніями скопить немного денегъ, онъ нанималъ лошадь у ростовщика еврея, содержавшаго кабакъ въ деревнѣ, и отправлялся въ сосѣдній городишко, разсказывая дома, что ѣдетъ продать скотъ или посмотрѣть образцы сѣмянъ. Эта ложь не обманывала ни его самого, ни другихъ. Достаточнымъ доказательствомъ противъ него было то, что онъ нанималъ лошадь. Онъ самъ и всѣ въ деревнѣ знали, что если онъ поѣдетъ въ городъ на собственной лошади, которую можно проиграть, онъ вернется назадъ пѣшкомъ. Въ городѣ онъ останавливался въ грязной гостинницѣ, пропитанной запахомъ водки и керосиновыхъ лампъ, наполненной клопами и тараканами; и онъ, въ другое время до брезгливости опрятный во всѣхъ своихъ вкусахъ и привычкахъ, сидѣлъ съ жандармскимъ капитаномъ и съ пьянымъ лѣсничимъ и игралъ нѣсколько

ночей напролетъ. Ему были противны ихъ грязные разговоры и грязные пороки; онъ былъ человѣкъ нравственно чистый и гордый, въ обыкновенное время онъ скорѣе остался бы голоднымъ, чѣмъ согласился бы ѣсть за однимъ столомъ съ жандармомъ. Но когда имъ овладѣвала его страсть, онъ чокался съ ними, дѣлалъ видъ, что смѣется ихъ сальнымъ анекдотамъ, только бы они не обидѣлись и не отказались играть съ нимъ. Проигравъ послѣднюю копѣйку, онъ молча садился на не кормленную лошадь и ѣхалъ домой, тридцать верстъ по темному мрачному лѣсу. Голова его склонялась на грудь, въ ушахъ раздавался скрипъ сосенъ, въ душѣ онъ чувствовалъ горькій стыдъ; мысли о самоубійствѣ мелькали въ умѣ его.

Оливія не видала его въ такомъ состояніи. Присутствіе Владиміра, единственнаго человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ, удерживало его отъ картъ все лѣто. Но страсть начинала мучить его, и онъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе молчаливымъ, болѣе мрачно безпокойнымъ.

Самое страшное для Оливіи было его наружное сходство съ Владиміромъ. Это сходство было особенно замѣтно въ профиль, и когда онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, какъ теперь на балконѣ, видъ этой слабой, жалкой копіи головы любимаго человѣка заставлялъ сжиматься ея сердце. Это было то же самое лицо, но испорченное; строгое самообладаніе исчезло, выраженіе страданія превратилось въ простую горечь, стоическаго терпѣнія не было и слѣда. Она отворачивалась отъ него, и даже видъ толстой, довольной, глупой физіономіи Вани доставлялъ ей облегченіе.

— Миссъ Латамъ,—сказалъ Кароль, вставая, когда часы пробили одиннадцать,—я хочу покататься въ лодкѣ. Не поѣдете ли вы со мною? Вамъ хотѣлось видѣть озеро при лунномъ свѣтѣ. Нѣтъ, Володя, тебѣ нельзя. Я послѣ зайду къ тебѣ въ комнату и поговорю съ тобой. Сегодня тебѣ не годится выходить на озеро, надъ водой поднимается туманъ.

— Но, дорогой мой,—вскричала тетя Соня;—неужели вы хотите ѣхать въ лодкѣ теперь, такъ поздно? И Оливія тоже? Господи! Вы на смерть простудитесь, вы можете утонуть!

Въ глубинѣ души она считала въ высшей степени неприличнымъ для молодой дѣвушки кататься ночью, въ лодкѣ, съ холостымъ мужчиной; но ее отучили высказывать такія мнѣнія, хотя не могли отучить держаться ихъ. Привлекать мужчинъ и въ то же время сдерживать ихъ, вотъ что въ ея глазахъ составляло задачу жизни всякой молодой особы женскаго пола; она съ робкимъ недоумѣніемъ смо-

трѣла на полное безразличіе въ отношеніяхъ Оливіи къ мужчинамъ и женщинамъ, на то строгое самоуваженіе, которымъ эта дѣвушка замѣняла хорошо знакомое ей легкое кокетство подъ маской чиннаго приличія.

— Я никогда не простужаюсь,—сказала Оливія, откладывая свою работу.

— А Кароль никогда не утонетъ,—прибавилъ Петръ.—Ему не это на роду написано, вы можете не безпокоиться, тетя.

Всѣ засмѣялись, точно это была веселая шутка. Оливія поморщилась. Она не чувствовала склонности къ юмору и не находила ничего забавнаго въ такого рода остротахъ.

Они пошли вдвоемъ по липовой аллеѣ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ на безоблачномъ небѣ, но подъ навѣсомъ густыхъ вѣтвей было темно. Высокая фигура мужчины двигалась рядомъ съ ней, какъ громадная тѣнь.

— Боюсь, что вамъ будетъ непріятно жить здѣсь,—сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. У васъ привычка слишкомъ серьезно смотрѣть на вещи, это здѣсь не годится.

— А вы сами, вы серьезно смотрите на вещи? Вотъ хоть бы, напримѣръ, на то, что вамъ не суждено утонуть?

— Настолько серьезно, что я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшилъ совсѣмъ не задумываться надъ этимъ вопросомъ. Меня въ настоящее время занимаетъ не то, какимъ образомъ я покончу жизнь, а то, что мнѣ удастся сдѣлать, пока я живъ. Осторожнѣй, не попадите ногой въ яму. Я думаю, вамъ лучше дать мнѣ руку.

Она такъ и сдѣлала; они молча дошли до конца аллеи.

— А Володя?—спросила она.—Задавались ли вы когда-нибудь мыслью, что ему удастся сдѣлать, прежде чѣмъ онъ погибнетъ?

Ей показалось, что рука, на которую она опиралась, слегка дрогнула, но это было мимолетное ощущеніе, и она не была увѣрена, не вообразилось ли ей это. Когда они черезъ минуту вышли на освѣщенный луною берегъ, она взглянула ему въ лицо и съ досадой замѣтила, что оно ничуть не измѣнилось.

— Вы не отвѣтили на мой вопросъ,—сказала она и отняла свою руку.

Онъ спустился къ водѣ и отвязалъ лодку.

— Входите, пожалуйста.

Она вошла въ лодку, не дотронувшись до его протянутой руки и не глядя на него. Онъ взялъ весла и оттолкнулся отъ берега.

— Что за польза въ такого рода вопросахъ?—сказалъ онъ, наконецъ, налегая на весла.—Всякій изъ насъ дѣлаетъ, что можетъ, и погибаетъ, когда придетъ его время.

— Я спросила васъ,—отвѣчала она, и голосъ ея слегка дрожалъ отъ гнѣва,—потому что все послѣднее время мнѣ хотѣлось знать, подумали ли вы, что вы дѣлаете, когда вы увлекали его, почти мальчика, въ свою политическую дѣятельность?

Онъ отвѣтилъ ей очень серьезно:

— Былъ одинъ періодъ въ моей жизни, когда я объ этомъ думалъ слишкомъ часто. Потомъ я сдѣлался старше и оставилъ эти мысли. Когда человѣкъ живетъ и работаетъ, ему приходится думать о многомъ другомъ.

— О болѣе важномъ, чѣмъ человѣческая жизнь, которую вы погубили случайно, мимоходомъ?

— О болѣе важномъ, чѣмъ чья бы то ни была жизнь.

Она бросила на него гнѣвный взглядъ.

— Гдѣ это вы почерпнули такую олимпійскую увѣренность въ томъ, что всего важнѣе.

— Въ Акатуѣ.

Ей вдругъ представилось, что она была чудовищно, непростительно жестока. Она сидѣла молча, раздумывая о непонятной жизни этихъ людей и о томъ, что она, пробираясь, точно слѣпая, среди нихъ, ежеминутно рисковала по незнанію дотронуться грубой рукой до ихъ ранъ.

Онъ опустилъ весла и лодка медленно подвигалась впередъ. Нѣсколько минутъ не слышно было никакого звука кромѣ шелеста листьевъ лилій о борты, да полусоннаго кудахтанья водяныхъ птицъ. Длинная пелена тумана серебрившаяся подъ луннымъ свѣтомъ, тянулась къ нимъ черезъ блестѣвшую поверхность озера. Среди темныхъ неподвижныхъ сосенъ пролетѣла сова на своихъ широкихъ крыльяхъ.

— Не стоитъ перебирать то, что давно прошло и покончено,—сказалъ Кароль, послѣ того, какъ рѣзкій крикъ совы нарушилъ тишину.—Володина жизнь давно опредѣлилась; и если вы хотите поберечь и его нервы, и свои собственные, вы должны принимать факты, какъ они есть, и пользоваться ими, какъ можно лучше. Ему за тридцать лѣтъ, и его карьера намѣчена.

— Кто ее намѣтилъ? Вы или онъ самъ?

Она сдѣлала этотъ вопросъ вызывающимъ тономъ, досадуя на себя, что слово „Акатуй“ удержало ее отъ справедливыхъ упрековъ. Онъ устремилъ на нее долгій вопросительный взглядъ, и глаза ея опустились.

— Задавали ли вы ему этотъ вопросъ?

Онъ опять заставлялъ ее отступить.

— Я спросила его одинъ разъ, какъ онъ пришелъ къ... къ тому, чтобы сдѣлать первый шагъ. Я понимаю, разъ человѣкъ пошелъ по этому пути, завязался въ дѣло, онъ уже не можетъ отступить; это совсѣмъ другое. Но взяться за эту дѣятельность, за дѣятельность настолько чуждую его природѣ, и ради нея отказаться отъ возможности заниматься искусствомъ... Этого я не могла понять.

— А что онъ вамъ отвѣтилъ?

— Онъ сказалъ, что въ этомъ отношеніи и во многихъ другихъ онъ обязанъ вамъ больше, чѣмъ кому бы то ни было. Онъ сказалъ, что онъ сидѣлъ въ темнотѣ, а вы показали ему великій свѣтъ. О, онъ вполнѣ преданъ вамъ и тому дѣлу, представителемъ котораго вы являетесь. Это я одна, пріѣхавъ сюда, стала сомнѣваться, стоитъ ли вашъ свѣтъ той цѣны, какую онъ заплатилъ за него.

— Свѣтъ стоитъ какой угодно цѣны.

— Даже свѣтъ, который погасъ?

Протяжный вой волка прорѣзалъ ночную тишину. Вслѣдъ затѣмъ послышался жалобный крикъ какого-то маленькаго животнаго.

— Вы сами себя пугаете призраками, точно ребенокъ, — сказалъ онъ ей съ суровымъ состраданіемъ.—Нашъ свѣтъ не гаснетъ.

Оливія наклонилась и опустила руку въ воду. Лодка медленно двигалась, и гладкіе, холодные листья скользили у нея между пальцевъ. Она заговорила, не поднимая глазъ отъ блестящихъ струекъ воды.

— Какъ вы думаете, чѣмъ онъ былъ бы, если бы вы не обратили его въ свою вѣру.

— Скульпторомъ.

— Да, скульпторомъ, и, можетъ быть, великимъ.

— Очень возможно. У него несомнѣнно есть талантъ, можетъ быть, даже геній.

— А вы, что вы изъ него сдѣлали?

— Ничего. Я только разбудилъ его; все остальное сдѣлала его натура. Она сдѣлала его тѣмъ, что онъ есть: свѣточемъ въ темномъ мѣстѣ.

— Ахъ, нельзя такъ разсуждать! — вскричала она въ отчаяніи. - Все это красивыя общія мѣста; я хочу добраться до истины. Онъ говоритъ, что у него не было настоящаго таланта къ скульптурѣ; вы говорите, что у него былъ геній. Въ такомъ случаѣ, вы своею политикой убили этотъ геній. Развѣ вы думаете, я не вижу, что онъ совсѣмъ не вѣритъ въ нее, что онъ держится за нее просто изъ честности, изъ

безнадежной преданности дѣлу, которое проиграно. Его жизнь погибла безъ пользы, и ни у него, ни у васъ не хватаетъ честности сознаться въ этомъ.

— Неужели вы находите, что быть единственнымъ свѣтлымъ вліяніемъ въ такомъ мѣстѣ, какъ здѣшнее, значитъ безъ пользы провести жизнь? Посмотрите хоть на этихъ несчастныхъ дѣтей. Онъ одинъ сколько-нибудь замѣняетъ имъ отца. Вы не видите пользы отъ его политической дѣятельности; но тѣ самыя свойства, которыя заставляютъ его отдаваться ей, дѣлаютъ его ангеломъ-хранителемъ всѣхъ здѣшнихъ слабосильныхъ людей.

— Я думаю,—сказала она, продолжая смотрѣть на воду,— онъ всегда былъ бы ангеломъ-хранителемъ для всѣхъ слабыхъ. Это его природное свойство.

— Вы ошибаетесь. Онъ отъ природы былъ самый настоящій дикарь. Когда я съ нимъ познакомился, онъ интересовался слабыми людьми, только какъ моделями для лѣпки.

— Но вѣдь онъ же былъ мальчикомъ, когда вы съ нимъ познакомились; это нельзя считать, онъ еще не начиналъ жить.

— Ему былъ двадцать одинъ годъ.

— Ну такъ что же? Онъ еще ничего не видалъ. Онъ выросъ въ пустынѣ. Вѣдь вы съ нимъ познакомились, когда онъ въ первый разъ поѣхалъ въ городъ, чтобы учиться скульптурѣ, какъ какой-то Дикъ Виттингтонъ, безъ денегъ, безъ рекомендательныхъ писемъ?

— Да, и съ папкой, наполненной рисунками. Онъ собирался получить стипендію, ѣхать въ Парижъ и еще Богъ знаетъ куда. Видали вы эти рисунки?

— Я не видала ни одной его работы, кромѣ того сокола, котораго онъ показывалъ сегодня.

— Онъ, навѣрно, сжегъ ихъ. Впослѣдствіи онъ бросилъ все это. Онъ писалъ мнѣ въ Акатуй, что отказался отъ всякихъ мечтаній и изящныхъ прихотей. Онъ началъ немножко заниматься скульптурой только послѣ того, какъ встрѣтился съ вами.

— Теперь уже слишкомъ поздно, — нетвердымъ голосомъ проговорила она. — Онъ никогда не будетъ прежнимъ.

— Кто пріобрѣлъ живую душу, тотъ не можетъ оставаться прежнимъ.

Она вспыхнула.

— Ахъ, это вѣчное самомнѣніе людей, замѣшанныхъ въ какое-нибудь дѣло! Вамъ кажется, что только тотъ и имѣетъ душу, кто занимается вашей политикой. Вы все равно что миссіонеры, которые проповѣдываютъ евангеліе дикарямъ; вы

насильно просвѣщаете людей, которыхъ природа вовсе не создала для этого свѣта, и они умираютъ.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды,—спокойно согласился онъ,—только вы не туда направляете ваши нападки. Русскимъ очень тяжело, когда въ нихъ пробуждается совѣсть. Они не пережили столѣтій подготовительной работы, какъ другія націи. Но я не думаю, чтобы Володя захотѣлъ снова стать такимъ, какимъ онъ былъ въ юности, даже если бы и могъ. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ не стоитъ и разсуждать. Я хотѣлъ поговорить съ вами объ одномъ практическомъ вопросѣ. Когда вы возвращаетесь въ Англію?

— Я хотѣла вернуться, какъ только мы уѣдемъ отсюда, въ концѣ мѣсяца. Роднымъ очень хочется, чтобы я поскорѣй пріѣхала домой.

— Я бы попросилъ васъ не уѣзжать. Поживите съ нимъ эту осень.

Краска сбѣжала съ лица ея.

— Вы находите, что онъ... опасенъ?

— Нѣтъ, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы остались, если вамъ можно.

— Почему?

Онъ молчалъ.

— Я не ребенокъ,—сказала она, выждавъ съ минуту,— и, какъ я вамъ говорила, я рѣдко плачу. Я думаю, вы обязаны сказать мнѣ всю правду. Къ чему я должна готовиться?

— Мнѣ бы не хотѣлось тревожить васъ, но я не очень доволенъ состояніемъ его здоровья.

— А вѣдь въ послѣдній разъ, когда вы его выслушивали, вы сказали, что ему лучше.

— Да, пока, пожалуй, лучше. Что же, можно вамъ остаться?

— Конечно, я останусь. Но если ему станетъ худо, очень худо, можно мнѣ позвать васъ?

— Я очень занятъ, какъ вы знаете, и не всегда могу получить разрѣшеніе выѣхать. Но если только будетъ возможно, я пріѣду на Рождество. Не передавайте никому нашего разговора. А теперь намъ пора вернуться.

Когда они пришли домой, всѣ уже разошлись по спальнямъ. Онъ зажегъ свѣчи, приготовленныя на столѣ въ передней, и подалъ Оливіи одну изъ нихъ.

— Увидимся мы еще до моего отъѣзда?

— О, да, я всегда рано встаю.

— Покойной ночи, въ такомъ случаѣ.

Она колебалась; затѣмъ поставила свой подсвѣчникъ на столъ.

— Докторъ Славинскій...

Онъ обратился къ ней съ улыбающимся лицомъ.

— Что вамъ угодно?

— Я... я была сейчасъ очень груба. Вся здѣшняя жестокость, всѣ эти ужасы необычны для меня; я чувствую, что и сама становлюсь жестокой... Я говорю такія вещи, о которыхъ мнѣ послѣ тяжело вспомнить. Я вамъ сказала гадкія слова...

Рука его крѣпко стиснула столъ, но онъ не шевельнулся.

— Мнѣ... очень жаль!—сказала она, дотрогиваясь до его пальцевъ.

Потъ выступилъ у него на лбу. Онъ быстро отдернулъ руку, и она слышала, какъ онъ тяжело и быстро дышалъ. Она отступила и смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Неужели я оскорбила васъ? Вы единственный другъ, на котораго я могу здѣсь разсчитывать; прошу васъ...

— Дорогая миссъ Латамъ, чѣмъ же вы меня оскорбили? Конечно, вы всегда можете разсчитывать на меня! И не мучайтесь относительно Володи; онъ еще очень можетъ поправиться. Покойной ночи.

Владиміръ читалъ у себя въ комнатѣ. При входѣ Кароля, онъ съ улыбкой взглянулъ на него.

— Ну, что, старичина! хорошо ли вы покатались?

— Превосходно,—отвѣчалъ Кароль, усаживаясь и закуривая папироску. Лунная ночь, крики совы, все какъ слѣдуетъ. Да, здѣсь хорошо, а всетаки мнѣ пора приниматься за работу, нельзя вѣчно праздновать. А твоя невѣста, Володя, славная дѣвушка, право, очень хорошая дѣвушка.

V.

Кароль уѣхалъ изъ Лѣсного рано утромъ. Вся семья, за исключеніемъ Петра, собралась на подъѣздъ провожать его; и, спускаясь по аллеѣ, онъ съ улыбкой оглядывался назадъ, на руки и платки, махавшіе ему. Но вотъ вѣтви липъ скрыли его отъ глазъ провожавшихъ, и лицо его сразу постарѣло, стало угрюмымъ и печальнымъ.

Онъ не любилъ предаваться размышленіямъ о своей тяжелой долѣ, даже когда она, какъ въ эту минуту, представлялась ему черезчуръ тяжелой. Какъ ни скаредно отнеслась къ нему судьба въ другихъ отношеніяхъ, но одно она ему во всякомъ случаѣ дала: способность къ самообладанію, которую онъ развилъ долгимъ упражненіемъ. Человѣкъ,

чувствующій безнадежную страсть къ женщинѣ, составляющей единственное утѣшеніе друга, жизнь котораго онъ испортилъ, долженъ считать себя счастливымъ, если умѣетъ не измѣнить себѣ ни однимъ движеніемъ. Исключая той минуты, когда Оливія неожиданно коснулась его руки, онъ ни разу не выдалъ себя ни голосомъ, ни выраженіемъ лица, ни разу не далъ ни ей, ни Владиміру возможности заподозрить его несчастную тайну. Теперь, когда притворство стало излишнимъ, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ онъ усталъ; усталъ до того, что съ облегченіемъ думалъ: „до Рождества мнѣ не придется видѣться съ ней“. Онъ прислонился къ спинкѣ тарантаса и смотрѣлъ грустными глазами въ поднимавшійся туманъ.

Нельзя не сознаться, она была права, хотя по своему обыкновенію слишкомъ рѣзко поставила вопросъ. Не смотря на свое полное непониманіе дѣла, она сумѣла задѣть его за живое. Да, это было вѣрно; онъ разносилъ свой свѣтъ въ темныя мѣста, и этотъ огонь сжегъ красивый цвѣтокъ, случайно попавшійся ему на пути. Онъ былъ слишкомъ сострадателенъ, чтобы сказать ей, что она права, и слишкомъ лицемѣренъ, чтобы дать ей замѣтить это; но въ душѣ онъ чувствовалъ, что это такъ. Оглядываясь назадъ теперь, въ тридцать четыре года, на всѣ и блестящія, и жалкія ошибки своей юности, онъ видѣлъ, что пріобрѣтеніе для дѣла Владиміра были одною изъ самыхъ трагическихъ побѣдъ его А въ то время (о, какъ это было давно, изъ какой туманной дали глядѣли на него эти воспоминанія) она казалась ему одною изъ самыхъ великолѣпныхъ.

Все это было слѣдствіемъ тѣхъ гуманитарныхъ идей, которыя овладѣли имъ въ молодые годы. Вѣра въ общее братство и въ прощеніе всѣхъ грѣховъ, повидимому, такъ же неизбѣжны на извѣстной ступени нравственнаго развитія, какъ чума для щенковъ. Съ годами человѣкъ избавляется отъ этой вѣры, какъ щенокъ отъ болѣзни; но пока онъ былъ охваченъ ею, это имѣло на него серьезное вліяніе и причиняло ему не мало страданій.

Воспитанный въ узкихъ понятіяхъ традиціонной польской семьи, которая съ дѣтства учила его проклинать и презирать все русское, онъ въ двадцать одинъ годъ пришелъ къ убѣжденію, что національная вражда—пережитокъ старыхъ понятій и что всѣ люди братья. Въ это время онъ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ въ качествѣ политическаго миссіонера, распространяя евангеліе національной независимости среди своихъ соплеменниковъ поляковъ, затерявшихся въ космополитической геен҃ѣ Петербурга. Мало по малу онъ сталъ отступать отъ традицій своей семьи и своего

народа. Онъ отбросилъ, какъ устарѣлый предразсудокъ, уроки вѣкового опыта и объявилъ своему дѣдушкѣ, который замѣнялъ ему отца, погибшаго въ послѣднемъ польскомъ возстаніи, что для него ничто человѣческое не чуждо, что онъ не дѣлаетъ различія между русскими и поляками, и во всѣхъ одинаково ищетъ душу. Онъ былъ очень молодъ въ то время и, конечно, говорилъ вполнѣ искренно.

Онъ помнилъ, точно будто это случилось вчера,—какъ старикъ поднялъ глаза отъ своего молитвенника, пристально посмотрѣлъ на него, а затѣмъ проговорилъ снисходительнымъ тономъ:

— Да, да, по этому поводу существуетъ много прекрасныхъ теорій; все это очень естественно въ молодые годы. Но въ концѣ концовъ ты вернешься къ своему народу. Такъ бываетъ со всякимъ здоровымъ человѣкомъ.

— Вы учили меня, что у русскихъ нѣтъ ничего, кромѣ желудка и зубовъ,—Кароль помнилъ, что проговорилъ это очень горячо, — но это неправда, у нихъ есть такая же душа, какъ у насъ.

— Конечно, конечно, мой мальчикъ,—отвѣтилъ дѣдъ, крестясь рукой, изувѣченной старой штыковой раной.—Но предоставь Господу Богу и его Пресвятой Матери спасать ихъ души, а самъ думай о томъ, какъ спастись отъ ихъ зубовъ.

Но спасаться отъ кого бы то ни было оказалось несвойственно Каролю. Въ тѣ дни золотой юности онъ относился съ величавымъ равнодушіемъ къ настоящей стоимости жизни и ея благъ. Онъ очень рано призналъ, какъ общую аксіому, что всякая идея, цѣнная сама по себѣ, непремѣнно должна быть распространяема, и рѣшилъ въ глубинѣ души, что готовъ скорѣе вынести всякое личное страданіе, всякую потерю, чѣмъ отказаться отъ этого убѣжденія. Что такого же рода страданія и потери могутъ выпасть на долю и другихъ, это въ данный моментъ развитія, не приходило ему въ голову. И вотъ онъ ходилъ, подобно Діогену съ фонаремъ, и разыскивалъ русскихъ, имѣвшихъ душу.

Два года жизни провелъ онъ, мечтая употребить русскія руки на отмщеніе за страданія своей родины, мечтая поднять на защиту ей дѣтей ея враговъ. Въ это время онъ встрѣтилъ Владиміра.

Болѣе зрѣлый и практическій Кароль, котораго Акатуй излѣчилъ отъ всякихъ мечтаній, оставилъ бы въ покоѣ эту дѣвственно-дикую натуру, съ ея жизнерадостностью, ея полураскрытыми крыльями, ея полнымъ незнаніемъ жизни.

Но двадцатитрехлѣтній миссіонеръ Кароль находилъ вполнѣ естественнымъ овладѣть этимъ прекраснымъ созда-

ніемъ и усовершенствовать его. О скульптурѣ онъ не зналъ ничего, о человѣческихъ характерахъ очень мало. Онъ считалъ великимъ счастьемъ для себя, что можетъ извлечь эту драгоцѣнную бѣлую жемчужину изъ окружавшей ее грязи и принести ее на алтарь богини, которой онъ поклонялся. Результатъ получился неизбѣжный: логическое, безжалостное воздѣйствіе западной мысли на восточную душу.

Разъ его нравственное чувство пробудилось, для Владиміра стало невозможно продолжать безсознательную жизнь художника, для которой создала его природа. Но среди поляковъ, съ которыми познакомилъ его Кароль, онъ чувствовалъ себя чужимъ, неспособнымъ понимать сущность ихъ идей. Послѣ освобожденія изъ тюрьмы онъ прервалъ съ ними всѣ дѣловыя сношенія и присоединился къ немногочисленному кружку русскихъ, одушевленныхъ гражданскимъ сознаніемъ. Преждевременная попытка ихъ поднять народъ кончилась полной неудачей. Владиміръ не заплатилъ за нее немедленною смертью, какъ большинство его товарищей, онъ остался жить и видѣлъ, какъ священныя для него идеи тонули въ крови и грязи, среди преслѣдованій и трусливаго отступничества, среди ссоръ, интригъ и измѣны товарищей. Теперь въ этомъ мірѣ торжествующаго зла онъ и подобные ему трагическія фигуры, разсѣянныя тамъ и сямъ, сохраняли вѣрность своему идеалу, но казались людьми безполезными. Они не могли сдѣлаться европейцами; Россія была для нихъ все, а въ Россіи не было мѣста, гдѣ они могли бы дышать спокойно, не было дѣла, которому они могли бы посвятить свои силы.

Какое счастье, что онъ встрѣтилъ Оливію! Бѣдный Владиміръ! Хоть одинъ лучъ личнаго счастья освѣтитъ его жизнь! О себѣ самомъ Кароль не заботился: у него на рукахъ было руководство сильнымъ рабочимъ движеніемъ въ Польшѣ, онъ могъ обойтись безъ личнаго счастья, могъ найти, чѣмъ замѣнить его. До Рождества онъ, можетъ быть, привыкнетъ къ своему положенію, можетъ быть, въ состояніи будетъ видѣться съ нею и при этомъ не держать себя на такой короткой уздѣ. Только бы она не смотрѣла такъ серьезно, такъ умно, такимъ съ ума сводящимъ взглядомъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ имѣетъ четыре мѣсяца отдыха и массу дѣлъ, которыя должны быть закончены въ это время. Союзъ Домбровскихъ рудокоповъ прислалъ ему свой отчетъ, необходимо подыскать человѣка, который наладилъ бы имъ дѣла. Новый ежемѣсячный журналъ, основанный имъ, нуждался въ денежныхъ средствахъ; необходимо найти новаго созидателя... Что касается его собственнаго несчастія,— да, оно дѣйствительно не изъ легкихъ. Это прямо какая-то

особенная жестокость судьбы: всѣ эти годы никакія сердечныя увлеченія не осложняли его положенія, и вдругъ теперь имъ овладѣла эта женщина, изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ именно эта. Но для чего же онъ былъ въ Акатуѣ, если онъ не научился твердо выносить всякую жестокость и людей, и боговъ?

Странное явленіе представляло это воспоминаніе объ Акатуѣ: оно всплывало въ умѣ безъ всякаго видимаго повода, и въ сравненіи съ нимъ все, о чемъ человѣкъ думалъ въ данную минуту, все, что его тревожило, казалось какимъ то ничтожнымъ и отдаленнымъ. А между тѣмъ, вспоминались обыкновенно разныя мелкія подробности акатуйской жизни; давно забытыя бездѣлицы вдругъ ясно воскресали въ памяти, какъ что-то новое и свѣжее. Крупныя событія рѣдко вспоминались; они залегли далеко въ глубинѣ души и ждали тамъ своей очереди. На этотъ разъ ему живо представилась сцена не изъ самаго Акатуя, а изъ путешествія туда, восемь лѣтъ тому назадъ.

Это было за Красноярскомъ. Онъ и нѣсколько другихъ арестантовъ заболѣли тифомъ, заразившись дорогой, и конвой ушелъ съ остальной партіей, оставивъ ихъ въ больницѣ. Тамъ узналъ онъ о самоубійствѣ сестры. Къ тому времени, когда они въ состояніи были продолжать путь и для сопровожденія ихъ явился новый конвой, настала зима и замерзшая дорога хрустѣла, точно стекло, подъ копытами лошадей съ трудомъ тащившихъ багажъ. Въ партіи было нѣсколько слабыхъ, между прочимъ, двѣ женщины, и немногія мѣста въ багажныхъ телѣгахъ были постоянно заняты. Онъ чувствовалъ себя здоровымъ и былъ увѣренъ, что можетъ идти. Но въ этотъ день имъ пришлось сдѣлать длинный переходъ, болѣе шестнадцати миль, восточный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо, засыпая ихъ снѣжной крупой, колючей, какъ иголки, и замедлялъ ихъ движенія; солнце уже сѣло, а имъ оставался еще добрый часъ пути до того этапа, гдѣ они должны были ночевать. Съ нимъ, кромѣ того, случилась бѣда: онъ, вѣроятно, плохо устроилъ подвертку на правой ногѣ; она соскользнула съ мѣста и кольцо цѣпи, спускаясь и поднимаясь при ходьбѣ, натерло ему лодыжку. Онъ съ удивительною ясностью помнилъ ощущеніе желѣзнаго кольца, которое при каждомъ его шагѣ проходило взадъ и впередъ по ранѣ. Повидимому, не было никакого логическаго основанія, почему именно это болѣзненное ощущеніе такъ ясно запечатлѣлось въ его памяти; но малѣйшая подробность этого вечера вставала передъ нимъ съ необыкновенною яркостью. Длинная прямая дорога, казавшаяся сѣрою при свѣтѣ раннихъ сумерекъ; покрытые снѣгомъ сучья сосенъ, раскачиваемые вѣтромъ, несмол-

кавшіе однообразные стоны больной женщины въ телѣгѣ; чувство какой-то отчужденности, безконечности; ему представлялось, что онъ обязанъ идти цѣлую вѣчность такимъ образомъ по своему собственному аду отдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ... Вдругъ онъ очнулся, лежа на спинѣ среди дороги, полузадыхаясь отъ влитой ему въ ротъ водки. Онъ видѣлъ, что надъ нимъ наклоняется красное, толстое лицо конвойнаго офицера, а солдаты стоятъ неподвижно, точно глиняные истуканы. Они всѣ смотрѣли на него и были удивительно похожи на китайскихъ идольчиковъ. Онъ помнитъ, что одинъ изъ его товарищей, маленькій чахоточный человѣчекъ, прозванный „Векша“ за его суетливость и блестящіе глаза, сказалъ тонкимъ, веселымъ голосомъ (добрый, милый Векша, онъ до конца жизни не утратилъ своей веселости): „Ай, ай, Кароль, что это вы выдумали! Если вы станете валяться безъ чувствъ, что же намъ-то прочимъ останется дѣлать?“

Кароль почему-то сильно обидѣлся и сталъ энергично протестовать. Онъ никогда въ жизни не падалъ безъ чувствъ; кажется, онъ не какой-нибудь несчастный уголовный, чтобы его можно было заподозрѣть въ такой ерундѣ. Неужели человѣкъ не можетъ поскользнуться и упасть на этой отвратительной дорогѣ? И онъ вскочилъ торопливо, до смѣшного спѣша доказать, что его совершенно напрасно обвиняютъ. Затѣмъ онъ, повидимому, снова лишился чувствъ, такъ какъ послѣ этого у него въ памяти остался отравленный воздухъ этапной комнаты, гдѣ онъ лежалъ, безсмысленно глядя на грязныя доски потолка и прислушиваясь къ шипѣнью воды на очагѣ. Его уложили на нары, подложивъ ему подъ голову вмѣсто подушки его свернутую куртку; кто-то промывалъ ему рану на ногѣ, можетъ быть, Векша, но ему лѣнь было повернуть голову и посмотрѣть. Послѣ этого онъ долго лежалъ, много часовъ,—а, можетъ быть, только минутъ? — въ состояніи пассивнаго отупѣнія, считая клоповъ, которые ползали по стѣнѣ; онъ считалъ ихъ дюжинами, полусотнями, сотнями; ловилъ себя на безсмысленныхъ вычисленіяхъ тангенсовъ угла ихъ направленія и квадратныхъ корней количества ихъ ногъ, потомъ вдругъ бросалъ все это и начиналъ снова и снова увѣрять себя, что въ сущности, не случилось ничего дурного, хорошо, что Ванда умерла, что она избавилась навсегда отъ всего этого, что ему нечего безпокоиться о ней.

Да, все это такъ; а вотъ теперь ему уже тридцать четыре года, у него на рукахъ столько дѣла, что одному человѣку еле справиться, а онъ теряетъ время, перебирая въ головѣ всю эту ветошь воспоминаній о давно прошедшихъ дняхъ. Конечно, все это были полезные уроки, немного суровые,

правда, но человѣкъ долженъ считать себя счастливымъ, что получилъ ихъ въ молодые годы. Не всякому удается, прежде чѣмъ начать серьезное дѣло жизни, узнать опытнымъ путемъ, на что онъ способенъ, и что могутъ выдержать его нервы. Кто проживетъ два, три года при такой обстановкѣ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что ничто болѣе не устрашитъ его.

Но, Господи, какъ было тяжело въ то время!

Оливія и Владиміръ провели все утро въ павильонѣ. Ему хотѣлось какъ можно скорѣй кончить своего сокола, и онъ попросилъ ее посидѣть съ нимъ, пока онъ работаетъ. Въ продолженіе трехъ часовъ они едва обмѣнялись нѣсколькими словами; оба были заняты: онъ своею глиной, она чтеніемъ писемъ съ родины и отвѣтами на нихъ. Работникъ, отвозившій Кароля въ городъ, привезъ ей цѣлую пачку этихъ писемъ. Отецъ, мать, сестра, всѣ писали ей. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ она сказала имъ, что надѣется быть дома черезъ двѣ недѣли, и отвѣты выражали ихъ радость по этому поводу. Имъ будетъ очень тяжело узнать, что отъѣздъ ея отсрочивается по меньшей мѣрѣ до Рождества, главное, она никакъ не можетъ объяснить причину этой отсрочки. Вообще, она была плохой корреспонденткой, ея письма были обыкновенно коротки и сухи; это происходило не потому, чтобы она не любила своихъ родныхъ, а просто по какой-то стыдливости чувства. Она даже на словахъ рѣдко допускала какія-нибудь чувствительныя изліянія. А написать нѣжныя слова и видѣть, какъ они глядятъ на нее съ бѣлой бумаги своими черными буквами, это казалось ей немыслимымъ. Впрочемъ, на этотъ разъ она постаралась написать длинныя письма, и подробными описаніями окружающей природы скрасить непріятное извѣстіе о томъ, что другъ, ради котораго она пріѣхала, боленъ серьезнѣе, чѣмъ она предполагала, и ей придется остаться съ нимъ на неопредѣленное время. Когда она вернется домой, она разскажетъ имъ все.

Потомъ она начала письмо къ Дику. Къ нему было легче писать, такъ какъ не требовалось никакихъ объясненій. Онъ прислалъ ей длинное дружеское посланіе, наполненное веселой болтовней о приходскихъ дѣлахъ и о мѣстной флорѣ, о таксѣ на водоснабженіе и о послѣдней книгѣ Джорджа Мередита. Она сама не понимала почему, но въ эти недѣли томительной тревоги письма Дика служили для нея лучшимъ утѣшеніемъ. Однако ей трудно было найти о чемъ говорить съ нимъ, и даже рѣдкій видъ жабрея, отысканный имъ на пустомъ пространствѣ за стѣной кладбища, не вызвалъ живого интереса въ ея душѣ, подавленной уныніемъ.

— Оливія!—позвалъ Владиміръ.

Она обернулась. Онъ смывалъ глину съ рукъ.

— Приди, взгляни, пожалуйста!

Соколъ былъ готовъ. Она нѣсколько минутъ молча стояла передъ нимъ. Когда Владиміръ взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ, что уголки ея рта болѣзненно подергиваются.

— Что,—спросилъ онъ, нехорошо?

— Нѣтъ, нѣтъ, великолѣпно; но это такъ безнадежно, такъ ужасно мертво.

— Тѣмъ лучше для маленькихъ птичекъ.

— Ну, что маленькія птички! Развѣ у нихъ когда нибудь будутъ такія крылья.

— Дядя Володя!—раздался голосъ за окномъ.

Владиміръ открылъ дверь. Тамъ стоялъ его старшій племянникъ, Борисъ, съ грустнымъ встревоженнымъ лицомъ и дрожалъ отъ холода на сыромъ, туманномъ воздухѣ.

— Дядя Володя, папа уѣхалъ.

— Куда уѣхалъ? —начала Оливія и остановилась.

По лицу Владиміра она увидѣла, что онъ знаетъ, куда.

— Какую онъ лошадь взялъ?

— Старую бѣлую кобылу у Ицки.

— Когда вы это узнали?

— Да сейчасъ только. Мы думали, что онъ на новой вырубкѣ, а дядя Ваня пришелъ и говоритъ, что его тамъ совсѣмъ не было. Тетя Соня послала меня узнать у Ицки. Онъ, должно быть, уѣхалъ рано утромъ, когда мы еще не вставали. Тетя плачетъ въ кухнѣ. Она говоритъ, что не останется денегъ намъ на новые сапоги къ зимѣ.

Мальчикъ заплакалъ. Владиміръ ласково погладилъ его по головѣ.

— Ну, ну, не плачь, голубчикъ. Я поѣду за папой и привезу его домой. Ицка знаетъ, по какой дорогѣ онъ поѣхалъ?

— По нижней лѣсной.

— Развѣ тамъ теперь можно ѣздить?

— Да, вода спала.

— Ну, значитъ, онъ будетъ въ городѣ прежде, чѣмъ я успѣю нагнать его. Оливія, присмотри за дѣтьми, пока я буду ѣздить; не давай тетѣ говорить объ этомъ при маленькихъ. Ты, Борисъ, я знаю, не будешь.

— Конечно, не буду.

— Мы все сдѣлаемъ,—сказала Оливія своимъ обычнымъ успокаивающимъ тономъ,—Боря такой умный, точно большой; онъ поможетъ мнѣ смотрѣть за маленькими. Сведи ихъ во дворъ, поиграй съ ними, а я пойду къ тетѣ. Володя, пойдемъ и ты. Мнѣ хочется, чтобы ты закусилъ передъ дорогой.

— Я сейчасъ приду. Мнѣ надобно распорядиться насчетъ

лошади. Не безпокойся, я вернусь завтра, не знаю только, въ которомъ часу.

Онъ остановился, чтобы сказать нѣсколько ласковыхъ словъ мальчику, который пересталъ плакать и, видимо, нѣсколько успокоился. Затѣмъ онъ заботливо укрылъ мокрой тряпкой своего глинянаго сокола.

— Видишь,—съ улыбкой обратился онъ къ Оливіи,—приходится заботиться и о маленькихъ птичкахъ.

Слѣдующій день приближался къ концу. До сихъ поръ Оливіи удавалось, то утѣшая, то кротко сдерживая, заставить тетю Соню сохранять спокойствіе и даже худо ли, хорошо ли заняться домашнимъ хозяйствомъ; младшія дѣти и не подозрѣвали, что въ домѣ что-то не ладно. Но теперь старушка снова заволновалась и растревожилась; съ каждымъ часомъ становилось все труднѣе удерживать ее отъ разговоровъ при дѣтяхъ объ ихъ отцѣ и его несчастной страсти.

— Уже шесть часовъ! А Володя долженъ былъ вернуться сегодня утромъ. Навѣрно, съ нимъ что-нибудь случилось! Я такъ и знала, что это добромъ не кончится. Володя слишкомъ строгъ къ нему; онъ всегда былъ очень суровъ; можетъ быть, бѣдный Петя сдѣлалъ что-нибудь надъ собой, а мы тутъ сидимъ...

Она начала громко плакать и причитать, какъ деревенскія бабы.

— Дѣти,—сказала Оливія громкимъ голосомъ:—Сбѣгайте-ка къ тремъ елкамъ, посмотрите, не ѣдетъ ли дядя. Ну кто скорѣй добѣжитъ? Разъ, два, три!

Дѣти бросились бѣжать, одинъ только Борисъ остался на мѣстѣ. Онъ посмотрѣлъ на Оливію не по-дѣтски серьезнымъ взглядомъ и продолжать ѣсть свой кусокъ хлѣба съ вареньемъ.

— Милая моя! – тетя Соня перестала плакать и начала ворчать,—какъ это можно посылать дѣтей бѣгать, когда они ужинаютъ? Это очень вредно!

— Менѣе вредно, чѣмъ слушать такого рода разговоры, — спокойно возразила Оливія. — Позвольте мнѣ налить вамъ еще чашку чаю.

Тетя Соня снова заплакала.

— Видно, вы никогда ни о комъ не безпокоились, оттого вы такая суровая.

— Боря,—сказала Оливія,—передай мнѣ, пожалуйста, тетину чашку.—Право, тетя, вы напрасно такъ тревожитесь. Володю, вѣроятно, задержали дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. А можетъ быть, дорогу опять залило.

Но старушка только тяжело вздохнула и покачала головой.

— Вотъ и Ваня не приходитъ къ обѣду, кто знаетъ...

Громкій крикъ, раздавшійся со двора, заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Борисъ вскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ къ двери, но Оливія опередила его. Она тихонько оттолкнула его, вышла изъ комнаты и заперла за собою дверь.

Ваня въ шляпѣ на бекрень, въ сапогахъ, перепачканныхъ грязью, стоялъ на подъѣздѣ, держа за шиворотъ босоногаго, оборваннаго деревенскаго мальчишку, который кричалъ во все горло. Въ ту минуту, когда Оливія открыла дверь, онъ ударилъ кулакомъ по грязной всклокоченной головенкѣ.

— Я тебя научу смѣяться надъ господами. Я пьянъ? Ну, говори, пьянъ я, а?

Огромный кулакъ поднялся, чтобы нанести второй ударъ. Оливія молча подошла и схватила поднятую руку своею сильною рукою. Онъ вырвался и обратился къ ней съ ругательствами. Лицо его, обыкновенно глуповато кроткое, было красно отъ пьянства и искажено дикимъ гнѣвомъ.

— Уходи прочь,—сказала Оливія мальчику, уцѣпившемуся за ея юбку,—бѣги скорѣй!

Онъ убѣжалъ, хныкая и подфыркивая. Ваня грубо схватилъ Оливію за плечи.

— А, это вы, это вы? Какая важная барыня! При ней нельзя и мальчишку за уши выдрать! Ну, хорошо, милочка, поцѣлуй меня.

Онъ приблизилъ къ ея лицу свое красное, разгоряченное лицо. Она слегка отвернула голову, чтобы не чувствовать запаха водки, и ловко вывернула его руку. Онъ отпустилъ ея плечи, и она быстро отошла въ сторону.

— Осторожнѣй,—весело сказала она,—тутъ ступеньки. Хорошо, хорошо, мы все сейчасъ устроимъ. Только войдите скорѣй. Я не могу разговаривать съ вами на лѣстницѣ. Ключъ? Да вотъ вашъ ключъ. Постойте, я вамъ открою дверь. Вы хотите меня поцѣловать? Подождите немножко.

Она втолкнула его въ его спальню и заперла дверь на ключъ.

Задыхаясь, прислонилась она къ притолкѣ. Онъ былъ сильный мужчина, и хотя она, благодаря своей ловкости, одержала верхъ, но оказалось, что онъ зашибъ ей палецъ. Теперь онъ пытался выломать дверь и колотилъ ее со всѣхъ силъ, выкрикивая ругательства и разныя нелѣпости.

Прибѣжала тетя Соня и по обыкновенію залилась слезами.

— Ахъ, моя милая, я думала, онъ васъ убьетъ!

— Глупости,—сказала Оливія, стараясь овладѣть собой.— Неужели вы думаете, мнѣ не приходилось имѣть дѣло съ пьяными? Онъ немножко ушибъ мнѣ руку, вотъ и все. Я

сейчасъ помочу ее въ водѣ. Пойдемъ, пейте спокойно чай. Боря, не бойся, все уладилось.

Во дворѣ раздался стукъ подковъ по камнямъ, и Боря побѣжалъ туда. Владиміръ снялъ съ своего сѣдла младшаго мальчика, остальныя дѣти окружали его, не обращая вниманія на отца, который молча слѣзъ съ лошади и передалъ несчастную кобылу крестьянскому мальчику, стоявшему тутъ же.

— Сведи ее къ Ицкѣ,—проговорилъ онъ торопливо и вошелъ въ домъ, не сказавъ ни слова больше.

Владиміръ явился въ столовую, неся на каждомъ плечѣ по ребенку; остальные трое цѣплялись за его платье. Лицо его было страшно блѣдно, подъ глазами синіе круги.

— Ахъ, ты, мой дорогой,—вскричала тетя Соня, бросаясь къ нему и готовясь, какъ всегда, разыграть чувствительную сцену,—какъ ты долго не ѣхалъ, какъ мы безпокоились! Привезъ ты его благополучно? Я всю ночь глазъ не могла сомкнуть, все думала! Что онъ...

— Подождите немножко, тетя,—прервалъ ее Владиміръ задыхающимся голосомъ. Онъ сѣлъ къ столу и долго не могъ перевести духъ. Потомъ у него начался припадокъ страшнаго кашля. Дѣти стояли и молча глядѣли на него широко раскрытыми, испуганными глазами. Къ счастью, въ эту минуту вошла въ комнату Оливія; она сразу замѣтила, какъ онъ утомленъ, и, не говоря ни слова, подала ему чашку чая.

— Что у тебя съ рукой?—спросилъ онъ, выпивъ чай. Она забинтовала больной палецъ.

— Ничего, я ушибла палецъ.

— А гдѣ Ваня?

— Онъ заперся у себя въ комнатѣ. Нѣтъ, нѣтъ, посиди спокойно, отдохни.

Онъ всталъ и отвелъ ея руку.

— Я не усталъ. Выйди со мной. Мнѣ надо сказать тебѣ нѣсколько словъ.

Она вышла съ нимъ вмѣстѣ въ переднюю.

— Петю нельзя оставлять одного. Онъ сегодня два раза пытался покончить съ собой.

— Послѣ того, какъ ты его увезъ?

— Одинъ разъ въ томъ трактирѣ, гдѣ я его нашелъ, онъ собирался повѣситься. А потомъ дорогой. Онъ опередилъ меня и чуть не бросился въ озеро. Знаешь, тамъ, гдѣ такой крутой берегъ. Я долженъ сидѣть съ нимъ всю ночь. Постарайся, если можешь, успокоить тетку.

— Но ты вѣдь, кажется, не спалъ и прошлую ночь?

— Я искалъ его до двухъ часовъ утра. А потомъ не

могъ отойти отъ него. Онъ игралъ съ какими-то тремя негодяями, гарнизонными офицерами, а они побились объ закладъ со своими дамами, что выиграютъ у него медальонъ съ портретомъ его покойной жены.

— И выиграли?

— Да, это единственная вещь, которую онъ до сихъ поръ никогда не ставилъ на карту. Впрочемъ, я его вернулъ назадъ.

— Ты его купилъ?

— Я побилъ одного изъ нихъ, а другіе отдали сами. Послѣ я, конечно, заплатилъ имъ. Уйди теперь, дорогая, мнѣ надо посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ.

Онъ поцѣловалъ ее, и она ушла. Онъ постучалъ въ дверь брата.

— Петя, Петя, впусти меня.

— Уходи, - отвѣчалъ какой-то странный сдавленный голосъ изъ комнаты,—уходи, оставь меня въ покоѣ.

Изъ сосѣдней комнаты послышался градъ ударовъ въ дверь. Пьяница, молчавшій нѣсколько минутъ, услыша голоса вблизи, снова разразился ругательствами.

— Она заперла меня!—вопилъ онъ, колотя дверь кулаками и ногами. — Слышите? Англійская чертовка заперла меня, меня, дворянина...

— Петя!—крикнулъ вдругъ Владиміръ строгимъ, рѣзкимъ голосомъ.—Выходи!

Игрокъ появился на порогѣ своей комнаты. Онъ сбросилъ только верхнее платье, но не переодѣлся и не умылся. Грязныя руки его дрожали, волосы были смочены потомъ, одежда въ безпорядкѣ. Онъ устремилъ на строгое лицо брата какой-то полусознательный испуганный взглядъ.

Оливія, услышавъ шумъ, поспѣшила вернуться, и она тоже слегка испугалась при видѣ гнѣва Владиміра.

— Я долженъ расправиться съ другой скотиной,—сказалъ онъ и отворилъ дверь Ваниной комнаты.

Пьяница съ дикимъ воплемъ подскочилъ къ Оливіи. Она быстро отстранилась, а Владиміръ схватилъ его за шиворотъ и втолкнулъ обратно въ комнату.

— Ложись спать,—крикнулъ онъ ему,—и стыдись, коли можешь.

Глаза его пылали гнѣвомъ. Ваня нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него, открывъ ротъ. Потомъ упалъ и ползалъ по полу, громко рыдая.

— Ложись!—повторилъ Владиміръ.

Несчастный повиновался безъ возраженій. Владиміръ замкнулъ дверь и съ ключемъ въ рукѣ обратился къ Петру, который стоялъ молча, опустивъ голову.

— Видѣлъ ты руку Оливіи?

Игрокъ медленно поднялъ глаза и снова опустилъ ихъ. Густой румянецъ разлился по его грязному лицу.

— Ваня сдѣлалъ это, пока я ѣздилъ разыскивать тебя. Она, вѣроятно, защищала твоихъ же дѣтей, вмѣсто тебя.

Черезъ дверь раздавались, не переставая, слезливые вопли пьяницы:

— Володя, не сердись; Христа ради, Володя!

Петръ дрожащею рукой схватился за горло. Онъ пытался говорить, но губы его дрожали, такъ что онъ не могъ сказать ни слова.

— Я... тебѣ говорилъ...—произнесъ онъ, наконецъ,— оставь меня... не мѣшай мнѣ... это одно...

— Еще судебное слѣдствіе къ довершенію всѣхъ прелестей?—прервалъ его Владиміръ съ злобнымъ смѣхомъ.

Но тутъ вмѣшалась Оливія. Она чувствовала, что этой сценѣ надобно во что бы то стало положить конецъ. Она не могла выносить этого униженія несчастнаго; ей казалось, это все равно, что смотрѣть на человѣка въ кандалахъ. Она подошла ближе и взяла ключъ изъ рукъ Владиміра.

— Позвольте,—сказала она, обращаясь къ Петру,—къ чему эти разговоры? Володя не спалъ и не ѣлъ со вчерашняго дня, вѣроятно, и вы также. Я не хочу, чтобы онъ опять заболѣлъ. Будьте добры, возьмите этотъ ключъ и постарайтесь успокоить Ваню. Я принесу вамъ ужинъ въ вашу комнату, если вы хотите остаться одни сегодня вечеромъ. Пойдемъ, Володя.

Рука игрока машинально схватила ключъ. Онъ стоялъ молча, не двигая ни однимъ мускуломъ, пока дѣвушка не скрылась изъ глазъ. Ея спокойный взглядъ, въ которомъ не было ни упрека, ни презрѣнія, заставлялъ его сгорать отъ стыда. Ему было ясно, что онъ, наравнѣ съ пьяницей, вопившимъ въ запертой комнатѣ, являлся для нея не живымъ человѣкомъ, а просто больнымъ субъектомъ. Даже оскорбительный гнѣвъ брата было легче перенести, чѣмъ эту профессіональную терпимость, это сострадательное высокомѣріе практической филантропки, которая знаетъ слабости и пороки людей, но сама никогда не страдала ими.

VI.

На слѣдующій день жизнь семьи вошла, повидимому, въ свою обычную колею. Тетя Соня была опять весела и болтала, не переставая, какъ сорока. Петръ, угрюмый и молчаливый, занимался, какъ всегда, хозяйствомъ и даже заста-

вилъ Ваню работать. За обѣдомъ онъ ничего не говорилъ, кромѣ самаго необходимаго, и Ваня, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, тоже молчалъ. Оливія нарочно весело болтала съ дѣтьми, чтобы отвлечь ихъ вниманіе отъ отца. Послѣ обѣда она предложила выучить ихъ печь англійскіе крендельки. Погода была дождливая, и о прогулкѣ съ ними не могло быть рѣчи.

— Володя,—сказала она, останавливаясь въ дверяхъ, окруженная дѣтьми, которыя плясали и скакали около нея,— хорошо бы тебѣ немножко полежать.

Онъ имѣлъ очень нездоровый видъ. Усталость и волненія послѣднихъ двухъ дней разстроили его, и ночью онъ долго кашлялъ.

— Нѣтъ, я лучше помогу вамъ печь крендельки,—отвѣчалъ онъ, взявъ на руки младшаго ребенка и посадивъ его себѣ на плечо.—Можно мнѣ идти съ вами?

— Хорошо, только подожди, пока я все приготовлю. Ну, цыпки, вымойте руки! Да, тетя, я иду.

Она накинула на голову платокъ и побѣжала въ кухню подъ проливнымъ дождемъ. Сквозь завѣсу спускавшагося тумана, она неясно различала фигуры Ивана и Петра, пробиравшихся къ амбару. Цѣпная собака запряталась въ свою конуру и жалобно завыла при ея приближеніи. Погода была отвратительная.

Приготовивъ въ кухнѣ все, что было нужно, она побѣжала назадъ домой, позвать дѣтей. Они всѣ были въ столовой и тѣснились вокругъ кресла, на которомъ сидѣлъ Владиміръ; входя въ переднюю и стряхивая капли дождя съ платья, она слышала его голосъ. Онъ разсказывалъ волшебную сказку, и она остановилась въ дверяхъ, чтобы послушать.

„...Ну такъ вотъ, когда зеленая гусеница влѣзла на тростникъ и свернулась клубочкомъ около колоска на его вершинѣ, она могла видѣть далеко, гораздо дальше, чѣмъ всѣ маленькія букашки. Она увидѣла огромную площадь, которая называлась страна Завтра, такъ какъ въ ней всѣ дѣти были уже взрослыми, и всѣ гусеницы превратились въ бабочекъ (Вы вѣдь знаете, что гусеницы, когда выростаютъ, дѣлаются бабочками. Что? „А дѣти"?—Ну да, и нѣкоторыя дѣти тоже). Въ самой серединѣ страны Завтра росло громадное дерево, самое огромное изъ всѣхъ деревьевъ на свѣтѣ. Его стволъ поддерживалъ небо, а корни скрѣпляли землю, чтобы она не качалась, когда вы слишкомъ сильно скачете; а вѣтви его были такія густыя и темныя, что всякое утро, когда пора было ложиться спать (да, звѣзды ложаться спать утромъ), всѣ маленькія звѣздочки прятались въ нихъ, закрывали крылышками свои маленькія головки и

засыпали до вечера...“ А, вотъ и Оливія! Пойдемъ, давайте печь англійскіе крендельки.

— Крендельки подождутъ,—смѣясь, отвѣтила она,—мнѣ интересно дослушать исторію Зеленой Гусеницы.

— Полно, дорогая, къ чему тебѣ? Наши гусеницы не превратятся въ бабочекъ. Саша, взять тебя на плечи? Ну, такъ держись крѣпко. Да, мой мальчикъ, если бы я былъ большая, черная, генеральская лошадь, ты могъ бы тогда сидѣть, какъ важный генералъ; но я простой обозный мулъ, а ты мѣшокъ съ картофелемъ, такъ держись хорошенько, чтобы я тебя не свалилъ.

Когда, вполнѣ довольныя своей стряпней, дѣти стали липкими рученками нанизывать на веревки горячее печенье, Владиміръ позвалъ Оливію пройти съ нимъ въ павильонъ. Это была послѣдняя недѣля ихъ деревенской жизни, и ему хотѣлось до отъѣзда сдѣлать слѣпокъ ея руки.

— Онъ у меня останется на память, когда ты уѣдешь,— говорилъ онъ.

Она съ сомнѣніемъ взглянула въ окно.

— Посмотри, какой ливень! Мнѣ ничего промокнуть, но тебѣ это можетъ быть вредно.

— О, пустяки! Мы дойдемъ въ одну минуту. Пойдемъ, милая. Намъ осталось такъ мало времени быть вмѣстѣ, и только тамъ мы можемъ посидѣть вдвоемъ.

Они пошли подъ однимъ большимъ зонтикомъ, который съ трудомъ могли удержать противъ сильнаго вѣтра, вырывавшаго его изъ рукъ. Въ павильонѣ они затопили каминъ и обсушили свое платье передъ огнемъ. Потомъ онъ принесъ глину и принялся за работу. Оливія сидѣла неподвижно, устремивъ глаза на огонь. Какъ особа спокойная, положительная, она была отличная натурщица; ея рука неподвижно лежала на столѣ, въ томъ положеніи, какое выбралъ скульпторъ. Но на лбу ея залегли морщины отъ тяжелыхъ мыслей: она придумывала, какъ сказать Владиміру, что она рѣшила остаться съ нимъ до Рождества, но при этомъ не дать ему угадать мнѣніе Кароля о его болѣзни. Ей лично пріятнѣе было бы сказать ему всю правду: если его болѣзнь опасна, онъ имѣетъ право знать это. Но если докторъ этого не разрѣшаетъ, надо покориться... Вдругъ она подняла голову съ рѣшительнымъ видомъ.

— Володя...

Онъ взглянулъ на нее, отложилъ въ сторону глину и подошелъ къ ней.

— Радость моя, что тебя тревожитъ?

— Володя, я не поѣду въ Англію черезъ двѣ недѣли; я остаюсь съ тобой.

— Остаешься... со мной?

Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней, и она обняла его одной рукой.

— Помнишь, я тебѣ говорила, что не выйду за тебя до тѣхъ поръ, пока не скажу объ этомъ своимъ и не дамъ имъ отказаться отъ этой мысли? Мнѣ казалось, что я обязана это сдѣлать. Но потомъ я передумала. Ты вѣдь знаешь, теперь моя единственная обязанность въ жизни—это ты; я выйду за тебя, когда ты захочешь.

Онъ молчалъ нѣсколько секундъ.

— Бѣдная моя дѣвочка!—сказалъ онъ, гладя ее по головѣ,—навѣрно, Кароль говорилъ съ тобой обо мнѣ?

Она вздрогнула и отстранилась отъ него.

— Почему ты это думаешь? Развѣ Кароль что-нибудь говорилъ тебѣ?

— Мы съ Каролемъ говорили обо мнѣ. А что же онъ тебѣ сказалъ, милая?

— Да ничего особеннаго... онъ только сказалъ, что не очень доволенъ твоимъ здоровьемъ, и что мнѣ лучше бы остаться у тебя до зимы. Володя, мы съ тобой взрослые, развитые люди; какъ ты думаешь, не должны ли мы быть вполнѣ откровенны другъ съ другомъ? Я не знаю, считаетъ ли онъ, что твои легкія затронуты; лондонскій врачъ находилъ, что твоя болѣзнь серьезна, но не безнадежна. Въ сущности, я понимаю, что для человѣка въ твоемъ положеніи было бы преступленіемъ имѣть дѣтей, но это не лишаетъ меня права жить подлѣ тебя, ухаживать за тобой, когда ты боленъ, доставлять тебѣ столько счастья, сколько я могу. Ты вѣдь весь міръ для меня; ничто не можетъ измѣнить этого.

Послѣднія слова она проговорила слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Дорогая моя, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Это я былъ не откровененъ съ тобой. Кароль имѣлъ въ виду вовсе не мое здоровье.

— Онъ сказалъ...

— Да, да, знаю; я и самъ не хотѣлъ говорить тебѣ. Мнѣ предстоитъ много непріятностей именно теперь и... нѣкоторая опасность.

— Это... это касается политическихъ дѣлъ?

— Да; одинъ человѣкъ, который недавно арестованъ, оказался... не вполнѣ такимъ, какимъ его считали. Онъ не умѣетъ держать языкъ за зубами и можетъ надѣлать много вреда.

— Но, Володя, зачѣмъ же ты остаешься здѣсь, если тебѣ грозитъ такая опасность? Если ты думаешь, что опять можешь

быть арестованъ, отчего бы тебѣ не уѣхать со мною въ Англію, пока еще не слишкомъ поздно?

— Именно потому, что мнѣ грозитъ опасность, дорогая. Если я уѣду, это навлечетъ подозрѣніе на другихъ. Я не могу бѣжать, какъ не могла бѣжать и ты въ разгаръ оспенной эпидеміи.

— Я и не просила тебя бѣжать. Только я тебя не понимаю. Конечно, если ты чувствуешь, что обязанъ остаться, тутъ нечего и говорить. Но увѣренъ ли ты, что это такъ?

— Совершенно. Я долженъ ѣхать въ Петербургъ, какъ только получу разрѣшеніе. Я только его и жду. Иначе я выѣхалъ бы въ тотъ же день, когда узналъ, что дѣло идетъ не ладно.

— А ты когда узналъ?

— За два дня до отъѣзда Кароля. Я ему разсказалъ объ этомъ, и вотъ почему онъ заговорилъ съ тобой о моей болѣзни. Ну вотъ, милая, теперь ты знаешь все, что и я. Не тревожься. Очень возможно, что ничего не случится. А теперь у меня къ тебѣ будетъ просьба: поѣзжай къ себѣ домой, въ Англію. Если все кончится благополучно, я пришлю за тобой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы повѣнчаемся.

— А если нѣтъ?

Она выпрямилась и посмотрѣла на него вызывающимъ взглядомъ.

— Если нѣтъ, дорогая, ты не можешь оказать мнѣ никакой помощи; ты только безъ всякой пользы разстроишь себѣ нервы, присутствуя при разныхъ грубыхъ сценахъ.

— И ты хочешь, чтобы я оставила, тебя, хочешь одинъ, безъ меня переживать всѣ эти грубыя сцены?

— Но вѣдь ты не можешь ничѣмъ помочь мнѣ.

— Володя, я не знаю, какъ ты понимаешь любовь между мужчиной и женщиной. Я понимаю ее такъ: ты мой, и все, что касается тебя, касается меня. Оттого, что я не буду видѣть твоихъ непріятностей, мнѣ не станетъ легче переносить ихъ. Если мнѣ придется потерять тебя, я хочу не разлучаться съ тобой до послѣдней минуты.

— Хорошо, дорогая, пусть будетъ по твоему. Но всетаки намъ лучше не вѣнчаться теперь. Если что-нибудь случится со мной, тебѣ безопаснѣе оставаться англійской подданной. Какъ моя жена, ты уже не будешь пользоваться покровительствомъ своего посланника, а тебѣ лучше не терять его.

— Мнѣ это совершенно все равно, я и не думаю объ этомъ.

— Но я за тебя думаю. Бракъ ничего не значитъ, главное—любовь.

Они долго сидѣли молча рука объ руку.

— Знаешь,—сказала она, поднимая голову съ его плеча:—во всемъ этомъ меня особенно мучитъ одно. Мнѣ, можетъ быть, грозитъ лишиться всего моего счастья, и это изъ за дѣла, совершенно для меня чужого, о которомъ я ничего не знаю, котораго я не могу понять.

— Дорогая, я не имѣю права разсказывать тебѣ о...

— Ахъ, совсѣмъ не то! Конечно, ты не можешь передавать мнѣ чужія тайны; да если бы и могъ, мнѣ не то нужно. Если тебя возьмутъ у меня, не все ли мнѣ равно, въ чемъ именно тебя обвинятъ. Чтобы не придти въ отчаяніе, мнѣ нужно убѣжденіе, нужна увѣренность...

— Увѣренность въ чемъ?

Она пристально посмотрѣла ему въ лицо.

— Въ томъ, что ты въ глубинѣ души вѣришь въ свое дѣло, сознаешь, что ради него стоитъ пожертвовать жизнью.

Лицо его сразу приняло суровое выраженіе. Душа, готовая раскрыться, снова ушла въ свою раковину.

— Мнѣ кажется, что ради сохраненія личной чести и самоуваженія человѣкъ всегда можетъ пожертвовать жизнью.

— Ахъ, будь искрененъ со мной, будь искрененъ!—вскрикнула она.—Вопросъ не въ томъ, что тебѣ дѣлать теперь; я понимаю, что ты долженъ оставаться вѣрнымъ тому дѣлу, за которое взялся. Я вовсе не о томъ говорю. Мнѣ хочется знать, если бы ты могъ вернуться къ началу, если бы тебѣ пришлось еще разъ выбирать...

Онъ остановилъ ее, закрывъ своей рукой ея ротъ.

— Оставь, оставь! Если бы мы могли вернуться къ началу, кто изъ насъ захотѣлъ бы родиться на свѣтъ?

Она затаила дыханіе въ какомъ-то непонятномъ страхѣ.

— Ты имѣешь право предложить мнѣ только вотъ какой вопросъ: жалѣю ли я, что такъ повелъ свою жизнь? И на это я отвѣчу тебѣ, какъ передъ собственной совѣстью: я ни о чемъ не жалѣю. Я и мои товарищи, мы потерпѣли неудачу. Мы были не довольно сильны, и страна была не подготовлена. Поэтому мы погибаемъ, это совершенно ясно. Но для меня лучше потерпѣть неудачу, чѣмъ вовсе не пытаться; я вѣрю, что тѣ, которые придутъ послѣ насъ, будутъ имѣть успѣхъ. Ну, вотъ тебѣ, довольна ты? А теперь, ради Бога, не будемъ никогда заводить этихъ разговоровъ.

Ея обычная сдержанность вернулась къ ней. Она освободилась отъ его объятій и встала.

— Ахъ, вотъ что! Докторъ Славинскій говорилъ мнѣ, что у тебя много твоихъ старыхъ рисунковъ. Ты не сжегъ ихъ? Покажи ихъ мнѣ, пожалуйста.

Очевидно, она, желая перемѣнить разговоръ, напала на

Духовная пища русскаго солдата.

Въ спеціально военныхъ органахъ въ послѣднее время приходится часто читать указанія на необходимость вести путемъ печати борьбу съ пропагандой крайнихъ партій, которая, будто бы, нашла свободный доступъ въ казарму. Мысли эти не новы,—боевое отношеніе къ печати, не спеціально сфабрикованной для казармы, идетъ уже много лѣтъ; если существуютъ ограничительные каталоги для народныхъ и школьныхъ библіотекъ, то сугубо ограничительные каталоги создаются циркулярами главнаго штаба для войскъ. Достаточно указать, что разсказъ «Махмудкины дѣти» Немировича-Данченко, допущенный въ безплатную народную читальню, оказывается запрещеннымъ для солдатской читальни. Получается курьезъ. Деревенскій мальчикъ въ школѣ могъ прочесть этотъ разсказъ, сохранилъ, быть можетъ, книжку у себя на память, а по приходѣ на службу узнаетъ отъ начальства, что книжка эта запрещенная, и что, читая ее, онъ совершаетъ преступленіе.

Вотъ какіе курьезы даетъ жизнь, благодаря обилію циркуляровъ и особому стремленію оградить мысль и чувство солдата отъ якобы вреднаго вліянія. Отсюда всего лишь одинъ шагъ до спеціальнаго изготовленія особой литературы, а разъ есть требованіе на такую спеціальную литературу, то, конечно, найдутся и авторы и издатели, ее поставляющіе.

Однимъ изъ крупныхъ поставщиковъ печатной макулатуры, изготовляемой спеціально для солдатскаго чтенія, является г. В. А. Березовскій. Въ тысячахъ экземплярахъ расходятся издаваемыя имъ, подъ общимъ заглавіемъ «Солдатская библіотека», книжки-листовки и двухлистовки.

Отсутствіе у людей, завѣдующихъ солдатскимъ чтеніемъ, знакомства съ литературой вообще и народной въ частности, съ одной стороны, вѣра, что военное книгоиздательство, столь распространенное въ военной средѣ, даетъ хорошій матеріалъ для чтенія солдатъ,—съ другой, и, наконецъ, рекомендаціи и прямыя приказанія со стороны начальства наполнять ротныя библіотеки военными изданіями,—все это приводитъ къ тому, что въ большинствѣ воинскихъ частей солдатъ имѣетъ для чтенія почти исключительно «Сол-

датскую библіотеку» г. Березовскаго. Прибавьте къ этому, что на значительномъ большинствѣ книжекъ г. Березовскаго имѣется штемпель: «Одобрено циркуляромъ Глав. Шт. №...» «Одобрено Минист. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній», «Допущено Мин. Нар. Просв. къ обращенію въ народныхъ школахъ», «Допущено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки»; прибавьте также, что г. Березовскій издатель опытный и предпріимчивый, широко пользующійся рекламою и имѣющій въ своемъ распоряженіи два журнала,—и вы поймете, какое широкое распространеніе должна имѣть его «Библіотека», «Развѣдчикъ» и «Вѣстовой». Несмотря, однако, на такую распространенность изданій г. Березовскаго, спеціально предназначенныхъ для казармы, они какъ-то вовсе не подвергались критикѣ.

Пишущему эти строки не удалось найти не только отзывовъ, но даже простого упоминанія объ этихъ книжкахъ въ огромномъ трудѣ харьковскихъ учительницъ: «Что читать народу», три тома котораго содержатъ разборы не одной тысячи книгъ спеціальной народной литературы. Точно такъ же ничего не оказалось ни въ двухъ выпускахъ Кіевскаго общества грамотности «Народная Литература», ни въ другихъ аналогичныхъ изданіяхъ.

Такой индифферентизмъ къ спеціально народной (солдатской) литературѣ можно объяснить, но не оправдать, только полнымъ незнакомствомъ обозрѣвателей, кружковъ и коммиссій съ этимъ отдѣломъ, благодаря тому, что изданія г. Березовскаго имѣютъ распространеніе почти исключительно въ казармѣ, такъ какъ спеціально для нея изготовляются.

«Солдатская библіотека» выпускается комплектами по двадцати книжекъ. Въ настоящее время выпущено уже шестнадцать комплектовъ, т. е. 320 книжекъ. Вся эта «литература» лежитъ передо мною, и о ней-то я и хочу повести рѣчь.

Внѣшній видъ изданій вполнѣ приличный. Довольно красивая обложка, хорошая бумага, виньетки, даже иллюстраціи — все это производитъ впечатлѣніе благопріятное. Правда, уже на обложкѣ чувствуется тенденція: на первыхъ комплектахъ въ центрѣ обложки стоитъ бравый солдатъ, сверхсрочный унтеръ-офицеръ, георгіевскій кавалеръ, и держитъ передъ читателемъ раскрытую книгу, на которой напечатано заглавіе разсказа и фамилія автора; на другихъ—невольно обращаетъ на себя вниманіе унтеръ, читающій вслухъ книжку какому-то убогаго вида деревенскому парню. Сразу видно подчеркиваніе просвѣтительной миссіи солдата, военной службы. Но эта маленькая нескромность не можетъ быть поставлена въ вину издателю: вѣдь книжки издаются для казармы, и, значитъ, маленькая переоцѣнка просвѣтительной роли солдата, пожалуй, и простительна.

Но, не смотря на приличную внѣшность, нельзя не признать

цѣну слишкомъ дорогой. Нѣтъ книжки дешевле трехъ копѣекъ, и эту цѣну берутъ меньше, чѣмъ за печатный полулистъ (напр., № 161—12 страницъ по 1000 буквъ); порой цѣна книжекъ доходитъ и до 20 копѣекъ, при чемъ такая цѣна далеко не оправдывается размѣрами книги (напр. № 266—87 стр. по 1080 буквъ, т. е. всего около трехъ печатныхъ листовъ).

Большая часть книжекъ написана спеціальными писателями г. Березовскаго. Наиболѣе плодовитыми среди нихъ являются гг. Тхоржевскій, Васильковскій, В. Потто, Д. Логофетъ. Нѣсколько книжекъ занято перепечаткою произведеній извѣстныхъ писателей, знакомыхъ намъ съ дѣтства. Но такихъ книжекъ въ «Библіотекѣ» г. Березовсхаго очень немного: Пушкинъ занимаетъ шесть книжекъ, Лермонтовъ—одну, Гр. Л. Толстой—четыре. И если въ первыхъ своихъ комплектахъ г. Березовскій всетаки давалъ своимъ читателямъ-солдатамъ образцы произведеній названныхъ писателей-классиковъ, то въ послѣднихъ онъ дѣлаетъ уже иной выборъ; мы находимъ здѣсь Юрія Милославскаго, Рославлева, при чемъ эти сочиненія Загоскина разбиты на нѣсколько книжекъ, изъ которыхъ каждая продается по 17—20 коп., такъ что Рославлевъ въ изданіи Березовскаго обходится 68 коп., Юрій Милославскій—60. Это уже похоже на эксплуатацію.

Въ книжкахъ «Солдатской библіотеки» главнѣйшее мѣсто, какъ, пожалуй, и слѣдовало ожидать, отведено разсказамъ изъ военной исторіи. Одинъ изъ плодовитыхъ авторовъ, г. В. Потто, отмежевалъ себѣ почти исключительно область кавказскихъ войнъ и въ многочисленныхъ разсказахъ излагаетъ эпизоды битвъ, даетъ характеристики героевъ участниковъ войны. Многіе разсказы другихъ авторовъ тоже имѣютъ темой наши войны въ Турціи, Персіи, Суворовскіе походы, Отечественную войну, при чемъ, конечно, вездѣ мы встрѣчаемъ прославленіе и восхваленіе русскихъ героевъ. Всѣ разсказы изъ русской исторіи основаны, исключительно, на тѣхъ оффиціальныхъ реляціяхъ, цѣна которымъ познается лишь тогда, когда подумаешь, что пишутъ ихъ сами военачальники о собственныхъ своихъ подвигахъ.

Другой циклъ разсказовъ, входящихъ въ «Солдатскую Библіотеку» это—такъ называемые военно-бытовые очерки мирной жизни, въ которыхъ авторы описываютъ эпизоды солдатской жизни и службы, въ большинствѣ случаевъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ дать нравоучительное заключеніе о необходимости исполненія какихъ-либо параграфовъ устава или цѣлесообразности извѣстныхъ правилъ внутренней жизни и поведенія солдата.

Очерки жизни крестьянства, въ изложеніи авторовъ «Солдатской библіотеки», по большей части сводятся къ восхваленію солдатской службы и тѣхъ выгодъ, которыя получаетъ солдатъ отъ усвоенія солдатской науки и воинской дисциплины, выдвигающихъ

1*

его изъ среды односельчанъ и въ повседневной крестьянской жизни.

Встрѣчаются разсказы, посвященные изложенію просто казарменной жизни, безъ всякой претензіи на какую-либо мораль, напр., о батарейномъ козлѣ, ротной собакѣ, батарейномъ праздникѣ и т. п.

Наконецъ, довольно много разсказовъ охотничьихъ. Это описаніе природы и различныхъ случаевъ во время охоты. Обыкновенно случаи страшные, но большею частью оканчивающіеся благополучно или вслѣдствіе неустрашимости солдатъ, или благоблагодаря распорядительности начальника.

Таковы главныя темы той массы разсказовъ, которая просто давитъ своимъ количествомъ и отсутствіемъ оригинальности творчества авторовъ, обыкновенно только заполняющихъ словами опредѣленный шаблонъ.

Кровавые подвиги войскъ на войнѣ, презрѣніе къ смерти, готовность жертвовать своею жизнью и проливать кровь врага, обиліе убійствъ и жестокостей—вотъ что проходитъ красной нитью черезъ всѣ разсказы, описывающіе боевыя схватки или подвиги отдѣльныхъ лицъ.

Вотъ, напр., разсказъ солдата о первыхъ впечатлѣніяхъ въ бою (Тхоржевскій, № 1 «Царская награда»).

«Бѣгу, смотрю—Зоновъ съ туркомъ мучается; проткнулъ его штыкомъ, по самую трубку впустилъ, а тотъ руками за стволъ уцѣпился и не даетъ ружья-то вытащить; Зоновъ увидѣлъ меня, кричитъ:

— Ваня, помоги...

Я подскочилъ, ударилъ турка прикладомъ по головѣ и ему голову расшибъ, да и мой прикладъ въ дребезги разлетѣлся...»

То же мы видимъ въ разсказѣ «Дикій человѣкъ» (Тхоржевскій, № 5).

Вотъ еще разсказъ.

«Казаки гикнули и наскочили на непріятеля съ такой быстротой, что многіе изъ конвойныхъ и выстрѣлить не успѣли. Въ одинъ мигъ казацкія шашки искрошили французовъ, и захваченный обозъ былъ свернутъ съ дороги и направленъ въ лѣсъ на бивакъ». (Тхоржевскій, № 15 «Самозванный генералъ»).

«Что тутъ такое произошло даже и разсказать не возможно. Бросились мы всѣ на турокъ и давай ихъ рубить, какъ капусту, а они до того оголтѣли, что многіе даже и ружей съ плечъ не снимаютъ»... «Тяжело было потерять столько товарищей, но за то мы утѣшились тѣмъ, что изрубили, по крайней мѣрѣ, вдвое больше непріятеля» (Тхоржевскій, № 34 «Лихая атака»).

«Саматъ, налетѣвшій на ошалѣвшихъ горцевъ, нѣсколькими ударами шашки повалилъ ихъ на землю, только одинъ, растерявшійся меньше другихъ, имѣлъ еще столько силы, что бросился было бѣжать, но Саматъ наскочилъ на него, сверкнула шашка — и го-

лова несчастнаго скатилась на землю...» «Всѣмъ его существомъ овладѣло какое-то новое невѣдомое еще ему чувство непреодолимаго стремленія впередъ, жажда налетѣть на что-нибудь, изрубить, уничтожить, стереть съ лица земли» (Тхоржевскій, № 41 «Ночная атака»)... Такъ авторъ рисуетъ настроеніе молодого офицера, впервые идущаго въ бой, въ набѣгъ.

Лихіе набѣги и чудеса храбрости, совершаемые горстью русскихъ войскъ противъ многочисленнаго непріятеля, положительно пестрятъ въ разсказахъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами, считая существенно важнымъ отмѣтить эту характерную черту почти всѣхъ повѣстей о военныхъ подвигахъ.

Такъ, въ разсказѣ шт.-кап. Б. Адамовича турки на глазахъ пятидесяти семи русскихъ изрубили 6000 грековъ (изъ восьми тысячъ) и затѣмъ стали окружать русскихъ. «Стали турки подходить гуще и гуще, собралось ихъ, кольцомъ вокругъ насъ, 6000 человѣкъ, во сто разъ больше, чѣмъ было у капитана Баркова. А всетаки близко подойти боялись. Знаютъ, что русскій не грекъ,— легко не возьмешь». (№ 231 «Защита знамени»). Въ концѣ концовъ, не смотря на такое невѣроятное превосходство силъ противника, русскимъ удалось прорваться, унести раненаго капитана и спасти знамя. Весь разсказъ дышетъ невѣроятной, нелѣпой похвальбой.

«Здѣсь именно,—разсказываетъ г. В. Потто, — въ персидскую кампанію 1805-го года, русскій отрядъ въ 400 человѣкъ подъ командой полковника Карягина выдержалъ нападеніе двадцатитысячной персидской арміи и съ честью вышелъ изъ этого слишкомъ неравнаго боя» (№ 150, «Подвигъ полковника Карягина»).

«Минута — и двѣсти-триста казаковъ съ опущенными пиками врѣзались въ тылъ непріятеля... Десятки тысячъ людей, несомнѣнно храбрыхъ, вдругъ дрогнули и, смѣшавшись, какъ робкое стадо, обратились въ неудержимое бѣгство» (В. Потто, № 84. «Подвигъ Платова»).

Я могъ бы заполнить цѣлыя страницы выписками, подобными вышеприведеннымъ, но думаю, что и этихъ достаточно, чтобы показать, съ какимъ упоеніемъ авторы пишутъ о кровавой сѣчѣ и какъ преувеличиваютъ они подвиги русскихъ, въ своихъ спеціально для солдатскаго чтенія сочиненныхъ разсказахъ.

Нужно ли это, полезно ли культивированіе въ солдатѣ кровожадныхъ инстинктовъ и внѣдреніе преувеличеннаго представленія о своей мощи, это вопросъ другой, котораго я не касаюсь, а лишь ограничиваюсь констатированіемъ этой тенденціозности банальныхъ картинъ нашихъ авторовъ.

Что же является побудительной причиной, заставляющей воиновъ свершать чудеса храбрости и идти на геройскіе подвиги и вѣрную смерть?

Здѣсь всѣ авторы сходятся на одномъ. «Присяга» заставляетъ

солдата (и офицера) исполнять честно свои служебныя обязанности, а надежда получить георгіевскій крестъ толкаетъ его на невѣроятныя дѣла.

Присяга и исполненіе ея — вотъ главный мотивъ, который выставляется во всѣхъ разсказахъ и это частое упоминаніе слова «присяга» какъ бы гипнотизируетъ читателя, которому къ тому же во время уроковъ «словесности» очень много и постоянно говорятъ о присягѣ и ея значеніи для солдата.

«Какой ты есть послѣ этого солдатъ, коли унываешь... Присягу позабылъ: до послѣдней капли крови», уговариваетъ одинъ плѣнный солдатъ своего унывающаго товарища (К. Тхоржевскій, № 18, «Въ плѣну»). «Но чего не перенесетъ хорошій солдатъ? Какихъ трудностей, какихъ опасностей не преодолѣетъ онъ, помня, что далъ присягу служить до послѣдней капли крови своему государю и отечеству», патетически восклицаетъ авторъ, воспѣвая гимнъ русскому солдату (К. Тхоржевскій, № 12, «Конвойный»).

«Кучукъ! Твой сынъ сдѣлался измѣнникомъ; онъ забылъ и присягу, и милости царскія, и дружбу Ермолова къ тебѣ...» говоритъ генералъ Вельяминовъ, арестовавъ сына Кучукова (В. Потто. № 148. «Смерть Джембулата-Кучукова»).

«Да и въ самомъ дѣлѣ зналъ онъ такое слово, съ которымъ ни страшны ни штыки, ни пули, и слово это было—«присяга». Такъ говоритъ авторъ разсказа, когда хочетъ выставить передъ читателемъ въ лучшемъ видѣ описываемаго имъ стараго фельдфебеля (М. Карауловъ. 243. «Колдунъ»); когда же онъ описываетъ другого привязаннаго къ службѣ стараго сверхсрочно служащаго фельдфебеля, вѣрнаго и точнаго исполнителя своихъ служебныхъ обязанностей, даже на старости лѣтъ не желающаго оставить роту, онъ влагаетъ въ его уста слѣдующія слова: «Ни, ни! не для того мы и присягаемъ, чтобы потомъ на селѣ хороводы водить или по трактирамъ съ гармоникой расхаживать» (М. Карауловъ № 255, «Перехитрили»).

Когда солдатъ хочетъ совершить какое-либо злое дѣло, проступокъ или преступленіе, то обыкновенно какой-то тайный голосъ шепчетъ ему: «Да развѣ это твое? Развѣ солдатъ затѣмъ принимаетъ присягу, чтобы сдѣлаться воромъ?» И, конечно, не осилитъ лукавый солдата: «Гдѣ ему солдата осилить, когда на немъ присяга!» (М. Карауловъ № 260, «Находка»).

Старый фельдфебель, поучая своихъ подчиненныхъ караульной службѣ говоритъ: «Храни Богъ съ поста сойти,—присяга святое дѣло», разсчитывая, очевидно, что это внушеніе, сдѣланное наканунѣ выхода въ караулъ, будетъ дѣйствительнѣе всѣхъ прежнихъ уроковъ (Н. Борисовъ. № 114. «Страшный постъ»).

Укравшій деньги солдатъ измѣнилъ «и чести, и присягѣ». Но жестокая кара ждала его дома за эту измѣну: когда онъ возвратился домой (черезъ пять лѣтъ), старики, не узнавъ его, приняли

его за прохожаго, болтающаго о богатствѣ, и рѣшили угостить, для чего отецъ пошелъ въ трактиръ за водкой. Мать же, пользуясь минутой невниманія прохожаго (сына), убиваетъ его топоромъ (Н. Соловьевъ. № 223. «Подъ свѣтлый день»). Этотъ разсказъ вообще полонъ неожиданныхъ совпаденій и ужасовъ.

И чего, чего не заставитъ сдѣлать солдата данная имъ присяга! Разсказывая о Закаспійской области, одинъ изъ авторовъ разражается слѣдующимъ заявленіемъ: «Вернулъ къ жизни эти мертвыя пространства никто иной, какъ русскій солдатъ, который, когда помнитъ присягу и честно служитъ, становится такимъ богатыремъ, равнаго которому по силамъ никого въ свѣтѣ не подыщешь». И когда солдату, служившему сторожемъ на желѣзной дорогѣ, случилось замѣтить приближеніе двухъ встрѣчныхъ поѣздовъ и почувствовать возможность столкновенія, то «перекрестился онъ, все и вся, кромѣ присяги, позабылъ и думаетъ про себя»... (Н. Герасимовъ № 96. «Два поѣзда спасъ»).

Желая похвалить исполнительность солдата, авторы и тутъ умѣютъ вклеить присягу. «Дорофѣевъ на это (лишній годъ службы) не жаловался, а по присягѣ, съ охотой и полнымъ усердіемъ, исправлялъ свои обязанности» (К. Тхоржевскій. № 48. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ»). «Ужъ ты не вояка, коли, присягу позабывъ, о домѣ вспоминаешь!» укоряетъ фельдфебель молодого солдата, подумывающаго о домѣ передъ выступленіемъ въ походъ въ Турцію. А когда этого солдата похвалилъ его любимый начальникъ, то «онъ рѣшился сражаться по присягѣ» (К. Тхоржевскій, № 51, «Кавалеръ»).

Все хорошее, что дѣлаютъ солдаты,—все объясняется присягой. Все это дѣлаютъ солдаты, «помня присягу» (А. Васильковскій. № 180. «Безчувственный; Сотникъ Орловъ». № 183. «Секретъ разрѣшилъ секретъ»). Стремленіе гипнотизировать читателя-солдата словомъ «присяга» такъ велико, что даже нежеланіе пить водку наши авторы умудряются объяснить имъ. Такъ, солдатъ Махортовъ, «помня присягу, никогда не напивался, ни во время исполненія служебныхъ обязанностей, ни даже просто днемъ» (А. Васильковскій. № 136. «Иванъ Махортовъ»). И даже жулики, свершивъ дурное дѣло, рѣшаются укрыться и обольстить начальство все тѣмъ же словомъ: «скажемъ, что нашли, и никакихъ денегъ за находку не желаемъ, потому что—присяга»... (М. Карауловъ. № 255. «Перехитрили»).

Я нѣсколько злоупотребилъ вниманіемъ читателя, дѣлая выписки изъ различныхъ разсказовъ, но, думаю, онъ не посѣтуетъ на меня за это, такъ какъ мнѣ существенно важно было отмѣтить общую всѣмъ авторамъ «Солдатской библіотеки» склонность внушать солдатамъ важность присяги и гипнотизировать ихъ просто частымъ употребленіемъ этого слова, которое, оставаясь непонятнымъ, все же представляется чѣмъ-то высокимъ, важнымъ, во имя чего можно и должно совершать подвиги, а подчасъ и насилія.

Солдатъ отличается отъ простого обывателя тѣмъ, что онъ давалъ какую-то особую присягу, руководящую всѣмъ поведеніемъ солдата, и вполнѣ понятно, что наши авторы, такъ высоко ставящіе эту присягу, должны приложить всѣ усилія, чтобы возвеличить въ глазахъ своихъ читателей званіе солдата.

Вотъ, напримѣръ, какой гимнъ русскому солдату приходится читать въ одномъ изъ разсказовъ.

«Ура тебѣ и слава! Ни врагъ, ни морозы, ни голодъ не страшны тебѣ, русскій воинъ, какъ и самая смерть, которой ты смотришь смѣло въ глаза, и смотри: потому что тверда твоя вѣра въ то, что для воина, исполнившаго свой долгъ передъ излюбленнымъ нашимъ батюшкой-царемъ и Св. Русью православной, всегда найдется вѣчное успокоеніе и райское житіе въ Царствіи Небесномъ» (П. Герасимовъ № 241. «Всѣмъ денщикамъ—денщикъ»).

Да не подумаетъ читатель, что это я нарочно выбралъ, какъ единственный образчикъ.

Тотъ же авторъ въ другихъ разсказахъ вотъ какія рѣчи вкладываетъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ-солдатамъ.

«Ну,—говорю,—про званіе солдатское ты не смѣй! Потому солдатъ—званіе почетное и честное, и своему государю первый слуга будетъ!» (П. Герасимовъ. № 242. «Въ деревнѣ забота, въ городѣ опаска»).

«Я слуга государю и отечеству, а не слуга по вольному найму, потому, начальство мое меня миловать и награждать всегда можетъ, а отъ неизвѣстнаго мнѣ званія людей за царскую службу я денегъ брать не согласенъ!» Такъ говоритъ солдатъ—желѣзнодорожный сторожъ, только что спасшій съ опасностью жизни отъ крушенія два поѣзда, за что ему пассажиры собрали и предложили деньги. (П. Герасимовъ. № 96. «Два поѣзда спасъ»).

Это пренебрежительное отношеніе къ не солдатамъ чувствуется въ очень многихъ разсказахъ.

«Да, братъ, это не то, что «вольный»,—презрительно усмѣхнулся Юрьевъ,—лѣзутъ по одному съ лопатами да прочей дрянью, цѣпляются, словно щенята за борова, а толку никакого, — только шуму надѣлали», похваляется солдатъ, когда, послѣ неудачныхъ попытокъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ сдвинуть вагоны, рота сдвинула ихъ легко (А. Васильковскій. № 135. «Въ ногу»).

«И гордость такая на душѣ: что, дескать, сиволапые, видите?»... «Я тебѣ, холопъ, не Сенька, а царской гвардіи Измайловскому полку унтеръ - офицеръ» (А. Васильковскій. № 133. «Антипъ и Семенъ»).

«Я не мужикъ, а отставной унтеръ-офицеръ, ваше высокоблагородіе» (Н. Соловьевъ. № 177. «Данила Ивановъ»).

Вотъ образчики пренебрежительнаго отношенія солдата къ «вольнымъ» вообще и къ своимъ однодеревенцамъ - «мужикамъ» въ частности.

Одинъ изъ авторовъ этотъ взглядъ обобщаетъ слѣдующимъ образомъ. Разсказъ идетъ объ обученіи новобранца - бѣлоруссa его же землякомъ-солдатомъ. И вотъ какія мысли вкладываются ему нашимъ авторомъ: «Онъ самъ былъ родомъ витебскій и не далѣе, какъ годъ тому назадъ также говорилъ по-бѣлорусски и «цокалъ», но теперь онъ считалъ себя человѣкомъ «полированнымъ» и презрительно смотрѣлъ на «деревенщину» (А. Васильковскій. № 128. «Скромный герой»).

Закончимъ наши выборки, показывающія, какъ трактуютъ писатели «Солдатской библіотеки» военную службу и званіе солдата, еще нѣсколькими примѣрами.

«Наконецъ, служба наша почетная,—царю служимъ, ни кому-нибудь другому... Знаешь, что такое «солдатъ?» (А. Васильковскій. № 124. «На волѣ») «Ты нуженъ службѣ, царю, отечеству нуженъ. Развѣ служба солдата—бездѣлье? Развѣ защитникъ родины послѣдній человѣкъ? Нѣтъ, братъ, почетнѣе и выше тебѣ дѣла не найти» (А. Васильковскій № 121. «Пріемышъ»).

Мы видимъ, что авторы, не приводя никакихъ доводовъ въ защиту и оправданіе военной службы, просто стараются подѣйствовать гипнозомъ и внушить солдатамъ повышенное представленіе объ ихъ воинскомъ званіи.

А объ оригинальныхъ взглядахъ на военную службу вообще можно судить по слѣдующему объясненію недовольства ротнаго командира ошибками въ строю: «фронтъ есть святое мѣсто, въ которомъ, какъ въ церкви, ни о чемъ постороннемъ думать не полагается, а тутъ такая невнимательность!» (К. Тхоржевскій. № 37. «Солдатское горе»).

Къ слову «присяга» и возвеличиванію званія солдата и военной службы, безъ всякой попытки объяснить сущность и значеніе таковой, въ качествѣ стимула, побуждающаго военныхъ исполнять свои воинскія обязанности, прибавлены заманчивыя переспективы наградъ вообще и георгіевскаго креста въ особенности. Почти нѣтъ разсказа, гдѣ такъ или иначе не рисовались бы въ заманчивыхъ краскахъ ожидающія хорошаго воина награды. И украшеніе солдатской груди ставится, какъ признакъ выдающихся качествъ солдата. Ужъ если хотятъ изобразить наши авторы фельдфебеля, пользующагося вліяніемъ въ ротѣ и уваженіемъ солдатъ, то непремѣнно къ описанію его прибавляютъ: «Четыре Георгія на груди».

Такимъ выставленъ, напр., Осипъ Михайловичъ Перекрутенко М. Карауловъ №. 229 «Солдатскій самосудъ»), таковъ—Иванъ Семеновичъ Оришенко (М. Карауловъ №. 225 «Перехитрили») и многіе другіе фельдфебеля и вахмистры, постоянно поучающіе своихъ подчиненныхъ.

Георгіевскій крестъ является предметомъ тайныхъ мечтаній и надеждъ солдата, идущаго въ бой или на какое-либо рискованное предпріятіе.

«А то, братецъ,—чуетъ мое сердце,—получить мнѣ сегодня георгіевскій крестъ»... весело отвѣчаетъ унтеръ-офицеръ Кошкинъ въ отвѣтъ на вопросъ своего сосѣда, отчего онъ такъ веселъ (К. Тхоржевскій. № 2?. «Какъ Кошкинъ получилъ Георгіевскій крестъ»). И чутье его не обмануло, конечно. «Оно, положимъ, и на войнѣ побывать хорошо, можетъ и крестъ георгіевскій получу, то-то Настя рада будетъ». Такъ утѣшаетъ себя молодой солдатъ въ минуты горькаго раздумья передъ отправленіемъ на войну (К. Тхоржевскій. 51. «Кавалеръ»).

И не мудрено, что солдаты мечтаютъ о георгіевскихъ крестахъ: вѣдь ихъ настраиваютъ въ этомъ направленіи сами офицеры.

«О васъ я именно и думалъ—говоритъ поручикъ своимъ охотникамъ, посылая ихъ за «языкомъ».—Приведете языка, обоимъ по георгіевскому кресту будетъ»... (К. Тхоржевскій. №. 55. На ловлю за Турками).

И ужъ, конечно, если описывается какой-либо подвигъ, то щедрою рукою сыпятся георгіевскіе кресты, какъ именные, такъ и безъимянные. Вездѣ, во всѣхъ разсказахъ георгіевскій крестъ выставляется, какъ стимулъ, заставляющій свершать подвиги; крестъ, награда, а не сознаніе долга, по мнѣнію авторовъ, должны двигать сердца людей и направлять ихъ на ратные подвиги. Чтобы еще болѣе возвысить въ глазахъ своихъ читателей-солдатъ значеніе георгіевскаго креста, наши авторы на перерывъ стараются подчеркнуть, какъ солдаты гордятся своимъ крестомъ.

«Мало далось Семену, но онъ всетаки былъ доволенъ и счастливъ, въ лицо людямъ смотрѣлъ смѣло и гордился своимъ, кровью добытымъ, званіемъ отставного капрала и георгіевскаго кавалера». (А. Васильковскій №. 133 «Антипъ и Семенъ»).

«Онъ заслужилъ уваженіе товарищей, а иначе такъ и затерялся бы онъ въ толпѣ, да еще чего добраго поплатился бы за свою робость въ бою а тутъ нако-сь, гляди,—онъ кавалеръ—двухъ Георгіевъ имѣетъ». Такъ размышляетъ солдатъ Прохоровъ, оглядываясь назадъ на прошлую службу свою и чувствуется въ немъ гордость своимъ званіемъ «кавалера» (М. Карауловъ. №. 243. «Колдунъ»).

А когда отставного солдата Тихона Лаврентьевича спрашиваютъ, откуда у него деньги, онъ объявляетъ, что ему завѣщалъ ихъ его эскадронный командиръ и съ гордостью заявляетъ: «Такъ, дура твоя голова, тогда война была, и я изъ боя своего, смертельно раненаго, эскадроннаго командира вывезъ, за это я и Георгія получилъ»... (М. Карауловъ. №. 260 «Находка»).

Было бы слишкомъ утомительно выписывать всѣ варіаціи на тему: «Я получилъ георгіевскій крестъ, а потому, значитъ, человѣкомъ сталъ». Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ очень и очень многіе разсказы. Это тоже является средствомъ загипнотизировать солдата, подобно «присягѣ» и «высокому званію солдата», котораго, какъ мы увидимъ ниже, не очень-то честятъ начальники.

Но прежде, чѣмъ отмѣтить обращеніе начальника съ солдатомъ, мы посмотримъ, какими красками наши авторы рисуютъ этихъ начальниковъ.

Почти во всѣхъ разсказахъ начальство изображено добрымъ, заботливымъ, ласковымъ и привѣтливымъ. Слово «отецъ-командиръ» такъ и сыплется на каждомъ шагу. И столько заботъ и вниманія оно проявляетъ къ своимъ подчиненнымъ, что невольно при чтеніи этихъ сентиментальныхъ разсказовъ проливаешь слезы умиленія. И любятъ же солдаты своихъ начальниковъ, готовы душу свою положить за нихъ... И такъ сверху и до низу.

«Понятно, что офицеры и солдаты боготворили Ермолова», повѣствуетъ намъ г. Потто, разсказавъ, какъ Ермоловъ повѣсилъ владимірскій крестъ штабсъ-капитану Гогніеву, называя его на «ты» (В. Потто №. 190 «Взятіе Мехтулы»).

Командиръ батальона, подполковникъ Ковалевскій, былъ молодцомъ и «любили мы его лучше отца съ матерью», говоритъ солдатъ Сапожковъ своему собесѣднику Пшеничникову.

«Вотъ, вотъ, и мы также любили своего покойнаго,—царство небесное,—командира Петра Ивановича Полисадова», отвѣчаетъ ему Пшеничниковъ. Оба не нахвалятся своими отцами-командирами. (Н. Соловьевъ. № 195. «Подъ огнемъ и солнцемъ»).

«Господа офицеры были такіе, что дай Богъ всякому полку», «а лучше всѣхъ нашъ эскадронный: истинно отецъ родной» (А. Васильковскій. № 123. «Изъ-за пустяка»).

«Ротный командиръ, Поталицынъ, молодой еще человѣкъ, оказался хотя и строгимъ, но въ высшей степени добрымъ и ласковымъ» (К. Тхоржевскій. № 51. «Кавалеръ»).

«Славный человѣкъ былъ фельдфебель 14-й роты; старый николаевскій служака, весь въ шевронахъ и медаляхъ, георгіевскій кавалеръ, онъ былъ истиннымъ отцомъ своей роты и подъ суровой внѣшностью героя крымской войны сохранялъ такое доброе, отзывчивое къ чужому горю сердце, такое, чисто славянское, добродушіе, что вся рота положительно въ немъ души не чаяла» (М. Карауловъ. №. 243. «Колдунъ»).

Читатель видитъ изъ этихъ выписокъ, что за начальники у нашего солдата. Если бы мы прослѣдили всѣ разсказы, мы увидали, какъ солдату съ перваго шага вступленія на службу сопутствуетъ привѣтъ и ласка и доброе расположеніе со стороны начальства. Уѣздный начальникъ сразу узнаетъ, куда его слѣдуетъ назначить, полковой и ротный всегда оказываютъ ему привѣтъ и ласку (хотя и требовательны по службѣ), а ужъ фельдфебель и говорить нечего — лучше отца, матери. И фельдфебельша—словно мать родная солдату. «Матвѣя Ивановича (фельдфебеля) скоро вся рота полюбила, потому онъ, хотя къ службѣ и строгъ былъ, но зря никого никогда не обижалъ; особенно же полюбили мы его Татьяну Митреевну: ужъ и баба же была... Первый сортъ... Одно слово—солдатъ. Какъ

мать родная, ходила она за солдатами (К. Тхоржевскій. №. 19. «Солдатъ»).

Если прибавить къ этому хорошую пищу и то, что «начальство всегда сумѣетъ отличить молодца, будь онъ хоть въ рогожѣ»... (А. Васильковскій. №. 121. «Пріемышъ»), то читателю сразу станетъ ясно, что солдатская служба—рай.

И не только къ солдатамъ военное начальство ласково, оно столь же привѣтливо и къ постороннимъ. Вотъ, напримѣръ, о мытарствахъ старушки-солдатки. Всюду она терпѣла неудачу, и лишь полковой командиръ, къ которому она случайно обратилась, помогъ ей.

«Что съ тобой, старая?—спросилъ онъ насколько могъ ласковѣе». И помогъ ей устроить свое дѣло. Тутъ же, въ противоположность заботамъ полковника, открылось, какъ поднадулъ ее какой-то «скубентъ» и какую срунду написалъ онъ ей въ прошеніи (К. Тхоржевскій. №. 18. «Бабушка Арина»).

Но впечатлѣніе райскаго обращенія начальства съ солдатами нѣсколько нарушается, если читатель обратитъ вниманіе на подлинныя слова, съ которыми обращаются начальники къ солдатамъ. Здѣсь жизнь прорывается сквозь слащаво сентиментальныя построенія гг. авторовъ «Солдатской библіотеки».

Вотъ, напримѣръ, обращеніе ревизора-полковника, пріѣхавшаго на постъ пограничной стражи послѣ происшествія.

«У васъ тамъ на посту Клюна полный безпорядокъ, штабсъ-ротмистръ, я ни отъ кого никакого толку не могъ добиться: дураки все какіе-то. Соберите здѣсь всѣхъ на кордонъ, кто участвовалъ въ задержаніи перваго августа: я долженъ переспросить всѣхъ этихъ болвановъ» (Логофетъ, № 66. «Контрабанда задержана»). «Я тебѣ же, дуракъ, добра желаю», говоритъ фельдфебель новобранцу (А. Васильковскій, № 70. «Новобранецъ»). «Черезъ два часа пріѣхалъ ротный, хмурый и недовольный. Разнесъ выпучившаго глаза Черанева, обозвалъ его скотомъ и идіотомъ и прошелъ въ «сборню» (А. Варемѣевъ, № 116. «Оправдался»). «Одна паршивая овца вѣдь все стадо портитъ», говоритъ фельдфебель ротному командиру о солдатѣ.

Бранныя слова часто, очень часто попадаются въ разсматриваемыхъ разсказахъ, и, повидимому, это никого не коробитъ, ибо это своего рода система; мы имѣемъ этому доказательство въ самихъ разсказахъ.

«Здорово я пробралъ парня, ну вотъ онъ и сдѣлался человѣкомъ, какъ ему быть полагается», хвалится вахмистръ исправленіемъ солдата; правда, тутъ же и на той же страницѣ, чудо исправленія приписывается Богоматери, которая «услышала ея (невѣсты солдата) безхитростную молитву и направила безпутнаго человѣка на путь истины» (М. Карауловъ, № 254. «Былъ молодцу не въ укоръ»).

Еще рѣзче и опредѣленнѣе говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ разсказѣ.

«Плюнулъ тутъ Перещукъ (фельдфебель) чуть не прямо ему (солдату) въ лицо, слушая его такія глупыя рѣчи, выругался, какъ слѣдуетъ хорошему начальнику, однако замоталъ все это себѣ на усъ и сталъ думать долгую думу» (М. Карауловъ, № 243. «Колдунъ»).

Но что говорить о брани, когда въ разсказахъ говорится о побояхъ и даже угрозахъ убить.

«Доберусь же когда-нибудь я до тебя,—говоритъ тотъ же знакомый намъ фельдфебель Перещукъ воспитываемому имъ солдату,—въ цѣпи, и умрешь ты, какъ поганый басурманинъ, отъ нашей же русской пули» (М. Карауловъ, № 243. «Колдунъ»).

«Выдерутъ тебя, какъ сидорову козу, такъ въ этомъ я тебѣ могу свое солдатское честное слово дать». Такъ убѣждаетъ эскадронный вахмистръ Мищенко рядового Кулагина, котораго онъ только что здорово разнесъ. Онъ же, поймавъ въ воровствѣ этого солдата, говоритъ: «Эхъ, зналъ бы я раньше, что ты на такое дѣло способенъ, такъ вотъ, кажется, своими бы собственными руками тебя задушилъ, чтобы нашъ славный четвертый эскадронъ отъ позора избавить». И чтобы доказать, что это не пустая угроза, высказанная въ минуту досады и гнѣва, онъ, какъ бы съ сожалѣніемъ, поясняетъ: «Теперь-то, конечно, уже поздно: жидъ поднялъ гвалтъ, и я уже доложилъ обо всемъ эскадронному командиру». А еще далѣе, ужъ успокоившись, онъ говоритъ: «Со спокойною-то совѣстью я за честь мундира каждому изъ нихъ (обывателей, неблагопріятно отзывающихся объ эскадронѣ) шею свернулъ» (М. Карауловъ, № 254. «Быль молодцу не въ укоръ»).

Здѣсь, впрочемъ, мы входимъ въ разобранную уже нами область отношеній солдатъ къ «вольнымъ» и культивированія «чести мундира» взамѣнъ человѣческой чести.

Послѣ только что приведенныхъ образчиковъ отношеній начальника къ солдату стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ, какъ описанія внѣшности солдата въ родѣ слѣдующаго:

«Съ красной, загорѣлой рожей, точно голенище солдатскаго сапога» (К. Тхоржевскій, № 18. «Въ плѣну»), или какъ такія характеристики настроенія солдата: «Вѣстовой мой совсѣмъ обалдѣлъ» (К. Тхоржевскій, № 46. Первая смерть). Урядникъ такъ угрожаетъ казаку: «Командиру доложу, онъ те вздрючитъ» (К. Тхоржевскій, № 24. «Береги лобъ»).

Это уже мелочи, пустяки, о которыхъ намъ, военнымъ, и говорить не приходится—настолько мы привыкли къ такому деликатному отношенію къ солдату. И, конечно, солдаты-читатели въ этихъ послѣднихъ словахъ, прорывающихся у нашихъ авторовъ помимо воли, почувствуютъ больше правды, чѣмъ во всѣхъ слащавыхъ описаніяхъ «отцовъ-командировъ».

Мы видѣли выше возвеличеніе званія солдата и полупрезрительное отношеніе къ «вольнымъ». Ясно, что мы должны ожидать презрительнаго отношенія къ иновѣрцамъ. И мы не ошибемся въ своихъ ожиданіяхъ. Стоитъ прочесть нѣсколько разсказовъ, чтобы попасть въ атмосферу національной исключительности, враждебнаго отношенія къ инымъ національностямъ.

Больше всего достается отъ нашихъ авторовъ евреямъ, которыхъ постоянно честятъ наименованіемъ «жидъ», лишь въ рѣдкихъ случаяхъ употребляя слово «еврей». Въ этомъ отношеніи авторы «Солдатской библіотеки» наперерывъ изощряются другъ передъ другомъ.

«Ахъ, ты, образина ты жидовская!» выругался онъ (строевой солдатъ), ну пристало ли тебѣ винтовку въ рукахъ держать?.. Вѣдь испакостишь только ее, сердешную» и, какъ иллюстрація къ этимъ словамъ, приложена картинка, на которой изображенъ еврей въ комической позѣ, а надъ нимъ насмѣхается группа солдатъ; одинъ только фельдфебель шевронистъ, съ крестами и медалями, смотритъ на эту сцену серьезно и подъ конецъ урезониваетъ насмѣшниковъ (А. Васильковскій, № 138. «Кочегаръ»).

Конечно, если нужно сдѣлать какое-либо неблагопріятное сравненіе, то какъ-то всегда на память приходитъ еврей. «Ходилъ Кончурбаевъ, словно мышей давилъ, стрѣлялъ—вродѣ иного жида бердичевскаго», и любопытно, что это презрительное сравненіе помѣщено въ разсказѣ, прикрытомъ такимъ хорошимъ заглавіемъ, какъ «Всѣ люди Божіи» (А. Васильковскій, № 165).

«Боязнью къ оружію, свойственной, напримѣръ, жидамъ, этого нельзя было объяснить», размышлялъ о новобранцѣ-землякѣ своемъ фельдфебель, когда замѣтилъ, что онъ исполнителенъ и усерденъ во всемъ, кромѣ занятій, связанныхъ съ обученіемъ дѣйствію оружіемъ. По наблюденіямъ фельдфебеля, онъ оказался сектантомъ, и «странные поступки земляка происходятъ отъ его особыхъ вѣрованій, не совсѣмъ желательныхъ въ военной службѣ» (А. Васильковскій, № 70. «Новобранецъ»). Воспитывая своего земляка, уничтожая въ немъ раскольничью отчужденность и убѣждая его взяться за оружіе и готовиться убивать людей, фельдфебель опять беретъ для сравненія еврея. «А коли всего цураться, да людей позорить—такъ это одна гордость да злость, какъ у... жидовъ», подобралъ, наконецъ, старикъ сравненіе. За то Христа онъ упомянулъ далѣе въ доказательство необходимости употреблять оружіе.

Область сравненія всего дурного съ дѣйствіями и поступками евреевъ у нашихъ авторовъ прямо неисчерпаемая.

«Чтобъ имъ околѣть, старымъ чертямъ—деругъ такіе проценты, хуже жидовъ», говорятъ крестьяне о кулакахъ (Н. Соловьевъ, № 223. «Подъ свѣтлый день»). «Сшилъ какую-то шутовскую кацавейку, точно жидъ некрещеный сталъ», такъ увѣщеваетъ старушка-мать своего сына, замѣнившаго крестьянскую одежду городской

(Н. И. Соловьевъ, № 180. «Лапотникъ и бархатникъ»). «Въ барскихъ хоромахъ, проходя мимо которыхъ, бывало, мужичекъ за версту снималъ свою изорванную и засаленную шапку, возсѣли разные «Грицки и Ицки»—жиды-арендаторы господской земли и, по истинѣ, кровопійцы крестьянскаго люда» (Н. Соловьевъ. № 177. «Данила Ивановъ»). «Мы не довѣряли армянской дружбѣ, жидовской къ русскимъ преданности, не вѣрили болтовнѣ ни армянъ, ни жидовъ и посылали тѣхъ и другихъ русскимъ словцемъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ»; таково было мнѣніе объ армянахъ и евреяхъ кавказскихъ войскъ, и можно себѣ представить какъ съ ними обращались они (Н. Соловьевъ. № 195. «Подъ огнемъ и солнцемъ»).

Если авторы хотятъ сказать о комъ-нибудь, какъ о послѣднемъ человѣкѣ, то, конечно, сравнятъ съ евреемъ.

«У насъ вся вторая рота Дунайскаго пѣхотнаго полка, начиная съ ротнаго командира и кончая барабанщикомъ Ицкой, называла рядового Миронова не иначе, какъ маркитантъ», повѣствуетъ г. А. Васильковскій въ разсказѣ «Перемиріе» (69).

Изобрѣтательность авторовъ доходитъ даже до того, что чортъ, «самый настоящій чортъ» — котораго поймалъ драгунъ, «жидомъ прикинулся»... «Пустите, господинъ служивый,—я, говоритъ, честный еврей...» (К. Тхоржевскій. № 30. «Драгунъ и чортъ»).

И даже въ обычномъ описаніи уличной толпы не пропускаютъ авторы случая кольнуть евреевъ. «Ну, извѣстно, музыка, пѣсельники, народу глазѣетъ страсть, жиды и жидената кучами стоятъ». (Герасимовъ. № 242. «Въ деревнѣ забота—въ городѣ опаска»).

Разговоры съ евреями, надо сказать, ведутся въ очень деликатной формѣ. Вотъ образчикъ:

«Гдѣ же это Ицка дѣвался? Вотъ мерзавецъ. Нужно искать его!» («А, шельма, ты здѣсь, мнѣ только тебя и нужно было»...). «Хорошо, бестія, а если обманешь»... Вотъ какъ ведетъ бесѣду съ евреемъ-факторомъ пограничный офицеръ (Д. Логофетъ. № 63. «Подшутили»).

Довольно выписокъ и цитатъ. Я извиняюсь передъ читателемъ за излишнее обиліе ихъ по вопросу объ отношеніи къ евреямъ, но, думаю, однако, что за то теперь ему это отношеніе вполнѣ ясно.

И если такой духовной пищей питался русскій солдатъ долгое время,—а это была его почти единственная пища,—то, очевидно, еврейскій вопросъ усвоенъ имъ въ совершенно опредѣленномъ освѣщеніи, и не мудрено, что во время послѣднихъ еврейскихъ погромовъ мы видѣли русскихъ солдатъ не только равнодушными свидѣтелями происходящихъ грабежей и насилій, но даже участниками таковыхъ.

Еврейскій вопросъ это — лишь одна сторона національнаго вопроса. Нечего и говорить, что въ военныхъ разсказахъ, гдѣ описы-

ваются битвы съ турками, туркменами, и они, какъ враги и «нехристи», постоянно опорочиваются.

Вотъ, напримѣръ, налетѣвшіе непріятели «кричали, визжали точно цѣлый сонмъ чертей, сорвавшихся съ цѣпи». «Я то не здохну, собачья твоя морда». «Собачій сынъ, некрещенная сволочь». «Сволочь»—вотъ какъ честитъ попавшій въ плѣнъ солдатъ окружавшихъ его туркменъ (К. Тхоржевскій. № 18. «Въ плѣну»).

О нѣмцахъ мы имѣемъ такія показанія. «Ну, нѣмцы народъ хоть и глупый, а гордый». «Нѣмецъ суровый, ничего намъ не даетъ, кромѣ габеръ супа ихняго проклятаго и хлѣба». «А подойдетъ минута, такъ съ этой колбасы проклятой три шкуры сдеру». Эти лестные эпитеты взводный относитъ къ своему квартирному хозяину (К. Тхоржевскій. № 77. «Русская смѣкалка»).

Я не останавливаюсь на этомъ вопросѣ болѣе, ибо и безъ дальнѣйшаго утомленія читателя ясно, что разсказы эти не относятся къ разряду тѣхъ, которые можно было бы рекомендовать для смягченія и ослабленія національной вражды. Напротивъ, все сдѣлано для того, чтобы разжечь страсти. Это тѣмъ болѣе странно, что въ казармѣ есть люди различныхъ національностей; это, повидимому, упустили изъ виду наши авторы.

Слѣдуетъ отмѣтить еще отношеніе къ женщинѣ, какъ оно проявляется въ разсматриваемыхъ разсказахъ.

«А ужъ извѣстно завсегда, гдѣ баба—тамъ и дымъ идетъ коромысломъ. Все нечистый ворочаетъ, потому дюже охочъ до бабъ и черезъ нихъ енъ на людей всякую погань пущаетъ». «Да всѣ-то, значитъ, къ бабѣ подбираются, а она, значитъ, ото всѣхъ бѣгаетъ, и никому отъ нея ничего не отъѣлось» (Д. Логофетъ. № 65. «Нечистое мѣсто»). «А бабы такія гладкія, что ума помраченіе», расписывалъ прелести Аргентины одинъ солдатъ, задумавшій бѣжать. (Д. Логофетъ. № 67. «Съ сердцемъ не совладалъ»).

Разъ, собравшись вмѣстѣ, драгуны разсуждаютъ о прелестяхъ жизни на постоѣ въ деревнѣ. «Ну, нѣтъ, самое-то главное пропустили,—снова усмѣхнулся Цвѣтаевъ—женское-то сословіе забыли? А?» (А. Васильковскій. № 157. «Суди по себѣ»). «Бабье нашего брата, солдата, до добра не доведетъ», вспоминаетъ солдатъ слова своего ротного командира (М. Карауловъ. № 260. «Находка»).

Нельзя сказать, чтобы добрыя чувства и высокое представленіе о женщинѣ вызывали эти разсказы.

Прежде, чѣмъ закончить свой, нѣсколько затянувшійся, обзоръ, я приведу здѣсь нѣсколько разсказовъ въ краткомъ изложеніи, чтобы показать читателямъ, какъ искусственно сшиты они; видна плохая работа и стремленіе подогнать разсказъ подъ предвзятую идею, не стѣсняясь анти-художественнымъ исполненіемъ.

Вотъ, напримѣръ, разсказъ М. Караулова «Находка» (№ 260). Задумалъ бѣднякъ-солдатъ посвататься къ дочери богатаго односельца въ Питерѣ. Нужны деньги, — безъ денегъ не отдаютъ.

Грустный поѣхалъ солдатъ изъ города въ лагери въ Красное село. Шелъ въ раздумьи съ вокзала и нашелъ по пути бумажникъ, въ которомъ насчиталъ три тысячи рублей, какъ разъ нужные ему для приданаго. Сначала онъ хотѣлъ утаить, но потомъ рѣшилъ представить ротному; оказалось—бумажникъ самого ротнаго, который и не спохватился о пропажѣ его. Но въ бумажникѣ было болѣе девяти тысячъ; поэтому ротный отдалъ три тысячи солдату, и тотъ живо сталъ женихомъ. Все кончилось дважды благополучно.

Разсказъ К. Тхоржевскаго «Смѣлымъ Богъ владѣетъ». Во время пожара отставной солдатъ спасаетъ дѣвочку проѣзжей барыни. Самъ онъ обгораетъ, слѣпнетъ и изъ работника-кормильца становится лишнимъ ртомъ. Слыша постоянные упреки семьи, онъ, слѣпой, идетъ просить милостыню и случайно попадаетъ на хуторъ къ барынѣ, которая по разсказу его о причинѣ слѣпоты узнаетъ въ немъ спасителя своей дочери. Она оставляетъ его у себя. Благодаря заботамъ доктора, ему возвращается зрѣніе, и онъ остается приказчикомъ. Такимъ образомъ, добродѣтель торжествуетъ.

К. Бубновъ (№ 170). «Капитанскія деньги». Получивъ отъ ротнаго порученіе получить въ городѣ деньги, фельдфебель по неосторожности началъ считать ихъ въ трактирѣ. Когда онъ сообразилъ, онъ испугался, чтобы его не ограбили по пути къ стоянкѣ роты. Тогда онъ вкладываетъ деньги въ хомутъ, вырѣзавъ для этого тамъ гнѣздо, и надрѣзаетъ гужи. Дѣйствительно на него напали разбойники; онъ хлестнулъ по лошади, лошадь рванулась, прорвала надрѣзанные гужи и убѣжала въ роту; фельдфебель потомъ съ трудомъ отбился отъ разбойниковъ. Деньги капитана были спасены.

А. Корольковъ (№ 286). «Въ Святую ночь». Отецъ прогналъ одного сына и дочь, уморилъ другого сына. Старшій сынъ поступилъ на военную службу, дочь развратомъ промышлять стала. Старикъ принялъ къ себѣ бѣдняка, а тотъ прибралъ хозяйство къ рукамъ, а старика выгналъ. Пошелъ бѣдняга странствовать. Подъ Пасху онъ попадаетъ въ городъ, гдѣ служитъ сынъ. Ночью, усталый, онъ легъ на землю; въ это время на него наѣхала въ каретѣ дочь (лошади понесли), узнала отца, но не призналась; попала въ госпиталь и бредила отцомъ. Утромъ сынъ его, фельдфебель, возвращаясь домой съ землякомъ, набрелъ на старика. Тутъ же подвернулся полковой докторъ. Вылѣчили старика, въ которомъ фельдфебель призналъ своего отца. А докторъ привелъ изъ госпиталя и дочь. Все кончилось хорошо и даже дочь стала сестрой милосердія.

И такъ до безконечности. Большинство бытовыхъ разсказовъ построено на сплетеніи такихъ случайностей и совпаденій, которыя ясно показываютъ, что разсказъ не художественное произведеніе, а стряпня на заданную нравоучительную тему. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, написанный для того, чтобы показать солдату необходимость убійства убѣгающаго арестанта.

Солдатъ стрѣлялъ въ убѣгавшаго арестанта, но намѣренно промахнулся, а убѣжавшій арестантъ убилъ и ограбилъ купца. Это очень подѣйствовало на солдата. Заключеніе — уставъ составляли люди умные (А. Васильковскій. № 162. Пожалѣлъ).

Итакъ, къ какому же выводу мы можемъ придти послѣ всего изложеннаго?

Отличаясь отсутствіемъ литературныхъ достоинствъ, разсказы, рекомендуемые для чтенія, какъ духовная пища солдатъ, представляютъ изъ себя произведенія, написанныя съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ пояснить какой-нибудь параграфъ устава или подчеркнуть ходячую прописную мораль, а то еще хуже—мораль чисто солдатскую.

Проповѣдь человѣкоубійства, вражды военныхъ и «вольныхъ», человѣконенавистничество на началахъ націнальной розни,—вотъ основные мотивы большинства разсказовъ, и, конечно, воспитательное значеніе этой «Солдатской библіотеки», за которую казна и частныя лица платятъ издателю огромныя суммы, глубоко отрицательное. Если прибавить, что эти разсказы рекомендуется и усиленно распространяются въ войскахъ, то стыдно становится за армію, которую начиняютъ такимъ вздоромъ.

У насъ, конечно, не повернется языкъ сказать, что всю эту макулатуру надо просто сжечь—нѣтъ, мы можемъ только предложить отнять отъ нея право исключительнаго распространенія въ казармѣ и сдѣлать равно доступными солдату книги не только такого направленія. Тогда всякая книга найдетъ своего читателя, и мы вѣримъ, что хорошая, художественно написанная и пробуждающая лучшія чувства правды и добра книга вытѣснитъ эти книжки, разсчитанныя въ большинствѣ на разжиганіе дурныхъ страстей.

Право свободнаго доступа въ казарму всякихъ печатныхъ произведеній необходимо для того, чтобы армія могла стать безпартійной, каковой она должна быть по самому существу своей задачи.

Справедливость требуетъ сказать, что среди массы анти-художественныхъ и вредныхъ по идеѣ произведеній есть и хорошія. Къ такимъ мы причисляемъ почти всѣ разсказы сотника Орлова, въ которыхъ чувствуется талантъ; простые, безъ излишняго пафоса написанные, военные эпизоды г. Д. Л. Иванова; не претенціозные разсказы Бамбука и нѣкоторые отдѣльные разсказы тѣхъ плодовитыхъ авторовъ, о которыхъ мы говорили.

Но такихъ очень мало.

Большинство же книжекъ «Солдатской библіотеки»—никуда негодный хламъ.

К. Оберучевъ.

Писатель для народа.

I.

«Современная наука,—сказалъ великій русскій писатель шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—начинаетъ входить въ ту пору зрѣлости, въ которой обнаруженіе, отданіе себя всѣмъ становится потребностью. Ей скучно и тѣсно въ аудиторіяхъ и конференцъ-залахъ; она рвется на волю, она хочетъ имѣть дѣйствительный голосъ въ дѣйствительныхъ областяхъ жизни. Не смотря на такое направленіе, наука остается при одномъ желаніи и не можетъ войти живымъ элементомъ въ стремительный потокъ практическихъ сферъ, пока она въ рукахъ касты ученыхъ; одни люди жизни могутъ внѣдрить ее въ жизнь» (Герценъ. «Дилетанты и цехъ ученыхъ»). Съ того времени наука вырвалась изъ заколдованнаго круга метафизики, не смотря на то, что ее не разъ пытались вогнать опять туда. За шестьдесятъ лѣтъ знанія накоплено страшно много. Теперь необходимо правильное распредѣленіе накопленныхъ богатствъ, сконцентрированныхъ, какъ это бываетъ со всѣми богатствами, въ немногихъ рукахъ. Выражаясь словами Герцена же, натура мысли лучезарна, всеобща; она жаждетъ обобщенія, она вырывается во всѣ щели, утекаетъ между пальцами. Истинное осуществленіе мысли не въ кастѣ, а въ человѣчествѣ; она не можетъ ограничиться тѣснымъ кругомъ цеха; мысль не знаетъ супружеской вѣрности—ея объятія всѣмъ; она только для того не существуетъ, кто хочетъ эгоистически владѣть ею. Цехъ падаетъ по мѣрѣ того, какъ массы постигаютъ мысль и симпатизируютъ съ нею *).

Рескинъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что накопляемыя обществомъ богатства могутъ быть раздѣлены на wealth (т. е. собственно богатства) и «illth» (слово, придуманное Рескинымъ и происходящее отъ «ill»—зло). Опіумъ, приготовленный для куренія, будетъ «illth» Тотъ же опіумъ, сфабрикованный для лѣкарства, будетъ «wealth». Динамитъ, идущій для взрыванія горы, будетъ «wealth»; тотъ же фабрикатъ, приготовленный для начинки торпеды, будетъ «illth» и т. д. Знаніе, сконцентрированное въ немногихъ рукахъ, превращается тоже въ «wealth» и въ «illth». Такъ, напр., доводы науки, пущенные въ ходъ для защиты господства однихъ людей надъ другими или класса надъ классомъ будутъ несомнѣнно «illth».

Умственныхъ богатствъ, какъ и матеріальныхъ, накоплено страшно много. Теперь необходимо справедливое и правильное распредѣленіе. Филантропія, явится ли она въ видѣ пожертвованія

*) *А. И. Герценъ*, „Сочиненія“ (изд. 1875 г.), т. I, стр. 325.

нѣсколькими рублями или крупицами отрывочныхъ знаній,—не годится. Великую услугу обществу окажетъ теперь не столько ученый, который прибавитъ новыя богатства къ громадному капиталу знаній, а тотъ человѣкъ, который сумѣетъ распредѣлить накопленное знаніе, т. е. талантливый популяризаторъ. Среднихъ ученыхъ («выдающихся посредственностей»,—по терминологіи одного француза), пишущихъ для немногихъ читателей, очень много; талантливыхъ же популяризаторовъ, умѣющихъ передать знаніе (не въ видѣ обрывковъ, а цѣльной системы) массамъ—почти нѣтъ. Въ особенности, это относится къ общественнымъ наукамъ. Популяризаторъ долженъ не только овладѣть совершенно предметомъ, но и обладать талантомъ говорить научныя вещи совершенно просто и ясно *). Ему очень часто приходится самому *націонализировать* то ученіе, которое онъ проповѣдуетъ, другими словами, подчинить его закону эволюціи. Въ самомъ дѣлѣ, зоологія намъ говоритъ, какъ измѣняется видъ въ зависимости отъ окружающихъ условій. Какой-нибудь Artemia Mühlhausenii, водящійся въ одномъ изъ лимановъ близь Одессы съ большимъ содержаніемъ соли, если его помѣстить въ новыя условія, черезъ нѣсколько поколѣній становится уже похожъ на Artemia Salina, водящійся въ менѣе солоноватыхъ водахъ. То же самое происходитъ и съ идеями. Христіанство, перенесенное въ Александрію, отличалось уже отъ ученія, зародившагося на берегахъ Тиверіадскаго озера, и приблизилось къ ученіямъ, существовавшимъ уже въ дельтѣ Нила. Перенесенное потомъ въ Римъ, въ Византію, къ галламъ, оно всюду мѣнялось въ зависимости отъ существующихъ условій. Оно приспособлялось въ каждой странѣ къ существующимъ нравамъ, къ господствующей миѳологіи и пр. Идея не можетъ быть *абсолютнымъ* закономъ для всѣхъ странъ, потому что даже физическіе законы носятъ характеръ условности. Если условія будутъ такія-то, произойдетъ то то,—говорятъ точныя науки. «Если для даннаго новолунія видимый радіусъ луны больше радіуса солнца, то лунный дискъ совершенно закроетъ солнечный и произойдетъ полное затменіе». «Если лучи отъ свѣтящейся точки или линіи обойдутъ края непрозрачныхъ небольшихъ предметовъ, то они образуютъ чередующіяся полосы и линіи (диффракцію) и т. д.». Всѣ мѣстныя условія долженъ имѣть въ виду популяризаторъ-соціалистъ. Популяризаторъ долженъ быть глубоко націоналенъ. Вотъ почему, дѣйствительно, популярныя книжки, которыхъ очень немного на всѣхъ языкахъ, совершенно теряютъ свой характеръ, если просто перевести ихъ. Пусть читатель вспомнитъ ту колоссальную переводную памфлетную лите-

---

*) Еще Буало утверждалъ, что все, что мы хорошо поняли, мы сумѣемъ ясно изложить другимъ. Необходимыя слова тогда являются сами собой:

„Tout ce que l'on conçoit bien s'annonce, clairement
Et les mots pour le dire, arrive aisément“.

ратуру, которая появилась теперь у насъ, а въ особенности, брошюрки, переведенныя съ нѣмецкаго. Популяризаторъ, помимо всего, отлично долженъ знать свою публику. Вотъ почему нѣкоторые замѣчательные популяризаторы сами вышли изъ той среды, къ которой обращаются. Къ числу такихъ замѣчательныхъ популяризаторовъ принадлежитъ редакторъ англійской газеты *Клэріонъ*—Робертъ Блэтчфордъ. Въ моей книгѣ «Очерки Современной Англіи» читатели найдутъ характеристику его. Здѣсь я желаю обратить вниманіе на нѣсколько новыхъ книжекъ Блэтчфорда, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать выработкѣ стройнаго міровоззрѣнія у массъ. Съ этой цѣлью талантливый популяризаторъ становится «распредѣлителемъ знанія», считающимся съ условіями данной среды. Я говорю о книжкахъ «Britain for the British», «God and My Neighbour» и «The defence of a bottom dog». Я говорилъ уже *) про то, какъ Блэтчфорду удалось создать соціалистическую, глубоко народную газету. Въ то время, какъ доктринерская соціалъ-демократическая газета *Justice*, проповѣдующая строго марксистское ученіе, какъ оно выработано въ Германіи, имѣетъ очень мало читателей, специфически англійскій *Клэріонъ* обращается къ громадной аудиторіи восторженныхъ поклонниковъ. «*Клэріонъ* мнѣ необходимъ, какъ моя трубка»,—наивно заявилъ одинъ изъ нихъ.—«Я много лѣтъ бродилъ во міракѣ и не умѣлъ совершенно разобраться въ явленіяхъ жизни. Но съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ читать *Клэріонъ*, мои глаза открылись»,—говоритъ другой.—«*Клэріонъ* старый другъ, у котораго вѣчно новая улыбка на губахъ».—Въ восторженныхъ отзывахъ. какъ видите, недостатка нѣтъ. Въ *Клэріонъ* печатались всѣ тѣ статьи, которыя вошли теперь въ перечисленныя выше книжки. Тамъ же печаталось и болѣе раннее произведеніе Блэтчфорда—«Merrie England», о которомъ я говорю въ «Очеркахъ Современной Англіи». Объ успѣхѣ этого произведенія можно судить по тому, что въ Англіи продано болѣе милліона экземпляровъ. Оно переведено на датскій, французскій, испанскій, нѣмецкій, шведскій уэльскій и еврейскій языки.—Робертъ Блэтчфордъ—талантливый беллетристъ («Julie», «A Bohemian Girl», «Tales for the Marines»), онъ иногда пишетъ остроумные критическіе этюды (недавно они вышли отдѣльной книгой подъ названіемъ «My Favourite Books»); но все это у него выходитъ между прочимъ. Должно сознаться, что необходимо быть англичаниномъ, чтобы оцѣнить такой остроумный критическій этюдъ, какъ «Bed Books», т. е. какія книги лучше всего читать на сонъ грядущій. Главной задачей Блэтчфорда, или Nunquam, какъ онъ подписывался до послѣдняго времени, является распространеніе среди массъ, изъ которыхъ онъ самъ вышелъ, знаній, способствующихъ выработкѣ цѣльнаго, стройнаго

*) „Очерки Современной Англіи“, стр. 340—344.

и правильнаго взгляда на основные вопросы, выдвинутые дѣйствительностью.

II.

«Человѣкъ скованъ двумя цѣпями: суевѣріемъ и деспотизмомъ».— Такъ доказывали публицисты конца XVIII вѣка. Въ XIX вѣкѣ было окончательно выяснено, что есть еще третья цѣпь,—экономическое порабощеніе, которая спадетъ только съ измѣненіемъ самихъ формъ производства.

Исторія человѣчества, это—постепенное освобожденіе разума отъ оковъ суевѣрія, личности—отъ оковъ деспотизма и труда—отъ цѣпей капитала. Необходимость освободиться отъ первой и второй цѣпей была, какъ извѣстно, признана въ Англіи очень давно. Въ Англіи еще Юмомъ высказанъ былъ взглядъ на религію, не какъ на откровеніе, а какъ на ученіе, имѣвшее естественный ростъ въ зависимости отъ развитія общества (Natural History of Religion). На совершенно научную почву поставленъ взглядъ въ XIX вѣкѣ. Ученіе сводилось къ слѣдующему. Уже первобытный человѣкъ задумывался надъ причинами естественныхъ явленій. Этотъ же самый импульсъ теперь ведетъ къ научнымъ открытіямъ. Путемъ абстракціи, исходя изъ опыта, мы составляемъ теперь гипотезы, лежащія за предѣлами его, но удовлетворяющія желанію разума видѣть естественную причину каждаго явленія. Наши доисторическіе предки, добираясь до причинъ явленій, слѣдовали такимъ же путемъ, какъ и мы, на сколько дозволяло имъ ихъ развитіе. Доисторическій человѣкъ тоже исходилъ изъ опыта; но съ тою разницею, что опыты, составлявшіе утокъ и основу гипотезъ дикаря, были извлечены не изъ научнаго изслѣдованія природы, а изъ наблюденій надъ человѣкомъ. Вотъ почему гипотезы первобытнаго человѣка приняли антропоморфную форму. Существа, управляющія природой и судьбой человѣка, получили человѣческую форму и страсти *).

«Опытъ быстро научилъ людей, что въ явленіяхъ окружающаго міра есть строгій порядокъ, что все подчинено неизмѣннымъ законамъ. Но дѣтскій неопытный умъ первобытнаго человѣка подчиненъ былъ еще всецѣло воображенію. И вотъ создалось представленіе о другомъ, таинственномъ и постоянномъ мірѣ, находящемся за предѣлами дѣйствительности. Возникло понятіе о «сверхъестественномъ», какъ антитезѣ «естественному». Этотъ дуалистическій взглядъ потомъ варьировался въ продолженіе многихъ вѣковъ до безконечности» **). Человѣкъ создалъ «великаго геометра» (пользуюсь терминологіей гностиковъ), держащаго въ своихъ рукахъ

---

*) См. Tyndall, „Lectures and Essays“, 1903, p. 13.
**) Huxley, „Naturalism and Supernaturalism“.

судьбы всего міра, по образу и подобію своему. У воинственныхъ и бродячихъ племенъ этотъ «великій геометръ» былъ жестокъ, кровожаденъ и жестоко каралъ за малѣйшее послабленіе, оказанное врагу. У жизнерадостныхъ народовъ, имѣвшихъ предъ глазами красивый ландшафтъ на смѣющемся фонѣ голубого неба и лазореваго моря,—таинственный режиссеръ, стоящій за кулисами природы, тоже любилъ красоту, любовь, веселіе... Концепція о вершителѣ судебъ повела къ созданію культа его, къ утвержденію спеціалистовъ, принимающихъ отъ нуждающихся смертныхъ прошеній на его имя». Культъ, какъ живой организмъ, приспособлялся къ окружающимъ условіямъ даннаго времени, какъ и живой организмъ, каждый культъ подчиненъ закону эволюціи. При столкновеніи нѣсколькихъ культовъ выживаетъ тотъ, который больше можетъ приспособиться къ окружающимъ условіямъ. Такой выжившій культъ принимаетъ очень многое изъ прежняго. Старые догматы, символы и дѣйствующія лица получаютъ новое названіе. Одинъ изъ наиболѣе остроумныхъ изслѣдователей происхожденія культа выясняетъ, какъ въ первые вѣка нашей эры боролись на берегахъ Средиземнаго моря три вѣры: митраизмъ, гностицизмъ и христіанство. Побѣда послѣдняго, по мнѣнію изслѣдователя, обусловливается случайностью. «Долгое время одинаковые шансы на побѣду были у гностиковъ и митраистовъ. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто существующаго символа, человѣчество признавало бы теперь *Абраксасъ»* *). Побѣдившій культъ принялъ ученіе и символизмъ побѣжденныхъ культовъ. Въ Британскомъ Музеѣ мы можемъ видѣть знаменитый папирусъ, изображающій страшный судъ Озириса. Съ береговъ Нила заимствовано ученіе о тройственномъ божествѣ съ символомъ его—всевидящимъ окомъ въ треугольникѣ. Доктрина о Логосѣ внесена александрійской философіей. Въ Британскомъ Музеѣ въ Египетскихъ залахъ мы можемъ видѣть статуэтки Изиды съ младенцемъ Горусомъ на рукахъ, которыя поразительно напоминаютъ изображенія мадонны. Въ культѣ Митры мы видимъ догматъ объ искупленіи, въ культѣ Діониса—легенду о мученіяхъ, вынесенныхъ божествомъ. Съ таинствомъ присоединенія къ храму вѣрующихъ путемъ погруженія въ воду или возліянія ея на голову мы встрѣчаемся въ культѣ Изиды. Символъ всего христіанства—крестъ мы находимъ подъ именемъ «священнаго древа» въ древнемъ Египтѣ **). Изъ исторіи религій мы знаемъ про мрачныя секты, порожденныя въ V вѣкѣ въ жгучихъ пескахъ Өеваиды. Онѣ съ такой выпуклостью выведены у Флобера въ «Tentation de Saint Antoine». Вотъ, напримѣръ, каиниты, провозвѣдывавшіе: «Слава Каину! Слава Содому! Слава Іудѣ! Каинъ создалъ расу

---

*) Grand Allen, „The Evolution of the Idea of Gog", p. 395.

**) См. Grand Allen, „The Evolution of the Idea of God", p. 401 а также „The Migration of Cymbols", графа Goblet d'Alviella.

сильныхъ и дерзающихъ людей. Содомъ устрашилъ весь міръ наказаніемъ, которое понесъ. Черезъ посредство Іуды Господь спасъ міръ. Безъ его предательства не было бы искупленія». Вотъ свирѣпая секта, учившая: «грабьте людей, считающихъ себя счастливыми. Убивайте бѣдныхъ, смиренно довольствующихся, вмѣсто платья, ослинымъ чепракомъ, вмѣсто пищи—собачьимъ кормомъ, вмѣсто жилища—берлогой. Мы—святые. Чтобы приблизить конецъ міра, мы отравляемъ, убиваемъ и поджигаемъ... Проклятія рожденію. Проклятіе браку. Проклятіе всѣмъ».

Это все мы знаемъ изъ исторіи религіи. Но газеты намъ говорятъ, что при благопріятныхъ условіяхъ дикія секты возникаютъ не въ далекой Θеваидѣ, а среди насъ на почвѣ того самаго культа, который, повидимому, побѣдилъ все много вѣковъ тому назадъ. Приведу еще одну выдержку изъ книги проф. Макафи (Mahaffy). «Едва ли есть въ іудаизмѣ и въ христіанской религіи хоть одна великая и плодотворная идея, нѣчто аналогичное которой нельзя было бы найти въ вѣрѣ египтянъ. Проявленіе единаго Бога въ Троицѣ; воплощеніе божества, являющагося посредникомъ, отъ дѣвы и безъ участія отца; его борьба съ темными силами и его временное пораженіе; его частичная побѣда (ибо врагъ не уничтоженъ); его воскресеніе и основаніе имъ вѣчнаго царства, которымъ онъ правитъ вмѣстѣ съ праведниками, достигшими святости; его отличіе и вмѣстѣ съ тѣмъ тождество съ несотвореннымъ, непостижимымъ отцомъ, форма котораго неизвѣстна и который живетъ въ храмахъ нерукотворенныхъ,—всѣми этими теологическими понятіями проникнута древнѣйшая религія Египта. Точно также и контрастъ и даже явное противорѣчіе между нашими нравственными и теологическими взглядами—объясненіе грѣха и виновности то нравственной слабостью, то вмѣшательствомъ злыхъ духовъ, и, подобнымъ же образомъ, объясненіе праведности то нравственными заслугами, то помощью добрыхъ геніевъ и ангеловъ; безсмертіе души и страшный судъ; чистилище, муки осужденныхъ—со всѣмъ этимъ мы встрѣчаемся въ текстахъ, описывающихъ египетскіе обряды, и въ египетскихъ нравственныхъ трактатахъ» *).

Такъ какъ защитники господствующаго культа всегда пытались силой заставить другихъ увѣровать въ него и такъ какъ милліоны людей погибли въ религіозныхъ войнахъ, на кострахъ, въ застѣнкахъ, въ тюрьмахъ и въ изгнаніи,—то скептики XVIII вѣка развивали ту мысль, что представленіе о великомъ геометрѣ придумано не иначе, какъ какимъ-нибудь врагомъ человѣческаго рода. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Дидро въ «Interprétation de la Nature».

---

*) „Prolegomera to Ancient History", p. 410.

III.

Много неясности въ философскомъ скептицизмѣ, неясности, послѣдствія которой чувствуются до сихъ поръ, было внесено однимъ изъ наиболѣе геніальныхъ умовъ, когда-либо появлявшихся на землѣ, Кантомъ. Какъ извѣстно, великій философъ училъ, что только часть нашего знанія эмпирическая, т. е. выводится изъ опыта; остальная же часть нашего знанія (напримѣръ, математическія аксіомы) выводится апріористически, дедуктивнымъ путемъ, при помощи чистаго разума, независимо отъ опыта. Эта ошибка повела къ дальнѣйшему утвержденію, что основы науки—метафизическія, и что, хотя человѣкъ можетъ достигнуть извѣстнаго знанія феномена, онъ не можетъ познать «вещей въ себѣ», лежащихъ за предѣлами времени и пространства. Спекулятивная метафизика, построенная на кантовскомъ апріоризмѣ и нашедшая своего высшаго выразителя въ Гегелѣ, отвергла потомъ совершенно эмпирическій методъ и стала утверждать, что знаніе можетъ быть добыто только чистымъ разумомъ, независимо отъ опыта.

Главная ошибка Канта,—говоритъ Геккель,—заключается въ томъ, что его теорія познанія совершенно лишена физіологическаго и филогенетическаго базиса. Послѣдній появился только шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Канта, когда обнародованы были ученіе Дарвина и работы по физіологіи мозга. Кантъ разсматривалъ человѣческій разумъ съ присущей ему способностью мыслить, какъ нѣчто, существовавшее въ совершенной формѣ отъ вѣка. Великій философъ совершенно не останавливается на историческомъ развитіи разума. Послѣдствіемъ явилось, что Кантъ принимаетъ безсмертіе, какъ практическій постулатъ, который нельзя доказать. Кантъ не подозрѣвалъ эволюціи человѣка отъ низшаго животнаго. Любопытное предрасположеніе къ апріорному знанію, — продолжаетъ Геккель,—въ дѣйствительности является результатомъ унаслѣдованія извѣстной структуры мозга. Она образовалась у позвоночныхъ предковъ человѣка медленно и постепенно путемъ приспособленія и опыта, т. е. путемъ знанія *à posteriori*. Даже абсолютныя математическія истины были первоначально достигнуты путемъ эволюціи сужденія и могутъ быть сведены къ ряду опытовъ и къ апріорному заключенію, выведенному изъ нихъ *). Ошибка Канта повела къ тому, что, когда начался вѣкъ критическаго отношенія къ культу, метафизики-изслѣдователи останавливались почти всѣ на одной и той же чертѣ. Однимъ изъ яркихъ исключеній является авторъ «Das Wesen des Christenthums», ученіе котораго выросло на почвѣ гегелевской философіи. Религія—самосознаніе человѣка,—

*) Ernest Haeckel, „Lebenwunderdingen", p. 14.

училъ Фейербахъ.—Святы религіи, ибо онѣ суть преданія перваго человѣческаго сознанія. Но должно перемѣнить отношенія, существующія въ нихъ, и то, что для религіи представляется первымъ предметомъ, т. е. Бога, на самомъ дѣлѣ, считать предметомъ второстепеннымъ, потому что онъ есть только *объектированная* сущность человѣка, а что считаетъ она второстепеннымъ предметомъ—человѣка, должно поставить *на первомъ мѣстѣ*. «Любовь къ человѣку не должна быть производною обязанностью, а *первоначальною*. Ибо одна только любовь есть истинная, святая, всемогущая сила. Если человѣческая сущность есть высочайшее существо человѣка, то и практическая любовь къ человѣку должна быть высочайшимъ и первымъ закономъ человѣка. Homo homini Deus est: вотъ высшее практическое начало, исходный пунктъ всемірной исторіи. Отношеніе сына къ родителямъ, супруга къ супругѣ, брата къ брату, друга къ другу, вообще человѣка къ человѣку,—словомъ, нравственныя отношенія сами въ себѣ, per se, суть отношенія религіозныя. Жизнь, вообще, въ своихъ существенныхъ, субстанціальныхъ отношеніяхъ божественна».

Въ Англіи «освобожденіе разума отъ суевѣрія», какъ выражались энциклопедисты, началось очень рано, при чемъ скептики стали на строго научную почву. «Essay on human understanding», въ которомъ Локкъ развиваетъ мысль, что все человѣческое знаніе основывается на одномъ опытѣ, появилось въ 1671 г., въ то время, какъ всюду пылали еще костры, зажженные фанатизмомъ. За первымъ опытомъ послѣдовалъ трактатъ о религіозной терпимости. Ученію о «прирожденныхъ идеяхъ» былъ нанесенъ смертельный ударъ. «Всякое познаніе происходитъ изъ впечатлѣній чувствъ». Понятіе о божествѣ также не врождено намъ, потому что есть дикари, у которыхъ его нѣтъ, а гдѣ оно и существуетъ, то въ высшей степени разнообразно. Локкъ первый приложилъ точно-научный, т. е. индуктивно-дедуктивный методъ къ явленіямъ духа. Онъ наблюдаетъ дѣятельность разума, какъ естествоиспытатель наблюдаетъ дѣятельность природы. Энциклопедисты широко популяризировали черезъ 50 лѣтъ ученіе Локка и придали ему тотъ ослѣпительный блескъ и кристаллическую ясность, которыми такъ отличаются писанія Вольтера, Дидро, Гельвеція и Гольбаха. Еще большимъ вниманіемъ энциклопедистовъ (собственно, Вольтера) пользовался Болингброкъ. Предъ нами любопытный типъ скептика, который безпощадно разрушаетъ традицію, но желаетъ, чтобы результаты его критики знали только избранные. Что касается массъ, то, по мнѣнію Болингброка, ихъ слѣдуетъ держать въ невѣжествѣ. Пусть господствующая религія, разсматриваемая философски, будетъ, можетъ быть, совершенно груба и суевѣрна,—все равно! Ее нужно всетаки сохранить во всѣмъ отношеніяхъ, потому что въ глазахъ свѣтскихъ людей, къ которымъ принадлежалъ Болингброкъ, она необходима политически для руководства и обуз-

данія народа. Люди, типа Болингброка, были еще въ древнемъ Римѣ (по выраженію Тацита, религія служитъ, какъ instrumentum regni); много ихъ и у насъ теперь. Конечно, они обладаютъ только презрѣніемъ Болингброка къ народу, безъ талантовъ его. Эти люди смотрятъ на религію не съ точки зрѣнія истины, а съ точки зрѣнія цѣлесообразности; если бы, говорятъ они, религія уже не существовала къ несчастью, ее необходимо было бы изобрѣсти. Болингброкъ проповѣдуетъ эту теорію цѣлесообразности, нисколько не скрываясь. По его мнѣнію, всѣ религіи были введены ихъ основателями изъ чисто-политическихъ видовъ; онѣ и должны обсуждаться съ чисто-политической точки зрѣнія. Таково внутреннее и совершенно сознательное противорѣчіе, которое проходитъ черезъ всѣ философскія сочиненія Болингброка. Съ одной стороны, онъ подкапываетъ основу существующихъ вѣрованій съ такой мѣткостью и язвительной насмѣшкой, что его легкія и привлекательныя сочиненія пріобрѣтаютъ въ большомъ свѣтѣ безконечно больше послѣдователей, чѣмъ самыя серьезныя и основательныя изслѣдованія всѣхъ прочихъ деистовъ, взятыхъ вмѣстѣ; съ другой стороны, онъ думаетъ, что можетъ съ презрѣніемъ смотрѣть свысока на свободныхъ мыслителей. Болингброкъ пишетъ Свифту: «Названіе Esprit-fort, т. е. свободнаго мыслителя, сколько я замѣтилъ, дается обыкновенно такимъ людямъ, которыхъ я считаю язвой общества. Ихъ усилія направлены къ тому, чтобы уничтожить общественныя связи или, по крайней мѣрѣ, снять узду съ тѣхъ дикихъ людей, полу-животныхъ, которымъ было бы лучше, если бы для удержанія ихъ прибавили еще полдюжину такихъ уздъ. Я не только отвергаю, но и ненавижу такого свободнаго мыслителя» *). Вольтеръ былъ ученикомъ Болингброка, у котораго перенялъ не только манеру критики и аргументацію, но также и аристократическое пренебреженіе къ «черни». Читатели «Философскаго Словаря», вѣроятно, помнятъ слова, которыми заканчивается статья «Іезекіель». Вольтеръ передаетъ содержаніе главы IV, стиховъ 9—12 пророчества и прибавляетъ: «Quiconque aime les prophéties d'Ezéchiel mérite de déjeûner avec lui». Эта манера докончить насмѣшкой дѣло критики перенята всецѣло у Болингброка.

IV.

Скептицизмъ замеръ въ Англіи почти на столѣтіе. Церковь опять заняла всѣ позиціи, разрушенныя тяжелой артиллеріей Локка и ядовитыми насмѣшками Болингброка; но интеллектуальный подъемъ второй половины XIX вѣка опять возродилъ скептицизмъ.

---

*) См. Г. Геттнеръ, „Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, т. I, стр. 348.

Послѣ Дарвина, Милля, Льюиса, Тиндаля, Гексли, Спенсера—клэрджимэны должны были поспѣшно отступить. Они сдѣлали слабую и жалкую попытку отстаивать занятыя позиціи (напр., споръ епископа Вильбердгорса съ Гексли *); но должны были поспѣшно отступить. Епископы признали, что большинство того, чему они учили вѣрить буквально,—только «символы»; они вынуждены были признать законъ эволюціи, которымъ, собственно, ниспровергаются всѣ старыя канонизированныя традиціи. Скептики XIX вѣка отличались отъ своихъ предшественниковъ XVIII вѣка не только тѣмъ, что, имѣя большій запасъ знаній, могли точно доказать, что прежде высказывалось только въ видѣ догадки. Въ XIX вѣкѣ англійскіе скептики считали своимъ долгомъ возможно шире распространять свои открытія среди массъ, тогда какъ XVIII вѣкъ требовалъ знанія только для избранныхъ. Въ самомъ началѣ XX-го вѣка возникла съ этой цѣлью въ Англіи крайне интересная Лига Раціоналистовъ, которая издала по баснословно дешевой цѣнѣ (16 копѣекъ за томъ) такія капитальныя сочиненія, какъ «Опыты и Лекціи» Гексли, «Піонеры Эволюціи» Клодда, «Эволюція идеи о божествѣ» Грэнтъ Аллэна, «Происхожденіе Видовъ» Дарвина, «Исторія міроздания» Клодда, «Міровая Загадка» Геккеля (въ англійскомъ переводѣ) и пр. «Лига Раціоналистовъ» полагаетъ, что умный человѣкъ, задумавшійся надъ извѣстными вопросами, долженъ черпать знаніе не изъ популярныхъ компилятивныхъ брошюрокъ, а изъ капитальныхъ сочиненій, которыя необходимо, поэтому, сдѣлать доступными по цѣнѣ. Книга Грэнтъ-Аллэна «Эволюція идеи о божествѣ» стоила прежде 10 ш., т. е. 5 руб. «Лига» умудрилась издать это сочиненіе за 16 коп. Извѣстный трудъ Геккеля «Ueber die Entstehung und den Stammbaum des Menschengeschlechts» вышелъ въ англійскомъ переводѣ въ двухъ томахъ стоимостью въ 30 шил. (пятнадцать руб.). «Лига» издала тотъ же переводъ, со всѣми рисунками, кромѣ хромолитографій, въ двухъ томахъ, стоимостью каждый въ 24 коп.

Среди англійскихъ публицистовъ, содѣйствующихъ «освобожденію массъ отъ суевѣрій», видное мѣсто занимаетъ Робертъ Блэтчфордъ. Редакторъ *Клэріона* признаетъ, что знаній теперь накоплено много; обязанность общества—распространить эти знанія среди массъ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ дѣятельности Лиги Раціоналистовъ, но полагаетъ, что массамъ необходима предварительная умственная подготовка, прежде чѣмъ онѣ приступятъ къ систематическому чтенію капитальныхъ сочиненій. И съ этой цѣлью Блэтчфордъ въ своей газетѣ сталъ популяризаторомъ вопросовъ, впервые поднятыхъ въ Англіи Локкомъ. Изъ статей, помѣщенныхъ въ народной газетѣ и имѣющихъ цѣлью «освободить разумъ», составилась крайне интересная книжка «God and

---

*) *Діонео*, „Очерки Современной Англіи“, стр. 108.

my Neighbour», вышедшая впервые отдѣльнымъ изданіемъ въ 1904 г. Книжка имѣла такой же шумный успѣхъ, какъ и «Merrie England». О впечатлѣніи, произведенномъ книжкой, можно судить по тому, что въ распространенной церковной газетѣ «Church Times» Блэтчфорда величаютъ не иначе, какъ «знаменитымъ еретикомъ изъ *Клэріона*». Не такъ давно газета назначила спеціальное воскресеніе и созвала вѣрующихъ, чтобы они молились за «обращеніе на путь истинный еретика, отравившаго ядомъ сомнѣнія умы рабочихъ».

«Намъ говорятъ, что современный культъ улучшилъ отношеніе богатыхъ къ бѣднымъ,—пишетъ Блэтчфордъ въ своей апологіи, почему онъ «еретикъ».—Но въ такомъ случаѣ, отчего такая масса бѣдныхъ въ Европѣ? Почему ихъ было еще больше, когда христіанство было въ своемъ зенитѣ. Какъ это случилось, что въ религіозной Англіи, гдѣ церковь такъ богата, 12 милліоновъ христіанъ постоянно находятся на рубежѣ нищеты? Почему пропасть между богатыми и бѣдными такъ глубока въ христіанскихъ городахъ, какъ Лондонъ, Нью-Іоркъ, Парижъ, Петербургъ. Намъ говорятъ, что христіанство принесло человѣчеству благовѣстъ мира. Въ дѣйствительности оно принесло не миръ, а мечъ. Крестовые походы были священными войнами, какъ и разгромъ Нидерландовъ Альбой. Непобѣдимая армада была священной экспедиціей. Нѣкоторыя религіозныя войны продолжались десятки лѣтъ и унесли милліоны жертвъ. Отличительной чертой религіозныхъ войнъ является необыкновенная жестокость священниковъ, участвовавшихъ въ ней, и фанатизированныхъ солдатъ. Съ тѣхъ поръ, какъ современный культъ сталъ господствующимъ, характерной чертой его является воинственность, нетерпимость и безпощадность. Современная Европа представляетъ громадный вооруженный лагерь. Не такъ давно еще германскій императоръ отдалъ своимъ войскамъ приказъ: не щадить китайцевъ и поступать, какъ гуны. Всеобщему миру угрожаютъ теперь не буддисты, не парси, не послѣдователи Конфуція, а «земельный голодъ» и жажда завоеваній христіанскихъ народовъ. Европа вооружена теперь, потому что европейскіе народы завидуютъ другъ другу, мечтаютъ о военной славѣ и о захватѣ новыхъ рынковъ» *). Блэтчфордъ приводитъ противъ догматовъ культа, символовъ его и книгъ всѣ тѣ аргументы, которые накоплены въ англійской литературѣ со временъ Болингброка до Гексли и Грэнтъ-Аллэна.

«Что, кромѣ отчаянія, дадите вы намъ взамѣнъ, когда вы отнимаете у насъ вѣру?—говоритъ сторонникъ культа. — Я нахожу такую постановку вопроса коммерческой, а не моральной,—пишетъ Блэтчфордъ.—Моральный человѣкъ не скажетъ: «чѣмъ вы мнѣ заплатите, если я отдамъ мою вѣру?» Онъ сказалъ бы: «я не от-

*) „God and my Neighbour", p. 182—183.

ступлюсь отъ моихъ вѣрованій до тѣхъ поръ, покуда убѣжденъ, что они истины». Для моральнаго человѣка дорога истина, но не цѣна за нее. Человѣкъ, спрашивающій, что онъ выигрываетъ, если перестанетъ вѣрить, обнаруживаетъ этимъ отсутствіе искренняго религіознаго чувства. Религіозно настроенный человѣкъ не можетъ исповѣдывать культъ, въ истинѣ котораго сомнѣвается. Для такого человѣка жизненнымъ вопросомъ является: не «сколько вы мнѣ дадите, если я убѣгу отъ моего полка?», а — «гдѣ истина?» Мнѣ скажутъ: «что вы даете несчастнымъ, неудачникамъ, бѣднякамъ?» Я отвѣчу: «этотъ вопросъ является слабымъ пунктомъ въ *вашей* вѣрѣ, а не въ томъ, что проповѣдуется мною... Вы учите несчастныхъ только терпѣнію, смиренію и покорности. Мы ихъ учимъ, какъ завоевывать счастье» *). «Смерть отдѣляетъ насъ непроницаемой занавѣсью отъ тѣхъ, кого мы любимъ. Никакой богословъ не знаетъ, что скрыто за этой занавѣсью. Вотъ почему постараемся быть счастливы здѣсь, на землѣ. Постараемся сдѣлать счастливыми всѣхъ окружающихъ. Добудемъ соединенными силами наибольшую сумму счастья для каждаго отдѣльнаго индивидуума. А когда занавѣсъ смерти для насъ поднимется, тогда... мы посмотримъ». Блэтчфордъ дальше доказываетъ, что выступилъ противъ культа, какъ соціалистъ, ибо находитъ, что культъ является помѣхой для соціализма. Прежде, чѣмъ строить новое, нужно разрушить старыя постройки, подгнившія и нездоровыя.

V.

Среди томленій, охватившихъ человѣчество въ концѣ XIX вѣка, одно изъ самыхъ главныхъ — томленіе по полной, красивой, не пошлой жизни. Мы находимъ его сперва въ литературахъ французской, англійской, скандинавской, германской, итальянской, а потомъ — въ русской. Выраженія «полная», «не пошлая» жизнь повторяются теперь постоянно, хотя не дѣлаются попытки точно опредѣлить значеніе терминовъ. Фаустъ, въ томленіи по полной жизни, восклицаетъ:

„Ich fühle Mut,
Mit Stürmen mich herumzuschlagen,
Und in des Schiffbruchs Knirchen nicht zu zagen".

(«Я чувствую отвагу... бороться съ бурями и не блѣднѣть, заслыша трескъ гибнущаго корабля»). Томящіеся по полной жизни не разъ высказывали, что красота, это—борьба съ бурей въ морѣ. Другіе, испытавшіе бурю (хотя въ смиренной роли пассажира, а не капитана), видятъ въ ней не красоту, а неизящныя муки морской болѣзни. И требуется еще доказать, что человѣкъ, застрахо-

*) „God and My Neighbour", p. 186.

ванный отъ морской болѣзни, глубже, шире и поэтичнѣе, чѣмъ человѣкъ, зеленѣющій при слабой качкѣ.

Изобрѣтатель или ученый (не Вагнеръ) живетъ полной жизнью, испытываетъ всю гамму волненій и постигаетъ высшую форму красоты тогда, когда смутная въ началѣ идея начинаетъ облекаться въ сжатыя, точныя формулы или въ конкретные образы.

«Въ человѣческой жизни, — говоритъ П. А. Кропоткинъ въ своихъ замѣчательныхъ «Запискахъ», — мало такихъ радостныхъ моментовъ, которые могутъ сравниться съ внезапнымъ зарожденіемъ обобщенія, освѣщающаго умъ послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изысканій. То, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ казалось хаотическимъ, противорѣчивымъ и загадочнымъ, сразу принимаетъ опредѣленную, гармоническую форму. Изъ дикаго смѣшенія фактовъ, изъ-за тумана догадокъ, опровергаемыхъ едва лишь онѣ успѣютъ зародиться,—возникаетъ величественная картина, подобно альпійской цѣпи, выступающей во всемъ великолѣпіи изъ-за скрывавшихъ ее облаковъ и сверкающей на солнцѣ во всей простотѣ и многообразіи, во всемъ величіи и красотѣ. А когда обобщеніе подвергается провѣркѣ, примѣняется ко множеству отдѣльныхъ фактовъ, казавшихся до того безнадежно противорѣчивыми,—каждый изъ нихъ сразу занимаетъ свое положеніе и только усиливаетъ впечатлѣніе, производимое общею картиной. Одни факты оттѣняютъ нѣкоторыя характерныя черты, другіе раскрываютъ неожиданныя подробности, полныя глубокаго значенія. Обобщеніе крѣпнетъ и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонтъ, глазъ открываетъ очертанія новыхъ и еще болѣе широкихъ обобщеній. Кто испыталъ разъ въ жизни восторгъ научнаго творчества, тотъ никогда не забудетъ блаженнаго мгновенія. Онъ будетъ жаждать повторенія. Ему досадно будетъ, что подобное счастье выпадаетъ на долю немногимъ, тогда какъ оно всѣмъ могло бы быть доступно, въ той или другой мѣрѣ, если бы знаніе и досугъ были достояніемъ всѣхъ». Это пишетъ человѣкъ, самъ испытавшій восторгъ, доставленный замѣчательнымъ научнымъ открытіемъ. Въ то же время мы видимъ въ немъ пламеннаго стойкаго борца, пожертвовавшаго очень многимъ.

Выводъ отсюда тотъ, что русскій ученый отнюдь не похожъ на ту аляповатую и неумную каррикатуру, которую далъ М. Горькій въ «Дѣтяхъ Солнца». Онъ изобразилъ, самое большее, русскаго Вагнера, да и то плохо. Но это между прочимъ.

«Да будетъ благословенна наука! Когда земля казалась старой; когда вѣра превратилась въ безуміе, а разумъ охладѣлъ,—наука открыла, что міръ—юнъ»—съ восторгомъ цитируетъ замѣчательный англійскій ученый, съ мировымъ именемъ и видный общественный дѣятель *). Итакъ, для однихъ «полная, красивая и не

*) Цитировано у Лэббока, въ его „Pleasures of Life".

пошлая жизнь» это — восторги научнаго творчества. Шиллеровскому Швейцеру, съ другой стороны, казалось, что онъ жилъ полной жизнью только тогда, когда поджигалъ городъ съ тридцати трехъ концовъ и наказалъ всѣхъ ханжей, живущихъ тамъ. «Morbleu! не прошло и четверти часа, какъ сѣверо-восточный вѣтеръ, который также, вѣроятно, косился на городъ, славно помогъ намъ и метнулъ пламя на самыя верхушки. Между тѣмъ, мы бѣгаемъ изъ улицы въ улицу, какъ фуріи, и кричимъ на весь городъ: «пожаръ, пожаръ!» Вой, крикъ, стукотня; гудитъ набатъ! Наконецъ, пороховой погребъ взлетаетъ на воздухъ: казалось, земля лопнула пополамъ и небо распалось на части, а адъ ушелъ еще глубже на десять тысячъ саженъ».

Для однихъ «полная, красивая и не пошлая жизнь», это— сліяніе съ космосомъ. Для нихъ природа — все. Каждый исцарапанный валунъ, лежащій на нивѣ, разсказываетъ имъ величественныя саги про великіе перевороты, про охлажденіе земной атмосферы, про надвиганіе льдовъ, про гибель безчисленныхъ видовъ и про мучительное приспособленіе другихъ видовъ къ арктическому климату. Какимъ жалкимъ лепетомъ въ сравненіи съ этими сагами кажутся величественныя норвежскія сказки про борьбу боговъ (Asgardr) съ великанами (Utgardr). Природа говоритъ тысячами голосовъ. Она для нихъ—безконечный источникъ красоты. Краски на небѣ, на полѣ мѣняются съ каждымъ положеніемъ солнца, въ зависимости отъ каждаго набѣгающаго облачка. Мало этого. Такимъ людямъ природа даетъ тотъ восторгъ, то чувство умиленія и успокоенія, которыя дѣйствительно вѣрующіе люди выносятъ изъ молитвы. Восторженные поклонники природы убѣждены, что космосъ будетъ безконечнымъ источникомъ высокихъ эмоцій, необходимыхъ человѣку, когда вѣра, доставлявшая ихъ раньше, окончательно потухнетъ и культъ потеряетъ всякое значеніе. Тогда всѣ люди будутъ умѣть «читать природу».

Но рядомъ съ этимъ есть люди, которымъ природа внушаетъ только ужасъ. Они видятъ въ ней или враждебное, злобное начало, одну изъ ипостасей смерти, или нѣчто мертвое. Вотъ, напримѣръ, гюисмансовскій эстетъ Дезесэнтъ (въ романѣ «A rebours»), презирающій пошлость и глупость человѣческой жизни. Отъ нея онъ желаетъ скрыться въ художественную Ѳиваиду, созданную по собственному образу и подобію. «Искусственное представлялось Дезесэнту отличительнымъ признакомъ человѣческаго духа. Время природы,— говоритъ онъ, — миновало. Отвратительнымъ однообразіемъ своихъ пейзажей и небесъ она истощила окончательно внимательное терпѣніе утонченныхъ людей. Какое вульгарное зрѣлище представляютъ люди, предающіеся исключительно своимъ профессіямъ; какую узость ума проявляетъ торговка, торгующая все однимъ товаромъ, какъ однообразна торговля деревьями и лугами, какъ повседневенъ складъ горъ и морей». «Полная, красивая и не пошлая

жизнь» для Дезесэнта, это — «существованіе навыворотъ» и «вкусовыя симфоніи». Да что Дезесэнтъ! Возьмемъ мощный умъ первой величины—Сократа, «наиболѣе типичнаго представителя интеллекта безъ науки», какъ называетъ его Лэббокъ *). Сократъ говоритъ, что онъ всегда жаждетъ учиться, но поля и деревья рѣшительно ничего не говорятъ ему. «Если вы знаете одно зеленое поле, то вамъ извѣстны всѣ зеленыя поля въ мірѣ», — говоритъ англійскій комментаторъ Сократа.

Красота жизни это—«говорить умѣть», «въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ» поставивъ,—увѣряетъ Фетъ.

„Кляните насъ: намъ дорога свобода,
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь,
Въ насъ вопіетъ всесильная природа
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь".

Спросите у альпиниста, что онъ испытываетъ, перебираясь черезъ глетчеры, взбираясь на недоступныя вершины и рискуя очутиться на днѣ ледяной пропасти? «Безсмысленное стремленіе свернуть себѣ шею», — скажетъ спокойный человѣкъ, предпочитающій смотрѣть на Монбланъ съ террасы отеля въ Шамони. «Я постигаю тогда высшую красоту! Полное сліяніе *я* съ космосомъ»,—отвѣтитъ альпинистъ. Такой отвѣтъ мы найдемъ въ книгѣ Лессли Стифена— «The Playground of Europe» или въ «Альпійскихъ глетчерахъ» Тиндаля. Полнота жизни измѣняется, между прочимъ, творческой работой ума. При будничной обстановкѣ мысль сонно течетъ въ готовомъ руслѣ.

Только восторгъ, порожденный сознаніемъ красоты жизни, заставляетъ мысль уподобить весеннему потоку, сразу мѣняющему старое русло. Въ «Альпійскихъ глетчерахъ» Тиндаля мы видимъ подтвержденіе этого взгляда. При восхожденіи на Monte-Rosa у знаменитаго ученаго сверкнула первая мысль его теоріи **).

---

*) The Pleasures of Life.

**) Я смотрѣлъ на эти чудеса (восходъ солнца) на вершинѣ Монблана, Гранкомбэна, Данбланша, Вайгорна и тысячи другихъ пиковъ, соединившихся, какъ бы, для прославленія занимающагося дня. И я задавалъ себѣ вопросъ: какъ выполнена эта колоссальная работа? Кто вырубилъ, какъ рѣзцомъ, эти мощныя и живописныя массы изъ простой выпуклости земной коры? И отвѣтъ былъ предо мною. На востокѣ на небѣ медленно поднимался вѣчно мощный, вѣчно юный зодчій, таящій въ себѣ еще силы тысячи не созданныхъ міровъ. Онъ поднялъ и вздулъ воды, вырывшія эти пропасти; онъ помѣстилъ глетчеры на откосахъ горъ; и, повинуясь закону тяготѣнія, ледники поползли внизъ, открывая, какъ гигантскимъ плугомъ, долины. Этотъ зодчій, работая безпрерывно, черезъ десятки вѣковъ, сравняетъ эти мощныя горы, снесетъ ихъ постепенно къ морю, сѣя, такимъ образомъ, начало новыхъ материковъ. И люди, которые будутъ населять постарѣвшую землю, увидятъ черноземныя поля и желтѣющій хлѣбъ надъ скрытыми глубоко скалами, поддерживающими теперь тяжесть Юнгфрау („Prof. Tyndall, „Mountaineering in 1861").

«Полная, красивая и не пошлая жизнь» постигается только въ любви къ женщинѣ, — говоритъ Мюссе и тысячи поэтовъ до и послѣ него.

„L'amour est tout,—l'amour est la vie au soleil.
Aimer est le grand point, qu'importe la maitresse?
Qu'importe le flacon, pourvu qu'on ait l'ivresse?
Faites-vous de ce monde un songe sans réveil" *).

Если бы мы спросили у Китъ Китыча, что такое не пошлая жизнь, и если бы онъ понялъ насъ, то отвѣтилъ бы, что красоту бытія постигаетъ вполнѣ, когда вопитъ: «чего моя нога хочетъ», когда всѣ предъ нимъ трепещутъ и когда онъ одинъ въ двухъ каретахъ ѣдетъ. Къ слову сказать, у насъ и теперь есть люди, глубоко презирающіе Китъ Китыча и «гнилую интеллигенцію», но прославляющіе именно идеалъ купца Островскаго.

Попытки точнаго научнаго опредѣленія понятій «сѣрая» «пошлая жизнь» дѣлались, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ. Въ Англіи, напримѣръ, это сдѣлалъ Милль въ своей книгѣ «On Liberty», въ которой констатируетъ постоянное пониженіе личностей, вкуса, тона, пустоту интересовъ и отсутствія энергіи. Милль предложилъ точный терминъ для характеристики явленія: «объединенная посредственность» (Conglomerated mediocrity). У насъ съ тою же цѣлью П. Л. Лавровъ предложилъ такой же точный терминъ «дикари высшей культуры».—«Дикарь высшей культуры ходитъ въ храмъ Изиды, Зевса, въ церковь св. Сульпиція или въ Исаакіевскій соборъ потому, что ходятъ другіе. Онъ учится атлетическимъ упражненіямъ въ Греціи, знакомится въ древнемъ Римѣ со всѣми частностями обряда и формулъ жертвоприношенія гаруспиціевъ, слушаетъ комментаріи Ѳомы Аквината въ XIII в; держитъ экзамены изъ физіологіи или изъ римскаго права въ XIX в., потому, что надо же выбрать карьеру и такъ дѣлаютъ съ этой цѣлью другіе... Онъ аплодируетъ Рашели, Гамбеттѣ или Ренану въ Парижѣ и реветъ на митингахъ тори въ Лондонѣ противъ гомруля, не давая себѣ даже отчета, почему онъ дѣлаетъ это. Его память обогащается, его общественныя отношенія усложняются. Онъ способенъ такъ же искусно вести дѣла на биржѣ и такъ же терпѣливо выжидать крупную экономическую или политическую добычу, какъ австралійскій дикарь искусно охотится на кенгуру и терпѣливо ждетъ въ засадѣ врага цѣлые дни. Онъ способенъ оцѣнить выгоду техническаго продукта, нисколько не интересуясь ни вопросомъ,

---

Читатели видятъ, что природа умѣетъ разсказывать поэмы, съ величіемъ и красотой которыхъ не сравнится ни одинъ поэтъ.

*) Т. е. «Любовь—все. Любовь это—жизнь на землѣ. Самое важное—любить. Какая возлюбленная—безразлично. Что намъ до фіала, если содержаніе его даетъ опьяненіе? Превратите всю жизнь въ сонъ безъ пробужденія" (Alfred de Musset. „La Coupe et les levres").

рядомъ какихъ соображеній получилась техника, дающая этотъ продуктъ, ни, еще менѣе, тѣмъ, какіе законы природы лежатъ въ основѣ этой техники. Онъ остается при первобытной лѣни мысли. Онъ ощущаетъ потребность лишь въ тѣхъ умственныхъ процессахъ, которые никогда не побудили и не могутъ побудить человѣка перейти къ исторической жизни. Предметы, относящіеся къ области высшихъ наслажденій, ему доступны лишь, какъ элементы общественнаго обычая, и ему все равно, таковы ли они или иные. Для него не существуетъ самаго элементарнаго представленія о потребности развитія мысли путемъ ея постепеннаго уясненія и усовершенствованія ея методовъ; о потребности развитія жизни личной внесеніемъ въ нее большей послѣдовательности; о потребности развитія общежитія путемъ воплощенія справедливости въ общественныя отношенія, путемъ укрѣпленія и расширенія общественной солидарности. Съ тѣмъ вмѣстѣ не существуютъ для него и нравственныя побужденія, которыя нераздѣльно связаны съ потребностью развитія» *). Вмѣсто терминологіи, точно опредѣляющей содержаніе,—у насъ теперь въ ходу неопредѣленный, ничего не выражающій терминъ «мѣщане», взятый взаймы у составителей паспортныхъ бланковъ.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ? Понятія «полная жизнь», «красивая жизнь», «не пошлая жизнь» чисто субъективны. Каждый человѣкъ вкладываетъ въ нихъ (и будетъ вкладывать) свое собственное содержаніе. Что для одного—высшее проявленіе красоты, для другаго будетъ «сѣро», «скучно» и «пошло». И наоборотъ. Люди должны обезпечить всѣмъ живущимъ въ данной странѣ хлѣбъ и волю, а затѣмъ предоставить каждому устраивать «красивую» жизнь по собственному усмотрѣнію и вкусу. Полнота жизни, это—право и возможность для каждаго проявлять свою индивидуальность. И это право должно кончаться только тамъ, гдѣ начинается право другого гражданина. Когда у всѣхъ будетъ хлѣбъ и воля, люди будутъ искать красивую жизнь, т. е. проявлять свою индивидуальность крайне разнообразно, въ зависимости отъ той зоологической особенности, не поддающейся подведенію подъ одинъ знаменатель, которая называется *талантомъ*. Въ досужее время влюбленный поэтъ станетъ писать своей возлюбленной:

„Io non fu'd'amar voi lassato unquanco,
Ma donna, ne sarò, mentre ch'io viva" *).

И въ этомъ найдетъ полноту жизни.

Будущій Жирардъ свои досуги посвятитъ замѣчательной машинѣ, которая введетъ во всей общинѣ четырехчасовой трудъ.

*) П. Лавровъ, „Переживанія доисторическаго періода". Глава II.

**) „Я не усталъ еще любить тебя и не устану, покуда живу" (Петрарки).

При осуществленіи своей идеи изобрѣтатель постигнетъ высшую радость. Третій въ свои досуги достигнетъ невѣроятнаго совершенства въ ѣздѣ на велосипедѣ и будетъ такъ же счастливъ, какъ Петрарка, Жакаръ или Геккель послѣ написанія «Міровой загадки». Дайте *всѣмъ* хлѣбъ и волю и предоставьте каждому индивидууму, сообразно его вкусамъ и природнымъ талантамъ, опредѣлять для себя, что такое «красивая», «полная», «не пошлая» и «не мѣщанская» жизнь!

Люди творятъ боговъ и идеалы по собственному образу и подобію. Великій артистъ Вильямъ Моррисъ населяетъ будущую Англію артистами и тонкими цѣнителями художественной красоты. Въ *Икаріи* Кабэ—живутъ честные, добросовѣстные, ограниченные чиновники соціализма. Уэльсъ видитъ въ своей *Новой Утопіи* только инженеровъ и естествоиспытателей. О будущемъ, конечно, можно загадывать, что угодно, и до безконечности фантазировать, какой идеалъ «красивой» жизни опредѣлится тогда у массъ. Можно сказать только, что красота жизни отнюдь не непремѣнно находится въ прямой зависимости отъ диктатуры какого бы ни было класса надъ остальнымъ населеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ настоящему. Заглянемъ въ тѣ немногія страны, гдѣ массамъ хотя бы отчасти гарантированъ хлѣбъ. Кто внимательно изучалъ Новую Зеландію; кому знакома литература «счастливыхъ острововъ», какъ у насъ, съ легкой руки новозеландскаго чиновника Ривса, называютъ далекую колонію; кто слѣдитъ постоянно за періодической печатью ея,—тотъ знаетъ, что жизнь тамъ, если прикинуть мѣрку суровыхъ обличителей нашей интеллигенціи, крайне не интересна, будничнa и однообразна. Идеалы новой Зеландіи прозаическіе, «мѣщанскіе». И нужно ли удивляться этому? Тѣ, кому холодно, желаютъ прежде всего согрѣться. Кто достаточно наголодался, желаетъ прежде всего наѣсться до сыта и обезпечить себѣ обѣдъ не только на завтра, но и въ старости. Жизнь не представляетъ никакой цѣнности въ глазахъ человѣка только тамъ, гдѣ уваженія къ личности не существуетъ, гдѣ всѣ скованы. Согрѣвшійся и наѣвшійся человѣкъ, который долго голодалъ и холодалъ, желаетъ отдохнуть.

Все это знаетъ Блэтчфордъ, вотъ почему во всѣхъ своихъ книжкахъ онъ учитъ массы, какъ освободить свой умъ отъ цѣпей и отъ мусора, и затѣмъ, какъ устроить *сытую* жизнь для всѣхъ. *Красивую* жизнь,—предполагаетъ Блэтчфордъ,—каждый потомъ создастъ для себя самъ, согласно своимъ запросамъ. Чтобы обезпечить всѣмъ хлѣбъ, нужно прежде всего разрѣшить вопросъ о землѣ.

VI.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ Англіи въ аксіому превращается положеніе, которое недавно еще казалось ересью противъ всѣхъ экономическихъ каноновъ. Гибель земледѣлія въ Англіи— давно уже признанный фактъ. Но какими причинами обусловливается это? «Земледѣліе въ Англіи убито свободой торговли»,— авторитетно утверждали еще недавно протекціонисты. Теперь и протекціонисты, и фритрэдеры признаютъ, что *англійское земледѣліе убито крупнымъ землевладѣніемъ*. Лэндлордизмъ повелъ къ тому, что сперва нивы замѣнились пастбищами, а теперь пастбища превращаются въ верещаки для разведенія куропатокъ. Въ прямой зависимости отъ взгляда на причины гибели земледѣлія находится прогрессъ двухъ обществъ, имѣющихъ цѣлью возвратить землю народу. Первое общество—*Land Nationalization Society*— возникло по иниціативѣ Альфреда Ресселя Уоллэса, который выработалъ программу въ ноябрѣ 1889 г. Общество издаетъ собственный журналъ *Земля* и *Трудъ* (Land and Labour). Другое общество—*English Land Restoration League*—проповѣдуетъ исключительно взгляды Генри Джорджа. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ англійскому общественному дѣятелю нужно было много смѣлости, чтобы на выборахъ объявить себя сторонникомъ національзаціи земли. Теперь необходимость этой мѣры признаютъ многіе члены парламента, независимыя церкви и различныя ассоціаціи, не говоря уже о трэдъ-юніонахъ, которые на своихъ конгрессахъ ежегодно принимаютъ резолюцію о національзаціи рудниковъ, шахтъ и земли. Либеральное общество «Financial Reform Association», основанное Кобдэномъ и Брайтомъ съ цѣлью добиться отмѣны всякихъ таможенныхъ пошлинъ, было всецѣло захвачено идеями Генри Джорджа. Журналъ этого общества *Financial Reformer* теперь доказываетъ необходимость налога въ размѣрѣ 25% на всѣ земли. Къ Обществу принадлежатъ почти всѣ члены либеральной партіи въ парламентѣ. По выраженію Мэтью Арнольда, значительная часть англичанъ смотритъ на лэндлорда, какъ на «очень дорогой анахронизмъ»; съ каждымъ годомъ уменьшается въ Англіи число лицъ, думающихъ, что «анахронизмъ» имѣетъ право получить вознагражденіе за землю, которую предки его отняли у всего народа *). Аргументы, выставляемые защитниками лэндлордизма, очень неубѣдительны. Постараюсь привести ихъ. «Помѣстья крупныхъ землевладѣльцевъ, вслѣдствіе возможности большей затраты капитала, лучше обработаны, чѣмъ участки мелкихъ фермеровъ». Этотъ аргументъ теперь совершенно убитъ фактами. «Работники

*) *Sidney Webb*, Socialism in England, p. 60.

ничего не выиграютъ, если вмѣсто тысячи крупныхъ землевладѣльцевъ явится одинъ собственникъ—государство. Только немногіе помѣщики оказываютъ теперь давленіе на политическіе взгляды своихъ работниковъ. Совсѣмъ другое произойдетъ, когда вся земля будетъ находиться въ рукахъ государства. Помимо всего, такая концентрація поведетъ къ усиленію бюрократіи. Опустѣніе деревень обусловливается не трудностью достать земельный участокъ, а стремленіемъ деревенскаго населенія, вслѣдствіе лучшаго образованія, къ болѣе полной и разнообразной жизни.—Переполненіе городовъ, однако, зависитъ отъ притока не деревенскаго населенія, а неимущихъ иностранцевъ. — Для поддержанія и поощренія искусствъ и литературы въ данной націи необходимо (?!) существованіе состоятельнаго класса, имѣющаго досугъ.—Если землевладѣлецъ выигрываетъ много отъ притока населенія и отъ повышенія культуры, то онъ также сильно теряетъ, когда начинается тяга въ городъ. Вотъ почему, если идетъ рѣчь объ обложеніи налогомъ «незаработаннаго приращенія», то общество должно также вознаградить помѣщика, когда земля его понизится въ цѣнѣ.—Если выкупить у помѣщиковъ землю за справедливую цѣну, то государственные финансы будутъ надолго разстроены. Въ то же время выкупъ создастъ праздный классъ людей, не имѣющихъ никакихъ отвѣтственностей». Первые аргументы, какъ видите, очень не убѣдительны, что касается послѣдняго, то онъ можетъ быть употребленъ противъ лэндлордовъ: народъ безъ земли жить не можетъ; но такъ какъ выкупъ раззоряетъ государство и создаетъ классы трутней, то...

Посмотримъ теперь, какъ излагаетъ Блэтчфордъ своимъ читателямъ сущность аграрнаго вопроса. Редакторъ *Клэріона* стоитъ не за конфискацію, а за національзацію земли путемъ извѣстнаго вознагражденія. «Но что такое справедливое вознагражденіе,—говоритъ Блэтчфордъ. — Основываясь на своихъ правахъ, землевладѣлецъ можетъ потребовать выкупъ, лежащій за предѣлами возможности. Вотъ почему нужно прежде изслѣдовать, каковы эти права. Посмотримъ также, какъ относится законъ къ изобрѣтателямъ и авторамъ. Частная земельная собственность основана всегда или на правѣ завоеванія (земля была украдена или «добыта» предками), или на правѣ дара (земля была пожалована, подарена или получена по наслѣдству), или на правѣ пріобрѣтенія (земля была куплена за извѣстную цѣну). Разберемъ сперва право дара и пріобрѣтенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что никто не имѣетъ нравственнаго права владѣть вещью, проданной или подаренной лицомъ, которому она не принадлежитъ. Если Иванъ купитъ часы, коня, домъ или другую вещь у Петра, которому все это не принадлежитъ, то долженъ возвратить купленное настоящему владѣльцу и теряетъ свои деньги. Если мы докажемъ, что частный человѣкъ не имѣетъ нравственнаго права владѣть землей, то выводъ будетъ,

что онъ не можетъ также продавать или дарить ее. Если Иванъ не имѣетъ права продавать или дарить землю, то Петръ не имѣетъ права держать землю, купленную или полученную въ подарокъ. Такимъ образомъ, чтобы оцѣнить право Ивана на землю, нужно прослѣдить, какъ она въ самомъ началѣ попала въ частную собственность. Изслѣдуя это, мы въ корнѣ всегда найдемъ грабежъ. Мы увидимъ, что или земля была отдана баронамъ, явившимся вмѣстѣ съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ, или ее оттянулъ у общины, путемъ огораживанія, какой-нибудь помѣщикъ (Lord of the Manor *) или другой грабитель. Изъ пѣсни слова не выкинешь. Человѣка, отобравшаго у васъ силой часы, вы называете грабителемъ. А оттягать землю у общины куда болѣе тяжелое преступленіе! Итакъ, грабежъ земли не даетъ еще права на нее, кромѣ того права, которое создали для себя сами захватчики. Если Иванъ добылъ землю мечемъ, то онъ можетъ держать ее до тѣхъ поръ, покуда не явятся люди болѣе сильные, чѣмъ онъ, и отнимутъ добычу. А между тѣмъ, Петръ, получившій эту землю отъ Ивана, не признаетъ ни за кѣмъ права отвоевать ее у него. Современные лэндлорды доказываютъ, что земля принадлежитъ имъ, потому что восемьсотъ лѣтъ тому назадъ предки ихъ ограбили ее у народа. Лэндлорды не признаютъ за народомъ права взять свою собственность обратно. Герцогъ владѣетъ землей, которую норманны забрали при Вильгельмѣ Завоевателѣ, другими словами, по праву грабежа. Но если бы какіе-нибудь люди вздумали теперь такимъ же порядкомъ отобрать землю у герцога, онъ завопилъ бы: «караулъ! грабятъ!» и обратился бы къ покровительству закона. Герцогъ доказывалъ бы «незаконность» и «безнравственность» отбиранія собственности. Онъ защищался бы не съ мечемъ въ рукахъ, какъ его предки, а при помощи закона. Но кто составилъ этотъ законъ? Тѣ самые господа, которые заграбили землю и держатъ ее неправдой... Что же, пусть герцогъ защищаетъ свое право при помощи закона, составленнаго герцогами! Мы противъ этого выставимъ другой, новый законъ, составленный народнымъ парламентомъ. Развѣ есть такой справедливый законъ, который воспрещалъ бы отобрать у разбойника его добычу! Развѣ есть такой справедливый законъ, который утверждалъ бы, что право, установленное парламентомъ, состоящимъ изъ лэндлордовъ, не можетъ быть отмѣнено другимъ парламентомъ, составленнымъ изъ представителей всего народа?

---

*) Вильгельмомъ-Завоевателемъ вся Англія была раздѣлена на деревенскія общины (Village Communities) или „Manors“. Во главѣ общины находился помѣщикъ (Lord of the Manor). Арендаторы его состояли изъ свободныхъ землепашцевъ (Freeman) и крестьянъ (Villeins), которые были „прикрѣплены къ землѣ“. Къ деревнѣ прилегали помѣщичьи земли (lord's domain), обрабатываемыя арендаторами, и выгоны, принадлежавшіе всей общинѣ. Съ XVI вѣка начинается безсовѣстный захватъ общинныхъ выгоновъ помѣщиками.

Помѣщикъ не дѣлаетъ землю. Онъ владѣетъ только ею. Если человѣкъ изобрѣтетъ новую машину, найдетъ совершенный способъ обработки стали или напишетъ хорошую книгу, онъ требуетъ, чтобы законъ охранялъ его права. Изобрѣтатель получаетъ отъ своего патента доходъ въ продолженіе 14 лѣтъ. Затѣмъ изобрѣтеніе дѣлается общественнымъ достояніемъ. Такимъ образомъ, законъ признаетъ, что изобрѣтатель достаточно вознагражденъ въ 14 лѣтъ за машину, которую онъ сдѣлалъ. И тотъ же законъ признаетъ право *вѣчнаго* владѣнія на землю, которую лэндлордъ не сдѣлалъ. Авторъ книги въ Англіи пользуется правомъ собственности на нее въ продолженіе 44 лѣтъ; черезъ семь лѣтъ послѣ смерти автора, во всякомъ случаѣ, книга становится общественнымъ достояніемъ. Земля же, на созданіе которой лэндлордъ не затратилъ труда, *никогда* не становится общественнымъ достояніемъ. Если бы то же право, которое требуютъ для себя лэндлорды, было примѣнено также къ изобрѣтеніямъ и книгамъ, то произведенія Шекспира, полотно, сукно, ноты, — словомъ, все было бы недоступно по своей цѣнѣ. Потомки Шекспира, Мильтона, Диккенса, Стифенсона, Бесмера, Фультона получали бы до сихъ поръ съ публики такіе же громадные доходы, какъ лэндлорды. Какое право имѣетъ лэндлордъ называть конфискацію земли, которую онъ не сдѣлалъ, грабежомъ, тогда какъ изобрѣтеніе паровоза, напр., давно уже стало общественнымъ достояніемъ? Изобрѣтатель за свой патентъ получаетъ 14 лѣтъ извѣстный доходъ. Лэндлордъ получаетъ всю свою жизнь ренту, которая все увеличивается. Это, такъ называемое, *незаработанное приращеніе* (Unearned increment). Рента въ городахъ выше, чѣмъ въ деревняхъ. Почему? Потому, что земля дороже. А почему земля дороже? Потому что въ городахъ больше промышленности. Бывали случаи, что земли, купленныя по нѣсколько шиллинговъ за акръ, черезъ нѣсколько лѣтъ стоили уже десятки гиней за ярдъ. Увеличеніе въ цѣнѣ обусловливается талантами, предпріимчивостью или трудолюбіемъ не лэндлорда, а тѣхъ людей, которые торгуютъ или работаютъ на участкѣ земли. Лэндлордъ спитъ или живетъ, припѣваючи, безъ дѣла, когда Эдиссоны, Стифенсоны, Маудсли, Бессмеры и тысячи искусныхъ работниковъ превращаютъ сонныя деревушки въ цвѣтущіе, промышленные города. Когда городъ выстроенъ, и промышленность разовьется, является лэндлордъ, чтобы собрать жатву, гдѣ онъ не сѣялъ. Незаработанное приращеніе, это — налогъ, накладываемый лѣнтяемъ на трудолюбіе. Такое же самое явленіе мы видимъ въ деревнѣ, гдѣ фермы обыкновенно сдаются на короткій срокъ. Фермеръ или улучшаетъ свою землю и теряетъ, въ такомъ случаѣ, свои затраты; или, боясь потерять затраченное, не въ достаточной степени хорошо обрабатываетъ свой участокъ. Въ обоихъ случаяхъ въ барышѣ остается лэндлордъ, а въ проигрышѣ—фермеръ и общество.

А вотъ еще случай. Помѣщикъ имѣетъ участокъ земли, изъ ко-

тораго фермеры ничего не могутъ извлечь. Нѣсколько садовниковъ снимаютъ эту землю небольшими участками по 5 ф. ст. за акръ для выращиванія цвѣтовъ на продажу. Садовники затрачиваютъ много труда, тщательно воздѣлываютъ свои клочки и получаютъ по 50 ф. ст. съ акра. Что дѣлаетъ помѣщикъ? Онъ немедленно поднимаетъ арендную плату до сорока ф. ст. за акръ. Вотъ это и есть «незаработанное приращеніе», раззоряющее фермера и работника, за то обогащающее помѣщика» *). Блэтчфордъ дальше еще больше выясняетъ сущность права помѣщика на землю и доказываетъ, что захватъ земли въ частную собственность можно приравнять только захвату моря или воздуха. «Представьте себѣ, что король или парламентъ дали бы частному лицу исключительное право на владѣніе Бристольскимъ каналомъ или воздухомъ въ Корнуэльсѣ. Такое пожалованіе показалось бы смѣшнымъ народу. И если бы получившій привилегію захотѣлъ отстаивать ее при помощи закона и полиціи, то это привело бы къ революціи. Но чѣмъ же такое право болѣе несправедливо, чѣмъ право на исключительное владѣніе шервудскимъ лѣсомъ, ковентгардискимъ рынкомъ, эссекскими хлѣбными полями или кумберлэндскими желѣзными рудниками? Бристольскій каналъ, Темза, большія дороги и мосты—представляютъ общественную собственность, которыми всѣ могутъ свободно пользоваться. Нѣтъ такой силы въ королевствѣ, которая могла бы оттянуть у народа хоть ярдъ большой дороги или акръ свободнаго моря. Совершенно справедливо, что большія дороги, море или воздухъ являются достояніемъ всего народа. Если это такъ, то какимъ же аргументомъ можетъ быть подтверждено исключительное право одного лица на землю, т. е. на Великобританію?»

Какимъ образомъ возвратить землю народу? Блэтчфордъ противъ простой конфискаціи и полагаетъ, что по отношенію къ лэндлордамъ долженъ быть примѣненъ тотъ же принципъ, какъ и къ изобрѣтателямъ. «Изобрѣтатели, которые, по мнѣнію экономиста Mallock, создали три четверти національныхъ богатствъ Англіи, получаютъ доходы отъ своихъ патентовъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Почему не ограничить тѣмъ же срокомъ частное право на землю? Пусть землевладѣлецъ получитъ выкупъ въ размѣрѣ четырнадцатилѣтней ренты или двадцатилѣтней, если земля была пріобрѣтена въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Это составитъ больше, чѣмъ мы даемъ нашимъ изобрѣтателямъ, которые увеличиваютъ наши національныя богатства, чего не дѣлаютъ лэндлорды» **).

Можетъ ли Англія прокормить 40 мил. своего населенія? Въ этомъ отношеніи Блэтчфордъ безусловно присоединяется къ П. А. Кропоткину, замѣчательная книга котораго «Fields, Factories and Workshops» имѣется и въ русскомъ переводѣ. Знаніе, примѣненное

*) R. Blatchford, „Britain for the British", p. p. 32—59.
**) Ib., p. 61.

свободнымъ человѣкомъ къ землѣ, производитъ чудеса. Англія потребляетъ въ годъ 29 милл. четвертей пшеницы. Средній урожай въ Англіи—28 бушелей или $3^1/_2$ четверти съ акра. Такимъ образомъ, чтобы прокормить всю Англію хлѣбомъ, нужно меньше девяти милліоновъ акровъ земли. Всей земли, годной для обработки въ Англіи и въ Ирландіи—тридцать три милліона акровъ. Другими словами, остаются еще 24 милл. акровъ для выращиванія овощей, разведенія фруктовыхъ садовъ, затѣмъ для травосѣянія. Авторъ «Fields, Factories and Workshops» приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Если землю въ Англіи обрабатывать также, какъ обрабатывали ее тридцать пять лѣтъ тому назадъ, то она могла бы прокормить своими продуктами 24 милл. Если примѣнять ту систему обработки, какъ теперь въ Бельгіи, Англія могла бы прокормить 37 милл. человѣкъ. Но если бы примѣнить ту систему обработки, которая введена теперь въ Ломбардіи или въ Фландріи,—земля въ Англіи могла бы прокормить восемьдесятъ милліоновъ человѣкъ. Блэтчфордъ, вмѣстѣ съ авторомъ «Fields, Factories and Workshops» признаетъ, что «политическая экономія должна занять, по отношенію къ человѣческому обществу, такое же положеніе въ наукѣ, какое занимаетъ физіологія по отношенію къ растеніямъ и животнымъ. Она должна стать *физіологіей общества*. Она должна поставить себѣ цѣлью изученіе потребностей общества и разнообразныхъ средствъ, употребляемыхъ для ихъ удовлетворенія; разобрать, насколько они цѣлесообразны, а затѣмъ—такъ какъ конечная цѣль всякой науки (это высказалъ уже Бэконъ) ея практическое приложеніе къ жизни — заняться извлеченіемъ средствъ удовлетворенія этихъ потребностей, съ наименьшею безполезною тратою труда и съ наибольшею пользою для человѣчества.

Діонео.

„Мы, Балты".

(*Письмо изъ Германіи*).

Есть въ Россіи особая порода людей, которая столько же принадлежитъ Россіи, сколько Германіи. Это люди особыхъ силъ и чудесныхъ превосходныхъ качествъ. Это порода прирожденныхъ господъ и повелителей міра, посланныхъ самою судьбой для командованія остальными народами. Ихъ внѣшнія и внутреннія свойства столь замѣчательны, что на нихъ надо остановиться болѣе подробно.

По внѣшности это герои, описанные еще Тацитомъ: «чудные голубые глаза, рыжевато-бѣлокурые волосы и мощныя тѣла, приспо-

собленныя къ дикому бою». И въ томъ же стилѣ описываетъ этотъ типъ одинъ изъ талантливыхъ питомцевъ остзейскаго края: «крупный мужчина могучаго роста, бѣлокурый, голубоглазый. Онъ встрѣчаетъ васъ съ изысканной любезностью, но вы сейчасъ же замѣчаете въ немъ, что онъ въ теченіе своей жизни привыкъ повелѣвать. Эти мужи, которые выросли на уединенномъ дворѣ своего отца въ качествѣ господскихъ дѣтей и съ раннихъ лѣтъ учились гарцовать на конѣ и обращаться съ ружьемъ, совершенно естественно обладаютъ очень сильнымь чувствомъ самоуваженія. Не ихъ дѣло повиноваться, не ихъ дѣло работать съ другими плечо къ плечу». Однако такой храбрый мужчина не только презираетъ работу и умѣетъ «повелѣвать». Онъ еще обладаетъ особымъ «упрямствомъ господина» и «очень сильнымъ чувствомъ сословнаго превосходства». Онъ высоко цѣнитъ преимущества своей высокой, избранной расы, онъ избѣгаетъ унижающаго его сообщества различныхъ худородныхъ особъ и, если допускаетъ къ своей персонѣ духовное лицо, то только при томъ условіи, что «оно и его супруга происходятъ изъ хорошей семьи и обладаютъ безупречными манерами». Одной лишь благородной страстью одержимъ этотъ тацитовскій герой, потомокъ великолѣпныхъ тевтоновъ древняго міра. Волки, зайцы и лисицы захватываютъ его со всей страстью Арминія, и на поляхъ, предоставленныхъ исключительно его державному господству, онъ съ «великой страстью» преслѣдуетъ четвероногихъ, воскрешая тѣмъ преданія тевтобургскаго лѣса.

Господинъ «Божіей милостью», онъ умѣетъ быть нѣжнымъ къ слабому полу, къ своей вѣрной подругѣ, которая также «высока ростомъ, очень стройна, бѣлокура и обладаетъ голубыми глазами». «Зачастую она очень красива, хотя ея худощавый обликъ отнюдь не соотвѣтствуетъ идеаламъ австрійца или баварца. Со своимъ мужемъ живетъ она почти безъ исключеній въ счастливѣйшемъ бракѣ и по большей части весьма богата дѣтьми. Дюжина дѣтей, это—общее правило, не рѣдко имѣется и больше, встрѣчаются и по полторы дюжины». И при всемъ томъ эти женщины часто бываютъ «образованнѣе ихъ мужей и всегда имѣютъ больше духовныхъ интересовъ». Не удивительно далѣе, что при такомъ количествѣ дѣтей эти представительницы высшей расы обладаютъ «большимъ мужествомъ и рѣшимостью». «Воспитаніе дѣтей въ такой семьѣ полное любви, но очень строгое». Вся семья не только благочестива, но и «церковно настроена».

Таково это «аристократическое общество» «балтійскихъ германцевъ», во всѣхъ слояхъ котораго на первомъ мѣстѣ стоитъ «происхожденіе и девизъ—этимъ я обязанъ своему имени!» «Имя является для нихъ почетнымъ щитомъ, происхожденіе играетъ рѣшающую роль». «Изъ этого образа мысли выростаетъ много

дѣйствительнаго благородства, которое встрѣчается во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества!» Такъ рисуетъ своихъ балтовъ восторженный поэтъ «нѣмецкой жизни въ балтійской странѣ» г. Пантеніусъ *) изъ Берлина, который твердо надѣется, что благородная раса устоитъ въ своей борьбѣ противъ «всеотрицающихъ духовъ» и «побѣдоносно выйдетъ изъ борьбы съ соціалистами среди латышей».

Прекрасная, благородная, высоко-благородная раса! Настолько благородная, что, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Пантеніусъ, баронъ на письмахъ даже не подписывается барономъ, ибо, когда онъ ставитъ свое имя, «само собою разумѣется», что онъ «не можетъ не быть барономъ».

Если-бъ мы стали теперь искать господствующей добродѣтели среди этой аристократіи, переброшенной непостижимымъ чудомъ изъ глубины тринадцатаго вѣка въ двадцатый, то, конечно, намъ первымъ дѣломъ пришлось бы остановиться на «вѣрности» или «Treue», этой основѣ средне-вѣкового феодализма «божескаго царства» и кулачнаго права. На «вѣрности» была основана крѣпость несчастнаго голоднаго крестьянства феодальному господину, на вѣрности держалась связь между вассаломъ и сюзереномъ, и даже самъ Господь Богъ былъ только небеснымъ феодальнымъ владыкой, съ которымъ узами вѣрности были связаны и закованный въ латы аббатъ, и гоняющій волков, и медвѣдей епископъ. И если эта вѣрность не помѣшала ни крестьянскимъ войнамъ, ни кровавымъ междуусобіямъ въ средніе вѣка, то тѣмъ болѣе мы готовы найти эту вѣрность среди новыхъ рыцарей балтійскаго края, воскресившихъ у насъ всѣ красоты феодальнаго аристократизма.

И дѣйствительно, мы находимъ ее, эту пресловутую «вѣрность», какъ лучшее украшеніе баронскихъ добродѣтелей. И даже, что самое замѣчательное, не одну вѣрность а цѣлыхъ двѣ, вѣрность двухстороннюю или двоякую, вѣрность удвоенную и, такъ сказать, параллельную. И не одинъ изъ балтовъ, взывающихъ теперь за поддержкой къ своимъ велико-германскимъ братьямъ, не упускаетъ случая на ряду съ проклятіями Побѣдоносцеву и русскому всеразъѣдающему нигилизму воспѣть эту вѣрность. Ей посвящаются цѣлыя брошюры, на манеръ преподобнаго пастора Оскара Ундрица **), она составляетъ припѣвъ стихотвореній, посвященныхъ балтійскому отечеству Леопольдомъ Шрёдеромъ ***), ее, нако-

---

*) H. Panteniys, Deutsches Leben im baltischen Lande. (Въ сборникѣ „Die deutschen Balten" 1905 г подъ редакціей A. Geiser).

**) Oskar Undritz. Treu zu Kaiser und Reich! Reval 1905.

***) Sie hilten dem Deutschen, dem Russen die Treu,
Sie haben die Treue recht gewahrt
Zu Ruhm und Ehre der deutschen Art!

(Leopold von Schroeder. Baltischen Heimat Trutz und Trostlieder. München 1906).

наконецъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ тотъ же проф. Шрёдеръ въ своей статьѣ «О гибели германцевъ въ балтійской странѣ». По его словамъ, «балтійско-нѣмецкіе братья» явились именно «мучениками своей двойной вѣрности», за нее наказаны они возстаніемъ на своей родинѣ. «Вѣрность и опять-таки вѣрность была двойной трагической виною нѣмцевъ въ остзейской странѣ. Вѣрно держались они за свой германизмъ, вѣрно лелѣяли они его—эти гордые дворянскіе роды такъ же, какъ бюргеры старыхъ ганзейскихъ городовъ, такъ же какъ учителя, пасторы и всѣ другіе... Благословенія нѣмецкой культуры несли они на востокъ и щедро одаряли ею Россійскую Имперію, къ лучшимъ гражданамъ которой они причислялись». И съ этой нѣмецкой вѣрностью сочетали они другую вѣрность, вѣрность чисто русскую: «будучи вѣрными своему германизму, вѣрны были они также русскому царствующему дому», и эта русская вѣрность была въ то же время «чисто нѣмецкой вѣрностью, ленной вѣрностью, вѣрностью вассальнаго послушанія, которая вполнѣ сочеталась съ другою вѣрностью». И не смотря на то, что свыше эта вѣрность не была оцѣнена и даже, наоборотъ, «была поставлена имъ на видъ, какъ преступленіе», «тѣмъ не менѣе они—эти единственные надежные элементы государственнаго порядка въ тѣхъ областяхъ—они крѣпко держались той вѣрности, которой они были обязаны императору и имперіи». И вотъ латыши и эсты именно «эту вѣрность поставили имъ въ упрекъ», стали убивать и грабить нѣмцевъ и гнать ихъ изъ страны! Такъ «двоякая вѣрность стала ихъ преступленіемъ, двойная вѣрность—была ихъ виною» *)...

Для начала этого достаточно. Передъ нами загадка, которая невольно интригуетъ. Предъ нами великолѣпная сверхъчеловѣческая порода, падающая жертвою своихъ добродѣтелей. «Germanendämmerung»—что-то въ родѣ гибели вагнеровскихъ боговъ! Благородныя сердца, дышущія вѣрностью и вмѣстѣ разорванныя ею. Подвигъ культурнаго просвѣщенія востока и черная неблагодарность за него! Русскій царь и германское начало, рыцарскіе доспѣхи и россійскій вицъ-мундиръ, а въ концѣ концовъ гибель нѣмецкихъ боговъ, крушеніе балтійскихъ твердынь подъ ударомъ латышско-эстонской революціи! Это ли не трагедія, достойная пера бытописателя и юриста? Это ли не тема, достойная Вильденбруха, воспѣвшаго въ пылкомъ стихотвореніи «балтовъ и ихъ преслѣдователей»?

Обратимся, однако, къ тѣмъ безчисленнымъ брошюрамъ, которыя выброшены теперь балтійскими братьями на велико-германскій рынокъ, и попробуемъ возстановить подлинную картину балтійской добродѣтели, какъ ее рисуютъ сами мученики двойной

*) Leopold von Schroeder. Germanendämmerung im Baltenlande. (Die deutschen Balten, München, 1906).

вѣрности, столь живо напоминающей двойную же «Булгаринскую» присягу. Начать намъ придется съ того чудеснаго рая, который рисуютъ намъ балты въ своемъ, еще столь недавнемъ прошломъ.

I.

Эсто-латышская идиллія.

Какъ извѣстно, начало балтійскаго блаженства относится къ тому счастливому времени, когда въ половинѣ XII в. нѣмецкіе культуртрегеры, движимые корыстью и христіанскими чувствами, попали въ устье Двины и рѣшили насадить тамъ христіанство. Въ этомъ святомъ предпріятіи помогли имъ добрые нѣмецкіе рыцари которые не преминули испытать силу меча и креста на языческихъ черепахъ ливовъ, семигаловъ, латышей, куровъ и эстовъ. Дикари, промышлявшіе звѣроловствомъ и разбоемъ, не безъ основанія находили, что богъ Перкунъ съ братіей гораздо лучше подходитъ къ пролитію человѣческой крови, чѣмъ католическій Христосъ, тѣмъ болѣе, что Перкунъ не требуетъ ни уплаты десятины, ни отчужденія земель въ пользу своихъ почитателей. Тогда рѣшено было испытать силой оружія, что крѣпче и сильнѣе: латышскіе боги и копья, или рыцарскіе доспѣхи, увѣнчанные крестомъ. Христіанскій «богъ» обладалъ, однако, не только силой, но и запасами вооруженныхъ разбойниковъ въ Европѣ и хитростью, которая дѣйствовала лучше, чѣмъ языческія копья. Соединяясь съ одними язычниками противъ другихъ и помогая то эстонцамъ грабить латышей, то латышамъ — эстонцевъ, нѣмецкіе «рыцари креста Господня» сумѣли забить каменный клинъ между отдѣльными племенами «варваровъ», а въ концѣ концовъ уничтожить одну за другой деревянныя крѣпостцы латышей. Путемъ кровопролитныхъ и звѣрскихъ боевъ, путемъ безжалостнаго истребленія язычниковъ и постояннаго подвоза свѣжихъ силъ изъ христіанской Германіи было сломлено, наконецъ, отчаянное сопротивленіе инородцевъ, а они сами и ихъ земли были отданы въ жертву католическимъ попамъ, купцамъ-пиратамъ и монашествующимъ рыцарямъ уже не однихъ меченосцевъ, но и соединившагося съ нимъ тевтонскаго ордена. Вполнѣ естественно, что послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ балтійскій публицистъ, нѣмцы представлялись латышамъ «прекрасными, какъ боги», и даже своего громовержца Перкуна эти язычники не могли представить себѣ въ болѣе сіяющемъ образѣ, чѣмъ блистающій вооруженіемъ рыцарь на конѣ. И наивные дикари съ тѣхъ поръ не иначе называли нѣмца, какъ «Rungs» или «государь», или какъ «deewedehls»—«сынъ Божій» *).

*) I. Von Dorneth. Die Letten unter den Deutschen im Baltenlande. Leipzig und Hannover.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на исторіи блестящихъ подвиговъ «сыновъ Божіихъ» въ балтійской странѣ, этой «старѣйшей» нѣмецкой колоніи. Любителей героическаго эпоса мы отсылаемъ непосредственно къ выше цитированному нами г. фонъ-Дорнетъ, къ профессору фонъ-Роланду, къ профессору Мюлау, къ пастору фонъ-Тилингу *) и т. п. апостоламъ балтійской культуры Здѣсь достаточно будетъ привести заключеніе, которымъ снабжаетъ свою повѣсть о покореніи латышей и нѣмцевъ г. фонъ-Дорнетъ: «то обстоятельство, что для небольшой кучки нѣмцевъ вообще оказалось возможнымъ удержаться въ срединѣ негостепріимной и населенной сотнями тысячъ дикихъ язычниковъ страны и побѣдоносно закончить борьбу за владычество по Двинѣ на востокъ вплоть до Эмбаха, а на западъ далеко за Виндаву и Абаву,—это обстоятельство надо въ концѣ концовъ приписать тому основанію, что они боролись, какъ представители высшей культуры, а также, какъ апостолы такой религіи, которая, хоть и проповѣдывалась въ извращенной формѣ и глубоко унижалась въ своихъ представителяхъ, однако по своему духу была предназначена къ тому, чтобы покорить міръ». Итакъ, по мнѣнію почтеннаго балта, при завоеваніи балтійскаго края восторжествовала далеко не грубая сила или хитрость надъ первобытнымъ мужествомъ латышскихъ и эстонскихъ звѣролововъ, нѣтъ, въ лицѣ нѣмецкихъ побѣдителей это «былъ духъ, который побѣдилъ матерію»! И словно для того, чтобы еще лучше оттѣнить глубокую иронію своихъ словъ, нашъ писатель приводитъ слѣдующій стишокъ современнаго событіямъ хроникера:

„Сожжена была Сыдобра,
Вся страна раззорена,
И никто сказать не могъ бы,
Что тамъ прежде жизнь цвѣла" *).

Можно сказать, чисто сдѣлалъ «духъ» свое дѣло надъ «матеріей»! Однако онъ былъ еще настолько разсчетливъ, что достаточное количество «матеріи» оставилъ для закрѣпощенія нѣмецкимъ «сынамъ Божіимъ». Правда, куры и ливы не выдержали таки вліянія рыцарскаго «духа» и скоро вымерли совсѣмъ. Латыши и эстонцы, однако, уцѣлѣли и составили то человѣческое стадо, на которомъ процвѣли прирожденные господа тацитовскаго склада. И съ тѣхъ поръ, не смотря на временные перерывы, вслѣд-

*) W. von Rohland, Das baltische Deutschtum, Leipzig, 1906. Mühlau, Die Ostseeprovinzen Russlands und ihre deutsche Kultur, Kiel, 1906. Wilhelm v. Tiling, Das Leben und Leiden der Deutschen im Russischen Reiche, besonders in den Ostseeprovinzen, Cassel, 1906.

**) Dô sydobro wart verbrant,
Dô wart verwüstet wol daz lant,
Ez hörte nie kein man gejêhn (sagen),
Daz es da vor ie were geschen.

(Reimchronik).

ствіе войнъ съ литовцами, поляками и русскими, началась «культура».

Это была во-истину трудная работа. И латыши, и эстонцы оказались весьма мало способными, даже по просту никуда негодными учениками! Даже теперь, послѣ семи вѣковъ самой настойчивой «нѣмецкой» выучки, проф. Роландъ утверждаетъ, что «ни эсты, ни латыши не создали никакой своей собственной культуры, достойной этого наименованія». Правда, другой нѣмецкій писатель полагаетъ, что если «латыши никогда не играли никакой исторической роли», то отчасти причиной этого является и «очень раннее покореніе ихъ нѣмцами». Однако и этотъ послѣдній авторъ утверждаетъ, что главною причиной здѣсь должно считать «самую природу латышей, у которыхъ совершенно отсутствуетъ національная гордость, этотъ существенный факторъ для основанія государства». «Чули» или Слабышами даже называли будто бы латышей ихъ сородичи изъ сосѣдней области, которые считали себя настоящими леттами или латышами. Латышъ—существо «подвижное, легко относящееся къ жизни, способное къ наукѣ, но ненадежное». И хотя этой народности свойственно прилежаніе, старательность и даже нѣкоторое «дарованіе», однако латышъ не обладаетъ «собственной продуктивностью и научной проницательностью»; у него есть даже большая «выносливость» и «цѣпкость», но нѣтъ совсѣмъ способности сдѣлать что-нибудь свое изъ пріобрѣтенныхъ имъ «познаній». Онъ воспринимаетъ, но не творитъ, и нуждается въ чуждомъ господствѣ и руководствѣ. Къ такимъ же результатамъ приходятъ балты и относительно эстонцевъ. «Эстонецъ тяжеловѣсенъ, крѣпко держится за традиціи, трудно доступенъ чужому вліянію, но за то на него можно положиться». Культура эстонцевъ такъ же, какъ и латышей, далеко уступаетъ нѣмецкой; «всѣмъ, чѣмъ сдѣлались латыши и эсты, они обязаны въ существѣ только нѣмцамъ». «Такіе маленькія народности, какъ они, могутъ при помощи своихъ силъ достичь только извѣстнаго средняго уровня культуры». «Они нуждаются въ присоединеніи къ одной изъ великихъ націй». И даже теперь ни латыши, ни эсты «совершенно не обладаютъ въ достаточномъ размѣрѣ необходимыми духовными силами». Нечего говорить въ виду этого о прошломъ; и если эстонцы создали еще свой народный эпосъ подъ названіемъ «Kalewipoeg», то латыши ограничились за все время немногими лирическими стихами *).

Какъ видно, судьба, словно нарочно, создала латышей и эстонцевъ для чужой націи, для просвѣщеннаго руководства и вос-

*) I. von Dorneth. B. H. C. Prof. von Rohland в. н. с. Prof. F. Mühlau в. н. с. Wir Balten! Keine nuzeitigemässen Betrachtungen über das Deutschtum in den Ostseeprowinzen. Сборникъ подъ редакціей von Egon Fr. Kirschstein und Valerian Tormius. Leipzig, 1906.

питанія со стороны германскихъ господъ. Но корни ученія горьки, и лишь плоды его вознаграждаютъ впослѣдствіи за жертвы, приносимыя наукѣ. И тутъ нужно отмѣтить дурныя черты прибалтійскихъ туземцевъ. Не смотря на свое, такъ сказать, предрасположеніе къ нѣмецкой наукѣ, они тѣмъ не менѣе упорно сопротивлялись благодѣтельной власти и за горечью корней не желали предвкушать всей сладости плодовъ.

Уже съ самаго начала въ виду этого «нѣмецкимъ господамъ» пришлось приступить къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ. Въ видахъ разумной педагогики они отняли у туземцевъ всю землю и распредѣлили ее между собою. Двѣ-трети ея досталось отрекшимся отъ міра орденскимъ братьямъ; остальную часть захватилъ рижскій архіепископъ и не менѣе святые отцы въ другихъ епископствахъ. Порядочный кусочекъ откроили себѣ и нѣмецкіе города со своими благочестивыми гильдіями и знаменитымъ союзомъ «черноголовыхъ». Послѣ этого начались «школьныя» занятія въ истинномъ смыслѣ слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, начались также и тѣ отчаянныя возстанія находящихся въ каторжной учебѣ народовъ, которыя привели «къ еще болѣе строгому угнетенію покоренныхъ». Въ срединѣ XIV вѣка возстаніе крестьянъ въ сѣверной эстонской части страны «грозило нѣмцамъ полнымъ уничтоженіемъ. И тогда, говоритъ профессоръ Шиманъ, были выжжены замки господъ и сами господа, гдѣ только они попадались въ одиночку, подвергались смерти. Однако и тогда уже нѣмцы овладѣли возстаніемъ, замки свои выстроили вновь, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ крѣпко обосновали нѣмецкое владычество, что больше уже возстаній не повторялось»... Да, правду говоритъ почтенный ученый-балтъ, украшающій своимъ именемъ страницы юнкерско-прусскаго оффиціоза: крѣпко забили нѣмцы окровавленные колья въ грудь латышей и эстонцевъ; такъ крѣпко, что не безъ нѣкоторой стыдливости упоминаетъ одинъ изъ нашихъ балтійскихъ источниковъ о томъ, что «были, конечно, совершены жестокости и звѣрства надъ латышами со стороны властвующихъ нѣмцевъ, а именно, въ средніе вѣка»; и не безъ нѣкоторой ироніи упоминаетъ другой авторъ о тѣхъ временахъ, когда «латышъ долженъ былъ сослужить своему господину тяжелую службу»... Но все это объясняется очень легко. «Это коренилось въ условіяхъ самаго времени, благодаря которому при воспитаніи въ равной степени какъ дѣтей, такъ одинаково и народовъ розга значила больше, чѣмъ просвѣщеніе». Розга, такимъ, образомъ, дополняла собою устойчивость и силу нѣмецкаго владычества, и не удивительно послѣ этого, что балтійскіе туземцы скоро втянулись въ ярмо подъ кнутомъ прирожденныхъ господъ, и на тугихъ возжахъ «жестокости звѣрства» двинулась быстрымъ ходомъ балтійско-нѣмецкая культура *).

---

*) Theodor Schiemann. Die baltischen „Rittenschaften (Въ сборникѣ).

Прелести водворявшагося затѣмъ парадиза балтійскіе публицисты описываютъ слѣдующими чертами. Подъ благодѣтельнымъ бичемъ нѣмецкихъ феодаловъ латыши и эсты произвели настоящія чудеса. На первыхъ же порахъ «народъ началъ, подъ руководствомъ нѣмецкихъ господъ, все болѣе и болѣе расчищать лѣса, высушивать болота, расширять хлѣбопашество, умножать скотъ и улучшать жилища». И не только въ мирныя времена и, такъ сказать, въ обычной нормѣ производили рабы эту работу для господъ. Напротивъ того, каждая война господъ и каждое новое опустошеніе остзейскаго края требовало отъ нихъ новой экстренной работы и новыхъ усилій къ возстановленію господской благодати. Такъ, «когда XVI вѣкъ принесъ 24 хъ-лѣтнюю войну для балтійскаго края, она разрушила все, что было создано трехсотлѣтнимъ трудомъ вплоть до городскихъ стѣнъ». Однако немедленно послѣ того, «какъ погасъ огонь разрушенія, за отсутствіемъ горючаго матеріала», снова приступило балтійское дворянство къ «возстановленію разрушенныхъ жилищъ», и это, конечно, оно совершило не своими собственными руками. Снова заработалъ барскій бичъ, а двуногая скотина принялась за свой прежній рабскій трудъ. Это случилось не безъ сопротивленія распущенной массы, но, какъ картинно выражается профессоръ Шиманъ, господа дворяне скоро приступили «къ новому прирученію и культивировкѣ одичалаго крестьянства», и такимъ путемъ возстановили «связи внутренняго сообщества, на которыхъ покоилась жизнь этой нѣмецкой колоніи». И такъ хорошо работали на своихъ баръ, на этихъ «сыновъ божіихъ», «прирученные» и «обкультуренные» туземцы, что, вспоминая объ этомъ, одинъ изъ нашихъ краснорѣчивыхъ балтовъ невольно преисполнился высокихъ чувствъ. Величая латышей въ качествѣ «пѣвучаго народа, богатаго сагами и поэзіей», нашъ авторъ восхваляетъ его «любовь къ природѣ» и говоритъ дальше: «онъ сдѣлался селяниномъ и, въ качествѣ таковаго, онъ заслуживаетъ только похвалы; чего только онъ ни сдѣлалъ изъ песчаныхъ дюнъ, изъ болотъ и топей, которыя еще и теперь покрываютъ большія пространства балтійскихъ провинцій и которыя столѣтія тому назадъ должны были покрывать несравненно большіе участки? Его напряженной работѣ обязаны мы, балтійскіе нѣмцы, хорошимъ состояніемъ земледѣлія. Его рукамъ прежде всего обязано наше дворянство своимъ благосостояніемъ. Этого мы никогда не должны забывать!» *).

И балты этого не забыли. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слова всѣхъ остзейскихъ патріотовъ. Прекрасную формулу имъ даетъ извѣстный балтійскій историкъ докторъ Августъ Серафимъ; она гласитъ: «нѣмцамъ обязано латышское и эстонское населеніе всѣмъ, чѣмъ только обладаетъ»... Для того, однако, чтобы туземцы

*) Dorneth, в. н. с. Schiemann, в. н. с. „Letten und Deutsche" въ сборникѣ „Wir Balten".

обладали дѣйствительно многимъ, были приняты слѣдующія мѣры благожелательства и благопопеченія относительно представителей этой низшей расы.

Прежде всего «орденскіе братья, послѣ захвата остзейскаго края и раздѣла земли между собою, создали такое право, которое должно было на вѣчныя времена закрѣпить за ихъ благороднымъ потомствомъ не только исключительное владѣніе землей, но также и исключительное право охоты, избранія должностныхъ лицъ, изданія законовъ и отправленія правосудія». Этотъ феодализмъ съ теченіемъ времени породилъ «много неустройствъ и недовольства». Однако главной цѣли своей онъ достигъ. Рыцари на свободѣ могли воспитывать въ себѣ качества высшей расы и «приручать» къ разнымъ добродѣтелямъ своихъ подданныхъ. При этомъ проявилась удивительная гармонія между интересами дворянства и сельскаго населенія; и какъ только первое «покрыло свои наиболѣе тяжкія потери, оно съ тѣмъ большимъ жаромъ сбращалось къ задачамъ культуры и гуманности». Особенно эта гуманность сказалась при такъ называемомъ освобожденіи крестьянъ, начавшемся въ остзейскомъ краѣ еще въ 1817—1819 годахъ.

Какъ извѣстно, крѣпостной порядокъ, отдававшій крестьянина въ неограниченное распоряженіе господина, тѣмъ не менѣе обладалъ для помѣщиковъ одной неудобною стороной: баронъ долженъ былъ прокармливать своихъ крестьянъ во время голода и нужды, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ связанъ въ дѣлѣ веденія болѣе интенсивнаго хозяйства значительной наличностью крѣпостныхъ. Гораздо болѣе выгоднымъ поэтому представлялось такое хозяйство, въ которомъ помѣщикъ могъ бы по произволу выбрасывать вонъ работающихъ у него людей, а также въ зависимости отъ хода предпріятія увеличивать число рабочихъ рукъ изъ вольнаго запаса. Переводъ крѣпостныхъ крестьянъ на положеніе свободныхъ батраковъ представлялъ, кромѣ того, еще тѣ выгоды, что этимъ самымъ вырывалась почва изъ-подъ вредныхъ иллюзій о какой-то неизбѣжной связи между землею и вѣками сидѣвшимъ на ней мужикомъ. Освобожденіе крестьянъ, такимъ образомъ, представляло для балтійскихъ бароновъ тѣ же выгоды, какими въ свое время руководились и англійскіе лэндлорды при переходѣ отъ экстенсивнаго къ интенсивному хозяйству. И надо отдать справедливость почтеннымъ нѣмецкимъ баронамъ: они провели дѣло обезземеленія крестьянъ и освобожденія себя отъ какихъ бы то ни было обязанностей по отношенію къ голоднымъ не только съ мудрою постепенностью, но и съ высокимъ благородствомъ.

Какъ говоритъ профессоръ Шиманъ, уже «къ концу XVIII вѣка изъ круга господъ громко раздавались голоса, которые настойчиво указывали на то, это ихъ обязанность вести крестьянъ къ свободѣ». И здѣсь къ эстляндцамъ и лифляндцамъ присоединилось и курляндское дворянство, «которое болѣе напоминаетъ восточно-

прусскихъ нѣмцевъ», и всѣ вмѣстѣ благородные рыцари приняли на себя осуществленіе «этихъ гуманныхъ теченій». И, какъ говоритъ тотъ же авторитетъ. балтійскіе бароны повели крестьянъ къ свободѣ не только по собственной «инниціативѣ», но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма «систематично», «безъ скачковъ и перерывовъ». Они, съ одной стороны, запретили крестьянамъ переселеніе въ города, съ другой—начали воспитаніе крестьянства для свободы путемъ свободныхъ договоровъ съ арендаторами и батраками. По этимъ договорамъ установилось полное господство землевладѣльцевъ надъ ограбленными ими земледѣльцами, а тяжкія натуральныя повинности создали новое крѣпостничество, уже на почвѣ письменнаго контракта. Насколько сладокъ былъ переходъ къ баронской свободѣ, показываетъ тотъ фактъ, что крестьяне во многихъ мѣстностяхъ подняли аграрныя волненія и сдѣлали попытку сильно сопротивляться безземельной свободѣ. Однако, уже тогда русское оружіе пришло на помощь феодаламъ и принудило крестьянъ пойти безропотно въ контрактное рабство. И такъ неблагодаренъ былъ въ то время черный народъ, что, какъ свидѣтельствуетъ одинъ писатель, онъ принялъ «объявленіе свободы, какъ будто бы оно должно было принести ему самыя ужасныя бѣдствія»... На дѣлѣ, конечно, этого не случилось; напротивъ того, дворянство осыпало своихъ подданныхъ новыми благодѣяніями *).

Въ 1847 году были, наконецъ, окончательно отмѣнены связанныя съ «свободнымъ контрактомъ» барщины, и уже въ сороковыхъ годахъ были сдѣланы попытки заставить крестьянъ выкупить у помѣщиковъ отобранную у нихъ помѣщиками же землю. Въ качествѣ такихъ покупщиковъ явились, конечно, тѣ наиболѣе состоятельные крестьяне, которые и до той поры были главными арендаторами крупныхъ помѣщичьихъ усадебъ или мызъ съ прилегавшими къ нимъ участками. Надо вообще замѣтить, что, подобно англійскимъ лэндлордамъ, балтійскіе бароны съ самаго начала сдавали въ аренду преимущественно крупные крестьянскіе дворы, «гезинде», охватывавшіе въ среднемъ отъ 60 до 300 моргеновъ пахатной земли и луговъ.

Такіе крупные арендаторы или «хозяйчики» (Wirt) обыкновенно имѣли двухъ и болѣе женатыхъ батраковъ, при чемъ эти послѣдніе были еще хуже поставлены, чѣмъ батраки самого барона. Такъ создавалась своеобразная іерархія въ средѣ подневольнаго населенія. Въ той части имѣнія, которая обрабатывалась самимъ хозяиномъ, подъ командой управляющаго стояли женатые и холостые господскіе батраки (Hofesknecht). Другая часть имѣнія, состоящая изъ отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ (Gesinde), сдавалась крупнымъ арендаторамъ (Gesindeherr), на которыхъ въ свою очередь работали, какъ на своего хозяина (Wirt), батраки, называемые хозяй-

*) Von Dorneth, в. н. с. Сборникъ Wir Balten, Schieman, в. н. с.

скими батраками (Wirtsknecht). Эти послѣдніе дополнялись еще различными мелкими арендаторами и половниками. Когда въ 1863 году было разрѣшено выкупать у помѣщиковъ земли, то этимъ могла воспользоваться только указанная выше крестьянская аристократія, которая обыкновенно и выплачивала вмѣстѣ съ арендной платой стоимость земельнаго участка по средней оцѣнкѣ за двѣнадцать предшествующихъ лѣтъ; при этомъ предполагалось, что аренда является уплатою 5°/₀ со стоимости выкупаемаго двора. Самый капиталъ уплачивался въ теченіе 25 - 50 лѣтъ въ полномъ объемѣ или же въ болѣе долгій срокъ ежегодными взносами отъ 30 до 100 рублей серебромъ. Не лишнее прибавить, что помѣщики, продавая крестьянамъ ихъ усадьбы, въ то же время удержали за собой въ полномъ объемѣ лѣсныя угодья и тѣмъ самымъ поставили крестьянъ собственниковъ въ полную зависимость отъ себя, такъ какъ безъ согласія барона крестьянинъ не могъ вывезти изъ лѣсу ни одной щепки.

Неблагодарные крестьяне и эти новыя благодѣянія встрѣтили не только неудовольствіемъ, но заявленіемъ самаго положительнаго протеста. Условія пріобрѣтенія земли, отнятой у нихъ помѣщиками, представлялись имъ далеко не соблазнительными, тѣмъ болѣе, что доступъ къ землѣ получили одни богатѣи-хозяйчики. Однако въ одномъ не ошиблись бароны: выкупленныя сельскими кулаками усадьбы стали быстро процвѣтать за счетъ труда обезземеленныхъ батраковъ. И балты не безъ пафоса называютъ указанную реформу «благословеніемъ» для балтійскаго крестьянства. «Расцвѣтъ крестьянскаго благосостоянія доставилъ слишкомъ достаточныя доказательства гуманнаго безкорыстія балтійскихъ дворянъ, проявленнаго при введеніи реформъ» *)...

Не этимъ ли удивительнымъ безкорыстіемъ балтійскаго дворянства объясняется и тотъ фактъ, отмѣченный однимъ изъ нашихъ изслѣдователей, что глубокая скорбь характеризуетъ собою латышскія народныя пѣсни, звучащія подобно «печальному звону колоколовъ»? Не потому ли въ этихъ пѣсняхъ постоянный разговоръ съ природой, «постоянное сравненіе своихъ стремленій и страданій съ ея вѣчною мукой», не потому ли «часто однѣ лишь жалобы и слезы составляютъ содержаніе этихъ пѣсенъ», а «меланхолія почти исключительно господствуетъ въ ихъ общемъ настроеніи»?

Увы! слезы эстонцевъ и латышей не слезы радости и умиленія передъ господской милостью и безкорыстіемъ. Сломленные силой оружія въ началѣ, побѣжденные много разъ послѣ безуспѣшныхъ возстаній, покоренные нѣмцами, народы менѣе всего были способны чувствовать благодарность къ своимъ угнетателямъ, которые, стоя на плечахъ «низшей» расы, думали только о себѣ, о своихъ узкихъ классовыхъ интересахъ, только для себя создавали великолѣпные

*) Dornett, в. н. с. Сборникъ Wir Balten. Prof. Schiemann, в. н. с.

замки и прекрасные города, богато обставленныя школы и во многихъ отношеніяхъ первоклассный дерптскій университетъ. Не идиллія господствовала въ прибалтійскомъ краѣ подъ властью нѣмецкихъ феодаловъ, а тяжелая трагедія народной темноты и рабства. И на этихъ-то подмосткахъ ставился блестящій спектакль «истинно-нѣмецкой», высоко-благородной, высоко-нравственной культуры!

II.

Господа и хамы.

Въ основѣ этой культуры лежитъ твердое и глубоко проведенное различіе между господиномъ и хамомъ, между бѣлой и черной костью.

«Необузданная гордость» это—непремѣнный признакъ «благородныхъ юнкеровъ», которые не только удержали въ своихъ рукахъ неограниченное господство въ краѣ, но и на нѣмецкаго бюргера смотрѣли свысока; «съ величайшимъ превосходствомъ». Еще очень близко то время, когда «нѣмецкій бюргеръ спокойно проглатывать долженъ былъ даже такія оскорбленія со стороны дворянъ, которыхъ не одинъ человѣкъ не можетъ оставить безнаказанными. «Бюргеръ стоялъ ниже достоинства человѣка, вызываемаго на дуэль». И только въ началѣ XIX вѣка удалось бюргерамъ получить право пріобрѣтать на 90 лѣтъ дворянскія имѣнія. Только въ 1860—1870 гг. хоть нѣсколько были смягчены главнѣйшія привилегіи дворянъ. Еще менѣе, конечно, «сознавало балтійское дворянство всю важность своего крѣпкаго единенія съ нѣмецкими литератами» или, другими словами, съ нѣмецкой интеллигенціей. До конца XIX вѣка удалось, такимъ образомъ, балтійскимъ феодаламъ удержать почти въ полной неприкосновенности законченный строй средневѣковаго порядка *). Въ виду этого, до послѣдняго времени страна управлялась цѣликомъ, а въ настоящее время управляется преимущественно одними лишь крупными землевладѣльцами, которые держали все такъ называемое «самоуправленіе» въ своихъ рукахъ. Таково было это основаніе нѣмецкой культуры, построенное на почвѣ нѣмецко-дворянскаго верховенства; его организацію профессоръ Шиманъ очень мило называетъ «дворянскими корпораціями съ все возростающими правами самоуправленія и все повышающимися обязанностями опеки надъ крестьянствомъ»!

До какой степени проникло феодальными традиціями все балтійское «общество», показываетъ уже тотъ фактъ, что въ балтійскихъ городахъ гильдіи сохранили до 1878 г. не только свое средне-вѣковое устройство, но и полное господство надъ ремеслен-

*) V. Rohland, в. н. с. Сборникъ „Wir Balten", статья „Der baltische Adel"; von Dorneth, в. н. с.

ными цехами. Во всей Германіи уже съ самыхъ раннихъ временъ цехи были уравнены съ торговыми гильдіями. Въ одномъ лишь остзейскомъ краѣ города умудрились въ XX вѣкѣ удержать порядки XIII столѣтія, и только русское городовое положеніе принесло въ этотъ край ненавистный балтамъ «демократическій» духъ.

Восхваляемый балтійскими писателями «консервативный смыслъ» мѣстнаго нѣмецкаго общества сочетался, по словамъ мѣстныхъ же наблюдателей, съ высокомѣрной «нетерпимостью» и съ «воспитаннымъ вѣками презрѣніемъ къ лицамъ, ниже стоящимъ въ общественномъ отношеніи». Все нѣмецкое общество отличается «полнымъ непониманіемъ латышскаго и эстонскаго народа». «Рѣзкая граница, правда, раздѣляетъ литерата и купца, крупнаго и мелочного торговца; но наиболѣе рѣзкой является граница между нѣмецкимъ обществомъ, съ одной стороны, эстонскимъ и латышскимъ—съ другой; и еще недавно обществомъ считалось только нѣмецкое, но никакъ не эстонское и латышское... Здѣсь никакъ не могли забыть человѣку, что онъ произошелъ изъ крестьянскаго сословія... Таковъ результатъ столѣтнихъ традицій, таковъ плодъ всего общественнаго воспитанія» *)...

И великолѣпно, можно сказать, характеризуетъ отношеніе нѣмцевъ къ эстонцамъ и латышамъ напыщенное стихотвореніе фонъ-Вильденбруха, гдѣ онъ поэтически формулируетъ причины ненависти туземцевъ къ ихъ господамъ. Описывая

„Часъ мрачнѣйшій уже омраченнаго дня",

который

„Вдругъ изъ времени нѣдръ народился",

нашъ поэтъ рисуетъ ужасную минуту, когда

„Изъ глубинъ человѣчества вой по землѣ:
„Благороднаго бейте" разлился.

Изображая далѣе причины такого «воя», который издаютъ неблагородные латыши и эстонцы, Вильденбрухъ вкладываетъ имъ въ уста слѣдующую обвинительную рѣчь противъ «благороднаго» человѣка—Adelsmenschen,—воплощеннаго въ балтахъ:

„Онъ и къ солнцу вѣдь ближе стоитъ, чѣмъ всѣ мы,
Говоритъ онъ съ звѣздами и съ небомъ.
Совлеките его поскорѣе съ горы,
Пусть забудетъ онъ путь къ божьимъ ведамъ!

Но балтійскій баронъ виновенъ не только въ томъ, что онъ,

---

*) Constantin Mettig. Deutschbaltischen Städte und deutschbaltisches Bürgertum (Die deutschen Balten). Сборникъ Wir Balten, статья Gesellschaft und geselliges Leben.

говоря словами Пушкина, «съ волей небесною друженъ», чего по своей необразованности не могутъ достичь туземные дикари. Нѣтъ, къ умѣнью примоститься ближе къ солнцу (не нашъ ли это дворъ?) здѣсь присоединяется еще невыносимое великодушіе, отъ котораго прямо свирѣпѣютъ облагодѣтельствованные:

„Онъ сказалъ намъ: „Придите, языкъ мой богатъ,
Подѣлюсь я охотно имъ съ вами",
Онъ сказалъ намъ: „Придите, кто раненъ и нагъ,
Я своими спасу васъ дарами".
И онъ далъ намъ лѣкарство и далъ намъ онъ хлѣбъ,
Научилъ насъ, какъ двигаться къ свѣту,
Будь онъ проклятъ—съ познаніемъ ужасныхъ судебъ,
Что людей одинаковыхъ нѣту!
Не хотимъ мы того, не должно того быть,
Все одна человѣчества масса,
Благородныхъ въ грязи станемъ мы волочить,
Хочетъ быть выше насъ эта раса"!

Такъ рисуетъ *) превыспренній Вильденбрухъ отношеніе «благородныхъ» балтійскихъ людей къ тамошнимъ же неблагороднымъ людямъ. Комментаріи къ нарисованному имъ образу божественнаго остзейскаго феодала излишни; изъ каждой строчки архи-дворянской оды дышетъ прямо чудовищное высокомѣріе средневѣковаго сеньера. Намъ важно отмѣтить эту черту нашихъ балтовъ не только для того, чтобы достойно оцѣнить ее, но и для того, чтобы отмѣтить одинъ изъ ея результатовъ. Глубокое презрѣніе бароновъ, а съ ними и всего нѣмецкаго общества, къ туземцамъ имѣло важное значеніе для неуспѣха германизаціи края.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ единогласно отмѣчаютъ наши источники, теперешнее крушеніе нѣмецкаго владычества въ краѣ было бы совершенно невозможно, если бы за 700 лѣтъ нѣмецкаго господства латыши или эстонцы были германизованы. И это, конечно, было далеко не особенно трудно. Какъ ни какъ, а все же нѣмцы обладали высшей культурой во время завоеванія этого края, и здѣсь легко могла повториться исторія полабскихъ и померанскихъ славянъ, Ройанскаго царства (на Рюгенѣ) и другихъ «нѣмецкихъ» колоній. И это признаютъ сами нѣмцы. Однако этого не случилось; наоборотъ, латыши и эсты не только сохранили въ цѣлости свой языкъ и народность, но даже выбили германскій элементъ изъ всѣхъ его позицій, сняли его съ своей шеи послѣ семивѣкового рабства.

Какъ это случилось? Какъ былъ возможенъ такой удивительный крахъ «гегемоніи» нѣмцевъ въ краѣ, гдѣ они болѣе полутысячи лѣтъ были абсолютными, неограниченными господами, вла-

---

*) Мы передаемъ здѣсь въ русскомъ переводѣ начало уже цитированнаго нами стихотворенія фонъ-Вильденбруха: „Die Balten und ihre Verfolger" въ сборникѣ „Die deutschen Balten".

дыками надъ жизнью и смертью покореннаго населенія? Что сталось съ германской «культурой», о которой такъ кричатъ изгнанные изъ насиженныхъ гнѣздъ балты?

Все дѣло въ томъ, что та культура, которой пользовались сами нѣмцы, отнюдь не была предназначена для низшей покоренной расы: «между господствующими и подвластными существовала стѣна, которая теперь для насъ непонятна, однако исторически должна быть признана существовавшей». И если нѣмецкой была школа, нѣмецкимъ было судопроизводство, нѣмецкой была церковь, то все это по существу не касалось ни латышей, ни эстонцевъ, такъ какъ по общему правилу они стояли ниже всѣхъ этихъ учрежденій, предоставленныхъ для господъ. Правда, у черного народа была своя юстиція и свои особыя школы; и когда церковь желала быть понятой массой населенія, она обращалась къ нему на его родномъ языкѣ, но этимъ дѣло и ограничивалось. Нѣмцы, съ одной стороны, эстонцы и латыши—съ другой таковы были двѣ отдѣльныхъ націи, которыя жили другъ возлѣ друга, но которыхъ соединяло только одно: эксплуатація, съ одной стороны, и порабощеніе—съ другой. И какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ балтовъ, «принципъ германизаціи латышей потому совершенно не былъ осуществленъ, что у нѣмцевъ не имѣлось никакой связи съ народомъ, и они слишкомъ мало заботились о его своеобразныхъ чертахъ». «Обѣ націи стояли другъ противъ друга совершенно чужими», и, не смотря на то, что онѣ самымъ «уютнымъ» образомъ жили другъ возлѣ друга, онѣ полны были взаимнаго «презрѣнія», которое латышъ скрывалъ подъ маской лести, а баринъ явно высказывалъ въ своемъ отношеніи къ крестьянину, какъ къ Иванушкѣ-дурачку, «dummer Aujust» *).

Такова истинная причина неудачи балтійской германизаціи. По просту говоря, нѣмцы считали «ниже своего достоинства» германизовать такую двуногую скотину, какою въ ихъ глазахъ представлялись латыши; какъ говоритъ проф. Роландъ, «нѣмецкое дворянство въ деревнѣ и нѣмецкое бюргерство въ городахъ смотрѣли на латышей сверху внизъ и считали ихъ недостойными того, чтобы сдѣлаться нѣмцами, равными имъ самимъ». Въ неуспѣхѣ германизаціи виновны, кромѣ того, по мнѣнію Роланда, съ одной стороны—«благородство» нѣмцевъ, которые допускали только добровольное онѣмечиваніе, а съ другой—та особенность нѣмецкой расы, что она относится къ германизаціи чужихъ народностей частью съ «равнодушіемъ», частью съ «недостаткомъ пониманія». Къ этимъ причинамъ проф. Гарнакъ и г. Меттигъ присоединяютъ еще ту, что въ остзейскій край совершенно не переселялись нѣмецкіе крестьяне. Въ виду же этого «смѣшеніе нѣмцевъ съ туземцами не

---

*) Prof. Mühlau, в. н. с., Сборникѣ Wir Balten, статья Letten und Deutsche.

могло бы совершиться безъ опасности потери нѣмцами ихъ національности» *). Насколько основательны всѣ эти причины, мы можемъ убѣдиться изъ разсмотрѣнія балтійской высокоблагородной культуры.

У нея, какъ и слѣдовало ожидать, двѣ стороны, или два конца, логически вытекающихъ изъ общаго ея основанія, а именно, феодализма, основаннаго на завоеваніи одной народности другою.

Въ составѣ высокоблагородной культуры заключается въ силу этого не одна, а двѣ культуры: одна для хамовъ, другая для господъ. И та, и другая, однако, одинаково основаны на началахъ средневѣковой традиціи феодальнаго преклоненія передъ авторитетами.

Основнымъ китомъ, на которомъ держится балтійская культура, является чувство китайскаго преклоненія передъ всѣмъ старымъ, традиціоннымъ, унаслѣдованнымъ и его носителями. Это чувство именуется словомъ, которому нѣтъ равнозначущаго въ русскомъ языкѣ; это — Pietät — піэтетъ. Подъ этимъ чувствомъ въ балтійскомъ обществѣ понимаются «совершенное подчиненіе личности игу старыхъ, заплѣсневѣлыхъ традицій, при чемъ, конечно, совершенно устраняется отвѣтственность за собственныя дѣянія». Подобный піэтетъ «необходимо ведетъ къ порабощенію болѣе слабыхъ индивидовъ», особенно нуждающихся въ «авторитетѣ». Въ томъ обществѣ, въ которомъ все основано на этомъ принципѣ, «развитіе оказывается если не прямо исключеннымъ, то чрезвычайно затрудненнымъ». Отдѣльныя личности, возстающія противъ теченія, скоро смиряются и отказываются отъ своихъ стремленій. Благодаря своему піэтету, «балтійское дворянство совершенно такъ же живетъ сегодня, какъ оно жило сто лѣтъ назадъ. Дѣти воспитываются въ духѣ этого отношенія къ унаслѣдованному и съ величайшей заботой охраняются и удерживаются отъ всякаго соприкосновенія съ людьми, стоящими ниже ихъ на общественной лѣстницѣ». «Такимъ образомъ, юныя поколѣнія дворянства находятся въ состояніи полнѣйшей слѣпоты по отношенію къ обостряющимся соціальнымъ и національнымъ отношеніямъ. Они выросли въ полномъ непониманіи всѣхъ остальныхъ общественныхъ круговъ» **).

И принципъ піэтета, придающій характеръ патріархальной семьи всему сословію высокородныхъ балтійцевъ, примѣняется съ еще большимъ успѣхомъ къ отношеніямъ между подданными-крестьянами и господами-баронами. Особенно ярко характеризуетъ эти отношенія пасторъ фонъ-Тилингъ. По его словамъ, «воспитательное и образовательное вліяніе германизма на латышей и эстонцевъ» было проникнуто великимъ нравственнымъ принципомъ; здѣсь насаждался «христіански человѣческій порядокъ жизни».

*) Prof. Rohland, в. н. с. Mettig, „Deutschbaltische Städte. Prof. Harnack, Zur Einführung (сборн. Die deutschen Balten).

**) Wir Balten: Gesellschaft und geselliges Leben.

Здѣсь проводились въ жизнь принципы «піэтета и авторитета», а на первый планъ была поставлена заповѣдь: «чти отца твоего и матерь твою». Отцами являлись, конечно, нѣмцы, а дѣтьми — туземные ихъ подданные. И насколько прекрасно дѣйствовало подобное воспитаніе, подтверждаетъ другой балтъ: «прилежаніе и бережливость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосостояніе возрасли между латышами» *)...

Піэтетъ здѣсь — піэтетъ тамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ заставляетъ дѣтей трепетать предъ родителями и старшими и свято чтить мертвыя кости давно отжившей традиціи, въ другомъ—онъ бросаетъ на колѣни предъ «благородными» низшую породу людей. Здѣсь онъ сплачиваетъ моральною связью классъ старыхъ феодальныхъ угнетателей, тамъ онъ освящаетъ рабскія цѣпи угнетаемыхъ. Піэтетъ снизу и піэтетъ наверху. Одинъ піэтетъ командуетъ, другой со стономъ и плачемъ гнетъ усталую спину. Два произведенія высокоблагородной культуры, и два разныхъ способа ея насажденія. Приглядимся же поближе къ этимъ способамъ.

III.

Культура піэтета.

Начало воспитанію туземныхъ рабовъ и холоповъ положено было добрыми господами, когда «всемилостивѣйшая госпожа» или барышня «посвящали свободное время этому испытанію силы человѣческаго терпѣнія». На помощь благодѣтельнымъ барынямъ скоро были посланы пасторы и учителя, воспитанные на деньги дворянства въ особыхъ учительскихъ семинаріяхъ. Помѣщики прекрасно поняли, какую цѣну придаетъ труду грамотность, сопряженная съ піэтетомъ, и поэтому постарались, чтобы, съ одной стороны, обученіе эстонцевъ и латышей не было слишкомъ обширно, а съ другой, чтобы надзоръ за народнымъ просвѣщеніемъ находился въ рукахъ преданнаго дворянамъ духовенства. Кругъ наукъ, признанныхъ нужными для крестьянина, не великъ. Главными предметами являются кахитизисъ и священная исторія, чтеніе и письмо на туземномъ языкѣ и начатки счета. И въ дѣлѣ грамотности нѣмцамъ удалось достичь прекрасныхъ результатовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ считалось всего лишь 4% неграмотныхъ. Этими результатами въ высшей степени гордятся балтійскіе нѣмцы, и намъ бы пришлось дѣйствительно увѣнчать ихъ лаврами за такое просвѣщеніе народа, если-бы проф. Мюлау не разсказалъ намъ главнаго секрета эсто-латышскихъ школъ. Какъ оказывается, дѣломъ народнаго просвѣщенія въ Балтійскомъ краѣ занимаются

*) Wilhem vou Tiling, Das Lebeu und Leiden der Deutschen im Russischen Reiche, Cassel, 1906; v. Dorneth, в. н. с.

не столько нѣмцы, сколько сами туземныя семьи. При громадной разбросанности мѣстнаго населенія, живущаго не деревнями, а по отдѣльнымъ усадьбамъ, эстонскія и латышскія матери сами находятъ время, среди тяжкой работы по хозяйству, учить грамотѣ, счету и письму своихъ дѣтей; и, какъ свидѣтельствуетъ почтенный профессоръ, пасторы могутъ контролировать это домашнее обученіе въ каждой усадьбѣ или группѣ усадебъ едва лишь два раза въ годъ. Что же касается спеціальныхъ школъ, то часть ихъ пристроена на задворкахъ господскаго двора и питается подачками соотвѣтственныхъ бароновъ, а другая находится на иждивеніи общинъ и въ полномъ неограниченномъ обладаніи духовенства. Этими школами дѣло просвѣщенія и ограничивалось; что же касается нѣмецкаго языка, то этотъ послѣдній для такой низшей породы людей, какъ латыши и эстонцы, оставался недоступнымъ. Сами же нѣмцы переводили на туземные языки только совершенно невинныя вещи, которыя меньше всего могли возбудить у туземцевъ какія бы то ни было вредныя стремленія *).

Балтійскіе нѣмцы чрезвычайно превозносятъ свои просвѣтительные подвиги. При самомъ старательномъ просмотрѣ балтійскихъ панегириковъ нельзя, однако, не придти къ заключенію, что пища, которою вскармливали феодалы своихъ арендаторовъ и батраковъ, была далеко не перваго сорта. И если у фонъ Шрёдера старый эстонецъ завѣщаетъ сыну крѣпко хранить старыя саги «эстонскаго бѣднаго люда и не повѣрять ихъ» «умнымъ и чуждымъ пришельцамъ», то надо замѣтить, что и послѣдніе далеко не охотно дѣлились плодами просвѣщенія съ взятой ими подъ свое попеченіе расой. Дѣло ограничивалось переводомъ на мѣстные языки нѣмецкихъ церковныхъ пѣсенъ и катехизиса и къ «созданію» специфической литературы «поучительнаго и развлекающаго содержанія». Въ общемъ нѣмцы не считали нужнымъ особенно стараться для туземцевъ. Достаточно было, что эстонцамъ и латышамъ внушался «этико-соціальный характеръ», что они «воспитывались» нѣмцами «къ труду и исполненію долга»; что они стояли «подъ вліяніемъ нѣмцевъ въ духовной и прежде всего въ религіозной области», что они пѣли переводныя нѣмецкія пѣсни по «нѣмецкимъ мотивамъ» и что «столѣтіями проповѣдывали имъ пасторы, бывшіе нѣмцами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ наставляли ихъ и передъ конфирмаціею». «Развѣ могли нѣмецкіе пасторы дѣйствовать на религіозныя и нравственныя воззрѣнія туземцевъ не въ нѣмецкомъ духѣ?» И если, съ одной стороны, нѣмцы были настолько щедры, что подарили туземцамъ цѣлый рядъ «нѣмецкихъ словъ» и «нѣмецкій же шрифтъ», то, съ другой стороны, они «въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже германизировали воззрѣнія и способъ мышленія» своего крѣпостного стада.

---

*) Von Dorneth, prof. Mühlau, в. н. с

Они привили ему «развитое правовое сознаніе» и «уваженіе къ закону и праву» *).

И этого, конечно, было вполнѣ достаточно. Грамотность, съ одной стороны, и этико-соціальный характеръ—съ другой; церковныя пѣсни и пріученіе къ труду; чувство долга по отношенію къ нѣмецкому богу и преклоненіе передъ феодальнымъ «правомъ» и господскимъ «закономъ»,—все это какъ нельзя лучше было приспособлено къ тому, чтобы создать для эстонцевъ и латышей духовную тюрьму, въ которой, отдѣленные своимъ языкомъ отъ всего міра, батраки и крѣпостные пріучались бы взирать на нѣмецкую кабалу, какъ на высшій порядокъ «этико-соціальнаго» строя. Балтійскіе юнкеры основательно дѣлали свое дѣло; они знали отлично, что на одномъ голомъ насиліи не уѣдешь. Они не только усмиряли крестьянскія возстанія, но и «приручали одичалое крестьянство». Двуногая крѣпостная скотина должна была работать не за страхъ, а за совѣсть, и церковь и нѣмецкій пасторъ должны были додѣлывать то, чего не могли сдѣлать тюрьма и барщина. Крестьянинъ долженъ былъ работать не съ ненавистью, а съ умиленіемъ, видѣть въ своемъ рабствѣ преддверіе вѣчнаго блаженства...

Но, какъ замѣчаютъ сами балты, святые отцы нѣсколько перестарались. Они такъ усердно хлопотали для своихъ повелителей и патроновъ, что перешли всѣ границы приличія и показной объективности. Отъ церкви, какъ ни какъ, должно было ожидать, что она «одинаково у высокаго и низкаго будетъ свидѣтельствовать за истину и противъ неправды» и сдѣлается, такимъ образомъ, «совѣстью народа такъ же, какъ правительства и властвующихъ классовъ». Увы! съ балтійскою церковью случилось нѣчто иное: она слишкомъ ярко обнаружила свои одностороннія симпатіи къ нѣмецкому юнкерству. «Къ сожалѣнію», говоритъ нашъ источникъ, «слишкомъ часто случалось въ нашемъ балтійскомъ краѣ», что «односторонняя позиція церкви въ національныхъ и соціальныхъ вопросахъ» производила много «соблазна». Церковь въ лицѣ своихъ представителей слишкомъ часто «мѣрила двойною мѣрою». Многіе пасторы «умѣли отлично порицать грѣхи народа и не только молчали, если происходило что нибудь неладное свыше, но и часто еще защищали это и превращались въ оруженосцевъ властвующей феодальной партіи». «Часть церкви стала слѣпымъ орудіемъ» этой партіи, «и въ народѣ родилась вѣра, что духовенство вообще преслѣдуетъ совсѣмъ другіе интересы въ публичной жизни, чѣмъ весь народъ, что у него нѣтъ сердца для отклика на вопіющія политическія нужды, нѣтъ пониманія справедливѣйшихъ требованій времени» **). Таковъ «соціально-этическій» строй, внѣдряемый въ населеніе балтійскимъ духовенствомъ, и это не удивительно. Подобно прежней

---

*) Prof. Rohland, в. н. с. Prof. Mühlau, в. н. с. Dorneth, в. н. с.
**) Сборникъ Wir Balten, статья Kirche und Volk.

школѣ, и церковь находится цѣликомъ во власти балтiйскихъ феодаловъ, а пасторы приняли на себя «роль посредниковъ между юнкерствомъ и общиною, при чемъ они болѣе представляли интересы дворянства, чѣмъ интересы народа».

Этимъ мы можемъ закончить изображенiе той части высокоблагородной культуры, которая предназначалась для туземцевъ и осчастливила собою низшую покоренную расу. Какъ видно, дары этой культуры были не особенно богаты и были направлены исключительно къ тому, чтобы обезпечить владычество однихъ и покорность другихъ. И совершенно логически обращается фонъ-Вильденбрухъ къ «мятежникамъ»:

„Вы глупцы и безумцы, мечтаете вы,
Что изгоните духъ кулаками,
Но пока солнца грѣютъ и свѣтятъ лучи,
Будетъ царствовать нѣмецъ надъ вами"!

Не правда ли, интересное сочетанiе «духа» и нѣмецкаго господства, эстонскихъ «кулаковъ» и нѣмецкаго «солнца» культуры? Врядъ-ли, однако, «духъ» будетъ такъ безмятежно властвовать послѣ совершившихся нынѣ событiй: тайна феодальной культуры раскрыта вполнѣ. Намъ остается сказать только нѣсколько словъ о томъ, какъ балты устраивали культуру для себя: на потребу уже не хамамъ, а, по выраженiю Вильденбруха, «чудному народу» господъ *).

Для себя нѣмцы не жалѣли ни денегъ, ни силъ. Прекрасныя гимназiи и другiя среднiя школы, городскiя школы съ прекраснымъ преподавательскимъ составомъ, все это было съ роскошью и знанiемъ дѣла устроено для представителей балтiйскаго властвующаго класса. Въ городскихъ школахъ, конечно, опять-таки «доминирующее мѣсто заняло евангелически-лютеранское духовенство», такъ какъ эти школы «рядомъ съ попеченiемъ о просвѣщенiи преслѣдовали цѣли воспитанiя духа и богобоязненнаго поведенiя» **). Главнымъ же центромъ подготовки будущихъ господъ былъ дерптскiй университетъ со своимъ чисто-нѣмецкимъ складомъ и чисто-феодальными корпорацiями.

Но тутъ мы должны сдѣлать необходимую оговорку. Мы различаемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ то, что сдѣлано балтiйскимъ просвѣщенiемъ въ качествѣ только части обще-нѣмецкой культуры, отъ того, какимъ спецiальнымъ цѣлямъ и задачамъ служила эта высокая культура въ прибалтiйскомъ краѣ. Когда объ остзейскихъ событiяхъ пишутъ защитники нѣмецкаго феодализма, они обыкновенно чрезвычайно ловко выдвигаютъ на первый планъ именно тѣ стороны просвѣщенiя въ остзейскомъ краѣ, которыя обязаны своимъ существованiемъ постоянному приливу изъ Германiи какъ научныхъ силъ, такъ и научныхъ познанiй. И такой прiемъ со стороны

*) Von Wildenbruch, в. н. с.
**) K. Mettig. Deutschbaltische Städte und deutschbaltische Bürgertum.

апологетовъ балтійскаго феодализма оказывается чрезвычайно удачнымъ. Если дѣйствительно сосчитать все, что сдѣлано нѣмцами въ научномъ и культурномъ отношеніи въ городахъ и учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго края, то нельзя не преклониться предъ этимъ, такъ какъ нѣмецкая культура вообще очень высока. Однако всѣмъ этимъ балты обязаны не себѣ, а тому обстоятельству, что они являются небольшимъ обломкомъ великой культурной и просвѣщенной націи... Точно такъ же мало доказываютъ и тѣ списки различныхъ знаменитостей, вышедшихъ изъ Дерптскаго университета, которые съ торжествомъ перечисляются патріотическими публицисгами. На насъ, при всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ научнымъ трудамъ этихъ знаменитостей, указанные списки дѣйствуютъ очень мало. Во-первыхъ, само собой понятно, что тамъ, гдѣ работаетъ серьезная наука, она воспитываетъ и хорошихъ, даже знаменитыхъ ученыхъ. И если дерптскій университетъ далъ Германіи фонъ Бергмана, Гарнака, Бергбома, и Россіи—Пирогова, то то же самое могъ бы дать и на самомъ дѣлѣ даетъ каждый сколько-нибудь порядочный, хорошо обставленный нѣмецкій университетъ. Въ виду этого похвальба балтійскими научными знаменитостями представляется просто комичной, чтобы не сказать болѣе.

Главнымъ назначеніемъ дерптскаго университета была не поставка зменитостей и просто научныхъ силъ, а внѣдреніе въ балтійскую молодежь добродѣтелей, свойственныхъ расѣ прирожденныхъ господъ. Университетъ выдѣлывалъ и штамповалъ самодержавныхъ владыкъ Прибалтійскаго края и специфически дрессированныхъ командировъ для обширнаго русскаго отечества. И въ этомъ отношеніи заслуги дерптскаго университета куда превосходятъ его дѣянія на пользу общечеловѣческой культуры и просвѣщенія.

Еще въ началѣ XIX вѣка г. фонъ-Рейнталь слѣдующимъ образомъ рисовалъ дерптскихъ студентовъ: «Никогда,—насколько только я помню, ни одинъ дерптскій студентъ изъ русскихъ остзейскихъ провинцій не принималъ никакого участія въ политическихъ безпорядкахъ, тайныхъ сообществахъ и тому подобныхъ стремленіяхъ къ призрачному усовершенствованію міра. Нѣмецкій Остзейскій край всегда имѣлъ критически просвѣщенное, исторически-обоснованное сознаніе политическаго положенія до и съ того времени, какъ онъ находится подъ охраной русскаго двуглаваго орла. Эти страны знаютъ, что самое ихъ святое—вѣра, языкъ и законъ остается неприкосновеннымъ, а къ ихъ заботамъ относятся свыше и съ вниманіемъ и съ готовностью удовлетворить ихъ». Въ свою очередь профессоръ Мюлау восхваляетъ и нынѣшнихъ нѣмецкихъ студентовъ: «духъ дисциплины и вѣрноподданнической вѣрности до сихъ поръ одушевлялъ дерптское студенчество. Ни одинъ нѣмецкій студентъ не поддался нигилистическимъ проискамъ, ни одинъ не далъ увлечь себя духу непокорства къ незаконнымъ дѣйствіямъ, тогда

какъ этотъ духъ въ новѣйшее время, благодаря приливу негодныхъ русскихъ и еврейскихъ элементовъ, нашелъ доступъ и къ Дерпту».

Профессоръ фонъ-Бергманъ не менѣе восторгается дерптскимъ студенчествомъ: «эти академическіе граждане далеко держались отъ политической дѣятельности и битвъ, они удовлетворялись соблюденіемъ своихъ студенческихъ интересовъ и упражнялись и воспитывали въ себѣ образъ мыслей и нравственность, которые дѣлали ихъ честными и способными чиновниками имперіи, неподкупными судьями, добросовѣстными учителями, полными самопожертвованія и знаменитыми врачами, которые всѣ съ нерушимой вѣрностью Эккарта были преданы государямъ Россіи». И трогательную иллюстрацію удивительной благонадежности юныхъ балтовъ даетъ намъ отставной пасторъ фонъ-Тилингъ, ополчившійся нынѣ противъ «русскаго царства» во имя «германскаго императорства». Съ умиленіемъ и гордостью разсказываетъ этотъ мученикъ двойной вѣрности о томъ, какъ, будучи еще студентомъ, проявлялъ онъ свой патріотизмъ во время польскаго возстанія. Какъ оказывается, тогда очень опасались за безопасность посѣтившаго Митаву наслѣдника, такъ какъ боялись польскихъ происковъ и покушеній. И вотъ нѣмецкое студенчество составило особую тайную стражу будущаго Александра III и ночью, съ оружіемъ въ рукахъ, караулило спокойствіе высочайшаго сна, сидя по сосѣднимъ кустамъ и задворкамъ Молодые люди въ своемъ балтійскомъ патріотизмѣ готовы были истребить всякаго, кто бы осмѣлился вызвать ихъ подозрѣніе. Къ счастью, ни одной мыши не пришло на умъ проникать въ столь самоотверженно охраняемые покои. Судьба, однако, сыграла злую шутку съ почтеннымъ Тилингомъ: онъ долженъ былъ бѣжать въ Германію, какъ разъ вслѣдствіе обрусительныхъ мѣръ того самаго царя, котораго онъ охранялъ съ такимъ самоотверженіемъ, сидя ночью въ кустахъ прекрасной Митавы! *).

Гораздо важнѣе, чѣмъ указанныя благонадежность и вѣрность, было то воспитаніе дерптскаго студенчества въ строгой феодальной дисциплинѣ и реакціонномъ духѣ, которое помогло ему донести до XX вѣка традиціи XIII и XIV-го. Этимъ воспитаніемъ завѣдывали корпораціи, и не безъ внутренней борьбы досталась побѣда аристократическимъ корпораціямъ балтовъ. Какъ сообщаетъ намъ профессоръ фонъ-Бергманъ, революціонный вѣтеръ сороковыхъ годовъ задѣлъ однимъ крыломъ и феодальную твердыню. И Николай I не задумался тогда же преподать надлежащій урокъ своему нѣмецкому университету, и цѣлый рядъ преслѣдованій осыпалъ мятежныхъ профессоровъ, при чемъ профессоръ Озенбриггенъ и приватъ-доцентъ Генъ обвинялись ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, что они участвовали вмѣстѣ съ госпожей фонъ Бруинингъ въ освобожденіи изъ Шпандау—прусскаго Шлиссель-

*) Prof. Mühlau, в. н. с., v. Bergman, в. н. с., v. Tilling, в. н. с.

бурга—поэта Кинкеля въ 1848 г. Однако эти времена прошли совершенно безъ слѣда, и въ дерптскомъ университетѣ воцарился иной духъ. Борьба «дикаго», некорпоративнаго студенчества противъ корпорантовъ, также какъ борьба землячествъ (Burschenschaft'ы) противъ корпорацій, окончилась полнымъ пораженіемъ болѣе свободнаго студенческаго принципа и неограниченнымъ господствомъ феодальныхъ корпорацій съ ихъ исключительностью и упорнымъ охраненіемъ старыхъ «освященныхъ традиціями обычаевъ и нравовъ». Такъ, цѣною «извѣстнаго суженія и ограниченія личной свободы индивида», водворялась «сильно развитая дисциплина» и «балтійское упорство». Такъ воспитывалось то «крѣпкое моральное мужество и крѣпкій позвоночникъ», котораго требуетъ «преклоненіе передъ общимъ, всѣми признаннымъ закономъ»; цѣлью корпорацій было «закаливать характеръ отдѣльныхъ лицъ», «пробуждать въ нихъ личное мужество и рѣшительность», создавать людей, являющихся «извнѣ и внутри цѣльными мужами, вооруженными и защищенными для борьбы за существованіе сильнѣйшимъ оружіемъ человѣчества—моральной сдержкой и дисциплиной»... *)

Въ высшей степени характернымъ для специфическихъ цѣлей дерптскаго университета является далѣе тотъ фактъ, что за 100 лѣтъ существованія этого центра нѣмецкой науки нѣмцы не догадались открыть при университетѣ профессуру для эстонскаго и латышскаго языковъ и литературы; и это въ краѣ, гдѣ на 1.200.000 латышей и на 1.000.000 эстонцевъ приходится всего 200.000 нѣмцевъ, изъ которыхъ къ тому же, около 15.000 состоятъ германскими подданными! Эти цифры говорятъ сами за себя.

Въ основѣ всей этой культуры лежитъ піэтетъ: у нѣмцевъ—предъ священными традиціями баронской морали, у эстонцевъ и латышей—предъ велѣніями высшей, ниспосланной имъ съ неба расы. Піэтетъ рабскій культивируется въ народныхъ школахъ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, онъ проповѣдуется на мужицкихъ нарѣчіяхъ, утверждается въ головахъ безталаннаго племени полицейской палкою помѣщика, небесною карой пастора. Піэтетъ барскій воспитывается въ гимназіяхъ и академіяхъ, въ студенческихъ корпораціяхъ и нѣмецкомъ университетѣ. Здѣсь воспитаніе идетъ на нѣмецкомъ языкѣ, здѣсь внѣдряются рыцарскія добродѣтели мужества и рѣшительности, лойяльности и строгой благонадежности. Внизу чернь, наверху тѣ дивныя созданія высоко-благородной дрессировки, которыя именуются въ стихотвореніи фонъ Вильденбруха «великими людьми». Правда, въ настоящее время низшая раса подняла руку на «нѣмца», на этого «великаго человѣка», но «день придетъ», «нѣмецъ въ землю свою

*) Сборн. Wir Balten, статья Die Dörptschen Korporationen und ihre Bedeutung für die baltischen Provinzen.

возвратится», а латыши и эстонцы, «свою голову грустно повѣсивъ», на подобіе «покаяннаго робкаго стада», возопіютъ: «мы великаго выгнали вонъ человѣка», «потеряли съ нимъ вмѣстѣ себя!»

IV.

Бѣлая Арапія.

Какъ мы уже знаемъ, балты всегда отличались чрезвычайной вѣрностью. Во времена Александра II остзейскія провинціи назывались даже «не безъ основанія Вандеей русскаго царя, такъ какъ населеніе тамъ, въ противоположность собственно Россіи, принимало его съ искренней преданностью». Эти слова пастора Тилинга и подтверждаетъ проф. Роландъ: «балтійскіе нѣмцы были лояльными подданными своихъ государей и оказали своимъ владыкамъ цѣнныя услуги. Они были, какъ это лежитъ въ германскомъ характерѣ, монархически настроены, и если окинуть взглядомъ тѣ отношенія, въ которыхъ находилось дворянство Лив—Эст—и Курляндіи къ своимъ государямъ, то получается впечатлѣніе какого-то личнаго въ немъ момента, какой-то внутренней связи между дворянствомъ и монархомъ, далеко выходящей изъ границъ внѣшнихъ отношеній между главою государства и подданными и напоминающей скорѣе то своеобразное отношеніе, въ какомъ находится прусское дворянство къ своему королю». И не только платонически выражалась вѣрность и преданность балтійскихъ феодаловъ, и балты, эти «вѣрные, лояльные подданные», не только «платили подати и поставляли рекрутовъ» (изъ числа эстонцевъ и латышей), но они приносили еще громаднѣйшія жертвы для просвѣщенія и процвѣтанія сосѣдней варварской Россіи; балтійскія провинціи не удовлетворялись тѣмъ, что онѣ были «надежною опорою, построенной изъ скалъ, для Россійской имперіи». Нѣтъ, «балтійскіе нѣмцы были еще богатѣйшимъ источникомъ, изъ котораго текли и поученія, и руководства для всей жизни въ Россіи». Въ особенности «благословеніемъ» для Россіи былъ дерптскій университетъ, который «подарилъ русской имперіи неоцѣненныя блага». Какъ говоритъ балтійскій поэтъ, обращаясь къ Россіи: «Развѣ на твоемъ славномъ пути не несли сыны нашего народа твои знамена? Развѣ на поляхъ побѣды не лежатъ окровавленными и убитыми благородные балты? Развѣ не шелъ изъ нихъ кое-кто впереди въ дерзкомъ мужествѣ? Развѣ не удостоился кое-кто изъ нихъ твоей высшей награды? И развѣ ты не думаешь о толпахъ тѣхъ другихъ, которые великое для тебя совершили, великое въ мирное время? Которые были твоими руководителями и учителями и неустанно работали для тебя день и ночь?» По словамъ проф. Мюлау, «потоки просвѣщенія и нрав-

ственности пролились изъ остзейскихъ провинцій, а спеціально изъ Дерпта по всей Россіи и оплодотворили ее» *).

Какое великодушіе, какая удивительная картина! Что видимъ мы передъ собой? Культурные и добродѣтельные германцы спускаются съ Валгалы, чтобы осчастливить полудикія славянскія племена. Вотъ цѣль, которая оправдываетъ даже завоеваніе латышей и эстонцевъ. Въ старое время, когда жилъ и дѣйствовалъ святой орденъ «братьевъ меча» и «нѣмецкихъ господъ», тогда уже рыцари хотѣли осчастливить литовцевъ, поляковъ и русскихъ и снаряжали противъ нихъ крестовые походы. Въ потокахъ славянской крови, на развалинахъ славянскихъ деревень думали они водрузить высокую нравственность убивающаго и жгущаго на кострахъ христіанства, силою меча хотѣли они просвѣтить тупоумныхъ язычниковъ на счетъ крѣпости панцырнаго кулака. Но тогда, увы! славянскіе боги оказались сильнѣе феодальнаго просвѣщенія, и рыцарямъ пришлось испытать на себѣ польско-шляхетскую культуру. Мало того, суровый рокъ отдалъ ихъ всѣхъ въ XVIII вѣкѣ въ подчиненіе сѣвернымъ гиперборейцамъ—русскимъ варварамъ и дикарямъ. Но и тутъ нашлись великіе представители благородныхъ началъ, и тутъ сумѣли они облагодѣтельствовать своихъ завоевателей. Тѣ завоевали ихъ оружіемъ—они же покорили своихъ владыкъ культурой и просвѣщеніемъ. Русскіе ознаменовали покореніе балтійскаго края полнымъ опустошеніемъ, балты заплатили имъ за это вѣрностью, преданностью и любовью. Съ одной стороны, грубое варварство и сила, съ другой,—самоотверженіе и самопожертвованіе. Съ одной—грубость и необразованность, съ другой—благодѣтельные потоки учительства, руководительства, благонадежности, мужества и религіозности. Это ли не зрѣлище безпримѣрной въ исторіи мести покоренныхъ къ завоевателю, мести, которая по евангельской заповѣди добромъ воздаетъ за зло!

И, въ самомъ дѣлѣ, къ кому шли балтійскіе просвѣтители съ своими сокровищами? Для кого приносили они свои неисчислимыя жертвы? Что такое этотъ русскій народъ, который въ концѣ концовъ такъ мало оцѣнилъ и понялъ своихъ безкорыстныхъ благодѣтелей? Со свойственной балтамъ откровенностью они отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, и, отвѣчая, выставляютъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ свой историческій подвигъ культурнаго подвижничества.

Русскій народъ оказывается — очень скверный народъ. Это по существу «человѣкъ чувства». «Онъ происходитъ съ юга. Степь и солнце сдѣлали его такимъ, какимъ онъ остается и сейчасъ». «Сердце у него широкое—очень широкое, такое—какъ сама степь; а солнце, горячее солнце, сдѣлало его мягкимъ и теплымъ, благо-

*) Von Tiling, в. н. с. Prof. Rohland, в. н. с. Leopold von Schroeder. Baltische Heimat. Mühlau. в. н. с.

честивымъ и мирнымъ». «И тѣмъ не менѣе, если онъ бурлитъ, то становится подвластнымъ страстямъ и вспыльчивымъ. Въ его жилахъ переливается горячая, легко возбудимая кровь». И такъ какъ даже благодатная природа сама работаетъ за него, то онъ сталъ «гостепріимнымъ и лѣнивымъ, и эта лѣность простирается и на его духъ. Какъ не охотно обрабатываетъ онъ свое поле, также недостаточно онъ и мыслитъ, и такъ же слаба его воля». «Русскій почти лишенъ характера». «Въ точныхъ наукахъ русскіе дѣлаютъ страшно мало». За то «музыкальная поэтическая душа русскихъ похищаетъ у природы ея тайны». Работаетъ онъ мало, за него почти все дѣлаетъ его жена. «Конечно, помогаетъ работать также и мужъ; но если онъ добирается до денегъ и водки, то, благодаря своей слабой волѣ, онъ часто впадаетъ на цѣлые дни въ безсознательное состояніе. Онъ даже исчезаетъ на цѣлыя недѣли до тѣхъ поръ, пока бѣдность и голодъ снова не заставятъ его работать». «Женщину онъ не почитаетъ за человѣка»; она для него является только «наилучшей и наиболѣе дешевой домашней скотиной». Благодаря тяжести жатвы, погибаютъ массы дѣтей, но крестьянину не приходитъ и въ умъ смѣнить женщину и самому работать. «Нравственный уровень простого русскаго очень низокъ». Русскій вообще «нравственно никуда не годенъ» *).

И русскій помѣщикъ недалеко ушелъ отъ мужика; онъ тоже человѣкъ чувства, одаренный прямотой и откровенностью. Однако въ своемъ отношеніи къ крестьянину онъ допускаетъпроизволъ и сохраняетъ еще слѣды крѣпостническаго хозяйства. Если простой народъ, далѣе, фанатично религіозенъ, вѣритъ всему, что приказано, и считаетъ даже еврейскіе погромы религіознымъ дѣломъ, то дворянинъ по большей части не религіозенъ и представляетъ изъ себя воспринимающую, но не созидающую натуру. Въ политикѣ онъ ограничивается болтовней. Хуже всего, однако, оказывается русская женщина. Это—фантастичное и поверхностное существо, не только не имѣющее никакого пониманія семьи и являющееся плохой женой и матерь, но не признающее границъ и шестой заповѣди. Русскія женщины «менѣе всего жрицы нравовъ, а эманципированная русская отбрасываетъ отъ себя послѣдніе остатки нравственности, воздержности и скромности. Она живетъ по ту сторону добра и зла и играетъ въ постоянный маскарадъ». Она расточительна, лѣнива, безпорядочна, непрактична *).

Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ характеристику русскаго купца и чиновника. Онѣ прибавляютъ очень мало къ указаннымъ нами чертамъ русскаго мужика и помѣщика. Достаточно и этихъ образцовъ невѣжественной и злостной клеветы на русскій народъ, чтобы

---

*) Сборникъ „Wir Balten", ст. Russlands „Tschinownikі" daheim und im Baltenlande.

**) Тамъ же.

измѣрить всю глубину того великодушія, которое проявляютъ балты, являясь къ русскимъ варварамъ съ дарами благонадежности, религіозности и вѣрноподданнаго рвенія. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ужасно жить и дѣйствовать въ Россіи? Какъ свидѣтельствуетъ одинъ балтъ, это—страна, въ которой все основано на безчестности и «каждый предполагаетъ въ другомъ совершенно столько же гадости, сколько находится въ немъ самомъ». Это—общество, въ которомъ не существуетъ никакого уваженія, «никакого піэтета ни по отношенію къ самому себѣ, ни по отношенію къ кому-либо другому». И какъ же можетъ быть иначе? Всѣ слои русскаго народа «не обладаютъ никакимъ историческимъ характеромъ». Они не имѣютъ «никакой исторіи правового, соціальнаго, экономическаго, нравственнаго и религіознаго порядка». Русскій народъ «никогда не испыталъ образованія человѣка для цѣлей личной самостоятельности», никогда не представлялъ собою «разумно совѣстливой личности». Русскіе «не имѣютъ также никакого общегуманитарнаго интереса и пониманія для человѣческаго существа, напротивъ того, у нихъ есть отвращеніе и не уваженіе по отношенію къ преимуществамъ другихъ культурныхъ націй». У русскихъ нѣтъ также никакого общественнаго мнѣнія, они ненавидятъ царскихъ чиновниковъ, они находятся въ полномъ состояніи безпорядка и незаконченности... *).

Такова бѣлая Арапія, которую рѣшили облагодѣтельствовать балты, и широкимъ потокомъ двинулись туда съ транспортомъ своихъ великихъ знаній и добродѣтелей. Но странно одно! Они шли туда, не какъ миссіонеры или апостолы, не въ рубищѣ и съ посохомъ и не съ однимъ лишь оружіемъ духовнаго убѣжденія и проповѣди; совсѣмъ наоборотъ: въ качествѣ «твердыхъ опоръ вѣрности и порядка», они устремились къ мѣстамъ командировъ русскаго отечества и дали Россіи не только ея «лучшихъ ученыхъ, лучшихъ коммерсантовъ и лучшихъ гражданъ», но и «лучшихъ государственныхъ людей, офицеровъ и лучшихъ чиновниковъ». «Юристы и административные чиновники на лучшихъ мѣстахъ имперіи, дипломаты выдающагося значенія были подарены имперіи въ большомъ числѣ», не говоря уже о прочей мелкой сошкѣ. Такъ «многочисленные сыны балтійской страны дѣйствовали въ Россіи, какъ государственные люди и чиновники, какъ генералы и офицеры, какъ ученые врачи, учителя и т. д.» И проф. фонъ-Бергманъ даетъ намъ даже интересную и поучительную статистику нашествія нѣмцевъ на русское государство. Оказывается, что только до 1886 года изъ каждыхъ 17 дерптскихъ студентовъ—а ихъ было за это время 14 тысячъ,—по крайней мѣрѣ, одинъ дослуживался въ русскомъ чиновничьемъ мірѣ до «высокихъ и высшихъ почетныхъ

---

*) Tiling, Das Leben und Leiden.

постовъ, до превосходительства и дѣйствительнаго статскаго совѣтника» *).

Теперь для насъ многое ясно. Какъ оказывается, почтенные балты благодѣтельствовали Россіи отнюдь не даромъ, а за соотвѣтственное и даже недурное казенное вознагражденіе. И если они миссіонерствовали среди бѣлой Арапіи, то не иначе, какъ при помощи всяческихъ подъемныхъ и прогонныхъ, суточныхъ и праздничныхъ и всѣхъ прочихъ, по штату присвоенныхъ, пенсій, наградъ, пособій, арендъ и декорацій. Наши просвѣтители при томъ не удовлетворялись малыми чинами и скромнымъ положеніемъ; они сумѣли проникнуть на самыя вершины русской самодержавной бюрократіи, они сопричислились къ чину русскихъ военныхъ и штатскихъ генераловъ, этого средоточія взяточничества и произвола, насилія и безчестности. О! теперь мы отлично знаемъ, на что пригодилась балтійская вѣрность и преданность, благонадежность и умѣніе подчиняться «всеобщему и признанному всѣми закону». Изъ своей дворянской касты они легко переходили черезъ аристократическія корпораціи въ не менѣе высокую касту ненавистнаго русскаго чиновничества. И недаромъ говоритъ пословица, что у каждаго балта спереди крючекъ, а сзади петелька, которыми они другъ за друга цѣпляются. Балты сумѣли наполнить своими питомцами русскія министерства и гвардейскія казармы, сенатъ и государственный совѣтъ, генералъ-губернаторскія и губернаторскія мѣста. Какъ видно, балтійскіе рыцари не забыли своихъ походовъ; только они производятъ ихъ теперь по современному, это—крестоносцы во фракахъ и мундирахъ, имѣющіе ясную опредѣленную цѣль: русскій казенный сундукъ, русское народное достояніе. Крѣпостями имъ служатъ русскія канцеляріи, а средствомъ для усмиренія—русская же національная нагайка. При этихъ условіяхъ миссіонерскій подвигъ оказался значительно легче и безопаснѣе, чѣмъ прежде.

И балты сумѣли сохранить, не смотря на свою совмѣстную работу съ русскими бюрократами, видъ благородства и независимости пришлыхъ именитыхъ гастролеровъ. Настрадавшись въ бѣлой Арапіи, среди русскихъ дикарей, и натрудивъ свои бѣлыя руки на культурныхъ экзекуціяхъ, они затѣмъ возвращались вмѣстѣ съ благопріобрѣтенными пенсіями, чинами и орденами въ свой феодальный рай и тутъ на честно заработанныя деньги водворяли усовершенствованное сельское хозяйство, лѣсоводство, винокуреніе и прочія вещи, столь необходимыя для воспитанія неспособныхъ и праздныхъ туземцевъ. И какъ мало имѣли цѣны среди самихъ балтовъ русскія генеральскія званія и заслуги, показываетъ оригиналь-

*) Tiling, в. н. с. Mühlau, в. н. с. Rohland., в. н. с. Von Bergmann, в. н. с.

ное явленіе, о которомъ намъ разсказываетъ Пантеніусъ *). Какъ оказывается, у себя дома, среди балтовъ, на русское государство и его званія феодалъ смотритъ «рѣшительно отрицательно», и если его «младшіе» братья поступаютъ въ войско, идутъ въ дипломатію или администрацію, а затѣмъ въ качествѣ отставныхъ генераловъ и тайныхъ совѣтниковъ возвращаются домой, то для старшаго брата они имѣютъ нисколько не больше значенія, чѣмъ остальные сыновья его отца». Такъ ходившій на заработки къ варварамъ благородный рыцарь, возвращаясь назадъ, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на варварскія отличія, которыми его увѣнчалъ сосѣдній султанъ. Но, конечно, все то, что онъ пріобрѣлъ на честной службѣ дагомейскому величеству или какому-нибудь Насръ-Эддину—все это шло въ отеческій домъ на возращеніе благороднаго потомства. Бѣлая Арапія хороша, чтобы на ней наживаться, но похоронить себя въ ея нѣдрахъ было бы преступленіемъ противъ культуры!

И если балты являлись въ Россію на охоту за казенными содержаніями и мѣстами, то они старались дѣлать порученное имъ дѣло дѣйствительно послѣдовательно и систематично. Русскій чиновникъ кралъ стихійно, взяточничалъ случайно, грабилъ полубезсознательно, онъ дѣйствовалъ, какъ дикій звѣрь, пущенный въ овечье стадо, который грызетъ потому, что не встрѣчаетъ сопротивленія, и душитъ потому, что возлѣ него открытое беззащитное горло. Балтіецъ все дѣлалъ на законномъ основаніи, согласно предписаніямъ начальства и рутинѣ, основанной на прецедентахъ; онъ не хлопалъ безъ толку молоткомъ направо и налѣво, но медленно и вѣрно, какъ вѣрный слуга, сдавливалъ винтомъ обывательскія головы, мозжилъ по счету, въ пропорціи, но за то безъ остатка и до конца. И если русскій погромщикъ и грабитель въ мундирѣ и безъ мундира являлся подобно чумѣ и, какъ черная смерть, истреблялъ вокругъ себя все, что ни попадалось на пути, балтіецъ, облеченный должностью истребителя, дѣйствовалъ опять таки согласно строгимъ велѣніямъ долга и присяги. Изъ заплечныхъ дѣлъ мастерства создавалъ онъ цѣлую науку и самый процессъ истребленія умѣлъ производить спокойно и методично, съ точностью машины и неукоснительностью вѣрнаго хозяйскаго пса. Балтъ не считалъ Россію отечествомъ, это—правда, онъ былъ преданъ лишь своему «хозяину», который платилъ ему деньги и не мѣшалъ ему воспитывать латышскихъ и эстонскихъ мужиковъ. Но за то, когда въ Россіи онъ занималъ положеніе наемнаго бурмистра, онъ умѣлъ превзойти всѣхъ истинно - русскихъ людей добродѣтелью своей истинно русской души, неукоснительностью вѣрнопреданнаго слуги и ключника. Наемный балтъ на службѣ русскаго абсолютизма было одно изъ самыхъ страшныхъ явленій нашего стараго режима, и никто не могъ сравниться съ нимъ въ злобѣ и рѣзвости, въ си-

*) Pantenius, в. н. с.

стематической жестокости и русскомъ, архи-русскомъ патріотизмѣ.

Одного только наемный рыцарь изъ Остзейскаго края не сообразилъ: если онъ никакъ не ожидалъ, что когда-либо осмѣлятся возстать противъ него закрѣпощенные балтійскіе туземцы, то еще меньше могъ онъ допустить, что то стадо, среди котораго онъ дѣйствовалъ въ бѣлой Арапіи съ плетью въ рукѣ, проснется и не только прогонитъ наемныхъ защитниковъ алтаря и трона, но заставитъ шататься самую твердыню абсолютнаго режима.

Русская революція была полнымъ сюрпризомъ для чиновныхъ паразитовъ нѣмецкаго происхожденія на народномъ организмѣ Россіи.

V.

Русская измѣна.

Надо замѣтить, что, дѣйствуя во славу русскаго абсолютизма въ самой Россіи, балты въ то же самое время заботливо охраняли себя и свои области отъ всякаго вмѣшательства и вторженія со стороны того же самаго абсолютизма. То, что годилось для варварской Россіи, то должно было почтительно остановиться предъ стѣнами высоко-феодальнаго господства пресвѣтлыхъ бароновъ въ отданной имъ на пропитаніе странѣ. Балтійскій край былъ питомникомъ русскихъ командировъ. И довольно было того, что въ лицѣ ихъ изливалась на бѣлую Арапію европейская культура; у себя же дома они желали быть полными господами и потреблять эстовъ и латышей безъ какого-либо непосредственнаго участія русскихъ ташкентцевъ всѣхъ возрастовъ и классовъ. Русской бюрократіи бароны давали опредѣленныя подачки средствами и людьми и этимъ ограничивались. А русскіе императоры до Александра II включительно давали торжественное обѣщаніе хранить неприкосновенными господскія вольности балтовъ въ Остзейскомъ краѣ. И такъ было бы до сей поры, если-бъ русскіе сотоварищи нѣмецкихъ тайныхъ совѣтниковъ и генераловъ не обратили своего благосклоннаго взгляда на тучныя пажити, гдѣ кормились, словно въ оранжереяхъ, цѣлыя поколѣнія нѣмецко-русскихъ патріотовъ.

Само собою разумѣется, что такъ называемое обрусѣніе было только предлогомъ для того, чтобы заставить нѣмцевъ подѣлиться съ русской бюрократіей тѣми барышами и доходами, которыми тѣ уединенно и сокровенно пользовались въ своемъ комфортабельномъ и богатомъ «Heim'ѣ». И это, если хотите, было даже справедливо: вмѣстѣ грабили—вмѣстѣ и наслаждаться соотвѣтственными утѣхами, и если балтійскіе тайные совѣтники и генералы вывозили изъ Россіи на родину сооотвѣтственную мзду, то и наши отечественные живоглоты невольно облизывались на балтійскій край, куда, однако, входъ для нихъ былъ строго воспрещенъ.

И совершилось то ужасное, о чемъ до сихъ поръ всѣ балты не

могутъ говорить, не испуская цѣлыхъ потоковъ патріотическихъ воплей, не взывая къ небесамъ о попранной справедливости: сослуживецъ явился съ отвѣтнымъ визитомъ, и не только явился, а немедленно сталъ производить въ благоустроенномъ балтійскомъ отечествѣ все то, что онъ устраивалъ совмѣстно и при помощи нѣмецкаго братца въ Россіи. И тѣ самые пріемы и порядки, которые усердно насаждались въ Россіи нѣмецкими генералами, были теперь перенесены въ самый очагъ нѣмецкой вѣрноподданности, въ Прибалтійскій край; это было уже сверхъ силъ, и балтійской вѣрности предстояли серьезныя испытанія, на ея собственномъ тѣлѣ.

Еще при императорѣ Николаѣ I, когда быть нѣмцемъ считалось своего рода придворнымъ званіемъ и только у балтовъ предполагалась истинно-русская душа, была сдѣлана первая попытка просвѣтить балтійскій край свѣтомъ истинно-русской вѣры. Воспользовавшись голодомъ среди мѣстнаго населенія, русскіе попы стали обращать латышей и эстонцевъ въ «царскую вѣру», обѣщая за это не только непремѣнное блаженство на небесахъ, но и болѣе реальныя блага, въ видѣ казенныхъ вспомоществованій и поземельныхъ надѣловъ для безземельныхъ. Это было то же самое, что производилось съ иновѣрцами въ центральной Россіи при содѣйствіи балтовъ. Такимъ образомъ, цѣлыя тысячи обращенныхъ были перечислены въ православную вѣру, но, конечно, никакихъ пособій и никакой земли они не получили; напротивъ того, цѣлымъ рядомъ законнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ мѣръ нѣмецкіе бароны доказали зависящимъ отъ нихъ батракамъ и арендаторамъ, что баронскій богъ сильнѣе и что попытка освободиться отъ духовной полиціи помѣщичьяго пастора — вещь, которая христіаннѣйшими балтами не прощается. Обращенные «покаялись»: они пожелали вернуться къ вѣрѣ своихъ господъ, но тутъ-то и произошло съ неба ниспосланное наказаніе проданныхъ душъ: русская полиція, разъ забравши людей въ православную церковь, больше ихъ назадъ не выпускала *)...

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ XIX вѣка сдѣланы были новыя попытки ввести русское правленіе въ странѣ истинно-русскихъ нѣмцевъ. Балтійскій феодализмъ, именно въ эпоху реформъ, особенно блистательно являлъ міру свои красоты; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Гарнакъ, «балтійское дворянство во многихъ случаяхъ должно было противъ воли удерживать феодализмъ, такъ какъ только въ этихъ формахъ оно могло сохранить нѣмецкую народность, языкъ и обычай»... При Александрѣ II было уничтожено балтійское генералъ-губернаторство (въ 1875 г.) и было реорганизовано городское управленіе на «демократическихъ»

*) Seraphim, Die Russifizierung der deutschen Ostseeprovinzen (Die deutschen Balten). Tiling, в. н. с., Mühlau, в. н. с., Rohland, в. н. с.

началахъ (1877 г.). Со вступленіемъ на тронъ Александра III балтійскимъ провинціямъ пришлось довольно круто. Александръ III былъ приверженцемъ политики обрусѣнія и принялся, при помощи своихъ сотрудниковъ, за основательную чистку нѣмецкихъ феодаловъ. Въ 1889 г. на мѣсто баронской юстиціи были введены русскіе суды, и непонятный для населенія языкъ былъ замѣненъ въ судахъ столь же непонятнымъ русскимъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ была руссифицирована школа, при чемъ все учебное дѣло было отнято у подчиненныхъ помѣщикамъ пасторовъ и передано русскимъ обрусителямъ изъ вѣдомства народнаго «просвѣщенія». Наконецъ, были руссифицированы рижскій политехникумъ и дерптскій университетъ, а Дерптъ—питомникъ русскихъ тайныхъ совѣтниковъ и нѣмецкихъ феодаловъ—потерялъ даже свое имя и былъ превращенъ въ россійскій Юрьевъ. Нечего и говорить, что старыя нѣмецкія учрежденія вотчинной баронской полиціи и вотчинной же администраціи были замѣнены (съ 1887—1889 г.) чисто русскими полицейскими произведеніями *).

Трудно представить себѣ ту ярость и бѣшенство, съ которыми пишутъ объ обрусѣніи края почтенные балты даже въ настоящее время. Въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисуютъ они роковую для балтовъ фигуру Побѣдоносцева и не жалѣютъ никакихъ выраженій по адресу Манасеина и его знаменитой ревизіи нѣмецкаго феодализма. Съ тѣхъ именно поръ датируютъ балты русскую анархію и революцію и прямо приписываютъ возстаніе эстонцевъ и латышей дѣятельности неблагодарнаго русскаго правительства. И мы должны, въ извѣстной степени, признать здѣсь заслугу русскаго абсолютизма, хоть она отнюдь не была преднамѣренной, а обрусѣніе края меньше всего имѣло цѣлью насажденіе «нигилизма» среди закрѣпощенныхъ туземцевъ. Абсолютизмъ только хотѣлъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ національнымъ антагонизмомъ въ этихъ губерніяхъ и, возстановивъ массу задавленнаго населенія противъ балтовъ, забить между ними клинъ, а затѣмъ подвергнуть остзейскую область такимъ же мѣропріятіямъ, какъ и всю Россію. И тѣмъ не менѣе русскій абсолютизмъ сыгралъ свою роль въ балтійскомъ краѣ, а по расчищенному имъ пути могла уже свободно двинуться великая русская революція.

Но предоставимъ самимъ балтамъ рисовать революціонные подвиги ихъ обрусителей. «Ядъ разъѣдающаго, все растворяющаго и разрушающаго отрицанія и уничтоженія всѣхъ этическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ порядковъ жизни — русскаго нигилизма (nitschewo), ядъ неуваженія всего существующаго и презрѣнія ко всему историческому неудержимо проникалъ» «въ латышскіе и эстонскіе народные круги». И это понятно, «поскребите русскаго и вы найдете въ немъ дикаго звѣря». Такъ указанный ядъ породилъ

*) Тамъ же.

«анархію, такъ что дѣти возстали противъ родителей, слуги противъ господъ... подданные противъ начальства и противъ всяческаго божескаго и человѣческаго закона». Въ странѣ водворились «звѣрскія страсти». И въ этомъ ужасномъ процессѣ потрясенія всѣхъ балтійскихъ основъ прежде всего виноваты русскіе учителя и школы. Черными красками рисуетъ г. ф. Дорнетъ «безнравственность этихъ педагоговъ»: «безъ идеаловъ, безъ религіи, стремящіеся лишь къ матеріальной выгодѣ», они «насадили въ народѣ ужаснѣйшій развратъ». «Высмѣивая свою собственную церковь такъ же, какъ и лютеранскую», эти «грубые парни» «научили тому же латышскую и эстонскую молодежь». «Вся латышская молодежь въ страшной степени потеряла свое христіанство въ обрусѣвшихъ народныхъ школахъ». Какъ утверждаетъ г. Серафимъ, въ народѣ произошло «отчужденіе отъ религіи и христіанства». И въ доказательство ужасной дѣятельности русскихъ учителей «изъ наполненныхъ нигилистическимъ духомъ русскихъ семинарій», гуманный и культурный балтъ, нынѣшній профессоръ фрейбургскаго университета В. фонъ-Роландъ приводитъ тотъ фактъ, что 23 однихъ только латышскихъ учителей были приговорены къ смерти военными судами. Мы можемъ утѣшить почтеннаго ученаго: ихъ погибло гораздо больше, и это вполнѣ понятно: печатный доносъ на учителей, записанный кровавыми буквами во всѣхъ балтійскихъ брошюрахъ, нашелъ полное вниманіе среди руководимыхъ баронами русскихъ карательныхъ бандитовъ. Русскіе нигилисты разстрѣливались изъ русскихъ же ружей *).

Рядомъ съ учителями не меньшую ярость вызвали противъ себя другіе наши обрусители, а именно «негодные русскіе и еврейскіе элементы», вторгшіеся въ видѣ студентовъ въ священныя залы нѣмецко-привилегированныхъ аудиторій. Эти студенты, «если чего хотятъ, то никакъ не свободы, а полной разнузданности и анархіи для того, чтобы тѣмъ лучше достичь своихъ цѣлей, а именно, низвергнуть существующій государственный порядокъ». «И въ аудиторіяхъ нашей Alma Mater»—восклицаетъ огорченный балтъ,—«гдѣ нѣкогда наши отцы съ юношескимъ воодушевленіемъ ловили слова столькихъ свѣтилъ науки, теперь видимъ мы дикую революціонную массу, встрѣчающую восторгомъ противогосударственныя, соціалъ-демократическія, зажигательныя рѣчи безсовѣстныхъ подстрекателей и агитаторовъ». И съ пафосомъ восклицаетъ берлинскій балтъ, профессоръ фонъ Бергманъ: «выпалъ перлъ изъ вѣнца нѣмецкихъ университетовъ, и, вмѣстѣ съ русскимъ орломъ, который нѣкогда былъ Александромъ I поставленъ на университетскомъ зданіи, растоптанъ въ прахъ варварской ордою». Таковы были результаты допущенія въ Дерптъ семинаристовъ и евреевъ, «которымъ пребы-

*) V. Tiling, Das Leben und Leiden, v. Dorneth, в. н. с., Seraphim, в. н. с., v. Rohland, в. н. с.

ваніе въ русскихъ университетахъ было уже невозможно, вслѣдствіе ихъ нигилистическихъ происковъ». Таковы подвиги людей, которые забастовками доказали, какъ мало у нихъ «интереса къ наукѣ», а занятіемъ университета для «революціонныхъ рѣчей и дикихъ выступленій» обнаружили свое «полное неуваженіе научному знанію»... Къ этой характеристикѣ русскихъ и еврейскихъ студентовъ мы добавимъ одно: и до настоящаго времени рижскія газеты продолжаютъ травлю противъ этихъ уже скованныхъ русскихъ полиціей элементовъ, а среди разстрѣлянныхъ только въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ значится не менѣе двухъ представителей нашей учащейся молодежи: г. фонъ-Бергманъ отомщенъ! *).

Больше всего, однако, недовольны нѣмцы тѣмъ, что мирная и культурная эксплуатація двумя стами тысячъ нѣмцевъ 2.500.000 туземцевъ, подъ вліяніемъ русскаго нигилизма, рушилась окончательно и безвозвратно. Откуда ни возьмись, народились совершенно неизвѣстные прежде эстонскіе и латышскіе интеллигенты, которые «начали мечтать о національной культурѣ этихъ маленькихъ народныхъ осколковъ и стремиться къ освобожденію отъ гегемоніи нѣмцевъ». Руководило этими господами, несомнѣнно, желаніе играть ту роль, которой они никогда бы не добились «въ рамкахъ нѣмецкаго общества». Эти агитаторы, по свидѣтельству г. фонъ-Сиверса изъ Ромерсгофа, воспользовались «сильно выраженнымъ стремленіемъ къ собственности и неспособностью къ сужденію» крестьянскаго населенія и обѣщали ему «золотыя горы послѣ изгнанія нѣмцевъ». И на этой почвѣ, по свидѣтельству того же страдальца за балтійскую идею, родились «такіе взрывы безумной жажды разрушенія и разнузданной ненависти», которой гг. бароны «никакъ не ожидали». Такъ, по выраженію профессора Гарнака, «фанатическіе варвары» завладѣли страной; они смотрятъ на нѣмцевъ, какъ на «кровныхъ враговъ и угнетателей, и жаждутъ вытѣсненія ихъ средствами насилія». И къ національному принципу здѣсь присоединился соціальный; кто-то внушилъ этимъ безумнымъ мужикамъ, что занимаемая теперь нѣмцами земля когда-то принадлежала туземцамъ, что нѣмецкіе рыцари насильственно отняли эту землю у нихъ, а ихъ самихъ обратили въ рабство, а «соціаль-демократическія идеи съ ихъ переходомъ къ нигилизму и анархизму не только нашли значительное распространеніе, но во многихъ мѣстахъ породили твердую организацію». И если въ Россіи, по словамъ почтеннаго балта, революція дала образецъ «террористическаго произвола» и тамъ «развилась достойная проклятія тиранія съ грабежомъ, убійствомъ, поджигательствомъ, а изъ охраны слабыхъ и бѣдныхъ родилась грубая борьба противъ всѣхъ лучше поставленныхъ и имущихъ», то еще хуже дѣло обстоитъ въ прибалтійскомъ

*) V. Bergmann, в. н. с., v. Rohland, в. н. с., v. Tiling, в. н. с. Die Dörptschen Korporationer (сбор. Wir Balten).

краѣ. Здѣсь «интернаціональная соціалъ-демократія посѣяла свои сѣмена, и какъ ужасно взошли они». «Латыши и эсты, будучи натравлены своею прессой и выйдя на ложный путь, благодаря безсовѣстнымъ агитаторамъ и фанатичнымъ вождямъ, отвели много мѣста революціонной пропагандѣ, она распространилась среди нихъ, подобно болѣзни, и пробудились самыя дурныя страсти». Водворилось господство «террора или ужаса», «истинная оргія свирѣпаго звѣрства распространилась во всей землѣ». «Болѣе двухсотъ жилыхъ домовъ и другихъ построекъ были сожжены и разрушены, рядъ человѣческихъ жизней палъ жертвой, въ Курляндіи была провозглашена латышская республика и даже въ Ригѣ революціонеры были настоящими господами города»... *).

Итакъ, свершилось! Коварная русская бюрократія достигла своихъ коварно-злокозненныхъ цѣлей. Въ то время, когда вѣрноподданные балты въ качествѣ гостепріимныхъ хозяевъ оказывали «пассивное сопротивленіе» обрусительному наскоку, эти самые обрусители подложили нравственнымъ и христіанскимъ вѣрноподданнымъ феодаламъ самую скверную, нигилистически-анархическую, націоналистическую и соціалъ-демократическую «свинью». И что же случилось? Это грязное и скверное русское животное проявило способности такого чудеснаго очарованія, которымъ могла бы позавидовать сама прекрасная и непобѣдимая Цирцея. Она соблазнила невинныхъ эстонцевъ и латышей, въ одинъ моментъ она лишила ихъ всей столѣтіями въ нихъ накачиваемой культуры, однимъ звукомъ своего голоса она побудила ихъ къ святотатственному ниспроверженію всѣхъ хамскихъ добродѣтелей и къ возстанію—на кого же? на благодѣтельныхъ отцовъ и попечителей, на «сыновъ божіихъ», которые столько потрудились надъ прирученіемъ и усмиреніемъ недостойныхъ балтійскихъ варваровъ! И что же привело къ такому, можно сказать, землетрясенію? Одно лишь появленіе въ краѣ русскихъ чиновниковъ, русскихъ учителей и студентовъ изъ числа «ненадежныхъ» сыновъ русскаго и еврейскаго народа. О! зачѣмъ не легли тогда бароны на границахъ своего края, зачѣмъ не воскликнули они: лучше смерть, чѣмъ русскій языкъ съ присущимъ ему нигилизмомъ!

Бѣдные балты, они еще вѣрятъ въ злыхъ волшебниковъ и страшныя чудеса, и, не смотря на то, что среди нихъ есть крупныя научныя имена, а сами они пропитаны нѣмецкой наукой, они никакъ не могутъ постичь, что соціальные перевороты созидаются не кучкой чиновниковъ или учителей, не сотней семинаристовъ или евреевъ. Ослѣпленные дикими предразсудками феодализма, насыщенные съ ногъ до головы высокомѣріемъ «господской

---

*) V. Rohland, в. н. с., v. Tiling, в. н. с., v. Dorneth, в. н. с., Letten und Deutsche (сб. Wir Balten) Profes. Harnack, в. н. с., M. v. Sievers Erlebnisse aus letzter Zeit, (сб. Die deutschen Balten).

расы», они не сумѣли и не умѣютъ разглядѣть историческихъ и экономическихъ причинъ своего позорнаго крушенія, своей гибели на территоріи балтійскаго края. Грубый и варварскій феодализмъ, плантаторскіе рабовладѣльческіе инстинкты, развратъ бюрократическаго кондотьерства, узкая и тупая ограниченность по отношенію ко всему, что жаждетъ свѣта и свободы—вотъ грѣхи, присущіе всѣмъ крѣпостникамъ міра, всѣмъ царькамъ изъ расы завоевателей, оружіемъ и хитростью захватившихъ добычу, «вѣрностью» и продажностью спасавшихъ ее отъ болѣе сильнаго бандита. Балты заслужили эсто-латышскую революцію, а теперь они выслуживаютъ себѣ еще нѣчто худшее.

Милые бранились—только тѣшились, и ссора между балтійскимъ феодаломъ и русскимъ держимордой не могла быть продолжительной. Предоставивъ эстамъ и латышамъ нѣсколько похозяйничать въ баронскихъ усадьбахъ, русскій бюрократъ только немножко поучилъ своего нѣмецкаго собрата и доказалъ ему воочію, сколь не хорошо оказыватъ «пассивное сопротивленіе» другу-пріятелю при дѣлежѣ совмѣстно добытаго чужого добра. Урокъ, правда, былъ нѣсколько жестокъ, кой-какая «культура» была растащена и истреблена во славу фантастической эстонской и латышской «республикъ», а когда урокъ былъ признанъ достаточнымъ, то съ вниманіемъ и участіемъ отнеслись въ Петербургѣ къ отчаяннымъ воплямъ рыцарской и черной сотни. Да, пожалуй, и неудобно было бы дольше продолжать науку, такъ какъ почтенные балты сами были не промахъ и сумѣли найти доступъ къ европейскимъ братцамъ русско-нѣмецкой реакціи...

Бароны поняли. И въ Петербургѣ простили. Не безъ вліянія оказалось и кое-чье благосклонное посредничество. Будирующій братецъ еще разъ изъявилъ непреклонную благонадежность. Братецъ поучающій рѣшилъ, что довольно. Родственная ссора была закончена. Въ трогательномъ единодушіи соединились ордынцы казацкихъ и иныхъ лейбъ-гвардіи усмирителей съ породистыми рыцарями нѣмецкаго ордена. И общее дѣло началось. Звономъ стакановъ и воемъ реакціи наполнились высоко-благородные замки культурныхъ бароновъ. Желаннымъ гостемъ былъ на этотъ разъ грязный и грубый дикарь, котораго такъ презирали господа Божіей милостью Остзейскаго края. Бѣлая холеная рука ихъ сіятельствъ и свѣтлостей съ игривой фамильярностью легла въ черную запачканную кровью лапу московитскаго палача, а гордыя шеи балтійскихъ баронессъ почтительно склонились передъ дикой фигурой всероссійскаго погромщика. Феодальная культура и казацкая нагайка, балтійская добродѣтель и звѣрство истинно русскаго живоглота показались передъ всѣмъ міромъ въ открытомъ и братскомъ союзѣ, явили міру съ пріятной наглостью свой старый грѣхъ, таившійся въ закоулкахъ большихъ и малыхъ дворовъ россійскихъ участковъ, казармъ и застѣнковъ. Они вышли наружу во всемъ

великолѣпіи человѣконенавистничества и циничнаго презрѣнія ко всему великому и святому. Вмѣстѣ они охотились на людей, эти балтійскіе аристократы и русскіе «хамы», вмѣстѣ разстрѣливали, вѣшали и убивали, вмѣстѣ пытали и жгли, вмѣстѣ насильничали, вмѣстѣ истребляли ненавистную соціалистическую крамолу. Кровью эстовъ и латышей, русскихъ и евреевъ спаянъ союзъ нѣмецкихъ «братьевъ меча» и русскихъ братьевъ штыка и нагайки.

М. Рейснеръ-Реусъ.

Почему имъ не вѣрятъ?

Сторонній наблюдатель несомнѣнно остановится съ глубокимъ недоумѣніемъ на одномъ фактѣ русской жизни, — на недовѣріи, существующемъ въ широкихъ кругахъ оппозиціонной Россіи къ конституціонно-демократической партіи. Удивляться есть чему.

На русскую историческую сцену, такъ недавно безмолвную и пустопорожнюю, вышла съ шумомъ и блескомъ крупная политическая партія съ яркой и совершенно опредѣленной, по крайней мѣрѣ въ ея политической части, программой. Какъ ближайшее требованіе, выставляется осуществленіе народовластія въ такихъ формахъ, которыя и по сейчасъ представляютъ pium desiderium для нѣкоторыхъ болѣе цивилизованныхъ европейскихъ странъ, въ такихъ формахъ, которыя предусматриваютъ коренную ломку прошлаго, ложатся непроходимой пропастью между старымъ режимомъ и вырисовывающимся политическимъ строемъ будущаго. Соціальная программа менѣе ясна и опредѣленна, тамъ есть недоговоренныя слова, недописанныя главы. Но если бы и съ этими недоговоренными словами и недописанными главами она вошла въ жизнь, міръ увидѣлъ бы соціальную реформу, какой еще не было, какая не ставится, какъ реальное требованіе ближайшей очереди, почти ни въ одной парламентской странѣ, ни одной демократической партіей. Два центральныхъ пункта программы, — массовое принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель и обращеніе, вмѣстѣ съ государственными, удѣльными и прочими землями въ общенародный государственный фондъ съ передачей въ арендное пользованіе трудящимся классамъ, есть несомнѣнное признаніе принципа націонализаціи земли, какъ бы ни отбивались отъ этого слова на послѣднемъ съѣздѣ сами конституціоналисты-демократы.

Постановка ими аграрнаго вопроса, по своему принципіальному и практическому значенію, представляетъ такую огромную важ-

ность, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности точно учесть все то будущее, которое логически будетъ вытекать изъ него, тѣ глубокія измѣненія въ экономической и правовой жизни народа и въ самой структурѣ государства, которыя явились-бы результатомъ такой земельной реформы. Та твердыня буржуазнаго государства, которая почти вездѣ стоитъ непоколебимой,—частная земельная собственность, несомнѣнно, была-бы расшатана въ самомъ корнѣ своемъ, какъ бы ни увѣряли сами конституціоналисты-демократы, что они не трогаютъ принципа частной собственности. Тѣмъ самымъ логически неизбѣжно былъ-бы поколебленъ въ своемъ главномъ фундаментѣ и принципъ частной собственности вообще. Политическое значеніе земельной реформы было-бы не менѣе важно и чревато логически неизбѣжными послѣдствіями. Классъ земельныхъ собственниковъ, въ частности дворянъ-помѣщиковъ, былъ бы сметенъ, какъ классъ, съ исторической сцены. Дворянство, единственное исторически организованное въ Россіи сословіе, державшее всегда въ своихъ рукахъ политическую власть страны, будетъ выброшено, какъ политическій факторъ, изъ будущей цѣпи реальныхъ силоотношеній, и въ этой будущей цѣпи реальныхъ силъ самымъ крупнымъ звеномъ было-бы несомнѣнно крестьянство и къ нему несомнѣнно перешла-бы политическая власть. Я не говорю о другихъ логическихъ неизбѣжностяхъ, вытекающихъ изъ факта перехода огромной части земель въ руки крестьянства въ формѣ общенароднаго земельнаго фонда: о перестройкѣ мѣстнаго самоуправленія, всей мѣстной жизни, о неизбѣжной крупной ломкѣ промышленности и проч., и проч. Имѣю основаніе предполагать, что, если бы какихъ-нибудь три года назадъ сказали, что выступитъ въ Россіи крупная политическая партія не революціонная съ такой практической программой ближайшаго дня, а не отдаленнаго будущаго, наиболѣе оптимистически настроенные люди признали бы это утопіей, если не безсмыслицей.

Далѣе. Конституціонно-демократическая партія собрала въ свои ряды, несомнѣнно, лучшихъ людей русскаго *общества*; наиболѣе живые и интеллигентные люди въ дворянствѣ, въ купечествѣ, въ профессорскомъ мірѣ, въ такъ называемыхъ либеральныхъ профессіяхъ, наконецъ, въ чиновничествѣ вошли въ ряды партіи. Туда вошли крупныя имена въ ученомъ и литературномъ мірѣ, популярные общественные дѣятели въ провинціи; туда вошли испытанные лучшіе дѣятели земства, имѣвшіе мужество въ самыя мрачныя времена Сипягина и Плеве остаться честными земскими дѣятелями. Личная порядочность, доброе имя, честное прошлое—внѣ сомнѣній относительно большинства членовъ Государственной Думы, принадлежащихъ къ конституціонно-демократической партіи. Во всякомъ случаѣ, сомнѣваться въ искренности ихъ *намѣреній* нѣтъ никакихъ основаній.

И тѣмъ не менѣе имъ не вѣрятъ. Съ живымъ интересомъ, но

съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ встрѣчены были съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей. Съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ выслушивались рѣчи конституціоналистовъ-демократовъ на избирательныхъ собраніяхъ, ярко и рѣзко вспыхнуло недовѣріе при самомъ открытіи Государственной Думы и недовѣрчивымъ взглядомъ провожались ихъ первые шаги въ Думѣ. Я не говорю здѣсь о революціонерахъ вчерашняго дня, которые еще вчера мирно сидѣли подъ своими смоковницами, а сегодня бранятъ Государственную Думу за ея недостаточно революціонный образъ дѣйствія,—такихъ много явилось въ послѣднее время. Я говорю даже не о вполнѣ отрицательномъ отношеніи организованныхъ лѣвыхъ партій, вытекающемъ изъ разницы ихъ программъ, я говорю о томъ недовѣріи, которое развито въ широкихъ слояхъ интеллигенціи, которое помѣшало людямъ, оставшимся внѣ лѣвыхъ партій, войти, тѣмъ не менѣе, въ конституціонно-демократическую партію, объ огромномъ количествѣ «дикихъ», о недовѣріи въ тѣхъ самыхъ слояхъ, наконецъ, изъ которыхъ вышла сама партія. Я помню, — я былъ приглашенъ, — какъ въ мѣстномъ комитетѣ партіи народной свободы обсуждалось проникшее въ газеты извѣстіе, будто Государственная Дума для выслушанія тронной рѣчи будетъ вызвана въ Царское село, какъ высказывалась горестная увѣренность, что члены партіи пойдутъ на это, и постановлялось всѣми силами противодѣйствовать такому рѣшенію.

Во многихъ случаяхъ это недовѣріе несправедливо и проявляется въ грубыхъ, жестокихъ, несправедливыхъ формахъ (до «измѣнниковъ и предателей» включительно), но мнѣ хотѣлось безпристрастно разобраться въ причинахъ этого недовѣрія, въ томъ, есть ли тутъ справедливое. Дѣло, очевидно, не въ программѣ и, по крайней мѣрѣ, не въ одномъ личномъ составѣ.

II.

Чтобы понять это недовѣріе, нужно прежде всего установить, что оно не явилось результатомъ дѣятельности партіи, что оно не было разочарованіемъ въ возлагавшихся надеждахъ; нужно установить, что оно предшествовало появленію партіи на исторической сценѣ, что именно не было очарованія и разочарованіе было, такъ сказать, выдано авансомъ. Въ этомъ отношеніи партія народной свободы, несущая такія высокія знамена, не вызвала при своемъ рожденіи и первыхъ шагахъ общественной дѣятельности и сотой доли того энтузіазма, который вызывали, въ моментъ своего возникновенія, родственныя ей политическія партіи на Западѣ. Это понятно. Тамъ, на Западѣ либеральныя и либерально-демократическія партіи, при своемъ возникновеніи, являлись авангардомъ освободительнаго движенія, вели за собою лучшихъ людей *всей*

страны и несли въ сердцѣ своемъ святѣйшія пожеланія націи, по крайней мѣрѣ, говорили ихъ. Они говорили о правахъ человѣка, о равенствѣ гражданъ, о свободѣ и справедливости, и тамъ, тогда эти слова—были новыя слова.

Въ Россіи эти слова сказаны были гораздо раньше выступленія конституціоналистовъ-демократовъ на историческую сцену, и у нихъ не было новыхъ словъ, которыя могли бы зажечь сердца, новыхъ словъ, которыя принадлежали бы имъ, были бы ихнія новыя слова. Они опоздали выйти на историческую сцену. Еще въ 60-хъ годахъ въ первый разъ одинокіе голоса сказали формулу: «Земля и воля». Въ 70-ые года развертывалась, можно сказать, безпримѣрная по страстному напряженію, по необыкновенному самопожертвованію, трагическая по своему одиночеству, политическая и соціальная борьба. Почти сорокъ лѣтъ, падая и подымаясь, велась она,— конституціонно-демократической партіи не было. Да, было одиночество, въ тѣсномъ кругѣ людей совершалось революціонное движеніе, но страстная пропаганда новыхъ идей, подпольная, конспиративная, ежечасно душимая, прослаивалась во всѣ слои, по крайней мѣрѣ, культурнаго общества; она наполняла воздухъ ароматомъ новыхъ словъ, наполняла сердца людей восторгомъ и энтузіазмомъ предъ новыми идеями. Были либералы, но конституціонно-демократической партіи не было. И когда она явилась, слова уже были сказаны и сказаны гораздо бо̀льшія слова, чѣмъ тѣ, которыя несла она. Не оказалось у ней новыхъ словъ, и на ея долю осталось только наслѣдіе историческаго прошлаго западно-европейскихъ либеральныхъ партій и собственное, не радостное, не поднимающее духъ, историческое прошлое русскаго либерализма. То западно-европейское прошлое говоритъ прежде всего о многочисленныхъ случаяхъ обмана либеральными партіями народа, который вели онѣ на дѣло освобожденія. Пусть русскіе либералы не виновны въ этомъ, но не виноваты и тѣ, кто занимался исторіей, кто знаетъ прошлое,—и это западно-европейское прошлое встало первымъ предостереженіемъ для людей, смотрѣвшихъ со стороны. И въ ихъ собственномъ прошломъ, въ прошломъ тѣхъ слоевъ и политическихъ теченій, изъ которыхъ вышли дѣятели партіи народной свободы, съ которыми они были смежны и содружественны, было не мало такого, что поддерживало и усиливало это апріорное недовѣріе, что заставляло и заставляетъ съ тревогой относиться къ будущему партіи даже людей, наиболѣе расположенныхъ къ ней, высоко расцѣнивающихъ ея удѣльный вѣсъ и искренно вѣрящихъ въ честность и личную порядочность большинства партіи. Это прежде всего позиція либерально оппозиціонныхъ элементовъ по отношенію къ тому освободительному движенію и къ тѣмъ борцамъ за идею, которые выступали раньше ихъ. Люди, помнящіе 70-е года, не забыли того тона, какимъ говорили тогда о революціонномъ движеніи и революціонерахъ либеральные органы печати.

«Злодѣи» и «изверги»,—таковы были обычныя слова, посылавшіяся въ лагерь революціонеровъ. Либеральные органы и либеральные люди, земскіе и общественные дѣятели, говорили тогда, что именно революціонныя партіи мѣшали прогрессу безпрепятственно развертываться въ Россіи, что правительство уже дало великія реформы и дало бы еще большія, и завершило бы зданіе, если бы не мѣшала правительству дѣятельность революціонныхъ партій, утопичность и невозможность ихъ требованія земли и воли. И все та же нота порицанія и осужденія звучала по отношенію къ революціонерамъ со стороны либераловъ всѣ эти сорокъ лѣтъ, не перестаетъ звучать она и въ настоящее время.

Постепенно «злодѣи» и «изверги» исчезали изъ лексикона либеральныхъ органовъ, но ихъ замѣнили «внутренніе враги», «крамола». Тотъ самый С. Н. Трубецкой, который, несомнѣнно, былъ бы украшеніемъ партіи, и въ первыхъ рядахъ, если не на первомъ креслѣ, сидѣлъ бы сейчасъ въ Государственной Думѣ, только годъ назадъ, въ извѣстной рѣчи Государю, говорилъ о «крамолѣ». Кн. Е. Трубецкой такъ недавно писалъ о «внутреннемъ врагѣ». Годъ назадъ въ № 152-мъ «Руси» отъ 9-го іюня г. Кузьминъ-Караваевъ писалъ, что революціонная партія «повидимому, состоитъ изъ безсмысленныхъ мечтателей, у которыхъ есть только неясныя очертанія нигдѣ не извѣданныхъ новыхъ формъ соціальнаго быта», что собраніе земцевъ въ Москвѣ 25 мая объединилось во имя того, чтобы «вырвать дорогую отчизну изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и не дать въ руки тѣхъ, кто готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи, въ омутъ *западной анархіи* или нашей русской пугачевщины». Теперь не говорятъ—не принято,—ни «злодѣй», ни «извергъ», ни «внутренній врагъ», ни «крамола», а говорятъ просто: «лѣвые», но тембръ голоса остался все тотъ же, и все та же мысль сквозитъ въ недосказанныхъ, а иногда и прямо сказанныхъ словахъ, что именно эти лѣвые, какъ раньше злодѣи и изверги, крамольники и внутренніе враги, мѣшаютъ прогрессу развертываться въ Россіи планомѣрно, закономѣрно и проч., по тѣмъ единственно правильнымъ предуказаніямъ, которыя установлены конституціонно-демократической партіей.

Но, конечно, самая главная причина этого недовѣрія не въ томъ. И прежде всего не въ недостаточности ихъ программы, не въ заподазриваньи ихъ личной порядочности, а въ отсутствіи вѣры въ нее, какъ политическую партію, въ ея искренность, какъ партіи, въ широту и правильность пониманія ею историческаго момента, наконецъ, въ ея политическую дѣеспособность, въ смыслѣ готовности и достаточнаго гражданскаго мужества къ проведенію своей собственной программы въ жизнь.

Дѣло въ психологіи партіи. Нужно помнить, что конституціонно-демократическая партія служитъ необыкновенно яркимъ представителемъ того, что называется въ широкомъ, теперь въ особен-

ности широкомъ смыслѣ слова, русскимъ обществомъ и безусловно вѣрнымъ представителемъ. Нужно знать и помнить психологію этого русскаго общества до вчерашняго дня. Самая характерная, я бы сказалъ, трагическая особенность русской жизни состоитъ въ томъ, что всѣ реформы въ Россіи давали и никогда ихъ не брали, что въ Россіи не было борьбы, если не говорить о крестьянствѣ, время отъ времени стихійно поднимавшемся, если не говорить о тѣсныхъ, трагически одинокихъ, кругахъ интеллигенціи, со временъ Радищева и декабристовъ, боровшихся за права человѣка за интересы крестьянства. Прежде всего «дареному коню въ зубы не смотрятъ», ибо «всякое даяніе благо», и потомъ разъ дали, дадутъ и еще—подождемъ, а если и отберутъ,—«богъ далъ—богъ и взялъ». И то обстоятельство, что русскіе люди получали и никогда не брали, создало ту особенную психологію, можетъ быть, единственную психологію русскаго общества. Оно всегда терпѣло и всегда ждало.

Оно терпѣло самыя невозможныя поруганія надъ своею честью и совѣстью. Безучастно, и во всякомъ случаѣ молча и терпѣливо, десятки лѣтъ смотрѣло оно, какъ борцы за свободу вели свою упорную и одинокую борьбу съ правительствомъ, какъ гнали ихъ въ ссылки и каторги, какъ, съ безпримѣрной безчеловѣчной жестокостью, правительство обрекало ихъ на медленную смерть въ тюрьмахъ, въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ Шлиссельбургской крѣпости. Общество терпѣло. Оно терпѣливо сносило, какъ десятки лѣтъ дѣти вмѣсто отцовъ дѣлали революцію, какъ тысячами выбрасывались изъ учебныхъ заведеній дѣти этого самаго общества, какъ били нагайками студентовъ, кому только не лѣнь было. Оно терпѣло. И высшіе представители этого общества, профессорскія коллегіи, за рѣдкими исключеніями, молча присутствовали при томъ, какъ подъ окнами университетовъ избивали нагайками ихъ учениковъ; они не подняли негодующаго крика, когда Боголѣповъ сталъ сдавать студентовъ въ солдаты, они молча присутствовали и терпѣливо взирали, какъ ломали высшія учебныя заведенія, какъ въ ихъ среду сапожниковъ назначали хирургами, а квартальныхъ надзирателей—профессорами права.

Та же психологія была въ земскихъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Они также терпѣли и также ждали. И также молча присутствовали при той ломкѣ данныхъ, а не взятыхъ реформъ, которая составляла сущность періода царствованія Александра III. Молча присутствовали при ограниченіи своихъ собственныхъ правъ и усиленіи губернаторской власти, при глубокомъ измѣненіи принциповъ городского и земскаго самоуправленія. И не было конца терпѣнію и тому легковѣрію и легкомыслію хроническаго ожиданія, съ которыми хватались на лету всякіе слухи, шедшіе изъ Петербурга, изъ подворотни какого-нибудь министерства, изъ какого-нибудь придворнаго хлѣва. Эти безконечныя «весны» и «эры»

и безчисленные слухи, что вотъ «пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ». Получившіе и ждавшіе новой получки, новаго барина, бросали досадливые и негодующіе окрики тѣмъ, кто не хотѣлъ ждать, кто стремился брать. Дѣйствовать только по законамъ, какъ бы они ни были беззаконны и безсовѣстны, работать только совмѣстно съ правительствомъ, какъ бы ни преступно и глубоко безнадежно въ государственномъ смыслѣ оно ни было—вотъ постоянный лозунгъ тѣхъ широкихъ слоевъ общественныхъ дѣятелей, изъ которыхъ вышла конституціонно-демократическая партія. Сомнѣніе и недовѣріе, негодованіе, отвращеніе, ужасъ, — я затрудняюсь перечислить всѣ оттѣнки—предъ всѣмъ, что говоритъ о нелегальномъ образѣ дѣйствій,—я уже не привожу страшнаго слова: «революція»—таковы ихъ давнія и неизмѣнныя чувства.

И долгое сожительство, мирная работа съ правительствомъ, работа при всякихъ условіяхъ,—создали между ними своеобразную диффузію, положили печать на складъ мыслей тѣхъ слоевъ, на ихъ методологію, наложили печать на манеры, на поведеніе, на тактику. Только этимъ долговременнымъ, прискорбнымъ сосуществованіемъ и можно объяснить тѣ навыки мысли, тотъ гипнозъ правительственныхъ словъ,—я глубоко вѣрю, что эти преступныя и нелѣпыя слова: «крамола», «внутренній врагъ» говорились безъ заранѣе обдуманнаго преступнаго намѣренія. Только этимъ заимствованіемъ съ иностраннаго можно объяснить «безсмысленныхъ мечтателей» г. Кузьмина-Караваева; только этой диффузіей, только этимъ гипнозомъ словъ можно объяснить эту воистину изумительную «западную анархію» г. Кузьмина-Караваева, того самаго, который въ своихъ совершенно корректныхъ рѣчахъ стремится водворить въ Россіи, какъ высшее благо, эту самую западную анархію и, повидимому, не прочь «испытать нѣкоторыя неясныя очертанія нигдѣ не извѣданныхъ новыхъ формъ соціальнаго быта». Думаю, нѣкоторыя черты взаимоотношеній правительственныхъ слоевъ съ Думскими слоями объясняются этимъ старымъ знакомствомъ, долговременной совмѣстной жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣтились «знакомыя все лица». Я представляю себѣ психологію правительственныхъ круговъ, невозможность для нихъ повѣрить въ рѣшительныя дѣйствія со стороны тѣхъ, которые такъ недавно только «ходатайствовали», были очень терпѣливы и болѣе нежели корректны въ своемъ ожиданіи.

III.

Это прошлое, это тщательное отгораживаніе себя отъ слова «революція» и такое же тщательное подчеркиваніе легальности своей работы, только по писаннымъ законамъ, только совмѣстно съ правительствомъ, и даютъ поводъ даже людямъ, искренно сочувствующимъ образованію партіи народной свободы, сомнѣваться и

недовѣрія тому, сумѣетъ ли партія понять и оцѣнить во всемъ его объемѣ настоящій историческій моментъ, должнымъ образомъ оріентироваться въ немъ, не будетъ-ли она по старому терпѣть и ждать, пожелаетъ-ли и сумѣетъ-ли взять.

Два года, какъ несомнѣнная революція развертывается въ Россіи. Я не говорю о революціонномъ движеніи въ низахъ, а о революціи въ верхахъ, надъ народомъ, надъ рабочимъ. Въ революцію втянуты слои населенія, не реагировавшіе раньше на политику—инженеры, и чиновники, и адвокаты, никоимъ образомъ не принадлежащіе къ пролетаріату, и желѣзнодорожники, тоже не всѣ записанные въ соціально-демократическую партію, такъ недавно бывшіе мирными обывателями и сыгравшіе такую огромную роль именно своей желѣзнодорожной забастовкой въ появленіи манифеста 17-го октября, и приказчики, давшіе въ Москвѣ побѣду 160 выборщикамъ конституціонно демократической партіи,—всѣ они давно вышли изъ рамокъ, предоставленныхъ имъ писаннымъ закономъ. Мнѣ не хочется большое и полноцѣнное слово «революція» примѣнять къ маленькимъ и малоцѣннымъ людямъ, изъ которыхъ состоитъ правительство, но образъ дѣйствія его давно уже, несомнѣнно, нелегальный. Давно было очевидно для всѣхъ, а послѣ замѣчательной рѣчи кн. Урусова сдѣлалось несомнѣннымъ фактомъ, что рядомъ съ правительствомъ показнымъ, съ оффиціальными министрами и полуминистрами существовало и существуетъ другое правительство, другіе министры и полуминистры болѣе полномочные—нелегальное правительство.

Давно правительство освободило себя отъ путъ писанныхъ законовъ, хотя бы имъ самимъ писанныхъ, и дѣйствуетъ диктаторскимъ, заговорщицкимъ, погромщическимъ, какимъ угодно, только не легальнымъ путемъ. А конституціонно-демократы съ силой отчаянія все держатся за возможность легальной работы, все по прежнему тщательно отгораживаютъ себя отъ лѣвыхъ методовъ борьбы, какъ бы кто не смѣшалъ, и не замѣчая, вѣрнѣе стараясь не замѣчать всей нелѣпицы существующаго положенія вещей, всей невозможности своего собственнаго положенія.

Предсѣдатель Думы говорилъ о дѣйствіяхъ, вытекающихъ изъ сущности народнаго представительства, въ то время, какъ за пять дней передъ тѣмъ основными законами вырвана изъ Думы именно сущность народнаго представительства, и законы, не одобренные Думой, а одобренные нелегальнымъ правительствомъ, продолжали сыпаться въ изобиліи. Сама партія давно вышла изъ легальныхъ формъ борьбы и требуетъ удаленія министерства, на что она не уполномочена основными законами и весьма не легально кричитъ имъ: «уходите вонъ!»—а давній методъ, старые навыки мысли чувствуются и по сіе время въ рѣчахъ и писаныхъ статьяхъ к.-д. партіи. И вотъ существуетъ недовѣріе прежде всего къ методологіи, сомнѣніе въ возможности для партіи освобожденія отъ

привитыхъ всѣмъ прошлымъ привычекъ мысли, сомнѣніе въ вѣрности пониманія ею и точной расцѣнки настоящаго историческаго момента.

Еще болѣе возбуждала и возбуждаетъ сомнѣніе тактика, поведеніе партіи. Прошлое партіи говоритъ о недостаточной подготовленности къ военнымъ дѣйствіямъ: она вышла на войну недостаточто вооруженная. Самоограничивая себя въ выборѣ оружія и въ методахъ борьбы, она тѣмъ самымъ не предусматриваетъ всѣхъ методовъ борьбы противника и можетъ оказаться безсильной и безоружной предъ нимъ. Она, такъ сказать, подготовлена къ борьбѣ съ регулярными войсками, съ легальнымъ правительствомъ и не подготовлена къ борьбѣ съ иррегулярными баши-бузукскими отрядами, съ нелегальнымъ правительствомъ. Въ высокой степени характерно, что то мѣсто, съ котораго говорятъ депутаты въ бѣломъ залѣ «Таврическаго дворца», называется каѳедрой, а не трибуной. Съ этой *каѳедры* предупреждаетъ предсѣдатель депутатовъ можно говорить такія-то слова, а такихъ-то словъ «говорить нельзя». Входя на эту «кафедру»,—начинаетъ свою рѣчь министръ Столыпинъ. И потомъ, какъ ни искренно приняло большинство членовъ партіи свою программу, они все-таки въ значительной мѣрѣ—люди имущественныхъ классовъ, и дѣло крестьянской и рабочей нужды для нихъ не такъ дорого, вѣрнѣе, не такъ больно. Помимо неподготовленности къ борьбѣ, является сомнѣніе, хватитъ ли у нихъ мужества и горячаго желанія пойти на то, на что посылаетъ ихъ страна, будутъ ли они одинаково горячо до конца отстаивать не только политическую половину своей программы, но и соціальную, въ которой, въ лучшемъ случаѣ, они мало заинтересованы, которая имъ не такъ остро больна.

IV.

Къ сожалѣнію, первые шаги партіи послѣ блестящей побѣды на выборахъ не разсѣивали, а скорѣе сгущали то смутное недовѣріе, съ которымъ она была встрѣчена.

Я говорю о самооцѣнкѣ партіи, объ отношеніи къ другимъ партіямъ, о томъ неумѣренномъ великолѣпіи, проявленномъ ею на первыхъ шагахъ, крикливомъ и претенціозномъ великолѣпіи, которое коробило даже тѣхъ, кто искренно апплодировалъ успѣху партіи, если и не творившей, то, во всякомъ случаѣ, такъ блестяще организовавшей общественное мнѣніе.

Наиболѣе ярыя нападки на партію народной свободы (до «измѣнниковъ» и «предателей» включительно) неслись со стороны соціалъ-демократической партіи, и туда же посылали к.-д. наиболѣе горячую отповѣдь. И странное дѣло, партія народной свободы—я говорю о печати ея—повторяла всѣ недостатки именно своихъ

враговъ. Мы знаемъ, что, при самомъ возникновеніи, партія соціалъ-демократическая заявила, что до нея въ Россіи была хаоса бытность довременна, что она отдѣлила сухое мѣсто отъ мокраго, она сказала: «да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ». Я не буду повторять великолѣпныхъ рѣчей соц.-дем., тоже не служившихъ къ украшенію партіи послѣ 17-го октября, когда они твердо увѣровали и увѣряли другихъ, что 17-е октября добыто ими и никѣмъ другимъ, на каковомъ основаніи и полагалось только пролетаріату и впредь управлять Россіей. Все это въ свое время въ должной мѣрѣ разъяснено было органами партіи народной свободы, и все это въ полной мѣрѣ, съ тѣмъ же неразумнымъ великолѣпіемъ, продѣлывалось партіей народной свободы. Уже первыя статьи органовъ партіи, послѣ выяснившейся блестящей побѣды, когда онѣ расправлялись съ правыми и съ лѣвыми, дышали именно сознаніемъ этого всеединаго всемогущества.

Я не буду злоупотреблять выписками, да и все это, навѣрное, въ памяти у читателя. Быть можетъ, наиболѣе характерной въ этомъ отношеніи является статья въ «Рѣчи», отъ 6-го іюня, подписанная скромными иниціалами П. М. Авторъ даетъ такую схему русскаго освободительнаго движенія: 6-е ноября (резолюціи земцевъ), 6-ое іюня — депутація къ государю и рѣчь кн. Трубецкого и 17-ое октября,—по мысли автора, какъ бы логически вытекающее изъ 6-го ноября и 6-го іюня. Никакихъ другихъ датъ въ статьѣ нѣтъ. Между этими вѣхами нѣтъ ничего,—ни 9-го января, ни всего того, что легло въ этотъ короткій по времени, но громадный по историческому содержанію промежутокъ, ни рабочихъ, ни крестьянскихъ датъ, ни мѣсяцъ, предшествовавшій 17-му октября. Не упомянуто ни однимъ словомъ о великой забастовкѣ, непосредственнымъ концомъ которой былъ манифестъ 17-го октября. Умыселъ тутъ ясенъ: свести исторію послѣднихъ двухъ лѣтъ къ дѣятельности к.-д. партіи, установить собственныя вѣхи.

Такъ просто. Это все были побѣды к.-д. и никого больше. «Въ ряду этихъ побѣдъ, пишетъ П. М., 6-ое іюня занимаетъ переходное мѣсто между 6-мъ ноября и 17-мъ октября». «Къ сожалѣнію, каждый новый шагъ впередъ» — воистину къ сожалѣнію пишетъ П. М.,— требовалъ и искупительныхъ жертвъ, и число ихъ, увы! далеко еще не исполнилось». Это—глухая затушеванная фраза, но по общему смыслу статьи здѣсь говорится не о тѣхъ искупительныхъ жертвахъ, которыя несла весь этотъ годъ вся оппозиціонная Россія, дѣйствительно неимовѣрныхъ жертвахъ того же пролетаріата, а о жертвахъ, какъ будто принесенныхъ конституціонно-демократической партіей. Число жертвъ, увы! дѣйствительно не «исполнилось», но элементарное чувство приличія должно было подсказать г-ну П. М. не говорить о нихъ, такъ какъ ни 6-ое ноября, ни 6-ое іюня не потребовало чрезмѣрныхъ искупительныхъ жертвъ со стороны к.-д.

То же чувство приличія должно бы подсказать ему не говорить: «рѣдкое, героическое время»!

Да, рѣдкое, да, героическое время,— но героями были не тѣ, о комъ пишетъ П. М. Такъ пишется исторія г-мъ П. М., но такъ пишется исторія только для кадетовъ младшаго возраста. Все та же упрощенная соціалъ-демократическая теорія мірозданія, только міроздателями являлись не соціалъ-демократы, — а конституціоналисты-демократы. Это они отдѣлили сухое мѣсто отъ мокраго, доконституціонную Россію отъ конституціонной Россіи, они установили день и ночь, они сказали: «да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ».

Я не привожу другихъ статей въ томъ же родѣ. Это великолѣпіе не только непріятно, какъ всякое бахвальство. Если оно искренно, если это говорится не на страхъ врагамъ и не на поднятіе духа друзей, — оно свидѣтельствуетъ о коренной переоцѣнкѣ себя, какъ партіи, глубокомъ забвеніи прошлаго, о серьезномъ непониманіи настоящаго и о дурномъ предвидѣніи будущаго. И, конечно, не разсѣиваетъ сложившагося раньше недовѣрія.

Я не буду говорить здѣсь о тактикѣ партіи въ Думѣ,—все то, что происходило тамъ до сего времени только первые шаги, не дающіе возможности высказываться опредѣленно, и во всякомъ случаѣ не ими,—не разочарованіемъ въ возлагавшихся надеждахъ можно объяснить то недовѣріе, которое существовало гораздо раньше открытія Думы. Я не имѣлъ въ виду ставить приговоръ о настоящемъ и дѣлать предсказанія о будущемъ. Было бы несправедливо тяжесть отвѣтственности за дѣйствительно непозволительную статью П. М. и другія въ томъ же родѣ статьи взваливать на всю партію. И потомъ, какъ партія к.-д. настоящаго дня не похожа на то, чѣмъ она была такъ недавно, такъ изъ настоящаго партіи нельзя дѣлать опредѣленныхъ предположеній о будущемъ. Отъ момента возникновенія до принятія принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель и образованія обще-народнаго земельнаго фонда партія прошла долгій путь и по дорогѣ успѣла растерять многихъ спутниковъ въ томъ числѣ и г. Кузмина-Караваева и привлечь къ себѣ часть тѣхъ, кто не расположенъ ждать и желаетъ «брать». Эволюція партіи не закончилась, есть серьезныя основанія думать, что она совершается и въ настоящее время, и во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ блока, какимъ въ значительной мѣрѣ является она въ настоящее время, она все болѣе и болѣе будетъ отливаться въ партію, разслоиваясь, опредѣляясь все ярче. Тогда и опредѣлится ея тактика. Уже по тому, какъ эволюціонируетъ «общество», вѣрной выразительницей которато является к.-д. партія, трудно сказать, когда и на чемъ остановится она. Куда пойдетъ она,—будетъ ли замыкаться въ сферу тѣсно-опредѣленныхъ интересовъ опредѣленныхъ классовъ, или, вмѣстѣ со всей Россіей, постепенно освобождаясь отъ методологіи прошлаго, отъ старыхъ привычекъ мысли, она придетъ къ болѣе широкому

кругозору, туда, куда зоветъ ее вотумъ страны, — покажетъ будущее. Нѣкоторыя указанія имѣются. Еще недавно тѣ общественные слои, изъ которыхъ вышли к.-д., знали только одну тактику,— «ходатайствовали», 6-го ноября они постановили «резолюцію», въ 4 часа ночи 5-го мая они сказали: «мы ждемъ»... Правда, предсѣдатель произносилъ великолѣпныя слова о непозволительности и невозможности слова «требовать» съ думской каѳедры.

Но можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ г. предсѣдатель будетъ добръ и разрѣшитъ на парламентской трибунѣ слова, хотя непредусмотрѣнныя имъ, но которыя продиктуетъ строгая логика логично развертывающагося историческаго момента.

С. Елпатьевскій.

Борьба за реформу избирательнаго закона въ Австріи.

II *).

Въ предыдущей статьѣ, три мѣсяца тому назадъ, я писалъ: «Предложеніе парламенту проекта новаго избирательнаго закона является серьезной побѣдой демократическихъ партій. Однако эту побѣду нельзя еще считать окончательной. Борьба за избирательную реформу не прекратится. Она только измѣнитъ свой характеръ. Центръ тяжести этой борьбы перемѣстится въ парламентъ, и судьба правительственнаго законопроекта станетъ въ зависимость отъ компромисса, заключеннаго между его сторонниками и противниками». Ходъ событій подтвердилъ это предположеніе. Вопросъ объ осуществленіи всеобщаго избирательнаго права вошелъ въ новую стадію развитія, и взоры всѣхъ сосредоточились на борьбѣ партій между собой и съ правительствомъ, происходящей въ «греческомъ зданіи» на Франценсритѣ и за его кулисами.

Какъ отнеслись политическія партіи различныхъ національностей Австріи къ законопроекту бар. Гауча?—вотъ вопросъ, на который слѣдуетъ отвѣтить прежде всего.

Если мы сгруппируемъ всѣ отзывы о законопроектѣ бар. Гауча, раздававшіеся какъ въ парламентѣ, такъ и на многочисленныхъ митингахъ, то получится впечатлѣніе довольно странное. Окажется, что нѣтъ ни одной партіи, ни одной національности, которыя бы считали законопроектъ бар. Гауча въ томъ видѣ, въ какомъ онъ

*) См. „Современность“, мартъ, стр. 41—60.

былъ предложенъ парламенту 23-го февраля, пріемлемымъ. Начиная съ феодаловъ-аграріевъ и кончая соціалъ-демократами,—всѣ доказывали, что законопроектъ полонъ недостатковъ и вопіющихъ несправедливостей. О пагубныхъ послѣдствіяхъ законопроекта бар. Гауча говорили и словинцы, которые получали, вмѣсто пятнадцати, 23 депутатскихъ полномочія, и даже русины, не смотря на то, что законопроектъ увеличивалъ болѣе, нежели втрое, количество ихъ депутатовъ.

Однако, вслушавшись повнимательнѣе въ эти рѣзко-критическія мнѣнія, можно было очень легко уловить въ нихъ, рядомъ, съ искреннимъ негодованіемъ, и чисто агитаціонныя нотки.—Отчего, молъ, не выругать лишній разъ стряпню бар. Гауча? Авось, при переговорахъ и торгахъ что-нибудь и прикинутъ. Желая провести свой законопроектъ, правительство будетъ торговаться съ различными партіями, и тогда, быть можетъ, удастся еще что-нибудь урвать— таковъ былъ разсчетъ особенно тѣхъ мелкихъ партій и національностей, которымъ новый законопроектъ сулилъ въ будущемъ очень много по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ онѣ обладали.

Если, съ одной стороны, казалось довольно страннымъ то, что всѣ безъ исключенія партіи и національности съ ожесточеніемъ набросились на законопроектъ бар. Гауча, то, съ другой, не могло не вызвать удивленія и то обстоятельство, что *принципіальныхъ* противникомъ вводимаго бар. Гаучемъ всеобщаго избирательнаго права и уничтоженія курій совершенно не оказалось. Самые крайніе элементы среди нѣмецкихъ, чешскихъ и польскихъ консерваторовъ не пытались защищать ни курій, ни другихъ привилегій и формулировали свои нападки, исходя изъ другихъ соображеній.

Съ самой сдержанной критикой отнеслись къ законопроекту бар. Гауча соціалъ-демократы. На другой же день послѣ внесенія въ парламентъ новаго законопроекта въ Вѣнѣ состоялась конференція, въ которой участвовали представители всѣхъ національныхъ соціалъ-демократическихъ организацій. Вѣнская конференція 21-го февраля привѣтствовала законопроектъ Гауча, какъ актъ, осуществляющій принципъ всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Она съ удовлетвореніемъ подчеркнула фактъ упраздненія курій, какъ уничтоженіе парламента привилегій, и въ спеціальномъ наказѣ поручила соціалъ-демократическимъ депутатамъ добиваться въ парламентѣ такихъ измѣненій законопроекта, безъ которыхъ рабочія массы считаютъ его непріемлемымъ. Требованія соціалъ-демократовъ свелись, собственно говоря, къ двумъ пунктамъ.

Во-первыхъ, ихъ негодованіе вызвало то обстоятельство, что по законопроекту бар. Гауча для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ требуется не 6-ти мѣсячное, а годичное пребываніе въ той общинѣ, гдѣ данное лицо пользуется избирательнымъ правомъ. Годичный срокъ пребыванія въ данной общинѣ долженъ очень сильно отразиться бы на участіи рабочихъ въ выборахъ. Всѣ тѣ, кто долженъ

искать временной работы внѣ постояннаго своего мѣстожительства, оказались бы лишенными права участвовать въ выборахъ. Такимъ образомъ 7—10°/₀ рабочихъ не пользовалось бы избирательнымъ правомъ.

Во-вторыхъ, соціалъ-демократическіе депутаты обязывались протестовать противъ крайне тенденціозной т. н. «избирательной геометріи», выражающейся въ очень невыгодной вырѣзкѣ избирательныхъ округовъ. Въ законопроектѣ бар. Гауча повсюду, гдѣ это только удавалось, предмѣстья и пригороды, населенные рабочимъ классомъ, прирѣзывались къ сельскимъ округамъ, чѣмъ достигалась двойная цѣль. Съ одной стороны, въ городахъ уменьшалось количество соціалистическихъ голосовъ и затруднялась побѣда рабочихъ кандидатовъ; съ другой—рабочіе голоса фабричныхъ предмѣстій топились въ массѣ крестьянскихъ голосовъ. При соединеніи двухъ или нѣсколькихъ мелкихъ городовъ въ одинъ округъ этотъ послѣдній составляли такимъ образомъ, чтобы два промышленныхъ пункта разъединить и присоединить къ непромышленнымъ, лежащимъ иногда сравнительно очень далеко. При образованіи нѣсколькихъ округовъ въ болѣе крупныхъ городахъ, центральная часть города, обыкновенно лишенная фабрикъ и заводовъ, выкраивалась въ самостоятельный округъ, гарантирующій выборъ не соціалистическаго депутата.

Кромѣ того, соціалъ-демократы требуютъ избирательнаго права для каждаго гражданина, достигшаго 20 лѣтъ, хотя въ Австріи совершеннолѣтнимъ считается только тотъ мужчина, который достигъ 24-лѣтняго возраста. Это требованіе мотивируется тѣмъ, что для рабочаго настоящая жизнь начинается уже съ 18-ти лѣтъ, и что средній срокъ жизни пролетарія равняется всего 40 годамъ. Однако на этомъ требованіи соціалъ-демократы не настаивали бы такъ, какъ на двухъ предыдущихъ. Рабочіе понимаютъ, что законопроектъ Гауча, не смотря на всѣ свои недостатки, даетъ имъ въ руки такое мощное орудіе борьбы, что затруднять его осуществленіе мелочными придирками было бы для нихъ же не выгодно. Такимъ образомъ, въ лицѣ соціалъ-демократовъ законопроектъ бар. Гауча пріобрѣлъ рѣшительныхъ сторонниковъ, и соціалъ-демократическіе депутаты энергично выступали въ парламентѣ противъ его противниковъ.

Эти послѣдніе распались на двѣ группы. Одна изъ нихъ выступала противъ законопроекта бар. Гауча по соціальнымъ соображеніямъ, другая по причинамъ національнаго характера. Впрочемъ, національный моментъ выдвигался на первый планъ обѣими группами, такъ какъ и первой легче было защищать классовыя привилегіи подъ національнымъ знаменемъ, доказывая, что уничтоженіе этихъ привилегій вредитъ прежде всего національнымъ интересамъ данной народности.

По соціальнымъ побужденіемъ противятся демократизаціи избирательнаго закона прежде всего представители крупной земельной

собственности. Феодалы всѣхъ національностей прекрасно понимаютъ, что одно упраздненіе курій—и въ томъ числѣ прежде всего куріи крупной земельной собственности—является страшнымъ ударомъ для ихъ политическаго могущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они такъ же хорошо понимаютъ, что дѣло курій окончательно проиграно въ общественномъ мнѣніи. Для всѣхъ до очевидности ясно, что куріи являются такимъ анахронизмомъ, защищать который—значитъ компрометтировать себя передъ лицомъ всего населенія. И вотъ на сцену выдвигаются аргументы національнаго характера.

Всякая демократическая реформа въ Австріи неизбѣжно ведетъ къ ослабленію и гегемоніи нѣмецкаго элемента, къ уничтоженію его привилегій. Славянскія національности усиливаются, пріобрѣтаютъ вліяніе и оттѣсняютъ нѣмцевъ на задній планъ при каждомъ шагѣ государственнаго организма Австріи по пути демократизаціи. И вотъ «славянская опасность» является тѣмъ боевымъ кличемъ, который соединяетъ въ одномъ лагерѣ всѣ нѣмецкія партіи, за исключеніемъ соціалъ-демократической. Понятно, что феодалы не упускаютъ случая выступить задрапированными въ яркіе плащи нѣмецкаго патріотизма, защищающаго нѣмецкое отечество отъ нашествія варваровъ-славянъ.

Главный ораторъ противъ проекта—графъ *Штюргкъ* — рисовалъ передъ нѣмецкими депутатами парламента картину ужаснаго будущаго, когда реформа бар. Гауча отдастъ нѣмцевъ въ рабство славянамъ. Въ будущемъ парламентѣ, избранномъ на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, національныя распри еще увеличатся, потому что нѣмцамъ придется защищать остатки своего вліянія передъ дружнымъ напоромъ чеховъ, поляковъ, словинцевъ, русиновъ и т. д. Демократизированный парламентъ никоимъ образомъ не совладаетъ съ такими непосильными задачами, какъ упорядоченіе отношеній къ Венгріи, какъ сохраненіе военной силы и традиціонной внѣшней политики Австріи. Демократизированный парламентъ представляетъ самую серьезную опасность для нѣмецкаго языка въ арміи. Будущее славянское большинство въ этой области пойдетъ, несомнѣнно, еще дальше мадьяръ. А ужъ тройственному союзу угрожаетъ окончательная гибель. Ни чехи, ни поляки не захотятъ его поддерживать. Вмѣсто теперешней горсти русинскихъ депутатовъ, въ парламентѣ появится сильный русинскій клубъ съ явными панславитскими тенденціями. Все это приведетъ къ усиленію пруссофильскихъ тенденцій среди нѣмецкихъ радикаловъ,—и Австрія очутится на краю гибели, которая будетъ равно угрожать и династіи, и монархіи.

Всеобщее избирательное право возможно,—говорилъ другой нѣмецкій феодалъ,—но съ тѣмъ, чтобы за нѣмцами осталась привилегія, выраженная въ томъ, что голосъ нѣмецкаго избирателя имѣетъ большее значеніе, нежели голосъ чеха или словинца. Третій

феодалъ распинается за права 30,000 нѣмцевъ въ Крайнѣ, попранныя законопроектомъ Гауча. Такимъ образомъ, феодалы, стараясь подкопать избирательную реформу, выступаютъ въ качествѣ защитниковъ нѣмецкой національности, надѣясь такимъ путемъ возстановить противъ законопроекта бар. Гауча всѣхъ нѣмцевъ безъ различія партійныхъ оттѣнковъ.

И дѣйствительно, всѣ нѣмецкія партіи сплотились вокругъ знамени, на которомъ было написано —защита нѣмецкаго «Besitzstand'a». И противники, и сторонники всеобщаго избирательнаго права говорили: реформа допустима только въ томъ случаѣ, если за нѣмцами будетъ сохранено ихъ теперешнее значеніе, если она не приведетъ къ усиленію славянъ. Нѣмецкіе народники, въ лицѣ своихъ ораторовъ, требовали, чтобы не только количество нѣмецкихъ депутатскихъ полномочій не было уменьшено, но чтобы уменьшенію не подверглось и пропорціональное ихъ отношеніе къ остальнымъ депутатскимъ полномочіямъ. Нѣмецкій прогрессистъ, *Пергельтъ*, настаиваетъ на лишеніи избирательнаго права неграмотныхъ, что, конечно, было бы выгодно прежде всего нѣмцамъ и отразилось бы неблагопріятно на сербахъ, хорватахъ, русинахъ и полякахъ. Всенѣмцы, руководимые *Шенереромъ*, требуютъ, чтобы нѣмцамъ были гарантированы навсегда $^2/_3$ всѣхъ депутатскихъ полномочій. Они согласны принять законопроектъ бар. Гауча, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Галиція была обособлена и не посылала своихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ. Вытѣснивъ изъ парламента польскихъ, русинскихъ и сербо-хорватскихъ депутатовъ, всенѣмцы надѣются справиться съ чехами и словинцами даже при существованіи всеобщей подачи голосовъ. Пока же это обособленіе Галиціи не будетъ осуществлено, всенѣмцы обѣщаютъ всѣми силами бороться съ предложеніемъ бар. Гауча. Нѣмецкіе антисемиты, для которыхъ всеобщая подача голосовъ довольно выгодна, точно такъ же требуютъ увеличенія количества нѣмецкихъ депутатскихъ полномочій для охраны *«Besitzstand'a»*, но вмѣстѣ съ тѣмъ они стараются подставить ножку главнымъ своимъ соперникамъ, соціалъ-демократамъ, домогаясь, напр., чтобы избирательнымъ правомъ пользовались только граждане, достигшіе 30-лѣтняго возраста, или, чтобы выбирать могъ только тотъ, кто живетъ въ общинѣ не менѣе пяти лѣтъ.

Остальныя нѣмецкія партіи подчеркивали въ законопроектѣ бар. Гауча все, что свидѣтельствовало объ уменьшеніи нѣмецкихъ привилегій, и заявляли: не смотря на всю нашу симпатію къ демократическимъ принципамъ, мы не подадимъ своихъ голосовъ въ пользу этого предложенія, такъ какъ этого намъ не позволяютъ наши національные интересы. Единственнымъ исключеніемъ были нѣмецкіе соціалъ-демократы, которые въ лицѣ своего вождя, д-ра Адлера, слѣдующимъ образомъ характеризовали отношеніе сознательныхъ рабочихъ къ нѣмецкимъ національнымъ интересамъ.

«Въ Австріи —говорилъ д-ръ Адлеръ — наша задача состоитъ не только въ томъ, чтобы поставить на ноги народное государство, но и въ томъ, чтобы создать здѣсь государство народовъ. Мы сознаемъ эту задачу точно такъ же, какъ и задачу гарантировать каждой отдѣльной національности свойственное ей самостоятельное національное и культурное развитіе. Эту единственную національную задачу соціалъ-демократія признаетъ вполнѣ и стремится къ полному ея осуществленію. Для насъ, рядомъ съ общими интересами пролетаріата, стоитъ также національный интересъ пролетаріата, какъ для другихъ классовъ классовой интересъ стоитъ рядомъ съ національнымъ. Однако между нашимъ отношеніемъ къ этимъ интересамъ и отношеніемъ буржуазіи большая разница. Пролетаріатъ, защищающій свои классовые интересы, всегда можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ беречь свои національные интересы, такъ какъ послѣдніе, поскольку это касается пролетаріата, никогда не находятся въ антагонизмѣ съ первыми. Пролетаріатъ признаетъ національные интересы, но не признаетъ интересовъ завоевателей и угнетателей. Буржуазныя партіи находятся въ другомъ положеніи. У нихъ ихъ національные интересы часто противорѣчатъ ихъ соціальнымъ интересамъ. Такъ, напр., славянская иммиграція въ нѣмецкія провинціи является вездѣ чисто экономическимъ процессомъ, развивающимися равномѣрно съ капитализмомъ въ интересахъ нѣмецкихъ капиталистовъ. Нѣмецкіе капиталисты не только не могутъ помѣшать этой иммиграціи, но, наоборотъ, они должны ее поддерживать, такъ какъ они получаютъ отъ нея чистую прибыль. Такимъ образомъ, интересы класса предпринимателей-нѣмцевъ противорѣчатъ ихъ интересамъ, какъ націи. Тамъ же, гдѣ возникаетъ конфликтъ между національными и капиталистическими интересами предпринимателей, тамъ всегда побѣждаютъ послѣдніе интересы. У насъ такой конфликтъ невозможенъ, потому что наши національные интересы тожественны съ нашими классовыми интересами. Наши классовые интересы требуютъ, чтобы уровень жизни рабочаго поднимался, наши національные интересы требуютъ, чтобы народъ развивался физически, нравственно и культурно. Каждый законъ, охраняющій интересы рабочихъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ національнымъ закономъ. Онъ важнѣе всякихъ мелочныхъ споровъ, которыми вы здѣсь надоѣдаете другъ другу. Національная политика должна быть прежде всего соціальной. Національные интересы нѣмцевъ въ Чехіи гораздо больше зависятъ отъ такихъ мѣропріятій, которыя бы уменьшили смертность нѣмецкихъ дѣтей, гораздо большую смертности чешскихъ, нежели отъ какихъ-нибудь «національныхъ» распоряженій».

Такая точка зрѣнія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ позволяетъ имъ быть «измѣнниками обще-нѣмецкому дѣлу» и идти рука объ руку съ чешскими, польскими, словинскими и русинскими рабочими и крестьянами, подкапывающими нѣмецкій «*Besitzstand*».

Изъ представителей не-славянскихъ народностей въ положеніи нѣмцевъ очутились, благодаря законопроекту бар. Гауча, итальянцы въ Далмаціи и Истріи, такъ какъ тамъ демократизація избирательнаго закона ведетъ къ уничтоженію итальянскихъ привилегій, усиливая значеніе словинцевъ и сербо-хорватовъ. Вслѣдствіе этого, итальянскій клубъ въ австрійскомъ парламентѣ занялъ позицію, крайне враждебную законопроекту бар. Гауча. Итальянскіе депутаты Бенатти, Питакко, Верценьязи и др. обрушились на бар. Гауча съ нападками за поощреніе юго-славянъ въ то время, какъ у итальянцевъ отнимаются три депутатскія полномочія.

Среди славянскихъ народностей и партій юго-славяне одни не протестовали громко противъ законопроекта бар. Гауча, такъ какъ онъ давалъ имъ очень много въ сравненіи съ тѣмъ, что они имѣли до сихъ поръ. Это относится особенно къ словинцамъ, получающимъ, вмѣсто 15 полномочій, 23. Но, хотя не громко, все же и словинцы протестовали: по ихъ мнѣнію, словинскій элементъ въ Истріи оказался обиженнымъ. Впрочемъ, для всякаго было ясно, что этотъ протестъ имѣетъ чисто формальное значеніе, и что юго-славяне будутъ изо всѣхъ силъ стремиться къ осуществленію реформы бар. Гауча.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ чешскими партіями. Всѣ онѣ — младочехи точно такъ же, какъ радикалы и даже нѣкоторые аграріи,—стоятъ за четырехчленную формулу подачи голосовъ. Однако большая часть чеховъ требуетъ одновременно съ реформой избирательнаго закона расширенія компетенціи областныхъ сеймовъ. Кромѣ того, чехи желали бы, чтобы рѣшеніе національныхъ вопросовъ было перенесено изъ центральнаго парламента въ сеймы, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, только этимъ путемъ можно будетъ дать нормальный ходъ политическому развитію Австріи, разъѣдаемой національной междоусобицей. Въ законопроектѣ бар. Гауча чешскіе депутаты усматриваютъ тенденцію сохранить за нѣмцами ихъ преобладаніе. Это особенно касается Моравіи, гдѣ количество чешскихъ депутатскихъ полномочій несоразмѣрно мало по сравненію съ количествомъ нѣмецкихъ, и Силезіи. Чехамъ не нравится также выдѣленіе городскихъ округовъ, сдѣланное въ угоду нѣмцамъ. Кое-кто изъ нихъ требуетъ обязательности участія въ выборахъ. Въ общемъ можно было видѣть, что чехи будутъ поддерживать законопроектъ бар. Гауча, если имъ прибавятъ депутатскихъ полномочій въ Моравіи. Чешскіе аграріи (группа въ 5 депутатовъ) заняли выжидательную позицію, но и они въ концѣ концовъ, навѣрное, присоединились бы къ сторонникамъ предложенія бар. Гауча. Что же касается чешскихъ соціалъ-демократовъ, то они привѣтствовали реформу избирательнаго закона съ такой же симпатіей, какъ и нѣмецкіе.

Если бы бар. Гаучу пришлось, вырабатывая проектъ реформы избирательнаго закона, имѣть въ виду только западныя части

Австріи, т. е. комплексъ нѣмецко-чешскихъ и юго-славянскихъ провинцій, то дѣло быстро бы пошло на ладъ. Переговоры между нѣмецкими и чешскими партіями привели бы неминуемо къ желательному результату, особенно при расширеніи компетенціи областныхъ сеймовъ и при перенесеніи туда всего, что касается національныхъ вопросовъ. Однако положеніе усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что во всей внутренней жизни Австріи играетъ очень вліятельную роль Галиція съ ея 8-милліоннымъ населеніемъ, съ совершенно своеобразными соціальными условіями, польско-русинскимъ вопросомъ, польскимъ населеніемъ на руссинской территоріи восточной части этого края, евреями, живущими компактными массами, и, прежде всего, вліятельнымъ парламентскимъ клубомъ, «Польскимъ Коломъ», съ его 65 членами.

Безъ «Польскаго Кола» въ Австріи нельзя провести какую бы то ни было радикальную реформу, а между тѣмъ всякая радикальная реформа въ «Польскомъ Колѣ» встрѣчаетъ самую рѣшительную оппозицію. Это случилось и съ законопроектомъ бар. Гауча.

Названный законопроектъ былъ принятъ съ симпатіей польскими соціалистами и крестьянской народнической партіей, а также демократической группой «Кола». Всѣ эти партіи, стоящія на почвѣ четырехчленной формулы подачи голосовъ, соглашались принципіально съ тенденціей бар. Гауча, но считали Галицію обиженной тѣмъ незначительнымъ числомъ депутатскихъ полномочій, которыя пришлись на ея долю. Вмѣсто 78, она должна была получить по проекту бар. Гауча 88. Такимъ образомъ, на одно депутатское полномочіе въ нѣмецкихъ округахъ приходится 44.000 жителей, въ итальянскихъ—46.000, въ словинскихъ—53.000, въ сербо-хорватскихъ—55.000, въ чешскихъ и румынскихъ—60.000, въ польскихъ же 67.000 жителей. У нѣмцевъ одного депутата выбираетъ 10.900 избирателей, у поляковъ же больше 14.000. Это явно несправедливое отношеніе къ польскому населенію еще ярче выступаетъ въ Силезіи, гдѣ нѣмцы, составляющіе 45% населенія (295,500), получаютъ 62% депутатскихъ полномочій (8), поляки же (220.500—34% населенія) всего 23% депутатскихъ полномочій (3). Въ виду этого всѣ демократическія польскія группы рѣшили настоятельно требовать значительнаго увеличенія числа польскихъ депутатскихъ полномочій. Демократическая фракція «Кола» выставила требованіе 95 депутатскихъ полномочій для Галиціи.

Та же демократическая фракція доказывала, что при такомъ распредѣленіи галиційскихъ округовъ, которое предлагаетъ законопроектъ бар. Гауча, число 61 польскихъ депутатскихъ полномочій является довольно проблематическимъ. Этой цифры можно достигнуть только въ томъ случаѣ, если во всѣхъ безъ исключенія городскихъ округахъ будутъ избраны поляки и если въ пользу польскихъ кандидатовъ отдастъ свои голоса все еврейское населеніе, участвующее въ избирательномъ актѣ. А такъ какъ и въ

томъ, и въ другомъ можно сильно сомнѣваться, то и къ цифрѣ 61 слѣдуетъ относиться весьма скептически.

Затѣмъ демократическая печать подвергла рѣзкой критикѣ и ту систему пропорціональныхъ выборовъ, которую вводитъ Гаучъ въ Галиціи для охраны польскаго меньшинства восточной части края. По мнѣнію польскихъ демократовъ, эта охрана въ значительномъ числѣ случаевъ совершенно недѣйствительна, и русинскій кандидатъ имѣетъ гораздо больше шансовъ успѣха, нежели польскій—особенно при вторичныхъ выборахъ.

Демократы, народники и соціалисты, относясь критически къ слабымъ сторонамъ законопроекта бар. Гауча, рѣшили добиваться измѣненій въ пользу Галиціи и польскаго населенія, чтобы такимъ образомъ, содѣйствовать осуществленію демократизаціи избирательнаго закона. Совершенно иную позицію заняли польскіе консерваторы, составляющіе большинство «Польскаго Кола».

Господство польскихъ консерваторовъ въ Галиціи опирается исключительно на избирательныхъ привилегіяхъ феодаловъ. Такимъ образомъ демократизація избирательнаго права и особенно упраздненіе куріи является для нихъ смертельнымъ ударомъ. Неудивительно поэтому, что они рѣшили изо всѣхъ силъ противиться осуществленію всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Однако выступить совершенно открыто въ качествѣ защитниковъ сословныхъ привилегій имъ было трудно. Съ одной стороны, весь край все громче и громче требовалъ всеобщей подачи голосовъ, а съ другой—въ самомъ «Польскомъ Колѣ» всѣ болѣе демократическіе элементы рѣзко воспротивились тому, чтобы ораторы, назначенные «Коломъ», выступали принципіально противъ реформы избирательнаго закона.

На засѣданіи «Кола», продолжавшемся больше 10 часовъ, демократамъ удалось преодолѣть консерваторовъ и заставить ихъ оффиціально высказаться въ пользу всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ. На этомъ засѣданіи была принята слѣдующая резолюція: «Польское Коло, признавая необходимость реформы избирательнаго закона на основаніи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, считаетъ правительственный проектъ непріемлемымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) при распредѣленіи депутатскихъ полномочій Галиція не только не получила такого количества, которое приходится на ея долю на основаніи общаго числа ея населенія, т. е. 118 на 425, но и такого, которое уравнивало бы ее въ правахъ съ Буковиной, т. е. 110; 2) правительственный проектъ не расширяетъ законодательной и административной автономіи провинцій Австріи».

Въ духѣ этой резолюціи должны были высказаться въ парламентѣ ораторы, назначенные «Коломъ». Они должны были требовать увеличенія количества депутатскихъ полномочій отъ Галиціи и расширенія автономіи отдѣльныхъ провинцій. Но представитель

«Кола» гр. *Дъдушицкій* не особенно считался съ этой инструкціей и разразился филиппикой противъ всеобщей подачи голосовъ. Обращаясь по очереди къ различнымъ партіямъ и національностямъ, онъ старался всѣхъ запугать перспективой тѣхъ ужасовъ, которые будутъ происходить въ недалекомъ будущемъ, если законопроектъ бар. Гауча станетъ закономъ.

«При такой карриктурѣ равной подачи голосовъ — говорилъ онъ — парламентъ не будетъ фотографіей современнаго общества. Это скорѣе всего будетъ фотографія того положенія, какое создастъ соціалъ-демократія. Если бы правительство рѣшило стать демократическимъ правительствомъ, то можно было бы создать избирательный законъ, расширенный въ демократическомъ духѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускающій представительство различныхъ интересовъ. Тогда можно было бы предпринять и справедливое расширеніе депутатскихъ полномочій, которое не разбрасывало бы зародышей ненависти, презрѣнія и позорнаго уничиженія, подобно тому, какъ это дѣлаетъ проектъ бар. Гауча. Слѣдуетъ подчеркнуть, что ни въ одной провинціи Австріи крестьяне не требуютъ всеобщей подачи голосовъ. Въ правительственномъ законопроектѣ нѣмцы являются до такой степени привилегированными, особенно въ сравненіи съ нами, что если бы мы согласились на такое уничиженіе, то прямо таки не достойны были бы засѣдать въ этой палатѣ. А между тѣмъ, нѣмцы еще жалуются и проливаютъ слезы. И они правы! Если вмѣстѣ съ реформой избирательнаго закона не будетъ произведенъ пересмотръ конституціи, чего мы желаемъ, то у нѣмцевъ въ будущемъ парламентѣ будутъ отняты ихъ національныя права. Палата, избранная на основаніи всеобщей подачи голосовъ, уподобится ящику, въ которомъ заперты голодныя крысы. Правительственный проектъ не достигнетъ умиротворенія парламента—національныя распри въ немъ еще усилятся. Я ничего не имѣю противъ увеличенія количества депутатскихъ полномочій, даже въ томъ случаѣ, если всѣ новыя полномочія попадутъ въ руки соціалистамъ. Но пусть нѣмцы хорошенько подумаютъ надъ тѣмъ, что тогда во всѣхъ болѣе важныхъ дѣлахъ они очутятся въ зависимости отъ соціалистовъ. Соціалисты будутъ въ парламентѣ рѣшающимъ факторомъ, не удивительно поэтому, что они такъ домогаются этой реформы. За то трудно было бы представить, что бы на нее согласились и католики, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что она ослабитъ вліяніе церкви. Кромѣ того, возникнетъ и другая опасность. Вѣрные своимъ принципамъ, соціалисты не будутъ подавать голоса въ пользу требованій средствъ на армію, а такъ какъ соціалисты будутъ играть рѣшающую роль, то я спрашиваю, какъ тогда будетъ выглядѣть государство? Подумало ли правительство объ этомъ? Наконецъ, я обращаюсь къ автономистамъ. Палата, избранная на основаніи всеобщей подачи голосовъ, не будетъ сочувствовать автономіи провинцій. Съ ней будутъ бороться соціалисты. Избира-

тельная реформа необходима, но ее слѣдуетъ проводить постепенно».

Какъ д-ръ Адлеръ изобличилъ все лицемѣріе нѣмецкаго націонализма, такъ польскій соціалъ-демократъ *Дашинскій* взялъ на себя обязанность разбить въ пухъ всѣ доводы гр. Дзѣдушицкаго. Въ блестящей рѣчи Дашинскій охарактеризовалъ Дзѣдушицкаго, какъ представителя той клики, которая своей эгоистической политикой всегда губила Польшу, и съ которой польскій народъ не хочетъ имѣть ничего общаго, стремясь къ полному освобожденію отъ ея господства. Онъ такъ остроумно высмѣялъ тактику Дзѣдушицкаго, пугающаго славянъ нѣмцами, нѣмцевъ славянами, крестьянъ рабочими, рабочихъ крестьянами, всѣ партіи соціалистами и т. д., что единомышленники Дзѣдушицкаго уже не пробовали слѣдовать примѣру своего вождя. Польскій консерваторъ *Абрагамовичъ* говорилъ о необходимости постепеннаго введенія всеобщей подачи голосовъ и плакался на то, что законопроектъ бар. Гауча является результатомъ страха передъ терроромъ соціалистовъ. Съ своей стороны представители демократической фракціи «Кола» строго держались инструкціи и настаивали на измѣненіяхъ въ тѣхъ пунктахъ законопроекта, которые относятся къ Галиціи вообще и въ частности къ полякамъ.

Противъ Дзѣдушицкаго и его товарищей выступили и представители русиновъ. Хотя законопроектъ бар. Гауча давалъ русинамъ въ сравненіи съ тѣмъ, что они имѣли до сихъ поръ, очень много, увеличивая число русинскихъ депутатовъ съ 8 до 31, однако, все-таки они усматривали въ проектѣ бар. Гауга тенденцію обидѣть русиновъ. Въ угоду полякамъ введена охрана польскаго меньшинства въ восточной части Галиціи. Затѣмъ сельскіе округа западной Галиціи гораздо меньше такихъ же округовъ восточной. Въ западной Галиціи съ ея 2.252,000 населенія образовано 16 сельскихъ округовъ, такъ что на 73,528 жителей приходится одинъ депутатъ, между тѣмъ, какъ въ восточной Галиціи, гдѣ образовано 19 округовъ, одинъ депутатъ приходится на 113,226 жителей. Тамъ, гдѣ больше польскихъ колоній, округъ меньше, гдѣ же округъ чисто русинскій—онъ отличается громадными размѣрами. Такъ формулировала свои упреки по адресу реформы бар. Гауча русинская печать съ «Діломъ» во главѣ, и при всемъ томъ та же печать выражаетъ радость, что послѣ проведенія въ жизнь этой реформы русины смогутъ начать настоящую парламентскую дѣятельность, составивъ группу въ 30 человѣкъ.

Послѣ обнародованія законопроекта бар. Гауча во Львовѣ собрался русинскій національный комитетъ въ полномъ составѣ, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ предлагаемой правительствомъ реформѣ. Депутатъ Романчукъ разобралъ законопроектъ бар. Гауча въ пространномъ докладѣ, послѣ чего было вынесено семь резолюцій. Содержаніе ихъ слѣдующее. Комитетъ признаетъ, что бар.

Гаучъ, внеся предложеніе о введеніи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, исполнилъ свою обязанность. Однако комитетъ рѣшительно протестуетъ противъ той части законопроекта, которая относится къ распредѣленію депутатскихъ полномочій Галиціи, противъ неравенства правъ представительства различныхъ національностей и спеціально противъ несправедливаго отношенія къ русинамъ. Въ частности комитетъ протестуетъ: 1) противъ неравенства избирательныхъ округовъ въ западной и въ восточной Галиціи; 2) противъ пропорціональной системы, благодаря которой половина депутатскихъ полномочій русинской части края можетъ очутиться въ рукахъ поляковъ и, прежде всего, помѣщиковъ; 3) противъ игнорированія русинскаго меньшинства въ городахъ и въ пограничной польско-русинской полосѣ западной Галиціи. Въ виду этого комитетъ требуетъ, чтобы избирательные округа во всей Галиціи были одинаковы по величинѣ, чтобы пропорціональность была уничтожена, чтобы права русинскаго меньшинства были тоже гарантированы, если только эти права будутъ обезпечены за польскимъ меньшинствомъ. Затѣмъ комитетъ протестуетъ противъ увеличенія количества городскихъ депутатовъ, въ случаѣ же, если количество галиційскихъ депутатскихъ полномочій будетъ увеличено, всѣ новыя депутатскія полномочія должны придтись на долю русиновъ. Если законопроектъ бар. Гауча будетъ отвергнутъ, то комитетъ требуетъ, чтобы правительство его октроировало, при чемъ оно должно гарантировать русинамъ количество полномочій, соотвѣтствующее ихъ численной силѣ. Наконецъ, комитетъ противится всякому расширенію автономіи Галиціи, такъ какъ это послужитъ только на пользу полякамъ.

Въ духѣ этихъ резолюцій выступалъ въ парламентѣ русинскій депутатъ Романчукъ, жалуясь на несправедливое отношеніе правительства къ русинамъ и на искусственную поддержку имъ польскаго преобладанія.

Если мы разсмотримъ то, что говорилось въ парламентѣ представителями различныхъ партій и національностей по поводу законопроекта бар. Гауча, то намъ не трудно будетъ замѣтить одну очень характерную черту всѣхъ этихъ жалобъ. Обиженными оказывались *всѣ*. Нѣмцы лишались своего достоянія въ пользу чеховъ, хотя послѣдніе утверждали совершенно обратное. Словинцы нападали на бар. Гауча за поддержку итальянцевъ, между тѣмъ какъ итальянскіе депутаты относились къ нему, какъ къ рѣшительному своему врагу. Пропорціональные выборы въ восточной Галиціи поносились и поляками, и русинами, и каждая изъ этихъ національностей старалась доказать, что эта мѣра направлена именно противъ нея. Получался какой-то невообразимый хаосъ жалобъ, протестовъ и требованій, въ которомъ правительству слѣдовало разобраться, чтобы довести до конца дѣло избирательной реформы. Нужно было оцѣнить по достоинству всѣ эти жалобы и угрозы и

сообразить, какія изъ нихъ имѣютъ чисто агитаціонный характеръ и какія представляютъ дѣйствительную опасность для законопроекта. Бар. Гаучъ заявилъ, что онъ готовъ пойти на уступки требованіямъ партій, поскольку эти требованія не касаются основныхъ положеній его законопроекта: упраздненія курій и введенія всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ. Слѣдовательно, уступки могли относиться только къ количеству депутатскихъ полномочій, предлагаемому каждой національности, и къ распредѣленію избирательныхъ округовъ.

Бар. Гаучу нужно было сообразить, чьими протестами и требованіями можно пренебречь и чьи необходимо удовлетворить, чтобы въ парламентѣ получилось въ пользу реформы большинство ²/₃ голосовъ, безъ котораго самая реформа потерпѣла бы крушеніе. Послѣ того, какъ представители отдѣльныхъ партій и національностей высказались по поводу предложенія бар. Гауча, шансы реформы представлялись въ слѣдующемъ видѣ.

Такъ какъ всѣхъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 425, то обязательныя ²/₃ голосовъ равняются 284. Слѣдовательно, противники реформы избирательнаго права должны располагать 143 голосами, чтобы ее отвергнуть, а правительство обязано не допустить образованія компактной оппозиціи въ 143 голоса. Если же мы распредѣлимъ парламентскія партіи по ихъ отношенію къ законопроекту бар. Гауча, то увидимъ такое взаимоотношеніе силъ.

Получаются три группы: сторонниковъ законопроекта, его противниковъ и, наконецъ, индифферентныхъ.

Сторонники.

Младочехи	45 голосовъ	Чешскіе радикалы. . .	9 голосовъ
Нѣмецкіе народники . .	43 »	Русины	8 »
Нѣмецкій католическій центръ.	29 »	Дикіе	6 »
Антисемиты	25 »	Юго-славянскій клубъ свободомыслящихъ. .	6 »
Польскіе демократы и польскій католическій центръ.	18 »	Польскіе народники .	5 »
Соціалъ-демократы . .	11 »	Румыны	5 »
		Нѣмецкіе прогрессисты (изъ 29)	5 »
Итого			215 голосовъ

Противники.

Польскіе консерваторы .	47 голосовъ	Всенѣмцы фракціи Шенерера	16 голосовъ
Нѣмецкіе феодалы . .	30 »	Дикихъ	2 »
Чешскіе феодалы . . .	19 »		
Итальянцы	18 »		
Итого			132 голоса

Индифферентные.

Нѣмецкіе прогрессисты	24 голоса.	Дикіе	4 голоса.
Всенѣмцы фракціи Вольфа	8 »	Нѣмецкая крестьянская партія	4 »
Чешскіе аграріи	5 »	Моравскій центръ	3 »
		Итого	48 голосовъ.

Такимъ образомъ, у сторонниковъ законопроекта бар. Гауча не хватаетъ 69 голосовъ (до $^2/_3$), а у противниковъ всего 11-ти. Изъ этого слѣдуетъ, что, если бы первымъ удалось перетянуть на свою сторону даже всѣхъ индифферентныхъ (вѣрнѣе, нерѣшительныхъ), то и тогда у сторонниковъ законопроекта образуется недохватка въ 21 голосъ. Между тѣмъ, противникамъ законопроекта стоитъ привлечь двѣ-три группы индифферентныхъ, чтобы провалить проектъ. Отсюда ясно, что правительство, желая достигнуть своей цѣли, должно договориться, по крайней мѣрѣ, съ одной или двумя самыми сильными группами противниковъ и пойти на требуемыя ими уступки. Очевидно, что самой опасной группой является «Польское Коло», и именно съ нимъ необходимо войти въ соглашеніе.

Уяснивъ себѣ положеніе своего законопроекта, бар. Гаучъ вошелъ въ переговоры съ различными партіями. Между тѣмъ, консерваторы изъ «Польскаго Кола» стали вмѣстѣ съ чешскими и нѣмецкими феодалами интриговать противъ бар. Гауча, стремясь къ его низверженію, чтобы, такимъ образомъ, снять съ очереди его законопроектъ. На помощь консерваторамъ пришли всенѣмцы, выдвинувъ вопросъ объ обособленіи Галиціи.

14-го марта всенѣмецъ *Вольфъ* внесъ срочное предложеніе слѣдующаго содержанія. Правительство обязано предложить парламенту законопроектъ, касающійся установленія автономіи Галиціи, съ тѣмъ, чтобы она имѣла возможность вполнѣ самостоятельно управлять своими внутренними дѣлами, не оказывая вліянія на рѣшеніе всѣхъ тѣхъ государственныхъ вопросовъ, которые не являются общими для всѣхъ провинцій или не касаются спеціально Галиціи. Съ обособленіемъ Галиціи польскіе и русинскіе депутаты исчезаютъ изъ вѣнскаго парламента въ качествѣ равноправныхъ членовъ и появляются тамъ единственно въ видѣ спеціальной делегаціи, имѣющей право голоса только при обсужденіи общегосударственныхъ и галиційскихъ вопросовъ. Вольфъ съ товарищами требовалъ, чтобы его предложеніе было отослано въ коммиссію для реформы избирательнаго закона и разсматривалось тамъ вмѣстѣ съ законопроектомъ бар. Гауча, при чемъ послѣдній законопроектъ долженъ былъ быть измѣненъ согласно содержанію срочнаго предложенія Вольфа.

Если бы предложеніе Вольфа было принято, то естественнымъ

слѣдствіемъ этого было бы устраненіе вопроса объ избирательной реформѣ, потому что потребовалось бы не менѣе года, чтобы собрать необходимый матеріалъ и на основаніи его выработать законопроектъ, требуемый Вольфомъ и его товарищами. Ходъ былъ очень ловкій. Всенѣмцы разсчитывали на то, что въ пользу столь популярнаго среди поляковъ лозунга, какъ автономія Галиціи, подадутъ свои голоса не только польскіе консерваторы, но и демократы и народники, и такимъ образомъ законопроектъ бар. Гауча окажется погребеннымъ. Однако эти предположенія не оправдались. За предложеніе Вольфа ухватились одни только польскіе консерваторы и ихъ союзники.

Пренія, вызванныя предложеніемъ Вольфа и товарищей, такъ характерны для австрійскихъ отношеній, что съ ними стоитъ ознакомиться ближе.

Чтобы не дать себя побить соперникамъ - всенѣмцамъ группы Вольфа, всенѣмецкая группа Шенерера тоже выступила съ аналогичнымъ срочнымъ предложеніемъ, которое мотивировалъ *Штейнъ*.

Онъ говорилъ, что между избирательной реформой и обособленіемъ (Sonderstellung) Галиціи существуетъ самая тѣсная связь. Только обособленіе Галиціи можетъ предотвратить катастрофу, которая постигнетъ нѣмцевъ, благодаря введенію всеобщей подачи голосовъ. Настоящіе сторонники послѣдней среди нѣмцевъ обязаны подать голосъ въ пользу предложенія Шенерера, такъ какъ только при этомъ условіи они могутъ высказаться за всеообщую подачу голосовъ. Обязательная связь между обособленіемъ Галиціи и реформой избирательнаго права встрѣтитъ поддержку и въ «Польскомъ Колѣ», и нельзя предположить, чтобы бар. Гаучъ или другой министръ-президентъ дерзнулъ противиться тому, чего потребуетъ польско-нѣмецкая коалиція. Благодаря такой связи, законопроектъ, касающійся реформы избирательнаго закона, теряетъ свой опасный характеръ для нѣмцевъ, которые не имѣютъ права отказаться отъ своихъ правъ и пріобрѣтеній. Противъ рѣшенія вопроса объ избирательной реформѣ отдѣльно отъ вопроса объ обособленіи Галиціи всѣ нѣмцы должны выступить единодушно. Только тогда великому идеалу возсоединенія всего нѣмецкаго народа подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ не будетъ угрожать гибель, обусловленная избирательной реформой.

Вольфъ высказался въ томъ же духѣ и убѣждалъ бар. Гауча внести предложеніе, касающееся автономіи Галиціи, даже въ томъ случаѣ, если срочность его предложенія будетъ отвергнута.

Съ своей стороны бар. *Гаучъ* заявилъ, что предложеніе Шенерера и Вольфа—чисто тактическяя попытка измѣнить взаимоотношеніе силъ въ парламентѣ искусственнымъ образомъ, чего правительство не можетъ допустить.

Шенереръ, полемизируя съ бар. Гаучемъ, доказывалъ, что ре-

форма избирательнаго закона рѣшитъ будущность нѣмцевъ. Передъ ними встаетъ вопросъ—быть или не быть? Только обособленіе Галиціи спасетъ нѣмцевъ отъ самоубійства.

Русинъ *Романчукъ* выразилъ свое удивленіе, что та партія, которая считаетъ себя архинѣмецкой, требуетъ обособленія Галиціи. Нѣмцы прямо стремятся къ уменьшенію своего отечества. Выдавъ головой мадьярамъ два милліона венгерскихъ нѣмцевъ, они желаютъ теперь отказаться отъ 200.000 галиційскихъ нѣмцевъ. За ними, вѣроятно, послѣдуютъ 160.000 нѣмцевъ въ Буковинѣ. «Вы отказались отъ венгерскихъ нѣмцевъ, чтобы сохранить за собой гегемонію въ остальной части имперіи—говоритъ онъ.—Когда послѣднее оказалось невозможнымъ, вы хотите теперь отказаться отъ Галиціи, Далмаціи и Буковины, чтобы усилить свою власть на оставшейся территоріи. Эти надежды ни на чемъ не основаны, такъ какъ даже послѣ обособленія Галиціи большинство населенія всетаки будетъ не нѣмецкимъ, не смотря на то, что въ парламентѣ большинство окажется за нѣмцами. И національная борьба приметъ еще болѣе рѣзкія формы. Вѣдь въ Чехіи чешская національность несомнѣнно составляетъ большинство (Тутъ всенѣмцы прерываютъ Романчука возгласами: «у насъ вѣдь есть еще богатый нѣмецкій дядюшка»! «Мы сумѣемъ чеховъ германизировать!» и т. д.). Впрочемъ, развѣ можно рѣшать судьбу цѣлаго края въ угоду одной нѣмецкой партіи. Хотя въ пользу требованія всенѣмцевъ высказывается «Коло», однако большинство жителей Галиціи не согласно на обособленіе. Противъ обособленія—русины, и съ требованіемъ 3-хъ милліоннаго русинскаго народа необходимо считаться. И польскіе демократы противятся обособленію Галиціи, если оно не будетъ проведено одновременно съ осуществленіемъ требованія всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ не только при парламентскихъ, но и при сеймовыхъ выборахъ и съ реформой галицкой администраціи. Соединеніе вопроса объ избирательной реформѣ съ обособленіемъ Галиціи привело бы къ одному результату—къ полной неудачѣ реформы избирательнаго закона. Поэтому мы обращаемся къ нѣмецкимъ и славянскимъ депутатамъ, а также и къ правительству, съ предостереженіемъ: не принимайте на себя тяжелой отвѣтственности за результаты обособленія Галиціи, не помогайте угнетать русиновъ, вѣрныхъ государству и хорошо расположенныхъ по отношенію ко всѣмъ національностямъ».

Брейтеръ (польскій независимый соціалистъ) говорилъ отъ своего имени и отъ имени польской народнической партіи. Онъ заявилъ, что польское населеніе Галиціи считало бы при нынѣшнихъ условіяхъ «обособленіе» бѣдствіемъ и для края, и для народа. Пока галицкое населеніе лишено настоящаго избирательнаго права, пока галицкій сеймъ находится почти всецѣло въ рукахъ дворянства, пока этотъ сеймъ и другія автономныя учрежденія закрыты

для народныхъ массъ, до тѣхъ поръ нельзя заниматься вопросомъ объ обособленіи Галиціи.

Польскій соціалъ-демократъ *Дашинскій* ядовито насмѣхался надъ всенѣмцами, которые, не будучи въ состояніи побѣдить національностей, возбуждающихъ ихъ аппетитъ, хотятъ раздарить одну провинцію за другой. Въ своей линцской программѣ всенѣмцы требуютъ, чтобы теперешнее отношеніе къ Венгріи было замѣнено личной уніей, чтобы Далмація, Боснія и Герцеговина были присоединены къ Венгріи. «Я бы хотѣлъ знать,—спрашивалъ Дашинскій—почему вы теперь забываете о Далмаціи? Если ужъ вы такъ щедры на подарки, то подарите и Далмацію. Но я вамъ скажу, почему вы этого не дѣлаете. Среди польскихъ и другихъ феодаловъ вы нашли союзниковъ, которые хотятъ интриговать вмѣстѣ съ вами. Въ Далмаціи вы такихъ союзниковъ найти не можете, и въ этомъ-то коренится истинный поводъ того, что вы не выдвигаете далматскаго вопроса. Въ вашей программѣ существуетъ пунктъ, требующій объединенія Австріи съ Германіей въ одну таможенную территорію, почему же вы не выдвигаете теперь этого пункта? Почему вы не требуете упраздненія § 14 конституціи? — вѣдь и это фигурируетъ въ вашей программѣ. Обо всемъ этомъ вы молчите, потому что теперь вамъ хочется во что бы то ни стало снять съ очереди вопросъ о реформѣ избирательнаго права. Если вы своими интригами отсрочите рѣшеніе этого вопроса, то нѣмецкій народъ никогда вамъ этого не проститъ. Если же вы искренно хотите преобразовать Австрію, то вы должны привлечь къ этому дѣлу всѣ національности и предоставить его рѣшеніе будущему, настоящему народному парламенту. Національные вопросы должны быть разрѣшены тутъ, въ парламентѣ. Я первый спрашиваю Дзѣдушицкаго и Абрагамовича, что станется съ 200.000 поляковъ въ Силезіи въ случаѣ обособленія Галиціи. Бюрократическій централизмъ долженъ пасть, такъ какъ нѣтъ ни одной національности, въ интересахъ которой онъ бы долженъ былъ существовать. Вы, господа всенѣмцы, должны разъ на всегда отказаться отъ надежды на порабощеніе славянъ. Прошло время, когда можно было денаціонализировать сознательную, хотя бы маленькую, національность. Прошло время, когда парламенты могли убивать народы. Наоборотъ, теперь народы могутъ убивать парламенты. Парламентской баллотировкой нельзя рѣшить національнаго вопроса. Политика, которую вы, господа всенѣмцы, ведете въ парламентѣ, заигрывая то съ поляками, то съ русинами, то съ хорватами или словинцами, эта политика постоянныхъ интригъ доказываетъ полное ваше безсиліе. Всѣ польскія демократическія фракціи считаютъ ваше предложеніе, касающееся обособленія Галиціи, интригой противъ избирательной реформы, а не серьезнымъ политическимъ шагомъ. Мы тоже признаемъ тѣсную связь двухъ вопросовъ, но совершенно другую, нежели вы. Мы сейчасъ же

согласимся на обособленіе Галиціи, если вы введете въ галицкомъ сеймѣ всеобщую, прямую, равную и тайную подачу голосовъ. Демократизируйте львовскій сеймъ, содайте новыя основы общественной жизни нашего края, не насилуйте національныхъ правъ. Если же вы хотите въ союзѣ съ Абрагамовичемъ и нѣсколькими семьями галицкихъ землевладѣльцевъ закрѣпить гнетъ подъ 7 милліонами поляковъ, русиновъ и евреевъ, то не удивляйтесь, что мы выступаемъ противъ этого. Это ложь, будто обособленіе Галиціи является шагомъ по направленію къ полной нашей независимости. Наоборотъ, оно обозначаетъ потерю $^{1}/_{4}$ милліона поляковъ въ Силезіи и является шагомъ назадъ. Поэтому-то мы не хотимъ принять этотъ даръ данайцевъ и надѣемся, что и большинство парламента его отвергнетъ».

Сильва-Тарукка говорилъ отъ имени консервативнаго дворянства. Онъ поддерживалъ срочность предложенія Вольфа и Шенерера съ цѣлью манифестировать убѣжденіе въ необходимости соединить дѣло избирательной реформы съ радикальнымъ переустройствомъ государственной организаціи Австріи.

Младочехъ *Крамаржъ* характеризовалъ предложеніе Вольфа и Шенерера, какъ демонстрацію и покушеніе всенѣмцевъ на реформу избирательнаго закона. Если даже это предложеніе получитъ большинство голосовъ, это не приведетъ ни къ чему, потому что въ коммиссіи и представители крупной собственности, и поляки должны будутъ выступить противъ его. Если поляки требовали обособленія Галиціи въ 1868 г., то это было совершенно другое дѣло. Тогда это требованіе появлялось въ pendant чешскимъ требованіямъ осуществленія государственнаго права короны св. Вацлава. Теперь же условія сложились иначе. Поляки не могутъ подавать своихъ голосовъ въ пользу обособленія Галиціи, такъ какъ это было бы измѣной славянству. «Я убѣжденъ, — говорилъ Крамаржъ,—что въ моментъ, когда въ Россіи рѣшается судьба поляковъ Царства Польскаго, они не дерзнутъ навлечь на себя обвиненія всѣхъ славянъ въ предательствѣ».

Дзѣдушицкій заявилъ, что «Польское Коло» всегда защищало автономію и всегда пользовалось случаемъ, чтобы подчеркнуть свою автономическую позицію. Вмѣстѣ съ тѣмъ польскіе депутаты обыкновенно приносили въ жертву общегосударственнымъ интересамъ свою личную точку зрѣнія. Но теперь, когда само правительство выдвинуло на очередь вопросъ о пересмотрѣ конституціи, мы должны настаивать на томъ, чтобы національные вопросы были устранены изъ парламента. Ими должны заняться сеймы, гдѣ нѣтъ опасности, что меньшинство будетъ страдать подъ гнетомъ большинства. Если мы поддерживаемъ срочность предложеній Вольфа и Шенерера, то мы дѣлаемъ это единственно съ той цѣлью, чтобы подчеркнуть нашу точку зрѣнія. Мы полагаемъ, что необходимо коренное преобразованіе Австріи, чтобы введеніе всеобщей подачи

голосовъ не лишило совершенно отдѣльныя провинціи ихъ своеобразныхъ чертъ и особенностей. Поэтому мы признаемъ обязательную связь не между избирательной реформой и обособленіемъ Галиціи, а между избирательной реформой и обезпеченіемъ широкой автономіи за всѣми провинціями Австріи».

Послѣ цѣлаго ряда рѣчей, въ общемъ повторявшихъ тѣ же аргументы за и противъ обособленія Галиціи, съ которыми мы познакомились выше, срочность предложеній Вольфа и Шенерера была отвергнута, но самыя предложенія были приняты большинствомъ 153 голосовъ противъ 147.

Такой исходъ голосованія былъ для правительства пораженіемъ, такъ какъ показалъ самымъ нагляднымъ образомъ, что законопроектъ Гауча ни въ коемъ случаѣ не получитъ необходимаго количества 2/3 голосовъ безъ «Польскаго Кола». Послѣднее стало хозяиномъ положенія и не замедлило дать это почувствовать премьеру, когда тотъ вошелъ съ нимъ въ переговоры.

Переговоры съ различными парламентскими фракціями могли касаться только измѣненія количества депутатскихъ полномочій, предлагаемыхъ отдѣльнымъ провинціямъ и національностямъ, а затѣмъ границъ отдѣльныхъ округовъ. Хотя эти переговоры были ведены въ строжайшей тайнѣ, однако извѣстія о нихъ проникли въ печать. По слухамъ, нѣмцы съ чехами примирились на слѣдующихъ условіяхъ. Правительство увеличиваетъ количество парламентскихъ полномочій до 479, изъ которыхъ славяне получаютъ 241, а нѣмцы вмѣстѣ съ итальянцами и румынами 238. Количество депутатскихъ полномочій Галиціи увеличивается съ 88 до 98, а чешскихъ съ 99 до 100. Затѣмъ должна быть проведена парламентаризація кабинета. Въ составъ послѣдняго вошли бы представители самыхъ крупныхъ нѣмецкой, чешской и польской партій, и, такимъ образомъ, судьба законопроекта была бы обезпечена.

Однако, когда бар. Гаучъ обратился съ такимъ предложеніемъ къ «Польскому Колу», послѣднее отвѣтило полнымъ отказомъ въ своемъ содѣйствіи. Парламентская коммиссія «Кола» предложила фракціи слѣдующее рѣшеніе: «Коло» признаетъ необходимость избирательной реформы въ духѣ всеобщей подачи голосовъ, но отвергаетъ предложеніе бар. Гауча, потому что оно не даетъ Галиціи соотвѣтствующаго количества депутатскихъ полномочій и не сопровождается расширеніемъ автономіи провинцій. Кромѣ того, «Коло» отказывается отъ участія въ парламентаризаціи кабинета. Это рѣшеніе было принято большинствомъ «Кола», не смотря на оппозицію демократовъ.

Бар. Гаучу, получившему такой отвѣтъ «Кола», не оставалось ничего другого, кромѣ отставки. И онъ удалился, обронивъ «крылатое слово»: министры уходятъ, но идеи остаются. И, дѣйствительно, идея реформы избирательнаго закона не погибла съ ухо-

домъ бар. Гауча. Съ одной стороны, ей не дали бы погибнуть народныя массы, а съ другой—всякая попытка снять съ очереди избирательную реформу натолкнулась бы на отпоръ со стороны престарѣлаго императора, который рѣшилъ во что бы то ни стало довести дѣло до конца.

Не погибъ и самый законопроектъ бар. Гауча, такъ какъ заместитель послѣдняго—князь Конрадъ Гогенлое—вошелъ въ переговоры съ парламентскими фракціями, предлагая имъ уступки, касающіяся количества депутатскихъ полномочій, но ни въ чемъ не нарушающія основного характера законопроекта бар. Гауча. Кн. Гогенлое увеличилъ количество депутатскихъ полномочій до 495. Изъ нихъ нѣмцы получили бы 223, чехи 103, поляки 78, словинцы 36, русины 32, итальянцы 18, румыны 5. Въ сравненіи съ тѣмъ, что предлагалъ бар. Гаучъ, нѣмцы пріобрѣтаютъ на 18, чехи на 4, поляки на 14, русины на 1, италіянцы на 2 и румыны на 1 депутатскихъ полномочій больше. Кромѣ того, кн. Гогенлое внесъ нѣкоторыя измѣненія, касающіяся пропорціональныхъ выборовъ въ Галиціи—съ тѣмъ, чтобы дать болѣе осязательную гарантію польскому меньшинству.

Коммиссія для выработки новаго избирательнаго закона занялась обсужденіемъ предложеній кн. Гогенлое, совершенно не предполагая, что его министерство окажется весьма недолговѣчнымъ. Между тѣмъ, дни его были сочтены. На этотъ разъ поводомъ къ отставкѣ кабинета послужили венгерскія дѣла—вопросъ объ измѣненіи австро-венгерскаго таможеннаго союза въ духѣ требованій мадьяръ.

Стремясь съ неуклонной послѣдовательностью къ образованію совершенно самостоятельнаго и независимаго отъ Австріи государства, венгерскіе политики стараются прежде всего измѣнить экономическое взаимоотношеніе двухъ половинъ монархіи Габсбурговъ. Новый венгерскій кабинетъ Векерле призналъ соглашеніе, заключенное въ свое время между Селлемъ и Керберомъ, недѣйствительнымъ и потребовалъ, чтобы промышленное и таможенное соглашеніе между Австріей и Венгріей, обязывающее ихъ до сихъ поръ, было замѣнено простымъ договоромъ. Эта замѣна даетъ венграмъ полную экономическую независимость и превращаетъ Венгрію въ самостоятельную таможенную территорію. Когда министръ Векерле, пріѣхавъ въ Вѣну, формулировалъ это требованіе, Гогенлое рѣшительно воспротивился такой постановкѣ вопроса, считая ее прямо пагубной для интересовъ Австріи. Однако, императоръ склонился на сторону Векерле—и кн. Гогенлое пришлось подать въ отставку. Его замѣнилъ баронъ Бекъ.

Задача кабинета бар. Бека состоитъ въ урегулированіи австро-венгерскихъ отношеній и въ доведеніи до конца реформы избирательнаго закона. Относительно послѣдней новый премьеръ заявилъ, что правительство будетъ энергично содѣйствовать ея окон-

чательному разрѣшенію. Съ этой цѣлью оно готово идти на уступки, при которыхъ возможно соглашеніе парламентскихъ партій.

Такимъ образомъ, судьба видоизмѣненнаго законопроекта бар. Гауча зависитъ теперь всецѣло отъ доброй воли парламента. Что парламентъ долженъ будетъ рѣшить вопросъ объ избирательной реформѣ и демократизаціи государственнаго строя Австріи въ ближайшемъ будущемъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Порукой этому является, съ одной стороны, непреклонная воля короны, а съ другой—все усиливающееся недовольство народныхъ массъ, которыя готовы прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ и крайнимъ средствамъ борьбы.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Аграрный вопросъ въ Финляндіи.

Въ настоящее время аграрный вопросъ въ Финляндіи привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ слоевъ общества, а въ недалекомъ будущемъ на почвѣ этого вопроса, вѣроятно, произойдетъ генеральное сраженіе всѣхъ политическихъ партій страны. Въ виду этого и для русскаго читателя, надо думать, небезынтересно будетъ ознакомиться съ условіями, выдвинувшими на очередь аграрный вопросъ въ Финляндіи, и съ отношеніемъ къ нему мѣстныхъ политическихъ партій.

Дѣятельность сословнаго сейма въ области соціальныхъ реформъ имѣла и вообще очень скромные размѣры, а въ частности въ дѣлѣ земельнаго законодательства работа стараго законодательнаго механизма Финляндіи далеко не отвѣчала насущнымъ потребностямъ сельскаго пролетаріата.

Сельскій пролетаріатъ въ лицѣ безземельныхъ составляетъ въ Финляндіи свыше $^1/_3$ всего сельскаго населенія, а на ряду съ нимъ стоитъ значительный контингентъ сельскаго полупролетаріата, состоящаго изъ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ, хозяйственное благосостояніе которыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ постороннихъ заработковъ *). Безземельные по формѣ экономической зависимости и условіямъ существованія дѣлятся на нѣсколько группъ: вуокрая, лампуоти, торпнаръ, мякитупалаиселла, муонамніесъ, итселлинекъ. Изъ нихъ первыя три группы можно

---

*) Въ 1900 г. населенія въ Финляндіи числилось 2.712.562 ч. — изъ нихъ въ городахъ 341.602 ч. (12.59%) и внѣ городскихъ поселеній 2.370,960 ч. Въ 1904 г. число безземельныхъ составляло 897,182 души и

отнести къ категоріи арендаторовъ, а послѣднія три къ батракамъ. Изъ арендаторовъ только группа вуокарей пользуется нормальной самостоятельностью; что же касается торпарей, то они находятся въ такой зависимости отъ землевладѣльца, которая напоминаетъ крѣпостныя времена. Такъ какъ группа торпарей очень многочисленна *), во многихъ мѣстахъ играетъ видную роль въ сельскомъ хозяйствѣ, а въ данный моментъ составляетъ боевой авангардъ сельскаго пролетаріата, то я и остановлюсь на характеристикѣ экономическаго и правового положенія этой именно группы **).

Нужно различать двѣ подгруппы торпарей: торпарей помѣщичьихъ и торпарей крестьянъ-собственниковъ—они во многомъ отличаются между собою. Общая площадь земель, находящихся въ пользованіи торпарей, сильно колеблется, но собственно размѣръ полевого участка, по Варэну, въ среднемъ у помѣщичьихъ торпарей равняется 5,8 гектара, у крестьянскихъ—2,7 гектара. Состояніе полевой культуры на этихъ участкахъ далеко не высокое, такъ какъ правовое положеніе торпарей, о которомъ рѣчь будетъ ниже, тормазитъ развитіе хозяйственной инициативы. Въ большинствѣ случаевъ прочія угодья: лѣсъ, выгонъ и т. д. находятся въ общемъ пользованіи торпаря съ владѣльцемъ, но право пользованія торпаря стѣснено и ограничено. Число безлошадныхъ среди крестьянскихъ торпарей доходитъ до 40%, а имѣющихъ болѣе 1 лошади немного; среди помѣщичьихъ торпарей безлошадныхъ мало и до 70% имѣютъ 2—3 лошади. Что касается построекъ, то по отношенію къ нимъ существуетъ такое положеніе: если постройки возведены изъ матеріала, взятаго торпаремъ изъ лѣса, принадлежащаго землевладѣльцу, то онѣ считаются собственностью послѣдняго, а если онѣ возведены изъ матеріала, пріобрѣтеннаго на сторонѣ, то являются собственностью торпаря; въ дѣйствительности лишь около 10 процентовъ торпарей имѣютъ собственныя постройки. Для большей наглядности хозяйственнаго положенія торпаря приведу еще слѣдующія данныя изъ его бюджета ***).

При полевомъ участкѣ въ 10 гектаровъ валовой доходъ за вы-

изъ нихъ 506.633 не имѣли собственнаго пріюта. Но вообще въ отношеніи статистическаго обслѣдованія экономическаго положенія сельскаго населенія въ Финляндіи остается пожелать еще многаго.

*) По оффиціальной статистикѣ въ 1903 г. въ Финляндіи было 69.037 торпарей. Торпарь—это мелкій арендаторъ, который за пользованіе участкомъ земли обязанъ, кромѣ денежной наемной платы, или вмѣсто нея, отработать землевладѣльцу извѣстное число дней и уступить часть продуктовъ.

**) Для характеристики положенія торпарей я пользуюсь свѣдѣніями изъ изслѣдованія А. Варэна, произведеннаго въ второй половинѣ 90-хъ годовъ. Умѣренные взгляды изслѣдователя являются гарантіей его безпристрастія.

***) Разсчетъ этотъ приведенъ въ органѣ рабочей партіи «Työmies» № 81 за 1905 г.

четомъ сѣмянъ отъ полевыхъ продуктовъ составляетъ 700 марокъ (262 р. 50 к.) и отъ сѣна 125 м. (46 р. 82 к.), всего 825 марокъ (309 р. 32 к.). Отработки, денежная плата и продукты владѣльцу за пользованіе участкомъ составляютъ около 300 марокъ (112 р. 50 к.), стоимость полевыхъ работъ на участкѣ—1.200 марокъ (450 р.), слѣдовательно, весь расходъ равняется 1500 мар. (562 р. 50 к.). Такимъ образомъ, дефицитъ по полевому хозяйству достигаетъ 675 мар. (255 р. 18 к.); при этомъ еще не приняты въ разсчетъ расходы по инвентарю и нѣкоторые другіе. Въ виду такихъ условій торпари вынуждены прибѣгать для покрытія хозяйственнаго дефицита къ посторонимъ заработкамъ. Какъ увѣряетъ Варэнъ, торпари съ большимъ интересомъ относятся къ посторонимъ заработкамъ, чѣмъ къ собственному полевому хозяйству.

Въ свою очередь правовыя отношенія торпаря къ землевладѣльцу представляютъ цѣлую сѣть самыхъ разнообразныхъ обязанностей и повинностей, въ которой торпарь бьется, какъ въ крѣпостной кабалѣ. И это еще не все—власть собственника участка простирается даже въ область личныхъ правъ и жизни торпаря. Такъ, не рѣдко для торпаря ограничено право пользованія собственнымъ жилищемъ: нельзя безъ разрѣшенія владѣльца устраивать собранія, принимать къ себѣ жильцовъ и проч.; встрѣчаются ограниченія права торпаря распоряжаться своимъ свободнымъ временемъ: безъ разрѣшенія владѣльца нельзя идти на посторонніе заработки, а иной разъ прямо запрещается заниматься посторонними промыслами; ограничено для торпаря право свободнаго отчужденія продуктовъ и т. д. Наконецъ, владѣлецъ имѣетъ нравственный контроль за торпаремъ: въ договорахъ имѣются требованія отъ торпарей послушанія, почтенія, трезваго поведенія и проч. Судьба торпаря зависитъ отъ произвола владѣльца, такъ какъ послѣдній за нарушеніе какого-либо условія договора имѣетъ право выгнать торпаря съ участка, а это, помимо всего прочаго, для торпаря въ большинствѣ случаевъ сопряжено съ потерей результатовъ труда, затраченнаго на расчистку и приведеніе въ культурное состояніе участка.

Землевладѣльцы сплошь и рядомъ злоупотребляютъ своимъ исключительно выгоднымъ положеніемъ. Нерѣдко владѣлецъ, желая присоединить къ своимъ полямъ участокъ, приведенный въ культурное состояніе торпаремъ, по-просту придирался къ послѣднему, чтобы удалить его. Объ уплатѣ убытковъ при этомъ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ даже вопросъ о возмѣщеніи затратъ на меліораціи рѣшается не въ пользу торпаря *). При такой полной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ говорить о развитіи хозяйственной иниціативы и повышеніи полевой культуры, очевидно, не при-

*) Иногда торпари, впрочемъ, получаютъ пособіе на расчистку новины или первые годы на льготныхъ условіяхъ пользуются землей.

ходится. Въ мѣстной соціалистической литературѣ принято называть договоры торпарей «рабскими договорами». Надо согласиться, что содержаніе ихъ оправдываетъ это названіе, такъ какъ въ области «свободы договора» трудно представить себѣ большее неравенство: одна сторона, по этимъ договорамъ, имѣетъ однѣ обязанности и никакихъ правъ, а другая сторона имѣетъ одни права.

Если ко всему этому прибавить еще, что торпари, какъ и другія группы сельскаго пролетаріата, были лишены до сихъ поръ сеймового и общиннаго избирательнаго права, то въ общемъ получается обстановка крнйне безправной и тяжелой жизни. Не смотря на безотрадно тяжелое положеніе торпарей, сословный сеймъ проявлялъ къ нему по меньшей мѣрѣ пассивное отношеніе. Такъ, вопросъ о необходимости регулировать условія земельной аренды новыми законодательными нормами возникъ въ сеймѣ еще въ 1885 г., а новый законъ получилъ высочайшее утвержденіе только 19 іюня 1902 г. и вошелъ въ силу только 1 января 1904 г. Къ тому же этотъ законъ оказался настолько неудовлетворительнымъ, что и землевладѣльцы, и торпари остались недовольны. Установленныя имъ ограниченія произвола землевладѣльцевъ были весьма умѣренны, а въ то же время осталась полная возможность обходовъ закона, и, въ частности, по такому существенному вопросу, какъ возмѣщеніе затратъ, произведенныхъ торпаремъ; на договоры, заключенные на срокъ или пожизненно до вступленія въ силу этого закона, дѣйствіе послѣдняго не распространялось и т. д. Въ виду всего этого онъ не могъ внести существенныхъ улучшеній въ положеніе торпарей, а, слѣдовательно, и не удовлетворилъ ихъ. О достоинствахъ этого закона краснорѣчиво говоритъ уже тотъ фактъ, что въ настоящее время всѣ политическія партіи Финляндіи требуютъ его пересмотра.

На ряду съ этимъ слѣдуетъ еще отмѣтить, какъ мѣру по воспособленію безземельнымъ, основаніе фонда для выдачи ссудъ послѣднимъ на покупку земли и организацію колонизаціи на казенныхъ земляхъ. Фондъ для выдачи ссудъ былъ основанъ въ 1898 г., въ размѣрѣ 550.000 марокъ *), а затѣмъ въ разное время были произведены въ него новыя отчисленія. За счетъ ссудъ изъ этого фонда 3000 семействъ безземельныхъ пріобрѣли участки земли. Дѣятельность правительства въ этомъ направленіи всѣми признается, однако, далеко недостаточной, и въ дѣйствительности она не внесла сколько-нибудь серьезнаго смягченія въ тяжелыя условія жизни сельскаго пролетаріата.

Порабощенное положеніе и политическое безправіе торпарей создали въ ихъ средѣ крайне благопріятную обстановку для соціалистической агитаціи, и этимъ не замедлила воспользоваться

*) Небольшія ассигнованія для улучшенія положенія безземельныхъ производились и нѣсколько раньше.

мѣстная соціалъ-демократическая партія. Первоначально всѣ силы ея были направлены къ тому, чтобы прочно утвердиться среди городского пролетаріата, и долгое время агитація среди сельскаго пролетаріата носила частичный характеръ. Но, когда октябрьская всеобщая политическая забастовка окончательно упрочила положеніе соціалъ-демократической партіи въ городѣ, ею сейчасъ же была начата широкая организованная агитація среди сельскаго пролетаріата и въ особенности среди торпарей въ цѣляхъ привлеченія ихъ въ ряды партіи. Особенностью этого перваго этапа въ начавшемся торпарскомъ движеніи является его узко-организаціонный характеръ соціалъ-демократическая партія первой практической задачей поставила созывъ обще-финляндскаго съѣзда делегатовъ торпарей. Такая тактика была, въ сущности, неизбѣжна для соціалъ-демократовъ, такъ какъ среди нихъ наблюдалась въ первое время неувѣренность въ постановкѣ практическихъ рѣшеній аграрнаго вопроса въ связи съ теоріей соціализма. Хотя на агитаціонныхъ собраніяхъ популяризировались идеи соціализма, но предложеній, вытекающихъ изъ теоретическихъ положеній соціализма, почти нигдѣ не дѣлалось. Вслѣдствіе этого многочисленныя резолюціи торпарскихъ собраній оставались не связанными съ партійной политикой и носили по преимуществу профессіональный характеръ и только по вопросу о реформѣ сейма нѣкоторыя собранія присоединились къ требованіямъ соціалъ-демократической партіи. Главными же требованіями выставлялись установленіе обязательности возмездія со стороны владѣльца, въ случаѣ оставленія торпаремъ участка, за меліораціи и постройки, обезпеченіе старости, установленіе 50-лѣтняго аренднаго срока, нормировка наемной платы и рабочаго дня и т. д.

27—30 марта происходилъ съѣздъ представителей торпарей, на который явилось свыше 400 делегатовъ съ полномочіями отъ 50.000 лицъ, и на этомъ съѣздѣ можно было уже констатировать весьма серьезный успѣхъ соціалъ-демократической партіи. Призывы соціалъ-демократовъ къ организованной борьбѣ за экономическія требованія и политическія права всколыхнули массы сельскаго пролетаріата, а это, въ свою очередь, не могло не взволновать господствующіе классы. На этой почвѣ въ Финляндіи происходитъ теперь упорная борьба, тѣмъ болѣе знаменательная, что и другія партіи, не исключая и буржуазныхъ, въ виду совершившагося объединенія торпарей, готовы идти на серьезныя уступки по отношенію къ нимъ.

Такъ, группа представителей старо-финской партіи, среди которыхъ много землевладѣльцевъ, возбудила ходатайство о крайней неотложности пересмотра закона 1902 г. объ арендѣ земли и, съ своей стороны, предложила проектъ новаго закона, который по сравненію со старымъ является шагомъ впередъ, такъ какъ въ значительной степени освобожденъ отъ крѣпостническихъ вѣяній.

Въ свою очередь на конгрессѣ младо-финской партіи въ концѣ марта былъ принципіально одобренъ обширный докладъ по аграрному вопросу І. Кастрэна, въ которомъ предлагается значительное усиленіе и реорганизація операцій правительства по снабженію безземельныхъ земельными участками, на началахъ какъ собственности, такъ и наслѣдственной аренды, а въ частности для упорядоченія положенія торпарей признается необходимымъ пересмотръ закона 1902 г. объ арендѣ и содѣйствіе по пріобрѣтенію въ собственность торпарями земельныхъ участковъ. Прошлое обѣихъ этихъ партій не обезпечиваетъ имъ, однако, большого успѣха среди сельскаго пролетаріата, такъ какъ нынѣшнія ихъ обѣщанія стоятъ въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ прежней ихъ политикой.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ выступленіе руководителя мѣстнаго кооперативнаго движенія, д-ра Гебхарда, съ самостоятельной программой, около которой онъ пытается сгруппировать новую крестьянскую партію. Самъ д-ръ Гебхардъ принадлежалъ ранѣе къ старо-финской партіи, и это нѣсколько ослабляетъ его положеніе, но, съ другой стороны, онъ пользуется большою популярностью среди крестьянства, какъ организаторъ обширнаго кооперативнаго движенія. Характерной чертой выставленной имъ программы является ея принципіальная солидарность съ требованіями соціалъ-демократовъ; авторъ программы становится во враждебную позицію къ нимъ только по соображеніямъ тактическимъ. Главнымъ аргументомъ въ пользу организаціи особой крестьянской партіи онъ ставитъ то, что с.-д. партія—партія городского пролетаріата, для котораго сельское населеніе нужно, какъ стадо избирателей, и, слѣдовательно, ожидать отъ с.-д. партіи удовлетворенія деревенскихъ нуждъ нельзя. На ряду съ этимъ Гебхардъ ставитъ для селянъ образцомъ организованность городскихъ и промышленныхъ рабочихъ. Въ самомъ содержаніи программы будущей крестьянской или селянской партіи слѣдуетъ отмѣтить требованіе удовлетворенія земельной нужды путемъ раздачи участковъ безземельнымъ въ наслѣдственное пользованіе, а не въ собственность; выдача ссудъ торпарямъ на выкупъ участковъ допускается, какъ рѣдкое исключеніе. Однако д-ръ Гебхардъ находитъ невозможнымъ полное разрѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ раздачи казенныхъ и спеціально для этого пріобрѣтенныхъ частновладѣльческихъ земель и потому настаиваетъ на коренномъ пересмотрѣ закона 1902 г. объ арендѣ.

Что касается соціалъ-демократической партіи, то ея практической платформой въ настоящій моментъ являются постановленія вышеупомянутаго Таммерфорскаго съѣзда торпарей. Съѣздъ этотъ какъ въ принципіальномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи далъ очень много. Во-первыхъ, съѣздъ 312 голосами противъ 27 призналъ, что только установленіемъ наслѣдственнаго права пользованія можетъ быть достигнуто массой торпарей прочное и неза-

висимое положеніе, и отвергъ предложеніе о переходѣ земельныхъ участковъ въ собственность торпарямъ. Такимъ образомъ, выяснилось отрицательное отношеніе торпарей къ частной земельной собственности, въ чемъ нельзя не видѣть замѣтнаго успѣха распространенія среди сельскаго пролетаріата идей соціализма. Во-вторыхъ, съѣздъ высказался за установленіе принудительной отдачи всѣхъ годныхъ для культуры казенныхъ и частновладѣльческихъ земель, если онѣ не обрабатываются самими владѣльцами, въ пользованіе желающихъ. Въ третьихъ, съѣздомъ предъявленъ цѣлый рядъ практическихъ требованій по упорядоченію условій аренды, огражденію интересовъ арендаторовъ, обузданію аппетитовъ землевладѣльцевъ и проч. Наконецъ, торпари постановили на съѣздѣ примкнуть къ соціалъ-демократической партіи, пополнивъ со своей стороны главный комитетъ партіи 5 представителями, и организовали руководство забастовкой. Въ общемъ надо признать, что Таммерфорскій съѣздъ является серьезнымъ шагомъ по пути установленія солидарности между сельскимъ и городскимъ пролетаріатомъ Финляндіи. Оцѣнивая эти результаты, нельзя забывать, что сельскій пролетаріатъ Финляндіи все время жилъ бокъ о бокъ съ мелкимъ собственникомъ, а это не могло не отразиться на нуждахъ пролетаріата; въ частности и весьма распространенная среди мѣстнаго пролетаріата идея «раздѣла земли» носитъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ Россіи. Недаромъ нѣкоторые делегаты говорили на Таммерфорскомъ съѣздѣ: «мы пришли сюда съ одной вѣрой, а уходимъ съ другой».

Таковы тѣ условія, при которыхъ различныя партіи Финляндіи готовятся вступить въ борьбу между собою на почвѣ аграрнаго вопроса. Предсказывать непосредственные результаты этой борьбы было бы, конечно, преждевременно, но уже и теперь можно сказать, что главное значеніе предстоящей въ Финляндіи выборной кампаніи сведется къ борьбѣ буржуазныхъ и соціалистическихъ теченій за преобладаніе въ финской деревнѣ, и что тотъ или иной исходъ этой кампаніи на ближайшіе годы опредѣлитъ собою успѣхи демократизма въ странѣ.

Р. Оленинъ.

Политика.

Соціалисты во французскомъ парламентѣ. — Изъ исторіи русской дипломатіи. — Впечатлѣнія иностранцевъ о совершающихся въ Россіи событіяхъ. — Текущія событія: Италія, Испанія, Австро-Венгрія, Норвегія, Сербія.

I.

Огромнаго значенія событія развертываются въ настоящее время во Франціи. Изъ консервативной республики, которую основали Тьеръ и Гамбетта и ихъ поколѣнія, она въ этомъ 1906 году окончательно превратилась въ радикальную демократическую. И въ это же время объединенные соціалисты выступаютъ уже со знаменемъ соціальной республики, обѣщаютъ скорое осуществленіе этого превращенія. И основаніе радикальной республики, и выступленіе объединенныхъ соціалистовъ со своей практической программой, оба факта представляются выдающимися событіями, имѣющими серьезное значеніе для всего цивилизованнаго міра, а для Франціи прямо громадное.

Результаты законодательныхъ выборовъ мы подробно изложили въ нашей прошлой бесѣдѣ. Мы знаемъ, что радикальное министерство одержало блестящую побѣду. Даже безъ соціалистовъ, оно получило солидное большинство. Прибавимъ, что это большинство еще усилилось, благодаря тому, что изъ состава группы прогрессистовъ (центръ) выдѣлились болѣе лѣвые элементы и образовали, подъ предсѣдательствомъ Фландэна, новую группу «Республиканскаго демократическаго союза» (Union républicaine démocratique), почти не отличающуюся отъ группы демократовъ и рѣшившую поддерживать радикальное министерство. Съ другой стороны, еще до собранія палаты стало извѣстно, что вѣроятно соціалисты выйдутъ изъ союза лѣвыхъ и станутъ въ такомъ случаѣ въ рѣшительную оппозицію радикальному правительству.

Палата была созвана на 1 іюня, но уже 30 мая группа объединенныхъ соціалистовъ (Socialistes unitiés) собралась на совѣщаніе о той тактикѣ, которую надо одобрить для ближайшей парламентской дѣятельности. Членъ группы Бретонъ поднялъ немедленно вопросъ, оставаться-ли въ «союзѣ лѣвыхъ», какъ то было въ двухъ предыдущихъ парламентахъ, или отдѣлиться отъ союза (такъ называемаго «блока») и перейти въ оппозицію? Самъ Бретонъ полагалъ, что слѣдовало остаться въ союзѣ. Онъ указывалъ, что радикалы въ своихъ избирательныхъ манифестахъ выставили требованія многихъ соціальныхъ реформъ, осуществленію которыхъ соціалисты могутъ помочь, оставаясь въ «блокѣ». Бретону возра-

жалъ прежде всего Жорэсъ. Онъ находилъ, что наступило время для соціалистовъ широко развернуть свою собственную программу. Соціалисты должны были помочь радикаламъ окончательно раздавить клеракализмъ и реакцію. Соціалисты это уже сдѣлали и достигли того, что отнынѣ основана во Франціи радикальная демократическая республика и этому строю уже не грозитъ никакая опасность. Радикалы обѣщали нѣкоторыя соціальныя реформы. Пусть они ихъ осуществляютъ. Это поможетъ народу и облегчитъ борьбу за полную соціальную реформу, которая отнынѣ и должна быть задачею партіи. Жорэса поддержалъ затѣмъ Гэдъ. Онъ сказалъ, что не очень надѣется на осуществленіе радикалами обѣщанныхъ ими реформъ. Какъ всякая буржуазная партія, они, вѣроятно, обманутъ народъ, но это обстоятельство объединитъ народныя массы вокругъ соціалистическихъ знаменъ и ускоритъ соціальную реформу, которую и надо немедленно отстаивать въ полномъ размѣрѣ. Это неудобно, оставаясь въ «блокѣ». Партія постановила не входить въ «блокъ» и образовать самостоятельную оппозиціонную группу.

Собралась палата 1 іюня, но только къ 8 іюню настолько продвинула повѣрку выборовъ, что выбрала постоянное бюро. Предсѣдателемъ избранъ радикалъ Анри Бриссонъ большинствомъ 382 изъ 429 принявшихъ участіе въ голосованіи. Триста восемьдесятъ два министерскихъ голоса, сорокъ семь за другихъ кандидатовъ и свыше 50 воздержались. Эти тоже въ оппозиціи, но обѣ оппозиціи (и справа, и слѣва) насчитали съ небольшимъ сто голосовъ. Правда, въ этомъ случаѣ центръ голосовалъ за министерскаго кандидата.

12 іюня (по нашему 30 мая), когда огромное большинство выборовъ было уже провѣрено и бюро палаты окончательно организовано, министерство выступило съ декларацiей о своей программѣ, а соціалисты съ запросомъ объ общей внутренней политикѣ министерства.

Декларація правительства.

(Прочтена въ палатѣ Саррьеномъ, въ сенатѣ—Клемансо).

«Господа, министерство, которое сегодня вамъ представляется, съ перваго же дня своего существованія, и по самому своему составу и по своимъ дѣйствіямъ, обнаружило твердую рѣшимость реализовать единеніе республиканцевъ для охраненія порядка и мира въ странѣ и для обезпеченія свободнаго выраженія всенароднаго голосованія на законодательныхъ выборахъ.

Поддержанное парламентскимъ большинствомъ и довѣріемъ избирателей, правительство выполнило поставленную задачу.

Голосованіями 6 и 20 мая, Франція съ новою силою подтвердила свою волю охранять, укрѣплять и развивать учрежденія, ею

основанныя, и продолжать политику прогресса и реформъ, проводимую въ послѣдніе годы.

Порядокъ возстановленъ. Акты мятежа, сопровождавшіе опись церковныхъ инвентарей, прекратились. Стачки, вспыхнувшія въ разныхъ мѣстностяхъ и волновавшія общественное мнѣніе своими печальными инцидентами, почти закончились. Полемика, порожденная избирательною борьбою, стала неопредѣленнымъ воспоминаніемъ, и умиротвореніе постепенно овладѣваетъ умами.

Не страшась, что нарушитъ свои обязанности, увѣренное, что всегда въ состояніи безъ труда подавить всякую попытку вызвать безпорядки, правительство предлагаетъ вамъ открыть свои работы провозглашеніемъ общей амнистіи. Республиканская партія, показавъ свою силу, можетъ выказать умѣренность и великодушіе и закономъ о милостяхъ отпраздновать избраніе новаго президента республики и блестящую побѣду, одержанную республиканцами.

Въ первомъ ряду вопросовъ, которые мы представляемъ вниманію и усмотрѣнію палаты, является вопросъ о возстановленіи бюджетнаго равновѣсія. Нѣкоторые налоги были отмѣнены въ бюджетѣ на 1906 годъ. Съ другой стороны, многочисленные законы, принятые предыдущимъ парламентомъ, именно, воинскій уставъ, положеніе о призрѣніи старцевъ и неспособныхъ работать, законъ о повышеніи жалованья и пенсій разнымъ категоріямъ служащихъ, повлекли увеличеніе расходовъ, которые обременятъ бюджетъ 1907 года и послѣдующихъ.

Правительство вамъ предложитъ реализовать возможныя сбереженія, совмѣстимыя съ правильнымъ ходомъ общественныхъ дѣлъ, и согласовать первостепенную необходимость обезпечить оборону страны съ обязанностью не разстраивать финансовъ.

Правительство предложитъ упрощеніе администраціи, цѣль котораго не только сократить расходы, но и дать просторъ живымъ силамъ страны.

Правительство представляетъ вамъ реформы, которыя имѣютъ задачей сдѣлать налоги болѣе соотвѣтствующими средствамъ плательщиковъ, именно реформу поземельнаго налога, и проектъ общаго подоходнаго налога, который, не смѣшивая доходы отъ капиталовъ и доходы отъ труда, не облагая въ одинаковой степени мелкіе и крупные доходы, не будетъ носить инквизиторскаго характера и не будетъ посягать ни на собственность, ни на свободу гражданъ.

Этотъ новый налогъ несовмѣстимъ съ нынѣ существующими прямыми налогами, которые надо отмѣтить. Съ другой стороны, предвидимый ростъ доходовъ отъ новаго налога надо сберечь для проектируемыхъ соціальныхъ реформъ. Въ этихъ видахъ, является необходимость обезпечить государству увеличеніе доходовъ. Въ проектѣ бюджета, который въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ представленъ палатѣ, правительство укажетъ и размѣръ, и

сущность доходовъ, которые по преимуществу должны поступить за счетъ богатствъ, уже накопленныхъ.

Правительство разсчитываетъ на содѣйствіе парламента для установленія въ бюджетѣ искренности и ясности, предпринятаго правительствомъ въ сознаніи, что это является патріотическимъ долгомъ.

Законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства будетъ осуществляемъ съ твердостью въ духѣ, принятомъ парламентомъ и утвержденномъ страною. Правительство будетъ продолжать дѣло полной лаисизаціи школъ. Оно предложитъ окончательную отмѣну закона Фаллу, уже вотированную сенатомъ, отмѣну несправедливыхъ привилегій, которыми пользуются частныя среднеучебныя заведенія, и установленіе дѣйствительнаго контроля государства за обученіемъ въ этихъ заведеніяхъ. Наконецъ, правительство сдѣлаетъ общественное образованіе все болѣе и болѣе демократическимъ, сдѣлавъ его доступнымъ на всѣхъ ступеняхъ дѣтямъ народа, сообразно ихъ способностямъ, а не состоятельности.

Нѣкоторые приговоры военныхъ судовъ волновали общественное мнѣніе. Правительство предложитъ ихъ реформу, а также реформу и военно-морскихъ трибуналовъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ также внесены законы о кадрахъ и о производствѣ офицеровъ.

Мы будемъ васъ просить также измѣнить законъ 1884 года (о синдикатахъ), уничтоживъ статьи о спеціальныхъ проступкахъ и даровавъ синдикатамъ право собственности и право торговли. Мы предложимъ распространить преимущества этого закона на новые слои гражданъ.

Отказывая чиновникамъ въ правѣ стачекъ, мы предложимъ дать имъ гарантію отъ начальственнаго произвола въ видѣ особаго устава.

Столкновенія между капиталомъ и трудомъ становятся все сильнѣе и острѣе. Они могутъ подорвать процвѣтаніе торговли и промышленности, и намъ кажется, что настало время серьезно изучить вопросъ о возможномъ предупрежденіи повторенія этихъ столкновеній. Мы думаемъ, что необходимо особымъ закономъ опредѣлить права и обязанности, вытекающія изъ договора о трудѣ. Необходимо издать правила, относящіяся къ заключенію, исполненію и разрыву такого договора, и опредѣлить свойства коллективнаго договора о трудѣ, которыя обрисовываются въ общемъ сознаніи, хотя еще недостаточно ясно и опредѣленно. Подъ сѣнью этого закона, среди великолѣпнаго развитія промышленности, рабочіе и патроны найдутъ возможность согласовать экономическія необходимости, индивидуальную свободу и защиту болѣе слабыхъ, признаваемую нынѣ всѣми.

По тѣмъ же соображеніямъ, проектируется и законъ о нормальной длинѣ рабочаго дня. Не теряя изъ вида требованія все-

міpной конкурренціи, не забывая, съ другой стороны, что извѣстные шаги общественной жизни совершаются у всѣхъ конкуррирующихъ націй и что международные трактаты о трудѣ становятся все болѣе необходимыми и настоятельными, мы думаемъ, однако, что возможно дать удовлетвореніе требованіямъ трудящагося народа, желающаго имѣть время, чтобы быть гражданиномъ. Мы думаемъ также, что пора дать всѣмъ служащимъ (employés) въ отношеніи продолжительности рабочаго дня такое же покровительство закона, какимъ пользуются рабочіе.

Одновременно съ этими законопроектами, мы думаемъ провести реформы, проектированныя нашими предшественниками объ еженедѣльномъ отдыхѣ и о выдачѣ заработной платы. Еще въ февралѣ палата вотировала законопроектъ о рабочихъ пенсіяхъ. Мы будемъ поддерживать этотъ проектъ въ сенатѣ.

Катастрофа въ Курьерѣ обратила вниманіе правительства на недостатки закона 1810 года. Мы намѣрены представить законопроектъ съ цѣлью исправить эти недостатки, частью расширяя контроль государства, частью опредѣляя условія, отсутствіе которыхъ можетъ быть опаснымъ. Мы хотимъ обезпечить капиталу и труду болѣе справедливое вознагражденіе за ихъ усилія. Проектируя въ будущихъ концессіяхъ призвать горнорабочихъ къ участію въ прибыляхъ, мы имѣемъ въ виду двѣ цѣли: сдѣлать новый шагъ по пути соціальной справедливости и дать примѣръ для другихъ отраслей промышленности.

Правительство будетъ продолжать оказывать особое вниманіе вопросамъ, касающимся интересовъ земледѣлія. Будетъ представленъ законопроектъ, устанавливающій легальное представительство земледѣлія, и будутъ приложены всѣ усилія, чтобы поддержать отрасли земледѣлія, нынѣ особенно поколебленныя. Равнымъ образомъ, въ интересахъ виноградарства и винодѣлія предполагается строго преслѣдовать всякія поддѣлки и фальсификацію. Вамъ будутъ представлены соотвѣтственные законопроекты для пополненія пробѣловъ существующаго законодательства.

Относительно колоній нашею задачею является содѣйствовать экономическому процвѣтанію нашихъ заморскихъ владѣній, обезпечивъ имъ дѣятельную администрацію, хорошіе финансы, правый и скорый судъ.

При образованіи нашего кабинета, мы изложили основы нашей внѣшней политики. Въ сознаніи правъ и жизненныхъ интересовъ страны, мы выразили убѣжденіе, что охрана этихъ правъ и нормальное развитіе этихъ интересовъ не посягаютъ на интересы и права никакой другой державы, и что справедливость и миръ суть основы французской иностранной политики. Съ тѣхъ поръ мы неизмѣнно слѣдовали этимъ принципамъ поведенія и марроккскій вопросъ убѣдилъ весь міръ въ правильности нашей политики, признавъ нашу лояльность и сознаніе взаимныхъ правъ

и обязанностей націй. Мы не думали сходить съ этого пути, котораго правильность доказала альгезиразская конференція, почетная для всѣхъ участниковъ. Благодаря этой конференціи, мы сохранили и укрѣпили союзъ и дружественныя отношенія, столь цѣнныя и по своимъ задачамъ столь совпадающія съ нашею политикою. Благодаря ей же, мы уменьшимъ въ будущемъ рискъ несогласій и столкновеній и мы окажемся въ условіяхъ, наилучшихъ для справедливаго разрѣшенія всякихъ затрудненій.

Съ полнымъ довѣріемъ полагаясь на армію и флотъ и въ полномъ сознаніи своего могущества, обезпечивающаго безопасность страны, Франція надѣется, что націи, подобно ей, будутъ стремиться къ рѣшеніямъ, основаннымъ на правѣ, и она разсчитываетъ, что развитіе всемірнаго мнѣнія въ этомъ направленіи, чему и сама она искренно послужитъ, дозволитъ націямъ признать возможнымъ сократить вооруженія, что гаагская конференція объявила весьма желательнымъ въ интересахъ матеріальнаго и моральнаго благосостоянія человѣчества.

Не одни политическіе вопросы составляютъ предметы внѣшней политики. Дипломатическіе и соціальные вопросы занимаютъ все большее мѣсто. Такъ, по иниціативѣ комитета международнаго общества легальной защиты труда, была выработана конвенція о воспрещеніи ночной работы женщинъ, а такъ же о воспрещеніи употреблять бѣлый фосфоръ на спичечныхъ заводахъ. 5 апрѣля мы увѣдомили, что правительство республики присоединяется къ конвенціи. Мы будемъ стремиться расширять сферу этихъ международныхъ соглашеній по рабочему вопросу. Мы полагаемъ, такимъ образомъ, въ вопросахъ экономическихъ и соціальныхъ такъ же, какъ и въ политическихъ, въ узкомъ словѣ служить дѣлу внутренняго мира республики и дѣлу мира всеобщаго.

Программа эта, нами вамъ представленная, не есть программа законченная. Внимательно слѣдя за желаніями и чувствами націи, мы всегда будемъ готовы вмѣстѣ съ вами изучать и разрѣшать задачи, постоянно выдвигающіяся передъ общественнымъ мнѣніемъ».

II.

Никогда никакое французское правительство не представляло народному представительству программы, такъ далеко идущей влѣво, какъ эта программа, прочитанная Сарьеномъ и Клемансо. И, однако, едва-ли какая-либо министерская декларація была предметомъ такой блестящей критики и такого сильнаго удара именно слѣва. Гвоздемъ этой исторической парламентской битвы была рѣчь Жорэса.

Немедленно послѣ прочтенія деклараціи, внесены запросы Жеро Ришара, Зеваэса, Поля Констана и Жорэса о внутренней

политикѣ. Саррьенъ принялъ немедленное обсужденіе, и пренія открылись.

Жеро Ришаръ—независимый соціалистъ. Былъ когда-то представителемъ Парижа, но забаллотированный парижанами, перенесъ свою кандидатуру на островъ Гваделупу, гдѣ уже нѣсколько выборовъ неизмѣнно переизбирается негритянскимъ большинствомъ этого острова. Рѣчь свою онъ начинаетъ словами: «Министерская декларація крайне упростила задачу интерпеллянтовъ. *Она ихъ вполнѣ удовлетворила*». Ему не такъ много надобно, этому «соціалисту». Затѣмъ онъ взываетъ къ единенію всѣхъ лѣвыхъ. Послѣ Жеро Ришара говорилъ Зеваэсъ, тоже независимый соціалистъ, недавно считавшійся однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ Жюля Гэда. Онъ говорилъ о выборахъ и общихъ вопросовъ не касался. Третья рѣчь была Поля Констана, объединеннаго соціалиста. Она касалась нѣкоторыхъ инцидентовъ на недавнихъ стачкахъ. Наконецъ, четвертымъ взошелъ на трибуну Жорэсъ.

Ораторъ начинаетъ съ частнаго факта. Клемансо въ Ліонѣ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся стачекъ горнорабочихъ въ сѣверной Франціи и очень рѣзко осудилъ поведеніе стачечниковъ. Жорэсъ теперь напоминаетъ эти рѣзкости и продолжаетъ: «Что же случилось въ Па-де-Кале? Министръ внутреннихъ дѣлъ (Клемансо) нарисовалъ жестокую картину... Было нѣсколько угрожающихъ жестовъ и словъ по адресу работающихъ... И я такъ же сожалѣю объ этихъ угрозахъ. Но если бы министръ внутреннихъ дѣлъ примѣнилъ ту же безпощадную горечь и то же искусное освѣщеніе для изображенія всего того угнетенія, которое въ теченіе поколѣній тяготѣетъ надъ этими жертвами горнопромышленныхъ компаній, онъ нарисовалъ бы намъ картину, потрясающую и поучительную. Однако, онъ много разъ рисовалъ эту картину, какъ журналистъ; ему показалось излишнимъ ее повторять, будучи министромъ. Придрались въ Па-де-Кале къ прискорбной борьбѣ двухъ синдикатовъ, чтобы наводнить мѣстность войсками и нарушить элементарнѣйшія права стачки. Туда, гдѣ никогда не входило въ стачку болѣе 10.000 человѣкъ, было введено 25.000 солдатъ и ими заняты всѣ помѣщенія для собраній. Благодаря этому, говорить могли только генералы. Никто изъ представителей синдикатовъ не могъ сказать рабочимъ ободряющаго слова. Въ терроризованномъ городѣ нѣтъ мѣста для трудового міра».

Послѣ этого критическаго вступленія, поколебавшаго демократическое олимпійство радикальныхъ лидеровъ, Жорэсъ посвящаетъ большую часть рѣчи изложенію программы коллективизма и только въ концѣ рѣчи возвращается къ критикѣ правительства. Къ серединѣ рѣчи мы вернемся ниже, а теперь закончимъ критическую часть.

Окончивъ изложеніе коллективистской доктрины, Жорэсъ обращается къ радикаламъ съ вопросомъ: «что же вы думаете и мо-

жете сдѣлать для освобожденія рабочаго класса?» Возвращаясь къ ліонской рѣчи Клемансо, онъ съ горечью замѣчаетъ, что ожидалъ совсѣмъ другого отъ человѣка, который столь долго водилъ въ битву республиканцевъ. И обращаясь непосредственно къ Клемансо, Жорэсъ требуетъ объясненія его программы. «Бываютъ минуты въ исторіи (говоритъ Жорэсъ), когда люди должны занять позиціи. Сто пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ годину великой революціи, Мирабо, Верньо, Робеспьеръ, Кондорсе, конечно, тоже ошибались. Они противоставляли системѣ систему, принципамъ принципы. Но они принимали рѣшенія, они смѣли, они знали, что старый міръ разлагается, что надо выбросить его останки и создать міръ новый. Не топчась въ великой скромности на одномъ мѣстѣ, но имѣя большой запасъ благородства и смѣлости, эти люди разрушили старое и основали новое общество. А теперь послѣ ста двадцати лѣтъ усилій соціалистской и рабочей мысли, наступилъ часъ, когда общество должно вскрыть тайну своихъ судебъ и осуществить идеалъ справедливости. Мы высказываемся и принимаемъ отвѣтственность. Выскажитесь же и вы, которые называетесь правительствомъ». Послѣ нѣсколькихъ фразъ, брошенныхъ по адресу радикаловъ, безсильныхъ дать систематическую программу рѣшенія рабочаго вопроса (что, однако, ими обѣщается), Жорэсъ обращается къ министерской деклараціи. Сбивчивость этой деклараціи, полное отсутствіе руководящаго критерія при выборѣ предположенныхъ реформъ, такое же отсутствіе какой либо планомѣрности во всей программѣ, несоотвѣтствіе предлагаемыхъ средствъ съ предполагаемыми задачами, совершенная безсодержательность министерской риторики настолько бросаются въ глаза всякому не предубѣжденному человѣку, что Жорэсу не стоило большого труда логически и морально разбить министерское хитросплетеніе, гдѣ за громкими фразами чувствуется совершенная идейная пустота. Ни сознанія широты задачи, ни пониманія ея трудности и сложности, ни признанія ея нравственной повелительности,—такова эта министерская программа, выступившая въ минуту, когда уже ничто и никто не препятствуетъ лидерамъ радикализма осуществить свои идеалы. Показавъ пустоту и негодность министерской деклараціи, Жорэсъ останавливается еще на обѣщаніяхъ возстановить равновѣсіе бюджета и ввести подоходный налогъ. Онъ доказываетъ, что предлагаемыя средства не возстановятъ бюджетнаго равновѣсія, а проектируемый подоходный налогъ является простымъ обманомъ, потому что весьма далекъ отъ дѣйствительной подоходности. Такая программа радикальнаго министерства совершенно не соотвѣтствуетъ неотложнымъ требованіямъ историческаго дня.

«И вотъ почему (заканчиваетъ свою рѣчь лидеръ соціалистовъ), и вотъ почему я говорю вамъ, что вы совершаете огромную ошибку, и что вся ваша политика есть огромное несчастіе. Мы вышли изъ

битвы, въ которой республиканская партія одержала самую рѣшительную побѣду, при чемъ во время борьбы были развернуты соціальныя пожеланія, превзошедшія все, о чемъ смѣли надѣяться самые смѣлые. И въ эту-то минуту вы намъ приносите пустопорожнія фразы, искалѣченныя рѣшенія и колеблющуюся политику. Вы много ниже уровня, до котораго поднялось всенародное голосованіе...»

Жорэсъ сошелъ съ трибуны среди рукоплесканій не только на скамьяхъ крайней лѣвой (соціалисты), но и съ очень значительнаго числа скамей радикальныхъ и демократическихъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи Жорэсу отвѣчалъ Клемансо отъ имени правительства и отъ своего собственнаго, такъ какъ былъ задѣтъ Жорэсомъ не только, какъ министръ, но и какъ гражданинъ и человѣкъ.

Однако, прежде возвратимся къ рѣчи Жорэса, именно, къ пропущенной нами главной ея части, гдѣ вождь французскихъ соціалистовъ изложилъ основы коллективистской программы и подвергъ строгой критикѣ весь нынѣшній соціальный строй, исполненный несправедливости, неравенства и экономическаго гнета.

III.

Обращаясь къ программной части своей рѣчи, Жорэсъ начинаетъ со взгляда на современное соціальное состояніе Франціи.

«Знаете ли вы (говоритъ онъ), что рисуетъ намъ статистика наслѣдствъ (публикуемая министерствомъ финансовъ) по вопросу о распредѣленіи богатства и собственности во Франціи? Сумма наслѣдствъ величиною отъ одного франка до 10.000 фр., представляетъ капиталъ въ 23 милліарда франковъ, а сумма наслѣдствъ, величиною отъ 10.000 до 100.000 фр., равняется капиталу въ 50 милліардовъ франковъ. Эти цифры относятся къ наслѣдствамъ мелкой и средней буржуазіи. Въ ихъ свѣтѣ взглянемъ и внизъ отъ нихъ, и вверхъ.

Во Франціи ежегодно умираетъ отъ 800 до 900 тысячъ человѣкъ. Однако, число наслѣдствъ менѣе 400 тысячъ. Остальные внизу безчисленные пролетаріи, преимущественно рабочіе, своимъ трудомъ создающіе всѣ богатства страны, но въ минуту сведенія ихъ послѣдняго счета въ этомъ счетѣ въ строкѣ *собственность* стоитъ нуль.

Что касается взгляда вверхъ, то тамъ видимъ, что изъ 176 милліардовъ франковъ, цифру, которую согласно статистикѣ наслѣдствъ можно принять, какъ представляющую сумму всѣхъ богатствъ 36 милліоновъ французовъ, 221.000 человѣкъ обладаютъ 105 милліардами *(оживленные аплодисменты на скамьяхъ крайней лѣ-*

вой и на многихъ скамьяхъ лѣвой)! Пусть министръ финансовъ провѣритъ мои вычисленія, онъ ихъ подтвердитъ.

Итакъ, внизу 15 милліоновъ человѣкъ, ничего не имѣющихъ; вверху 221 тыс. обладаютъ 105 милліардами: такова крайность, противопоставленная полной бѣдности (*аплодисменты*).

Не повѣрите ли вы, однако, что общество, въ которомъ заводы, фабрики, рудники, помѣстья находились-бы не въ рукахъ ничтожнаго меньшинства, а во владѣніи всѣхъ сфедерированныхъ производителей, не было бы и болѣе справедливымъ, и болѣе гуманнымъ (*продолжительныя рукоплесканія*)? Отвѣчайте же прежде, нежели проклинать...

Именно этого преобразованія (*маркизъ Діонъ прерываетъ «этой экспропріаціи»*), да, именно этой экспропріаціи и требуютъ соціалисты (*огромное впечатлѣніе и разныя движенія на всѣхъ скамьяхъ, соціалисты рукоплещутъ*)»...

Далѣе ораторъ обращается къ радикаламъ съ указаніемъ, что если они находятъ невозможнымъ такое преобразованіе, то тогда станетъ всякому ясно, что не правые, не церковь, а само республиканское большинство объявитъ банкротство идеаловъ гуманности. Затѣмъ онъ указываетъ, что это преобразованіе возможно совершить на точномъ основаніи нынѣшнихъ законовъ... Не предрѣшая деталей, онъ можетъ только сказать, что большинство соціалистовъ и крупные теоретики партіи предпочитаютъ отчужденіе капитала въ общее владѣніе, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ собственниковъ, съ выкупомъ по справедливой оцѣнкѣ. Это заявленіе производитъ впечатлѣніе и вызываетъ разныя движенія. Однако позднее время и утомленіе побуждаютъ отложить окончаніе рѣчи Жорэса до слѣдующаго засѣданія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи Жорэсъ начинаетъ свою рѣчь ссылкою на мнѣніе, будто этою своею рѣчью онъ желаетъ выполнить данное имъ обѣщаніе внести законопроектъ о соціальной реформѣ. «Это обѣщаніе я помню (продолжаетъ онъ), я его сдержу и внесу кодексъ труда, въ которомъ будетъ систематически проектирована новая соціальная организація, но чтобы окончательно систематизировать и проредактировать идеи, уже давно сложившіяся, мнѣ понадобится четыре, быть можетъ, пять мѣсяцевъ (*соціалисты аплодируютъ*). Однако, полезно, чтобы уже теперь, съ первыхъ шаговъ этого парламента, стало извѣстно, что мы, соціалисты, выступаемъ не съ одними отрицаніями и приносимъ сюда программу положительнаго рѣшенія соціальной проблемы».

Послѣ этого, ораторъ возвращается къ вопросу о выкупѣ капитала, чѣмъ закончилъ рѣчь въ предыдущемъ засѣданіи. Онъ повторяетъ, что большинство соціалистовъ являются сторонниками выкупа; указываетъ, что революція стоила бы рабочему классу дороже выкупа и что, слѣдовательно, сами интересы рабочихъ диктуютъ это рѣшеніе; цитируетъ Энгельса и Маркса, высказы-

вавшихся тоже за выкупъ; цитируетъ и Вандервельда, и свои собственные труды; наконецъ, заключаетъ: «именно въ этомъ духѣ, въ этомъ примирительномъ духѣ, мы и разсматриваемъ проблему и спрашиваемъ, какими же средствами вы осуществите соціальную реформу?»

Этотъ вопросъ, обращенный къ палатѣ, вовсе не собирающейся «осуществлять соціальную реформу», возбуждаетъ протесты, но всѣ такъ заинтересованы изложеніемъ доктрины, что протесты умолкаютъ, и палата съ прежнимъ вниманіемъ слушаетъ краснорѣчиваго оратора.

«Да, какъ вы вырвете (продолжаетъ Жорэсъ) средства производства изъ рукъ привилегированнаго класса, который ими владѣетъ и сдѣлалъ изъ нихъ орудіе эксплуатаціи и господства надъ огромною массою пролетаріевъ? Вы можете это совершить безъ насилія, безъ споліаціи, опираясь на легальныя средства, которыя и теперь вполнѣ въ вашихъ рукахъ. И теперь, если бы вы захотѣли покончить съ режимомъ эксплуатаціи капиталомъ труда и человѣкомъ человѣка, вы можете примѣнить къ капиталистической собственности законъ, заключенный въ вашихъ кодексахъ, именно законъ объ экспропріаціи въ цѣляхъ общественной пользы и съ справедливымъ вознагражденіемъ (*огромное впечатлѣніе, протесты, возгласы удивленія*). Если есть важнѣйшій предметъ и высшіе интересы, оправдывающіе примѣненіе этого закона, то, конечно, это обсуждаемый нынѣ предметъ и обсуждаемые нынѣ интересы. Вы можете улыбаться и протестовать, всетаки правда на нашей сторонѣ, когда мы говоримъ, что наступилъ моментъ въ интересахъ рабочаго класса примѣнить этотъ законъ, доселѣ примѣнявшійся лишь въ интересахъ капитала для его сооруженій, для прокладки желѣзныхъ дорогъ черезъ земли нашихъ крестьянъ (*рукоплещутъ соціалисты, протестующіе возгласы справа и въ центрѣ*)... Что касается проектируемаго выкупа, то его значеніе опредѣлится значеніемъ самой реформы. Теперь цѣнности, полученныя бывшимъ собственникомъ, могутъ быть имъ употреблены на пріобрѣтеніе орудій производства и помѣстій, а также и предметовъ потребленія. Послѣ реформы онѣ могутъ быть употреблены для пріобрѣтенія только предметовъ потребленія и не смогутъ снова служить орудіемъ эксплуатаціи».

Вся прибыль, которую теперь получаютъ капиталисты, получитъ общество. Жорэсъ полагаетъ, что немедленно же это позволитъ осуществить новыя реформы: общее поднятіе уровня заработной платы, при чемъ это поднятіе должно увеличиваться сверху внизъ; совершенное обезпеченіе старости, инвалидности, болѣзней; установленіе гигіеничности жилищъ съ разселеніемъ за городъ; помощь крестьянамъ въ меліораціи ихъ культуръ и т. д. Далѣе, ораторъ обратился къ критикѣ радикальной программы, съ которою мы уже познакомили читателей выше.

Отвѣчалъ Клемансо съ обычнымъ краснорѣчіемъ и съ обычнымъ благородствомъ, но по существу ему отвѣтить было нечего. Вотъ, напр., изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ: «Амфіонъ звуками лиры возвелъ стѣны Ѳивъ. Голосъ г. Жорэса совершаетъ еще большее чудо; онъ говоритъ, и вѣковая организація человѣческихъ обществъ внезапно разрушается. Все, что человѣкъ думалъ, желалъ, совершалъ, чтобы улучшить свою долю, чтобы приблизить часъ соціальной справедливости, все, что онъ выстрадалъ съ тѣхъ поръ, какъ изъ первобытныхъ пещеръ отправился покорять эту планету, всѣ его побѣды и завоеванія, все разсыпалось въ прахъ и улетучилось пепломъ, и, если вы будете слѣдить за полетомъ этого пепла, вы увидите воздушный замокъ, пышный и блестящій, изъ котораго навсегда изгнана бѣдность»... и т. д. Краснорѣчиво, но вѣдь это общія мѣста, которыми можно встрѣтить рѣшительно каждую реформу, въ томъ числѣ и реформы, требуемыя самимъ Клемансо.

Мы дали подробный отчетъ объ этихъ замѣчательныхъ засѣданіяхъ новой французской палаты. Весьма возможно, что этими засѣданіями откроется новый періодъ въ исторіи Франціи и въ исторіи соціализма. Осуществленіе даже тѣхъ реформъ, которыя возвѣщены французскимъ правительствомъ, усилитъ положеніе пролетаріата, а узость и недостаточность радикальной программы оттолкнетъ отъ радикаловъ народныя массы и можетъ черезъ четыре года собрать въ Парижѣ палату съ соціалистическимъ большинствомъ. Та систематическая борьба, которую начала соціалистическая партія, можетъ подготовить подобную эволюцію, но возможны и другія послѣдствія. Четырехлѣтнее господство радикаловъ, никого не удовлетворивъ и оттолкнувъ отъ нихъ демократію, можетъ бросить значительную часть ея не въ ряды соціалистовъ, а въ руки реакціонеровъ. Во всякомъ случаѣ, и Франція, и соціализмъ переживаютъ моментъ огромнаго историческаго значенія.

IV.

Въ парижской газетѣ «Matin» печатаются мемуары генерала Андрэ, бывшаго пять лѣтъ военнымъ министромъ Франціи. Вступилъ въ министерство генералъ Андрэ около 1900 года въ кабинетъ Вальдека Руссо и засталъ высшую командную часть арміи въ рукахъ клерикаловъ и націоналистовъ. Ему съ первыхъ же шаговъ пришлось вести упорную борьбу съ всевозможными интригами. Одинъ изъ инцидентовъ этого рода касается и русской дипломатіи. Газеты наши пропустили этотъ непріятный инцидентъ почти безъ вниманія. Между тѣмъ, онъ столько же печаленъ, сколько и характеренъ для того русскаго режима, котораго обломки съ такою болью и съ такою тяжестью обрушились на русскій народъ.

Итакъ, клерикалы, націоналисты и реакціонеры, достойная компанія, способная и для Франціи пріуготовить нынѣшнюю участь Россіи, всячески старались остановить новаго министра въ его стремленіи очистить высшее командованіе арміи отъ элементовъ, враждебныхъ республикѣ и демократіи. Они прибѣгли и къ содѣйствію русской дипломатіи. Тамъ они нашли себѣ союзника, русскаго военнаго атташе при французскомъ правительствѣ, графа М. Мемуары генерала Андрэ такъ описываютъ этотъ инцидентъ:

«Полковникъ М. мнѣ поклонился со строгостью совершенно военною, и когда онъ сѣлъ, мнѣ показалось, что густое облако дипломатіи заволокло его чело.

Относясь съ отеческою любезностью къ этому молодому представителю союзной и дружественной арміи, я ему сказалъ, что превращаюсь весь въ слухъ, чтобы выслушать изложеніе предмета его визита.

Онъ меня не заставилъ ждать.

Тономъ, суровость котораго нельзя было не замѣтить, графъ М. бросилъ мнѣ слѣдующую фразу:

— Господинъ министръ, я пришелъ къ вамъ по вопросу объ офицерахъ главнаго штаба, которыхъ вы желаете отставить. Я былъ бы счастливъ услышать, что вы отмѣняете ваше намѣреніе.

Сначала я не разсердился. Въ этой юно-безтактной выходкѣ могло быть виновато лишь чрезмѣрное и слишкомъ ревностное чувство товарищества.

Я ограничился спокойнымъ отвѣтомъ:

— Нѣтъ, мое рѣшеніе окончательное. Я его сохраняю, и потому что оно уже принято, и потому что нахожу его правильнымъ.

Полковникъ возразилъ высокомѣрнымъ тономъ:

— Какъ представитель союзной державы, я обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ (je vous demande) отмѣнить ваше рѣшеніе.

Это уже былъ вызовъ. Я почувствовалъ приливъ гнѣва.

— Monsieur, я получаю приказанія только отъ французскаго парламента, и я васъ прошу...

Затѣмъ, онъ еще возвысилъ голосъ:

— Въ такомъ случаѣ, господинъ министръ, я долженъ вамъ сказать, что вы нарушили союзъ!..

Я вскочилъ. У меня уже были на языкѣ сильныя слова (Nous nous f... de vous!), но я удержался. Мнѣ пришло въ голову соображеніе, что я не знаю текста союзнаго договора и что, быть можетъ, тамъ есть статья о взаимныхъ соглашеніяхъ при перемѣнахъ въ составѣ обоихъ главныхъ штабовъ.

Если бы это предположеніе оказалось вѣрнымъ, я бы не остался и часа военнымъ министромъ. Я овладѣлъ собою и коротко обрѣзалъ визитъ:

— Довольно, monsieur, эта бесѣда можетъ продолжаться только

чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ... Прошу васъ удалиться (veuillez vous retirer!).

Послѣ ухода графа М. я сдѣлалъ усиліе успокоиться и обсудить положеніе хладнокровно. Я чувствовалъ невозможность оставаться долѣе въ неизвѣстности. Я долженъ былъ все выяснить немедленно. Я приказалъ подать экипажъ и черезъ десять минутъ былъ у Вальдека Руссо. Еще весь полонъ негодованія, я ему передалъ вышеописанную сцену. В. Руссо сказалъ:

— Опять-таки это дѣло рукъ вашего главнаго штаба. Это они настроили бѣднаго М. и бросили на васъ въ надеждѣ, что вы сдадитесь. Вы превосходно сдѣлали, указавъ ему его мѣсто. Успокойтесь, нѣтъ ничего подобнаго въ союзномъ договорѣ. Иначе я не былъ бы главою правительства. У себя дома мы одни хозяева.

Я почувствовалъ, что съ моихъ плечъ свалилась огромная тяжесть.

— Отправляйтесь, дорогой генералъ,—продолжалъ президентъ совѣта,—отправляйтесь и разскажите все это Делькассэ. Онъ все устроитъ.

Когда я пріѣхалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, у министра было совѣщаніе, и мнѣ пришлось подождать около двадцати минутъ. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы изложить письменно всю вышеизложенную бесѣду и въ точности воспроизвести обмѣненныя между нами фразы. Въ этомъ видѣ дѣло поступило къ Делькассэ».

Конечно, все устроилось, и графа М. пришлось убрать изъ Парижа. Во всякомъ случаѣ, инцидентъ весьма характерной для того режима, представителемъ котораго являлся графъ М. въ Парижѣ и несчастную ладью котораго исторія на всѣхъ парахъ уже гнала и къ Цусимѣ, и къ Артуру, къ полному безсилію, къ совершенному разложенію, къ ужасамъ его кровавыхъ судорогъ... А тогда не прочь были распорядиться и въ Парижѣ!

V.

Отъ подвига недавняго доцусимскаго прошедшаго къ подвигу самоновѣйшему. Въ Бѣлостокѣ былъ устроенъ погромъ 1—4 іюня, по своимъ ужасамъ превзошедшій всякія турецкія звѣрства въ Болгаріи и Арменіи... Погромъ былъ устроенъ. Это доказало и парламентское слѣдствіе, и обстоятельныя разслѣдованія представителей прессы, и замѣчательныя разоблаченія въ думѣ кн. Урусова, бывшаго губернатора и бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, человѣка освѣдомленнаго. Ужасныя подробности бѣлостокскихъ звѣрствъ и неотразимыя разоблаченія кн. Урусова произвели потрясающія впечатлѣнія на все цивилизованное человѣчество и вызвали огромное движеніе, въ которомъ нашему несчастному отечеству приходится играть унизительную и постыдную роль. Какъ ни больно, надо

остановиться и на этихъ печальныхъ страницахъ нашей печальной исторіи.

Сдѣлаемъ обозрѣніе по странамъ.

Францiя, конечно, скромнѣе другихъ реагировала на бѣлостокскую бойню. Однако и тамъ уже 4 іюня «общество друзей русскаго народа» организовало протестъ «противъ кровавой бойни русскаго правительства». Подъ протестомъ множество подписей политическихъ дѣятелей и ученыхъ. Однако, парламентъ молчалъ и молчитъ и до послѣдняго времени не было никакихъ митинговъ негодованія противъ погромщиковъ, сочувствія разгромленнымъ. Пресса, конечно, осуждала и сожалѣла, но сдержанно. Повидимому, въ Парижѣ, подобно нашимъ кадетамъ, надѣялись и надѣются на передачу власти въ руки, незапятнанныя кровью. Кадеты ждали и ждутъ курьеровъ, въ Парижѣ ждали депеши объ этихъ курьерахъ. Кадеты все еще уповаютъ и ждутъ... Въ Парижѣ начинаютъ терять терпѣніе. Выступила пресса съ критикою русскаго правительства и съ настойчивыми совѣтами призвать парламентское министерство. Это былъ симптомъ, и по этому поводу уже отъ 12 (25) іюня телеграфировали изъ Берлина, что берлинскіе освѣдомленные круги придаютъ большое значеніе повторяющимся статьямъ серьезныхъ французскихъ газетъ, заключающимъ въ себѣ предупрежденія по адресу русскаго правительства, и усматриваютъ въ этомъ первый признакъ возможнаго измѣненія въ образѣ дѣйствій иностранной французской политики. Симптомомъ надо считать и болѣе, нежели сдержанное упоминаніе о франко-русскомъ союзѣ въ министерской декларации, вышеприведенной нами. Постепенно поднимается и тонъ французской печати. Уже 15 (28) іюня въ передовой статьѣ «Temps» рѣшительно настаиваетъ на немедленномъ образованіи министерства изъ кадетскаго большинства въ интересахъ самой короны, предостерегая, что черезъ двѣ недѣли сдѣлать это будетъ уже поздно.

По его свѣдѣніямъ, былъ зондированъ сверху гр. Гейденъ, которому, будто бы, было предложено предсѣдательство въ будущемъ кабинетѣ; онъ было согласился, но встрѣтилъ оппозицію кадетовъ, требующихъ какъ conditio sine qua non сохраненіе за собою предсѣдательства. Свѣдѣнія «XX вѣка» подтверждаютъ, если не прямое предложеніе, сдѣланное графу Гейдену, то, во всякомъ случаѣ, то, что съ подобной мыслью у насъ носились.

Парижская газета совѣтуетъ правительству оставить систему полумѣръ и открыто вступить въ кадетскія воды. Покуда, говоритъ она, послѣдніе еще согласятся на сохраненіе за бюрократіей трехъ портфелей военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ, не смотря на неосторожныя о Думѣ разсужденія А. П. Извольскаго и то обстоятельство, что въ Думѣ имѣется готовый военный министръ, въ лицѣ ген. Кузьмина-Караваева. Но, если правительство упуститъ удобную минуту, само положеніе кадетовъ заставитъ ихъ быть

болѣе требовательными. По мнѣнію «Temps», этой партіи грозитъ разложеніе, такъ какъ ея лѣвое крыло тянетъ къ трудовикамъ. Повидимому, въ случаѣ промедленія со стороны правительства, кадеты не только не будутъ въ состояніи пойти на компромиссъ и сохранить за бюрократіей помянутые три портфеля, но принуждены будутъ уступить нѣкоторые изъ нихъ трудовикамъ.

Въ заключеніе «Temps» говоритъ, что рѣчь князя Урусова нанесла старому режиму смертельный ударъ. Хотя, конечно, князь Урусовъ не выражаетъ увѣренности, что новое министерство изъ думскаго большинства могло бы вполнѣ измѣнить положеніе при существованіи извѣстныхъ имъ отмѣченныхъ факторовъ, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію газеты, слѣдуетъ испробовать это средство и чѣмъ скорѣе — тѣмъ лучше для интересовъ страны и династіи.

Это сильно, особенно, если не забывать того обстоятельства, что въ вопросахъ иностранной политики эта газета получаетъ указанія изъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Однако, эти «дружескіе совѣты» плохо дѣйствуютъ, и «Васька слушаетъ, да ѣстъ». Повидимому, не скоро кадеты дождутся курьера. Не скоро и въ Парижѣ дождутся желанной депеши о курьерѣ. Во всякомъ случаѣ, политика погромовъ, карательныхъ экспедицій, военнаго положенія и совершеннаго пренебреженія къ волѣ народа дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ и на франко-русскій союзъ.

Въ Германіи парламентъ въ настоящее время не засѣдаетъ, и потому и тамъ отношеніе къ русскимъ событіямъ вообще и бѣлостокскому погрому въ частности можетъ проявиться не чрезъ организованное народное представительство. 12 іюня состоялось въ Берлинѣ многотысячное собраніе въ Tonhalle, имѣвшее цѣлью выразить протестъ противъ бѣлостокскихъ ужасовъ; оно было открыто членомъ рейхстага Шрадеромъ. Профессоръ Листъ въ своей рѣчи высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «По причинамъ экономическимъ, культурнымъ и политическимъ мы должны желать, чтобы Россія была сильна. Необходимо выяснить степень виновности правительства въ происходившихъ за послѣдніе годы погромахъ. Западная Европа имѣетъ право требовать разслѣдованія. Всѣ христіане должны выразить свое отвращеніе къ совершеннымъ насиліямъ». Ждановъ (изъ Москвы) называетъ еврейскіе погромы дѣломъ русской бюрократіи и высказываетъ мнѣніе, что въ интересахъ прогресса всего человѣчества необходимо, чтобы всѣ народы отнеслись съ сочувствіемъ къ борьбѣ Россіи за освобожденіе. Депутатъ рейхстага Трегеръ возлагаетъ надежды на дѣятельность Думы. Пасторъ Кирмсъ упоминаетъ о борьбѣ и страданіяхъ нѣмцевъ, живущихъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Бруцкусъ (изъ Петербурга) описываетъ бѣлостокскія событія. Собраніе постановило сообщить предсѣдателю Государственной Думы резолюцію, въ которой выражается сочувствіе жертвамъ погромовъ въ Россіи и негодованіе по отношенію къ виновникамъ этихъ безчеловѣчныхъ жестокостей. «Собраніе вѣ-

рить», говорится въ резолюціи, «что Дума добьется привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ, дабы предотвратить новыя насилія, и желаетъ, чтобы прогрессивнымъ и культурнымъ силамъ удалось дать нашему великому восточному сосѣду конституціонный строй съ гарантіей гражданскихъ правъ и свободы вѣроисповѣданій для блага Россіи, какъ надежную поруку дружественныхъ отношеній къ германской имперіи».

Нѣмецкая пресса единодушна въ отзывахъ объ ужасахъ погромовъ и объ ихъ причинахъ. Достойно отмѣтки такъ же сообщенія, что торговыя палаты въ восточныхъ областяхъ Пруссіи и въ Берлинѣ обратились къ правительству съ просьбой объ охранѣ торговыхъ интересовъ, въ виду происходящихъ въ Россіи безпорядковъ, а крупные берлинскіе купцы вошли къ правительству съ представленіемъ объ охранѣ капиталовъ, вложенныхъ ими въ предпріятія какъ въ Бѣлостокѣ, и такъ вообще въ Россіи.

И во Франціи, и въ Германіи огромные интересы имущихъ классовъ связаны съ благосостояніемъ Россіи. Съ другой стороны, крупные политическіе интересы побуждаютъ и Францію, и Германію цѣнить дружбу Россіи. Это объясняетъ относительную сдержанность, но это же придаетъ огромное значеніе и единодушному порицанію русской внутренней политики и дружескимъ совѣтамъ.

Менѣе заинтересована Австро-Венгрія, но все же интересы довольно значительные, экономическіе и политическіе. 6 іюня въ засѣданіи австрійскаго рейхсрата депутатъ Брейтеръ обратился къ правительству съ запросомъ по поводу того, какимъ именно образомъ ртзсчитываетъ оно отнестись къ погромамъ въ Россіи и какія мѣры приняло оно для вознагражденія австро-венгерскихъ подданныхъ за убытки, понесенные ими во время прошлогоднихъ русскихъ безпорядковъ. Онъ освѣдомился также о мѣрахъ, которыя будутъ приняты теперь общеимперскимъ правительствомъ для защиты австро-венгерскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Россіи. Передъ концомъ засѣданія графъ Штернбергъ спросилъ: не пожелаетъ ли президентъ, по примѣру англійской палаты общинъ, заявить отъ имени депутатовъ рейхсрата протестъ противъ еврейскихъ погромовъ въ Россіи? Подобное же заявленіе было сдѣлано въ австрійской делегаціи Штраухеромъ. Наконецъ, въ венгерской палатѣ въ Будапештѣ членъ партіи Кошута, Пимапіа, говоря о бѣлостокскомъ погромѣ, указалъ, что представители мѣстной администраціи допустили звѣрства надъ ввѣренными ихъ попеченію обывателями и тѣмъ самымъ нарушили свой основной долгъ. Онъ лично убѣжденъ, что палата депутатовъ отзовется съ презрѣніемъ о звѣрствахъ, учиненныхъ въ Бѣлостокѣ, и выразитъ ихъ жертвамъ свое сожалѣніе и соболѣзнованіе (Рукоплесканія).

Совершенно такого же рода манифестація, покрытая бурными рукоплесканіями, была сдѣлана и въ итальянской палатѣ депутатовъ.

По горло занятая своими дѣлами, очень сложными и очень трудными, Англія нашла возможность съ должнымъ вниманіемъ отнестись и къ бѣлостокскимъ событіямъ.

4 іюня въ засѣданіи палаты общинъ членъ рабочей партіи Торнъ освѣдомился у статсъ-секретаря Грея, не имѣетъ ли онъ въ виду обратиться къ русскому правительству съ представленіями по поводу обращенія бюрократіи съ народомъ, раньше чѣмъ посылать британскую эскадру съ оффиціальнымъ визитомъ въ Кронштадтъ и дѣлать дальнѣйшіе шаги, способные обязать британское правительство къ какимъ-либо дружескимъ соглашеніямъ съ Россіею. Грей отвѣтилъ, что не признаетъ для себя возможнымъ обращаться къ русскому правительству съ такими представленіями. Керъ-Гарди, въ свою очередь, освѣдомился: читалъ ли статсъ-секретарь въ газетахъ телеграмму за подписью пяти членовъ Государственной Думы, утверждающую, что избіеніе евреевъ будетъ продолжаться, и что ему оффиціально потворствуетъ русское правительство? Не представляетъ ли эта телеграмма сама по себѣ достаточнаго повода къ попыткѣ повліять на русское правительство, дабы побудить его къ прекращенію убійствъ, являющихся позоромъ для цивилизаціи? Грей отвѣчалъ, что видѣлъ въ газетахъ означенную телеграмму, но не получалъ никакого оффиціальнаго извѣщенія о намѣреніи пріостановить предположенную посылку англійской эскадры въ Балтійское море. Адмиралтейство намѣревается отправить ее туда лѣтомъ въ плаваніе, при чемъ до сихъ поръ предполагалось, что эскадра посѣтитъ шведскіе, германскіе и русскіе порты. Онъ присовокупилъ: «считаю преждевременнымъ усматривать возможность чего-нибудь такого, что заставило бы адмиралтейство измѣнить свои распоряженія». Гарди освѣдомился тогда: «Будетъ ли, въ случаѣ продолженія еврейскихъ погромовъ, отдано флоту предписаніе не посѣщать русскихъ портовъ и существуетъ ли намѣреніе выказать такимъ образомъ, что Англія не одобряетъ этихъ погромовъ?» Грей объяснилъ, что не можетъ ничего присовокупить къ данному имъ уже отвѣту.

Черезъ день, 6 іюня въ палатѣ общинъ Стюартъ освѣдомился у статсъ-секретаря Грея, предполагается ли до принятія мѣръ къ установленію болѣе тѣсныхъ дружескихъ отношеній между Великобританіей и Россіей увѣдомить русское правительство о воззрѣніяхъ британскаго народа на еврейскіе погромы въ Россіи. Грей отвѣчалъ, что впечатлѣніе, произведенное этими погромами не только въ Великобританіи, но и повсемѣстно, какъ нельзя лучше извѣстно русскому правительству. Во всякомъ случаѣ, оффиціальное дипломатическое вмѣшательство по поводу такихъ инцидентовъ было бы фактомъ необычайнымъ и не представляется желательнымъ.

8 іюня маіоръ Гордонъ, авторъ закона о нуждающихся иностранцахъ, указываетъ въ «Times» на серьезныя послѣдствія, ко-

торыми погромы въ Россіи отразятся въ Лондонѣ, увеличивъ и безъ того громадное число еврейскихъ бѣглецовъ, ютящихся въ бѣдныхъ кварталахъ, гдѣ они и теперь уже умираютъ съ голода и находятся въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ. Тогда же въ газетахъ помѣщено воззваніе грузинскихъ женщинъ къ англійскимъ, подписанное, между прочимъ, женами генераловъ, высокопоставленныхъ лицъ и другихъ, въ которомъ описывается раззореніе края и царящая на Кавказѣ анархія.

Въ это же самое время въ палатѣ общинъ (8 іюня) Торнъ, членъ соціалисткой рабочей партіи, запросилъ статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, обратилъ ли онъ вниманіе на то, что убійства въ Бѣлостокѣ продолжаются, при чемъ къ прекращенію ихъ не принимаются мѣры; извѣстно ли ему, что рижскими властями казнены несовершеннолѣтніе; знаетъ ли онъ о систематическихъ преслѣдованіяхъ невинныхъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ? Указывая на то, что разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Сербіей и представленія, постоянно дѣлаемыя Турціи, вызваны менѣе серьезными насиліями, Торнъ спрашиваетъ, не находитъ ли министръ, что настало время выразить формальный протестъ и прервать дипломатическія сношенія съ Россіей до тѣхъ поръ, пока не прекратятся подобныя явленія. Сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ на запросы отрицательно.

12 іюня въ палатѣ общинъ Сэръ Ивансъ Гордонъ спросилъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, какой отвѣтъ далъ бы онъ на предложеніе, въ виду еврейскихъ погромовъ, прервать дипломатическія сношенія съ Россіей, какъ то было поступлено съ Сербіей послѣ убійства сербскаго короля. Сэръ Эдуардъ Грей отвѣтилъ: «Нѣтъ, сэръ, отвѣтъ былъ бы отрицательный». Гордонъ спросилъ Грея, какое различіе дѣлаетъ онъ между убійствомъ двухъ коронованныхъ особъ въ Сербіи и массовымъ убійствомъ бѣднаго населенія. Грей обѣщалъ дать отвѣтъ позднѣе. Другой депутатъ Тревильянъ спросилъ, обратилъ ли Грей вниманіе на предложенія, исходящія изъ Россіи, чтобы Англія не посылала своего флота, такъ какъ эта посылка могла бы быть истолкована въ Россіи, какъ демонстрація, враждебная конституціонному движенію. Не освѣдомился ли Грей о существованіи подобнаго взгляда среди русской конституціонной партіи и не отложитъ ли тѣмъ временемъ правительство окончательныя приготовленія къ посѣщенію русскихъ портовъ? Грей отвѣтилъ. «Я ничего не могу прибавить къ отвѣтамъ, уже даннымъ мною. Что же касается предполагаемыхъ передвиженій флота, то, мнѣ кажется, посѣщеніе, рѣшенное уже нѣсколько времени назадъ, врядъ ли можетъ быть приведено въ связь съ съ внутренними дѣлами Россіи или же имѣть какое-либо вліяніе на нихъ. Подобныя посѣщенія во время лѣтняго плаванія всегда разсматривались, какъ акты вѣжливости по отношенію къ сосѣднимъ державамъ».

Наконецъ, въ той же палатѣ уже 19 іюня Ивансъ Гордонъ освѣдомился у Кэмпбель-Баннермана, обратилъ ли онъ вниманіе на фактъ постановленія американскимъ конгрессомъ резолюціи, выражающей ужасъ, вызываемый избіеніемъ евреевъ въ Россіи. Ораторъ спросилъ, предполагаетъ ли Баннерманъ дать палатѣ случай высказать свое мнѣніе по этому предмету. Баннерманъ отвѣтилъ, что недавнія событія въ Россіи, о которыхъ говорилъ Гордонъ, вызвали какъ въ парламентѣ, такъ и во всей странѣ возмущеніе. «Однако, присовокупилъ министръ-президентъ, я далеко не увѣренъ, что принятіе необычайнаго образа дѣйствій, какимъ явилось бы формальное выраженіе чувствъ, на которыя указываетъ Гордонъ, могло бы принести какую-либо пользу. Напротивъ, я боюсь, какъ бы это не повлекло за собой увеличенія внутреннихъ затрудненій Россіи».

Этимъ отвѣтомъ англійскаго премьера, англійское правительство присоединилось къ чувству негодованія, испытываемому всею Англіей. Нѣтъ «оффиціальнаго» порицанія политики россійской державы, но выражено, во всякомъ случаѣ, гласное отъ имени лондонскаго правительства порицаніе петербургскому правительству, событіе, не слыханное въ лѣтописяхъ европейской международной исторіи!

Соединенные Штаты пошли еще дальше. Они выразили оффиціальное порицаніе. Здѣсь дѣло развивалось слѣдующимъ образомъ:

7 іюня въ Нью-Іоркѣ, въ синагогѣ, состоялся митингъ, посвященный памяти жертвъ бѣлостокскаго погрома. На митингѣ участвовало три тысячи евреевъ. Кромѣ того, большія массы народа толпились передъ зданіемъ и устроили митингъ на открытомъ воздухѣ. На митингѣ было прочтено слѣдующее посланіе Рузвельта: «Я собираюсь обсудить это дѣло со статсъ-секретаремъ Рутомъ (министромъ иностранныхъ дѣлъ). Вы знаете, какъ искренно мы раздѣляемъ ваши чувства, и какъ мы поражены и возмущены тѣмъ, что произошло въ Россіи. Но вы также знаете, что намъ почти что невозможно принести что-нибудь, кромѣ вреда, нашимъ вмѣшательствомъ».

Затѣмъ, 8 іюня сенатъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ постановилъ резолюцію съ выраженіемъ сочувствія русскимъ евреямъ, пострадавшимъ во время погромовъ. Эта резолюція была принята немедленно и палатою депутатовъ. Послѣ этого телеграфъ принесъ слѣдующее, еще недавно невозможное извѣстіе:

«Вашингтонъ, 14 іюня. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Рузвельтъ, изъявилъ согласіе на передачу въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ и на обнародованіе резолюціи, постановленной сообща обѣими палатами конгресса относительно происходящихъ въ Россіи еврейскихъ погромовъ. Въ резолюціи этой за-

является, что такіе погромы вызываютъ у американскихъ гражданъ чувство отвращенія».

Отозваны-ли русскіе посланники изъ Лондона и Вашингтона? Отосланы-ли паспорты англійскому и американскому посламъ въ С.-Петербургъ?

Ни того, ни другого...

Очевидно, наши бюрократы считаютъ, что Россія сама по себѣ, а они, правящіе бюрократы, сами по себѣ. Это правда, конечно, и тогда за Россію нечего оскорбляться...

Въ Италіи Джолити сформировалъ новое министерство, коалиціонное. Пять лѣвыхъ, три правыхъ, одинъ сенаторъ и одинъ генералъ. Портфель министра иностранныхъ дѣлъ взялъ Титтони, котораго почитаютъ не сочувствующимъ тройственному союзу.

Образовалось новое министерство и въ Австріи, гдѣ кабинетъ князя Гогенлоэ вышелъ въ отставку, не желая принять отвѣтственности за уступку венгерцамъ въ таможенномъ вопросѣ, сдѣланную императоромъ. Новое министерство Бека, включившее въ свой составъ нѣмцевъ, чеховъ и поляковъ, также враждебно упомянутой уступкѣ.

Въ Испаніи министерство Морета вышло въ отставку, но тотъ же Моретъ получилъ мандатъ составить министерство. Онъ реформировалъ кабинетъ и получилъ согласіе короля на распущеніе кортесовъ, но въ послѣднюю минуту всетаки вышелъ въ отставку.

Въ Норвегіи король Гааконъ короновался.

Въ Сербіи уволены офицеры-цареубійцы, послѣ чего Англія возстановила дипломатическія сношенія съ бѣлградскимъ правительствомъ.

С. Южаковъ.

На очередныя темы.

Историческія предпосылки къ нашей платформѣ. I. Общія условія развитія русской государственности.—II. Самодавлѣющій характеръ ея самобытной формы.—III. Ея матерія и духъ.—IV. Техническій прогрессъ и капитализмъ.—V. Факторы революціи и ея задачи.

Въ «Современности» *) я попытался намѣтить основную или, какъ я назвалъ ее, продольную линію нашей программы. Линія эта всецѣло опредѣляется нашими взглядами на міръ и человѣка

*) Мартъ 1906 г. На очередныя темы. Основныя положенія нашей программы.

и, стало быть, какъ бы ни измѣнялись окружающія насъ обстоятельства, она останется неизмѣнной. Я имѣю въ виду, конечно, не длину ея, а направленіе. Само собой понятно, что путь до нашей конечной цѣли съ каждымъ новымъ шагомъ въ жизни будетъ дѣлаться короче и съ каждымъ новымъ успѣхомъ мысли будетъ становиться яснѣе. Для многихъ изъ нашихъ идейныхъ предшественниковъ отмѣна крѣпостного права, напримѣръ, представлялась одной изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблемъ русской жизни; для насъ это—уже пройденный этапъ, и лишь съ остатками крѣпостного рабства приходится теперь намъ считаться въ своей программѣ. «Самодержавство—писалъ Радищевъ—есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе". Многіе послѣ того, не щадя своей жизни,—напомню декабристовъ и народовольцевъ,—пытались пробить эту стѣну, загораживающую отъ русскаго народа свѣтъ и просторъ свободной жизни; но всѣ ихъ усилія оказались напрасными, и лишь на нашу долю выпало счастье увидѣть въ этой стѣнѣ все расширяющіяся бреши. Не сегодня—завтра мы перешагнемъ черезъ ея развалины, и передъ русскимъ гражданиномъ откроются широкіе горизонты, ограниченные не бюрократическимъ уже произволомъ, а народной волей. Идеалы соціализма вовсе не были видны Радищеву и не совсѣмъ ясны даже декабристамъ; петрашевцы восприняли ихъ, какъ увлекательную, но не доказуемую утопію; до насъ они дошли въ видѣ научно обоснованной уже доктрины... Но какъ бы ни мѣнялись ближайшія задачи и какъ бы ни прояснялись дальнѣйшія перспективы, направленіе, опредѣляемое идеаломъ свободной и всесторонне развитой человѣческой личности, всегда было и останется однимъ и тѣмъ же. Эту часть нашей программы можно назвать постоянною.

Теперь я долженъ перейти къ другой—къ перемѣнной—ея части. Нужно—писалъ я, заканчивая свою статью—указать пункты, около которыхъ общественныя силы, имѣющія тяготѣніе въ данную сторону, должны быть въ настоящее время сосредоточены; нужно указать позиціи, которыя ими прежде всего должны быть заняты; нужно намѣтить линію, на которой онѣ вновь должны быть выравнены... Само собой понятно, что конструируя эту часть нашей программы,—строя ея, какъ принято выражаться, «платформу»,—мы должны исходить уже не изъ общихъ только соображеній, но и изъ тѣхъ конкректныхъ условій, какія окружаютъ насъ въ дѣйствительности. Лишь считаясь съ особенностями мѣста и времени, мы можемъ сдѣлать увѣренный шагъ въ направленіи, опредѣляемомъ нашею конечною цѣлью. Лишь уяснивъ себѣ потребности, которыя для даннаго момента являются наиболѣе важными, и возможности, которыя при данной конъюктурѣ представляются наиболѣе доступными, мы можемъ построить для нашей программы прочную и надежную платформу. Общей характеристикѣ

историческихъ условій, въ какихъ мы находимся, я и посвящу настоящую статью.

I.

Едва ли нужно даже говорить, что переживаемый нами историческій моментъ—и по размѣрамъ выдвинутыхъ имъ потребностей, и по широтѣ открываемыхъ имъ возможностей—является искючительнымъ. «Безъ числа умножившіяся народныя нужды—писалъ я годъ тому назадъ—уже слились въ одинъ потокъ неудержимой силы. Безконечно долго откладывавшіеся государственные вопросы уже сплелись въ одинъ огромный неразрывный узелъ. Мысль, что такъ дальше жить нельзя, успѣла сдѣлаться достояніемъ широкихъ массъ и уже сказалась въ нихъ активнымъ чувствомъ. Общественныя силы уже пришли въ движеніе» *)... Теперь уже нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что въ странѣ происходитъ революція,—и при томъ великая революція, способная дать въ результатѣ существенно новое сочетаніе общественныхъ силъ и существенно новое распредѣленіе общественныхъ функцій между ними.

Соціальныя потрясенія—такъ же, какъ и всякія иныя катастрофы—лишь кажутся внезапными, въ дѣйствительности же они подготовляются вѣками. И въ данномъ разѣ не случайное совпаденіе немногихъ, хотя бы и крупныхъ, фактовъ обусловило собою тотъ глубокій и всесторонній кризисъ, какимъ охвачена сейчасъ Россія. Его сдѣлала неизбѣжнымъ вся предыдущая исторія ея общественнаго развитія.

На обширной равнинѣ, почти отовсюду доступной врагу, свыше тысячи лѣтъ тому назадъ возникла русская государственность. И сразу передъ нею встала громадная задача. Предстояло «собрать Русь», раздвинувъ государственные предѣлы до «естественныхъ границъ». Раздвигая и отстаивая эти предѣлы, нужно было выдержать упорную борьбу съ кочевниками, которые долго вливались въ нихъ съ востока, и установить равновѣсіе въ отношеніяхъ съ болѣе старыми государственными организаціями, какія давили на нихъ съ запада. Нужно было утвердить опредѣлившіяся въ результатѣ этой долгой борьбы съ сосѣдями государственныя границы; нужно были «замирить» добровольно присоединившіяся и и насильно присоединенныя окраины... Говоря коротко, для того, чтобы функціонировать, государству нужно было еще сложиться и упрочиться. Многіе вѣка понадобились русскому народу, чтобы отстоять свою государственную самостоятельность и обезпечить себѣ внѣшнюю безопасность. Худо-ли, хорошо ли—какихъ бы это жертвъ ни стоило—задача эта была выполнена. Русское государство, переживъ всяческія «лихолѣтья», сдѣлалось великимъ и могучимъ...

*) «Русское Богатство», 1905 г. мартъ. «Хроника внутренней жизни».

Какихъ бы жертвъ—сказалъ я—это ни стоило... На жертвахъ необходимо, однако, будетъ остановиться.

Само собой понятно, что внѣшняя безопасность была нужна русскому народу, была нужна каждой его частичкѣ, каждой входившей въ составъ его личности. Она была нужна ему и сама по себѣ, и какъ одно изъ необходимыхъ условій его дальнѣйшаго хозяйственнаго и культурнаго развитія. Нужна была и государственная организація, которая при данныхъ историческихъ условіяхъ одна, быть можетъ, только и могла обезпечить удовлетвореніе этой народной потребности. Но внѣшняя безопасность была, конечно, не единственная потребность русскаго народа, какъ коллективной личности, и не единственная задача его новой общественной организаціи. Обстоятельства сложились, однако, такъ, что эта потребность перевѣсила всѣ остальныя. Больше того: созданіе государственной организаціи, которая обезпечила бы удовлетвореніе этой потребности, внѣ связи ея съ другими, сдѣлалась главной задачей общенародной жизни. Это надолго предопредѣлило собою и характеръ русскаго государства, и его форму, и всѣ внутреннія его отношенія.

Нечего и говорить, что государственная организація при указанныхъ условіяхъ должна была получить національный характеръ. На этомъ, однако, дѣло не остановилось. Въ борьбѣ за національную независимость успѣли возникнуть и окрѣпнуть націоналистическія тенденціи: явилась отчужденность отъ другихъ народовъ, а вслѣдъ за тѣмъ—и вражда къ нимъ. Торговыя сношенія древней Руси съ сосѣдними странами постепенно смѣнились почти полною ея хозяйственною замкнутостью. Великій Новгородъ былъ членомъ Ганзейскаго союза, а великокняжеская Москва чуралась всякаго «нѣмца», какъ басурманина. Петру Великому пришлось потомъ «прорубать» окно въ Европу на томъ, быть можетъ, самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то проходила большая дорога «изъ варягъ въ греки». Цѣлые вѣка понадобились, чтобы разрушить китайскую стѣну предразсудковъ, какою «Московія» отдѣлила себя отъ остального человѣчества. Да и сейчасъ еще изрядные остатки этой стѣны виднѣются. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, въ «темномъ царствѣ» были убѣждены, что «Литва на насъ съ неба упала» или что въ невѣрныхъ странахъ «что ни судятъ они, все не правильно»...

«И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно,—такой ужъ имъ предѣлъ положонъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ»... *).

Въ оградѣ этой отчужденности все еще тлѣетъ готовый по всякому поводу вспыхнуть огонекъ вражды и ненависти къ «врагу и супостату», и таковымъ масса готова счесть любой изъ народовъ,

*) А. Н. Островскій. «Гроза».

о существованіи которыхъ она вѣдь и узнавала только тогда, когда кто-нибудь изъ нихъ начиналъ «гадить» или «бунтоваться». Доступная ей идеологія до сихъ поръ сохранила націоналистическую окраску, и это опять-таки вполнѣ понятно: въ теченіе тысячелѣтней исторіи война вѣдь была единственнымъ общенароднымъ дѣломъ, въ которомъ эта масса принимала активное участіе. Лишь въ войнахъ она сознавала свое народное единство; лишь во враждѣ къ другимъ народамъ выражались ея общенародныя чувства, лишь въ борьбѣ съ ними могли найти себѣ исходъ ея общенародныя стремленія. Съ тѣхъ поръ, какъ русская государственность одержала верхъ надъ исконными своими врагами, любовь къ отечеству отлилась въ новую форму: она сдѣлалась почти синонимомъ «народной гордости». «Шапками закидаемъ» вѣдь это—вершина доступнаго для сѣрой массы патріотическаго энтузіазма. Чтобы оправдать эту гордость, «поганымъ странамъ» съ ихъ неправедными порядками приходится, конечно, противопоставлять отечественное «благолѣпіе». Такъ и поступаютъ, такъ именно и выражаются на этотъ счетъ свѣдущіе люди:

«Бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе, красота дивная! Да что ужъ и говорить,—въ обѣтованной землѣ живете!» *).

У этой націоналистической «стѣны», какъ я ее назвалъ, сохранились даже зубцы и другіе орнаменты, и я, быть можетъ, совершенно напрасно дважды потревожилъ странницу Ѳеклушу. Въ первомъ случаѣ вѣдь я могъ бы сослаться на К. П. Побѣдоносцева, убѣдительнѣе всякой проживалки доказывавшаго, что «конституція есть великая ложь нашего времени» («что ни судятъ они, милая, все неправильно»). Во второмъ случаѣ достаточно, конечно, было бы указать на Д. Н. Шипова, способнаго не менѣе, чѣмъ странница, разносящая въ пузырькахъ «тьму египетскую», умиляться передъ «самобытною формою правленія» («бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе!»)...

«Самобытная форма правленія»—это. какъ извѣстно, Сіонъ русскаго націонализма, своего рода «пупъ земли» **). Она развилась и окрѣпла въ самый трудный періодъ жизни русскаго народа,—въ эпоху, когда потребность въ національной независимости,

---

*) Ibid.

**) Напомню: „въ обѣтованной землѣ живете", а „пупъ", какъ доподлинно извѣстно всѣмъ черносалопницамъ (до К. П. Побѣдоносцева включительно), въ ней именно и находится. Подходя къ этому „пупу", я вновь убѣждаюсь, какъ неудачно я потревожилъ странницу Ѳеклушу. Правда, нѣкоторыя вещи

Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать...

Но языкъ-то у нихъ очень ужъ вульгарный. Самобытную форму бытовыхъ отношеній, какая свойственна „темному царству", лицедѣйствующая въ немъ Ѳеклуша, въ простотѣ души своей, готова назвать по просту „самодурствомъ". Для матерій болѣе важныхъ, которыми мы сейчасъ заняты, стиль, конечно, требуется болѣе высокій.

а стало быть, и въ сильной государственной организаціи ощущалась имъ съ наибольшею силою. Князья удѣльно-вѣчевого періода не имѣли и тѣни той власти, какую успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ данники татарской орды,— великіе князья московскіе. Внѣ всякаго сомнѣнія, что татарскому кнуту русское самодержавіе несравненно болѣе обязано, чѣмъ Божіей милости. Не будь этого кнута, быть можетъ, русскій народъ и не примирился бы такъ легко съ «наипротивнѣйшимъ человѣческому естеству состояніемъ». Чтобы привести къ общему знаменателю новгородскую землю, гдѣ татарское иго чувствовалось слабѣе, потребовались потомъ, какъ извѣстно, особыя «карательныя экспедиціи». Иванъ Грозный первый присвоилъ себѣ титулъ «самодержца всея Руси». Желающіе угодить и вашимъ, и нашимъ, публицисты всѣми правдами и неправдами стараются теперь доказать, что это—сдѣлавшееся уже ненавистнымъ для русскаго народа—слово должно было означать ни больше, ни меньше, какъ независимость русскаго царя отъ какого-либо другого государя. Вѣдь даже тѣнь татарскаго владычества къ этому времени исчезла, и Іоаннъ Грозный присоединилъ къ своей державѣ казанское царство, ханы котораго все еще осмѣливались мечтать, что они являются ленными владѣтелями Руси. Несомнѣнно, однако, что еще нагляднѣе свое самодержавіе Грозный иллюстрировалъ погромами, какіе были учинены имъ въ Псковѣ и Новгородѣ. Это была, конечно, не случайность, что первый самодержецъ оказался такимъ деспотомъ, который навсегда останется пугаломъ русской исторіи. Не случайность и то, что онъ первый рѣшительно противопоставилъ русской земщинѣ свою царскую опричнину...

Процессъ дифференціаціи пошелъ послѣ того быстро и неуклонно, и соціальный организмъ России получилъ совершенно опредѣленную конструкцію. Въ своихъ существенныхъ чертахъ она опредѣлилась уже при Грозномъ: самодержавный царь вверху и безправная масса внизу. Вопросъ могъ быть лишь о тѣхъ промежуточныхъ слояхъ, которымъ предстояло заполнить разстояніе между ними. «Вотчина, въ которую обратилась Россія, была слишкомъ велика, чтобы могла удержаться непосредственная автократія. Съ другой стороны, опричина была еще недостаточно многочисленна и не настолько еще дисциплинирована, чтобы сразу могла установиться бюрократическая система. Грозный, какъ извѣстно, сдѣлалъ попытку, на ряду съ опричиной, управлять своей вотчиной при посредствѣ выбранныхъ самимъ населеніемъ или назначенныхъ изъ его среды бурмистровъ. Но эта попытка, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась недолговѣчной. Нужную ему опору русское самодержавіе нашло въ помѣстной системѣ. Это былъ тотъ же феодализмъ, черезъ какой прошла вся Европа, но только приспособленный къ «самобытной формѣ».

Приспособить его было не трудно. Ни въ одномъ, быть можетъ, изъ европейскихъ государствъ автократической монархіи не уда-

лось такъ быстро, такъ полно и такъ удачно справиться съ враждебными ей силами, какъ въ Россіи. Лишь путемъ долгой и упорной борьбы королей съ ихъ вассалами могла она возникнуть и окрѣпнуть на Западѣ. Но и послѣ того, какъ эта задача въ той или иной странѣ казалась выполненной, еще долго обыкновенно оставалась далеко не призрачная опасность, что какой-нибудь графъ или герцогъ въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ окажетъ непокорность королю, если не рѣшится на какую-либо еще большую дерзость. Добившись общаго признанія, монархія всетаки должна была считаться съ чувствами и традиціями когда-то владѣтельнаго дворянства. Свою миссію она нигдѣ, въ сущности, не привела къ благополучному окончанію. Во Франціи, гдѣ государственная власть оказалась, въ концѣ концовъ, наиболѣе централизированной, короли, чтобы сломить упорство своихъ вассаловъ, должны были искать поддержки у городскихъ общинъ. Въ борьбѣ съ аристократіей монархія сама содѣйствовала, такимъ образомъ, укрѣпленію и развитію еще болѣе грозной и оказавшейся, въ концѣ концовъ, роковой для нея силы— демократіи... Въ Англіи, гдѣ общины оказались въ союзѣ не съ королемъ, а съ лордами, рѣшительный ударъ абсолютной монархіи былъ нанесенъ на нѣсколько вѣковъ раньше, чѣмъ на континентѣ. Въ значительной части Германіи владѣтельные князья сохранились до послѣдняго времени. Королямъ Пруссіи въ дѣлѣ «собиранія» посчастливилось больше, чѣмъ кому-либо другому изъ нѣмецкихъ государей, но и за всѣмъ тѣмъ у бароновъ Остэльбіи, которыхъ мы знаемъ теперь подъ именемъ «юнкеровъ» и «аграріевъ», феодальныя замашки до сихъ поръ остаются не искорененными. Совершенно иначе сложились обстоятельства въ Россіи.

Феодальный строй, уже накладывавшій, быть можетъ, на нее свою лапу въ видѣ удѣльной системы, былъ остановленъ въ своемъ развитіи татарскимъ игомъ. Задача московскихъ великихъ князей оказалась, благодаря этому, простой и легкой. Значительная часть того, что французскіе короли должны были добывать своими шпагами, имъ досталась при помощи ханскихъ ярлыковъ, какіе они успѣвали заполучить низкопоклонствомъ и подарками. «Собрать Русь» было тѣмъ легче, что татары застали удѣльныхъ князей и ихъ дружинниковъ не вполнѣ еще осѣвшими, безъ утвержденной власти и безъ укрѣпленныхъ замковъ. Для завершенія дѣла въ этомъ направленіи Іоанну Грозному не пришлось потомъ прибѣгать даже къ «карательнымъ экспедиціямъ»: чтобы доканать бояръ достаточно было казней. Андрей Курбскій далъ, быть можетъ, наиболѣе яркій и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній въ своемъ родѣ примѣръ русскаго феодальнаго непокорства, — непокорства, крайне характернаго въ своемъ безсиліи.

Опасаться своихъ бояръ русскимъ царямъ было нечего. Они свободно могли прикрѣпить крестьянъ къ ихъ землямъ и смѣло жаловать ихъ населенными помѣстьями. Такимъ образомъ, они

создавали не вассаловъ себѣ, а пріобрѣтали—какъ выразился потомъ Николай I—нужныхъ имъ «полицеймейстеровъ». И мы знаемъ, что русскіе дворяне, дѣйствительно, хартіи вольностей себѣ мечомъ не добывали, — они вполнѣ довольствовались мѣстничествомъ. И укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ можно было бы «отсиживаться», они себѣ не строили; они строили конюшни, гдѣ и тѣшили свою благородную душу надъ холопами. Это были вѣрные слуги —въ челобитныхъ они именовали себя тоже холопами — своего государя, и онъ могъ ихъ по всей своей волѣ казнить и миловать. Изъ низовъ народной жизни еще поднимались временами Разины и Пугачевы, изъ дворянской же среды выходили лишь временщики и любовники. Борцовъ—я имѣю въ виду внутреннія отношенія—за личность и тѣмъ болѣе за народъ, пока въ нее не проникли враждебныя ей самой вѣянія, она не выдвинула...

О другихъ промежуточныхъ слояхъ говорить я не буду. Какъ бы то ни было, разстояніе между царемъ и народомъ было заполнено, и стиль общественнаго строенія получился, въ концѣ концовъ, вполнѣ выдержанный. Всѣ слои населенія оказались закрѣпощенными и всѣ отношенія получились однотонными: сверху внизъ они были проникнуты самодурствомъ, снизу вверхъ—холопствомъ. Національно-государственная организація, которая должна была оградить интересы личности, всецѣло, такимъ образомъ, подчинила ее себѣ. Внѣшняя независимость была оплачена внутреннимъ рабствомъ и національное могущество—народнымъ безправіемъ.

Такой счетъ прибылей и убытковъ русской исторіи можно было бы составить къ концу XVIII вѣка. Россія въ это время сдѣлалась уже первоклассной европейской державой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпостное право достигло наивысшей точки своего развитія. Напомню, что къ этому времени относится поворотъ и вообще въ европейской исторіи, которая какъ бы завершила одинъ изъ цикловъ своего развитія: абсолютизмъ достигъ своего расцвѣта и уже началось его крушеніе; на исторической сценѣ появилась новая сила — демократія... По части расцвѣта русскій абсолютизмъ не отсталъ отъ западно-европейскаго, но на счетъ крушенія «самобытная форма» оказалась не въ примѣръ счастливѣе.

Правда, ея историческая роль, казалось бы, была сыграна. Народная потребность, обусловившая ея возникновеніе и облегчившая ея развитіе, была удовлетворена: Русь (съ присоединеніемъ многихъ другихъ племенъ) была «собрана», ея предѣлы (значительно, быть можетъ, дальше, чѣмъ бы это слѣдовало) были раздвинуты, государственная организація была упрочена, внѣшняя безопасность народа была обезпечена. Теперь на первый планъ могли и должны были выдвинуться другія задачи и потребности. Защищенная государствомъ личность могла теперь предъявить свои права, и объединенный государствомъ народъ могъ начать осу-

ществлять свою волю. Вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальный организмъ долженъ былъ получить новую конструкцію...

Процессъ раскрѣпощенія, дѣйствительно, начался тогда же, въ концѣ XVIII вѣка, но онъ пошелъ медленно и неровно. Общественныхъ силъ, которыя могли бы обезпечить быстрое и неуклонное его теченіе, и тѣмъ болѣе такихъ, которыя могли бы снизу опрокинуть возводившееся въ теченіе тысячелѣтней исторіи зданіе,—въ странѣ еще не было. Раскрѣпощеніе въ Россіи шло «сверху». Это была, конечно, видимость. Перетершаяся или черезъ-чуръ натянувшаяся крѣпостная цѣпь грозила въ томъ или иномъ мѣстѣ лопнуть; тогда самодержецъ санкціонировалъ неизбѣжный разрывъ жалованной грамотой или всемилостивѣйшимъ манифестомъ. Но эти разрывы въ скрѣпленіяхъ не могли поколебать устойчивости самаго зданія: образовывавшіяся пустоты немедленно заполнялись еще болѣе совершеннымъ цементомъ—бюрократіей. XIX вѣкъ это—вѣкъ ея расцвѣта и внѣдренія въ самую глубь народной жизни. Когда-то русскіе цари ограничивались посылкою на мѣста однихъ воеводъ, да и тѣмъ они долго не въ состояніи были платить жалованье. Къ концу лишь XVIII столѣтія русскому правительству удалось насадить достаточное число губернаторовъ съ надлежащими при нихъ штатами. Въ XIX вѣкѣ оно сочло возможнымъ отказаться отъ услугъ помѣстнаго дворянства и въ дѣлѣ поставки имъ засѣдателей и исправниковъ. Къ моменту освобожденія крестьянъ, правительство могло имѣть повсюду уже своихъ собственныхъ становыхъ и полицеймейстеровъ. При Александрѣ II же Маковъ, какъ извѣстно, насадилъ урядниковъ. Учрежденіемъ при Александрѣ III земскихъ начальниковъ съ ихъ «близкою къ народу властью» бюрократія обратила въ свои органы и другихъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго самоуправленія. При Николаѣ II она почувствовала себя настолько далеко уже проникшею, что рѣшилась отказаться даже отъ круговой поруки—отъ этого податного пресса, дѣйствовавшаго въ теченіе всей тысячелѣтней исторіи: теперь фискъ могъ вступить въ непосредственныя сношенія съ каждымъ плательщикомъ, ибо бюрократія и своими собственными силами могла выжать изъ него всѣ соки. Оставались еще не вполнѣ дисциплинированные сотскіе и десятскіе, но и до нихъ добрался Плеве, порѣшивъ замѣнить ихъ стражниками. Безчисленные сыщики и провокаторы проникли еще глубже: на фабрики и въ деревни, въ частные кружки и, быть можетъ, даже въ семьи. Въ своихъ же мечтахъ бюрократія заходила и еще дальше: у С. Ю. Витте, несомнѣнно, была смѣлая идея—все населеніе Россійской имперіи обратить въ чиновниковъ. За десять лѣтъ своего управленія министерствомъ финансовъ, при помощи только казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и винной монополіи, онъ во много разъ увеличилъ чиновничью армію. А этими двумя отраслями,

какъ извѣстно, далеко не ограничивались его планы насчетъ «бюрократизаціи», если можно такъ выразиться, народнаго хозяйства.

Бюрократію я назвалъ цементомъ. По сравненію съ нею, помѣстную систему и крѣпостное право слѣдовало бы назвать пескомъ и известью, при помощи которыхъ можно было построить хотя и громоздкое, но неуклюжее зданіе. Употребленіе бюрократическаго цемента позволило его облагородить, сохранивъ въ то же время его стиль неприкосновеннымъ: крѣпостное рабство уступило мѣсто бюрократической опекѣ и самодурство смѣнилось административнымъ произволомъ. Сущность же осталась прежняя: самодержавный царь вверху и безправная масса внизу.

Всячески сжимая свое изложеніе, я дѣлаю его, быть можетъ, черезъ-чуръ схематичнымъ. Но я вѣдь не изслѣдованіе пишу, а напоминаю лишь общеизвѣстные факты. Читатели знаютъ—и мнѣ къ этому еще придется вернуться,—что процессы, о которыхъ я говорилъ и говорю, въ дѣйствительности были, конечно, несравненно сложнѣе. Въ частности и тотъ цементъ, при помощи котораго удалось укрѣпить пережившее свой вѣкъ и обреченное на сломку зданіе, не вполнѣ былъ однороденъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самодержавію пришлось прибѣгать къ такимъ средствамъ, которыя ни въ коемъ случаѣ не могли потомъ содѣйствовать его устойчивости. Но объ этомъ послѣ. Сейчасъ же мы ограничимся пока тѣмъ фактомъ, что самодержавіе, несмотря на давно уже идущій въ странѣ процессъ раскрѣпощенія, дошло до насъ непоколебленнымъ и, по сравненію съ крѣпостной эпохой, даже усовершенствованнымъ.

II.

Структура организма измѣняется медленнѣе, чѣмъ его функціи, и функціи—медленнѣе, чѣмъ потребности. Для большей рѣзкости возьму чисто гипотетическій примѣръ. Представимъ себѣ, что люди нашли бы болѣе экономный и болѣе эстетическій способъ питанія, чѣмъ къ какому они вынуждены прибѣгать теперь. Въ какомъ-то изъ фантастическихъ романовъ—помню—разсказывается, что черезъ сколько-то тысячъ лѣтъ люди будутъ питаться, вдыхая ароматные запахи. Допустимъ такого же рода фантазію. Допустимъ, что люди найдутъ способъ вводить непосредственно въ кровь—при помощи, скажемъ, шприца—всѣ необходимыя для организма вещества. Желудокъ и всѣ другія части пищеварительнаго аппарата сдѣлаются послѣ того ненужными. Но это не значитъ, конечно, что люди, оставивъ старый способъ питанія, немедленно перейдутъ къ новому, и что сдѣлавшійся ненужнымъ пищеварительный аппаратъ тотчасъ же исчезнетъ. Нѣтъ! Пройдутъ, быть

можетъ, тысячелѣтія, прежде чѣмъ атрофируется желудокъ, и долго еще онъ будетъ предъявлять свои требованія. Онъ будетъ предъявлять ихъ во имя собственныхъ интересовъ, если ужъ онъ сдѣлался ненужнымъ организму. Легко и скоро измѣнить способъ питанія помѣшаютъ людямъ и привычки этого самаго организма, его уже установившіяся отношенія къ пищеварительному аппарату. Сыграетъ въ данномъ случаѣ видную роль не только физіологія, но и психологія. У голоднаго человѣка по прежнему будетъ сосать подъ ложечкой и по прежнему будутъ течь у него изо рта при видѣ ѣды слюнки. И долго еще люди, взирая на яства, будутъ предвкушать удовольствіе, какое они могутъ имъ доставить...

Я взялъ фантастическій примѣръ, но нужно сказать, что это всетаки не одна фантазія. Въ органической эволюціи извѣстны вѣдь случаи замѣны однихъ органовъ—даже органовъ питанія—другими, и наукѣ объ органическомъ мірѣ извѣстно также, какъ медленно происходитъ эта замѣна, какъ медленно исчезаютъ ненужные органы. Не мало такихъ рудиментарныхъ органовъ имѣется и въ человѣческомъ организмѣ, и каждый изъ нихъ, при всей своей ненужности, требуетъ питанія, поглощаетъ вырабатываемые организмомъ соки и отравляетъ его своими выдѣленіями, не выполняя въ то же время никакой полезной для него работы. Возьмемъ, далѣе, пищеварительный аппаратъ, насчетъ котораго мы только что фантазировали. Послѣ операціи въ кишечникѣ, паціенту обыкновенно не даютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не только пищи, но и питья. Кишечнику, казалось бы, дѣлать нечего, но онъ всетаки черезъ опредѣленные промежутки времени производитъ свои такъ называемыя «червеобразныя» движенія, препятствуя тѣмъ заживленію имѣющихся въ немъ самомъ ранъ и причиняя нестерпимыя боли организму. Съ аналогичными явленіями (до какого предѣла законна въ данномъ случаѣ аналогія,—это мы ниже увидимъ) приходится имѣть дѣло и въ общественной жизни. Къ числу ихъ, несомнѣнно, нужно отнести и русское самодержавіе.

Внѣшняя безопасность и національная независимость — таковы были основныя, какъ мы видѣли, народныя потребности, подъ вліяніемъ которыхъ складывалась русская государственность. Онѣ требовали сильной, т. е. достаточно обширной и достаточно сплоченной государственной организаціи, ибо войнами приходилось охранять національную безопасность и, лишь собравъ всѣ силы народа, можно было отстоять его независимость. Послѣ того войны, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія общенародныхъ интересовъ, давно уже сдѣлались ненужными. Во всякомъ случаѣ, оборонительныхъ войнъ послѣ того, какъ Русь была собрана, ей вести приходилось не много, да и тѣ при иномъ государственномъ строѣ, вѣроятно, могли бы быть въ большинствѣ случаевъ избѣгнуты. Но

приспособленная для военнаго дѣла, государственная организація осталась, и она продолжала выполнять свои функціи.

По числу ненужныхъ для народа и даже совершенно безцѣльныхъ войнъ, какія Россія вела въ новое время, она, несомнѣнно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ. Ея естественныя границы, какъ національнаго государства, давно уже были достигнуты; больше того: всѣ народности, которыя когда-то угрожали ея безопасности и самостоятельности, были покорены; тѣмъ не менѣе, ея государственные предѣлы, уже внѣ всякой связи съ интересами народа и даже нерѣдко въ прямой ущербъ имъ, продолжали расширяться. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, можно объяснить хотя бы неуклонное поступательное движеніе ея въ Средней Азіи,—а оно обошлось русскому народу уже не дешево,—кромѣ столь же смѣлой, сколько и безцѣльной мечты подобраться когда-нибудь къ Индіи? Чѣмъ можно объяснить захватъ Манчжуріи,—а онъ довершилъ народное раззореніе,—кромѣ столь же алчнаго, сколько и неразсчетливаго желанія поживиться на счетъ слабаго? Для объясненія русско-японской войны наши націоналисты въ лицѣ г. Суворина, какъ извѣстно, придумали такое объясненіе: ѣхалъ-де русскій богатырь къ теплому морю и спросонокъ невзначай наткнулся на чорта... Дѣло, дѣйствительно, быть можетъ, заключается въ чортѣ, ибо, только встрѣтившись съ нимъ, облеченный въ «самобытную форму», богатырь считалъ нужнымъ остановиться. Въ теченіе всей своей исторіи «естественными» для себя границами онъ считалъ лишь тѣ, гдѣ встрѣчалъ кулакъ сильнѣе своего собственнаго...

Впрочемъ, онъ не прочь былъ вести и безкорыстныя войны. Напомню хотя бы войны XVIII вѣка, когда Россія воевала то въ союзѣ съ австрійцами противъ пруссаковъ, то въ союзѣ съ пруссаками противъ австрійцевъ. Эти войны по ихъ безцѣльности можно было бы уподобить развѣ только тому червеобразному движенію кишечника въ пустомъ брюхѣ, о которомъ мною только что было упомянуто. Еще охотнѣе самодержавная Русь вела «идейныя» войны,—въ этомъ отношеніи ей принадлежитъ въ ряду другихъ государствъ исключительное мѣсто. Правда, гроба Господня она не освобождала,—слишкомъ поздно для этого появилась она на міровой аренѣ; но изъ-за ключей отъ храма гроба Господня вести войну ей приходилось. Освобождать же она многихъ освобождала: и болгаръ, и грековъ, и румынъ, и сербовъ... Она освободила даже боснійцевъ и герцоговинцевъ... чтобы отдать ихъ подъ началъ австрійцамъ.

Ревнуя о свободѣ, не менѣе усердно отстаивала она и рабство. Цѣлую четверть вѣка она потратила, утверждая поколебленные революціей европейскіе троны, пока не навлекла на самое себя нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языковъ. Русскому народу въ серьезъ опять пришлось отстаивать свою землю, и это, конечно, освѣжило его національную идеологію, а вмѣстѣ съ тѣмъ подновило и самобытную форму. Вмѣсто Сперанскаго на сценѣ по-

явился Аракчеевъ. Русскій же самодержецъ въ сердечномъ согласіи съ остзейской нѣмкой Крюденеръ и въ «священномъ союзѣ» съ австрійскимъ министромъ Меттернихомъ принялъ на себя обязанности общеевропейскаго полицеймейстера. Позднѣе русскія войска ходили усмирять венгерцевъ и еще совсѣмъ недавно боксеровъ...

Впрочемъ, по части «замиреній» главная практика русскаго самодержавія была внутри страны. Силою оно раздвигало предѣлы государства и силою же оно приводило его къ единству, какое заключалось въ самобытной формѣ. Хотя Русь давно была собрана и ея единство достигнуто, но, направленная въ эту сторону, сила продолжала дѣйствовать по прежнему. Намъ суждено было увидѣть ея дѣйствіе и въ прежнихъ ея формахъ. Карательными экспедиціями и казнями началось русское самодержавіе; карательными экспедиціями и казнями оно и кончится. При Грозномъ по Россіи разъѣзжали опричники, при Николаѣ II — генералъ-губернаторы. Что происходило на другой день послѣ одержанной самодержавіемъ побѣды, то же происходитъ и наканунѣ его гибели. Прошли вѣка— и ничто не измѣнилось. Впрочемъ, метлы и собачьи головы уступили мѣсто нагайкамъ и пулеметамъ. Прогрессъ болѣе, чѣмъ несомнѣнный...

Съ ростомъ внѣшняго могущества развивалось и это внутреннее давленіе. Нуженъ былъ Севастополь, чтобы пало крѣпостное право; понадобились Портъ-Артуръ, Мукденъ и Цусима, чтобы дрогнуло самодержавіе. Внутренняя связь между этими фактами несомнѣнна, да она и понятна: сила вѣдь, въ сущности, одна и лишь дѣйствовала она въ разныхъ направленіяхъ.

Полицейская служба это—такая же основная функція самодержавія, какъ и военное дѣло. Николай I не напрасно называлъ помѣщиковъ своими «полицеймейстерами». Для того идеальнаго самодержавія, представителемъ котораго онъ являлся, въ сущности нужны только войско и полиція. Всѣ остальные органы развитой государственности это—лишь орнаменты и, въ лучшемъ случаѣ, служебные придатки къ лежащей въ основѣ ея военно-полицейской организаціи. И если бы русскому самодержавію суждено было еще жить и развиваться, то несомнѣнно, что смѣлую идею графа Витте осуществилъ бы въ концѣ концовъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а не финансовъ. Своими развѣтвленіями полиція намного уже опередила не только бюрократію вообще, но даже фискъ со всѣми его «монопольками». Я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ не сыщиковъ, которымъ всетаки нужно платить жалованіе, и которые, въ силу этого, безъ дѣятельной поддержки министра финансовъ особенно далеко проникнуть не могутъ. Полиція успѣла обратить въ свои органы и тѣхъ, кто жалованья изъ казны не получаетъ. Ей служатъ фабриканты и заводчики, попы и помѣщики, ночные сторожа и дворники... Даже ворами и сутенерами она не брезгуетъ. Я уже не говорю про полицейскія функціи, какія вы-

полняетъ сама бюрократія во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ: таможенные чиновники несутъ полицейскія обязанности наравнѣ съ почтовыми; ректоръ университета такъ же не можетъ избѣжать ихъ, какъ и сидѣлецъ въ чайной попечительства трезвости; судъ, какъ и школа, одинаково находятся на службѣ у полиціи...

Съ особою силою военно-полицейскій характеръ русской государственности даетъ себя знать на окраинахъ. И это, конечно, вполнѣ понятно: на периферіи нагляднѣе всего сказывается дѣйствіе всякой центростремительной силы... Перейдя границы націи, включивъ такъ или иначе въ свой составъ другія народности,—и тѣмъ болѣе народности, обладавшія собственною государственною организаціею,—Россія вышла тѣмъ самымъ на новый путь: изъ національнаго государства ей предстояло сдѣлаться федеративнымъ. Нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи дѣйствительно и были сдѣланы. Александръ I сохранилъ за Финляндіей ея конституцію; автономное начало получило мѣсто и въ управленіи Польшею. Но этимъ росткамъ новой жизни, какъ и всѣмъ прочимъ, появившимся было въ началѣ XIX вѣка, не суждено было развиться. Центростремительный характеръ русской государственности не только не ослабѣлъ, но и усилился. Выполнивъ свою національную миссію и продолжая развиваться въ томъ же направленіи, она сдѣлалась ярко-националистическою. Воспрянувшее самодержавіе продолжало собирать Русь, продолжало собирать даже тамъ... гдѣ ея не было. Такая мелочь не могла остановить облеченнаго въ самобытную форму богатыря, уже привыкшаго останавливаться только передъ чортомъ. Покончивъ съ «замиреніемъ» окружавшихъ Русь народностей, онъ предпринялъ ихъ «обрусеніе». И все это при помощи тѣхъ же самыхъ рессурсовъ—войска и полиціи, которыя на окраинахъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ не вполнѣ даже дифференцировались.

Самодержавное правительство тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ занималось этимъ дѣломъ, чѣмъ свободнѣе извнѣ и сильнѣе внутри оно себя чувствовало. Достаточно, я думаю, напомнить въ этомъ случаѣ эпоху Миротворца и первое десятилѣтіе царствованія нынѣшняго государя, неуклонно шествовавшаго, какъ извѣстно, «по стопамъ незабвеннаго родителя своего». Пользуясь мирнымъ досугомъ, русское правительство поочередно занялось каждой изъ окраинъ и въ концѣ концовъ добралось даже до Финляндіи, лойяльность которой всегда стояла внѣ сомнѣній. Оглядываясь теперь назадъ, такъ и хочется сказать: то былъ силъ избытокъ... И если бы нужно было привести наиболѣе рѣзкій примѣръ расхожденія государственныхъ функцій съ народными потребностями, то, несомнѣнно, пришлось бы указать окраинную политику русскаго правительства. Ничего иного, кромѣ вражды и ненависти къ Россіи, она не могла поселить въ давно замиренныхъ, а то и издревле мирныхъ инородцахъ. И если въ этой политикѣ была какая-либо

цѣлесообразность, то развѣ только та, какая имѣется въ дѣйствіяхъ больного, который собственными руками бередитъ свои раны и даже расковыриваетъ здоровыя мѣста, какія еще остались на поверхности его тѣла...

III.

Такимъ образомъ, по отношенію къ общественному организму въ его цѣломъ самодержавіе или—что, конечно, будетъ точнѣе—нынѣшняя форма русской государственности представляетъ изъ себя самодовлѣющій институтъ, хотя и сложившійся подъ вліяніемъ имѣвшихся когда-то въ народной жизни импульсовъ, но уже давно функціонирующій внѣ всякой связи съ народными интересами и даже въ прямой ущербъ имъ. Отъ этого вывода вѣетъ какъ бы метафизикой. Въ самомъ дѣлѣ, не на воздухѣ же держалась и держится самобытная форма? Въ дѣйствительности, однако, никакой метафизики тутъ нѣтъ. Суть въ томъ, что это не только «форма», каковая сама по себѣ существовать, конечно, не можетъ; у этой формы есть своя «матерія», которая ее держитъ, и свой «духъ», который ее животворитъ...

Въ историческомъ процессѣ соціальный организмъ Россіи, какъ мы видѣли, получилъ совершенно опредѣленную конструкцію. Онъ дифференцировался, при чемъ «царь» и «народъ» отнюдь не были его единственными органами, какъ бы это слѣдовало по славянофильской теоріи. Между самодержавнымъ царемъ и безправнымъ народомъ сразу же образовалось, выражаясь славянофильскимъ терминомъ, «средостѣніе», и при томъ не въ качествѣ временнаго и преходящаго явленія, а въ качествѣ постояннаго фактора, безъ коего и самое самодержавіе было бы не мыслимо. Самую видную роль въ этомъ «средостѣніи» долгое время играло помѣстное сословіе, которое и служило непосредственною опорою самодержцу. Само собой понятно, что славянофилы, будучи идеологами этого самаго сословія, никакого «средостѣнія» въ этомъ періодѣ русской исторіи не видятъ. Поэтому же, быть можетъ, формулѣ «царь и народъ» они предпочитаютъ, какъ извѣстно, формулу «царь и земля». Между «землею», если представлять ее себѣ въ видѣ помѣщика или вотчинника, и царемъ средостѣнія, пожалуй, и не было.

Процессъ дифференціаціи, однако, продолжался, хотя онъ и измѣнилъ свое направленіе изъ горизонтальнаго въ вертикальное. Приказное дѣло отдѣлилось отъ ратнаго, стрѣлецъ отъ подъячаго. Затѣмъ появилось постоянное войско, а вмѣстѣ съ тѣмъ — при Петрѣ же — появились и коллегіи. Вскорѣ произошло и первое недоразумѣніе между высшей бюрократіей и помѣстнымъ сословіемъ. Верховники задумали на собственномъ бланкѣ писать велѣнія своей воли. Могла, казалось, начаться и горизонтальная

дифференціація «средостѣнія». Но Анна Іоанновна, опираясь на тѣ слои помѣстнаго дворянства, которымъ угрожала опасность остаться внизу, разорвала пресловутые «пункты». Самобытная форма осталась неограниченной, а русская знать, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ пробраться въ лорды, вполнѣ удовлетворилась столь же почетной, сколь и выгодной ролью «особъ», какъ на оффиціозномъ языкѣ принято у насъ называть сановниковъ и ихъ сродственниковъ. Дальнѣйшая исторія, конечно, вполнѣ убѣдила сановную знать, что бланкъ «быть по сему» еще лучше ограждаетъ ея интересы, чѣмъ это могъ бы сдѣлать ея собственный.

Военная и бюрократическая — правильнѣе, впрочемъ, будетъ сказать: военно-бюрократическая и полицейско-бюрократическая— организаціи, продолжая развиваться, успѣли мало-по-малу заполнить почти все разстояніе между самодержавіемъ и безправіемъ. Эти двѣ какъ бы колонны, завершаясь однимъ и тѣмъ же шпилемъ, становились тѣмъ шире, чѣмъ дальше опускались къ низу. Одна охватываетъ уже милліонъ штыковъ, всегда готовыхъ къ дѣйствію, да три милліона находящихся въ запасѣ; другая—сотни тысячъ агентовъ всякаго вида и званія, готовыхъ служить самодержавію не только перомъ, но и любою частью собственнаго своего тѣла,—кулаками и боками столь же охотно, какъ глазами и ушами. На штыкахъ, говорятъ, сидѣть нельзя, да и на кулакахъ не особенно удобно... но не тогда, когда эти штыки обращены внизъ и когда этими кулаками отбиваютъ охоту фордыбачить у тѣхъ, кому исторія судила быть подножіемъ. Какъ бы то ни было, самодержавіе сумѣло расположиться на этомъ сѣдалищѣ даже съ комфортомъ...

Новая организація «средостѣнія» открыла возможность включить въ его составъ и, стало быть, заинтересовать въ его цѣлости такіе общественные элементы, которые, несомнѣнно, остались бы внѣ его, если бы отвердѣла сословная организація государственной власти. Въ теченіе долгаго времени «самобытная форма» успѣвала втягивать и усвоивать всѣ живыя силы страны. Интеллигенція, какая и была, вся состояла на казенной службѣ. «Народъ» же представлялъ массу не только безправную, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно темную и уже въ силу этого безпомощную.

Бюрократическая организація имѣла и еще одно въ высшей степени важное преимущество: она предупредила горизонтальное разслоеніе «средостѣнія», а стало быть, и возможность разрывовъ въ немъ и накопленія противорѣчій, которыя могли бы ослабить его устойчивость. Процессъ дифференціаціи, какъ я уже сказалъ, получилъ вертикальное направленіе; въ этомъ направленіи онъ и продолжался. Дифференцировались «вѣдомства», ну а междувѣдомственная полемика, хотя она и возникала подъ часъ, ничего опаснаго въ себѣ для самобытной формы не заключала. Извѣстно: «милые бранятся — только тѣшатся». Всѣ же вѣдомства сверху до

низу состоятъ, если можно такъ выразиться, изъ одного тѣста. Дрожжи во всякомъ случаѣ тѣ же самыя: втянутыя въ бюрократическую организацію частички удерживаются въ связномъ состояніи и приводятся въ дѣйствіе, съ одной стороны, силой давленія, какое производятъ высшіе слои на низшіе, и съ другой — матеріальною зависимостью, въ какой находятся низшіе отъ высшихъ. Само собой понятно, что внизу сильнѣе даетъ себя знать тяжесть, вверху большее значеніе имѣетъ выгода. Но и эта разница, если принять въ разсчетъ психологію, не такъ ужъ значительна: внизу вѣдь рубль не рѣдко цѣнится дороже, чѣмъ на верху тысяча, и, наоборотъ, промелькнувшая на лицѣ тѣнь неудовольствія производитъ подчасъ наверху болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ внизу безудержное битье въ морду. Во всякомъ случаѣ, оба фермента дѣйствуютъ на протяженіи всей бюрократической колоннады. Вѣдь даже на солдатъ вліяютъ не только страхомъ наказанія, но — иногда, по крайней мѣрѣ,—ихъ и подкупаютъ, хотя бы... мыломъ.

Въ общей сложности самодержавію удалось, такимъ образомъ, объединить массу лицъ и изъ разрозненныхъ частичекъ образовать «матерію», которая во всѣхъ своихъ частяхъ имѣетъ почти одинаковую консистенцію и обладаетъ вполнѣ достаточною связностью, чтобы удержать облекающую ее самобытную «форму». Простой инстинктъ самосохраненія заставляетъ каждую частичку, входящую въ составъ этой матеріи, выполнять предназначенную ей функцію. Больше того: частички стремятся выполнять ихъ съ наибольшею энергіею, такъ какъ только такимъ путемъ каждая изъ нихъ можетъ выдвинуться, подняться выше и тѣмъ уменьшить давящую на нее тяжесть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличить приходящуюся на ея долю выгоду. Пусть ихъ функціи не нужны общественному организму, пусть онѣ даже вредны,—нерѣдко члены бюрократической организаціи сами хорошо это видятъ и понимаютъ,—тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ дѣйствовать подъ вліяніемъ доходящихъ до нихъ сверху импульсовъ. Если бы даже представить себѣ, что эти импульсы прекратились, то и въ такомъ случаѣ отлившаяся въ бюрократическія формы «матерія» еще долго бы продолжала функціонировать въ прежнемъ направленіи въ силу тѣхъ привычекъ и традицій, какія уже образовались въ этой средѣ, въ силу той психологіи, какая ей уже свойственна. Больше того: собственные ея интересы заставили бы ее всячески поддерживать ту форму, съ которою связано ея существованіе. И это намъ приходится наблюдать въ дѣйствительности. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ рвеніемъ военные и полицейскіе чины борются съ революціей. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ случаѣ ихъ нельзя упрекнуть, что они дѣйствуютъ, только какъ наемники. Они чувствуютъ, конечно, что имъ приходится бороться за собственные интересы и, быть можетъ, даже за собственное существованіе. Собранная и объединенная самобытной формой матерія представляетъ, такимъ

образомъ, и сама по себѣ достаточно внушительную соціально-политическую силу. Несравненно, однако, важнѣе ея служебная роль. Въ дѣйствительности вѣдь импульсы, подъ вліяніемъ которыхъ она дѣйствуетъ, не прекращались. Какъ я уже сказалъ, въ самобытной формѣ имѣется свой «духъ», который и управляетъ собранной въ ней матеріей.

Сначала вернемся, однако, къ помѣстному сословію, которое за реорганизаціей «средостѣнія» осталось какъ бы не у дѣлъ. Эта реорганизація дѣйствительно подвигалась настолько успѣшно, что уже въ XVIII столѣтіи оказалось возможнымъ освободить помѣстное дворянство отъ обязательной службы. Получивъ жалованную грамоту, дворяне могли теперь безвозбранно оставаться въ «недоросляхъ». Но служба ихъ за царемъ не пропала такъ же, какъ не пропадаетъ и за Богомъ молитва: пожалованныя служилымъ людямъ помѣстья безданно и безпошлинно перешли въ потомственную собственность достаточно уже упитанныхъ къ этому времени Митрофанушекъ. За службу же отнынѣ полагалось особое жалованье съ присоединеніемъ къ нему всякаго иного довольствія, какое только могла придумать изобрѣтательная на этотъ счетъ бюрократія: столовыхъ денегъ и квартирныхъ, подъемныхъ и прогонныхъ, суточныхъ и обмундировочныхъ, пособій на отдѣлку квартиръ и на переѣзды изъ одной въ другую и т. д. вплоть до арендъ и пенсій, не считая еще взятокъ... Дворянство у казеннаго пирога заняло, конечно, первое мѣсто, сразу захвативъ всѣ наиболѣе выгодныя позиціи. Другія сословія допускались лишь въ мѣру надобности и должны были довольствоваться объѣдками, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не удостоены чести состоять на «государственной службѣ»: будучи втянуты въ бюрократическую матерію, частички «податныхъ» сословій должны кончать свою жизнь въ роли нижнихъ чиновъ и въ лучшемъ случаѣ «канцелярскихъ служителей». Просвѣщенное сословіе явилось, такимъ образомъ, для бюрократіи той питательной средой, изъ которой она черпала главныя свои силы. Впрочемъ, услуги на счетъ питанія были взаимныя: бюрократія черпала силы, а дворянство, какъ я уже сказалъ, рессурсы.

Но и «недоросли» были еще нужны. Освобожденные отъ обязанности изучать «еоргафію», они въ теченіе цѣлаго почти столѣтія продолжали—царю на пользу, да и для себя не безъ выгоды—выполнять въ низахъ народной жизни «полицейскія" функціи. Даже послѣ паденія крѣпостного права, получивъ выкупъ за подвластныя имъ души, они сохранили всетаки значительную долю политической власти надъ ними. Надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ въ теченіе всего пореформеннаго времени находился, такъ или иначе, въ вѣдѣніи помѣстнаго сословія; въ его же рукахъ находилось земское хозяйство и мѣстная юстиція. Впослѣдствіи политическое значеніе дворянства въ мѣстной жизни еще

болѣе усилилось. Извѣстно, какую роль играютъ теперь хотя бы предводители дворянства въ уѣздномъ управленіи. Александръ III повелъ дѣло на чистоту: „слушайтесь вашихъ предводителей дворянства» — сказалъ онъ крестьянамъ во время своей коронаціи. Нынѣшній государь счелъ своимъ долгомъ подтвердить эти слова. Дѣло, впрочемъ, не въ предводителяхъ только. Александръ III призналъ за благо опять призвать на службу даже дворянскихъ недорослей. Онъ обезпечилъ успѣвшихъ похудѣть отъ свободы Митрофанушекъ надлежащими окладами, чтобы вновь вручить имъ попечительную власть надъ крестьянами. Впрочемъ, можетъ быть, и на оборотъ: онъ вручилъ имъ попечительную власть надъ крестьянами, чтобы обезпечить ихъ надлежащими окладами. Установить болѣе точный взглядъ на этотъ сложный процессъ обоюднаго питанія мы постараемся нѣсколько ниже.

Такимъ образомъ, дворянство, составляя видную часть бюрократической колоннады, продолжаетъ въ то же время, и какъ сословіе, служить опорой трону въ низахъ народной жизни, въ особенности тамъ, куда еще не проникла или почему либо не могла проникнуть бюрократія. Но несомнѣнно, что важнѣйшую свою роль дворянство играетъ не внизу, а въ самомъ верху, непосредственно подъ шпилемъ. Тамъ имѣется своего рода какъ бы куполъ, состоящій изъ тѣхъ „особъ“—„особъ первыхъ двухъ классовъ“ и „особъ, пріѣздъ ко двору имѣющихъ“,—о которыхъ мнѣ пришлось уже упоминать выше. Придерживаясь взятаго мною для «самобытной формы» образа, я называю эту среду куполомъ, ибо даже вѣдомственная спеціализація не имѣетъ въ ней большого значенія. Одна и таже „особа“ нерѣдко управляетъ сегодня однимъ департаментомъ, завтра—другимъ, а послѣ завтра ѣдетъ править цѣлымъ краемъ. Въ частности военныя „особы“, какъ извѣстно, у насъ считаются способными на всѣ роли—отъ роли разъѣзжающаго съ пулеметами опричника до роли министра народнаго просвѣщенія включительно. Если вѣрить, то Николай I считалъ ихъ способными быть даже мыслителями... Эта среда представляютъ, такъ сказать, квинтъ-эссенцію русской государственности. Въ извѣстныхъ случаяхъ ее называютъ также „сливками“ русскаго общества...

Среда эта—сплошь помѣстно-дворянская. «Поповичи» и другіе разночинцы сюда проникали рѣдко, да и тѣ обыкновенно исчезали, не оставивъ по себѣ въ ней никакихъ слѣдовъ не только своего демократическаго духа, но и своей демократической плоти *).

---

*) Въ принципѣ бюрократическая и даже военно-бюрократическая организація допускаетъ восхожденіе по своимъ ступенямъ каждому. Дерзать никому не возбранено, напротивъ—это даже требуется: плохой, какъ говорится, тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Но это въ принципѣ, на практикѣ же... Я уже упомянулъ, что наиболѣе многочисленнымъ сословіямъ у насъ до сихъ поръ закрытъ доступъ на

Объединенныя общимъ происхожденіемъ и родственными связями, «особы» еще тѣснѣе связаны между собою общими интересами и

государственную службу. Остальнымъ разночинцамъ приходится не мало послужить, прежде чѣмъ они добьются „перваго чина"—того чина, который за каждымъ дворяниномъ считается прирожденнымъ. Офицерами во флотѣ разночинцы вовсе не могутъ быть, хотя бы они и не принадлежали къ податнымъ сословіямъ. Иначе, казалось бы, обстоитъ дѣло въ сухопутныхъ войскахъ: здѣсь „принципъ" соблюдался даже въ крѣпостную эпоху. Кантонистамъ и „сдаточнымъ", какъ извѣстно, былъ открытъ ходъ въ офицеры, но... немногіе изъ „выслужившихся" имѣли охоту имъ воспользоваться. Когда открывалась, наконецъ, къ этому возможность, то всѣ жилы обыкновенно были уже вытянуты, и большинство предпочитало оставаться въ „кандидатахъ", получая за свой отказъ отъ офицерства сторублевую, сколько помнится, пенсію. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности потребность въ офицерахъ настолько усилилась, что понадобились поощрительныя мѣры, чтобы обезпечить войска надлежащимъ числомъ субалтерновъ. Гнушаться лицами не дворянскаго происхожденія уже не приходилось. Но въ штабъ-офицерскіе чины—я уже не говорю: въ генералы — пробраться разночинцу и теперь мудрено. Для этого установлены стажъ и предѣльный возрастъ, и установлены они съ такимъ разсчетомъ, что почти каждый соблазнившійся офицерской карьерой разночинецъ, прежде чѣмъ онъ кончитъ свой стажъ (въ одномъ капитанскомъ чинѣ, не считая предыдущихъ, нужно прослужить минимумъ 12 лѣтъ), будетъ застигнутъ предѣльнымъ возрастомъ. Чтобы получить баталіонъ, мало „выслуги", нужно еще „отличіе". Дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіе! — какъ бы говоритъ оживляющій бюрократію „духъ" въ такихъ случаяхъ:—все равно наверху окажется тотъ, у кого есть бабушка, умѣющая ворожить...

Одно время могло казаться, что разночинецъ одержитъ верхъ надъ дворяниномъ въ бюрократической средѣ при помощи образованія. Послѣднее даетъ преимущества въ чинопроизводствѣ, да и само по себѣ является, казалось бы, важнымъ козыремъ. Многіе еще, вѣроятно, помнятъ нашумѣвшій въ свое время циркуляръ С. Ю. Витте, которымъ предписывалось давать преимущество лицамъ съ высшимъ образованіемъ. „Образованные" люди послѣ того такъ и хлынули въ его вѣдомство. Изъ всѣхъ ученыхъ людей, откликнувшихся на призывъ просвѣщеннаго бюрократа, самую блестящую карьеру, нужно думать, сдѣлалъ ученый секретарь ученаго комитета г. Гурьевъ. Одно время онъ былъ даже допущенъ къ самому пирогу и состоялъ членомъ отъ правительства въ какомъ-то банкѣ, откуда его пришлось, однако, убрать въ виду чрезмѣрнаго аппетита, какой онъ обнаружилъ. Но движеніе его вверхъ и послѣ того не прекратилось. Еще недавно его откармливали „бутербродами" и при томъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ не всегда получаютъ ихъ и прирожденныя „особы". Къ числу лицъ, правящихъ „русскимъ государствомъ", его, однако, всетаки не сопричислили: ему лишь поручили редактировать газету съ этимъ именемъ. Такимъ образомъ, его ученая особа оказалась нужной лишь для роли холопа.

Можно было бы еще указать, пожалуй, на самого гр. Витте, бюрократическая карьера котораго воистину представляется исключительной. Начавъ съ довольно низкихъ ступеней, онъ первый добрался до вершины, которая до него оказывалась не досягаемой, при чемъ по дорогѣ получилъ еще титулъ графа. Но... очень вѣдь сомнительно, чтобы въ графѣ Витте именно и находился тотъ духъ, который давалъ въ декабрьскіе дни импульсы русской государственности, и чтобы онъ по собственному

общею имъ всѣмъ психологіею. Для характеристики того, каковы эти интересы и какова эта психологія, достаточно, я думаю, сказать, что видный элементъ въ средѣ придворно-бюрократической знати, а при дворѣ чуть ли даже не преобладающій, составляютъ остзейскіе дворяне. Вспоминая о нихъ, я начинаю сомнѣваться, не слишкомъ ли самоувѣренно я утверждалъ въ прошлой статьѣ, что новые виды въ составѣ человѣчества обособиться не могутъ. Во всякомъ случаѣ, если въ его средѣ уже образовались «вредныя расы», то несомнѣнно, что къ нимъ прежде всего нужно отнести баронскую *)...

И вотъ изъ этой-то среды и исходятъ тѣ импульсы, подъ вліяніемъ которыхъ функціонируетъ русская государственность. Здѣсь-то и обитаетъ тотъ «духъ» - затхлый духъ средневѣковья,—который животворитъ всю «самобытную форму». Не смотря на всѣ историческія превратности, помѣстное сословіе сумѣло, такимъ образомъ, сохранить полученную имъ когда-то привилегію стоять у кормила русскаго государства и кормиться за счетъ русскаго народа...

IV.

Выше я уже сдѣлалъ оговорку на счетъ схематичности своего изложенія. Въ дѣйствительности процессъ соціальнаго развитія

почину залилъ Россію кровью. Все заставляетъ думать, что онъ ни больше, ни меньше, какъ та же самая бюрократическая матерія...

*) Сами бароны, повидимому, вовсе не признаютъ общности своего вида съ остальнымъ человѣчествомъ. По крайней мѣрѣ, они способны охотиться на людей съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и на дикихъ животныхъ. При случаѣ баронъ съ такою же готовностью убиваетъ безоружнаго человѣка, какъ и заправскій охотникъ затравленнаго звѣря. Нужно ли напоминать фонъ-Сиверса и другихъ бароновъ, поспѣшившихъ надѣть полицейскіе и офицерскіе мундиры, чтобы руководить „карательными экспедиціями" въ Прибалтійскомъ краѣ? Нужно ли говорить о подвигахъ Мина и его достойнаго сподвижника Римана, собственноручно разстрѣливавшаго затравленныхъ голутвинцевъ? Нужно ли описывать великую охоту сибирскаго Нимврода-Ренненкампфа? Нужно ли говорить о томъ ужасѣ, какой навелъ на обитателей тамбовскихъ полей ничтожный фонъ-Лауницъ? Само по себѣ это, конечно, не даетъ еще права говорить объ особомъ видѣ. Курловы вѣдь не уступятъ Нейдгардтамъ, Абрамовы и Ждановы—Сиверсамъ, Чухнины и Дубасовы—Ренненкампфу. Конкуррировавшій съ послѣднимъ Меллеръ-Закомельскій имѣетъ сложную фамилію... Люди-звѣри имѣются въ достаточномъ числѣ въ составѣ и другихъ націй. Кромѣ того, для вида необходима наличность установившихся уже признаковъ. Но... любопытная вещь: свойственныя баронскому сословію звѣрскія особенности съ вѣками не только не слабѣютъ, но и еще какъ будто крѣпнутъ. Перечитайте исторію крестьянской войны въ Германіи, и вы легко убѣдитесь, что нынѣшніе фонъ-Сиверсы ни въ чемъ не уступятъ тогдашнимъ фонъ-Трухзесамъ. Больше того: тогда на сторонѣ крестьянъ оказались хоть немногіе фонъ-Гейеры. Припомните исторію освободительнаго движенія въ Россіи,—и немного баронскихъ именъ вы въ ней встрѣтите. Даже способность выдѣлять изъ своей среды „кающихся дворянъ" баронствомъ какъ будто утрачена.

страны былъ, конечно, сложнѣе, чѣмъ я изобразилъ его на предыдущихъ страницахъ. На нѣкоторыхъ ихъ осложнившихъ его моментахъ я и долженъ теперь остановиться.

Національныя и сословныя рамки, въ которыя была втиснута народная жизнь, неизбѣжно должны были оказаться для нея слишкомъ тѣсными. Какъ это ни странно покажется на первый взглядъ, но стѣснительность ихъ почувствовала, прежде всего, та самая государственность, для которой національзмъ служилъ оградой и сословность для которой была опорой. Та же самая потребность, которая обусловила въ свое время возникновеніе національнаго государства, властно потребовала затѣмъ сближенія съ другими народами. Чтобы успѣшно состязаться съ «нѣмцемъ», пришлось у него учиться. Въ интересахъ національнаго могущества нужно было отказаться отъ національной обособленности и замкнутости. Государственная власть сама должна была сдѣлать первую брешь въ той націоналистической стѣнѣ, за которою она теперь желала бы укрыться...

Эта брешь была нужна, чтобы дать дорогу техническому прогрессу. Разница въ культурѣ съ западными сосѣдями была слишкомъ значительна, выращивать ее дома было некогда. Волей-неволей Россія должна была брать «послѣднее слово» изъ общечеловѣческаго опыта. Заграничное происхожденіе «техническаго прогресса»—таковъ важный фактъ, съ которымъ приходится считаться въ исторіи общественныхъ отношеній въ Россіи. Въ соціальной жизни страны это обстоятельство сказалось очень важными послѣдствіями.

Западно-европейскія страны на много раньше, чѣмъ Россія, начали жить общею имъ всѣмъ жизнью. Усовершенствованная техника явилась тамъ, какъ результатъ долгаго процесса, охватывавшаго всю жизнь, всѣ общественныя отношенія. Россія получила ее въ готовомъ видѣ, и это молодое вино большими или меньшими порціями она вливала въ старые мѣхи, въ старыя общественныя формы. На Западѣ техника прогрессировала одновременно въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ примѣненія человѣческаго труда, тамъ постепенно обновлялось все платье; въ Россіи заплаты ихъ новой и яркой матеріи вставлялись въ до нельзя обветшавшую и давно выцвѣтшую одежду. Неравномѣрность техническаго прогресса—такова одна изъ характерныхъ чертъ русской жизни, несоотвѣтствіе техники съ общественными отношеніями—такова другая, не менѣе рѣзко бросающаяся въ глаза ея особенность *).

*) Эти особенности свойственны, конечно, всѣмъ странамъ, сравнительно поздно принявшимъ участіе въ общей съ Западною Европой культурной жизни. У насъ указанныя черты также наиболѣе рѣзко бросаются въ глаза въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ техническій процессъ яв-

Еще большее значеніе имѣло то обстоятельство, что «техническій прогрессъ» явился въ Россію по вызову, такъ сказать, правительства. Пестрота въ техникѣ, которую я только что отмѣтилъ,— не случайная пестрота. Въ ней не трудно разсмотрѣть нѣкоторый узоръ, въ ней сказалась совершенно опредѣленная тенденція. Государственная власть первая начала черпать изъ сокровищницы общечеловѣческаго опыта, и она черпала, конечно, по преимуществу то, что могло увеличить ея силу и вліяніе. Техническій прогрессъ оказался, такимъ образомъ, на службѣ у правительства. Пользуясь имъ, облеченный въ самобытную форму богатырь, чѣмъ дальше, тѣмъ больше совершенствовалъ свои доспѣхи. Когда-то въ его разпоряженіи имѣлись только бердышъ и ладья, теперь онъ располагаетъ броненосцами и пулеметами. Почта, телеграфъ, желѣзныя дороги—находятся всецѣло въ его распоряженіи. Къ его услугамъ имѣются многочисленные фабрики и заводы, онъ широко пользуется биржей и банками. Находящійся въ его рукахъ податной прессъ доведенъ до такого техническаго совершенства, что при его помощи оказалось возможнымъ выжать изъ страны, не вызвавъ отпора, почти всѣ ея соки. Воспользовавшись заграничной техникой, самобытная государственность во много разъ увеличила, такимъ образомъ, свои силы. Это дало ей возможность отстоять себя въ международной борьбѣ и даже продолжать, хотя не всегда успѣшно, завоевательную политику. Но это же позволило ей и внутри страны сравнительно долго развиваться въ прежнемъ направленіи. Основное противорѣчіе русской жизни продолжало, такимъ образомъ, обостряться, глубокая пропасть между самодержавіемъ и безправіемъ и послѣ того, какъ націоналистическая стѣна была пробита, становилась все шире...

Но попытки использовать техническій прогрессъ въ рамкахъ крѣпостнаго хозяйства оказались всетаки, въ концѣ концовъ, недостаточно производительными. Пришлось обратиться къ содѣйствію «международнаго джентльмэна», который взялся доставить

ляется сравнительно недавнимъ гостемъ. Укажу хотя бы Баку—этотъ городъ контрастовъ. Пройдитесь по его улицамъ: вы увидите конку, велосипеды, автомобили, и тутъ же вамъ встрѣтятся „амбалы“, выполняющіе обязанности вьючныхъ животныхъ; вы только что осмотрѣли одну изъ самыхъ крупныхъ въ Россіи фабрикъ электричества, представляющую послѣднее слово европейской техники, и вслѣдъ за тѣмъ идете осматривать населенную татарами „крѣпость“—одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, быть можетъ, уголковъ вполнѣ сохранившейся Азіи; вамъ только что разсказывали про рабочихъ, настойчиво добивающихся всѣхъ правъ человѣка и гражданина, и въ то же время мимо васъ проходитъ мусульманка, не рѣшающаяся снять съ своего лица покрывала... Подобными контрастами полна въ сущности вся Россія. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, Невскій проспектъ съ какой-нибудь Моховаткой, усовершенствованныя заводскія машины съ допотопной деревенской сохой, созданный г. Витте политехникумъ съ насажденной г. Побѣдоносцевымъ школой грамоты. Такихъ контрастовъ, конечно, нѣтъ въ болѣе старыхъ по культурности странахъ.

прогрессъ изъ-за границы. «Это былъ господинъ не первой уже молодости, давно пережившій періодъ своей непосредственности и своихъ юныхъ увлеченій, въ изрядно поношенномъ костюмѣ и съ плутовато бѣгающими глазами» *). Читатели, конечно, догадались, что цитируемый мною авторъ говоритъ о капитализмѣ. Самъ по себѣ это былъ джентльмэнъ болѣе, чѣмъ сомнительный, но его роль, какъ проводника техническаго прогресса, казалась столь безспорной, что государственная власть широко распахнула передъ нимъ двери. Не рѣдко она предоставляла ему честь и мѣсто даже тогда, когда въ его багажѣ вовсе не было никакого прогресса.

Такимъ образомъ, и капитализмъ мы получили въ готовомъ видѣ. Прежде, чѣмъ населеніе успѣло выработать нужные навыки для борьбы съ нимъ, онъ уже широко раскинулъ свои сѣти. Опутать такъ быстро народъ доморощенный кулакъ едва ли бы оказался въ состояніи. Въ соціальную жизнь былъ привнесенъ такимъ образомъ новый, и при томъ очень сильный, дифференцирующій факторъ.

Сословныя перегородки должны были рухнуть. Крайне важнымъ, однако, представляется въ данномъ случаѣ тотъ фактъ, что капитализмъ явился въ страну не только съ согласія, но и по вызову правительства, для котораго сословный строй служилъ опорой. Создалось положеніе, существенно-отличное отъ того, въ какомъ находилась въ свое время западная Европа. Между самобытнымъ феодализмомъ и международнымъ капитализмомъ установилось не только мирное, но и дружественное сожительство. Государственная власть слишкомъ нуждалась въ услугахъ сомнительнаго джентльмэна, чтобы не поступиться въ его пользу нѣкоторыми сословными связями. Сдѣлать это ей было тѣмъ легче, что самобытная форма уже имѣла въ это время достаточно надежную опору въ видѣ бюрократической колоннады. Съ другой стороны, капитализмъ оказался, въ сущности, очень покладистымъ джентльмэномъ. «Давно пережившій періодъ своей непосредственности и своихъ юныхъ увлеченій», онъ былъ слишкомъ уже опытенъ, чтобы предъявлять какія-либо общія претензіи на счетъ «правъ человѣка и гражданина». Онъ вполнѣ былъ доволенъ оказаннымъ ему самому «покровительствомъ».

Союзъ оказался, такимъ образомъ, вполнѣ возможнымъ. Капитализмъ, нисколько не смущаясь полицейскимъ режимомъ, разложилъ свой багажъ, въ которомъ, кромѣ «орудій промышленнаго прогресса», оказались, конечно, и «отмычки самаго новѣйшаго фасона». Свѣта и простора, чтобы народъ могъ использовать въ достаточно широкихъ размѣрахъ «орудія», въ странѣ было слишкомъ мало, за то «отмычки» сомнительный джентльмэнъ, пользуясь царившими въ ней безправіемъ и невѣжествомъ, легко могъ пу-

*) Вл. Кор. „О сложности жизни". „Русское Богатство", 1899 г. № 12.

стить въ дѣло. Поддерживая всѣми мѣрами крѣпостныя формы эксплуатаціи трудового народа, самодержавное правительство не только не препятствовало, но и всячески содѣйствовало развитію капиталистическихъ формъ. Штемпель «быть по сему» оказался вполнѣ пригоднымъ, чтобы санкціонировать тѣ и другія. Не только народный карманъ, но и казенный сундукъ былъ предоставленъ въ пользованіе промышленнаго сословія. Достаточно, я думаю, напомнить преміи и льготы, субсидіи и гарантіи, таможенныя пошлины и казенные заказы, не говоря о другихъ, широко примѣнявшихся подъ покровомъ бюрократической тайны, «отмычкахъ»...

Претензій на участіе въ осуществленіи государственной власти русская торгово-промышленная буржуазія почти не предъявляла. Писать ассигновки можно было и на бюрократическомъ бланкѣ. Но ея вліяніе на государственныя отношенія сказывалось все сильнѣе и сильнѣе. Покровительствуемый союзникъ,—своего рода какъ бы вассалъ,—все больше и больше становился властнымъ хозяиномъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ помѣстное дворянство оказалось не въ состояніи отстоять даже собственные свои хозяйственные интересы. Напомню хотя бы таможенную политику, которая становилась все болѣе и болѣе невыгодной для сельскаго хозяйства. Свои протори и убытки правящее сословіе спѣшило, конечно, восполнить усиленными окладами, даровымъ кредитомъ и другими столь же непосредственными «воспособленіями». Въ его рукахъ находился ключъ отъ народной казны и, стало быть, ему не зачѣмъ было прибѣгать къ отмычкамъ *).

Само собой понятно, что съ усиленіемъ вліянія торгово-промышленной буржуазіи увеличивалась и ея доля въ народныхъ прибыткахъ. Все больше и больше она требовала народныхъ рессурсовъ. Аппетитъ у джентльмэна-капитала, какъ извѣстно, громадный, прямо-таки безграничный...

Выше, говоря о «самобытной формѣ», я привелъ въ качествѣ фантастическаго примѣра пищеварительный аппаратъ, который сдѣлался ненужнымъ. Не случайно я взялъ этотъ именно органъ

*) Не лишне будетъ всетаки отмѣтить, что указанное обстоятельство внесло въ дворянскую среду нѣкоторую смуту, породивъ внутреннія въ ней недоразумѣнія. Неслужилому дворянству естественно, конечно, казалось, что сановная знать, занятая обдѣлываніемъ собственныхъ дѣлишекъ, небрежетъ общими интересами сословія. Отсюда и эти жалобы на бюрократію, которая заслоняетъ отъ „земли“ свѣтъ „краснаго солнышка“. Земельное дворянство какъ бы дифференцировалось отъ правящаго. Но когда настали трудныя времена, эти внутреннія несогласія исчезли. Интересы „трудового дворянства“ оказались при очной ставкѣ вполнѣ тождественными съ интересами тѣхъ, которые засѣдаютъ въ „звѣздной палатѣ“ Весь споръ сводился, въ сущности, къ вопросу объ „уравнительномъ распредѣленіи“ тѣхъ щедротъ, какія изливало на „землю“ „красное солнышко“ Сохранить это „солнышко“ — къ этому и направлены теперь всѣ усилія дворянства, какъ сословія.

для сравненія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ видѣли читатели, я нерѣдко оказывался въ затрудненіи, благодаря невозможности отграничить функціи сословнаго питанія отъ функцій государственнаго правленія. Не разъ я готовъ былъ пожалѣть о старомъ словѣ «кормленіе», которое можно было бы употребить въ томъ и другомъ смыслѣ... Само собой понятно, что чѣмъ больше «самобытная форма» втягивала въ себя матеріи, тѣмъ больше она требовала рессурсовъ для своего поддержанія. Въ концѣ концовъ изъ русской государственности, дѣйствительно, получился аппаратъ, какъ бы спеціально предназначенный, чтобы поглощать народные достатки. И вотъ къ этому-то, и безъ того чрезмѣрно развитому аппарату присоединилась еще ненасытная капиталистическая утроба. Легко понять, какія изъ этого должны были проистечь послѣдствія для народнаго организма.

V.

Предварительно я долженъ, однако, сдѣлать оговорку. Законные предѣлы аналогіи мною, въ сущности, давно уже перейдены. Органъ, сдѣлавшійся ненужнымъ организму, по общему правилу, не можетъ развиваться: рано или поздно онъ долженъ атрофироваться. Съ исчезновеніемъ потребности въ немъ, все слабѣе и слабѣе становятся его функціи, все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ получаются имъ питательные соки; онъ уменьшается въ своемъ размѣрѣ, и хотя еще долго продолжаетъ существовать въ видѣ рудимента, но роль его въ общей жизни организма сравнительно скоро дѣлается малозамѣтной, а затѣмъ и вовсе ничтожной. Такъ протекаетъ этотъ процессъ въ организмѣ; таковы, нужно думать, законы органической эволюціи. Совершенно иначе могутъ складываться тѣ же отношенія въ соціальной жизни, и въ этомъ именно заключается одно изъ существенныхъ ея отличій.

Эту разницу мнѣ пришлось отмѣтить уже въ «Основныхъ положеніяхъ нашей программы». Тамъ я указалъ, какую неодолимую преграду органическая эволюція встрѣчаетъ въ лицѣ человѣческой личности. «Въ борьбѣ за свои интересы послѣдняя легко переходитъ грань, которая отдѣляетъ то, что полезно для сохраненія и развитія общества, отъ того, что для него является безусловно вреднымъ. Нельзя упускать изъ виду, что личность съ ея революціоннымъ сознаніемъ противопоставлена въ данномъ случаѣ аггрегату и что послѣдній, по скольку онъ не объединенъ общей волей и коллективнымъ сознаніемъ, не обладаетъ той сопротивляемостью, которую онъ могъ бы противопоставить разрушительной работѣ входящихъ въ его составъ молекулъ... Не координированная работа отдѣльныхъ молекулъ рано или поздно нарушаетъ равновѣсіе въ

общественномъ организмѣ и дѣлаетъ неизбѣжнымъ кризисъ, если не болѣе тяжкое потрясеніе въ немъ» *).

Соціальную структуру, какую получилъ въ историческомъ процессѣ общественный организмъ Россіи, тоже нельзя разсматривать, какъ результатъ одной только органической эволюціи. Внѣ всякаго сомнѣнія, что сильное вліяніе на него оказалъ и только что отмѣченный мною соціальный факторъ, т. е. не объединенная общенародной волей и общенароднымъ сознаніемъ работа отдѣльныхъ группъ и лицъ, входившихъ, какъ часть, въ составъ народа. Этимъ только и можно объяснить, что ненужный органъ,—а таковымъ съ точки зрѣнія народнаго организма въ цѣломъ давно уже, какъ мы видѣли, является русская государственность въ «самобытной» ея формѣ,—не только могъ сохраниться, но и продолжалъ развиваться, достигнувъ въ концѣ концовъ чудовищныхъ размѣровъ.

Чтобы пояснить эту мысль, мнѣ не къ чему возвращаться къ исторіи; достаточно будетъ, какъ я думаю, даже самыхъ простыхъ фактовъ изъ окружающей насъ дѣйствительности. Возьмите хотя бы городового, готоваго каждому обывателю накласть въ загривокъ. Не народными же, въ самомъ дѣлѣ, интересами и потребностями онъ руководится. Дѣло объясняется, конечно, проще: онъ думаетъ лишь о томъ, какъ бы угодить начальству и, такимъ образомъ, обезпечить свои жалкіе интересы. Если даже допустить, что онъ дѣйствитвуетъ во имя народнаго блага, то на какихъ же вѣсахъ онъ его взвѣсилъ? Не иначе, какъ на вѣсахъ полицейскаго участка. Между тѣмъ, тѣлодвиженіями этого городового и ему подобныхъ не только поддерживается, но и распространяется имѣющій роковое значеніе въ народной жизни институтъ безправія... Возьмите солдата, открывающаго на улицѣ пальбу пачками. Что для него имѣетъ больше значенія: отечество или дисциплина? Допустимъ даже, что отечество. Но откуда онъ узналъ о его нуждахъ, какъ не изъ разъясненій офицеровъ, руководящихся своимъ групповымъ сознаніемъ? Между тѣмъ, этотъ солдатъ со своей магазинкой преградилъ дорогу цѣлому народу... Обратимся, однако, къ послѣдствіямъ этой не координированной съ общенародными потребностями работы втянутыхъ въ «самобытную форму» частичекъ.

Обратить въ пищеварительный аппаратъ весь организмъ немыслимо. Не осуществимо было и стремленіе обратить все населеніе страны въ солдатъ и полицейскихъ чиновниковъ. Чтобы содержать армію и полицію и тѣмъ болѣе, чтобы удовлетворить охраняемые имъ аппетиты, необходимы средства. Были нужны, стало быть, производительные классы или—по оффиціальной терминологіи—«податныя сословія». Имѣлись, такимъ образомъ, естественныя границы развитію соціальныхъ отношеній въ данномъ имъ

*) „Современность", мартъ, стр. 122.

русскою государственностью направленіи. Но удержаться въ этихъ предѣлахъ она оказалась не въ состояніи.

Устанавливая свои отношенія съ окружающими его крестьянами, каждый помѣщикъ руководился, конечно, своими интересами. Можно было накинуть лишній рубль на десятину, онъ и накидывалъ. Въ результатѣ же получился такой аграрный строй, при которомъ веденіе сельскаго хозяйства сдѣлалось невозможнымъ. Настаивая на высокихъ пошлинахъ и добиваясь казенныхъ заказовъ, фабриканты и заводчики радѣли, конечно, о собственныхъ своихъ интересахъ. Въ результатѣ же страна оказалась раззоренной, и развитіе самой промышленности сдѣлалось немыслимымъ.

Чѣмъ большія силы и средства стягивала въ свое распоряженіе государственность, тѣмъ быстрѣе происходило истощеніе народнаго организма. Неравномѣрность техническаго прогресса донельзя обострила этотъ процессъ. Заморенная кляча должна была вывозить броненосцы—естественно, что она надорвалась. На почвѣ, обрабатываемой допотопной сохой, выращивали самые тонкіе по культурѣ фрукты—вполнѣ понятно, что она истощилась. Функціи организма пришли въ полное разстройство, самое существованіе его при данной структурѣ сдѣлалось невозможнымъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при выясненіи самой платформы, мнѣ еще придется подробно говорить объ этомъ. Сейчасъ же для меня важно лишь отмѣтить эту объективную неизбѣжность подготовленной самодержавіемъ и капитализмомъ катастрофы.

Но она и субъективно сдѣлалась уже неизбѣжной. Трудовой народъ не только не можетъ кормить безъ числа умножившихся помощниковъ и союзниковъ самодержавія, но онъ и не хочетъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ другою особенностью соціальной жизни,—съ другимъ факторомъ, неизвѣстнымъ органической эволюціи. «Нижніе слои общественной формаціи—писалъ я въ «Современности»—не могутъ примириться съ выпавшей имъ долей,—и опять-таки потому, что это живые, способные страдать и наслаждаться люди, а не бездушныя клѣтки. Рано или поздно чаша ихъ долготерпѣнія оказывается переполненной, и назрѣвшій въ общественномъ организмѣ кризисъ превращается въ революцію. Происходятъ рѣзкія измѣненія въ общественной структурѣ, и потрясеніе оказывается тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ дальше подвинулся процессъ дифференціаціи и чѣмъ революціоннѣе по отношенію къ его результатамъ настроено въ данный моментъ общественное сознаніе».

Беззастѣнчивая эксплуатація трудящихся массъ неизбѣжно должна была привести къ рѣзкому съ ихъ стороны отпору. Но ихъ протестъ могъ отлиться въ разныя формы. Исторія знаетъ уже не мало случаевъ, когда высоко поднималась волна народнаго гнѣва и затѣмъ безсильно разбивалась, не находя себѣ исхода. Одинъ изъ яркихъ примѣровъ такихъ безрезультатныхъ народ-

ныхъ движеній мы имѣемъ въ нашей пугачевщинѣ. Возможно, что и теперь массовое движеніе отлилось бы въ ту же безысходную форму. Къ счастію, въ немъ участвуетъ сила, способная открыть ему русло.

Я имѣю въ виду идеи, которыя привнесены въ движеніе. Мы почерпнули ихъ изъ той же общечеловѣческой сокровищницы, получили ихъ, можно сказать, тоже въ готовомъ видѣ. Онѣ намного опередили внутреннее развитіе страны, и революціонное значеніе ихъ въ русской жизни оказывается, благодаря этому, особенно сильнымъ. Даже тѣ идеи, которыя западная Европа успѣла или стремится воплотить въ процессѣ эволюціи, у насъ могутъ войти въ жизнь только революціоннымъ путемъ.

Крайне характерно, что сама государственная власть содѣйствовала появленію въ странѣ этого, уже по самому существу своему, революціоннаго фактора. Правительство само строило школы, само печатало книги, само издавало газеты. Для него это было частью той техники, въ услугахъ которой оно такъ нуждалось. Не прочь оно было—напомню Екатерину II—пококетничать и съ самыми идеями. Правда, оно очень быстро спохватилось, какъ онѣ опасны, съ судорожною поспѣшностью оно начало тушить вспыхнувшій въ странѣ огонекъ сознательной мысли, всѣми мѣрами оно старалось прекратить дальнѣйшее просачиваніе ея изъ-за границы. Но всѣ усилія оказались напрасными. Государственная власть оказалась въ положеніи — беру образъ, употребленный въ одной изъ рѣчей Н. Ѳ. Анненскимъ — въ положеніи того волшебника, который умѣлъ вызвать духа, но не въ состояніи былъ заклясть его. Огонь оказался неугасимымъ и разгорался все ярче. Новые потоки оказались непредотвратимыми и заливали страну все шире.

Сознательная мысль сразу же предъявила свои революціонныя требованія. Она предъявила ихъ уже тогда, когда въ странѣ былъ, можетъ быть, всего только одинъ человѣкъ, способный понять ея велѣнія. Съ еще большею настойчивостью она предъявила ихъ, когда такихъ лицъ оказалась цѣлая группа. И она не уставала предъявлять ихъ вновь и вновь, готовая претерпѣть всѣ гоненія. Лишь 40 лѣтъ тому назадъ ей удалось добиться нѣкотораго успѣха. Она нашла тогда себѣ поддержку въ объективныхъ условіяхъ, властно требовавшихъ соціальнаго преобразованія, но слишкомъ слаба еще была помощь, на которую она могла разсчитывать въ массахъ. Тѣмъ съ большею настойчивостью она предъявляетъ свои требованія теперь, когда не только объективныя условія, но и революціонное настроеніе трудящихся массъ могутъ послужить для нихъ опорой.

Ни одна еще революція не проходила подъ знаменемъ такихъ высокихъ идеаловъ, какъ русская. Еще не было случая, чтобы такой высокій подъемъ революціонной энергіи трудового народа

совпадалъ съ такимъ широкимъ распространенiемъ въ его средѣ сознательной мысли.

И вотъ намъ говорятъ, что революцiя должна совершиться въ пользу капитализма,—того самого капитализма, который былъ вѣрнымъ союзникомъ самодержавiя и который даже теперь не рѣшается измѣнить ему.

Нѣтъ! русская революцiя пройдетъ подъ знаменемъ соцiализма. Для нея есть только одинъ выходъ: возстановить права человѣческой личности и обезпечить интересы трудового народа — такова ея задача.

Повторю то, съ чего началъ: велики народныя потребности, выдвинутыя русской революцiей, и широки открываемыя ею историческiя возможности.

А. Пѣшехоновъ.

Новыя книги.

К. А. Ковальскiй. Война. Сборникъ разсказовъ. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1906. Стр. 231. Цѣна 80 коп.

Въ беллетристической литературѣ, вызванной минувшей войной, разсказы г. Ковальскаго займутъ замѣтное мѣсто. Авторъ не принадлежитъ къ тѣмъ, которые «прозрѣли» на войнѣ; онъ зналъ въ общихъ чертахъ, что онъ увидитъ, когда ѣхалъ на войну. Но его взгляды осложнились отъ соприкосновенiя съ дѣйствительностью; живая реальность наполнила ихъ содержанiемъ. Онъ имѣлъ случай многое увидѣть и сумѣлъ связать свои разрозненныя мелкiя впечатлѣнiя въ общую картину, художественно обобщенную и публицистически идейную. И потому его разсказы не только обличаютъ или отрицаютъ войну, не только внушаютъ ужасъ и отвращенiе къ кровавому насилiю, не только повторяютъ то, что можетъ быть сказано въ хорошей публицистикѣ: они знакомятъ насъ съ конкретными формами, въ которыя отливается позорная неправда войны, они заставляютъ думать.

Разсказы не безъ недостатковъ. Нѣкоторые малозначительны и эскизны; въ другихъ чувствуется намѣренная изысканность, особенно неумѣстная въ манерныхъ эпитетахъ, тѣмъ болѣе ненужныхъ, что авторъ умѣетъ писать просто; онъ любитъ описанiя, но не внушаетъ читателю чувства ихъ необходимости: остается впечатлѣнiе, что этотъ калейдоскопъ красочныхъ словъ только условная дань литературной традицiи. Чувствуется подчасъ и выдумка; весьма возможно, что въ городахъ Дальняго Востока бывали такiе случаи, какъ разсказанный въ «Выстрѣлѣ»: изголодавшiйся и измученный солдатъ,

уже понявшій, кто настоящій виновникъ его страданій, увидѣвъ въ окнѣ ресторана ночную оргію офицеровъ съ дамами легкаго поведенія, прицѣлился, выстрѣлилъ въ окно и попалъ въ одного изъ кутящихъ офицеровъ. Но въ разсказѣ все такъ извѣстно раньше, все—вплоть до женщины, которая «наглымъ движеніемъ полной ноги въ игривой дорогой туфелькѣ, смахнула пенснэ у жирнаго краснаго офицера»—такъ банально надумано, что, конечно, такой обличительный разсказъ можно написать, и сидя дома, безъ тѣхъ живыхъ и сильныхъ впечатлѣній, которыя собралъ авторъ «Войны». Поэтому такіе промахи, какъ «Выстрѣлъ»—исключеніе въ его сборникѣ, который, несмотря на свое пестрое содержаніе, въ общемъ, даетъ цѣльную и законченную картину войны.

Онъ начинаетъ съ яркаго изображенія прощанія и разлуки съ запасными; безпредѣльный ужасъ ихъ душевнаго состоянія—легко доводящаго ихъ до случайнаго убійства — рисуетъ второй очеркъ—«Отчаяніе». Такъ же могъ бы быть названъ и слѣдующій разсказъ, хорошо противопоставляющій пьяному и искусственному возбужденію ѣдущихъ на войну безконечную тоску отца, у котораго забрали четырехъ сыновей. И для чего? Для гибели, прежде всего никому ненужной, безсмысленной и тѣмъ болѣе всего ужасной. Очеркъ «Встрѣча» переноситъ насъ на границу Кореи, въ мирныя поля, наводненныя насильниками двухъ враждующихъ сторонъ: встрѣтились два похоронныхъ шествія: корейцы хоронятъ сына старшины, казакъ везетъ трупъ товарища на границу, чтобы похоронить его въ русской землѣ. Еще нѣтъ убійствъ, еще въ трагической идилліи «Еще одинъ» все обвѣваетъ случайныя смерти покоемъ и примиреніемъ, но за этими тихими и внушительными картинами таинства смерти уже чувствуется что-то тревожное, насильственное, ненужное. И въ слѣдующемъ разсказѣ—«Въ штыки»—ночное кровавое столкновеніе русскихъ съ русскими разомъ ввергаетъ насъ въ самую бездну той преступной безсмыслицы, которою была минувшая война. «Шелъ страшный ночной бой въ рукопашную, грудь о грудь. Крики стихли, перестрѣлка оборвалась. Были только стукъ и гудѣніе прикладовъ, и лязгъ штыковъ другъ о друга, безпорядочный топотъ и тяжелое сопѣніе; были мягкій звукъ паденія тѣлъ, и клокочущій предсмертный хрипъ, и странный трескъ разламываемыхъ костей. Кое-гдѣ, ужъ схватившись, сцѣпились руками и ногами, падали на землю, царапая другъ друга, катаясь между тѣлами и сваливая другихъ. Шелъ бой, молчаливый, звѣрскій, потерявшихъ себя людей; бой страшныхъ черныхъ тѣней подъ сводами глубокой тьмы». Это—по недоразумѣнію—русскіе бьютъ русскихъ. Но развѣ когда днемъ, а не ночью, русскій мужикъ, одѣтый солдатомъ, бьетъ такого же японскаго мужика,—развѣ это не такое же недоразумѣніе? Въ эту бездну недоразумѣній ведутъ насъ

слѣдующіе разсказы, занятые то гнусной жестокостью реквизицій, то умопомрачающимъ ужасомъ переполненнаго госпиталя, то азартной игрой офицеровъ, вдругъ прекращенной японскимъ снарядомъ, перебившимъ и счастливыхъ, и несчастныхъ игроковъ, то внезапнымъ сумасшествіемъ портъ-артурскаго поручика Куликова, которому «удалось» перехитрить врага и разомъ перебить массу японцевъ. А русскій солдатъ, принесшій въ это безконечно чуждое ему кровавое пиршество свою домашнюю нищету, несетъ на себѣ все бремя этой безсмыслицы—и только цѣною своей жизни пробивается къ сознанію, что враждовалъ не съ истиннымъ своимъ врагомъ: нашимъ читателямъ знакомы очерки «изъ жизни рядового Семена Незабудкина». Да, дорого куплена народомъ мысль о его настоящемъ, внутреннемъ врагѣ; но если она дѣйствительно стала его прочнымъ достояніемъ, то никакая цѣна не должна считаться чрезмѣрной.

Эмиль Зола. Истина. Пер. и изд. О. Н. Поповой. СПБ. (безъ года). 493 стр. Цѣна 1 р.

Посмертный романъ Эмиля Зола, едва начавшій появляться въ газетѣ въ моментъ его внезапной смерти, лишь теперь становится вполнѣ доступнымъ русскимъ читателямъ. Онъ стоитъ ихъ вниманія, несмотря на то, что не принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ произведеніямъ покойнаго романиста.

Этимъ романомъ жизнь какъ будто посмѣялась надъ эстетическими теоріями Эмиля Зола. Быть можетъ, въ критической литературѣ нѣтъ болѣе пылкихъ гимновъ объективному и безстрастному искусству, чѣмъ первые манифесты натурализма, отвергавшіе искусство идейное. Падала стѣна между наукой и искусствомъ; изящная литература представлялась лишь формой естествознанія; скальпель анатома отнынѣ становился идейнымъ символомъ художественнаго творчества.

Какъ бы отвѣчая на эти преувеличенія, судьба заставила Зола закончить свою дѣятельность романомъ, насквозь субъективнымъ, автобіографическимъ и откровенно-тенденціознымъ. Не надо быть чрезмѣрно догадливымъ, чтобы съ первыхъ страницъ романа видѣть, что въ исторіи провинціальнаго учителя Марка Фромана, самоотверженно вступившагося за своего злополучнаго товарища еврея Симона, при посредствѣ гнусно подстроеннаго обвиненія загубленнаго клерикалами, Зола разсказалъ о дѣлѣ Дрейфуса и своемъ участіи въ немъ. Изъ процесса о государственной измѣнѣ сдѣланъ процессъ о гнусномъ надругательствѣ надъ ребенкомъ, офицеръ генеральнаго штаба превращенъ въ учителя городской школы, но въ общемъ сохранены всѣ детали: обвиняемый также еврей, нападаетъ на него та же клика іезуитовъ и аристократовъ, рѣшившая на этомъ громкомъ процессѣ окончательно основать свое нераздѣльное могущество въ демократической республикѣ. Старые

знакомцы изъ потрясшей міръ эпопеи встаютъ передъ нами подъ новыми именами и заставляютъ вновь переживать былыя волненія за судьбу истины и правосудія, воплощенную въ несчастномъ, безразличномъ по существу, человѣкѣ. Здѣсь есть и истинный виновникъ преступленія, монахъ Горгій, во всемъ—вплоть до опоздавшаго и нелѣпаго сознанія—повторяющій пресловутаго Эстергази, и прикрывшая его грѣхи разнообразная серія представителей католическаго духовенства, и идейный адвокатъ Дельбо-Лабори, и предсѣдатель суда, противозаконно сообщающій присяжнымъ подложный документъ, неизвѣстный защитѣ, и одинъ изъ присяжныхъ, лишь впослѣдствіи разсказавшій объ этомъ, и одурманенное лживой агитаціонной кампаніей провинціальное общество, и безпристрастный кассаціонный судъ, и вторичное обвиненіе, и помилованіе, принятое съ сокрушеннымъ сердцемъ изстрадавшимся человѣкомъ, и, наконецъ, даже полное оправданіе невиннаго страдальца, самостоятельно провозглашенное кассаціоннымъ судомъ и осуществляемое въ дѣлѣ Дрейфуса лишь въ наши дни, черезъ четыре года послѣ того, какъ оно было предуказано въ романѣ Зола,—словомъ, здѣсь собраны и воскрешены всѣ тѣ драматическіе эпизоды, которые теперь стали такъ далеки отъ насъ и которые вновь дѣлаютъ намъ близкимъ детальный и послѣдовательный разсказъ. Его сила въ этихъ деталяхъ. По обыкновенію, Зола умѣло охватилъ всю громадную массу подробностей, фигуръ, положеній, далъ общіе характеристики, распланировалъ ходъ событій. Романъ великъ, но не громоздокъ. Интересныхъ фигуръ въ немъ, конечно, нѣтъ: его авторъ давно удовлетворяется несложными схемами; по обыкновенію, его герой не тотъ, вокругъ судьбы или вокругъ дѣятельности котораго вращается содержаніе романа, но нѣчто болѣе широкое, болѣе отвлеченное, какъ показываетъ самое названіе романа. Самое привлекательное въ немъ—его непоколебимый, здоровый оптимизмъ, вышедшій изъ широкаго гуманитарнаго міровоззрѣнія. Этотъ оптимизмъ приводитъ Зола на послѣднихъ страницахъ его романа къ соціальной утопіи всеобщаго мира и благополучія. Если эта утопія золотого вѣка не всѣмъ сообщитъ ту вѣру, которая диктовала ее автору, то всѣмъ внушитъ глубокое уваженіе къ этой вѣрѣ; она-то и творитъ чудеса. Ясно, что если бы Зола вѣрилъ только въ невинность Дрейфуса, но не былъ проникнутъ этой могучей вѣрой въ то, что будущее человѣчества прекрасно, что оно сдѣлаетъ такія осужденія невинныхъ просто немыслимыми, то у него, конечно, не хватило бы той громадной энергіи, которую онъ съ такимъ успѣхомъ проявилъ въ славномъ эпизодѣ своей общественной дѣятельности.

А. Шницлеръ. Повѣсти и разсказы (Полное собраніе сочиненій. Томъ V). Изд. В. М. Саблина. Москва. 1906.

Шницлеръ пользуется настолько широкой извѣстностью въ Россіи, и какъ драматургъ, и какъ беллетристъ, что полное собраніе его сочиненій, предпринятое г. Саблинымъ, является совершенно понятнымъ. Понятно также, что издатель счелъ необходимымъ пополнить короткую замѣтку Брандеса о Шницлерѣ, приложенную къ первому тому собранія сочиненій, болѣе подробнымъ этюдомъ о крупнѣйшемъ изъ новыхъ австрійскихъ писателей. Къ сожалѣнію, однако, приложенный къ тому: «Повѣсти и разсказы» *) критическій очеркъ о Шницлерѣ (къ слову замѣтить, переведенный тяжелымъ и неяснымъ языкомъ) страдаетъ, въ числѣ другихъ, тѣми же самыми недостатками, которые нами были отмѣчены по поводу полнаго собранія сочиненій Уайльда, выпускаемаго тѣмъ же книгоиздательствомъ. Опять передъ русскимъ читателемъ сравнительная характеристика, основанная на спеціальныхъ данныхъ нѣмецкой литературы, хотя Шницлеръ уже давно, въ отдѣльныхъ произведеніяхъ, переводится на русскій языкъ и, такимъ образомъ, скорѣй онъ могъ бы быть привычною для русскихъ читателей мѣркою для Анценгрубера, Гофманстaля и др., въ случаѣ изданія ихъ въ русскомъ переводѣ, чѣмъ наоборотъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Едва ли также русскіе читатели Шницлера во всемъ сойдутся съ точкой зрѣнія автора критическаго очерка о Шницлерѣ. Прочтите хотя бы то, что говоритъ онъ по поводу «Забавы». По словамъ критика, это «наиболѣе зрѣлое художественное проявленіе Шницлера», и онъ подробно останавливается на внутренней коллизіи въ этой драмѣ, сдѣлавъ мимоходомъ (къ свѣдѣнію поэтовъ, какъ онъ выражается) нѣсколько порядкомъ пошловатыхъ замѣчаній о томъ, что «нѣтъ ничего трагичнаго въ томъ, если мужчина бросаетъ свою любовницу, чтобы жениться на другой» и т. п. Для русскаго же читателя «Забава» раскрываетъ какой-то чуждый уголокъ чужой жизни, которую не поймешь безъ толковаго путеводителя. Въ самомъ дѣлѣ, интеллигентная и честная дѣвушка, подъ давленіемъ убожества своей жизни, флиртующая съ лейтенантомъ запаса, у котораго есть еще одна связь—съ «дамой изъ общества»; интеллигентная дѣвушка, которая участвуетъ въ холостой пирушкѣ на квартирѣ этого лейтенанта, пьетъ брудершафтъ не только съ нимъ, но и съ его пріятелемъ, тоже обладателемъ драгунскаго мундира по запасу, сожительствующимъ съ модисткою, которая тоже участвуетъ въ холостой пирушкѣ, твердо вѣря, что инымъ путемъ женщинѣ-работницѣ никакихъ красочныхъ элементовъ въ жизни не извѣдать; смерть перваго изъ лейтенантовъ на дуэли съ мужемъ дамы изъ

---

*) Это не совсѣмъ правильное заглавіе: главную часть (двѣ трети) книги составляютъ двѣ пьесы и очеркъ о Шницлерѣ.

общества, получившимъ въ свои руки письма ея «друга», и горькое отчаяніе дѣвушки, что она была забавой больше, чѣмъ она думала: она не ожидала, что человѣкъ, которому она «отдалась», на ней женится, но она думала, что во время этой временной связи она будетъ всетаки *единственною,*—все это для русскаго читателя требуетъ не только одного перевода съ нѣмецкаго языка на русскій, но и съ разумѣнія по спеціально вѣнскому шаблону на разумѣніе русское. Русскому читателю нужно еще понять, какія условія изуродовали и приспособили чистую дѣвушку до готовности примириться съ такимъ минимумомъ счастья, а авторъ критической статьи, приложенной къ V тому, ограничивается замѣчаніемъ, что трагедія Шницлера «логично» и «естественно» вытекаетъ изъ «веселаго флирта», изъ «забавы». Сравнивая драму (вообще) съ симфоніей, критикъ находитъ, что первый актъ «Забавы» (гдѣ героиня пьетъ брудершафтъ съ лейтенантами) напоминаетъ «веселый маршъ, въ который неожиданно врываются нѣсколько угрожающихъ, тяжелыхъ нотъ». Для русскаго читателя, въ противность этому мнѣнію (въ замѣткѣ Брандеса, приложенной къ первому тому, тоже говорится о веселомъ первомъ актѣ), и въ первомъ актѣ нѣтъ никакихъ признаковъ никакого «веселаго марша»... Замѣтимъ вообще, что и «Забава», и, вообще, горячія пьесы Шницлера о женской долѣ могли бы имѣть крупный успѣхъ у русскихъ читателей, если бы были написаны лѣтъ 30—40 тому назадъ, когда русская общественная мысль была серьезно занята вопросами такого рода.

А сейчасъ это пережитая стадія въ культурномъ развитіи русской интеллигенціи, и горячій тонъ Шницлера подчасъ имѣетъ, съ русской точки зрѣнія, характеръ нѣсколько неоправдываемаго возбужденія по поводу вещей, которыя сами собой разумѣются.— Этого какъ-разъ не приняли во вниманіе издатель и переводчики австрійскаго драматурга и поэта женщины съ ея долей и недолей.

К. К. Арсеньевъ. Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика (Библіотека „Свѣточа“). СПБ. 1906. 278 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

В. И. Семевскій. Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова (Изданіе Н. Парамонова). Ростовъ на Дону. 102 стр. Ц. 20 коп.

Полувѣковая годовщина «Губернскихъ Очерковъ» ознаменована появленіемъ двухъ трудовъ, названныхъ выше. Оба они извѣстны читающей публикѣ; но, затерянные въ старыхъ книжкахъ журнала и мало популярнаго сборника, они извѣстны гораздо менѣе, чѣмъ слѣдовало.

Содержаніе очерковъ К. К. Арсеньева опредѣлилось его взглядами на сущность сатирическаго творчества. «Романъ, при равен-

ствѣ остальныхъ условій,—говоритъ онъ въ заключительной главѣ—гораздо сильнѣе врѣзывается въ память, гораздо чаще перечитывается, чѣмъ сатира,—въ особенности сатира безличная, публицистическая, какою она часто бывала у Салтыкова. У нея нѣтъ того твердаго остова, какимъ служитъ дѣйствіе въ романѣ; ея составныя части не такъ легко цѣпляются одна за другую и легче упускаются изъ виду. Подчеркивать, освѣщать ихъ внутреннюю связь—дѣло критики». Эта задача исполнена въ книгѣ К. К. Арсеньева. Онъ представилъ, такъ сказать, путеводитель по Щедрину, мало останавливаясь на художественныхъ элементахъ его творчества и сосредоточиваясь по преимуществу на публицистической сторонѣ. Исторія эпохи по Щедрину—таковъ основной интересъ автора очерковъ. Они появились въ ту темную эпоху, когда чудилась опасность, что тѣ эстетико-патріотическія нападенія на Щедрина, о которыхъ едва ли кто-либо вспоминаетъ въ наше время, могутъ имѣть успѣхъ, когда казалось, что неумѣстно отвѣчать на «критику» большихъ и малыхъ Катковыхъ однимъ презрительнымъ молчаніемъ. К. К. Арсеньевъ принялъ на себя эту не трудную, но тѣмъ болѣе тягостную для самостоятельной мысли задачу. Теперь даже странно слышать, что «кто хочетъ близко подойти къ Салтыкову и разсмотрѣть его настоящій, неискаженный обликъ, тотъ долженъ пробиться сквозь цѣлый лѣсъ недоразумѣній, опрокинуть цѣлый рядъ преградъ, воздвигнутыхъ недобросовѣстностью или непониманіемъ». Правда, Щедринъ и до сихъ поръ не изученъ критикой, но теперь ужъ едва ли чувствуется необходимость защищать его отъ указаній Страхова, что «вся эта пресловутая сатира есть нѣкотораго рода ноздревщина и хлестаковщина, съ большой прибавкой Собакевича»; и, разумѣется, невѣроятнымъ, только забавнымъ въ своей гнусности анекдотомъ звучитъ скорбный гласъ вопіющаго въ пустынѣ Щебальскаго: «Аракчеевъ молчитъ въ своей могилѣ; за безшабашныхъ совѣтниковъ, за Удава, за Дыбу, за Твердоонто никто не можетъ заступиться, потому что ихъ прикрылъ *рабій языкъ*... Молчитъ и цензура: ей что за дѣло до всѣхъ этихъ покойниковъ и псевдонимовъ?.. А публика смѣется, и рубли сыплются въ шапку ловкаго забавника». Защищать сатиру Щедрина отъ инсинуацій Щебальскаго: какъ далеки мы теперь отъ этой необходимости... Но едва ли есть также надобность отвѣчать на вопросы о «практическихъ результатахъ» этой сатиры, особенно въ той формѣ, въ какой эти вопросы ставились ея политическими противниками. И, право, напрасно г. Арсеньевъ снисходитъ до объясненій, что «она освѣжаетъ воздухъ, поддерживаетъ движеніе, необходимое для жизни, сигнализируетъ подводные камни, предвѣщаетъ перемѣны погоды, разгоняетъ апатію и дремоту; она вызываетъ тысячи мимолетныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ слагается незамѣтный, но цѣнный вкладъ въ общественную жизнь». Трудно сказать, для кого написаны эти слова: они слишкомъ не убѣдительны для враговъ и абстрактны для друзей,

абстрактны, впрочемъ, какъ почти вся характеристика сатиры Щедрина въ заключительной главѣ полезной книги К. К. Арсеньева.

Конкретнѣе и потому содержательнѣе выполнена ограниченная тема, изслѣдованная въ небольшой работѣ В. И. Семевскаго. Какъ матеріалы, захваченные имъ, такъ и сдѣланные изъ нихъ выводы шире вопроса, названнаго въ заглавіи книжки. Авторъ останавливается не только на отраженіи крѣпостнаго права и крестьянской реформы въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова, но и на той культурно-политической обстановкѣ, въ которой подготовлялось освобожденіе крестьянъ; на раннемъ увлеченіи Салтыкова сенсимонизмомъ, который казался ему фурьеризмомъ, на его отношеніяхъ къ кружку петрашевцевъ, на дворянскихъ вожделѣніяхъ и помѣщичьемъ либерализмѣ эпохи реформъ. Центромъ общей характеристики является та блестящая картина дореформеннаго крѣпостничества, которую представилъ Салтыковъ въ «Пошехонской старинѣ». Для своего времени это замѣчательное произведеніе имѣло, быть можетъ, меньше значенія, чѣмъ сатирическія сочиненія, но тѣмъ продолжительнѣе и устойчивѣе его значеніе въ будущемъ, когда оно станетъ незамѣнимымъ источниковъ для историка въ такой же степени, какъ для психолога; психологія рабства едва ли будетъ полна и закончена безъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ и обобщеній, представленныхъ въ послѣднемъ трудѣ великаго сатирика, который не только на склонѣ дней умѣлъ быть объективнымъ историкомъ. Заключительная глава работы В. И. Семевскаго связываетъ охарактеризованные непосредственно передъ этимъ взгляды Салтыкова на крестьянскій міръ и его горячую любовь къ обездоленному народу съ его общимъ соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ. Оно не разъ вызывало споры, даже при жизни сатирика, котораго не одни противники укоряли въ отсутствіи опредѣленнаго знамени, въ томъ, что онъ «бьетъ своихъ». В. И. Семевскій съ полнымъ правомъ находитъ въ своемъ изслѣдованіи исчерпывающія доказательства того, что «Салтыковъ былъ человѣкъ вполнѣ опредѣленнаго направленія, что тѣ, которыхъ онъ бичевалъ своею сатирою, не были для него «своими» людьми».

Публицисту и историку принадлежатъ два почтенные труда, разсмотрѣнные нами: вполнѣ законныя точки зрѣнія на писателя, который всѣмъ своимъ существомъ принадлежалъ политической борьбѣ своего времени. Но онъ былъ великій *писатель*—и съ этой стороны онъ не только не изученъ, но и не оцѣненъ до сихъ поръ. Равный по своему неповторяемому своеобразію самымъ крупнымъ русскимъ писателямъ, онъ пользуется вниманіемъ критиковъ менѣе, чѣмъ вниманіемъ читателей. Это свидѣтельствуетъ, впрочемъ, не столько объ отсутствіи доброй воли, сколько о безсиліи критики разобраться въ творчествѣ, столь оригинальномъ и самобытномъ. Если у насъ есть писатель, котораго ужъ совершенно невозможно свести ни къ какимъ литературнымъ вліяніямъ, ни къ какой

школѣ, то это, конечно, Салтыковъ. И потому его достойная оцѣнка можетъ быть лишь продуктомъ настоящаго критическаго творчества, столь же самобытнаго, какъ творчество Щедрина. Салтыковъ ждетъ равнаго себѣ истолкователя.

Это, конечно, не мѣшаетъ рядовому читателю находить пока бездну наслажденія и поученія въ великолѣпныхъ страницахъ Щедрина. О нихъ часто напоминаетъ К. К. Арсеньевъ, щедро и умѣло цитируя то глубокую мысль, то мѣткое словечко, то забавную бутаду. И каждое слово, каждая мысль вновь и вновь убѣждаетъ читателя, что никогда Щедринъ не былъ болѣе живъ, чѣмъ въ наши дни. Чѣмъ-то пророческимъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, изъ которыхъ каждая находитъ иллюстрацію въ любомъ номерѣ газеты. Беремъ случайный примѣръ изъ «За рубежомъ»: «Журналистъ Менандръ все надсѣдался-курлыкалъ: наше время не время широкихъ задачъ, а пришелъ тайный совѣтникъ Петръ Толстолобовъ, крикнулъ: ты что тутъ революцію распространяешь... брысь!—и слопалъ Менандра».

Чѣмъ не печальная судьба г. Нотовича? Даже тайный совѣтникъ *Петръ* Толстолобовъ предугаданъ...

Морисъ Бургэнъ. Современныя соціалистическія системы и экономическое развитіе. Пер. съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Е. Кудрина. Спб. 1906. Цѣна 2 р. 50 к.

Редакторъ перевода не безъ основанія говоритъ въ предисловіи, что книга Бургэна представляетъ собою знаменательное явленіе на почвѣ Франціи. Страна, гдѣ классовое господство буржуазіи окрашиваетъ въ такой сильной степени политическую исторію, вплоть до послѣднихъ десятилѣтій отличалась мѣщанскимъ характеромъ и въ области экономической теоріи. Великіе французскіе соціалисты XIX-го вѣка прошумѣли—чтобы употребить выраженіе Лассаля—какъ журавли надъ головой своихъ буржуазныхъ соотечественниковъ. Французская оффиціальная наука о народномъ богатствѣ глубоко проникнута идеями третьяго сословія. Лишь какіе-нибудь десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ сильное развитіе соціализма во Франціи, идущее параллельно съ его развитіемъ во всемъ мірѣ, подѣйствовало рикошетомъ и на характеръ экономической литературы. Создалась цѣлая такъ называемая Нимская школа, во главѣ съ профессоромъ Шарлемъ Жидомъ, который явился на почвѣ Третьей республики страстнымъ проповѣдникомъ кооперація и защитникомъ идеи солидарности, союза трудящихся, въ противоположность единоспасающему, по мнѣнію рутинныхъ французскихъ экономистовъ, принципу конкурренціи, этой хозяйственной «войны всѣхъ противъ всѣхъ».

Разумѣется, это еще не соціализмъ, по крайней мѣрѣ не настоящій соціализмъ, но это такое теченіе, которое создаетъ

благопріятную для него атмосферу среди широкихъ, пока не початыхъ мыслью общественныхъ слоевъ. Книга Бургэна отчасти носитъ на себѣ слѣды вліянія именно этого теченія, а отчасти отражаетъ болѣе непосредственное воздѣйствіе на буржуазную интеллигенцію уже настоящаго соціалистическаго міросозерцанія, проникнувшаго во французскіе университеты, благодаря высокоталантливымъ выходцамъ изъ третьяго сословія, въ родѣ Жана Жорэса.

Какъ бы то ни было, Бургэнъ, хоть и не будучи соціалистомъ, хоть и останавливаясь па полдорогѣ—какъ въ своей критикѣ современнаго общества, такъ и въ положительныхъ идеалахъ будущаго строя, всетаки имѣетъ то общее съ соціалистами, что уже больше не вѣритъ въ вѣчность капиталистическаго строя и не боится даже представлять себѣ возможность коренного измѣненія въ «институтахъ частной собственности и саларіата» (стр. VIII).

Трудъ Бургэна распадается на двѣ части, каждая изъ которыхъ въ свою очередь состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первой части авторъ излагаетъ «теоріи и системы соціалистическаго общества», при чемъ въ первомъ отдѣлѣ, или «книгѣ», онъ разсматриваетъ ученія чистаго коллективизма, основаннаго исключительно на приложеніи къ общественному производству мѣрила труда, а во второмъ—смѣшанныя, ублюдочныя системы соціализма, сохраняющія для функціонированія общественнаго хозяйства игру спроса и предложенія. Эта первая часть, мы полагаемъ, заинтересуетъ читателя особенно тѣмъ, что въ ней дѣлается попытка резюмировать различные планы будущаго общества, планы, входить въ подробности которыхъ не особенно любятъ соціалисты нашего времени, считая это черезчуръ утопичнымъ и мало производительнымъ занятіемъ. Между тѣмъ, людей, начинающихъ интересоваться міровоззрѣніемъ труда, очень часто привлекаетъ именно желаніе нарисовать себѣ картину будущаго строя въ духѣ соціалистическаго ученія.

Вторая часть книги посвящена если не совсѣмъ объективному (вслѣдствіе склонности автора къ бернштейніанству), то все же добросовѣстному и довольно подробному пересмотру тѣхъ «фактовъ экономическаго развитія», которые вызывали появленіе соціалистическихъ теорій или же оживленно обсуждаются въ литературѣ этого направленія, и служатъ предметомъ зачастую очень горячихъ споровъ между практическими дѣятелями соціализма. Здѣсь читатель найдетъ аргументацію за и противъ фатальности концентраціи капиталовъ, по поводу границъ приложенія законовъ промышленнаго развитія къ земледѣлію, и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь сообщаются факты, касающіеся современнаго распространенія коопераціи, профессіональныхъ союзовъ хозяевъ и рабочихъ, постепеннаго усиленія экономической роли государства и муниципалитетовъ, и т. д.

Дополненіемъ къ этой части можно разсматривать «приложенія»,

въ извѣстномъ смыслѣ составляющія третью часть книги. Здѣсь приведены цѣликомъ или резюмированы статистическія данныя важнѣйшихъ странъ, касающіяся эволюціи промышленности, земледѣлія, торговли; пропорціи хозяевъ и наемныхъ рабочихъ, распредѣленія, мобилизацій и задолженности крестьянскаго землевладѣнія; состоянія коопераціи и различныхъ профессіональныхъ союзовъ, муниципализированныхъ отраслей промышленности, и т. д. Эти приложенія даютъ читателямъ довольно значительный матеріалъ цифръ и обобщеній, который можетъ оказать ощутительную услугу въ наше время лицамъ, интересующимся и теоретически, и практически соціальнымъ движеніемъ.

Въ общемъ же книга Бургэна, серьезно, но удобопонятно написанная и вполнѣ добросовѣстно переведенная, представляетъ собою немаловажный вкладъ въ литературу теоріи и практики соціализма, играющаго нынѣ такую роль въ жизни народовъ. Мы рекомендуемъ это сочиненіе мыслящей публикѣ, которая не можетъ вѣчно удовлетворяться короткими брошюрами и ищетъ болѣе обстоятельныхъ трудовъ по общественнымъ вопросамъ.

П. И. Люблинскій. Преступленія противъ избирательнаго права. Выборы и уголовно-правовая защита ихъ. С.-Петербургъ, 1906 г. Стр. 280. Ц. 75 коп.

Книжка г. Люблинскаго распадается на три части. Въ первой дѣлается очеркъ уголовной защиты избирательнаго права въ Англіи, Франціи и Германіи. Здѣсь же мы находимъ и опредѣленіе началъ уголовнаго избирательнаго права. Совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ, что «чѣмъ больше строй представительства соотвѣтствуетъ распредѣленію реальныхъ силъ, чѣмъ сильнѣе дисциплинированы и организованы отдѣльныя партіи», тѣмъ меньше необходимости въ примѣненіи уголовнаго права къ избирательной процедурѣ. Правъ авторъ, когда считаетъ «другимъ условіемъ здороваго избирательнаго права соотвѣтствіе организаціи выборовъ и власти органовъ представительства». Жаль только, что авторъ не указываетъ здѣсь главной причины подавляющаго большинства злоупотребленій избирательнаго права, а именно: заложеннаго въ капиталистической системѣ хозяйства соціальнаго неравенства и основанной на немъ политической плутократіи.

Во второй части своей книжки г. Люблинскій разбираетъ квалификацію отдѣльныхъ преступленій противъ избирательнаго права и пробуетъ выдѣлить изъ законодательства современныхъ европейскихъ державъ наилучшіе образцы для отечественнаго законодательства; въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ законовъ указанныхъ трехъ странъ, цитируются также итальянскіе, датскіе, венгерскіе и т. п. законы вплоть до болгарскихъ и финляндскихъ. Авторъ идетъ здѣсь путемъ строгаго юридическаго анализа и даетъ очень много цѣнныхъ указа-

ній. Нельзя только не пожалѣть, что авторъ не всегда указываетъ въ точности свои источники, и можно предположить, что во многихъ случаяхъ онъ пользовался очень устарѣлыми данными русскаго перевода изъ Марквардсеновскаго сборника.

Въ третьей части г. Люблинскій дѣлаетъ обзоръ русскаго законодательства въ данной области и, какъ и слѣдовало ожидать, приходитъ къ крайне печальнымъ выводамъ; эти выводы тѣмъ болѣе справедливы, что авторъ писалъ свою книгу еще до послѣднихъ законодательныхъ актовъ нашей «конституціонной» эпохи, которые не только восполнили всѣ наши «пробѣлы», но и, можно сказать, однимъ махомъ опередили всю Европу. Въ одномъ отношеніи, однако, наше новое законодательство должно утѣшить г. Люблинскаго. На стр. 187 своей книжки онъ очень скорбитъ о томъ, что «за побужденіе къ отказу отъ избирательнаго права» по нашему старому закону «грозитъ только денежная пеня и факультативное краткосрочное, тюремное заключеніе». «При такихъ условіяхъ,—замѣчаетъ авторъ,—не можетъ считаться преступною агитація какой-либо партіи, рѣшившей бойкотировать выборы, сопряженная даже съ угрозами, однако не настолько тяжкими, чтобы онѣ могли быть признаны наказуемыми по ст. 1545». Теперь, какъ извѣстно, этотъ пробѣлъ въ нашемъ выборномъ «законодательствѣ» возмѣщенъ, а на страхъ и посрамленіе всѣмъ негоднымъ бойкотистамъ, выработаны тѣ нормы, которыхъ такъ жаждалъ г. Люблинскій.

Не можемъ мы также согласиться съ авторомъ въ его розовыхъ надеждахъ на то, что «уголовное избирательное право можетъ связать крѣпкою связью выработанный избирательный строй съ государственною жизнью народа и положитъ фундаментъ для его прочнаго существованія». Увы! мы болѣе пессимистически настроены. Мы слишкомъ хорошо знаемъ тѣ соціальныя цѣпи, которыми связаны якобы свободные избиратели; мы слишкомъ достаточно ознакомлены съ практикой капиталистическихъ круговъ на Западѣ, чтобы предаваться иллюзіямъ на счетъ того «фундамента», о которомъ говоритъ г. Люблинскій. Никакое уголовное право и никакіе суды не были въ состояніи до сихъ поръ удержать отъ злоупотребленій сильное капиталами меньшинство въ противозаконномъ пользованіи избирательной механикой и въ терроризаціи неимущихъ народныхъ массъ. Уголовное право—только жалкій палліативъ, который къ тому же всегда находится въ рукахъ привилегированнаго класса образованія и достатка. Надѣяться на этотъ палліативъ особенно нечего...

Книжка г. Люблинскаго можетъ быть полезна юристамъ, занимающимся вопросами избирательнаго права, а также тѣмъ русскимъ законодателямъ, которые и на самомъ дѣлѣ будутъ законодательствовать. Желательно ожидать въ ея новомъ изданіи разбора новыхъ правилъ объ уголовной защитѣ избирательнаго права въ

Россіи, желательно также, чтобы авторъ избѣгалъ такихъ русскихъ словъ какъ «миздиминоръ».

Н. П. Дружининъ. Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права, съ изложеніемъ предположеній о реформѣ въ Россіи и законы о Государственной Думѣ. Москва. 1906. Стр. VII+320.

Г. Дружининъ не въ первый разъ выступаетъ съ брошюрами популярно-юридическаго содержанія. Но обложкѣ его книги длинный списокъ подобныхъ брошюръ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ сейчасъ въ рукахъ ни одной изъ нихъ, но мы хорошо помнимъ эти брошюры,—особенно же его «общепонятное законовѣдѣніе» и «русское государственное, гражданское и уголовное право» въ популярномъ изложеніи. Уже тамъ г. Дружининъ проявилъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ является въ превосходной степени въ разбираемой нами книжкѣ: г. Дружининъ не правовѣдъ, или ученый юристъ. Менѣе всего онъ теоретикъ права. Г. Дружининъ есть то, что характернѣе всего обозначается словомъ «законовѣдецъ» или, какъ выражались въ старину, «законоискусникъ».

Будучи поэтому прямымъ наслѣдникомъ всевозможныхъ Горюшкиныхъ и Хапылевыхъ, г. Дружининъ можетъ толково дѣлать свое дѣло въ области сокращеннаго переложенія своими словами тѣхъ или другихъ статей закона. На эту скучную и неинтересную работу у него имѣется достаточно добросовѣстности и прилежанія, а извѣстный практическій навыкъ придаетъ его компиляціямъ нѣкоторое значеніе въ качествѣ справочниковъ для россійскаго обывателя. И покуда г. Дружининъ остается въ сферѣ «законовѣдѣнія» и продолжаетъ работу старыхъ «глоссаторовъ» и «комментаторовъ», онъ можетъ сдѣлать что-нибудь полезное для юридически безграмотнаго населенія; и если бы г. Дружининъ ограничился лишь подобной задачей, онъ, несомнѣнно, почитался бы не плохимъ составителемъ всякихъ календарей и указателей по дѣйствующему русскому праву.

Но г. Дружининъ хочетъ непремѣнно быть чѣмъ-то большимъ. Онъ не только передаетъ содержаніе статей свода законовъ,—онъ еще пытается углублять ихъ содержаніе яко бы научными соображеніями, критиковать ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности и разныхъ общественныхъ идеаловъ. Мало того, онъ прямо пытается стать пропагандистомъ политической программы русскихъ «земскихъ людей» или попросту партіи нашихъ парламентарныхъ кадетовъ. Такой многосторонности не выносятъ ни эрудиція, ни навыки нашего «законоискусника», и въ своихъ «Избирателяхъ и народныхъ представителяхъ» онъ даетъ намъ нѣчто въ высшей степени странное.

Прежде всего г. Дружинина въ качествѣ «законоискусника», а

не ученаго юриста, поставило въ величайшее затрудненіе то обстоятельство, что тогда, когда онъ писалъ свою книжку, еще не было пресловутой русской конституціи 20 февраля, а конституція, изданная 6 августа, была уже не только для комментированія, но и для жизни явно негодна. По существу у г. Дружинина еще не было пригоднаго матеріала для его «компиляцій», и вотъ нашъ «законоискусникъ», въ своемъ нетерпѣніи и «глоссаторскомъ» рвеніи, рѣшилъ использовать для дѣла, съ одной стороны, общій шаблонъ такъ называемаго конституціоннаго или правоваго государства, а съ другой—конституціонные проекты и домогательста русскихъ «земскихъ людей», а также мертвыя кости булыгинской Думы. Набравъ въ качествѣ матеріала всѣ эти частію неопредѣленныя, частію преходящія и даже отжившія вещи, онъ и приступилъ къ своей, такъ сказать, профессіональной работѣ.

Въ первой части своей книги г. Дружининъ тяжелымъ языкомъ законовѣдца сооружаетъ шаблонъ общихъ конституціонныхъ началъ и съ добросовѣстностью присяжнаго проводника разсказываетъ намъ о томъ, что конституція есть конституція, что права гражданъ суть права гражданъ, а раздѣленіе властей есть не что иное, какъ раздѣленіе властей. Для иллюстраціи здѣсь дѣлаются большія выписки изъ разныхъ европейскихъ актовъ, при чемъ этого удостоились даже пресловутыя права пруссаковъ по прусской контръ-революціонной конституціи 1850 года. Для характеристики тѣхъ комментаріевъ, которыми г. Дружининъ глубокомысленно снабжаетъ свой безцвѣтный конституціонный шаблонъ, приведемъ хотя бы его описаніе «гражданина». Какъ оказывается, это «высокое званіе»; только люди, удостоенные этого званія, могутъ обезпечивать всѣмъ членамъ общества «примиреніе ихъ интересовъ и достиженіе ими своихъ цѣлей безъ нарушенія интересовъ другихъ». По воззрѣнію г. Дружинина «граждане», такъ сказать, по должности обладаютъ высокими добродѣтелями: «интересы различныхъ слоевъ населенія—говоритъ онъ—могутъ быть различны. До извѣстной степени они могутъ быть даже противоположны. Но жить въ обществѣ и имѣть вліяніе на его порядки значитъ не только поступаться своими интересами, но и доставлять торжество противоположнымъ интересамъ, если этого требуетъ справедливость, общее благо». И это совершить можетъ только общество гражданъ, т. е. «людей, располагающихъ возможностью сообща разрѣшать государственныя дѣла, и сознающихъ твердо и ясно, какъ это нужно дѣлать и что необходимо дѣлать для того, чтобы сохранить достоинство гражданина».—Порядочная абракадабра, неправда ли? И въ этомъ духѣ нашъ «законоискусникъ» комментируетъ ту выжимку изъ конституціоннаго права, которую онъ изготовилъ, вываривъ изъ нея всю историческую и соціальную основу.

Вторую часть своей книжки г. Дружининъ озаглавливаетъ слѣдующимъ образомъ: «Россія, нуждающаяся въ реформахъ и учре-

жденіи Государственной Думы». Этотъ отдѣлъ представляетъ изъ себя самый рѣдкій венегретъ, который намъ когда-либо приходилось видѣть. Бѣдный «законоискусникъ» старается здѣсь столь же безуспѣшно представить изъ себя политика, какъ выше онъ изобразилъ теоретика конституціоннаго права. Прежде всего, онъ устремляется здѣсь къ дѣйствующему законодательству, къ тому самому, которое прежде онъ излагалъ съ спокойствіемъ истиннаго комментатора, взирающаго безъ гнѣва на правыхъ и виноватыхъ. Теперь нашъ толковникъ законовъ уже не столь спокоенъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ онъ сильно шагнулъ на лѣво и погрузился въ волны негодованія. «Гдѣ свобода совѣсти?» вопрошаетъ онъ. И въ русскомъ законѣ ея не находитъ. «Гдѣ свобода слова?» вопрошаетъ онъ далѣе. И оной также не находитъ. «Гдѣ личная свобода?» обращается онъ вотще къ русскому закону и абіе не находитъ ея. «Гдѣ свобода труда?»—уже съ отчаяніемъ вопрошаетъ нашъ законовѣдецъ сводъ законовъ и заключаетъ: «нужно ли продолжать? это было бы слишкомъ долго. Рѣчь идетъ объ элементарныхъ правахъ». «Ихъ нѣтъ. Они не выражены, не воплощены въ законодательствѣ, они не обезпечены». И послѣ этого, снабдивъ неизмѣримымъ количествомъ многочій свои ужасы по поводу «ихъ» отсутствія, г. Дружининъ «формулируетъ основную потребность нашего времени». Впрочемъ, какъ оказывается, это не одна потребность, а цѣлый рядъ ихъ. Онѣ формулируются слѣдующимъ образомъ: «потребности, развившіяся въ странѣ, должны быть надлежащимъ образомъ выяснены. Для ихъ удовлетворенія должно быть изыскано надлежащее средство. Законодательство должно получить необходимое развитіе. Оно должно быть развито въ цѣломъ рядѣ отношеній; практика должна быть освобождена отъ всѣхъ противорѣчивыхъ толкованій, разъясненій, правилъ, изданныхъ въ его развитіе властью административною. Оно должно быть обезпечено въ отношеніи соблюденія примѣненія, путемъ установленія отвѣтственности властей и организацій общественнаго надзора. Ему должно быть обезпечено и дальнѣйшее развитіе. Должны быть созданы условія, при которыхъ оно могло бы и впредь слѣдовать за жизнью,—не мѣшать, а содѣйствовать правильному разрѣшенію въ ней постоянно возникающихъ новыхъ отношеній», и т. д. Все это сводится къ одному: необходимо «усовершенствованіе законодательства, обезпеченіе ему всѣми возможными формами дальнѣйшаго развитія и соблюденія, осуществленія законности въ лучшемъ смыслѣ этого слова». «И чѣмъ дольше откладывается» все сіе, «тѣмъ большія разстройства будутъ терпѣть многообразныя отношенія милліоннаго населенія,—и тѣмъ тяжелѣе сдѣлается общая отвѣтственность за послѣдствія»... И тутъ же, чтобы спасти «многообразныя» отношенія, нашъ авторъ обращается къ единственной сокровищницѣ, къ «русскимъ земскимъ людямъ» и у нихъ почер-

паетъ матеріалъ для изображенія правъ человѣка и гражданина «въ интересахъ личности и гражданственности»...

Доселѣ о правахъ человѣка! Въ остальной части своей книги г. Дружининъ производитъ различныя мѣропріятія законоискусства надъ «законностью, надъ ея истинномъ содержаніемъ и ея гарантіяхъ». Съ величайшей подробностью и серьезностью толкуетъ онъ здѣсь глубокія истины, заключенныя въ пресловутомъ декабрьскомъ указѣ 1904 года. Съ неменьшимъ глубокомысліемъ путешествуетъ нашъ законоискусникъ по русскимъ старымъ основнымъ законамъ и извлекаетъ изъ нихъ перлы, въ которыхъ «равенство предъ закономъ» «выражается значительно ярче, тверже, образнѣе, чѣмъ это дѣлается въ указѣ 12 декабря 1904 г.». И съ неменѣе серьезнымъ видомъ проникаетъ г. Дружининъ въ тайны зерцала, этой «трехгранной фигуры, находящейся на столѣ въ каждомъ присутсрвенномъ мѣстѣ». И здѣсь онъ испытуетъ указы, начерченные на зерцалѣ, а также изъясняетъ этотъ символъ, утверждающій «необходимость и обязанность знанія законовъ должностными лицами». Посвящаются подробныя разсужденія и порядку выдачи копій на рѣшенія изъ присутственныхъ мѣстъ. Затѣмъ слѣдуютъ опять всевозможныя многоточія и глава «о чрезвычайныхъ законахъ» и опять земскія требованія отъ 6—9 ноября 1904 г. и крайне важное разногласіе между Шиповымъ и другими земцами, и рескриптъ на имя Булыгина, и опять земскіе адреса и резолюціи, и земскій проектъ конституціи, и булыгинская конституція 6 августа 1905 г., и въ концѣ концовъ даже опытъ политической программы, которая способна «сплотить вокругъ себя широкіе круги населенія». И все это съ длиннѣйшими комментаріями, написанными дубовымъ языкомъ, безъ системы, безъ какой-либо перспективы въ оцѣнкѣ идей и фактовъ и при полномъ отсутствіи намека на соціальную основу политической жизни. Глубоко характерно для нашего премудраго «глоссатора» является тотъ фактъ, что онъ совершенно не замѣтилъ при перечисленіи политическихъ партій въ Европѣ какихъ-либо иныхъ, кромѣ консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ! Нельзя не видѣть здѣсь хитрости «законоискусника». Будучи преисполненъ приказно-канцелярскаго воззрѣнія на слова и термины, онъ рѣшилъ, очевидно, что лучшимъ путемъ для истребленія соціалистовъ является прямо умолчаніе о самомъ ихъ имени въ ряду другихъ политическихъ партій. И въ то время, какъ по всей Россіи гремитъ пропаганда соціалистическихъ идей, г. Дружининъ закрылъ своимъ перстомъ самое существованіе соціализма...

Мы положительно предостерегаемъ читателей противъ пріобрѣтенія разсмотрѣнной нами книжки г. Дружинина. Платить рубль за пріобрѣтеніе текста булыгинской конституціи, декабрьскаго указа и т. п. актовъ, да еще съ присовокупленіемъ пары земскихъ резолюцій и цѣлаго пуда невразумительныхъ разсужденій—это положительно дико. За тотъ же рубль можно пріобрѣсти не только

текстъ «дѣйствующей конституціи», но и, по крайней мѣрѣ, полдюжины хорошихъ книжекъ.

В. Мюнхъ. Будущая школа. Пер. съ нѣм. С. И. Кондратьева Изд. К. И. Тихомирова. Москва. 1906. 250 стр. Цѣна 1 р. 25 коп.

Книга нѣмецкаго педагога носитъ подзаголовокъ — «Утопіи, идеалы, возможности»—и появляется въ русскомъ переводѣ весьма кстати: мысли о будущей школѣ, разумѣется, какъ нельзя болѣе по плечу тѣмъ, у кого въ настоящемъ нѣтъ, въ сущности, никакой школы. Отрицательная работа продѣлана: анархія внутри и позоръ извнѣ дѣлаютъ нашу правительственную среднюю школу какъ бы несуществующей; есть учебныя заведенія, посѣщаемыя юношами и свидѣтельствующія объ этомъ безрезультатномъ посѣщеніи соотвѣтственными аттестатами; но школы, какъ системы, школы, какъ міровоззрѣнія, нѣтъ; нѣтъ и предпосылокъ для ея созданія. Быть можетъ, лишь злосчастное поколѣніе, выросшее въ этихъ чудовищныхъ условіяхъ, найдетъ возможность для необходимой органической работы, для учрежденія русской національной школы. Пока приходится только присматриваться къ тому широкому движенію на Западѣ, которое ставитъ на своемъ знамени девизъ обновленія школы.

Объ этомъ движеніи даетъ представленіе книга Мюнха. Она состоитъ изъ двухъ частей: обзора новой педагогической литературы и самостоятельныхъ практическихъ предложеній автора. Сдѣлать обзоръ исчерпывающимъ не входило въ его намѣренія; онъ взялъ полтора десятка наиболѣе типичныхъ и общихъ сочиненій послѣдняго времени, чтобы разобраться въ основныхъ тенденціяхъ. Преобладаютъ нѣмцы, но изложены и разобраны также книги трехъ французовъ и одного американца, а Элленъ Кей, работѣ которой авторъ удѣляетъ особенно много вниманія — столько же нѣмецкая, сколько шведская писательница. Она занимаетъ въ обзорѣ первое по порядку мѣсто,—быть можетъ, не только потому, что проф. Мюнхъ расположилъ свои отзывы въ порядкѣ убывающаго радикализма авторовъ. Въ одномъ, однако, сходятся разнообразные авторы: радикалы или постепеновцы, они всѣ являются новаторами, всѣ согласны въ низкой оцѣнкѣ существующей школы; вопросъ только въ способахъ и путяхъ ея обновленія. Особенно полное единогласіе по двумъ вопросамъ: вопросу о положеніи въ учебной системѣ древнихъ языковъ и о необходимости приблизить школьное образованіе къ нуждамъ дѣйствительной жизни. Самая масса обновительныхъ проектовъ свидѣтельствуетъ о ненормальности положенія школьнаго дѣла на Западѣ. Картина нѣмецкихъ школъ, нарисованная Л. Гурлитомъ, приводитъ въ содроганіе: «Каждый часъ начинается съ вѣчнымъ однообразіемъ 20 — 30 минутнаго допроса. На одну похвалу приходится пятьдесятъ пори-

цаній. Занятія учениковъ проходятъ подъ непрерывнымъ гнетомъ ужаса и возбужденія; ужасъ и безпокойство все время изнуряютъ нервы учениковъ... Школьникамъ предписываютъ, какъ нормальный, рабочій день въ 12 часовъ. Испытаніе зрѣлости похоже на уголовный судъ по особо важнымъ преступленіямъ... Въ учебники все болѣе и болѣе вводится страшное количество научнаго балласта со временъ праотцевъ... Какъ печальный результатъ слишкомъ повышенныхъ требованій и къ тому же полицейской системы воспитанія, являются попытки къ обману, которыя не кажутся для совѣсти ученика неправдой... Отсюда становится яснымъ, почему отношеніе семьи къ школѣ попросту можно назвать ненавистью». Въ этихъ условіяхъ совершенно понятенъ крахъ европейской школьной системы въ моментъ, который могъ представляться ея сторонникамъ апогеемъ ея величія. Авторъ остроумно сравниваетъ ея судьбу съ судьбой феодальнаго рыцарства: какъ разъ тогда, когда его военная техника дошла до предѣловъ совершенства, наступательное и оборонительное орудіе отвѣчало высшимъ требованіямъ, а сомкнутый строй дѣлалъ неуязвимыми колонны закованныхъ всадниковъ, побѣда которыхъ представлялась неизбѣжнымъ результатомъ,—въ это самое время швейцарскіе мужики совершенно неожиданно разбили австрійскихъ рыцарей, легко-вооруженные англичане—броненосныхъ французовъ. «Разъ была выдвинута впередъ легкая подвижность отдѣльныхъ частей, тѣмъ полнѣе былъ произнесенъ смертный приговоръ твердой общей связи».

Эту «подвижность отдѣльныхъ частей» охотно допускаетъ авторъ. Его можно было бы въ общемъ назвать разумнымъ консерваторомъ, но, если имѣть въ виду не столько его сдерживающее отношеніе къ боевой критикѣ, сколько его рѣшительныя предложенія, то онъ во многомъ представится настоящимъ еретикомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ для школьныхъ рутинеровъ, что его ужъ никакъ нельзя упрекнуть въ склонности къ радикальной ломкѣ ради ломки. Горячій и глубоко сознательный поборникъ саморазвитія въ школѣ, Мюнхъ допускаетъ индивидуальную свободу учениковъ старшихъ классовъ до права выбирать нѣкоторые предметы. Въ области женскаго образованія онъ стоитъ за раздѣльность школъ, но не потому, чтобы онъ желалъ понизить требованія, предъявляемыя къ женской школѣ, но потому, что стоитъ за индивидуализацію школы: женская школа должна научить тому же, что и мужская, но «методы, духъ и тонъ преподаванія не только могутъ, но и должны быть другими, чтобы быть правильными, будутъ ли то занятія исторіей, литературой, естествовѣдѣніемъ, математикой, вопросами религіи, сочиненіями, иностранными языками и т. п.». Здѣсь, конечно, сыграли свою роль нѣмецкія традиціи автора. Вопросъ о подготовкѣ надлежащаго педагогическаго персонала заставляетъ его коснуться мимоходомъ также университетской жизни. Академическая свобода — какъ ее понимаютъ въ Германіи,—то есть свобода студента учиться въ универси-

тетѣ чему угодно, и у кого угодно внушаетъ ему нѣкоторыя опасенія: «цѣнная для лицъ съ широкимъ полетомъ мысли, для самодѣятельности самородковъ, она всѣхъ людей посредственности, нерѣдко даже и болѣе выдающихся, ведетъ къ безпомощности, сбиваетъ съ прямого пути, и очень много людей потомъ сознаютъ съ грустью, что пройденный ими путь былъ путемъ заблужденій и безполезныхъ блужданій». Здѣсь, конечно, трудно рѣшать безъ практическихъ данныхъ. А priori симпатичнѣе принципъ, формулированный Паульсеномъ въ его популярныхъ лекціяхъ объ университетской наукѣ: «Мы рискуемъ юношами, чтобы добыть мужей». Но кто знаетъ, выходятъ ли изъ этой системы дѣйствительно мужи. Классическая страна академической свободы есть въ тоже время страна классическихъ филистеровъ, тогда какъ Оксфордъ и Кембриджъ съ ихъ монастырской регламентаціей выпускаютъ самобытныхъ людей самостоятельной мысли и характера. Рѣшающимъ и этотъ фактъ назвать, конечно, нельзя.

Во всякомъ случаѣ книга Мюнха даетъ такое разнообразіе свѣдѣній и наталкиваетъ на такое множество мыслей, что знакомство съ нею можно порекомендовать всякому, интересующемуся вопросами школьной жизни. Жаль только, что хорошая книга буквально изуродована переводомъ неуклюжимъ, безграмотнымъ и часто непонятнымъ безъ обратнаго перевода на нѣмецкій языкъ. Особенно хороши разговоры о первомъ «днѣ художественнаго воспитанія» въ Дрезденѣ и второмъ «днѣ художественнаго образованія» въ Веймарѣ. Переводящій съ нѣмецкаго книгу, «преподаватель Шелапутинской и Медвѣдниковской гимназій въ Москвѣ» могъ бы знать, что Tag по-нѣмецки значитъ не только день, но и съѣздъ.

А. Ярошъ. Происхожденіе душъ и элементы познанія. Спб. 1906. III. 125 стр. Ц. 1 руб.

Одна изъ тѣхъ книгъ, при чтеніи которыхъ прежде всего возникаетъ вопросъ: зачѣмъ она написана?

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ не претендуетъ на оригинальность и въ то же время не хочетъ просто познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ вопроса, а, напротивъ, въ небольшой, разгонисто напечатанной книжкѣ судитъ и рядитъ чуть ли не о всѣхъ философскихъ вопросахъ; при чемъ онъ то авторитетно указываетъ (слѣдуя Паульсену, но не упоминая объ этомъ) четыре основныя проблемы философіи, то совершенно голословно заявляетъ, «что увѣренія спиритуалистовъ еще болѣе не продуманы, ребячливы и безосновательны, чѣмъ увѣренія матеріалистовъ» (стр. 70; мы не касаемся вопроса, насколько вѣрно это утвержденіе, мы отмѣчаемъ лишь фельетонную манеру автора). Затѣмъ, мы на стр. 104 столь же неожиданно узнаемъ, что «конечно, всѣ животныя одушевлены, а, слѣдовательно (?), и всѣ растенія

одушевлены». Наконецъ, въ трехъ строкахъ примѣчанія къ стр. 110 рѣшенъ и великій вопросъ химіи, ибо здѣсь мы узнаемъ, что «по нашему представленію, кислородъ отличается отъ водорода не своимъ матеріаломъ, а лишь характеромъ его сочетанія».

Однимъ словомъ, это—скучно написанный фельетонъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Арнольдъ Аріэль. Мракъ. Драматическая греза. Второе изд. М. 1905. Ц. 1 р.

Лидія Тацына. Стихотворенія. Вильна. 1906. Ц. 60 к.

Басни Косаря. ***Гр. Кайзермана***. Изд. Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Къ свободѣ и свѣту. Стяхотворенія ***З. Н. Оболенской***. М. 1906. Ц. 1 р.

Дикобразъ или царство дѣтей. Комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ ***В. Леви***. Книгоиздательство „Жизнь и „Театръ". Спб. 1906. Ц. 40 к.

Евгеній Мазепинъ. Повѣсти и разсказы изъ сельской жизни. Кадниковъ. 1906. Ц. 1 р.

М. В. Ильинскій. Архангельская ссылка. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Н. Симбирскій. Правда о Гапонѣ и 9-мъ января Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

М. Д. Чадовъ. Славянофилы и народное представительство. Харьковъ. 1906. Ц. 40 к.

Т. О. Бѣлоусовъ. Что такое земство. Иркутскъ. 1906. Ц. 5 к.

Кн. А. С. Кудашевъ. Аграрный вопросъ въ Россіи съ точки зрѣнія сельско-хоз. техники. Изд. Н. К. Мукалова. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

Н. Четвериковъ. Изъ деревни по поводу реформъ. Маріуполь. 1906. Ц. 15 к.

Ф. А. Львовъ. Лиходѣи бюрократическаго самовластія, какъ непосредственные виновники первой русско-японской войны. Спб. 1906. Ц. 50 к.

С. Верхоянцевъ. Что дѣлалъ со своимъ народомъ французскій король и что народъ сдѣлалъ съ нимъ. Изд. „Братство". Спб. 1906. Ц. 15 к.

Проф. ***Ж. Вейлъ***. Исторія соціальнаго движенія во Франціи (1852—1902). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1906. Ц. 2 р.

Тюрьмы въ Россіи. Очерки ***Д. Кеннана***. Спб. 1906. Ц. 20 к.

І. Рейнъ. Японія. Выпускъ III. Изд. С. Т. Туманина. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Проф. ***М. Грушевскій***. Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. Спб. 1906. Ц. 25 к.

М. П. Щепкинъ. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. М. 1906. Ц. 1 р.

И. М. Любомудрова. Введеніе въ исторію метафизики. Изд. бр. Гусевыхъ. Ковровъ. 1906. Ц. 15 к.

Д-ръ ***Ин. В. Дагаевъ***. Искусство работать. Умственный трудъ, его гигіена и методика. Ц. 25 к.—***Его же***. Народное здравіе и насущные вопросы медицинской организаціи. Ц. 60 к. Изд. „Медицинскаго журнала". Спб. 1906.

Спутникъ читателя. Составилъ ***А. Бутневичъ***. М. 1906. Ц. 15 к.

За книжкой № 1. Книгоизд. „Сѣятель". Н.-Новгородъ. 1906. Ц. 7 к.

Полное собраніе сочиненій ***Н. Г. Чернышевскаго*** въ 10 томахъ. Изд. М. Н. Чернышевскаго. III и IV тт. Цѣна по подпискѣ 20 р.

Изданія т-ва „Знаніе" въ Спб.: ***Е. Чириковъ***. IV т. Пьесы, 2-ое изд. Ц. 1 р. — Сборникъ т-ва „Знаніе". Книги VIII, IX и X. Ц. по 1 р.

Книгоиздательство „Новое Слово" въ Москвѣ: ***Н. И. Тимковскій***. Свобода, равенство, братство. Ц. 8 к.—***Н. А. Крашенинниковъ***. Погромъ. Ц. 5 к.—***И. А. Петровскій***. Права и обязанности народныхъ представителей. Ц. 5 к.

Изданія І. Постмана и Б. Ревзина въ Спб.: Проф. ***Ф. Штаудингеръ***. Этика и политика. Ц. 15 к.—***Эд. Бернштейнъ***. Парламентаризмъ

и соціалъ-демократія. Ц. 15 к.—***Эм. Вандервельдъ***. Соціалистическій строй. Ц. 15 к.

Издательство „Товарищъ" въ Спб.: ***П. Гуревичъ***. Почему нѣтъ сильной соціалъ-демократіи въ „свободной" Америкѣ? Ц. 8 к.—***Его же***. Роль интеллигенціи въ соврем. рабоч движеніи. Ц. 4 к.

Книгоиздательство „Эпоха" въ Спб.: ***Д. Зайцевъ***. Кризисъ и безработица. Ц. 8 к.—***А. Шлихтеръ***. Госуд. дума и ея роль въ освободительномъ движеніи. Ц. 12 к. — ***К. Марксъ***. „Критика Готской программы". Ц. 5 к.—Невскій сборникъ. I вып. Ц. 70 к.

Книгоиздательство „Обновленіе" въ Спб.: ***Л. Н. Толстой***. „Единое на потребу". Ц. 8 к.—***Его же***. Николай Палкинъ. Ц. 3 к.—***Его же***. „Не убій". Ц. 3 к.

Изданія О. Н. Поповой въ Спб.: ***П. Эльцбахеръ***. Анархизмъ. Ц. 80 к. — ***А. Луначарскій***. Отклики жизни. Ц. 80 к —***К. А. Ковальскій***. Война. Разсказы. Ц. 80 к.—***І. Давыдовъ***. Какъ расходуются народныя деньги. Ц. 5 к.—***Б. Вологдинъ***. Чему жизнь рабочихъ учитъ. Ц. 6 к. — ***А. Ельницкій***. Первое мая въ Россіи. Ц. 8 к.—***Д. Зайцевъ***. Государственное страхованіе рабочихъ. Ц. 8 к.—***П. Румянцевъ***. Крестьянство и соціалъ-демократія. Ц. 5 к.—***К. Пономаревъ***. Пролетаріатъ на Кавказѣ. Ц. 7 к.—***А. Глѣбовъ***. Общественныя работы. Ц. 12 к.

Книгоиздательство „Молодая Россія" въ Москвѣ: ***Л. Шишко***. Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. Ц. 20 к. — ***А. Рудинъ***. На ту же тему. Ц. 20 к.

Книгоиздательство „Новое Товарищество" въ Москвѣ: ***Шарль Ристъ*** Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Ц. 1 к.—***Бельфортъ Баксъ*** и ***Г. Квелчъ***. Соціалистическій катехизисъ. Ц. 20 к.—Протоколъ делегатскаго совѣщанія всероссійскаго крестьянскаго союза въ Москвѣ. Ц. 30 коп.

Книгоиздательство „Дѣло" въ Спб.: ***Мих. Оленовъ***. Идеологія русскаго буржуа. Ц. 50 к.—***И. Чернышевъ***. Памятная книжка марксиста. Ц. 1 р.

Изданія М. В. Пирожкова въ Спб.: ***Д. Мережковскій***. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. Ц. 4 р. 50 к.—***Его же***. Вѣчные спутники. Ц. 40 к.—***Н. П. Карабчевскій***. Второе прибавленіе къ книгѣ „Рѣчи". Ц. 25 к.—***М. М. Могилянскій***. Усталые. Драма. Ц. 50 к.—Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Ц. 1 р. 25 к. —***Эрнестъ Ренанъ***. Жизнь Іисуса. Ц. 1 р. 50 к

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „Колоколъ" въ Спб.: ***В. Я. Канель***. Фабричная медицина и бюрократія. Ц. 8 к.—***В. Либкнехтъ***. Изъ исторіи Германіи XIX в. Ц. 25 к.—***Люсьенъ Декавъ***. Фленго. Ц 3 к.—***Октавъ Мирбо***. Дурные пастыри. Ц. 10 к.—***М Батыревъ***. Что такое бюрократія. Ц. 4 к. — ***К. Марксъ***. Классовая борьба во Франціи. Ц. 20 к.—***К. Марксъ***. Классовое рабочее движеніе въ Англіи. Ц. 10 к.—Бернштейнъ и соціалъ-демократическая программа. ***Карла Каутскаго***. Ц. 50 к.—***Кампфмейеръ***. Соціалъ-демократія при свѣтѣ исторіи культуры. Ц. 20 к.—***П. Лафаргъ***. Трудъ и капиталъ. Ц. 25 к.—***А. Блюмъ***. Какая свобода нужна рабочему классу. Ц. 10 к.—***Адольфъ Росси***. Движеніе въ Сициліи. Ц. 25 к. — ***Э. Мейеръ***. Экономическое развитіе древняго міра. Ц. 20 к.—***М. Таганскій*** Демократическая республика и Новая Зеландія. Ц. 5 к.—***Минаевъ***. Восьмичасовой рабочій день. Ц. 10 к.—***Его же***. Изъ исторіи рабочаго класса. Ц. 10 к. ***Станиславъ (А Вольскій)***. Къ вопросу о національзаціи земли. Ц. 25 коп.

ОПЕЧАТКИ.

Въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства" въ статьѣ **Діонео** „Призывъ"

		Напечатано:	*Надо:*
24	стр.	Политика мнѣ ничего не говоритъ.	Палестина мнѣ ничего не говоритъ.
„	„	былъ на четверенькахъ	бѣгалъ на четверенькахъ.
28	„	кареты тронулись	нарты тронулись.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко***.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ А. Михайловой—5 р.; И. Михайлова—5 р.; Милицы—1 р.; Нины-1 р.; Зои—1 р.; Вѣры—1 р.; З. Аргуновой—1.; Володи—3 р.; А. Жупанова—1 р.; А. Шольянъ—1 р.; Б. Хаймовичъ—3 р.; Коникова—50 к.; М. Владина—1 р.; Н. Полякова—3 р.; И. Шнеевейсъ—2 р.; Х. Эй—2 р.; отъ О. Ваньковичъ, изъ Тамбова—4 р.; отъ в-ча Кохановскаго, изъ Урумчи—200 р.; отъ Е. Львова—9 р.; отъ ветер. в-ча Каменекаго—50 р.; черезъ в-ча П. Яценко—26 р. 45 к.; отъ Л. Гржановскаго, со ст. Константиновской—5 р.; отъ кружка народн. учит., изъ Одессы—15 р.; отъ М. Демченко, со ст. Грабаровки—6 р.; отъ Б. Зозулинскаго—100 р.; Могульянъ Г.—10 р., Колмакова—10 р., А. Трофимова—5 р., А. Тучкова—5 р., Балыгина И.—5 р., Касаткина-5 р., Данненбергсона—5 р., В. Шасталова—5 р., Юйпоохе—11 р. 63 к., Суздалева Г.—5 р., С. Русина—3 р., П. Щербинина—3 р., З. Горѣева—3 р., И. Рогова—2 р., Е. Чижова—2 р., Д. Черкасова—1 р., Д. Карнатовскаго—2 р., Батанова—1 р., Лягина 1 р., Мочалкина—1 р., Шилкова—1 р., С. Соснина—15 р., Плохотина—6 р., Аконьянца—5 р., Меркулова—15 р., изъ Харбина; отъ Ровенскаго, изъ Харбина—1867 р.; отъ Боджарова, изъ Харбина—818 р. 20 к.; отъ ветер. в-ча Каменскаго—20 р.; отъ сестеръ Над—скихъ—5 р.; отъ Васильевскаго муж. уч-ща въ Полтавѣ—3 р.; отъ N.—3 р.; отъ в-ча П. Чистякова, изъ с. Курашинскаго—2 р.; черезъ П. Ошарова, изъ Канска—150 р.; отъ В. П., А. Н. и Ю. В. Колодчевскихъ—25 р.; отъ редакціи газ. «Харьковскій Листокъ»—20 р. 93 к.; отъ прихожанъ Бухторминскаго прихода, Устькаменогорскаго уѣзда—6 р.; отъ П. Клюшника, со ст. Александрополь—15 р.; отъ причта Александр.-Невской больничной церкви въ г. Перми—2 р.; отъ П. Іюдиной, изъ Костромы—300 р.; отъ Г. Халецкаго, изъ Вязьмы—3 р.
Итого . . . . 3812 р. 71 к.

———

Въ пользу борцовъ за освобожденіе русск. народа: отъ Н. Мирошникова, изъ Стрѣтенска—2 р.; черезъ проф. Мандельштама, изъ г. Кристинестада—38 р. 25 к.; черезъ студента Ѳ. Мосягина—1100 р.
Итого . . . . 1140 р. 25 к.

———

Въ пользу шлиссельбургцевъ: отъ неизвѣстнаго—5 р.

———

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ—освобожденныхъ и заключенныхъ: отъ капит. Адова—50 р.; отъ штаб. капит. Шейковскаго—50 р.; отъ N.—5 р.; отъ А. С.—20 р. 20 к.; отъ Ѳ. Сперанскаго, изъ Тамбова—2 р.; отъ К. Романихъ, изъ с. Горюны—10 р.
Итого. . . . . 137 р. 20 к.

———

Въ пользу амнистированныхъ: отъ П. Русанова-1 р.

———

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января: отъ Н. Новоборской, изъ Кіева—3 р.

———

Въ пользу безработныхъ: черезъ В. Близняка, изъ Мстиславля—60 р. 31 к.; отъ К. Грачева, изъ Бѣжицъ—15 р.; отъ N. N.—30 р.; черезъ М. Осге, изъ Миттвейды—24 р. 61 к.
Итого . . . . 129 р. 92 к.

———

Въ пользу женъ и сиротъ, оставшихся послѣ смерти убитыхъ мастеровыхъ и рабочихъ жел.-дор. мастерскихъ и депо: отъ рабочихъ депо Китайско-Восточнойж. д.—548 р.

———

Въ фондъ безработныхъ железнодорожниковъ: отъ И. Шипко, изъ г. Александровска—10 р.

———

Всѣ вышеозначенныя суммы выданы по назначенію.

———

На устройство народной школы имени **Г. И. Успенскаго**, въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.: отъ Колокольникова, изъ г. Тары—5 р.

———

На сооруженіе памятника на могилѣ **Г. И. Успенскаго**: отъ сестеръ Над—скихъ—3 р.

———

На образованіе фонда политическаго просвѣщенія народа: отъ И. Притулова и Н. Алексѣева, изъ Иркутска—5 р.

———

На образованіе стипендіи имени **В. Г. Короленко**: остатокъ отъ портрета, повѣш. студентами въ читальнѣ сел. хоз. института—2 р. 04 к.

———

На библіотеку имени **Н. К. Михайловскаго**: отъ В. А. Безчетвертнаго, со ст. Качалинской-1 р.



AP
50
.R94

RUSSKOE BOGATSTVO
May-June
1906


U of Chicago
17967265